

Виталий Храмов

СЕГОДНЯ - ПОЗАВЧЕРА

Диалог
в одном
томе

- **Сегодня - позавчера - 1**
- **Сегодня - позавчера - 2**
- **Сегодня - позавчера - 3**

Annotation

Из нашего времени в 41-й. За что? что ему делать?

- -
  -

Храмов В.И.

Сегодня - позавчера

Предупреждение.

Атешин!

В наличии: русский попаданец, мегакрутой как всегда, песни, промежуточный патрон, командирская башенка, советы

Сталину

"Как нам обустроить мир", псевдофилософия, мистика, пафос и превозмогание, а также многое другое. Ахтунг! Множество ошибок, неточностей и нелогичностей. Эксперты одобряют. Шутки в стиле Петросняна, сопли, и самокопание и квасной (клюквенный) патриотизм также присутствует.

Личностям со слабой психикой, дерьмократам, либерастам, шовинистам и прочим особям с нетрадиционной моральной, этической и психологической ориентацией категорически не рекомендуется.

Пролог.

Сегодня.

Вот, блин, жара! Солнце нещадно палило. Прокалённый воздух маревом колыхался на месте. Ни дуновения ветерка. А тенёчка тут, на "горке" и не было никогда. Вода в канистре была тёплой и нисколько не

помогала. Тут же всё выпитое выступило потом, заливало глаза, разъедала их. Одежда, горячая, пахнувшая глажкой утюгом, стала жёсткой от впитанной соли пота. И снять нельзя. Так и жарься в рабочих ботинках, плотных синих рабочих штанах, в оранжевом сигнальном жилете.

Выпил третью кружку, четвёртую вылил в кепку, поболтал - прокалённый хэбэ выцветшей бейсболки не хотел впитывать воду. Да так с водой и напаялил на голову.

- Ух, гля, хорошо!

- Да, на пять сек. Потом хуже будет. Ну чё, за водой сходим? - Максим жадно затягивался сигаретой.

- Ну её! С кем другим сходи. Ты же знаешь - я тяговая животиная, не беговая.

- Ну, как хочешь. Я один пойду. А то опять Князь в истерику впадёт, заплюёт, если с собой кого возьму. Тады - засыпай.

Я пожал плечами. Укладка стрелочного перевода завершалась. Князев, руководитель работ, заканчивал выгрузку щебня - балласта на уложенную стрелку. Бригада, обречённо понурившись, старательно делали вид, что не понимают, что надо дальше делать, как-то по-тараканьи, прятались от глаз Князева, по-детски наивно надеясь, что пронесёт. Устали. Очень устали.

И ничего удивительного. Время к семнадцати, работать будем до двадцати - двадцати одного. А начали в семь. И так уже третий месяц. Да и бригада должна быть 15-17 человек, а нас - 9. Каждый пашет за двоих. Не идёт народ в путейцы. Работа каторжанская, оплата маленькая. Охранники за здоровый сон на рабочем месте больше получают. Ну, кто пойдёт в путейцы? Правильно - алкаши (им пить почти разрешают на рабочем месте), бездари и отчаявшиеся, типа меня. Поэтому и расшифровывают ПМС не как Путевая Механизированная Станция, а Последнее Место Ссылки. Ну, нет работы в нашем городе! Да и в области нет. Вон - полбригады из других сел - райцентров. А Москва - она не резиновая. Да и там Рамшаны с Джумшудами всех выдавили. Двое из бригады - "масквачи". На заработки поехали - вернулись с тем же, с чем и уехали, только старше на пяток лет.

Я взял свою лопату, облокотился на неё, закурил.

Я, как и все остальные, ненавидел свою работу. Дело даже не в том, что она тяжёлая. Нет. Меня трудностями не напугать. Здесь из тебя выдавливают всё человеческое, гнобят, гноят, морально растаптывают и ноги вытирают. А ты терпишь. Отбрёхиваешься только и всё. Уйти некуда - семья. Завод, где я проработал шесть лет - встал, разворованный

директорами и начальниками, как и остальные предприятия и хозяйства города и окрестностей.

- Заполняем шпальные ящики! - раздался надтреснутый голос. О, вот и мастер нарисовался. Голосок-то сел. Чё, укатывают сивку крутые горки? А, нет ещё. Вон опять с Морячком сцепился.

- Я только закурил!

- Не отвлекаясь от ааботы!

- Слушай, Богдан! Ты в армии служил?

Мастер ещё больше взъерепенился - упоминание о его неслуживости его задевали.

- Причём тут это?

- Даже в армии дают спокойно покурить.

- У нас не аамия!

- У нас турьма! - вставил реплику Дед, но шел уже с лопатой.

- Да вы специально сейчас закуу-или! Пока хопы-ы сыпали можно было укуу-ииться! Бо-осайте я сказал!

- Или я тихо сказал? - продолжил Лёшка, бывший мастер, вспомнив, видимо, кавээновскую шутку.

- Потому что тишина должна быть в библиотеке, - это уже я вставил свои пять копеек, продолжив шутку.

- Не брошу! - это опять Морячэк.

- Я тебя пъемии лишу.

- Тебя давно, наверное, не били, - вздохнул Морячэк.

- Чё ты сказал?

- Показал! Пошёл ты, начальник!

Морячэк бросил окурок, поднял совок и неспешно, прогулочной походкой пошел к нам - Князь нарисовался, вот Морячэк и закруглил спектакль.

Грохот металла лопат о гранитный щебень заглушил все звуки. Попробовал кто-нибудь бы перекидать каждый вечер по несколько десятков кубов щебня. И диеты не нужны. Живот втягивается, горб растёт. Тут незаметно превращаешься в двуногого верблюда.

Когда я только устроился, именно этот щебень меня больше всего убивал. Совок лопаты категорически отказывался лезть в кучу щебня - надо потряхивать лопату, толкая её. Руки немели сразу. Пробовал подталкивать корпусом - к ночи - синяк в паху и порванные на ширинке штаны. Не легко это. Совок за месяц стирается о щебень наполовину длины. А люди? А люди - не заметно. Да и не нужно это никому. Сейчас уже обвыкся. Но, блин, не на этой жаре. И так дышать нечем, ещё и пыль эта кремнево-

гранитная столбом стоит, окутала. Пот все глаза выел.

- Чё вы как военнопленные?!

О, Княже проявился. Скучно, видно, стало. Сейчас будет театр одного актёра. А где же зрители? Без посторонних он так не разоряется. А, вот и зрительный зал - это я через плечо оглянулся. Зам ДС, руководящий манёврами в "окно", манёвры-то закончились. Сейчас кран УКСП приведут в транспортное положение, нацепляют на него остальные подвижные единицы и алес. А вот и ШЧ. Да много шнурков - аж четверо. Местные - мастер, бригадир, путейцы горочного околотка. Какое представительное собрание. Спектакль будет фееричным и обидным.

- Чё вы еле шевелитесь? Вам эсэсовцев надо, чтобы вы, мудаки, работать начали нормально! И овчарок, да автоматы эсэсовцам! Живее! "Окно" заканчивается, а мы не пробивали ещё! Где этот долбак? Вот он ты! Где люди твои? Почему троих не хватает? Чё ты мямлишь? Какой обед? Какая вода! Сейчас я тебе дам и обед, и воду! Они же у тебя пьяные все! Ты чем тут занимаешься? Я - и стрелку ложи, и отсыпай! А ты - за людьми не можешь отследить? На хрен ты тогда нужен? Сам тогда лопату бери, раз с этим бычьём не можешь справиться. Вон они - я ж говорю - ужрались!

Все поворачиваются. Точно - два Гуся. Уже хороши. Богдан подрывается и к ним бежит, что-то орёт, руками машет. Игорь горестно кивает в ответ, кивает и идет. Он всегда согласный. Каждый день напивается под завязку этими дешёвыми "портвейнами" "Три сапога", официально именуемыми "777". А потом кивает. Хоть ты ори, хоть разорвись от визга - он кивает, но пить будет. Это он "москвач". Работал, работал, деньги обещали, обещали, да так и исчезли работодатели. Скоро сорок лет ему - ни дома, ни семьи, ни детей, но самое страшное - не будет. Лишь приобретённый алкоголизм, да пустота безнадёги в глазах. Он кивает.

Женька, тоже Гусев, он другой. Отсидел по малолетке за грабёж, в армии опять склад грабанул, так по жизни и будет никчёмным. Но, взрывоопасный. Идёт, набылчился. Он, может быть, считает, что вообще одолжение сделал окружающим, тем, что, пока, работает тут. А на него орут!

- Лёнь, смотри, ща чё-то будет! - толкаю я бывшего мастера.

Тот тоже перестаёт грести щебень, ставит лопату, черенок - подмышку, опёрся так. И я так же, повиснув на лопате, закурил.

А действо меж тем развивалось. Женька уже не молчал, а яростно "дискутировал", тоже жестикулируя. И тут Дылка (прозвище мастера - на железной дороге нет дырок, а лишь отверстия, кроме того, он калтавил, проглатывая "р"), совершил ошибку - встав на пути Женьки, толкнул его

двумя руками в грудь. А он пьяный. Полетел назад, запнулся, упал. Но пьяный под защитой неведомых сил - упасть так на спину на путях очень опасно - одни камни, да металл. Женька тут же вскочил, ужом метнулся, схватил лопату, замахнулся резко, ударил. Богдан-мастер увернулся, лопата грохнула о рельс, черенок переломился у основания, Женька опять взмахнул получившимся колом и погнал уворачивающегося Дылку по путям через "горловину" "парка" к зданию диспетчерской.

Мы ржали. От души. Истерично, зло.

Князев в это время звонил в милицию, но там его видимо послали "по инстанциям". Он кинулся на ДС:

- Вызывай охрану, что стоишь? А если он его убьёт?

Тот пожал плечами:

- Твои люди - ты и суетись. Убьёт - и поделом.

Ага! Получил от ворот поворот! А ты думал авторитет для них великий? Обломись, дядя! Ты - клоун! Хотя, нам же хуже. Сейчас на нас кинется. Ну, вот, точно.

- Чего вылупились? Придурков не видели? Сами такие же. Засыпайте! Бригадир! Где ты, твою мать? Чего ты опять там копаешься? Рельсоре́з не нужен будет больше сегодня. Давай, засыпай! Распустил бригаду! Как штрафники! Ходят, как в штаны наложили!

И так далее по тексту. Всё это мы уже не раз слышали. А Бугор (бригадир) и того больше. И копается с рельсоре́зом не потому, что тому ремонт нужен, а потому что пьян. Развезло его на жару сильно. Вот и сидит там с Воробьём. Оба в безсознательном состоянии, видимость создают, от Князя прячась.

Но, услышали. Но, за лопаты не взялись. Еще бы. Пьяные, пьяные, но дело своё туго знают. Типа они "механики", им не до лопат. Доковыляли до ЖЭСки (ж.д. электостанция бензиновая) подвигали её туда-сюда. Начали дёргать за шнур. Она, конечно же, не заводилась - принялась и заглохла. Я отсюда вижу - кранчик подачи топлива-то они не открыли. Специально, конечно. Сейчас подрыгают, провозятся, мы и засыпем всё без них к этому времени.

- Чё вы за ЖЭСку схватились? Рано ещё обвариваться. Лопаты берите. Лопаты берите!

Князь схватил их за шкурки, как котят нашкодивших, дёрнул. Они поднялись, пряча глаза, поплелись к лопатам, достали сигареты.

- Прячь курево! Лопаты берите!

Они мучительно долго надевали грязные, прорванные рукавицы, долго перебирали совки - у них "персональных", как у меня, не было сроду,

они же "МЕХАНИКИ!". А те, что там остались - уже не лопаты, а огрызки. Наконец, выбрали. Захрустели щебнем, загрохотали. А Князь всё это время над их головами разорялся какие он им "кары небесные" обеспечит. Как увольнять нас всех будет, как мы по-миру пойдём, как мы зарплату больше "в глаза" не увидим. Старая песня. Надоевшая. До боли душевной.

- Мы не рабы, рабы немые. Или уже рабы? - это опять у меня с языка сорвалось.

- Рабы. Мы ещё в ноги должны поклониться Князю, что уже месяц ночевать домой ходим, - ответил Лёня. - "Горку" закончим, уедем куда-нибудь в Ебуна, где и связи сотовой нет. Вот тогда! Хорошо если ночь с субботы на воскресенье дома проведёшь.

- Как в апреле?

- Под Воронежем-то цветочки были. Связь была, вода, помыться-искупаться. Вагон-столовую давали. Это потому, что шесть бригад было. А если одни поедем, с этим придурком - ни столовой, ни ноги помыть. Только и будет - давай, давай!

- Лёнь, никак к нам лятит?

Правда, вот он прискакал:

- Вы соединители снимали?

Мы жмём плечами. Это забота Князя и Бугра - определять, что снимать (сгружать) с "прикрытия" (платформа, половину которой занимает металлическая будка под инструмент), а что нет.

- Эти два Гирея - не мычат, ни телится. Так! Ты, - это он мне, - на ключи, принеси приварные соединители. Сколько надо-то?

- Четырнадцать.

Вчера укладывали точно такую же стрелку, ушло 14. Я запомнил. Я же за ними ходил вчера. Они их и вчера не сгрузили.

- Сейчас идти?

- Э-э, - Князь задумался. Блин, какой сложный вопрос! Тут столько думать надо!

- Может после Комплекта? - подсказал я.

- Да, как пробьём - иди.

- Чё сейчас не пошёл? - спросил тихо Лёня, когда Князь отошел, - пошкерился бы где-нибудь.

Я пожал плечами. Что сказать? Ступил.

- Придурок ты внатуре, Витёк. В нашем деле что главное? Поменьше хребет поломать. Потупить. Не как ты сейчас, а чтоб поменьше повкалывать. Пусть другие вкалывают. Как вон Бугор. Видел?

- Видел.

- А ты? Всё за общее дело переживаешь? А оно твоё дело? Оно Князя дело. Если всё получилось - он грудь колесом - он сделал! Вот он - какой молодец! А обсирается всегда не он. Всегда других своим гуаном засыпает. Который день он про соединители забывает, а виноват - Бугор. А их там всего 20 штук осталось. На завтра не хватит. Ему говорил ты вчера? Говорил. И чё? Ничё! Завтра будут "героические" метания "по недопущению срыва окна". На уши всех поставит.

Меж тем всё засыпали. Макс приволок воду. Холодную. Отпивались, отливались пока заходил Компакт - австрийская выправочно-подбивочная машина. С рёвом и грохотом Компакт начал работу. Земля под ногами сильно и часто завибрировала. Я закурил. Лёня не курил. До ста лет, наверное, дожить хочет. Или помереть здоровым.

- А нам-то что? - продолжал Лёнька, - Много мы положим стрелок или мало, много нас народу будет или мало - зарплата не измениться. Вот и скажи, что мы сдельщики. Вот сейчас ты наряды за этих горлопанов пишешь, вот скажи - так или не так? Не закроют они больше 115% выработки, хоть ты тресни по шву. А у нас больше 250%. Все наряды перерисуют. Или расценки срежут. А вот Князю будет разница. Да и начальнику будет. Объёмы-то приличные, зряплата та же, по фонду зарплаты экономия. Начальнику - премию за экономию, ему же с Князем по ордену от железки за заслуги, за перевыполнение плана по штуко-километрам, ещё по премии. А нам - сосите вы, ребята, сосновые шишки в НовоЕбуново.

- Орден Сутулого, - поддакнул Дед, - с закруткой на спине.

Появился мастер. Живой. И даже не побитый, тварь! Один пришёл.

- А Женька где? - это Бугор.

- Менты забрали. Он и с ними подрался. Дубинками его откиздели.

- Ну, ты и сука, начальник!

- Кто сказал?

- Да все! Чё, всех сдашь? Сдавай! Давай! Щас звони! - Бугор вскочил, рванул на груди "желтуху" (сигнальный жилет), петухом пошёл на мастера.

- Хорош, Бугор, - это я уже встречаю, - охлани!

- Шёл бы ты, мастерок, к остальным ублюдкам, в смысле, начальникам. Тебе с ними привычнее. Да и нам спокойнее, - это Морячёк.

- И вонять перестанет, - это Дед.

Мастер, "сделав обиженного", отошёл, но к Князю не пошел, присел в сторонке, закурил.

- Вот уроды!

- Да Женёк и сам виноват, - сказал Игорь, - я ему говорил - тебе

хорош, по тебе охереть, как видно. Да и пить он не умеет. Псих.

- Ты умеешь? - спросил я его. Люблю Игоря подколоть, - Клоун.

- Да, достал ты. "Клоун, клоун". Зато не псих. Выпил - не отвечавай. А этого постоянно на приключения тянет. И Максимку нашего за собой тащит.

Хороший он мужик, Игорь. Но потерялся он где-то по жизни. Заблукал. Потому и беспутный. Попал в замкнутый круг без надежды выбраться. Да и я, тоже в ж... в этом самом месте, но я не пью. Совсем. Потому пока и сохранил и жену, и сына. А запью - с горя, да с безнадёги - стану, ну точно Игорем. Себя вероятного в нём вижу.

Максимка - иной вариант. Он не стал взрослеть. В двадцать пять он сохранил разум подростка. Чисто дитё. Тоже своеобразная защитная реакция психики - нежелание воспринимать мир всерьёз. Тоже сильно пьёт. Но больше - просто за компанию. Не может отказать. Возможно, считает, что это круто. Дитё есть дитё. Этого принять я не могу. Какая-то страусиная позиция - спрятаться.

Одни прячутся в опьянении, этот - в детстве.

Компакт закончил работу. Князь поднялся в машину - маршрутный лист бригаде подписывать, Дылка схватил шаблон. Я подошел к домкрату, проверил его. На домкрате легче. Не то чтобы Лёнькины слова дошли до меня, просто эта жара меня доконала. Пусть подбойками другие поработают. Они же решили опять поиграть в тупых - ничего не знаю, ничего не слышу, не вижу, ничего никому не скажу. Князь рывкнет - пойдут. А домкраты заняты - Лёнька за второй вцепился.

- Пробиваем флюгарочные брусья! - Княже проявился. Мастер уже уровень выставляет. Потацил и я двухпудовый домкрат.

- Принёс соединители? - похоже, это он мне.

- Нет ещё.

- Ну, так неси. Домкрат вон Дед возьмёт.

Он поднял рацию:

- Горка?

- Да, горка, слушаю, - прошипела рация.

- Докладывает руководитель работ Князев. Работы по замене стрелочного перевода N.... закончены. Ограждения сняты. Можно распускать.

- Поняла... ш... п... - Дальнейшего шипения я не слышал - всегда плохо воспринимал речь через рацию или громкоговорители, не разбирал.

Вот так вот. Ещё делов часа на четыре, но он открыл движение! Отчитался. Молодчик! Ещё сорок минут окна было, но он быстренько

отчитался. В акте приёмке поставят красивое время. Да кого колышет? Ну и что, что опасно это?

Я топал по шпалам в "парк". Там отстаивалось наше "прикрытие". На соседних путях работали тоже наши. Две бригады, человек сорок, мельтешили оранжевыми букашками. Некоторые замахали руками, видимо узнали. Я тоже поднял руку в приветствии. Они не унимались, ещё больше народа махали, что-то кричали, тыкали руками в меня, указывая за меня.

Я обернулся. По этому же пути ехал на меня полувагон. Тихо ехал, неспешно и неслышно.

Я уже говорил, то я животное не беговая, а тяговая? Я и живу так же неспешно, и соображаю также неспешно, но основательно. Жена вообще называет меня тормозом. Поэтому, когда я увидел вагон, прущий на меня с неизбежностью смерти, первой моей мыслью была, конечно же, не правильная, а именно: "Какого хрена он тут делает? Окно же!" Тут я вспомнил, что движение-то уже открыли.

И я прыгнул из колеи пути, но поздно. Я как обычно - ступил, стормозил. Я видел, в прыжке, приближающийся тёмно-зелёный угол полувагона. Я понял, что не успеваю. Всё. Алес купут. Финита ля комедия. Эта штука не е... не ест, а давит.

Я не боялся. Совершенно. Страху не было совсем. Его уже давно во мне не было совсем. Уже с десятков лет я ничего не боялся совершенно, даже смерти. Жена говорит, что я настолько тормоз, что не успеваю испугаться. Но я думал совсем не об этом. Последней и единственной мыслью было: "И это - всё? Так Бессмысленно и Бесполезно? Где смысл? И для чего же я жил?"

Удара не почувствовал. Просто наступила Тьма.

Ничто в Нигде.

Боли не было. Ничего не было. Полное отсутствие всего. Вообще ничего. Полная, абсолютная темнота. Но, я же думаю! Я мыслю, значит, я - существую. Цитата. Не помню откуда. Я живой. Или как?

Долго. Сколько - непонятно. Долго-долго ничего не происходило. Потом что-то изменилось. Мне показалось, я начал двигаться. Как двигаться? Непонятно. Тела своего я не ощущал. Ногами не шел. Ничего не ощущал, кроме изменения моего местоположения относительно предыдущего местоположения. Падение? Полёт? Не знаю - как это - полёт? В свободном полёте быть не приходилось. На падение похоже. Тут уж у меня большой опыт, в падениях. Но падал я не вниз, как должно быть, а как-то вбок.

Ещё изменение - источник света вдали. В кромешной тьме - ответ

далёкой призрачной звёздочки. Как только я увидел едва различимый отсвет, появилось новое ощущение - боль. Боль! Блин, как я не любил боль! Я ужасно плохо переношу боль. Не могу её терпеть, вернее - терпеть её не могу! Ничего никогда не боялся, а боль не переношу.

Звездочка пропала. Пропала и боль. Повисло опять Ничто темноты. И движение прекратилось.

Не-ет, так не пойдет! Да, приятно, конечно же, когда ничего не болит (а чему, кстати, болеть-то?), но Ничто меня не устраивает. И я рванул(ся чем?) в сторону, где отблёскивал до этого свет.

Опять появилась звёздочка, появилось падение, вернулась боль. Но, теперь для продолжения падения приходилось прилагать усилия, будто я толкал что-то на подъём горы, хотя тела я по-прежнему не чувствовал. Да ещё терпеть боль. Это тоже тяжело. Говорят, к боли привыкают. Не знаю. Невозможно привыкнуть к этому мучению.

Что же там, в конце? Что за свет? Свет, причиняющий боль? Чем я ближе "падал" к нему, тем больнее было. Но я "толкал" "падение" всё сильнее, преодолевая всё усиливающиеся мучения. Когда стало невозможно терпеть, я стал кричать, орать, потом просто голосить во всю мощь (чего?), но упорно "толкал" к свету.

И вот Свет залил Всё. Остался только Свет. И Боль. Мука. Мучение.

- Кто ты? - раздалось громоподобно.

- Я? - удивился я.

- Кто я - я знаю. Кто ты?

А кто я? Кто Я? Имя? Что имя? Как меня зовут? Да все по-разному. Коверкают имя, вешают прозвища. Мама, жена, сын, ребята с работы, одноклассники - все по-разному. Каждый хоть чуть, но иначе. Как я сам себя называю? А кто сам себя называет, ну если сам перед собой? Я и есть Я. Имя - чувствую. Придуманное людьми идентификатор. Перед этим Голосом и Болью - имя - чувствую.

А что? Социальный статус? Место в обществе себе подобных? Пыль. Я - пыль. Миг между прошлым и будущим. Выживал, старался, учился, терпел. А сейчас что значит всё это, вся моя прошлая жизнь? Чувствую.

Что я для людей? Для любимой жены, для того набожного мальчугана - сына моего, для матери? Они мне дороги, я им дорог. Я - муж, отец, сын? Со стыдом и болью я вспомнил, как причинял боль обид, невнимания дорогим мне людям. Стыдно. Больно. Плохой муж, плохой отец, никудышный сын. Опять не то!

А что ещё? Работа? Служба? Не служил. Работу ненавижу. Нет, я - не лентяй. Ну, не больше других. Не было у меня работы, которую можно

было бы назвать Делом, заниматься Делом и быть довольным. От всех способов зарабатывания средств к существованию оставался только стойкий осадок Мозгоё...ства. Напрасно потерянное время. Не мог я себя назвать ни Экономистом, ни Металлургом, ни Путейцем. Как один сказал: "Мы поколение Коекакеров". Вот это точно. Но, тоже - чушь.

- Я не знаю, - ответил, наконец, я, - Я - Никто.

- Никому место в Нигде. Зачем шел ты на Свет, терпишь Мучение?

- Не хочу в Нигде. Не хочу быть Никем. А к Свету всегда надо идти. Иначе нельзя. А Мучение? Бог терпел - и нам велел. Терпимо. Это что-то. Лучше Небытия. И так всю жизнь это - НИ. Ни-жизнь, ни-смерть, ни-друг, ни-враг, а всё только - ТАК... Ни то, ни сё. Небытие. Унылое Ничто. Постоянно.

- Почему шел через Мучение на Свет? Легче же было наоборот?

- Легче, - согласился я. - Легче не значит лучше.

- Почему? - опять прогремел гром.

- По кочану! Не знаю! Так надо!

- Кому надо?

- Мне!

- А ты кто?

- Я? Я - человек! Мужик! Для трудностей я создан!

- Помни об этом. Не забывай!

Раскаты грома катались волнами вокруг. Отдаляясь, приближаясь, схлёстывались друг с другом, дробились друг об друга.

- Жить хочешь? - спросил тот же голос, но тише, без громовых раскатов.

- Не знаю. Особо и нет. Только...

- Только...

- Родные мои. Нужен я им. Жене нужен муж, сыну - отец, матери - сын.

- У них будут они. Может лучше, чем ты.

Если бы у меня была бы голова, я покачал бы ею, были бы губы - поджал бы их.

- Это врят ли. Будет ли он любить их, как я? Заботиться о них? Никому не доверю. Надо жить. Потому и живу. Для них.

- Ой, ли?

- Упрёк справедлив, согласен.

Раскаты грома совсем стихли. Но что-то гремело всё равно. Это Боль. Мучение уже гасило Свет.

- Так что же с тобой делать?

- Не мне, видимо, решать.
- Не тебе. А чего хотел бы ты?
- Положи где взял.

Опять загрохотало, оглушило. Мне становилось всё хуже.

- Может быть... - пророкотало, - и будет по-твоему. Но будет тебе Испытание. От того как ты пройдёшь его и будет зависеть - Небытие или "Положи где взял". Кто ты?

- Я! Я - Человек! Русский человек! А ты кто?

Боль накатывала, как штормовые волны. Боль уже гасила Свет и моё сознание. Кругом темнело. Лишь два светлых пятна осталось.

- Ты - Бог? - спросил я, но голос мой прозвучал так жалко, тихо, как стон.

- Нет, - со смешком ответил громоподобный голос, правда, в этот раз - звеня, как в пустом ведре.

- Я умер? - опять спросил я.

- Пока нет. И я, как врач, постараюсь этого не допустить.

Врач? Какой, на хрен, врач? Это...

Всё исчезло, как будто выключили рубильник.

Привет,

Великое

Позавчера!

Блин, больно-то как!

- Терпи, боец, генералом будешь. - Грохотал болтом в пустом ведре голос.

- Маршалом, гля. Где я?

- В узловой больнице.

- Чё я тут потерял? Чё больно-то так? Чё я не вижу ничего?

- Во, ожил, залопотал. Жить будешь.

- Куда я, на хрен, денусь! Чё за узловая больница?

- А ты что, совсем ничего не помнишь?

- Что я должен помнить?

- Как твоё имя? Звание? Номер части?

- Вы с какого дуба попадали? Какое звание? Часть чего? - спросил я и тут крепко призадумался. Часть в купе со званием - что-то воинское, а всё воинское меня обошло далёкой-далёкой стороной.

- Имя то своё помнишь?

- Имя? - я решил подстраховаться и потупить. Тяну время. Авось, куда и вытянет само.

- Амнезия, - другим грохочущим скрежетом донеслось с другой

стороны. - Обычное дело при сильных контузиях.

Точно! Амнезия. Удачно. Можно дальше дурачком прикидываться.

- Что ты видишь?

- Ничего я не вижу. Пятна какие-то. И грохочете вы.

- Все симптомы налицо. Вот ещё что проверим. Чувствуешь? Что чувствуешь?

- Бьёте по ноге и колите. Хорошо! И так всё болит! Обезболивающего дали лучше бы.

Но просьба моя была проигнорирована.

- Чувствительность нижних конечностей сохранилась, что говорит о обратимости повреждений спинного мозга. Надеюсь зрение и слух также восстановятся.

- Что со мной случилось?

- Контузило тебя при бомбёжке станции. Взрывом отшвырнуло. Ещё и об штабель шпал приложило. Живой - и то чудо.

- Бомбёжке? Какая бомбёжка?

- А ты и это не помнишь? Война, батенька. Немец уже и до нас долетает.

- Ё-о-о! Гля! Твою дивизию! Что за х...ню ты несёшь? Война чёрти-когда кончилась!

- Не кончилась. - вздох, - И когда она теперь кончиться?

- А какое число сегодня?

- Пятое июля. Сорок первого года.

- Ё-ё-о!..

- Что?

- Сознание потерял.

- Но, уже прогресс. Поздравляю вас, коллега. Такого тяжёлого пациента вернули в наш грешный мир. Если выздоровление пойдёт нормально, ещё и в строй вернётся. Подобный опыт в ближайшее время нам может понадобиться.

- Точно понадобится. Фронт катиться на восток. Надо готовиться к потокам раненых.

- Тут я полностью согласен с вами. А с этим что?

- Я думаю, можно завершать курс интенсивной терапии и переводить его в хирургию. А там - все в руках...

- Гхе-гхе.

- Да, да. В его руках. Организм ещё молодой, здоровый, поправиться. Амнезия меня беспокоит. Не получим ли мы двуногое растение?

- Увидим. Голова - штука тёмная. Что там в ней происходит? Может

чайку?

- Можно. И покрепче можно. Отметить, так сказать.

- Людочка, составите компанию? Тут у нас замечательный коньячок имеется. Знакомые на югах отдыхали, привезли. Вы знаете, Людочка, коньячок в гомеопатических дозах весьма благоприятно воздействует на организм.

- А вы сможете, Натан Ааронович, в гоме... гоми... В общем, остановиться?

- Да что там, красавица вы наша, останавливаться? Полтора литра всего! Разогнаться не успеешь!

Телячья отбивная.

Что делать?

Вот так вот. Сорок первый. Известие меня убило напрочь. До моего рождения ещё больше сорока лет. Твою-то в атом! Это как же так-то? А любимая моя? А сын? Блин, до его рождения-то вообще больше шестидесяти лет. Увижу ли я их? Как? Своим ходом? Доживу?

Сначала я решил, что это розыгрыш такой. Ну, как по телеку. Напугают, потом выбегают: "Мы вас разыграли! Там стояли скрытые камеры!" Но, нет. Мне было слишком хреновато, чтобы надо мной подобные опыты ставить. У меня ведь, в самом деле, рука сломана, всё тело изорвано (врачи так сказали), да я и сам чувствую себя изжеванным куском мяса. Двадцать первый век жесток и бесчеловечен, но не настолько же? Да и многовато актеров, настолько вжившихся в образы. Слишком масштабная постановка для меня одного. Кто я такой-то?

Испытание, говоришь? Быть куском бэушного мяса? Ничего нового. И так, почти все кого я знаю - ходячие мясные куски. Только не рванные, как я.

Испытание. Из двадцать первого века в сорок первый год. Да, год знаковый. Для чего? Изменить что-то? Тогда почему я? Я же не знаю ничего и ничегошеньки не умею. Почему не историк какой, на этой теме двинутый, в смысле продвинутый. Или спецназовец. Или Шаманов? ВДВ командует, умеет. Чеченов был нехило. Вот он помог бы. А я? Я даже автомата Калашникова в руках не держал. И в армии не служил. По образованию - экономист - вообще бесполезный человек.

Я представил - прихожу в НКВД или как он тут называется. "Здравствуй, я из будущего!". А они мне: "Очень хорошо! И чем вы нам можете помочь?" И тут я приплыл. Ничем, твою матом, ничем! Бездарь я, ничегошеньки полезного не знаю и не умею. Коекакер типичный!

Что я помню о 41-м? Сильные бои шли под Могилёвом, Смоленском.

Под Вязьмой наших окружили. И путь на Москву стал открыт. Киев не сдавали. Может специально подставили наши войска под окружение, надеялись на Киевский укрепрайон? Гудериан отвернул от Москвы на юг. Под Киевом наших навестила полненькая и пушистая полярная лиса. Кто ж думал в 41-м, что можно окружить целый фронт? Надеялись на стойкость русского солдата. Что удержит, свяжет чудо стратегического мышления - танковые армии. Не вышло. Драпали. А если бы Гудериан не пошел на Киев, а ударил бы на Москву? Удержали бы? Потеря Киева - тяжелая потеря. А потеря Москвы? Москва - узел всех возможных коммуникаций, даже сейчас. А в 41-м? Оправились бы?

И это всё, что я помню. Но, я уверен, что Сталину и его наркомам и без моих сопливых и так всё понятно. Не помню я ни расположения войск, ни направлений ударов, ни количество привлечённых сил, ни одной даты. Так, чуть-чуть, общие тенденции. Но, их и так несложно вычислить мозговитым офицерам Генштаба из простого анализа разведданных.

Технические детали? А я и не знаю никаких. Даже нарисовать не смогу ни одного самолета времен ВОВ.

Ничегошеньки-то я не знаю.

И самый главный вопрос - как я в глаза-то Сталину посмотрю? Я здесь единственный представитель их потомков. С меня за всех и спросится. Что я ему скажу: "Просрали мы Родину, товарищ Сталин. На колбасу поменяли. Лохи мы позорные. Повелись на красивые обещания дяди заокеанского и были кинуты, как последние лохи. Героическое прошлое своё, щедро кровью оплаченное, оболгали, предали. Светлое будущее наших детей, вами авансом проторенное разменяли на сникерсы и китайские цветастые шмотки. Да, у многих из нас есть автомобили, компьютеры, у всех - аудио, видео, телеки. Но нет у нас будущего. Не видим этого, потому что не хотим видеть, не хотим поверить этому. Но подспудно это давит. Поэтому гнетёт безнадёга, мужики убегают от этого в иллюзии, кто пьёт, кто в виртуалке компа тонет, кто на наркоте падает. Некоторые даже отказались от чести быть мужиком и нести тяжесть мира на своём хребте, отвечать за всё. Они бабами попытались стать. Пидоры! Они-то слиняли. А мы, нормальные? Депрессия. Серая безнадёга. Максимка вон вообще решил дитём остаться. И не пидор, и не мужик. И спроса никакого. Убогий. Да, убогие мы все! И нет нам прощения. И расстрела за такое мало".

Так ему сказать? Последнюю опору из-под старика выбить? Чтобы и его жизнь и борьба потеряла смысл? А он в запой уйдёт? Война кончиться в 41-м. Исчезновением русского народа, как исторической сущности. И

меня не будет. И сына моего.

Да, ё-мое, почему я-то? Толку-то от меня?

Вот об этом я и думал, пока лежал в палате. Оглушенный, полуослепший, прикованный к койке. Оказалось, у них, здесь, насчёт обезболивающих совсем никак. Даже простенького баралгина нет и не было. И антибиотиков нет. Только стрептоцид. И спирт. Какие-то лекарства были, но я даже не слышал таких.

Время шло. Я всё больше отчаивался. С каждым прошедшем днём положение на фронтах всё ухудшалось. Я-то знал. Но я ничем не мог помочь. Я был близок к отчаянию. Разум убеждал меня, что помочь предкам я ничем и так не смогу. Но душа отчаянно вопила, звала помочь им.

- Не время отчаиваться. А вот в голос реветь в самый раз! - пробормотал я. Не знаю, слышал меня кто-либо или нет. Я был "аутентичен" - глухотой и слепотой отрезан от мира. Звуки были искажены до неузнаваемости, видел только цветные пятна. Чтобы я не мучился, глаза и уши мне замотали чем-то. Наверное, бинтами. Я был отрезан от внешнего мира. Самое время подумать. Как говорил один знакомый капитан ВВС из аэродромной obsługi, с которым мы раньше дружили семьями:

- Отставить рефлексию!

Значит, эмоции отставим на потом, подойдём к вопросу рационально.

И что же мы имеем? Имеем мы одно покалеченное тело, отсутствие полезных знаний и навыков. Это плохо. А что хорошего? А хорошего мало: только сильное желание помочь Родине.

Ладно, может, что наскребём по сусекам памяти. Нужен план. По пунктам. Мне так всегда было легче, нагляднее что ли.

"План помощи" - назовём так. Как можно, ну хотя бы теоретически, ускорить свидание Рейха и полярной лисички? А кто его знает? Это не конструктивно. Ладно, значит, нужен "ход конём", как говорят: не пускают в дверь - надо лезть в окно. Напрягаем память.

Почему сейчас на фронте полный абзац? Танков, самолётов, пушек, людей, оружия и нас было больше, но кровушкой умылись. Какое сегодня число? Наверное, все девять мехкорпусов по тысяче танков в каждом, уже сгорели в приграничных контрударах. Без заметных успехов. Самолёты сожжены на базах, без топлива, без связи, без управления, целеуказания. Вот тут кое-что есть. Надо обдумать. Людей больше? В данный момент это означало лишь - больше жертв. Больше пушек? А куда им стрелять? Как до

огневых добираться? И для всех одна и та же беда: отсутствие связи, отсутствие снабжения, отсутствие управления, отсутствие целеуказания, отсутствие разведанных и связанных с этим неадекватность противодействия на действия противника.

Почему так? Тут опять по пунктам надо проявлять.

Связь. Ясно, что вестовые с записками - это каменный век. Кто из армейских "кабинетных теоретиков" думал, что обстановка может меняться настолько быстро? Мог ли кто представить темп наступления сто кмэ в сутки? Просто вообразить себе? Это мы, в двухтысячных, привыкли к бешеному ритму, к повсеместности связи, к моментальной передаче данных, к быстрому реагированию, оперативному управлению процессами по сотовому. А маршалы Сталина? Подобного даже в фантастике тогда не было. Да и была ли фантастика тогда? А и была, читали они её? Когда? Молодое, тогда, советское государство строило в условиях экономической и информационной блокады армию, опираясь лишь на опыт 1 Мировой, Гражданской войн, да и ограниченных конфликтов в Испании, Монголии и Карелии. Но те конфликты действительно были ограничены, опыт, вынесенный из них, был ограниченно применим. Да, с типами танков, пушек, автоматизации стрелкового оружия, обмундированием они помогли. Но кризисы гасились свежими резервами, связь и снабжение успевали на ограниченных географически театрах военных действий. Да и финны с японцами - не немцы. Подобной немцам маневренности и управляемости резервами, ресурсами, огнём, оперативности и адекватности принятия решений, инициативности и ответственности на всех ступенях управления мир ещё не знал. За что и поплатился.

Чем больше я вспоминал, тем больше мне это напоминало схватку каратиста Брюса Ли с каким-нибудь борцом или сумоистом. Маленький, вертлявый китаёза был везде и нигде. Наносил быстрые, точные удары в болевые точки, легко уходя от мощных, но неуклюжих ударов и захватов. Борец рано или поздно сдастся (Франция), сбежит с поля боя (Англия) или будет повержен ударом в челюсть или висок (Польша). Или другой вариант - используя большую выносливость, уйти в глухую оборону, пытаясь контратаковать (чтоб не расслаблялся) и, заранее простившись с рёбрами, почками, печенью, выбитыми коленями, беречь челюсть и голову. Подловить уставшего каратиста на ударе, произвести захват, сломать что-нибудь, навряд ли руки, потом ещё что-либо и добить удушающим приёмом. Не так ли вышло? Подловили выдохшихся немцев под Москвой, в Сталинграде, под Курском, а потом непрекращающимися ударами и захватами по всем фронтам и добились. Тут мне предков и нечему научить.

Самим поучиться упорству, выдержке и самопожертвованию.

Но я отвлёкся. Что там, связь? Оно же снабжение. Телефон, рации, грузовики. Нереально. Несопоставимо с Германией. Огромные капиталовложения. Целенаправленные. Они могли себе позволить, тем более - прихватизировав промышленность и ресурсы всей Европы, да еще и при поддержке негласного (но почти нескрываемого) международного банковского синдиката. А Россия? Пожар братоубийственной Гражданской войны и хаос первых лет правления еврейского Интернационала вычеркнули, и так, аграрную страну, из списка Держав. Куда-то глубже Польши. Голод, разруха, хаос. Экономическая блокада зарождающегося социализма со стороны капиталистов (для них сильно запахло жареным - пришлось делиться с рабочими, этого они простить не смогли никогда). Какая телефонизация? Какое развитие радиотехники? Какие автозаводы? О чем вы? Жрать нечего. Пока к власти пришли патриоты, пока выжгли окопавшихся в Партии масонов и их агентов, пока изыскивали ресурсы - поезд ушёл. Имеем то, что имеем. Коняшек в голод слопали, грузовичков не успели нашлапать. Одно спасение - железные дороги. Не зря развитие ж.д. и паровозостроение Сталиным лично контролировалось. Поэтому, в ж.д. - порядок, как в НКВД. Тут нечем помочь. Все проблемы проявлены на высшем уровне, развитие упирается в ресурсы. Как всегда, ограниченные.

А как хотелось бы приспособить какой-либо гаджет будущего здесь. И раз - чудо! Враг повержен малой кровью. Какой гаджет? Сотовый? Пока разработают - война кончиться. Противотанковые гранатометы? Автоматы Калашникова? Сильно они Гитлеру помогли? У них был свой Калаш - штурмовая винтовка stg 44. В 44-м начал в войска поступать. И что? Только перья от немцев летели. Новый автомат был лучше МР-40, но дороже, значит, выпускали их меньше. Новый боеприпас - неизбежные проблемы снабжения. Гранатометами они пожгли много наших танков, но не победили. Не вариант.

Новые танки? Я могу припомнить общее устройство Т-72. А смысл? Нужен дизель из Т-72. Его в Т-34 или в КВ поставить и Т-72 на... не нужен. А что я знаю о двигателестроении? Из рекламы: "Двигатели внутреннего сгорания бывают двухтактные и четырехтактные". Всё!

Самолёты? Знаю точно - самолет проектируется под конкретную задачу вокруг двигателя. Именно так - основа двигатель. А насчет этого уже разобрались.

И тут голяк.

А во! Убить Гитлера! Даже самому смешно. С его-то охраной? Кого помельче? Бессмысленно. Редко когда личность определяет ход истории.

Как дедушка нацистов Маркс говорил - на ход шестерёнок истории влияют лишь производящие силы и производственные отношения. Личность может повлиять на эти весы истории лишь в определённые моменты неустойчивого равновесия. Когда вероятность нескольких вариантов развития событий равна. Как это называется? Точка бифуркации, или что-то навроде того. Гитлера убивать поздно. Это ничего не изменит. Война и победа Рейха нужна не ему, а всем немцам. До лета 44-го. А там уже и сам Сталин не остановит наш народ. Гитлера надо было бы убивать в Мюнхене тридцатых. Да и то не факт. Была бы у вождя Рейха другая фамилия, да и только.

Вот, зараза! Куда не кинь - везде клин. Предки не дурнее нас были. Зачем я здесь?

Так я ничего и не придумал. Весь план, со всеми "пунктами" - коту под хвост.

Но я-то ведь здесь? С "испытанием". Значит, не просто так? Что-то должно быть.

Ладно, подождём, а там посмотрим. Как говорится - делай, что должен, а там видно будет.

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Здравия желаю!

- Как отпуск, Сара?

- Нормально, но тут возникли обстоятельства.

- Докладывай, что, унюхал что-то?

- То-то и оно, унюхал. Тут эшелон разбомбили. В бреде один боец очень необычное болтал.

- В бреде чего только не бреханут.

- Но, не так! Чую я - ЧУЖОЙ он! Совсем чужой.

- Чуешь, говоришь? Немец?

- Не знаю. Вроде и наш, а вроде и не наш.

- Арестовывай.

- Так не за что ещё. Кроме чутья моего и нет ничего. А если вспугнём? А если он не один?

- Что предлагаешь?

- Наблюдать. Объект всё одно - не сбежит. Не помер бы. Прошу разрешения залегендироваться в больнице для наблюдения.

В трубке некоторое время было только сопение.

- Ты знаешь, какая в тебе потребность?

В ответ усмешка:

- Знаю, но у меня такое чувство, что это самое необычное и интересное дело в моей жизни.

В трубке опять некоторое время было только сопение.

- Чуешь, говоришь?

- Моё чутьё сколько раз наши задницы спасало?

- Ладно! Так и быть! Посмотрим, что ты там нароешь. Что нужно тебе от нас?

Дальше пошёл деловой разговор по деталям.

Телячья отбивная.

Что-то же надо делать?

А зрение ко мне вернулось. И слух. Меня перестали пеленать, как мумию. Только повязка на голове - затылок разбит на одиннадцать швов. Аароныч говорит на перевязках, что я просто везунчик. Такие травмы, "просто не совместимые с жизнью", по его словам, и "такая положительная динамика восстановления". Аароныч, типичный русский еврей, просто светился от радости, как будто не я поправлялся, а он.

Ещё сюрприз - я теперь - Виктор Кузьмин, старшина какой-то там части. Новая идентификация, новое тело, новое лицо. Хотя очень похож на себя прежнего. И рост примерно такой же, хотя не мерил, где-то между 180 и 190 см. На вид и размер ноги совпадает, только плоскостопие пропало.

В палате со мной лежали раненные в той бомбёжке. Один сослуживец моего тела. У него оторвало ступню, располосовало осколком косые мышцы спины. Он и посвятил меня, беспамятного, в "легенду". Мне двадцать семь. Не женат, детей нет. Как призвался, так и служу по контракту, а не, у них это называется "сверхсрочная". Родом с Урала, служил под Байкалом, в мае началась переброска нашей армии на запад (не догадывался Сталин о готовящемся нападении, говорите? Ох, и крут дедушка Ёся!). Попали под бомбёжку. Я, как самый еб...тый, т.е. герой, шмалял из ручного пулемёта по бомбардировщикам. В наш вагон-теплушку как раз угодила бомба. Пять человек погибли - не успели убежать от состава. Сослуживцу оторвало ногу, меня взрывам перекинуло через платформу с орудиями и приложило о штабель шпал. Удар был такой силы, что штабель рассыпался, как поленница дров. Посчитали меня мертвым, даже в рядок с убитыми положили. Только когда в машину грузить трупы стали, заметили - представившиеся остыли, а моё тело было ещё теплым. Так я оказался в узловой станционной больнице.

Как я понял из контекста потоков сознания свежеиспеченного дембеля-инвалида, обладатель моего теперешнего тела был абсолютным

отморозком: бесстрашным до безбашенности, немногословным до угрюмости, уставщиком до нудности, неспешномыслящим до скудоумия, сильным физически, выносливым, как конь, жестким до жестокости, нелюдимым до замкнутости, нелюбопытным и безграмотным, стеснительным с бабами до женоненавистничества, почитатель начальников до подхалимничества. Букет ещё тот. Зато как в "легенду" ложилось! Класс! Я тоже должен помалкивать, чтобы не взболтнуть чего иновременного, из-за этого же должен быть нелюдим. Стоит и дальше придерживаться легенды.

Но полностью соответствовать не получается. Зрение восстановилось настолько, что я, сидя в койке, подтянул газету, помучившись одной рукой, расстелил на коленях, стал читать.

- Товарищ старшина, а вы читать умеете?

Я посмотрел на сослуживца, постаравшись сделать взгляд максимально "тяжёлым". При этом лихорадочно придумывая, как выкрутится.

- Я не понял, боец. Ты меня тупым назвал? - ответил я, призвав на помощь все пёрлы "армейского" "юмора", какие смогли отложиться в голове.

Глаза бойца округлились.

- Я... Я просто никогда не видел вас читающим, - залепетал тот. Да, всё-таки авторитет отморозка классная штука. На "Вас" обращается.

- Это говорит лишь о твоей недалёковидности, невнимательности и общей несообразительности, - боец офигел ещё больше. Слышал ли он от старшины подобные слова, да ещё три подряд?

- Или ты оскорбил не меня, а Красную Армию?

- Армию-то как? - взвизгнул дембель.

- Ты, правда, считаешь, что в самой просвещённой армии мира - Красной Армии - старшиной может быть настолько тупой тип, неспособный освоить грамоту?

Боец вообще "поплыл".

- Если от моего гнева ты ещё можешь спастись извинением прилюдно, то за клевету на Красную Армию и критику её командования, в части комплектования Армии младшим комсоставом, да ещё в условиях военного времени... Это саботаж. Подрыв дисциплины и веры трудового народа командованию. Трибунала тебе не избежать.

На бойца больно было смотреть. Он икнул и откинулся на подушку.

- Сестра! - рявкнул я, - Тут бойцу поплохело.

В палате повисла напряженная тишина. Видимо, потерявший

сознание до этого развлекал их байками о приколах над тупым старшиной. И вдруг - такое!

- Да, ребята, - улыбнулся я, - Сильно меня головой приложило. Так что будьте внимательнее на поворотах.

После этого я почувствовал себя Наркомом Обороны. От моего взгляда люди скукоживались, бегом выполняли просьбы, слушали, открыв рот. Не скажу, что мне это было приятно, но зато удобно. Дешево, надёжно и практично. Это было круто! Я просто изображал из себя генерала Булдакова из фильмов "Особенностей национальных "всяких там", а они, бойцы, путейцы, медперсонал принимали это за чистую монету. Вот так как-то.

Я уверенно шел на поправку. Ну, а что нет-то? Кормили нормально, покой, лечение, да с Божьей помощью. Стал вставать. Сначала с помощью ходячих соседей по палате, потом сам. Одна нога была в лангетке, обе в швах и бинтах, но, потихоньку, полегоньку. Больно. От боли чуть штаны не марал, но надо. Война. Там люди гибнут, а я тут прохлаждаюсь, с медсестричками зубоскалю. Надо, Федя, надо!

Вот и швы через один сняли. Смог самостоятельно выбираться во двор. Теперь большую часть времени проводил там, на лавочке, под деревьями. Тут, на улице, меня ждало ещё одно открытие - я стал очень хорошо видеть. Прошрое моё тело было всегда близоруким, а тут вдруг мир стал огромным, объемным и бескрайним.

Доброходцы постоянно снабжали меня свежей прессой и книгами. Читать я всегда любил, а сейчас и делать больше было нечего. Поэтому читал всё подряд. Кроме интересного времяпрепровождения, была в этом и цель - как мне ещё объяснить столь широкие (для старшины Кузьмина) познания, тем более после амнезии? А тут и отмаза - прочитал я. И отвали, Вася!

На этой теме ещё ближе скарефанились с врачом Натаном Аароновичем. Он оказался обладателем прекрасной библиотеки. А я - первым подписчиком. Стали много общаться, в том числе и по пресловутому еврейскому вопросу. Кто мог знать, что типичный еврей, правда не картавый и без акцентов (ещё его родители родились в этом городе, разговор, даже дома, только по-русски), да ещё и Натан, да и Ааронович, окажется таким антисемитом! Не ожидал.

Всё было в тему, кроме одного - время уходило. Отгорел пожар на днепровских рубежах. Долго упирающийся Могилев, пал. Разгоралось смоленское сражение. А я в парке, на лавочке, с книжечкой. Никогда не чувствовал себя настолько убогим.

За время моего пребывания в больнице станцию бомбили ещё три раза. После каждой бомбёжки начинался аврал - десятки раненных, покалеченных, обожжённых. В парке отрыли укрытия - щели - узкие глубокие длинные ямы в земле. Во время налётов в них укрывались ходячие и медперсонал. Тяжёлые оставались на месте на волю Проведения. А узловая больница всего в полукилометре от станции и в сотне метров от путей.

Двух налётов я не видел. А вот третий наблюдал. Животрепещущее зрелище. Налёт был ночной. Может, наконец, стали наши соколы-истребители вламывать тихоходам He-111 днём? Ночью стали летать. Для станции, говорят, это лучше - ни одна бомба на неё не упала. А вот городу досталось.

Я смотрел из ямы на рыщущие по небу лучи прожекторов, режущие ночное небо трассеры зенитных мелкашек, вспухающие где-то в высоте разрывы зенитных снарядов. Муторно, зубной болью и бормашиной гудели бомберы. Бухали взрывы бомб, алыми всполохами подсвечивали чёрное рваное небо зарева пожарищ от зажигательных бомб. Звенели колоколами пожарные расчёты, свистели всполошено свистки милиционеров.

Это было страшно. Правда, страшно. Я весь покрылся холодным потом, даже ладони. Страшно. Стоишь и не знаешь - может тебе на голову уже летит бомба? И сделать ничего не можешь. Бежать? Куда? Да, тут в яме, меньшая вероятность погибнуть, но поджилки-то твои тебе не верят. Вот когда я понял предыдущего владельца этого тела - лучше из пулемёта по ним бить, хоть и опаснее, хоть и не добьёшь, да и не попадёшь, но не так, как баран на закланье, ждать своей смерти!

Помнится, в этот момент я стал орать благим матом в семь этажей, рассказывая чёрному небу, что я думаю о пилотах бомберов, немцах, фашистах, нацистах, Гитлере и всей его шайке подонков, что буду делать с ними и их родными, со всеми извращенными подробностями. А все кругом рты поразевали. Некоторые особо стеснительные сестрички уши затыкали.

Отпустило меня лишь, когда стали поступать жертвы ночного налёта. Помочь я ничем не мог, мог только не мешать. Что я и сделал. Доковылял до своего места и срубился. Устал так, будто сам по всему небу на своих двоих гонялся за немцами, догнал и сотворил с ними всё, о чём орал.

Где-то после этого больница стала госпиталем. Она стала подчиняться не железнодорожным начальникам, а военкому. Для нас, то есть видимыми, изменениями стали только множество пустых, пока, коек, которых понаставили везде, где только можно, даже в коридорах, да

тентованная полупалатка (доисторическая ГАЗель) с красным крестом на брезенте, прописавшаяся в парке среди деревьев. Да, Ароныч стал не просто хирургом, а военврачём какого-то там ранга (хотя, форму он не надевал, рассекал в тех же белых костюмах). И остальные врачи так же.

Дембеля-сослуживца и многих других увезли на этой же полупалатке на станцию - отправили в ещё больший тыл. Натан сказал - на базе узловой больницы создадут сортировочный госпиталь. Как я понял - санитарные поезда с фронта тут будут разгружаться и уходить обратно на фронт за свежими "котлетами". А госпиталь уже будет сортировать кого - куда. Тяжелых транспортабельных - в тыл, не транспортабельных - долечивать до возможности отправки, легких и средних - в другие госпитали города, района, области. Ну и конечно - срочная медпомощь всем поступившим. Меня Натан оставил, уговорил главврача, с которым дружил. Они меня вместе и с того света вытаскивали. Натан обещает на ноги поставить до заполнения госпиталя. Очень надеюсь.

В парке появился новый новосёл - военно-полевая кухня с толстым добродушным младшим сержантом в качестве повара с белым передником и огромным черпаком в комплекте. Теперь все ходячие у неё и терлись. Та же каша из котла Васи, так звали повара, была в несколько раз вкуснее.

С меня сняли лангету, ещё из шрамов ниток-швов подёргали. Остались повязки и гипс на руке. Но пальцы руки стали работать, а нога по-прежнему не гнулась. Так и ковылял, как Костяная Нога. Одежду не отдавали, ходил в абсолютно уродских тапках и полосатой хэбэшной пижаме (откуда они её отрыли?) закипечённой до цвета навоза.

Вынужденное безделье меня уже стало напрягать. Я сам над собой офигевал, но факт. Обычно я ленивый, домосед, диванолёж, игроман (компьютерный). Мог все 28 дней отпуска за компом или перед зомбиящиком телека просидеть и нигде ничего не шелохнется, а тут меня просто подрывало куда-то. В такие моменты я слонялся, хромя, по парку, доставал Ароныча и старшую сестру-хозяйку требованиями вернуть форму. Ароныч был непреступен, но сестру-хозяйку я довольно быстро достал, в смысле, допёк. И она выдала мне мою форму. Надо было видеть её довольную ро..., а нельзя ж так про женщин, в общем, физиономию, когда она увидела мою рожу (о вот сам про себя я так могу) - я получил кучу окровавленного изорванного тряпья и вспоротые сверху донизу изношенные сапоги.

- Получи, распишись.
- Это что? Как я это одену?
- Но мы тебя из этого как-то вынули.

- А чё сапоги-то испортили?
- Надо было вместе с ногами их снимать?
- Так у меня ноги-то не перебиты!
- А мы знали? Весь был как телячья отбивная. Да ещё тяжеленный!

Умучились мы с тобой, пока ворочали.

- А что от крови не отстирали? Как я сам, одной рукой, стирать буду?

- Да, мы выкинуть думали. Тут и восстанавливать нечего - дыра на дыре. А ты что теперь делать с этим будешь?

- Да, похоже, ты права. Это не восстановить. Отстираю - ремкомплект будет.

- Что будет?

- Ремкомплект. Другую форму попробую найти, а эта на латки пойдёт. Видишь, все нашивки, значки целы. Всё на новую форму перешью.

- Понятно. Ну, давай тогда обратно. Постираем мы твои заплатки, может правда сгодиться на что. А новая форма... Похоже ты на поправку идёшь. Кто бы мог подумать? Ты, видно, в рубашке родился. Какого тебя привезли...

Я вдруг увидел слёзы в глазах этой, суровой, в общем-то, женщины. Правду говорят - жалости в сердце русской бабы на весь свет хватит. Она быстро смахнула слёзы. Отвернувшись, будто что-то ищет, продолжила:

- А то, глядишь, и на службу вернёшься.
- Конечно, вернусь!
- Вот там и выдадут тебе новую форму. С иголочки.
- Ой, ли!?

- Конечно. Ты же от своих отстал. А где они теперь? Натан говорит, полк твой в Смоленске в окружении бьётся. Может, и перебили уже всех. Так что, тебе прямая дорога к нашему военкому, Андрею Сергеевичу. А у нас в городе своя швейная фабрика. Сейчас только военное и шьют. Уже в две смены. Стариков позвали обратно, девок сопливых учат. Если свет наладят - в три смены работать будут. Так что, форму новую получишь.

- Спасибо, мать. Обнадёжила.

- Ты бы, сынок, к Натану обратился. Он с главврачом дружен, а тот с Сергеечем, военкомом знает близко - выросли вместе. Может, придумают чего.

Я так и поступил. Но Аароныч меня не понял. Так и сказал:

- Не понял я тебя, старшина. Если комиссоваться хочешь - тут я тебе не помощник - сам решай.

- Ты чё, Натан Аароныч? Я, наоборот, служить хочу. В бой быстрее. Там ребят моих в блин раскатывают, а я тут, на казённых харчах, кисну.

- А, вон оно что! А я уж, грешным делом, разочароваться в тебе хотел. Думал, ошибся в тебе.

- Зря ты.

- Ты уж прости глупого еврея. Но не стану пока ничего делать. Рано. Слаб ты ещё. Хотя динамика положительная, всё может испортиться в самый неподходящий момент.

- Жаль. Ну, а такая заморочка...

- Что?

- Да не заморачивайся!

- Что?

- Да что ты такой есть-то! Всё тебе на литературном разжуй. Проблема: часть моя неизвестно где. К кому я приписан, где на довольствии состою?

- Да, это точно, как ты говоришь, за-мо-ро-чка? От слова морок? Навейный кошмар-заблуждение. Довольно точно. Довольствие...

- Да. Как говорил товарищ Ленин: "Социализм - это учёт и контроль".

- Ты больше нигде так не ляпни. Ленин так не говорил.

- Так, где я на учёте состою? Кто меня контролирует и довольствовать должен? Хотя бы, пока, до выписки, в денежном и одёжном-обувном довольствии.

- Да, об этом стоит, как ты говоришь, потереть?

- Перетереть.

- Откуда ты словечек этих набрался? Или вспоминать начал что?

- С мира по нитке - нищему рубаха. Ничего пока не вспомнил. Так нахватался. Не парься!

- Что? Я не в бане.

- Да, это тоже значит - не забивай головы. Ну, так что, не забудешь?

- Да уж постараюсь.

- А насчёт баньки ты напомнил - я ведь знаю что это. Буквально кожей почувствовал. Смотри мурахи какие. Наверное, баню я люблю. Аж, жар по душе прошел!

- Всё-таки, вспомнил! Память возвращается! Это же просто замечательно.

- Да, ништяк!

- Что?

- Неплохо, говорю. Тем более, надо решать скорее. Воевать мне надо, Натан. Всю жизнь я к войне готовился, а сейчас - здесь. А там щеглы, жёлторотые неумехи гибнут пачками. Воевать мне надо, Натан.

Во как я в легенду вжился!

- Да услышал я тебя, отстань. Как ты говоришь - "отвали"? - фыркнул Натан Аароныч и пошёл к корпусу госпиталя.

А я откинулся на спинку лавочки, зажмурился, вдохнул чистый горячий летний воздух. Хорошо-то как здесь! Спокойно. Где-то война, ещё где-то сумасшедший, бешенный 21 век, а здесь всё тихо, спокойно, как во сне.

На душе тихо, но тоскливо - скучаю по своим любимым. Жене, сыну. Увижу ли я их? Как они там? Я ведь, там, погиб. Поди, схоронили. Все глаза уже выплакали. Как они будут без меня? Ох, херово-то как. Чем больше думал о них, тем тоскливее становилось. Места себе не находил. Метался по парку до заката, сторонясь людей - общаться ни с кем не мог. Скорее бы на фронт, что ли! Уж убьют, мучиться перестану.

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Как там объект? Проявил себя?

- Нет. Рвётся на фронт.

- Похоже, твоё чутьё тебя подвело.

- Нет, Объект - чужой. Личность полностью не соответствует легенде.

- Ознакомление с личным делом?

- То-то и оно, ещё больше всё запутало. Человек слишком сложно устроен для старшины Кузьмина. Знает то, чего старшина знать не должен, но не знает, того, что должен знать. Полная оторванность от жизни. Хотя, языком владеет в совершенстве. Думает по-русски, это я тебе точно говорю. Но, в речи использует множество необычных словесных построений и иноязычных включений, но произносит их искаженно, обрусечено.

- Обрусечено? А ты не так?

- В этом-то и дело. Я же подолгу бываю за рубежом, слух у меня к такому привычен.

- Ну, так что скажешь?

- Никак я не пойму. Связи его не проявляются. Будем ждать?

- Подождём.

Телячья отбивная.

О том, как дело само находит не успевших спрятаться.

Ночь опять был налёт. Разбудила воздушная тревога. Повыбежали, кто мог, на улицу, попрятались в щелях. Дело было уже к утру, посвежело. В одной пижаме, да спросонья, казалось холодно. Аж трясло. Сдерживался,

как мог - подумают - боится старшина Кузьмин. А этого нельзя допустить никак. Авторитет надо блюсти.

Я, расталкивая людей, выбрался из щели.

- Куды, окаянный!? Убьют же!

- Убили уже, - буркнул я в ответ.

Шел без цели, просто, чтобы согреться. Подошёл к полуторке, заглянул в кабину. Во! Фуфайка! Еще тёплая - видимо водитель ею укрывался. А спал в кабине. Во, как в ней тепло! С трудом, одна рука в гипсе, нога не гнётся почти, накинул на плечи ватник, залез в машину. Пригрелся и уснул. Просыпался только от разрывов бомб, но тут же засыпал опять.

- Э, болящий! Вылазь!

- А?!

- Вылазь, грю! Ехать надо.

- Поехали.

- Без тебя. Тут дохтур едит. Вылазь.

- Куда поедешь?

- На вокзал, знамо куда. Людишек бомбами побил, за ними поедем.

- Я с вами.

- Да куда тебе! Самого таскать надо. По макушку в бинтах, всё туда же. Вылазь, грю!

Я вылез. Обошел машину. Задний борт был открыт. Кое-как влез в кузов. Сел на доску-лавку, перекинутою меж бортами. В кузове лежали носилки. Подошли люди. Натан, судя по голосу, сел в кабину. В кузов запрыгнули двое медсестричек.

- Ой! - взвизгнули они. - Кузьмин! Вы что тут делаете?

- Тише, девчонки! С вами еду. Можя помогу чем.

- Да, на кой ты нам?! Раненных таскать? Самого хоть таскай! Только место занимаешь.

- Да, я только туда. Обратнo своим ходом.

Девчонки прыснули.

- Каким своим ходом? Ты тут-то еле ковыляешь! Да и кто тебе позволял покидать госпиталь?

- Девчонки, не сдавайте! Не могу я больше на одном месте. Как птица в клетке.

- Ладно, птица. Раз птица - петь будешь. Умеешь?

- Нет.

- Тогда, извини. Натан Аронович!

- Умею, умею. Только я не певец. Даже не певун. Скорее выпевун.

- Ната...!

- Ладно, ладно! Согласен! Что же вам спеть? Ну, давай вот это:

Идти во мгле туда, где свет

Ни сил не веры больше нет

Ты берег, призрак в море лжи

На самом дне я, но я жив!

Взошли в душе моей кусты

Вот всё, чего добиласть ты.

Но, если ты простишь обман,

Я знаю, - светом станет тьма!

Стрелы слова - не отпускай моей руки,

Фразы в ветра - не бросай!

Стрелы слова - вера моя, мои грехи,

Крик небесам: не бросай!

Я солью был в твоих слезах

Тоскою жил в твоих глазах

Я знаю - нет пути назад

Я предавал, не веря в ад.

Сожгли в душе моей кусты

Любовь - зола, надежда - дым

Закрыв глаза, на самый край

Без сожаленья брошу рай!

Стрелы слова - не отпускай моей руки,

Фразы в ветра - не бросай!

Стрелы слова - вера моя, мои грехи,

Крик небесам: не бросай!

Девчонки были впечатлены. Так и сидели, выпав из реальности.

- Красиво как!

- Сам сочинил?

- Да вы что! Мне такого не дано. Слышал просто. Сейчас вспомнил.

- А кто сочинил?

- Дашь слова переписать?

Что им сказать. Что это группа "Плазма"?

- Нет, не дам. Песня очень старая, наверно дореволюционная. Слышали: рай, ад, душа? Как ваш комсорг отнесётся к этим устаревшим и вредным понятиям?

- Я и есть комсорг, - ответила одна.

"Опа! Вляпался в жир ногами".

- Но, мне очень понравилось. Хотя, наверное, да. Слова

переписывать не будем. Так запомним. "Я солью был в твоих слезах, тоскою жил в твоих глазах..."

- Давай ещё!

- А долго ехать? Станция, вроде, рядом была.

- Рядом. Но объезжаем. Там дорогу разворотило. Коротенькую спой, - почти приказала одна, та, что комсорг.

- Ну, пожалуйста! - взмолилась другая.

- Ладно. Коротенькую, забавную. Островского читали? "Отчего люди не летают как птицы?":

Отчего люди не летают как птицы?

Оттого, что отрастили большие ягодицы,

Оттого, что не лётная погода,

Оттого, что ползать нынче мода!

Люди, люди, люди не летают!

Люди, люди, люди не летают!

А вот творчество Шнура комсомолкам не понравилось.

- Почему это не летают? Многие летают. Лётчиков сейчас много.

Они были возмущены. Наверное, они слишком хорошие, эти девчонки. Открытые, наивные, искренние. А вот нас, крайне циничное поколение, двести раз обманутое, сотни раз кинутое, потерявшее всякие идеалы, эти песенки забавляли.

На станции был форменный хаос. Что-то горело, всюду бегали люди. Что где, понять было решительно невозможно. Но Аароныч с медсестрами, похватав носилки, рванули куда-то. Я за ними. Куда там! Пока я ковылял, чуть не сбиваемый с ног бегущими, как в безумии, людьми, их и след простыл. Я же вышел на станционные пути.

Бог ты мой! Это что такое? Это что за рельсы такие? Я и не видел таких ни разу. Низенькие, тонкие, шпалы в путь лежат редко, балласт зарос сплошь травой. А-афигеть! Да и рельсы короткие - 12,5 метров поди, а может короче. А мы 25-метровые Р-65 в ручную меняли. А в них в каждом метре те самые 65 кило и есть. Только хребты трещат, да лома гнуться. А эти соломинки и голыми руками можно менять. Как в страну Лилипутию попал: подкладочки, накладочки - меленькие.

Шипя перегретым паром, как гигантские паровые утюги, паровозы пытались растащить свалку составов со станции. Подойдя ближе, увидел неприглядную картину: горящие, исковерканные вагоны, сброшенные с путей, огромную воронку, перегнутые рельсы, тянущиеся в небо, тела людей всюду, в разной степени сохранности. И суета. И тушили, и растаскивали, уносили раненных, оттаскивали погибших. А с другой

стороны воронки орал белугою какой-то хмырь в тёмном мундире, не то чёрном, не то темно-синем, в фуражке с красным верхом, на стайку перепуганных бабёнок с путейским инструментом в руках. Те в слезы ревели.

Я на некоторое время "завис". Не приходилось мне ещё видеть растерзанные тела людей. А тут их ещё и много. Отпустило меня, огляделся. Мертвым уже не помочь, надо для живых что-нибудь делать.

Хмырь свалил. Подошел я.

- Что, бабоньки, приуныли? Где же мужики ваши? Бригадир, мастер?

- Мужиков в армию забрали. - Ответила одна.

- Бригадир - там лежит. А от Сергея Иваныча одна нога-то и отала-а-ась... - ответила, всхлипнув, другая - и - в рёв.

- Обоих побили-и-и, бабоньки-и-и, что делается-то!...

В общем, массовая истерика.

- А чего вы хотели? Война же.

Заголосили ещё пуще. Ну что за народ эти бабы? Душа у них водяная. Ну, ничего. У меня есть опыт прерывания истерик. Человека в истерике надо встряхнуть, отвлечь, загрузить голову иными проблемами, чтобы не осталось места страху.

- Ро-о-та! Ср-ройся! Сми-и-р-рна! - рявкнул я. Аж сам от себя офигел. Как это я так реветь научился? Но, бабоньки реветь перестали, глазёнки повиытараскивали. Если их сейчас не грузануть по-полной, истерика ещё усилится.

- Обрисовываю обстановку, - начал вещать я, голосом непривычно жёстким, - в результате хищнического налёта противника ваше подразделение понесло потери, утрачен командный состав, что привело к полной деморализации части. Это ставит под угрозу выполнение важного задания командования, а именно - скорейшего восстановления пути и возможности пропуска поездов по станции. В результате вышеизложенного, я, старшина Кузьмин Виктор Иванович, принимаю командование вашим подразделением на себя, до прояснения обстановки. Вам всё понятно? Есть возражения?

Сухой казённый язык (откуда он взялся только в моей башке?) оказал положительное воздействие - бабёнки даже подтянулись, кое-как выстроились, правда, не по росту. Возражающих не было. Я пошел хромать вдоль строя.

- Перед нами стоит задача - восстановить целостность данного пути сообщения. Что нам для этого нужно? Инструмент, шпалы, рельсы, балласт, желательно щебень. Кто знает, где всё это складировано? Шаг

вперёд! Как вас зовут?

- Катя.

- Катя вы - дома. А здесь война, прошу не забывать об этом.

- Швадрина Екатерина Георгиевна.

- Так-то лучше. Вы знаете, где складированы материалы верхнего строения пути?

- У меня муж и отец здесь работали. Я всё неплохо знаю.

- Назначаю вас, Екатерина Георгиевна, временно исполняющей обязанности бригадира пути. Есть на чём привезти всё это?

- Есть путевая тележка.

- Замечательно, от слова "мечта". Берёте себе столько товаров, сколько необходимо, отправляйтесь за инструментом и шпалами. Остальные - расшивать дефектные рельсы. Это вам знакомо? Исполнять!

Закрутилось. Ну, вот! И никаких истерик.

- Боец! Стоять! Кто таков? - окликнул я пробежавшего, с совершенно потерянным видом, ребенка, на вид лет семнадцати, но в неопрятной военной форме.

Он оглянулся, уже почти продолжил путь, но видимо, необходимые на службе рефлексy успели выработаться, он вытянулся, доложилcя. Кому? Мне, то есть этому охеревшему типчику в пижаме? Да, именно так. Вот что значит многолетняя выработка командного голоса, но не моя, конечно, а Кузьмина. Хотя и у меня организаторский опыт имелся довольно нехилый.

- Так, боец. Я - старшина Кузьмин. Поступаешь в моё распоряжение. Твоему командованию будет доложено о твоей задержке мною. Твоя задача - помощь подразделению ремонта пути. Вопросы есть? Хорошо, что нет. Бери вот этот кривой лом, он называется лапчатым, расшиваешь рельсошпальную решетку. Вот эти опытные товарищи женщины покажут тебе как. Ну, не женское это дело! Пока можем помочь - будем помогать.

Так я отловил ещё под десяток солдат, которых здесь солдатами нельзя было называть. Только - боец или красноармеец. Выбирал самых "потерянных". А они и с радостью соглашались - фактически, они проявили слабость - во время налёта бежали куда глаза глядят, а теперь не знают как предстать пред командиром очи. Я, фактически, их отмазываю. Вот тебе и симбиоз. И мне хорошо, и им неплохо.

Меж тем, в воронку бойцы стаскали старые шпалы, сложив их "колодцем". Привезли рельсы. Сразу собрали из них рельсовую нить нужной длины, пришили концы её на оставшиеся в пути шпалы, а середина получилось, что легла на этот "колодец" из шпал. Рельсы фактически повисли над воронкой. К рельсам, на вису, пришили шпалы костылями.

Путь был готов, только отсыпать.

- Екатерина, у вас есть, что-либо для механической отсыпки балласта? Засыпать эту яму.

- Есть, но на восстановительном поезде. Он приедет, наверно скоро.

Появился опять этот хмырь в чёрной форме. Оказалось - комендант станции. Он аж рот разинул.

- Ну, молодцы, ну молодцы, - он был искренне рад. Тряс мне руку, обнял так, что аж заболело всё.

- Командир, ты потише. Поломаешь меня опять. Итак, еле сшили.

- Как зовут вас? Я представлю вашему командованию благодарность на вас.

- Старшина Кузьмин. Только я не при чём. Это всё бабоньки. Они сами всё сделали. Да вот Швадрина Екатерина Георгиевна. Я её назначил врио бригадира до вашего решения. Девоньки просто перепугались, растерялись.

- Утверждаю назначение. Швадрина, зайди в кадры или ко мне вечером, с приказом ознакомишься. Но, всё-таки! Тут и движение можно открыть.

- Можно, только осторожно. Желательно отсыпать балластом и подбить шпалы.

- Всенепременно! Восстановительный уже идёт. Сортировочную они уже открыли, теперь и здесь закончат. Откуда вы, старшина, владеете путевой наукой?

- Командир, обрати внимание - я старшина. Я не владею путевым ремеслом, я командую людьми. Я их организовал - они всё сделали, а я наслушался терминов путевых, пока они разговаривали, теперь пытаюсь выглядеть умным.

Мой собеседник рассмеялся.

- Молодец, старшина. Побольше бы нам таких, как ты. Немца бы от границ не пустили бы.

- Ты поосторожнее, командир, с такими утверждениями. Не всё так просто. Немец, пока, сильнее. И не потому, что у нас люди плохие, а потому, что немец под своим фашистским флагом против нас всю Европу ведёт. Вся Европа на него работает. Ну, ничего, не впервой. Один, Наполеоном кликали, тоже всю Европу к нам войной привел. Всех здесь и закопали.

- Наполеон Москву взял, - погрустнел железнодорожник.

- А Гитлер - не Наполеон. Кишка тонка. Да, и мы не дадим. Не те времена, чтоб Москвами бросаться. Вот отпустят меня с госпиталя - мимо

меня ни одна немецкая падла не пройдёт.

- Верю, старшина. И очень на это надеюсь. Ты и здесь нам сильно помог. Как отблагодарить тебя?

- Должен будешь.

Это вызвало удивление.

- Это как?

- Я тебе помог. Мне нужна будет помощь - ты долг и отдашь.

- А-а, тогда договорились. А вот и восстановительный.

Это были ж.д. войска. Те же путейцы, но в форме и с оружием. Работали ловко, споро, быстро. Залюбуешься. Как себе домой делали. Всё закончилось. Я доковылял до станции. Сел на лавку в тени каштана. Силы меня покинули. Закурил, закрыв глаза. Надо было идти в госпиталь, но сил у меня не оказалось. Так и сидел.

- Товарищ старшина, вам плохо?

- Нормально, Екатерина. Виктор я. Иванович, если угодно. Что ты? - я открыл глаза. Только сейчас пригляделся к ней. А ведь она молода, даже младше меня теперешнего. Можно сказать, даже симпатичная, кареглазая, каштановые волосы - была в платке, сейчас сняла. Невысокая, чуть полная. Но это по нашему, извращенному вкусу сумасшедшего 21-го века, если не скелет обтянут кожей - толстая. Из-за её плеча выглядывал любопытными лисьими глазами мальчёнка возраста моего сына. Очень на Екатерину похож, сын, наверно.

- Я глянула - ноги вы совсем разбили о щебень.

И я глянул. И правда. Больничные тапки были изорваны в хлам, на ступнях - коричневые корки ссохшийся крови.

- Не надо на "вы", Екатерина. Мне неприятно будет тебя на "вы" называть, как старую учительницу. Ты же моложе меня. А ноги - заживут ноги.

Екатерина кивнула:

- Это сын мой, сапоги я ему сказала принести. Померяй, может, подойдут? Это мужа моего.

- А мужу уже не нужны? Сапоги-то справные, я погляжу.

- А нет больше мужа.

- Что так?

- В прошлую зиму ещё не стало. Они с отцом моим зимнюю рыбалку любили. Но, выпить любили больше. Особо - на рыбалке. Вот оба под лёд и провалились. Утопи оба. Осталась я и вдовой, и сиротой.

- Да, печально. Прости.

- Да, причём тут ты? Примерь. А нога не гнётся? Васька, воды

принеси, кровь смыть. Да теплой найди.

Пацана как ветром сдуло. Пока его ждали, Катя рассказывала о своей незамысловатой жизни. Жила теперь одна, с двумя детьми: сын, Васька, и дочь пяти лет. Тяжело было. Очень благодарила меня. Оказывается, в это время должность бригадира пути - это о-го-го! Теперь полегче будет детей поднять. Легонько намекнула на виды на меня.

- Женат я, Катерина. Сын у меня ровесник твоему. Далеко они. Не знаю, увижу ли когда?

Вернулся Васька. Нёс большое брезентовое ведро. Катя села передо мной на корточки. Васька лил горячую воду (где только взял?), Катя мыла мне ноги. А-афигеть, я и не думал, что действие подобное может вызвать в душе моей такую бурю эмоций! Это было чудовищно возбуждающе, восхитительно. Настолько сокровенно, интимно. Ё-моё! Прости меня, любимая!

Отерев ноги каким-то полотенцем, Катя завернула ноги, как куклу в портянки, надела сапоги.

- Ну, как?

- В самый раз.

- Ты очень похож на моего мужа, даже размер ноги совпал. Пойдём, я провожу тебя.

- А работа?

- Так, мужики наши приехали. Их хоть и в армию забрали, но они служат все здесь же. Только некоторые попали на бронепоезд. Вот когда паровозоремонтный ещё один бронепоезд построит, часть из них с ним на фронт уйдёт.

Она поднырнула мне под руку, навалила на себя часть моего веса (я не сильно сопротивлялся) и мы так вот, фактически обнявшись, пошли дворами в сторону госпиталя. Разговаривая всю дорогу ни о чём. Мне было хорошо и приятно.

Утреннее солнце уже вовсю пригревало. На деревьях тихо шелестела пыльная листва. Где-то за деревьями садов-подворьев гудели паровозы, грохотали составы, а тут было тихо и как-то мирно, птички пели, будто и войны нет.

Катя больше не волокла меня, я сам нормально стал идти, но она не отстранилась, наоборот, как-то скромно, стыдливо, прижималась ко мне тёплым мягким телом, будоража и волнуя.

Но вот и госпиталь. Катя сразу как-то напряглась, отстранилась. Я остановился, видимо пришла пора прощаться. Она стояла напротив меня с пунцовыми щеками, опустив голову, нервно теребя платок в руках.

- Как мне рассчитаться с тобой, Катерина, за доброту твою, подарок твой?

Она быстро глянула на меня тоскливо-томным взглядом. Но промолчала. Я тоже молчал. Нечего тут сказать. Всё понимаю, уже не "вьюноша восторженный", но не могу. Она пару раз порывалась что-то сказать, вздыхала тяжело, но лишь опять вздыхала. А я не помогал. Потом она усмехнулась, зыркнула на меня лисьим взглядом, какой я видел у её сына, с искринкой:

- Должен будешь.

Я тоже усмехнулся. Ну-ну.

- Поправишься, может, в гости заглянешь. Без мужской руки хозяйство совсем захерело.

- Совсем плохо?

- Да, почитай, полтора года без мужика-то. Петли - и то смазать не кому.

- И сосед не заглянет, не поможет?

Взгляд Екатерины вдруг стал обжигающе ледяным. Она резко развернулась, пошла, вся сжатая, как взведённая пружина.

- Прости! - вполголоса буркнул я. Так жестоко, но так будет лучше. Я тоже развернулся и пошел в госпиталь. Откуда мне было знать, что она стоит, сейчас и, сквозь слёзы, смотрит мне в спину, кусая губы.

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Объект всё больше проявляет странностей. Подсунули ему связь. Половую. Жёстко оборвал. Сослался на мифических жену и детей. Показал высокие, для старшины, организаторские способности и инициативность. Перед вышестоящими не робеет, обращается как с ровней, на грани хамства.

- Может, это обычная странность необычного человека?

- А блистать странностями он начал после ранения? Все сослуживцы однозначно опознали его, как Кузмина, но не узнали в нём прежнего Кузьмина. Он, кстати, ни одного не узнал, если ему не говорили. Да и с теми, на кого ему указали, грубо обрывал отношения.

- По-моему, ты теряешь время.

- Возможно. Но, прошу, дай доработать его до конца.

Контуженный на всю голову

.

Про внутренний мир тех, кому нечего терять.

Как же всё-таки восхитительно пахнут свежие, только с грядки,

огурцы, зелёный лук, укроп, петрушка. Обычная больничная еда с ними полностью преобразается, имея совсем иной вкус, намного лучший. Я украдкой смотрел на завистливые физиономии соседей по палате. Они только поступили - вчера разгрузили санитарный поезд. Они были далеко от дома, как и я, в принципе. Но ко мне, неожиданно для меня, пришла Катя и принесла эти овощи и зелень.

Она старательно отводила глаза, я же стремился поймать её взгляд, заглянуть через её очи в душу, понять. Она же, потупившись, сокрушалась, что ягода совсем отошла, что яблок ранних пород в её саду нет.

- Ну, ничего. Скоро поспеют яблоки. На одном дереве уже наливаются стали. Бока уже желтеют.

Она рассказывала о работе, детях, соседях, жизни города. Её трёп меня умилял. Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Вот и нам сообщили, что пора бы и закругляться.

- Пойдём, я провожу тебя.

Одна беда - портянки одной рукой не намотаешь. И снова Катя бережно и аккуратно запеленала мои ноги, обула сапоги. Соседи по палате пилились на всё это действие, даже не дыша.

- Ух, хороша! - услышал я едва мы вышли из палаты.

- Катерина, подожди меня, - попросил я, вернулся в палату, - ребята, угощайтесь. Мне одному всё одно не съесть. Витамины.

И совсем тихо добавил:

- Если хоть от одного похабный намёк в её сторону услышу - лицо обглодаю! Я понятно объясняюсь?

- Поняли мы, старшина. Иди, выгуливай подругу, не сумлевайся. А за угощение - спасибо.

- И Екатерине Георгиевне нашу благодарность передай.

Катерина стояла недалеко.

- Слышала?

- Да. Это ты правильно сделал, что поделился с ними. А я ещё принесу. Каждый день носить буду. Если сама не смогу - Васька принесёт.

Мы прошлись по парку, подошли к выходу в город. Дальше идти я не мог. Хотя и в прекрасных кожаных сапогах, но не в пижаме же по городу дефилировать. Даже и в сумерках, опускавшихся на город.

- Ты не обиделась на меня?

- Обиделась. Жену любишь?

- Люблю.

- Её здесь нет. Как и мужа моего. Я его тоже до сих пор, дурака, люблю.

- Совсем не так. Она жива.
- И мы живы. Пока.
- Вот тут возразить нечего.

- Я ведь не покушаюсь на её любовь. Вообще ни на что не покушаюсь. Ты очень на мужа моего похож. И внешне, и лицом, и голосом. Когда я с тобой - как будто он рядом. Не гони меня. Пожалуйста.

- Не буду.
- Я завтра приду.
- Я буду ждать.

- Пока! - она встала на носочки, потянула мою голову за воротник вниз, чмокнула в щеку.

И пошла. А я стоял и смотрел вслед. Необыкновенная женщина.

- Необыкновенная женщина.

Я сначала даже не среагировал - но потом дошло, что слова эти прозвучали не только в моей голове, но и вокруг. И произнёс это не я, а голос Натана.

- Я извиняюсь, я ненароком, почти ненароком, услышал ваш разговор.

- Я не собираюсь обсуждать это с кем бы то ни было.

- Я понимаю. Но не для этого искал я тебя. Твои геройства в анна-каренинском стиле не прошли незамеченными.

- Анна-каренинском? А, Толстой, на рельсы под паровоз. Читывал. Не понял я её.

- Тонкая дворянская психика.

- Слишком даже. Малахольная она. Неужели они все такие были? Это же диагноз неврастения целого класса общества.

Натан гогкнул:

- Не все, конечно. Но некоторая степень моральной деградации и психического расстройства было очень частым явлением. За исключениями некоторых довольно ярких личностей.

- Ты не о Колчаке, случаем, с Врангелем? Так их исключение, скорее подтверждает правило.

- Может быть. Мне больно думать об этом. Давай не будем.

- Почему?

- Они были элитой. Их уничтожили. Давай, отойдём.

Мы сели на лавку в глубине парка. Стемнело, но было ещё жарко.

- Я думаю, что, - начал я, понимая, что "палюсь", но "Остапа понесло", - институт дворянства был создан как прослойка служивых людей, государевых. Они были опорой общества, его нервной системой,

его структурообразующим элементом. Общество их содержало, но они должны были тянуть ярмо Служения. В случае войн, а для нашей страны - война - постоянное явление, они клали жизни свои на алтарь победы. Лучших представителей общества это же общество заталкивало в "ярмо Служения", содержало их и их детей, как представителей качественной породы. То есть, давали им дворянство. Такой вот искусственный отбор. Но... Им надоело. Обленились. Их стало много, угроз мало, они почувствовали свою силу. И осознали угрозу себе, как классу. И угроза эта не иноземцы, а собственное общество - народ и царь, которые так и норовили их в ярмо затолкать. Они стали притеснять народ, стремясь к деградации русского мужика до состояния бессловесного быдла, стали убивать царей, меняя их по своему усмотрению, а не по Божьему разумению, хотя бы Павла вспомни. Он стал их теснить - они сменили его на другого, более слабого. Что получила Россия? Войну со всей Европой, объединённой Наполеоном. Оно нам надо было? Зато, они получили право не "тянуть ярмо". Общество их продолжало содержать, получая взамен лишь вред, яд западного мышления в русскую душу. Кстати, запад, западло и западня - родственные слова и понятия. Ясно, что дворянство стало деградировать в основной массе своей, кроме немногих отщепенцев, добровольно в "ярмо" впрягшихся. Труд, он облагораживает. Лень - оскотинивает. Но, чрезмерный труд, особенно неблагодарный выжигает человека, что часто стало происходить с мужиком стараниями "элиты", как ты её называешь. А душа России - именно мужик. А душа - это часть Бога. Так что, то, что произошло - закономерно. Катарсис, очищение огнём. Как больной организм изгоняет яд жаром, так и русское общество избавилось от паразитов и их яда. Не стоит так сокрушаться о былом. Не всяк же дворянин был истреблён. Вон, родственники графа Толстого же живы. Живут среди нас, творят. Говорят, Алексей Толстой что-то грандиозное намутил в виде книги.

- Кто ты, Вить? Ведь, ясно же, что ты не просто старшина.

- Чё это вдруг?

- Да не придурайся. То, что ты сейчас сказал, тянет на научную работу. Но я нигде не встречал хотя бы части сказанного тобой.

- То есть, ты отказываешь крестьянскому сыну в праве шевелить извилинами? Зря. Да, основная масса того, что я сказал - прочитано мной. Но сопоставить разрозненные факты в единое видение мира, не вызывающее душевного отторжения - труд самого человека. И именно подобный труд над собой возвышает человека и делает его человеком, а не тварью дрожащей. И этому меня учил дед, крестьянин, а его - его дед, тоже

крестьянин, владеющий собственной библиотекой. Лишнюю денежку он не пропивал, на книги спускал. Так-то. Не там ты элиту ищешь.

- Просто я впервые встречаю настолько разумного...

- Мужика. Что же ты, не стесняйся, я не обижусь. У нас на Урале и в Сибири подобные мне не исключение, а скорее правило. Только их называть надо не просвещенные, это слово навсегда обгажено привязкой к погрязшей в бесовщине Европе, а просветлённые. Увидевшие отблеск Бога в душе своей. А здесь таких мало. Чрезмерный неблагодарный, почти каторжный труд сначала убил в людях Надежду, потом погасла Вера и потемнела душа. Откуда свет в ней возьмется? Как без божественной искры в душе отличить правду от кривды? Полагаться на ум? Ненадёжный инструмент, легко поддающийся обману соблазнов. Помни, Натан - логика - вотчина сатаны. Посмотри хотя бы на врага нашего теперешнего - была Пруссия, жили наши люди. Счастливо жили. Поддались соблазнам. Элиты переродились. Глас Бога слышать перестали. Тёмные души. Чистая логика. Бесчеловечная. Сатанинство. Они, логически неопровержимо, доказывают, что они есть потомки Ариев - лучшие. Это так. Но туда Арии пришли отсюда. Но Арий никогда не будет утверждать, что он лучший. Потому что точно знает - все народы лучшие. Все дети одного Бога. Не может у отца быть лучших или худших сынов. Все сыны любимы. Арий не станет истреблять другой народ, знает точно - все равны перед Богом. А немцы сейчас, как и древние римляне, стали бесами. Бездушными. Римляне из кожи славянских детей страницы книг делали, а немцы из кожи людей - сумочки, куртки, перчатки.

Натан отшатнулся в ужасе.

- Не может быть.

- Невероятно? Прислушайся к себе. Не к логике - она обманет. К душе прислушайся. Она верит?

Натан уронил голову. Глухо сказал:

- Они евреев в Польше, как скот, в загоны заперли. Считают их не людьми. А цыган истребили.

- Тоже не веришь? Но просто расстрелять всех - нелогично. Гораздо логичней, а значит выгодней процесс истребления сделать прибыльным - кровь - раненым, кожу - галантерея, из кости - сувениры, игрушки, шахматные фигуры, например. Огромным спросом всё это пользуется. И не только в Германии. Централизованные, но негласные, поставки в Англию, Северную Америку. Там это считается проявлением элитарности - отринуть человеческую мораль. Уподобиться зверю - есть себе подобных. Ну, а те останки, что в производство не годятся - идут на удобрения.

Человек человека ест. У бесов Рима даже пословица такая была.

- А ещё с крестами ходят.

- И на танках, самолётах рисуют. Не смотри на мир глазами, Натан, обманут они. Смотри на суть вещей и явления. Зри в корень, как учил Козьма Прутков.

- Я вот слушаю тебя - и не пойму. Толи ты и был такой, хотя скрывал ото всех, то ли контузия так подействовала.

- А, врач в тебе заговорил? Если и дальше будешь глупости молоть, так и буду тебя врачом обзывать. От слова "врать".

Натан удивился:

- А должно как?

- Лекарь - от слова "лечить". Или целитель - восстанавливающий целостность.

Натан сплюнул:

- Да ну тебя! Обижусь.

- На обиженных, от "объезженных" - воду возят. Да и не боюсь я больше ничего. Понимаешь - умирать страшно первый раз. Я умер - вы меня возродили. Нет страха. Ладно. Загрузил я тебя. Ты что сказать-то хотел?

- Военком тобой интересовался. Сам на нас вышел. Ему начальник станции такое напел, что хоть в рай, то есть в партию, без очереди принимай. Впечатлил ты человека.

- А военком?

- Состоянием твоим интересовался. Запросы на тебя ушли по прежнему месту службы. Так что скоро на довольствии от нашего горвоенкомата встанешь.

- Ой ли? Скоро запросы не вертаются.

- А ты пока на больничных харчах. Вещи тебе не нужны, деньги тоже...

- Нужны.

- Зачем? Тебе и из территории госпиталя отлучаться нельзя.

- Но у меня есть среди врачей хороший товарищ.

- Не Натаном случаем, зовут? Так в этом я тебе совсем не товарищ. Я обрадовать думал, а ты и на шею сразу ноги закидываешь.

- Кузьмин! - раздался от дверей госпиталя сердитый девичий голос. Одной из медсестёр, ехавших в полуторке со мной на станцию. Та, что комсорг. Сегодня её смена. И хотя она не старшая медсестра, но очень ответственная девушка. По меркам 21-го века - даже чересчур.

- Людочка, я здесь! - крикнул я.

Как я и рассчитывал, её неуёмная энергия и молодость не дадут ей ждать меня на входе. Прибежит. Правда, бежит. Одной рукой придерживая халат, другой широко отмахивая.

- А, Натан Аароныч, и вы здесь.

- Да, Людочка. Виктор Иванович меня развлекать изволили. Вы не за этим ли сами пожаловали?

Девушка смутилась. Натан торжествующе глянул на меня, я усмехнулся.

- А я увидела в 23 палате столпотворение, думала - опять старшина байки рассказывает.

- Людочка, красавица, рассказывают сказки, а байки я травлю.

- Они что - яд?

- Ну, нет. Это как сеть, когда рыба в неё попала, потихоньку травишь, отпускаешь сеть, чтобы рыба-слушатель глубже запуталась и не вырвалась. Или как избыточное давление из котла всеобщего внимания и почитания стравливают клапаном моего рта, чтобы не разорвало котёл моей головы.

- Вот вы меня уже и запутали. - рассмеялась девушка.

- А вы мне, милочка, как раз и нужны. Натан Аронович, не уходите. Вас тоже касает, как ответственного и душевного (душевного я подчеркнул интонацией) человека, лекаря.

- Натан Аароныч, он вас обзывает, а вы молчите? - рассмеялась девушка. Какая смешливая. А ещё комсорг. Это когда же комсорги превратятся в выроdkов Чубайсов, Гайдаров и других "комсомольских вожаков"?

- Милая Людочка, он считает, контуженный на всю голову, что так он мне честь оказывает. Лекарь от слова лечить, а врач - от "врать".

- Правда - контуженный.

Мы смеялись все трое.

- Людочка, вы не обратили внимание - для чего собрались в моей палате все эти раненные, а я не сомневаюсь, что там были только раненные?

- Да нет, как-то. Увидела - вас нет. А так, тихо сидят, едят, разговаривают вполголоса.

- А запах? Ничего не заметили?

- Да нет. Запах, как запах, - Людочка сморщила носик. Да, запах госпиталя - то ещё испытание.

- А когда вы огурцы последний раз ели?

- Утром сегодня, за завтраком. Что вы загадки какие-то загадываете.

Скажите толком.

- Ко мне сегодня Екатерина Георгиевна приходила.

Людочка фыркнула.

- Да я знаю, что вы в курсе. Но дело не совсем в ней. Она принесла огурцы, зелень. Наверное, весь сегодняшний урожай. Вы-то их каждый день едите, вот даже и не заметили ничего особенного, а бойцы уже неизвестно сколько на фронте одной кашей питались. Представляете, как она опостылела. А тут зелень. Вот они на запах и сбежались. Представьте, как улучшились вкусо-ароматические качества той же каши с укропом, петрушкой, зелёным луком, с хрустящим огурцом вприкуску. В кухне этого нет. Почему-то. Хотя лето. А это витамины, это очень полезно.

- Да, - задумчиво протянул Натан, - как-то мы это упустили. В больнице, обычно, это родные и близкие обеспечивают. Мы и привыкли. Надо дать заявку в заготконтору.

- И они проведут подразвёрстку. И привезут тебе вялые, подгнившие, сгоревшие, сопревшие овощи и фрукты. А толку? Народ озлоблен, раненым не легче. Смысл?

- А как?

Едва поймал себя за язык. Чуть не сказал: "пиар-акция". Пришлось на ходу перевести на человеческий язык:

- Грамотная, без фанатизма и насилия, общественная работа. Город наполовину состоит из дворов. Сады, огороды. На них иногда вырастает больше, чем хозяевам необходимо. Рядом - села, посёлки. Надо провести общественную работу. Я думаю, если людям просто рассказать, что госпиталь полон раненных и увечных, что им для поправления требуется свежие плоды, ягода, овощи, фрукты, молочная продукция, люди сами попрут излишки в госпиталь. Но только рассказать, попросить, ни в коем случае не требовать. Действием сим они должны себя возвысить, жертвуя. А любая обязаловка унижает. Только добрая воля. Один из десяти соизволит - госпиталю хватит за глаза. Вот для этого, Людочка и нужны ваши комсомолки. Обойти людей, пообщаться. Деликатно и ненавязчиво. Сумеете?

- Конечно. Завтра же подниму этот вопрос на собрании ячейки.

- Ни в коем случае! Никакой компанейщины и штурмовщины. Строго в индивидуальных беседах. А по комсомольской линии отчитаетесь по итогам. Назовёте инициативой каждого отдельного комсомольца. Это должно выглядеть впечатляюще. Подумайте, Людочка. И помните - деликатно и ненавязчиво.

- А получится? Согласятся ли люди своё отдать? Бесплатно.

- А дайте им шанс. Но не ждите многого. И они вас приятно удивят. Это же русские люди.

Ну, вот. И всё обсудили. Но расходиться никто не спешил. Мне в палату не хотелось, но и мои медсобеседники не уходили. Словно ждали чего-то.

- Виктор Иванович, спой что-нибудь, - попросила Люда.

- Людочка, разве я Шаляпин? Даже не Утёсов. И не Бернес, - больше исполнителей этого времени я и не знал.

- Но ведь вы так замечательно спели:

Стрелы слова - не отпускай моей руки,

Фразы в ветра - не бросай!

Стрелы слова - вера моя, мои грехи,

Крик небесам: не бросай!

- Людочка, да вы талант! - воскликнул Натан.

- Да, вот вы нам и спойте, - поддакнул я.

- Виктор Иванович, лучше вы. Что-нибудь новенькое, своё.

Я искренне рассмеялся:

- Вы что, Людочка, подумали, что это моя песня? Я лишь, как попугай, - что слышу, то и воспроизвожу. Сам, к сожалению, талантом подобным обделён.

- Жалко, - девушка и вправду расстроилась, - а я записала ту песню. Мы теперь её петь будем. Девочкам тоже понравилась, хотя она явно мужская. Но, какая-то...

- Какая?

- Ну... Непривычная какая-то.

- Ну, конечно же. Другое поколение, другая ментальность. Я же говорил - она из других времен. Ладно, не расстраивайтесь так. Я попробую исполнить одну.

Я задумался, вспоминая.

- Витя, хватит себе цену набивать! - это уже Натан, в нетерпении, высыпал свои пять копеек.

- Я слышал это в авторской редакции, под гитару. Сам я умею играть только на чужих нервах. Слова, если запомните, мотив подберёте:

Белый снег, серый лёд

На растрескавшейся земле

Одеялом лоскутным на ней

Город в дорожной петле

А над городом плывут облака

Закрывая небесный свет

А над городом жёлтый дым
Городу две тысячи лет
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце
И две тысячи лет война
Война без особых причин
Война - дело молодых
Лекарство против морщин
Красная, красная кровь
Через час уже просто земля
Через два на ней цветы и трава
Через три она снова жива
И согрета лучами звезды
По имени Солнце
И мы знаем, что так было всегда
Что судьбою больше любим
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым
О не помнит слова "да" и слова "нет"
Он не помнит ни чинов, ни имён
И способен дотянуться до звёзд,
Не считая, что это сон.
И упасть, опалённым звездой
По имени Солнце.

Секунд тридцать стояла оглушительная тишина, потом парк вокруг взорвался аплодисментами и криками - народу набежало, оказывается, немало.

- Я никогда не слышал подобного, - Натан был впечатлён, - чем-то переключается с буреизвестником, ищущим бури, как будто в бурях есть покой. При этом фатализм, но какая сила в каждом слове. Даже меня потрясывает. Признайся - твоё?

- Да нет же. Мне чужого не надо. Люда, записывать будешь - укажи - автор - Виктор Цой, мой тёзка. Казах, бывший кореец, сейчас русский. Поэтому имя русское, а фамилия - корейская. А вот где мы с ним пересекались - военная тайна.

- Ещё! - взмолилась девушка.

- Нет, Людочка. Хорошего помаленьку. Надеюсь, в следующий раз "Звезду по имени Солнце" мы услышим в вашем исполнении. Поздно уже. Спать.

Народ, разочарованный, расходился. А чего вы хотели? Концерт по заявкам? Так песен этого времени я, окромя "Катюши", и не знаю. А нашего времени - ограниченно применимо. Так, от балды, петь нельзя. Сначала вспомню, запишу, отредактирую от иновременностей и идеологически не выдержанностей, а потом и можно применять. Даже нужно. "Нам песня строить и жить помогает". Надо проводить морально-психологическое стимулирование и настройку на преодоление трудностей. Больно уж они тут расслабленные. А с трудностями психологического характера столкнуться? Спасуют? Сейчас сотнями и тысячами в плен сдаются не потому, что трусы или предатели, а от растерянности. Привычный мир рухнул, погребя их души под обломками. К концу 42-го они оклемаются. Появиться знаменитая русская стойкость характера, жертвенность, инициативность. Именно эти, морально модулированные и напишут знаменитые песни к фильмам о войне, на которых воспитывались следующие поколения. И я. А сейчас этого нет.

Только сейчас, в процессе этих размышлений, я понял, что же так долго свербило в душе. А именно - резкое различие одних и тех же людей образца 41-го и, хотя бы 44-го, не давало мне покоя. "Опалённые войной" - так они себя называли. Это абсолютно разные, ментально, люди. Более того, они в конце сороковых не понимали и не принимали самих себя образца 41-го. Стыдились, но не понимали.

А я ещё в детстве, читая по школьной программе Симонова, помоему, и Бондарева (если не ошибаюсь), не мог понять, радостной расслабленности героев "Живых и мёртвых", резко сменившейся, после первого же окружения, на отчаяние растерянности, полную дезориентацию, потерю воли. Отсюда полное отсутствие критической оценки событий, нежелание думать, сопротивляться, т.е. люди превратились в баранов. Большинство, даже генералы. Их действия, реакции стали шаблонными, противником легко предсказуемыми. Поражения были сокрушительными. А солдаты... Они тоже стали действовать на инстинктах. Кому-то инстинкты приказали сдаться, кому-то - идти к своим. Писатель гениально показал состояние главного героя - абсолютно бессознательное метание его по тылам врага, больше похожее на состояние человека во сне-кошмаре. А так оно и было - разум вырубился, не перенесся стресса. Стало зомби - тело, запрограммированное на что-либо, в данном случае - идти домой.

А вот герои "Горячего снега" и "Батальоны просят огня" совсем другие. Они тоже были окружены. Но не растеряны. Их холодная расчетливая ярость, железная, но изворотливая, как штопор, воля к победе, инициативность, выдумка солдатской хитрости, жертвенность - мне,

ребенку 90-х были понятней. Они были "опалённые", мы, из 90-х - "отмороженными". Они, как у Цоя, не помнили ни чинов, ни имен, были способны дотянуться до звёзд. После боя генерал им раздал ордена, но сначала они смотрели на эти железяки не понимая их значения. Понимал ли автор, насколько он гениально обрисовал эту сцену? Я, ребёнком ещё, мечтавшем обо всём и сразу, не понял этого тогда, а когда понял их, этих выживших, сам стал таким же. Не за ордена они умирали. Убивали, прощались с друзьями. Даже не за Родину. А за самих себя, за что-то в самих себе. Чего не ощущаешь, пока не окажешься на грани.

Вот в этом направлении и стоило поработать.

Я был рад и доволен собой. Наконец я нащупал достойную цель моего пребывания здесь. Не просто сдохнуть, утащив с собой несколько нелюдей в форме фельграу, а что-то большее. План вырисовывался такой. Перед моим попаданием сюда мы всей семьей смотрели прикольный фильм, снятый в лучших традициях русского кино - "Каникулы строгого режима". Нам понравилось. Один из героев фильма придумал план из трех действий: "Завоевать авторитет, сколотить команду, показать фокус". План моих действий имел те же пункты. Надеюсь, нацистам мой "фокус" понравится.

Получиться ли? Авторитет завоёвывался неплохо, почти сам собой. Приложить усилия - можно будет расширить охват "аудитории". Команда. Тут пока мутно. Но, людьми руководить - у меня должно получиться. Половину трудовой деятельности я руководил коллективами (иногда неявно, негласно) разной величины. Самый крупный опыт - руление литейным цехом 3 года явно, потом 2 года в качестве негласного лидера (авторитета). А в цехе было 129 человек. Ё-кти, рота. Вот и ближайший предел. Самый мутный пункт - "фокус". Но он и последний в очереди. Ладно, по ходу разберёмся, с Божьей помощью. Как говорится: делай, что должен и - ... флаг тебе в руки, дудку в одно место и поезд навстречу.

Усмехнувшись собственному каламбуру, я уснул.

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Была принята попытка активизировать проявление Объекта.

- Не испугнули?

- Вроде, нет.

- И что, проявил?

- Не совсем так. Но, разговор был однозначно плодотворный.

Отрабатывалась версия, что Объект - потомок эмигрантов. Возможно, из дворян. В разговоре показал пренебрежительное отношение к

дворянству. Однозначно позиционирует себя "крестьянским сыном". Якобы, с Урала или из Сибири. Показал высокую лояльность коммунистической идее, но проявил и высокую религиозность.

- Так вот всё это сразу и вместе?

- Именно. Поет песни, которых никто не знает. Стилистика песен абсолютно разная. Это произведения разных людей. Если некоторые из них и могут быть его собственными сочинениями, но не все - это точно. Сослался на знакомство с каким-то корейцем, вернее, потомком корейцев.

- Их в Сибири не мало.

- Но, и в Сибири никогда не слышали подобных песен. Да, отношение к немцам необычное.

- Какое?

- К немцам, как к нации не испытывает антипатии, а вот к той Германии, что сейчас испытывает лютую ненависть. А вот в Англии и САСШ - ненависть уже на грани национализма. К евреям, кстати - тоже.

- Вот это букет!

- А я о чём?

- Что думаешь дальше? Не забывай, время - не резиновое.

- Помню. Объект рвётся "в бой". Предлагаю увеличить ему степень свободы. Как ты сам говоришь: "Птицу видно по полёту?" А там, глядишь, и связи выявим.

Контуженный на всю голову

.

Когда есть смысл.

Цель есть. Надо к ней двигаться.

Кстати, двигаться. Меня резко перестала устраивать ограниченность собственной подвижности. Ведь что такое война? Народная мудрость гласит: "Ерунда война, главное манёвры". Маневренность - вот что главное на войне. А в бою - подвижность. "Летай, как бабочка, жаль, как пчела" - это Али, боксёр. Боец. Любой бой, хоть боксерский, хоть в подворотне, хоть Сталинградская битва - имеют общие законы: захвати инициативу, будь быстрее противника, бей своей сильной частью по уязвимой части противника, уйди из-под удара. Пора заняться развитием тушки Кузьмина Виктора Ивановича, доставшейся мне в весьма плачевном состоянии.

Для начала проведём ревизию имеющихся мощностей. Сердце довольно сильное, достаточно поднять его эластичность, кровеносная система достойная - мой прежний телообладатель был видимо привычен к тяжёлому физическому труду. Зер гуд. Позвоночник. Покрутившись, понял - в пояснице пара позвонков приплюснены - обычное дело при

перетаскивании тяжестей на хребте. У меня в прошлой жизни с 14-ти лет то же самое - дело привычное. Руки - ноги. Вот здесь намного хуже. Переломы, вывихи, швы. М-да. Общая неэластичность. Это поправимо.

А начать надо с главного - дыхание. Забывшись, я запел:

Слушая наше дыхание

Я слушаю наше дыхание

Я раньше и не думал что у нас

На двоих всего одно лишь дыхание.

Дыха-нье-е.

Комплекс упражнений, смесь йоги с практиками русских рукопашников, это основа основ. Нас этому научил чудной толстоватенький студент Агроуниверситета в подвале ДЮСШ. Это называлось "секция рукопашного боя". Студент так калымил - мы учились драться. А как иначе? Это были 90-е. Пацан без набитого кулака и не пацан. Короткая стрижка, широкие спортивки, кроссовки, кожанки - это мы. Танцы, музыка, мольберты - нам этого тогда было не понять. Мы бились до крови, били в кровь за "понты", судили "по-понятиям". Только не бандитствовали. Мне нравилось рисовать. Художественная школа или подвалы ДЮСШ (один - секция бокса, другой - тяжелой атлетики)? Вопрос не стоял. И вот почему.

Тогда в любых больших помещениях с аудиоаппаратурой проводились дискотеки. Все "реальные пацаны" обязаны присутствовать. Танцевать категорически не приветствовалось. Только "медляк" с "тёлкой" или вусмерть пьяным дёргаться подобно припадочному. И вот на моих глазах (мне четырнадцать) происходит "наезд". Это группа наглых типчиков ("быков") посылает одного, самого наглого, но с виду слабого, курсировать по залу. Этот "бык" начинает задирать "лохов" - ребят, под категорию "реальных пацанов" не попадающую. Это обычные старшеклассники, танцующие в общем кругу со своими девочками (не по-понятиям, см. выше). Т.е. он пересекает танцующий зал, задевая плечами (умышленно, резко и больно, до клянцанья зубов) плечи "лохов", и пёр дальше. Многие "отличники" понимали, что это значит. Поэтому - язык - в ... за брючный ремень и молчок. Но вот и на "бычьей" улице праздник - парень был с девушкой. Она, видимо, была дорога ему. И не желая пасть в её глазах до уровня плинтуса, т.е. труса, он дёрнул обидчика за рукав: "Э, ты чё, бычара?" И всё стадо налетело. Они сбили парня с ног, запинали. Но это дело обычное, привычное. А вот дальше был "беспредел". "Быки" расступились. К лежащему без сознания подошел один, по всем видам и манере - вожак. Что-то сказал и... Он прыгнул всем своим прокаченным

центнером парню на голову. Я стоял не далеко - в паре шагов. Кровь и мозги попали мне в рот, забрызгали лицо и одежду. Визг, музыка вырубилась, топот сотен ног, давка на выходе. И дикий хохот отморожков, настолько самодовольный и самоуверенный, что именно от этого, а не от крови во рту, я похолодел. Они не испытывали никакого страха, никаких угрызений совести. Они считали себя выше нас, выше морали, выше закона. Да, кстати, никто из них так и не сел в тюрьму. Убийца был племянником прокурора города, свидетелей не было, а парень - "погиб в давке на выходе из клуба".

Я был тем самым "отличником, зубрилкой", да ещё и очкариком. В тот момент, как чужие мозги полетели мне в лицо, капли засохли на линзах очков, меня перестали интересовать стихи, рисование и ещё многое-многое, из чего состояла моя жизнь. Появились спортзалы (на бокс нас не взяли, как и на тяжёлую атлетику - "старые") которые попадали в наши руки после, или между, занятий секций бокса и штангистов.

Знаете что такое "секция рукопашного боя" в подвале ДЮСШ? Это выжимка, экстракт, гремучая смесь ушу, каратэ, бокса, самбо, славяно-горецкой борьбы. Это я понял позже, к тридцати, продолжая самообучение, а тогда мы, 14-15 лет от роду, просто впитывали всё как губка, без сомнений, на веру. Но, как не странно, студента этого никто Сансеем и даже Учителем (как в фильмах по кунг-фу) не называл. Он был Серёга. Не более. Он возился с нами час-полтора, потом убегал. Для нас это была жизнь. Новая, интересная. Для него - побочный заработок. Это продолжалось недолго. Год. Потом была массовая драка нас с боксёрами, позорно забитыми ногами - мы владели техникой боя ногами, борьбой, а для боксёра ноги - подпорки. Нас выставили из зала и секция распалась. Примерно половина бойцов продолжали встречаться в подвале другой ДЮСШ - в качалке, но среди станков, гирь, штанг и гантелей не помашешь конечностями, не попрыгаешь в партере. Так, для релаксации после "качания". Но Серёга-студент дал мне главное - основу. А потом самоучение, в основном на практике. Хотя по настоящему, всерьёз, дрался я очень редко. Просто изменилось тело, моторика, взгляд. Это много говорило понимающим, количество желающих "наехать" резко убавилось. Тем более, что такие как я были не просто "реальные", а "нормальные, правильные пацаны", создав новый тренд - не тупой отморозок, а довольно грамотные, общительные, неглупые ребята, с которыми лучше не ссориться.

Правда, очки пришлось снять раз и навсегда. Дома - одевал, но на людях - никогда.

Но молодость прошла, отучился в институте, в армии не был, девушка, с которой и познакомился благодаря увлечению рукопашкой, потом семья, сын, работа, телек, комп - какой к чёрту спорт? О чём вы? Достаточно того, что при необходимости в тёмном переулке наkostenю "попутавшим". Хватит. Тем более с годами понимаешь - силой проблем не разрешить. А вот помножить - запросто. Понадобилось осваивать новые умения, навыки. Но это было в прошлой, почти мирной жизни.

Другой мир, другое тело, другая цель. Старые бойцовские практики и надо вспоминать.

Я видел удивлённые взгляды окружающих. Люди приходили в парк смотреть на мои упражнения, как в цирк. И что? Да пошли вы все! Как там говорить: "Тебе не всё ли равно, что о тебе подумает кабан?" Комплекс дыхательных упражнений, статические нагрузки, растягивание - вот, пока, то немного, что мне доступно. Пару раз приходил Натан. Щупал пульс, слушал сердце, мерил давление, рассматривал зрачки глаза, язык. Хмыкал, уходил.

К вечеру тело болело невыносимо. Да, нельзя так, с непривычки. Но - время. Его опять нет. Я чувствую, как оно уходит. А я - ждал. Одно утешение - не в тоске и не напрасно. Тренировки, интересное общество, Катя.

В госпитале поднялся откровенный шухер. Как всегда при угрозе приезда большого начальства. Медперсонал носился с видом лёгкой истерики. Они разом пытались привести в божеский вид полы, стены, окна, двери и нас, излечаемых. Получалось плохо. Я даже не пытался помочь. В таких ситуациях - чем больше действующих лиц, тем больше бардак. Поэтому я ограничился уборкой самого себя. Помыл, что смог, в том числе и изрядно отросшие волосы, теперь чистые они стали как иглы дикобраза под ударом тока - торчали все разом строго перпендикулярно коже головы. Подстриг ногти (на правой руке с посторонней помощью) и побрился. Вот тут особый разговор. Никогда в жизни в руках не держал опасной бритвы. Только "Жилеты". Ясно, я опасался бриться. Отросла довольно приличная борода, густая, тёмно-русая, как у былинного героя, хотя и короткая. Но устав Красной Армии однозначно запрещает ношение бороды, неодобрительно морщиться на усы, но терпит (Будённый), о чём мне неоднократно и не прозрачно намекнули все соседи по палате по очереди. Недоели даже. Пришлось братья за мыло и бритву. Но ничего страшного не произошло - выработанные рефлексy тела-Кузьмина выручили меня и здесь, как до этого с портянками (ну кто в 2010-х умеет их правильно наматывать?). Сбрил всё, хотя регулярно заглядывающие юный девичий

медперсонал и просил оставить усы. Без бороды они у меня вызывали только одни ассоциации - "пи__да под носом".

Так что я теперь, воняя "Шипром" на пол-этажа, причёсанный, отмытый, в чисто-глаженной пижаме, сидел на своей койке у окна, подперев спину подушкой, я читал. Жюль Верна. Ну, как читал? Всё это в детстве же было перечтено. Пролистывал - легенда, батенька. Извольте не мистическим путем расширять кругозор, а реальным - осязаемым. Хотя не интересно уже перечитывать. Так, для вида листаю. На тумбочке лежал Толстой. "Война и мир". Уже пролистал. А Клаузевица мне достать негде. Не интересен он хирургу Натану Аароновичу.

- Приехали! - пронеслось по коридорам, сопровождаемое топотом стада бегемотов. И вот стало тихо. Впервые за пару последних дней.

Я выглянул в окно. Но, оно выходило во двор, видно было только нервного повара в белоснежном, а не сером, как до этого, фартуке. Эх, их всех пробрало! Не нарком ли Тимошенко приехал?

Оказалось - нет. Часа через полтора в палату завалилась толпа военных со шпалами, звёздами на рукавах, во главе с седым, длинным (тощий, как вешалка, оттого казался длинным), типом с выпяченным подбородком, жестоким взглядом ледяных глаз исподлобья, недовольно сжатыми в тонкую линию губами. Серая кожа обтянула лицо, как у мумии. Один ромб в петлицах.

"Это с какой же шахты тебя извлекли? И как долго там мариновали? На силе воли держишься?" - подумал я. Вид этого седого был откровенно чахоточно-дистрофичный.

Делегация констатировала нам доброго дня и скорейшего выздоровления. Потом скрипучим голосом сказал седой:

- Я комбриг Синицын Александр Дмитриевич...

Я обалдел. Комбриг. Это что за прослойка? Знаю, есть полковник, следом - генерал-майор. Полк-дивизия. Меж ними бригада иногда бывает. И для бригады выделили отдельное звание? А вот чем бригада отличается от полка и дивизии? Два полка вместо трех, как в дивизии? Блин, ничегошеньки я не знаю.

- Подлый враг остановлен, получив по зубам под Смоленском и Киевом. Но для его окончательного разгрома сил пока недостаточно. Зато, появилась возможность заняться подготовкой подкреплений. В стране началось формирование резервных армий. В нашей области - дивизии, в городе и районе - стрелковой бригады. Руководить этим буду я. Принято решение, бойцов, по излечении, направлять не в действующую армию, а на переформирование. Для передачи боевого опыта призывникам. Как

говориться, за битого - двух небитых дают. Нам нужны инструктора в учебные роты. Кидать необстрелянных людей в бой - непозволительная роскошь. Поэтому командование и партия просят вас, товарищи, - поправляйтесь быстрее. Если имеются какие просьбы, предложения - говорите, не стесняйтесь. Мы поможем.

Вот оно! На ловца и зверь бежит. Я шагнул вперед, вытянулся, как смог:

- Старшина Кузьмин. Был ранен при бомбёжке, отстал от части. Прошу принять меня в бригаду. В действующую армию не годен, пока, - я поднял загипсованную руку, - но имею опыт обучения новобранцев. В процессе и долечусь. Время нас ждать не будет. Хребет зверю ещё не сломали, только отповедь дали. А без меня сломают - обидно будет.

- Орёл?! - ледяные глаза комбрига потеплели. Он повернулся к заведующему хирургией - Натану, старательно прятавшемуся за широкими спинами военкомов: - Он достаточно подлечился?

Натан выглядел одновременно сердитым, растерянным и обиженным, но голос был твёрд.

- Кузьмин был не столько ранен, сколько контужен. И что там в его голове сейчас происходит - непонятно.

- Как и у всех нас, - перебил его Синицин, - ближе к делу.

- Выписать его не могу, но и удержать его невозможно - опять под бомбы полезет. Его прямо к ним тянет.

- Это как? - удивился комбриг.

- Это не тот ли старшина, что своим видом ожившей мумии всех немцев распугал? - встрял ещё какой-то тип с тремя шпалами и огромной звездой на рукаве, - Он самый? О, Александр Дмитриевич, этот старшина уже успел отличиться. Во время бомбёжки станции, сбежал отсюда, пешком дошел до вокзала, остановил панику среди железнодорожного персонала, понёсшего потери, организовал ремонт повреждённых путей силами женщин-путейцев и привлечённых бойцов, поддавшихся панике и пробежавших мимо.

- А почему как мумия?

- Так в бинтах с ног до головы, ноги-руки не гнуться из-за гипсов.

- Да, старшина. Такие люди нам нужны. Считайте вопрос решённым. Что, военврач?

- Я его не могу выписать, - упрямо заявил Натан.

- Да вы что, издеваетесь? - комбриг как-то весь приподнялся. Казалось, он стал коршуном. Сейчас как кинется на Натана, перья только и полетят.

- Он может заниматься делами вашего ведомства, но останется под наблюдением. Каждый день должен являться на приём.

Комбриг стал обычным. Даже усмехнулся.

- Пойдёт. Так бы и сказали, что переводите его на дневное. Так, старшина. Слушай мою команду: завтра, в 8-00, в кабинете военкома, как штык!

- Есть, как штык! Благодарю!

- А вот это лишнее. Пойдёмте, товарищи. Натан Ааронович, у вас есть ещё подобные бойцы?

- Настолько же контуженных нет.

- Жаль. Мне бы тыщёночку "настолько же контуженных" и остальных можно ставить на заготовку берёзовых крестов.

Из коридора раздался дружный смех. Это хорошо. Но, не очень. Как я понял, комбриг думает, что немчуру остановили? Его ждёт разочарование. Кадровая армия мирного времени тормознула вермахт, но и сама растерзана как тузикова грелка. Перегруппировка Гудериана под Киев - миллион у нас минус. Огромная кровоточащая дыра на юго-западе и жиденький заборчик на смоленской дороге. Времени мало. Не сформирует комбриг своей бригады - по частям под танки бросят. Тьфу-тьфу, не дай бог. Но времени мало. Его уже практически нет.

Спать. Срочно. Когда ещё придётся. С завтра - цейтнот.

Встать в строй!

Утром я, как пан-король, на полуторке был доставлен к военкомату. Народ вокруг военкомата роился в невообразимых количествах. Многоголосый их говор сливался в один большой шум. Подобное меня всегда бесило, уставал от этого сразу. Провожаемый десятками пар любопытных и удивленных глаз (я в больничной коричнево-полосатой пижаме) я прошёл в военкомат. Меня немного "потрясывало", как всегда перед собеседованием с людьми, от которых хоть немного зависела моя судьба. Нашёл нужный кабинет, коридор перед которым был плотно упакован молодыми (и не очень) людьми. Протолкнуться я бы не смог. Стал ждать. Часов у меня не было. Опаздывал я или нет, не знал. Но проявить непунктуальность не хотелось. Поэтому, набравшись наглости, тормознул солдатику с двумя треугольниками на петлицах. Выбрал его за не соответствие молодого лица и сосредоточенность на этом самом лице (типа сильно занятой).

- Слушай, дружище, меня в восемь ноль-ноль военком ждать должен. С комбригом.

Солдатик испугано выдернул рукав из моих пальцев, сменил испуг

на лице презрением, с которым оценил мой прикид.

- А народный комиссар обороны тебя там не ждёт? - процедил он сквозь зубы.

- Не советую ёрничать, мальчик, у меня это лучше получиться. Иди, доложи: старшина Кузьмин прибыл. Если ты не понял - старшина Кузьмин - я. На внешний вид не смотри, я с госпиталя.

Когда я его назвал "мальчиком", лицо его побагровело. Но, дальнейшие слова охладили пыл.

- Тут много всяких дожидается. Постарше званием старшины. И ничего, ждут.

- Не всем указано явиться лично пред очи ровно в восемь нуль-нуль, как мне. Ты мне долго мозг парить будешь? Туда же всё одно идёшь. Вот и скажи.

- Посмотрим.

Минут через пять дверь открылась:

- Старшина Кузьмин!

- Здесь! Ну-ка, ребятки, пропустите будущего героя штурма Кенигсберга и Берлина!

Ответом был взрыв хохота, но людская стана раздалась в стороны.

- Прямо в пижаме на штурм пойдёшь?

- А-то! Это оружие массового поражения - меня увидят, со смеху помрут. А гипсом - добыю!

Двери захлопнулись за мной. Оказался я в "приёмной". Небольшая комната, мужик с двумя кубиками на воротнике и звездой на рукаве за столом, заваленном папками и бумагами. Мужик поднял красные, как заплаканные глаза, но черные круги вокруг глазниц говорили - краснота от недосыпа.

- Старшина Кузьмин.

Мужик кивнул головой на дверь. Я дошёл, открыл. Тоже небольшой кабинет. "Т"-образный стол, стулья вдоль стены, ковровая дорожка. За столом двое - комбриг Коршун и, видимо, военком. Геометрические фигуры в петлицах совпадали, но как обратиться? Кто он - полковник, комбриг или вообще какой-нибудь интендант какого-то ранга? И что они так намудрили?

- Старшина Кузьмин прибыл! - доложил я.

- Это тот самый? - спросил военком у комбрига.

- Ага, - комбриг кивнул, не глядя на меня, отхлебнул из стакана в подстаканнике парящую коричнево-прозрачную жидкость, наверно, чай.

- Почему в пижаме?

- Обмундирование пришло в негодность полностью. Меня из него вырезали.

- Так сильно побило? Служить сможешь?

- Так точно!

- Эх, ты! Для старорежимника молодоват. Какая воинская специальность?

Я пожал плечами:

- Меня контузило. Не помню ничего о прошлом своём. Память как отшибло.

- Ну и как он учить новобранцев будет? - это уже к комбригу вопрос. А тот у меня спрашивает:

- Совсем отшибло?

- Я не знаю. Так вроде не помню, а вроде и знаю всё. Портянки руки сами наматывают, бреюсь сам, люди мне подчиняются почему-то. А я даже в знаках различия перестал разбираться. Вот вашего звания не знаю.

- Чудно. Тут помню - тут не помню. И что ты так за него просишь? Может пусть подлечиться?

- Петь, ты сам подумай - полный вокзал командиров, а на станции - паника. А этот только с того света - а в кулак всех собрал и путь заставил чинить. Он и в атаку бы баб повёл. И пошли бы. За таким пойдут. Так старшина?

Я пожал плечами:

- Мне попробовать надо. Я же из любопытства туда поехал - душат меня больничные стены. Гляжу - бабы орут, тип в черной форме - орёт, все бегает, глаза потерянные. Встряхнул их, отвлёл, они послушались, работать стали, бойцов отловил - бегали вокруг, как лошади при пожаре. К делу их пристроил. Оно ведь как - человек при деле и не думает ни о чём ином. Некогда ему бояться.

- Это ты верно подметил. Как у тебя с самочувствием, старшина?

- Готов к труду и обороне!

- Эко ты громко! А Натан Аароныч что думает?

- Говорит, динамика очень положительная. Через месяц полностью восстановиться от всех травм, кроме контузии, - ответил за меня комбриг.

- Не отправляйте меня в госпиталь. Я же там совсем заржавею, - взмолился я.

- А это не тебе решать. Многие под юбками жён прячутся, а ты недолатанный в строй рвёшься.

- Враг хозяйничает на моей земле. Не могу я ни о чём ином помышлять, пока до Берлина их не допинаем.

- Ты нас родину любить не агитируй. Сказано - не тебе решать. Куда метишь его, Александр Дмитриевич? На взвод?

- Это лейтенантская должность.

- Где ты их возьмешь столько? На роты бы набрать. Знаю, что лейтенантская. Этих студентов, срочно в лейтёх переодетых, я за командиров и не считаю. По мне, лучше хороший сержант на взводе, чем мальчишка с кубиками.

- А сержантов где брать?

- Это, да. Ну, так что думаешь?

- Он старшина. Вот пусть и старшинствует. В третьей роте второго батальона. Её как раз комплектовать стали. Заодно и подлечиться.

- Завскладом? - я был сильно разочарован. Все планы коту под хвост.

- Смирна! Приказы командования не обсуждаются! Контузией совсем нух отбило? Поговори мне ещё. На губу сядешь - быстро субординацию вспомнишь. Понял?

- Так точно!

- Уже лучше. Кругом! Шагом а-арш!

Я пулей вылетел из кабинета. И встал в растерянности. И что делать дальше?

- Кузьмин? - спросил меня политрук с "заплаканными" глазами.

- Я!

- Слушай сюда. Вот тебе "бегунок". Пройди все эти, кроме этого, кабинеты и ко мне. Что смотришь так? Запрос на тебя давно уже отправили, но они и до войны неделями телились, а сейчас вообще можно не ждать - на фронт раньше попадёте. Оформляйся с нуля.

- А когда на фронт?

Мой собеседник горько усмехнулся:

- Не бойсь - без тебя война не закончиться.

- Да я знаю. Мне интересно, сколько мы тут проторчим.

- Планировали три месяца на формирование и ещё три на сколачивание и обучение, но сколько получится...?

- Понял, спасибо!

Тот пожал плечами, тяжело зевнул в кулак, потряс головой и углубился в бумаги, словно меня уже и нет. Да и то верно. Нечего мешать. Пошел я.

Меня мерили, взвешивали, щупали, опрашивали, записывали. Папка "бегунка" стремительно пухла от вклеенных справок, выписок, вкладышей. И так целый день. На улице уже смеркалось, когда я вернулся к "заплаканному". Он спал за столом, уронив голову на руки.

- А, ты. Всё? Быстро ты. Ну, пойдём. Провожу тебя заодно. Ты не думай, старшина, я уже третьи сутки из этого кабинета не выходил. Не могу больше.

- Да, я и не думаю, понимаю. Не продолжай.

- Денежное довольствие получишь завтра в кассе. За всё время с ранения сразу. Военком уладил этот вопрос. На котловое и вещевое - станешь в роте. А, ты же и есть старшина роты. Тем более - своя рука - владыка. Только, рота ещё не сформирована, с нуля всё и начнешь. С интендантом поаккуратнее. Мужик он... непростой, скажем так. Разберёшься.

- Спасибо.

- За что?

- За всё. И за науку.

- Не за что. В одной лодке качаемся. Военком обещал меня с бригадой отпустить на фронт.

- Как же это он тебя отпустил? Ты у него вроде секретаря?

- Да, ладно. Бабу какую-нибудь возьмет. Дело не хитрое, справятся. А ты сам откуда?

- Я же контуженный. Не помню ни хрена. Так, местами.

- Да, неплохо тебя приголубило. Хорошо к Натану Ааронычу попал. Он хирург от бога, тьфу ты, никак не отвыкну.

- И ты его знаешь?

- Да кто ж его не знает? В городе всего две больницы - узловая и земская. А хирургов по пальцам одной руки пересчитать. А Натан... Он ведь и на Халхин-Гол ездил, и в Финской в командировке там был. У него та-акой опыт! И мужик мировой. Даже золотой.

Вот так вот! Вот тебе и Натан. А мы ведь сдружились. Странно. В прошлой жизни я тяжело сходилась с людьми. Друзей, не знакомых-приятелей, а именно друзей, у меня не было. У жены были близкие подруги, а у меня нет. И вдруг - Натан. Тем более - еврей. Он, оказалось, суетился за меня и перед главврачём, и перед военкомом, комбригом. А на самом деле, оказывается, не надо сотни друзей - один друг-еврей их с лихвой компенсирует. Говорят, они всюду ищут выгоду. А от меня, что за прибыль? Пока для Натана только нервные расстройства. И материальные затраты. Еврея траты на меня. Можете поверить? Я бы не поверил.

Мы дошли по вечернему городу до казарм. Они и в наше время сохранились, правда, внутри я не был.

- Это со мной, - сказал мой спутник часовому на воротах. Часовой смерил меня взглядом, поправил винтовку на плече, но ничего не сказал.

Уже вечер, но на внутреннем плацу вышагивали солдаты. Рулил ими ("И-раз, и-два, левой, выше ногу дери, мать вашу подери!") однорукий командир. Правый рукав гимнастёрки был пришит у самого плеча.

- Это твой комбат. Геройский мужик.

Мы подошли.

- Строй, стой! Раз, два! Разойдись! На сегодня всё.

- Здравствуйте, Андрей Николаевич. Вот, привёл вам пополнение. Старшина третьей роты.

Я представился.

- Натанов крестник, - кивнул он. Представился капитаном Бояриновым Андреем Николаевичем. И орден Боевого Красного Знамени на груди представил сам себя. Похоже, правда - герой. Только без руки и шрам на всё лицо собрал правую щёку в горькую усмешку.

- Надеюсь, сработаемся. А работы много предстоит. Пойдём, я покажу тебе твою старшинскую нору.

- Волков бояться в лес не ходить.

- Что?

- Нам, татарам, что плясать, что работать, лишь бы пропотеть.

- А, прибаутки. Это хорошо. Вовремя сказанная - дух хорошо поднимает. Не вовремя - дисциплину разлагает. А знаешь, что такое армия без дисциплины?

- Стадо вооруженных баранов.

- Верно. Вижу, человек ты бывалый. Воевал?

- Не знаю. Контуженный я.

- А, Натан же говорил.

Мы прошли мимо вытянувшегося солдата, наверное, дневального, набравшего воздуха полную грудь - видимо орать что-либо собрался, да так, чтобы оглушить. Но Бояринов остановил его жестом.

- Вижу, не шуми. Это старшина Кузьмин. Ты не пальни в него случаем. Пока он в таком виде.

Мы зашли в огромную комнату, где сплошными рядами стояли железные двухъярусные кровати, пока пустые.

- Здесь будет квартироваться третья рота. Пока недоформированны первые две, но скоро и сюда заселять начнём. А вот и твоя каптёрка. Осваивайся. И переоденься. Форму по размеру найдёшь.

- Благодарю. По размеру я подберу, а вот что к чему носить не помню. Не попутать бы.

- Разберёмся. Ключи возьми на вахте. Давай, старшина, осваивайся. Да, поживее.

- Слушаюсь.

Я тоже вытянулся, как дневальный до этого. Капитан ушел, громко топая сапогами по крашеному полу. Он припадал на правую ногу. Похоже, не слабо ему досталось.

А обмыть?

Узнав у дневального расположение вахты, сходил за ключами, повозившись с замками, отпер, наконец, дверь каптёрки. М-да, нехило. Немаленькое помещение было заставлено стеллажами, просто завалено мешками, свёртками, ещё чем-то, что при слабенькой лампе не разобрать, так густо, что остался лишь маленький пятачок у двери, но тоже занятый столом с настольной лампой и лежаком, на котором кулем валялись тряпки.

- В натуре, берлога, - пробормотал я. Ну, с Богом! Надо бы это всё перебрать, так сказать, систематизировать, чтобы знать что, где и сколько. Но, сначала уборка. Вот этим я и занялся. Да так увлёкся, что не услышал подошедших. Только деликатный кашель заставил меня оглянуться.

- Мать моя женщина! Натан! Ты ли это?

Натан щерился во все тридцать два зуба. Наверно, лицо моё было забавным. Ещё бы, я вообще офигел - передо мной стоял в новенькой форме с двумя шпалами в петлицах кавалер ордена Боевого Красного Знамени с лицом Натана.

- Не ожидал?

- Да я вообще офигел! Извините, товарищ майор!

- Военврач 2-го ранга.

- Вы тоже воевать собрались?

- Что это за "вы"? Ты, никак, обидеть хочешь старого бедного еврея?

- Тебя обидишь. Щупальцами своими весь город опутал, как спрут. Твои знакомцы меня, контуженного старшинку, схарчат и не заметят.

Натан рассмеялся задорно, залиvisto.

- Не знакомцы, а друзья. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

- В натуре, еврей. Натан, тебя когда воспитывали, не говорили - с друзьями дружить надо, а не иметь их. Извращенец. Морда еврейская.

Натан поперхнулся, открыв рот, потом оттуда раздался хохот.

- Да это ты извращенец, я даже подумать такого не мог!

- Вы ещё долго пикетироваться будите? Нам вас отсюда слушать или как? - раздался из-за спины Натана голос Бояринова.

- Да, что это я? - Натан посторонился, пропуская в каморку комбата и того же политрука, проводившего меня до казарм. Сразу стало тесно.

- Я тут как раз прибирался.

- Хозяюшка, - сочувственным голосом сказал Натан.

- А в глаз?

- Ты, татарская морда, ещё за еврея не ответил.

- Так! - командирский тон комбата вытянул всех в струнку, даже Натана, с его двумя шпалами, - выяснения национальных вопросов оставим для коньяка, а сейчас, слушай мою команду! Натан, как старший по званию, в уборке не учувствует - накрывает стол. Остальные - освобождаем место. Заодно надо и старшину привести в надлежащий вид. А тебе, Кузьмин, выговор за неисполнение моего приказа.

- С внесением в грудную клетку?

- Что?

- Выговор с внесением в грудную клетку? Или в личное дело? То есть, тело?

- Нет, обойдёмся просто выговором. Но, только в первый и последний раз. Понял?

- Так точно!

Мы так препирались, но руки дело делали - узлы и мешки летели в углы.

- Натан, какой-то у тебя странный контуженный. В званиях не разбирается, а шпарит, будто в царской армии отслужил: "так точно".

- Я тебе, Андрюша, больше скажу - он пока в реанимации лежал, как будто институт закончил. Я его сослуживца опросил - как подменили старшину.

Я весь напрягся. Как выкручиваться? В фарс всё перевести? Стоит попробовать:

- Ага, агенты влияния разведок империалистов. Я же и иностранные языки знаю теперь: "Хаю дую ду?".

- Это что?

- Это он по-английски: "Как делаются дела", - подсказал из-за стеллажа политрук.

- Жаль, - вздохнул я, - не немецкий. А на что мне английский? Мы с ними не воюем. Да и не понимаю я, что это значит, так, помню почему-то.

- Давай ещё что-нибудь.

- Велком, гоу аут, файн, щет, фак, лондон из э кэпитал оф грейт британ. Ещё что-то всплывает, но я тут же забываю.

- Сереж, что он сказал?

- Заходи, уходи, замечательно, дерьмо, вообще матом и Лондон - столица Великобритании. Он, наверно, в школе английский учил. Или слышал где.

Фу-у. Может пронесёт. Вот и Натан разразился лекцией о

неразгаданности устройства человеческого мозга и парадоксальности памяти. С примерами из своей богатой практики.

Ну, вот и расселись. Натан достал из своего докторского саквояжа две пол-литровых бутылки с коричневой прозрачной жидкостью. Этикетки незнакомые. Коньяк. Азербайджанский. Понюхал, когда налили в мой стакан.

- Блин, коньяк! Да хороший!

- Конечно. А ты надписям не веришь?

- На заборе тоже написано, а там дрова. Откуда мне знать, как должен пахнуть коньяк? Но ведь узнал, более того, чую - хороший.

- Ну, а я что говорил - "их благородие" подселился в старшину.

Я опять напрягся, но все рассмеялись. А Натан пересказал капитану и политруку наш с ним разговор о дворянах. Комбат покачал головой:

- Да, интересно тебе память вывернуло, старшина. Ну, долго греть-то будем? Я, конечно, понимаю - коньяк, он тепло любит, но доколе?

- И то верно, - поддержал Натан, - Старшина, скажи тост.

- Тост!

Они сначала выжидающе смотрели на меня, потом рассмеялись:

- Опять шутишь, - покачал головой Натан, - Тогда я скажу - за встречу!

Выпили. Отличный коньяк! Вообще, я не любитель выпивать. Ну, так сложилось. Болею сильно с похмелья, а состояние опьянения мне неприятно. Ну, совсем неприятно. Одни неприятности от выпивки. Только один плюс нашел я - мне приятен вкус некоторых алкогольных напитков - коньяка, текилы и... И всё? А, пиво. Но, пью я, только пока не начну пьянеть. Как только в голове начнёт плыть - пить прекращаю. Меня бесит потеря мною контроля за реальностью, вернее, иллюзию контроля, прекрасно понимая, что контролировать реальность не могу и от меня мало что зависит.

- Между первой и второй - чтоб пуля не пролетела.

Подняли по второй. Дай-ка, я скажу:

- За Победу! Она неотвратима, как рассвет. Но, нам надо её приблизить.

- За Победу!

Закусить. Хороший закус. В голове зашумело. Да, сильно! У-у! Я поплыл. Уже?

- Ребят, что-то меня уносит, - сказал я, - Натан, поменее наливай. Что-то меня сильно цепляет.

- И мне поменьше, - попросил политрук Серёжа, - я третьи сутки на

ногах.

- Третья, - это я сказал, - Я вспомнил - третья не чёкаясь. За тех, кого с нами нет. И не будет. И стоя.

Мы встали.

- За батю твоего, Серёжа! Что за человек был. Золотой, - это Натан.

- За моих бойцов, - это сказал, тихо, комбат, - Простите, что не смог вас всех домой вернуть.

Политрук ничего не сказал, лишь в глазах слёзы, да жевлаки ходят пол кожей.

Выпили. Молча закусил. Меня разморило. Чтобы сбить опьянение, усиленно ел. А Натан мне рассказывал об отце политрука - батальонном комиссаре Гапове Анатолии Павловиче, на которого третьего дня получили похоронку. Поэтому и отпустили Гапова Сергея Анатольевича в бригаду. Судя по их рассказу, человек был хороший. Стало грустно:

Чёрный ворон

Что ж ты вьешься

Над моею головой

Ты добычи не дождёшься

Черный ворон, я не твой!

Вот так и спели. Хором. Потом ещё несколько песен, которых я не знал, но тянул. А потом я им спел:

Нас извлекут из-под обломков,

Поднимут на руки каркас

И залпы башенных орудий

В последний путь проводят нас

Пить я не любил. И петь. Но приходилось. А когда пьют мужики, без этой песни не обходиться.

И молодая не узнает

Какой танкиста был конец.

А потом я спел, не в тему, но тоже грустную:

Где-то мы расстались

Не помню, в каких городах

Помню, это было в апреле...

Они внимательно слушали, а умом понимал, что меня, как Остапа "несёт", но остановиться я уже не мог. "Палюсь":

Девочка с глазами

Из самого синего льда

Таёт под огнём пулемёта

Скоро рассвет. Выхода нет.

Ключ поверни и полетели.
Нужно вписать
в чью-то тетрадь
Кровью, как в метрополитене:
"Выхода нет",
Выхода нет.

- Вить, ну признайся, ты ведь сам это придумываешь.

- Отстань, Натан! Я - попугай. Услышал, запомнил - спел. Не умею я песни сочинять.

- О, младший политрук окуклился. Надо его уложить, чтоб не мучился.

Ага, легко сказать. Я был пьян, на двоих с комбатом - две руки. Но, ничего, с Натановой помощью, застелили в казарме матрасом и подушкой койку, снесли туда Сергея, разули и накрыли шерстяным одеялом. Натан постоял над спящим, потом сказал мне:

- Я ведь его с такого возраста помню, - он показал расстояние до пола, - хороший мальчик. И воспитан правильно. Жаль отца. И сам на фронт рвётся. Если и на него похоронка придёт, Зина не переживёт.

- Старшина, - позвал меня комбат из каптёрки, - давай, облачайся! Сказал же - привести себя в надлежащий вид, нет, ты всё в больничном! Точно выговор внесу, как ты говоришь, в личное тело.

- Слушаюсь.

Одежда была, правда, очень странная. О чём я и сказал.

- Почему?

- Лето же. Зачем двое штанов? А это что за шаровары?

Мои комментарии, оказалось, сильно их забавляли, потом они вообще рассмеялись:

- У вас что, несбыточная мечта - ляхи иметь здоровые? Зачем эти излишества?

- Почему излишества?

- Материала много напрасно уходит.

- А какие же должны быть? Как у Суворовских солдат - лосины?

- Не лосины, но не настолько же? Как воевать в этом? Это что за камуфляж? Синие - для маскировки? На каком фоне? А как на пересечённой местности двигаться? По кустам? А колючая проволока? Кто придумывает это? Специально? Вредительство!

Натан и Андрей переглянулись. Смех пропал. Комбат даже перекосялся. Я понял, что ляпнул что-то не то.

- Это комсоставское галифе.

- А у рядовых какое? Уже?

- Не намного. Но не синее.

- Это чтобы снайпера врага издали различали командиров и сразу обезглавливали подразделения? И петлицы красные? На рукавах тоже? Чтобы издали отсвечивали? Да это что - заговор?

Комбат аж зубами закрипел.

- А мы так и теряли комсостав, - в его голосе было столько горечи, - одели солдатские шинели и галифе, а комдив - не положено! "Бойцы должны издали различать своих командиров"! Сколько же надо потерять, пока дойдёт?

- А это - юбка? - я поднял подол гимнастёрки и покружил, как балерина, ну, ладно, изобразил неумело.

- А как, по-твоему, должно быть? - Натан смотрел на меня с любопытством.

- Прямые штаны...

- Да это - брюки.

- И что? Хоть как назови. Одежда военного должна быть практична и функции... циональна. Блин, Сатурну больше не наливать, он пьян. О чём я? А во! Ничего лишнего. Карманов мало. Боец всё своё носит с собой. Это должно быть предусмотрено. А где он мелкое имущество разместит? Здесь документы, здесь - курево. О, давай, угощай, покурим. А расчёска? Мыло? Нитка с иглой? Письмо из дому? Да мало ли? Да хоть взрыватели.

- Взрыватели?

- От гранат. В гранатной сумке - опасно. В брюках? А сядет - сломает. В нагрудном? Там документы и курево. Натан, не жми. Дай папироску. Курю. С чего ты взял? Раньше не курил - сейчас курю. Ты раньше тоже, может быть был вьюношей восторженным, а сейчас - еврей! А чего курево зажал? А почему накладок нет на локтях и коленях? Ползать как? Протрётся сразу. Или доблестный красноармеец врага в полный рост встречает? Пулемётную пулю грудью ловит? Сейчас не наполеоновские войны. Расстояния не те. Не до красотостей. Красавчик - тот, кто живет дольше.

Комбат сплюнул, вскочил, убежал, вернулся.

- Задел ты меня за живое, старшина. Сколько мы в своём кругу это обсуждали. Ну, мы-то, воевавшие. А ты, со стороны, в бою не был, да ещё и контуженный?

- Да что тут за секрет? Логически подумать.

- Да уж, наверное, тоже не дураки эту форму придумали.

- Может, не из тех условий исходили?

- Что?

- Это как в математике. Есть условия задачи, решение и ответ - результат. Ну, например. Как у Толстого, недавно прочел. Скорость пешехода - 4 км/ч. За десятичасовой марш батальон преодолет 40 км? Нет?

- Нет.

- И я так же думаю. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а нам по ним ещё идти. Пруссак не дурак - план умный придумали, но условия неверные. У Наполеона не было плана - не успел придумать. Поэтому, он должен был проиграть. А ему победу преподнесли на блюде. И князь Балконский увидел небо Аустерлица. Армия разбита. По частям. Вот тебе и "первая колонна марширует". И далее по тексту.

- Натан, похоже, контузия - полезная штука.

- Тебе лучше знать. Ты же тоже был контужен. Вообще, не советовал бы.

- Видимо меня не так. Давай, Натан, наливай, а то уйду. Пора мне. Разлили, выпили, закусили.

- А насчёт формы - верно, - подытожил свои раздумья комбат.

- Если бы увидели, сами бы поняли.

- А ты где видел?

Опа! Опять попался. Крутимся, выкручиваемся:

- Да перед глазами стоит. Прямо, так и вижу. Но, сам не сошью. Не умею.

- Натан?

- Вить, - Натан заёрзал на стуле рядом, - я тут с портнихой договорился.

- В смысле?

- Ты же говорил, что выйти не в чем, ещё в госпитале. Я же не знал, что всё так быстро решится. А у меня в знакомых портниха одна. Хорошенькая.

- Как спец или внешне?

Натан махнул рукой:

- Одно другому не мешает.

- Всё-таки, друзей ты имеешь, - вставил я свои пять копеек.

- Никого не касаемо! Я уже много лет ей помогаю. Ей детей поднимать надо, она меня обшивает. И делает это, как видите, хорошо.

- Реклама - двигатель торговли.

- Что? А-а, ну да. Помогаю зарабатывать. Так вот, она придти хотела, мерки снять. Я отменил всё, думал - армия обеспечит. А теперь придется

опять в глаза лезть. Да, опять же, дело не в этом. Мы с тобой как-то вели беседу, смысл которой был донесён до моей знакомой. Так вот теперь её интересует - как ты к дворянам относишься?

- Никак, - усмехнулся я. Видя непонимание Натана, добавил: - к дворянам не отношусь.

- Тьфу, ты. Да я не о том.

- Натан, ты как дитё. Ну как можно личные отношения строить на классовом признаке? Дворянство, как явление, отжило своё. Это я тебе уже говорил. Но это не значит, что все дворяне сплошь моральные уроды. Только большинство. Деградивовавшее.

- Это как? - Андрей не понял.

- Обленившееся разумом, сердцем и душой.

- А-а. Не знал, что так бывает.

- Натан, ты скажи, она свой дворянский апломб проявляет?

- Ни разу не видел. Но всё у неё как-то иначе получается. Как-то чище, возвышеннее. А это, что ты назвал, может и не присуще ей.

- Эх, если бы они все так смогли - высокомерие попридержать, да делом бы занялись - без революций обошлись бы.

Мои собеседники разом напряглись, стали озираться. М-да, за языком-то следи!

- Ты не против встретиться?

- Конечно, нет. С чего вдруг? Человек нужным, полезным делом занят. Профессия уважаемая - не всяк сможет. А происхождение? Это как родинка на лице. Ну, есть. Ну, стесняешься. Ну и что? Человек-то причём? Он не выбирает, откуда в свет прийти. Человека судить можно только по его жизненному пути.

- Да, как шрам, - добавил комбат, большое это у него.

- Хорошо ты сказал, Виктор. Я запомню дословно. И ей передам. Как бальзам на душу ей слова твои будут. Особенно сыну её. Взрослеет он. Мир видит искажённо.

- Ну, вот и порешили. Натан, помоги в этом. Очень уж мне интересно, что за чудо он там видит, контуженный этот. Пошёл я. Нельзя мне с подчинёнными пить.

- Литр коньяка выели - вспомнил, - удивился Натан, - я тебе припомню!

- Натан, ну, правда. Я же теперь не боевой пенсионер, а комбат. На фронт меня не возьмут, такие, как ты, медики-душегубы зарубят.

- И я к этому первый руку и приложу. Меня ведь не пускают. На финскую пустили, а сейчас - нет.

- А я-то тут причём?

- Что ж мне одному оставаться?

- Еврейская морда! - хором, с комбатом, воскликнули мы.

- Да пошли вы по весёлому адресу. Вот подготовлю двух хирургов себе на смену, тогда, Андрюха, вместе на фронт и пойдём. Пропишу я тогда тебе - "годен". А пока этих щеглов научи, чему тебя тётка-война научила. Да, давай иди уже. Два часа уходишь, не уйдёшь никак. Надоел.

- Злые вы. Уйду я от вас. Давай на посошок. Что глазами хлопаешь. Обмануть хочешь? Кого, меня? Да, я твою еврейскую морду насквозь вижу. Доставай. Я же слышал звон не литра в редикульчике твоём, а как минимум трёх стекляшек. Не делай ангельские глаза - от командира разведроты не спрячешь, особенно коньяк.

- Уел ты меня, Андрюха.

Разлили, выпили, закусили. Комбат как-то чудно стукнул каблуками, кивнул:

- Честь имею!

И свалил, оставив меня с открытым ртом.

- Это что было?

- Не обращай внимания. Он тоже контуженный. Правда, его посильнее твоего порвало. Вот теперь к месту и нет царских офицеров пародирует. Если бы не орден - ох и огрёб бы. А так - пожимают плечами, пальцем у виска покрутят и махнут рукой - контуженный. Ты лучше спой.

- Да, что я тебе, Шаляпин?

- Что ты ломаешься, как девочка. Я вообще старше тебя по званию - прикажу.

- А в ухо? Я тоже контуженный. Ладно, что-нибудь сейчас вспомню. Слушай. Не помню, что это, похоже, молитва:

Ночь. Над Русью ночь

И гладь небес. Млечный Путь так

Предвещает. Тьма

Во степи. Рыщут шакалы.

Ведь, Русь в ночи, как чаша туманом

Сон-травой, испита дурманом

И во лжи росой полита

Белый конь ступает копытом

По восходе солнца над Русью

Поднимайтесь, русские люди!

Разжигайте горны во кузнях!

Здесь жатва кровавая будет!

Степь Руси здесь
Слабый зов здесь
Бродит тень здесь
Сына кличет мать. Но,
Спят сынки. Лишь
Слышится стон слабый.
Здесь была кровавая битва
Пала рать изменою бита
Болью стонет мёртвое поле
Зверя вой врезается в поры.
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам
Выкинуть чужестранных уродов
Чёрный дым здесь
Казнь сынов здесь
Смерть мужей здесь
Портят белых дев здесь
Чёрный дым.
Над Русью вой слышен
Погибает русская раса
Празднуют враги в нашем доме
Собирайте новые рати
Бой врагу в подарок готовьте
Не погибнет русская раса
Не бывать врагу в нашем доме
Растерзайте вражие стяги
Пламя верните в родные чертоги
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам
Выкинуть чужестранных уродов
Подняв стяги, идут поколенья
Отомстить за преданных смерти
И за жён, иссеченных плетью,
За детей, закованных в цепи.
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам

Выкинуть чужестранных уродов
Погибает русская раса
Празднуют враги в нашем доме
Собирайте новые рати
Бой врагу в подарок готовьте
Не погибнет русская раса
Не бывать врагу в нашем доме
Собирайте новые рати
Растерзайте вражие стяги

Долго молчали. А как говорить? Даже у меня кожа мурашами покрылась, а Натан вообще впервые услышал. Потрясён. Молча разлил, выпил, даже меня не дожидаясь.

- Сейчас их рвал бы, - наконец сказал он, - ты песня эту не прячь от людей. Это очень сильно. Эх, по радио бы её передать. Родина вызывает по праву. Да...

Ещё по одной. Мир вокруг стал "мерцать". Похоже, я скоро "выпаду в осадок".

- Откуда эта песня?

- Это плачь, не песня. Не знаю. Слышал в Интернете.

- В интернате?

Я махнул на него рукой:

- Ничего-то ты не знаешь.

- Вить, кто ты? Я ведь знаю - это не контузия. Я-то знаю. Кто ты?

Я схватил его за голову, упёрся лбом в его лоб:

- А ты никому не скажешь?

- Нет. Я же твой друг.

Я оттолкнул его, помахал пальцем перед его носом:

- Я знаю... Вы, евреи все хитрые. Напоил меня, чтобы я тебе всё рассказал? Но! Я не Павлик Морозов, я молчать не буду! Ха! Ты думаешь я шпиён? Это ты шпиён! Агент глобального сионизма! Думаешь, я не знаю заветов ваших сионских мудрецов?

- Вить, ты что? Ты это серьёзно?

- Вот только не плачь! Русский я. Родину люблю. Жену и сына люблю. Далеко они. Так далеко, что не дойти, не доехать. А я на испытании. Понял? Испытательный срок. Второй шанс. Надо мне всё исправить. А что делать - ума не приложу. Даже не пойму, почему здесь и сейчас. Тут и без меня всё прогно... прогнозирую... шоколадно тут всё. Пучком. Все дружно делают всё верно. Только на выходе полный... И ведь вы молодцы, нешто мы. А мы - лохи! Лузеры! Просрали всё, что можно. И

чего нельзя, тоже прое... проёжили. И как мне им в глаза смотреть? А Ему? И ведь я знаю - от моих тр-р... трепыханий ни... , ни холодно. Личность и роль её в истории? Так - то личность, а то - я... Прав был дедушка Ленин. Или Сталин? Да ладно! В общем - массы делают историю. А личность эти массы растопчут. Чё мне делать, а, Натан? Не знаешь? И я не знаю. Знаешь? Победить? Да, это мы победим! Это мы смогём! Только вот как? И какой ценой? Любой? Как там? Одна на всех, мы за ценой не постоим? А надо бы постоять. Думаешь - победим - и мир сразу идеальным станет? Да вот хрен ты угадал! Немца одолеем, а там англы ядом иглу пропитывают, амеры во-оше едрён батон мастырят. Будут им над миром трясти, пугать всех. Да мы им всем, этим душегубам, поперёк горла. Ишь, удумали - власть народную построили! Да разве паразит-капиталист отдаст кормушку? Не-е-ет. Уничтожить, отравить, обмануть, мозг запудрить, засрать сознание, опять на шею мужику сесть, да ножкой покачивать. Ничего они не пожалеют, твари, лишь бы нас, народ-богоносец извести, извратить. Так-то. А ты - "немец"! Да, их па-руссаков, самих объегорили с этим нацизмом ихним. Стравили два народа, которым и делить-то нечего. У-у, ненавижу! Да, давай! Хороший коньяк. Вот ты, Натан, и еврей вроде, а нормальный мужик. Как у нас говорят - свой пацан. Вот, ты меня уважаешь? А за что? Дурак, ты Натан, хоть и еврей. Мразь я, Натан. Нехороший человек. Редиска. Так, - жил, жил, да и помер. А тут - шанс. Второй. За что? Ведь я - никто. Серое унылое ничто. Как и все. Ты знаешь как нас, моё поколение, называли? Потерянным поколением. Мы потерялись. Или нас потеряли. А ещё - кое-какерами. Потому, что всё кое-как. А, на хрена? Для кого? Для себя? А мы кто? Знаешь, как это быть потерянным? А вот так - ты вроде и есть, а вроде и нет. Нет тебя и хрен с тобой. Никто и ничто. Давай ещё. У-ух, хороший коньяк. Запарил я тебя? А ты не парься. У-у-у! Похоже, я накрываюсь медным тазом. Сознание! Пока! До встречи на орбите!

Всё. Мир моргнул и погас.

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Была предпринята попытка в неформальной обстановке с привлечение психологического стимулирования к "развязыванию языка".

- Это вы так пьянку называете?

- Алкоголь - очень хорошее средство психологической релаксации. Но, основное - привлечение товарищей. Вы же знаете, какое воздействие имеет сфокусированное и целенаправленное воздействие честных товарищей на непосвящённых.

- Ты мне зубы не заговаривай. По делу давай.
- Объект раскрылся, но только всё запутал.
- Даже так?
- Именно. Объект однозначно себя осознаёт русским, показал неравнодушие к России, его неразрывность своей судьбы с судьбой Союза, переживание за ведение войны и её исход, но одновременно дистанционируется от нас. Воспринимает себя отдельно от нас. Рассуждает о своём поколении, как о "потерянном" поколении. Говорит, что они всё потеряли.
- Даже так?
- На что похоже?
- Если бы не изученная посекундно биография Кузьмина, я бы подумал, что он потомок русских эмигрантов, равнодушных к судьбе Родины. Но, Кузьмина мы изучили вдоль и поперёк.
- И я так же подумал. И теперь не знаю, что и думать. Слушай, Кремень, ты в переселение душ веришь?
- Нет. А ты?
- И я - нет. Тогда - это шизофрения. Мы всё это время возились с психом.
- И что? Закроем его?
- Как скажешь. Так-то он не проявляет признаков психического расстройства. Наоборот, собран, активен, разумен, адекватен. Кстати, на воздействие фокус-группы реакция была положительная. Психи же сразу теряют над собой контроль. Представляешь, он догадался, что я его спаиваю, чтобы развязать язык.
- Агент Сара грязно выругался, потом продолжил:
- Впервые я поставлен в тупик и как врач, и как разведчик.
- Я тоже. Ты оказался прав. Это самый интересный случай на твоей жизни. Ладно, я собираю группу, выезжаю. Сам посмотрю на твоего "психа".

О приключениях с бодуна, да на пятую точку.

Я открыл глаза. Ё-моё, как же мне хреново! Где я? Чё за...? Как я тут оказался? Почему решётки кругом? А, это кровати. Как же голова болит. Будто Максимка долбит под затылок кувалдой. А где все? Ё! Так я в 41-м! И я бухал вчера с аборигенами. Дурак! Долбоёж! Ну, как можно было допустить? И что я по-пьяни выболтал? Удод! А проснётся в "друге"-еврее партийная сознательность? И придут за мной эти, что "питьсот-миллионов-невино-убиенных". Как они сейчас зазываются? Не "кровавая гэбня" же? ГКПУ? НКВД? Скрутят, поволокут в лаборатории опыты проводить,

вместо белых крыс. Или к САМОМУ БЕРИИ? Я представил себе кавказское лицо в круглых очках и усмехнулся. Я не боялся. Ну, совсем. А, может и к лучшему? Выложу, всё, что знаю - и трава не расти! Пусть сами разбираются? А я туристом стану - Москву 41-го увижу, может быть, в реале Сталина, Берию. Ух, блин, аж дух захватило. Да, было бы круто.

Но, может быть и иначе. Хлопнут меня, как следует выдоив, чтоб супостатам не достался. А что, реально. Очень даже. "Выколи мне глаз, но соседу - оба!". Смерти-то я, как таковой, не боюсь. А вот напрасно сгинуть - жалко. Лучше, охерев в атаке, схлопотать очередь MG-34, чем пулю нагана в затылок. "А-абидна-а, да-а"?!

А где эти, что собутыльники мои? Один я. Два матраца свернуты. С улицы топот строя и это: "и-раз, и-два". Комбат уже дрючит личный состав? А я? Чё я, лентяй, получается? Вот, уж, нет!

- У-у, ё! Голова, моя, голова. Да, будь ты проклят, военврач ёкарного разряда, за свой коньяк!

Только я принял более-менее прямостоячее положение, услышал:

- Товарищ старшина, к телефону!

- Давай! - крикнул я. Блин, опять забыл, где я. И телефон тут - экзотика, и каждый на привязи. Ну, нет тут сотовиков и радиотрубок, - Иду!

- Взгляд попроще! - буркнул я дневному, - не то - массаж лица пятками выпишу. Я-я, понятно объясняю?

- Да!

- Исполнять! Кто там звонит? - это уже в трубку.

- Проснулся, Коекакер? - спросил из трубки голос Натана.

Ё! У меня всё внутри замёрзло мгновенно, с хрустальным звоном лопнуло и осыпалось, аж ноги заболели. Что я наплести успел? Ни хрена не помню.

- Чё? Ты кто? - спросил я трубку.

- Так, Сатурну пить нельзя. Давай, приходи в себя. Машину пришлю за тобой, ко мне поедешь, на рентген, потом к портнихе. Ты меня слышишь?

- Так точно, товарищ военврач 3-го разряда.

- Ранга, дубина татарская, ранга. И 2-го ранга. Всё, жди.

- Понял, конец связи.

- Это не рация. А-а, шутишь. Это хорошо.

Связь оборвалась. Ага, значит - рентген, а не "гэбня". Всё лучше так, а не иначе. Настроение поднялось, приколоться что ли?

- Слышь, боец, ты кому служишь?

- Не понял вас, товарищ старшина!

- Салага. Запомни - на этот вопрос надо отвечать так - "Служу Трудовому Народу!" Уяснил?

- Да.

- Чё за "да"? Отвечать - "так точно!" Уяснил?

- Так точно!

- Вот, уже на что-то похоже. Запомни сам и по смене передай. А за неверные ответы буду вносить выговор в личное тело методом удара в грудную клетку. До кого через голову не дойдёт, буду стучать в печень. Уяснил?

- Так точно!

- Боец, кому служишь?

- Служу Трудовому Народу!

- Молодец, хвалю. После дежурства возьми с полки пирожок. Там два - крайний не бери.

Боец прыснул. Сообразительный.

- Отставить смех! Ладно, служи родной. Кто меня искать будет - в "берлоге" я, - и пальцем ткнул в каптёрку.

- Стоп, машина! Боец, а где вы принимаете гигиенические процедуры?

Боец молча показал. Ты глянь, понял меня. И правда, к умывальникам вышел. Сполоснувшись, шёл обратно, встретил комбата. Вытянулся, констатировал доброго утра.

- Кузьмин, я тут о нашем разговоре с комбригом перекинулся.

"О каком разговоре? Что я ещё накосячил?"

- Так оказалось, что форма уже поделена на повседневную и полевую. На полевой запрещены нарукавные нашивки, шаровары только защитного цвета и без цветных вставок, петлицы и знаки различия защитного цвета, фуражка заменена пилоткой. Понял?

- Дошло до них.

- Ага. А для тебя знаешь, что это значит? Срочно переделать всё обмундирование, согласно новым указаниям. Комбриг решил, в виду нехватки обмундирования, повседневную форму упразднить. Вся будет полевой. А от тебя я жду новых образцов. Исполни! Да, ещё. Ты научил дневального "так точно" орать?

- Я. Готов понести наказание.

- Не будет наказания. Мне самому по душе. А то, как не в армии: "да, нет, не знаю", тьфу... детский сад.

- Штаны на лямках, - добавил я.

- Ты ещё здесь?

- Понял! - и покинул комбата.

Вот так вот! Инициатива приготовилась отыметь инициатора. Всё верно - сам придумал, сам и сделай. Тут вам не здесь!

Умывание благотворно на меня подействовало. Голова болела, но хоть мутить перестало.

А это что за цирк?

- Стоять! Смирно! Кто такие? Тащи всё обратно!

Охренеть, пока я принимал водные процедуры, мою "берлогу" "вскрыли" и теперь трое бойцов выволакивали мешки, ящики с тушёнкой и две 20-ти литровые канистры (которые я вчера даже и не видел).

- Слышь, дядя, шел бы ты в темпе вальса, - ответил мне один, поставив канистры и выпрямляясь. Ого, тоже старшина. А я-то - в исподнем. Гимнастёрка вон она, на тумбочке.

- Я что, не понятно сказал? Занести вещи обратно или вы, уроды, плохо слышите? - Я шёл прямо на них.

Остальные двое тоже распрямились. Старшина достал из-за спины нож:

- Дядя, это ты плохо слышишь. Свали, я сказал!

Я уже в трех шагах.

- Свалить, говоришь? А, пожалуй, эта мысль мне нравится, - я оглянулся, полуобернувшись.

Меня уже "потряхивало", как всегда, перед дракой. Что ж, подраться, не с похмелья конечно, но - люблю. У меня даже читерский приём есть, вернее свойство одно. Слоу-мо называется. Как в Макс-Пейне. Течение времени опять изменило привычный ход.

На нож ещё не приходилось кидаться, но всё однажды происходит впервые. Вообще, я оглядывался пропасти тыл, но эти воришки решили, видимо, что я решил "сдать назад". Краем глаза я увидел, что они нагнулись за своими (моими) мешками. А этот старшина начал отворачиваться, опуская нож. А вот хрен вам поперёк всего лица!

Я прыгнул вперёд. Гипс левой руки с размаха опустил на руку с ножом, проскочил мимо, ударил ногой в лицо нагнувшегося второго. Уж больно хорошо он стоял. Как в футболе ударил. И так же его голова, как футбольный мяч, отлетела и ударилась о стену. Тут же локтем левой руки в затылок первому, старшине. Но, получилось не в затылок (слишком я медленный после госпиталя), а в лицо - старшина успел повернуться, схватил меня за рубаху на спине левой рукой. А правая где? Отнялась или заносит нож? Я крутанул, выбивая ногой из-под старшины его ноги, упёрся в него, падающего с растерянными глазами, и, как в каратэ, залепил

пяткой сапога в развороте в голову третьего. Мы со старшиной упали вместе, только я сверху, прокатился по нему, впечатывая в его тело кулаки и локти, выдавив воздух, и лбом добавил прямо меж глаз.

- У-ух, ё! - голова взорвалась болью. Проклятуший коньяк! Никогда больше пить не буду! Всё кругом закружилось и я сел тут же, оказалось - с размаху на грудь старшине.

- Что тут происходит? - раздался резкий крик, хорошо не комбата. Или плохо, что не комбата?

В глазах немного прояснилось. Оказалось, кричал толстый коротышка, напрасно дёргавший кобуру. Что, маловата практика пользования табельным оружием?

- Ты кто? - спросил я его.

- Интендант 3-го ранга Блинов. Встать, боец, доложить по форме.

Что ж ты меня так напрягаешь-то, а, Колобок? В голове моей как щелкнуло - интендант, грабёж моей "берлоги", слова Сережи о "мутном" интенданте. Нервничаешь? Ладно, шутканём. Ещё и разозлю. Такие, как он, застревающие в кобуре, в ярости - менее опасны.

- Интендант? Да пошёл ты в жупу, интендант. Не до тебя сейчас!

- Встать! Пристрелю!

Ого, истерика. Очень хорошо. Встаём. Медленно. Ещё далеко. Теперь в самый раз. "Падаем" вперёд, я же "пьяный". Самое то. Опять удар гипсом по руке с наганом, правой, кулаком, снизу вверх, всем корпусом, в челюсть. Зубы клянцнули, интендант мешком осел на пол.

- Дневальный! Дневальный, мать твою за ногу! Коменданта сюда. И комбата Бояринова. Мухой, тля!

А теперь надо одеться. Вот, так, вроде, должна быть форма одета. Ладно, посмотрим.

Первым явился комендант. Я доложил, что мною предотвращена попытка хищения собственности с вверенного мне помещения группой лиц в составе четырех человек, одетых в форму Красной Армии. При требовании документов на право изъятия данных мешков и ящиков, они попытались применить оружие - нож и револьвер. На оружие я указал. Группа злоумышленников обезврежена.

- Да ты охренел совсем, старшина! Это наш интендант Блинов.

- Документов он не предъявил, в лицо его не знаю, угрожал наганом, имел явный злой умысел. Я действовал по обстановке. Что, надо было дожидаться, пока он меня застрелит за то, что я с его подельниками сделал?

- Ой, дурак! Да тебя так и так теперь расстреляют за нападение на старшего по званию. Ты арестован. Сдай оружие.

- Так, нет у меня.

- А куда дел?

- Так, и не было. Я вчера в ночь только поступил, оружие не получал.

Прибежал комбат. От увиденного лицо его перекосило, шрам побелел.

- Допрыгался, Блинов. Теперь ему не отмыться.

- Не понял, капитан?

- А что не видно? Блинов с бандой пытались ограбить третью роту.

- Откуда ты знаешь? Может это Блинова имущество?

- Да, какое там! Мы, со старшиной, вчера полночи ведомость составляли, в которую переписали всё наличествующее в каптёрке. Это имущество 3-й роты и моего батальона. А зачем Блинов на него хотел ручки свои наложить? Посмотри - брал только спирт в канистрах, крупы и тушёнку. Толкнуть хотел.

- Капитан, ты мне тут зубы не заговаривай! Нечего выгораживать своего старшину. Ведомость у него есть? Как же, поверил! За нападение на старшего по званию старшина арестован.

- Да, арестовывайте! - психанул я.

- Кузьмин, не горячись, - попытался осадить меня комбат, - органы разберутся. Сейчас сюда особист придёт. Ему нужно снять показания, с Кузьмина - в том числе.

Вот почему он так долго. За особистом бегал. Старшему сержанту ГБ я повторил то же, что и коменданту.

- Где опись? Ладно, потом принесёшь. Кто-нибудь хоть вызвал санитаров? Они хоть живы? И ты один четверых положил? Вооруженных?

- Двое, вот эти, безоружны были. Этот угрожал ножом, а Колобок - наганом.

- Ты говорил - не знаешь его.

- Первый раз, как раз с наганом сразу и увидел.

- А откуда прозвище его знаешь?

- Да, откуда мне знать? Просто он маленький, круглый, сдобный весь какой-то. Вот сразу и подумал: "Как Колобок".

- Ясно. Уведите старшину. Пусть на губе посидит, до выяснения. А там - посмотрим.

Вот так вот. Попили коньячку. И рентген сделали (а гипс я об них совсем расколол), и к швее съездили. Да, что же это? Что у меня на лбу написано: "Пни меня"?

Отступление от повествования.

Телефонный разговор:

- Кремень, это Сара! Ускоряйся! Тут Объект в историю влез. Аж, на трибунал!

- И что он наворочал?

- По рукам дал вороватым тыловикам. Избил старшего по званию.

- Избил? Он же едва ползает.

- Избил. Один. Четверых. Жестоко и быстро.

- Всё же - наш коллега.

- Или боец хороший. С этим потом разберёмся. Ты там за свои ниточки подёргай, чтобы не шлёпнули его из сочувствия до твоего приезда.

- Понял тебя, Сара. А я вижу, переживаешь за него.

- Да, мы как бы и сдружились. Человек-то он неплохой. Интересный. И честный. Возможно, товарищем станет.

- Посмотрим. Ты не переживай. Мы его к себе заберём.

Гэбня кровавая.

Заперли меня в узком чулане без окна. У стены стоял топчан с комковатым матрасом. Из мебели - всё. Свет давала тусклая лампочка под высоким потолком. Оббитая жестяным листом дверь с окошком отгородила меня от мира.

Ждать. А что ещё остаётся? Теперь я бессилен что-либо изменить. Посмотрим, куда меня вынесет течение реки обстоятельств. А лучше всего ждать во сне. Я и завалился на топчан, свернув тонкий матрац в рулон - он стал подушкой. Уснул сразу. Сквозь сон слышал, как окошко на двери несколько раз открывалось, но дверь - нет. Меня не будили, сам вставать не хотел.

Сколько проспал - не знаю. Часов у меня не было, окна - тоже. Течение времени не ощущалось. Проснулся я от голода и желания опорожнить организм. Постучал в дверь, в открывшееся окошечко озвучил свои желания. Окошко захлопнулось. И всё - тишина. Я постоял, подождал. Ничего. Пожав плечами, сел обратно на топчан. Скучно.

Минут через десять загремели засовы, дверь открылась.

- Кузьмин, с вещами на выход.

Я усмехнулся - ну, какие у меня вещи? Даже ремень отобрали. Встал, вышел. Слеп от яркого света. Меня толкнули в спину.

- Ещё раз тронешь меня - руку сломаю, - предупредил я конвоиров. В ответ раздалось сопение шести ноздрей.

- Встать лицом к стене. Руки за спину.

- Ребят, погоди, глаза к свету привыкнут. Я стены не вижу. А, вот она.

Я встал к стене, руки за спину, ноги расставил. Я видел подобную

процедуру довольно часто, но в телесериалах про благородных бандитов и продажных ментах, которыми нас пичкали всю мою молодость.

- Вперёд.
- Далеко меня?
- Не положено знать.
- А в туалет-то можно?
- Пошли. Топай, топай. Тут по пути.

После посещения комнаты для раздумий, меня вывели из казарм, погрузили в машину. Ну, типичный "воронка"! Долго везли, выгрузили во дворе какого-то здания, передали другим конвоирам, опять заперли.

Опять "чемодан" - узкие стены, высокий потолок. Тоже нет окон, но есть дыра в полу, судя по запаху - удобства. Вместо топчана - типичная шконка, узкая, коротковатая, матраца и в помине нет. У-у! Гэбня кровавая! Питсот-миллионов-невинноубиенных!

- Эй! Церберы! Я жрать хочу! В этом курорте кормят?
- Заткнись! - в ответ из-за двери. Доходчиво. Диета по-чекистски.

Спать больше не хотелось. Думать тоже. Голова хоть и прошла, но в неё звенело, как гайка в пустой канистре. Да и о чём думать? Сбегать я не собираюсь, напрасно рефлексировать - удовольствие сомнительное и непродуктивное. А вот собственным телом надо заняться плотненько. Непослушное, неповоротливое, скованное - чуть связки не потянул при ударе ногой.

Разбитый гипс перестал мешать - пальцы двигались, но были словно чужие. Его снять бы, чтобы не болтался, но бинты разрезать нечем. Решил для себя, что обязательно надо сделать ножичек для скрытного ношения. Я видел такой в магазине "Охота-рыбалка" - обоюдоострый "тычковый" нож длиной сантиметров пять, вместо рукояти - кольцо. Нож-коготь. Для боя не годен, но верёвки перерезать пойдёт, и спрятать просто.

Снял гимнастёрку, аккуратно свернул, положил в изголовье шконки. Сел на шконку, скрестив ноги по-турецки, провёл комплекс дыхательных упражнений. Потом приседания, наклоны. Отжиматься мог только от стен - левая рука в гипсе очень болезненно воспринимала нагрузку. Вот так, разогревшись стал "тянуться". Нужна большая гибкость в связках и сухожилиях, а её нет. Конечно, на шпагат не сяду, но хотя бы "пополам" надо складываться. Т.е. стоя доставать пол локтями. После растяжки - нагрузки. Те же приседания, наклоны, перекруты, отжим, жим прессы. После нагрузок - "тянуться". Больно-то как! Но, ведь никто и не обещал, что будет легко.

Так и время пролетало незаметно. И не холодно. Когда совсем устал

- одел гимнастёрку, лег на шконку, сапоги под голову. Так, в позе эмбриона, и поспал. Проснулся, когда дверь открылась. Сержант ГБ занёс табурет, крытый газетой, с котелком и кружкой на нём. Поставил, сам встал в дверях - ждёт.

- Это ужин или завтрак?

- Не положено.

- Что не положено? И кем не положено?

Но сержант был как каменный истукан. Пожав плечами, быстро порубал макароны с котлетой, запил компотом. Хлебом протёр дочиста посуду, крошки смахнул в руку - и в рот. Табурет и посуду сержант унёс, но газету оставил. Потом вернулся и принёс шерстяное старое одеяло, прожжённое по многих местах. Хоть так-то.

- Сержант, а курево? Курить охота, аж уши пухнут.

Он обернулся, долго-долго смотрел на меня, как-то особенно, словно не глазами, а рентген-аппаратом.

- Не положено? - догадался я. - Ты знаешь, однажды, до той войны ещё, врачи вскрыли череп погибшего городского. А там только две извилины. Они в растерянности, а старый профессор догадался: одна извилина - "положено", вторая - "не положено".

Сержант хмыкнул:

- Анекдот?

- Ого, у тебя больше двух?

- Язык у тебя длинный, старшина. Тебя за это не били?

- Часто пытаются. Но это довольно не просто.

- Боксёр?

- Нет. Русский рукопашный бой. Слышал?

- А-а. Это в царской армии в школах прапорщиков был.

- Что, серьёзно? Не знал. Так как насчёт курева?

- Я думал физкультурники не курят.

- Я же не физкультурник.

- А что это ты делал? Зарядку?

- Это я развлекался. Скучно на вашем курорте.

Сержант опять хмыкнул, но достал кисет, отсыпал табака. Дал коробку спичек. Издевается?

- Издеваешься? Как я крутить козью ногу буду? С одной рукой-то?

- Четверых одной рукой в больницу отправил? Как хочешь. Высыпай обратно.

- Ну, уж нет. Буду мучиться.

Дверь за сержантом закрылась, но смотровое окошко осталось

открытым. Я, матерясь и изрядно разозлившись, наконец, скрутил что-то похожее на "козью ногу", изведя четверть газетного листа. Прикурил, затянулся, но махра оказалась слишком крепкой, аж скрутило в кашле (за дверью довольное хмыканье). Дальше курил осторожнее. Даже удовольствие почувствовал. Хорошо, так вот после обеда, покурить не спеша. А спешить мне не куда.

После перекура - вздремнул, завернувшись в одеяло. Потом - тренировка, перекус, перекур с дремотой, тренировка. И так три дня.

Только на четвёртый день меня повели на допрос. Я, насколько смог, привёл себя в порядок. И вот я в кабинете. Окно. Открытое. А за ним - мир. Оказывается, и за четыре дня можно одичать. Я поначалу ничего, кроме этого окна, и не увидел.

- Присаживайтесь, старшина.

Стол, большой, деревянный, крытый зелёным сукном. Массивная лампа на нём, пепельница, чернильница чудная. Как мраморная, только черно-зелёная. Стул. Массивный, с обивкой. Если бить будут - обивку испачкают. Сел. За столом тип с какими-то галочками в петлицах опрятной, но явно не новой формы ГБ. Он долго бодался со мной взглядом. Э-э, дядя, это бесполезно - не боюсь я тебя. Потом этот товарищ раскрыл довольно пухлую папку, стал перекладывать листочки, бегло разглядывая их. Мне это очень напомнило момент из "Матрицы". Сейчас он скажет, как агент Смит: "Как видите, мы за вами давненько наблюдаем", а я в ответ: "Меня не купить гестаповской липой. Я требую законный звонок адвокату". А потом у меня склеятся губы. Как давно и далеко это было! Я горько ухмыльнулся:

- А как вас зовут? - спросил я (не агент ли Смит?).

- Тимофей Парфирыч, а что?

- Да, так. Интересно.

- Интересно, говоришь... - сказал он в задумчивости, полистал ещё листочки, закрыл папку, откинулся на стуле и вылупился на меня с таким видом, будто я кубик Рубика, а он его не смог собрать.

- Откуда же ты на нашу голову взялся? - спросил Тимофей Парфирыч.

- Из тех же ворот, что и весь народ, - пожал плечами я.

- Кури, - гэбэшник пододвинул ко мне коробку с папиросами, пепельницу. Он удивился, когда я прикурил от своих спичек.

- Сержанта не наказывайте - по-людски он поступил, выручил.

- Как же это он? Он же самый строгий из всех.

- За анекдот, - пожал плечами я.

- Анекдот? Какой?

Я рассказал. Тимофей Парфирыч только хмыкнул. Опять помолчал, долго глядел в окно, явно думая.

- Кто ты, старшина?

Я вскочил, вытянулся, доложил, как на плацу. Тимофей Парфирыч поморщился.

- Не о том я тебя спросил.

- А что же я ещё скажу? У меня за душой и нет больше ничего. Ну, ещё добавить можно, что контужен. А вы думали, я сразу шпиёном себя назову? Явки - пороли? Так рано ещё - даже не били.

- А бить будем?

- Да, тоже бесполезно. Устанете только. И я просто так не дамся. Покалечу. А я этого не хочу.

- Да, это ты неплохо умеешь. Откуда только? Ответ из твоей части однозначно говорит, что ты не владеешь никаким единоборством.

- Запрос пришёл? Быстро. А военкомат получил? Нет? Жаль.

- У нас свои способы получения сведений.

- Не сомневаюсь. Единственное, не пойму - это допрос такой? Или светская беседа?

- Допрос будет позже. Сильно ты мне непонятен. Решил на тебя своими глазами посмотреть.

- Польщен честью, мне оказанной. Но, чем обязан?

- Не догадываешься? Только появившись в городе, ты создал ворох непонятных проблем. Твоё поведение сильно выбивается за рамки.

- Это как?

Чекист вернулся за стол, открыл папку:

- Участвовал в восстановлении путей?

- Да. Ну, как участвовал? Ходил, орал. Я, считай, ничего не сделал. Они сами.

- Организовал снабжение госпиталя свежими продуктами.

- Так, то не я. Это комсомолки.

- А они дружно пальцем на тебя показали.

- Вот, блин, сдали. А ещё комсомолки.

- Только появившись в части, покалечил четыре человека. Это тоже они сами?

- Нет. Вот тут отпираться не буду.

- Зачем ты это сделал?

- Посчитал это единственно верным решением. Ясно же, что это ворьё. Но при должностях. Вывести их на чистую воду может и просто, проверив бухгалтерию, но кто станет заниматься? До этого не занимались,

наверно, не фатально. А для моих планов фатально. Они выведены за скобки, до окончания формирования подразделений под ногами мешаться не будут. А там - уже не мои проблемы.

- А чьи?

Я пожал плечами. Чекист задумчиво смотрел в окно.

- Единственно верно, говоришь? За скобки, говоришь? И какие твои планы?

- Помочь создать боеспособное подразделение, одетое, обутое, сытое, обученное, морально настроенное на победу. Или подвиг.

Чекист встал, в задумчивости зашагал по кабинету.

- Почему ты нас не боишься?

- А должен? С чего вдруг?

- Ты второй человек на моей памяти, который не боится меня и нашей организации.

- А кто первый?

- Двадцатилетний ребёнок. Инфантильное дитё, не осознающее последствий. Я думал поначалу, что и твоя бравада имеет ту же основу.

- А сейчас? Убедились, что я не дитё? Всё верно. Я прекрасно осознаю последствия. Я мог бы попасть в руки карьериста, дурака, что в принципе одно и то же. Он бы слепил из меня врага народа, шлёпнул бы по-быстрому, отчитался. Чего тут бояться? Смерти? Никто мимо нее не пройдёт. А умирать страшно только в первый раз. А меня уже вытаскивали с того света. Жаль было бы упущенных возможностей, но на всё воля Божья.

- Верующий?

- Точно знающий.

- Вон даже как!

- Именно так. На Него уповаю, верю - не даст сгинуть зря. Вот и вы оказались на моём пути. Настоящий чекист - холодный разум, пламенное сердце, чистые руки.

- Лесть? Не ожидал.

- Констатация фактов. Чистые руки - форма на вас уже много лет одна и та же, только звания меняются. А должны каждый год новую получать. Или шить. Равнодушны? Нет, форма ухожена, опрятна. Из этого наблюдения делаю вывод, что и богатств особых не нажили при ваших-то возможностях. Считаете, что должность дана вам для служения народу, а не для обогащения? Самолюбие не тешит. Вот это и есть пламенное сердце - служить людям. Не себе, не вождю, а народу. Так? Ну и разум. Ведь не

поленились, лично разговариваете с каким-то старшинкой. Было бы проще - дело - ретивому, подписать приговор. Расстрел заменить на фронт - всего делов. Понять хотите. Чтобы как лучше.

- Да, откуда тебе знать-то?

- Да, ниоткуда. Так, дважды два сложил.

- Теперь я понял, чем ты так всех покоряешь. С "губы" даже тебя сюда перевели. Ты знаешь, что тебя врачи чуть не выкрали?

- Откуда? Конечно, не знаю. Это они опрометчиво поступили.

- А комсомолки под окнами дежурят. Смену в госпитале - смену здесь. Твоё командование завалило нас рапортами.

- Блин, а приятно! Волнуются, помочь пытаются.

- Как же ты так повязал всех?

- Хотите по секрету скажу. Только вам. Я иностранный шпион. А этих людей подкупил и загипнотизировал. Вот сейчас с вами поговорим и вы меня отпустите в часть, потом на фронт, где я выкраду планы наступления нашей роты и передам их английскому командованию. Ведь так пишут под пытками ретивых дуболомов?

Чекист сначала удивлённо смотрел на меня, потом от души рассмеялся:

- Бывает и так. А я ведь тебе и то почти поверил. Чуть и меня не загипнотизировал. А ты владеешь?

- Нет. Я говорю правду. Она влечёт людей.

- И в чём она - правда?

- В том, что Родина моя в самой большой опасности, которую помнят ныне живущие. Ведь речь идёт не о потерях земель, смене правителей или грабеже. Вопрос - быть или не быть. Если фашизм не одолеем - русский народ исчезнет, как хазары или финикийцы. Это не люди идут на Москву, а звери, ведомые бесноватым. Они уже жгут села вместе с жителями, они соревнуются в меткости на головах наших детей. Они выделывают человеческую кожу славян и делают из неё перчатки и сумочки. А из костей - шахматные фигурки. Остановить этих тварей можно только навалившись всем народом. Сообща. И все, кто мешает в этом - тоже враги. И я жизнь положу, но остановлю их. Веришь?

- Верю. Хотя сам себе дивлюсь. Скажи кто другой - болтуном-агитатором посчитал бы, а тебе вот верю.

- Вот и они поверили. И нет никакого гипноза. Есть великая цель и каждый, кто движется к ней - становится, сам для себя, чуть более велик. Души людей, нормальных людей, тянуться к подобным задачам, возвеличивающим их. А мрази - шкереются в ужасе. Всё просто.

- Просто? Нет, всё очень сложно. И что с тобой делать теперь?

- А ты отпусти меня.

- И вместо тебя - в допросную?

- Да, ладно тебе. Прифронтовой уже город. Бардак. Я на фронт - и концы в воду.

- А вот это - врят ли. Без присмотра мы тебя не оставим. Городское управление тоже провело призыв. Все окажутся в твоей бригаде.

- А это очень даже хорошо. Чекисты от врага не бегут и не сдаются. Вы укрепите часть, как арматура. Вас бы ещё воевать научить. Бить подследственных - это не тоже самое, что бить немца.

- Вот и поучите. А в твою роту я определю сразу человек десять молодых оперов и милиционеров. И старшим над ними будет лейтенант госбезопасности с отчеством Тимофеевич.

- Благодарю за доверие! - я вскочил, проорал, как на параде.

- Так и мне спокойнее будет. Он за тобой приглядит, ты за ним. Да, вот возьми.

Он подписал какой-то бланк, протянул мне. Ну, нифига себе карт-бланш: на бумаге с ведомственными штампами было напечатано: "Предъявителю сего оказать всемерную поддержку". Вот так вот - ни много, ни мало. И подпись. Начальника управления госбезопасности города и района. Вот кем оказался Тимофей Парфирыч. Польщен, польщен.

- Буду считать это авансом доверия.

- Верно. Давай, не теряй больше времени. На выходе тебя ждёт машина и мой сын. Он будет твоим личным караулом. Поможет заодно решить некоторые проблемы. Ведь благодаря тебе снабжение бригады оказалось парализовано. Срочно восстановить! Звание подкинуть тебе не в моей власти, а вот обязанностей и полномочий - сколько угодно. При возникновении препятствий - говори лейтенанту, он свяжется со мной.

Вот как-то так и закончилось моё заключение. Даже не побили ни разу. А я-то собрался Мальчиша-Кибальчиша изображать. Побеседовали по душам, благословили. Ахренеть! А как же "питьсот-миллионов-невиноубиенных"?

А во дворе меня ждала машина. Что-то вроде "Победы". И двери открываются как в консерватории. В комплекте - водитель и сумрачный атлетичный гэбист с лицом молодого Тимофея Парфирыча. Я, как министр, тьфу ты, нарком, сел в машину. Не удержался:

- Шеф, трогай!

По-мне - это должно звучать круто. Но эти двое предков устали на меня.

- В госпиталь. Гипс снять надо. И с Натаном перетереть.

Взгляды удивленные, переглянулись, но двигатель завёлся, поехали. Всю дорогу я любовался знакомо-незнакомым городом. Центр вроде и не сильно изменился, но был совсем другим. Да, город оказался в три раза меньше известного мне. А госпиталь и вокзал со станцией оказались вообще в пригороде, а в мое время - сердце города. Сейчас - сплошная частная застройка.

Моё появление в госпитале произвело не меньший эффект, чем "явление Христа народу". Медперсонал толпой вывалил во двор (мы подъехали с тыла), чуть меня на руках не стали качать. Каждая девочка-комсомолка в белом халате хотела прикоснуться, будто сомневались, что я реален, не мираж. Засыпали вопросами, затискали, как плюшевого мишку.

Так, толпой, и прошли до процедуры. Там меня ждали Натан и главврач, вернее начальник госпиталя. Тоже помяли. Ещё раз рассказал о своих злоключениях. Они - о новостях. Потом я обратился с просьбой - помочь интендантами. Обещали пересмотреть истории болезней, побеседовать с выздоравливающими.

Гипс сняли, констатировали хорошее состояние моего организма. Разом и выписали. Я же числился ещё в госпитале. Этим мотивируя, и пытались вытащить меня с гауптвахты. Я поблагодарил за заботу, попросил больше так не "подставляться". Из-за их стараний меня и упрятали в подвал управления НКВД, а они попали под "пристальный взгляд" органов.

Ещё раз поблагодарив всех за заботу, уведомил Натана, что заеду за ним вечером, откланялся и покинул заботливый персонал госпиталя.

Заехали в Казармы, где Бояринов, прознавший уже, что меня обязали быть его главным снабженцем, вывалил на меня кучу забот и заявок. Но сначала, конечно, помял меня единственной рукой.

- Рад, что всё обошлось.

- И я рад, - искренне ответил я. Я и вправду не верил происходящему. Как во сне - друзья, единомышленники, удача, содействие. Как? Я же всегда был неудачником, а тут вдруг! Может, снится мне всё это?

- Основное, Иваныч, обмундирование, - продолжил гнуть своё комбат, - подгребли всё, что можно. Даже твою "берлогу" прошерстили. Тихо, тихо! Опись изъятого - составил. Верну, обещаю!

Я рассмеялся:

- Да, ладно! Моё что ли? Ротное имущество. А где брать?

- На складах? - неуверенно ответил комбат.

- Там уже нет ничего, - влез в разговор неожиданно Тимофеич, до этого исполнявший роль тени отца Гамлета, - Всё с них уже вывезли. Нет,

не догоните. Месяц уже, как на запад всё отправили. Надо на фабрику наведаться.

- Ну, нуно, значит нуно. Поехали, проведем фабрику, - махнул рукой я.

Отступление от повествования.

Нет

елефонный разговор:

- Ну, посмотрел на Объекта?

- Посмотрел.

- А что мрачен так?

- Не поверишь - не знаю, что и думать. Как решить эту задачу? Это как перемножить два куба воздуха и три гектара пашни.

Собеседник хмыкнул:

- Нравятся мне твои ёмкие сравнения.

- Что-то мы в заданных данных попутали, вот и не перемножается у нас. Ясно же, что он не враг, не врёт, уж меня-то не проведёшь. Человек интересный, честный, открытый, но не понятный.

- И что ты решил? "Увидеть птицу по полёту"?

- Да-м-м. И "катализатор" ему выдал. А, знаешь, версия с потомком эмигрантов была бы весьма кстати. Представь, доложили бы, что нашли выход на организацию потомков эмигрантов, сочувствующих нашей стране. М-да.

- Что-то ты размечтался. Не к добру это.

- Сам знаю. Нечасто приходится быть в такой растерянности. И не враг, и не друг. Кто он? Чую, что ничего он не соврал, чую, что будет от него толк, а что именно - не могу понять.

- Может, доложим?

- Что доложим? Что два опытных волкодава уделались перед психом?

- Может, переселение душ?

- Ага, так и доложи.

- Ну, уж нет. Не поймут. В одну камеру с Кузьминым и посадят.

- Вот и я о том. Ладно! Может мы просто чего-то не увидели, недопоняли.

- Будем посмотреть?

- Что?

- Так Объект говорит.

- Ага, "будем посмотреть". Как неграмотно!

- Я остаюсь в "легенде"?

- Да. А я тут тоже поработаю. Что-то тут всё мхом и гнилью

поросло.

О том, что может наворочать контуженный беспредельщик, если ему дать волю.

Или о косоруком прогрессорстве.

Голова уже шла кругом. Фабрика не могла нам ничего дать - они и так план не выполняли. И не потому, что работали плохо, а материалов не хватало. Но мы, не поверив на слово, пролезли все их склады, где я реквизирувал несколько сотен шинелей (конечно, официально, по документам). Шинели завалились из-за того, что были старого образца, ещё с красными полосками поперёк груди, как у стрелцов. "Разговоры" называются. К вечеру начальник фабрики обещал все переделать. А что? Ему в план зачтётся, а батальон с шинелями - осень-то не за горами.

Ещё, к огромной своей радости, нашел у него на складе материалов, в неликвидах, обрезки брезента, много и разных размеров. И несколько рулонов камуфляжного хэбэ. У меня от радости аж засвербило всё.

- Вот, завезли как-то. А что из него делать - не ясно, - пожал плечами завскладом.

- Я знаю, что делать. Этого даже не хватит.

Тут же узнал адрес отправителя этого материала, составили заявку, завскладом ушёл её оформлять.

Я же загрузил в машину рулон пятнистой ткани и ворох брезента, пообещал начальнику фабрики "порешать вопрос" снабжения. В ответ меня заверили, что при обеспечении материалом - одежкой завалят.

Следом посетили Фабрику Нетканых Материалов. Пролез всё, но пользы пока не увидел. Поехали к моему знакомцу - коменданту станции, после вместе с ним - к коменданту участка дороги. Они, почесав в затылках, пообещали пошерстить в "брошенных" вагонах. Этим "ответственным лицам" даже в голову не приходила обычная "мужичья" мысль - покопаться в бесхозном. Хотя, бдительные "доброходы" сдадут в ограны сразу. Вот и не допустили даже мысли, чтобы не мешала работать. А работы на ж.д. в это время стало - не провернёшь. А представитель НКВД за моими плечами подтвердил, что поиск бесхозного будет общественно полезная деятельность, а не преступление. Но при условии - сохранности обнаруженного. Для этого оба коменданта записали номер телефона Тимофея Парфирыча. Теперь всё бесхозное попадёт под охрану НКВД и в моё оперативное пользование.

Так закончился первый день моего интендантства. Вечерело. А у меня ещё были планы относительно Натана, точнее его знакомой швеи. Забрали из госпиталя военврача 3-го ранга (до сих пор не верилось, что

этот интеллигент - служивый) и поехали за город. В пригородной деревушке у Натана был дом с участком, где Мария Фёдоровна с сыном проводили все летние каникулы.

Когда мы приехали, Мария Фёдоровна стояла "верх ногами" на грядках картошки - полола. Сын, Михаил - высокий худощавый загорелый подросток, сидел на яблоне - собирал урожай. Мария Фёдоровна нас не слышала, подоткнутое за пояс платье обнажало плотные загорелые ноги. Обернувшись, она одёрнула подол, запястьем поправила косынку, как делала и моя мать, близоруко сощурилась.

- Натан?

- Мария Фёдоровна, темно уже, что вы там можете разглядеть? Я тут гостей привёз, продукты. Давайте вечерять. Может, баньку стопим? - это уже у нас с лейтенантом спрашивает.

- В другой раз, Натан. Обязательно, но в другой раз. Хотя, я бы ополоснулся.

- Миша, проводи товарищей командиров до пруда. Тут недалеко. Мыло, полотенца захватите. Миша, как вода?

- Да, уже холодная. Илья-Пророк в водичку-то уже по...

- Михаил! - это с летней кухни Мария Фёдоровна одёрнула сына - бдит за нравственностью, - Натан Ааронович, полейте мне на руки.

- Конечно, конечно.

Вода была холодная и в правду. Но, всё одно, я поплавал в удовольствие. Лейтенант остался на берегу. Караулил. А то, - вдруг украдут меня водяные и лешие? После купания желудок взял меня за горло, требуя своего наполнения. Я ведь за сегодня и не ел ничего.

Нехитрый ужин мне показался очень вкусным, даже изысканным, что я и озвучил.

- После казенного пайка всё вкусно, - кивнул Натан, - а давайте обмоем счастливое освобождение "Контуженного на всю голову".

- Я не буду. Завязал. - отказался я.

- Что так? - удивился Натан.

- Не время - Родина в опасности.

Привычная шутка сейчас обрела очень серьёзный смысл. Даже слишком. Появившуюся бутылку, как ветром сдуло.

Быстро, неинтеллигентно "порубав" ужин, я стал объяснять Марии Фёдоровне замысел пошива привычных мне, но непривычных ей, штанов. Мы перебрались в хату (и светло, и комары не кусают), на листе бумаги набросали эскиз. Получался гибрид привычных для 90-х широких джинсов и моих рабочих камуфляжных штанов, которые я купил в военторге (с

накладными карманами на бёдрах сбоку). Мария Фёдоровна быстро уловила смысл моего заказа, даже внесла несколько уточнений, о которых я, типичный потребитель, даже не догадывался. Ещё сказала, где достать прочную нить, которой и надо это шить.

- И ещё, Мария Фёдоровна, раскрой или выкройка - как это называется? Да? В общем, не уничтожайте. Если моим командирам понравится - по вашим лекалам фабрика шить будет сотни комплектов. Сейчас мы принесём материал - он в машине. Там брезента обрезки ещё есть. Скоро осень - точно такие же штаны, но из брезента будут очень уместны.

- Брезент очень жёсткий. Сшить-то я сошью, как носить будите?

- Прежде чем шить, его выварить надо. Он и размягчает.

- Но свойства свои потеряет.

- Не сильно. А удобнее станет намного. Жаль, парусины не достать. Американцы из неё такие прочные штаны шьют - сноса нет. Варённый брезент будет нашей парусиной. Как-нибудь ещё вырвусь к вам - сварю.

- А вы мне, Виктор Иванович, расскажите как - я сварю, - предложил Михаил.

- Ну что ж, за язык тебя никто не тянул. А инициатива наказывает инициатора. Слушай сюда.

Уже ночью собрались ехать. Уговорили остаться. Натан ехать не собирался в принципе. И комендантский час в городе. Остались. С трудом, но разместились. Отрубился сразу.

- Натан, как мне расплачиваться с этой милой женщиной? - спросил я его утром, когда ехали обратно. Лейтенант впереди - следил за дорогой, мы - сзади.

- Должен будешь, - шепнул Натан на ухо и усмехнулся, - деньги не возьмёт. Потому что я за тебя просил. Должен будешь мне.

- И что же?

- Услугу за услугу, - и замолчал.

- Давай, выкладывай, не темни, - пихнул я его.

- Бедствует она. На работу нигде не берут - происхождение. И сын. Мечтает в армию. Потомственный вояка.

- А тут-то что сложного?

- Он-то мечтает, да ему ещё и шестнадцати нет. А для неё - он один остался во всём белом свете. Возьми под крылышко. Ты везучий, может и ему перепадёт, выживет. Мечта у него - вернуть честь фамилии.

- Достойная мечта. Тогда, я с него живого не слезу. Все круги ада пройдёт, прежде чем до боя его пущу. Предупреди - может, передумает.

Поступит в училище, ускоренный курс - и через год - младший лейтенант.

- Я с ним переговорю.

Завезли Натана, а в госпитале меня ждало пополнение - техник-интендант Забройко Степан Тарасович ("где хохол прошёл - два еврея повесились" - так он отрекомендовал себя) и старшина Гароев Сергей Асламбекович - абхаз. Хохол с ногой в гипсе, - абхаз - с двумя подживающими дырками от осколков. Горели желанием работать, Натан разрешил.

В машине провёл короткий вводный инструктаж:

- Наш батальон - наша семья. Кто будет крысятничать у своих - лично порешу. В особо извращённой форме.

Хохол довольно заулыбался, горец - "мамой клянусь!".

Степана завезли в казармы - он, с его ногой - недвижимость. На бумагах и телефоне, Сергея - с собой - "бегунком"-экспедитором.

Поехали на артиллерийские склады. Но там - облом - "не положено". Кавказское обаяние, карт-бланш НКВД, двадцать литров спирта - ворота складов распахнулись. Сергея оставили руководить ручейком полуторок, с помощью которых оружие и боеприпасы потекли со складов в Казарму. Тут я и разжился пистолетом ТТ (тяжелый!), запасной обоймой, кобурой, комплектом портупеи с планшетом (всё новое, кожей пахнет, скрипит) и гранатой Ф-1. Оружие первый раз в руках держал, но ощущения меня захлёстывали. Теперь я - ого-го! Лейтенант удивился только гранате, которую я неумело снаряжал (оказалось, граната хранилась в заглушке, а взрыватель - отдельно):

- Ты что, в бой собрался?

- Это - "последний довод, если спор проигран". Не понимаешь? Всегда с собой ношу, чтобы врагу живым не достаться. Без неё - как голый.

Ох, и горазд же я врать - поверил. Снял фуражку, тыковку чешет. Ага, проняло - сам из ящика стянул одну.

Дальше мы поехали по заводам и мастерским. У меня ещё были задумки, но хотелось "пощупать" производственную базу города. Оказалось - не хило. Три литейных цеха на город, в четырёх механообрабатывающих заводах, мастерские и кузни при каждом заводе, депо, МТС, автобазе. Вот только станков маловато, станки примитивные, но работают в три смены. Гранаты, снаряды, мины тысячами производятся ежедневно.

- Вот где куётся наша Победа!

- Эвакуируют всё - откуётся, - буркнул Тимофеич.

- Не надо эвакуировать. Сюда немец не дойдёт.

- Твоими устами, да мёд бы пить.

- Ты сам подумай - на фронте затишье. Немец по сопатке получил - перегруппировывается. Разом везде сильным быть уже не может. Соберёт всё, что есть в кулак - ударит. Но в одном направлении. Или на юг, или на Москву. А мы - между. А скоро осень, распутица, потом - морозы. И - всё. Война замёрзнет до весны.

- Тебе-то откуда знать, что немец придумает?

- А я ихний шпиён. Они мне по вечерам по радио докладывают.

- Дошутишься.

- Посмотрим. Давай, в Паровозоремонтный. Там и застрянем.

Я специально его оставил напоследок. Всё таки, шесть лет я в его литейке оттрудился в разных должностях. На прошлом моём теле множество меток от жидкого металла осталось. Показав на проходной волшебный ауцвайс, прошли в завод. Но, меня ждало разочарование - завод маленький, кургузый, убогий и грязный. И незнакомый. Получается - после война завод заново отстроили? Против моего завода - это паровозоремонтные мастерские. А вот и литейка. Ага, она знакома, правда, в два раза меньше. Зашел, вздохнул полной грудью вонь и копоть. Такие знакомые! Как запах дома. Ностальгия. Так же из вагранок течёт светящийся почти белым светом чугун на такой же конвейер. Только опоки высокие. Корпуса снарядов льют.

Всё, пора. Здесь мне делать нечего. Мне в кузню. Тут тоже копоть, но запах другой, кузнечный. Грохот сразу нескольких молотов и прессов. Ага! Этот пресс мне и нужен. Хотя, можно и тем молотом. А теперь кого-нибудь отловить с мозгами.

Начальник завода? Да нет, ты не подходишь. Хотя...

Представился, представился лейтенант, волшебный карт-бланш в зубы. Прочитал? Проникся? А теперь скажи-ка мне, дорогой, кто больше всех шарит в металлургии и кузнечном деле. Да, с конструкторской жилкой. Да не стони ты! А кому сейчас легко? Всем людей не хватает. Думаешь, у нас до хрена времени? А сладкого хочешь? Ну, например, вагон угля. И мазута. Блестят глазки. И головастый технолог с чёрными, от вьевшегося металла и угля, руками, появился.

Вместе пошли в столовую. Целый день на ногах, а тут угощают. В тиши столовой я и выяснил у них, что есть возможность получить броневые листы (завод строит бронепоезда) толщиной 3, 5, 8 мм и толще, но толще мне не надо.

Хочу я производство бронежилетов наладить. Я понимаю, винтовочно-пулемётную пулю не остановит, но 9-мм парабеллум? А

осколок гранаты или мины? Ведь приняли же бронежилеты на вооружение все армии мира к концу 20-го века. Да, и у Сталина были панцирные сапёрно-штурмовые батальоны. Вот эту задумку я и выложил. Только я задумал не панцирь делать, а чешуйчатый доспех из крупных бронелистов, набегающих друг на друга. Это должно снизить потерю подвижности, при сохранении защищённости. Да, и на спине будет... Как же это называется? У спортсменов-экстремалов видел, но в руках не держал. Только у них из пластика, а мы сделаем из стали. Это поддерживающий каркас из накладывающихся друг на друга пластин. Конструкция позволяет нагибаться вперёд неограниченно, а назад - только слегка, чтобы позвоночник не сломался. Со всем бронником я мог бы и сам разобраться, а вот с этим каркасом, как раз и нужна помощь. Кто-то должен подобрать соотношение пластин опытным путём.

Начальник завода явно погрузтел. Ему это не интересно, а вот инженер заинтересовался. Интерес начальника вернулся, когда я пообещал ему поставки дельного металлолома для кузни и в переплав (металлолома на железной дороге много, особенно после бомбёжек). Тут же инженер был отдан мне "в аренду".

Вдвоём с ним мы пошли в конструкторское бюро, где извели за ночь гору бумаги, пока, наконец, не пришли к удовлетворительному результату.

- Теперь из фанеры макет в натуральную величину сдела-а-ем... - инженер заразно зевнул. Я за ним.

- Когда?

- Давай послезавтра. Сейчас я модельщикам отдам. Они до следующего утра сделают.

- Идёт, - я пожал ему руку, пошёл на выход. Уже поздняя ночь. А завтра ещё прорва дел. Хорошо, что машина ждала. Ругая себя последними словами, сел в машину. Ругал я себя, конечно молча, за то, что забыл о водиле. Надо было его тоже взять в столовую. Мы-то натрескались, а он? На подножном корме?

Водитель, Иван, сообщил мне, что моего сопровождающего лейтенанта ГБ, отозвали. Так что пару дней придётся одному.

- В Казарму, спать! - приказал я шофёру и тут же уснул на заднем диване.

На следующий день опять как на карусели - то к ж.д. комендантам, потом в типографию, которые и рады бы нам напечатать что угодно, но бумаги у них нет. Опять на ж.д. У них на складах бумага была - искал транспорт, потом долгое совещание с печатниками - объяснял им, что же мне нужно (красноармейские книжки, журналы боевых действий,

ведомости и бланки, складские, т.н. амбарные книги и т.д., и т.п.).

С этими вроде решили, к другим уже опаздывал. И такая круговерть целый день. То выбить продовольствие, то увеличить лимит патронов и гранат, которые Бояринов уже все извёл на стрельбищах, обстреливая новобранцев, то договориться о ремонте машин - получили мы по мобилизации машины настолько убитые, что о боевом их использовании не могло быть и речи. Это в хозяйстве терпимо - сломался - дотащат до базы на привязи, как прицеп. А на фронте любая поломка - потеря транспорта навсегда, особенно в отступлении. Потом выбивал на нефтебазе бензин, соляру (а мало ли?), моторные масла и смазки. Запчасти. Попробуй их достань! Спирт давно кончился, в меновый торг пошла соляра (пригодилась) и бензин, оказавшийся даже ценнее спирта.

Потом примерка штанов. В ширинке - молния, прикинь?! Я думал в этой древности о таком и не знали. Дед мой, фронтовик, до смерти штаны с пуговицами носил. Так в этих штанах я и остался. Реклама. Наружная. Мария Фёдоровна занялась шитьём из варённого брезента широких "джинс"-варёнок. В самом деле - брезент полинял пятнами и полосами, стал "камуфляжным". Миша был расстроен, а я рад. Ещё заказал из не варёного брезента куртку. Смесь штормовки, джинсовки и натовской куртки с накладными карманами. Оказалось, Марии Фёдоровне эта конструкция хорошо знакома и называется - макинтош. Вот так-то. А я думал это название компьютера. Вот, что молодец, Мария Фёдоровна - важные мелочи, которые я забыл (двойной "джинсовый" шов, накладки на колени, петли под ремень, да и молния в клапан ширинки) она добавила, даже не согласовывая. Михаил сварил весь брезент и рвался со мной. Забрал. Ординарцем.

Борзею. А чё бы и нет? Я тут вообще себя почувствовал кумом королю. Ворочаю, что хочу, бумажку в зубы от чекистов - и вперед! Так, где-то в глубине сознания трепыхалась мысль: "С чего бы вдруг?". Ясно же, что так не бывает, ясно же, что придётся расплатиться, но... Всё это - потом! Потом и расплатимся. А пока прёт - надо переть буром!

На заводе осмотрел "бронник" из фанеры. Ничё, так. Оказалось, ребята из инструментального цеха (высокой квалификации, но широчайшего профиля) подключились, доработали. Фанерные щитки скрепили брезентовыми ремнями. Одел, подтянул по фигуре, покрутился, кувыркнулся через плечо, отогнулся - спину держит.

- Супер! - заключил я, - Замечательно. Теперь - то же, но из брони. Когда сделаете первый образец в металле, эти фанерки заберу - брезентовый чехол будут шить. Сколько весить будет?

Пожимают плечами.

- А толк будет? Пулю удержит? - сомневались заводчане.

- А давайте попробуем! Найдите небольшой кусок 8-мм брони.

Искать не пришлось - под руками был. Пошли в литейку всей толпой. А где ещё стрельбище устраивать, как не в "складе песка"? Они удивились, конечно, моему хорошему ориентированию в заводе, но вида не подали. Лист брони закрепили на доске, всё это отнесли в "склад песка", тоже закрепили. Я всех выгнал с линии огня и возможного рикошета, сам встал за створку толстых ворот, высунув только руку и голову, пять раз выстрелил в лист брони с пяти шагов из своего ТТ. Попал все пять. Сам не поверил. Стрелял я вообще первый раз. Но, это я. А у Кузьмина был большой стрелковый опыт. Получилось, как в пословице - глаза бояться - руки делают.

Ну, так вот, из пяти пуль ни одна не пробила лист. Три вмятины, две царапины от рикошетов.

- Замечательно.

- А трехлинейка?

- Может пробить. Если под прямым углом и ближе трехсот шагов - наверняка. А вот уже под углом, на излёте - может и нет. Главное - от 9-мм парабеллума точно защитит. У ТТ пробивная сила даже больше. Значит, автоматчики, осколки гранат, мин, вторичные поражающие элементы, как камни, щепки, и другие - не страшны. Уже большой плюс. Когда в металле будет?

- А сколько нужно? Тут дело такое - если порядка десятка, то - один в три дня, если много - то первый - минимум через неделю.

- Да, скорее всего штампы придётся делать. Установочная партия - пятьсот штук. А после войсковых испытаний, может и поток, - заявил я.

- Штампы без разрешения управления не можем делать. А изменение номенклатуры - вообще наркомат должен санкционировать, - заняли инструментальщики.

- Можете! И опытную партию можете изготовить. Ребят, не надо приbedняться - я вашу "кухню" отлично знаю. И что ножи, эксклюзивные, отличные куёте и в инструменталке делаете, и про топоры, молотки знаю. И что весь город втихую лопатами обеспечиваете. И замки, вами сделанные и закалённые, вскрыть невозможно. Дальше перечислять? Я к вам поэтому и пришел. Именно на ваш завод. Он у вас только с виду убогий, а я знаю про ваши золотые руки и головы. Этот левак вы тоже гоните с разрешения управления? А может и начальник завода знает? Не надо мне ля-ля! Поймите вы, не хочу вас за горло брать. То, что вы делаете, Бог с вами,

польза людям. Но сейчас для Родины постараться надо! Сколько жизней эти доспехи спасут - думали? Я думал. И не кого-нибудь, а ваших же знакомых, с этого же города, может, родных ваших. Всё в бригаду пойдёт, в ней фронтовые испытания проводиться будут. И я не просто нахрапом беру - всё по документам пройдёт, наряды вам будут оплачены, а кроме этого я уже договорился о поставках на ваш завод дельного металла, угля, кокса подкинут, мазут завтра цистерна придёт. А в порядке взаимозачётов за сверхплановые бронники, за скорость изготовления - в вашу столовую завезём крупы, муку, масло растительное. В качестве премии. Ну, что скажете, заводчане?

- Дня через три подойди - первый образец примеришь, - за всех ответил пожилой мастер инструментального цеха, - Вручную откуём его, пока заготовки штампов откуются, обработаем. Потом поток пойдёт. Если брони хватит. Коли ты шустрый такой, может ещё брони нащукаешь?

- Это уже дельный разговор. Через три дня увидимся.

Так, незаметно, в суете, пролетали дни. Опомнился, только когда меня вызвали в НКВД. Неприятно, когда тебя вызывают в эту контору. Но успокаивало одно - к Тимофею Парфирычу. Утром подкатил. Дежурный на входе позвонил, Тимофей Парфирыч сам спустился.

- Пойдём, - позвал он меня.

Оказалось, в столовую. Весьма кстати.

- Докладывай.

Получился не доклад, а рассказ. О том, что сделал, чего не смог, что собираюсь делать. Но Тимофей Парфирыч слушал меня рассеяно, ел неохотно.

- Тимофей Парфирыч, что случилось?

- Сын ранен.

- Как же так? А сказали - просто отозвали. Как же так?

Оказалось, что с приближением фронта, в городе и округе зашевелилась всякая гнусь. И НКВД, в лице Тимофея Парфирыча, решило провести "зачистку", выражаясь нашим языком, а по ихнему - "превентивные действия по снижению криминогенной обстановки". Только, с одной интересной особенностью - оказывающих сопротивление аресту валили на месте. Криминал поднял такую бучу, буквально начав вести боевые действия и объявив охоту на милицию и чекистов. Поэтому, из бригады отозвали всех отправленных туда. Вот и сын Тимофея Парфирыча, попал в засаду по пути домой. Отстреляв два барабана нагана, он применил гранату, осколком которой и был ранен в бок. Натан его залатал.

- Тимофей Парфирыч, что же вы не сказали, я же тоже поучаствовал

бы.

Он махнул рукой:

- То, что делаешь ты - важнее. Никто не ожидал, что ты столько наворишишь. Слух о твоей оборотистости уже дошел до обкома. А когда узнали, что от меня "работаешь", весь телефон оборвали. В общем, так. Сейчас едешь в горком, там тебя будут ждать наши партийные руководители областного масштаба. О сыне моём побеспокойся.

- Не понял?

- В Москву меня вызывают за все мои художества. За беспорядки, за проведение казней без санкции прокурора, за потери личного состава. Знаешь, что это значит? Что я не вернусь. Козлом отпущения пойду.

- Да, ладно, на...! Рано себя хоронишь.

- Опыт у меня богатый. Всё! Разговор окончен. Делай, что должен.

- И получишь то, что заслуживаешь. До свидания, Тимофей Парфирыч!

Хотел у него спросить, чем обязан предоставлением возможности "наворотить" и "оборотистость" проявить. Но, он лишь махнул рукой.

Партийные бонзы меня не поразили. Обычные мужики "от сохи", так не похожие на видимых мной по телевизору на излёте Союза. Обычные мешковатые пиджаки, чёрные мешки под глазами, хлебают обычный чай из гранённых стаканов в подстаканниках.

Доложил ещё раз о себе, о проделанной работе. Слушали с любопытством. А потом и выдали мне... Хоть стой, хоть падай.

Дело вот в чём. Заготовки боеприпасов изготавливаются по всей области, чуть ли не в каждой деревенской кузнице, а вот снаряжаются они на единственном, недавно пущенном пороховом заводе. Представляете логистический выверт: все эти тысячи тонн погрузи, довези до станций, перегрузи (а, найди транспорт! - то же задача не для слабонервных), довези по забитым дорогам, выгрузи, опять погрузи, отвези по складам, там разгрузи, и т.д. И всё вручную - механические погрузчики даже в моё время только импортные, а здесь откуда? На лицо дурость в виде множества лишних операций. Наука Логистика - в обмороке. Намного проще развезти взрывчатку - она компактнее и легче, хотя и опаснее в обращении. Но - это решается.

Вот этот логистический узел мне и поручили развязать, расписавшись, таким образом, в собственном бессилии. Смешно. Я - старшина, они - верховная власть в области.

В карт-бланше Тимофея Парфирыча они добавили свои подписи, штампы своих контор, благословили.

И я поехал через всю область в полной уверенности в безнадежности предприятия. Правда, через десять минут поездки уже спал, свернувшись калачиком на широком заднем диване.

Ясно, что полный облом. Типчик, в военной форме звания из военинженерного сословия, даже слушать меня не хотел. "Не положено". "Взрывоопасно". "Не обеспечено". Посылал меня в Москву в Наркомат своего направления. Вот с... собака! На мою ксиву с грозными росписями глянул вскользь, презрительно скривил губы. Ах, ты ещё и высокомерный! А я - уже злой!

- Ну-ка, набирай номер своего вышестоящего начальника.

- Не "нукай", не запряг!

- Это пока.

- Что?! Я сейчас охрану вызову!

- И в больнице их навещать будешь. Набирай! Видимо, придётся с вами по-другому разговаривать. Как там его имя? А твоё? Да, позволяю! А что ты себе позволяешь? Набирай, говорю! Саботажник!

Пока он связывался, я достал блокнот, карандаш, демонстративно записал их ФИО. Этот протягивает трубку, в которую я, постаравшись не срываться на мат, изложил проблему, но в ответ услышал только просьбу прекратить заниматься ерундой и не отвлекать ответственных товарищей от дел.

- Так, всё с вами понятно, - я бросил трубку на стол, не спрашивая разрешения закурил, встал, стал ходить по кабинету. Двери кабинета распахнулись, влетели двое, типа ВОХРовцев, но выстрел моего ТТ в потолок заставил их быстро ретироваться. Начальник завода был бледнее простыни.

- Сидеть! Эй, там, дверь закройте! Не видите - серьёзные люди разговаривают.

Отправив окурок в открытое окно, я ногой пододвинул стул и сел так, чтобы разом видеть и дверь, и этого бледного поганца.

- Слышь, мурло, ты коммунист? Коммунист? Ну, тогда я тебе один анекдот расскажу. Но, сначала, предысторию. Ты ни разу не слышал фамилии Берия? Слышал? Уже молодец. Так вот, с началом войны под руководством этого человека, на базе осназа, была создана структура. Её представители присутствуют на фронтах, в тылу, везде. Они скрывают свои истинные имена, звания, рядятся в других людей. Цель у них одна - сообщать Ставке истинное положение вещей. Усёк? А теперь подумай - старшина, с подобной бумагой в руках, с росписями не маленьких людей, пришёл к тебе решать не маленький вопрос. Ничего не настораживает?

Подумай. А теперь анекдот: было это пару лет назад. Два ведущих авиаконструктора, оба коммунисты, правда, один строит двигатели, другой - самолёты. Так вот, они никак не могут достичь компромисса по конструкции бронированного самолёта-штурмовика. А курирует это направление как раз Берия. И вот, получив по шапке в очередной раз от Хозяина, Лаврентий Павлович собрал этих двоих и говорит им: "Если два коммуниста не могут прийти к единому решению в вопросе, касающемся обороноспособности страны, значит, один из них - враг. Мне сейчас некогда выяснять, кто именно из вас враг. Я вернусь через час". Конструктора пришли к единому знаменателю и прекрасный штурмовик ИЛ-2 уже есть в войсках, прекрасные отзывы о нём. А немцы его прозвали "Железным Густавом" и "Чёрной Смертью". Мораль сей басни такова: на мой взгляд, имеется прямой саботаж указания Ставки по наращиванию объёмов производства боеприпасов. Кто-то играет на руку врагу. И от тебя, точнее от твоих действий, зависит форма моего доклада моему командованию. Или я докладываю об окопавшихся врагах-саботажниках, или - о бдительных товарищах, сумевших своевременно проявить инициативу и решить проблему, добившись резкого сокращения транспортных издержек и, соответственно, увеличения производства боеприпасов. Рано или поздно, вопрос этот будет продавлен, но боюсь, что ты об этом не узнаешь - на таёжном лесоповале нет даже радио. Всё! Срок тебе - до утра. И скажи своим шавкам - пусть убираются с моего пути, пока живы. Меня они не остановят, а вот лишние дырки в телах им ни к чему. Надеюсь, больше не придётся встречаться.

Он крикнул. Я осторожно вышел из кабинета. Никого нет. Даже секретарши. От дверей заводоуправления к машине шел, ежесекундно ожидая выстрела в спину. Пронесло.

- Поехали, поехали! - шепнул я Ване, забираясь на задний диван.

- Как прошло?

Я тяжело перевёл дух.

- Сложно. Блефовал. Навыпендривался до неба. Если не прокатит - меня расстреляют. Домой, Вань. Что-то я уже неработоспособен.

Когда я в следующий раз был на заводе №34, там шло большое строительство - на базе корпуса эвакуированного цеха строили сборочный цех по оснащению боеприпасов. Прокатило. Потом меня вызвали в горком, где те же партийные боссы поблагодарили меня, наградили наручными часами, серебряным портсигаром с надписью: "Старшине Кузьмину В.И. за образцовое выполнение партийного задания", вязью подписи первого секретаря ВКП(б) области, и серебряной фляжкой в кожаном чехле, но с

такой же надписью. Искренне и сердечно поблагодарил. Классные гаджеты. Угодили, так угодили.

- Так как же ты его уговорил?

- Анекдот рассказал. Рассказать?

Комплект брони был готов. К этому времени Марией Фёдоровной был сшит и бронник. На заводе, в стенах инструментального цеха, в присутствии массы заинтересованных работников была произведена первая сборка и примерка комплекта Индивидуального Защитного Комплекса "Доспех". Конечно, примерено мною. "Доспех" N1 - мой.

- Тяжёлый какой!

- А вы как хотели?

- Нет, так не пойдёт. Я - ладно, бык здоровый, но люди разные, для многих этот вес станет неподъёмным. Давайте сделаем так. А какие ещё бронелисты есть? 5 и 3 мм? А, нормально. Нагрудные большие пластины оставляем такими, хребетный каркас и перед - 3 мм, Каска из 3-х мм листа делается? Значит, хватит. Сколько это сэкономит? Процентом 40? Больше?

- И производство ускорится. Листы разных марок - легче сделать. А то 8-ми мм кончился бы быстро, и - жди, пока подвезут.

- Решено, так и сделаем. А листы формовали на горячую? А потом?

- Отпустили, нормализовали и слегка закалили. Поверхностную цементацию сделали.

- Молодцы. Приятно иметь дело с профессорами своего дела. Так, сварка у вас есть. Есть мелкоячеистая стальная низкоуглеродистая сетка?

- Да, песок через неё сею.

- Снутри бронепластин этого комплекта приварите точно. При расколе плиты, сетка удержит осколки.

- Это ещё вес.

- Знаю. Поэтому только на этом "Доспехе". А где образец N0? Тот, что из простой стали?

- Забрали его. Из НКВД приезжали, осмотрели всё и забрали.

- Странно, а мне ничего не сказали. Давно?

- Да, уже пара дней как. Так, Никитич?

Когда я появился, наконец, в расположении батальона, даже испытал некоторое удовольствие. Мой внешний вид породил эффект "слоу-мо". Это как в играх и фильмах время замедляется - всё замирает. В денном случае - с отвисшими челюстями.

Я - в пятнистых штанах с накладными карманами, в брезентовой, расстёгнутой, штормовке с большим капюшоном, из-под которой хорошо видны грудные плиты "Доспеха", в квадратной, бундесверовской,

пятнистой кепи с изогнутым козырьком, наверное, выглядел настолько круто, что суета Казарм замерла. Меня обступили, засыпали вопросами. Бояринову подробно доложил-рассказал о моём виде. Бояринов был не слишком впечатлён. Но, критиковать не стал, пожав плечами.

Добрался до своей "берлоги", только приготовился погрузиться в проблемы роты - посыльный. Вызывают к комбригу.

Комбриг был в кабинете, но весь в пыли - явно с дороги. Я доложил.

- Садись, Виктор Иванович. Впечатлён твоими свершениями. И не только я. Но, сначала, приятные новости. Для меня, по крайней мере. Я прошёл переаттестацию и теперь - генерал-майор.

- Поздравляю вас, Александр Дмитриевич.

- Благодарю. Бригада наша переформируется в дивизию и входит в подчинение формируемой 61-й армии. Срок готовности - 1 декабря.

"Ага, как раз к контрнаступлению", - подумал я, но вслух сказал:

- Ого, сколько работы подвалило. По области ещё и десятка батальонов не сформировано. А ещё батареи, связь, танки.

- А вот это тебя уже не коснётся, - усмехнулся Синицын, - не смог тебя отстоять. Забрали тебя.

- Куда это? Без меня - меня женили?

- Твои знакомцы из НКВД добились твоего перевода к себе.

- Ох, ни ху... ху. А за каким ... делом?

- А вот там и узнаешь. Сейчас же и езжай. Они и машину прислали. Ты связи свои оставь.

- Бояриновские интенданты и старшины в курсе всех моих источников. Ребята неплохие, оборотистые, особенно Хохол и Горец.

- Ну, давай, старшина, не поминай лихом. Хотя и довелось нам недолго прослужить вместе, рад был знакомству, - Синицын, генерал-майор, встал, обошел стол, пожал мне руку, обнял. Вот ни ху-ху!

- А это от меня, - он протянул мне свёрток. Я развернул. Трубка для курения. Чёрная и гладкая.

- Я заметил - с самокрутками ты справляешься плохо, а папиросы для фронта роскошь редкая. А там ты скоро окажешься. Раньше нас - точно. Считай благодарностью от лица командования.

- Спасибо, то есть - Служу Трудовому Народу!

Я -

чекист! ...Почти.

В управлении НКВД меня проводили в кабинет Тимофея

Парфирыча, где я предстал перед его замом. Он протянул мне для ознакомления несколько листов.

- Как там Тимофей Парфирыч?

Зам поморщился, неохотно ответил:

- Приедет скоро. Уже выехал. Ты, давай, живее. Не задерживай. Расписывайся в ознакомлении и приступай к обязанностям. И форму приведи в соответствие - как махновец. Это у Сеницына можно партизанщиной заниматься - а у нас - только по уставу. Понял?

- Как скажешь.

Зам нахмурился, потом покачал головой и махнул рукой:

- Парфирыч пусть с тобой разбирается. Мне на глаза не попадайся. Понял?

- Постараюсь.

- Уж будь любезен. Прочёл?

- Да куда там! Тут всякие уставщики отвлекают.

Зам от злости покраснел, вскочил, рот раскрыл, но захлопнул и вышел из кабинета.

- Не срослось... - вздохнул я и стал читать.

Первый приказ - о создании из сотрудников НКВД области отдельного истребительного батальона (но авиация тут не при делах). Штатная структура - согласно приложения N1. Но, самого приложения я не нашел. Второй приказ - о переводе меня в этот батальон старшиной первой стрелковой роты с присвоением звания старшины. На общеармейские звания переводя - я стал лейтенантом. Круто. (Конечно, я обломался. Как оказалось, особые звания ГБ не распространялись на войска НКВД. Я остался просто старшиной.) Третий приказ - о принятии на вооружения ОИБ НКВД ИЗК "Доспех" с указанием заводу N34 (это тот самый паровозоремонтный) произвести до конца месяца 500 комплектов, с дальнейшим планом производства - 350 комплектов ИЗК в месяц. В приказе указывались ответственные за производство и обеспечение 8, 5 и 3-мм бронелистом.

Я сидел в полном обалдении. Вот это чекисты! Вот это завернули, так завернули!

- Ну, что Кузьмин, ознакомился?

- Так точно!

- Ну вот, уже лучше. Давай, одна нога здесь - другой не вижу!

- Куда?

- "Доспехи" свои поставляй. Теперь тебе "зелёная улица". У Сеницына ты снабжение наладил - теперь для нашего батальона

постарайся. С нашими возможностями, даже не знаю, чего ты наворочаешь. Всё, что нужно - изложи в докладной. У секретаря оставишь. Всё, что угодно проси - людей, помощь и покровительство обеспечим.

- С вами приятно иметь дело. А то я подумал - не срослось.

- А то! Ты ещё здесь?

- Уже нет.

В моё пользование была предоставлена опять та же машина с тем же Иваном за рулём. Он улыбнулся мне, как старому знакомому.

- Куда, Виктор Иванович?

- Ты мне это брось. Какой я тебе, на хрен, Иванович? Витей зови. Не дорос я ещё, чтобы меня по-отчеству величать. А поехали к Натану. В госпиталь.

- Я понял.

- Что-то у меня от успехов голова кругом идёт. Дров бы не наломать. Отвлечёшься надо, мысли в кучку собрать.

Удивить Натана не вышло. Ну, конечно - сын Парфирыча у него лежит в качестве VIP-пациента. Зато получилось "поплакаться в жилетку", т.е. излить поток сознания, облегчив душу. "Насухую". Пить я отказался категорически. Хотелось забиться в норку и пересидеть, "помедитировать", чтобы собраться с мыслями. А под коньяк мог "запалиться". И так прошлый раз незнамо что наплёл.

- Куда же мне "потеряться" на пару дней?

- В запой.

- Не пойдёт.

- Долг отдай.

- Это как?

- Ты же с Катериной не рассчитался. А она ждёт. Свиньёй будешь?

- Нет.

- Ну, вот тебе и выход. А народу возвестим, что ты в запое и в загуле на пару-тройку дней. А там и Тимофей Парфирыч вернётся. При новом звании, да с наградой.

- Да ты что? А ехал на "утро стрелецкой казни".

- Вот так-то. Так что, давай, машину отпускай. Для всех - ты со мной запил. Пёхом дойдёшь, не барин. А что ты в железе весь, как дон Кихот? Тут, вроде, не стреляют, спасибо Парфирычу.

- Привыкнуть к тяжести надо. Ощущать не должен полностью. Как кожа должен доспех быть.

- И как, получается?

- Болит всё тело, будто в галтовочном барабане меня с чугунными

чушками крутили.

- У-у, ты какой стал. Терминами какими сыпешь.
- Завидуешь? Завидуй молча.
- Молчу. Так ты идёшь?
- Да, иду. Долг - это святое.

Катерина была рада. Растерялась, закудаhtала, ребятишки мельтешили в радости (с чего вдруг?). Ваську я знал, оказалась ещё и девочка, симпатичная, как ангелок. А я, мужлан чёртов, с пустыми руками. От обеда отказался, скинул сбрую, сразу приступил к "возвращению долга". Хотя, Катерина лукавила - её хозяйство было в приличном состоянии благодаря стараниям подрастающего Васьки. Да и я не сильно рукодельный. Даже безрукий - так точнее. Но, тем не менее, вместе с Васькой, провозились до вечера.

После ужина Катерина постелила мне в комнате, дети тихо исчезли (оказалось, ушли к соседям ночевать). Я, конечно, отказывался, но... В общем... остался я на ночь.

И ещё на сутки.

Потом за мной пришла машина. Ванька, как ни в чём не бывало, спросил:

- Куда?
- На завод.

Когда уже ехали, я спросил:

- Как в конторе дела?

- Тебе увольнительную оформили. И на завтра тоже. А сегодня, отчего-то, послали. Езжай, говорят, проведай. А Тимофей Парфирыч ещё не вернулся, - Иван явно предугадал мой вопрос, - Санёк говорит - в Тулу заехал.

С завода поехали к Натану, с ним вместе - за Марией Фёдоровной. А с ней - на швейную фабрику. Там я её устроил на работу. И не просто швей, а дизайнером военной формы и экипировки. Да, тогда таких названий профессий не было, но профессия была. Только называлась иначе - ведущий мастер-технолог конструкторского отдела. В моём присутствии ей выписали ордер на комнату в общежитии ИТР. Я прошерстил отдел снабжения, придав грозными бумагами ускорение в получении, вернее, добычи материала. Особенно меня интересовало камуфляжное направление. Добился увязки этой фабрики и фабрики нетканых материалов для пошива ватных бушлатов (фуфаек) и ватных штанов. Распоряжения из Москвы они получили чуть ли не в июле, а до сих пор репы чешут.

Потом с Мишей, сыном Марии Фёдоровны ездили в военкомат. Сделали его беженцем со Смоленщины, потерявшего документы. Прибавили возраста, и пошёл Михаил, по новым данным Перунов (моя придумка - в честь Перуна, славянского бога войны), проходить комиссию. Потом поступит на службу в 1 стр. роту ОИБ. То есть, ко мне лично. Я его научу Родину любить!

Вечером, на этот раз не с пустыми руками, приехал к Катерине. Пришлось покататься по городу и оставить в магазинах приличную часть своего денежного содержания. Ивана отпустил до утра. Ещё вечером решил - последний раз. Долг отдан.

Утром, проезжая мимо церкви, любясь древними стенами, спросил Ивана:

- А церковь работает?

- Да. Работает. Вишь - народ на утреню собирается.

- Давай подъедем. Душа просит.

Водитель очень удивился, но перечить не стал.

Я отстоял всю службу, подошёл к бородатому священнику.

- Благослови, отец, на ратный труд!

- Крещён ли ты?

- Крещен был в детстве. Только креста на мне нет. А у вас могу купить?

- Да, воин Христа, можешь. Вот там. Исповедуйся, причастись, а потом подходи, побеседуем.

То, что было - меня не устроило. Оловянные крестики были очень маленькие.

- Мне веру свою скрывать стыдно. Крест на меня тяжкий лёг и его отображение должно соответствовать. Я большой и буйный. И цепь должна быть прочной, а не эти шнурки. Чтобы и я - пополам, а цепь - цела.

Монашка в испуге глянула на меня, убежала. Я сплюнул в сердцах.

- Не плюй в храме, - окоротил меня бородач заморышевого вида в чёрной рясе (или как у них спецовки называются). - Гордыня - тяжкий грех.

- Кто говорит о гордыне? Мои требования к символам веры не от самомнения, а от необходимости. На войну я собираюсь, там это необходимо - и цепь прочная и крест заметный. А гордыня и гордость - две большие разницы. Человек без гордости и не человек, а тварь дрожащая. Бог создал человека в помощь себе, потому негоже нам червям уподобляться.

- Да кто ты такой, чтобы о вере судить?

- Тот, кто гордость и мужество имеет за неё постоять перед врагом

человеческим, не дать погасить божий свет в душах. А вот ты кто, бараном прикинувшийся? Отойди от меня, от греха. Не к тебе я пришел. Иди, замаливай несуществующие грехи, не мешай.

Я отвернулся. И что он так задел меня? Раб божий. В натуре - раб. Ну, уж нет, то не про нас. Мы не рабы!

И вдруг я понял, что так угнетало меня всю жизнь, что так понравилось в этом времени - дерзость души у предков, а у нас? Рабская покорность. Смерились с ней в умах, но не в душах. Болела душа, депрессия называется. Или по-нашему, по-пацански - безнадёга.

- Пойдём, отойдём, - позвал меня ещё один бородач, но одетый обычно, не в церковную спецовку. Был он не стар, мордаст, плотного телосложения и даже с брюшком - явно не укрощает плоть постом.

- Можно с тобой поговорить? - спросил он.

- Смотря о чём, - ответил я.

- Зачем ты пришел в храм со знаком наших гонителей на воротнике?

- Госбезопасность что ли? Какие же они гонители? Вот, вы, работаете, проповедуете, вас слышат, кто хочет услышать. Я вот, например.

- Но, они взрывали храмы!

- Ой ли?! Они ли? Когда храмы жгли и попов конями рвали, ЧэКа и не до вас было. В том, что произошло - вина самой корпорации под названием Церковь - самая большая. Не вы ли пытались народ-богоносец в рабов превратить? Не заставляли ли падать ниц при виде сутан или как там ваши спецовки называются? Не погрязли ли в грехе? Золотом и жиром не обросли? Себе ответь, мне не надо. Я и так знаю. Забыли, что главное - Бог, народ или ваша организация? Не вы стали для народа, а он стал для вас. Итог - закономерен. Народ от церкви отвернулся, но не от веры. В каждом доме - икона. Вы - мешать стали. Лишние между Богом и человеком, а должны были помочь. И сейчас вот, я пришел в храм - душа позвала. А тут, как в конторе продзаготовительного комбината - поди туда, напиши справку, принеси бланк. И креста нужного нет. Ну, нет, так нет. Сам сделаю. И веру свою, и народ свой, и Родину свою пойду защищать. Сейчас это главное для Человечества, а значит и для Бога. А где при этом вы? Не видать вас. И зачем вы народу? Что, еретиком меня назовёшь? Или одержимым? Валяй! Только тяжело народу без духовных отцов, сейчас особенно. А вы приняли позу обиженного страуса - голова в песке, задница к всеобщему пользованию. Ладно, брат, прости. Пойду я. Дел ещё невпроворот.

- Постой. Пойдём со мной. Кажется, у меня ты найдёшь, что ищешь.

- Богатый выбор. Судя по виду - не новодел. Старые вещи.

- Выбирай.

- Сколько стоит будет?

- А сколько дашь. Деньги мне не особо нужны. Я, выражаясь вашим языком, комендант прихода. Я тебе помог - ты мне. Люди должны помогать друг другу.

- Годиться. Сразу видно делового человека. Я это возьму и эту цепочку. Выглядит прочной и не слишком тяжела. Да, нет! Зачем мне золото и эти каменюки? Ты бы сдал их в музей. Если представляют историческую или художественную ценность - то дело. А нет - в Америке на самолёты и грузовики поменяют. Они сейчас нужнее. Нет, ты не подумай - моё личное мнение. И, вот, возьми. Это все деньги, что есть у меня. Не возмёшь - и я не возьму твоих подарков. Бери, сгодиться. Ещё у меня должник один есть. Попробую угля вам достать. Зима нынче суровая будет.

- Вот уголь - сейчас дороже золота. А я думал - чем приют топить?

- Приют?

- Мы детей эвакуированных, да и просто бежавших от немца приютили. Подкармливаем, кров предоставляем, писанию божьему учим.

- Так что же ты молчал, недопырь? Этого не надо скрывать.

- Да и хвалиться этим негоже.

- Зачем хвалиться. А люди знают? Может, помогли бы чем. Кто продуктами, кто одежей. Я, наверное, наших подключу. Может, придумаем что вместе. А много детей?

- Под две сотни уже.

В общем, после благословения старого священника, который тоже со мной поговорил, полетел я в контору. А там - Парфирыч собственной персоной. Проговорили несколько часов. Он вернулся с Москвы не с пустыми руками - сорок новейших противотанковых ружей привёз и боеприпасы к ним. Теперь у нас Отдельный Истребительно-Противотанковый Батальон НКВД. И две сотни ППШ, и пять сотен СВТ, две батареи сорокопятки, батарею 37-мм зениток и десяток зенитных пулемётов ДШК. Живём! Вот только сокрушался, что брони не дали. Ни танков, ни бронеавтомобилей.

- Ага, а ещё эскадрилью ИЛ-2 для прикрытия. И так - отлично. Теперь людей поднатаскать - и в бой. А кто комбат? Вы, Тимофей Парфирыч?

- Нет. Пришлют комбата. А ты ротой займись. Ротным у тебя будет Александр Тимофеевич Степанов, знаешь такого?

- А то! К сыну меня пристроил.

- Или его к тебе. Ты зачем в церковь ходил? И так, как белая ворона, а ещё по церквям шастаешь.

- Уже доложили? За благословением я ходил. И там проблему нашел, требующую нашего вмешательства.

Я изложил Парфирычу о приюте, попросил помощи. Он хищно оскалился.

- Святошам помощь потребовалась?

- Вообще-то нет. Я случайно узнал. Это нам помощь их нужна. Если им предоставить помещения и полномочия, да, просто кивнуть, разрешая - они половину забот об эвакуированных взвалит на себя. Как ни говори, а у Церкви грандиозный организаторский опыт.

- Религия - опиум для народа.

- Тимофей Парфирыч, я тебя умоляю, не повторяй ты этой чуши! Да, какая разница, кто так сказал. Это было верно тогда, не актуально сейчас. И вообще, первый коммунист на Земле - Христос.

- Что?

- Ты, что, не знал? Он же призвал людей построить царство небесное на земле, считай - коммунизм, где всё будет общее, где каждому по способностям и труду, где не будет рабов и господ. А буржуи его распяли.

- Кузьмин! Смирно! Кругом! Марш!

Вот так. Рот мне заткнул.

Укрощение строптивых

.

Я - в роту. Пока шёл думал, как же сделать, что задумал. Опять - команда, авторитет, фокус?

А в роте - анархия - мать порядка! Пьяная анархия. Ненавижу ментов. А тут их - чуть не сто пятьдесят. И все расслабленные. Разорался, как резанный. Не помогло. Пришлось свернуть пару челюстей.

- Я вас, сукины дети, научу Родину любить! Или вы забыли, где находитесь? Это армия или где? Вы на службе или как? За махновщину буду на месте расстреливать!

- Кто же тебе даст!

Этому умнику я прострелил ногу тут же.

- Кто мне помешает? Я лучше вас тут положу половину, но зато в другой половине буду уверен на все сто! Родина вас кормит, одевает и обувает для чего? Чтобы вы водяру, мрази, жрали? Элита, гля! В Брестской крепости гарнизон месяц бился без еды, воды и надежды. Тоже - НКВД, но видно, другое НКВД! Вот они элита! А вы - бараны. И немец вас будет резать, как скот. Встать в строй! Да, уберите эту падаль отсюда. Он больше

не из нашей роты. И сомневаюсь, что вообще в органах задержится. Налёво! Бег-ом! А-арш! Да, да, бегом! Основное средство передвижения военнослужащего на войне - его ноги. И от того, как скоро вы можете менять своё местоположение - зависит продолжительность вашей жизни. Если вы покидаете место обстрела быстрее, чем противник успевает переставлять миномёты - вы будите жить. Нет - вы корм червей. А какая разница, где вы будите кормить червей - здесь или под Смоленском? Что, барашки, задохнулись? Как же так? Я - в "доспехе", а вы нет. Но, я ещё и разговариваю. Бегом! Пока пирожки домашние из вас потом не выйдут!

Пока бежали, думал на таком парадоксом - почему серьёзные, в-общем-то, дядьки, менты, попав в роту, вдруг почувствовали себя полностью свободными от... от чего кстати? Почему они вдруг превратились в безответственных щеглов, нажрались, зубоскалили, как новобранцы из глухой деревни? Это на них выдёргивание из привычной среды так подействовало или что? Или они себя почувствовали молодыми призывниками? Молодость вспомнили? Так ведь то, что можно салаге - нельзя уже отслужившему.

Ну, ничего, сейчас через ноженьки до вас дойдёт, что здесь вам не тут! Что и тут есть командиры, дисциплина и ответственность! И всё наладиться. Ну, есть ещё одна мыслишка. Ментов, всё-таки, я не люблю.

Когда основная масса окончательно выдохлась, я остановил эту толпу, выстроил в строй.

- Если кто-то считает, что излишне суров или требуемое мною - чересчур для вас - пожалуйста, заполняйте рапорт о переводе. Избавьте себя и нас от вашего общества. К жене, под юбку, подмышку нюхать. Вора́м наколки пересчитывать. Война - забава только для настоящих мужчин, а не для мальчиков в военной форме. Немец - зверь серьёзный и голой жопой его не испугаешь. Я понятно объясняю? - закончил я фразу любимой присказкой мультяшного Добрыни Никитича из любимого мультфильма сына.

- Запомните, пять литров пота на войне заменяют литр крови. А в каждом из вас не более пяти литров крови, а потерять нельзя и грамма. Поэтому вы спустите по тонне пота, но научитесь побеждать и выживать. И именно в такой последовательности. Не только выжить, но создать условия невозможности выживания противника. Отдышались? Бегом!

При следующей остановке для "передыха" я обратился к строю:

- Если кто-то считает, что не нуждается в подобных тренировках, три шага вперёд! У этих товарищей сейчас будет принят экзамен досрочно и они освободятся от тренировок.

Никто.

- Что, ссыкуны, и никто не бросит мне вызов? Нет достойных?

Вышли двое.

- Ты. Кто такой? Чем занимался?

Оказалось - первый разряд по боксу. И в стойку встал типично боксёрскую, высокую - голову и печень прикрывает, а пах и ноги беззащитны.

- Люблю бить боксёров. Такие они наивные, - заявил я ему. Скинул "доспех" и остальную сбрую. Они были удивлены моей насквозь промокшей гимнастёрке. А я что, железный?

- Давай!

Боксеры опасны сильными, быстрыми и точными ударами руками. А вот ноги для них - только подпорки. Ударами ног я держал его на расстоянии - такого близко пусти - вмиг челюсть свернёт. Потом двумя лоу-киками выбил ему "переднюю", т.е. правую ногу, сбил подсечкой и обозначил добивание. Помог подняться, отправил в строй.

- Ногу вечером затяни эластичным бинтом. И запомни - здесь не ринг. Никто не будет придерживаться боксёрских правил. И под ногами у тебя не мат, а трава, ветки, кочки. Споткнёшься - ты труп. Прыгать, как на ринге, не надо. Скользящий, приставной шаг. Следующий! А ты что умеешь?

Он пожал плечами. Стойка ни под один стиль не подходит. Начал двигаться, как обычный уличный боец микс-файта. Этот намного опаснее. А вот когда приблизился на "рабочее" расстояние, он меня даже немного напугал - движения плавно-закруглённые, удары тяжелые, смазано-размашистые. Славяно-горецкая? Почитатели этого стиля били нас, как щенят. Ясно, что я ушел в глухую оборону, выжидая момента. "Мельница"? Этим сдвоенным ударом он сбил напрочь мою защиту, снес блок рук вбок. Я не успевал ни уклониться, ни закрыться от удара в голову. Осталось одно - втянув голову, "набычившись", подставить под удар не уязвимую челюсть, а кости черепа, и ещё "боднуть" приближающийся кулак. Как я и рассчитывал, удар пришелся в то место, откуда рога должны расти (если бы я был быком). В голове разорвалась петарда, в глазах потемнело. А мой противник орал, зажав правую кисть.

- Запомните, - вещал я, сквозь туман в башке, - при невозможности уйти от удара, подставьте под удар наименее уязвимую часть, защищая уязвимое. Кости черепа намного крепче косточек запястья. Встать в строй! Сегодняшние добровольцы показали себя хорошими бойцами и на сегодня освобождаются от нагрузок. А Боксёр ещё и на базу поедет на ваших шеях.

Сам ты не дойдёшь, не спорь. Обоим показаться медикам, могут быть переломы. Вопросы есть по увиденному?

- Зачем в современной войне бокс? С кулаками на пулемёты?

- Поясняю. Любой бой, хоть рукопашный, хоть пехотный, хоть танковый, хоть воздушный - суть одно. Это бой. Законы и принципы в них одни, различаются лишь применяемое оружие. Тот, кто владеет искусством побеждать противника голыми руками - с подходящим оружием сделает это ещё лучше. Запомните главное - ваше оружие не винтовка и даже не танк, а голова. Но, это не значит, что противника надо крушить ударом головы, как я только что, а думать надо. Боец должен думать. Всегда. А теперь поясню, на примере, тем более пример подходящий. Как твоя фамилия, боец, я запомнил.

- Мельников.

- Молодец, Мельников. Возьми с полки пирожок. Там два, крайний не бери, он мой. Где научился так драться?

- Во дворе. Самоучка. Был один мужик - учил нас, пацанов.

- Удар, которым ты чуть не достал меня, называется "мельница", а ты - Мельников. Будешь Мельником. Я тебя запомнил. Ну, так вот. В июне этого года, враг напал на наши войска, прорвал оборону во многих местах своими бронированными кулаками и стал стремительно продвигаться по уязвимым тылам наших войск. Мельник, я сбил твою защиту и нанёс удар ногой в живот. Что будешь делать?

- Уйду с линии удара и ударю кулаком в колено.

- Верно. Наше командование поступило так же. Мехкорпусами нанесли удары по флангам прорвавшихся войск. Для врага это было большой неожиданностью - они не думали, что у нас столько танков. Наши танки приближались уже к их штабам. Ещё чуть-чуть и немецкие танковые группы остались бы без командования и снабжения. Ситуация аналогичная сложившейся в последнем нашем бою, с Мельником. Он сбил мою защиту своими кулаками и его правый кулак уже почти достал мою челюсть - мой штаб и снабжение. Но, и я, и немцы подставили под удар крепкие части. Я - череп, они - зенитные батареи калибра 88-мм. Эти части вообще не должны воевать с землёй. Их беречь и защищать небо, но, всё познаётся в сравнении. Я получил сотрясение мозга, но не потерял сознания, немец потерял зенитное прикрытие, но сохранил управляемость войсками. С нашими танками произошло то же самое, что с рукой Мельника. Как я его сейчас мог добить, так и немец позже растерзал танковые бригады и дивизии с воздуха и гаубичным огнём. Но, важно помнить, что хотя их удар и не удался - война, враг оказался быстрее и опытнее, наши мехкорпуса,

ценой своей жизни, на две недели задержали врага, дав возможность отойти пехоте, вывезти артиллерию, выстроить оборону по Днепру. Этот вопрос ясен?

- Ну и последнее на эту тему. Сам рукопашный бой вам пригодиться на войне только в том случае, если вы, как последние раздолбаи, посеяли пулемёты, автоматы, винтовки, пистолеты, остались без гранат, ножа, саперной лопатки. И только если вам встретиться такой же как вы долбоёж, тоже прое...вший своё оружие. Помните - умение биться голыми руками хорошо, но важнее метко стрелять, бросать гранаты, грамотно, быстро маневрировать и думать. Думать! Это главное умение.

- Всё! Лекция окончена! Стройся! Боксёра на носилки! А мне какое дело? Найти! На бороде! Родить! Русские своих - не бросают! Вместе пришли - вместе уйдём! Да, что вы за ушлёпки такие?! Срубайте, ломайте жерди, привязывайте ремни - вот носилки. "Экипаж тягово-санитарного состава" менять каждые пятнадцать минут. Пошли.

Вот так и состоялось первое знакомство меня с моими подчинёнными. Так как был вечер, да и боясь "загнать" их, распустил всех. А следующее утро для них началось с пятикилометровой пробежки. "Для аппетита". После обеда - часовая лекция об устройстве винтовки СВТ с практическими занятиями по сборке-разборке и уходу. Зря я что ли всю ночь зубрил наставление по стрелковому делу?

- Самозарядная винтовка СВТ-40. Отличная вещь. Желанный трофей для наших противников. В умелых руках по боевым возможностям она становится равна ручному пулемёту. Но, "Светка" к себе требует намного более деликатного обращения и более пристального внимания, чем обычная трехлинейка. Винтовка СВТ имеет механизм перезарядки отводом части пороховых газов. Механизм более сложен и совершенно не терпит грязи и нерадивого отношения. "Светка", как хорошая женщина, если ей постоянно оказывать внимание, холить и лелеять - она вам не откажет. Если отказать "Светке" в этом - и она вам откажет, причём в самый неподходящий момент, в бою, например.

Через час, когда завтрак улёгся в утробе, занятия на плацу.

- Сели на корточки. Не на задницу, не на колени. Вот так. Винтовку над головой в вытянутых руках. Нале-во! Чего вскочили? Была команда встать? Сесть обратно! Пошли! Именно в таком виде. Да, гуськом! Отставить разговоры! Что значит, зачем? Тебе как, в рифму ответить или сразу в бубен? Так надо! Развиваем мышцы и связки. Давай, давай, пошевеливайтесь. Жили у бабуси рота гусей. Не будешь? Тебе персонально - выйти из строя! Упор лёжа принять! Вперёд! По-пластунски! По асфальту

не удобно? Поздно уже! Длинный язык - он находка не только для шпиона, но и для меня. А форму ночью починишь. Когда все спать будут.

И сам пошел гуськом вместе с ними. Выдохся быстро - "доспех" - тяжелая штука. Потом все вместе приседали, отжимались, занимались другими упражнениями стандартной школьной физкультуры. И так до обеда.

В обед явился Миша.

- О, какие люди! Михаил-свет-Перунов! Иди сюда. Напишу тебе на листке куды бечь, чего хватать. И чтоб мухой! К концу политпросвещения должен быть, как штык! В 14-00!

После обеда - политзанятия. Политрука пока не было, мне тянуть эту лямку сегодня не хотелось, поэтому провели массовое чтение газет вслух (с дремотой). А вот уже после этого - бег в полной выкладке на стрельбище. Как раз километров пять. Или десять? Не важно.

Стрельба меня порадовала. Стреляли кучно (основная масса). Хорошо. Сразу видно - опытные стрелки. Первый этап для них был пройден досрочно. Рассортировав по результатам стрельбы роту на две группы, каждой из них поставил отдельную задачу. Плохие стрелки тупо учились стрелять, а вторая - попадать. Так и озвучил. Не поняли.

- Второй огневой взвод! Задача ясна? Исполнять! Первый взвод! Стройся! Стрелять в мишень метко - это хорошо, но это только полдела. Надо научиться стрелять не только лёжа, стоя или с колена, но и извернувшись, на бегу, в прыжке, в падении. И попадать при этом в движущуюся цель, которая бежит, прыгает, падает, ползёт и даже перекачивается. В общем, надо научиться стрелять в солдат. Не в бандитов, а в закалённых боями врагов, пошедших Польшу, Францию, Бельгию, Африку, Норвегию, Прибалтику, Украину, Белоруссию. Они не позволят вам держать себя на мушке дольше секунды. В бою они будут постоянно перемещаться. От укрытия к укрытию, бросками. Поэтому ловить их надо в прыжке, в полёте, как ласточку перед грозой.

- Товарищ старшина, разрешите обратиться.

- Обратись.

- Откуда вы знаете?

- От верблюда. Читать надо не только газеты и уголовный кодекс, но и кое-что посерьёзнее. Ладно, вольно. Пойдём, перекурим, расскажу кое-что.

Я сел на пенёк, ребята расселись и разлеглись вокруг меня. Я забил трубку, закурил.

- Прошлая война, называемая у нас Империалистической, а в мире -

Мировой или Великой, дала военной науке несколько подарков. Англичане дали миру танки, русские - теорию глубоких прорывов, что теперь против нас и обернулась, орудия непосредственной поддержки пехоты и пластунский способ передвижения, а вот немцы придумали тактику штурмовых групп.

- А французы?

- Да, заткнись ты, - отдёргнули спросившего ребята.

- Французы? - я задумался, - Чёрт его знает. Вроде, ничего. А-а, гармошка от них пришла. В военном смысле ничего от них не могу припомнить. Видимо, Кутузов у них полностью отбил увлечение войной.

- Виктор Иванович, вы не отвлекайтесь на этих провокаторов. Что это за немецкая тактика?

- Её, мужики, нам придётся крепко усвоить. И принять на вооружение. Умная вещь. В чём заключается эта тактика? Подразделение разбивается не на одинаковые части, как у нас рота на взводы, а функционально разные части. Например, рота дробиться на 3 части. В первый взвод сводятся всё тяжёлое вооружение - станковые пулемёты, миномёты, снайперы. Это взвод поддержки. Его роль - подавлять огнём. Далее, две или три штурмовых группы, вооруженные личным оружием, преимущественно автоматическим, и гранатами. Они, под прикрытием огня тяжёлого взвода или танка, как сейчас, используя складки местности, перебежками, сближаются с противником, например, дзотом или окопом, на расстояние броска гранаты. После применения гранат, врываются на опорный пункт, зачищают его. Занимают оборону на случай контратаки, дожидаясь первой и третьей группы - закрепления. В ней - сапёры, руководство, связь, обеспечение. Штаб, в общем. После закрепления всего подразделения в опорном пункте, разворачивания к бою тяжёлого взвода и всё повторяется по новой. Это и есть тактика штурмовых групп. И если в прошлую войну подобные группы были нечастое явление, использовались только на направлении главного удара, то сейчас этой тактикой владеют все подразделения Вермахта в первой линии. Кроме, наверное, службы тыла.

Бойцы молчали, задумались.

- А у нас, по Уставу, в атаку положено ходить цепью, как в времена Очаковские и покорения Крыма. На пулемёты, - я хлопнул себя по коленям и встал, - но подобного подарка врагу я не допущу. Будите слушать меня, делать, как скажу - и немцу ласты завернёте, и домой живые вернётесь, с орденами. Пошли на лужок, буду учить вас в атаку ходить.

Ага, это вид я такой уверенный делал. А сам менжевал - а вдруг все эти геймерские прикидки окажутся интернет-утками и меня тут же на смех

и поднимут? Но, как научил меня друг семьи, капитан: "Даже если несёшь полную пургу, неси её с таким видом, будто это истина в последней инстанции". Так и буду делать.

Пошли, а я запел:

В руках - автомат, потому что - солдат,

Блестят ордена, потому что - война.

Вернулся домой, потому что - герой.

Вернулся домой, ЖИВОЙ!!!

Эта тишина и Солнца свет

Вдруг сказали - смерти больше нет

Просто Солнца свет и тишина

Потому что, кончилась война

Вдруг сказали - кончилась война!

- Так, стоим. Вы, трое, ты, ты и ты. Разрядили оружие. Дайте проверить. Будите изображать атаку пулемётной точки. Найдите вот такие комки земли или что похожее. Это гранаты. Вы - боевая тройка. Все вы позже будите разбиты на тройки. Дистанция между вами - минимум двадцать метров. Да, стойте пока. Я буду показывать пулемёт. Действуете так - один бежит, пригнувшись максимально низко, высматривая укрытие. Как только огонь переноситься на него - падаешь, где был, перекатываешься в укрытие. Нет укрытия - просто в сторону. Как только огонь по тебе прекратился - высовываешься, отстреливаешь в пулеметчика магазин, перекатываешься в другое место, перезаряжаешь оружие, если по тебе не ведётся прицельный огонь, вскакиваешь и опять бежишь. Ясно? Покажи. Все трое.

Посмотрели. Не очень. Нароботается.

- А теперь, самое главное - фокус. Сдвигаем фазы. Пока я, как пулеметчик, стреляю по правому, он лежит и землю, как милашку обнимает, плотно, пылко и горячо! Центральный боец в это время высаживает в меня магазин. А левый бежит, как за получкой. Я переношу огонь в центр, тот откатывается, залегает и ссыт в штаны, левый садит в меня, правый бежит. И так далее. Идея ясна? Пробуем.

Я отошел подальше, направил незаряженную "Светку" на "штурмовиков" и стал изображать пулемёт:

- Ту-ту-ту, та-та-та.

Под ноги мне упал комок земли - "граната". Второй - ударил по каске, третий - вообще пролетел мимо.

- Да кто вас так гранаты учил метать? Только центральной и справился. Бойцы стояли довольные, потные, красные, грязные, но довольные!

Улыбки - шесть на восемь.

- Но, в целом, удовлетворительно. Разбились на тройки все! Отрабатываем упражнение. Как кто пулемётчики? Вы что, совсем оборзели? Я вам кто? Ротный или как? А чего тогда пристали с таким мелочным вопросом? Голова вам на что? Каску носить? А если через голову не дойдёт, в печень постучу! Мельник, ты что ль? А что ты тут делаешь, на стрельбище, с гипсом? А в этом огневом взводе? Как же ты отстрелялся?

А он мне показывает значёк - "Ворошиловский стрелок". Ни фиги себе! А ты не так прост, сержант Мельников.

- Мельник - за старшего! Всё одно с гипсом не поползаешь. Если что-то пойдёт не так - вторую руку сломаю в трёх местах. Даже потереться не сможешь. Я понятно объясняю? А они тупить будут - постучи в печень от моего имени. Я - ко второму огневому взводу.

На самом деле сам хотел пострелять. И за Мишкой приглядеть, как не говори - ребёнок. А кругом не просто менты-волчары, а волкодавы. Или будут ими. Скоро, я надеюсь, они вспомнят о том, что они волкодавы.

Вечером - марш-бросок обратно. После ужина объявил политинформацию, но провел её сам. В разрезе исторического экскурса, как я люблю. Слушали с интересом. Даже не дремали (кому охота испытать моим кулаком грудную клетку на ударную прочность).

А рано утром явился в сильно возбуждённом состоянии ротный - Александр Тимофеевич Степанов, с порога начал орать на меня. Оказалось, что я иду под трибунал за самоволие, самосуд и.т.д. и т.п. Ну, не старшина, а Мамай-разбойник. Я молчал, молчал, потом не выдержал:

- Товарищ лейтенант госбезопасности, если не прекратите на меня орать - отправлю в больницу с переломами челюсти и рёбер. Если не устраивает стиль моего командования - прошу написать рапорт на имя вышестоящего командования, отдать меня под трибунал или расстрелять меня лично. Но, орать на меня - я не позволю!

Последнюю фразу я проорал так, что сам оглох. Но Санёк сразу успокоился, уже тише продолжил:

- Старшина Кузьмин, по факту совершённых вами деяний вами занялась военная прокуратура. Вы отстранены от командования ротой. Я же объявляю вам выговор!

- А, вот это - пожалуйста. Разрешите доложить о проделанной работе?

- Докладывайте.

Я доложил. Принёс план-график боевой учёбы, график-показатель

стрельб, другие графики (а что вы хотели - экономист это не специальность, а диагноз, как говорит моя жена).

- Как штаб какой поработал, - ротный был удивлён.

- А вы, Александр Тимофеевич, думали, я тут только опричниной занимаюсь? Не спится мне, болит всё, вот и сижу допоздна, думаю, бумажки мараю.

- Ладно, прости за крик. Сорвался я зря. Рассказывай, что было-то?

- Чтобы не терять времени до твоего выздоровления, как старшина роты, принял командование. Но, рота оказалась не ротой, а толпой ментов...

- Как?

- Это так милиционеров называют.

- Кто?

- Не важно. Тебе рассказывать или отвлекать меня ерундой будешь?

- Рассказывай.

- Толпа махновцев, многие пьяные. Принял решение восстановить порядок. А для этого требуется приучить этих... , в общем дисциплине. А дисциплина состоит из трех компонентов: авторитет командира, угроза сурового наказания, четкости и ясности целей и задач.

- Во-на, как. Как ты всё по полочкам разложил.

- Мы договаривались, что ты не отвлекаешь. Ещё раз - не буду рассказывать.

Он замахал рукой.

- Первые два составляющих можно было в данной ситуации применить в комплексе. Надо было выявить фокус-группу...

- Какую группу?

- Заткнись! - осадил я ротного и продолжил: - И неформального анти-лидера, как раз больше всего мешающего действиям командира, подрывающего его авторитет и разлагающего моральный климат коллектива. Таких можно перевоспитать, перетянуть на свою сторону, но это если время не поджигает. А проще - удалить из команды. В данном случае, ещё и продемонстрировать степень суровости и решимость в исполнении наказания. Парочке сломал челюсти, этому уроду прострелил ногу, отправив в больницу, исключив из команды.

- Этот оглашенный в госпитале такую бучу поднял! А Натан Аароныч посмеивается. Я не понял - чего он, а оно вон оказывается как.

- Натан знает меня. Ну, и последний компонент - чёткость и ясность целей. Над этим работаем. И ты - в первую очередь. Не с руки мне твоё одеяло на себя тянуть - своего за гланды. За эти дни все свои проекты забросил. А знаешь, это хорошо, что вся рота слышала, как ты орал, да и я

орал. Они уже знают, что я - зверь. Пусть думают, что ты - зверь ещё страшнее.

Ротный рассмеялся от души, но тут же скривился от боли.

- Болит ещё, - объяснил он, хотя и так понятно.

- Только ты их не расслабляй. Гоняй и в хвост, и в гриву. Я тут план накидал, подправишь, если что.

- Для этого столько марш-бросков?

- Не только. Должны привыкнуть, жиры растрясти. Как ты думаешь, каким средством передвижения будет перебрасываться твоя рота на фронте? Очнись, Саша, какие авто? Какие дороги? Под огнём и самолётами? А бензин, откуда возьмёшь? Хорошо если для подвоза боеприпасов наскребём. На своих двоих, Санёк, на своих двоих. И всё оружие и имущество роты - на хребте. И лесами, оврагами, ночами, если не хочешь всех под авианалётом потерять. Так что, ещё пару дней побегают налегке, потом в полной выкладке, а потом и в бронниках.

- Да как в них бегать-то?

- А в атаку как ходить? Я же эти два дня с ними в "доспехе" бегал. Тяжело, но зато, когда вечером снимаю - как взлетаю! Привыкнуть надо к нему, чтобы как гимнастёрка стал, удобным и родным, только тогда от него польза. Мы же пехота, а не танки.

Там, где и танком не пройдешь,

Где на авто ты не промчишься,

Там ротный Сашка проползёт

И ничего с ним не случится!

Ротный опять рассмеялся, теперь придерживая бок рукой. Отсмеявшись, посерьёзnel:

- Ладно, бег, так бег. Кто не может бегать? Не верю я, что ты остановился в членовредительстве.

- Мельник повредил руку, Боксёр - потянул ногу.

- Опять ты?

- Проводили тренировку по рукопашному бою.

Ротный сплюнул.

- Пошли.

Едва мы оказались в расположении роты, как раздался оглушительный крик:

- Рота, стройся! Смирно!

Опять Мельник расстарался. Никак у дверей тёрся. Подслушивал?

- Вольно! Имею честь представить вам нашего ротного - лейтенант госбезопасности Степанов Александр Тимофеевич, прошу любить и

жаловать.

- Не девка, чтобы любить и жаловать. Кто дежурный?
- Сержант Мельников! - Мельник вытянулся.
- Завтракали?
- Так точно!
- Чем занят личный состав?

Мельник посмотрел на меня, я кивнул едва-едва, одними глазами. Мельник начал краснеть - видимо лихорадочно соображает, наконец, выдал:

- По плану боевой учебы - политинформация. Но, ввиду отсутствия политрука, рота занимается ремонтом обмундирования.

Молодец, Мельник. Разом объяснил и разхрястанный, полураздетый вид бойцов и бардак в расположении.

- Рота, слушай мою команду! Через пять минут построение на плацу в полной боевой выкладке для проведения марш-броска. Выполнять!

- Запалишь!

- Молчать! Старшина Кузьмин, займитесь выполнением ранее полученного задания! Кто вам нужен в помощь?

- Сержант Мельников и боец Перунов.

- Мельников, Перунов, Боксёр - два шага вперёд. Боксёр - это что - фамилия?

- Младший сержант Иванов! Боксёром меня старшина окрестил.

Ротный опять сплюнул, сунул мне кулак под нос. Я пожал плечами.

- Рота, кругом! Исполнять! Иванов - дежурный по роте. Навести порядок в расположении. Мы на службе, а не в хлеву! Мельников, Перунов - поступаете в распоряжение старшины. Кузьмин, вечером - доклад! И чтобы "доспехи" привёз!

- Слушаюсь! Разрешите идти?

- Исполни! А вы двое, чего замерли? За старшиной, бего-ом, а-арш!

Молодец, Санёк. Самый простой способ поднять авторитет, подавить предыдущий "авторитета". Немного цепляла обида, но, прочь! Это роте только на пользу. В команде только один лидер должен быть. Остальные должны подчиняться. Это армия, сынок!

Когда ротный скрылся, я остановился.

- Не завтракали?

- Какой там! Разве кого добудишься! Спят, как сурки. Даже дневальный спал, - ответил Мельник.

- А ты что же?

- Да, у меня рука к утру разболелась, проснулся. Слышу, из каптёрки

рѐв в два голоса. Ну и...

- Молодец. От лица личного состава роты и себя лично объявляю тебе благодарность за бдительность и находчивость.

- Служу Трудовому Народу!

- Да не ори так! Ребята теперь голодные побегут.

- А нечего так долго спать. Не пионерлагерь.

- Это точно. Давай, ребят, метнитесь на кухню, возьмите пожрать на троих и сухпая на весь день. А лучше на два дня. И ко мне, в "берлогу". Мухой!

Сам я пошёл на вахту, позвонил в "контору", вызвал Ивана. Обещал через полчаса подъехать. Как раз позавтракаем.

Снова

о косоруком прогрессорстве.

Надо было ехать на завод, но у меня родилась идея, благодаря Мельнику.

- Мельник, а как твоё имя?

- Алексеем мама нарекла.

- Срочную где проходил? Воевал?

- В Финской поучаствовал под конец.

- Там значёк получил?

- Нет, здесь уже. У нас через два двора тир был. Когда в армию призвали - я уже прилично стрелял. А потом мы финского "кукушку" завалили. А ружьё его, с оптическим прицелом, я получил, как лучший стрелок. Хорошая вещь! Только... Сколько народу эти "кукушки" перещёлкали! Суки!

- А ещё есть такие же стрелки, как ты?

- Наверное, есть. А что?

- Потом объясню.

А задумал я простое и обычное дело - снайперы. Насколько я помню, снайпер был в каждом отделении ещё в Советской Армии. Говорили, что СВД - отличная винтовка. Но "весла" достать неоткуда, а вот переделать "светку" в "весло", т.е. СВТ в СВД - попробуем. Где взять оптические прицелы?

- Лёш, а где это финское ружьё?

Мельник пожал плечами.

- Прицел только я прихватил из армии. Но, приладить его никуда не получается.

- Так что ж ты молчал! Изверг! У нас готовый снайпер есть, а ты скрываешь! А приладить - приладим!

Но, сначала, к Степанову - старшему, что Парфирыч. Он крепко задумался. А я заливался соловьём, рассказывая о тактике снайперских подразделений, прочитанной как-то в Интернете. Помнил немного, досочинил остальное.

- Не тарахти, - остановил меня Парфирыч, - ты иди, не жди. Я тут парочку товарищей подключу, пусть ищут. Тебе только прицелы нужны или снайперские винтовки целиком?

- Я ни от чего не откажусь. Снайперские винтовки, насколько я знаю, специально отбирают, с лучшей кучностью. Они пошли бы на вооружение отдельного снайперского отделения. Или взвода. А если просто прицелы - кустарно, заводскими умельцами, прикрепили бы к обычным СВТ. В отделении по снайперу - насколько поднимется эффективность огня?

- Ладно, иди. Я тебя вызову.

Заехали к Мельнику домой, познакомились с его женой, дочкой. Мельник достал из тайника прицел, хранящийся в жестяной коробке, тщательно обёрнутой промасленными тряпками. А сам прицел - в коробке обёрнутый мягкой пелёнкой.

- Ах, вот куда делась пелёнка! А сказал - утюгом сжёг! - удивилась жена Мельника.

- Утюгом и сжёг. Ну, не всю же.

Мы пождали его в машине полчаса, пока он с семьёй наmilуется.

Вот теперь можно на завод. А там меня обрадовали - сорок семь "доспехов" полностью готовы. Все до одного лично проверил, прощупал, только что на зуб не попробовал. Мельник и Миша тут же примерили. Остались довольны. Я расписался в актах приёма - заводчане тоже остались довольны. Вызвал полуторку, чтобы отвезла бронники в роту.

А потом - в инструменталку. Мужики долго затылки чесали, потом кивнули, забрали коробку с прицелом, винтовку.

- Только он съёмный должен быть, - остановил я их. Опять репы чешут. Наверно, на сварку хотели посадить.

Я мелом на щите нарисовал, насколько смог, видимые по Интернету и в играх крепления "ласточкин хвост" и натовскую "рельсовую планку".

- Я видел такие способы крепления. Не подойдёт - придумаете, может, своё. И, ещё, глушитель нужен. Вот, примерно, такого устройства.

- А его как крепить?

- Тут два варианта - накручивать на ствол резьбой, либо разрабатывать такой глушитель, чтобы крепить вместо штыка.

- Он же снизит скорость пули.

- А у вас есть свёрла диаметром 7,62? Всё равно будите на 8 мм

сверлить.

- Тогда шум не снизит.

- Искажит, точно. Приглушит. А пламя выстрела полностью скроет. Уже большое дело.

- А длины какой?

- Думаю, 150-ти мм достаточно. Когда приходить на примерку?

Дальше поехали на швейную фабрику. Что интересно, на всех проходных я так примелькался сторожам, что они даже документов у меня не спрашивают. А если говорю: "Это со мной", то и у моих спутников. Непорядок, конечно, но мне удобнее.

Марии Фёдоровне, радостной от встречи с сыном, заказал маскировочный балахон. Лёгкий, просторный и бесформенный. Одного покроя, но в двух цветах - белый и пятнисто-зелёный. И, в порядке спецзаказа, по двадцать балахонов каждого цвета, все расшитые петельками и обрезками тканей и ленточками этого же цвета.

- Это тоже для маскировки. В таком костюме даже с пяти шагов не увидишь стоящего в кустах бойца. Для снайперов - самое то. Залёг в траве или зимой в снегу - и не видно тебя, пока не стрельнёшь.

Дальше поехали на артиллерийские склады. Хотел получить ручных пулемётов. Обломался. Нету. И только три 82-мм миномёта. Выписал все. Вызвал машину за ними.

Проезжая через город, остановились послушать сообщение Совинформбюро. Киев в сводке звучал. Ещё бились ребята там. Опять накатила тоска. Казалось - всё, что делаю, так мелко, незначительно. Не способно ничего ни изменить, ни исправить. Да и что я сделал? Сломал десяток костей своим же, не смог обучить ничему ни ребят в бригаде, ни в роте (потому что и сам ничего не умел, так понты одни), даже ни одного немца не завалил. А он сейчас громит наших предков как хочет, когда хочет и сколько хочет. Вот там, на фронте, дела делаются. А всё что я делаю - детская игра в песочнице.

- Уж скорее бы на фронт. Сил нет уже терпеть. Ребята там гибнут, а мы - как в санатории, побегали, пожрали, поспали, водочку попили. Э-эх!

Миша и Мельник удивлённо смотрели на меня.

- Что?

- Сам говорил - не готовы мы к фронту.

- К этому нельзя быть готовым. Ладно, этот - кадет, но ты-то, Мельник, воевал же уже.

- Какой там воевал! Выгнали в поле. Ура! Бежишь, падаешь, опять

бежишь. Пули свистят вокруг, ребята падают, кричат, взрывы, что происходит - не понимаешь. Куда стрелять - не понятно. Куда-то вперёд стрелял, как все. Я и финна-то живого ни разу не видел.

- Ты же снайпером был.

- Был. Сидел в засаде, как они. А никого так и не увидел.

- Так никого и не убил?

- Говорю же тебе - даже в оптику не видел. Зато - воевал. У нас в роте половина побита-поранена, а похвалиться нечем. Как в атаку пойдём - кровью умоемся, отползаем. А потом, то место, откуда по нам стреляли - перепашут пушками - опять - "ура-в-атаку!" бежим. Так три недели отбегали и отвели нас в тыл. Вот и вся война.

- Неужели и сейчас так воюем?

- А как? По-другому не умеем. И-э-эх! Нам бы тебя, старшина, туда, в Карелию, сколько бы мужиков целыми домой вернулись. У нас же за три недели три ротных убило. Они что - "Ура! За Родину!" первый вскакивает, пистолетиком махнёт и бежит впереди всех. Первый и падает. Мёртвый. Одна пуля - в голову или в сердце.

- А был бы я там - изменилось бы что?

- Уверен! Ты ведь до хрена знаешь и умеешь. Вот научил бы нас, по-другому бы всё было.

- Ты ошибаешься, Лёха. Ни хрена я не умею. Так, видимость создаю.

- Старшина, ты это брось! Меня ещё никто никогда один на один не бил. А ты - играючи.

- С трудом, Лёха, с трудом. Я как увидел, ты "мельницу" раскручиваешь - аж похолодело всё.

Мельник, довольный, заржал. Смотрит на меня преданными глазами, как собака на хозяина. Вот, блин! Теперь я за него в ответе, как за всякого, кого приручили.

- Спасибо, Алексей. Буквально, к жизни меня вернул.

- Ага, а то я смотрю - приуныл "медведь" наш.

- Как ты сказал? Почему Медведь?

- Ты себя бы со стороны видел бегущим в броне на "пулемёт", согнувшись. Точно, как косолапый.

- Сам придумал?

- Нет, ребята. Сначала Чёртом называли, теперь Медведь, да Медведь. И каптёрку свою "берлогой" называешь.

- И точно. В берлоге же медведь спит. Ладно, оставим лирику. Вань, поехали в расположение.

- А в управлении вас, старшина, младшим Наполеоном называли, -

вставил Иван. Ржали вчетвером.

- Ну, что думаешь? - ротный выжидающе уставился на меня.

- Одобрямс! - ответил я.

- Тебе все б ржать! Я же серьёзно.

- Твой выбор. Ребят этих ты лучше знаешь. Не справятся со взводом - заменишь. Ты бы хороших оперов отобрал в отдельное подразделение, а дознавателей ещё в одно.

- Разведка и контрразведка?

- Растёшь на глазах!

- Думал я уже об этом. Но, мы не полк и даже не батальон. Нам не положены такие структуры.

- Кто говорит об официозе? Негласно. Стрелки и стрелки. А в свободное время, по приказу ротного - разведка и дознание. Чую я, когда на фронт попадём, наш батальон будет посильнее некоторых сильно битых дивизий. И задачи нам будут ставить соответствующие.

- Например?

- Остановить танковую дивизию. Как тебе?

- Справимся?

- Умеючи-то? Нет, уничтожить, конечно, не уничтожим, но задержать, потрепать, танки пожечь - это можно, ежели с умом-то.

- Уговорил. Сделаю из них два отдельных отделения.

- Ещё отделение "леших". Как тебе костюм?

- Отлично. Ни одного не нашёл. Пока один не говорит, вот так, с болью: "Товарищ капитан, (при переводе Степанова из НКВД в ОИПТБ ему было присвоено общевойсковое звание, равное имеющемуся), сойдите с руки".

Мы рассмеялись. Это мы проводили испытание масккостюмов, которые сразу окрестили "Леший", тем более, что командира отделения снайперов, чемпиона областного турнира по стрельбе среди подразделений НКВД, звали Алексей Олегович Алёшин, а с детства Лёха Леший. Десяток снайперов спрятались в лесополосе, а ротный их через полчаса искал.

- Так ты ему на руку встал и даже не разглядел?

- Он палой листвой засыпался у бугорка. Я на бугорок встал, осматриваюсь, топчусь, вот и наступил на него.

- Понятно. Дальше. Пулемётный взвод, это понятно. Жаль, ручных пулемётов мало. По-хорошему, по одному на отделение надо.

- Уж что есть. Зато противотанковый взвод. Почему ты отобрал винтовки у стрелков ПТР?

- Пистолетов достаточно. Посчитал, сколько весит винтовка со

штыком и боекомплект? У заряжающего - ППШ, у третьего номера СВТ и гранаты, достаточно для самообороны. Тем, более, что без прикрытия боевых троек ПТР я не оставлю. Они - наша основная ударная сила. Вот обкатаем всех танками, вылечим от танкобоязни - вообще силища станет!

- Ты сам под трактор лазил?

- А куда деваться? Личный пример. Да и на своей шкуре хотел попробовать как это - под танком.

- И как?

- Попробуй.

- Обязательно. Ну, давай, колись!

- Да - чуть я штаны не обмочил.

Я ожидал, что Санёк рассмеётся, но он только внимательно посмотрел на меня.

- Ощущения под бульдозером схожи с танком?

- Под танком не был, не достал, но и так впечатляюще. Во, говорю, а у самого мурашками кожа покрылась.

Дело было так. Надо было всех "обкатать" танками, но танков найти не удалось. Всё, что я смог достать - это огромный бульдозер из карьера. Но, из этого карьера его извлечь было невозможно - ресурс мотора и гусениц не велик, а тягача такой грузоподъёмности я не достал. Если гора не идёт к Магомету... Марш-бросок, хорошо хоть налегке (кроме меня) на 27 км - и мы копаем в земле окоп полного профиля. Тракторист посмеивался:

- Ребят, я же обрушу своим весом вашу ямку.

- Ты, давай, не зубоскаль. Ехай строго перпендикулярно, да, вот так. Если в окоп свалишься - голову прострелю.

- Слышь, командир, да пошёл ты! Тогда я вообще не поеду.

- Тогда вали отсюда. Я твоему начальству доложу и соляру вы хер получите. А я сам за рычаги сяду.

- Да ты не сможешь!

- Один ты что ль умелый такой? Танком смог управлять - и твоим ржавым утюгом смогу, - давно уже не краснею, когда вру.

- Никому я свой трактор не доверю. Ладно, копайтесь. Стены окопа обрушаться - я предупреждал.

Окоп был готов, я выстроил первый взвод - сегодня их очередь, и обратился с речью:

- Мы - истребительно-противотанковый батальон. Основным нашим противником будут танки врага. Но, многие бояться танка. Сегодня каждый из вас убедится, что танк - это огромный, рычащий, лязгающий,

стреляющий, но утюг. Танк опасен. Утюг тоже опасен, так ведь, Мельник? Вот Мельник сжёг утюгом пелёнку, чуть не сжёг дом. Ты боишься утюга, Мельник?

- Нет. Надо опасаться, соблюдать правила безопасности, но я не боюсь.

- Так и танк. Если знать его сильные и слабые стороны, то он не опасен. Сильных качеств танка будем сторониться, а в слабые места - бить и уничтожать. Каждый из вас сегодня пропустит танк через себя и проедет внутри него.

- Товарищ старшина, разрешите обратиться.

- Не в строю, ребята. Просто спрашивайте.

- А внутри зачем?

- А вы посмотрите - легко ли управлять этим железным сараем. Убедитесь, что обзор из трактора очень плохой, а из танка - ещё хуже. Они вообще сквозь щёлочки на мир смотрят. Это ясно? Есть добровольцы?

Потупились, молчат, друг на друга поглядывают.

- Ясно. Кадет!

- Я!

- В трактор, я - в окоп. Потом ты - в окоп, Мельник - в трактор. И так далее. Младший лейтенант, распределите очерёдность.

- Я - после Мельника, затем - командиры отделений, потом - отделения по порядку. Всем ясно?

Взвод выстроился амфитеатром, я взял две стеклянные бутылки, спрыгнул в окоп, махнул рукой:

- Давай, мазута, заводи!

Трактор взревел, мощно развернулся, покачивая мощным отвалом, проехал, опять повернулся, замер. Я махнул рукой:

- Давай же!

Опять взревев, бульдозер пошёл на меня гигантским носорогом. Земля задрожала, потом затряслась. Ух, ё-моё! Дыхание перехватил спазм в горле, руки сразу вспотели. Я крепче сжал бутылки, переместился правее, чтобы оказаться точно под бульдозером. Когда он был в трёх шагах, я высунулся немного, метнул бутылку, расколов её о сталь отвала, и нырнул на дно окопа, сжавшись там в позу эмбриона. Перед моими глазами дрожала земля стенки окопа, потом она потекла ручьями, потом потоком, словно вес бульдозера выдавливал из земли соки. Я почувствовал, как мир сжимается для меня в маленькую точку. Вот, значит, что называют клаустрофобией! Потом свет померк, грохот накрыл меня сверху. Казалось, бульдозер едет не по земле, а прямо по мне.

Рот мой сам открылся в крике, почувствовал неожиданные позывы к мочеиспусканию и, разом, дикое желание вскочить, бежать. Задавил себя до такого состояния, что никаких мыслей во мне, кроме непечатных: " Ё! Ё! Ё! Ё!". И Бога тут же, и ё... душу, и ё... мать, и всё в кучу.

Тень многотонного бульдозера гремела надо мной, давила меня, выдавливая из меня все соки, казалось, бесконечные часы, сутки, но, наконец, просветлело. Я тут же дал свободу ногам, что так рвали меня вверх, но они разом ослабели, стали чужими, ватными. Стиснув зубы, помогая себе руками, встал, замахнулся и метнул бутылку. И вслед:

- Ё! Растудить её мадридь, чтоб тебе ни дна, ни покрывки!

Дзенкнув, бутылка раскололась о трактор, тот, будто подбитый, резко остановился, взрыв землю. Выскочил тракторист, оббежал трактор, заорал:

- Ты мне весь бак помял! Как я его выпрямлю? На хрена сзади лупишь?

Я выбрался из окопа.

- Запомните, - обратился я к своим бойцам, проигнорировав тракториста, - танк можно уничтожить, разбив бутылку с горючей смесью или взорвав гранату в районе расположения двигателя. Только так. А двигатель расположен за башней. Поэтому танк лучше пропустить за себя и поразить его с тыла. Сзади у него и броня тоньше. Все всё ясно? Кадет! Миша! Давай в окоп. Бутылки возьми. Не бойся, я испытал - окоп не обвалился.

- Давай, мазута!

- Не буду! Вы мне всю технику угробите.

- Видали? - это я уже своим, - одна пустая бутылка, а трактор выведен из строя. Танк - тот же трактор, только стреляющий. Угробить его не сложно. А теперь слушай новую установку - бить бутылки о гусеницы. Ясно? А то останемся без единственного эрзац-танка. Мазута, тебя так устроит?

- Сам ты мазута! Надо было тебя утешить, пока ты был в окопе.

- Поздно опомнился. А Кадет бы тебе ещё в голове дырок наделал. И так там сквозняк, а было бы решето.

Тракторист сплюнул, под общий ржачь пошёл к трактору, лихо развернулся на месте, пролетел над окопом. Кадет, молодец, расколол одну бутылку о бульдозерный нож, вторую сзади, но в гусеницу не попал. Во, как всё быстро. А когда сам в окопе - будто часы проходят. Что это Мишка не выходит? Подошёл. Он сидел на дне окопа, как суслик.

- Миш, ты что? Тебе плохо?

Он сначала отрицательно помотал головой, потом кивнул.

- Не понял? Ладно, давай руку.
- Не могу.
- Ранен? Как тебя зацепило? Чем?
- Мне стыдно.

А, вон в чём дело. Не удержал.

- Что ж, бывает. И голодный обсериться. Не сремайся, выходи.
- Засмеют.
- Пусть попробуют.

А народ притих - не поймёт причины заминки. Только пусть попробует кто улыбнуться! Я им устрою прапорщика Дыгало из "9 роты". Надеюсь, в моём исполнении будет не хуже, чем у Пореченкова. Помог вылезти Мишке-Кадету. М-да, сильно заметно. Вот уроды - ржут. Налетел, как коршун, раскидав сразу толпу. Бил, не глядя, от души. Когда стоящих не оказалось, изобразил Дыгало:

- Чё ржем? Над чем? Мне пох... - хоть "мама" орите, хоть блюйте, хоть ссыте, хоть в штаны накладывайте, но задачу, мною поставленную - выполни! Себя превозмоги, пополам порвись, но сделай! Пацан - герой! Он больше вас всех этого трактора боялся, но задачу выполнил! Он смог! А вы? Вы - сможете? Страху своему в глаза заглянуть и удушить его - сможете?

Тишина, сопят.

- Тот, кто научился преодолевать свой страх - тот воин. Того не одолеть, не сломать! Себя победивший - непобедим! Сможете? Ссать от страха, но делать - сможете?

Я подошел к Мишке, зажавшему стыд свой руками, бледному, с трясущимися губами - едва сдерживал слезы. Протянул руку, схватил его руку, пожал.

- Я горд быть твоим командиром. Теперь я не побоюсь поставить тебя сзади себя - буду знать, что тыл мой надёжно прикрыт.

Юноша больше не мог сдерживать слёз, вырвался убежал.

- Что, лошади? Над чем смеялись? Ему ещё и шестнадцати нет, он школу не закончил, а тут такое. Мальчишка он ещё, но уже настоящий мужик! А вы - ржать! Придурки! И ещё - если я хоть раз от кого-либо услышу о пятне на репутации Кадета - сгною всех присутствующих! Я предупредил! Парень толковый, может высоко подняться. Чернить его не позволю. Мазута, тебя тоже касается.

- Да мне вообще по барабану. Твои люди. Только, сдаётся мне, он танки теперь зубами грызть будет, как орехи. И тоже в бак мне долбанул. Ну что с вами делать, Ироды?

- Продолжаем учёбу! Мельник - в окоп!

- Я вот думаю уже - может мне штаны снять? - Мельник, улыбаясь, чесал затылок под каской.

- А мне потом после тебя в окоп, как в толчок лезть? - пихнул его взводный к окопу, - в штаны накладывай и с собой из окопа выволакивай! Что ж нам теперь, после каждого бойца новый окоп рыть?

Ну, вот, ржут, потирая зашибленные мною места.

- Младший лейтенант, продолжайте занятие.

- Есть! - бойко ответил он, козырнул. Ухо у него тоже опухает. А ведь он старше меня по званию. А я, мало того, что им командую, так ещё и люлей навешал. Устав и субординация отдыхают в обмороке. Ладно, пошёл я к Кадету. Пообщаться надо. Парню нужна моральная поддержка, "помощь друга" так сказать.

- Ну, как Кадет после этого? - отвлёк меня от воспоминаний ротный.

- А ты откуда знаешь? Кто проболтался?

- Спрячь меч возмездия, - усмехнулся Александр, - забыл кто я?

- Опер.

- Ну и это, но точнее выражаясь, сыщик. Что Кадет? Тьфу, Перунов, кто его так окрестил?

- Я. Малой ещё, но толк будет. Глядишь, и до генерала дорастёт.

- Пусть растёт. Это хорошо, что ты так всё повернул, сломался бы парень.

- Этого допустить нельзя. Каждый нужен.

- Слушай, а что, когда меня видят, "атас!" кричат. Это мне погнало подогнали?

- Нет. Это из песни:

Атас! А ну-ка, веселей рабочий класс!

Атас! А ну-ка, мальчики, любите девочек!

Атас! Пускай запомнят нынче нас!

Малина-ягода, атас!

- Бессмыслица. Опять твои проделки. А, ты мне зубы заговариваешь. Колись давай!

- Это команда. Придумали для замены команды "граната".

- Ничего не понял.

- Я запретил снимать рубашки с гранат РГД.

- А, вот что значит: "у кого без рубашки увижу, эту рубашку в запасный выход запхаю"! А я услышал, ничего не понял, какая "рубашка"? Радиус поражения гранаты при этом возрастает. Чтобы своих не зацепить, предупредить надо. А почему "атас"?

- "Граната" - нельзя, по-немецки звучит также. Нужно ёмкое, звучное, но короткое слово, интуитивно понятное. Долго перебирали, а потом я вспомнил словечко из детства.

- Вот это детство у тебя было! Это же на блатняк похоже, сейчас вспомнил.

- Уж, какое было, ничего не поделаешь. Как тебе результаты метания гранат?

- Неплохо. "Карманная артиллерия". Ротные минометы и не нужны.

- Да и нету их. Граната надёжнее. Думаю их сделать основным оружием. Представь, перекатами, перебежками боевые тройки приближаются к противнику, метают гранаты и потом обрушиваются на голову ошеломленных выживших.

- В теории - красиво. Как на деле будет?

Я вздохнул:

- Практика - лучший экзаменатор теорий. Сейчас отрабатываем точность метания гранат. Хочу добиться точного попадания в окно избы с тридцати шагов. И с этого же расстояния попадания в пулемётное гнездо из мешков и в окоп. Пока рвут учебными болванками эти мешки. А ведь граната нужна внутри окопа, а не на бруствере.

- Атас, говоришь? Ну, что ж. Мне нравится. И ещё мне понравилось твоё занятие по медицине.

- Оказание первой помощи. В этом деле секунды решают, будет жить или кровью истечёт. А нам каждый дорог.

Не рассказывать же капитану, что меня этим ОБЖ уже так достали в прошлой жизни! В школе, институте, на заводе каждый год, на железке - опять обучение, экзамен, каждый год переобучение, пересдача. Недавно (в прошлой жизни) на права выучился, а там в комплекте, - опять "Оказание первой помощи" со сдачей экзамена. Уже в подкорку загнали способ наложения шин и жгутов.

- Ладно, разбежались. Дел ещё много. Я слышал, комбата назначили.

- Кто он? Что из себя представляет? Не верю, что не "пробил".

- Суровый мужик. Из "наших". Боевой. Воюет с первого дня. Два раза людей из окружения выводил. Во время последнего прорыва был ранен, теперь к нам.

- Это хорошо, что боевой.

- Там посмотрим. Всё, давай.

- Давай.

Каждый по своим, но нашим общим делам. Нам тут прислали эшелон - десять грузовиков ЗиС. Новенькие, только с завода, в свежей

краске, аж блестели. Я получал и разгружал на станции. Вот этот парадный блеск мне и не понравился. Закрепил грузовики за водителями (под роспись в журнале, а как же, война это не стрельба, а больше ведение бумажек), а потом погнал автоколонну в "прикормленное" автохозяйство. Там их должны были проверить, при необходимости, довести до ума. Оказалось, что производство военного времени - это сниженные требования к качеству и так не очень надёжной технике. Одни пресловутые фильтры чего стоили. И самое главное - грузовики быстро потеряли свой "парадный" вид. Под моим руководством, водители переквалифицировались в маляров и творчески "испортили" внешний вид своих машин пятнами мутно-грязного оттенка тёмно-зелёной и зеленовато-коричневых красок. Нужные цвета получали на месте, смешивая в вёдрах краски разных цветов. На ещё не высохшие пятна посыпали мелко молотый песок, чтобы высохшая краска не давала глянца. Песок удалось размельчить так мелко, что он сразу пропитывался краской и был совершенно не различим.

Но и это не всё. В поле моего внимания были десять пулемётов ДШК. На заводе из водопроводных труб для них были изготовлены зенитные станки-треноги, которые простыми гвоздями прибили в кузовах (при необходимости станок можно было снять и использовать стационарно). Так я сделал десять универсальных авто- арттягачей, СЗУ, подвозчика боеприпасов, транспорта (нужное окончание подставить при необходимости). Ведь мы сделали и деревянные съёмные лавки, навешивающиеся на борта, для перевозки людей. Я планировал использовать эту автороту для перевозки орудий-сорокопяток и прикрытия их же с воздуха. В кузов влезут расчёты ДШК и пушки вместе с боекомплектom. Мощности грузовика должно хватить для тяги всего этого. Но, это я планировал, а у начальников могут быть свои резоны.

А Степанов-младший занимался боевой учёбой роты. И хорошо получалось. Прирождённый лидер. Поступавшие небольшими партиями, но регулярно, "доспехи" он не просто вручал, а награждал достигших необходимых достижений по боевой подготовке. Даже здесь он умудрился подхлестнуть мотивированность бойцов. Молодец. И ещё психологический момент - сохранность и бережное отношение к доспеху сразу окажутся на высоком уровне, ведь то, что просто выдаётся - не цениться. А вот то, что досталось с трудом - это сокровище, что надо холить и лелеять.

Наконец, я определился и с "разгрузкой". Многие уже щеголяли в разгрузочных жилетах, пошитых по моей подсказке и руководстве Марии Фёдоровны. А я никак не мог определиться с личным оружием. Ведь я

оказался в таком положении, вернее сам себя в него поставил, когда сам решаю что я ношу, в чем хожу и чем вооружаюсь, а не устав. СВТ, конечно, хорошее оружие, особенно с оптикой. Но, я подумал, что мне не придётся в бою лежать и отстреливать врагов, как в тире. Если я сейчас как белка в колесе, то в бою и вообще стану, как тот мотоэквилибрист - по потолку лётать. Чую, что моею стезёй будет ближний, кинжальный бой, которым уже невозможно руководить и из командира я стану просто бойцом. А для ближнего боя больше подходит что-нибудь покороче, мобильнее и автоматическое. Например, Калаш. Только где же его взять? Если судить по названию первого Калаша - АК-47, раньше 47-го года это врят ли удастся. ППШ - слишком тяжел и неудобен из-за своего барабана. Как его не лепи - диск постоянно давит куда-нибудь. И как запасные диски носить? В разгрузке они не размещались разумно, дурость получалась. Стандартный подсумок вешался на пояс, но как с ним бегать или ползать? В заплечном мешке? А как в бою перезарядиться, тем более, что с его точностью и скорострельностью это делать придётся часто.

Но, вот я достал ППШ, наверное, экспериментальный, с рядным магазином - рожком. Их было только пять и мне их отдавать не хотели. Ну, ни в какую! Проявив чудеса предприимчивости, провернув чудовищно сложную комбинацию, количество ходов в которой по добыче нужных вещей нужным людям в о-очень длинной цепочке, удивило даже меня, я стал обладателем этой партии ППШ и по три рожка к каждому. Десять из них я, в наглую, сразу отгрёб к себе. Меня предупредили, что хотя в рожок и входит 35 патрона, больше 32 лучше не снаряжать - пружина слабоватая, может не справиться, придётся менять рожок, потом вручную его переснаряжать.

И вот я - обладатель разгрузки на шесть рожков, по три справа и слева, четырьмя ячейками под РГД, двумя - под Ф-1 (чуть ли не под мышками - это для самоликвидации) и двумя - под противотанковые болванки. На спине, меж лопаток, пришита сумка для малой саперной, которую я заточил, как топор, а рядом крепко пришиты ножны штык-ножа СВТ. Рукоятка штыка будет торчать чуть выше рюкзака, а ручка лопатки - вниз. Вот с нею и пришлось дольше всего провозиться и поломать голову. Ведь лопатка должна извлекаться из чехла одним движением, даже если надет вещмешок, но не выпадать при движении и даже резких манёвров - прыжков, падений, перекатов. Но, сделали!

Так как в разгрузке разместилось только шесть рожков, левый боковой набедренный карман штанов был заменён на подсумок на три рожка. Вот в таком виде я и предстал перед Степановым-мл.

- Ты бегать-то во всём этом сможешь?

- Должен. Я не думал, что всё вместе окажется настолько тяжёлым. Весит весь этот обвес, наверное, столько же, сколько и я.

- Ага. А ещё приплюсуй вес скатки с шинелью, фляги с водой, сухпай и личные вещи в заплечном "сидоре", плащ-палатки, а зимой - тёплой одежды. А гранаты? Подсумки, я гляжу - пустые? Не поплохело?

- Поплохело. Что-то я не учёл.

- Ладно, так и быть, выручу, по-дружески. Давай сюда три рожка. А то харя треснет. Себе сгрёб всё, а мне только с одним запасным рожком дал.

- Ну, ты и жук! Как раскулачиваешь виртуозно! На, твои три рожка. Больше не дам. Когда марш-бросок?

- С нами побежишь?

- А куда деваться. Надо наращивать мышечную выносливость. Ни от чего нельзя отказаться. Так что выход один.

- Хребет не лопнет?

- Посмотрим. Мой личный рекорд - 180 кг.

- Это как?

- Штанга.

- А-а! Но, это разные вещи. Одно дело вес взят, а другое - тащить постоянно.

- Да, я понимаю. Тем более, давно это было. Я был молод, силен, красив и даже не контужен. Не то, что сейчас.

Вместе рассмеялись, отправились на "пробежку". Обратно я, буквально, дополз. И-эх! А так всё хорошо начиналось! Жаль я не муравей - он тащит в шесть раз больше своего веса и даже не потеет. Но, ведь средневековые рыцари таскали на себе не меньше. Говорят, даже бегали в этом и сражались. Ну, спина, держись!

Оказалось, позднее, что меня "развели" как лоха. Рожки можно было вставить в любой ППШ. Сам виноват - не надо было показывать столь явный интерес. Классика. Оказалось, что "кидалово" имеет более древние корни, чем я думал.

Приезд нового комбата я прохлопал, а точнее - прохлопотал. Добывал брезентовые походные палатки. Добыл. На весь батальон с тылом, медсанротой, штабом и приданной артиллерией. На всех хватит. Только получилась немало. Несколько машин. Те самые "Мухоморы" - так теперь звали перекрашенные ЗиСы. С них сняли ДШК, но треноги не трогали. Получился просто грузовик.

По приезду, сразу пристал к Саньку.

- Ну, что рассказать? Кури-кури, всё равно съезжаем. Показал ему

роту. А по роже не видно - доволен или нет. Обыкновенно - морда ожогом перекошена, как маска. Потом провели стрельбы, учебную атаку позиций условного противника. Ничего не сказал. Даже про "доспехи" ничего не спросил. Только перед уездом оповестил, что все подразделения батальона через неделю соберутся здесь, но не прямо здесь, а в полевом лагере в Хоботовском лесу. Так, что выдвигаемся прямо сейчас - лагерь ведь нам и строить. Обещал он прислать инженерно-сапёрный взвод первым, но... На сапёра надейся, а на минное поле не ходи.

- Это я вовремя палатки получил. Как знал, как знал!

- Палатки - это хорошо, но землянки надёжнее. Будем учиться землянки рыть и строить.

- Слышь, Сань, по ходу, идёт процесс "окончательной сборки и доводки", как в инструкциях пишется.

- Я тоже так думаю. Скоро в бой.

- Дожди зарядят на днях.

- Так уже.

- Да, не такие. А чтобы дороги развезло так, что танки не проходят. Это недели две немец -курит. По первым морозам, когда земля схватится - ударит. Всем, что есть, сразу. И теперь - по Москве. Так что, брат, столицу будем защищать.

- Думаешь?

Едва не сказал - "знаю". Но, оказалось, "попал пальцем в небо". Шёл сентябрь. Наши войска вяло наступали на западном фронте, бились в окружении на Украине и Юге. И погода стояла хорошая. Ничего-то я не знаю. А что и знаю - из фильмов и Складов Абсолютной по недостоверности информации - Интернета и школьных учебников.

Комбат-батяня

Отношения с новым комбатом у меня не сложились сразу. Я, в принципе, этого и ждал, как его увидел. Среднего роста живчик, всё лицо обожжено, седой ёжик, громкий голос генерала из "Особенностей национальных охот-рыбалок". Очень суровый и строгий. С такими контакт у меня никогда не получался. Поэтому, я и старался не попадаться ему на глаза. Но, прямой и недвусмысленный приказ явиться, не оставил выбора и я предстал "пред его очи". Он стал "вынимать из меня душу" - выпытывать биографию, боевой опыт, источник моих знаний. Я парень простой, к славе не стремлюсь, по "доброте душевной" пальцем указал на Сашку Степанова. Не прокатило и "стрелки перевести" не удалось. Ведь ребята в роте тоже все "добрые и душевные" и все дружно пальцами в меня тыкнули. Что

осталось? Контузия. Тут помню - тут не помню.

- Ты мне зубы не заговаривай! Я тоже контуженный.

Обложил меня плотно. Разумных путей выхода из капкана не видел.

Буду дурковать:

- Оно и видно.

Воцарилась тишина, все рты поразевали. Не знаю, был майор всегда буйным или в результате контузии перестал владеть своей психикой, но его старались не злить. А злым и недовольным он был всегда. И быстро впадал в ярость, начинал орать, как сирена воздушной тревоги, брызгая при этом слюной, топтать ногами, рукоприкладствовать, пистолет выхватывал. Вот и сейчас он взревел, побагровел и понеслось:

- Да, ты....! Да, ... тебя ....., ... ! Ты .... у ..... меня .... в ....

....

И так может продолжаться долго. В амерских фильмах я видел, что солдат, когда обращался к вышестоящему, перед фразой говорил "сэр" и этим же словом заканчивал. В "спокойном" состоянии майор "обрамлял" любое озвучение любой своей мысли с нецензурного слова, чаще всего начинающегося на "ё". А если фраза была не короткой, то и в ней. И вместо знаков препинания. А в ярости вообще переходил чисто на матёрный, виртуозно подставляя приставки, суффиксы, окончания. И если приводить его "пламенную" речь в печатном виде, опуская маты, то и получатся только предлоги и множество точек длиной в целые страницы.

Пока он меня не пристрелил, я смылся. А вечером спел песню "Любэ" (а как её не вспомнить после общения с таким Ё-комбатом) под две гитары (Санёк Степанов и Кадет) и гармошки (Мельник) в своей землянке. Вообще, мы вырыли и построили землянку для себя, для моей боевой тройки, но Санёк, в наглую, заселился с нами. Вот, вместе и жили, вместе ели и пели:

А на войне, как на войне

Патроны, водка, махорка в цене

А на войне - не лёгкий труд

А сам стреляй, а то убьют

А на войне, как на войне

Подруга вспомни обо мне

А на войне - не ровен час

А может - мы, а может - нас.

Комбат, батяня, батяня, Комбат!

Ты сердце не прятал за спины ребят

Летят самолёты и танки горят,

Так бьёт Ё-комбат, Ё-комбат!
Комбат, батяня, батяня, Комбат!
За нами Россия, Москва и Арбат.
Огонь батарея! Огонь батальон!
Комбат-Ё, командует он.
Огонь батарея! Огонь батальон!
Огонь батарея! Огонь батальон!
Огонь, огонь, огонь, агония!
А на войне, как на войне
Солдаты видят мамку во сне
А на войне - да, то оно
А всё серьёзней, чем в кино!
Да, война, война, война,
Дурная тётка, стерва она!
Эх, война, война идёт
А пацана - девчонка ждёт!

Второй раз припев пели все вчетвером, да два раза. А потом эту же песню ещё раз, когда в нашу землянку набился народ, как килька в банку шпротов. Ничего удивительного, что через пару дней комбата, за глаза, конечно, иначе, чем Ё-комбатом и не звали. Ясен пень, он узнал, откуда ноги прозвища растут, что не прибавило мне любви комбата, а вот головной боли существенно стало больше. Ё-комбат мне существенно "перекрыл кислород", да ещё и впряг меня в батальонную "упряжку" интендантства. Я, конечно, взбрыкнул - типа, ни званием, ни способностями не соответствую. И Санёк Степанов тут же лишился всех трёх миномётов, за что ночью устроил мне "тёмную", как бы "случайно" упав на меня спящего, пропинал хорошенько, а потом ещё и стеллаж с моим старшинским "хабаром" на меня свалил. Извинился, конечно, помог выбраться, но при этом, ещё два раза локтём саданул - в лоб и в бок, опять, "случайно". Ведь он в расстройстве чувств из-за превращения взвода Поддержки в простой пулемётный взвод не спал. А с потерей "Мухоморов" вообще станет все ночи на меня "случайно падать".

Пришлось впрягаться. А комбат не только мне ярмо накинул и ездит на мне, ножкой болтая, так ещё и кнутом понукает. Вот, с... ,ё-комбат, блин!

Дни пролетали стремительно, совершенно не откладываясь в памяти. Целый день, как бешеной белкой укушенный, носишься по складам, базам, заводам, станциям, кабинетам, ночью - в землянке мгновенно проваливаешься в сон без сновидений, а с утра - та же карусель.

Одно радовало - программу боевого обучения первой роты теперь

проходил весь личный состав ОИПТБ.

Ну, наконец-то! Мы отправляемся на фронт! Половина батальона получила отпуска на сутки, вторая половина - получит по возвращении отпускников. Я оказался во второй половине - Санёк поехал домой проститься с родными, я - за старшего. Под шумок, я отпустил ещё тридцать человек - в качестве поощрения за "успехи в боевой и политической". Отпустил, конечно, и Кадета с Мельником. Их отпуск продлиться не сутки, а двое. Проверив соблюдение остатками роты всяких режимов, уставов, караулов, т.е. побродив по лагерю, вернулся в землянку и завалился спать. А что? Настроение - чемоданное, обузу интендантства с меня третьего дня сняли, старшинские заморочки по роте, за время моего "отсутствия" Санёк взвалил на старшину Тарасенко. Так что я вольная птица, где хочу, там и капаю.

Но, выспаться мне не дали. Влетел сержант Иванец, которого я поставил в "секрет" у своей землянки и орёт:

- Ё-комбат!
- Где?
- Сюда идёт!
- Успею смыться?
- Нет.
- Твою-то дивизию!

А вот и комбат. Постучал в бревно перекрытия на входе:

- Можно?
- Конечно, Владимир Васильевич. Сержант, исполняйте!

- Есть! - Иванец, обогнул комбата и вылетел из землянки, а вслед приказ комбата:

- Сержант, ближе 15 метров никого не подпускать и самому не подходить!

- Есть!

Комбат огляделся. Я, на вытяжку, начал доклад, но он меня осадил:

- Не надо, Виктор Иванович. И так всё знаю. Разрешите присесть?
- Да, конечно! Куда вам удобнее?
- Не суетись, старшина. Я и тут присяду.

Он сел и молчал, глядя в пол. Я тоже. А о чём трепаться? Я бы спросил - за каким Макаром он ко мне припёрся, да неудобно как-то. Так и молчали.

- Виктор. Можно тебя так называть?
- Хоть горшком, только в печку не суй.
- Договорились. Почему ты скрываешь, что воевал? Не пойму я. Для

беляка - ты молод, а всё остальное - не предосудительно.

- А может я иностранный шпион? Там и воевал. Да и с чего вы взяли, что я воевал?

Майор покрутил головой. Только сейчас я обратил внимание, что за весь разговор ни одного мата не услышал.

- Ты не иностранец. Так тебя Парфирыч бы и отпустил, ага. Это старая ищейка. У него нюх есть. Что-то в тебе он чувствует, как и я, а что - не можем понять. Осталось надеяться, что ты тот, за кого мы тебя приняли.

- За кого?

- Не важно.

- Важно.

- Цыц! Тебе палец дашь, а ты норовишь руку оттяпать. Зачем скрываешься? Скажи, облегчи двум старикам души.

- Да, ничего я не скрываю. Я же вам правду сказал. Что-то помню, а что это и откуда не понимаю.

- А песни эти твои - тоже помнишь? Или сам сочиняешь?

- Ни одна не моя. Не умею я.

- Да хоть и не умеешь, говорил бы, что твои. Всё одно никто их никогда не слышал. Все они какие-то странные, хотя и многие хорошие. Спой, что ли.

- Я плохо пою. А играть ни на чём вообще не умею. Вот, мои соседи, все играют. А вот песен моих почему-то не знают. А какую спеть?

- Ну, давай, сначала, про комбата. Что Ё-комбат.

Я спел, он раскачивался во время песни, глаза пустые. Когда песня кончилась, он вздрогнул.

- Ты знаешь, Виктор, я смотрю на всех этих ребят и вижу их мёртвыми. В ранах, окровавленных. Я ведь с ума сошел, там, в окружении. Я ночью заставу в окопы выгнал и сутки держался, а потом пошёл на прорыв. А они, знаешь, у меня какие были? Богатыри и красавцы! Все физкультурники. Отличники боевой и политической. Я их как сыновей любил. Мой погранотряд - лучшим был в округе. Я никого из них не довёл. Всех потерял. К нам прибивались другие, понемногу. И их тоже убивали. Убивали и убивали. Я немцев не считал, а вот своих пацанов всех помню. Тысяча триста шестнадцать исковерканных, окровавленных лиц каждую ночь ко мне приходят. Они все, Витя, погибли, а я выжил. А потом хуже стало. Я смотрю на бойцов этого батальона, теперь моего батальона, и вижу их убитыми. Я говорю с ними, а они отвечают, а сами кровью истекают.

- Тяжело это.

- Да. 1316 уже потерял. И теперь поедem на фронт - опять терять. А я не хочу больше! Почему я жив, а они нет? Зачем я выжил? Зачем мне муки эти?

- Бог нам всем послал испытания. И каждому - только по силам его. Этим он испытывает нас, а значит, знает о нас, любит нас. Испытания закаляют, делают сильнее.

Комбат рассмеялся истерически, как одержимый:

- Чем я стал сильнее? Искалечен, сломан и телом и духом. Я мечтаю умереть, чтобы прекратить этот ужасный ночной хоровод и остановить счётчик.

- Счётчик не остановиться, пока не возьмём Берлин.

- А ты веришь, что сделаем это?

- Конечно. Иначе и быть не может. Тем более, что я не только верю, а знаю. Точно знаю. Никто и никогда не завоёвывал Русь.

- Татары?

- Это кто такие? Это те, что в Казани живут? Они больше русские, чем мы сами. Это было не завоевание, а слияние русских земель под одну руку. И рука та - русские цари.

Комбат достал бутылку.

- Будешь?

- Не пью, Владимир Васильевич. Совсем не пью.

- Больной? На войне больных не бывает.

- Мне вера не велит.

- Тьфу, ты. Брехун. Не берут верующих в НКВД.

Я показал крест.

- Как же тебя не выперли?

- Наоборот. Меня пригласили. Да с рекомендацией!

Я показал портсигар. Комбат хмыкнул, дунул в кружку, налил:

- Как хочешь, - и выпил.

- Владимир Васильевич, а зачем вы мне всё рассказали?

- Душу хотел облегчить.

- Полегчало?

- Да.

- А почему мне?

- Ты единственный, у кого рожа не разбита. И когда ты рядом, все остальные начинают выглядеть нормальными, живыми.

Вот это ни хрена себе! Я облегчаю приступы шизофрении?

- Витя, спой.

Я спел "Молитву", потом "Бьётся в тесной печурке огонь", "На поле

танки грохотали", "Черного ворона", "Опустела без тебя земля". Комбат стремительно напился и уснул на Мельниковой полке. Я оставил его, вышел покурить. Невдалеке маячил Иванец, я махнул ему рукой.

- За обедом сгоняй.

Он принёс сразу на всех, даже тех, кто был в увольнительной. Сухпай я сразу заныкал, а горячее умяли, сидя на лавочке около входа в землянку.

- Сержант, без моего разрешения никого в землянку не пускать. Лично передо мной ответишь.

- А если ротный? Это же его землянка.

- Хоть маршал Тимошенко. Это моя землянка. Переломая так, что за свисток три месяца не возьмёшься. Уяснил?

- Уяснил.

- Я - не надолго. Обойду всё и вернусь. Гостя моего не беспокой, пусть отдохнёт. А внутрь заглянешь - глаза фингалами закрою.

Я так понял, что я вдруг оказался старшим в батальоне. Вот так неожиданно. Комбат взял самоотвод на время, остальные офицеры, тьфу, командиры - дома, с родными.

Обошел всё, двоим в "душу" пробил за нарушение режима, а потом направился к штабной палатке.

- Стой, кто идёт?

- Конь в пальто. Фамилия, боец!

Он назвался. Даже не знаю такого.

- Кому служишь?

Растерялся.

- Эх, салага! Учить вас ещё и учить! Трудовому народу ты служишь. Запомни. В следующий раз - накажу.

- Туда нельзя, товарищ старшина. Приказ товарища майора.

- Ты, чё, ушлёпок, не понял? Или попутал? Или меня не узнал? Майор у меня в землянке, послал за письменным прибором. Смирно! Кругом!

- Я не могу, майор приказал.

- Тебе майора привести? Или письменный приказ нужен? Так планшетка его в палатке. Самого его звать? Да он тебя с говном сожрёт. Да, ладно, расслабься. Очень мне хочется бегать туда-сюда. Мне проще тебя вырубить. Да, не дёргайся ты. Меня знаешь. Меня Медведем окрестили. Но, для тебя - старшина Кузьмин Виктор Иванович. Так и доложишь, если вопросы будут. А их не будет. Что не ясно?

Боец опустил винтовку, сделал шаг в сторону.

- Вот это другое дело.

А в уме: "Бардак!"

По большому счёту, в штаб я пришёл из любопытства. Зашёл, остановился, осмотрелся с любопытством. Потом покопался в бумагах, отложил несколько пустых стандартных бланков с печатями. Бардак, кто же на пустые бумажки ставит печати? Вообще-то все так делают. Но не в армии же! Сгодятся на что-нибудь. Прихватил ещё и незначительную записку, единственная ценность которой была в образце подписи Ё-комбата и начштаба на одном листочке. Покрутился ещё из любопытства, нашёл награды Ё-комбата (Ордена Ленина, Знамени и Красной Звезды - охренеть!), положил обратно и вышел.

- А письменные принадлежности? - спросил часовой. Я похлопал по нагрудному карману.

Вот и всё. Больше в этот день, кроме ужина, ничего не случилось. После пробежки, я тоже завалился спать.

Отступление от повествования.

Нет

елефонный разговор:

- Как прошло?

- Тяжко. Только авторитетом и продавил. Если не выгорит с твоим Объектом - мне не простят ни потерю времени, ни отвлечение бойцов ОСНАЗ.

- Может, не надо было бы его отпускать на фронт?

- А что осталось? Он рвётся воевать, у нас на него ничего нет. Не смогли мы ни раскрыть его, ни выявить его связи.

- Может, и не было ничего?

- И это ты мне говоришь сейчас, а? Не ты ли меня в это втянул? Я в глаза таким людям влез! А теперь ты это мне говоришь! Ну и сука ты, Сара!

- Сам ты! Я тебя не просил так всё это раскручивать! Запер бы его, помяли бы, всё бы и узнал.

- Сам веришь? У этого узнал бы? Видно же, что он из тех, что умирают, но не колются. И Сам так же думает. Да, и что я плохого "раскрутил"? Новый вид кирасы? Батальон? Эти, как их, "ременно-плечевая перевязь"? Как её Объект называл? "Разгрузкой"? Кстати, ни одна армия мира не пользуется подобным. Привлечённые эксперты из Внешней Разведки - в недоумении. А ты заметил, как он ориентируется в городе? А вроде с Урала.

- Подожди, ты Ему докладывал?

- А ты думал? Дали бы мне батальон, ОСНАЗ, новые образцы вооружений без разрешения? Не, конечно, не Самому. Но, всё одно - теперь от Объекта зависит моя голова.

- Не надо было его отпускать, вот и всё.

- Да пошёл ты! Тожe мне, друг! Наливай, давай.

Через некоторое время разговор возобновился:

- Может и не надо было отпускать. Да, прессанули бы, добились бы чего-нибудь. Было что в нём выдавить. Но, ты же видел, в "свободном полёте", да с поддержкой, он большего добивается.

Человек сочно выругался:

- Да кто ж он такой? И откуда взялся на мою голову? Тут и вправду в чертовщину поверишь!

Наш эшелон идёт на Запад!

И вот мы едем.

Я, конечно, тогда тоже ходил в увольнительную. За мной пришла опять та же "эмка" с Ваней-водилой (ну, как за мной - она привезла Санька Степанова, но я счёл её в своём распоряжении, тем более что Ваня не возражал). Сначала, я съездил на доклад к Степанову-старшему. Парфирычу доклад был не очень интересен - всё ему Санёк рассказал уже. Попрощались. Потом - в бригаду. Простился с Бояриновым и остальными знакомцами. Покружил по магазинам, закупая гостинцы для Катерины и детей. Вот после этого - к Натану. С ним и "гуданули" армянским коньяком. Но, не до потери пульса. Как только почувствовал себя пьяным, отклонялся. Водрузив рюкзак с гостинцами на спину, отправился к Катерине. Там и заночевал. Утром меня разбудил гудок "эмки". Прощания были слёзными, хорошо хоть не долгими. Семья Катерины провожала меня на войну как родного мужа и отца.

А вот после этого был откровенный дурдом. Кто-нибудь представляет себе погрузку боевого подразделения в эшелон? Я не представлял. Эта тема напрашивается на отдельное исследование, которого я никогда ещё не видел. Ладно, с людьми более менее, с конями тоже справились, но ведь ещё и автотехника, пушки, зенитки, кухни, мобильные реммастерские и другое имущество. Голова пошла кругом через час после начала погрузки. Мат, рёв, грохот. О-о, ё-моё! И это только один батальон. А как же перевозили целые армии? Я в детстве читал воспоминания комиссара 16-й армии. Их везли с Дальнего Востока. Описывалась перевозка вскользя, так же и прочлась. Ну, везли и везли. И только теперь я оценил уровень управленческого искусства менеджеров этого времени. Дело ведь не только в воинских эшелонах. По железной дороге

перемещалась целая страна, почти вся её промышленность. Под бомбами целые заводы были разобраны, погружены, перевезены и собраны на новых местах на Урале, за Уралом, в Казахстане. И всё это без компьютеров, Интернетов, почти без связи. Как оценить этот подвиг? Возможно ли подобное повторить в моё время, со всеми его достижениями? Тут рабочий поезд на укладку стрелочного перевода на моей старой работе, там, в будущем, собирают с такими тяжёлыми усилиями! И это при повсеместной связи, даже сотовой, когда можно в любой момент достать любого.

Погрузились, поехали. Сначала, почему-то на юг. Потом на запад, потом на север. Я уже и перестал следить за направлением. Первые сутки пути почти все всё время спали. Просыпаясь, я всё время выглядывал наружу. Мы иногда ехали (неспешно, по моим меркам), чаще стояли на запасных путях на станциях и полустанках.

На третьи сутки пути всех зенитчиков Ё-комбат выгнал из вагонов-теплушек на платформы с их орудиями и пулемётами. Они привели их в боевое положение и начались учения по боевому прикрытию эшелона. Нас, пехоту, не трогали. Почти. Теоретические занятия и физическая подготовка в ограниченном пространстве. Санёк приказал занять чем-нибудь людей, чтобы мысли дурные в головы не лезли.

И то верно! Ведь русского человека нельзя оставлять без дела - сопьётся или покалечится. А так - отоспались, пора и голову чем-либо забить. Например, методикой оказания первой медпомощи. Или способом доставки сообщений. Провели "день тишины". Общаться можно было только жестами. Вот и выработали набор жестов для общения в разведке, в грохоте боя, на расстоянии видимости в бинокль, но не слышимости. Какие-то жесты знали ребята, что видел я в кино, что-то придумали.

Каждый вечер - коллективное пение. И знакомых им песен (иногда знакомых и мне) и новых для них, но хорошо знакомых в моё время. Разучивали, пели. Мельник, Кадет играли. Иногда и ротный играл и пел с нами.

И ещё тренировки по уходу за оружием, куда же без них.

- Твоё личное оружие, как жена, всегда с тобой. И как жена, должно быть знакомо. Как жену в темноте раздеваете, так и оружие с закрытыми глазами должны разобрать, почистить и собрать. Чтобы и днём и ночью оно было готово послужить вам и спасти ваши жизни. Гранату в боевой взвод должны поставить ночью, в темноте землянки, не глядя на неё. Смотреть надо на врага, следить за ним. А руки в это время должны привести к бою гранаты, винтовку, автомат, пулемёт, зарядить, примкнуть штык. Каждая секунда - чья-то жизнь. Бог на стороне не тех батальонов, что больше, а

только тех батальонов, что хорошо стреляют. И всегда готовы выстрелить первыми.

Вот и приказ на разгрузку. Оказалось, метания наши по станциям и направлениям были результатом смятения в штабах. Сначала нас подчинили Юго-Западному фронту (я обрадовался - я помнил, что там командовал маршал Тимошенко и мне он казался очень грамотным генералом), потом подчинили Западному фронту (непонятно, кто им командовал, Конев или Жуков - ничего-то я не знаю!), потом переподчиняли то одной армии, то другой. И вот, в конце концов - выгрузка.

Раздав матом приказы, Ё-комбат умчался. Сначала решили сгружать зенитки. На местных надейся, а сам - не плошай. Мельника с Кадетом я послал в "инженерную разведку" - осмотреть окрестности и "понюхать что, как". Первым их донесением была найдена позиция для зенитной батареи - рядом со станцией на небольшом бугорке. Зенитки отправили туда, где они и задрали свои "хоботы" в небо, укрыв грузовики в лесополосе, а орудия замаскировав нарубленными ветками. Молодцы. И я - молодец. Все "печёнки" всем не зря "выел" мерами маскировки.

Следом сгружали орудия наших батарей. Их отправляли сразу же по готовности со станции в ту же лесополосу прятаться. Только после пушек занялись обозом - лошадьми, имуществом, припасами. Личный состав принимал активное участие в выгрузке. Каждому разъяснили, что их жизни и сытость зависят от целостности обоза, а его целостность - от времени нахождения на станции.

Уже заканчивали, когда появился озадаченный, потому злой Ё-комбат. Собрал командиров. Я в их число не входил, потому решил реализовать "данные разведки" Мельника. Под шумок неразберихи мы умыкнули у станционных работников несколько кувалд, десятков ломов и два с лишком десятка лопат, правда, совковых, а нам больше нужны штыковые. И это сгодиться. А у временного "склада" под открытым воздухом "увели" несколько зелёных деревянных ящиков. Мельник клялся, что это боеприпасы. Вскрыть и посмотреть так и не успели - пришёл ротный.

- Грузимся обратно, - махнул он рукой.

- Афигеть! Чё за дурдом! - я расстроился.

- Комбат договорился с комендантом, поездом нас подбросят поближе к передовой. Но, там не будет возможности сгрузить технику и обоз. Они двинутся своим ходом, а мы - с комфортом.

- А, так это же совсем другое дело! Под налёт бы не попасть -

зенитки-то сгрузили.

- То-то и оно. Рискнём. Там немец прорвался опять. Нами затыкают.

- Для того нас и создали. Ребята, вертай всё в зад! Верхом на паровозе до немца поедём! Живее, живее! Пока они путь не разбомбили. Кто будет сейчас канитель тянуть - пешком пойдёт!

Сказано - сделано. Разместились с комфортом - в нашем распоряжении оказался весь состав. Его не стали расформировывать, чтобы время не терять, да и пути забиты - не до манёвров. Только пристыковали сзади ещё один паровоз - он состав обратно потащит.

Хорошо Мельник напомнил о жрачке, я же чуть не забыл о сухпаях - хорош старшина! Так и поехали. В пути каждому втолковал порядок "спешивания", держались ближе к дверям, их не закрывали. Пулемёты разместили на платформах, там же - часть людей и грузов, чтобы при налёте быстро покинуть состав.

С тревогой смотрели на заходящее солнце - оттуда ждали налёта. Но налёт произошёл с востока, видимо возвращающиеся "лапотники" (так вот вы какие, сирена и правда пробирает до печёнки!) решили обстрелять нас. Машинисты загудели, поддали "газу", состав окутался дымом и паром. Сделав по два захода, обстреляв нас из пулеметов, эти два "лапотника" отвалили и улетели на заходящее солнце. Может боезапас кончался, может решили не связываться - мы, с перепугу, палили в них из всего, что было. Тут сыграла роль скорость состава - ехали бы медленно - народ попрыгал бы, да попрятался. А тут не спрыгнешь. С испугу - стреляли. Один стрельнул, за ним - остальные.

Налёт прошёл без потерь - все живы и целы. Только глаза лихорадочно блестят, смеются часто, возбужденно пересказывают друг другу свои впечатления.

Состав замедлил ход, начал притормаживать.

- Приготовиться к высадке!

Полустанок. Выходная стрелка разбомблена. Никто не чинит. Будка осмотрщика стоит с открытой дверью. Остановились.

- Пошёл! Пошёл! Ты чего мечешься? Бери ящик, становись в очередь. Сгружаем всё, потом сами. Давай, давай, пошевеливаемся! Кто отстанет - пёхом догонять будет!

А ротный, вот жучара! Ослушался команды Ё-комбата, ротный обоз не сгрузил (погрузил обратно). Теперь Тарасенко организовывал разгрузку телег и лошадей. Я повёл своих помогать. После разгрузки командиры подразделений оббежали все вагоны и платформы, проверяя. И я тоже проверил два вагона и три платформы, за которые был старшим.

Спрыгивали уже на ходу. Догнали своих, уже выстроившихся на дороге в походную колонну.

- Нале - во! Шаго-ом а-арш!

Почапали. Моя рота - первая. Поэтому, я - впереди колонны. Передо мной - только боевое охранение, обогнавшее колонну на километр. Степанов где-то вдоль строя бежит. Рядом ехали на конях Ё-комбат и начштаба (своих коней тоже на станции не оставили), что напряжённо высматривали в карте, в полголоса переговаривались. Как я не прислушивался, разобрать не мог.

А с запада гулко бухало, как далёкая гроза. Вот такая ты - канонада!

- Кузьмин, - раздался неожиданно надо мной голос комбата.

- Я, товарищ майор!

- Запевай! Нам ещё километров семь шлёпать до штаба дивизии. Так что мы в глубоком тылу, можно и спеть. А под песню и идти легче.

- Нам песня строить и жить помогает, - кивнул я. Вот, вроде насчёт песни подъехал, а сам моё любопытство удовлетворил. Наверно, заметил наши напряженные шеи и свёрнутые в локаторы уши.

Третьи сутки в пути
Ветер, камни, дожди,
Всё вперёд и вперёд
Рота прёт наша, прёт.
Третьи сутки в пути
Слышь, браток, не грусти!
Ведь приказ, есть приказ,
Знает каждый из нас
Напишите письмецо
Нет его дорожке для бойцов,
Напишите пару слов
Вы, девчата, для своих пацанов.
И на закате вперёд
Уходит рота солдат,
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.
Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою,
Солдат, солдат, солдат.
Третьи сутки в пути,
Ветер, камни, дожди.

На рассвете нам в бой.
День начнётся стрельбой.
Третьи сутки в пути.
Кто бы знал, что нас ждёт
Третьи сутки в пути
И рассвет настаёт
Напишите письмецо
Как живёт там наш родимый дом,
Из далёка - далека
Принесут его мне облака.
И на закате вперёд
Уходит рота солдат.
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать
Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою
Солдат, солдат, солдат.
Падала земля, с неба падала земля!
Разрывая крик в небе: "Падла ты война!"
Плавилась броня, захлебнулся автомат,
Заглянул в глаза ты смерти, гвардии сержант!
И на закате вперёд
Уходит рота солдат,
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.
Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою
Солдат, солдат, солдат!

- Кузьмин! Вот вечно ты! Какой солдат? Нет сейчас солдат, а бойцы.
- А что они от этого солдатами быть перестали?
- А, с тобой спорить! Давай другую.
- "Комбат" - пойдёт.
- Ё-комбат? Не пойдёт.
- Ладно, другую. Тёзка мой пел. Ребята, "Пятно крови"!

Эту песню рота знала неплохо, поэтому хором запели, отрывисто, в такт шагам:

Тёплое место, но улицы ждут

Отпечатков наших ног.
Звёздная пыль на сапогах
Мягкое кресло, клетчатый плед,
Не дожатый вовремя окурок
Солнечный день в ослепительных снах!
Пятно крови на рукаве,
Мой порядковый номер слева в строю,
Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне, не остаться в этой траве
Не остаться в этой траве,
Пожелай мне удачи,
Пожелай мне удачи!
И есть чем платить, но я не хочу
Победы любой ценой
Я не хочу никому ставить ногу на грудь
Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда зовет меня в путь.
Пятно крови на рукаве
Мой порядковый номер слева в строю...

Я не ожидал, что песни Цоя понравятся ребятам. Всё-таки, это песни "погубленного" поколения 80-х. Того поколения, что хотело взять страну в свои руки ("Дальше действовать будем мы!"). И, кто знает, если бы они дорвались до рычагов, может будущее книг Стругацких стало бы реальностью. Но, их горячие сердца и головы были отравлены мнемовирусом "алчность". Они перебили друг друга на разборках за "виртуальные" рычаги управления, но, оказалось, не страной, а палаток и рынков. Их энергия была направлена не на созидание, а "канализирована" на достижение миражей, направлена друг на друга. Они заполнили кладбища, психлечебницы, наркодиспансеры, подвалы и подворотни. А страной остались править "мумии" маразматиков и их внуки-мажёры, обожравшиеся, полностью оторванные от реальности, живущие только в своём "элитном" мирке грёз, искренне ненавидевшие мою Родину, влюблённые в "мираж" Запада. А когда "мумии" своим ходом покинули этот мир, они сдали страну по цене вторсырья и мусора.

Для этого строя больше подошёл бы Высоцкий, но я его не знал. Не понимал и не любил. Может, потому что знал только такие песни, как "где деньги, Зин?"

И что им петь ещё? "Муси-пуси"? Я их там не понимал, а здесь тем

более. Только, что нашего воронежского "Цоя", т.е. Хоя?

Пока я размышлял, строй и "Звезду по имени Солнце" спел. Опять я затянул:

Это наша работа - в руках держать автомат
Слышать крики кого-то, щупать чеку гранат,
Идти на прорыв, когда нужно,
С криком: "Ура!", впереди
Падать убитым в лужу,
Кому-то дальше идти.
Мы - ангелы смерти, а это значит,
Что в гибель не верим, а верим в удачу
Когда артиллерия сыплет "град"
Души русских солдат покидают ад.
Взрывает и калечит, но не сломит дух
И с этой тварью, при встрече,
Ты пообщаешься вслух.
Устала: "Отбой, рота!", проходят впустую года,
Но, это наша работа - здесь идёт война!
Мы - ангелы смерти, а это значит,
Что в гибель не верим, а верим в удачу
Когда артиллерия сыплет "град"
Души русских ребят покидают ад!
А кто погибнет - конечно, его не вернёшь никогда,
Но силы героя, навечно, переходят в тебя.
Душа исчезает из виду, затем обращаются две,
Ты чувствуешь боль и обиду
На этой нелепой войне!
Мы - ангелы смерти, а это значит,
Что в гибель не верим, а верим в удачу
Когда артиллерия сыплет "град"
Души русских солдат покидают ад!

Что за...? Чадающий дым лениво поднимался в закатное небо. Прибежали разведчики. Оказалось, мы вышли к тракту, а на нём - результат бомбёжек. Горели машины, трактора, всюду тела убитых людей, лошадей, коров. Никто их не собирал, толпы унылых, уставших беженцев брели на восток, в нашу сторону даже голов не поворачивали.

Комбат сверился с картой. Приказал идти не по дороге, а вдоль, ближе к лесополосам. С каждой минутой темнело. Канонада стихала. Почапали дальше.

- Смотри внимательно, братцы, - сказал я, - Смотрите - так воюют "просвещённые" европейцы. С бабами и детьми воюют. Безнаказанно с воздуха расстреливают. Смотрите внимательно, запоминайте. И чтобы рука не дрогнула, запомните - немец не человек. Даже не зверь - в звере больше сострадания. Это бесы. Адские отродья. Внимательно смотрите. А дальше мы увидим сожжённые деревни, овраги, полные расстрелянных, будем нюхать копоть живьём сжигаемых детей.

- Да как такое возможно?

- А вот немцев поймаем - спрошу. Я не знаю, как ребёнка можно запереть в сарае и из огнёмёта сжечь. А они - знают. В глаза их посмотрю. Яйца рукой откручивать буду - и в глаза буду смотреть. "С этими тварями, при встрече, я пообщаюсь вслух". Так орать заставлю, чтобы души детей с небес услышали, узнали, что отомщены.

- Неужели в них ничего человеческого нет?

- Почему нет? Есть. Страх есть. И много. И я об этом им напомню. Говорил же им их Фридрих Второй: "Никогда, никогда, никогда не воюйте с Россией!" Забыли? Мы напомним!

- А что за Фридрих такой?

- О, это был интересный персонаж! Гениальный полководец, стратег и тактик. Всю Европу поставил на колени и изнасиловал. Бил армии европейских королей как хотел, где хотел и когда хотел. А у самого армия - позорище одно. Бандиты и оборванцы со всей Пруссии. А громил хитростью вчетверо превосходящие откормленные, вышколенные полки. И нарвался на сиволапых солдат Елизаветы, дочери Петра Первого. Командовала она конечно не сама, генералы. А Фридрих генералов купил. Они и бросили армию в болотах. Старше капитана званием никого не осталось. Он так уже делал. С австрийцами. Тогда австрияки сдались полностью. Он их переделал в прусскую форму и за себя воевать заставил.

- А наши?

- А наши утром проснулись - пруссаки есть, а офицеров - нет. Вздохнули облегчённо, перекрестились, выстроились во фронт и целый день отбивали атаки пруссаков. Фридрих сам себя обхитрил - болото, во фланг и тыл не обойти, а спереди наши не даются. Три полка прусских порвали в лоскуты. Фридриху стало жаль своих солдат, приказал из пушек бить. Долбят, долбят, уже и не видно ничего - порох тогда сильно дымил. Хлеще давешнего паровоза. Думает - всё, там и живых нет. Посылает полк - обратно ошмётки. Ещё полк - опять ошмётки. Сам поехал смотреть. А наши - земляных валов наделали - окопы не вырыть - болото, валы эти оседлали, всё трупами осыпано. Смотрит Фридрих, как его пруссаки в

атаку идут, радуется - с развернутыми знамёнами, под барабаны, дудки и флейты, ровными рядами. Подошли на мушкетный выстрел, с обеих сторон - залп, ещё залп. И что он видит? На место одного упавшего нашего - тут же ещё один лезет, стреляет. А потом как грянули из пушек в упор картечью, "УРА!" и в штыки. Пруссаки, как зайцы-русаки, бежать. Он наперерез. Солдаты его увидели, остановились, развернулись. Король сам пошел в атаку. Летит на коне, а навстречу - русские. Он - шпагой, шпагой. Прорубается. Вылетел к редуту. На нём - пушка. И один пушкарь. Весь чернящий, в крови с ног до головы, вместо правой руки из плеча обломок кости торчит, но прищурился, одной левой пушку на Фридриха разворачивает. Король прусский в него из пистоля выстрелил, в грудь попал, а пушкарь уже и запал к себе тянет. И тут Фридрих впервые в жизни испугался, с коня грохнулся, картечь коня - в фарш. Поднялся, смотрит - пушкарь лыбиться, на него прёт с саблей. Как он дал дёру! Ну совсем не по-королевски. И штаны обмочил. А за ним - всё его войско. Орёт в припадке: "Пусть сам чёрт воюет с такими солдатами!". Ночью наши ушли. Утром Фридрих объезжал поле битвы. Формально он победил - поле боя осталось за ним. Но, он-то знал лучше. Он нашел тело того пушкаря. Тогда он сказал свою знаменитую фразу: "Русского солдата мало убить. Его надо застрелить, зарубить, проткнуть штыком, а потом ещё и толкнуть, чтобы упал".

- А дальше что?

- А потом Елизавета Петровна Романова поставила над этими чудобогатырями хитрого дядьку - генерала Салтыкова, по-моему. Вот он и погонял Фридриха, как сидорову козу, по всем европам. Кстати, Суворов, что Александр Васильевич, в ту пору молодым офицером был. Как раз и изучил науку побеждать. Тогда наши Берлин первый раз и взяли. И немцы узнали, что такое казаки на улицах побеждённого города. А в этот раз узнают, что такое русские танки у Бранденбургских ворот. Ещё век потом икать будут, суки. Кто выживет. А тех, что сюда пришли, мы здесь же и заземлим. Они хотели наших земель? Они её получают. Метр на два. И два метра вглубь. Каждый.

- Правильно, старшина! - надо мной вырос комбат на коне, - для этого дела землицы у нас хватит. Закончил политинформацию? Я тебя политруком сделаю - у вас в роте как раз нет. Старшин двое, а политрука ни одного.

- Не имею права. Крещенный я. И в партии не состою.

- Поговори мне ещё! Приказы не обсуждаются. Но, это на будущее. Политрук ты и так фактически. А сейчас - ноги в руки - и вперёд! Там

деревня крупная впереди. Возьми людей - понюхай, кто там, наши или эти, что "хуже зверей".

Ого, он, получается, всё слышал. Но, "приказ есть приказ, знает каждый из нас".

- Мельник, Кадет, Леший со своими, ко мне! Шило! Давай, тоже подтягивайся. Вещмешки и поклажу сдать старшине Тарасенко! С собой только боекомплект. Готовы? Попрыгали! Закрепить, чтобы не гремело. Отряд, слушай мою команду! Егерским маршем, вперёд!

Побежали. Егерский марш - это минуту бегом, минуту - быстрым шагом. Скорость хода возрастает в разы, а пройти так можно многие километры.

- Гребень!

Разбежались в цепочку по полю, как прочёсывая его.

Совсем стемнело. Через полчаса вышли на окраину села. Убедились - наши. Послал "делегата связи" к комбату.

- Шило, со своими - справа, Леший - слева. Обойти село. Невидимками. Оглядеться с западной стороны. И инженерная разведка. Если на ночёвку встанем - надо найти место. Мельник, Кадет - со мной. Я пойду командиров местных поищу.

Нашёл целый штаб дивизии. И "целого" полковника. Подходить не стал - это дело комбата с начальниками общаться. Мельника послал на "добычу". Встретил Ё-комбата, доложил.

- Место для привала нашёл?

- Ага. В том лесочке удобно будет. И дорога к нему идёт. И не занят пока.

- Веди людей туда, Сусанин. Я - в штаб дивизии. Как её номер?

- Почём мне знать. Мы себя не показывали, языка не брали.

- Так свои же.

- Тренировка в условиях, максимально приближенных...

- Понятно. Передай ротным - пусть людей покормят. Может, опять пойдём...

Комбат растворился в темноте.

- Куда идём мы с Пятачком? Большой, большой секрет.

- Что?

- Кадет, ты читал сказки по Винни-Пуха? Это плюшевый медвежонок. И чего он мне вспомнился?

Я запел:

Хорошо живёт на свете Винни-Пух,

Оттого поёт он эти песни вслух.

И не важно, чем он занят,
Если он скучать не станет,
А ведь он скучать не станет,
НИ-КО-Г-ДА! ДА!
Трам-парам-тарам-пам-пам...

Едва расположились, разожгли костры в вырытых ямах, пришёл Ё-комбат. Собрал ротных - совещание. Пусть совещаются. А наше дело - вовремя подкрепиться, согласно заветам Винни-Пуха.

- Ребята, особо не растеляшивайтесь. Сейчас посовещаются - дальше пойдём. А нам - впереди, ох, хвостом чую. Кадет, Мельник - найти, в темпе хип-хопа, Тараса, затариться сухпаем нам, группам Лешего и Шила. В том же составе будем. Лешие, крепите прицелы и глушители.

Никто из ребят не спорил. Зашуршали, позвякивая. Я и сам проверил боекомплект. Автомат, шесть запасных магазинов, три РГД-33, две Ф-1, ТТ и запасной магазин к нему, штык СВТ за плечом, лопатка меж лопаток (надо же, туфталогия), бинокль, планшет, кисет с табаком. Всё разложено, закреплено, подогнано.

- Противотанковые брать?

- Ага. И противосамолётные. Мы разведка, боевое охранение. Есть желание - бери, но за потерю подвижности - спрошу.

Подошёл Степанов.

- Готов уже?

- Перекурить осталось на дорожку.

- Вот и закуривай. А я тебе пока задачу поставлю. Дивизии этой мы приданы в оперативное подчинение. Они размочалены основательно. Немец их прижал к реке и накомстил, пока переправлялись. И это только передовые части гансов. Тут есть лакомое место - железнодорожные и автодороги сходятся у переправ. Враг на плечах отступающих войск захватил мосты. Отбили, но удержать не смогли. Взорвали. Автомобильный мост был деревянный - выгорел, а вот у железнодорожного обрушилась только одна секция. За ночь немцы мост восстановили, утром ударили и взяли деревню с полустанком. Весь день полком атаковали, не отбили. Нас посылают. Ё-комбат решил в лоб не лезть, а обойти полустанок по... вот этой, смотри, лесной дороге. А утром полк опять атакует в лоб, а мы ударим с тыла, а потом уничтожим плацдарм.

- Разумно. Только, я думаю, бить надо сразу по мостам, а против деревни оставить пулемётный заслон. Немец как услышит бой в тылу, неуютно себя почувствует. От мостов егоотрежем, а там и удавим со всех сторон.

- Нормальный ход. Если их там немного. А если много - нас удавят с двух сторон.

- Тоже верно. А сколько их там?

- Говорят - полк мотопехоты с танками. Но, ты знаешь - у страха глаза велики. "Их было семеро и оба в валенках". Так комбат и сказал. Вот, тебе и предоставлена честь - скакать впереди всех и пощупать немца за нежные места - первому.

- Польщён. Оказали мне медвежью услугу. А что разведвзвод?

- Медведю и услуги медвежьи. Разведвзвод обеспечивает боевое охранение. Когда выступаете?

- Сейчас Кадет и Мельник сухпай принесут и выходим.

- Давай, Витя, удачи.

- Давай, Саня, она нам понадобится.

- А, самое главное чуть не забыл. Сейчас проводник подойдёт. Из разведбата дивизии. А по пути вас встретит разведвзвод одного из батальонов.

- Вот, уже лучше. Заблудиться, ладно, не заблудимся, а вот свои обстреляют - будет обидно.

- Кто капитан Степанов?

- Я - Степанов. Ты - наш Сусанин?

- Лейтенант Морозов, разведбат.

- Вот, Кузьмин, оцени момент - старшина, а будешь командовать тремя лейтенантами.

- Шило - старлей.

- Знакомьтесь, лейтенант, это старшина Кузьмин Виктор Иванович, командир вашей группы.

- Лейтенант Морозов Афанасий Ефремович.

- Рад знакомству, Афанасий. Пойдемте, группа готова, вас ждали. Не будем терять времени, по дороге обсудим дела наши скорбные. Семёнов! Поднимай людей.

Разведка боем.

Пошли. Километра три шли плотной группой по дороге, потом - дозором. Старший лейтенант Семёнов, он же Шило, со своими автоматчиками в костюмах "леший" - впереди, потом я с Морозовым, Мельником и Кадетом, сзади и флангов прикрывали снайпера Лешего. А вот что поведал наш проводник:

- Их там не так, чтобы и много. Нас мало. При переправе потеряли всё тяжелое вооружение. В артдивизионе одно орудие осталось. И три снаряда. Станковых пулемётов считай и нет. Вчера полустанок атаковали

двумя батальонами. Без поддержки. В сумме - человек триста. Было. До атаки. Нарвались. Пулемёты, миномёты. Кровью умылись и отошли.

- Сколько могло за это время подойти им подкреплений?

- Днём особо крупных подкреплений не видели. Машины туда - сюда ездили.

- Значит, мост уже проходим для техники? Получается, что их может быть сколько угодно. За ночь они могли и пару танковых батальонов перекинуть, не говоря уже о пехоте. А наши пушки отстали.

- А у вас и орудия есть?

- Будут. Подойдут.

- А что вы за часть такая? И форма у вас странная. И пушки.

- Отдельный истребительно-противотанковый батальон НКВД. Говорит о чём-нибудь?

- Да уж. Чекисты.

- Не обязательно. Я вообще в органах не состою и не состоял. А комбат - пограничник. НКВД занималось формированием, оснащением, ну и курирует. Хотя, большинство личного состава как раз к НКВД имеют прямое отношение.

- Целый батальон особистов.

- Можно и так сказать. Не любишь ты особистов, как я погляжу. Ну, это твоё дело. Люди все разные, а работа у особистов особая - всех подозревать. Это, знаешь ли, на характере сказывается. И частенько не в лучшую сторону. А недругов у нашего народа хватает. И в наших рядах тоже. Кто-то умышленно гадит, в открытую или втихую, подленько, а кто и по недоумию. А кто и ошибается. Бывает же, что человек ошибается. Устал, например, не спал пару суток. А цена ошибки на войне - жизни. Когда одна - самого незадачника, а когда - сотни и тысячи. Вот возьмем пример одного маршала. Тухачевский фамилия его была. Я не знаю причин его ошибок - умысел или наоборот, недомыслие. Его, вроде, в связи с немцами уличили. Но, с другой стороны, сами немцы его называли "кремлёвским мечтателем", считай - недоумком. Главное, что он заказал промышленности двадцать тысяч танков. Все с противопульной бронёй. Самовары. И ни одного эвакуатора, ни одной подвижной реммастерской, нет кранов, способных идти с танками одной дорогой и скоростью и оперативно менять башню или двигатель. И главное - нет радиосвязи, заправщиков, подвоза боеприпасов, бронетранспортёров для мотопехоты, тягачей для пушек. Все эти танки стали не инструментом победы, а обузой для наших генералов и трофеями для генералов врага. Они сотнями захватывали неповреждённые танки, у которых просто кончилось топливо, а заправить

было нечем. А тысячи прекрасных орудий, гаубиц, что нечем было перевезти? Вот - цена ошибки. Народ десятилетие горбатился на воплощение мечтаний одного дурака. Нужны были не десять тысяч лёгких танков, а десять тысяч тягачей для гаубиц. Рассекретили этого "говоруна", расстреляли, делом занялись. Но... А если бы его до сих пор не выявили бы? Хоть четыре года, но было у наших конструкторов.

- Вить, не шуми.

- Извини, Шило. Увлёкся. Наверное с недосыпа.

- Переходим в "молчание". Рассыпались. Далеко до твоих разведчиков, лейтенант?

- С километр ещё.

- Кто первым их увидит, от меня получит вознаграждение.

Дальше шли молча. Заморосил дождь. Не сильный, но холодный. Обычный октябрьский дождик, что может моросить сутками. Плащ-палатки мы не взяли - шуршат. А "леший" сразу промок, потяжелел. Все разведчики стали похожи на мокрых куриц. Стало ещё темнее. Стали держаться более плотно, чтобы не потеряться.

Идущий впереди Шило вскинул руку. Все замерли. Шило опустил руку на уровень плеча, вытянув в сторону. Все разбежались по укрытиям. Я сел за дерево, вытащил свою заточенную сапёрную лопатку.

- Стой, кто идёт?! - Раздался с земли тихий голос.

- Филин, - ответил Морозов.

- Плохое мясо.

- Лучше, чем никакого.

- Афанасий, ты?

- Я, Петро, выходи. Не дёргайся - чекисты народ нервный.

Вышел один. В мокрой плащ-палатке он выгляделдвигающимся мокрым камнем.

- Ещё один, - шепнул Шило.

- Он мой человек.

Мы, с Морозовым, вышли навстречу. Поручкались, я представился, он представился сержантом Шоловым Петром, командир разведвзвода первого батальона. А весь его взвод стоял у дерева в лице одного бойца. Они с интересом нас разглядывали. Ребята Шила и Лешего обошли нас - охраняют периметр.

- Что там немец?

- Тихо сидят, как мыши. Тоже дождь не любят.

А потом мне объяснили, что дальше на лесной дороге стоит лесопилка, от неё дорога расходиться - на мосты, в посёлок, к полустанку -

так пиломатериал и вывозили, и прямо на соседнее село, что в двенадцати километрах на север. А на лесопилке - пост немцев. Два мотоцикла, два пулемёта, человек пять-шесть немцев.

В тихую мы их сможем обойти, а вот роты - нет. А поднимется стрельба - вся операция - насмарку.

- Надо их в ножи брать. Что скажешь, Семёнов?
- Можно. Окружить, разом и взять. Нас больше, нас не ждут.
- А кто выстрелит? Тревогу поднимут?
- Сколько отсюда до полустанка?
- Километра два-три. И всё лес.
- Леший, вы с глушаками?
- Ага.

- Окружаем лесопилку. Леший - снимаешь часового, потом страхуете. По лесу ваш щелчок не услышат, тем более дождь. Шило, со своими и я - берём их в ножи. Разведка Морозова - резерв - перекрываете дорогу к полустанку. Кадет - дорогу в северное село, Мельник - к мостам. Сигнал к атаке - выстрел Лешего. Вопросы? Тогда, двигаем, в темпе вальса.

Лесопилка - деревянный длинный сарай, с просевшей крышей. Ребята рассыпались, медленно окружая строение. Медленно, чтобы - тихо. Но, дождь громче стучал по жестяному козырьку над воротами в цех. А вот и караульный немец - прижухся, нахохлившись, под этим козырьком на гряде обрезков пиломатериала. Я смотрел на него во все глаза - я впервые вижу немца. В каске, на каске - очки с резинкой, в плаще с поднятым воротником, он сидел понурясь, автомат на коленях. Спит, что ли? Нет, передёрнул плечами - озяб. Сейчас совсем остынешь, гад!

Я опять достал лопатку, в левую руку - штык-нож СВТ обратным хватом, приготовился к броску. Леший смотрел на меня, его СВТ смотрит на часового. Все ли заняли позиции? Ещё подождать? Можно и плохого дожждаться. Пора!

Я уже повернул голову к Лешему, что бы кивнуть, спуская его курок, но тут скрип. Я замер, медленно - медленно повернул голову. Это ворота приоткрылись, вышел ещё один немец, потянулся, передёрнулся весь, что-то спросил у караульного. Тот, так же в полголоса, ответил. Немец хмыкнул, отвернулся, не выходя из-под козырька стал копать в ширинке.

Я обернулся к Лешему, показал два пальца. Тот кивнул, потом отвернувшись, просигналил пальцами ещё кому-то невидимому в темноте.

А у лесопилки журчал струёй немец, караульный что-то бубнил недовольно. Я махнул лопаткой, вскакивая. Почти одновременно звякнули, оглушительно в тишине, выстрелы снайперов. Я рванул к воротам,

проскользнув левой ногой по влажной траве.

Сидящий немец беззвучно завалился набок, а вот стоящий с грохотом ударился о досчатую стену цеха. Меня обогнали две тени, прошмыгнули в ворота. Я подбежал к воротам. Тот, что стоял, ещё шевелился. Рубанул лопаткой, как топором, только с чавканьем и хрустом. Кадет "проконтролировал" караульного. Пока мы возились с этими, все ребята Шила уже были внутри. Я за ними.

- Всё чисто, старшина, сюда, - раздался шёпот.

- Молодцы. Всех успокоили или живые есть?

- Одного просто оглушили. Допросим.

- Проверьте всё, а то спрятался какой хитрец - сюрпризы нам не нужны.

Тихий шорох шагов по опилкам.

- Как вы тут ориентируетесь, я ничего не вижу.

- Тут лампа горела, но мы её в первую очередь разбили.

Я зажёл спичку, нашел лампу. Топливо из неё уже натекло на ящик, на котором она и стояла. Хорошо - потухла лампа, а то полыхнуло бы. Эта лесопилка - большой склад дров. Горело бы так, что из космоса было бы видно, не то, что из деревни. Стекло разбито, но лампу зажёл. Коптила, но горела. Не рванула бы.

Огляделся. Оказался я в какой-то конторке, отгороженной от остального цеха стеной из горбыля, обшитой мешковиной. Немцы спали на лавках, один - на столе. Теперь на них же и лежали мертвыми. Автоматы стояли прислонённые к столу, два пулемёта с дырчатыми кожухами на стволе - у выхода, на сошках. Тут же цинки с лентами.

- А который живой?

- Тот, что на столе. Решили, что он - главный.

- Раз выше всех лежал - значит главный? А где этот зассанец спал?

Шило удивлённо закрутил головой. Места больше нет.

- Он на опилках спал. Там я ещё одного приглубил. С перепугу так запутался в брезенте, которым укрывался, что сам себя головой о станок ударил. Я добил, - доложил один из бойцов Шила, невысокий крепыш, кажется Валерой зовут, но больше - Вареником.

- Плохо, Семёнов, плохо. Одного фрица прозевали, а он мог нас всех одной очередью положить, тревогу поднять. Сразу надо все закутки проверять! Лампу уронили, чуть лесопилку не сожгли - был бы такой сигнальный костёр! Плохо. Это нам трижды сегодня крупно повезло - лампа потухла, этот сам себя обезвредил - твою работу, Шило, выполнил, и этот, что отлить вышел. Чуть раньше мы часового застрелили - а этот не спал,

схватил бы пулемёт - и было бы вам Бородино. Повезло, но везти постоянно не может. В другой раз удача может быть не на нашей стороне, тогда что? Уяснил, старший лейтенант Семенов?

- Уяснил.

- Кто из вас немецкий знает? А как же мы его допрашивать будем? Нет, я не знаю немецкого. Да с чего ты взял?

- Я немного знаю. В школе учил, мать помогала, - подошёл Кадет.

- Четвёртый раз повезло. Эх, Шило, Шило. Что же ты за сыщик такой - прокол на проколе? В разведгруппе ни одного переводчика? Ты как их допрашивать собирался? Телепатически? Иди, герой, периметр обеспечить. Изучить трофейные пулемёты срочно. Если не ошибаюсь - МГ-34. Зверь - машина. Сенокосилку заменить может. О, печка! Горячая ещё. Только потухла. Слышь, Шило, ты почему здесь ещё? Ладно, погодь. Периметр расставь, трофейные плащи им раздай. Остальных сюда гони - пусть обсохнут пока. И почаще людей меняй.

Шило ушёл.

- Ребят, давай, эту падаль освобождайте от наших трофеев, то есть, раздевайте до нижнего белья, пока не окоченели, и выносите эти куски дерьма подальше. Этого свяжите и тоже вынесите. Нечего падали рядом с людьми делать.

- А зачем нам их шмотки?

- Маскарад будем делать. А может - не будем. Но, возможность будет. Трофеи - в кучу. Мы не грабители, не мародёры. Трофеи собираем централизованно и так же распределяем. Всегда хотел встать на довольствие не только к НКВД, но и к Гитлеру. Пусть снабжает. Мельник - печка. Что вылупился - мухой! Дверку не закрывай - пусть свет будет. Кадет, бери лампу, пойдём общаться вслух с недобитком.

Я с интересом рассматривал немца, что сжался у пилорамы. Светлые волосы, светлые глаза (при пляшущем свете масляной лампы много не разглядишь), обычное европейское лицо. На улице встретил бы - прошёл мимо. Такой же как и я. Ариец, гля!

- Кадет, скажи ему - орать не будет - кляп вынем.

Мишка долго думал. Фраза явно не из школьной программы. И я тоже, с придурью. Пошёл в разведку без переводчика. Как информацию добывать? По-английски их допрашивать? Так его я тоже в пределах школы знаю. Ну, ещё из фильмов и игр, типа: "айл би бэк". А по-немецки только и знаю: "Гитлер капут", "хенде хох", "айн, два, полицай". А, ещё "арбайтен", типа "работай!". Много не поговоришь.

Мишка что-то сказал, немец закивал. Я осторожно вынул тряпку (его

же пилотку) из его рта. Немец часто задышал.

- Спроси - кто он такой, номер части?

Мишка переводил. Немец заговорил хриплым голосом. Ну, что за противный язык у них! На их языке только ругаться хорошо. Хуже только змеиное шипение польского. Что-то он много балаболит.

- Что он там буробит?

- Предлагает сдаться. Тепло, еду обещает. И всё такое.

- Понятно, дальше не надо. Знаю я, что такое их гостеприимство. Обратно ему эту тряпку запихай в рот. Не для этого вынимали. Ну, каков, а? Наглец! Ещё немец не пуганный. Это - поправимо. Хорошенько запхни, чтоб не пикнул. Сейчас я ему покажу наше, русское, гостеприимство к незванным гостям. Ноги ему свяжи, сапоги сними.

Я пошёл по цеху в поисках инструмента устрашения. Ни топора, ни пилы - всё выгребли, мародёры, мать их! Подобрал кусок ленточной пилы. Пойдёт.

Идя обратно, задумался. Сейчас я стану живодёром. Никаких эмоций это во мне не вызывало. А ведь я сегодня убил человека. Тот немец, у ворот, ещё дёргался, к поясу с пистолетом тянулся. Снайпера недоработали. "Грязная", неаккуратная работа. Пусть темно, но в упор же, по неподвижной цели! Вот, критикую ребят, а у самого - ноль эмоций. Слышал, что люди блюют, когда производят первого жмура. Синдром новобранца. А тут - как просто в морду дал, потряхивает от избытка адреналина. Никаких угрызений совести. Я - убийца. Киллер. Не знал. А может я потенциальный маньяк? Сейчас вот человека планирую разделать, как свинью, хотя сам даже свинку ни разу не заколол, держал только, пока отец резал.

- Кадет, скажи ему - будет говорить - домой поедет, но воевать не будет. А будет молчать - будет больно-больно умирать.

Не верит. Ну, что ж. Доверие надо заслужить. Левую лодыжку немца перетянул его же ремнём, чтобы кровью не истёк и стал отпиливать ему ступню. Кадет сразу стал рыгать в темноту, возня разведчиков прекратилась - смотрят. Немец вертится, как юла, но это лишь ему хуже - рванный срез получиться. Вopil в кляп, захлёбываясь. Вот и он затих - сознание потерял? Так не пойдёт!

- Воды принесите, в себя его приведите. Он не должен пропустить ни секунды этого "удовольствия". Ишь, малохольный! Как девок наших насильничать, так это он в сознании. А от ответа отлынивает.

Честно говоря, меня самого подташнивало слегка. Но, это сначала. Теперь нет. Пока приводили в сознание немца, покурил.

- Очухался, малохольный? Как гимназистка, сомлел. Кадет, переводи. Спроси - он убедился, что я шутить не буду?

Немец закивал.

- И в плен мы сдаваться не будем. Мы - их смерть. Мы пришли им капут делать. Так и будет "капут". Это их слово. Будет говорить?

Я взял обломок пилы, сел на корточки. Немец был бледен, как мел, но молчал, вытаращав на меня свои глаза. Пожав плечами, я опять принялся пилить мягкую ногу.

- Будет говорить?

Немец закивал. Вынули кляп - и он стал "вещать". О том, что он ни в чём не виноват, что ему приказали и т.д., и т.п.

- Старая песня урки. Ничего не переводи. Он не виноват, не он такой, а жизнь такая. Этого нам не надо. Как по делу начнёт трепаться - тогда и переводи. А все эти заверения в ангельской безгрешности для архангела Гавриила оставь. Лучше спроси - что за часть, сколько их, чем вооружены, где штаб и кто командир.

Постепенно разговор перешёл в деловое русло. Выяснили, что в селе при полустанке окопался мотоциклетный батальон в составе двух рот, у них 3 миномёта, больше десяти пулемётов, несколько бронетранспортёров и пара танков. Плацдарм у моста удерживает рота этого же батальона и противотанковая батарея. Это на нашем берегу. А на том берегу - сапёрная рота, рота связи и батарея 20-мм зениток (слово "флак" Кадет перевёл как "флаг"). И это всё? А остальные части их "панцердивизион" - отстали, добивая окруженцев. Глупо. Разумнее было бы наоборот. Но, оказалось, как пояснил наш "язык" что только танки могут сдерживать прорывы из окружения. Видимо, в окружении наши части бьются яростнее - отступать-то некуда.

- Вот и всё, а ты боялся. Кадет, добей его.

- Но, Виктор Иванович, как же так? Почему я?

- А что мне теперь его в поясицу целовать? Куда его девать? Чем его кормить? У матери твоей пайку урезать и ему отдать?

- Он может пригодиться.

- На хера? В селе новых навяжем, званием побогаче, знающих поболее. Вали его! Боец должен не только уметь умирать, но и убивать. Я не сомневаюсь, что ты отдашь жизнь, если надо. Я должен убедиться, что ты и жизни лишишь, не дрогнув. Вали его! Ты за моей спиной всегда, я должен быть в тебе уверен. Сделай это быстро и безболезненно для него - он заслужил. Нож сюда приставь и дави. Дави сильнее! Молодец! Отдохни, Кадет. Уберите эту пададь! Морозов, ты здесь? Шило? Забирайте лампу и

пишите отчёты о результатах разведки. Пошлёте делегатов связи с донесениями, Морозов - своим, Семёнов - нашим. Через час разбудите меня и выступаем. Караул менять четырежды в час, чтобы все отдохнули и обогрелись.

Конечно, я не спал. Уснёшь тут! Просто час пролежал на опилках, глядя во тьму, слушая перестук капель по жести, тихие перешёптывания ребят. Пусть думают, что я сплю. Пусть знают, что я - зверь, живодёр, убийца бездушный и способен уснуть спокойно после разделки человека. На душе муторно.

А их сюда никто не звал! Они пришли убивать людей МОЕГО народа, они пришли поработить МОЮ Родину! Убил, убиваю и буду убивать! И сам сдохну! Я - сдохну, а кто-то жив останется. Народ мой продолжиться в годах, в веках! Кадет, например. Он должен уметь убивать. Чтобы рука не дрогнула, как у того снайпера из группы Лешего. Тоже, наверное, в живого человека первый раз стрелял.

Пришло время действовать дальше. Я встал, увидев, что в мою сторону направился узкий, даже в плаще, силуэт Шила.

- Корми людей, Володя. Трофеями. Немцы должны были запастись.

- Есть!

- Миша, составь опись трофеев. Я говорил, чем отличается мародёр от солдата?

- Централизацией сбора трофеев.

- Точно. А централизация подразумевает документальное оформление. Не корчи рожи! Ты думал война - это кровь и смерть? Должен тебя разочаровать, Миша. Война - это куча бумаг. Карты, планы, схемы, приказы, донесения, рапорта, ведомости, требования, накладные и ещё сотни видов бумаг. Это - война. А кровь... Кровь лишь небольшое развлечение, а смерть - избавление. Учись, пока я живой. Меня убьют - ты будешь впереди бежать, "Ура!" кричать и пушку таскать. А пока - пиши.

- А как это пишется?

- Обыкновенно. На верху листа пишешь - "приходная опись" и номер. Первый сегодня. Сегодняшнее число поставь. Дальше пишешь: "в результате боя на лесопилке, координаты укажи, были захвачены трофеи. И перечислишь в столбик. Например, пулемёт МГ-34 - 2 штука, автомат МП...

Я поднёс автомат ближе к огню, чтобы прочесть надпись:

- МП-40, сколько их? Вот и запишешь. И так далее. Всё пиши, даже эти перчатки. А что за перчатки? О, нормальные такие. Это я забираю. Так и запишешь, когда их оприходуешь: "выданы старшине Кузьмину в количестве одной пары". Так и пиши. И всё, что съедим, так же оформишь.

Ребят, кто, что взял - Кадету доложите, чтобы оформил. Он у нас, временно, - писарем.

- Медведь, а это писать?

- За Медведя - ухо откушу. Что там?

- А сам нас погонялами кличешь.

- Не погонялами, мы не воровская малина, а позывными. Конкретно ты - ещё не заслужил меня Медведем в лицо называть. Я понятно объясняю?

Боец кивнул, протянул мне металлический предмет с цепочкой.

- Ух, ты! Судя по весу - золото. Часы что ли? Откуда?

- У того, которого вы пилили, было. Вы надпись на крышке прочтите.

Поднёс к огню. "XX лет РККА" выгравировано.

- Крышку откройте, с той стороны.

"За отличную службу".

- Кадет, как ты думаешь, откуда у немца эти часы? Такие - абы кому не дают. Ими награждают. И не сержантов. Как ты думаешь, что стало с этим высшим командиром? Кто это был? Полковник, генерал? Комдив, комкор? Тебе не жаль этого профессионала? А немца пожалел? И дальше будешь жалеть? Пиши: "часы карманные, корпус из металла жёлтого цвета, с надписями". Надписи перепишешь. Нет, ребята, эти часы мы не можем оставить - они принадлежат семье этого доблестного командира. Штука редкая и хозяина смогут легко найти. Наш долг - вернуть их. Может - это всё, что осталось от этого человека, а сам - сгинул где-нибудь. Судя по "XX лет РККА" - всю жизнь мотался по гарнизонам, дети его видели редко. Память будет. Мы пока не заслужили таких почестей. Наша добыча - сосиски, два мотоцикла и два пулемёта. А я вот - перчатками разжился. Разбирай, что нравится, ребята, но Кадету - доложите!

Перчатки были с длинными манжетами, чуть не до локтя. На хрен! Отрезал. И ополовинил пальцы на правой перчатке - указательный и большой. Теперь не будет мешать стрелять.

- Командиры, ко мне! Да заканчивайте, не на рынке! Там, в селе, ещё две роты таких тварей. Свалили!

Остались только Леший, Шило, Морозов, Шолов и Мельник, куда без него. Постоянно рядом, тенью моей стал.

- Слушай, что я думаю. Надо выдвигаться вперёд. Здесь оставим Кадета и Морозова. Наших встретят, доведут до них наши наработки. А нам... Смотри - атаковать будем по-светлу, раньше - Ё-комбат просто не

успеет. А там - ж.д. насыпь и грунтовка. Пара пулемётов - и через них не перебраться на ту сторону. То есть, эту сторону путей отхода врага мы сможем контролировать, а они, прикрывшись насыпью, отойдут и ударят в тыл батальону. Поэтому, предлагаю - затемно пересечь обе дороги и перерезать им путь к отступлению. У нас два пулемёта, снайперы, гранаты. Не пропустим. Как думаете?

- Если танками пойдут - прорвутся.

- Может быть. Но, одно дело - танк в селе, а наши ребята атакуют, как на ладони, он их видит, они его - нет, а другое дело - он на дороге, а мы в кустах. А там - бронебойщики его под хвост и ужалят. А пехота немцев, пока бежать будет на виду у "леших"... Как ты думаешь, Лёш, это будет славная охота?

- Мне нравится задумка, - кивнул Леший. Остальные поддержали.

- Тогда - выступаем! Плащи и брезент возьмите. Дождь хоть и кончился, но земля сырая, осень. А нам на ней до утра зябнуть. И все гранаты забирайте - близко подойдут - гранатами отобьёмся. Главное помните - "колотушка" - тёрочного действия. Дёргать надо сильно и резко, а то не рванёт. Во, чуть не забыл! Морозов, гражданские в селе есть?

- Не должно быть. С нами отошли. Те, что ещё были.

- Это даже очень хорошо. Обидно будет своих зацепить. И, Морозов, своих красноармейцев предупреди о нас и нашей одежде, а то ещё обиднее будет, когда свои завалят с перепугу и подвиг не дадут совершить.

Собрались, пошли. Кадет обиделся, что его оставляем. Дитё! Неужто думает, что ему войны не хватит? Осадил резко, даже грубо. Нечего вперёд батьки в пекло лезть!

Вещмешки оставили, но не сказать, что шли налегке. Амуниции на каждом висело, как на вьючных мулах. Дождь вроде и кончился, но отовсюду продолжало капать, с каждой ветки, каждого не опавшего листочка. Не успевшая высохнуть одежда снова промокла, потяжелела. Пока шли быстро, было жарко и душно. А ляжем? Воспаление лёгких - обеспеченно.

По широкой дуге лесом обошли полустанок, вышли к ж.д. насыпи. Залегли.

- Ребята, здесь может быть нитки их телефонных проводов. Было бы неплохо их найти, - шёпотом сказал я.

- Резать?

- Рано. Приметить, пока. А потом - порежем.

Через насыпь перебирались по одному, быстрыми перекатами, в промежутках времени, пока одна осветительная ракета погаснет и немец не

выстрелит следующую. Грунтовку преодолели вообще с ходу.

А кабель нашли. Ногой зацепили. Оставили одного снайпера. Он взял провод в руку и прошёл вдоль кабеля до ближайшей ложбинки, там залёг, завернувшись в брезент, только ствол винтовки с набалдашником глушителя торчал.

Село было перед нами, в трех сотнях шагах. Свет нигде не горел, движения на улицах не было. Даже собаки не лаяли. Что-то где-то скрипело, да сигнальщик стрелял осветительные ракеты, только и всего. Пейзаж напомнил мне игру "Сталкер". Как давно это было! На секунду меня охватила ностальгия, почувствовал запах дома, жужжание компа. Навалилась тоска по родным и любимым жене и сыну. Увижу ли их снова? Тряхнул головой - так не пойдёт! Нельзя раскисать перед боем. Успех боя более чем наполовину закладывается до боя. И зависит от выбранных позиций.

Осторожно, пригнувшись, облазили всё вокруг, как змеи - выбирали позиции. Разместили пулемёты, стаскали к ним все цинки с лентами. Пулемётные расчёты начали осторожно окапываться. Теперь пулемётами мы перекрыли всю юго-восточную окраину села. Снайпера искали позиции метрах в тридцати позади пулемётов, рассыпано. Мы же, с ребятами Шилов, двинулись вперёд. Я, Шило и Мельник разместились в седловине меж двух бугорков, поросших толстыми стеблями сорняка. Мельник сразу принялся копать. Мы с Шилов тщательно всматривались в бинокли в село, стараясь хоть что-то рассмотреть. Что так, что в бинокль - ни хрена не видать. Месяц был где-то за низкими тучами, темень, хоть глаз коли, а свет ракет так искажал всё, что ничего не понять.

Шило пихнул меня, указал биноклем. Я посмотрел. Из избы вышел человек, выпустив сноп света. Дверь так и не прикрыл - так подсвечивал себе. По этой световой полосе он и пошёл. Отливать.

- Смотри - броня, - прошептал Семёнов одними губами. В полосе света были едва видны кусок колеса и узкой гусеницы.

- Ага. Танк или бронетранспортёр?

- Силуэт низкий. И этот немец был не танкист. У них форма должна быть чёрной.

- Ночью все кошки чёрные. А у нас ни гранат противотанковых, ни бутылок.

- Слушай, старшина, у меня план есть. Я с ребятами, в две тройки, пока темно, подбираюсь к этой избе и закидываю её в окна гранатами. Даже если это танк - экипаж положим - танк не поедет.

- Не пойдёт. Две тройки - это всё что у нас есть. Оголим участок

полностью.

Помолчали.

- И хочется, и колется, и мама не велит, - вздохнул я, - только одну тройку. Подползать к зарослям у сарая и там залечь. Когда начнётся - гранаты кидать в окна, пострелять и сразу отходить. Нет, не пойдёт. Если это танк и танкисты в нём ночуют, всё-таки, передовая - ребят он подавит раньше, чем они гранаты кинут.

- Я пошлю Малого поглядеть поближе. Он у меня самый шустрый.

Я кивнул. Шило отполз, потом я, покрываясь рябью каждую секунду, в бинокль следил за Малым, ползущим ужом к избе. Самому легче сделать, чем смотреть и переживать.

- Виктор Иванович, я боюсь, - прошептал Мельник, в оптику своей винтовки смотря на Малого.

Толку-то. Один выстрел - все планы псу под хвост.

А Мельник, оказалось, уже окопался. Я тоже достал лопатку.

- Докладывай, по ходу, - шепнул я ему. Стал копать. Это помогло - отвлёкся.

- Малой за сараем. Ждёт подсветки, - прошептал Мельник, - ага, большой палец вверх оттопырил, рукой машет.

- Значит - не танк, - шепнул Шило.

Как только ракета погасла, ещё двое поползли к Малому, замирая каждый раз, как в небе зажигался очередной фонарик.

- Не нравится мне этот бугорок, - проворчал Семёнов.

- Какой?

- Смотри. Сразу и не заметил я его. А ребята через него проползли - уже давно не вижу. Не простреливаемая зона большая получается.

- Точно. Так, Шило, здесь остаешься. Мельник, ты тоже. Меня прикроешь. А ты, Володя, - боем управляешь. Всё-таки и звание у тебя повыше. Одно прошу - вперёд людей не пускай. Назад, как нажмут, пожалуйста, но не вперёд. Вытяни их из застройки на открытое место. Наши снайперы хороши издали. С той стороны полк и наш батальон ударят, сюда их будут выдавливать. Бей снайперами, подпустишь поближе - из пулемётов добавь. А автоматчики - уж для самообороны. Совсем тяжело станет - отойди в заросли.

- Ну, ты прям план Наполеон. Всё равно всё будет так, как будет. Не угадаешь.

- Как знаешь. Я пополз. Мельник, гони "колотушки", они тебе без надобности.

Взяв две гранаты с длинными деревянными ручками, двинулся в

сторону того бугра. Полз бесконечно долго, по грязи и лужам, замирая всякий раз, как ракета зависала в низком чёрном небе. Дополз, выкопал себе яму-лёжку, постелил трофейную плащ-палатку, залез в яму. Сначала пытался рассматривать село, "бегающих теней" от ракет, потом надоело. Глянул на часы - почти шесть, скоро рассвет, скоро бой, "день начнётся стрельбой". Начало трясти. То ли от холода - промок насквозь, то ли от адреналина предстоящего испытания. Осторожно, чтобы не звякнуть, достал фляжку, открутил колпачёк и выпил два больших глотка коньяка - ещё у Натана запаса. Тепло разлилось по горлу, сбегало в грудь, оттуда - по всему телу. Трясти перестало, зато стало клонить в сон. Ещё бы! Сутки на ногах. Марши, бой в лесопилке, намерзся. Да и вокруг ничего не происходит. А у меня всегда так - как только мозг перестаёт получать информацию - норовит перейти в "спящий режим". Но, этого позволить нельзя - я храплю во сне. А до ближайшего сарая - метров восемьдесят. Сейчас бы заняться чисткой оружия - тоже нельзя, звякнуть можно. Думать? Уснёшь и не заметишь. Буду смотреть в бинокль на село.

**"Д
ень начнётся стрельбой"**

или как меня опять убили

И всё-таки я уснул и проспал сигнал к началу атаки. Мне снилось, что я также наблюдаю калейдоскоп бегущих теней, и вдруг неведомый ракетчик стал выстреливать сигнальные ракеты очередями. Тени домов и деревьев забегали, сталкиваясь, крича приглушенно: "Ура-а-а!".

"Что за нах...!" Я проснулся и только тогда понял, что уснул. Небо надо мной посерело, но село ещё было во тьме. Строчили пулемёты, бухали взрывы. Но, это на той стороне села. Наша засада молчала. Как там Малой?

Их я не увидел, но стёкла избы со звоном осыпались, почти тут же раздались несколько взрывов, что-то повылетало из окон. А вот и ребята. Двое влетели через дверь, один рыбкой нырнул в окно. Раздались несколько очередей. Потом ещё. И всё. Дом как вымер.

Я едва удержал себя, чтобы не вскочить, не броситься к ним на выручку. Ну, слава Богу! Двое выбежали из дома. А где третий? Ранен? Убит? Куда это они? Двое бойцов побежали не ко мне, как я им велел, а налево, во двор, скрылись из поля моего зрения. Через пару минут показались. Один волок пулемёт, другой коробки с патронами и, маслянисто змеившиеся, ленты на шее.

Герои, блин! Решили огневую точку организовать. Засада потеряла смысл - эти орлы не пустят немца, пока живы. А живы они, пока их из пушки не расстреляют или с боков не обойдут.

Решение я принял быстро - вскочил, побежал к селу, огибая дом "Малого". Не знаю, догадается ли Шило, но я хотя бы один фланг им прикрою.

С разбега вломился в заросли крапивы, споткнулся, и как пушечное ядро, пробил дыру в заборе из ветхих досок, который скрывался за крапивой, плюхнулся в грядки, тут же перекатился вправо, ещё вправо, к покосившемуся деревянному сараю. Встал на колени, автомат - на избу.

Дверь с грохотом распахнулась, выбежал человек в каске, в одном сапоге, но в серой исподней рубашке. В одной руке - винтовка, в другой - сапог, ремень и китель. Автомат дёрнулся в моих руках, немца снесло обратно в избу. Я вскочил, прыгнул вперёд, перекатываясь через левое плечо, туда, к порогу. А в доски сарая впились десятки пуль. Похоже меня они совсем не видели - стреляли на звук. Колпачёк с ручки "колотушки" - долой, с яростью дёрнул за появившийся шнурок, гранату - в распахнутую дверь, сам - к стене, пониже. Как этот выступ называется - фундамент или завалинка? Не важно, сжался у основания. Бухнуло, аж уши заложило. Впрыгнул в открытую дверь, опять через плечо перекатился в угол, выставил автомат. Один лежал в дверях - этого я ещё с от сарая успокоил, один в углу, тоже без движения. Кинул вторую колотушку в комнату, короткой очередью "проконтролировал" того, что был в углу, сменил рождёк. После взрыва сунул автомат в дверь - очередь в один угол, очередь в другой, спрятался обратно, присел. В косяк двери надо мной и в стену позади меня врезались несколько пуль, осыпав меня пылью и комками глиняной штукатурки.

- Ах, ты, сволочь!

Ещё граната. Теперь РГД. Её после взвода, ударил о пол, подержал секунду, закинул внутрь повыше, в тот угол, откуда предполагал стрельбу, а сам выкатился из "прихожей" на улицу. Согнувшись, побежал вдоль стены. Два взрыва прогремели один за другим - один из них - с порога. Вовремя я сбежал! Я "заглянул" в выбитое окно автоматом. А, вон в чём дело - он стол перевернул и за ним спрятался. Дал длинную очередь, до опустошения магазина, - слишком нервно надавил на спуск. Готов. Пуля попала ему в голову, откинулся на окровавленную стену.

Добежал до угла дома, перезарядил, осторожно выглянул за угол - вроде, чисто. Побежал обратно в дом. Четверо. Их было четверо. Три винтовки и один автомат. Автомат - это хорошо, но тяжёлый. А у меня ещё

три рожка полных. Оставил. А вот две гранаты - взял.

На улице разгорался бой. Взрывы и стрельба теперь слились в сплошную трескотню и буханье. Сквозь них иногда пробивались рыканье моторов. Выглянул осторожно. Кто-то бежал, мельтешили тени, стреляли. Кто свои, кто чужие? На дороге лежало тело, раскинув руки. Выглянул в другое окно. Из него видно, как лупит скупыми очередями пулемёт тройки Малого. Чуть сдвинулся, чтобы посмотреть, куда он стреляет, но тут же отдёргнул голову - вовремя заметил вспышку из кустов. Серия ударов в стену, как молотками продолбили, полетели щепки, пыль. Ещё очередь.

Я рухнул спиной на пол, оттолкнулся ногами от стены. В стене зияла цепочка отверстий на уровне метра от пола. Ни хрена! Это они меня сквозь стену достанут. К чёрту, валить отсюда! Как смог быстро пополз к выходу. Уже на улице подумал, что они так же могут и дом Малого разнести на щепу. Надо что-то делать!

Только подумал об этом, как в спину мне ударил взрыв, сбив наземь. На хрен! На четвереньках улепётывал за угол. Это чем же так лупанули? Пушкой? Это пленный говорил о батареях противотанковых орудий. Что в это время у немцев было против танков? 75-мм, 50 или меньше? Нет, 50 появиться под Сталинградом, 75 - позже. Наверное, эта пушечка, типа нашей сорокопятки. Ну, правильно. Из стены дома вон клочок выдрало. Большой снаряд бы дом обвалил мне на голову.

Пока думал, бежал, пригнувшись, по дуге стараясь обойти тот злополучный куст, откуда по мне долбил пулемёт. А вот пулемёт Малого замолчал. Жаль ребят. Но, я же говорил - похулиганили - и назад, нет, дом Павлова решили изобразить. Только там дом был каменный, а не эти глиной мазанные временки.

Плюхнулся на живот в кустах малины. Вот они - рядом. Голоса слышу их лающие, пулемёт долбит. У, уроды! Держи, фашист, гранату! И ещё одну! Я - пацан не жадный! Автомат к груди, сгруппировался, чтобы после взрывов обрушиться на их позицию и поквитаться за тройку Малого.

Бум! Бах! Я вскочил, рванул. А тут...

Танк, подмяв кусты, ревя, пёр на меня. Тут я узнал, что почувствовал тот мужик из анекдота, когда сунул руку в нору за зайцем, а вылез медведь. Пытаясь резко сдать назад, при этом долю секунды до этого летя на форсаже вперёд, я пробуксовал на мягкой, раскисшей земле палисадника, плюхнулся на задницу, задёргал ногами. В груди родилась и стала разрастаться пустота - танк пёр на меня, а я ничего не мог сделать, даже убежать. Конечности стали цепенеть. Два шага, один.

Всё! Конец! Я в ужасе. Зажмурившись, упал на спину. Танк скрыл от

меня свет, наехал на меня и встал. Боли я не почувствовал. Осторожно убрал руки от лица - надо мной грязнящее днище танка, по бокам - катки и траки, сплошь облепленные грязью. Пошевелил ногами - шевелятся, не больно.

Живой! Живой! Пронесло! Ух, ё-моё, Бога - душу - мать! Громыхнул выстрел пушки, лязгнуло, танк качнулся, закашлял пулемёт, плюхнулась в смятый куст малины гильза, испуская вонь сгоревшей взрывчатки. Задохнуться боитесь? Пахнет плохо? А Малому хорошо было получить такой "гостинец" меж ушей?

Да я вас!

Ярость вскипела во мне, руки-ноги опять стали послушны, а в голове кристально чисто - план:

- А ларчик-то просто открывался!

Если гильзы выкидывают, то люки не задраены, а может и вовсе открыты. А значит, танк этот - не крепкий орешек неприступной крепости, а проходной двор вокзала. Выхватил из подсумка последнюю гранату, взвёл. Есть ещё одна - Ф-1 в кармашке под мышкой, в месте, не прикрытом бронёй (я и забыл - я в "доспехе", слава адреналину!), но это для меня, для самоликвидации. Пополз на лопатках на выход. Танк бухнул ещё раз, что-то зажужжало - башню, что ли поворачивает? Вот, показался свет. Продолжаю ползти. Только бы не поехал!

Выбрался. Надо мной курсовой пулемёт. Делать всё надо быстро, чтобы они ничего не поняли. Подтянул ноги, схватился за грязный трак, вскочил, ещё прыжок - я на броне! Башня повернута вбок, двустворчатый люк сбоку открыт.

- А, суки!

Ударил гранатой о башню и сунул её в люк, столкнувшись с удивлённым взглядом внутри танка. Я ему улыбнулся победно - я их сделал! - и спрыгнул вниз, гася скорость приземления привычно - перекатом через плечо.

Оказался на ногах, но сидя - ё! - немец в двух шагах, уже ружьё своё со штыком поднимает на меня. А у меня автомат неизвестно где, пистолет в застёгнутой кобуре, я на одном колене, вприсяди. Кирдык! Я опять внутренне помер - не успеваю. Но, как говорят самураи - не знаешь что сделать - вперёд! Успею, не успею - попытаюсь! Сзади грохнул глухой взрыв в танке, я рванул вперёд, потянулся за ножём за плечом...

Меня никогда не били кувалдой. А я ею часто бил (не людей, конечно). Но в этот момент мне в грудь прилетело так, будто кувалдой. Я почувствовал, что меня снесло с ног, опрокинув на спину. От боли в глазах

так сверкнуло, что я ослеп.

Он выстрелил. Успел. И попал. В меня. В грудь. Он убил меня!

Но, я пока ещё думаю, значит, живой! Пока. Дышать не могу! Пусть! Его я с собой заберу! Где он?

В глазах чуть прояснилось, сквозь красную занавесь я его увидел. Идёт на меня, винтовку вскинул - штыком бить будет? А вот хер ты угадал! Только бы не спугнуть!

В тот момент, когда он наносил удар, я вывернулся, выгнулся, фактически, встав на лопатки, и ударил его ногами в голову. Попал. Плохо, что в каску, но попал! Он упал, я на него, пополз по врагу, вминая в него, как мог сильно, кулаки, локти, выдавливая воздух. А что? Я не дышу - пусть и он не дышит! Добраться до его горла! Задушить, задавить! Удушю! Отомщу!

Он перехватил мои руки, не дав им сомкнуться на его горле. Сволочь! Я давил всеми оставшимися силами. Красная занавесь стала темнеть. Я уже ничего не видел. Здоровый лосяра! Никак не мог одолеть его! А каждая секунда - в его пользу. Я уже умер, но, двигаюсь, пока.

Ударил головой. Чёрт, каской по каске! Без толку!

Силы меня покидали. Я уже не мог его перебороть. Отомщу! Загрызу! Последние силы мобилизовал, рванул, вцепился, как я думал, в глотку, сжал челюсти, рванул. Рот чем-то наполнился, влажным. Визг резанул по ушам. Вытолкнул языком изо рта что-то, вцепился снова, опять сжал, рванул.

Его руки, удерживающие мои руки, ослабли. Дёрнул, вырвал, ударил, вцепился пальцами в мягкое горло. Как я ликовал! Самое желанное - вот! На последней секунде жизни вцепиться в горло своему убийце!

Но, мне не дали. Чья-то сила оторвала меня, отшвырнула. Я заревел зверем, выпуская последний воздух из лёгких.

- Живой ещё! Зверь! - донеслось, грохочущее, издалека.

- Дядь Вить, дыши! Дыши, дыши! Я броню уже снял! Дыши!

Кадет? Откуда Кадет? Я его в лесу оставил. Если я умер, а я его слышу - он тоже погиб? Как?

- Дыши!

Я попытаюсь! Вдохнул. Гля! Как больно-то!

- Дыши!

- Дышу. Кадет? Ты как здесь?

- Мы с Мельниковым к вам пробивались.

Над головой бухнула танковая пушка, загремел пулемёт. Я рванул - как же так? Я же убил их! Не добил?

- Дядь Вить, лежи! Это Алексей в танк залез.

- Какой Алексей?

- Мельник.

При разговоре Кадет меня постоянно дёргал, тормозил. Я злился на него, не понимая, что он снял с меня, как с луковицы, все слои одежды, теперь перевязывал. А зрение почему-то не возвращалось.

- Что-то я не вижу ничего. Когда мне глаза выбило?

- Ой, извини, Виктор Иванович, каска у тебя сползла, сейчас сниму.

Снял, стало видно силуэт Перунова.

- Что там немец?

- Живой. Наверное. Не шевелиться. Мельник его пинками избил, когда я вас оттаскивал.

- Свяжи. А то этот гад здоровущий, как лось. Еле свалил. Куда он мне попал?

- Прямо в сердце стрелял. Пустой рожок автомата и броня сдержали пулю. Где-то в груди застряла. Крови-то натекло!

- Кровь толчками выходит?

- Нет, просто льётся. И не пузыриться, значит, до лёгких не дошла. Я запомнил всё, чему учили. Мельник! Лёша! Кинь пакет!

Я опять закрыл глаза. Навалилась какая-то усталость и апатия. Мне было холодно и трясло. От холода, адреналина или потери крови?

- Ну, вот, всё! До медсанвзвода дотянет. Туда надо - пулю доставать и зашивать.

- Ага. А где он? Как там бой?

Словно в ответ на мои слова, пулемёт танка опять разразился серией коротких очередей, а в перерывах матов Мельника:

- Сидеть тихо, ...! Пока дядя Мельник не разрешал через дорогу бегать! Уть, ты какой! ... шустрый! Успел? Полежи! Стоять!

- Ты немца связал? Или добей!

- Ага, сейчас!

Миша кинулся к немцу, я, схватившись за грязное танковое колесо, пытался встать. Встал, влажные тряпки, которыми Кадет меня укрыв, сползли. Холодно! Терпи! Бой не кончился!

- Что там, Мельник?

- Не даю им дороги! А Степанов давит с той стороны. А "лешие" человек тридцать уже на поле положили. Как куропаток их бьют, в полёте. Всё! Кончились, что ли?

Пулемёт замолк, верхний люк откинулся, высунулся Мельник, сел на броню, ноги оставил в танке, долго всматривался вперёд. Весь вымазанный

в грязи, крови, ещё в чём-то.

- Наши! Наши! Кончились немцы! - радостно заелозил он по танку задницей.

- Ты ранен?

- Нет. А, это? Это - твоя работа. Тут, внутри, как на скотобойне. Чем ты их так? Гранатой? Люк был открыт? А я и гляжу, немцы - в фарш, а танк цел. Я вниз всё поспихивал. Его теперь отскребать замучаешься. Лучше сжечь. А жаль - танк почти целый. Нам бы танковая рота не помешала бы.

- Вот и займись этим. Там снизу люк должен быть, чтобы их смыть. А что с остальными? Где Шило?

- Тут его разведчики лезят. Мы же вместе тебя выручать бежали. Мы остались - они дальше пошли. А, вот и он. Долго жить будешь, Шило, только тебя вспоминали!

Семёнов, тоже в грязи с ног до головы, но довольный и возбуждённый, шёл через кусты по следу танка. Увидев меня, сразу посерьёзnel:

- Сильно ранен?

- Живой вроде. Кадет говорит - до сердца пуля не достала.

- А я вижу - барахтаешься на этом, - он пнул застонавшего немца, - жив, думаю, Медведь, дальше побёг. Там, за кустом - целая поленница из немцев. Это не мы. Твои, старшина?

Я пожал плечами:

- Из-за кустов пулемёт бил по Малому. Я туда - две гранаты, а оттуда - танк. Чуть не задавил меня. Хорошо я меж гусениц попал, а не под них. Что Малой?

- Живой. Две пули - одна в ноге, вторая, навывлет, в плечо. Лежит - встать не может - бревном его по каске ударило сильно, когда завалило. В тройке у него один - убит, а второй только оглох чуть - в бронетранспортёр лазил за патронами, там и нашли его без памяти.

Кадет накинул мне на плечи мою куртку, мокрую плащ-палатку.

- Там, в куче, - продолжил Шило, - один - офицер. Я в их погонах не очень разбираюсь, но похоже - капитан. Они, видимо, к атаке готовились под прикрытием танка, а тут...

- Медведь пришел и всю малину оборвал, - рассмеялся Мельник. Смеялись все, кроме меня - больно. Напряжение боя отступало.

- Надо к своим идти, доложить, - предложил Шило.

- Надо часового у танка выставить и дома прочесать, вдруг - недобитки какие? Танк захватят или в спину стрельнут, - внёс я своё предложение.

- Точно. Кадет, Мельник - сопроводите старшину до медиков, пленного - до особистов, остальное - на мне, - в голосе Шида почувствовались командирские нотки.

- Есть! - ответили бойцы моей тройки. Мельник поднял за воротник немца, пихнул его коленом под зад, погнал по улице. Я - за ним. Кадет взвалил на себя мой бронник, разгрузку, автомат, пыхтя, пристроился замыкающим. Я достал пистолет, с помощью Мельника - взвёл (левая рука полностью отнялась).

У встретившихся бойцов узнали, что ротный - в медсанбате, развернутом в здании школы.

- Ранен? Серьёзно?

- Легко. Царапина, но глубокая. Обещал - зашьют, перевяжут, снова поведёт нас, - ответил мне комвзвода-2. Приказал пока прочесать посёлок и занять оборону фронтом на запад по окраине.

А вот о бое у моста, слышимом нами, но не видимом за гребнем высоты, они знали не больше нашего. Потом нам встретились бойцы батальона дивизии, что наступала с востока. Они шли группками на звук боя, к мостам, во все глаза пялились на нас.

- Чего вылупились? - не выдержал я, - кто старший? Кто командует?

Наперерез нам пошёл один из них. С немецким автоматом, в прожжённой шинели с оторванной полрой. Оказался капитаном, комбатом. Именно он и руководил атакой. Поздоровались, взаимно представились. Он поблагодарил за помощь во взятии полустанка.

- Ты сам откуда, капитан? Кем до войны был?

- Тульский я. Как догадался, что из запаса?

- Вид у тебя и разговор не кадровый. Но, это не страшно. Раз жив до сих пор, значит - хорошо воюешь. Вы бы пока идете, повнимательнее по сторонам - может, прячутся ещё немцы.

- Не первый день воюем. Ещё под Ельней начинали.

- А что ж бойцы так скудно вооружены? Смотри сколько вокруг оружия и амуниции трофейной валяется. Подбирай, пока я добрый. Потом, как меня заштопают - всё сами загребём.

- Слушай, старшина, что это на вас за кирасы? Не видел таких. Их приняли на вооружение? Всем будут давать?

- Не думаю. Пока на вооружении только нашего батальона, - покачал головой я.

- А вы, капитан, - вмешался Мельник, - разговариваете с конструктором этого бронеконструкта "Доспех", старшиной Кузьминым Виктором Ивановичем, которому его изобретение сегодня спасло жизнь и

не пустило немецкую пулю к сердцу советского старшины.

- Ладно, Мельник, не заливай. А то сделаете из меня архангела Михаила. Ещё расскажешь как я один всю деревню штурмом взял.

- Всю - не всю, а взвод немцев уложил? Уложил. Танк в плен взял? Взял? И этого погрыз, - Мельник кивнул на своего подконвойного.

Капитан смотрел насмешливо.

- Не верь ему, капитан. Рад был знакомству. Меня заштопают - вместе воевать будем. Теперь не дрейфь - особый батальон НКВД через себя немца не пустит.

- А, вот почему у вас такое оснащение. НКВД! Ну, ладно, побегу своих догонять. Увидимся ещё.

- Увидимся.

Школа стояла без крыши, зияла провалами окон и дверей. Одни стены. Палатки медсанвзвода разворачивали с восточной стороны школы, под прикрытием её кирпичных стен. Раненных оказалось много. И наших, и дивизии. Нас встретил счастливый Степанов, с шеей замотанной бинтами. Обнял каждого. Оказалось, осколок чиркнул по броннику и вскрыл кожу на шее, как скальпелем. Рана не опасная, но крови натекло много.

- Спас меня твой доспех, Виктор. Если бы не он - осколок бы мне хребет перебил.

- Как и меня спас. В сердце этот урод мне выстрелил. Обезглавлена была бы рота в первом же бою. Кто команду принял?

- А я и не отдавал. Перебинтовали меня, до конца добегал. Сейчас вот на мосты людей поведу. Сам-то как?

- Каком кверху! Хреново мне. Два раза умереть успел. Сначала танком задавили, потом застрелили.

- Выжил, и, слава Богу! Потом поговорим. Побежал я!

- Беги, беги!

Раненных всё подносили и подносили. И сами подходили. Девчонки уже с ног сбились. Я присел на обломок стены школы, отхлебнул из фляги, передал Мельнику - тот тоже отхлебнул, но скупно. Крякнул, зажмурился, погонял коньяк по рту, проглотил. Зажмурился, как кот - довольный.

- Райский напиток. Только дитю не давай - крылья у него отрастут - улетит.

Кадет обиделся. Свалил мою амуницию у стены, пошёл помогать палатки ставить. Я хотел отругать Мельника, но отхлебнул ещё, закурил, откинулся на стену. Не открывая глаз, сказал:

- Немца сдай, найди старшину, поторопи. Надо наладить сбор

трофеев. Особенно меня интересует техника, топливо, пулемёты, автоматы, боеприпасы к ним и гранаты. И всё сделать срочно, пока не растащили. У нас пулемётов мало, а МГ - тяжёлая машинка, но убойная. И винтовочные патроны подходят.

Я так и уснул, сидя. Мельник накрыл меня, вытряхнул трубку, сунул мне в карман.

- Пошли, немчура поганная, чего вылупился? Я тебе за такого человека кишки сейчас на кулак намотаю, тварь. Это надо - Медведя из строя вывел. А если бы убил - я тебя бы бритвой, как балык, бы строгал, по миллиметру.

Он так и увел немца, ворча. Как будто немец понимал его угрозы.

Заштопаемся и дальше пыхтеть

.

Меня растолкали. Я с трудом открыл глаза и столкнулся с внимательным и тревожным девичьим взглядом.

- Товарищ старшина, пойдёте, вами займёмся.

Я потряс головой и чуть не упал при этом. Она меня удержала.

- Тяжёлых в медсанбат отправили?

- Да, уже всех обработали и отправили на грузовике сразу на станцию. Пойдёмте. Вас надо срочно оперировать - все бинты промокли.

- Как тебя зовут, красавица?

- Ксюша.

- Ксюша? Пойдём, Ксюша. Не надо, я сам. Нет, я нормальный. А ты знаешь, про тебя песня есть. Слушай:

Ксюша, Ксюша, Ксюша,

Юбочка из плюша, русая коса.

Ксюша, Ксюша, Ксюша,

Никого не слушай!

И не с кем сегодня не гуляй!

Пропел я ей хриплым голосом. Отхлебнул ещё из фляги. Мимо меня ехали наши "Мухоморы". Подошла артиллерия. Теперь мы дадим немцу прикурить!

Меня завели в палатку, уложили, включили лампу. Лицо в белой шапочке и маске склонилось надо мной. Бездонные карие глаза, чёрные брови.

- Как вы себя чувствуете? - спросил молодой женский голос. Хотел наглубить в ответ, но осёкся - был бы передо мной мужик - выматерился бы.

- Было бы хорошо - не встретились бы.

Холодный предмет прошёлся по груди, стяжка бинтов ослабла.

- Анестезию, - сказала врач сквозь маску.

- Побереги анестезию для тяжелых. Мне лучше дай флягу. Там, в боковом кармане брюк.

- У нас достаточно лекарств.

- Их никогда не бывает достаточно. Сегодня был только первый бой.

И он ещё не закончен. А дня через два-три нас окружают, и вообще о снабжении можно будет забыть. Сейчас меня пожалела, а послезавтра будешь ноги отпиливать на живую. Побереги.

- Как вас зовут?

- Меня не зовут, я не Снегурочка, я сам прихожу. Это шутка. Витя я.

- Шутишь? Значит, жить будешь. А фамилия?

- Из-под этой маски обращение по фамилии будет оскорблением. А помирать я передумал. Меня и так сегодня танком задавили, застрелили, но я не помер. А уж под такими прекрасными глазами умирать и вовсе стыдно.

- Ну, тогда терпи, Витя!

Я зажмурился. И началось! Она долго ковырялась у меня в груди. Сначала пулю вытащила - она о таз звякнула, потом что-то там ещё ковыряла, рану чистила, наверное. Потом шила. На живую. Сам просил. А я зубами скрипел. И боялся сознание потерять или заорать. Вот, наконец, свежий шов облили чем-то (судя по шипению - перекисью), стали бинтовать.

- Так вот ты какой, Медведь! Теперь я тебя узнала. Молодец, настоящий солдат!

- Ты знаешь меня?

- Все о тебе только и говорят, а вот вижу впервой. Ну ладно, мне пора!

- Постой, как твоё имя?

- Некогда мне, больной! И я тоже не Снегурочка, сама прихожу. И ухожу.

- Вот, чёрт!

Другая девчёночка заканчивала мне перевязку. Я сел - так ей было удобней.

- Больно? - сочувственно спросила она.

- Терпимо. Жаль, рука не слушается.

- Это отойдёт. Пока на перевязи поносишь. А через недельку отойдет. Через пару-тройку недель выпишешься.

Я рассмеялся:

- Дорогая, пока ноги ходят - их здесь не удержишь! Я только из госпиталя и обратно в палату - вот уж дудки! Не все ещё немцы кончились. Куда же ты столько намотала? Как я броню одену? Кадет?

- Здесь я! - отозвался голос с той стороны палатки.

- Всё, пошёл я. Благодарю за работу. И этой, Снегурочке, передай мою благодарность и привет!

- Так нельзя! Я буду жаловаться на вас.

- А вот это - всегда пожалуйста! В письменной форме. Устно они и слушать не станут.

Я вышел из палатки. Кадет подхватил меня.

- Не надо меня обнимать - не девушка. Обнимать надо тех красавиц, что внутри. Что-то я заблудился, где мои вещи?

Добрёл до стены, с помощью Миши, оделся. Хорошо, что все мои вещи расстёгивались полностью. Как бы я через голову одевал гимнастёрку? Кадет успел даже кровь застирать. Только всё мокрое было. Потерплю, не сахар, не растаю.

- Больно, дядь Вить?

- Больно, Миша. Даже не пробуй пулю ловить грудью. И чего ты меня дядькой кличешь? Племянничек выискался. Пошли Тараса искать.

- А чего его искать - вот он - в овраге расположился. Там безопаснее, говорит.

- Правильно говорит. Сколько раз вам говорить - самому сдохнуть - не велико умение. Врага надо заставить помирать - вот искусство.

- Сам-то помни об этом. Я только до Мельника добрался - гляжу - в атаку старшина пошёл. Один на весь мотоциклетный батальон. А нас - пулемётом от тебя отрезали. Пока "лешие" пулемёт подавили, пока нашли тебя. Чуть не опоздали.

- Так вы, опоздуны! Один - в доме окопался - выручай его, эти "чуть не опоздали". Ладно, Миш, не сердчай на старого, больного Медведя. Ворчун я просто. В том, что я ранен - один я и виноват. На рожон полез - вот и огрёб. А тебя пытаюсь предусмотрительности научить. А, Тарас! Сколько лет, сколько зим! Помоги спуститься в твою берлогу инвалиду штурма безымянного полустанка! Рассказывай! Это позже. Как там дела у Ё-комбата на мостах?

- А вот ротный и расскажет. Товарищ капитан, вы оттуда?

- Ага! Тарас, чайку бы. Да жевнуть чего. Где кухни потерял?

- Нигде не терял. Всё готово, хоть сейчас роту кормить можно. Они ещё на марше печи затопили.

- Погоди, Тарас, не тарахти. Что там?

- Огребли мы по самое не балуйся!

Оказалось, что неожиданной атакой на рассвете удалось застать немца у мостов врасплох, так же как и здесь. За несколько минут очистили от врага его окопы, захватили мост, но удержать не смогли. Попали под плотный огонь зениток, пулемётов и миномётов. А потом и немецкие танки подошли. Комбат решил, что это подошли основные силы немецкой танковой дивизии. Группы, перебежавшие мост, понесли наибольшие потери, оказались отрезанными плотным огнём на том берегу. Надо было их вытаскивать. Пока развернули захваченные пушки, отогнали танки, один при этом сожгли, подавили зенитки и пулемёты, эти группы постоянно находились под перекрёстным огнём. Когда огонь врага ослаб, бойцы поднялись на прорыв через мост. Дошли немногие. Хорошо хоть мосты сжечь успели, закидав их бутылками с горючей смесью.

- Наказал нас немец за наглость.

- Это да. Но, этой же наглостью мы малой кровью их батальон уничтожили и за реку их вышвырнули. Нормально.

- Жаль, что сапёры поздно подошли - не успели заложить взрывчатку для подрыва быков остальных секций железнодорожного моста. Его они быстро восстановят. К завтрашнему утру. А автомобильный мост сожгли дотла. Одни головешки из воды торчат.

- По берегу закрепились или отошли?

- Боевое охранение окопалось по берегу и заняло немецкие окопы, наш батальон и батальон Свиридова отошли в глубину метров на шестьсот. Окапываются. Мою роту комбат вывел в резерв и приказал готовить посёлок к круговой обороне.

- Понятно.

- О, молодец Кадет! Что-то я голодный! - ротный стал жадно есть из котелка, принесённого Кадетом.

- Пушки увели от моста? - спросил я его.

Санёк закивал головой, сморщился от боли в шее.

- Три годные, одна - нет, как оказалось, - сказал он с набитым ртом.

Я тоже стал есть. Молчали, только ложки стучали по котелкам. Когда всё поели, я закурил.

- А, знаешь, Александр Тимофеевич, это даже хорошо, что мост не взорвали, - сказал я, выпустив струю дыма.

Он сел резко, наклонился ко мне:

- Это как? Что ж хорошего?

- По пути сюда, немец форсировал множество рек и без мостов. И не такие, как эта. Один Днепр чего стоит. Под огнём форсировали. Отсутствие

моста их не остановит. Задержит - да, задержит. На сутки. Двое, если понтонные парки отстали. У них ведь хорошо развиты переправочные средства и большой навык в этом. Блин, как объяснить? Как объяснить, если сам едва понимаю. Ладно, давай прогнозируем, как говорила моя жена...

- Ты же не женат.

- Да? Надо же. Ладно, дело не в этом. Представь - мост мы взорвали. И немцу становиться не принципиально - где переправлять передовые ударные кулаки - здесь, выше течением или ниже. Разведку они переправят везде. Захватят плацдармы, нащупают дырку в нашей обороне. Через двое суток от сегодняшнего утра там переправляется батальон танков и полк мотопехоты. И идёт громить наши тылы. Мы сами уйдём и будем принимать бой с марша. Или нас уничтожат ударом с двух-трёх сторон здесь. Мост они потом спокойно и отстроят.

- Нерадостная картина.

- Точно. А теперь то, что есть. "Лешие" редкими, но меткими выстрелами не столько срывают ремонт моста, сколько его тормозят. Переправившаяся на плавсредствах пехота противника легко выбивает наше боевое охранение и захватывает плацдарм. Но, продвинуться мы им не дадим. Нельзя дать. Запереть их на пяточке плацдарма, но создать вид, что нам это очень трудно. Что они о нас знают, что увидели? До полка очень наглой пехоты, умеющей хорошо бегать. Из тяжёлого оружия - то, что у них захватили, ну и батарея ещё сверху, может быть. Для них это - плюнуть и растереть. Надо заманить их танки сюда, за мост. И устроить им сюрприз в виде полноценного противотанкового дивизиона и десятков противотанковых ружей. А, оборзевшая пехота с гранатами! То есть я и вы. Но - аккуратно. У них не должно возникнуть соблазна в ближайшие сутки искать другую переправу. Заманить их на наше поле боя и дать его на наших условиях.

- Но, потом они станут искать.

- Может быть. Сутки - ремонт моста, сутки - бой, с потерей пока неизвестного количества танков, ещё сутки - поиск переправы, сутки переправа. Мы - в двухкратном плюсе. И время выиграли и танки их пбили. А без танков они побеждать не умеют, поверь мне. Надо сейчас закрепляться. У нас сутки. Чем крепче в землю зароемся - тем дольше проживём.

- Надо эту мысль комбату донести.

- Донеси.

- А ты?

- Скажи, что сам придумал. Шел, шел, споткнулся, головой ударился и придумал. А мне не положено думать. Ты у нас капитан или я? Моя работа - под танки гранаты кидать. С автоматом бегать. Это моё. Иди же, Степанов, время идёт. Пострадай для общего блага. Пусть Ё-комбат пригласит немецкого генерала на наш ринг. А уж мы ринг будем готовить. Что рты пораскрывали? Лопайте быстрее! Нам надо много-много копать. И быстро. К утру тут должна быть "линия Сталина". Цигель, цигель, ай - люлю!

**Работа
кротового
суслика
(копать
,
бегать
и свистеть
)
.**

Во-от! Все роют, как кроты, а я не могу - я раненный (и пьяный). Хожу, командую, "рулю". Не зря. Отловил группу бойцов во главе со старшим сержантом. В руках - пилы, топоры. Оказалось - в лес, деревья на перекрытия валить.

- Не понял я тебя, старший сержант. Сержанту голова для чего дадена? Кашу в неё есть и каску таскать? Вон же ветка чугулки. Тебе готовые перекрытия и скрепление. Рельсами яму перекрой, шпалами перпендикулярно, костылями пришей - землянка или огневая точка готовы. Путь всё равно повредить надо, чтобы немец им долго не смог пользоваться. Понял? С тебя махра за науку.

Взялся помогать, так до конца. Пошли искать путевой инструмент. А у сарая путейцев - скучающий часовой.

- Кого караулишь, пехота?

- Пленных, мать их растак! И не сменяют. Все пообедали, а я всё стою.

- Открывай, нам инструмент нужен.

- Так он с другой стороны, со стороны пути. Здесь помещение для отогрева путейское.

Сержанта с бойцами послал за инструментом, сам остался.

- И много их там?

- Дюжины три.

- Ни фиги! Богатый улов. Ну, ты ещё покарауль, а я сейчас что-нибудь

придумаю. Мои ребята пашут, а эти "сверхчеловеки" прохлаждаются? Не пойдёт!

Заставить их работать на благо нашего батальона - идея соблазнительная, но их же охранять нужно. А охранники - копают. Отрывать их - тоже на тоже. Медсанбат!

Легкораненые сидели на кирпичах, курили, гутарили в ожидании транспорта. Угостил их куравом.

- Ну, что, сачки? Кончилась для вас война?

- И когда же она кончиться?!

- Есть желание ещё послужить на благо Родины?

- С удовольствием бы. Так не пустили врачи в строй.

- А в строй и не надо. Там пленные сидят, скучают, бедняги, от безделья. Их хотел заставить работать, так чтобы хребты затрещали, но боюсь - разбегутся. И в охрану им приставить некого - все позиции готовят. Вот, думаю - я копать не годный, прогнали меня ребята, а вот немца покараулить - в самый раз. Я его одной рукой пристрелю. Есть добровольцы помочь мне?

Нашлись. Отобрал дюжину ходячих.

- Вас хоть кормили?

Так и знал - не успели. Повёл к Тарасенко. Пока мой "комендантский взвод" питался, инструктировал старшину.

- Тарас, там ещё есть легкораненные. Наши и из дивизии. Голодные.

- Как я паёк спишу?

- Так не за просто так. Пусть трофеи собирают. А не ходячих, сидячих поставь на снаряжение лент пулемётных. Из немецких винтовок пусть патроны достают. Нашим пушкарям выдай трофейные пистолеты и автоматы вместо винтовок. Там сориентируйся по сколько на расчет, в зависимости от трофеев. И своей тыловой команде раздай пистолеты и автоматы. С ними удобнее, чем с винтарями. Если хватит автоматов - шоферам выдай. Пулемёты все - в роты. Винтовки пусть сдадут, а то побросают, где попало. Их, вместе с трофейными карабинами, сдашь заму по тылу батальона. Я с ним переговорю - в тыл отправит, на формирование частей. Эта мысль ясна?

- Шошь тут не ясного? И своих отправлю, как освободятся. Трофеи - дело серьёзное. Технику тоже брать?

- Конечно! Не вечно же на кобылах-то промышлять. Бензин, соляру, керосин, моторные масла - собрать. Вот, только вспомнил! Фляги у немцев неплохие, а у нас, у половины - стеклянные. Обменяй. Их горючей смесью наполним - танки жечь будем, всё больше пользы. Что-то ещё хотел сказать.

- Иди уж, Виктор Иванович, не дети малые, разберёмся. Тут и Школеров меня инструктировал, и ты, сейчас ещё Степанов подвалить, цэ-у давать будет. Вспомнишь - скажешь.

- Ну, давай!

Ребята поели, вооружили их трофейными пистолетами и автоматами, показал как это работает, повел к сараю с пленными. Там, произнеся "заклинание", положенное по уставу при снятии часового с караула, отправил его обедать, сам открыл широкую дверь. Первый, кого я увидел, был тот самый немец, что чуть меня не застрелил. Только теперь с перевязанным лицом (я, оказалось, ему пол-лица отгрыз). Он засучил ногами, отползая поглубже. Я усмехнулся. Боится - это хорошо. Передвинул автомат под руку, навел на немцев.

- Кто понимает русский?

Молчат. Блин, где Кадет? Покричал, докричался - бежит.

- Скажи им - надо работать, арбайтен, шнеллер. Кто не будет арбайтен, того пуф-пуф, расстреляем. Потом сварим и съедим. Переводи, переводи. Смотри, какие глаза у этого, недоеденного. Э, это не надо переводить. Спроси - они поняли? Тогда встать!

Немцы поднялись. Не все. Двое остались лежать.

- А эти что?

- Раненные.

- Нам такие не надобны.

Две короткие очереди моего автомата.

- Ещё им скажи - при малейшем нашем ими недовольстве - стреляем без предупреждения. Перевел? Ребята, слышали? Чуть что не понравиться - вали их и в пинки. Оказывают сопротивление или попытаются бежать - стреляй без раздумий - их в Европе пятьсот мильёнов, ублюдков этих.

Сначала погнал их к медэвакопункту. Там я видел большую воронку. Раздали немцам лома, кирки и лопаты - выкопали большую и длинную яму. Это будет братская могила нашим пацанам.

- Нет, ребят, гони их к чугунке. Хоронить своих сами будем. Пошли путь разбирать и шпалы доставать. Кадет, иди. Отдохни до вечера. Если что - скажешь, я разрешил. А с вечера и всю ночь опять копать будем. Давай, давай! Шнелер!

Подбегал Колька Школеров, старлей, зам по тылу нашего батальона. Протрещали с ним час, а может и больше. Хороший парень. Двадцать два всего, а старший лейтенант. Из студентов. Учитель. Успел даже повоевать два дня взводным. Потом ранение - госпиталь, звание старлея, медаль "За отвагу".

- Хорошо - погода плохая, - скаламбурил он напоследок. - А то бы сейчас покоя их самолёты не дали.

Окликнул Степанова. Шёл он грустный.

- Досталось?

- Ага.

- Рассказывай.

- Тебе как? Как было или литературно?

- Нет, человечески.

- Наполеонами херовыми нас назвал, - вздохнул ротный, - и полчаса меня распекал. Жизни учил. Что бы, значит, я тобой командовал, а не ты мной.

- Ты ему сказал, что это моя идея?

- Нет, конечно. Он сам допетрил. Спросил только ехидно о твоём самочувствии. Просил вперёд батьки в пекло не лезть.

- А, значит, он сам задумал то же самое! А теперь сомневается. Думает, что если мы допёрли, то и немец его задумку разгадает. Для этого и отвел твою роту. Пушки где позиции готовят?

- Наши - на этом склоне, трофейные - на том.

- А энпэ он где задумал ставить?

- На гребне.

- Ну, точно! На виду немца окапываются, а ночью отойдут. А глубоко копают?

- Да, нет. Как-то странно роют. Сразом везде. И окопы, и ходы сообщения. И по пояс не закопались.

- И не будут. Если я правильно понял Ё-комбата - это ложные позиции. А основные - ночью копать будут. Во, я же говорил - вторая рота обедать идёт. Спорим, два взвода из трёх здесь останутся?

- Да ну тебя, гадалка херова!

Ротный ушел, потирая повязку на шее. Опять начал моросить дождик. Слава Богу! Налётов не будет. Клонило в сон, ноги подкашивались. Сел на штабель свежевыкорчеванных шпал, положил автомат на колени, направив на работающих пленных. Закутался в куртку, нахохлился. Так и уснул, не заметив.

Разбудил меня майор-особист. Ух, и орал же он! Оказалось, что я - военный преступник (расстрелял лежащих пленных), много о себе возомнивший выскочка, недисциплинированный партизан и вообще редиска.

- Что же мне на них молиться, что ли?

- Это пленные. По конвенции...

- Не надо мне о конвенциях! Ты, майор, читал их, "сверхчеловеков", приказ о коммунистах, комиссарах и евреях? Я, да и ты, подлежим немедленному расстрелу на месте, а не пленению. А с чего я должен их жалеть? Пусть работают.

- Я слышал об этом приказе. Я, ладно, коммунист, а ты с чего?

- А у меня петлицы - не видишь - НКВД. Нас они тоже в плен не берут. Да я и не собирался сдаваться. Просто - они соблюдают конвенции?

- Их надо допросить.

- Допрашивай.

- Я их забираю.

- Нет. Они ещё работу не закончили. А у меня - нет людей их заменить.

- Тебя ждёт трибунал, сдай оружие!

- Не ты мне его давал! Здесь на рассвете танки пойдут. Ты их будешь останавливать? Или ты танки от меня спасти хочешь? Или немцев спешишь вывести? Не переживай - обратно из России они не вернуться.

- Ты арестован, старшина! Бойцы - взять его!

- Майор - посмотри туда. Видишь, у сарая снайпер. Ты в его прицеле. А вон - видишь, из оврага стволы трофейных пулемётов точат? Смотри - зенитка ствол опускает на твой грузовик. Не советую. Эти люди не хотят меня отдавать. Мы сами - НКВД! Понял? Мы - истребители! Мы - каратели! Мы - смертники и мы - ангелы смерти! Завтра - наш день! Не мешай! А немцев я тебе пришлю на рассвете, нам уже не до них будет.

- Это массовый саботаж! Я доложу вашему командованию!

- Доложи. Ё-комбат тебя пошлёт по весёлому, но не культурному адресу, а над ним начальник - Лаврентий Павлович Берия. Вот ему и пожалуйся. Он человек вежливый и культурный. Он матом ругаться не будет. Что не понял ещё, майор? Я же тебе сказал - мы - ангелы смерти, и ты нам не указ! Иди отсюда! Тут стреляют! Не мешай! Пришлешь взвод сапёров - отдам немцев.

- Ложи-ись! - истошный крик бросил всех на землю. В небе просвистело, взрыв бухнул с той стороны полотна.

Особист, кипя от бешенства, сунул наган обратно в кобуру, пошёл к машине.

- Старшина, мы с тобой ещё встретимся!

- Дай-то Бог, майор! Живи долго!

Я сел обратно у штабеля шпал. Смотрел, как полуторка с майором в кабине и двумя автоматчиками в кузове развернулась по широкой дуге, выехала на дорогу и поехала в тыл, к видневшейся на горизонте деревни -

там был штаб дивизии.

- Ты зачем это сделал? - крикнул рухнувший рядом Степанов, - отдал бы этих немцев, без них бы управились.

- А я всё думаю - и чего немец притих, не стреляет. Теперь на душе даже спокойней стало.

- Сюда мины не долетают. Только гаубицы добивают. А по площадям бить - расточительство. Нас с того берега не видно из-за высоты. А вот там, у моста - долбит постоянно. Ты мне зубы-то не заговаривай. Он теперь комбату кляuzu на тебя накатает. Тому выхода не останется - пойдёшь под трибунал.

- Саш, отстань. Дай поспать. Спать хочется, сил нет. Это, наверное, от потери крови.

- Спи. А ребята - молодцы! Не ожидал, что они так - особиста все на мушку взяли. Эх! Загребим мы все вместе на Колыму!

- Напугал ежа голым обстоятельством. Кто воевать-то будет, если вся рота - на Колыму? Дальше фронта не пошлют. Больше пули - не дадут. Из меня одну уже выковырнули - значит, я у смерти уже в должниках. Отстань, дай покомарить. Иди лучше места для дзотов подбери. Шпалы готовы, пора ямы копать. И танк бы сюда перетащить. Зарыть его по башню в землю - долговременная бронированная огневая точка с круговым обстрелом получится. Вот, отсюда, где мы сидим - линия огня почти на километр в любую сторону.

Обстрел был хоть и долгим - почти час, но редким и не прицельным. Снаряды ложились с большим разбросом то тут, то там. Погибших нет, четверо ранены. Вечером Степанов смеялся:

- Это немцы нам окапываться помогали. Воронку только углубить и шпалами накрыть - блиндаж готов.

- А раненные - побочный эффект? Типа мозолей на руках?

- Получается - так.

Как меня пронесло

.

А как стемнело, Ё-комбат приказал мне лично отвести пленных в штаб дивизии. Повёз. Взять с собой хотел только Мельника и Кадета, но пристроились попутчиками Школоров с тремя своими тыловиками и мешками. Их и поставили пленных вязать и охранять в дороге, вместе с Кадетом. Мельник, оказалось, разобрался с управлением трофейного здорового грузовика. В нём и поехали. Следом - полуторка с другой половиной пленных. По пути полуторку пропустили вперёд, чтобы случайно нас не обстреляли. Хотя Тарас и закрасил зелёной краской кресты

и нарисовал корявые красные звёзды везде, где смог, но в темноте кто их разглядит? Стрелять будут не по звёздам, а по силуэту.

Три раз нас останавливали, Школеров сидел с краю, он и суетился, я всю дорогу продремал.

Не доезжая штаба, нас встретили дивизионные разведчики и забрали пленных. Но я с них стряс расписку в получении "пленных в количестве 31 штуки в приемлемом состоянии". Издеваются, юмористы. Меня высадили у штаба, Школеров повёл колонну к дивизионным складам. Подошёл к часовому, представился, пропустил.

Штаб - это просто изба. Посреди комнаты - стол с картой, телефоны, лампа под потолком и на столе. Народу - не продохнуть. Все разом разговаривают, что-то кричат в трубки телефонов, суется. Я аккуратно, чтобы не задела раненую сторону, прошёл к столу. Сидящий у дверей сержант, сквозь дремоту, проводил меня до стола стволом автомата. За столом склонились полковник с двумя орденами и подвязанной рукой, подполковник с тремя орденами и два майора, одного я знал - особист, но он что-то кричал в трубку, не видя меня. Я доложил.

- А, - полковник с интересом смотрел на меня, - так это ты тот самый Кузьмин?

Я пожал плечами. Тот ли я самый?

- Ты вел дозор перед батальоном и бесшумно обезвредил пост на лесопилке?

- Я командовал отрядом разведки батальона и приданными вашими разведчиками. Ребята хорошо сработали, пост удалось обезвредить без шума. Особо отличились старший лейтенант Семёнов и лейтенант Алёшин.

- Так. Ты предотвратил прорыв немцев и уничтожил командную группу батальона? И захватил при этом неповреждённым танк?

- Вы прямо геройства какие-то рассказываете. Не так всё было. Группа Малого, то есть сержанта Чивилёва, захватила дом, уничтожив в нём отделение немцев и открыли из их пулемёта огонь, перекрыв улицу. Но и сами попали под обстрел. Я думал, там, за кустами, пулемёт, обошёл сбоку, кинул две гранаты. А оттуда - танк. Я не знал, что у них там планёрка была. Потом только ребята сказали, что там поленница из трупов.

- А как танк захватил?

- Я его не захватывал. Я его испугался и под ним спрятался. А потом им гранату в открытый люк сунул. Танк захватил сержант Мельников. И вел в нём бой, из его пушки и пулемёта расстреливал врага. Я в это время без сознания был - меня немец застрелил.

- Это как так?

- Вот, смотрите. Пулю сегодня вытащили. А немца этого боец Перунов в плен взял.

- Смотрите, какой скромный старшина. Он - ни при чём. Все вокруг - герои, а он один - мимо проходил. Ты и немцев пленных не расстреливал.

- Это сделал я. Они работать не могли. Кормить их не за что. Навоз. Пусть теперь их родня хоронит. Остальные после этого работали, как стахановцы.

- Хорошо поработали?

- Правильно мотивированные немцы... два пленных с лопатой заменяют экскаватор.

- Понятно. И оскорблял при подчинённых вышестоящего командира, с угрозами, тоже не ты?

Вот тут крыть нечем. Вся моя давешняя отвага и дерзость куда-то испарились, я опустил голову:

- Я. Я не хотел отдавать пленных, майор угрожал меня арестовать.

- И правильно бы сделал! Во что превратиться наша армия если каждый старшина будет делать не так как надо, а как ему захочется? Отдавать он не хотел! Нам нужны сведения о противнике - не хотел он! А я вот хотел тебя к ордену представить, а теперь хочу расстрелять, как саботажника!

- Очень нужен мне ваш орден! Не за ними я шёл на фронт! Себе оставьте! Мне лучшая награда - ребята живые и гора трупов врага. А завтра наградой будет - куча покорёженных сгоревших танков! А меня - расстреливайте! Немец недострелил - свои добьют! Ахренеть! Сведения! Да какие тут на хрен сведения - прёт на нас танковый корпус - вот и все сведения. Завтра мои ребята им танки повыбивают. Со мной или без меня - уже не важно! Я им бронники сделал, воевать научил, как врага убивать - показал, что он смертен и бояться может - показал, как унижить врага - показал! Теперь они немца не бояться. Они готовы! Я свой долг выполнил. Стреляйте!

Я почувствовал, что в глазах моих навернулись слёзы. Обидно!

- Старшина! Отставить истерики! Как барышня кисейная, сцены тут устраиваешь! Кем до войны был?

- Не знаю. Контуженный я. На фронт везли, на станции при бомбёжке контузило. Память и отбило. Как воевать - знаю, а о себе - ничего не помню.

- Контуженный, говоришь? Что ж, похоже. Ну, что будем делать с тобой, старшина?

Я пожал плечами, скривился - грудь прострелило болью:

- Как решите. Обвинения мною заслуженные, готов понести наказание. А отпустите в батальон - буду танки их жечь. И их убивать.

- Какой ты покладистый стал, - сказал особист, - а там что ж так нагло себя вёл?

- Сейчас дело касается меня лично, а там - всех. Себя не жаль, а пацанов - жаль. И мамок их.

- Пострадать за други своя? - хмыкнул подполковник, - а сначала махновцем казался. Анархист?

- Православный русский, - ответил я, - защитник Родины, людей и Веры.

- Ого! - полковник даже откинулся на стуле, - что-то я впервые подобное слышу. Не было такого на моей памяти. Так ты что, верующий?

Я вытащил из-под бинтов крест, показал, спрятал. Полковник нахмурился:

- В особом отдельном батальоне чекистов - верующий. Что-то я совсем перестал что-либо понимать.

- Жаль, комиссар наш в полк поехал. Ему было бы любопытно, - усмехнулся подполковник.

- Религия - опиум для народа, - пробубнил особист, - отсюда такое смирение к смерти, бесстрашие и жертвенность?

А особист - кручённый парень! Во, как глубоко смотрит.

- Так, то - религия. А у меня - Вера. Это разные штуки. Религия - для попов, Вера - для Бога и его части в человеке - души.

- Отставить религиозные проповеди! - стукнул кулаком по карте полковник.

- Так, что же решим? - спросил подполковник.

- Чёрт его знает! В этом старшине столько намешано! Вроде, и герой, а вроде и махновец. Расстрелять - рука не поднимается. Мне бы роту таких старшин - хер бы я от границы отступил, - полковник махнул рукой, отвернулся: - Силантьев, давай чаю!

- Майор, основное обвинение - твоё. Оскорбление вышестоящего, угроза вышестоящему. Тебе решать!

Майор сидел, уставившись в одну точку на столе, сцепив пальцы на руках, казалось, не слышал.

- Майор!

- И не станет не господ, ни рабов, не вышестоящих, ни нижестоящих, все равны перед Богом.

- Так, то перед Богом! А мы в армии, - усмехнулся полковник. Почему-то повторив моё "так,то...".

Майор как-то странно, отрешённо посмотрел на него, потом вздрогнул, тряхнул головой:

- Так, говоришь, старшина, богоугодное дело делаешь - врага изничтожаешь?

- Так точно! В тяжкий час надо отстоять людей и защитить их от бешенных собак, бесов-фашистов.

- Так. Бог велел тебе прощать?

- Велел.

- Простишь ли ты?

- Немцев? Когда над Рейхстагом красный флаг повиснет - прощу. А вы?

Майор долго смотрел на меня:

- Думаешь, повиснет?

- Знаю наверняка. По-другому - не бывать!

- Только на это и уповаем, - вздохнул подполковник, - и когда же?

- Победа просто так не даётся. Её заслужить надо. По бедам пройти, выстрадать её.

- Неужто мало настрадались?

Я пожал плечами, опять скривился от боли.

- Что-то вас занесло куда-то не туда, - сказал полковник, - вернитесь на грешную землю. Правильно, победу заслужить надо. Майор, оскорблён ты был прилюдно, прилюдное извинение тебя устроит? Ты, старшина, готов извиниться?

- Прошу простить меня, товарищ майор, я не хотел оскорбить вас, задеть ваши чувства. Слова и действия мои были продиктованы необходимостью того момента.

- Во как! И извинился, и правым себя считает! - подпрыгнул полковник, погрозил мне кулаком: - ну, Кузьмин! Ну, что майор?

- Служи, старшина. Извинения приняты. Но, прощен ты будешь, только если завтра перед мостами десять танков встанут навсегда!

- Хотел наградную на тебя писать, Кузьмин, а теперь не буду! Иди! Стой! Продиктуй начштабу, ему вот, фамилии, что ты давеча называл. На них твои геройства раскидаем. Что довольный такой? Награды Родины ценить надо! А ты - "себе оставьте"! Паршивец! Записали? Иди! И на глаза мне больше не попадайся!

Вот так как-то пронесло мимо трибунала. Машины меня уже ждали, ребята нервничали. Сел, поехали.

- Зачем вызывали? - спросил наконец Школеров, все елозил и елозил в нетерпении, пока посты не проехали.

- Просили назвать фамилии наиболее отличившихся бойцов. Мельник, тебя ждёт награда за захват танка.

- Так это же ты захватил его!

- Нет, Мельник, ты. Меня не расстреляли - и то награда. Извинениями обошлось. Добыли чего?

- Патроны, гранаты, бутылки с зажигательной смесью, два ящика снарядов для сорокопятаков и ящик - для зениток. Мешок трофейных винтовочных патронов.

- Что отдали?

Школеров притворно вздохнул:

- Все трофейные карабины, три автомата для интендантов и пять десятков винтовок наших, Мосинских. И ещё две машины хлама - ремни, кители, сапоги, ботинки, котелки, противогазы. Всё, кроме ботинок - трофейное. Сапоги немецкие ребятам раздали. Теперь даже батальон Свиридова в сапогах.

- В общем, всё барахло ты сбагрил.

- Не всё ещё. Ещё много лишнего - всю ночь возить. Расписок - полная планшетка. Одного боюсь - бросят всё это где-нибудь, а новые части вооружить нечем будет.

- От нас это уже не зависит. Что планируешь делать?

- Сейчас там должны ещё машины загрузить. Поеду сдавать и постараюсь ещё что-нибудь получить. Только теперь поеду на станцию. Там армейские склады, сейчас только узнал. Сегодня ночь будет последней для заготовки.

- Думаешь? Почему? Врят ли они нас за день отрежут.

- Отрезать - не отрежут, а простреливать будут уже прицельно. И где складировать всё? Всё не зароешь.

- Думаю, в лесопилке промежуточный склад нужно сделать. Лесом нас сложно обойти, а вот мы туда - отойдём. И лесами будем пробиваться, кто выживет.

- Точно. Твоего Тараса и озадачу - он у тебя самый оборотистый и основательный.

- Весь в меня!

Предрассветный мандраж.

Полустанок и посёлок были пусты. Все копали, под прикрытием темноты, основную линию обороны - в 150 - 200 м позади вырытой днём, уже демаскированной.

- Старшина! Оставь мне Мельникова. С этой дурмашиной он один управляется, а мне каждая погрузочная тонна - позарез. Утром отдам.

- А что мне за это будет?

- Бинокль. Трофейный, цейсовский. На, держи!

- Ты бы мне его и так отдал.

- Ты и Мельника бы так отдал. Ладно, поехали. Мельник, сдавай назад, к Тарасовой яме.

Откуда-то вылетел Кадет - прибежал на звук моторов, кинулся меня обнимать.

- Отставить, боец. Я тебе что, девушка, ты меня обнимаешь? Доложи по форме.

Доложил, что за время моего отсутствия происшествий не случилось, кроме атаки немцев, выбивших наши дозоры с берега.

- Человек пятьдесят наши положили. Пока они плыли на своих лодках, потом, пока на кручу берега лезли - гранатами их закидали. Снайпера удачно постреляли. Всех их пулемётчиков перебили.

- У немцев в отделении каждый солдат обязан владеть пулемётом. За пулемёт ставят лучших стрелков, но владеют все. Пулемётчики будут. Всё равно - хорошо. Лучших - выбили, завтра не так метко стрелять будут. А наши потери?

- Двоих убитых принесли. Сколько там оставили - не знаю. Шесть раненных отправили в школу, остальные, после перевязки, вернулись. Метрах в ста - ста пятидесяти закопались от немцев. Перестреливаются. Но, это уже смена. Наш взвод, третий, и рота этих, пехоты, из батальона Свиридова. У них в роте - меньше, чем у нас во взводе.

- Мы первые сутки воюем, а они? Сколько у нас будет к завтрашнему вечеру? Где комбат? Пойду, доложу о прибытии. Ты нам землянку приготовил?

- Ага. Ротный, правда, опять внаглую к нам заселился. Людей нагнал, расширили всё, амбразуры сделали. Говорит - энпэ его будет.

- Вот, паразит! Придётся новое укрытие делать. Метрах в двадцати от этого "НП", Миша, откопай щель, вот так расширь, чтобы сесть можно было, или лечь, ход сообщения с изломом пророй. Приду, шпал наносим, перекроем. Чую, засветит он наше убежище.

- Понял, пойду. Вещи пока в старой "берлоге" оставлю. Я тебе "доспех" поправил. Пушкари помогли - им не впервой бронещиты выправлять.

- Вот, спасибо, Миш. А, комдив тебя к награде представлять будет.

- За что? Я же ничего не сделал?

- Считай - авансом. Давай, давай! Шевелись! Ночь, хоть и длинная, но перед боем отдохнуть бы не помешало.

Комбата я нашёл на гребне высоты. Он сидел на штабеле шпал, смотрел в бинокль на прибрежную перестрелку. Доложил. Он кивнул, как будто ждал только такого исхода моей поездки.

- Смотри, Виктор Иванович, немец обычно ракетами всё засвечивает, даже когда боя нет. А сейчас - редко.

- Чтобы мы не видели? Так и они ни черта не видят.

- Это мои "лешие" их надоумили, - сказал подошедший Степанов. С ним остальные ротные, - как взлетает ракета - снайпера скидывают в реку кого-нибудь с моста. Саперов своих жалеют наверное, больше, чем десант на плацдарме. Ребята уже два раза, двумя и тремя тройками, к их окопам подползали. Команду "Атас!" они теперь крепко запомнят.

- Я видел. Потери есть?

- Один легко ранен. Перевяжется - вернётся в строй.

- Ты сильно не расслабляйся, они и сами могут нам "атас" устроить. Обойдут по берегу, вылезут где-нибудь.

- Боевое охранение расставлено. В три ночи - смена. В семь утра - ещё смена. Эти уже примут первый удар.

- Всё верно. План остаётся прежним, возвращайтесь в роты, усиливайте фортификационные работы. Людей не жалеть! Я понимаю, люди устали, но сейчас не тот случай, чтобы слабинку проявлять. От этой ночи зависит наша судьба. Как проведём эту ночь - так и следующую встретим. Кто проявит недостаточно выдержки - не доживёт. Надеюсь, все это осознали? Свободны. Так, старшина, погодь. Ты, я видел, поспал там, на насыпи. С спросонья даже майору нагрубил. На тебе - проверка несения караульной службы. Найдёшь, кто спит в дозоре - расстреливай на месте. Ты сможешь, я знаю. Я не хочу, чтобы нас взяли врасплох, как ты этих, на лесопилке. Задача ясна? Копать ты всё одно не можешь. Как рука?

- Врачиха говорит - отойдёт. Это от удара пули в броню - отбило что-то. Пальцами двигаю, но силы в руке нет. Как отсиженная нога - бесчувственная.

- Отсиженная нога потом сильно болит и колет. Может тебя в тыл отправить?

- Владимир Васильевич, наказать меня хочешь? За что? Я к этому бою, можно сказать, всю жизнь готовился, а вы...!

- Ладно, иди.

Задание я получил конкретное. Вернулся к Кадету, напялил с его помощью "доспех", проверил автомат, пистолет. Разгрузку одевать не стал, два рожка из неё запихнул в голенища сапог, гранату М24, с длинной ручкой - за пояс, пошёл. Воевать я не собирался - демаскировать себя и

позиции боевого охранения? Ползать я не мог - рука не слушалась, "оббежал" посты в позе "зю" в перерывах меж взлётов осветительных ракет. Никто не спал, конечно - бой идёт под носом. На это я и не рассчитывал, только выяснил расположение постов. Каждого предупредил, что именно я отвечаю за "бдительность" и спящих буду стрелять, даже не разбудив.

Перебегая к следующему посту, меня тихо окликнули:

- Стой, стреляю!

- Стою, не стреляй, - но сам упал, на всякий случай откатился.

- Это кто такой ловкий? Всё одно ты у нас на прицеле.

- Медведь.

- Продолжи: "Хорошо живет на свете..."

- Вيني Пух. Оттого поёт он песни вслух.

- Правда, Медведь! Подходи, старшина, "лешие" мы. А говорили - тебя в сердце застрелили.

- Застрелили. А я живой. Как меня убить? Ведь:

В голове моей опилки - это - да!

Но, скажу вам честно - не беда!

Да, да, да!

Ведь кричалки и вопилки,

А также сопелки, ворчалки и другие хорошие песенки

Сочиняю я неплохо

Иногда, да!

- Точно, Медведь! - раздались тихие смешки, но откуда, я не видел: - Рады, что ты жив.

- Я тоже рад. И что так хорошо маскируетесь - рад, но на будущее - запомните - надо говорить: "Превед, Медвед!"

- Мы запомним, - после очередных смешков ответила мне темнота.

- А что вы здесь?

- Точка сбора у нас тут. Остальных дожидаемся. Комбат приказал отдыхать до семи утра.

- А я - дозоры проверяю. Ну, бывайте, парни! У вас без потерь? Хорошо. Алёшину - привет!

- Передадим.

Я побежал дальше. Дозоры проведаль, пошёл "гулять" по позициям. В призрачном свете осветительных ракет, склон высоты походил на развороченный муравейник. Бойцы сустились, копошились, поблёскивали каски, лопаты, металлические части оружия и амуниции. Большой отблеск привлёк моё внимание и любопытство, явно сорочье, притянуло мои ноги к

огневой артиллеристов.

- Ай, молодцы! - Сказал я, встав на отвал огневой, - сразу видно - передовики! Отличники боевой и политической!

- Ну, - ответил, распрямившись коренастый, судя по густому, надтреснутому голосу, немолодой, боец, - и что?

- Орудие прямо блестит! И видно его издалека! Боюсь, что видно не только мне, но и немцу. С того берега.

- А мы врага не боимся.

- Похвально. Только миномёту всё едино - не боишься ты его или штаны намочил. Разрыв мины посреди вашего орудийного дворика всех вас, чистюль, смешает с вашим же навозом. Да и хрен с ним, но без вашей пушки танки бить тяжело будет. Поэтому придётся вам, стахановцы, орудие с той стороны грязью вымазать.

- Не будем мы орудие пачкать. Его в чистоте содержать надобно.

- Верно, брат. Оружие - оно чистоту любит, - я прыгнул вниз, сел на корточки, прикурил, потом пересел на сошку пушки, закрывшись орудийным щитом от наблюдения с того берега. Продолжил:

- Но любит оно чистоту больше изнутри. А вот с грязью снаружи как-нибудь стерпится. Ведь, война сейчас какая пошла - кто позже обнаружил себя - тот и победил. Это во времена Наполеона и Кутузова дальноточность и, особенно, меткость, были такие, что о маскировке никто и не думал. Наоборот, все разряжались павлинами, пушки бронзой на солнце слепили. Для внушения врагу страха - смотри, какие мы примерные солдаты - пушки блестят, служим давно, стреляем быстро. А сейчас... Вот сейчас снайперов наших встретил. Они мне рассказали. До немцев от них - полтора километра. Группа немцев прикуривает от одной спички. Первого - снайпер засекает, наводит винтовку, второй - отметил дистанцию, вводит поправку на расстояние и ветер, третий прикуривает - получил пулю в лоб. Полтора километра. Винтовка. От вас - два километра. Завтра на рассвете немецкий наблюдатель засечёт блеск вашего образцового орудия, позвонит на гаубичную батарею. После пары пристрелочных выстрелов, вместо вашей позиции будет большая-большая воронка от залпа всей батареи. Сейчас война такая - спрячься, дожись удобного момента, ударь наверняка, смени позицию, спрячься. Тот, кто так воюет - всю Европу завоевал. Остальные червей кормят.

- Это подло, - сказал молодой голос из глубины.

- А без толку погибнуть - глупо. Отомсти за подлость - сожги завтра их прямо в их железных тракторах. Вымажи орудие снаружи грязью, ветками, соломой укрой позицию, подпусти метров на двести и влупи ему

бронейбойный под шкуру. К этому времени тут такая свистопляска с фейерверком будет, что вспышку вашего выстрела не сразу и заметишь. А до выстрела - дожить надо. И после - выжить. Немцев, там, за мостом, много, а нас - мало. А пропустить их нельзя. Позади нас - женщины, дети, старики. К ним пустить врага - вот подлость. Так что, прячьтесь "боги огня" в землю. Чем позже они вашу позицию найдут - тем больше вы их побьёте. Это мой вам совет.

Я встал, оттряхнул штаны.

- А это мой вам приказ! - раздался громкий голос Ё-комбата над головой, - я тоже на ... блеск пришёл! У вас что, ..., клуб ... самоубийц, гля! Где ваш комбат, мать его растак!? Я ему ... сейчас ... .! ... сыну! Сказал же, ... замаскировать ... орудия... ! Долбо... ! Сам лично постреляю, к .... матери! Герои ... ! Вся Белоруссия костями таких .... героев усыпана, на ...! Нет, мало... ! И здесь ... надо всё, к .... костями застелить, долбоё...! Но, я, ... буду, но не позволю! Их, ..., кости пусть тут белеют!

Я хотел смыться, он меня поймал за рукав:

- Что ты этим му... сказки рассказываешь? Уговариваешь их, на ... , выжить, ...! В хлебало бей сразу, долбо...! Раз сами Родину защитит не хотят! Или пристрели, к е...! Раз жизнь не дорога! Сказки им сказывает, придуркам! Маскировать орудие, чтобы даже я не нашёл! И две запасные позиции! Снарядные ниши и защитные щели шпалами перекрыть! Я, ..., проверю! Кишки через рот достану, если не сделаете! Немца доблестью не напугать! Не боится он! Он смерти только боится! Хватит воевать, как попало! Навоевались, ...! Полсоюза отдали, "отличники боевой и политической"! Немец людей живьем в коровниках жгёт, а мы всё честно воюем! "Подло!" Полстраны нелюдям этим отдать - вот что подло! Через час приду - проверю!

Он толкнул меня:

- С глаз моих пропади, сказочник! Поэт-композитор! Только песенки петь, больше и толка нет! Брысь!

Брысь, так брысь. Хоть я и не кошка, а свалил с кошачьей скоростью. Комбат орал, как пожарная сирена. Слышали не только расчёт этого орудия, слышал, наверное, весь батальон, а может и немцы - мины стали кидать наобум. Толи нас пугали, толи сами рёва Ё-комбата испугались.

Я вернулся на позиции роты, вместе с Кадетом ворочали шпалы, которые развозили на машине. Зачем руками таскать? Трофейной техники у нас было больше, чем водителей. Сам сел за руль "Опеля" (в том мире я как раз закончил курсы и получил права), потыркался, помыркался, да и поехал, выбив лобовое стекло - фары не включал, а без стекла хоть что-то

видно. Кадет бегал впереди, смотрел дорогу, чтобы я в яму или окоп не свалился. Потом мы только возили (я рулил, Кадет бегал) - ротный Степанов бойцов выделил, в качестве грузчиков. После шпал возили солому, сено, нарубленные ветки деревьев, развозили ящики с боеприпасами по позициям - Школеров забрал вообще всех шоферов. Потом я уронил машину в воронку, приболело ударившись раненой грудью о баранку руля. Вытащить машину не смогли, хорошо пустые ехали. Слили топливо в канистру и бросили машину. Хотели сжечь, но отложили на утро - может получится вытянуть?

Из-за удара о руль рана так разболелась, что плюнул на всё, пошёл к медикам. Там на меня долго ругались - швы разошлись. Зашили опять (на трезвую голову гораздо больнее), залили всё перекисью, засыпали стрептоцидом (наверное, он - желто-зелёный), забинтовали обратно, запретили возвращаться в строй, пообещали ближайшим эвакуационным транспортом вывезти в тыл. Ага, щас! Они, транспорты, под утро, самое раннее, вернуться, Я проспал до четырёх утра и сбежал проверять дозоры.

Спящими оказались только двое. Расстреливать не стал, но пропинал от души, доложил об этих уродах их ротному (хорошо они не из нашей роты оказались, сам сгорел бы от стыда).

Перестрелка на берегу почти совсем стихла. За всё время моего обхода не бухнула ни одна граната. Оказалось, комбат отвел наших на первую линию окопов, это немцы одни постреливали. Теперь между нами и немцами - только боевое охранение, а они спят, уроды.

Под утро нас ждал сюрприз - трактор приволок короткоствольную гаубицу. Расчёт развернул её прямо напротив моста, на высоте, окапываться не стали. Забили сошники, разгрузили снаряды, повалились спать кто - где. Чудные ребята. На что надеются? Жить не хотят?

Похолодало. Я замерз, как на морском дне. Вернулся на свою позицию. Кадет спал, как котёнок, свернулся калачиком на шинели, постеленной на земляной уступ в укрытии. Накрыл его ещё одной шинелью. Пусть поспит. А сам пошёл к Тарасовой яме - здесь у нас тыл.

Повара уже не спали, сустились у полевых кухонь под растянутыми от обрыва оврага до обрыва маскировочными сетями. Тут же они сделали укрытия - подкопав стены оврага, укрепили всё шпалами. Колодец выкопали на месте, откуда бил родник.

- Неплохо поработали, ребята.

- Угу, - ответил пожилой, в принципе, мужик в белом переднике и смешном белом колпаке со странным отчеством Оскальдович, - По краям оврага ещё и окопы вырыли - тоже воевать будем. Как всех покорим, так в

окопы и полезем. Что, Виктор Иванович, проголодался?

- И замёрз. Горячего чая бы выпил. А лучше - кофе. Где бы его только взять?

- Чудны дела твои, Господи! Главный старшина по трофеям и не знает, что у него в хозяйстве творится. Что, Тарас тебе не доложил? У нас же и кофе есть, и какао, и шоколад. Скрыть хотел?

- Не думаю. Не тот человек наш хохол, чтобы от меня скрывать, тем более такую ерунду. Вот ром - наверняка скроет, а в кофе он толка не понимает. Давай кофе! Тысячу лет не пил. А привык к нему, как к куреву. Бывало, кофейку хлебнёшь, закуришь, хорошо! После контузии ещё ни разу кофе не пил. А термос есть? Навари ещё. Полный термос. Помирать, так с кофе и песней. А, шоколад! Шоколад - только раненым. Он помогает, при потере крови. Понятно? Давай сюда две, нет, три плитки. У меня большая кровопотеря, а ещё дитё на шее. Что смотришь?

- Кадет, что ли?

- Ну, а кто? Ты не смотри, что он боец настоящий - ребёнок он ещё, растёт. А растущий организм, что раненный - сладкого требует. Ух, блин, блаженство! Ты откуда умеешь так кофе варить?

- Я поваром в ресторане работал.

- Что ушёл?

- Не я ушёл. Меня ушли. Воровать не давал.

- А так бывает?

- Да, все воруют.

- Это я знаю. Как ты мешал-то?

- Сообщил - кому следует. А они ресторан закрыли. Столовую сделали - блюда стали, что помои, но продуктов уходило, как на мои. Я устроился поваром в столовую при райуправлении. А тут - война. На, вот, Иваныч, пожуй. Опять будешь носиться, как конь ошпаренный. Вчера утром только и ел. Неужели до сих пор есть не хотел?

- Хотел. Всё как-то некогда. То - то, то - это. Думаю, забегу по пути, закружился - забыл.

- Да, не дай Бог так жить, что пожрать не то, что нечего, а некогда. Ты жуй, жуй. С собой положить?

- Давай. Вместо гранат положу вот в эти карманы. Так, сюда - печенья.

- Галеты трофейные.

- Ага. А в банках что?

- Это - тушёнка, это - молоко сгущённое.

- Класс! Сгущёнку я люблю. А Тарас где? Спит?

- Задание командования выполняет. Жуткой срочности и секретности.

- А, я вспомнил. Ты вот, что. Запомни - если всё не совсем удачно сложится - уходите на лесопилку. Знаешь где это?

- Проходили мы её.

- И тыловые службы все оповести. Там последний рубеж будет. Она же - точка сбора.

- Ну, Бог даст, всё обойдётся.

- Да, надеюсь. Но, твердо знаю - на Бога надейся, а сам всё делай, не жди никого.

- Это точно. Держи, Виктор Иванович. Термос, шоколад. Вот ещё сыра чуток я припрятал. А во фляжке твоей знаменитой что? Давай, коньяком и долью. Как не говори, а всеми этими богатыми трофеями тебе и обязаны.

- Спасибо. А на завтрак что будет?

- Гречка с мясом. Много мяса. Попролам почти. Получилось мясо с гречкой. Комбат приказал завтраком так накормить, чтобы до вечера о еде не вспомнили. А тут коров набило на нашем пути.

- Набило или набили?

- А какая разница? Раз бесхозные. Немцу оставлять жаль. Пусть ребята лучше поедят вдоволь. Посиди, покури, немного осталось. Вот, кофе подолью.

- Слушай, Антип. Имя у тебя - наше. И фамилия. А отчество такое откуда унаследовал?

- От бабки отца. Она род вела толи от шведов, толи от прибалтов. Из скандинавов, в общем.

- Так ты у нас горячий финский парень! Ох и велика Родина наша! И какая только кровь в русской не смешалась!

- Теперь вот немецкая добавиться.

- Не добавиться. В нас она всегда была. Мы же с полабскими славянами, пруссаками и прочими германцами раньше одним народом были. Ариями.

- Что ж воюем теперь?

- Самая злая драка меж братьями. Что в Гражданскую воевали? Вообще один народ по сердцу и уму раскололся. Брат брата убивал.

- Это - да! - сказал Антип Оскальдович и отошел к кухне.

Я курил на лавке за столом из свежих, ещё сырых досок, откинувшись на холодную стену оврага, закрыв глаза, наслаждаясь последними тихими минутами. Вдыхал аромат мясной, кофе, курил.

Хотелось, чтобы тишина этим утром не кончалась. Но, уже начало сереть на востоке. Глянул на часы - скоро семь. Ещё час - и начнётся!

Будь ты проклята, война!

- О! А Хозяин Леса уже здесь! Не спиться? - откуда-то сверху, чуть мне не на голову прыгнул Санёк Степанов.

- Кто рано встаёт - тому повар и подаёт.

- Чтой-то ты не весёлый? - ротный плюхнулся на лавку рядом, понюхал мою кружку, отхлебнул, - Здорово живёшь!

- Тихо-то как, Саш, чуешь? Как хочется, чтобы эта тишина осталась. Так хочу, чтобы провалились все эти "арийцы", мать их, сквозь землю! Вместе со всеми своими гавнюками - Гитлерами, Гудерианами, Геббельсами и Гимлерами. Высшая раса, тля! Гордое звание ария проклянут теперь на века.

- Это что за арийцы? А, вспомнил. Немцы себя так называли.

- Нет. Это они одно из старых имен нашего народа присвоили. Арий - пахарь переводится. Поэтому плуг - арало, пахать землю - арать.

- О, как! Получается - мы арийцы?

- Все белые люди - арийцы. Как отсюда стали расселяться, так и живут везде. Даже на севере Индии и в Иране, не говоря уже о Европах.

- Слушай, откуда ты это всё знаешь?

- Так, рассказывал один задорный мужик. Балаболить он мастак. Ему профессора, по-секрету, поведали, а он всем растрепал.

- Провалиться они не провалятся, а вот на два метра их в землю загнать мы с тобой обязаны. Наша, первая рота, встретит немца во вчерашних окопах. Комбат приказал держаться до тех пор, пока не начнут с землёй перемешивать. Тогда - отойдём. Третья рота будет окопы рыть по этому склону.

- Разумно. Нас ставит потому, что в нас больше всего уверен?

- Говорит, у нас рота наиболее спаяна и слажена. Тут главный фокус не в том, как удержать первую линию окопов, а отойти так, чтобы они продолжали думать, что мы там ещё сидим.

- Ловко. Я и сам так же думал. Но... "Гладко было на бумаге...". А ладно, живы будем - не помрём, а поживём - увидим!

- Как рука? Сможешь воевать?

Я с удивлением посмотрел на свою левую руку, лежащую на коленях, сжал, разжал пальцы.

- Слушается. Не болит. Совсем её не чувствую, будто нет её, но не болит и слушается.

Взял левой рукой кружку.

- Не чувствую кружки. А, хрен с ним! Стрелять могу и ладно!

Завтрак

при Ла-Рошели

.

Первое, что я сделал, когда занял свой окоп - вымазал каску глиной, потом землёй натёр, шелуху соломенную втёр. Каска стала тяжелее. И что чехол не догадался сшить, дурья башка? Хотя из сетки бы что сварганил. Для "леших" - сделал, а себе - нет.

В окопе мы расположились впятером - я, Кадет и тройка бойцов с ДП. Сразу занялись благоустройством окопа, углубляли, ниши прорезали, ход сообщения в тыл оправили и углубили. Слева от нас и чуть позади, была огневая позиция трофейной противотанковой пушечки. Справа - окоп опраивали тройка с длинным, как удочка ружьём ПТР. У двоих из них брезентовые патронташи пересекали грудь. Хотя и их и заказал, можно сказать, разработал, но снаряжёнными видел впервые. За основы были взяты охотничьи патронташи и переделаны под размер. Теперь бойцы выглядели, для меня, забавно - походили толи на матросов штурма Зимнего, с их пулемётными летами на груди, толи на охотников на динозавров - патрон ПТР больше напоминал небольшой снаряд.

К ним от нас был "намечен" ход сообщения, то есть выкопан на штык, в самых глубоких местах - по колено. Хотел углубить - два раза копнул, бросил - грудь больно. Стёпа Озеров - старший в тройке, заметил мои затруднения:

- Матушкин, замени старшину. Углуби ход к ПТР-расчёту. А то старшине некогда.

Я ему кивнул в благодарность. Кадет стал углублять ход на огневую, к орудию.

- Стёп, что-то как не присматриваюсь - не узнаю этот расчёт "прощай-родины".

- Это не наши. Комдив поделился. Ротный говорил. У них пушкари переплыли реку, а пушки - нет. А у нас - наоборот - пушек больше, чем пушкарей. Вот, в качестве наказания, первыми танки и встретят.

- Мы тоже наказаны?

Степан гоготнул:

- Нам оказана честь встретить врага. То, что нам в радость - для них каторга.

- Бывает. Вот тебе и пример субъективности восприятия.

- Что?

- А, не парься! Пойду соседей проведу, пока немец спит.
- Зарычали моторы за мостом.
- Пока они пожрут, какава выпьют, кусты обминируют. Время есть. Пушкари встретили меня неприветливо.
- Здорово, братцы!
- Здоровее видали и то не боялись.
- Это хорошо. Танков бы ещё не боялись.
- Чего их бояться? Мы со старшиной уже три их сожгли.
- Вообще герои! А что ж не весёлые такие?
- Чему радоваться? Мало того, что пукалка эта без панорамы, так ещё и баллистика неизвестна.
- Зачем тебе баллистика без панорамы? - удивился я, - через ствол наводить будите? Какая ж тут баллистика?
- А ты, как тебя, старшина? Уже воевал?
- Ага, авчёрась. Вот, гостинец от немца схлопотал в грудь. Болит теперь. Ребята освободили от работ из-за этого. Они у нас душевные, как и все в НКВД.
- Что-то мы не замечали душевных чекистов.
- Не любишь чекистов? Это ты просто не умеешь их готовить. Ну, вот, расцвели. А то носы повесили. Вас хоть кормили?
- Это - да. Накормили до отвала.
- Я же говорю - душевные ребята - чекисты. Даже накормили до отвала. А с собой положили? Ну, просто душики! Ещё один секрет расскажу - чекисты назад от врага не бегут и в плен не сдаются. Немец тоже чекистов не любит, в плен не берёт.
- Что это так?
- Вредные они в плену. Дурачками прикидываются, разговаривать, работать не хотят, людей на побег баламутят. Вот немец и перестал энкэведешников в плен брать. На месте расстреливают. Так, что ребят, штаны держи сухими - фланги мы вам не обнажим.
- Снарядов бы ещё по более.
- Это можно. Как первого же немца поймает, мы ему требование-накладную на имя Гитлера выпишем и отправим - пущай берёт нас на довольствие, бронебойными снарядами хотя бы.
- Ребята рассмеялись:
- Ловко - встать Гитлеру на довольствие - пущай снабжает!
- А если серьёзно, братья-славяне, то план такой: подпускать танки ближе и сажать ему под хвост!
- Так и есть. Командир взвода сказал не стрелять, пока вон те вешки

не проедет, видишь?

- Вижу. Сколько это? Метров триста?

- Точно так и есть. Триста.

- А как снаряды расстреляете?

- Сказал отходить в посёлок.

- А что ж ход сообщения не углубляете? Под пулями отступать будите?

- Верно. Подъём ребят, перекур окончен! А ты, старшина, не переживай. Мы хоть и не чекисты, но спин наших враг тоже не видел. Ты главное пехоту от танков отрежь. А уж этим мы колёса-то поотшибаем.

- Почему колёса?

- Увидишь. Это приём такой противотанковый. Увидишь. Нас самих комбат первый научил, пусть земля ему будет пухом.

- Первый? А сейчас какой?

- Никакого. На шестом счёт кончился. Вместе с батареей. Взводный один остался на всех, да и тот воентехник, а не артиллерист. Трактора и машины ремонтировал, до переправы. А сейчас ни пушек, ни тракторов. Вон, последняя гаубица и последний трактор наверху стоят. С последними зарядами. Это будет их прощальный гастроль.

- Ладно, не скучайте, - простился я и пополз по ходу сообщения обратно в свой окоп.

А там меня ждал Мельник с улыбкой шесть на восемь.

- Лимона съешь.

- Зачем? А есть?

- Морда больно довольная. Что привезли?

- Много чего. Мины, снаряды, гранаты, консервы и крупу. И вот это, - он указал на ящик.

- Это что?

- Ампулы для ампу..., тьфу, не выговоришь. В общем, оружия какого-то нового. Но самого его не было. А эти шары со смесью, что сама загорается, если разбить.

- И ты притащил это сюда? Сейчас же копай для этой хренатени укрытие. И подальше, но так, чтобы взять смогли. Блин, случайно одна разобьётся - сгорим живьём.

Мельник чесал голову под шлемом.

- Тогда я тут, в щели отвод сделаю, там и прикопаю.

- Действуй. Ты хоть поспал?

- Да. Пока стоял, ждал, потом под погрузкой спал. Нормально.

- Товарищ старшина, смотрите, - позвал меня Озеров.

Я поднёс бинокль к глазам. Оглядел позиции немцев, мост и тот берег:

- Зашевелились. Мельник! Живее убирай эту бомбу отсюда! Сейчас обстрел начнётся. Хорошо, что погода не лётная. Хоть бомбёжки не будет. Ребята, закапывайся глубже, копаем быстрее! Время!

Заревели моторы на той стороне реки, забухали залпы за леском, в воздухе - свист, и тут же - бух, бах, бабах! Кусты земли встали там, где вчера окапывалось наше боевое охранение. Земля стала вздрагивать от каждого разрыва, как живая, будто ей больно. Пыль и дым стали подниматься клубами, взметаемые взрывами.

Страшно. Мне было страшно. И противно от этого. Может вот в эту секунду немец засунул в свою гаубицу поросёнка снаряда и он уже летит мне на голову? А я ничего и поделать не могу. Только в землю вжаться. Все так и сделали, копать перестали.

- На вчерашние позиции ложит, - прокричал Озеров.

Я выглянул. Всё ещё утюжил вчерашние окопчики, уже покинутые. Собрал волю в кулак:

- Кадет! Ты где?

- Тут я.

- Голодный?

- Нет. А что?

- Думаю перекусить можно. При обстреле пожевать - первое средство. Ты любишь сгущёнку?

Я пробил ножом две дырки в крышке банки.

- Держи. Пить надо так. Вот ещё шоколада пожуй. Нос не вороти - для тебя спецом брал. Что, Мельник, на запах пришёл?

- Тоскливо одному там сидеть.

- На и тебе шоколада. Он мозг хорошо питает, зрение обостряет. А нам сегодня твой острый глаз понадобится. Жуй, жуй. Позицию оборудовал?

- Как на полигоне. Даже крышкой ящика накрыл, землёй присыпал, соломкой - для маскировки. Может снять глушитель?

- Снимай. Тут такая трескотня будет, что твои выстрелы затеряются. Тушёнку будешь?

- Ага. А у меня хлеб есть свежий. Вот. Ещё тёплый.

- Молочка бы.

- Да, неплохо.

Кадет чему-то усмехнулся:

- И бутылочку бургундского. Мы как те мушкетёры при Ла-Рошели. Там они тоже пикник устроили при штурме.

- Правда, похоже, - кивнул я.

- Это вы о чём? - не понял Мельник.

- Это мы о книге. Француз один написал. Про Д,Артаньяна и трех его друзей. Не забивай головы.

- Да куда нам, сирым и убогим, - Мельник отвернулся, но продолжал размазывать тушёнку по хлебу.

- Ты жуй в темпе, сейчас сюда огонь перенесут - весь твой бутерброд землёй засыпят.

Сам я быстро накидал ножом в рот куски мяса из банки, зажевал хлебом, запил коньяком, а шоколадом, получилось закусил. Предложил флягу Мельнику. Он завистливым взглядом буравил-буравил фляжку, но, вздохнув, отвернулся:

- Твёрдая рука нужна, - пояснил.

Кадет тоже замахал головой. Убрал флягу. И тут рядом - взрыв, нас обсыпало землёй, уши заложило.

- Все живы?

Вроде, все. Глаза только лихорадочно блестят. Я выглянул из окопа. Обстрел слабел.

- Занять позиции! Сейчас попрут. Проверить оружие, пополнить боезапас! - раздался зычный голос Степанова, эстафетным эхом дублируемый взводными. Я тоже проорал это же. Да, самому не мешало бы пополниться.

- Миш, где у нас патроны? Я после вчерашнего боя рожки не забивал.

- Я тебе забил. Полные они у тебя. Не чувствуешь веса?

- Уж не знаю, что чувствовать. Болит всё. Где гранаты? Давай, сюда, вот, в нишу. Ну, ждём!

- Без команды - не стрелять! - опять прокричал Степанов. Теперь голос его был дальше.

- Без команды - не стрелять! - проорал я.

Достал бинокль, осторожно высунулся. Немцы на плацдарме пока не наступали. Суетились, перебежали с места на место, но вперёд не лезли. Посмотрел на мост. Утренняя дымка таяла, съедаемая пылью, поднятой обстрелом. К мосту выдвигались уродливые серые коробки танков.

- Вот вы какие в реале, панцеры. И как это уродство до Волги дошло?

- Что? Как до Волги?

- Кадет! Ты чего тут трёшься? А ну, брысь в свой окоп! Готовь позицию к бою! Ишь, уши он развесил!

Сзади, с высоты бухнуло, за мостом встал столб разрыва. Я оглянулся. Наша гаубица! Пушкари суетились, как ошпаренные, орудие опять бухнуло. Я в бинокль - на мост. Второй выстрел - опять близко! Молодцы! Без пристрелки так удачно вмазали - танк и ещё что-то - горели. Люди в серых формах разбегались, как тараканы.

Это была в самом деле "прощальная гастроль". Они выстрелили только восемь раз. Потом попытались увезти орудие, но вокруг уже плясали взрывы. Прямым попаданием был уничтожен трактор. Человек, как кукла, был высоко подброшен в воздух, летел, кувыряясь. Ещё через несколько секунд я увидел летящее орудийное колесо. Всё! Нет у нас больше гаубиц! А немцы еще с полчаса долбили по дому же месту - видимо сильно разозлились.

Подбитые танки отволокли в сторону и стальные коробки пошли по мосту. Я услышал, как кто-то заскрипел зубами.

- Не стрелять! - на всякий случай, крикнул я, - Пусть как следует залезут в капкан!

Первый танк прошёл мост, с ходу пошёл дальше по насыпи. Поднялась немецкая пехота, неровной, рванной цепью побежали в атаку.

- Блин, сколько же их! - прошептал я. - Всю ночь что ли переправлялись?

Танк прошёл метров двести, когда под ним вздыбилось земляное полотно пути, танк подпрыгнул и взорвался.

- Ура! - прокатилось по нашей стороне.

Мина? По нему же никто не стрелял. Скорее всего.

Второй танк обогнул первый, остановился, поведя хоботом ствола. Я невольно вжался в землю. Танк плюнул огнём, пошёл дальше. Правее его - ещё один.

- Шесть, пять, четыре, - считал я пикетные столбики. Четыреста метров танкам до нас, триста.

- Рота! К бою!

- Батарея! К бою!

- Огонь! Огонь! Огонь!

Тявкнула пушка слева, хлётко выстрелили бронебойщики, затарахтел ручной пулемёт, защёлкали винтовки. Кадет стрелял из автомата.

- Кадет! Отставить огонь! Твоя дистанция - сто шагов и ближе. Понял? Автомат - для ближнего боя!

- Что ж мне сидеть?
- Патронами диск Дегтеря забивай!

Первым же выстрелом пушки у танка сбили гусеницу. Он резко развернулся, подставив бок. Тут же в двигатель ему впечатали ещё два снаряда. Загорелся. Люки откинулись, танкисты выпрыгнули, но тут же попадали мёртвыми - все забыли про пехоту, танкистов залпом из множества стволов чуть не распилили. Споткнулся и замер ещё один танк, задымил. Остальные попятились, стреляя на ходу.

- А! Не понравилось? - закричал я, не сдержав радости.

Немецкая пехота залегла, стреляя. Подтащили пулемёты, миномёт. Разрывы мин и снарядов танковых пушек стали коверкать наши окопы.

- Мельник! Заткни миномёт!
- Понял!

Придурки - расположились на виду со своей трубой. Мельник перещелкал их за пять минут. Оставшиеся залегли, попрятались.

Но через мост переходили ещё и ещё танки. Началась новая атака. Теперь восемь танков и шесть бронетранспортёров ползли на нас, стреляя на ходу из пулемётов, с коротких остановок - из пушек. Перебежками пошла пехота.

Воздух вокруг насытился смертью. Кругом взрывы, пули свистят, взбивают фонтанчики земли вокруг.

- Кадет! На позицию!
- Миша пробежал мимо, задев меня.
- Пора! Огонь!

Я выставил автомат, поймал бегущего немца, дал очередь. Тот упал. Попал, нет? Не важно. Следующий! Стрелял, менял рожки, перебежал из окопа в ход сообщения и обратно, стрелял. За танками и не следил больше. Одно осталось - поймать в прицел серое пятно врага, успеть нажать на курок раньше, чем он упадёт за укрытие.

- Старшина! Медведь!
- Что?

- Смотри! Стоит этот недобиток - жизни не даёт! Очередь даём и прячемся. У меня один уже убит.

Танк стоял боком, в какой-то яме. Корпус наполовину скрыт землёй. Башня повернута на нас, плюёт огнём пушка, сверкает искрами пулемёт. А, это наши бронебойщики из него искры высекают, но взять не могут. За танком скапливается пехота. Метров двести до него. Как пройти? Если вот этими воронками? А там пластуном. Я не смогу ползать.

- Кадет! Ко мне! Пришло время тебе стать героем. Готов?

- Что надо сделать? - спросил он, вдруг, севшим голосом.

- Вот тот танк сжечь. Выходишь оттуда, потом теми воронками, между ними проползаешь, видишь, там какая-то ложбинка. По ней доползёшь до той воронки. Оттуда закидываешь танк ампулами. Нogu обвяжи вот этим кабелем. На месте будешь, подтянешь к себе мешок с ампулами. Мельник! Иди сюда! Прикрываешь Кадета. Только его! Бережёшь, как свой глаз, понял? Выполняйте! Давайте ваши пилотки!

Кадет обвязал сапог трофейным, тонким телефонным кабелем, несколько раз глубоко вздохнул, как будто нырять собрался, выпрыгнул из окопа, кубарем покатился к первой воронке, из которой нас при взрыве и осыпало землёй.

- Прикрываем огнём! - закричал я.

Замолотил пулемёт, прижимая немцев к земле, заставляя спрятаться за танк. Кадет ещё одной перебежкой перелетел в следующую воронку.

- Молодец, парень! Давай!

Я стрелял тоже. Не надеясь попасть, подавляя, как и пулемёт Степана. Только Мельник попадал. Вот один немец отвалился от танка, рухнув вбок, другой ткнулся головой в землю, завизжал третий, катаясь по земле.

- Давай, Миша, давай!

Танк повернул башню на Кадета. Нет, так не пойдёт!

- В меня стреляй, адское отродье! В меня! - Закричал я, вскакивая в окопе в полный рост, дал очередь до опустошения рожка по башне танка, кинул в него гранату-колотушку. Толку от неё не будет - даже не докинул, но привлёк к себе внимание. Башня танка и оружие пехоты повернулись ко мне.

- Опаньки!

Я рухнул на дно окопа. Сверху - взрыв, застучали пули, меня засыпало землёй.

- Медведь! Старшина! Витя! - звал меня голос Мельника.

- Сержант, - заорал я, хрипло - земля забила рот, - выполняйте поставленную задачу!

Сам раскопал их пилотки, раскрыл их, сунул в каждую по стеклянной ампуле с мутным напалмом, потом обе закинул в противогазный мешок Кадета, вытряхнув из него всё. Обвязал мешок проводом, чтобы ампулы не бились друг об друга.

- Кадет на месте! - крикнул Мельник.

Я привязал конец кабеля к противогазному мешку, отрезав лишний кабель. Кадет нетерпеливо дёргал шнур. Я дёрнул в ответ, выставил мешок

наружу из окопа. Мешок пополз, влекомый кабелем.

- Мельник, следи!

- Старшина! Пушка молчит.

- Сам слышу. Не было бы этого геморроя, если бы она не молчала.

Перезарядил автомат, распахнул гранаты по подсумкам и карманам, побежал на четвереньках (иначе не получалось - ход так и не углубили) к огневой артиллеристов. Каждые несколько шагов я выглядывал из хода, стрелял в сторону немцев не прицельно, только чтобы отметить положение мешка с "коктейлем Молотова".

Пушка лежала на боку. Расчёт раскидан по всей огневой. Трое были живы. Двоих быстро перевязал, один - тот самый старшина, был просто без сознания. На нём лежал ещё один, с развороченной спиной - он и принял на себя все осколки снаряда. Спихнул погибшего, облил лицо старшины из его же фляги. Зашевелился. Уже лучше. Как там Кадет?

Отсюда было видно, как Мишка распластался на спине в воронке, споро перебирал руками, оглядываясь ежесекундно. Молодец, Мельник - создал вокруг Кадета "мёртвую зону".

- Давай, старшина, вставай! Долг Родине ещё не уплачен!

Командир расчёта только замычал в ответ, но протянутую флягу с коньяком принял, жадно отпил три глотка, вернул. Закопошился, осматривая оружие. Нашу суету враги заметили, пули стали щёлкать по бронешитку оружия. Вдвоём мы перевернули оружие на колеса, одно из которых тут и отвалилось. Пока подставляли "протез" из ящиков, Кадет сжёг танк. Умница! Герой! Танк полыхал, как пионерский костёр, три живых факела бегали подле, а Кадет, раненым зайцем прыгал из воронки в воронку, возвращаясь на свои позиции.

- Это он нас убил, - прохрипел старшина, - мы ему колёса отбили, в ленивец попали. А он нас тут же и накрыл.

- Мы ещё живы! Сколько снарядов?

Оказалось - два бронебойных и три - картечь.

- Лупи картечью!

Дробовик калибра 37-мм - это вам не хухры-мухры! Поднявшихся в атаку немцев сметало, как кегли при страйке. Они залегли. И хорошо - картечь кончилась. И мы залегли. Танков и броневилов (целых) перед нами не было. Я вспомнил слова особиста, поднялся над щитком пушки, бегло пересчитал. Девять. Одного не хватает.

По щитку щёлкнула пуля и с рёвом срикошетила вверх. Я спрятался.

- Девять. Не хило мы им дали!

- Что девять?

- Девять танков подбили. И это мы ещё не всерьёз воюем. Заманиваем их.

- Умираем только всерьёз.

- Ты это брось, старшина. Сейчас они нам новые мишени пригонят от моста, отстреляем с тобой снаряды и уходи. Ребят своих заберёшь и уйдёшь.

Старшина хмыкнул, пополз к своим раненым - один пришёл в себя.

Кадет влетел на огневую, так же как и я - на четвереньках.

- Молодец, Михаил! От лица командования объявляю тебе благодарность! Буду просить представить тебя к награде.

- Служу Трудовому Народу!

- Не ори. И объясни мне, какого лешего ты оставил позицию и припёрся сюда?

- Мельник приказал. Послал проверить почему орудие молчит.

- Танки ждём. Потому и не отвечаем. А ты нас демаскируешь, ходишь тут. Ладно. Иди, Мельнику передай, что у нас всё в порядке. Пусть они с Озеровым пехоту отсекают. У нас ещё два снаряда.

- А потом можно мне сюда вернуться?

- Можно Машку за ляжку и козу на возу. Разрешаю.

Кадет уполз в ход сообщения. Стрельба стихала.

- Что-то мне это не нравится, - пробурчал я. Выглянул из-за пушки. Тут они, немцы, не отходят. Близо - метрах в трехстах залегли.

- Перегруппируются - опять полезут. Слышишь - рычаг моторами.

- Что-то они слабовато. Я от них ждал большего.

- Всегда так. Самолетов сегодня нет. А то бы уже бомбили. Они как споткнуться - тут же самолёты налетают, - старшина лёг рядом, достал махорку.

- Как ребята?

- Один очнулся. Нога перебита - идти не сможет. Второй тяжелый. Ты их перевязал?

- Я.

- Хорошо перевязал. Жгуты бы не наложил - уже кровью бы истекли. Где научился?

- "Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь".

- Стихи? Ты из студентов?

- Нет. Контуженный я. На всю голову.

Я тоже закурил. Приполз Кадет.

- Миша, наблюдай. Только не высовывайся. Ты свой лимит героизма на сегодня выбрал.

- Это ты, сынок, танк этот сжёл?

- Я.

- Спасибо тебе, парень! От всех нас. Отомстил ты за ребят. Я видел, как они горели. Живьём! Так им, вражине!

- А время только к девяти, - я посмотрел на часы, - Я думал уже за полдень.

Охота на мастодонтов.

- Рота! К бою! - донеслось далёкое. Я продублировал.

- Кадет, твоя позиция - тот ход сообщения. Пехоту не подпускай. Чаше переползай.

- Понял.

- Ну, старшина, с Богом! - я подтянул к себе оба снаряда, похожих на большие патроны.

Старшина открыл затвор, глянул сквозь него, потом стал выглядывать через прорез в щитке орудия, крутил маховики.

- Всё! - сказал он, опять ложась на землю, - ждём. Бить будем в упор, наверняка. Ты, старшина, снаряды-то положи и иди. Я один управлюсь. Пехотой лучше займись.

- Ладно.

Я лёг в край огневой, положил рядом две "колотушки", что были за поясом и мешали. Разорвал пачку с патронами, стал набивать в рожёк магазина. Стрельба разгоралась с новой силой. Стали слышны крики на немецком. Я выглянул - танк шел не на нас, правее. За ним бежала пехота. Напротив меня немцы наступали перебежками, но как-то вяло, как сонные.

- А вот и наш клиент! - крикнул я. Танк вырос как из-под земли, пуская клубы чёрного дыма и ревя. Башня его стала поворачиваться, выискивая жертву для себя. За ним, из той же лощинки вылез бронетранспортёр.

Они пошли на нас. Пехота немцев приободрилась, забегали энергичнее, стрелять стали чаще. Из бронетранспортёра на ходу выпрыгивали ещё серые фигуры, разбегались, залегали. Подмога. Я подобрал карабин одного из павших пушкарей, стал выцеливать серых мечущихся немцев. До чего не удобная штука, этот карабин! После каждого выстрела надо передёргивать затвор! Каменный век! Не попал, казалось, ни разу, хотя отстрелял четыре обоймы. Потом им надоело и пулемет бронетранспортёра стал класть вокруг меня петли очередей. Пришлось отползть в другое место.

- Как ты, Бог Войны?

- Жду. Пока танк на меня внимания не обращает - есть шанс.

Из хода сообщения я отстрелял ещё обойму, в этот раз видел, как после моего выстрела один из врагов сломался пополам, упал. Бросил карабин, пополз опять на первую позицию - в правый угол огневой, где оставил гранаты. Дополз, выглянул, торопливо дал очередь в немца, пока он не скрылся. Попал! Вон как заорал! А я ему в ответ:

- Гитлер капут!

И в том же направлении метнул обе гранаты М24, после выдёргивания шнура выдержав их в руках до счёта "тысяча два". Бухнули обе, я встал на колено, расстрелял весь рожёк. Кажись, охладил пыл врага в этом месте. Рухнул на спину, перезарядил автомат.

Старшина крутил маховики, смотрел сквозь ствол. Танк ревел уже рядом, его пулемёты захлёбывались. Из танковой пушки больше не стрелял. Старшина, наконец, перестал крутить ручки, засунул снаряд в ствол. Я перевернулся, чтобы видеть танк. Батюшки - так он уже прямо передо мной! Звонко тьякнула пушка справа, танк вздрогнул всем корпусом, я видел попадание в нижнюю часть переднего бронелиста. Полетели какие-то осколки. Двигатель танка рывкнул и замолк. Откинулись люки. Ну уж, нет! Не дам! Шустрые, как тараканы чёрные танкисты посыпались сразу со всех сторон танка. Одного я срезал - он так и повис на башне, ещё одного сбил очередью в спину, остальные скрылись за корпусом подбитой машины. Но с той стороны стрелял Кадет, что-то орал. Я выхватил гранату, взвел, ударил её о каску - это же РГД - и бросил её, стараясь перекинуть через корпус танка, чтобы граната рванула с той стороны.

- Атас!

Кинуть-то кинул, а меня обстреляли слева, едва успел откатиться. А вот старшина не успел. Я услышал, как он ойкнул. Так, откуда же ему прилетело? Слева? Я откатился к колесу пушки, прижался к нему спиной, развернулся налево. Вот они! Двоих увидел, одного успел свалить, второй скрылся. Я кинул ему РГД:

- Атас!

А к моим ногам упала М24, сердце сжалось и остановилось - меня как током пробило. Судорожно схватил деревянную ручку, отшвырнул её от себя, упал лицом вниз, вжимаясь в землю. Какая у неё выдержка? Секунды четыре? Сколько немец её держал в руках? Гранаты рванули одновременно. Меня долбануло взрывной волной, затошнило. Ранило? Ощупал себя - вроде цел. Быстро перезарядился.

- Кадет, ко мне! - рывкнул я, услышав приближающийся шорох, приказал: - перевяжи раненных из расчёта и оттащи в тыл. Это приказ! А

сейчас, прикрой!

Мы оба вскочили, дали по очереди в немцев и я выпрыгнул из окопа огневой, перекатился влево. И ещё. Рухнул в окоп. Тут оборонялась тройка наших ребят. Все трое были убиты. Их окоп закидали гранатами. И я ещё добавил свою. А вот и немец. Хрипел, пуская розовые пузыри, скрёбся руками, стараясь дотянуться до своего карабина. Я со всей яростью ударил его ногой в развороченную грудь, повернул ступню, раздавливая. Стал собирать гранаты и метать их во врага. Четыре гранатных разрыва и очередь во весь рожёк разметали их, заставили залечь. Пока они не оклемались, перебежал обратно на огневую. Кадета уже не было. Не было старшины и одного из раненных, того что приходил не недолго в сознание. Тяжелый был ещё здесь. Ну, да Бог ему поможет. Пополз на четвереньках к позиции тройки Степана Озерова. Что-то пулемёт их замолк.

Окопа больше не было. Близкий взрыв осыпал его. Из земли торчал ствол ДП.

- Мельник! Живой?

- Пока! Ещё одну обойму живой!

И тут же выстрелил откуда-то справа. Я потянул за ствол пулемёта, зашипел от боли, бросил - обжёгся даже сквозь перчатки. Стал откапывать - вдруг живы? Откопал руку, вытянул за неё бойца, но не узнал - лица у него больше не было. Этому помощь не нужна. Но это не Стёпа. Степан оказался рядом. В момент взрыва он сидел на дне окопа и здоровой рукой набивал диск. Так его и засыпало. Вытащил, отволол в ход сообщения. Побил по щекам, облил водой, грязным пальцем выковырнул у него изо рта землю и песок, стал делать комплекс реанимации, вдыхая в рот воздух и давя прямо сквозь "доспех" на грудь. Степан закашлял, отбил мои руки, повернулся на бок.

- Ожил, дядя Степа-милиционер! Мельник! Сюда!

Мельник был весь вымазан грязью, только глаза блестели.

- Где ампулы?

- Тут.

- Целы?

- Землёй засыпало.

- Тащи Стёпу в тыл. Доложишь, что эта позиция прорвана, оружие уничтожено, люди выбыли из строя. Назад не возвращайся. Там Кадет. Позаботься о нём.

- А ты? Я тебя не оставлю!

- Это приказ! Исполнять! Ваш отход надо прикрыть, пойми. Со мной всё будет нормально, обещаю! Иди же!

Мельник потащил Озерова. Я выглянул. Бой шел уже в наших окопах. Два танка утюжили окопы, закапывая в них защитников. Я откопал ящик с ампулами, схватил две, кинул прямо перед своей позицией. Одна раскололась, разлился жидкий огонь, одну пришлось разбивать из автомата - упала на мягкую землю. Вот такая получилась огне-дымовая завеса. Пока не прогорит - тут не пройдут. Взяв ещё четыре ампулы, побежал, уже особо не пригибаясь, на огневую. Но по пути передумал и подбежал к танку, укрывшись за его корпусом. Ампулы сложил под танк, залез, с трудом, внутрь через открытый боковой люк.

И что они сбежали - башня крутится, орудие не повреждено? Так, а как же это всё работает? Свет в танке не горел, я втянул внутрь убитого мною же танкиста, чтобы не загорал сумрачный осенний свет. Какие бронебойные? Может эти, тонкие, неправильной формы? Попробуем. Затвор был открыт, запихнул снаряд, припал к "перископу", но увидел только перепаханное воронками поле. Стал крутить ручную башню. Бесконечно долго. Как же долго! Наконец! Поймал в прицел задний борт елозившего по нашим окопам врага. Нажал на спуск, высунул голову из башни, чтобы увидеть. Я промазал. Фонтанчик земли взметнулся правее и дальше танка. Зарядил таким же снарядом, сдвинул перекрестие прицела левее. Спуск. Есть! Точно в зад! Даже загорелся!

Стал поворачивать башню, чтобы поймать в прицел второго. Грохот, удар, танк качнулся всем корпусом. Ого! Пора линять отсюда! Выбираясь через люк, застрял, как Винни Пух ни туда, ни обратно. Танк опять вздрогнул от удара, что-то ударило меня в ногу, в голень. От боли рванул, что-то с треском оторвал, вывалился из танка. Перекатился к ампулам, одну за другой закинул две в танк. С рёвом разгорался огонь. Я побежал назад, к пушке, упал за ней, откатил стекляшки ампул в сторону, к брустверу. Выглянул. Давешний бронетранспортёр стоял с разбитой ходовой, но пулеметчик в нём был, видимо, смелее танкистов - продолжал стрелять, гад! Пушка была заряжена, как её разряжать? Как целиться? А! приблизительно навёл на БТР, выстрелил, промазал. Но пулемёт заткнулся, голова из прореза щитков исчезла.

Мой шанс! Подхватил одну ампулу, побежал прямо на БТР, разбил о его капот стекло шара с огневой смесью, упал, перекатился, побежал обратно. Удар в спину сбил меня с ног, но не убил же! Перекатился в воронку, хотел схватить автомат - нету. Вытащил пистолет. Это был один из немцев из БТРа. Из пистолета мне в спину попал. Он с пистолетом, я с пистолетом. Он осторожно шёл на меня, готовый в любой момент прыгнуть в сторону. Эх, гранату бы! На фиг эти дуэли! Я не декабрист. Но граната

осталась одна - подмышкой Ф-1. Для себя. Завёл руку за спину - ни лопатки, ни ножа! Вот что оторвалось и осталось в танке. Сгорело теперь всё! Достал пустой рожёк, кинул в немца:

- Атас! Граната!

А следом встал сам. Как я и ожидал, немец лежал в воронке, закрыв голову руками. Я трижды выстрелил ему в спину, подобрал свой рожёк и залёг в эту же воронку. Слева полыхал БТР, в нём новогодним китайским фейерверком трещали взрывающиеся в огне пулеметные патроны. Немцев не было видно. Я обыскал убитого, пистолет сунул в карман штанов, запасную обойму - в другой, забрал его документы, сигареты, зажигалку.

А что это так тихо? Где немцы? Перекатами стал передвигаться обратно.

Странная штука бой. До боя всю сегодняшнюю позицию обошел бы за минуту, а сейчас этот пятак земли стал таким громадным для меня. Изменчивость восприятия. Сто метров до пушки преодолевал так долго и с таким усилием, будто тут не сто метров, а пара километров.

А у пушки меня ждал Кадет с двумя автоматами. Вот оказывается где мой автомат! Я его здесь забыл и пошел в атаку на БТР фактически безоружным. Охерел в атаке!

- Ты что тут делаешь? Я приказал тебе отходить! - зарычал я на Кадета.

- Я за этим вернулся, - соврал Кадет, - Ротный приказал всем срочно отходить. Немец отходит.

- Тогда живее! Сейчас тут всё перепашут!

Закинул автомат на спину, разбил о пушку последнюю ампулу (так не достанься же ты никому!) подхватили раненного противотанкиста, побежали. Едва успели. Стена разрывов и жуткий грохот нагоняли нас. Упали в кучу в окоп, чьи-то руки подняли меня, оттащили.

- Раненный! Санитара! - закричал голос надо мной.

- Да не я! Он ранен! - крикнул я.

- А штанина тоже в его крови?

Пришлось идти в перевязочную. Кадет сопровождал.

Опять к

"

портным

"

.

Сколько же крови! Сколько раненных! Медики уже с ног сбились, а раненных всё несли и несли. У стены школы громоздилась гора

окровавленных "доспехов". Тут же, рядом, куча оружия - многие не выпускали его из рук до самых палаток с красными крестами. Раненные лежали везде. На носилках, на земле. Подошла машина, водитель выпрыгнул, открыл борта. А там - кровь, обрывки окровавленных бинтов, рыжие от крови тряпки, в которых угадывалось то, что раньше было обмундированием.

- Марина, готовь партию к отправке! - прокричала, выбегая из палатки женщина в, когда-то давно, вчера, белом халате. Теперь он был ржавый от крови.

- Кадет, помоги погрузить раненных. Я против них - вообще здоров.

Кадет запрыгнул в кузов, ногой поспихивал весь мусор, стал принимать раненных и изувеченных, усаживая и укладывая их в кузов.

Я забил трубку, закурил. Женщина-врач понаблюдала за погрузкой, тяжело вздохнула, повернулась, наткнулась на мой взгляд. Вчера её карие глаза сияли, сейчас потухли. Устала.

- Не угостите? - спросила она меня.

- Махру? А может трофейных?

Она махнула рукой, стала присаживаться.

- Постой! - я скинул с себя "доспех", положил его на землю, - Садись. Не гоже на земле сидеть. Не легко вам, гляжу, пришлось.

Она взяла пачку, достала сигарету, прикурила от трофейной зажигалки, протянула обратно.

- Оставь себе. Я этого добра ещё добуду, как заштопаете.

Она сняла марлевую маску и теперь я её разглядывал. Она была красива. Даже сейчас, с посеревшим от усталости и горя лицом, помутневшим взглядом, чёрными кругами под глазами.

- Что?

- Извини, Снегурочка. Вчера только глаза видел, любопытно.

- И что?

- Ты красивая.

- Как кобыла сивая. Когда ты меня видел? Вчера?

- Пулю мне из груди выковыривали, потом ночью опять штопали.

- А! Недостреленный. Сегодня таких много. Сил уже нет. Хотя, если бы не эти "доспехи" - все бы там остались. Сколько жизней спас тот, кто его придумал. Узнала бы - расцеловала.

- Так расцелуй. Я его придумал и производство наладил.

- Врёшь!

- Очень надо! Для себя прежде всего делал. От двух пуль уже меня мой "доспех" спас. Сегодня ещё и в спину получил. Хорошо - из пистолета.

Она не пробивает броню.

- Всё равно не верю.

- Твоё дело. Я тебя за язык не тянул.

- Ладно, спасибо за табачок. Что у тебя?

- В ноге что-то застряло. И грудь опять кровоточит.

- Жди, тобой займутся. Сейчас тяжелых оперирую.

- Подожди! Так как же тебя зовут, Снегурочка?

- Я сама прихожу, Медведь. Ладно, спасибо за подарки, - она легко встала, пошла.

- Не стоит благодарности. Тебе спасибо, красавица, за настроение.

Она фыркнула, скрылась в палатке. Я растянулся на земле, положив голову на "доспех", закрыл глаза.

- Кузьмин! - окликнул меня голос Степанова.

Я сел. Санёк висел на шее двух бойцов, одна нога была не в сапоге, а в красном снизу бинте.

- С тобой-то что? - спросил он меня. Бойцы опустили его рядом. Сами сели - оба тоже ранены. В руки, только в разные - один в плечо правой, другой - в кисть левой. Судя по повязке - по пальцам до десяти он не посчитает.

- Что-то в ноге засело, Саш. А ты?

- Пятку мне отстрелили, суки. Больно-то как! - он сморщился.

- А, ты как Ахиллес, ранен в пятку.

- Да пошёл ты! Не смешно!

- Да, я и не смеюсь. Не до смеха. На глазах столько народа потеряли.

- Да-а... - он вздохнул - Роты фактически больше нет. Большая часть, конечно, в строй вернётся, но не сегодня. А хорошо мы им дали! Четырнадцать танков подбили! И немцев положили немеренно! Три атаки отбили одной ротой. И отошли только по приказу. Как ты считаешь, неплохо для первого боя?

- Нормально. Лучше не получилось. Кадет танк сжёг.

- Молодец. А остальные? Я видел на твоём участке четыре машины подбитые.

- Не знаю. Там же все лупили, кто мог. Кадета танк подбили из орудия пушкари, а он их разметал и продолжил долбить. Кадет подполз под огнём и закидал танк этими ампулами. Из расчёта орудия только оглушенный старшина цел остался. Он потом ещё один танк подбил. А я из него, из подбитого - ещё один. И этот сжёг, чтобы не отремонтировали. Больше не знаю.

- Ты опять танк подбил?

- Не надо было?

- Надо. Просто, ловко у тебя это получается. Я вот уже в двух боях был - ни одного, а у тебя - два.

- Что там ловкого? Вон, Кадет свой первый танк сжёг сегодня. А твоё дело - не за танками гоняться, а боем руководить. Кто на роте сейчас? Мы-то оба здесь.

- Комвзвода-раз.

- Живой, значит.

- А взводный-три - погиб. Отвел нас комбат в тыл. Это ведь тыл? Не стреляют вроде. Зализываться отвёл. А назвал - в резерв.

- Третья рота была в резерве.

- Уже в бою.

Тут откинулся полог палатки, нас позвали внутрь. Степанов пропустил меня вперёд:

- С тобой должны быстрее управиться.

Я зашел. Она, Снегурочка.

- Раздевайтесь.

- Полностью?

- Старшина, я очень устала, давайте оставим шутки на следующий раз. Мне нужна ваша нога и грудь. Если предпочитаете, мы одежду разрежем.

- Не надо.

Я быстро скинул куртку, рубаху-гимнастёрку, снял и брезентовые и х/б штаны. Лег на стол, под свет.

- В этот раз я бы не отказался от обезболивающих.

- Может тебе ещё и сиську дать? Нет больше обезболивающих. Для самых тяжёлых оставили.

- Я так и знал. Ещё прошлый раз говорил.

- Я помню, помолчи. Чем это так? Рана глубокая, но кровь почти не течёт. Мина?

- Врят ли. Я в танке сидел, вернее уже пытался вылезти, но застрял. Вот и схлопотал. Но, не снаружи, а из танка. По танку в это время немцы стреляли. Может - осколок брони?

- Может. А что ты в танке делал? Ты танкист?

- Немцы бросили его, а пушка - исправна. Вот я на время и арендовал его. Ух, Ё!

- Терпи!

- Терплю, Ё!

- Удачно хоть арендовал?

- Ага. Вот, сувенир в ноге остался. Не могу больше! Может, ну его! Пусть там сидит? Зашей, да пойду я.

- А воспалиться?

- Антибиотика уколешь.

- Где ж его взять-то? У нас наркоз кончился, а ты - антибиотик! А я их ещё ни разу и не видела, антибиотиков этих. В журнале только о них читала. Ладно, глубоко больно сидит. Марина, зашивай! Так, а здесь что?

Мне уже "расшнуровали" повязку с груди.

- Плохо, старшина. Рана не подживает, швы расходятся, кровит. Кожа вокруг уже покраснела. Воспаление уже началось. Загноиться - помрёшь.

- Когда?

- Через неделю.

- Уф-фу! Это когда ещё будет! Ух, ёшкин кот! Неделя - это как в следующей жизни. Доживём ли до завтра? Глянь лучше, я спиной сегодня пулю словил, что там?

- Гематома и всё. В этот раз повезло. Марина, ты всё? Одевайтесь, больной Медведь. С такой мелочью могли бы и сами справиться.

- Снегурочка, я что, Рембо, сам себя зашивать?

- Кто такой Рембо?

- Тип один. Сам себе рану на руке зашил обычной иглой.

- Обычное дело. Лучше, чем кровью истечь.

В это время в палатку запрыгнул на одной ноге Степанов.

- Так, Степанов, опять? Вот, вечно ты! Марина, снимай повязку. Плохи дела, Саша. Пятки практически нет, кость раздроблена. Придётся ампутировать.

- Солнце моё, ты с ума сошла? Зашивай живее, да я обратно пошёл.

- А ночью - температура под 40, нагноение и смерть. Этого хочешь? Или ты, как этот Медведь, до утра не планируешь доживать?

- Вообще, планирую... Не важно, что я планирую. Сделай, что сможешь, но ногу не режь. Она мне ещё нужна.

- За эти два дня лишнего ничего не отрезала. Всё всем нужно было. Было. Ну, тогда держись, Степанов! Ложись на живот, ногу вот так клади. Морфия у меня больше нет. Терпи.

Санёк скатал в рулон пилотку, сунул в рот, вцепился в стол руками, зажмурился, глухо заорал от боли.

Я не выдержал, отвернулся. Своё терпеть - одно, на чужую боль смотреть - тошно.

- Всё, старшина, одевайтесь, - Марина закончила перевязку.

- Красавица, дай мне пару индпакетов. Всё израсходовал.

- Нету, родненький. Всё позаканчивалось.

- Беда!

Я вышел из палатки, только на улице стал одеваться. Подскочил Кадет, глаза блестели.

- Чего довольный такой?

- Какой же я довольный? - удивился Миша.

- Вон глаза как блестят.

- Не знаю, о чем вы, - Мишка отвел взгляд.

- Ладно, задание тебе - добудь перевязочных пакетов. Я свой израсходовал. И ты, по-моему. И так у многих. А нам ещё потребуются. Бой не окончен. Так, ты ищи, а я к комбату.

Раны болели. Уже привычно, нудно до тошноты. Осколок в ноге при каждом шаге за что-то больно цеплял, но идти было можно, даже бежать, при необходимости. Я спустился в ход сообщения, пошел по нему к НП комбата, уступая дорогу бойцам, бегающим по ходу с озабоченными лицами.

О том, до чего доводит длинный язык

НП комбата располагался почти на вершине высотки (хотя, какая она высотка, так, небольшое покатое возвышение над округой). Одну из больших воронок углубили, поставили сруб из шпал, укрепили рельсами, перекрыли так же рельсами, шпалами, а уж это всё и засыпали землёй и замаскировали. Тут тебе и наблюдательный пункт с прекрасным обзором во все стороны через амбразуры и, при необходимости, прекрасно защищённая рельсами и тремя слоями шпал - огневая точка.

Ход сообщения вывел меня в широкий окоп полного профиля с оборудованным пулёмётным гнездом отсечного направления, но без пулемёта в нём. Пока тут сидели связисты, колдуя со своими раритетными аппаратами. Окоп упирался в стену НП, свернув, я оказался перед входом. Разумно - при попадании в окоп мины или гранаты этот поворот спасёт НП от осколков.

НП не был просторным - народ буквально теснился. Стало понятно, почему связисты снаружи сидели. Я увидел Ё-комбата, Шило, начштаба батальона, главного нашего связиста, одного из бойцов Шила, незнакомого переводчика и немца. Видимо, был допрос, уже закончившийся. Шило и его боец кивнули мне, как старому знакомому, Ё-комбат только глянул, начштаба построил кислую мину. Не нравился я ему. И что? Я не девушка, чтобы нравиться, поэтому - пошёл он! Лишь бы не мешал!

- Хочешь чего у немца спросить? - проскрежетал голос Ё-комбата.

- В принципе, нет.

- Я слышал, ты хорошо допрашивать умеешь.

- Не колется? А что сказал уже?

- Говорит - это только один их танковый полк воюет. К вечеру вся дивизия соберётся. А завтра - весь корпус.

- Вот он всё и сказал. Расположение штаба - нам не интересно - руки у нас коротки. Дальнейших планов он, скорее всего, не знает. Что ещё можно спросить? Спроси его, - это я переводчику, - откуда он? Есть ли семья?

- Зачем это? - удивился комбат. Я пожал плечами.

- Из Дрездена. Жена с родителями там же.

- Пусть мысленно с ними проститься. Больше он их не увидит. Мы его грохнем завтра, а семью его английские бомбардировщики уничтожат.

Немец хмыкнул, что-то ответил.

- Кого волнует - есть в Дрездене войска или промышленность? Пока мы с немцами тут друг дружку на фарш переводим - эти английские ублюдки втихую немецкую нацию изведут. Подлю, ночными ковравыми бомбёжками городов.

- Так им и надо! - буркнул Шило.

- Никому это не надо. Это не война, а убийство. Ты скажи, немец, зачем немецкому народу война с нами? Нет, не Гитлеру, а твоей матери? Что ей даст эта война? Тебя, считай уже убили - мы тебя к твоим не отпустим, дом твой будет разрушен, семья погибнет. Кто от этого выиграет? Только Англия. Русские и немцы, каждый по-отдельности - угроза их мировому господству, а уж вместе - вообще трендец. А ведь мы хорошо дружили, торговали, армию строили. До появления Гитлера. Так, за что ты голову сложил, немец? За англов и их ставленника, Гитлера? Не веришь? А ты подумай - вы разгромили всех конкурентов Англии на континенте, но англам Гитлер позволил спастись у Дюнкерка, остановив танки. Не знаешь об этом? Значит, ты дурак. И берёзовый крест для тебя уже изготовлен. Теперь Дойчланд воюет с Русью. Ты не интересовался историей наших с вами войн? Нет - вдвойне дурак, а ещё капитан, офицер. Запомни - никогда русский не был побеждён. Никогда не был и не будет. Когда мы придём в Берлин опять, а мы его уже брали, разбив вашего славного Фридриха Второго, что будет думать о тебе твоя мать? А когда твою жену будут насиловать англы? Нет, наши не будут. Бабы ваши больно страшные, не встанет. Ага, "рука не поднимется".

Тут меня прервал дружный хохот. Смеялись, оказывается, не только присутствующие, но и окружившие НП любопытные, в том числе почти

весь комсостав батальона и окружающих нас рот дивизии. Собственно, этого я и добивался. Немца агитировать - бесполезно. А вот своим моральное состояние поднял, а увидят унылую морду проникшегося пленного - ещё больше приободрятся.

- Ладно, закончим политинформацию, - махнул рукой Ё-комбат, тоже смеявшийся, вместе со всеми, - Уведите этого ... В дивизию везите, куда хотите. Тамошний особист очень пленным любит, особенно, захваченных другими. И вернёмся к делам нашим скорбным, мать их за ногу. Кузьмин, что со Степановым?

- Ранен в ногу. Кость задета. Может, встанет в строй, если удастся ему от врачей сбежать, точнее, уползти - бегать он не скоро сможет.

- Ясно. Капитан, готовь приказ на Кузьмина. Кузьмин - принимай роту.

- Так точно! - я руку кинул к каске, попытался вытянуться, но громко стукнулся каской о рельсы перекрытия НП.

- Не на плацу, - прокомментировал происшествие комбат, поморщившись.

Он приник к стереотрубе, некоторое время разглядывал поле боя, раскинувшееся перед ним. Я тоже приник к амбразуре. Хорошо, что у Кузьмина зрение было хорошим - я без бинокля видел всё до самого моста и за ним - а это 4-5 километров будет. Окопы, где я воевал утром, были подчистую распаханы воронками, изрядно перелопатил враг и следующую нашу линию обороны и всё продолжал долбить тяжёлыми снарядами. Попытался, сквозь пыль и дым, посчитать подбитые танки.

- Двадцать семь, - сказал Ё-комбат. Наши мысли опять совпадают? Но, комбат думал о другом: - Первая рота с четырьмя трофейными орудиями набила танков больше, чем две роты с двумя батареями. Что, кроме первой роты, воевать никто не умеет? Или к каждому надо по старшине Кузьмину приставить? Кузьмин, сколько у тебя лично?

- Полтора.

- Это как?

- Из пушки подбили один, я экипаж перестрелял, залез в танк и подбил ещё один. Был ранен, выбрался, - и его тоже сжёг.

- Я думал больше. Я же видел - напротив твоего окопа шесть сгоревших машин стояло.

- Там один бронетранспортер. Полтора - мои, один - Кадета, полтора - артиллеристов, остальное - ребята пожгли.

- Ладно, не важно. Я надеялся, что окопы полного профиля, блиндажи и восемь орудий позволят вам пожечь хотя бы в два раза больше

танков, чем сжѣг Степанов. А вы и столько же не смогли.

Два ротных опустили головы. Мне было их жалко - хорошие ведь мужики, не трусы. Ну, не сложилось. Да и снаряды у немцев всегда лучше были. Блин! Снаряды!

- Владимир Васильевич! Разрешите обратиться!

- Ну, что?!

- Снаряды наших сорокопятак могут иметь заводской брак. Там ошибка в техпроцессе допущена - снаряды часто перекаленными получаются. Вот они и раскалываются о броню.

Комбат замер так, будто я ударил его в солнечное сплетение, выбив воздух - рот открыт, глаза широко открыты, наливаются кровью. Он вздохнул раз, ещё раз, потом заорал:

- Ёжнутый козѣл! Ты понимаешь, что ты сейчас сделал, му...к? Ты безоружными нас оставил, с...а! Где ты раньше был, уѣ....к?

Я не люблю, когда на меня орут, а уж когда матом оскорбляют! Рука моя сама начала замахиваться для удара, тело перегруппировалось в боевую стойку, но на мне повисли сразу трое, сковывая, выкручивая. От обиды заорал, скорее, заревел зверем. Комбат выхватил свой наган. Сейчас пристрелит меня - и вся недолга! Надо что-то сказать:

- Я что ли их делал, снаряды эти? Я - при чём? Мне мужики в термичке сказали, а я запомнил. А сейчас вспомнил. Да, отпустите же меня! Что вяжете меня, как "языка"?

- Отпустите, - махнул наганом комбат, - И что нам теперь делать? Как с танками воевать?

- Как все воют. Наводчик расчёта, орудие которого я прикрывал, научил. Они уже давно опытным путѣм научились бить врага и такими снарядами.

- И как? - комбат стал убирать наган в кобуру, но никак не попадал, ещё больше злился.

- Стрелять только по заклѣпкам.

- Как?

- Стрелять только тогда, когда наводчик своими глазами увидит заклѣпки. Не раньше. На таком расстоянии вероятность попадания - стопроцентная. Но, бить надо не абы куда, а фугасом - в движитель, в гусеницы. Разрыв гусянки и отстрел ведущих колѣс резко разворачивает танк, я сам видел. Боковая и кормовая броня намного тоньше, а если бить в люки, снарядом их прямо внутрь вносит. Под погон башни - даже без пробития брони башню клинит - танк не может стрелять. Ну, и двигательный отсек. Моторы у них - бензиновые. Удар снаряда, с

пробитием или нет - это удар. Бензин от него детонирует, мотор - нежная штука, ударов не любит, ломается. Противотанковые гранаты, взорванные под днищем, не пробивают брони, но танки, бывает, разлетаются, как картонные коробки. Когда разом рванёт от гранаты и бензобак и боекомплект. Если человеку ударить в лоб кулаком - пробития черепа не будет, но на ногах ему устоять сложно.

Комбат отвернулся к амбразуре, невидящим взглядом смотрел на поле боя, сейчас притихшего. Присутствующие командиры украдкой переглядывались.

- Бить в упор. Подпустить. А они нас - издалека?

Я пожал плечами. Есть другие варианты? С удовольствием выслушаю.

- Маскировка. Только игра в прятки позволит нам... - бубнил себе под нос комбат. Сам с собой разговаривает.

- Так, ладно! - Ё-комбат встрепенулся, обвёл нас всех взглядом исподлобья, - Обстрел слабеет. Сейчас начнется новая атака. Артиллерия! Отойти на запасные позиции, замаскироваться. Огонь открывать только с предельно малых дистанций! Только в борт и корму! Или в гусеницу. И только в бронетехнику. На иные цели не отвлекаться. Свободны!

Комбаты с пушками в петлицах вышли. Ё-комбат продолжил:

- Вторая, третья рота, всё остаётся прежним. Держим врага. Отсекайте пехоту, при приближении танков - жгите их. Кузьмин, твоя рота занимает оборону вон там, видишь?

- Это же в тылу, считай.

- И немец так же считает. Этот овраг позволит им пройти напрямик нам в тыл. Его вчера заминировали, но враг уже пробовал пройти. Разведка донесла об одном подорвавшемся танке и группе саперов, работавших там. Так что, овраг может быть уже проходимым. Тебе надо его запереть, а желательно устроить им ловушку и похоронить их там. Ты с этим должен справиться. Даю тебе в усиление миномёт - по оврагу работать будет лучше пушки, и два "Мухомора" с зенитными пулемётами. Вперёд!

Я вышел вслед за остальными ротными. Они задумчиво побрели на передок, я - в тыл.

Рота моя, все 46 человек, сидели в Тарасовой яме, обедали. Я присоединился, сообщив новость о назначении меня ротным.

- Какая ж теперь рота? - удивлённо спросил один из бойцов, - и взвод не наберётся.

- И, тем не менее, мы - рота, - ответил я, принимая протянутый котелок с кулешом, - И воевать каждый из нас должен теперь не только за

себя, но и за тех ребят, что уже не с нами.

- Это как так?

- А вот так! Теперь вы все - обстрелянные ветераны, в третий бой сейчас пойдём. На испуг вас не взять. Вот и должны мы показать немчуре, что такое отдельный чекистский батальон! Так показать, чтоб в ставке Гитлера о нас знали и боялись. Ладно, это так, в качестве политинформации. Взводные, распределить людей по взводам поровну, пополнить боекомплект, берите побольше гранат и этих, шаров горючих, ампул. Неплохо себя показали. По готовности - доложить.

- Сколько ПТР брать?

- А сколько осталось?

- Два.

- Тут и думать нечего. Оба и бери. И зачем задаёшь глупый вопрос? Сам не мог подумать? И мне не даёшь. Ни подумать, ни поесть.

Я стал в темпе заполнять желудок, не чувствуя вкуса еды, размышляя.

- Мельник!

- Я!

- Метнись по-тихому к тому оврагу. Не делай вид, что не в курсе, тебе не идёт глупый вид. Только тихо, немца, если он там, не вспугни.

- Понял, разрешите исполнять?

- Ага. Я думал ты уже там. Если немец там - остаёшься на месте. Нет - возвращайся.

Мельник нагрёб в сидор патронов, распихал гранаты, вылез из оврага. Я откинулся к земляной стене, прикрыл глаза. Но, тут же меня за плёчо потряс комвзвода-раз:

- Мы готовы.

- Это радует. Слушай сюда. По данным разведки вон в том овраге скапливается враг для удара нам в тыл. Наша задача - не просто отбить удар, а ударить неожиданно самим и уничтожить врага. Противник обладает численным перевесом, поэтому наша атака должна быть стремительной. Если не удастся быстро выйти к оврагу и закидать их гранатами и шарами с зажигательной смесью - все ляжем в этом поле. Всё зависит от скорости, ясно? Малыми группами скапливаемся вон на том рубеже, а по моей команде разом и дружно бежим настолько быстро, насколько только возможно. Пулемёты ставим на флангах, ПТР - в центре. Пришлите мне наводчиков.

Подошли расчёты ПТР, миномета и ДШК.

- Бронебойщики, из оврага могут полезть танки. Ваша задача -

максимально сблизиться, занять позицию прямо вот там, видите? Это единственное место, где танк сможет подняться из оврага. Как он покажет днище, а он его покажет - бить в дно. Там броня тонкая. Ясно?

- Так точно!

Объяснил задачу командирам расчётов миномёта и двух ДШК на "Мухоморах". Они тоже кивнули:

- Так точно!

- Тогда, работаем!

Я схватил автомат, тоже затарился гранатами, сунул шар ампулы в противогазный подсумок (сам противогаз я оставил на складе ещё в момент получения), выскочил из Тарасовой ямы и побежал к оврагу. Моя рота широкой, но редкой цепью, бежала следом.

Встречный захлёт в ухлёт

Враг нас увидел, вернее, увидел выезжающие на фланги грузовики с красноречивыми крупнокалиберными пулемётами, понял, что их манёвр разгадан. Над редкой травой обрыва показались каски, затараторил пулемёт, но, тут же заткнулся - молодец, Мельник!

- Вперёд! Ура! - заорал я, побежал, вихляя, так быстро, как мог.

- Ура! Ура-а!

Овраг весь озарился вспышками выстрелов, нам навстречу стали выбегать из оврага немцы. По ним с флангов ударили наши пулемёты, косоприцельным огнём прикрывая нас, заставляя немцев прятаться. Всё-таки, отличная штука ДШК - при попадании его пули враг сразу выбывал из строя - я видел, как немцам отрывало руки и головы. Красота, в смысле, жуть! Начали рваться мины нашего миномёта, но пока бесполезно, ничего, пристреляются.

Я бежал впереди всех. С такой скоростью, с какой в школе и на 60 метров не бегал. И это в броне, с оружием, с раненой ногой! Три сотни метров пробежал за несколько секунд (ну, мне так показалось). Но, тут, как на стену нарвался - дыхания не хватило. Ушел на землю кувырком, встал на колено, дал несколько очередей в немцев. Конечно, ни в кого не попал - ствол гулял туда-сюда вслед за вздохами-выдохами. Ещё перекал, перезарядил автомат, вскочил, побежал змейкой, но уже не так резво, держа автомат на линии прицеливания, постреливая, падая, перекатываясь.

Получился встречный бой. Я читал, что это самый сложный из видов боя. Мы атаковали и немцы тоже атаковали. Их больше, а у нас - самозарядные винтовки. Это в кино у немцев сплошь автоматы. А у этих -

такие же винтовки как и у всех - после каждого выстрела надо "передёргивать". На ходу стрелять из такой невозможно. В большей плотности огня было наше преимущество и мы его реализовали - со всех сторон раздались крики:

- Атас! Атас!

Я упал, выхватил гранату, перекатился, взвёл, ударил о землю, приподнялся и кинул со всей силы. Серия гранатных взрывов прогремела впереди. Вскочил, побежал опять вперёд.

Немцы залегли, отстреливались. Мои ребята перекатами сближались с ними. Из оврага взревели моторы - танки!

- Пэтээр! Занять позицию! Танки! - закричал я, приподнявшись из ложбинки, с которую нырнул, чтобы сменить рожёк, - Рота! Обходим танки с флангов!

Я сделал ещё один рывок, упал за кочку. Я просто задыхался, дышал глубоко, до боли в груди. Услышал грохот выстрела ПТР, тут же ещё один, выглянул. Как я и хотел - ребята ударили в днище - на метр возвышавшееся над землёй. Но, танк продолжал, ревя, ползти вверх. На его броне сверкали рикошеты ДШК, подобно вспышкам электросварки. Ещё один сдвоенный залп ПТР - рев танкового мотора резко оборвался, он стал сползать вниз.

- Ура! - взревел я, вскочил, кувыркнулся влево, опять вскочил, побежал вправо, опять влево, увидел немца, плюхнулся на живот, дал в него три коротких очереди, перекатился, побежал прямо на танк. Достал на ходу ампулу, метнул её в танк, от которого виден остался только кусочек ствола, упал, кинул туда же гранату, лег на спину, оглянувшись. А позади меня кипел рукопашный бой. Немцы, поняв бесперспективность сидения в овраге под падающими на голову минами и рвущими их очередями ДШК, пошли на сближение, на прорыв. Мелькали руки-ноги, приклады. План атаки срывался. Придётся опять самому, спасая бой.

Я побежал прямо на пологий спуск, по которому пытался выехать танк. Ух, ё! Ещё один! Уткнулся в корму первому, горящему, дергался, выбрасывая столб чёрного выхлопа. И с десятков немцев вокруг. Губы мои поползли вверх и вниз, я почувствовал, что оскаливаюсь по-волчьи, глотка сама изрыгнула звериный рёв.

Как заведённый, я выдёргивал гранаты, приводил их к бою, швырял в овраг. Семь! Семь гранат раскидали немцев, овраг передо мной был очищен. Только танк ещё ревел.

Я добежал до обрыва оврага, упал на краю, стал обстреливать кусты в овраге, на любое шевеление отвечая очередью.

- Атас! - прокричал кто-то рядом сипло, загнанно.

- Ампулы есть? - крикнул я бойцу.

Он посмотрел на меня безумным, невидящим взглядом, продолжая взводить гранату.

- Ампулы есть? - я подскочил к нему, встряхнул. Боец закивал, пододвинул противогазную сумку. Два шара. Не побоялся. А расколются друг о друга? А! Не до этого! Не об это надо думать! Схватил оба шара, кинул один за другим в отползавший танк - отцепился? Опоздал - запылал, как пионерский костёр!

По одному, по двое подбегали, обезумевшие после рукопашной, бойцы, закидывали овраг гранатами, шарами. Овраг пылал, ничего там уже не могло уцелеть, но никто не слышал меня, не слушал. Я тормозил их, орал:

- Хватит! Хватит!

Только когда кончились гранаты, взгляды стали более-менее осмысленными.

- Дальше надо, на запад!

Но, гранат уже не было. Надо было преследовать врага, но около меня была только дюжина запаленных, тяжело дышащих бойцов.

- Занять оборону! Взводные, ко мне!

Один. Только один взводный уцелел. Он устало смотрел на меня.

- Занять оборону! Пулемёты и ПТР поставь здесь и там, миномёту - огонь перенести вглубь оврага. Раненных - в тыл! Ясно?

Он кивнул. Нормально. А где Кадет? Мельник? Кадет перевязывает себе руку, бледный, посиневшие губы трясутся.

- Перевяжешься, дуй к комбату. Доложишь, что атака отбита с превосходящими потерями для врага. Сожгли два танка. Понял?

Миша закивал, закусив губы. Глаза влажные, красные. Ранение - это больно. Похоже, что штыком его в предплечье зацепили.

- У тебя же автомат, как ты его подпустил так близко?

- Патроны кончились, не успел перезарядить. Из пистолета пришлось отстреливаться.

Понятно. А где же Мельник? Побежал его искать. Навстречу бежал, пригнувшись, бронебойщик. Один с двумя "удочками". А, вон остальные трое - перебегают с места на место с ТТ в руках - немцев добивают, ещё с десяток бойцов перевязывают кто себя, кто других раненных. Молодцы! А вот и санитары! От посёлка бежали три девчушки с носилками и большими сумками с красным крестом.

Мельника я едва нашел. Даже пробежал мимо шагов на пять, но потом моё сознание меня остановило и заставило вернуться. Что? Что

кольнуло подсознание? А, вот, - блеск оптики винтовки Мельника! А где же он сам? Я отшвырнул труп немецкого унтера, а под ним - Мельник. Не повезло моему снайперу нарваться на упёртого унтера, да ещё с МП-38 в руках. Лицо Мельника было в крови, сквозное ранение плеча, несколько пуль в броннике, одна - в бедре. Косой очередью унтер срезал Мельника, а потом видимо решил добить. Чем его Мельник успокоил? Грудь унтера разворочена, ТТ валяется рядом - Мельник стрелял в упор, похоже ещё и в лицо немцу зубами вцепился.

Самая серьёзная рана - простреленная нога. Кровь вялыми толчками вытекает из раны - артерия перебита? Не теряя времени тесаком Мельника располосовал его штанину, передавил пальцами артерию. Этим же тесаком отрезал португую немца, подтянул к себе, перетянул ногу. Кровь перестала течь, но вытекло её и так уже как из пробитого бидона. И пуля в ноге осталась. Кость хоть цела?

Перевязал ногу, забинтовал плечо - там пуля прошла навывлет, давящей повязки, думаю, достаточно. Снял бронник - пробития, к счастью, не было. Из двух шомполов и черенка от лопаты сделал шину на ногу, так как не знал - задета кость или нет.

Мельник так и не пришел в сознание. Я взвалил его себе на хребет, подхватил его винтовку и свой автомат и пошёл к школе.

- Давайте его на носилки переложим, - закричала подскочившая девчушка с серой повязкой на руке.

- Туда иди, - мотнул я головой в сторону поля недавней схватки, - там ещё такие же есть.

Пошел дальше. От линии начала атаки до немцев я домчал за несколько десятков секунд, а обратно шел бесконечно долго. Казалось, этот путь мне не одолеть никогда. Мельник наливался свинцом с каждым шагом, а силы меня с каждым же шагом покидали.

Рядом притормозил грузовик, оттуда заорал водитель:

- Грузи!

Я его отослал туда же. И брёл дальше. Сил оставалось так мало, что я уже не слышал грохота боя, не реагировал на постоянные взрывы вокруг - раздосадованные очередной неудачей немцы остервенело били "по площади". Но я не обращал на это внимания - надо было только дойти.

Когда силы иссякли полностью, дальше шёл только на ярости злости на себя. Я злился на себя за то, что выдохся, а бой ещё не окончен! Не окончен! Я не мог выбыть из боя! Я должен быть там! Впереди! Они же щеглы ещё, желторотики. Без меня не справятся. Ну и что, что я в армии не служил? Я прожил там, в моём прошлом-будущем, не мало, а по

жизненному опыту - даже много. Жизнь не жалеючи била меня, крутила, выворачивала наизнанку. А я относился к этому "философски", лишь обретая "шрамы" опыта и "серебро" в волосах. У меня есть большой опыт "кризисного" состояния, "кризисного" управления. Я - "тёртый калач". А они? Кадет, Шило, Леший, взводные? Смогут они "сломать" себя, встать вопреки обстоятельствам? Увидеть ситуацию полностью, учитывать все нюансы? Увидеть всё с "высоты птичьего полёта", отстранённо, вдаль, "за горизонт" заглянуть, а это важнейшее умение любого управленца, хоть мастера на заводе, хоть менеджера в офисе, хоть командира в бою? Смогут?

- Давай, браток, подмогнём!

Я их не услышал, но стало гораздо легче. Мельника переложили на носилки, понесли, я брёл, зачем-то, следом, потом остановился, поняв, что эта задача выполнена - Мельник в руках медиков.

А дальше что? От слабости - в голове муть. Никак не мог сосредоточиться. Побрёл сначала обратно к роте, но остановился, сел в воронке, ещё теплой после взрыва. В таком состоянии меня не должны видеть - мораль и дисциплина сразу рухнут. Забил трубку трясущимися руками, с третьей спички прикурил. Чёрная пелена меня накрывала. Умираю? Неплохо бы. Смерть - всего лишь избавление.

А ребята? Как они отобьются? Отобьются ли? Мне можно умереть - я уже мертв, а им - нельзя! Им надо немца изгнать, страну отстроить, сыновей вырастить, Гагарина в космос отправить. Гагарина в космос! ДА! Нельзя!

- Старшина! - рявкнул я сам себе, - Встать! Смирно! Отставить рефлексию! Долг не уплачен! Вперёд!

Я бил себя по щекам, изгоняя муть из головы, тёр виски и мочки ушей, провёл комплекс дыхательных упражнений. Не время отчаиваться! Вот реветь - в самый раз! Только не в слёзы, а зверем, чтобы враг ревел в слёзы! Раскис, нюня! Выдохся! Открывай "загашники" организма, "второе дыхание", третье, если надо. Это опасно, отнимет годы от жизни, НО! Дожить до утра! Довести ребят! Вперёд!

Дыхательная гимнастика сработала - открылось "второе дыхание", голова просветлела, но начала немилосердно болеть. Ну, это терпимо!

Потери роты в последнем бою - 23 человек, из них - 9 насмерть, остальные ранены. Ранены почти все, но эти выбыли. Осталось у меня 23 бойца, если не считать меня с Кадетом, команды Лешего, Шида и контрразведчиков. Этих "спецов" Ё-комбат забрал себе ещё вчера.

Я не стал заморачиваться и свел всех в один взвод, тем более, что взводный всё равно один. Он уже распределил людей редкими огневыми

позициями перекрыв овраг. Люди закончили окапывание - пока только откопав окопы для стрельбы лёжа, отдыхали. Пусть отдохнут. Успеем окопаться. Время - к 15 часам приближается, скоро темнеть начнёт - бой и затухнет, чтобы завтра разгореться снова.

Тренинг команд

н

ого видения.

Ясно, что ребята, там, с той стороны высоты отбили. Сколько было немцев утром? Пленный говорил - танковый полк. Ну, ещё разные подразделения - зенитчики, мотопехота, ещё что-нибудь. Танков мы пожгли уже почти на полк, пехоты набили и науродовали ещё на полк. Они должны прекратить атаки. Пусть к ним ещё подошли части - но не дураки же они лбом биться о нашу оборону? Судя по известной мне истории - дураков среди немцев было не много. Авантюристов - море, а дураков не держали.

А лёг на брезент, постеленный на дно окопа, закурил, задумался. Что они будут делать дальше?

На первый же взгляд вырисовывались несколько вариантов - накопить сил и ударить бронированным кулаком - нас мало осталось. Мы их потрепали, но и сами обтрепались. Может быть. Запросто.

Вариант два - обойти. Тоже весьма вероятно. На флангах у нас жиденькая занавесочка истощенных стрелковых батальонов без средств усиления.

Вариант три - плюнуть и переправиться в другом месте. Гм-м. станут ли терять время? Судя по карте, по 5 км в обе стороны от нас нет ни бродов, ни удобных берегов - или топкие, или обрывистые. Хотя, пехоту они влёгкую переправят где угодно. Так сколько у них её, пехоты? Во всех воспоминаниях всех фронтовиков-танкистов постоянное гундение на отступающую пехоту. Надеюсь, и здесь будет так. Точнее, у немцев так. Да и при переправе дальше 5 км - это уже не наши проблемы - мы с этим всё одно ничего не сделаем - батальон является всё ещё силой благодаря этой позиции. Вне её - мы уже ничто.

Остаются варианты 1 и 2. И комбинация их обоих, если хватит им сил. Насчёт удара в лоб - комбат уже "спрогнозировал". Будем их встречать на этом склоне высоты - сапёры дзотов наделали, фланговых огневых наготовили. Я читал, что до приема боя на обратных склонах высоток немцы допетрили только к концу 42-го, а Ё-комбат нащупал уже сейчас. Только при таком раскладе вероятность охвата и окружения возрастает многократно. Они просто обойдут нас, блокируют и пойдут дальше.

Нет, далеко не уйдут. Им эти мосты позарез нужны. Обойдут и

вернуться. Точно, этого Ё-комбат и добивается, самурай херов, камикадзе. Решил выгодно разменять свой батальон на несколько батальонов немцев. Ну что ж, не самый херовый размен. Даже выгодный. Пока мы ведём со счётом 1 : 4 примерно. Нормально. Это ещё не конец. На сколько нас хватит если немец разом сможет выставить 50-60 танков и полк пехоты? Погода налаживается, завтра налёты будут, корректировщики. Эффективность их огня существенно возрастёт.

Я вздохнул глубоко. Нет, я не боялся, а вот Кадет, мой вздох, интерпретировал иначе:

- Долго мы ещё продержимся?

- Всё закончится завтра.

Кадет замолчал, как-то по-детски всхлипнув носом.

- Миша, мы уже выполнили задачу. Сутки враг не смог пройти. Танковый полк мы извели под корень. Эти танки, может быть, по Парижу проходили, а вот в Липецк или Тулу уже не войдут. Я сжёг сегодня третий танк, убил больше десятка немцев. Они шли широким кольцом охватить Москву. Мы не пустили. Может, сейчас там, в тылу, выгружается целая свежая дивизия, может танковая бригада. Они успеют занять оборону, окопаться. Может, этих трех моих, твоего, всех этих тридцати танков и тысячи солдат немцу и не хватит там, под Москвой. А если не тридцать танков, а пятьдесят? Они тогда и до Москвы не дойдут. Ты думал когда-нибудь для чего мы на этой земле? Я думал. И не мог найти ответа. Не мог понять. А сейчас знаю - я родился, рос, учился с одной целью - не дать немцу войти в Москву! И когда я завтра погибну - я умру самым счастливым человеком - они не пройдут! Мимо меня - не пройдут! Жить, защищая Родину и погибнуть в бою за Нее - не это ли самая достойная из возможных судеб? Смотри, обстрел слабеет. Неужто немец устал? Ну, и хорошо. Миша, постарайся поспать. Чую, всю ночь копать будем, а завтра - воевать. Отдохни, сил наберись. Это приказ. А я пойду комбата проведаю, сапёров попрошу.

Комбат был в НП один. Не было даже связистов. А вот в углу появился ДП и стопка "блинов" к нему, гильзы рассыпаны по земляному полу. Ого, оказывается, всё было серьёзно! Комбат был в грязи по уши - реально - даже лицо в грязи. На моё появление отреагировал только кивком.

- Чуть не прорвались, представляешь, Витя. Штаб в атаку водил, - сказал он мне, не отрываясь от стереотрубы, - но, похоже, это всё, что они сегодня смогли. Что думаешь?

Охренеть! Я - Витя! Обычный старшина? Комбат, видно, охерел в

атаке.

- Темнеет, - ответил я, - Не любит немец ночью воевать - днем до хера успевают. А вот погода налаживается, нам на беду. Будет нам завтра "адская карусель" лапотников.

Комбат оторвался от трубы, втянул ноздрями воздух:

- Похоже, ты прав. Зенитки нам не помогут. Так что думаешь?

Я выдал ему результат своих размышлений.

- Да, я тоже так думаю, - кивнул он, - Как ты уже заметил, готовим круговую оборону. Я прикажу эвакуировать тыл, медсанроту, автопарк. Бодаться будем до последнего, но потом мы сможем отойти только в тот лес. Надо на той лесопилке организовать промежуточный лагерь. Только не знаю, кого старшим назначить. Хотел тебя, но Степанов выбыл. Будет эвакуационной командовать. Кто на роте может остаться?

- У меня в строю только один взводный остался.

- У всех так. Командиры выбывают слишком быстро. У меня командиров на взводы не хватает. Отдать некого.

- А, нужен такой, чтобы и там справился и тут не отощать? Тогда, пусть Кадет командует.

- Кадет? Ты в своём уме? Он же пацан совсем!

- Точно. Перспективный пацан. Пусть учиться руководить.

Комбат покачал головой, потом махнул рукой:

- Вон, боевой журнал батальона, пиши. Приказ пиши о присвоении Кадету, как там его, Перунов? Звания "сержант" и задания на организацию запасной позиции в районе лесопилки. Что вылупился? Нет у меня больше начштаба! Штыком ему кишки выпустили. Не стал он твой "доспех" одевать, жив был бы. Пиши. И писаря нет - он теперь пулемётчик. Никого нет. Даже Школеров погиб. Хоронить нечего - снарядом прямое попадание.

- Написал.

- Ещё пиши - в случае моего выбытия командование батальоном принимает комроты-раз, то есть, ты.

- Как же так-то? Я даже не командир!

- А кто ты? Сапог? Валенок? В тебе я вижу мою замену! Знаю, сбережёшь людей. Воюешь ты лучше многих, пиши! Дальше - при невозможности продолжать бой приказываю отойти в лес, на запасные позиции, с дальнейшим выходом на соединение с регулярными частями Красной Армии. Написал? Давай подпишу. Печать поставь, вот она лежит, число и время. Собери всю эту канцелярию и Кадету передай. Людей ему выдели. Иди, потом подходи, думать будем.

Сначала я нашёл Тараса. Приказал ему готовить отход тылов.

- Что именно готовить?

- Всё. Уводить надо всю технику, транспорт, да, ё-моё, ты старшина или кто? Всё! Исполнять! На весь имеющийся транспорт погрузишь раненных. Чтобы ничего, что в завтрашнем бою не понадобится, тут не оставил! Что не сможешь увезти - уничтожь! Командует колонной - капитан Степанов. Если что-то не понятно - к нему. И вообще - пора бы уже научиться своей башкой думать! Исполнять!

Тарас заметался на месте, видно, не зная, что именно делать в первую очередь.

- Стой! - остановил я его, - Не мечись, соберись с мыслями, обдумай всё хорошенько, потом беги. До темна не высывайся из укрытий. Лучше скажи, что успел сделать в лесопилке?

- У-у! - глаза Тараса блеснули, - полноценный ротный склад! На неделю провианта и боезапаса.

- Херово. Пропадёт половина. Отходить будем пешим порядком лесами. Как потащим?

Тарас пожал плечами.

- Ладно, не твоя забота. Степанову помоги. Школеров погиб, ты теперь зампотыл. Принимай хозяйство.

Тарас плюхнулся на лавку, стянул с головы каску и пилотку, весь как-то пригорюнился.

- Отставить траур! Твоя задача - сохранить тылы батальона и всех раненных бойцов и командиров. Будут тылы - будет батальон, потеряешь имущество - расформируют.

- А люди?

- Людей пришлют. Полбатальона живы - подлечатся - в строй встанут. Тыл - скелет батальона, будут кости - мясо нарастёт. Нас из окружения дождись. Только сохрани всё, что мы с таким трудом создали. Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать?

- Да, Витя, я тебя понял. А вы?

- Мы ещё пободаемся тут. Налегке будет проще оторваться и уйти. Ты, давай, помозгуй тут, но не волынь долго. До утра должны отойти так далеко, чтобы танки вас не догнали. Если погода будет ясная - схоронитесь где-нибудь, с темнотой продолжите путь. Для самолетов фашистов ваша колонна - мишень. Ладно, удачи!

- И вам, старшина! - раздалось многоголосое с разных концов Тарасовой ямы. Во, как! Тут оказалось полно народа. Хотя не стемнело ещё, но в овраге "Тарасовой ямы" я их уже и не видел.

Побежал, всё также, пригнувшись, проведать Степанова,

проговорили с ним с полчаса. Мельника винтовку отдал Степанову, обещал передать.

Обстрел ослаб. К длинному южному оврагу, где закрепилась моя рота, уже не перебегал, а шёл. Вместе с Шилом, его ребятами и группой сапёров, загрузившись, как мулы, минами и ящиками с Ф-1. Эти сапёры умели ставить растяжки - я им этот нехитрый партизанский приём из будущего показал ещё в процессе формирования батальона, чем заслужил репутацию минёра-виртуоза, хотя не смог бы обезвредить ни одной мины. За ночь команда Шида должна была зачистить овраг, а сапёры - заминировать. Пока же они расположились в наших окопах - роту я отводил, оставив Шилу лишь один станковый пулемёт с усиленным до трёх человек расчётом.

Пока рассеянной группой - чтобы все не погибли разом от шального снаряда - шли на новый рубеж, я инструктировал расстроенного Кадета.

- Ну, почему я? - ныл он.

- Отставить, сержант Перунов!

- Это не честно! Что думаете, я не вижу, что вы меня просто отсылаете?

- Да, сержант, отсылаем. Потому что хотим, чтобы ты, сержант, стал генералом. Генералом, понял? И ты можешь им стать!

- И ты можешь! И комбат!

- Нет, Миша. Ничего ты не понял. Я уже умер, Ё-комбат - тоже. Он ещё на границе погиб душой, вместе со своим погранотрядом. Его существование приносит ему только боль. Каждую ночь - боль. Ты потом это поймёшь. Сейчас постарайся понять вот что, на будущее. Твоё, офицерское будущее.

- Сейчас нет офицеров.

- Это и плохо, что ты судишь о вещах по обёртке. Всяк, посвятивший себя защите Родины и ведущий в бой людей - офицер, как его не называй. Ты-то должен это понять, ты же потомственный военный. Но, дело не в этом. Постарайся понять, а потом суди. А понять надо следующее: завтрашний бой не имеет смысла, не рационален. Задачу свою мы выполнили, большего от нас никто не может потребовать. Завтрашний бой - самоубийство рот батальона.

- Вообще не понял.

- И я об этом. Я тебе постараюсь объяснить, ты постарайся понять. Если не поймёшь - хорошим командиром не станешь. Так вот, с точки зрения военного искусства дальнейшее наше пребывание здесь - профанация на грани преступления. Нас осталось на полноценную роту,

учитывая видимость звёзд и, значит, завтрашнее появление авиации у противника, про пушки можно забыть. А утром на нас выйдет танковая дивизия. Час - полтора боя - и всё! Исходя из этого, комбат сейчас же должен отвести свою часть в тыл на переформирование, спасти батальон, тем более, что приказ такой он получил. Но... Позади нас, восточнее, только та самая истощенная дивизия. На марше. Больше никого. Отойти - значит открыть дорогу танкам на восток, на Москву, Липецк, Тулу - куда они там нацелились? Так, что, Миша, тылы уходят, ты готовишь место для отхода в лес, а мы ещё будем держать немца. Сколько Бог даст, столько и будем держать. Зубами.

- Я это понимаю! И я тоже хочу остаться!

- Не это ты должен понять! Пойми главное. А главное - не бой, а то, что будет после боя. Мы будем зубами держаться, а как зубов не станет - отойдём в лес. А там ты должен подготовить всё не для боя, а для спасения тех, кто выживет. Ты должен сделать отсечные позиции, завалы, ловушки с помощью сапёров. До лесопилки должны дойти только наши, а немцы должны остаться. Тебя я назначаю командиром лагеря и отряда. Если не придёт ни комбат, ни я, то ты должен оторваться от врага, лесами вывести людей на соединение с нашими частями. Понял? Жизнь всегда важнее самой геройской смерти. Ты должен спасти всех, кто выживет. На дороги не суйся, веди отряд лесами. Вспоминай, как я учил маскировке. Вас будут искать, преследовать. Маскировка - главное. Ты помнишь, чему я учил?

- Помню, - буркнул Миша.

- Вот и хорошо. Ну, тогда забирай эту канцелярию, топай к Тарасу, он тоже тебя проинструктирует - он же организовывал там "базу подскока", и дуй туда, осмотрись. Позже я буду присылать людей. Командуй, сержант Перунов! Надеюсь, ещё увидимся!

Мы обнялись, потом я подтолкнул его в сторону Тарасовой ямы, сам подозвал взводного, обрисовал ему диспозицию и наметил линию обороны, поставив задачу по её подготовке:

- Все окопы, дзоты, огневые на нашем участке надо соединить ходами сообщения, всё со всей тщательностью замаскировать. Я проверю! А завтра ещё "проверяющие" прилетят и с пикирования накажут нерадивых. В окопах и огневых сделать запасы патронов, гранат, воды. Огонь предполагается такой плотности, что поднос боеприпасов будет невозможен, всем запастись заранее. Школеров, молодец, царствие ему небесное, успел нас затарить под завяску. Задача ясна?

- Так точно! Придётся опять всю ночь бегать и копать, копать и копать. Сна не будет.

- Покой нам только снится. Ребята, к этому дню мы шли всю жизнь! Родина нас кормила, обувала, одевала, воспитала такими, какие мы есть. Неужели в самый ответственный момент, момент истины, мы не найдём в себе силы ещё чуть-чуть пересилить себя, чтобы подготовиться как следует и защитить Родину, родителей своих, родных своих получше? Что бы убить нелюдей этих побольше? Не пропустить? Не сумеем перебороть себя, не найдём силы - грош нам цена! И матери наши будут не гордиться нами, а разочаруются в нас. Хотите ли вы, чтобы враг проехал по вашей родной улице на танке или мотоцикле? Нет? Тогда убейте его тут, чтоб дальше не прошёл! А чтобы убить немца, надо подпустить его на расстояние уверенного поражения и остаться в живых до этого. Поэтому - копаем и бегаем, потом копаем, копаем, копаем! И всё маскируем, прячемся. Вы должны видеть врага - он вас нет, вы должны попадать в него - он не должен понять - откуда в него прилетело. Сюрприз надо фашистам заготовить, чтобы удивились. До смерти удивились! Так я думаю. Но, сначала - ужин! Айда жрать, мужики! Впрок надо натрескаться и на завтра запастись - тылы мы на восток отправляем, чтобы не мешались под ногами.

Пожрать - это всегда пожалуйста! Весело гомоня, остатки роты заполнили "Тарасову яму".

Минутка размышлизмов не в тему (либерастам - не читать).

Всё таки, хорошо, что я оказался среди энкэвэдэшников! За всё время ни разу - ни паники, ни трусости, ни сомнения. Герои! В штыковую на немца - как на празднике Масленицы в стенку кулачного боя - морды горят, глаза блестят, зубы скалят! Перед танком никто не вскочил, не побежал! Ждали, кидали гранаты, бутылки. При ранении орали, но не скулили, не причитали. Моральное состояние батальона - боевое, несмотря на потери. Как там в американских пособиях: "при потерях за один бой больше 10% личного состава подразделение теряет боеспособность", а у нас от роты осталось 20% осталось - нормально. Приуныли, конечно, но о бегстве никто и не помышляет. Я им сообщил, что тылы уходят, и всяк боец тут же понял, что это пушистый зверёк песец подкрался, что завтра - "наш последний и решительный бой", но вон, зубоскалят, гуляш наворачивая. Орлы! Чудо-богатыри!

А в моё время о них писали лишь как о заградотрядах, палачах. Забыли? Или это умышленный обман такой? Тогда - это предательство. Да, так оно и есть - предательство! Из страха, ненависти, зависти, от осознания собственной ничтожности. Смогут ли эти "тролли" интернетовские или политики наши крикливые с их лощёными мордами вот так, просто, под

танком не обосраться, в рукопашной от блестящего штыка увернуться, раздробить прикладом врагу морду, стирать с лица кровь и мозги друзей? А потом есть ужин и со смехом рассказывать самые страшные моменты минувшего боя? И смеяться. Над своим страхом? Не смогут? Не смогут. Сами ничтожества, других опускают до своего уровня, вываливая в грязи, оскорбляя.

Мой знакомый был в Чечне. Водилой. Не воевал. По нему не стреляли даже ни разу. А на железную дорогу мы устраивались вместе. Чтобы на железку попасть - комиссию надо пройти, как в космос отбор. Как "чеченца" его погнали к психиатру. Он комиссию не прошёл - устроил скандал - его завалили. А скандалить он стал из-за вопроса психиатра: "Можете ли вы пожертвовать жизнью?" Он спросил: "Смотря за что. За близких, за Родину - запросто - я это и делал в Чечне". А в карточке ему записали: "Склонен к суициду". Не взяли на работу - потому что псих. Понятно - не патриот, а псих! Родину обсирать и торговать ею оптом и в розницу - это признано искусством, а защищать её - психическим отклонением. Как же так за полвека вывернуло мой народ наизнанку? Почему?

Хотя, я-то не такой, почему-то. Даже над изделиями нашего автопрома не смеялся никогда. А проработав на заводе (не автомобильном, другом) узнал изнанку производства, понял, почему у нас "десятку" 20 лет не ставили на конвейер, почему производили только дешёвки, "классику", а не автомобили.

Теперь осталось понять, как вместо интеллектуальной элиты у руля оказались отбросы человеческого вида? Я слишком со многими "директорами", "менеджерами", "начальниками" общался, и не только по работе, но и "неформально", "по-душам" - составили они о себе впечатление. Впечатление такое же, какое остаётся, когда наступишь в дерьмо. Даже отмоешь ботинок, а запах мерещиться, тьфу, гадость!

И за всю прошлую жизнь ни одного Степанова-старшего, никого, похожего на Ё-комбата. Куда они делись? Не вымерли же, как динозавры? Погибли все на войне? Да ну, на хрен! Всех не перебьёшь! В среднем звене управления подобных Степанову-младшему (заматереет, с отцом сравняется) - большинство, а вот выше поднимается только то, что никогда не тонет. Когда это наша страна стала той рекой, по поверхности которой плавали не величественные корабли, а только дерьмо? Даже полковник КГБ, ставший президентом, оказался им же, как оказалось. А народ так на него надеялся, чуть не молился! Видимо, не верили, что зараза эта проникла и в ФСБ-КГБ-НКВД. Везде она, гнилотная плесень, проникла.

Что-то я размечтался не в тему! С Божьей помощью я сейчас не в том проклятом мире, а здесь. И здесь всё конкретно - тут свои - там враг. Свои - надёжные, "реальные", "настоящие" пацаны. Враг? Настоящий враг, не срывающий личины, бьющий, получающий в ответ, держащий удар, честный враг. Я убиваю их - они меня. Это лучше, чем подленькое отравление, удавливание, извращение и зомбирование. Кто в моём времени враг? Кого бить? Кто убивает Россию? Не видать. Скрывают облик свой враги, "переводят стрелки" то на янкесов, то на жидов, то на наших же говнюков-предателей. Врага не видно, как - будто и нет его. Многие так и думают, а льющщиеся на нас беды считают нашей же оплошностью. Всё плохо, потому, что это мы плохие. Так-то.

А! Хрен с ними со всеми! Я здесь и сейчас. Тут мои ребята, что в рот мне заглядывают, ждут чуда, там Ё-комбат, фундаментальный мужик, а там - ВРАГ! Всё просто. Пойду лучше к комбату. "Перетрём" дела наши скорбные.

О том, как нужда заставляет стать героем

На рассвете меня растолкали. Оказалось, я уснул, сидя в окопе, уткнувшись каской в стену окопа. Блин! Лучше б лёг. И бронник снял. Всё тело затекло, болело. А, да, я же не собирался спать. Вот и трубка валяется - я присел покурить. Так и уснул.

- Едва нашли тебя, старшина. Семёнов с ребятами вернулись.

- Что-то я всё прозевал. Как сходили?

- Нормально. Все вернулись. Несколько танков дожгли. Немец на это сильно осерчал - минами долбил и долбил.

Это тоже была моя идея. Я постоянно помнил о прочитанном однажды опусе в Интернете о феноменальной эффективности работы гитлеровских ремонтников. И, хотя мы пока не видели ни одной попытки отремонтировать или утащить с поля боя танк, поделился своей озабоченностью с Шилом. Он собирался на "охоту" на вчерашнее поле боя, обещал "перевести" подбитые танки из категории ремонтнопригодных в утиль.

Небо было ясным, облачность была не сильной. Беда! Заметно похолодало. Меня со сна даже затрясло - продрог. Стал потягиваться, разминая затёкшие мышцы.

- Тихо-то как! - почему-то шёпотом, сказал боец, что меня разбудил.

- Это ненадолго, - ответил я ему.

Полустанок, высотка, поле, полотно и дорога выглядели безлюдными. Кого смогли - потемну отправили на восток. Остальные,

скорее всего, - спали. И это правильно. Три бессонные ночи, двое суток боя, сотни тонн перелопаченной земли - пусть хоть чуть отдохнут. Пойду-ка я меры маскировки проверю, пока можно что исправить.

Наш батальон и один из батальонов дивизии - всё, что осталось здесь. Дивизия отошла ночью исполняя приказ на выравнивание линии фронта - севернее враг очень уж далеко продвинулся. А нас оставили прикрывать отход.

Обошёл, сделал несколько замечаний, сонные, уставшие бойцы безропотно стали поправлять. Обход закончился в "Тарасовой яме" завтраком. Оскальдович не уехал, остался, доброволец херов. Сейчас он кормил завтраком, по объёму превышающим суточную норму, всех желающих. А мне из термоска налил кофе. Я его душевно поблагодарил, похвалил.

- Не за что. Вот если бы был настоящий кофе, тогда бы...! А это - немецкая подделка.

- Был бы у бабки жезл, была бы она дедкой. Я и не заметил разницы, думал - настоящий кофе.

- Настоящего, сразу видно, не пробовал.

- Вполне возможно. Ты мне лучше скажи - ты на хрена остался, доброволец хренов?

- Это как это? Кормить вас остался, воевать.

- А то мы без тебя не поедим и не повоюем! Сказано тебе было отходить!

- Обижаешь ты меня, Виктор Иванович! Что я, хуже других? А-а! - он махнул рукой отошёл. Правда, обиделся, ты глянь-ка!

Я допил кофе, собрался, распахнул сухпай по периферийным карманам, подошёл вплотную к повару, громко зашептал ему на ухо:

- Слушай мой приказ, Оскальдович! И если меня хоть чуть уважаешь - исполни! Как тут закончишь - сразу уходи на лесопилку. Там Кадет за старшего, помоги ему. Мы туда после боя отойдём, но будем уже в окружении. Будем по тылам врага прорываться, твои способности нам очень пригодятся. Поэтому, тут мы и без тебя управимся, а вот там без повара нам трендец! Надеюсь, ты меня правильно поймёшь! По лесам натошак много не прошагаешь.

- Я тебя понял, Витя, всё сделаю. Ты только вернись.

- Это уж как получится. Давай, простимся, на всякий случай, брат! Мы обнялись.

Восток окрасился в красное, когда я пришёл на новый НП комбата.

- Утро доброго, - пожелал я.

- Скоро прилетят - пожелают "доброго утра". Пулемёты я отправил вместе с "Мухоморами", зенитки поставил на прямую наводку, замаскировал. Беззащитны мы будем.

- Это не есть хорошо. Но зенитки - не панацея. Сбить самолёт с земли непросто. Танки - важнее.

- Я тоже так решил. Души убитых в бомбёжке опять на мне повиснут. Возвращайся в роту. Предстоящим боем руководить не получится - резервов у нас нет, а они такой массой навалятся, что сомнут сразу.

- Посмотрим. Куда делись мои спецы? Команды Шила и Лешего?

- В тылу я их посадил.

- И где у нас будет тыл?

- Кромка леса. Отход прикроют. Всё, старшина, свободен.

Я сидел в своём дзоте-НП и тихо охеревал. Правильно сказал техник из фильма "В бой идут одни старики" - самое плохое на войне - ждать. Сидел и ждал немца. От нервов уже и автомат перебрал, и гранаты по два раза переложил, все рожки патронами забил, а немец всё не начинал. И уснуть я уже не мог!

Поднял трубку телефона, покрутил:

- Что там, Глаз?

- Тихо, пока, - ответил наблюдатель из бывшего НП комбата.

Ну, вот, опять жди.

- Воздух!

Ну, наконец-то!

Восемь самолётов не спеша прилетели с северо-запада, пролетели над нами, развернулись, перевернувшись через крыло, во-о! Завыли! Тут же землю сотрясли сильные взрывы. И ещё! И ещё! Хорошо хоть отбомбились по нашим вчерашним позициям, на той стороне высоты. А там у нас лишь несколько дзотов с трофейными пулемётами осталось обитаемо.

Когда бомбить перестали, стали штурмовать, заливая, теперь уже наши позиции из пушек и пулемётов. Но, мои ребята молодцы - сидели по норкам тихо, как мыши. Никто не бегал бестолково в панике, как в фильмах про войну показывают, правда и не стреляли в самолёты. А те от безнаказанности совсем оборзели - чуть брюхом гребень высоты не цепляли, выходя из пикирования. Это уже наглость, за которую нужно наказывать!

- Дай сюда! - я выхватил пулемёт из рук пулемётчика, сидевшего рядом, сжавшись. Выскочил из-под защиты накатов шпал. Осталось

дождаться момента. Если и не собью гала, напугаю точно.

Раскрыл сошки, поставил пулемёт на перекрытие дзота. Вот, этот может быть и моим клиентом. Самолет с изломленными крыльями, неубранными шасси в обтекателях, заходил прямо на меня. Страшно, блин, ах спина похолодела! И руки сразу увлажнились. Ничё! Терпимо! Я ловил его в прицел. А он, может быть, меня. Я пока не стрелял.

Он начал первый. Огненные трассы потянулись от самолёта, но не в меня, выше. Я всё ждал. Я уже видел самолёт во всех подробностях, полупрозрачный круг винта, видел каждую заклёпку, голову пилота, даже разглядел вылетающие гильзы. Пора! Я дал очередь, целя прямо перед винтом, с опережением. Попал, не попал? Плохо, что пули не трассирующие.

Самолёт с ревом пронёсся над головой. Я быстро развернулся, сев на зад, выставив пулемёт. Самолёт выходил из пикирования. А я в него долбил из пулемёта. Во! Ура! От самолёта полетели ошмётки, он дёрнулся, резко заложил на крыло. От него потянулась серебряная ленточка - что-то вытекало, значит, что-то я пробил. Самолёт, как заложил на крыло, так и кувыркнулся. И это у самой земли. Пока я вставал, услышал удар. Выглянул - самолёт врезался в землю метрах в 300-х. Начиная разгораться.

- Медведь самолёт сбил! Ура! - завопил тот самый пулемётчик.

- Ура! - прокатилось по окопам.

- А должен был ты сбить! - ответил я ему, возвращая пулемёт с пустым диском, - это не сложно - он совсем не бронирован.

Ага, а у самого сердце от радости из горла выпрыгивает. Я! Я! Я - Самолёт! Сбил! Я сбил самолёт! Ахренеть! Руки затряслись, на разом ослабших ногах прошёл в землянку, под крышу, сел на патронный ящик. Кругом стояла трескотня стрельбы - моему примеру последовали другие. Попадут не попадут - а отповедь от наглости фашистские стервятники получают. Не будут так снижаться.

- Улетают! - пронёсся радостный крик.

- В укрытие! - заревел я так громко, как смог. Услышал, как моя команда передаётся по цепи.

Угадал - в воздухе свист, взрыв! Артподготовка. Молотить будут от души. С самолётов им теперь передадут ориентиры для стрельбы.

- Держи штаны сухими, ребята! - крикнул я. Кто меня услышит? Такой грохот стоит. Засёк время.

Ждём. Боясь, трясусь. От взрывов и страха - тошнит. Самое время молиться, но я ни одной молитвы не знаю.

Пулемётчик рядом со мной тихо скулил, закрыв глаза и обняв

пулемёт. Его второй номер сжался в углу, лицо закрыл ладонями, уткнул в колени, вздрагивал при каждом близком взрыве.

Молитв я не знаю. А хотелось изгнать страх как-то. Не выть же? И я запел:

В тёмно-синем лесу,
Где трепещут осины,
Где с дубов-колдунов
Облетает листва
Косят зайцы траву
Трын-траву на поляне
И при этом напевают странные слова:
А нам всё равно!
А нам всё равно!
Пусть боимся мы волка и сову!
Дело есть у нас - в самый жуткий час
Мы волшебную косим трын-траву!

Пулемётчик смотрел на меня, как на психа, его помощник сквозь приоткрытые пальцы, с испугом. А я заводился. Потом вскочил и попытался изобразить в тесноте дзота танец Никулина:

Храбрым станет тот, кто три раза в год
В самый жуткий час косит трын-траву!

Второй номер убрал руки от лица, стал хлопать мне в ладоши, пулемётчик подпрыгивал на месте.

Все напасти нам будут трын-трава!
Я церемонно поклонился. Мне рукоплескали.
- Ну, полегчало?
- Ага!

И тут бухнуло совсем рядом. Меня швырнуло на пулемётчика, сверху засыпало землёй.

- Живы?
Всё в порядке. Только амбразуру наполовину забило землёй.
- Убрать!

Расчёт стал разгребать землю руками.

Обстрел стал слабеть или мне показалось? А-а! Перенесли огонь вглубь, на полустанок и посёлок.

- К бою! - донесла цепь.
- К бою! - проорал и я.

Выскочил в окоп, огляделся. Лунный пейзаж. По цепи команда дошла и побежала дальше - люди-то живы.

- Э-эх! Не зря копали! Молодцы мы!

Настроение - супер! Бомбёжку пережили, самолет - сбили, обстрел - проплясали, атаку отбить осталось. Спою-ка я ещё:

Вставайте, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает!

Когда десятки голосов грянули со всех сторон, подхватив, я слегка офигел. А потом уже казалось, что сама земля поля боя пела басами:

Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг",

Пощады никто НЕ ЖЕЛАТ!

Так-то! Орлы! Чудо-богатыри!

А что там немец? Я схватил трубку аппарата, покрутил ручку - бесполезно. Связи нет. Ну и хрен с ней!

Последний и решительный.

Моя рота была на левом фланге, фронтом на юг и юго-восток. Справа у нас - полустанок. Там закрепился батальон стрелковой дивизии. У них нет ни одного орудия, только гранаты и напалм в разной стеклянной таре.

На гребне показался первый танк и десяток силуэтов пехотинцев. Ё-комбат приказал не экономить снаряды - по танку разом ударили все одиннадцать стволов - семь уцелевших сорокопятак и четыре зенитки. Подбили сразу. Пехоту положили залпом из десятков стволов.

- Не стрелять! - заорал я, - Это не наши игрушки! В укрытие!

Ага! А то мои орлы уже пулемёты разворачивали. Наши цели из оврага полезут и с юга высотку обтекут.

А на гребне уже три танка пылали. Ещё три ползли вниз, разом пять "нарисовались" на гребне. Что это за уродцы? Высокие, узкие. А-а! "Чехи"! Добро пожаловать! Но, посторонним тут проход запрещён!

Бой разгорался с невиданной, пока, силой. Трескотня и грохот слились в один сплошной оглушительный гул. Из-за этого даже не слышали возвращения "лапотников". Но, теперь на них никто не обращал внимания. Они устроили "карусель" над нами, выбивая наши орудия.

- Рота! По самолётам противника! Опережение - полфигуры! Огонь!

Хоть так! Пока напротив нас поле пусто - по самолётам полупим, мешая им целиться. За воздухом я больше не смотрел. Я смотрел на овраг. Из него выбежали несколько серых фигур, попадали. Ещё несколько. Начали разбегаться. Рыча сизыми выхлопами, полез "чех", но получил несколько "вспышек" моих бронебойщиков в борт, съехал обратно. Густо полезла пехота. Наша цель!

- Рота! По немецко-фашистской пехоте! Огонь!

В этот раз нам сильно не хватало ДШК. Вчера эти пулемёты хорошо проредили атакующего врага. Дегтярёв не мог их заменить. А МГ-34 стояли в дзотах и пока не могли стрелять. Мы построили дзоты "редутом" для косо-прицельного огня во фланг. К врагу был обращён угол дзота. Зато из танка не виден "работающий" пулемёт.

Пехота врага несла потери, но упорно продвигалась к нам. Из оврага стал бить миномёт. Ха! У меня тоже такая штука есть! Даже две. Обе - трофейные. Мин только мало. Я добежал до огневой миномётчиков:

- Давай!

Командиры расчётов встали в полный рост, по пояс высунувшись из окопов, стали диктовать указания наводчикам. Тихо (против какофонии вокруг) хлопнули миномёты, заряжающие тут же забросили в жерла миномётов ещё по одной мине.

Я побежал обратно. На нас катили уже два танка. Бронебойщики исправно высекали из них искры, но пока не попадали в жизненно важные узлы. Пехота врага приободрилась, поднялась, рванула. И попала под "газонокосилки" МГ-34 дзотов. Танки за минуту оказались отрезаны от пехоты, проехали ещё сто метров, встали. Придурки! Теперь они - мишени. Тут же на одном из них открылись люки - полезли танкисты, а следом - дым и огонь. Второй стал пятиться назад. Молодцы бронебойщики!

На моём правом фланге дела сильно усложнились - разом четыре танка и редкая цепь пехоты вышла из-за высоты на нас. Я перенаправил огонь станкочей и ПТР. Одному танку сбили траки, он развернулся, чем тут же воспользовались зенитчики, наверное. Их скорострельная пушка очень быстро переносит огонь и быстро стреляет, но слабовата. В корму танка впечаталась целая очередь снарядов зенитки. Танк загорелся, а потом взорвался. Башня его подлетела в воздух и упала подле. Но, идущий следом танк, встал за этим горящим металлоломом, спрятавшись от зенитки, и стал долбить по моим окопам. Его примеру последовали и остальные танки, даже три вылезших из оврага.

Твою-то в атом! Оставшиеся орудия уже связаны боем. Мне нечем убить эти "панцеры". ПТР их не брали с такого расстояния и танкисты это поняли. Они буквально открыли охоту на мои ПТР. А их пехота подбиралась всё ближе.

Замолк один дзот. Потом ещё один. Первый через пару минут застрочил опять, а вот второй - нет. Когда я туда добежал, увидел, что там все погибли - снаряд танка разорвался прямо внутри дзота. Меткие танкисты - с семисот метров попасть в амбразуру не просто. Пулемёт был тоже поломан. Собрал оставшиеся боеприпасы, отнёс к ещё "живому" МГ.

Когда я уже хотел дать команду на отход, немцы дрогнули, залегли. Один, потом ещё один танки заткнулись, открытые люки сказали мне об бегстве экипажей. Оставшиеся танки отошли, спрятались в складках местности и за корпуса подбитых машин. У-уф!

Глянул на гребень высоты - там надгробными плитами врагу стояли уже восемь остовов танков, но целых не было - тоже отошли. Вот в чём дело! Там немец отошёл и пушки батальона ударили по "моим" танкам.

Опять начался обстрел. Прекратился он только из-за прилёта пяти "лапотников". Ещё где-то двоих потеряли. Эти отбомбились, опять немец начал нас с землёй смешивать. Песок скрипел у меня на зубах, я совершенно оглох. Меня один раз завалило землёй, два раза выкапывал своих бойцов.

То есть, во время бомбёжки я совершенно не наблюдал за противником, а он, оказалось, обошел нас, его танки и БТРы с пехотой ушли на восток. Против нас остались только те, что уже увязли в бою с нами. И как только обстрел и бомбёжки кончились, они решили нас раздавить последним ударом, опять пошли в атаку. Именно пошли, не побежали.

- Не стрелять! - крикнул я. Голос был сильно охрипший. Не знаю, слышал меня кто или нет - я сам себя почти не слышал, - Подпускай ближе!

Идут, как на прогулке. Как беляки в психической атаке. Щас! Посмотрим, чья психика крепче!

Я перекинул автомат на грудь, потряс, стряхивая землю. Оглянулся. Мало. Нас осталось так мало.

- Приготовиться!

Двести пятьдесят. Двести. Сто пятьдесят. Пора!

- Огонь!

Я стал стрелять. Затараторили пулемёты, А вот автоматов и винтовок стреляло мало. Ребята заменили выбывших пулемётчиков?

Немцы падали, стали бегать, но не стреляли и не останавливались. Правда, танки их "отрывались" за пехоту - танковые пулемёты чуть не захлёбывались, бухали танковые пушки. С нашей стороны по танкам долбило только одно противотанковое ружьё. Попадало - нет - не видел.

- Приготовить гранаты!

Сам тоже взвёл лежащие перед собой гранаты.

- Атас! - заорал я и начал их швырять. Одна, две, три, четыре! После разрывов, добавил из автомата. Взрывались гранаты бойцов моей роты.

- Отходим!

Остатки моей роты потекли по полуразрушенным ходам сообщения

на север, к лесу. В полутора сотнях метрах позади этой линии у нас была запасная, не такая основательная, как первая, без дзотов, но всё же.

Танки дошли до наших окопов, стали их утюжить, подставив борта. Никто больше не стрелял в эти борта. Твою-то дивизию! Неужто нет больше у нас пушек? Пехота врага стала спрыгивать в наши окопы. Я увидел несколько рукопашных схваток. Не все отошли? Враги добивали наших раненных. Со стороны немцев полетели, крутясь в воздухе, длинные деревянные ручки гранат нам вдогонку. Ну, уж нет!

- Ура! - заревел я, вылетел из окопа, будто меня вышвырнули, побежал на немцев. Бежал я приставными шагами, автомат прижат к плечу, на линии прицеливания, поэтому, как только видел на линии огня серое пятно врага - тут же - очередь патронов на три - пять.

Через несколько секунд я спрыгнул обратно в свой окоп, приглубил прикладом по шее прячущегося немца, метнул гранату вперёд - там окоп изгибался, перезарядил и пошел вдоль окопа. Стреляя во всё, что шевелилось.

Я не заметил, что один пошёл в атаку. Мои отчаянный бросок видели многие, но никто не смог последовать за мной. Рота заняла запасную позицию, завязала перестрелку с немцами, занявшими наши старые окопы. А я в это время ледоколом шёл по этим окопам, зачищая их. Как-то так получалось, что те фашисты, что должны были меня уничтожить, были убиты мной раньше, чем увидели меня. Остальных я бил в спины - они не успевали среагировать.

Говорят, в бою время замедляется. Это чушь. Ход времени неизменен и неумолим. А вот наша скорость реакции может сильно изменяться. В бою, войдя в состояние боевого экстаза или иначе говоря - боевой ярости (научно - состояние изменённого сознания), боец поднимает уровень восприятия настолько, что появляется эффект слоу-мо. Всё становится неспешным. Это восприятие. На самом деле берсерк, а способный войти в состояние изменённого сознания - берсерк, становится настолько быстр, что его движения "смазываются". Именно в таком состоянии наши предки уворачивались от стрел, мечей. Я раньше испытывал подобное, в драке, а впервые - в бане, в парилке, перегревшись.

И вот сейчас такое же ощущение - всё вокруг порозовело, в ушах волнами шум, как на грампластинке с пониженной скоростью воспроизведения, солдаты врага стали какие-то вялые, сонные. Я расстреливал их, а они даже оружие не успевали повернуть. Лишь глаза становились большие-большие, испуганно-удивлённые.

Я знал, что ещё пара минут такого моего состояния и я упаду в

обморок. Но, у меня ещё полтора рожка, противотанковая граната, шар-ампула и Ф-1 подмышкой. Надо успеть израсходовать боезапас и выдернуть чеку Ф-1. Я хотел прихватить с собой ещё один танк, тем более, что прямо впереди один "чех" утюжил наши окопы.

Пока я дошел до него на расстояние броска гранаты, то есть, практически в упор, он развернулся и собрался атаковать мою роту. Вот этого я ему не позволю!

Чем хороша противотанковая граната - мощностью и взрывателем мгновенного действия, а вот плоха она - весом. Далеко не кинешь, а при взрыве - самого контузит. Ха! Мне ли бояться! Цилиндр гранаты полетел, неспешно, ударил в последний, задний опорный каток. Я нырнул в окоп. Взрыв! Я тут же встаю и туда же кидаю шар ампулы. Стекло лопается о броню, маслянистая жидкость растекается, загорается. Всё! Этот готов! Ну! Где вы, враги! У меня ещё есть секунд тридцать, я чувствую, я хочу забрать вас с собой!

Я пробежался по окопу - никого, выглянул. Ух, Ё-ё! Танк, пылая факелом, наехал прямо на меня. Ну, как на меня - я нырнул на дно окопа, а он - сверху. Время выходило, сейчас отрублюсь! Я бросил автомат, потянулся за чекой Ф-1. Не успел. Взрыв!

Тьма.

Ночь ходячего мертвеца.

Тьма. И БОЛЬ. Опять?

Нет. В этот раз иначе. Какие-то физические ощущения были. Сквозь боль. Тут я вспомнил, где я. Был бой, я оказался под горящим танком. Что-то сильно взорвалось. Что? Граната под мышкой? Это был бы конкретный трендец, но я жив, значит, что-то другое. Потом разберёмся.

Так, надо что-то делать. Попробую пошевелиться. Не получается. Меня парализовало? Нет, чувствую, что пальцы и на руках, и на ногах шевелятся. Может, меня просто придавило? Или засыпало? Вот, это конструктивно. Надо поднатужиться. Ух! Как больно! Потерпишь, не барышня!

Получалось. Я маятником раскачивался туда-сюда, обретая свободу всё больше. Вот, наконец, я смог встать, сразу грохнувшись головой о что-то. Голова взорвалась дикой болью. Судя по металлическому звуку удара, я ударился каской о днище танка. Получается, танк так и стоит надо мной. А я в окопе. А окоп частично осыпался, засыпав меня - ведь я скукожился на дне окопа, увидев горящий танк, прущий на меня. Ага! Всё вспомнил. А голова болит от взрыва. Опять контузило. Ну, да, и тошнит.

Ладно, пора выбираться отсюда. Пощупал броню - обжёгся. Ничего

себе! Как днище раскалилось. Как я не сгорел? Нащупал пустое место, качнулся туда, упал, пополз, вытягивая ноги. Не заметил, что с меня слез сапог. Увидел позже. Долго искал, копал. Нашёл, одел.

Я стоял в окопе, согнувшись - меня долго тошнило, выворачивая наизнанку. Уже и в желудке ничего не осталось, а всё равно тошнило.

Когда чуть полегчало, выбрался из обвалившегося окопа. Теперь понятно, что взорвалось - от танка остался лишь остов - ни башни, ни верхней бронеплиты не было. Видимо, сдетонировал боекомплект. Над моей головой. Ещё бы не контузило! Как на куски не порвало?! Или порвало? Стал себя ощупывать, но сообразил - если бы что-то оторвало - кровью бы уже истёк. Ночь ведь уже. И дождик идёт. Не сильный, морозящий. Типичный октябрьский дождь.

Так ведь уже ночь! А бой, для меня, закончился утром! Это сколько же я "отсутствовал"? Посмотрел на часы - бесполезно. Стекло расколото, механизм забит землёй.

А ведь я могу быть тут не один! И, что более вероятно, среди врагов! Мои "призывы Ихтиандра" могли всполошить тут кого угодно. Я тут же присел, стал рыскать по карманам и по земле. Слава Богу! ТТ - в кобуре. И хотя автомата я не нашёл, почувствовал себя намного увереннее. Сжал пистолет в руке, поднялся, огляделся. Бинокль я тоже потерял, а вот планшетка на месте. Уже хорошо.

Надо определиться с направлением. Мне надо на лесопилку. Это - на северо-восток. А где северо-восток? Небо - сплошь чёрное, вдаль - тоже ничего не видно. Так, ладно, поступим так. Окоп расположен был так, танк шёл так, осталось определить, где у него нос, а где корма и я найду север - танк стоял кормой на север. Ага! Вот туда и пойду!

Только сначала бы перекусить. Я был ужасно голодным. Ещё бы! Состояние изменённого сознания жрёт ресурсы организма, как пылесос. И если их вовремя не пополнить - истощение гарантировано. А следом - необратимые изменения в тканях, например, бессилие. Пошарил по карманам. О, да я богат! Плитка шоколада, пачка галет и полфляги коньяка. Но, только я поднёс еду ко рту - меня опять скрутило в тошноте. Вот, блин! Еда есть, а толка нет - всё обратно вылетит, не успев впитаться. Промыл рот коньяком, отпил глоток. Ух, и зря! Повело меня сильно. Ну, что за напасть!

Пора идти. Сжал пистолет, пошёл. Земля была перерыта воронками, траками, осыпавшимися траншеями. Часто натёкался на трупы. И наших, и немцев. Шарил по карманам и рюкзакам немцев. Разжился ещё флягой со спиртом и флягой с водой, пополнил запас съестного. В оном из окопов

подобрал пулемёт Дегтярёва. Не повреждён, хотя у его бывшего хозяина начисто отсутствовала голова. Достал из кармана его документы и ещё несколько бумаг, похоже письма. Рядом лежал ещё один диск. Судя по весу - полный. Тела второго номера рядом не было. Выжил. Или раньше погиб, на другой позиции. Всё это добро не помещалось в карманы. Пришлось реквизировать рюкзак одного из немцев и всё сваливать туда.

Дождь усилился. Я уже совсем промок, зато - ни одного немца. Хотя я и страховался - двигался осторожно, с оглядкой. Так я и дошёл до кромки леса. Справа от меня шла в лес грунтовка, но я, наоборот, взял левее - не хватало ещё, чтобы мне наша же мина ногу оторвала. Прошёл метров сто вдоль кустов, потом только углубился в лес. Шагов через сто стало так темно, что я деревья с пяти шагов не различал. И если бы не моё врождённое чувство направления - заблудился бы, на хрен! А так, один раз, по остаткам танка определив направление, я его уже не терял. Потеряю только вместе с сознанием - а в данный момент это для меня очень актуально - мне было хуже и хуже с каждым шагом. Отрублюсь - трендец мне! Очнувшись, уже не смогу сориентироваться. У меня и раньше так было. Поэтому я потерю сознания называл "перезагрузкой".

Сколько я так топал - не знаю. Все силы мои были направлены на одно - не потерять сознания. Ноги механически передвигались, тело, как будто само, огибало стволы деревьев, уворачивалось от веток и сучьев. Меня очень сильно тошнило, мутило, всё тело, каждая косточка и клеточка болели.

И вот, через вечность лесного странствия, раздался тихий, тревожный голос:

- Стой, кто идёт?!
- Свои, - прохрипел я, - Свои! Ребята, Медведь я!
- Ребята, Медведь! Живой!

Ко мне подбежали два чёрных силуэта. Я напрасно так обрадовался - расслабился и тут же рухнул им на руки без сознания.

Контуженный порядок.

Я пришёл в себя с недоумением и тем же вопросом: "Где я?" Понял, что лежу, попытался встать, но в плечи мне упёрлись руки и молодой девичий голос попросил:

- Лежи, милоч, лежи.
- Как тебя зовут?
- Таня.

- Таня, где я? Кто тут командир, позови его сюда. Иди, иди, зови. Я уже в порядке.

Как только давление рук ослабло, я сел, но оказался в каком-то неустойчивом положении, поэтому стал падать. Чьи-то руки меня подхватили, усадили и голос Кадета запричитал:

- Дядь Вить, тебе лежать надо!

- Вот ещё новость! Некогда, Миша. Миша? Я дошёл?

- Дошёл, дошёл. Я так рад! Мы все рады. Ребята из первой роты сказали, что ты под танк с гранатой прыгнул и подорвал себя с танком. А ты пришёл.

- Мои? Рассказывали? Живые, значит? Сколько человек спаслись?

- Сто семнадцать.

- Ого! Супер!

- Правда, наших мало совсем. Сапёры, Шиловские, Лешие, пушкарки. Из рот по десятку, либо. Много из Свиридовского батальона. Сам Свиридов не пришёл. И Ё-комбат погиб. И никто из командиров не вышел. Только Семёнов. Он теперь старший. А вот и он.

- Как Семёнов? Почему? - но тут меня опять рвота скрутила.

Мне, наконец, полегчало. Я смог оглядеться. Точно, лесопилка. Знакомые стены плясали в свете костров. Костров?

- Вы что, охренели? Какие костры?

- Люди промокли, продрогли, - начал Шило.

- Молчать! Почему ты тут командуешь? Кадет, кто отменил мой приказ? Ё-комбат погиб. Меня он назначил исполнять обязанности комбата. Я приказал тебе быть комендантом лагеря. Кто отменил мой приказ?

- Но, Семёнов - старший по званию, - пролепетал Кадет.

- По названию! Ты сам сложил с себя полномочия? - я, наконец, встал, достал из кобуры свой пистолет. Я чувствовал, что ярость мне застит разум, но не было сил остановить самого себя.

- Кадет, на колени!

Миша бухнулся на колени, смотрел на меня удивлённо. Кругом стояла сплошная стена людей в мокрых плащах.

- За самоличное сложение с себя полномочий, за нерешительность и трусость в боевой обстановке, за беспечность, демаскировку подразделения в непосредственной близости от противника, за угрозу безопасности жизням вверенных тебе людей, за невыполнение прямого приказа вышестоящего командования, приговариваю тебя, сержант Перунов, к высшей мере социальной защиты.

Миша стоял на коленях, опустив голову, дёргался, будто каждое моё слово было ударом. Кругом воцарилась тишина, я "ощущал потрескивание" пси-поля. Я поднял пистолет, направив его прямо в макушку Миши. Иначе

нельзя, прости, Миша! Взял пистолет и нажал на курок.

В абсолютной тишине сухо щёлкнул боёк пистолета. Выстрела не последовало. Я поднял пистолет - обоймы в нём не было. Это получается, я всю дорогу сюда шёл фактически безоружным?

- Встань, сержант. Считаю приговор приведённым в исполнение. Бог тебя в этот раз спас, не закончен твой путь, долг не уплачен. И всем говорю: за невыполнение моих приказов, за демаскировку отряда, за трусость и лень, за пренебрежение к долгу - буду расстреливать на месте! Игры закончились! Тут война! Сейчас же перенести костры в ямы, укрытия, выставить дозоры, послать разведку во все направления, слышишь Шило! Ты - начальник разведки - не более. Кадет - мой зам. В моё отсутствие или в случае моего выбытия - он ваш командир. Приготовить лагерь к эвакуации. Шило - разведай северный и северо-восточный маршрут. Исполнять!

- Я рад, что ты выжил, Виктор Иванович! - ответил мне на это Шило.

- Это мы ещё посмотрим, - буркнул я и опять упал на колени, отвернувшись под телегу, на которой я и лежал всё это время. Меня тошнило, тошнило (чем интересно? желудок уже несколько часов пустой), а потом я опять отрубился.

Уходим в "тень".

Когда я "появлялся" опять, мы провели "планёрку". Состав: я, Кадет, Шило, Леший и Оскальдович, ставший нашим старшиной. Обсудили дальнейшие планы, решили перенести лагерь глубже в лес на десяток километров. Больно уж мне не нравилось на лесопилке - место "засвеченное". На лесопилке оставляли лишь усиленный "секрет". Могли появиться ещё выжившие, навряд ли меня. Присутствующим командирам поручил распределить людей меж своими отрядами исходя из уровня подготовки. Получилось, что десяток человек оказались в подчинении Оскальдовича, остальные - Шила. У леших слишком специфична подготовка - никто, пока, не годился для пополнения его отряда, но Лёха обещал "надрюкать" несколько ребят. Шило доложил, что разослал во все стороны пары разведчиков, расставил тройки дозорных. На этом совещание закончили, стали сворачивать лагерь. Я послал налегке вперёд леших и тех ребят, которых Леший себе отобрал - они готовят маршрут.

- Помни, Лёша, не руби прямые просеки длиннее десяти метров, нет, лучше пяти метрами ограничимся. Конная повозка пройдёт, повернёт. А с воздуха не должно быть видно. Главное - маскировка. Нам никакой сейчас бой не нужен. Ни победный, ни разгромный. Никакой. Нам надо раствориться в лесу. Над этим подумайте и накрепко запомните все. Костры

разводить только в ямах, дым рассеивать лапником, на открытые места даже не соваться, дорог избегать, всё маскировать. Абсолютно всё. Ох, сколько же тысяч наших бойцов и командиров поплатились этим летом за то, что не умели маскироваться, не умели ходить лесами и пёрли прямо по дорогам. А те, кто умел в лесу жить - до самой передовой без потерь добирались. Нам так же надо. И ещё. Всех касается, особенно тебя, Шило. Мы должны всё знать о противнике, он не должен не только нас видеть - знать о нас не должен. Ясно?

- Это как так?

- А вот так, - я начал было объяснять, но опять их лица уплыли вдаль, потом схлопнулись - я опять отрубился.

Очнулся, трясась в телеге. Я был накрыт шинелью и брезентом. Откинул всё это, поднялся, остановил возницу, сошёл на землю:

- Поехали, - махнул вознице. Сам взялся за жердь телеги, пошёл рядом. Бронник с меня сняли, разгрузку тоже, на мне была чужая гимнастёрка и ватник.

Подбежал Кадет.

- Где мои вещи? - спросил я его. Он откинул брезент на телеге, показав мне обгоревшие на плечах и рукавах куртку и рубаху. От жара горящего танка брезент куртки и хэбэ рубахи стали жёлтыми, разбрелись.

- Ого. Как же я не обгорел? - удивился я.

- Обгорел. Разве не чувствуешь? И шея, и плечи, и руки. Брезент бронника совсем сгорел, голые пластины торчат.

- Не знаю что и чувствовать, Миш. Всё болит. Давно идём?

- Скоро придём. Подобрали ещё троих красноармейцев. От Вязьмы идут. На шум боя шли, опоздали.

- Ты, это, так оголтело, на слово людям не верь. У нас же много следователей было, найди, пусть побеседуют с этими и со всеми последующими. Будет свой особый отдел.

- Виктор Иванович, люди уже две недели по лесам ходят. На еду накнулись, будто ни разу не ели.

- А ты всё одно не верь всем. И мне не верь. Никому не верь. Немцы специально в группы таких окруженцев своих агентов внедряют. Надо проверить. И на предательство и трусость проверить.

Миша удивленно, даже как-то осуждающе смотрел на меня.

- Пойми - люди эти теперь среди нас идут, в бою за твоей спиной окажутся, а кругом враг. Ты разве не хочешь знать хорошенько, кто спину твою прикроет?

- Это - да. Но, зачем агента к нам? Что он тут разведает?

- Агенты разные бывают. Бывает, взяли человека в плен, угрожают. К сотрудничеству склоняют. Расстрелом грозят. Он и согласился - жить-то хочется. А они его кровью и повязывают. Он под кино- и фотокамеру своих товарищей из нагана расстрелял. А если не будет делать то, что немцы прикажут - фотки в НКВД подбросят. Расстреляют не только ведь предателя, но и семью его. И вот послали его в лес, встретил он отряд своих бывших сослуживцев, пошёл с ними. Они его знают, верят. А он метки по пути оставляет, костёр ночью запалит, ягдкоманду наведёт.

- Это кто такие?

- Это специальные отряды врага, прошедшие подготовку по поиску и уничтожению партизан и таких как мы, бредущих по лесам. Это охотники на людей.

- А-а, понятно.

- Так что, всех вновь прибывших - проверять. Найди среди наших чекистов дознавателей, следователей или как это у них там обзывается. У Шила спроси. Слушай, а есть что пожрать? Не могу больше терпеть. Наемся, а там - пусть тошнит.

- Сейчас, Антипа Оскальдовича обрадую. Он всё сокрушался, что ты голодный. Я быстро.

Но, обеда я не дождался. Очнулся - опять лежу в телеге. Тут же сел. Рядом сидела и спала малюсенькая девчушка в огромном ватнике и здоровенных сапогах. Голова её качалась туда-сюда в такт колебаниям телеги. Я спрыгнул, прикусил губу, чтобы не застонать, осторожно положил девочку на бок. Она сложила ладошки под щекой, даже не проснувшись, так и спала. Возница лишь хмыкнул на это.

- Почти приехали, - сообщил он мне, - уже два дозора проехали.

- Давно едим?

Возница пожал плечами. Я глянул на свои часы, с досады выкинул их в заросли (только позже я подумал, что поступил я опрометчиво, наследил).

Над нами стояло низкое серое небо. Вереница телег и повозок, подобно гигантской гусенице, тянулась под облетевшими деревьями от одной вешки к другой. Так наши скауты отмечали проходимую для повозок дорогу.

- Великоват у нас обоз, - проворчал я.

- Угу, - кивнул возница, - даже кухня походная есть.

Как только он сказал о еде, мой живот тут же поднял бунт. Заурчал так, что далёкие выстрелы и уханья гранат за рёвом живота не сразу и услышал.

- Ага, - кивнул возница, - ребята "гостей" на лесопилке "встречают".

Мимо меня, козыряя молча на ходу, пробежали с десятков бойцов в хвост колонны. Я проводил их взглядом. Хотел за ними, но негромкий голос Антипа меня остановил:

- Это так, предосторожность, Виктор Иванович. Ещё один заслон оставим. Засада на лесопилке немца поведёт на юго-восток, потом оторвётся.

- Если смогут.

- Должно получиться. Ушлых ребят Шило определил в засаду. Ты со мной лучше иди. Поесть тебе надо. Хотя бы чаю сладкого попить.

- Неплохо бы.

Пока шли до третьей повозки от моей, я узнал, что идём уже четыре часа. Хотя и идти всего с десятков километров, но это по карте - десяток. А по лесу, да с обозом - с десятков часов. Старшим над обозом был Оскальдович, на время моей "отключки". Он мне и поведал о делах наших скорбных. Разведчиков выслали с заданием "поглядеть" немца. Ещё не вернулись. Я высказал опасение - не сгинули? Оскальдович был уверен, что не вернулись потому, что немца пока не встретили. Будем надеяться.

Я поел, выпил чаю. Тошнило, но терпимо. Сам не заметил, как "сморило" меня.

Проснулся заметно посвежевшим. Уже стемнело. Мы уже никуда не ехали. Потрескивал рядом костёр, тихо переговаривались несколько человек. Пахло едой и куревом. Я сел, стал искать покурить. Одежда на мне была чужая. Ага! В боковом кармане штанов нашёл портсигар, трубку, мешочек с махоркой и свою зажигалку. Трубку забивать было лень, закурил трофейных сигарет. Типа "Примы" нашей. Такие же поганые и без фильтра. Хуже даже самосада.

Тут же появился Кадет - услышал мою зажигалку, затараторил, докладывая обо всём и сразу. Я слушал, не перебивая, курил. Закончив доклад, он искренне поинтересовался:

- Как вы, Виктор Иванович?

- Хреново, Миша. Только никому не говори - это военная тайна. Сколько сейчас времени?

- Двадцать три или около того.

- Собери планёрку. И дай карту.

Я перебрался к костру ближе. Сидящие у костра бойцы быстренько облизали ложки и отошли, тут же растаяв в темноте. Первым пришёл Антип. Доложил наличие людей, лошадей, продуктов и боеприпасов.

- Антип. Сапёров бери под своё начало. Всех не боевых - к ним. Не

Лешие должны дорогу "пробивать", а сапёры.

- Уже допетрили, командир. Лешие только метят.

- Сообрази инженерную разведку. Сапёры и метить сами должны.

Лешие - инструмент совсем для других целей. Они должны быть полностью свободны. Будут ударно-диверсионной группой.

- Понятно, - кивнул Антип Оскальдович.

Пришедший Шило, щурясь от света костра, стал щепкой водить по карте, показывая маршруты движения своих разведгрупп. Немцев встретили лишь с северо-востока. Север и юго-восток были свободны.

- Так, - я почесал шею - обожжённая, чесалась, - значит, отжимают нас на юго-восток. А что там, на юго-востоке?

- Там крупный лесной массив, с двух сторон ограниченный рекой, с третьей - железкой.

- Мешок.

- Мешок, - согласился Шило.

- А в этом направлении? У нас нет карт?

- Нет. На восток - масса немцев и редкие языки леса, много речушек, хотя не крупных. На северо-востоке - станция, город, за ними - широкая лесополоса. Она от города идёт на восток и север, потом соединяется с брянскими лесами и идёт аж до дома.

- Так прямо и до дома.

- Это же брянские леса! Они раскинулись на пол-России. Там и спрятаться можно и идти скрытно.

- Хоть и лесом, но наперерез немцу. То есть, ты предлагаешь идти на север, обойти город чистым полем с обозом, прорваться в лес, углубиться на север, северо-восток к Москве, в тыл группе армий "Центр", потом повернуть на восток, юго-восток и выйти к нашему Юго-Западному фронту?

Шило красноречиво молчал. Потом не выдержал:

- А куда? Этим лесом мы придём в мешок. Хоть и большой, но мешок. А сейчас не лето, леса скоро станут как паутина - насквозь просматриваться. Да, на севере город, а на юг - железка и шоссейка. Там ещё недели три сплошным потоком немец будет идти. Что так, что так - без боя не пройти.

- Это точно, - кивнул я. Ещё закурил, - Оскальдович, жевнуть бы!

- Ага! Сей момент!

Пока я курил все мои "офицеры" молчали, "гипнотизируя" карту, которая показывала нам лишь кусок этого леса, две дороги и городок на севере.

- Ладно. Давайте пока решим так. Общее направление на брянский лесной массив я одобряю. Но движемся пока только на восток. Шило - широкой гребёнкой прочёсывай лес на нашем пути. Всех чужих - в расход, своих - сюда, будем с ними разбираться. Леший - твоя задача: своей группой больно кусаешь врага на юге, вдоль дороги - показываешь наше движение в том направлении. В схватку не вступай - укусил - отойди. Людей сбереги. Должно выглядеть как разведка боем прорывающийся группы окруженцев. Кадет и Антип - центр отряда. Людей распределите сами. Всё! Всем отдыхать. С рассветом - выступаем.

Лесной поход.

Движение по лесу - это медленное, нудное и тяжелое занятие. Тем более с обозом, да и люди были нагружены, как мулы. Тем более в таких лесах я и не был никогда - сплошные овраги, завалы, ручейки. Морока. Темп продвижения был обидно низкий - а фронт откатывался от нас всё дальше и дальше.

На второй день плюнули на маскировку, пошли по попутной лесной "дороге". Это была просто просека, изрядно заросшая уже вялой травой, где и кустами. Видимо, дорога была или давно брошена, или очень редко использовалась. Пришлось организовывать по ходу движения колонны посты наблюдения за воздухом на наиболее высоких деревьях. По их сигналу колонна рассредоточивалась и маскировалась в опадающем лесу.

Дозорные время от времени приводили отступающих окруженцев. Когда по одному, когда группами. Один раз на нас вышла крупная группа - человек в сорок, под командой капитана. Я побеседовал с ними и поставил условие - все переходят в моё подчинение, группа расформируется. Они посоветовались и решили прибаваться самостоятельно. Поделились с ними трофейным оружием и боеприпасами, трофейными же одеждой и обувью (продовольствия не дали - самим мало, накормили лишь раз). На том и распрощались. Послал за ними скрытно тройку разведчиков. Эта группа ушла на юго-восток. Через три дня она была рассеяна при прорыве через охраняемый мост. Лучше бы переплыли реку - налегке шли без обоза. Ну и что, что вода уже ледяная - смерть холоднее. Жаль.

И мы переправлялись через ручьи и речушки. Вброд. В самых глухих местах. Если было возможно, строили затопленные мосты - бревна перекидывали с берега на берег, но на несколько сантиметров ниже уровня воды - с воздуха такой мост не виден. Только делать его - околеешь. Запасы спирта стали стремительно таять. Да и хрен с ними - легче идти. Главное, чтобы сапёры наши не попадали с температурой. А до алкоголизма ещё дожить надо. Тем более, что внутрь вливали мало - большая часть на

растирание замёрзших конечностей уходило.

От той группы наши разведчики обратно привели пять человек, да и те остались живы благодаря тому, что немец не стал их преследовать долго, чтобы не оторваться от моста. Я поставил себе зарубку в памяти. Может пригодиться.

А капитан раздолбаем оказался! Повёл людей в атаку на мост цепью, в полный рост, с криком: "Ура!" с трёхсот метров. А на постах врага - два пулемёта и десяток солдат. За минуту всё было кончено. Ох, сколько же народу погибнет из-за таких "героев"!

Я собрал людей, выжившие поведали нам о "атаке", я дал этому свою оценку:

- Чем так воевать, лучше сразу застрелиться! И немец жив, а наши - нет. Мост не взяли, людей потеряли. Если бы капитан выжил - лично пристрелил бы придурка. Не дорога своя жизнь - твои проблемы, а людей в расход пускать без толку - преступление. Предлагаю каждому обдумать то, что произошло и как надо было сделать. Нам тоже подобные мосты форсировать. И наилучший вариант действий необходимо выработать коллективным, так сказать, разумом.

Они думали, подходили рассказывали, обсуждали меж собой. Это хорошо. Это не разложение, не разброд, и даже не демократия. Жизнь каждого из них не только в их и моих руках, но и в руках их боевых товарищей. Должны уметь думать головой до боя - в бою некогда. Если я расскажу порядок действий (а в правильности этих действий и сам был не особо уверен, так давлёю пафосом) они выслушают, кивнут, забудут. А при подобной "проработке" - засядет на уровне условного рефлекса. Что мне и надо.

Был и ещё один необычный "персонаж". Этих двоих отловили дозорные. Они спали у костра, при окрике, пытались стрелять. Но спали крепко и мои дозорные стояли так близко, что скрутили разом. Оба грязные, вонючие, обросшие, оборванные. Форма без знаков различия и явно с чужого плеча. Документов нет. Но один из них стал "корячиться" и "качать права" - утверждал, что он капитан, начштаба батальона, требовал соответствующего обращения. По повадкам стало видно кадрового командира и дозорные не стали их "усмирять" методом погашения света ударом по черепу, а привели ко мне. Вид моих ребят был предвкушающий. Ждали зрелища. Любому человеку приятно, когда на их глазах унижают "начальника".

Капитан и меня начал строить, увидав всего лишь старшинские лычки.

- Где ваш батальон, гражданин? - тихо спросил я, закипая. Только перед их "явлением" разбирали действия на мосту ещё одного капитана.

- Мой батальон уничтожен. А какое это имеет значение?

- А где ваша форма, документы? Где ваши люди?

Второй, что был с ним, сразу поник, но это взвился:

- Я не обязан отвечать на ваши вопросы! Кто здесь старший?

- Я. Я - старшина Кузьмин, командир сводной роты отдельного истребительного батальона. И это мои люди. А вот кто вы такие - я не знаю. И на слово верить вам не собираюсь. В былые времена в воинской среде бытовало понятие "честь мундира". Народ кормил и содержал воинов, которые не приносили никакой пользы народу. Никакой. Но - кормили и содержали. Потому что в случае нужды - воины - шли на смерть с честью и доблестью. А в отсутствии войны должны к ней готовиться. А мундир - это знак, что ты - смертник, что ты готов исполнить свой долг с честью и достоинством. По тебе видно, что ты - кадровый. Вот скажи мне, "капитан", для чего народ наш кормил тебя и содержал все эти годы? Молчишь? Молчать! Я за тебя отвечу. Чтобы ничего тебе не мешало посвятить себя долгу. Чтобы ты научился не только погибать, но и побеждать. Крестьяне и рабочие ночей не спали в полях и у станков, чтобы тебя накормить, снабдить оружием. Чтобы ты повел их к победе. И что получилось? Эти же мужики-работяги пришли в твой батальон, надеясь на тебя, уверенные, что все эти годы и ты ночей не спал, учился бить супостата. Где эти мужики? Где твои кормильцы? Их ты погубил! А сам под них замаскировался, солдатскую гимнастёрку надел! Смерти испугался? А они? Они не боялись?

- Ты не терял людей? - выкрикнул капитан. Он тоже был в ярости, бледен, кулаки сжаты. Щас прям кинется бить меня.

- Терял. И сам умирал. И многие погибли. Но, мы пожгли десятки танков, сотни немцев навсегда успокоили. Я дал им почувствовать не только горечь потерь, но и радость побед. И мы ещё в строю. А ты?

- Дай мне взвод, я докажу!

- Нет. Ты потерял часть свою и честь свою. Нет тебе веры, как я людей тебе доверю? Как они в бой пойдут за тобой? Если будут в тебе сомневаться, как?

- Мы дрались, сколько могли, - вдруг сказал второй, - а потом никого не осталось. А кругом они. Я притворился мертвым. Нашел капитана - он был без сознания. Я его передел. Он не сам. Я подумал - найдёт нас немец, увидит командирскую форму обоих и грохнет. Вот уже неделю и идём.

- Ну а ты кто?

- Я водитель. Я комбата возил. А потом машину мою разбомбили, комбата убили, ребят всех побили. Вот только товарища капитана и нашёл. Всё не так страшно. Одному хуже.

- И куда вы шли?

- Как куда? - удивился водитель, - к своим!

- И кто же это тебе свои?

- Ты, это брось, старшина! - вмешался "капитан", - то, что плохо дрались - верно. И что драпали - верно. И много других грехов за мной - но вот врага из нас не делай! Не были и не будем мы предателями!

- Это мы будем посмотреть.

- Смотри. Только внимательно смотри. Оружие нам верните и в строй определи - увидишь.

- Так и быть. Расстрелять я вас хотел. Отговорил ты меня. Пока.

- Не имеешь права!

- Ха! Тут, в лесу - я - царь, и Бог, и господин. А до наших ещё дойти надо. Разброда, паникёрства и предательства - не допущу. А к своим людей выведу - там и суд мне будет. Там. А немец здесь судит. За любую оплошность судит. Уведите их. Накормить, переодеть, вооружить. К Топору их в группу.

Пример гуманности противника

Много, слишком много времени мы потратили, чтобы пересечь этот лес и выйти к городу. Хотя было около полудни, устроились на привал, попрятавшись. Дорога по лесу измотала людей до предела. Выставили дозоры. Я присоединился к Шилу, залегли на опушке, в бинокль разглядывали панораму перед нами.

Городишко так себе. От большой деревни отличался наличием фабрики и ещё нескольких мелких предприятий. Но, стоял этот город на восточном берегу реки. Река тоже так себе, но с обрывистыми берегами. Поэтому за город был бой - поле было перепахано воронками, за рекой - разбитые окопы, перед рекой - побитые танки. На поле боя копались люди в нашей форме без обуви и ремней, под охраной. Охрана не велика - три мотоцикла с пулемётами и до взвода пехоты редкой цепью.

Разведчики Шила уже вчера вышли сюда, ночью провели разведку города и переправы. Теперь Шило докладывал. Войск в городе не много - реммастерские, комендантская рота, охрана трёх складов и моста. Итого 300 - 400 человек. Грабят и пьянствуют. В овраге - лагерь военнопленных, что работают на поле по сбору оружия и боеприпасов, на складах. Лагерь временный, наспех сооружённый - колья с колючкой по верху оврага, две

невысокие вышки с пулемётами, пост на воротах с пулемётом и караул. Пленных до 500 человек. Не ходячих сразу расстреливают. На наших глазах застрелили ещё троих. За что - мы не поняли. Бежать они не собирались, на немцев нападать - тоже. Может, развлекаются? Суки!

Я планировал потемну обойти город. Но от увиденного - передумал. Глубоко втянул ноздрями воздух:

- Шило, мало разведданных. Чуешь, чем пахнет?

Он с непониманием смотрел на меня, потом глаза вспыхнули:

- Боем?

- Боем, Володя. Только по-уму всё сделать надо. Понял? Хотел я обойти город подобра-поздорову, да видимо, не судьба.

- Теперь да. Мы, как обычно, везде и нигде?

- Да, именно по этому варианту и сработаем. У страха глаза велики. И ещё продумать надо как эту прорву пленных увести, просортировать, скрыться и не попасться. Так, что, пошли, Вован, думать будем.

- Командир, глянь!

По дороге гнали толпу пленных дюжины в три. Конвоировали их всего-то семь немцев. Но вид наших пленных был больно жалок, будто в плену они не несколько часов, а несколько лет. Проводив эту процессию взглядом до моста, я махнул рукой отход, но опять обернулся. Какая-то мысль-заноза впиалась в подсознание при виде этой группы пленных, но что за мысль - не удалось понять

Оттянули отряд глубже в лес, Шило рассылал разведчиков, я пока решил отдохнуть, отложив совещание. Надеялся, что давешняя искра мысли разгорится, но не сложилось. Зато взремнул.

На закате собрались, обобщили имеющиеся данные, начали трудиться над выработкой плана. Устроили "мозговой штурм", хотя никто из участвующих не знал подобных методик.

А терзавшее меня предчувствие "всплыло", но не в моей голове, а как не странно, было озвучено нашим "начтылом" - Антипом:

- Может, под пленных и конвой сработаем? Трофейного тряпья и оружия у нас много.

Вот оно! Вот та идея, что родилась у меня, но потонула в мути измученного болью сознания. Я чуть не подпрыгнул. Но, это даже хорошо, что не я предложил эту идею - проще будет её критически оценивать, избегая поспешности и ошибок. Самого себя критиковать - прямой путь к шизофрении. Так, незаметно, и зашипишь: "Моя прелес-с-сть!".

И так, план составлен, ответственные назначены, сроки определены - завтра на закате, началась подготовка. Как определил со смехом

разжалованный капитан, тоже приглашённый на совет (чтобы я не говорил - самый старший из нас всех по званию и боевому опыту, кадровый, ведь, офицер), к цирку с маскарадом. Несмотря на смех, добродушный, кстати, план он горячо одобрил:

- Безумству храбрых поём мы песню!

Вот так, как-то. Но это план. А жизнь - она штука противоположная любым планам. Или перпендикулярная.

Маскарад.

Моросил типичный осенний промозглый дождь. Земля под ногами превратилась в месиво, дорога - в кашу. Затянутое тучами небо скудно делилось светом.

Солдаты на посту зябко кутались в плащи, жались к хлипкому навесу остальные из караульной команды. Взвод, охранявший собирающих трупы пленных, сегодня закончил работу раньше вчерашнего, согнали босых пленных, мокрых и жалких, к тому, что в этой дикой стране называли дорогой, прикладами построили их в колонну и погнали в овраг. Проходя мост конвоиры и постовые даже не обменялись обычными шуточками - растреклятая погода достала и тех, и других.

Когда хвост колонны скрылся за пеленой дождя, лейтенант, сегодня проклинавший всё на свете за то что выпало ему нести службу на этом долбанном мосту, увидел ещё одну колонну, показавшуюся из-за леса, мутную в дожде. Решив пока не беспокоить своих злых и промокших солдат, он взял бинокль и вышел под дождь, накинув капюшон плаща на фуражку.

- Что там, господин лейтенант?

- Ещё пленных ведут, - ответил он, опять припал к биноклю, - досталось им, наверно. В телегах раненные.

- Русские?

- Какие, к чертям, русские! Возиться с ними ещё. Лечить, кормить. Добил - и все проблемы решены. Всё гораздо хуже - наши там раненные.

- Откуда же? Фронт уже далеко.

- А русские кругом. Прячутся в лесах, нападают. Звери. Чисто дикие звери. Нет, прав фюрер - русские недостойны называться людьми. Недочеловеки.

- Это точно. Всем давно ясно, что война ими проиграна, а они никак не уймутся. Тупые ублюдки.

- Точно. Знаешь, что, Гельмут? Ты лучше, чем воздух сотрясать, иди к пулемёту и возьми их на прицел.

Гельмут посмотрел на лейтенанта, как на больного. Лейтенант

пояснил:

- Среди них много раненных. Если эти красножопые ублюдки побегут - убей их.

- Яволь, херр лейтенант.

Меж тем колонна неспешно приближалась. Лейтенант увидел, что сомнения его были напрасными - три десятка пленных сопровождало два взвода солдат. И хотя они и жались в плащи, но оружие несли в руках. Впереди колонны шли десяток подвод на которых лежали и сидели ещё солдаты. И на каждой второй повозке лейтенант увидел задранные в небо стволы пулемётов. Лошади едва тащили свой груз - понятно, эта грязь, даже не так - Грязь, добьёт кого угодно надёжнее тропической лихорадки.

Лейтенант вышел навстречу, дождался, когда первая повозка поравняется с ним, поднял руку, останавливая. Возница скинул с головы накидку плаща, повернулся, аккуратно потрепал сутулящегося рядом седока.

- Господин капитан, господин капитан.

Капитан поднял голову, выпрямился, посмотрел красными глазами на лейтенанта, распахнул плащ и аккуратно слез с повозки. Лейтенант увидел перетянутую бинтами грудь с бурым пятном крови прямо против сердца, подвешенную на перевязь левую руку. Китель надетый только на правую руку и накинут на левое плечо, также был в крови и дырках. Но за правым плечом капитана висел автомат. И штаны у этого капитана были изорваны, в крови, но не форменные. Таких не было ни в одной части. Ни у нас, ни у противника.

Капитан окинул взглядом своих людей, только потом требовательно уставился на лейтенанта. Лейтенант почувствовал озноб - как будто не два серых глаза на него посмотрели, а он заглянул сразу в два ствола. Лейтенант представился, попросил документы. Капитан хмуро кивнул, но неудачно повернулся, нога предательски подогнулась, он дёрнулся, восстанавливая равновесие, автомат соскочил с плеча, а капитан скривился от боли, схватившись за рану на груди.

- Вы не видите, нам надо срочно в госпиталь, - странным голосом со странным акцентом сказал солдат на повозке.

Лейтенант проводил взглядом падающий автомат, потом всполошено потянулся за кобурой, раззявив рот для крика - он узнал этот акцент, догадался, что это переодетые враги. Капитан выхватил откуда-то из-под кителя что-то тяжелое, улыбнулся. Лейтенант так и не крикнул. Последней его мыслью было: "Так улыбается кошка, поймавшая мышь". Он был парализован несовместимостью этой доброй, ласковой улыбки и ледяным

спокойствием глаз убийцы.

Так выглядело воплощение нашего маскарада глазами врага.

Меня позабавила вытянутость морды этого арийского сверхчеловека. Молодой, перспективный представитель своего народа. Стало немного жалко его. Но, кто тебя звал сюда? Не ожидал, гнида? Это не Франция! После короткого размаха, РГД в моей руке ударила справа его в висок. Немца снесло влево.

- Граната! - крикнул я и метнул чугунный обрубок гранаты под навес, прямо в гнездо из мешков с песком. Оттуда брызнули тела, спасаясь от взрыва. Вслед за гранатой рванули мои бойцы. Штыками, топорами и лопатками вычеркивая врагов из списков живых. РГД хорошая граната. Когда она не взведена - она не взрывается, как ею не колоти по тонким арийским черепам.

Пока я возился с соскочившим автоматом, прогрохотали десяток пар сапог по мосту, в короткой яростной схватке перебив пост растерянных немцев на той стороне.

- Проверить всё кругом, добить всех. Собрать трофеи, - раздавал я команды. Каждый и так знал, что надо делать, но адреналиновый взрыв мог начисто выбить из головы любые мысли. Не будет лишним напомнить.

На место перебитых немцев тут же встали наши "ряженные". С трупов сдирали одежду, оружие, обшаривали карманы "военнопленные", а "конвоиры" уже развернули пулемёты, взяв на прицел обе стороны дороги.

- Быстрее! - поторопил я.

Всплеск воды, ещё, ещё. Это раздетые тела захватчиков падают в чёрную воду реки.

- Всё готово, - доложили мне.

- Строимся. Выступаем.

Наша колонна потащилась по дороге в том же порядке. На мосту остались пять боевых троек и сапёры - они приготовят мост к уничтожению. Подали сигнал в лес - теперь выступит наш обоз.

- Кадет, а немец тебя раскусил.

- Я всё правильно сказал, - буркнул Кадет.

- Ага, правильно. Только с неподражаемым "рязанским" акцентом.

- Другого нет, - опять буркнул Кадет, ниже опустив капюшон.

- Это точно. Другого нет.

Нас обогнал один из разведчиков, взял нашего коняшку под уздцы и пошёл впереди. Он знал дорогу к оврагу с пленными, а уже смеркалось. Негромкие разговоры стихли, лишь "конвоиры" хлопали себя по бёдрам (имитируя удары по пленным) и хрипели:

- Шнель, швайн!

Но, это часть "спектакля".

Лагерь военнопленных открылся нам сразу и вдруг. Из темноты появились ворота и окрик часового. Кадет опять повторил этюд с моей тряской, я израненным фронтовиком побрел навстречу часовому. Но этот оказался гораздо более крепким орешком - взял винтовку поудобнее, что-то спрашивал меня. Я чувствовал кожей время, прикидывал, как далеко разбегутся под прикрытием дождливых сумерек боевые тройки.

Голос часового стал требовательным. Он уже демонстративно поворачивал штык в мою сторону. Не успеваю я перекинуть автомат на грудь - он застрелит меня. И гранатой-колотушкой не достану. Я сделал вид, что у меня подогнулась нога, начал падать, уходя с линии огня. Над моей головой тут же загрохотали выстрелы. Я перекатился вбок с дороги, вывалявшись в грязи, потерял плащ и зажатую подмышкой гранату, китель соскочил и повис на правой руке, мешая.

Я взял автомат наизготовку. Передо мной живых врагов не было, перестрелка была где-то справа и слева.

- Командир! - крикнул Кадет.

- Обходи их! Окружай и отрезай! Гранатами! - рявкнул я.

И тут сзади, вдали гроыхнуло и полыхнуло. Это Шило со своими ребятами устраивают "фейерверк". Они должны были скрытно подползти к временным складам, с хранящимися на них под открытым небом сотням бочек с горючим в одном месте, сотням ящиков со снарядами в другом. Ещё нас интересовала деревообрабатывающая фабрика и фашистские реммастерские. Всё это наши бойцы постараются уничтожить. А не получится - пошуметь. Немец должен думать, что на них напала целая армия генерала Ерёменко, к примеру. Если нас мало - надо внушить врагу, что нас много. Пусть ищет. И боится. Обороняется, требует подкреплений, контратакует, преследует. И всё это там. А мы здесь.

Но, всё это там. А мы здесь. А мы наткнулись на пулемёт, неистово долбящий, не дающий головы поднять.

- Открывайте ворота, - крикнул я.

Ворота открыли, подорвав их. Пленные рванули на свободу. Невидимый нам пулемётчик это увидел, развернул пулемёт, ударил в овраг. Он успел сделать две очереди в спины наших бедолаг, когда и его подорвали, воспользовавшись тем, что он отвлёкся, быстро преодолели необходимое для броска расстояние. Стрельба стихла, как отрезали.

- Проконтролировать территорию!

Освобождённые пленные широким потоком вытекали из взорванных

ворот. Когда были обчищены трупы врагов, часть пленных настороженно кучковалась передо мной. Несколько человек шмыгнули во тьму.

- Оставить их, - махнул я рукой, - Они выбрали свою судьбу.

Мои-то не стали преследовать, а вот бывшие пленные ещё как. За некоторыми в погоню отправились целые ватаги, скоро мы слышали отчаянные крики.

- В чём дело? - не понял я.

- Оставь, командир. - сказал мне седоголовый боец в грязной исподней рубашке, - врагу они продались за пайку. Поквитаться прежде надо.

- Понятно. Командиры среди вас есть?

- Как не быть, есть. Мало только. Тех, кто форму не снял, они сразу пристреливали. Да и эти, уроды, мать их за ногу, выдали многих.

- Есть и то хорошо. Слушайте сюда. И передайте другим, кто сейчас не слышит. Я командир отдельного истребительного батальона Красной Армии. Временно мы находимся на территории, захваченной противником, но идём на соединение с частями Красной Армии. Не смотрите на нашу форму - это трофеи для дела. Кто желает продолжить борьбу с захватчиками - выходи строиться на дорогу. У кого кишка тонка, кто забыл о клятвах и долге, кто не желает боя - скатертью дорога. У вас сейчас есть возможность выбрать. Только сейчас. Кто вольётся в наши ряды - выбора у них уже не будет. Мы регулярная часть с соответствующей дисциплиной. Кто нарушит хоть один пункт устава или мой приказ - меры мы принимаем в соответствии с о временем и обстановкой.

Никто ничего не ответил мне, но тёмная толпа передо мной нарастала.

- Я не обещаю вам, что все вы останетесь живы. Но возможность отомстить и смыть позор плена в бою всем будет предоставлена. Или погибнуть с честью, как защитникам Родины, а не как скоту за забором.

- Веди, командир! - сказал опять тот же седой.

- Командиры, коммунисты и комсомольцы - подойти ко мне!

Их было немного. Я им представил Кадета и тут же свалил на него процесс формирования и перераспределения людей. Сам занялся другим.

Прискакал гонец от Шила. Парень коня раздобыл и ловко скакал на нём без седла и даже без сбруи.

- Командир? Где командир? - заорал он ещё издали. И правильно - а то стрельнули бы, на всякий случай. Но, всё одно держали на прицеле - в сумерках силуэт его был хорошо виден, но не лицо. А голоса никто не узнал.

- А какой командир тебе нужен, казачёк?
- Медведь мне нужен!
- Это ты в лесу поищи, тут люди одни.

В ответ всадник разразился трёхэтажным матом, из словесных его построений бойцы узнали о наличии у себя непредвиденных мутаций в самых неожиданных местах, о том, что Медведь "переконтужен слишком" и "слегка" недострелен.

- О, это точно наш. Сюда правь свой транспорт.

Вестовой доложил, Что захвачен склад нашего стрелкового оружия, который немцы видимо собирали по местам боёв, но ничего пока не делали с ним. Склад сейчас обороняли "Лешие", но долго им не продержаться.

Я обратился к вновь освобождённым:

- Представилась возможность вам вернуть себе оружие в бою. Способные сейчас вступить в бой - за мной. Остальные - стоят на месте. Кадет, веда их ранее оговорённым маршрутом. Да, всем снять трофейную форму - друг друга перестреляем!

Оказалось, многие военнопленные работали на том складе. Сортировали собранное оружие, немного чинили, раскладывали кучками. Поэтому знали планировку склада. А склад был - пустырь под открытым небом, обнесённый забором из колючей проволоки. Жаль, что патроны хранились отдельно, но где - никто не знал. Очень предусмотрительная мера предосторожности со стороны немцев. Что толку от оружия без боеприпасов?

Быстро провели импровизированное разделение на подразделения ("Вы, трое, за мной! И вы тоже!"). Отряды наскоро превратившихся во взводы моих троек потопали к городу.

- Кадет, где моя одежда?

Кадет откинул брезент на повозке, открыв мои шмотки. Я гауптманским кителем, насколько получилось, обтёр грязь с тела и одел своё. Молодец, Миша - всё почти сухое, а то я уже порядком продрог. Доложили о потерях: один погиб, четверо ранены, хорошо, что легко. Все пострадали от того пулемёта, чтоб ему... Погибший хоть не мучился - сразу в голову.

- Что делать с пленным?
- С пленным? И давно мы пленных берём? - удивился я.
- Тут с ним петрушка получилась. Его прикладом приголубили, а потом он чуть не ушёл.
- Это как так?
- А он по нашему шпрехает, а форма на нас на всех одна. Хорошо

наши пленные его опознали, навалили ему и притащили. Гауптман целый!

- Ото-но как! Всё чудесатее и чудесатее. Ладно, вяжите его. С собой возьмём. Потом разберёмся, как это он по нашему шпыхает. А что это они его не добились?

- Говорят, нормальный был. Не лютовал.

Тут подошёл давешний Седой с десятком освобождённых.

- Товарищ командир, разрешите обратиться?

- К пустой голове не прикладывают. Что у вас?

- Я майор Херсонов, это проверенные товарищи. Нам приходилось работать на том сортировочном складе и есть кое-какие соображения по возможному месту хранения боеприпасов наших калибров. Разрешите проверить!

- Это дело нужное, - кивнул я и протянул Херсонову свой МП-40 и два магазина. - Я тебе дам своего человека, знающего наш дальнейший путь. Если всё сложится неудачно, он вас выведет в точку randevu. Дерзайте! От вас будет многое зависеть. Иванкин! С ними!

- Есть!

Я застегнул разгрузку, взял "папашу", хлопнул Кадета по плечу:

- Уводи, Миша, тылы. Аккуратней!

- Постараюсь.

До пустыря добрался без происшествий, встретив лишь два раздетых трупа - освобождённые выпотрошили. На пустыре - колгота. Оборванцы носились меж куч оружия хватая всё подряд. Пришлось поорать. Они же тащили станковые пулемёты Максим. Куда, блин, их? Веса больше пяти пудов, боеприпас расходуют вагонами. Бросили и миномёты. А вот ручные пулемёты, автоматические, самозарядные винтовки, автоматы приказал брать даже неисправные - может на запчасти сгодятся. Но, этих видов оружия было немного. Основная масса - трехлинейки. Тоже годиться. Бойцы обвешивались оружием, как новогодние елки - для себя, для того парня, ну и про запас.

А майор нашел склад боеприпасов. Туда мы и направили свои стопы. На этом складе оставили лишь небольшую группу - они обливали кучи с оружием горючим, бочки которого прикатили шиловские, и поджигали - так не достанься же ты никому!

Склад боеприпасов был так же под открытым небом. И здесь уже шёл бой. Мы ударили противнику во фланг. Дерзкой штыковой атакой (незаряженные винтовки - это просто пики) отбросили немцев, закрепились и началось потрошение ящиков. Когда бойцы пополнили боезапас, Херсонов повел людей в атаку, отогнав немцев ещё дальше. Потом ещё

атака, теперь под моим началом - отбили реммастерские, где стояли распотрошённые три немецких танка, два наших, несколько бронетранспортёров и десятков машин. На ходу был только один БТР. Сняли с них всё более или менее ценное, с помощью трофейной брони отбили контратаку. Погрузили трофеи в годный Ганомат, остальную технику и помещения подожгли.

Среди освобождённых нашёлся механик-водитель и один командир танка - они и стали экипажем БТР. Я отослал их на склад под загрузку.

В это время прибежал вестовой от сапёров, что контролировали мост. К мосту подошла колонна автомобилей под охраной броневика с мелкокалиберной, но автоматической пушкой. Их подпустили поближе и грузовики расстреляли в четыре пулемёта. Броневик с ходу влетел на мост, пришлось взрывать вместе с ним. Взрыв ещё и поджёг облитый керосином мост. Шесть наших бойцов оказались отрезанными на том берегу, но решили не переплывать реку, бросив пулемёты, а принять бой.

- Пусть отходят! Живо! Пусть как угодно отходят! - закричал я. Сапёр побежал. Приказ мой всё одно бы опоздал. Хотя и положили много немцев когда расстреливали грузовики, но многие рассыпались по полю, перебежками сблизилась и закидали оба пулемёта гранатами. Два пулемёта на нашем берегу не давали им переправиться.

- Пора сворачиваться! Херсонов! Семёнов! Алёшин! Закругляйте этот цирк! Отходим на заранее намеченные позиции. Алёшин, боевое охранение!

Мы покидали город. Конечно, мы ведь даже не планировали его брать. Это была чисто импровизация, хотя ведь почти взяли. Но, взять врасплох - одно, а удержать - это совсем другое. Тем более моим сбродом против этих ветеранов, прошедших всю Европу. Вон, у моста - в четыре пулемёта в упор били - а они и машины покинули с минимальными потерями и ребят моих угробили. А не побоялись бы в ледяную воду реки залезть - и этот берег бы взяли за полчаса. Не-е, хорош! Нагадили - бежать!

Позади нас пылал горизонт - мы подпалили всё, до чего дотянулись наши руки.

Я торопил людей, подгонял. Они не спорили, но движение не ускорялось - ночь, темень, дождь, слякоть, усталость и большой вес на хребте у каждого.

А всё-таки, неплохо мы подзатарились! Хотя планировали просто просочиться мимо. Да, это было бы лучше - скрытность это самая надёжная защита. Теперь мы разозлили зверя. Они от нас не отстанут. Нас стало больше - не спрячешься.

А, какого...! Мы освободили почитай батальон наших солдат, больше сотни немцев перебили или серьёзно поранили, нанесли им серьёзный материальный урон. Не для этого ли мы носим форму и звания? Это наш долг!

Я вздохнул. Надо что-то придумывать. Надо прятаться, раствориться в лесах, иначе война для нас быстро закончиться. Надо думать. Опять надо что-то придумывать. Ох, и тяжела ты, шапка маномахова! А в голове - черный шум от боли и усталости. Боже, как же мне плохо!

Развлекаемся балабольшством.

Очнулся я уже на привале. Только со стоном сел - тут как тут - Оскальдович с котелком и кружкой:

- Завтрак, Виктор Иванович. Привал и завтрак.

- Угу, - кивнул я. Есть не хотелось совершенно, но надо.

Поел, прибежала наша медсестричка, разбинтовала меня и расплакалась. Мда-а! Рана на груди у меня начала чернеть, вокруг - зеленоватый ореол. Гнию живо. Недолго мне осталось. Как яд гноя до сердца доберётся - каюк!

- Ладно, не реви! Спиртом промой, стрептоцидом засыпь, да завязывай, - велел я ей.

- Вас оперировать надо, хирург нужен - всхлипывала она, но ловко промывала рану.

- Надо. И не только меня. И много что надо ещё нужно. Не только хирург. Я бы от баньки и от Маньки не отказался бы.

Она уставилась на меня своими большими зарёванными глазами.

- Что? Живой я ещё. Ты делай, что должна.

- Вы умрёте.

- Я знаю, - усмехнулся я, - Все умрут. Рано или поздно. Ты не думай, я бессмертный. Меня бомбой не убило, танком не подавило, не дострелили, не добили, глядишь, не догнию. Я как те, живые мертвецы, что умереть не могут, пока клятву не сдержат.

- Какую клятву?

Я погладил её по щеке, мягкой, теплой, детской.

- Поклялся я перед Богом тебя, дочка, да и их всех до своих довести, вывести. Так что, пока не дойдём до особистов - не помру я. Ты рот-то захлопни, простудишься. И меня бинтуй живее - холодно что-то. Наверное, зима скоро.

Она споро работала, поджав губы. Потом обиженно сказала:

- Вот вы всё шутите, Виктор Иванович. Даже над тем, над чем шутить нельзя.

- Над всем можно. Стебаться, издеваться нельзя, а шутить можно. А над чем шутить нельзя?

- Над смертью. Над Богом.

- Над смертью, наоборот, нужно смеяться, иначе смертный ужас поглотит сердце. Это хуже смерти. А что Бог? Он сам тот ещё шутник. Ты черепаху видела?

- Ага. - она расцвела, но тут же увяла, - Только на картинке.

- Вот, я же говорю - шутник Он, - она закончила перевязку, я накинул свою протлевшую рубаху-гимнастёрку, - Тем более, что он мне простит, как внуку своему.

- Вы Его внук? - её огромные глаза ещё больше распахнулись.

- Ага. А ты внучка. Не слышала разве: "Создал по образу и подобию своему". Вот мой сын - образ мой и подобие моё. Особенно мы, русские. Нас так и называли в древности - Сварожичи, дети Бога. Так-то!

Я её щёлкнул по носу, потом легонько хлопнул пониже спины:

- Беги, внучка Бога. Там другим страждущим помощь нужна.

Она зарделась вся, убежала, чисто по-женски размахивая руками справа-налево. Коса её металась по спине в такт. Я вздохнул, вспомнив родные, милые лица. Увижу ли? Вряд ли. Печать смерти уже стоит на сердце. Нужен курс антибиотиков. А их только-только изобрели. Так что не видать нам их этом году, как и в следующем. Изобрели же наши "заклятые" союзники, а они скорее немцам продадут, чем нам.

Я оделся, допил остывший ягодно-травяной чай, собрался с мыслями, чтобы не предстать перед командирами в таком удрученном виде. Я - старший над ними. Это значит, что моё моральное состояние прямо проектируется на всё подразделение. Я запел себе негромко:

Не вешать нос, гардемарины!

Трудна ли жизнь, иль хороша,

Едины парус и душа!

Судьба и Родина - ЕДИНЫ!

Я обернулся, услышав хруст ветки. Ага, все здесь. У пополнения вид озадаченный.

- Не удивляйтесь, товарищи командиры, - усмехнулся отощавший ещё больше Шило, хотя казалось куда ещё-то? - У командира нашего необычные последствия тяжёлой многократной контузии. А откуда это, Медведь?

- А за Медведя - щас как дам в рыло! Мы на военном совете батальона, извольте соответствовать, товарищ ротный старший лейтенант Семёнов!

- Виноват исправлюсь, товарищ комбат, - он с улыбкой вытянулся, оправил форму.

- То-то же. Это кусок песни, что пели учащиеся высших флотских училищ при Петре I. Только не спрашивай - откуда я знаю. Не знаю. Ладно, это всё лирика. Перейдём к делам нашим скорбным. Перумов, учет личного состава произведён?

Миша смутился. Опустил голову.

- Ну, хоть предварительный. Сколько человек? Сколько активных штыков? Специальности?

- Позвольте, я отвечу, - привстал на носочки Архип, - я же их кормлю. Шестьсот сорок три.

- Ого! Правда батальон. По численности. По боевым возможностям и близко не будет. Это много. Много проблем. Перумов, больше вас не задерживаю. Срочно наладить учёт.

- Слушаюсь! Разрешите идти?

- Иди. Алёшин, что противник?

- Нас пытались преследовать отдельные мелкие группы врага. Мы быстро охладили их пыл. Немец осторожно прочёсывал город. Считаю до утра они из города носа не высунули. Когда я понял это, повел своих догонять отряд.

- Ты поступил верно. Семёнов, как идёт распределение подкрепления?

- Идёт. Распределение. Подкрепления.

- Понятно. Мешкать не будем. Как люди позавтракают и оправятся - выступаем. Делами формирования будем заниматься на ходу. Надо отойти от города как можно дальше. Мы дорогу в лесу протоптали как стадо мамонтов, захочешь - не потеряешь. Думается мне, что враг не только погоню вышлет, но и по пути попробует нас перехватить. Надо его перегнать, переиграть в темпе. Шило, Херсон и ты, Капитан - теперь командиры рот. Распределите бойцов по ротам. Шило, поделись с другими ротами ветеранами, пусть подтянут пополнение, подучат их нашей тактике боя. Не боеспособные и остальные ущербные - в распоряжение нашего ГлавПомТыла, то есть Антипа. Леший, постарайся себе тоже пополнение подобрать. На тебе - разведка и дальние дозоры. Пока всё!

- Да, Антип, пленный вчера был, вроде?

- И есть. Даже ест.

- Ну, вот и давай его сюда, пообщаемся.

Привели немца. Я представился. Он назвался Вильгельмом фон Грейштейном, предложил нам сдаться и быть посредником при переговорах

о сдаче. Гарантировал жизнь. По-русски говорил чисто, почти без акцента.

- Спасибо, Вили, можно тебя так называть? Это в честь Вильгельма Завоевателя?

- В честь деда.

- Только, Вили, не будем мы сдаваться. Мои люди уже увидели ваше радушие и многие его вкусили сполна. Понимаешь меня? Слушай, а откуда ты так наш язык хорошо знаешь?

- Мои друзья детства из России. Они бежали от красной чумы.

Я рассмеялся.

- К коричневой чуме? Вили, Вили. От трудностей они бежали, от работы и от презрения. Я так понимаю, они были дворянами, аристократами? А то с чего бы отпрыск рода с приставкой "фон" стал с ними общаться? Ну, да ладно, не до них. Кстати, они тебе не говорили, что никто и никогда не завоёвывал России? Никто и никогда.

- А мы завоевали.

- Вили, Наполеон Москву брал и то не помогло. А вам даже Москвы не видать как своих ушей. Россия большая. Ты думал взятием Москвы война закончиться? Нет, Вили. Война не закончиться ни после Москвы, ни после Киева, ни после Томска, если ты знаешь, где это.

- Знаю.

- Война закончиться взятием Берлина. Так-то Вили. Не веришь? Если повезёт тебе - увидишь.

- Не бывать этому.

Я хмыкнул. Долго смотрел на него. Чистокровный германский аристократ. Именно такими я представлял их себе. Монокля не хватает только.

- Как я понимаю, тебя можно не спрашивать о численности и составе войск или о других секретах?

- Да, - он гордо вскинул голову.

- А мне и не нужно. Да и что секретного может знать командир охраны концлагеря? Не нужны мне твои секреты. И ты мне не нужен. Хотя... У меня тут есть паренёк. Будешь его учить немецкому. Хорошо будешь учить - будешь жить. Плохо - к дереву штыками прибью и оставлю падальщикам на растерзание. Караул, подойди!

Подошёл боец с винтовкой с примкнутым штыком в изодранной, с пятнами не отчистившейся грязи гимнастёрке. Под ней был одет немецкий китель, на ногах - трофейные сапоги.

- Подштанники тоже из трофеев?

Караульный кивнул:

- Холодно. А выбрасывать жалко.
- Носи, ладно. К своим выйдем - особисты всю душу вытрясут.
- Я сниму, а потом - к нашим пойду.

Я кивнул, опять глянул на приунывшего, но старательно держащего "лицо" немца.

- Вили, тебе верёвки не жмут?

Он удивлённо смотрел на меня:

- Рук не чувствовал. Есть не мог.

- Дай мне честное дворянское слово, что не сбежишь - верёвки снимут.

Теперь удивлённо на меня смотрели не только эти двое, но и все, кто наш диалог слышал.

- Я... я, я не могу... - заикаясь сказал немец.

- Как хочешь. Как передумаешь бежать, скажи этому вот, многослойному, он мне передаст. Караул, уводи его.

Про

гуманизм

,

цивилиза

цию и сказки

.

Вперед ушли разведчики Лешего. Потом выступила рота Шила. Следом - Капитана, потом -обоз и замыкала рота Херсонова. Я ехал в обозе на одной повозке с немцем и клюющей носом Таней. Возглавлял обоз доверху гружённый БТР, тянувший гружёные волокуши. За ним - гужевой транспорт. Топлива для БТРа у нас ещё целая бочка, хотя и расход у него - бешенный.

Так и двигались без происшествий до темна. Темное небо то разродиться дождём, то опять всухую давит. Но воды и грязи кругом и так - за глаза. Лошадки выбивались из сил, толкали повозки всем миром. БТР траками выворачивал целые пласты земли, но пока пёр. К темноте вышли к тихому, пустому посёлку. Постройки сиротливо стояли раззявив двери и окна. В ближнем к лесу пожарище нашли и жителей. То, что от них осталось. Я потащил немца к пепелищу и как котёнка тыкал мордой в останки, впад в бешенство, не запомнил, что орал. Помню, что плакал на коленях и просил прощения у сгоревших. Это, когда меня отпустило.

Ночевали здесь же. А на утро дорожки наши разошлись. Все три роты я отправил в разные стороны по разным маршрутам. А наш обоз, сапёры, "лешие" и "нестроевые" коих набралось пять десятков пошли

отдельно. Точку встречи знали только я, Кадет, Антип, Херсонов, Леший, Шило и Капитан.

Я повел нашу "штабную" колонну по лесной дороге, изрядно заброшенной, заросшей вялой травой и заваленной буреломом. Но, дорога эта вела нас на северо-восток и её не было ни на наших, ни на трофейных картах, коих мы захватили аж шесть штук.

Роты пошли без обоза, лишь несколько навьюченных лошадей было с ними. Они могли двигаться через лес, избегая дорог. У нас такого выбора не было. Мы зависели от дороги. Поэтому самую потайную дорогу выбрал себе. Заросли подступали к дороге вплотную, образуя древесный туннель - стволы - стены, ветви - крыша. Меня это очень радовало, хотя иногда приходилось расчищать путь от валежника. До темна продвинулись километров на 15. И это был хороший темп. Раньше и столько не проходили. Может, втянулись в ходьбу, а может обвыклись с лесом, он нас "принял".

Хотя места пошли глухие и дикие. Такого леса я и не видел никогда. Оказалось, что то, что я раньше считал лесом - так, рукотворные редкие лесополосы. А тут ЛЕС! По настоящему дремучий. Одно было непонятно - куда вела дорога и кто её торил. Это меня серьёзно беспокоило.

Гораздо больше это беспокоило немца.

- Что, не видел лесов таких? - усмехнулся я, - эти леса сказочные и заповедные. В них живёт то, что вы из своей Европы давно выгнали.

- Что?

- Божьи дети. Те, кого он создал до людей. Лешие, русалки, водяные, древний волшебный народ.

- Сказочник, - усмехнулся Вильгельм.

- Ага, Ганс Христиан Андерсен. Читал?

- Не пойму я вас, Виктор Ифанович. Вы в Бога верите?

- А как же!

- И в языческих тварей?

- А то!

- И в коммунизм?

- Конечно!

- Вы издеваетесь? Вы всё врёте!

- Почему?

- Откуда мне знать? Зачем вы меня дурите?

От его крика проснулась Таня, схватилась за кобуру, огромную на её маленьком теле, но успокоилась и обратно прикрыла глаза, но из-под век они сияли любопытством. Она уперлась плечом в спину вознице, тот

закряхтел.

- Нет, я тебя не дурю. Это всё - правда.

- Потому что одно другому противоречит.

- Разве? Не заметил.

- Церковь всегда изгоняла дьявольских созданий, этих ваших леших, водяных.

- Может поэтому вы так и страдаете? Вечно с ума сходите. Малый народец изгнали, волшебство изгнали, красоту и красавиц сожгли на кострах инквизиции, леса вырубili, воды осквернили. Отринули Бога. Золотому Тельцу поклоняетесь и Сатане-Человеконенавистнику.

- Нет, я христианин!

- Да ты что? А в факельных шествиях участвовал? И ничего это не напомнило? Сатанинский культ это. И учение Дарвина - от лукавого. И нацизм ваш. Бог всех создал равными. А вы людей живьём жжёте.

- Я не жёг! И в партии не состою.

- Но и не остановил. Какой же ты христианин? Неужели ты не знаешь, что предки твои, древнегерманские вожди вывели свой народ из этих лесов и заселили болота, которые теперь зовёте Дойчланд. Мои предки твоих звали дочерним народом, ушедшем, как дочь уходит от отца вместе с взрослением. Потому и дойчи, что дочи. Эх, вы, германцы! Даже сказки у нас общие - у нас Царь Владимир, у вас - Вольдемар, Наших малых богов и героев себе присвоили. Световита, Вотана...

- Вотан - наш эпический герой!

- Ага, я об этом и говорю. Вотан - вот он. Всегда приходил вовремя. Раньше, чем случалась беда. Враг напал - а вот и он. Даже Берлин ваш - берлога всего лишь. И стоит на землях Бранного Поля, Бранденбург, по-вашему. И брянские вы. Брянск - тоже Бранный. Только не поле, а лес. И знак наш Солнца, Коловорот, в свастику превратили, переврали. Вот уж поистине - сон разума рождает чудовищ. Вот твои сородичи и вернулись домой, в брянские леса. С огнём и мечом. Вы дети этой земли, часть её народа. Как может часть победить целое? Разве может твоя правая рука победить тебя целиком? Убить может. Но, тогда рука убьёт и себя. Так-то, неразумный ты наш немчик. Кстати, вы себя гордо именуете пруссаками. Почему ты не задумался, что пруссаки - правые русаки. Человек встал лицом к солнцу и пошел направо, вслед за солнцем, туда, куда оно заходит, на запад, в западню. Стал пруссаком.

- Нет. Это всё ложь!

- Да, ради Бога! Не хочешь - не верь. Нужен ты мне. Я, так, сижу и травлю сказки по-стариковски, чтобы не спать.

- Виктор Иванович, а как же коммунизм и Бог? Ведь религия - опиум для народа, - подала голос Таня. Возница насторожился, идущие рядом бойцы наострили уши.

- Опиум хирурги используют для наркоза и это есть благо. Понимаешь, Бог и религия - это чуть-чуть разные вещи. Церковь - это организация, конкурент правительству. А Бог - не конкурент. И правительство под Богом. Религия - может быть и опиум, а вот Вера - это другое. Религию у тебя можно отобрать, священника прогнать, храм разорить, а вот Веру никто у тебя не отберёт. Она или есть или её нет. Да, никто и не пытается, заметить. Перед боем все мы молимся и крест целуем. И Отец народа, товарищ Сталин выучился уму-разуму именно в семинарии и о Боге знает не понаслышке. Не зря он поставлен над нами в столь роковой час. И мы все богоугодное дело делаем - остановим бесов, очистим землю от сатанинской скверны. Это надо же - людей заживо жечь! Последний раз себе подобное латины Рима только позволяли. Наши предки их отучили от гордыни и скотства. И вас, германцев, навсегда отучим. Вам дано высокое звание Человека, помощника Бога, созданного по образу и подобию. А вы на что данное вам тратите? Человек пришёл в этот мир свет нести, а вы его гасите. Хотя... Свет души, подобен огоньку свечи. Светит мало, не греет, того и гляди - потухнет. Надо его беречь, укрывать от ветров бедственных. Куда проще - задуй свечу и живи аки зверь алчущий. Нет души - всё можно! И стяжательство, и гнев, и прелюбодеяние, и чревоугодие, ненависть, страх, убийство! Разве не из этого состоит Западная Цивилизация? Они всё измерили в деньгах: любовь, верность, воля - всему у них есть цена. Смысл понимать перестали этих слов. Что для них воля, любовь, вера, верность? Пустые звуки, сотрясение воздуха. А мы, как воинство Христово, опять истекая кровью очистим землю от скверны, заставим их быть Людьми. А они проклянут нас. А Христос? Он ведь был первым коммунистом. Коммунизм призывал отринуть скотство, перестать поедать людей, отказаться от греха и построить коммунистическое Царствие Небесное на земле. И не будет ни богатых, ни бедных, ни царей, ни рабов. И что? Распяли, убили. Убрали преграду, мешавшую жить по-скотски, тянущую из тёплого и уютного болота в холодную и обжигающую высь небес. И обратно с чавканьем погрузились в грязь. А потом и учение его извратили до неузнаваемости.

Я и не заметил что голос мой стал стихать к концу этой речи, ведь последнюю часть я говорил больше сам себе, продолжая давний разговор с собой, обдумывая давние "непонятки".

- Командир! Громче! Не слышно, - крикнули мне.

Я поднял голову. Рядом с нашей повозкой сгрудилась плотная толпа, в шаг идущая прижавшись. О, как! Мой голос стихал - они жались ближе?

- Так! Кто нарушил звуковую маскировку? Два наряда вне очереди! - строго отчитал я. Но бойцы рассмеялись. Наряды - это что-то мирное, довоенное, после пережитых ужасов боёв, плена, ставшее далёким, светлым, тёплым и милым, как детство.

- Так, о чём это я? Отвлекли, черти! Только мысль светлая всплывала, вспугнули, сапоги рванные!

- Они Христа-коммуниста распяли, - подсказали мне. Глаза людей блестели, как у детей в цирке.

- Ага, распяли, демоны. Он им запретил человечину есть.

- Как человечину?

- Каннибализм. Слышали такое? До сих пор практикуется. Кое-где форму сменило. Вместо поедания мяса людей стали души поедать, наслаждаясь чужими страданиями. Он запретил, зверолюди-людоеды взбесились. Но, Бог не отдал своего сына на поругание. Христос воскрес в Светлое Христово Воскресение и позвал братьев. Пришли многотысячные дружины рослых русских витязей. Знаете, что интересно? Воины Рима в то время носили медные или бронзовые доспехи и имели короткие мечи. Длинные мечи ломались, потому что делались из дрянной стали. И вот пришли дружины. В булат закованы с ног до головы, с длинными крестообразными мечами. Такой меч разрубал бронзовый шлем римского legionera до задницы.

Взрыв хохота прервал меня.

- И все были верховые. В то время конница была лишь вспомогательным войском - античный мир не знал ни седла, ни стремени. Клали коню на спину подушку и сидели, балансируя. Какой верховой бой? А русоволосые - привстанут на полном скаку в стременах, композитный лук из рога тура натянут и на полном скаку за сто шагов прибивают фанерный щит legionera, вместе с legionerом, к щиту сзади стоящего. Конём управляли ногами. Этого было грекам и римлянам не понять - они узду боялись одной рукой держать.

- Если коняга смирная и выученная, она сама знает, что надо делать, - сказал один из бойцов.

- Вот, ты это знаешь, а они не знали. Думали, что человек и конь - одно целое. А впервые подобное они увидели на северном побережье Чёрного моря, в Таврии. Потому и называли таких всадников - кентаврами - конными таврами. Тогда побережье нашего моря было сплошь заселено греками. Пустили их, сироток, научили всему. А они наши святые места все

уничтожили, людей, кого не перебили, в рабство продали

- Про Рим скажи, - попросили мои благодарные слушатели.

- Да, Рим. Ясно, что римские легионы, состоящие из наёмников, не смогли противостоять северным богатырям. Кстати, выросшие на обильных дарах земли и на просторах северяне были на голову выше невысоких южан. Вы ещё увидите этих итальянских карапузов - они вместе с гитлеровцами сейчас пытаются вернуть себе черноморские города. Наёмники хороши, когда надо убивать и грабить. А когда надо умирать - наёмники очень плохие вояки. Гитлер скоро в этом убедиться. Наши предки, да и предки этого остолопа германского, взяли Рим и всю остальную их Италию, освободили всех рабов - потому что не может человек быть рабом человека. Человек - потомок и помощник Бога. Потомок Бога не может быть рабом. Рабы в Риме были на правах говорящего скота. Поручили их храмы.

- Это вы любите - храмы рушить, - буркнул Вильгельм.

- В храмах Весты жрицы-весталки обслуживали за деньги любого мужика, даже грязного немытого раба. Это был не храм, а блядский дом. Этим заниматься можно только с женой, с любимой.

- Не только можно, но и нужно! - радостно подхватили бойцы, - эх, жену бы сюда!

- Ты её настолько ненавидишь?

- Почему это? Наоборот, люблю.

- А что ж ты её в лес, в окружение тащишь?

- Да заткнитесь вы, задолбали. Дай человеку дело сказать! Жен своих после обсудите.

- Давай, командир, продолжай!

- Храмы порушили... - напомнили мне.

- Да. А в других храмах, хоть и поклонялись богам, но приносили человеческие жертвоприношения. Какой нормальный человек потерпит такое?

- У, звери!

- Заткнись!

- Вот и прозвали северных воинов варварами. Храмы порушили, срамные статуи голых баб и мужиков и композиции с их совокуплениями, а также мраморные сцены совокуплений богов с животными...

- Тьфу, ты! Ну что за мерзкое место!

- ... покололи, книги пожгли на тех же площадях на больших тризных, погребальных кострах.

- А книги-то причём? Книги вещь хорошая. У нас вот в селе

библии..., ох!

- Ты хлебало-то завалишь или нет? Щас пилоткой заткну!

- Книги причём? Да, книги ни при чём. Книги жгут только дикари. Вот Гитлер и его штурмовики пожгли много книг. Александр Македонский сжёг все книги Авесты, священной книги Персов, сжёг египетские библиотеки, где книги копились с незапамятных времён, Дело не в книгах. Бумаги тогда ещё не было. Писали на дощечках, бересте, папирусах и кожах. Бычья кожа - толстая, баранья трескается, свиная... что-то ещё, мутнеет, что ли, тоже не годиться. А книги были нужны с тонкими светлыми листами. Они книги делали из человеческой кожи...

- Ох, ты, Господи...!

- Тьфу, нелюди!

- Уроженцы юга имели смуглую кожу, негры, соответственно, черную. У нас, ариев, - немец бросил на меня быстрый взгляд, - кожа светлая, тонкая. Им понравилось. Чем более юный источник страниц для книги, тем кожа эластичнее, лучше растягивается, страницы получают тоньше. Кожа младенцев растягивается до толщины папиросной бумаги.

- Неужели они могли такое сделать?

- Они делали это сотни лет. А книги сжигали на погребальных кострах, чтобы проститься с невинно убиенными детьми. Наши предки своих покойников сжигали, чтобы помочь им достигнуть Неба. Поэтому и сжигали книги, но не сожгли ни одного пергаментного свитка.

- Их за это всех надо было сжечь! Чтобы не повторилось!

- Не поможет. Я вам может быть и новость скажу, а вот наш гость Вили уже знает: не прошло и двадцати веков и потомки тех, кто горькими слезами оросил бороды на тризне стали делать подобное.

Стало тихо. Лишь колёса телег скрипели, да ревел перегруженный Ганомаг впереди.

- Сейчас в гитлеровской Германии из человеческого материала производится множество полезных вещей - дамские сумочки из очень мягкой и тонкой кожи, шахматные фигурки, трубки и манштыки из человеческих костей, пепельницы и письменные приборы. А пилоты Люфтвафе в комплекте с офицерскими погонами получают тончайшие перчатки из человеческой кожи. То, что остаётся не удел, идёт на удобрение полей.

Толпа вокруг взывала, Таня плакала широко открытыми, не мигающими глазами, закусив зубами свой кулак.

Сразу десяток рук потянулся к немцу. Истеричные и яростные голоса ревели ему в лицо:

- Это правда?

Немец был бледен, как свежесвыпавший снег. Он опустил голову. Толпа опять взвыла, сразу множество рук потянули его с повозки. Глаза людей горели огнём безумия.

Я вскочил стоя на повозку, передёрнул затвор автомата:

- Стоять! Отставить! Вы что как звери накинулись на него? Он больше не опасен. Убить хотите? Убивайте, но не его! В следующем бою, когда очко заиграет и ноги понесут в тыл - вспомни тот сарай с сожжёнными заживо хуторянами. Вспомни всё, что сегодня услышал, вспомни эту ярость! И встань! Встань насмерть! Как предки наши стояли! Сдохни, но не пусти этих тварей в село, в деревню, в город! Убьёте вы его и что? Полегчает? А детям нашим, увезённым в Германию в товарных вагонах на столы мясников - им полегчает? Отставить!

Немец обмяк - сознание потерял. Бойцы прятали свои глаза от меня, прятались друг другу за спины, отходили подальше. В наступившей тишине громко всхлипнул наш возница - пожилой мужик:

- А мои внуки теперь под немцем остались...

Татьяна сорвалась с повозки и убежала в заросли. Она села на другую повозку после, с немцем рядом больше не показывалась. До темноты ехали в тишине.

Тишину нарушил немец:

- Кто ты? - спросил он у меня. В тёмном лесу вопрос его прозвучал очень громко.

- Я? - удивился я, хотя прекрасно понял, что он имел в виду. Я тянул время - тёмные силуэты придвинулись ближе - бойцы подбирались плотнее - послушать.

- Что ты имеешь ввиду?

- Я не пойму Вас. По званию всего лишь фельдфебель, но майор и другие офицеры и солдаты слушаются беспрекословно, каждое слово ловят, принимают на веру, как истину. Вы знаете прошлое, будто там были, ведаете будущее. Так кто вы?

- Должен тебя разочаровать - я человек. Нет, не так: я - Человек. Но разве это важно? Гораздо важнее для тебя - кто ты?

- Я знаю кто я.

- Ой ли? Никогда себе не задавал вопроса - тварь ли ты или Человек? Бог-Творец создал людей по образу и подобию своему - творцами. Только Человек может, в отличие от твари безмолвной, сотворить то, чего не было никогда. Ни одному зверю это недоступно. Тварь лишь жрёт, гадит и плодиться. И убивает. Она больше и не умеет, ей и не нужно. Но, многие из

тех, кто считает себя людьми тоже живут так и занимаются только удовлетворением своих похотей и желаний, следуя звериному началу. Живут в страхе и зависти. Вот и спроси себя - Кто Ты? И кто окружает тебя? И кто кумиры твои? К чему стремишься ты? И есть ли польза Мирозданию от твоего существования? Вот когда ответишь на такие вопросы, мы с тобой пообщаемся. Но не раньше. Ведь не поймёшь ничего. Как ученики Христа ничего не поняли из того, что он им говорил. И вы, мои боевые товарищи, что жадно слушаете меня - подумайте. Когда ответите себе на эти вопросы - очень многое станет понятнее. Кстати, страх смерти пропадёт.

Я горько усмехнулся и тихо добавил:

- Смерть - лишь избавление. Долг важнее страха смерти станет.

Стемнело, но не останавливались. Подсел усталый Миша Перунов, тихо доложил, что место под ночлег нашли, приготовили - в километре от нас.

Ночью мы слышали звук далёкого боя, но недолгого. Прибежал Леший, Архип, Кадет и так рядом был. Гадали - что за бой.

- Тяжёлых взрывов не слышно. Ружейно-пулемётная трескотня, гранаты, мины, - резюмировал я свои мысли.

- Вёрст три-пять, - сказал Архип, тоже весь в слухе.

- Командир, я сбегая, посмотрю, - предложил Алёшин.

- Поглядеть бы надо, может какая часть пробивается. Но, ты не пойдёшь. Подбери толкового командира и человек пять ему в помощь. Только разведка. Глаза и уши - не более. Понял. Исполняй.

Леший растаял в темноте.

- Оказывается, не такие уж это глухие места, - усмехнулся я, - Архип, усиль боевое охранение. И почаще меняй. Тревожно мне что-то.

Нежданная находка

или "рояль в кустах"

.

Посветлу выступили. Потом нас нагнали разведчики. Оказалось, одна из окружённых частей пробивалась через брод на реке. Когда разведчики дошли до места боя - наши уже переправились и ушли, зато немцев было, как грязи, близко не подойти.

- Понятно. Разумно. Зачем нас по лесам гонять? Достаточно перекрыть узкие места - переправы, дороги. Сами на охотников выйдем. Мда... Жаль, зима скоро. Ох, мы бы тут так попартизанили! Немцам бы берёзовых крестов не хватило. Ладно, с ними их бог, он им поможет. А у

нас свой путь. Идите, поешьте, отдохните.

Днём наши разведчики выловили одичавших окруженцев в количестве четырёх человек. Все рядовые бойцы. Они тоже услышали бой и пошли на него, рассудив, что страшный конец лучше бесконечного страха. У них на четверых было три винтовки, четыре штыка и девять патронов. Их покормили, приодели и поставили в ряды колонны. Оружие оставили их же, но добавили по двадцать патронов каждому.

- А мене оружие?

- А где твоё?

- А, у мене и не було. Я в части должён был получить, а тут немцы, все бегают, ничего никто не знает.

- И откуда же ты без оружия то следовал?

- С хоспиталю.

- Воевал?

- Не-а. Не успел. На станции как налетели, как начали долбить! Меня и долбануло. Но и тогда у меня ружа не было. Я, гряд, маршерутанная рота, не положено.

- Ладно, бедолага. И у нас не положено. Штык где-то подобрал? Вот с ним и воюй. Оружие в бою и добудешь. А что умеешь?

- Это как?

- Где работал, учился чему?

- Конюх я. В школе три класса отучился, отец не велел больше. Читать умеешь, грит, хватит.

- Антип, тут твоего полку прибыло. Конюх.

- Тут каждый второй - конюх. Лучше бы ещё одного механика на этого немецкого зверя.

- Тут уж, Антип, дарённому коню в зубы, сам знаешь, не смотрят.

- Пойдём, горе-дарённый-конь!

К вечеру вышли к маленькому хутору в лесу. Тут дорога от него разбегалась на три ветки. Хутор - небольшой дом, пара хозяйственных построек, огород за забором. Разведка доложила - в доме было трое, старик, хромой мужик с ногой в колодках и девушка. Оцепили хутор, вышли на него основным отрядом - решили здесь заночевать. Но, оказалось, хромого и девушки - нет. Просочившись сквозь редкое оцепление, они скрылись.

- Причём в разные стороны, - закончил доклад разведчик, в оборванной и грязной маскировке в самом деле похожий на лешего.

- Найти, словить, притащить, - приказал я.

Разведчик скрылся, Алёхин тоже дёрнулся, но я его остановил, не удержавшись, сдохмил:

- А вас, Алёхин, я попрошу остаться.

Никто, конечно, не оценил юмора. Ладно, прокатит за странность.

- Пойдём с хозяином знакомиться. И вот что, Лёша. Глаза держать широко открытыми. Хуторяне всегда были с чудиной. А поведение обитателей этого хутора весьма странное, надо понять почему. Обращай внимание на любое несоответствие.

- Понятно, командир.

Небольшой домик, но из толстенных брёвен. Крепкий порог из толстых досок, низкая дверь из дубовой досок, стянутая железными кованными полосами. У порога - конура порядочных размеров, но собаки нет.

- Там вон, кузня, - один из разведчиков указал на самый дальний маленький сарайчик.

- Нехило, - удивился я., - О-очень интересно. Прямо не терпится познакомиться с этим хозяином леса.

Я постучал в дверь.

- Не заперто, - донеслось из-за двери.

Я махнул рукой, перед дверью никого не осталось. Только тогда толкнул дверь. Без скрипа она отворилась. Выработанный уже боевой инстинкт ждал выстрела в проём двери, но вместо этого:

- Проходите, гости дорогие.

- Лучше перебдеть, чем перебздеть, - буркнул я и хотел шагнуть в дверь, но Леший опередил меня, заслонил собой, постоял секунду, двинулся дальше.

Мы зашли толпой в основную комнату. Крутили головами, осматриваясь. Печь, основательный стол под скатертью, две широкие лавки, в углу образа. Я снял кепку, перекрестился. Мои спутники тоже обнажили головы, но креститься воздержались.

- Вечер добрый хозяин! - кивнул я бородатому мужику медвежьих пропорций, сидящему за пустым столом с руками под столешницей, с прищуром смотрящего на нас.

- И вам не хворать, поздние путники. Куда путь держите? Откуда? Ежели не секрет, конечно. Время сейчас тёмное, беспокойное.

- В это ты прав, отец. Время сейчас роковое. Мы русские воины, защищали землю нашу от супостата могучего. Не совсем удачно всё сложилось, враг пока силён. Но крови ему мы много выпустили, ослабили малёк. От своих мы отстали, нагоняем. Нам переночевать бы.

- И кто для вас, добры молодцы, свои? Одежа на вас больно

странная.

- Нормальная на нас одёжа, отец. Была бы странная - уже спустил бы курки. Что там у тебя под столом? Картечица?

Бородач достал дуэльный обрез, положил поверх стола. Мои спутники занервничали. Я прошёл, с облегчением опустился на лавку. Оба ствола смотрели прямо мне в лицо.

- Не дури, отец. Я - командир отдельного истребительного батальона. На что ты надеешься? Напугать меня хочешь?

- А если так?

- Отец, я не в такие стволы заглядывал и то не боялся.

- Это в какие такие?

- В пятидесятимиллиметровые. В танковые. С чёрно-белыми крестами на броне. А потом жёг их. Сколько там на моём счету, Кадет?

- Три танка, один самолет...

- Достаточно. А этот броневик - наш трофей. Это он тебя смутил, отец?

Бородач убрал обрез. Во комнате пронёсся выдох.

- И одежда на многих трофейная. Мы пленных освободили. А они сильно в плену поиздержались, вот и одели вражьи шмотки. Не мёрзнуть же. Понимаешь, с вещевым довольствием как-то сложновато стало.

- Тогда добро пожаловать, гости дорогие!

- Давно бы так. Но я понимаю, время непростое. Только так как ты поступил - чистое самоубийство.

Бородач опустил голову. Похоже, так и было. Не надеялся старик утро встретить.

- Ты, лучше, отец, расскажи, где жильцы твои?

- Какие жильцы? - насторожился дед.

- Хромой парень и девушка. Чего нам ждать? Засады врага? Или ты их просто спрятал?

Бородач молчал потупившись.

- Ну, не хочешь, как хочешь. Сами споймаем. Кадет, распределяй людей на ночлег. Леший, по сценарию. Архип, позаботься об ужине и помывке. Я тут баньку видел. Думаю, хозяин не сильно осерчает, если мы его баней воспользуемся. Чистота - залог здоровья. А мы неделями рожи не мыли.

- Почему Кадет? - вдруг глухо спросил бородач.

- Молодой, но перспективный. На учёбе он тут у меня. Со временем офицером станет, а может и генералом.

Глаза бородача засверкали из-под густых бровей. Ого, да похоже что

дядя-то из бывших. И тут он меня несказанно удивил:

- Значит, правду он говорил... - пробормотал бородач.

У меня аж сердце зашлось.

- К-кто? - я даже заикаться стал, - кто говорил?

Но бородач опять замкнулся.

- Командир, - позвал Леший и протянул ко мне на раскрытой ладони бычок с фильтром и дешёвую одноразовую зажигалку из прозрачного пластика. Ух, Ё!

Бородач начал опять поднимать на меня обрез, но от всплеска эмоций из-за увиденной вещицы из моего времени я уже был в боевом трансе. Я одним движением вырвал обрез из его рук, хлопнул бородача раскрытой ладонью в лоб. И всё это поднимаясь с лавки. Я бросил обрез в угол.

- Леший! - заорал я (я уже не мог себя сдерживать) - Отменяется всё! Всех поднимай! Догнать его! Во что бы то не стало! Он! Это его вещи! Девку не ловить, хер на неё, сама вернётся. Дома чувствуется женская рука, девицей до сих пор пахнет - она ему родственница, А вот он - Чужой! Совсем чужой! Он дороже всех наших жизней! Лови его! Умри, но поймай! Только бы он немцам не достался! Ух, Ё! Что будет тогда!

Глаза всех присутствующих были как чайные блюдца, но быстро все ретировались, создав давку в дверях. Я не мог сидеть, мерил шагами комнату, меня трясло от избытка эмоций, миллионы мыслей проносились табуном бешенных мустангов по голове.

И вдруг я услышал плач. Тяжелый плач сильного, но сломленного человека. Это бородач очнулся, ревел, раззявив отверстие в бороде, но не шевелясь. Глаза его были закрыты, дорожка слёз терялась в бороде:

- Я его подобрал, лечил, а он... Он...

- Что он? Что он сделал?

- Он её, кровинушку мою, внученьку единственную...

- Что? Она живая была, мне докладывали!

- Не углядел, старый остопоп! Не пронюхал нутра его гнилого! Он же так ругал Россию, как я не понял?

- Что он сделал?

- Обесчестил...

- С-сука! Придушу!

- Он к немцам хотел идти. Я отговаривал. А он всё одно. Не будет по-нашему, говорит. Наши всё одно войну в 46-м проиграют.

- С хера ли?

- С Америкой и Англией немцы договорятся. А по нам какой-то

сверхмощной бомбой ядовитой ударят.

- Ядерной?

Бородач аж глаза открыл, а рот захлопнул.

- А ты откуда знаешь?

- Знаю, отец, знаю. И жизнь положу, но не будет по его! Весной 45-го война закончится в Берлине. Наши солдаты все уцелевшие стены распишут своими именами. А амеры своим ядрён батонем на пару месяцев опоздают. Да так и не рискнут его по нам применять. А в 61-м в космос полетит русский парень Юра.

Бородач смотрел на меня радостно, потом опять расплакался:

- Слава Богу!

- А ну, отставить! Ты же, твою дивизию, офицер, а растёкся, как кисейная барышня!

- Бывший я, бывший.

- Русский офицер бывшим не бывает. Тебя от присяги никто не освобождал. Встать! Смирно!

Бородач встал, но как-то заколебался.

- Я присягал Царю и Отечеству.

- Отечество никуда не делось. А может. И от нас зависит, как будет: как я тебе сказал или как тот предрекал. Понял? Присягу давал перед Богом и во имя народа, во имя Родины. Насколько я знаю, Бог тебя от клятвы не освобождал. Из всех пунктов только царя не хватает. Но, это временно.

- Царя вернут? Когда?

- Кто вернёт? До седых волос дожил и не знаешь - Царь - он сам приходит. По велению Божьему. Но, это заслужить надо. В 20 веке - точно нет.

- Кто ты?

- А ты умеешь хранить тайны?

- Я офицер!

- Слава Богу, вспомнил. Вот чем хернёй заниматься, лучше помоги нам долг наш исполнить. Люди мои очень устали.

- Банька! Я затоплю! И снедь соберу. Сколько есть. Где же внучка моя? - он опять всхлипнул, - не вынесет душа её надругательства, руки на себя наложит. Она же у меня - чисто ангел!

Девчёнку нашел Кадет. По плачу и скулежу огромного чёрного пса. Пёс ей не дал удавиться, в петлю не пустил. А Кадет нашел слова, утешил, молодец!

А потом привели Гостя из Будущего. Тут меня ждал ещё один удар.

Передо мной стоял - Я. Тот, каким я был в том времени, в их

Будущем.

Стены и потолок поплыли передо мной и я потерял сознание, как гимназистка, от переизбытка эмоций.

Вечера на хуторе близ...

или Королевство Кривых Зеркал.

На следующий день решил дать людям отдых, хотя отдых нужен был прежде всего мне. С Я-2, как я его для себя назвал, решил не контактировать. И остальным запретил. Его связали, завязали рот и глаза, и бросили как полено. Он сильно мучился, что вызывало довольство всех моих бойцов - они слышали, как он поступил с Настей, девочкой красивой, нежной. Дед был прав - чисто ангел. Теперь она сторонилась людей, подпуская только Деда, Таню и Кадета. Как одичавший зверёк. Видя такое, люди впадали в ярость, но мой приказ останавливал их от расправы. Но украдкой пинали, проходя мимо, меж делом или специально, полено связанного насильника.

Опасаясь за своё психическое состояние, общение с Я-2 отложил, занявшись насущными проблемами.

Дед привёл из леса, где он от нас их спрятал, корову, уже большого телка, трёх коз и клетки с курицами. Кур он тут же порубил, а радостные бойцы их миглом ощипали.

- Как же ты будешь дальше? - спросил я его.

- Ни к чему больше. С вами я иду. Призвал ты меня. Как есть мобилизовал.

Смешно. Кстати, Хотя фамилия его была Гусинев, звали его Александр Родионович. Это меня изрядно позабавило. Я ему: "Понять и простить, Бородач?" - он глаза вытараскивает, не понимает. Бороду, назло мне, сбрил начисто, но "Бородач" уже прилипло, как репей.

Банно-прачечный день прошёл на славу. Ребята отмылись, постирались, починили одежду, почистили оружие основательно, отремонтировали его, насколько смогли. Наши "танкисты" провели ТО своего бронетранспортёра. Возницы ухаживали за лошадьми, которым отдых был нужен не меньше нас. Отъедались и отсыпались. Отъедались медом, кстати. Это чудесное лекарство на ноги ставило не хуже пенициллина.

Татьяна парилась одна, хотя желающих помочь было в изобилии. И только затем наступила очередь комсостава. Натаскали воды, заново растопили баню, стали ждать пара. Тут пристала наша медчасть, раскрасневшаяся, с распущенными мокрыми волосами:

- Виктор Иванович, вам, с вашими контузиями и ранами нельзя в

пар.

Я искренне удивился и возмущился, да, сгоряча, таким трёхэтажным матом, что Таня покраснела ещё больше.

- Ты, дочка, иди, - приобнял её за плечи Бородич, - голову покрой, а то простынешь. Там, у меня в хате, сундук открой, подбери себе. Не стесняйся, это жены моей, сердешной. Ей уже не к чему, а тебе в юбочке по лесу студёному нельзя ходить, детей застудишь.

- Каких детей, дед Саша?! У меня нет детей.

- Вот и я о том же. Война-то войной. Мужичье это дело. А твоё дело - дети.

Таня вскинула подбородок:

- Что за патриархат?!

- Таня, ну за что же нам воевать, как не за ваши ясные глаза, теплые ... х-м... руки и за детский смех? Зачем тогда? Без этого любая победа - пуста, - вступился я.

- А вы, больной, вообще... - казалось, она сейчас разревётся.

- Дочка, я сам его попарю. Ему в сильный пар нельзя, это ты правильно говоришь, но вот без бани ему тоже нельзя. Очистить раны, прогреть, травками промыть, просушить. Глядишь - оклемается.

Я смотрел на Александра Родионовича во все глаза.

- Так ты, ваше высокоблагородие, ещё и ведун?

- Ещё благородием назовешь - прокляну и сглажу. Я ведун, а ты будешь пердун. Лесник я. Травник.

И "га-га-га" десятка мужицких глоток.

Парил он меня долго. Что-то колдовал своими настойками, шептал какие-то наговоры и пел молитвы на забытом языке. Всё это было очень долго. Так долго, что я совсем потерял связь с реальностью. Последней чёткой мыслью было: "Хорошо ребята все помылись и мы последние".

На следующее утро я чувствовал себя гораздо лучше. Кадет доложил, что всё готово к выходу. Одного меня и ждали. Я его отругал - что за эгоизм из-за меня задерживать отряд? На что Кадет буркнул, что от моего самочувствия зависит успех всего похода и я, оказалось, ценнее всего батальона. За что тут же получил подзатыльник и направляющий в дверь пинок под зад.

Собрался я быстро - солдату собраться - только подпоясаться (Кадет уже всё собрал). Отправил разведчиков по указанному Бородачём маршруту (незаменимый проводник - этот лес знал лучше прелестей покойной жены).

Вот и настало время пообщаться с моим Зеркалом. А что? Так и есть.

Когда вы смотрите на себя в зеркало вы чувствуете тоже, что почувствовал я. Ему развязали рот, дали воды.

- Я всё про тебя знаю. Почти всё, - сказал я ему (или себе). Чёрт, как так-то? КАК? Я в чужом теле, а в моём - кто-то. Не могу же я быть и там и там?

- Поэтому не советую юлить, хитрить или врать. Советую отвечать. Будешь молчать - отдам тебя ребятам. Они хотят спросить тебя за Ангельское создание по имени Настя.

Какой-то шум. Что-то мелькнуло, Кадет сорвался с места. Ага, всё-таки пробралась, подслушивала. Ладно, пусть бежит Кадет. Я вздохнул тяжело.

- Как ты сюда попал?

- Я не знаю.

Меня протрясла дрожь - это МОЙ ГОЛОС! Появилось сильное желание вырвать из этого тела глотку. Я опять глубоко вздохнул:

- Опиши, как ты оказался здесь. Меня интересуют все обстоятельства.

Ага, он был на машине. В командировке. Вёз какую-то хрень. За ним увязались бандиты, обстреляли, он свернул в лес, пытаясь оторваться. Они следом. Несколько часов он носился по лесным дорогам. Потом врезался в дерево, от удара потерял сознание, очнулся, выбрался из машины...

- Стоп! Машина тоже здесь?

- Ну, да.

- Бородач! Сюда! Леший! Бери людей этого урода...

- Я не урод!

Я ударил его (себя?) в живот ногой.

- Рот ему закройте! Идём искать машину и любые его вещи. Ни одна его пылинка не должна попасть в руки врага.

- Да кто он такой?

- Шпион. Очень ценный шпион, обладающий чрезвычайно ценными сведениями и сверхсекретным оборудованием. И даже если ничего из этого нам не достанется... Главное, чтобы врагу не досталось.

- А откуда ты знаешь?

Действительно, всё это подозрительно. Я помахал в воздухе рукой и глубоко втянул ноздрями воздух:

- Предчувствие. Чую я. А вы не чувствуете?

- Это Сидорчук. Это он воздух испортил.

- Дураки, - пожал я плечам, но смеялся вместе со всеми. Они мне верят. В любой логичный бред поверят. Хорошо.

Машину Времени нашли. Конечно, это был не Делориан. Ни дока Эммета Брауна, ни ядерного флюктуатора. Обычная массовая Шевроле (шилдик на руле в виде косо́го креста), причём какая-то неказистая, хоть и большая. Таких моделей я не видел никогда, но по ощущениям - дешёвка.

Машины преследовавших этот Шевроле бандитов не нашли. Даже следов не нашли. Был только двадцатиметровый след торможения Шевроле. Получается, он "летел" с максимальной скоростью по дороге, дорога исчезла - кругом деревья и неминуемый удар, хотя два дерева он смог миновать.

Капот машины смят, двигатель выведен из строя, водительская дверь распахнута. Я сел за руль. Мои бойцы сгрудились вокруг.

- Что это за машина такая? - наконец, не выдержал кто-то.

- Шевроле, - ответил я, - американская. В свободную продажу ещё не поступила. Жаль двигатель уничтожен - сколько бы мы усилий нашим конструкторам и народных денег сэкономили бы. Ладно, раскурочивай капот. Ничего не работает - аккумулятор надо проверить.

Тут нас ждала удача - аккумулятор был цел, из пазов выскочил, клеммы слетели, но он был живой. Даже электролит не вытек.

На заднем сидении полно мусора (всякие блестящие предметы и фантики бойцы хватали, как сороки, и тянули в карман)

- Алёшин, забыл чем отличается солдат от мародёра? Немедленно пресечь.

Среди мусора две сумки - одна с дорожным сухпаем, другая с одеждой, портфель с бумагами (бланки, накладные) и деньгами. Доллары - то я узнал, а вот рубли меня сильно озадачили. Это были не наши рубли. Хотя 2003 - 2008 годов печати.

Что-то всё это не клеилось. Деньги другие, в конце двухтысячных бандиты без ментовской формы по дорогам не преследовали снабженцев (судя по накладным), неизвестная марка известного автопроизводителя, эти байки, что он натравил Бородачу.

Меж тем, вскрыли багажник - а там: Ура! Несколько коробок с портативными радиостанциями Моторола. Причём двух видов: побольше размерами - базовые ретрансляторы, поменьше - просто уоки-токи. Ни хрена себе! На весь наш отряд хватит. Эх, наладить бы производство в этом времени!

В багажнике было ещё куча всякого канцтовара - бумага ("Гляди какая белая!"), калькуляторы, ручки, карандаши, и другая конторская мелочь, вроде скрепок, скотча.

- И чего они за тобой гнались? - спросил я Я-2, - у тебя тут и

поживиться особо нечем.

Надо было видеть глаза бойцов - для них это была лавка чудес.

- Так что у тебя приныкано? Золото, деньги, наркотики? Что?

- Колёса, - выдохнул Я-2.

- Где?

Но, он уже молчал. Да и хер на него! Куда я бы спрятал? Немного покопавшись, я извлёк немаленький, почти на кило, кулёк, перекрученный скотчем. Я-2 дёрнулся, получил сразу в живот, по почкам и по шее, обмяк.

- Да ты не только курьер, но и клиент? Давно на дурь подсел?

- Давно уже.

- А родные как?

- Как родных не стало - так и подсел.

- Куда же они делись?

Вдруг Я-2 стал плакать в голос. Да что такое! Прямо слёзные дни в Макдоналдс! Плачут все и плачут. И вдруг я похолодел, залез в бардачок, достал портмоне, открыл. Они. Откинулся на сидение.

- Что с ними?

- Они пропали. Оказалось - похитили.

- Зачем?

- На органы. Я не смог их спасти. Начал искать, копать, когда на них вышел, еле ноги унёс. А они отца с матерью...

- Тоже?

- Сожгли. Ночью. Во сне. Весь дом выгорел, но полыхнула их квартира. Уже шесть лет мотаюсь, скрываюсь.

- Да где же такие ужасы происходят? - удивился Леший.

- В России, Лёша, в России. Вот на дату выдачи этой накладной глянь. И вот на чек на бензин. Вот такое будущее ждёт нас, ребята, если немца раньше американцев не задавим.

Мои бойцы расселись кто где и погрузились в тяжкие думы.

- Ладно, не время отчаиваться. В голос орать в самый раз. Шутка. Всё в наших руках, ребята. Немец жжёт людей живьем, в его время жгут, немец шкуру с людей снимает, в его время на органы похищают. Думается мне, выжжем гнездо этой змеи, прервём этот человеконенавистнический процесс. Как предки наши положили конец рабству! Они Европу своей кровью залили, но смогли. А мы? Или мы дешевле их? Грош нам тогда цена! Превратимся в таких вот ублюдков.

Я кивнул на Я-2.

- За работу! Пробуем сдвинуть эту колымагу. Если передняя ось не лопнула, к Ганомагу прицепим и потащим.

Передняя ось уцелела, но рулевое управление на работало. Пока приехал БТР, пока "танкисты" разобрались и отремонтировали управление (оказалось - ерунда, что-то откуда-то соскочило), я подключил питание и ловил на радиолу хоть что-нибудь. Но, только лай по-немецки. А ребята, ощупывая из любопытства машину, нашли помповик и россыпь охотничьих патронов к нему. С крупной дробью. Они тут же влюбились в это амерское ружьё, но я не разделял их оптимизма:

- Игрушка. Для охоты, самообороны. На войне бесполезна.

Как оказалось, Я-2 никогда не связывал фамилии Калашников и оружие. Весь мир знает АК-47. Это могло быть только в том случае, если Я-2 из другой, параллельной реальности. Никто из моих бойцов тоже не знал Калаша, но сейчас 41-й. Я-2 из 2011 сюда пожаловал.

С помощью Я-2 наладили и настроили Моторолы. Грех не воспользоваться такой удачей. Теперь любая группа наших бойцов, отлучаясь от основной колонны далее прямой видимости получала коробку радиостанции с привязанной к ней толовой шашкой. Все понимали, что будет, если прибор из будущего попадёт в руки немцев. А мои командиры получили по радиостанции и носили их постоянно. Моторолы были для меня привычные, я считал их даже большими, избалованный миниатюрными сотовыми, но ребята были в восторге.

Кстати, Я-2 о сотовой связи читал только в фантастике. Вот такой технический прогресс.

Закрепили за "абонентами" радиопозывные. Базовая ретрансляционная станция с дежурным радистом - "База", я - "Медведь", "Кузя", "Батя", Кадет и Бородич - он и есть "Кадет" и "Бородач", Алёшин - "Леший", его бойцы - "Леший - раз", "Леший - два" и т.д. Антип - "Финн", БТР - "Жук".

За БТРом теперь на привязи ехал Шевроле, за рулём Кадет, с ним рядом - привязанный к ручке двери немец, сзади - Ангел - Настя и медчасть - Таня (позывной "Заря").

Все настаивали, чтобы я в "шикарной" машине ехал, мотивируя множеством причин, начиная от того, что я командир, заканчивая тем, что я ранен. Но я ехал в последней тарантке, поверх тюков с сеном с коровой и тремя козами на привязи. Рядом - Я-2, за "рулём" - Антип. Предвидя будущие проблемы, я оградил круг слушателей до тёртого и проверенного Финна и безмолвных животных - ходячего и любезно сохраняющего себя в свежем виде ужина.

Немного Альтернативой Истории.

А История Будущего была занимательна.

Во-первых, Я-2 долго вспоминал фамилию Жуков. Он даже певца вспомнил (гавно всегда всплывает, при любых условиях, а ни Высотского, ни Цоя он не знал). Но, чувак в детстве, всё-таки увлекался историей, как и я. Как и я - поверхностно. Он, всё-таки, вспомнил генерала армии Жукова. Он оборонял Ленинград, был отозван самолётом в Москву, но не прилетел. Больше о нём никто и ничего не слышал. Даже немцы.

Обороной Москвы руководили Тимошенко, Конев, сам Сталин, но ни у кого из них не было столько опыта, выдержки и жёсткости. Немец вошёл в Москву. Три месяца продолжались жесточайшие уличные бои. Тимошенко застрелился, Конев погиб, Рокоссовский ранен, Катуков - ранен, Ерёменко - ранен, Берия погиб.

- Стоп! Берия погиб? Так, перекур.

- Я тоже хочу.

- Перетопчешься. Твоя хотелка чуть ангельское дитя не угробила. Если бы не Кадет, я тебя лично на ремни бы распустил.

- Тогда я рассказывать не буду.

- Я тебя буду пытаться. И с огромным удовольствием.

Я спрыгнул и пошёл рядом. Голова лопалась. Один Жуков пропал - а такой разгром. А в моё время на него столько помоев вылили. Хотя, он тоже был не пряник. Бухал, как сапожник, был невыносимого, звериного характера, жесток, вороват, подхалим, амбициозен и самолюбив, чисто - зверь, а глянь-ка! Без него - ещё хуже. Теперь понятно почему Сталин терпел все его выкрутасы.

Дальше Я-2 поведал вот что. Наши накопили силёнок, ударили южнее и севернее Москвы, отбросили немца от столицы на 200-300 км.

- Не окружили?

- Чем? Пехотой? По голому полю пехоту и конницу гнали на пулемёты, звери. В лоб штурмовали.

- Слышь, давай без эмоций! Вот следующий хутор будет занят врагом - пошлю тебя проявлять тактический гений. Дальше. Факты и обстоятельства. Оценки я сам выставлю.

Подвижных соединений было ничтожно мало, а значит - наши постоянно проигрывали в темпе, упуская инициативу. И чем дальше он рассказывал, тем заметнее это было. По словам Я-2 техническое отставание наших предков было подавляющим до разгрома в 46-м. А по моей памяти - наши части в технике догнали немца уже при отступлении к Волге, а в Сталинграде превзошли и тактически и стратегически. В чём же дело? Где массы ЗИС-3, ИЛ-2, Т-34, Яков, Катюш? Почему не случилось? По его рассказу, армия наша технически застряла в весне 42-го. Берия погиб? Из-

за двух товарищей - Жукова и Берии?

Я ухмыльнулся. Стало понятно, почему либерастная общественность столько помоев на них выплеснула.

Но, я отвлёкся. А Я-2 вещал об очень интересных вещах. В 45-м произошёл переворот. Сталин сильно "заболел" и оставил пост.

- А вот это место пока пропустим, - Я-2 отшатнулся, видимо, больно зловеще я ухмыльнулся, - Ты этот момент поподробнее вспомни, письменно изложишь. Особенно фамилии, обстоятельства всех активных членов этой ОПГ.

- Что за ОПЭГэ?

- Не важно. Так, перекур!

Не стало Берии, курирующего и душу вытрясшего из технической элиты страны, не стало техники. Ни качественно, ни количественно. Не стало разведки и контрразведки. Истинный "Серый Кардинал" ушёл. Мне жаль Будущее мира Я-2. Некому было пресечь поползновения хунтистов.

Да и с гибелью Берии было не всё ясно. Как в тылу, хоть и в Москве осаждённой, но не на передовой же, мог погибнуть высший руководитель от пулевого ранения? Я-2 вовремя вспомнил слух об этом расследовании, проведённом по приказу Сталина. После "отставки" Сталина документы были засекречены. Но несколько лет они не были секретом, многие знали. Конечно, фамилии исполнителей и заказчиков всегда были секретом, но вот причина смерти стала тайной в 45-м.

- Так, давай дальше. Ладно, на покури. Своих же. Они у тебя гадость порядочная, хоть и "американ бленд".

- У нас в Моршанске бленд этот делают.

- Дальше давай!

Война велась плохо. В результате опалились ядерным огнём Берлин, Кёнигсберг, и ещё три крупнейших немецких города. Немцы сдались англо-саксам, но были тут же обратно мобилизованы, вместе с союзниками повернулись и набросились на Союз. Москва, Киев, Харьков, Ленинград и Челябинск были подвергнуты ядерной бомбардировке. Союз капитулировал. А под раздачу "ядрён батонов" попали, видимо, для профилактики, Прага, Вена, Варшава, Токио, Нагасака, Сеул и, почему-то, Стокгольм, хотя кому мешали шведы? Всё это тоскливо. Оккупационные (миротворческие) силы в городах с населением более 30 тыс. человек. Запрет иметь стратегическую авиацию, танковые соединения и проводить ядерные исследования. Кстати, те же санкции коснулись и остальных участников войны - Германию, Японию, Чехословакию, Францию. Амеры стали хозяевами мира. Китай не объединился, зато рассыпались: Германия,

Чехословакия, Югославия, Австрия, Корея, и самое обидное - СССР. Наша страна разломилась по тем же границам, что и в 91-м. Но, кроме этого, появились такие "самостийные" единицы, каких в моей памяти не было: Татарстан, Великая Сибирская Федерация, Дальневосточная Народная Республика. Ну и конечно, лоскутное одеяло Кавказа, уже полвека полыхающее огнём и ставшее антропогенной пустыней. А Россия ужалась до размеров великокняжеской Московии средних веков. С населением едва в 40 миллионов. Бред! Ужас!

Сбылась мечта американских ястребов и "теневых правительств". Единство мира стало реальностью. Глобализация победила! Интересно, что это дало Человечеству?

Ему грозил голод и перенаселение. При 3 миллиардах человек населения. А у нас 7.

Мир Я-2 не знал Космоса. Совсем. Соответственно ни МКС, ни спутниковой связи, ни навигации, ни орбитальных телескопов, ни снимков далёких звёзд. Это ни к чему. Надо деньги зарабатывать, а не звёзды разглядывать. Рационально. В том мире не было противостояния двух гегемонов, гонки за "носители". Не было необходимости вкладывать безумные деньги в вакуум. Космические программы - нерентабельны. И никогда прибыльными не были и не будут. Да, строительство спутника, его вывод на орбиту и обслуживание - окупятся. А строительство космической инфраструктуры? Космодромы, тысячи заводов и НИИ, не способные произвести ничего на продажу, кроме секретных и бесполезных по отдельности артефактов? А тысячи и тысячи инженеров, конструкторов и топ-менеджеров, которых надо усыпать золотом, чтобы привлечь лучших из лучших. Это никогда не окупится. Даже побочные открытия не окупят. Кстати, в мире Я-2 нет персональных компьютеров, Интернета, мобильных, композитных материалов и титановой промышленности. Нет реактивной авиации и лазеров. Нет флешек. Это всё были военные разработки, кое-как приспособленные для мирного использования. Первичные вложения в НИОКР никогда не окупаются. Нет противостояния полушарий - нет нужды в баллистических ракетах - не нужны мощные вычислители. Нет нужды в самонаводящихся ракетах - не нужны мобильные компактные вычислители, радары и лазеры. Нет угрозы глобального удара - нет децентрализации управления - нет цифровой связи и глобальных сетей, нет Интернета. Нет промышленной конкуренции от разрушенных и не восстановленных в виду потенциальной конкурентоспособности экономик Германии, России, Японии - нет НТР, нет развития средств производства. Лишь сатанинский "менеджмент". Нет

экологии и "зелёных". Но и антиглобалистов нет. Для этого нужно массовое доступное и качественное высшее образование. В мире Я-2 люди с университетскими дипломами - штучный товар. Во всей Европе один университет и тот в Англии. В Азии - ни одного. Институтов нет вообще нигде в мире. Необходимым и достаточным считается начальная четырёхлетняя школа - простейший счёт, умение читать и писать по-английски. Родной язык - только устно. Ага, а я и не обратил внимания, что вся его документация на английском. Сам английский знал в необходимых масштабах.

- А ты по-русски-то умеешь писать?

- Я закончил полную высшую школу. Все одиннадцать лет учился.

Он был горд собой. Тут не гордиться, а плакать надо!

- Вот и пиши. По-русски пиши. Листы там я видел, ручки тоже. Всё, что мне рассказал - пиши.

Я спрыгнул и закурил с горя. Шёл я рядом с повозкой - ходьба пешком мне всегда помогала успокоиться и "дефрагментировать" мысли, навести в голове порядок. Я поравнялся с осунувшимся Антипом.

- Вить, - тихо позвал он меня, - неужели это правда?

- Может быть, Оскальдыч, может быть.

- Но, это же ужасно!

- Согласен, брат, ужасно.

Тут я понял, что если на меня, видевшего иную Реальность, рассказ Я-2 произвёл такое впечатление, то у местных - вообще разрыв мозга. Так они и руки опустят.

- Понимаешь, брат, будущее оно же не постоянно. Оно вариативно.

- Не понял я тебя, Витя, - честно признался Антип.

- Каждую секунду, каждое наше действие, каждый поступок или отсутствие поступка влияет на будущее. Например, этот насильник сказал, что генерал Жуков погиб.

- А кто такой Жуков? Это тот, что японцев побил?

- Тот самый. Жуков этот никогда не терял самообладания. Он чересчур самлюбив, жесток и своеволен для этого. Вот представь - нет Жукова, немец ударил, прорвал оборону, нарушил связь и управление, как обычно. Наше командование растерялось. На сутки, не более, но растерялось. А потом стало спасать войска, отводя дивизии для выравнивания фронта. Вот за Москвой и выравнивали. А немец в московских узких кривых улочках застрял. А теперь представь, не исчез Жуков. Немец прорвался. Но, он не растерялся - для него это не впервой за эту войну, да и за прошлую, хотя всё засекретили.

- А ты откуда знаешь, если засекретили?

- Я знаю людей. И в драке не раз бит. Если неожиданно ударить в слабом месте большими силами - прорыва не избежать. И это есть и будет всегда. Не отвлекай. Так вот, Жуков не растерялся и приказал окружённым войскам не прорываться к своим, а встать намертво и лечь, где были. Маневрировать, но не бросать тяжёлое вооружение. Он пожертвовал сотнями тысяч бойцов и командиров, целыми армиями. Это жестоко. Бесчеловечно. Но! Прорыв обороны ничего врагу не дал. Пехота их по грязи не успевала подтягиваться за танками, а танки не могли оторваться от наших частей, вцепившихся в них, повисших на них, как собаки виснут на медведе, пока не задавят. А танки без пехотного и воздушного прикрытия - мишень. Ты видел это там, у моста и полустанка.

- Это да! Славно мы их расчекрыжили.

- Темп наступления немцев упал, а там дожди, слякоть, грязь. С дорог не сойдёшь, а дороги можно перекрыть даже небольшими силами. Наш батальон новобранцев на двое суток блокировал переправу танкового корпуса и вывел из строя больше батальона танков. А на хвосте корпуса висели, умирая, наши окруженцы. Поэтому он выходил к мосту потрёпанными кусками. Из боя - прямо на нас, опять в бой. Надолго их хватит? А там, перед Москвой, готовится новая линия обороны, подвозятся свежие части. Москву не сдадим. А в годовщину Октября по Красной Площади пройдёт парад. Жертвы не будут напрасными.

- Хорошо бы.

- Так и будет. Я в это верю. И ты верь. И мы победим. А лет через двадцать в космос полетит русский пилот с каким-нибудь обычным русским именем и героической летающей фамилией. Юра Гагарин, например. Или Коля Воробьёв.

Я-2 рассмеялся:

- Циалковского вы начитались, господин офицер!

- Заткнись, пока зубы целые. Жопе слова не давали. Тебе задание было писать, а не трендеть. Ещё слово скажешь - рот зашью, как прохудившийся сапог. Понял?

Тот молча кивнул. Я был в ярости.

- Ну, - прорычал я Антипу, - ты кому веришь, мне или ему?

- Тебе хочу верить. А он оттуда.

- Тьфу, чума на твою старую, бестолковую башку. Будущее не определено.

- Кроме влияния личности на ход истории, - встрял Я-2, - есть объективные неизменные предпосылки и...

Я ударил его по губам сапогом прямо с земли. А что, зря разве я боем ногами владею? Заткнул я его основательно.

- Объективные предпосылки иногда сталкиваются и приходят в неустойчивое равновесие. И в такие моменты и меняются судьбы народов и человечества.

А про себя подумал: "Вот почему судьбоносным переломом в войне Сталин и Жуков считали не Сталинград и Курск, а Москву. Им изнутри чувствовалось это. И эта же "точка бифуркации" парализовала волю других, менее волевых личностей. А после нашего контрудара подобная апатия парализованной воли овладела немецкими генералами. Ага, а такое уже было! Участники Цусимского сражения описывали сходные ощущения. Но не было среди них Судьбоборцев".

- И в такие моменты люди, истинно Великие люди, Судьбоборцы, способны толкнуть чашу весов в нужную им сторону. И "объективные неизменные предпосылки" начинают работать на них. И попробуй сказать ещё слово! У нас тут демократии нет! У нас Война!

Мы шли с полчаса молча.

- Антип, а какое сегодня число?

Антип почесал затылок, вспоминая.

- Слышь, ты, недоразумение. Парад Октября в 41-м году был?

- Нет. Уличные бои уже всюду шли.

- Ну, вот. Я докажу тебе, брат, что не будет по его. У нас приёмник же есть. Москву поймает и через пять дней узнаем - будет по-нашему или нет. Свет победит или Тьма. Возьмёт враг кольца Москвы или нет. Кольца Власти.

Я рассмеялся. Сталин, Жуков, Берия, Василевский, Шапошников, Катуков, Рокоссовский - Хранители Кольца Власти. А Гитлер - Саруман, белый маг, маг Голоса. А правда, глянь-ка. А вот кто Саурон? Кто рулит всем этим безобразием? Где его Мордор? В США? В Англии?

- Ты чего ржёшь?

- Так, сказку одну вспомнил.

- Расскажешь?

- Про хобитов и Кольцо? - спросил удивлённо Я-2, - откуда ты её знаешь, разве её не позже напишут?

Я опять его пнул, в этот раз ещё и со злобой:

- Рот закрой, Голум поганый!

Про троянского коня

и полярного пушистого зверька, что подкрался незаметно

.

Довольно сильно похолодало. Лес аж звенел. Грязь померзла, а мы замерзли. Теплового обмундирования на всех не хватало. Я приказал усилить питание бойцам - сытый не так мёрзнет. Съели двух коз. Осталась одна коза и корова, которая от тягостей пути не доилась. Жаль. Молоко и мёд чудесным образом излечивали. Половина раненных встали в строй, половина оставшихся могли самостоятельно передвигаться.

Выпал снег. И с ним пришла беда, откуда не ждали. Антип и Леший с виноватыми мордами доложили, что утром недосчитались одного бойца. Того конюха, к которому приклеилось Дарёный Конь.

Я схватился за голову, сел прямо на тонкий налёт снега, раскачиваясь, причитал:

- Хреново, ой как хреново. Теперь мы не просто один из мелких отрядов окруженцев, а цель номер один! Они обложат нас, как волков и будут гонять. Он же, блин, всё знал! Не дарённый он конь, а троянский!

Так, надо что-то делать! Я вскочил, заметался, выкрикивая распоряжения:

- Леший! Догнать! Убить! Общий сбор! Выступаем немедленно! Брать только необходимое! Бросить всё к чертям собачим! Лошадей навьючить. Всем идти пешком! Освободившиеся телеги бросать! Всем вспоминать, когда последний раз видели этого предателя, что он говорил, что ему говорили, что он делал и где тёрся?

Оказалось, что предатель этот был очень назойливым парнем. Постоянно лез ко всем "любопытствуя". Бородач повинулся, что сказал ему куда мы идём.

- Откуда ты знаешь куда мы идём?

- Ну, перед нами железка. А пройти её можно с техникой только в двух местах. Одно, ближайшее, ему я и назвал. А до второго лишних полдня идти.

- Долбоёж! Язык тебе, к чертям, отрезать! Выступаем немедленно! Бегом!

- На второе место?

- Смысла нет. Бежим в ближайшее. Они оба разом перекроют, но до второго - дольше. Один шанс - проскочить раньше, чем они раскатаются. Бегом, мать вашу! Отстающих лично буду расстреливать! Вы, все, - носители информации государственной важности. Никто не должен живым им достаться. Лично проконтролирую.

На бегу узнавал дальнейшие подробности. О Госте из Будущего с ним никто не разговаривал, раций ему в руки не давали, но он же не слепой и не дебил. Сам дважды два сложит. В последнюю ночь он терся около

Шевроле, скрёбся сзади, но багажник открывался только с водительского места или с брелка. На водительском месте спал Кадет, заблокировавшись изнутри, а брелок - у меня. Его вспугнул Кадет, на скрежет постучав пистолетом в стекло, не выходя.

- Молодец, что не вышел. Заколот бы тебя, девченок, немца освободил, артефакты бы схватил - ищи его.

- Он мог и через стекло.

- Это шум. Ночью звук хорошо распространяется. Мы из него шашлык бы через минуту сделали и он это знал.

Пересчитали рации, другие иновременные вещи. Всё на месте. Может мелочи, мусор?

- Он пакетики с чаем брал. Мы все брали.

Я тоже взял пакетик в руки. Гринфилд. Чай, как чай. Вкусный. А, чёрт! Дата изготовления на каждом пакетике. И каждый в запаян в серебристо-цветастый тончайший пластик. Это мне привычно, а здесь нет таких технологий. Ещё парочку бумажек из мусора, дешёвая прозрачная пластиковая шариковая ручка (брал любой желающий), которых в этом времени тоже нет - достаточно. Любой разумный немецкий офицер поймёт, что мы - приоритетная цель. И ловить нас будут так, будто с нами Сталин.

Нашёл Бородоча, раскрыл карту.

- Показывай.

- Здесь можно нормально перейти железку. В остальных местах без переправы не удастся.

- И окажемся мы в западне. Железка, две реки.

- Здесь и здесь - броды. Ещё два моста.

- Мосты они перекроют. Броды на карте не отмечены, но тоже легко найти. Нам туда не менее суток - у них уйма времени. А дальше?

- А может в другую сторону?

Я долго рассматривал карту:

- Тот же конец, но вид сбоку. Только отсрочит. Надо к точке randevу прорываться, отрываться. Блин, и надо нам оказаться в таком узком месте - никакого манёвра. А ты ему про место встречи не говорил?

- А я знаю, где оно?

Мы с ним долго играли в гляделки. Похоже, не врёт. Не знает. Догадывается, но не знает.

- А отсюда, куда мы можем затеряться? Тут довольно обжитое место, жильё, дороги. Они нас там будут блокировать. А справа болото. Реку слева нам незаметно не перейти. Повиснут, пока не порвут на куски.

- Болото. Есть путь через болото. Там гать была лет... давно, в общем.

Но, очень давно. Пеших я проведу, а вот техника и повозки не пройдут.

- Немец может знать о проходе?

- Ваши-то не знают.

- Какие это наши?

- Советская власть я имею в виду. Браконьерская это тропа.

- Ты, дед, эту херню брось! Советская власть не только наша, но и твоя. Немало хорошего она для народа сделала и ещё сделает.

- А ты меня, пацан, не агитируй Родину любить. Не моя она власть и не будет моей!

Мы схватились за грудки, налетели бойцы, растащили. Ясно, что все на взводе.

- И что мне теперь делать с тобой, контра? Как мне верить тебе? Или ты ещё один конь троянский?

- Делай что хочешь. Я не падла, сказал - выведу, значит выведу. И немца бить буду. И предателей. А вот любить красных ты меня не заставишь! - пыхтел Бородач, скрученный сразу тремя бойцами.

- Не верю. Тля! Что ж за засада-то?!

- На кресте тебе клянусь, командир! Выведу! Не продам! Самое дорогое у меня - здесь. Внучка, единственная моя кровь. Как я предам-то?

- Ладно, отпустите. Другого варианта всё одно нет. Веди. Помирать - так вместе будем. И давайте в темпе! Живей! Неужто, не чувствуете, как петля вокруг наших шей сжимается?

Когда остановились на перекур с перекусом, раскурочили всю машину - оторвали, к грёбанной матери капот, крылья, фонари, обвес, достали аккумулятор, радиолу, повывёргивали провода, антенну. Вырвали двигатель. Топливо слили. Наполнили им две пластиковых полторашки из-под выпитой сладкой воды, остальное перемешали с остатками бензина для БТРа.

- Слышь, Голум, моя прелесть, это какой бензин?

Он назвал. Я долго напрягался, пытаюсь перевести инореальный амерский стандарт в нашу марку.

- 92-й люкс, не парься.

- Так бы и сказал, урод! Умничаешь тут.

- А зачем бензин в бутылках? - спросил Кадет.

- Для анализа. Думаю, такого бензина ещё не производят.

- Да? Бесплезная машина. На нашем бензине не работает.

Я рассмеялся. Настоящий патриот.

Оставшиеся части машины замазали грязью. Крышу и двери решили не снимать, пока. В салоне будет хоть немного теплее. И багажник пока

нужен. Всё раскуроченное сносили в яму, залитую водой, утопили и буреломом завалили. Зато машину облегчили.

- Найдут в пять сек, - вынес я вердикт. Зачем поддался минутному импульсу? Надо было в болоте утопить. А! Уже сделали.

Опять побежали. То бегом, то быстрым шагом. Пришлось поменять состав колонны. БТР теперь шёл сзади. Он так раскурочивал подмёрзшую грязь, что повозки вязли. Лошадки совсем выбились из сил. Толкали всем миром.

Раньше мы планировали пересечь железную дорогу ночью, потихому. Вышли ещё засветло, было часа три дня. Но, нас ждали. Разгружалась пехота из двух тентованных грузовиков, дрезина удалялась, что-то привезла, теперь отчалила.

Снег уже стоял, кругом грязь, а в ней прятались лешие, с ног до головы вываливавшиеся в грязь. Остановили повозки в подлеске опушки, наскоро спланировали атаку. Девченок из Шевроле высадили, немца привязали покрепче и пониже, опустили боковые стёкла и посадили сзади двух не ходячих раненных с автоматами.

Атаку начинала наши "бронетанковые войска" с "тачанкой" на привязи. БТР взревел и попёр, подминая кусты. Немцы рты поразивали. Их что, не оповестили о нашем усилении? Мы открыли огонь из всех стволов, стремясь максимально использовать их замешательство. Нам это частично удалось - несколько немцев рухнули, как подкошенные, несколько заметались. БТР быстро сокращал дистанцию, его пулемёт молотил не переставая, а Шевроле прыгало сзади как бешенный козёл. Пожалуй, тачанка не получилась.

Бойцы резво и споро пошли в атаку, стараясь не отстать от БТРа. Лешие в поле скупно щёлкали немцев - попрятались. Но, не долго длилась их колгота. Застучал один пулемёт, второй. Завыли в воздухе мины, разорвались с большим недолётом - немцы спешили.

Поздно! "Жук" перепрыгнул рельсы, перетащил "тачанку", открылись задние бронедверки и высадился наш десант, прикрываемый огнём в упор пулемётом БТРа и автоматами из Шевроле. А тут и пехота добежала, зачищая поле боя.

Хорошо, быстро получилось. Командиры групп доложили по рациям:

- Чисто.

- Кузя, всем: закрепиться, перекрыть подходы, зачистить территорию. Обоз пошёл!

Пошли повозки. За ж.д. путём - редкие выстрелы и короткие

очереди. Перед нами перебежали "лешие", залегли на откосе пути. Показалась дрезина, но встреченная снайперско-пулемётным огнём, пыталась скрыться, встала.

- Леший. Двое на дрезине обезврежены, один залёг. Отползает в лес.

- Пусть ползёт. Если наверняка не сможете, дайте уйти. А то, с перепугу, начнёт палить.

- Принял, Батя.

- Кадет, как ты?

- Голову отбил и губу прикусил. Нормально. Танкошлем нужен.

- На тачанке положена буденовка. К своим выйдем - подарю.

- Жук-1. Одна машина исправна, у второй - бензобак пробит.

- Кадет. Грузите трофеи в исправную машину. Документы, все какие есть, тоже.

- Принял, Кузя. Что с пленными делать?

- Никто не выжил.

- Понял тебя. Кончай их, ребята! Их сюда никто не звал!

- Кнопку отпусти, придурок!

- Ой!

- Куст.

- Слышу тебя, Кузя.

- Головной дозор.

- Принял. Выдвигаюсь.

Перевели обоз через линию, половина бойцов направилась с обозом к зарослям. Лешие бегали по полю - искали наших, раненных или отставших. Посадили водителя за трофейный грузовик, не сразу, но завели, спешно грузили оружие, боеприпасы, немецкое шматьё. Миномёт и мины.

- А это на хрена? У нас нет умельцев.

- Не оставлять же врагу.

- Тоже верно. Давай! Живее! Цигель-цигель, ай-люлю!

Наконец и автобронетанковые наши войска пошли по следу повозок. Остались сапёры и "лешие". Подожгли бензин, струйкой льющийся из дырки в баке. Рвануло.

- Уходим! - крикнул я. И в рацию: - Гном-1, это Кузя.

- Здесь.

- Растяжки помнишь?

- Понял. У меня ещё и конфеты остались. База, база!

- База.

- Скажи Финну, пусть оставит коробочку орехов и все конфеты.

- Финн тебя услышал и понял. Оставляю тебе указатель.

Уф, проскочили.

В мешок. В дельту реки. Справа - река, слева - река. Надо галопом мчаться к броду. Здесь - едва успели.

Но, быстро не получилось. Дороги здесь не было никакой, шли напрямик по зарослям, оставляя чёткий след. В темноте упёрлись в неширокий, но глубокий и длинный овраг, с ручейком на дне.

- Всё. Финита ля комедия. Привал. Обоз - наверху, люди - внизу. Антип - ужин. Леший - разведка и боевое охранение. Гном - придумай, как этот овраг перейти техникой здесь или десяток метров в стороне. А потом разобрать возможность перехода. Кадет: потери, трофеи. Исполнять!

В темноте раздались несколько взрывов. Гном - командир нашей группы сапёров, радовался громко:

- У нас горькие конфеты! - "конфетами" они называли противопехотные мины. Так, творчески, подошли к радиошифровке.

- Мы сзади кусаемся! - подхватил кто-то.

- Тихо, не на рынке! - одёрнул я и позвал в рацию - Бородач, ходи ко мне.

- Ага, - хрипнула рация.

Поужинали последней козлятинкой. Попланировались. Сапёры строили мост через овраг. На верху, в сторонке, схоронили двоих наших товарищей, погибших сегодня. Очень хотелось как-то отметить место, чтобы нашли. Но, следом придут враги. Они найдут раньше. Больно терять товарищей. А здесь даже поисковики не будут искать. Но всё равно, вложили им в карманы смертные эбонитовые медальоны, а потом, в виде хулиганства, описание боя с героическим участием погибших с датой и моей росписью на белейшем листе А4 и запаковали в целлофан, запаяв герметично. Если наткнуться поисковики - их ждёт сюрприз.

Мост в виде понтона поставили к первой смене караулов. Надо поспать. Пока всё двигается в нужную сторону, надо отдохнуть. Засыпая, слышал тихий разговор Кадета с немцем на родном языке Вили. Хорошо, что стажуется. А то - плохо без переводчика.

О том,

когда в

лесу случается клаустрофобия.

Поднялись ещё потемну. Завтрак. Утренний моцион. Вот после него ко мне подвели немца.

- Ну? - спросил я, жуя - времени мало.

- Я подумал над вашими вопросами.

- Ну?

- Я больше не боюсь смерти.

- И?

- Я - Человек.

- Ой ли?

- Я даю слово, что не убегу.

Я молча смотрел на него. Он взгляда не прятал.

- Мне некуда бежать. К своим я не могу вернуться. Я не смогу заниматься тем, чем должен. Это не справедливая война.

- Да ты что? Справедливая.

- Для вас. Но, и против своих я не могу пойти. Я не знаю что делать.

- Всегда есть третий вариант. Их всегда больше двух. Тот, кто видит только "или - или", тот обречён. Но, помогать тебе я не намерен. У меня своих проблем выше крыши. У каждого свой путь на Голгофу. И каждый сам несёт свой крест, если понимаешь о чём я. Караул! Иди, кликни Антипа. Стой! Никак не привыкну.

Взял рацию:

- Финн. Это Медведь. Тут наш воспитанник созрел для следующей степени свободы. Для стреножной.

Немца связали по-другому. Он мог ходить, ухаживать за собой, но не мог бежать или сделать широкого шага и развести руки. Петли на верёвках сделали не тянущими.

- Тебе предоставлена некоторая степень свободы. Связан ты, по большому счёту, символически. Вот и воспринимай это как символ. Караульного к тебе не приставляю, но не отлучайся от моих людей дальше десяти шагов - сразу будем стрелять. Время такое, сам понимаешь. И мы не на Елисейских полях.

Аккуратно перевели через овраг по полосам понтона телеги, потом, отдельно лошадей, потом перетолкали Шевроле, грузовик (Опель, кстати, очень похож на нашу полуторку) и лишь затем БТР. Мост под ним прогнулся, начал разъезжаться, брёвна поползли в разные стороны. Жук-2 дал по газам и успел перескочить на другую сторону прежде, чем мост окончательно рухнул. Сапёры тут же растащили остатки моста в разные стороны.

- Молодцы! От лица командования, бойцов и себя лично объявляю вам благодарность, обещаю похлопотать о наградах.

- Командир, ты бы нам выделил тех блокнотов, карандашей и самопишущих ручек. И там я видел скрепки. И лента эта, самоклеющаяся. В нашем деле вещь незаменимая.

- Да, лента эта просто чудо. Столько направлений её применения

может быть! Кадет, я позволил.

- Спасибо, командир.

- Всё! Стройся в колонну! Цигель! Ай-люлю! Пошли, братва, время - жизнь.

Разведка докладывала о вялой активности преследователей. Нарвавшись вчера на растяжки, они споро отошли и сидели тише воды.

- Ох, и не проста это. Что-то они нам заготовили.

Выслал ещё дозоры. С колонной остались только раненные и водители авто и кобыл.

- Борода - Медведь, что думаешь?

- Чисто. Никто тут не ходил. Я с лешими отбегу до ветру, глазёнки полупить.

- Давай, но нежно.

Меня беспокоило и даже очень эта нерешительность немцев. Если они не восприняли всерьёз стукача, то зачем блокировали место пересечения ж.д.? Если поверили - почему не преследуют? Бояться мин и снайперов? Я вас умоляю - за артефакты из будущего и за носителя его, Будущего, и тысячи солдат не жалко. Ох и поспешил я, надо было пленного допросить.

Терзаемый сомнениями, решил отвлечься - проверить изложение Я-2. Как же он безграмотно пишет! А ещё какую-то высшую школу окончил.

- Слушай, а что на Юго-Западном фронте происходило?

- Бои.

- Ты не умничай, понятно, что не полонез. Какие города сдали?

- Липецк, Воронеж, Харьков, Курск, Орёл.

- А Елец? Мичуринск?

- И Елец. А что за Мичуринск? А, Козлов. Там станция узловая. Его тоже. Движение по железке было парализовано. Тамбов не стали брать. Ты мне фотографию верни.

- Какую?

- С женой и сыном.

- Не заслужил. Пиши давай. Что ж ты так безграмотен, Голум?

- Я не Голум, - он вдруг заплакал. Но, я чувствовал лишь презрение.

- Ты зачем к немцам пошёл, падла?

- Они - единственная реальная сила, способная остановить амеров.

- Дурак ты, Голум, и не лечишься. Вспомни: англо-саксы, английские саксонцы. А Саксония - в Германии. Они одного поля ягоды. Они не станут противостоять Саурону. Они сопротивлялись, чтобы выторговать более

выгодные условия капитуляции.

- Откуда? Где ты читал Толкина? Он ещё не написал эту книгу.

- Я ему её рассказал, а он напишет, что тут непонятного. Как ты думаешь, почему одного из героев зовут русским именем Боромир - борющийся за мир?

Во, я загнул! Аж сам охерел!

- А за кого? За жидо-коммунистов?

- Ещё скажи пятьсотмилльёнов-невинно-убиенных. Про кровавых маньяков из ЧэКа, ГэПэУ, ЭНКаВэДэ.

- А что, не так? Всех нормальных командиров перед войной перестреляли, а сами только из-за спин, в своих...

Я рассмеялся:

- Очнись, дурень! Я - НКВД! Разве не видишь петлиц моих? И Кадет. И Антип, и Леший. Мы - отдельный истребительно-противотанковый батальон НКВД. Мы умирали и жгли танки там, где все остальные уже разбежались в ужасе. Я потерял девять из десяти ребят из своей роты. Ни один не убёг. Ни один не был убит в спину. Мы не позади, мы перед нашими войсками были. И есть. Они там, а мы здесь, не в нашем тылу, а в немецком. Тебе либерасты в уши дерьма налили, чтобы оправдать подлость своей измены, а ты и уши развесил. У тебя же оба деда где-то тут воюют. Они тоже кровавые маньяки?

- Надо было с Гитлером договориться...

- С Гитлером? - я замолчал, закурил, пыхтел молча, - С Гитлером, внуком Ротшильда по материнской линии, избирательную компанию которого проплатили Ротшильды? Масоны, хозяева Федеральной Резервной Системы США? Хозяева США? Ты видел приказ Гитлера о комиссарах и коммунистах? А его план Ост? Очистки Восточной Европы от славян их физическим уничтожением?

- Это всё красная липа. Подделка.

- А за день до того, как мы тебя поймали, мы проходили пустой хутор, население которого было поголовно сожжено в сарае. Это тоже липа? И Капустин яр - липа? Мне жаль тебя. Ты дурак, а это надолго. Поздно тебя учить Родину любить.

Я собрался уходить, но он зашипел, правда - Голум:

- Родину любить? За что? Деды израненные вернулись, а померли в нищете. Мою семью убили - кто-нибудь что-нибудь сделал? А когда родители сгорели, они даже дела не открыли. За отсутствием состава. Меня из дому выгнали. Сначала с работы вытурили с волчьим билетом, а потом и из дома. Я шесть месяцев в машине живу!

- Мне тебя жаль. Но Родина тут ни при чём. Родина и госструктуры иногда разные и часто даже враждебные друг другу субстанции. Надо было бороться с ублюдками, поставившими тебя в такую позу, но это не Родина это с тобой сделала, а именно ублюдки. Родина - она как мать. Ты есть благодаря ней. И всё. И ты ей за это всегда должен и будешь должен. Кто не понимает этого - ублюдок.

- Я всего лишь жить хочу, - тихо ответил Я-2.

- А кто не хочет? Думаешь, эти двое, кого мы утром схоронили, жить не хотели? Ещё как хотели! Но бывает, что лучше смерть, чем жизнь при некоторых условиях. А ты ведь не просто жить хотел, а хорошо жить, сладко. Поэтому, не к нашим пошёл, а к врагу.

- А что наши? Берия, пока жив? Они бы меня лабораторной крысой сделали.

- Немцы бы скорее сделали. Они бо-ольшие мастера в этом деле. Они так далеко медицину продвинули в концлагерях. Они добились смертности в 99,99% без расхода боеприпасов. Ладно, не могу больше языком без толку чесать. А ты - пиши давай.

Листы его, исписанные с двух сторон, для экономии места, я нумеровал и прятал в пластиковую папку, а папку - в свой заплечный мешок.

К намеченному Бородачом броду вышли ночью. Разведчики были уже на той стороне. Доложили об отсутствии противника. Было тихо. Начали переправу. Вперёд пустили гужевой транспорт. Несколько повозок перешли, когда посыпались доклады разведки:

- Противник!

С мерзким воем упали мины, протянулись трассы пулемётов.

- Отряд! К бою! Прикрываем переправу!

Как они спрятались от наших разведчиков? Теперь мы не узнаем. Не зря я весь извёлся. Подождали, посчитали и ударили.

Переправлялись под плотным миномётно-пулемётным огнём. Опель был уничтожен прямым попаданием уже на выходе из реки. Да и хрен с ним, водилу жалко. И трофеи в кузове. Остальные оказались в сторонке.

Враг действовал грамотно. К нам не лезли, лупили издалека, но плотно. Мы, конечно, переправились, но с большими потерями. Собирая раненных, теряли ещё. Но не бросать же? И рации надо собрать. Они нас не хотели останавливать, они нас прореживали, понимая, что нам некуда деться - только вперёд. А впереди - менее глухие места, где они могут нас взять при меньшем риске для себя.

Машина Времени не пострадала, БТР отделался десятком отметин

попаданий, разбиты три повозки, ранены и добиты две лошади, восемь убитых и почти все ранены. Как ни странно - я в этот раз не был ни ранен, ни контужен. Хотя бегал под огнём не скрываясь, без "доспеха". Никого и ничего ценного врагу я не оставил. Догнал колонну последним, приволок МГ и восемь лент к нему из разбитого грузовика. Остатки грузовика я запалил.

Пулемёт оставил нашему арьергарду, прикрывавшему "гномов", минирующих дорогу, проложенную прущим не разбирая дороги в темноте БТР.

- База, это Батя. Провести перекличку.

Восемь. И двое умерли к утру. Таня почернела от усталости и бессилия помочь им.

Немец был ранен осколком в шею, по касательной. Крови натекло, как со свиньи, но последствий не будет. Гость из Будущего получил пулю в рёбра рикошетом. Пулю достали, но ребро было сломано, в рану попала грязь и мелкая щепка от повозки, к которой он и прижался по время переправы, пробив которую пуля и впилась в него. Я-2 умолял дать ему наркоты из пакета - забыться.

Шли всю ночь, к утру остановились на короткий привал. Схоронили павших.

Оказалось, что кухня наша, так бережно хранимая Антипом, тоже пострадала - крупный осколок мины прошёл котёл навыворот и, на излёте впились в ягодицу повару. И смех и грех. От помощи Тани боец категорически отказался. Бородач оперировал. Теперь повар и идти не мог, и сидеть не мог. Беда. Вместо пшённого супа с козлятиной ели жидкую пшённую кашу.

Потом опять шли целый день и полночи с двумя короткими привалами. Только поздно ночью встали на привал из-за полного обессиливания. Костров не зажигали, попадали, где кто стоял.

А утром разведка доложила, что кольцо стало сжиматься. Лешие пытались снайперскими выстрелами осадить врага, но на каждый выстрел они засыпали возможные огневые позиции градом мин, боеприпасов не жалея - тут рядом много дорог, их оперативно снабжали.

В лесу, под открытым небом, мы чувствовали приступ удушья, как от клаустрофобии. Петля окружения затягивалась. Ещё чуть-чуть - и паника. Просто никто не верил, что болото - выход из положения.

Хороша ли житуха болотной жабы?

Бородач повёл нас к браконьерской гати. Сначала мы вышли к болоту, где и утопили наш БТР, так хорошо послуживший нам, тем более,

что бензин был на исходе. Остатками бензина облили повозки и Шевроле, выпотрошив из него всё, что посчитали ценным. Пока горела машина, а она сгорела быстро, перекурили. Сгоревший остов машины БТРом столкнули в трясину, потом кухню, Жук-1 заблокировал палкой педаль газа и выбежал через задние двери, а БТР пополз в трясину. Ганомаг медленно тонул, мы потопали, а "Жуки" стояли и смотрели до последнего, пока круги чёрной воды не сошлись на месте погребения уродского представителя амерского автопрома и не менее уродского представителя Вермахта, затягивая его ряской, пряча.

Потом шли вдоль болота, нагруженные поклажей, носилками, ведя под уздцы навьюченных коней. Стрельба и взрывы вокруг учащались, кольцо сжималось. Сжимались колечки и у моих бойцов. Они всё чаще бросали взгляды на Бородача, но тот был невозмутим, рубил топором молодые деревца на длинные шесты.

Пошёл снег. М-да, по болотам лазить в такой холод - удовольствие приотвратное. Но и выбора у нас не было. Принять бой под миномётами - не выход.

- Мокроступы бы сплести, - сказал Бородач.

- Ага, и ковёр-самолёт. Скатерть-самобранка и меч-кладенец желательны в комплекте, - ответил я ему, - где?

- Да ищу я, ищу!

Только через час он повел нас через топь, тщательно ощупывая путь шестом. Лошадям завязали глаза - они боялись. Разведчики наши уже отошли к самому краю болота, тревожно смотрели на нас. Потом пошли следом. Метров через двести мы пересекали маленький островок с тремя чахлыми голыми берёзками. Тут поставили два МГ и десяток разведчиков, улёгшихся плечом к плечу.

- Леший, это Медведь. Видели, как мы шли?

- Видели.

- Отходи, мы прикрываем.

- Если мы сейчас отойдём, они увидят. Минами накроют всех. Уйдите подальше. Мы прикроем.

- Леший, Алёша, не дури! Дуй быстро сюда. Это приказ.

Леший не ответил.

- Борода, мать твою! Чего встали? Мин ждёте? Веди людей!

- Леший! Леший! Отходи! Приказываю! Расстреляю!

- Как, интересно?

- Алёша, - я стал уговаривать умоляющим голосом, - всё получится, я чувствую, только время не тяните! Сейчас надо, прямо сейчас, а то

поздно будет. Поверь, пожалуйста. Вы мне дальше тоже нужны.

Рация не ответила, но несколько кочек сползли к кромке воды, вошли в воду и медленно поплыли к нам.

- Это не все! И шестов у них нет, - сказал один боец, вскочил, схватил три шеста и вбежал в воду, побрёл по пояс в воде к "лешим".

- Леший, отзывай остальных!

- Двое остались, Батя. С пулемётом. Рация их со мной. Они не пойдут. Сами уходить будут. Снимайтесь с острова. Вы - мишень!

- Уходим. Через одного.

Замелькали темные силуэты в падающем снегу. Хлопнули, приглушенные нашими эрзац-глушителями, выстрелы, выплюнул в лес короткую очередь МГ с берега.

- Не стрелять, - быстро приказал я, - не видно ни хрена, только себя обозначим.

Лешие уже близко.

- Остальные - отход. Очистить остров.

Бойцы, втягивая воздух сквозь зубы, опустились в воду, пошли, пригнувшись, догонять отряд.

В воздухе провыли и рванули на берегу три мины. Тут же ещё три. Лешие дошли.

- Алёшин!

- Я, командир. Уходить надо, - ответил один из мокрых кусков грязи.

- Отзывай ребят.

- Поздно, командир. Они пошли в отрыв. И нам пора.

Пулемёт ударил сбоку, несколько раз хлопнула винтовка. Враг ответил минами.

- Пошли, командир. Нам не впервой немца за нос водить.

Пошли.

На моих глазах эти менты, по-сути, превратились в бывалых ветеранов. Сколько мы на фронте? Неделя? Две? По ощущениям - полгода, минимум. А как заметен разрыв в уровне моих бойцов и тех, что мы освободили. Хотя, и те тоже ведь воевали. Мне было бы приятно думать, что это благодаря моему руководству они стали такими, но я так не думал. Ничему я их не научил, а сам учился вместе с ними. Дело было, скорее всего, в качестве человеческого материала. В госбезопасности абы кого не держали. Ребята рассказывали мне, как их приглашали на работу в ГБ. Приглашали лучших из лучших. Такой вот социальный лифт. Образование элиты. В моё время ГБ не являлось элитой. Или этот социальный механизм был демонтирован, или я слишком мало знал мир, в котором жил.

Но, это всё лирика. А вот почему немец нас отпустил в болото?

- Странно, - пробормотал я.

- Что? - спросил Алёшин.

- Почему нам дали уйти? Я бы пошёл на штурм, если бы увидел, что добыча уходит.

- И они бы пошли. Это мы их перехитрили. Они сначала кидались в атаку на наши засады. А потом поняли, что мы их дурим. Минами стали закидывать, но не штурмовали, а отдавливали.

- Не понял тебя.

- Они искали обоз, броню, эту машину. А видели только пеших и то, издалека. Они думали мы опять их дурим, увести пытаемся от обоза и в болоте прячемся. Сейчас по следу Ганомаса пройдут, поймут. Ага! Слышишь? Поспешить надо. Сейчас со злости тут всё минами закидают!

Я смотрел на Лешего, будто впервые видел. Да, сильно вырос в военном искусстве этот парень. Война - она хороший учитель, но строгий экзаменатор. Там, в лесочке, остались половина наших "леших". Они не сдали экзамен, погибли, но сдержали врага, дали нам уйти.

Смурное небо над нами засвистело противно и страшно - это там, сзади, захлопали миномёты. Мины поднимали столбы болотной грязи, гнали вонючие волны. Обстрел не был прицельным - они нас не видели, били по площади.

- Сунуться? - спросил сам себя Леший, поднося рацию к уху.

Близкий разрыв окатил нас с ним болотной жижей, столкнул с гати. Я сразу стал тонуть. Нет ничего хуже болота! Мало, что холод пробирал до костей, с ног до головы в ледяной вонючей жиже, так оно меня теперь ещё и засасывает. Но, я не дурак, чтобы так тупо сгинуть!

- Лёша! Не делай резких движений! Раскинь руки. Я тебя вытащу!

Тут суэта - лишнее. Неспешно, плавно, раскинувшись пошире, чтобы занимать как можно больший объём, плавными перетекающими движениями я погрёб к гати, нащупал, вылез, вытащил погрузившегося по нос Лешего, бросив ему ремень автомата.

- Рацию потерял, - сокрушённо пробормотал Алёшин.

Я со злости сжал зубы. Что тут сказать? Невосполнимая потеря! Хоть Лешего вытащил. Потом накажу, придурка.

- Вот только похвалить тебя хотел за грамотную организацию прикрытия, а ты так лопухнулся. Раззява! Пошли. Пять рядов вне очереди! И одежду мою перестираешь! Ротозей! У-у, блин!

А Алексей расплылся в довольной улыбке и пошёл следом за мной.

Хоть обстрел и не был прицельным, четверых мы потеряли - трое

погибли от мин, один утоп. Потонули в трясине и две лошади вместе с грузом.

Путь сквозь топь был извилист. Мы нагнали основную группу и, вслед за Бородачем, бесконечно долго петляли по болотам, где по грудь, где почти по колено. Я замёрз так, что зуб на зуб не попадал. Меня трясло, рана на груди разболелась так, что сил терпеть уже не было. И так у всех.

Вечером умер ещё один раненный, не перенеся болотного пути.

Бородач вывел нас на землю, заросшую деревьями. Я подумал, что мы преодолели болото, но меня ждало разочарование - это был остров. Довольно большой остров, но остров. А в глубине острова, на заросшей лесом возвышенности - строение, построенное прямо меж деревьев, да так искусно, что и с десяти шагов не поймёшь что это не заросший мхом валежник, а база браконьеров. Ввалились внутрь, стали разжигать очаг, забыв обо всём. Позже только я вспомнил об охране, но Бородач меня успокоил:

- Вулкан стережёт. Чужих он за километр учует. Отдыхайте.

Одежда была безнадёжно пропитана болотной грязью, сапоги развалились. И не только у меня, а почти у всех. Из чего она состоит, эта жижа?

Больше всего жалели потерянную кухню. Горячего супчика бы!

Борясь со сном, почистил оружие и уснул сидя, подпираемый с боков Таней и Архипом.

На следующий день не смогли выступить - раненым стало сильно хуже, раны воспалились, а раны были почти у всех, многих лихорадило, хоть и топили жарко. Двое метались в бреду.

Пришло время разбираться с аптечкой из Шевроле. Я-2 пояснял назначение препаратов - ни одного для меня привычного. Как сильно отличались наши миры!

К моей большой радости, нашлись и болеутоляющие, и аспирин, и пенициллин. В таблетках. Три пачки по двадцать штук.

- Почему так много? - спросил я у Гостя из Будущего.

- Лекарства дорогие. Я часто простываю - живу-то где придётся, да и работа разъездная. А это я взял там же, где и наркоту. Товарищ командир, там, в том пакете, некоторые препараты как сильные обезболивающие сгодятся.

Я вздохнул глубоко. Знаю, что сгодятся. А, какого хрена! Не станут они наркоманами - убьют их раньше.

Вместе с Таней шли от человека к человеку, раздавая таблетки.

- И мне! - попросил Я-2.

- По губе!
- Мне очень надо! У меня ломка. И я ранен, вот!
- Ладно, на, что мы людоеды что ли?

Все получили препараты, многие забылись сном тут же. Я тоже заглотил "колесо". Боль как рукой сняло буквально за минуту. Стало так хорошо, что от облегчения закружилась голова, мир насытился яркими красками, поднялось настроение. А не действие ли это наркоты? Так, соберись! Держи себя в руках!

Я пошёл в дом (если это строение браконьеров было домом), Я-2, с блестящими широченными зрачками плёлся хвостиком за мной. Мы его развязали. И немца. Куда они с острова денутся? А, вот и немец. И Кадет с ним. И Ангел Настя. Увидев Я-2 - нахмурилась, но не ушла. Я сел рядом с ними. Они занимались. Немецким языком. Тихо, шёпотом. Кругом - сонное царство.

Зашёл Вулкан, оглядел помещение, фыркнул, ушёл на пост. Накатил такой "расслабон", что хотелось спать. Ну, к чему же я усну? Двое развязанных конвоируемых, а из охраны - только дети - Кадет с Ангелом. На Вулкана больше надёжи, чем на них.

- Слушай, мерзкий, а что же ты к немцам-то пошёл? - спросил я у себя. Того, другого.

Он мне стал втирать типичную скинхедовскую хрень, слышанную мной не раз. Но я не прерывал - немец и эти двое ребятишек, слушали. Пусть послушают. Про звероподобных смуглых чурок, заповивших мир к концу века, про политкорректность и другие утопичные идеи Запада. Они этого не видели. Для них чёрные - дружелюбные мелкие народы, живущие где-то на окраине Империи, а не озверевшие от безнаказанности человекоподобные обезьяны, заповившие города, не желавшие работать, потому не ассимилирующиеся в трудолюбивых народах Белой Расы. Я тут был согласен с лектором, но расистом и гитлеровцем себя не считал.

- Ну, как, немец, - спросил я Вили, бесцеремонно прервав рассказчика, - прав был твой Гитлер?

- Он не мой! - буркнул тот, насупившись, чувствуя подвох.

- Что ты стесняешься? Так и скажи - прав. Ведь на чём построена его расовая теория? На превосходстве арийцев. Так? Так. Только он вот вас в чём обманул: арии - это изначальная Белая Раса, расселившаяся по всему миру. Неизбежно, она сталкивалась с другими расами, коих ещё три: Чёрные Люди, Жёлтые, они же, Красные Люди. И, наконец, суперэнималы, неандертальцы, они же зверолюди, в сказках и былинах называемые собакоголовыми. Столкновения заканчивались не только войнами на

истребление, но и смешиванием рас и языков. Это длинная, противоречивая, хотя и интересная история. Вся окружающая нас цивилизация, то, чем мы гордимся или не замечаем, как обыденность - всё это создано белым человеком, потомком богов. Или просто человеком. А вот зверочеловек - он не творец. Он зверь. Он очень силен, хитёр, живуч, властолюбив. Но абсолютно лишён души. А значит и совести. Он никогда не поймёт, почему свинью есть можно, а человека - нельзя. Для него Бог, воля, честь, справедливость, правда, любовь, верность, порядочность, закон - ничего не значат. Ему будешь говорить об этом, он внимательно тебя выслушает, а сам будет думать: "Смотри, какой умный. Какие слова знает. Его мозг, наверное, очень вкусный!". С пёсоголовыми бились не на жизнь, а на смерть несколько тысяч лет, победили, загнали их в горы, леса и болота, где и блокировали. Но шли годы и века. Зверолюди похищали женщин и они рожали им зверёнышей. И эти зверёныши спускались с гор. Они выглядели, как люди, только уродливыми, говорили, как люди, только плохо. Но, они были очень сильны, живучи, изворотливы, хитры. И очень плодовиты. Но, внутри они - звери. Они могли стать людьми. Их воспитывали. И получалось. Они сначала растворились в человечестве, а потом, из-за своей плодовитости, растворили человечество в себе. Чем темнее цвет кожи, чем больше тело не похоже на тело Аполлона, бога и героя Ариев, тем больше в нём от суперэнимала. Так, не осталось ни пёсоголовых, ни Ариев. И здесь Гитлер прав. Засилье "чёрных" - конец цивилизации. А теперь скажи мне, немец, зачем Гитлер, сам по крови жид, урод и полукровка, поднял потомков ариев и бросил их на уничтожение других ариев: французов, славян, немцев. Ведь ясно, что ни вы, ни мы - не отступим. Мы зальём эти земли кровью белых людей. Земли опустеют. И на них хлынут более дикие племена, которые ещё не одну сотню лет будут из себя выдавливать зверя. И то, если захотят. Что молчишь, немец? Не знаешь? Ты воюешь за Фатерлянд здесь, в брянском лесу? А у тебя дома хозяйничает ушлый жид, купивший "правильный" паспорт. Ушлый жид, внук Ротшильда, бросил вас, немец, сюда - на убой! Война для евреев - зарабатывание денег. Твоя мать будет втридорога покупать масло и хлеб. Ей скажут - война! И деньги твоей семьи утекут за океан, в жидовские банки. А кровь немцев утечёт в русскую землю, как кровь тысяч и тысяч поколений идиотов, сложивших головы тут, на этой земле. Не могут зверята жить спокойно, в удовольствие, пока есть ты, арий, немец, и мы, русы. Мы их постоянно отдёргиваем, читаем морали, тащим из тёплого болота пороков, вырываем изо рта такой вкусный кусок ритуального человеческого мяса, да ещё и по морде за это бьём. Мы перебьём друг

друга и некому будет их окрикнуть, отдёргнуть. По морде дать. Вот у них житуха начнётся! Никаких напрягов и проблем! Они не будут работать. Дороги зарастут, небоскрёбы и мосты рухнут, заводы рассыплются в ржавую труху. Кому какое дело? Они будут жрать, спать, совокупляться и бесконечно выяснять отношения и интриговать. Так живёт Африка. А будет жить весь мир. В Европе, заросшей лесами, останутся жить только лешие и звери. И двуногие звери. Которые будут ходить мимо остатков строений нашего мира, удивляться и думать, если смогут голову от земли оторвать, выискивая червяков: "Что за боги это создали?". Это уже было. И не раз.

Мои слушатели, потрясённые, молчали. Даже циник Я-2.

- Ну, немец потух, - сказал я., - А ты, житель будущего, скажи - зачем к гитлеровцам шёл? Подсказать им более лучший способ очистки моей земли?

- Нет. Я хотел их убедить объединиться против Америки.

Я рассмеялся.

- Дурак! Сталин не смог убедить, перебороть масонских управителей, поворачивающих Германию на восток, а ты бы смог? Истинно - дурак! Слабоумный.

- Я им бы рассказал, чем кончиться всё.

- Э! Алё! Очнись! Это их сценарий. Разве режиссёр фильма не знает последней сцены фильма, который сам и снимает? Кого убедить? Армию? Этим высокомерным дубоголовым пруссакам-генералам не интересно ничего, кроме битв и побед. Политика - дело не их. Так они тебе и скажут. Для них война подобна игре в шахматы, а не достижение мира, более выгодного, чем довоенный. Это лишь способ самовыражения. И потому эти генералы были биты и будут. Они зарываются и ради красивого хода конём жертвуют успехом всей партии. У них будут красивые, удачные операции. В потом десятки лет о них восторженно будут писать книги, забывая одно - о её оглушительном поражении. После этой войны Германия никогда не будет что-то значить и на что-то влиять. И это - ведущая держава, определяющая не только лицо Европы, но и мира. До этой войны у мира не было одного хозяина, было несколько ведущих цивилизаций. Развитие всего человечества - небывалое. А будет один лидер. Конец Истории. Зловонное болото - вот чем станет мир. Кого убедишь? ЭсЭс? Фанатиков? Гитлера? Мы уже обсуждали, чьей марионеткой он является и в чьи интересах суетится. Так, ты! Дураком себя выставил перед предками. А говорил тебе дед: "Россия лучшая страна и в ней лучший народ!". Ты не поверил. Правильно. Это не он прожил и перевидал много, а ты перечитал много либерастской литературы. А он - старый маразматик, ничего не

смыслящий в жизни.

- Ты так говоришь, будто сам слышал.

- Мой дед мне тоже самое говорил. И я не поверил. Но, усомнился. Докопался до правды. Издалека блеск западных стран не даёт увидеть, что блеск этот не блек красоты и величия, а блек крыльев навозных мух, пирующих на остатках великих достижений предыдущих эпох. Вот, все думают, что Англия - великая и богатая страна. А они голодают. И живут хуже нас. Мы тоже не обжираемся, но у нас было за тридцать лет две войны, эта - третья. А они ещё и мир вокруг себя отравили, засрали. И ты к ним шёл? На что надеялся?

Я-2 долго молчал. И остальные молчали.

- Ну а что мне было делать? Как бы ты поступил?

- А ты даже не подумал о помощи своей Родине.

- Как? Что я могу?

- Не слышал о прогрессорстве?

- А что это? - вдруг подал голос немец.

- Это подтягивание окружающего мира на более высокий уровень личностью, обладающей какими-либо преимуществами, например, знаниями будущего. Прометей дал людям огонь. А если Прометей был из будущего, как эта нелепость, что сидит здесь? Он помог людям, хоть и пострадал за это. Невероятно звучит. Сам не верю. Но, этот придурак-то здесь. А мог бы стать Прометеем. Хотя, нет. Прометей был Человек. А это - слизняк.

- Что я могу? Нет у меня никаких знаний, - подскочил Я-2, но потом плюхнулся обратно и горестно вздохнул:

- Я, и правда, - никто. Ничтожество. Копчу небо. Жду смерти. И боюсь её.

Вот так вот. Вот такая самокритика. Это что же за мир там получился, что я стал таким? Я ощутил жгучее, нестерпимое желание что-то сделать, чтобы не допустить подобного развития сценария. Сделать прямо сейчас, немедленно. И любой ценой!

Блин, вот меня приплющило! Опасные это таблеточки. Хотя боль снимают отменно.

- А вы что бы сделали на моём месте, товарищ командир? Обладая... Ничем не обладая, - спросил Я-2.

Во, как! Ты гля, как он быстро меняет у себя настроение, буквально переключает тумблер. Только что - самоуничижающая критика. И тут же - подколка. А не притворяешься ли ты, парень? Слизнякам это свойственно.

- Я? Ничем не обладая? У тебя было большое количество

медикаментов, которые спасут ни одну жизнь. Была связь, было оружие. Руки-ноги, голова на плечах, хоть и дырявая. С таким набором я бы начал войну с врагом немедленно. Что я и делаю. Сколько бы я их не положил, всё ребятам там, на фронте, было бы легче. А там бы война показала, в какую сторону двигаться.

- А знания?

- Знания штука полезная. Но и опасная. Как и оружие. Может помочь, может и погубить. Конечно, обладай я знаниями, так нужными моему народу, сразу применил бы их на пользу. И я ими обладаю. Или буду обладать. Поболтали и будет. Ты - пиши. Быстро! Факты и обстоятельства. Растекаться мыслею по древу не надо. Мне и народу моему нужны знания из твоей бестолковой головы.

- Только не говори, что не думал обратить знания в блага. Если тебе деньги не интересны, что-то другое. Генералом, например, стать.

А вот и подкол. Я рассмеялся:

- Не поверишь? Если сейчас бросить мяса Вулкану, он будет на всех рычать. Он тоже не поверит, что мы ему дали мясо не для того, чтобы отобрать и съесть. Не поверит, что мы совсем не хотим мяса с пола, да ещё сырое. Будет рычать всё равно. Так и ты. Ну, он то - животное безмозглая, а ты? Ты тоже? Не сравнивай меня с собой. Мне блага без блага остальных - наказание. И к деньгам отношусь как к средству доступа к новым возможностям. Звание и власть мне - ярмо. Это ответственность за всех и за каждого из доверившихся мне. Это добровольная каторга. Пашешь, пашешь, всё одно нигде не успел, ничего стоящего и дельного так и не сделал. И сразу скажу жизнь свою - ценю. Но Родину ценю выше. И долг для меня - главнее жизни. Не поверишь. Да и не поймёшь. Но это твои проблемы. Невозможно слепому с рождения описать словами радугу. Не поймёшь ты такой жизни.

Я говорил это, опустив голову, по большому счёту, самому себе. Я ведь не был таким, как сейчас. Я был среднеарифметическое меж мной теперешним и Я-2. Этот мир, эта война, эти люди, увиденное, пережитое - всё это изменило меня. Как огонь очищает стальную заготовку. Всё лишнее, наносное, грязное в моей душе, та скорлупа апатии, равнодушия, которыми обычно покрыты сердца - выгорело, осыпалось окалиной. И то, что раньше казалось смыслом жизни - вдруг оказалось ничтожным, шелухой, пылью. А то, что было скрыто, на что не обращал внимания, не знал, что есть в тебе это - оказалось важным, ценным, главным.

Я поднял голову. Я-2 был удивлен, Кадет - восхищён, Настя - плакала, молча, закусив кулак. Что же ты, Ангел? Увидела душой своей

женской этот очищающий огонь? Не надо плакать. То, что нас не убивает, делает нас сильнее.

- Кадет. У нас был журнал боевых действий. Ты ведёшь его?

Миша немного смутился:

- Да. Я помню, чем отличается Особый Отдельный Истребительный Батальон НКВД от банды махновцев.

- Хорошо. Хоть этим будем отличаться. Веди его. Это не только отчётный документ, но и память. Нас не будет, а потомки наши будут знать, что мы не сдались, не сломались. Что мы - выполняли свой долг как смогли и сколько смогли.

- Что за упаднические настроения, командир? - спросил Леший, плюхаясь рядом, - ужели чутьё твоё знаменитое скорый конец наш чует?

- Нет, слава Богу. Так, молодого строю.

- А-а. Только при барышне не надо было бы.

- Так я нежно, деликатно.

И Кадет и Настя сильно застеснялись, отошли.

- Что там, Лёш?

- Тихо там, - Леший зыркнул на немца, но всё одно продолжил, - обложили нас, как волков красными флажками. Войск нагнали. Я насчитал до двух батальонов. И мотоциклисты патрулируют.

Настя вернулась, принесла Лешему закопчённую, парящую кружку. Леший схватил её обеими руками, полностью охватив, глотнул. Лицо его разгладилось, он закрыл глаза и улыбнулся:

- Так что командир, у нас тут пат. И они не могут нас достать, но и мы не можем выскочить. Одно хорошо - эти роты им сейчас в другом месте нужны, а мы их тут без боя сковали. Может мужикам там легче будет. Не могут же они везде и постоянно быть сильными.

- Алёхин, ты прямо на глазах моих растёшь! У нас все глаза повытараскивали и думают уже, что немец бессмертный, танки у него бесконечные, боеприпасов под каждым кустом по складу, а ты вон как!

Леший усмехнулся, но ничего не ответил, чай пил, наслаждаясь. Из будущего чай, судя по долетевшему запаху.

- Так и просидел бы на этом острове до конца войны. Вылез, немца поотстреливал, как волков бешенных - и нырк! - сюда.

- К нашим выйдем - представлю рапорт с предложением заслат в это болото партизанский отряд с тобой во главе.

Глаза Лешего тут же распахнулись, он весь напрягся:

- Не надо, командир! Я так, замечтался.

- Осторожнее с мечтами, Лёша. Они могут исполниться. Вон, Вили -

мечтал постичь загадочную русскую душу - постигает. И это Недоразумение мечтало исправить свершившееся, спасти семью. Ему представилась такая возможность - а он штаны обмочив, побежал усугублять. Помочь истории даже память о России стереть. Желания наши сбываются, а мы в ужасе щемимся, не разбирая дороги.

Леший опять хмыкнул, допил чай, положил вещмешок к стене, на него голову, отвернулся и ушёл от разговора в сон.

А мои пленники сидели понурившись. Немец в задумчивости, Я-2 - в прострации, уставившись в одну точку на полу.

А, ну их чужеродных! В моей борьбе со сном противником была перехвачена инициатива, он перешёл в наступление по всем фронтам и самым наглым образом взял меня в плен.

Рвём капкан.

Хотя немец нас запер и мы делали благое дело, сковывая его части, на жо... месте ровно решили не сидеть. Леший забирал всех, способных держать оружие и на марш-бросок по болоту, и делал вылазки. В лучших традициях "мы везде и нигде". Изображали попытку прорыва, расстреливали посты, дожидались усиления, обстреливали их и уходили в болото. Так, за неделю сделали девять вылазок, потеряли шесть человек убитыми, в основном от миномётных обстрелов "ярости", как называл это Леший, убили минимум тридцать солдат врага, пожгли почти все боеприпасы. Но, заставили врага понервничать. В "набеги" ходили даже Антип и Кадет. Но не я. А я метался в лихорадке. То ли простыл от купания в болоте, то ли гной пошёл в кровь. Антибиотики кончились. За эту неделю умерли от ран ещё двое наших товарищей.

Всё это было конечно хорошо, но не очень. Провизия (мясо коровы) стремительно иссякала. Сухари кончались, крупы уже кончались. Бородач умудрился подстрелить какую-то птицу, но что за птица не говорил, а принёс без головы и лап и ощипанную. Подозревали, что это ворона, но слупили, только кости на зубах хрустели, да приговаривали:

- Ах, хороша уточка каркающая!

Как мы не крутили, как не лепили антенны, Москвы мы так и не поймали.

А с каждым днём всё больше холодало. Болото подмерзло. Надо было валить отсюда. Всю зиму тут не просидеть - поступления продовольствия нет, и не предвидится, охоты тут тоже не будет - зверь ушёл от войны подальше. Сборы были недолгими - багаж наш изрядно усох - был съеден или расстрелян. Усох и наш отряд. И в общем количестве и в весе каждого бойца. Последний раз перемотали сапоги скотчем, в болотной

жиже не державшийся долго, и, помолясь, пошли.

Хотя общее количество груза стало меньше, но и мы уже сильно поистрепались и поистощали, не в санатории были. Поэтому у каждого в нагрудном кармане, в целлофановом герметичном пакете с этой странной клапанной застёжкой, наряду с документами лежали по пять таблеток каких-то очень мощных стимуляторов. Может, ЛСД, или как они там называются, я в них не разбираюсь. Я-2 говорил, что у молодёжи пользуется спросом - одна таблетка и они всю ночь скачут в клубах, как заведённые. Инструктаж по технике безопасности, что я "прочёл" каждому содержал запреты приёма более 2-х зараз и более 3-х за сутки, иначе сердце остановится. Каждая таблетка отберёт у каждого по году жизни. Но, это вызывало лишь усмешки - смерть кружит в вальсе вокруг нас постоянно. Никто из нас уже не заглядывал на годы вперёд. Нет, мы не сдались и не паниковали. Мы как-то глубоко осознали, что смерть - вот она. А жизнь и долгие годы - там где-то, за горами, за Берлином. Страха смерти не было. Лишь злость и решимость. Желание забрать с собой как можно больше врагов.

Таблетку я проглотил сразу - мне нужны силы и ясная голова. Жаль, нельзя её разом с обезболивающей. Силы появились, голова очистилась, но была какой-то пустой, холодной, как стеклянная трехлитровая банка.

Опять морозило. Падая, неспешно, снежок. Бородач уверенно вел нас по одному ему известной тропе через болото. Кадет сказал, что они уже ходили здесь в разведку, не в "набег". Один раз - без боя. Поглядели, ушли. Надеюсь, их не видели и нас не ждут.

Холодно, блин! Опять окунулся в болото с головой, ну, что ты будешь делать! Чуть не утоп. Я напялил "доспех" в этот раз. А куда его девать? Нести в рюкзаке ещё хуже, бросать жалко. А телеги мы пожгли и вьючных лошадей осталось мало.

Топаем и топаем по болотной жиже, где почти вплавь, где почти посуху.

Стемнело. Темнотища, хоть глаз выколи. Вижу только спину Антипа на расстоянии вытянутой руки. В темноте идём ещё несколько часов. По цепочке передали: "Тихо, близко". Подходим. Сколько же мы прошли? Часов двенадцать шли. Но, это по внутренним ощущениям. Часы мои уже где-то далеко снегом занесло, а Леший, единственный Хозяин Времени - впереди, с Бородачем. Конечно, по уму, их бы надо было отправить заранее, ещё вчера, но проводник у нас один. Туда-сюда ему как раз сутки. Пока мы дойдём, ребята в засаде в кусок мороженного мяса превратятся за это время. Так что идём на прорыв без ставшего привычным авангардного

прикрытия зоркого глаза и меткого выстрела. Попрём кабаньим выводком секачей, отчаянно, не разбирая дороги. Херово.

Движение ещё больше замедлилось. Запакованная в пакет рация щелкнула три раза.

- Внимание! - шёпотом сказал я, и дождавшись ещё трёх щелчков, приказал - Вперёд!

И мы пошли. Через сотню шагов хлябь кончилась, цепочка бойцов сразу рассыпалась, оставляя чёрные следы на белом снегу. Я дождался последнего человека, ведущего под уздцы последнего коня. Я так же трижды нажал и отпустил танкетку рации. Леший теперь знает, что все вышли из болота. Он попытается найти посты и секреты врага, но в такой темноте я не верил в успех его затеи.

- А-а! - тихий, приглушенный крик, перешедший в бульканье, в ночном лесу был очень громким.

- Вперёд! - крикнул я и побежал. Земля была в снегу, снег покрывал ветки и кусты. Хотя и темно, но видно не в пример лучше, чем на болоте.

Бухнули несколько винтовочных выстрелов, в небо взлетела осветительная ракета. Хреново! Тихо не получилось. Две короткие злые очереди впереди.

- Проверить всё! - это Леший. Уже не к чему скрываться.

- Финн! Веди обоз! - закричал я, продолжая бежать туда, откуда слышал голос Лешего. А вот и он. Понял, что это я, отлип от дерева.

- Что тут?

- Один живой. Трое их было. И пулемёт.

- Куст, Кадет, Гном! Сюда! - крикнул я громко, потом тише уже Лешему: - Иди, я тут сам. Ты, со своими - наши глаза и уши. Вперёд!

- Есть!

Подбежал Куст с бойцом, Кадет, ведя на верёвке стреноженных Я-2 и немца, и Гном с двумя сапёрами.

- Вили, спроси у этого нетопыря, откуда придёт подкрепление? Кадет, контролируй, чтобы правильно переводил.

Вили долго смотрел на меня.

- Вили, если он не ответит или не захочет говорить, я его буду пытаться.

В доказательство своих слов достал штык СВТ и ткнул его в рану на плече пленного. Тот взвыл. Вили с немцев полаялись на их зверином языке, после чего Вили перевёл на человеческий:

- Что с ним будет потом?

- Мы его не будем мучить, оставим здесь и уйдём.

Вили опять полаялся с раненым соотечественником и сказал мне:

- Они будут здесь через несколько минут. Оттуда приедут, - Вили махнул рукой в ту же сторону, куда тыкал подбородком раненный.

- Куст, ты понял, что надо делать?

- Так точно.

- Только без фанатизма. Расстреляли боекомплект и за нами. Я понятно объясняю?

- Есть, без фанатизма!

- Исполни! Кадет, бери этот двуногий скот и догоняй отряд.

- А этот?

- Я обещал его оставить здесь. Только вот беда, он видел нашего ручного немчика, - с этими словами я наклонился с ножом к нему. Немец завыл, засучил ногами.

- Будь мужиком, умри достойно! - сказал я ему, схватил за волосы, задрал голову и перехватил горло. Фонтан крови растопил затоптанный снег.

- Ты обещал! - закричал Вили.

- Он остался здесь, я его не мучил, а мы уйдём. Так, с этим всё. Гном, у нас есть чем растяжки поставить?

- Парочку можно.

- Хоть так. Сделай. И Кусту покажи - обидно будет от дружеской гранаты очокуриться.

- Есть!

- Всё! Остальные - арбайтен! Шнеля, шнеля! Тьфу, пёсий язык! Только и брехать.

Мы убегали от болота с максимально возможной скоростью. Надо было вырваться из мешка. Позади нас пулемёт Куста исполнил миниатюру "Не ждали? А мы припёрлись!". Потом нас догнал звук взрыва гранат и всё стихло.

- Ну, вот. Теперь мы зайцы. И только ноги нас спасут. Живее!

Сапёры нас нагнали, а вот Куст с бойцом - нет. Что с ними стало, мы так и не узнали. Бежали лосиным стадом, не разбирая дороги. И только когда просветлело перестали проверять деревья и кусты на устойчивость. Я врезался в дерево два раза. Один раз так, что отнялась на час левая рука.

Стало достаточно светло, чтобы понять где восток, я достал карту, потом опять убрал - где мы? Я заблудился. Ладно, будут какие-либо ориентиры, разберёмся.

Пока я возился с планшетом, отряд встал, тяжело дыша. Я оглядел

измождённые лица.

- Нельзя останавливаться, ребята. Надо бежать.

- Я не могу больше, командир, - храпел раненный боец, - оставь меня здесь, я вас прикрою.

- Если бы был толк. Мы в мешке. Они верёвочку затянут - все отбегаем. Доставайте таблетки. Вот такие. Да-да. Я знаю, что вторая. Вперёд! Идём егерским ходом. Пять минут бегом, пять минут - быстрым шагом. Пошли!

- Командир, оставь меня или пристрели! Не могу я больше!

- Надо, брат, надо. Сейчас чудо-таблеточка подействует и сможешь. Когда нас догонят, я тебя первого оставлю прикрывать.

- Спасибо, командир!

За что спасибо? Что на убой тебя оставлю? И-э-эх! Горе-то, горе! Каких ребят я теряю!

Без происшествий пересекли дорогу. Ориентир есть, но к чему привязаться? Карту доставать не стал. Бородач! Может он знает? Догнал старого служаку, браконьера и лесника. Тот, минуты две пошевелив нахмуренными бровями, уверенно махнул рукой:

- Там - Андреевка.

Всё! Я знал, где мы. Карту доставать не стал, пока на острове сидели, чуть не наизусть выучил.

- Отец, нам в ту сторону.

- Знаю. Доставай карту. Вот, видишь. Этот маршрут не самый удобный. И так удобнее, и так. А мы пойдём вот так. Тут только пешему пройти можно. Тут местность сильно сложная. Ни в жисть они не догадаются, куда мы идём и где пройдем, а значит и не перехватят. А догнать - пусть попробуют. Без машин. Техника тут нигде не пройдёт. А пешком... Пусть побегают. Поглядим.

- Будем посмотреть... - пробормотал я, - Нормально, Александр Родионович, это хороший план. Нам бы самим пройти, копыта по дороге не откинуть. Но, это и правда хороший план. Так и сделаем. Побежали, зайки мои. Стая шакалов уже взяла наш след.

Про мироощущение загнанного зайца.

Я гонял своих новобранцев, бегал вместе с ними (как же давно это было!). Но, оказалось, что те наши пробежки были лёгкими разминочными прогулками. Через несколько часов егерского марша я настолько отупел от усталости, что не понимал, что мне говорил Архип. Я так и не понял его (а

у этого старика откуда силы берутся?). А Архип доложил мне тогда, что один раненный и одна лошадь умерли. К вечеру, прямо на бегу, умер ещё один боец.

Я заглотил ещё "колесо". Чуть полегчало.

- Ещё чуть ребята! Как стемнеет - привал устроим до утра. А сейчас бежать надо! Мы пока живы и это меня обнадеживает. Мы чуть опережаем врага. Но всё может измениться. Он - хозяин положения. У него - транспорт, дороги, связь. У нас - только ноги! Давай, братцы, поднажми! Умоляю!

Уже стемнело. Мы уже не бежали, а в отупении брели. Вышли на ручей или маленькую речушку, попрыгали с высокого берега в воду, жадно пили ледяную воду, до ломоты в зубах. Наполнили фляги, налили воду в ведра (если лошадям дать сейчас попить - передохнут разом, надо чтобы остыли от гонки), перешли ручей, углубились в чащу и тут и устроили привал.

И в этот раз караул нёс один Вулкан. Я назначил дозор, но они сразу же уснули на постах. Утром я им пообещал, что позже изобью их основательно, а потом и пристрелю. Но не сейчас.

Я и с рассветом едва заставил себя встать. Одереженевшее тело болело невыносимо. Сразу и всё! Чудо-колесо, боль ушла, мир вдруг расцвёл майскими цветами. И под ногами у меня был не снег, а сплошная поляна подснежников. Вот это глюк! Заглядение! Радовало, что я осознавал, что это глюк, какая-то часть сознания оказалась в стороночке от происходящего и холодно, безразлично контролировала остальную часть моего Я.

С трудом растолкал людей. Каждому дал по таблетке. Нет, не такой как сам выпил. Нам ещё массовых галлюцинаций не хватало. Стимуляторы. Они приводили их в чувства. Огня не разводили, пожевали ледяного сухая, запивая студёной водой из ручья.

Двое наших товарищей так и не проснулись, как мы их не тормозили. Только когда сами проснулись окончательно, поняли, что они никогда не проснуться. Отнесли их в яму, завалили валежником. Могилу копать не было ни сил, ни времени. Гонка возобновилась.

В этот день нам повезло меньше. При пересечении дороги, навались на мотоциклистов. Мотоцикл был один, немцев - двое, но с пулемётом. Он вылетел на нас на высокой скорости из-за изгиба дороги. В первое мгновение охренели и мы, и они. А потом обе стороны стали палить друг в друга. Секунд тридцать. Немцев изрешетили, но и сами понесли потери - один убит, трое ранены. Один из троих - Вили. Пуля пробила ему

бедро навылет. Один боец ранен легко, после перевязки встал в строй, а вот со вторым сложнее. Как он так пулю схватил, что ноги отнялись?

- Оставь меня, командир! Тут вот, у лошади убитой и лягу. Руки-то у меня работают. Пулемёт с мотоцикла принесите и гранату дайте. Не дамся я им живым!

Бойцы притолкали изрешеченный мотоцикл, погрузив в него трупы и карабин мотоциклиста.

- Фельджандармы, - хмыкнул я, увидев нашейные бляхи, - забираем трофеи, что стоите?

За минуту трупы и мотоцикл распотрошили. Двое моих бойцов переобулись.

- И мои сапоги заберите, - попросил раненный, - они ещё нормальные. Можно починить. Мне уже ни к чему.

Тут ещё один боец разрядил свою мосинку, затвор выкинул в лес, патроны и обоймы из патронташа раздал товарищам. Взял немецкий карабин, стал распахивать патроны.

- И мне гранату. Лимонку. Ты прости, командир, я тоже остаюсь. Не хочу ночью без толку окопаться. Я уже трижды ранен, шесть немцев упокоил, может ещё свезёт. Всё одно не дойду я. Сил больше нет, а от таблеток твоих сердце болит. Прощайте, братья, не поминайте лихом. На, Вася, мешок мой. Там письмо жене. Она думает, что в плену я, сдался. Отправь письмо, пусть знает, что не сдался, не предатель я.

- Ладно, так и быть. Оставайтесь. Документы ваши где?

- Так, у немцев. Мы из плена.

- Не поминайте лихом, мужики!

- И вы нас. Удачной охоты вам, братцы! - сказал я и пошёл. Вот и ещё двоих не стало. Они обустраивались на повороте дороги. Трупы лошади, нашего погибшего товарища, двух немцев и мотоцикл стали им бруствером их пулемётной точки. Через полчаса мы услышали первые очереди, ещё через полчаса прозвучали несколько гранатных разрывов и перестрелка прекратилась.

- Это была хорошая охота, - прокомментировал я. И мы опять побежали.

Место встречи изменить нельзя.

Вот и место встречи, где нас должны ждать роты. Маленький лесной хутор у лесного озера. Три дома, несколько хозяйственных построек. Хутор выглядел покинутым, но следов боя не видно - дома целы, даже стёкла не выбиты.

Двое суток уже у нас на хвосте висят немцы. Они тоже шли пешком

по нашим следам. Ни одна оставленная растяжка не сработала. Мы бежали, как бешенные мустанги, но они не отставали. И вот мы здесь. Но хутор пуст.

- Надо проверить, - сказал Леший, опуская трофейный бинокль.

- Но не ты. Бородач пойдёт. Он в гражданке. И я пойду. Дай мне одного "лешего". Остальные - здесь. Прикроете. Давай, Бородач. Обойди лесом, по дороге выйдешь. Оружие с собой можешь взять. А мы отсюда пойдём. Алёш, помоги эту надгробную плиту снять.

Леший помог мне выбраться из "доспеха", я надел "лешего" и мы пошли низинками, кустами к хутору. Потом - вдоль жердевых заборов, через стоящий в снегу чёрный бурьян, малинником.

- Стой, кто идёт? Стрелять буду!

Голос шёл откуда-то рядом, но сверху. Чердак! Я кивнул "лешему" на дальний угол дома.

- Человек идёт. Не стреляй! - ответил голос Родионыча.

- Вижу, что не собака. Оружие на землю положи. Клади, я сказал, стреляю!

- Ладно, ладно. Положил. Дальше что?

- Ты кто такой?

- Сначала сам представься.

- Ты что такой дерзкий?

О! Другой голос, с другого дома, но не сверху.

- Время такое, - голос Бородача несколько не изменился, хотя второй оказался у него за спиной.

- Отвечай, кто такой?! Полицай?

- Обижаешь, товарищ боец. Лесник я. Александр Родионович Бородач. От медведя иду. Шило ищу.

- С чего ты взял, что шило твоё здесь?

- Тут товарищи меня ждать должны.

- Тут мы теперь. И как имена твоих товарищей?

- Я же сказал, от Медведя я иду. Шило ищу. Шило раньше у Ё-комбата было, потом у Медведя. Теперь здесь.

Молодец, дед. Ничего не забыл. Для чужих всё это звучит нелепицей, но свои должны понять.

- Погоди-ка, мужик. Спиваков, ты его хорошо видишь?

- Как пятиалтынный!

- Ну-ка, дед, с этого места поподробнее!

- Сначала сами представьтесь.

- Старший сержант Буркин. Вторая рота отдельного истребительного

батальона. Где Медведь?

- Э-э, мил человек! Погодь! Ты меня проверил, теперь я тебя проверю. Гвоздь - командир первой роты?

- Нет. Шило на первой роте. Ну, как? Не поймал меня? А теперь продолжи песенку:

Хорошо живёт на свете Вини Пух

Оттого поёт он эти песни вслух

И не важно, чем он занят,

Если...

- Если он худеть не станет, а он уже охудел и очень злой! - рявкнул я (правда, в слове "худеть" заменил одну букву) почти на ухо сержанту, выхватывая его МП из его рук.

- Не наигрались в конспирацию, придурки? Мухой зови командование! Я - Медведь! И если не поторопишься - лицо обглодаю! У нас на хвосте немцы висят, мы неделю не жрамши, трое суток без сна, как зайцы, по лесам бегаем. Или ты бежишь за командиром, или я с тебя начну ужин.

Буркин побледнел, его ноги подкосились, но волшебный пендель под зад быстро привёл его в себя, придал направление и необходимое ускорение. Он вылетел на улицу, чуть не сбил с ног Бородача, и завопил:

- Спиваков! Медведь! Они пришли! Сообщай!

Над крышей дома, на чердаке которого прятался Спиваков, взметнулась жердь с привязанным красным флажком. Над опушкой леса, над деревьями - ещё один.

- Они скоро будут! - радостно сообщил Буркин, - мы уже давно ждём. Так вы и есть Медведь?

- Нет, блин, домовёнок Кузя я, - ответил я ему, поднёс рацию ко рту, - Леший, это свои.

- Я уже понял. Мы идём.

- Это рация? Такая маленькая? Откуда?

- Из пещеры Аладдина. Трофеи.

Буркин пожирал меня глазами, но у меня стремительно садились батарейки. Я забрёл в ближайший дом, рухнул на лавку. Уснул раньше, чем голова коснулась дерева.

Алаверды.

- Витя, Вить! Вставай. Надо, Вить!

Какого хрена! Чего они опять меня тормозят! И чего зовут какого-то Витю?

У-ух! Ё! Это же я - Витя. Надо, Федя, надо!

Я открыл глаза. С трудом, но открыл.

- Шило!

Наверное, я расплылся в идиотской улыбке. Семёнов вдруг меня схватил, обнял. Я обнял его.

- А мы уже думали - всё! Не прорвётесь. А я говорил! Я говорил - Медведя уже несколько раз хоронили, а он возвращается и возвращается! Я так рад, Вить!

- Так, Володя, отставить лирику! Докладывай!

- Засаду организовываем на ваш "хвост".

- Леший?

- Ага. Всё обстоятельно доложил, срубился. Я твоих не бужу, сами управимся.

- Сколько у тебя людей?

- Почти двести.

- Что? Откуда?

- Прибиваются потихоньку. Хоть и потеряли много, но стало даже больше. У Херсонова вообще целый батальон - больше пяти сотен. Мы тут на подпольщиков вышли, связь налажена. Они нам закладки с оружием и провизией показали, мы их поручения выполняем. Мы тут партизанам помаленьку. На лагерь военнопленных напали опять. Много народу освободили. И местные присоединяются. Окруженцы. Вместе-то оно повеселее. Немцы в этот район уже и носа не кажут.

- Это, конечно, хорошо, но не очень. Что там с засадой?

- Ну, так, пошли!

Наши преследователи споро шли прямо по нашему следу. Мы им устроили "алаверды" - засаду у реки. Только людей у нас было больше. И связь, теперь, была лучше. Шило вообще был в восторге от раций.

Три раза щёлкнула рация.

- Всё нормально. Никуда они не делись, - обрадовался я. Над тропой, протоптанной нами, высоко на дереве прятался Василий с непроизносимой фамилией. Просто Вася. Он был из чукч или ещё какого таёжного народа. Лес для него - что для нас наша квартира. По деревьям лазал лучше, чем ходил по земле. Это он щёлкал, увидев врага. Только он мог так высоко залезть и так спрятаться на дереве.

Люди Шила попрятались. Они успели из белой материи нашить масккостюмов, теперь бойцы в снегу лежали небольшими сугробами. В тусклом свете вечернего пасмурного осеннего неба, полностью сливались с окружающей местностью.

Ждали мы долго. И, вот, одна тень отделилась от деревьев, постояла,

принюхиваясь, пошла в воду. Только когда этот немец был на другом берегу и прокричал филином, из леса выплыли десяток силуэтов в бело-серых камуфляжных формах. Они также осторожно перешли реку. И только потом пошла основная масса.

Они тогда нас так у реки встретили. А теперь мы их. Встретили, подождали, посчитали и...

- Атас!

У нас не было миномётов. Но взрывы гранат порвали подлесок в клочья. Десятки стволов ударили разом, посылая сотни пуль в каждый шевелящийся предмет. Наши бойцы были расположены подковой, огонь с трёх сторон выкосил немцев.

- Ура-а!

А в рукопашной их добили. Спаслось менее десятка человек. Но это были какие-то супербойцы, киборги, гля!. Они пробивались прямо сквозь ряды наших ребят и растворились в лесу. Мы их не преследовали - постреляли в след и всё. А то устроят нам тот же полонез, каким Леший немца изводил на ноль.

Подсчёт потерь и трофеев. Наших унесли, немцев, раздетых до подштанников, свалили в овраг, в кучу. Возвращались победителями, обвешенные трофеями.

Вот так немец пошёл по шерсть, а вернулся стриженный. Охотники стали добычей.

Трофейный зимний камуфляж мне понравился. Ребята нашли моего роста, только сильно окровавленный.

- Это был не немец, а горилла какая-то. Как выпрыгнет передо мной, как зарычит. Я ему в лоб полдиска с перепугу выпустил. Голову начисто снёс, но кровищи... - это рассказывал мне небольшой усатый старшина. Лицо его светилось радостью. Его недавно вызволили из плена.

Я, наконец, поел горячего. Сразу напала дремота и остаток ночи проспал.

Совет в Филях.

Моя группа получила доступную в этих условиях медицинскую помощь, серьёзно раненных увезли, остальные разместились отдельно. Их сразу же окрестили штабом. Осталось у меня трое "леших" с Алёхиным, Гном с пятью сапёрами, Антип с семьёю своими, Кадет, пленные, Таня и Бородач с внучкой. Остальных я отправил медсанбат или к Шилу в роту. Леший сразу изолировал штаб от остального отряда. И правильно. Секретность.

К вечеру у нас получилось совещание командиров. Я готовился к

нему, психологически настраиваясь. Я прекрасно отдавал себе отчёт, что я всего лишь старшина. И удел мой - ротный завхоз. А тут народу на два стрелковых батальона набирается. Тем более, что среди них есть один майор, два капитана, пять старлеев, больше десятка лейтенантов. И это я не считаю разных политруков, интендантов, воентехников и военврачей. В этой толпе я - рядовой салага.

Амбиции меня не стегали. Абсолютно. Я бы с удовольствием передал командование тому же Херсонову (а как не хочется ярма ответственности!), но... У меня иновременный груз. Окажись я под командованием другого и вынужден буду подчиняться приказам. А всё может пойти поперёк моих соображений. Спасая артефакты и Я-2 от неправильного использования я могу нарушить присягу (которую не давал, кстати). Я стану изменником в глазах моих же бойцов. Я не должен потерять контроля над процессами. Поэтому здесь я и буду главной обезьяной! Так я решил и так будет!

Поэтому я приготовился.

Собрались мы не на том хуторе, а в другом месте, в просторном, теплом доме. В виду вечера, горели керосиновые лампы под потолком, одна стояла посреди стола, покрытого большой картой. Мы вошли группой - я, Кадет, Антип, Бородач с неизменным помповиком, так им и прихватизированным, Леший, Гном, Шило со своими взводными. Я представился, прошёл к столу, выслушал, как представляются незнакомые мне командиры. Когда с регламентом было покончено, я сказал:

- Товарищи, рад знакомству, надеюсь на плодотворное сотрудничество. Но времени у нас мало, поэтому коснёмся лишь некоторых, наиболее важных моментов. Отчеты о действиях подразделений от командиров рот жду в письменном виде. Сдавайте отчёты исполняющему обязанности начштаба Перумову.

Кадет сделал шаг вперёд, лихо щёлкнул каблуками кивнул. Охренеть! Как настоящий штабс-капитан. Всё начнётся даже раньше, чем я рассчитывал. Подобная старорежимная выходка Кадета подхлестнёт их. Ага! Началось!

Херсонов встал, кашлянул:

- Товарищ старшина, потрудитесь объяснить, по какому праву...

Вскочил Шило, тут же Леший, за ним остальные. Через несколько секунд сидел только я.

- Ты чё вякаешь, Херсон? Кто тебя из плена вытащил?

- Это что за махновщина!

- Кто дал такое право...

Я ждал. Гвалт нарастал. Как бараны бодаются. Очень похоже. Только майор и оба капитана, воентехник и комиссар - на полном серьёзе, а мои, Шило, Леший и другие, рисуются, подыгрывая мне. Я дождался подъема накала страстей до некоторого, достаточного уровня и кивнул глазами Бородачу.

Выстрел в потолок помповика 12-го калибра в закрытом помещении сопоставим с действием светошумовой гранаты. Стало очень тихо. Я достал из кармана негодную Ф-1, что мы нашли после боя, выдернул чеку, отпустил рычаг и крутнул её на столе, как юлу.

Немая сцена. Надо отдать должное красным командирам - мало кто даже дёрнулся, а вот взбледнулось всем, даже Шилу и Лешему - я их не предупредил.

- Она не взорвётся, прошу присесть.

Со стуком жёсткие задницы опустились на лавки.

- Как это понимать? - спросил, утерев мокрый лоб рукавом, как-то по-крестьянски, Херсонов.

- Я, надеюсь, привлёк ваше внимание? Если ещё кто-то нарушит субординацию - здесь окажется боевая граната. Кто меня знает, поверят, остальных предупрежу - граната у меня всегда у сердца и всегда готова. Колебаться я не буду. И разом, этой гранатой я хотел напомнить, то, что вы сейчас устроили - не менее разрушительно и убийственно, чем граната. Говорю раз и навсегда. Кто не запомнит, того я без предупреждения вычеркну из списка живых. Да, Кадет?

Миша сглотнул шумно, опустил голову.

- Итак, напомним. Мы - подразделение регулярной Красной Армии, а именно отдельный истребительный батальон наркомата внутренних дел, а не банда махновцев. Выборов командования у нас не будет. У нас тут не будет ни анархии, ни демократии. Командиром батальона я назначен временно исполняющим обязанности, Миша, покажи им приказ. Освобождён я могу быть только вышестоящим командованием на основании аналогичного приказа, но приказ этот может появиться только в случае нашего соединения с частями Красной Армии, что и является нашей задачей. Вы все вошли в состав нашего батальона добровольно и оказались под моим командованием. Вошли добровольно, а вот попытки выйти из батальона, сменить командование, неисполнение или саботаж моих приказов, подрыв авторитета командования, мы расценим как измену Родине, присяге, долгу и чести. И судиться подобные действия будут по законам военного времени и нашего положения, а именно - осаждённой крепости. Караться подобное будет расстрелом на месте даже без военного

трибунала.

Я вскочил и заорал:

- Вы, гля, что себе возомнили? Здесь вам что, посиделки на завалинке? Письками они тут меряются! Я вам их всем по линейку отмерю, сукины дети! Сотни человек у вас под началом, а вы тут амбиции качаете! Тысячи, сотни тысяч от вас ждут не размера и количества значков на воротниках, а освобождения земли нашей! Вы что делаете? Не устраивает вас командование размером фигурок на воротнике - отойди подальше в кусты, чтобы бойцы не видели, и выпусти мозги проветриться табельным оружием! Но, дисциплину расшатывать в моём отряде я НЕ ПОЗВОЛЮ!

Я грохнул кулаком по столу, сел, закурил, уже тише продолжил:

- Ваши амбиции - это ваши проблемы. Вообще, амбиции - это неплохо. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но, прежде необходимо научиться подчинять личные интересы общему делу, долгу, Отечеству. Если вы не сможете научиться - мы не сможем работать вместе, что очень меня печалит, а вас вообще расстроит. Смертельно расстроит.

Я оглядел исподлобья всех командиров, продолжил:

- Надеюсь, это выяснили. Поскакали дальше. Вот вы...

Я мотнул головой в крепыша, раньше (до отступления) бывшего, наверное, толстячком с интендантскими знаками различия. Он встал, представился. Правда, снабженец. Полкового масштаба.

- Вот и замечательно. У нас займётесь тем же. Сразу вынужден предупредить, так как о вашем брате определённая слава идёт ещё с суворовских времён. Первое: мы - Рабоче-Крестьянская Красная Армия. А что это значит? А значит это, что армия наша народная, состоит из народа, содержится народом для защиты его, соответственно, народных интересов. Второе: наш батальон - боевое братство. Мы все - братья. Огнём и кровью войной породнённые. Вам, вновь присоединившимся, предстоит стать нашими братьями. Исходя из вышесказанного, любое действие направленное во вред нашему подразделению будет рассматриваться нами, как предательство и измена. Все ваши интендантские штучки и ухищрения с нашей точки зрения будут выглядеть не только воровством из наших карманов, а именно изменой. Суда не будет. А разговор будет короткий. Максимум - на три выстрела. И мне плевать - как это будет выглядеть со стороны. До Москвы далеко, до Бога - высоко. А я - здесь и сейчас. Вы сами наладите отношения в своём хозяйстве в подобном ключе или это сделает другой, но вы об этом уже не узнаете. Я вас предупредил, теперь к делу. К вечеру мне нужен отчет от вас по нашему материально-техническому состоянию и запасам.

- В каком виде?

- Вот вы и подумайте, а я посмотрю, как у вас получится. Кстати, о Москве. Она далеко, но я так понял, что у вас есть связь с Большой Землёй?

Встал пожилой дядька в гимнастёрке без знаков различия, но в овчинной жилетке. Оказался партийным деятелем, оставленным здесь для организации подполья и партизанского движения. Он и доложил, что у него есть связь морзянкой со своим начальством. Не с армией, не с органами ГБ, а с партией. Ну, хоть так.

- И каково сейчас положение в Москве? Был октябрьский парад? - спросил я его, грубо прервав его доклад (дядька к докладам был привычен, могло затянуться).

- До парадов ли? Положение тяжёлое. Тяжёлые уличные бои...

- Что? - я вскочил. Меня как током прошибло, на лбу, спине и ладонях сразу выступил пот, - Немец вошёл в Москву?

- Уже неделю не прекращаются кровопролитные бои на улицах города. Враг не жалеет сил, всё бросил на штурм, но ценой невероятных усилий и огромных жертв продвижение противника удаётся замедлить. Никто из нас не сомневается, что врага удастся остановить, а потом и вышвырнуть из горячее любимой столицы нашей...

- Не таракти! - оборвал я его. Только митинга мне тут не хватало. Я сел и схватился за голову: - Это... Как же так? Почему?

- Враг пока сильнее... - опять начал дядька.

- Да подожди ты! Твоё красноречие ещё понадобится, но не сейчас. Меня не надо агитировать Родину любить. Я и так знаю, что победа будет за нами и что война закончится не в Москве, а в Берлине, только не скоро. И я до этого светлого мига точно не доживу. Поэтому, уважаемый Петр Алексеевич, помолчите пока, мне надо подумать. Блин! Это же всё меняет! Всю стратегию нашу надо перестраивать! Блин, как же так-то?

- А давайте сделаем перерыв! - предложил кто-то (я не смотрел на них - упёр невидящий взгляд в стол). Народ дружно покинул дом, я остался за столом.

Так я сидел долго. На самом деле, я не думал. Как думать, если известие о боях на улицах Москвы произвело в моей голове эффект взрыва гранаты. В моей памяти сидела, как гвоздями прибитая, сцена из фильма "Битва за Москву", где немецкие генералы с колокольни рассматривают Москву в бинокли. На следующий день их погнало на запад. Этого не случилось. Немец в Москве. Я не в прошлом своего мира, а в прошлом мира Я-2. Это абзац! Всему абзац! России, миру, Будущему. И это не изменить, не исправить.

Когда командиры ввалились обратно в избу, я их не заметил, поглощённый чёрным вакуумом отчаяния. Только теперь я понял, что почувствовали русские люди в июле 41-го - крушение мира!

- Командир! - Леший тронул меня за плечо. Боль вернула меня в реальность (ожоги на плечах после болотного грязелечения категорически перестали заживать).

Я посмотрел на него, будто впервые видел. И его глаза. Я не могу описать, какие они были, что было в них, но глядя в эти глаза понял, что только что позволил себе то, что презирал в других - слабость. Я позволил себе слабость. Отчаяние. Скольких я вытащил из отчаяния своей энергией, верой в Победу, а теперь сам уподобился им. Я отчетливо почувствовал, что я нужен им. Нужен таким, каким был. Если я сейчас не возьму себя в руки - всё рухнет. Сотни людей опять превратятся в обезумевших от страха и отчаяния баранов.

"Встать! Смирна!" - приказал я сам себе. Полегчало. Я окинул взглядом озадаченных, растерянных командиров, своих соратников. Собраться! Думать!

- Лёша! Собрать обратно весь наш отряд. Изолировать. Санитарный кордон, помнишь? Не допускать общения никого из тех, кто знает о нашем грузе и пленниках с внешним миром. Ставки вдруг резко возросли. Пространства для манёвров, а главное, времени у нас больше не осталось. Кто будет извне любопытствовать - вали на месте без базаров.

- А тяжёлые? Помрут.

- Да мы все помрём, гля! Сегодня, завтра или через десятки лет! Это не важно! Важно - что мы успеем или не успеем сделать! Выполнять!

- Есть! - Леший козырнул, по-строевому вышел.

Я обернулся к остальным:

- Так, товарищи командиры. Всё только что изменилось. Теперь у нас нет выбора. То, что мы нашли, то для чего я вел свой отряд, отправив для отвлечения внимания ваши роты, в свете вновь открывшихся обстоятельств резко возросло в значимости и обрело статус Государственной Тайны. Поднимите руки те, кому я должен объяснить, что я должен сделать, на что должен быть готов пойти ради сохранения тайны не только от врага, но и от глупого любопытства. У нас теперь изменилась задача. Вы, наверное, решали тут, строили стратегии дальнейший борьбы? Сразу говорю - партизанство отменяется. Мы идём на прорыв. Херсонов. Мне нужен помощник, один я не справлюсь со всем объёмом задач. Будешь начальником штаба нашего батальона. Надеюсь, звание и шпалы старшего комсостава ты носишь не зря, а заслуженно. Подготовить батальон к

выступлению. Подбери кандидатов командиров рот. Срок готовности - послезавтра. По готовности - выступаем.

Я посмотрел на дядьку-подпольщика, тот встал.

- Пётр Алексеевич, мы не сможем помочь вам в вашей подрывной деятельности, а вот вы нам очень сильно поможете.

- Чем смогу, - кивнул дядька.

- Нам нужна срочно связь с НКВД. Обеспечьте связь. Сообщите, что у нас необычайно ценные пленные и сведения. Пусть готовят коридор, помогут нам пробиться, не потеряв пленников.

- Это всё?

- Нужна тёплая одежда, продовольствие и люди. У нас не хватает политруков с вашими ораторскими способностями.

Дядька кивнул, сел. Я обвёл остальных взглядом:

- На этом сегодня закончим. Возвращайтесь к своим подразделениям. Готовьтесь к зимнему маршу. Жду от каждого отчёты о состоянии ваших подразделений.

- Нет нужды, Виктор Иванович, - кивнул Херсонов, - я прекрасно владею положением.

- Тем лучше. Значит, с вами встретимся вечером.

Когда мы возвращались в мой маленький "санитарный" отряд, Бородач спросил меня:

- Почему не сказал, с кем связаться в НКВД? Даже не сказал с каким отделом или управлением. НКВД - он большой.

- Ни у кого больше вопрос такой не возник, - усмехнулся я, - всем по барабану. А мне тем более.

- Ложный след? - догадался Бородач.

- Течёт всё и отовсюду, - я вздохнул, - А НКВД - он большой. И люди там работают разные. Иногда безопасность наибольшую опасность и представляет. И партия у нас стала большая. А люди меняются.

- Никому не веришь?

- Себе не верю, дед. Как я кому-то поверю?

- И мне? - спросил догнавший нас Семёнов. Я промолчал. - Это что, правда, то что ты говорил про гостайну?

- Правда, Володя. Ты меня прости, но лучше не суйся в это. Добра желаю тебе. Не уверен, что кто-то из нашего отряда доживет до нового года.

Все мои спутники встали истуканами. Я прошёл ещё несколько шагов, тоже остановился. Они смотрели на меня тяжёлыми взглядами.

- Что? Думаете мне легко? Да я уже проклиная тот день, когда

родился. Вы хоть понимаете, что от знаний в башке этого насильника зависит даже не исход этой войны, а послевоенный мир? Судьба всего, блин, долбанного человечества! Думаете, мне это надо? Как будут жить ваши внуки, думали? Какова цена? Цена - миллиарды жизней. Даже не миллионы - миллиарды, понимаете? Что моя или ваши жизни? Володя, не лезь в это. Ты должен всё забыть и ничего не знать. Постарайся.

Я побрёл дальше, понурясь. Шило побрёл в другую сторону, мои спутники - за мной.

Красный остров.

Мы по много часов проводили вместе с Херсоновым. Рядили, судили, утрясали. Непросто это - в лесу, в тылу врага, слепить из разброда боеспособное подразделение, способное дойти до линии фронта по тылам противника. Ни снабжения, ни поддержки, ни боепитания, ни соседей мы не имели. Фронт наш был сразу во все стороны. Это очень сильно давило на психику уже само по себе, а ещё и тяжёлые вести с фронтов, из Москвы. Кроме этого, войска в то время учились воевать массовостью, привыкли, что с флангов подпирают соседние части, в тылу - артиллерия, авиация, подкрепления, поддержка, командование. Индивидуальная подготовка была ничтожна, минимальная боеспособная единица - рота. Младший комсостав самостоятельно воевать не готовился, психологически готов не был, при потере вышестоящего руководства терялся. Это потом научились. Все научились. И солдаты, и генералы. Это потом опыт этой войны, опыт партизан был осмыслен и появилась тактика войны малыми силами, группами спецназа. А сейчас: "УРА! За Родину!" и толпой на пулемёты. Один - как все. И все как один вращались в землю.

В лесу подобное просто невозможно. Невозможно концентрировать большие группы людей, невозможно поддерживать связь, управление на высоком уровне. Возрастает потребность в индивидуальных характеристиках бойца. А откуда им взяться? Их долгие, долгие месяцы заставляли шагать строем, вырабатывая чувство "локтя". Это хорошо было во времена наполеоновских войн, когда бои вели батальонными колоннами и стреляли рядами, залпами. Сейчас это приводило к тому, что храбрый боец, не видя сотоварищей вокруг, терял мужество, паниковал и бежал в тыл, где его расстреливали за дезертирство. Поэтому в партизанах лучше приживались вчерашние школьники, крестьяне, рабочие, привыкшие надеяться на себя, а не солдаты, с их взаимовыручкой. Ясно же, что при современном развитии средств поражения концентрация сил приводит к напрасным жертвам, но иначе никак.

Этот психологический уклад был сломлен только в Сталинграде, где

плотность огня была такая, что война велась фактически единицами против единиц. Скопление людей больше отделения тут же уничтожалось артогнём. И стало - один за всех. И тогда мы начали побеждать. Потому что русский человек - лучший воин в мире. Генетически так сложилось. За всё время существования русского народа ни одно поколение не прожило без войны. Тут хочешь не хочешь - научишься. Убивать и умирать. За тысячи лет так привыкли идти в бой в готовности встретить смерть и наперекор судьбе выживать, что инстинкт самосохранения был подавлен настолько, что как-то сам атрофировался. Сотни поколений шли в бой, задавив в себе страх, чтобы он не сковывал руки-ноги. Сумевшие победить страх были быстрее и ловчее, проворнее, живучей (страх подавлен - болевой порог возрос, болевой шок не останавливает сердце). Они и выживали. Их дети выживали. Подавленный инстинкт самосохранения стал наследственным. Наши воины очень часто впадают в состояние берсерков - боевой ярости. По себе знаю, других видел, слышал.

А вот как добиться от моих людей таких же морально-волевых качеств, которые были свойственны солдатам 43-45гг? Тут, в лесу? При отсутствии всего, прежде всего - времени. Правильно, никак. А что делать? Я не знал. И ничего не придумывалось.

Мы не стали ждать указаний из Центра (а я-то, тем более), отправили одну роту из шести вперёд на следующий же день. Самую боеспособную и самую готовую к походу. Шиловскую роту. На следующий день пошла ещё одна.

- Мы не распыляем силы? - спросил в сомнении Херсон.

- Надеюсь, нет, - отвечал я, - догонять быстрее, чем торить лыжню. Я себя здесь чувствую, как в мышеловке. Вот-вот она захлопнется. Только не говори никому. Я не знаю, почему вас не расчекрыжили - устроили тут красный партизанский остров. Видно, немец из последних сил напрягается, чтобы к Москве войск подкинуть. Не до вас было. Но, они точно знают, что мы несём и что мы теперь здесь. Мы вот с тобой сидим, планируем, а вокруг нас может быть уже пара-тройка мотополков концентрируется.

Херсонов зябко передёрнул плечами, оглянулся, будто немцы были прямо за спиной:

- М-да. Неприятное чувство. Одного полка хватит чтобы нас закатать на пару метров в землю за один день.

- И я о том же. Валить надо. Единственный наш шанс - опережать противника в темпе, водить его за нос. Спрятаться в голом лесу, да на снегу, да такой толпой - не вариант. Надо идти.

Замёрзшие тропы.

На следующий день вышли сразу две роты. И мой "комендантский взвод", как провёл его по батальонному журналу боевых действий Херсонов. Сам начштаба остался готовить остатки нашего батальона в путь. Чуть не погиб. Еле успел выскочить с боем из мешка. Больше сотни бойцов остались навсегда в этом "партизанском районе". Раненных немцы развесили на ветвях деревьев на опушке леса, где ребята и коммунисты-подпольщики приняли последний бой.

Опять лес. Только теперь голый, в снегу. Опять топали весь световой день. Если попадалась на пути лесная дорога - скорость повышалась. Пропадала дорога - людской поток тёк как ручей меж деревьев.

Через день меня догнал Херсонов, обрадованный, что смог привезти указанную из Центра точку фронта, где нам надлежало выходить.

- А радистка где?

- Не смогли её вывести. И Пётр Алексеевич остался. Немцы напали как-то неожиданно. Как начали садить из пушек и миномётов. Он как раз у меня был. Сказал, что за радисткой побежит. Больше я его не видел.

- Понятно. Объяви людям, что нас ждут, что помогут выйти. Даже место можешь назвать.

- Разумно ли это?

- А немец уже всё знает. Не дурнее нас.

- Как же это?

- Как-то так. Сколько человек знали о месте?

- Немного.

- Сколько их попало немцам в руки живыми?

- Они не сдадут! Это проверенные товарищи.

- Не сдадут. Но и молчать не смогут. Никто не выдержит пытки.

- Я не верю.

- Если бы я за тебя взялся - я бы через час знал все твои самые тайные мысли, самое сокровенное.

- Нет. Меня не сломать.

- Это не вопрос воли. Это вопрос времени.

- Он немцу тупой пилой ногу отпилил. А другому - лицо обглодал, - влез в разговор Антип, - и он ещё ангел, против немцев.

Херсонов ушёл.

Опять потянулись часы мучительного перебирания ногами, прерываемое лишь падениями в ямы и промоины. За часами тянулись дни. Немцы сначала плотно висели на хвосте и "сожрали" три наших заслона, потом отстали.

А скоро весь батальон собрался вместе - мы догнали первые две

роты. Дальше двигались одной длинной колонной в уже привычном порядке - на день пути впереди разведка с рациями, потом боевое охранение, сапёры, батальонная колонна с фланговым боевым охранением и заднее боевое охранение. Благодаря дальней разведке у нас была возможность не ломиться сквозь немца, а просачиваться, обтекая загодя сильные гарнизоны или узлы обороны врага. Путь наш от этого был далёк от прямолинейного, петлял.

Но, без боя всё одно не получалось. Иногда приходилось громить гарнизоны в лежащих на нашем пути деревнях, вылавливать полицаев и закапывать их поодаль. Было предложение поступить, как немцы - вывешивать предателей на виду, оснастив табличками с надписями, но мне эта идея претила. Я считал, что наказать предателей и так наказали, живьём закапывая в ямы, а вывешивание породит лишь озлобление. Причём всех против всех. Народа против полицаев, полицаев против народа, а немцев и к тем, и к другим.

Так нами были разгромлены десяток маленьких гарнизонов из немцев-тыловиков и полицаев, захвачены и выпотрошены, а потом сожжены несколько складов, разобрали ж.д. путь, который переходили, сожгли больше тысячи шпал, обеспечив невозможность быстрого восстановления двухпутки на нескольких сотнях метров. Захватили, уничтожив охрану, сожгли или повредили несколько мостов.

Так, день за днём, усталые, голодные, злые мы приближались к линии фронта. Петлять приходилось ещё больше - немцы стали попадаться чаще, в больших количествах и более боеспособные - рембаты, госпиталя, охрана складов, жандармы, маршевые пополнения. С такими связываться - себе дороже.

Теперь уже всем стало ясно, что я, как Сусанин, вел отряд не к тому месту, которое назвал Херсонов. Но, молчали. Дисциплину мы поддерживали драконовскую. Были и расстрелы. Одним из первых я расстрелял того самого интенданта. Так ни хрена он и не понял, крыса! Продолжал хомячить втихую. Расстреливал всегда лично. Не, не потому что мне это нравилось. Совсем не нравилось. Но - я осудил этих людей, я принимал ответственность перед Богом за их жизни и не хотел грех вешать на других. Я их приговорил - я и привел приговор в исполнение. Моя душа за них в ответе. И ответит. Не знаю, понял ли кто мою мотивацию или нет, не важно. Пусть думают, что я маньяк, душегуб, убийца и садист. Тем более, что это правда. Ну и что, что я не испытываю от этого удовольствия и у меня нет к этому тяги? По-факту, я - маньяк, душегуб, убийца и садист. А, садомазохист, забыл. На привалах "бывалые" рассказывают "новичкам",

как я "люблю" залазить под танки, взрывать их у себя над головой, ходить в одиночные атаки на танковые группы, биться с немцами в рукопашку, объедая им лица, вызывая самолёты противника на дуэли, пою дебилские, но забавные песни под артобстрелами, а под наиболее жуткие миномётно-артиллерийские обстрелы ещё и пляшу. Псих, а не человек.

А однажды мы услышали далёкий гром. Зимой? Канонада! Фронт близко! Это эхо грохота смерти нас наоборот очень обрадовало: дошли! Утром канонада возобновилась и теперь уже не кончалась, лишь на время стихая, потом опять разгораясь. Ноги поневоле начинали нести нас быстрее. На душе - радостное предвкушение.

Линия фронта.

И вот тут меня обломали разведчики: впереди сплошная стена войск. Ну, как сплошная - так редкая россыпь. Пробьёмся мы легко, а вот просочиться - уже нет. Подразделения противника хоть и редки, и не многочисленны по составу, но меж собой оперативно связаны - это были глубокие тылы боевых частей. Мы легко сможем разбить несколько таких. Это без проблем. А дальше? Наш путь им становится известен, нас перехватывают, зажимают и долбят издали, пока с землёй не смешают. А там и преследователи наши догонят. Тут надо думать. Батальон спрятался, пока, поглубже в голый лес, для надёжной маскировки оккупировав несколько оврагов, а многочисленные тройки разведчиков в накидках из простыней и наволочек разбежались веером по округе. Надо было найти узкое место, ударить туда со всей возможной силой и скоростью проскочить на нашу сторону.

Это потом. А сейчас - спать! Так устал, что отменил даже ежевечерний беседу - допрос Я-2 и "промывку мозгов" немцу Вили.

Утром карта стала пополняться значками разведанных объектов врага. Потом привели раненного "языка". Немец был рядовым и смог нам поведать очень немного - перед нами стояла потрёпанная пехотная дивизия противника, с боями дошедшая сюда от Днепра без пополнений и на этом рубеже застрявшая. Наступательный порыв дивизии иссяк. Наши успели закопаться в землю, каждый последующий километр немцам давался всё дороже и дороже. Они были не способны прорвать фронт, лишь выдавливали наши войска с одной линии обороны за другой. Наступление заглохло само собой, хотя приказа на переход к обороне не было. И это всё, что он знал. К тому же помер, не перенёс полевого экспресс-допроса.

Больше прояснил следующий пленный. Лейтенант. Тоже начал "загоняться" предлагая сдаться, но перелом трёх пальцев прояснил ему мозги. А когда у него остались целыми лишь два пальца, "раскололся" по

самое "не балуйся". Мы теперь знали расположение штабов дивизии, полков, артдивизионов, узлы концентрации сил противника, расположение батарей дальнобойных пушек дивизионного подчинения. Разведчики подтвердили, что ко всем этим местам шли наезженные дороги. Вот такой вот информированный оказался "язык".

Теперь можно что-то планировать.

- Если мы просто погрём в узком месте, нас раздолбают артогнём. Будет нам "долина смерти", - заявил я.

- Есть мысли? - спросил Херсонов, не отрывая взгляда от карты.

- Устроим "тарарам". Карнавал с фейерверками. Прорабатываем удар по крупнокалиберной артиллерии и штабу дивизии. Я рассчитываю, что поднимется сумятица, управляемость нарушится. Наши шансы избежать накрытия артогнём сильно возрастают. А через пехоту как-нибудь пробьёмся. Если и не выйдет, то ребятам с той стороны поможем. Потеря даже нескольких дивизионных пушек сильно подорвёт ударные возможности противника.

- Да, похоже, ты прав. Тут тихо не проскочишь. Опять маскарад?

- И отработать гранатный бой. На штурм идём ночью. В темноте будет больше шансов сблизиться с врагом и задавить гранатами. У них преимущество на дистанции, у нас даже пулемётов мало, да и боезапаса кот наплакал. А у них - полный набор. Артиллеристы не пехота, потерь несут меньше. Не удивлюсь, что у них сейчас перекосят как раз в пользу частей второго порядка. А они в ближнем бою слабее. Поэтому надо максимально сблизиться, гранаты, рывок, штыковая и выстрел в упор. Вот такая наша тактика на эту ночь. Отработайте с людьми такой порядок боя. Всех, у кого есть трофейная форма и оружие собрать в группы. Они будут "маскарадом". Подойдут к батареям поближе. И сапёров им надо выделить для уничтожения орудий и боеприпасов. Вопросы? Тогда - работаем! Ночью - фестивалим! Да, майор, операцию так и назовём - "Фестиваль". Жаль, бутылок с зажигательной смесью нет. Штабные постройки бы здорово горели, вместе со штабистами.

Фести

-В

алим!

Ночь. Зимняя ночь. Холодно. Люди дышали, выдыхая пар. Глаза привыкли к темноте, я нормально ориентировался. Мы окружили деревню, где встал штаб дивизии. Конечно, сам штаб занимал здание райсовета - перед ним больше всего стояло автомобилей и автобусов. Техника почти полностью забила площадь между райсоветом, школой, тоже трехэтажной,

и сельпо. Магазин был в один этаж, но большой. Конечно, немцы были расквартированы по всему селу, да и хрен с ними. Мы не ставили себе задачу полной "зачистки". Мы планировали разгром самого штаба, подрыв его работоспособности на некоторое время. Поэтому штурмовые группы должны были пройти напрямик до центра села, там устраивать погром и идти дальше, уходя на восток.

Я шёл в бой тоже. Так сказать, возглавлял атаку. Почему "так сказать"? Потому что, я уже убедился, что ночным боем управлять невозможно. Тем более, когда должны были действовать много мелких групп на достаточно большой сильно пересечённой местности, которой и являлось это село-райцентр. Инструкции розданы, командиры групп задачу знают. Если что пойдёт не так - пусть импровизируют. Пусть учатся воевать, используя самое эффективное оружие - ум.

Все группы были на исходных, уже начали замерзать, а я всё не пускал зелёной ракеты. Я ждал. Маскарад - вот первое действие нашей оперы.

На северо-востоке забухали далёкие взрывы гранат, защёлкали выстрелы. Началось! На юго-востоке подхватили. Я потянулся за ракетницей. Бу-у-бу-у-х-х! Вот это да! На северо-востоке рвануло что-то совсем "душевно". Землю ощутимо потрянуло. Гриб огня встал за далёким лесом. Стало даже чуть светлее. Ух, ни фиги себе! Что это было? Тактический ядрён-батон? Да, ну-на! А, граната в пороховой склад?! Красиво! Фейерверк уже знатный вышел! Что там теперь случилось с нашими "костюмированными" горе-диверсантами?

В окнах села стал загораться свет, захлопали двери, забегали не совсем одетые люди. Наш черед, пора! Зелёная ракета повисла над селом. Бойцы поднялись молча и побежали, пригнувшись. У каждого на предплечьях отсвечивали белые повязки. Может хоть так удастся не перестрелять друг друга в свалке?

Я бежал. Никто в нас не стрелял. Пока. И это хорошо. Ну, и мы не стреляли, пока. Вот и околица. Несколько коротких очередей справа от меня, я бегу дальше. Как не старался, я отставал от ребят. Я был в "доспехе", а они налегке. Да и наш вояж по лесам не дался мне легко.

Бойцы выбивали ногами двери, прятались тут же за стену, ожидая выстрелов в ответ, потом ныряли в дом. Остальные бежали дальше. Проверив дом и двор, бежали догонять. Пришёл момент, что я оказался впереди бегущим. И вот тут дыхание совсем сбилось. А до центра села ещё столько же.

Передо мной распахнулись ворота, выбежали трое или четверо

солдат, увидели меня, начали разворачиваться, поднимать оружие. Поздно, ребятки! Очередь "папаши" перечеркнула их наискось. Я ушёл кувырком через левое плечо за воротину, добил двоих, кувырком вкатился во двор, выпустил остатки магазина в перепрыгивающего через забор немца. Не попал. Подбежал к дому, присел, прижавшись спиной к стене, сменил магазин.

- Э! Есть кто живой? - крикнул я в распахнутую дверь.

- Не стреляйте! Тут больше нет немцев! Тут дети! - крикнул испуганный женский голос.

- Зер гуд! - ответил я.

Однако, время. Шмонать немцев (оказалось трое, четвертый ушёл) времени не было, вооружены они были винтовками - не интересно, а вот гранату из-за поясного ремня одного, я прихватил. Побежал догонять своих.

Медленно, медленно. Мне казалось, мы уже час бежим к райсовету. Так, глядишь, все немцы разбегутся. Или организуют оборону, что ещё хуже. Мне затяжной бой совсем не нужен. Он для нас смерти равен.

Вот я опять бегу один. Улочка заканчивалась, выходила на главную улицу, она же тракт, вокруг которого и выросло село. Забор из жердей и сухих, чёрных былках сорняка образовывали угол, и вот за ним я заметил шевеление. На полном ходу я кинулся в пережат через правое плечо, тут же сел, раскорячившись, ППШ направил на этот угол.

- Восемь! - крикнул я.

- Два! - ответ из-за угла. Свой. Код простой - называй любое число до 10. отзыв с твоим числом и должны составлять сумму 10.

- Былков? Ты один? Что с напарником? - спросил я, узнав пулемётчика с ДП.

- Дом проверяет. Тихо, командир. Слышишь?

Я тоже услышал. Шум, будто ломиться огородами стадо кабанов.

- Я гранату бросаю, ты стреляешь и падаешь. И лежишь. Готов? - шепнул я. Свинчивая колпачёк с "колотушки"

- Угум.

- Шесть! - крикнул я и рухнул на утоптаный снег. А в ответ - мат, но по-немецки. И выстрелы, выбившие щёпки из жердей. А я им гранату. После разрыва, Былков причесал их из пулемёта, а я рванул туда по дуге, чтобы зайти сбоку. Вот они, голубчики! Лежат, отстреливаются в Былкова. Я стою - они лежат. Мишени. Автомат выплюнул дугу огня. Я сменил магазин, попинал трупы. Вроде все готовы.

- Былкин?

- Я!
- Живой? Контролируй улицу!
- Есть!

Быстрый обыск немцев, две гранаты, два автомата с двумя подсумками и пистолет. В карман. О! Часы наручные! Ходят!

Всё, время!

- Былкин! Я иду.
- Понял.

Былкин был уже не один. Три бойца блестели глазами. Я отдал им автоматы и подсумки. Они закинули винтовки с примкнутыми штыками за спину, схватили автоматы.

- Быстро! - скомандовал я, - Но, аккуратно!

Продвигались мы по главной улице даже медленнее, чем по переулкам. То и дело на нас вылетали то немцы и тогда завязывался бой, то наши, вопя, как резанные, числа от 1 до 9. около меня уже собралось больше дюжины бойцов. Кто-то убегал проверять дома, дворы, тупики, другие присоединялись.

Вот и главная площадь села, образованная перекрёстком, забитым техникой. Тут уже вовсю шёл бой. Мы вылетели, обстреляли группу немцев, взорвали гранатами несколько машин, служивших укрытием стрелкам врага.

- Штаб! Все на штурм штаба! - заорал я. И сам первый побежал. Но не к сельсовету, а к школе - она была ближе. Из её окон тоже стреляли. Вот и её стены. Ударился спиной об оштукатуренную поверхность, достал гранату, попытался отдышаться. Окно высоко.

- Стой! - схватил я за рукав бойца с окровавленным лицом и бешеными глазами, - Ранен?

Он протёр лицо, удивлённо увидел кровь на ладони, покачал головой:

- Не моя.
- Спину подставь.

Боец встал, согнувшись, шапкой упёрся в стену. Я бросил гранату в окно. Дзинкнуло стекло, а через пару секунд раму и стеклянное крошево взрывом вынесло на улицу. Я вбежал по спине бойца, нырнул в зёв окна, пребольно ударился, перекатился к стене, замер. Вот проём двери, столы и лавки, раскиданные, перевёрнутые и расщеплённые взрывом, в этом классе, кроме меня - никого. А, труп у двери, накрытый столом. Почему никого тут не было? А, какая разница! Там, за вывороченной дверью кто-то же бежит, потолок издавал топот, на втором этаже тоже суетятся. А значит

что? Значит:

- Ура! Писец вам, гады! Медведь пришёл!

Позади пылал горизонт. Мы подожгли, что смогли. Горели здания райсовета, школы, магазина, почему-то, несколько близлежащих построек, техника. А мы галопом покинули село и теперь неслись строго на восток. Там должна быть какая-то ещё батарея.

- Леший, это Медведь. Как дела?

- Пучком всё, Медведь. Посылки в порядке. У нас четверг.

- Понял, Леший. Конец связи.

Мой отряд, сильно ужавшийся - тяжело раненные поумирали, шёл 4-м из намеченных маршрутов. Пленные и груз были в порядке.

Впереди разгорелась перестрелка. Я собрал окружающих бойцов и повел их не на стрельбу, а в обход. Нормальные герои всегда идут в обход. Мы ударили во фланг немцам. Они побежали. Мы не стали преследовать. Тоже мне, спасители! Решили штаб выручить. Пусть теперь по тёмному лесу побегают.

На батарею мы обрушились, как снежная лавина. Они, конечно, слышали перестрелку, но хоботы орудий так и были задраны в небо. А перевести их на прямую наводку уже мы не дали. Тем более что основную часть личного состава расчётов и охранение мы рассеяли по лесу в предыдущем бою. Так вот вы какие, легендарные "Ахт-ахт". 88-мм зенитки. Чудо-оружие Роммеля. Взорвать! К чертям собачим!

А вот теперь начинается самое трудное - прорыв первой линии. Эффекта внезапности уже нет, а в окопах сидят бывалые ветераны, прошедшие с боями всю Европу от Франции до Ельца. Мы добежали до лесного оврага, попадали кто где. Тут уже было много народу. Это место мы выбрали для сбора. Сюда ручейками должны стечь все наши штурмовые группы.

- Майор. Рад, что ты живой. Как прошло?

- Ты сам там был, что спрашиваешь. Сожгли всё дотла. Какого-то оберста в плен взяли. Маскарад жду. Ещё полчаса ждём. Не больше.

- Слушай. Я тут часики подобрал. Давай сверим.

- Наконец-то. У нас рядовые в швейцарских щеголяют, а комбат "часов не наблюдает". 2-44.

- И всего-то. Я думал часов шесть уже воюем. У меня 2-49. Чьи часы подводить будем?

- Ну, давай мои. Тогда у остального батальона часы будут отставать. По моим сверялись-то.

- Понял. Я подведу свои.

Вышел на связь Леший. Они тоже дошли, но встали поодаль. Без происшествий дошли. Таким было их задание - пройти без боестолкновений.

- Давай, Херсонов, рули. Если получится, придерживайся плана. Мы следом пойдём. Мне надо с ними быть. Мало ли. А немцу ничего не должно достаться.

Мой начштаба кивнул, опять посветил трофейным фонариком на часы, хмыкнул:

- Хочешь, чтобы всё было сделано правильно - сделай всё сам.

- Рад, что ты меня понимаешь.

- Неужели ты несёшь что-то настолько важное, что весь наш батальон лишь отвлекающий фактор?

- Очень. Скорее бы сдать это в надёжные руки и стать обычным старшиной! Ремни выдавать.

- Уже не станешь. Кто тебе даст? Кстати, у тебя хорошо получается командовать. Я даже думал, что ты никак не меньше полковника. А старшинство лишь прикрытие. Откуда?

- Талант, наверное, прорезался. У сильно и многократно контуженных бывает. Ладно, бывай, майор. Не поминай лихом.

- Я не буду прощаться. До свидания.

Мы обнялись с майором, и я пошёл к "карантинной" группе.

Момент истины

и дядька Облом.

- Ну, что Вили, ты пришёл к какому-нибудь решению?

Нет. Так он и не смог ничего решить. В плен ему, по понятным причинам, не хотелось, к выполнению долга я его допустить не могу, а он теперь и сам особо не горел желанием помогать нацистам (или очень натурально играл). Но и против своего народа пойти не мог. Не предатель же он. Эта его установка мне импонировала. Я тоже не смог бы воевать против своих. Хорошо, что я очутился в этом времени, а не 1919 году в разгар Гражданской войны. Хотя, что хорошего? Лучше бы бронзу плавил или со шпалой наперевес бегал, чем с автоматом. И-ех! Жизнь, моя, жестянка!

Я-2 себя плохо чувствовал. Сломанные ребра никак не помогают в марш-бросках по лесу. Он последние несколько дней пребывал в унынии. Это был его мир, его прошлое, не моё. Но я прижился тут, а он всем кругом был чужим. И немцам и нашим. Подумать только, он призывал всех моих бойцов. Скрывал, конечно, но призывал. Нацист недоделанный. Сам русский, но русских считает недочеловеками. Идиот. И меня, наверное,

призывает. Только не видно этого - боится он меня настолько сильно, что руки его начинают трястись, когда я подхожу.

- Ну, что ребята, - сказал я своему маленькому отряду, - остался последний рывок. Завтра мы или будем общаться с особистами, или трупы наши заметёт снег. Момент истины. Я нас есть с полчаса, отдохните. Бородач, Финн, Кадет, Леший - ко мне.

Мы отошли в сторонку.

- Все помнят план Б?

Эта группа - Кадет с записями и пленными, Антип, Бородач с внучкой, Леший с двумя своими бойцами из первого состава - сразу после перехода линии фронта уходит в леса и продолжает рейд.

- Помните - там тоже тыл врага. Я не могу знать, кому из командования и из ЧК мы можем доверять. Кто ещё в заговоре состоит. Поэтому вас никто и не должен видеть. Остаётся последняя надежда - Степанов.

"Если и он окажется гнидой, то этот мир и не стоит спасать. Гори он ядерным пламенем!" - подумал я. Конечно, молча. Но, мои собеседники поняли мои мысли. Я продолжил:

- Держитесь постоянно вместе, обособленно. По моей команде: "Восток поехал!" - должны быстро и незаметно раствориться в воздухе. Там будет такая суматоха, что должно прокатить. Жаль, мне не слить. А я уж прикрою, как смогу. Главное - записи этого недоделанного донесите. Тимофей Парфирыч из старой гвардии, он разберётся. Всё, больше не контактируем. Держитесь вместе, от остальных особнячком. С Богом!

- Медведь! - позвала меня рация.

- Медведь слушает, - ответил я.

- Это Изба. Светает, - это Херсонов доложил, что начал.

- С Богом! - повторил я напутствие.

Сначала всё шло по плану - мы ударили в стык двух пехотных полков. Добились некоторой растерянности врага. Прошли километра три. А потом они опомнились и стали нас зажимать. При полном отсутствии помощи с той стороны фронта. Там, наверное, вообще охерели.

Херсонов всё-таки смог пробить коридор. Насквозь простреливаемый, обсыпаемый минами и снарядами, но коридор. Осталось выйти.

- Командир, немец ранен, - доложил Кадет.

Я чертыхнулся, побежал туда. Вили катался по земле, вопил, вцепившись в ногу. Его колено было разворочено. Гнутья никогда уже не будет, это точно, если ногу совсем не отрежут. Не вояка.

- Вот и решилась твоя судьба, друг Вили. Сама Судьба за тебя сделала выбор.

- Пристрели же меня быстрее, зачем мучаешь? - кричал он мне. Рядом разорвалась мина, обсыпав нас комками мёрзлой земли.

Мы с Кадетом оттащили Вили в ближайшее укрытие - яма от вывороченного с корнем дерева. Я дал Вили две таблетки наркоты, те, что снимали боль и два бинта.

- Вили, я оставляю тебя здесь. Ты должен вернуться домой и больше никогда не воевать с русскими. А чтобы тебя не мобилизовали... Таблетки подействовали? Тогда вытяни правую руку.

Я прострелил ему ладонь правой руки. В мясе между большим и указательным пальцами. Вили орал от боли, а мы побежали.

- Зачем? - спросил на бегу Кадет.

- Отстань!

В эту ночь мне, наверное, было суждено потерять обоих пленников. Я-2 оторвало миной обе ноги и разворотило живот. Он не кричал, лежал, белый, как снег, зажимая упорно вылизавшие меж пальцев кишки, часто и не глубоко дышал. Увидев меня, он что-то сказал, но разве тут услышишь, в таком грохоте? Я встал на колени, наклонился к нему.

- Простите меня, - едва слышно говорил он, - Я завидовал вам. У вас есть Родина, которую не стыдно любить. За неё умереть... Я хотел вам помочь... Я старался, писал, вспоминал... Прости... Помогите... Мне так... БОЛЬНО!

Он закричал, забился. Кровь пошла у него горлом. Я наклонился к самому его уху, сказал:

- Я тоже из будущего. 1 мая 45-го над Рейхстагом поднимут красный флаг. 12 апреля 61-го Юрий Гагарин на корабле "Восток" впервые выйдет в космос и облетит Землю несколько раз. Через четыре десятка лет после Победы население СССР перевалит за четверть миллиарда. А США не решиться применить по нам ядерное оружие. У нас первое испытание бомбы произойдёт в 47-м году.

Я отстранился. По его щекам текли слёзы. С его губ текла кровь, но губы улыбались, глаза сверкали.

- Прости, - сказал я ему, встал и... Я выстрелил ему в лицо. Очередью. В остаток магазина.

Он - это я. Я который стал таким, как он. Я - которого жизнь сломала, пережевала и выплюнула. Я стрелял в себя. В свои слабости, в свои страхи. Я убил себя.

- Кадет! Галоп!

Мы побежали догонять отряд, пригибаясь трассерам пулемётных очередей, шарахаясь от взрывов, спотыкаясь в темноте, падая, опять вставая. Бежали изо всех сил. Чтобы спасти не свои жизни, а пронумерованные листочки в пластиковой папке в рюкзаке за спиной Кадета. Бежали.

Видно, не судьба мне было ни пленных вывести, ни самому дойти. После очередного взрыва что-то чудовищно мощное ударило меня слева, я полетел, шмякнулся о дерево и свалился на землю. Лицом в снег. Может я и потерял сознание, но видно, только на секунду. Я пытался перевернуться, но тело меня не слушалось.

Что-то схватило меня, перевернуло. Кадет!

- Придурок! Беги! Я приказываю! Восток поехал! Пошёл! Пристрелю!

О, правая рука слушается. Я стал шарить вокруг, в поисках кобуры.

- Прощай, Командир! - крикнул Кадет и побежал молодым оленёнком. Наконец-то! Хоть бы дошёл! Если и он не дойдёт - то всё зря. Моих родных и любимых ждёт ужасная судьба. Хоть бы дошёл!

Я впервые в жизни молился. За Кадета. За юную девочку Настю, за её деда Александра Родионовича, за Лешего и Антипа. Молился, пока не потерял сознание.

Финита ля комедия

или

акт крайний "Приплыли!"

Сколько я был без сознания? Когда очнулся, было всё ещё темно. Бой по-прежнему шёл вокруг, взрываясь, треща и бухая, пули свистели. На всё это я обратил внимания не больше, чем на писк комара. Меня волновало одно - я замёрз. Ужасно замёрз. Странно, почему нет боли? А-а-а! Гля! Твою-то бога-душу-мать! А-А-А! Как же больно! Где эти долбанные таблетки?!

Левая рука болела ужасно, а правая более-менее функционировала. Я ничего не видел. Потер глаза, они и разлепились - слиплись от крови. Теперь видел нормально. Правым глазом. Левый так и не открылся полностью - разбитое лицо опухло. Упираясь правой рукой, сел, опёршись спиной в дерево. Ё! Левая нога в колене провернулась на 180 градусов и теперь пятка (голая, без сапога) смотрела вперёд. Левая рука. Тут вообще - жуть. Кусок мяса. Да ещё и согнутый там, где гнуться не должен - между кистью и локтем. Нащупал правой рукой карман, натываясь на вылезшие из брезентовых карманов бронепластины, достал пакетик. Отсыпал себе в рот, не считая. Убрал обратно. Рот был полон крови. Разжевал и проглотил

вместе с кровью.

Когда очнулся следующий раз, боль притихла, стала постоянной, ноющей. Хотя так.

Надо что-то делать. Не сидеть же, пока не сдохнешь? И перевязочные пакеты свои я Вили отдал. Отдай жену дяде, а сам иди...

И Кадет. Дойдёт ли? Что там с ними? Надо идти!

Медленно-медленно, по дереву, встал. Попробовал перенести вес на левую ногу. Подгибается, болтается, не держит. Но, приноровился и пошёл. Автомат мой валялся разбитый о дерево, гранаты подмышкой не было, куда-то делась, рация - разбита. Пистолет есть. Взял его в руку, снял с предохранителя. Патрон у меня уже был в стволе. Проверил магазин. В этот раз на месте.

Так и пошёл. Медленно и болезненно. Любое препятствие на пути было для меня непреодолимым. Я не мог ни через что перешагнуть, не мог, сколько не пытался, спуститься в воронку, соответственно и вылезти из неё не смог бы.

Так! А что это такое?

- Три! - хрипло сказал я.

- Семь! - взвизгнул испуганный девичий голос, - Назовись!

Свои. Что они тут делают?

- Вيني Пух! Разоритель ульев.

- Командир! Ребята, я командира нашла!

Только теперь я узнал Танин голос. И Леший появился. Я навел на него пистолет:

- Тварь! Я сказал тебе: "Восток поехал!" Ты что тут делаешь? Убью, гада!

- Восток уже уехал. Это уже наша земля. Мы перешли линию фронта! Командир! Я тебя искал!

- Восток уехал?

- Уехал, тебе говорю! Все, кроме тебя - вышли. Я проводил и вернулся. Витя, как я рад, что нашел тебя! Теперь всё будет хорошо!

- Посмотрим! - буркнул я. Зря я так обрадовался встрече с ними - сознание меня покинуло.

Когда я очнулся в следующий раз, застонал, кто-то вскрикнул, убежал. Я ничего не видел - на глазах были повязки. Я лежал. Связанный.

- Он меня слышит?

- Он пришёл в себя.

- Старшина Кузьмин. Я начальник особого отдела дивизии капитан Паромонев. Вы меня слышите?

- Угу, - ответил я ему и закашлял, тут же застонал. Боль! Вся, блин, моя жизнь в этом времени - постоянная боль!

- Где ваши пленники? Где записи? Куда делись ваши спутники?

Ага! Значит, ни Кадета, ни записей они не нашли? Уже хорошо. Леший говорил, что Кадет был жив. На этой стороне был жив. Леший его проводил. Это кто же с ним остался? Бородач, Финн и девчёнka? Это надёжные, тёртые мужики. Они знают цену тому, что несут. И гарантированно ни в одной из обойм подковерных партий не состоят. Только бы дошли!

- Никто не выжил. Ничего я не смог. Пристрелите же меня! Чего мучаете! Мля! Больно-то как! Всё пропало! Всех я потерял! И записи погибли! Доктор! Сделайте что-нибудь или пристрелите!

Вот такую истерику я закатил. Хотя, она была искренней. Мне и правда, так больно, что жить не хочется. Тем более, что всё от меня зависящее я сделал. Больше ничем помочь я не могу.

Если Кадет дойдёт, если Парфирыч окажется тем, кого я в нём увидел, если Берия поверит, если сумеет... Слишком много "если". Но, от меня больше ничего не зависело. Я больше никак ни на что не мог повлиять. Можно и помереть со спокойной душой.

- Доктор, какие шансы? - Услышал я вопрос Паромонева.

- Никаких. Любая из его травм могла его прикончить. Большая кровопотеря, начавшаяся гангрена старых ранений - он уже был ранен и не один раз. А с медикаментами сами знаете, какое положение. Я не знаю, чем тут помочь.

- Сделайте, что возможно. Он должен ответить мне. За всё, что натворил.

- Да пошли вы нах! - прохрипел я. Мне было глубоко плевать на них. Вдруг всё показалось таким мелким, незначительным, несерьёзным до смешного. Какая мне разница? Какое мне дело до какого-то Паромонева с его "предъявами"? Я уже не в его власти, я - одной ногой не в этом мире. Я почти в ВЕЧНОСТИ. Единственное, что удерживало от падения в вечное НИЧТО - БОЛЬ. Боль такая, что я взывал:

- Господи! Избавь меня от страдания! Дай избавления! Дай умереть!

Аннотация: ГГ выжил, бой - продолжается. А судьба продолжает сыпать на него рояли.

Храмов В.И.

Сегодня - позавчера 2.

Пердупреждение.

Атеншин!

В наличии: русский попаданец, мегакрутой как всегда, песни, промежуточный патрон, командирская башенка, советы Сталину "Как нам обустроить мир", псевдофилософия, мистика, пафос и превозмогание, а также многое другое. Ахтунг! Множество ошибок, неточностей и нелогичностей. Эксперты одобряют. Шутки в стиле Петросняна, сопли, и самокопание и квасной (клюквенный) патриотизм также присутствует. Личностям со слабой психикой, дерьмократам, либерастам, шовинистам и прочим особям с нетрадиционной моральной, этической и психологической ориентацией категорически не рекомендуется.

Пролог.

Я - попаданец. Я из начала 21-го века, по собственной невнимательности и нерасторопности попавший под ж.д. вагон, оказался в 41-м, в теле старшины Кузьмина Виктора Ивановича, смертельно раненого при бомбёжке эшелона, на котором полк старшины перебрасывался на фронт. Тогда нам, мне и телу Кузьмина, умереть было не суждено. Я был "подселён" в Кузьмина "на испытательный срок". Правда, в чём заключалось моё испытание - не знал. Но, оставаться в стороне в столь тяжкий для страны момент - не мог. Я очень хотел помочь Родине и своему народу, но не знал, чем и как помочь. Знаниями или навыками полезными не обладал - экономист по образованию, в армии не служил, в технике не разбирался. Жизнь меня маленько помотала, но, как впоследствии, оказалось, привила некоторые навыки, оказавшиеся полезными. Так получилось, что я больше половины трудовой деятельности руководил людьми и процессами (хотя и малыми делами и коллективами), обычно на самых сложных и безнадёжных направлениях, от которых амбициозные мои товарищи сумели отвертеться, а я, "крестьянский сын", не сумел, за что и был "бит" и "вздрючен" регулярно. Зато появилась стрессоустойчивость,

умение видеть "суть", т.е. определить корень проблемы, интуитивное деловое чутьё, основы психологии коллективов, умение разбираться в людях и мотивировать людей на неблагодарный труд. Последнему научился спонтанно, и этому завидовали все. Я мог за пару минут уговорить бригаду сделать самую поганую работу, честно сказав им в самом начале: "Ребята, заплатить вам за эту работу не смогу, но..." И они делали. Матерясь. И уважали меня после этого, а других посылали грубыми матерными оборотами.

Но, оказавшись в 41-м, я об этом не вспомнил. Помнил лишь, что прогрессор из меня не выйдет, и очень расстроился. Потом, правда, решил, что "делай, что должен и будь что будет". Решил попасть на фронт и хотя бы что-то сделать, хоть одного немца, но завалить. Так я оказался в добровольческом батальоне, сформированном из сотрудников НКВД. Я к НКВД отношения вообще никакого не имел, но так сложилось. Осенью мы попали на фронт, исключительно плодотворно повоевали, набили много танков, перебили много немцев и, самое главное, задержали целую танковую (а может и не одну) дивизию на переправе на несколько суток. Батальон был разбит, но тылы и раненных удалось отвести прежде, чем захлопнулось окружение. Потом я, волей комбата (Царствие ему Небесное, фундаментальный был мужик), назначенный врио комбатом (при старшинском-то звании) вел остатки разбитого батальона по тылам врага, обрастая отбившимися от своих окруженцами или освобождая наших красноармейцев из плена.

И вот в ходе этого лесного "вояжа" произошло ещё одно невероятное событие - в лесу мы берём в плен откровенно неприятного типа - крайне деморализованного снабженца. И это оказался я сам, т.е. мой двойник, Я-2, также оказавшийся в прошлом на своём "Шевроле" с несколькими носимыми радиостанциями и разными канцтоварами. Только тогда я понял, что нахожусь не в прошлом своего мира, а в прошлом какого-то другого. События 41-го в этом мире развивались ещё драматичнее, чем в моём.

Отличия навскидку: маршал Победы Жуков Г.К. пропал осенью, при перелёте из блокадного Ленинграда, немец вошёл в Москву, до поздней зимы столица разрушалась жесточайшими уличными боями, поглощавшими, как мясорубка дивизии за дивизиями. И хотя потом удалось охватывающими ударами с севера и юга освободить Москву, война была проиграна. В 45-м война подошла только к границам СССР, а в 47-м Вермахт капитулировал перед Западом после ядерных бомбёжек. Но война не кончилась. Антигитлеровская коалиция стала тут же Антикоминтерновской, ядерные бомбёжки русских городов, капитуляция

на позорных условиях. Крах и уничтожение русской цивилизации. Сатанинский мировой порядок на планете под ядерной дубиной теневых хозяев Запада. Почти легальное рабство, расцвет трансплантации органов, серый рынок рабов на "запчасти", общемировой голод и нищета. Кроме "золотой" сотни миллионов. Вот они-то жили не то что шикарно, а сверхшикарно. Это был даже не неофеодализм, к которому скатывался мир в моей истории, а неоантичность с абсолютно "отмороженными" полубогами и миллиардами рабов. Третьего, среднего класса не было, как не было и НТП. Ни космоса, ни лазеров, ни компьютеров, ни реактивных самолётов. Один сплошной "менеджмент".

Что делать с этим? Мне казалось, что я знал решение. Я-2 рассказал, что во время боёв за Москву предательским заговором был убит Берия и все курируемые им проекты - оружейные, атомные, разведывательные и контрреволюционные, были похерены. Развитие оружия споткнулось, атом опоздал и не спас страны, разведка не смогла предугадать действий противника, с заговорами справиться стало некому. Сталин "заболел" и "ушёл", страна рассыпалась, попала в рабство даже не к "полубогам", а в рабство к немецкоязычным рабам.

Все эти все сведения мой аморальный, доведённый жизнью до скотского состояния, двойник записал на листы бумаги. Я решил довести этого "попаданца" с его сведениями до своих и передать Берии, в надежде, что легендарный Лаврентий Павлович сумеет грамотно распорядиться этим подарком, хотя бы не дав себя тупо застрелить в спину. Я-2 смотрел амерский фильм о "героях", сумевших казнить палача "пятсотмиллионно-невинно-убиенных", а потом ещё и читал запрещённую книгу 46-го года издания с материалами следствия. Так что, у нас были фамилии заговорщиков, их "высоких" покровителей и структура их организации.

Но, при прорыве линии обороны врага, Я-2 был смертельно ранен и я лично добил его, а потом и сам был "убит".

Опять "котлета".

Когда я очнулся в следующий раз, застонал, кто-то вскрикнул, убежал. Я ничего не видел - на глазах были повязки. Я лежал. Связанный.

- Он меня слышит?

- Он пришёл в себя.

- Старшина Кузьмин. Я начальник особого отдела дивизии капитан Паромонов. Вы меня слышите?

- Угу, - ответил я ему и закашлял, тут же застонал. Боль! Вся, блин, моя жизнь в этом времени - постоянная боль!

- Где ваши пленники? Где записи? Куда делись ваши спутники?

Ага! Значит, ни Кадета, ни записей они не нашли? Уже хорошо. Леший говорил, что Кадет был жив. На этой стороне был жив. Леший его проводил. Это кто же с ним остался? Бородач, Финн и девчёнка? Это надёжные, тёртые мужики. Они знают цену тому, что несут. И гарантированно ни в одной из обойм подковерных партий не состоят. Только бы дошли!

- Никто не выжил. Ничего я не смог! Пристрелите же меня! Чего мучаете! Мля! Больно-то как! Всё пропало! Всех я потерял! И записи погибли! Доктор! Сделайте что-нибудь или пристрелите!

Вот такую истерику я закатил. Хотя, она была искренней. Мне и правда, так больно, что жить не хочется. Тем более, что всё от меня зависящее я сделал. Больше ничем помочь я не могу.

Если Кадет дойдёт, если Парфирыч окажется тем, кого я в нём увидел, если Берия поверит, если сумеет... Слишком много "если". Но, от меня больше ничего не зависело. Я больше никак ни на что не мог повлиять. Можно и помереть со спокойной душой.

- Доктор, какие шансы? - Услышал я вопрос Паромонева.

- Никаких. Любая из его травм могла его прикончить. Большая кровопотеря, начавшаяся гангрена старых ранений - он уже был ранен и не один раз. А с медикаментами сами знаете, какое положение. Я не знаю, чем тут помочь.

- Сделайте, что возможно. Он должен ответить мне. За всё, что натворил.

- Да пошли вы нах! - прохрипел я. Мне было глубоко плевать на них. Вдруг всё показалось таким мелким, незначительным, несерьёзным до смешного. Какая мне разница? Какое мне дело до какого-то Паромонева с его "предъявами"? Я уже не в его власти, я - одной ногой не в этом мире. Я почти в ВЕЧНОСТИ. Единственное, что удерживало от падения в вечное НИЧТО - БОЛЬ. Боль такая, что я взвыл:

- Господи! Избавь меня от страдания! Дай избавления! Дай умереть!

Но Он оказался глух к моим мольбам. И я продолжал мучиться. Видимо, мой долг не исполнен. Но, что я могу ещё-то? Хотя, Ему виднее. Ну, что ж. Христос терпел и нам велел. Посмотрим.

В этом состоянии безумия от боли, в состоянии полусмерти, ко мне стали приходить странные сны. Вот так вот однажды, проваливаясь в обморок, одной ногой в могиле, вот что мне привиделось:

Судьба Голума.

(наше время)

Шея моя затекла, от этого я проснулся. Оказалось, уснул я, сидя за

столом, положив голову на руки, отчего руки затекли и онемели. Я сел, кресло скрипнуло. Задел мышь и экран компьютера зажёгся, выходя из спящего режима. С экрана на меня смотрел Excel с открытым табелем моей бригады. И, как часто во сне и бывает, даже нигде не шелохнулось, что я был не в Богом забытом госпитале, а дома, за компом.

За окном уже стемнело. А я дома был один. Так не бывает. Не должно быть. По-темну только я бываю вне дома - работа такая, а вот моей семье положено ночью спать. Сотовый лежал рядом. Позвонил жене - "абонент не абонент". У сына - та же песня.

Я забеспокоился. Заметался по комнате. Я никак не мог вспомнить, где они. Поставил чайник на газ, набрал тещу.

- А они ещё не вернулись с речки? Не помнишь? Ты хоть что-то помнишь? Совсем у тебя мозги отказали! Они на речку ездили. Уже давно должны были вернуться.

Чайник закипел, тревожно засвистел. Намешал себе растворимого кофе, позвонил подруге жены. Они почти всегда на реку ездят вместе.

- Да, вместе были. Как - нету?

Из последовавшего следом потока слов и эмоций я выудил, что как завечерело, моя любимая, оставив сына и одну из подруг, живущую рядом с нами, поехала (моя единственная из всех там присутствующих водила машину) везти эту, что сейчас несла пургу в трубку, и ещё двоих на другой конец города. Потом она должна была вернуться за сыном и приехать домой. Четыре часа назад.

Я бросил трубку. Звоню той, что была с сыном на пляже. Сонный, пьяный голос мне ответил, что она дома, не дождалась моей жены. Подъехали её знакомые ребята и она укатила с ними.

- Мой сын? - заорал я.

- А чё ты орёшь? Он отказался. Сказал, ждать мать будет.

- Сука, шалава! - заорал я, бросая телефон.

Пнул диван, схватил обратно телефон, схватил бумажник, выскочил из дома.

Как я и надеялся, на углу, у супермаркета, стояли два бомбилы. Договорились быстро, летим на пляж, в Донское. Как я заметил, почти в каждом городе, где есть река или водоем, есть часть города или посёлок на берегу, носящий это прозвище. Официально или нет.

Доехали. Выскочил из машины, бегу, ору.

- Папа! - кричит зарёванный голос. Сын бежит навстречу. У меня кипятки пролился по жилам и брызнул из глаз. Сгрёб в охапку, чуть не раздавил.

- Мама, мама, - говорил сын, - она обещала. Что-то случилось!

Мой бедный мальчик. Один, в темноте, перепуган, но переживает не за себя, а за мать.

- Разберёмся! - отвечаю я ему, - где твой телефон?

- Дома. Я же с мамой. Был.

Тут мужество оставило моего мальчика. Он заревел в голос. Сука, шлюха, (подруга жены) оставила десятилетнего ребёнка одного. Ширинки увидала и поскакала!

- Разберёмся.

Посадил сына в машину, велел ему и бомбиле ждать, бегом оббежал окрестности - ничего.

Отвёз сына домой, как смог успокоил.

- Я поеду маму поищу, а ты постарайся поспать. Если надо, свет оставь, лады?

- Пап, ты за меня не бойся. Ты маму найди. Может она колесо проколола?

- Найдём, колесо поменяем. Я тебя закрою. Идёт?

- Угу.

Он включил телевизор, обнял подушку, завалился на бок на диване, зажмурился. Я поцеловал его в темечко, выбежал из дома.

Бомбила ждал. Мы поехали с ним по маршруту, которым моя любимая должна была проследовать. Потом по менее вероятному маршруту.

Рассветало, но так же - никакой ясности.

- Может, загуляла? - решился, наконец, бомбила, - бабы, они знаешь какие?

- Знаю. И хорошо бы так, но... Хорошо бы так.

Во мне закипало отчаяние. Она не могла загулять. Она не могла заблудиться. Не сломалась машина, она не попала в аварию - машину бы не успели убрать. Значит, что-то более мрачное и страшное. Липкий страх полз по спине.

У дверей ментовки позвонил на работу, сказал, что не могу выйти. Выслушал, что так - нельзя, что это увольнение.

- Пох, - ответил я в трубку, - я не могу выйти.

И, сбросив вызов, зашёл в линейный отдел.

Я, в принципе, и ждал, что моё заявление не вызовет энтузиазма. Я понимал, что они думают: "Загуляла баба, появиться, а нам бумагу оформлять миллион". Понимал. Потому, не убеждал, не просил, просто гнул своё. Наконец, они приняли моё заявление на пропажу жены и

заявление на угон машины. Заявы разные, пойдут по разным ведомствам, а цель будут преследовать одну. Дождался, пока не увидел фотку жены в компах ментов, в разделе - "их разыскивают".

Тут же позвонил куму. Он у нас в милиции служит. Хоть и старлей всего, но в криминальной милиции. Это у них подразделение такое. Он меня выслушал, обещал подсуетиться. Не задавал глупых вопросов про загулы - он мою жену хорошо знал, как-никак, он её троюродный брат. Знает, что она умница. Если и загуляет, то так, что никто не догадается. Так глупо, с розыском в милиции, она не сможет.

Потом позвонил ещё одному хорошему другу семьи. Он уже дослужился до полковника милиции. В Чечню ездил, чтоб полканом стать. В той командировке он подорвался на фугасе, полгода валялся по госпиталям, но смог восстановиться. Даже полковника получил. А то служил 5 лет на полковничьей должности в звании подпола.

Он, молча, выслушал. Спросил только:

- В последний месяц медкомиссий она не проходила?

- Проходила. У неё же через неделю - соревнования.

- Понятно. Всё, Виктор, ты больше ничего не предпринимай. Жди. И постарайся успокоиться.

Как тут успокоиться? И этот вопрос про медкомиссию, он к чему? О чем ты, опер, знаешь? Что там случилось?

Пришёл домой. Сын уже не спал. Молча смотрел на меня. Я сел рядом на диван. Уставился невидящими глазами в телевизор.

- Я к бабушке? - спросил сын.

Когда ты успел так повзрослеть, сынок?

- Да. Пока поживёшь там. Собирай вещи.

- Ноут братъ?

- Возьми всё, что посчитаешь нужным. Да, готовься, что надолго. Лето, авось.

После недолгих сборов, уже другой бомбила отвёз нас в пригородный посёлок, где жили тёща с тестем. Пришлось им отчитаться о своих действиях. После недолгого "семейного совета", было постановлено, что действия мои были верными. И что я ничего не забыл, сделал всё, что нужно, ничего не упустил, чего от меня, "дырявоголового", не ждали.

Приехав домой, обнаружил машину кума у подъезда. Кум вышел, обнял, достал с заднего сидения звякнувший пакет.

Нажрались. С горя. Моя любимая как в воду канула. Даже менты уже не надеялись на благополучную развязку - нашу машину перехватили на выезде в соседнюю область. План "перехват" - есть у них такой. Человек,

что вёл машину, не подчинился требованию остановиться, попытался скрыться, открыл огонь из автомата. Погоня продолжалась 2 часа. Бандит загнал машину в лесной массив, где бросил машину и затерялся в зарослях. В салоне была обнаружена кровь. Окровавленная одежда моей жены.

Следующих дней я не помню. Бухал. Я. Не пьющий. Бухал. До потери способности думать. Смутно помню только лицо отца, что пытался как-то образумить меня. Помню, что мне стыдно перед ним. Наверно, нахамил.

А потом меня вызвали на опознание. В морг.

На столе лежало тело, накрытое какой-то зелёной клеёнкой. Из-под покрывала торчали ноги. Пахло горелой человеческой плотью. Я не должен был знать этого запаха, но в 41-м нанюхался.

Какие-то люди что-то мне говорили. Что-то из официоза. Я не смог поднять покрывала. Не смог. Потому что узнал эти голые ступни родных ног. Очень часто, если я вечерами дома, она ложилась на диван, я садился в ногах и массировал эти ступни. Они у неё болели, уставая за день. Так мы смотрели телевизор или DVD.

Я упал на колени, схватился за её ноги, уткнулся в них лицом и завыл.

Финиш.

Опять "котлета".

(1941г.)

Постоянно приходили особисты. Пытались меня допрашивать. Я их искренне и от души посылал по пешему аморальному маршруту, с садистским удовольствием чувствуя их беспомощность. Им нечем было на меня надавить - я уже не от мира сего, одной ногой в могиле. И пытаться меня бесполезно. Каждая минута жизни для меня и так были пыткой. Меня никто не пытался оперировать. Сразу вправили кое-как ногу, зашили руку, не пытаясь срастить сломанные кости, так и оставили, ожидая моей смерти. Хотя, перевязки-пытки делали. Я чувствовал собственную вонь. Вонь гниющего заживо тела. Охо-хо, беда!

Сколько это продолжалось, я не знал. Я был связан, глаза завязаны, часто и надолго терял сознание. Но приходить в себя совсем не хотелось. Обморок нёс, хоть краткое, но избавление. От боли. Но приходили эти видения. Того мира, мира будущего. Мира без неё. Тяжело. Больно. Врагу не пожелаешь того, что испытал я.

Судьба Голума.

(наше время)

Там, или тут? Как назвать моё существование в 21-м веке? Не важно.

Я заливался спиртным. До обморока. Там - боль и война, тут - боль и потеря Любви, Радости, Смысла жизни. Но, что необычно, переваливаясь из одного мира в другой, я сразу же забывал другой. Так, смутные отголоски, как от ночного кошмара после пробуждения.

Мной овладела такая тоска и апатия, что свет померк. Смутно помню похороны, поминки, какие-то допросы в ментуре, дознания, протоколы. Я их все читал, но...

Всё изменил один человек. Я сидел пьяный у дерева напротив дома. Идти в дом не хотелось - без неё он потерял значение "Дома". Но и идти было некуда и незачем.

- Это у тебя жену убили и сожгли? - услышал я.

Я поднял голову.

- Ну?

- Я знаю вашу машину. Я был на пляже в тот день. И видел как, вслед за твой, поехала другая машина. Это было подозрительно. Потому я запомнил номер. Менты мне не верят. Эх, вижу, ты неვნемая. Ладно, засуну бумажку в карман. Может, добьёшься чего. Говорят, связи у тебя неплохие.

Только на следующий день, наткнувшись на эту писульку, я вспомнил этот разговор. Долго-долго паялся в бумажку, часа два. И мир мой менялся. В нем появился смысл. Точнее, цель.

Сначала, я хотел обратиться к своим ментовским знакомым, но передумал. Какое-то смутное беспокойство было. Как предчувствие. Но, я его неправильно понял. Стал копать. Сам. Не совсем же я дурень. И спешить мне некуда. Всё уже случилось. Что могло случиться, уже случилось.

Номер и описание машины соответствовало машине, принадлежавшей к довольно известной в городе структуре. Это была бизнес-структура, типа холдинг-групп, принадлежавшая большому авторитету, в нашем городе, конечно. В прошлом - бандит, настолько умный и хитрый, что выжил в 90-е, легализовался, стал бизнесменом. Я знал его дочь, тихую умницу, - учились на параллельных потоках в университете, знал его сына, охеревшего от вседозволенности отморозка. Не знал только, что он не завязал с криминалом.

Понятно стало, почему менты не стали крутить этот след. Муторно, хлопотно, а ничем не кончиться. От такого человека ничего не добьёшься.

И я тоже решил быть аккуратней. Пить я "притормозил", но "дурака валять" продолжал. Пусть думают, что я продолжаю пить. Недееспособный алконавт. Спроса меньше. И шляться можно везде. Слушать, смотреть.

Многое услышал, многое увидел. Мир мне открывался с другой стороны. С той стороны, которая была в тени, была не то, что скрыта, сколько была неинтересна, брезгливо отводима глазами. Мы живем с этим теневым миром рядом, но параллельно, в отвращении не замечая его. Обходя эти "тени", как лужи грязи, боясь "обляпаться".

С работы меня уволили. Что меня устраивало. В план моей "вендетты" такая загруженность не вписывалась. Но, деньги-то нужны? Нужны. Очень. Но, работа нужна особая. Чтоб свободного времени побольше. Помог кум. Он устроил меня сторожем. И к кому? В гаражный комплекс того самого холдинга того самого авторитета. Менты в открытую "дружат" с бывшими (или не бывшими?) бандитами. Но, не до морализаторства.

Работа - супер! Сутки через трое. Сутки сидишь в караулке, палец об палец не ударишь, три дня - делай что хочешь. А зарплату положили в 2,5 раза больше, чем у мастера путейцев. Зарплата, правда, в конверте, но мне-то до этого прохладно. До пенсии ещё дожить надо. Моей жене все эти пенсионные и страховые фонды уже глубоко параллельны. И мне - тоже.

Комплекс - 6 боксов под авто. Утром машины уходят, вечером водилы пригоняют машины, купаются в душе и расходятся по домам. Я всё закрываю и можно ложиться спать. Весь комплекс обнесён бетонным забором, но вернее заборов охраняет имущество авторитет хозяина комплекса.

С первой же зарплаты я купил дёшево подержанный скутер, что резко повысило мою мобильность - в нашу машину я сесть больше не мог. Поставил её в гараж и запер.

Но, дело не в том. Моё "расследование" потихоньку продвигалось. За искомым авто были закреплены двое "братков". Они были мелкими порученцами для несложных заданий. Подай-поднеси, уйди, не мешай. Для этого им и была выделена машина. Но, в данный момент их в городе не было. Куда-то запропастились. Совпадение или нет? Спецом отослали?

У каждого исполнителя должен быть начальник. И у этих двоих должен быть. А вот и нет. У всех людей в этом "холдинге" были "старшие", даже у меня. Надо мной старшим был суровый мужичёк, что отвечал за всех сторожей на всех объектах, раскиданных по городу и области. А у этих двоих - не было. Потом оказалось, что и сами они "не совсем" свои. В структурах "холдинга" не состояли. Это были личные "обезьянки" сына Хозяина. Беспредельщика. Отморозка. И распоряжаться ими мог только он. Вот так вот. И выяснить цель их слежки за моей любимой можно только у него. У Отмороженного.

Запахло жареным. Это подгорала моя задница. Даже попытка разговора с этим пареньком выйдет мне боком. Стало ясно, что разговор может и состояться, но только один, только силой и после него мне придётся "резко" потеряться. А так как мне не безразлична судьба дорогих мне людей, то и разговор должен быть "инкогнито".

Согласен, версия так себе, но другой нитки, способной меня привести к убийцам - не было. Так что, будем тянуть эту ниточку.

В процессе размышлений выстраивался план действий.

"Потеряться" надо не после "разговора", а до. И больше не показываться. Так будет легче сохранить инкогнито.

Я продал машину, завел пластиковую карточку Сбербанка, кинул на неё все деньги, что были. Приехал к теще. Пообедал с ними. Попросил сына проводить меня. Мы сели на лавочку под тремя берёзками.

- Ты уезжаешь?

Я вздохнул. Отвернулся.

- Да.

- Надолго?

- Да.

- Может, не надо?

- Надо.

- Обещай, что вернёшься!

- Всё будет нормально, обещаю. Вот карточка. Я на неё буду деньги высылать.

- А когда ты вернешься?

- Я не знаю, сынок. Как отболит.

- Так у меня тоже болит! - закричал он.

Я почувствовал, как глаза наполнились слезами, обнял его, буркнул:

- Прости!

Потом сел на скутер и уехал.

Домой мне было возвращаться не с руки.

Я уже выкинул симку сотового, купил краденный телефон с левой симкой.

Я сидел на заборчике, ограждающем территорию магазина на центральной улице города, высматривая ту, что подходила по моим выдуманым критериям. День уже подходил к 20.00, похоже, сегодня тоже ничего не сложится.

А эта? Похожа на загнанную лошадь. Прёт тяжеленные пакеты. Не шибко ухоженная, типичная разведёнка-бухгалтер. Кольца нет. Взгляд "разведёнки". Давно и безнадежно одинокой. Ну, попробуем?

- Вам помочь? - спросил я, подходя к ней и подхватывая пакеты в её руках.

Она испугалась. Верно я угадал. Ничего хорошего от мужиков она не ждёт.

- Не бойтесь, я лишь хочу помочь. Мне нечего делать, скучно, а вам тяжело. Я вам помогу, вы скажите мне "спасибо", я буду горд собой, и день пройдёт не зря.

Она отпустила сумки, но глаза так и остались глазами испуганной коровы.

- Вам куда?

Она проблеяла название улицы, я пошёл, она посеменила вслед.

Я шёл и что-то трепал языком. Не помню - что. Да и она, скорее всего не вспомнит. Не важно. Что-то о том, что надо помогать людям, потому что всё в мире взаимосвязано. Надо делать добро. И другую подобную благодетельную пургу. И дальше - тоже ля-ля.

А когда дошли, я, в наглую, спросил:

- Чаем напоите? Пить хочется.

Она впала в ступор. Я взял её за подбородок, слегка нажал, опуская голову:

- Это делается так: "да, конечно, у меня есть и чай, и кофе, и кое-что покрепче"

Неожиданно, её "отпустило", она ухмыльнулась, в глазах мелькнули, видимо уже забытые, блядские искорки:

- А то так пить хочется, что переночевать негде?

- Ну, вот! Приятно иметь дело с умной женщиной.

- Ладно, пойдём.

Типичная двухкомнатная хрущёвка. Комната подростка-дочери (лет 15-ти), гостиная, она же, видимо, её комната, кухня малюсенькая, совмещённый санузел. Обстановка старомодна, бедненько, но чисто, аккуратно.

Дочка в немом удивлении смотрела на меня.

- Привет, я Гоша.

- Он же Гога?

- Почти. А ты?

- Не важно.

- Ладно, Неважно, показывай, где пакеты ставить.

Потом хозяйка готовила ужин, я развлекал её своим присутствием на кухне. Мне не понятна эта тяга женщин, чтобы кто-то смотрел на процесс их стряпни. Я же не люблю, когда кто-то смотрит. Но, сидел, благодетельно ля-

ля разговаривал. Неважно сидела у себя, как мышь. Она и была как серая мышка. Какая-то вся никакая, усреднено-незаметная. Угловатая, высокая, ещё бесформенная, русые волосы в обычном хвосте, светлые брови и ресницы были незаметны, будто их и нет.

Да и мама её такая же, только крупнее, по-женски, мясистее.

Готовила она, кстати, так себе. Хотя, нормально, сойдёт. Поужинали почти в молчании. Потом Неважно ушла, мы пили растворимый кофе.

- Уйдёшь? - спросила, наконец, решившись, она.

Я пожал плечами:

- Прогонишь - уйду.

М-да, если бы заставил попросить остаться - не попросила бы. Но, и выгнать не может.

Принесла полотенце. Пока я принимал душ, постелила постель.

Я старался. Произвести впечатление. Можно было не стараться - там давно и никто не оставлял впечатлений, но я старался. Поэтому утром, когда мы пили кофе, она спросила:

- А ты придёшь ещё?

- Да.

- Когда?

Я пожал плечами. Проводил её до работы - я угадал - контора. И когда я сказал:

- До свидания!

Она ответила:

- Я буду ждать.

Перевалочная база заложена.

Раньше мне казалось, что сутки через трое - уйма времени, но оказалось - опять времени не хватает. Выспаться не могу. Надо было хоть где-то спать нормально. Просто спать. Поэтому я на объекте, который охранял, сделал вот что. Купил несколько китайских веб-камер, два датчика движения, привёз с гаража свой древний комп, на нём ещё стоял самый первый Селерон, и пузатый монитор. Камеры были развешены, датчики установлены, провода протянуты, комп отформатирован и софт нужный установлен. Нет, всё, конечно было не так просто и не так быстро, но кого волнуют проблемы блох и солдат? Не рассказывать же об этом? Это скучно. А вот заработавшая система видеонаблюдения, при включении датчиков движения ещё и пищавшая на подъехавших к воротам и шлявшихся в периметре, заинтересовала моего начальника.

Он сурово смотрел в выпуклый монитор, где транслировалось изображение с 4-х камер.

- Сам?

Я хмыкнул:

- Не, спецов вызывал.

- Я тебе что, клоун дешёвый? Конь педальный! - почему-то взбеленился он.

- Извини, не хотел обидеть. Я тебя уважаю, ты конкретный пацан.

- Я тебе не пацан. Где научился всё это делать? - его палец уткнулся в экран.

- Да нигде! Вот тут и научился. Помогает скоротать время.

Старшой нахмурился и свалил. А при следующем моём дежурстве, припылил с каким-то типчиком полусладкой наружности и секретуткой смазливо-длинноногой. Оказалось, полусладкий - менеджер, деваха - кассир. Я подписал договор ООО "Табурет-три-ножки" и "холдингом" на установку системы видео-мониторинга на объекте Гараж ЪДцать. И сумма в графе "стоимость работ", что глаза на лоб. На руки, правда, только треть, но всё одно до... по пояс, в общем.

- Сколько времени тебе нужно для установки такого же на другом объекте? - спросил старшой. Я пожал плечами.

Одним словом, тут же подписали ещё договор, получил на руки аванс, и меня перевели на другой объект - Гараж ЪНдцать.

Бабла-то, бабла! Я был в шоке. Всю жизнь работал, как пахарь, на все внеурочные и выходные соглашался, ради лишней пятихатки, а тут сразу и столько! А хорошо жить у бандитов. Легализовавшихся.

Хотел выспаться, а впрягся ещё в одно ярмо. Денежное, но ярмо.

Деньги на карточку сына сбросил. Я знаю, теща их сразу снимает, не верит она в электронные деньги. Только в те, что можно пощупать. Оно и к лучшему.

Я освоил ещё одну специальность. Нет, не установщик видеосистем. Угонщик. Скутеров. И мотоциклов. Я их угонял, катался за отморозком, потом бросал скутер. Так, я довольно чётко себе представлял режим жизни Отморозка. Беда была в том, что Отморозок нигде и никогда не оставался один. Нигде и никогда. Как подобраться к нему? Через его сопровождающих? Ствола у меня нет. И не достать его. Да и убивать их я не хочу. Даже Отморозка. Мне только и надо, чтоб он ответил - зачем его шакалы за моей женой пасли.

А на перевалочной базе, где я теперь жил, когда надо было где-то переночевать, начались проблемы. Откуда не ждал. Проблемы и у Хозяйки. И проблемы с Неважно. Я ей тут купил дешёвенький китайский (корейский, по-названию) смартфон. Цыгане их что-то очень дёшево

продают.

- Зачем? - спросила она. Странная она. Надо бы радоваться. Она нахмурилась. Подвоха ждёт?

- Задобрить хотел. Чтоб не смотрела на меня, как на вошь.

Я теперь тут был полноправным жильцом. У меня был ключ от входной двери, я помогал в уборке по дому и "вносил квартплату". Так я это называл. Помогал, в общем, немного. К чему я это? А, в общем, я уже был "дома", когда пришла Хозяйка. Она задержалась и пришла заплаканная. Она, конечно, пыталась это скрыть. Но, тщетно - и я, и дочь увидели.

- Что случилось? - спросил я.

- Опять он? - спросила Неважно одновременно со мной.

А вот это интересно! Я уставился на подростка, но она, поняв, что взболтнула, она убежала в свою мышиную норку, вход куда мне был заказан.

Вечер был испорчен. Неважно носа не показывала, Хозяйка "тупила". Слова не вытянешь. Дождавшись вечера, когда она пошла в душ, я вломился в ванную, вырвав шпингалет (там шпингалет-то).

- Что ты делаешь? Уйди! Пошёл вон!

Не обращая внимания на её истерику, я её крутил и так и сяк, рассматривая. Синяки на руках, шее, груди, бёдрах.

- Кто это сделал? - спросил я.

Она меня не слышала. Билась в истерике.

- Кто это сделал? - заорал я ей в лицо. Но даже крик не пробился до неё.

Я отпустил её, повернулся. В дверях стояла, с воинственным видом, между прочим - с молотком в руках, и огромными глазами (голубые, оказывается), Неважно. Я отобрал у неё молоток:

- Поранишься.

Сжал за плечи, приподнял, переставил, прошёл, отпустил.

- Успокой мать.

И ушёл. Не люблю истерик. Особенно, у женщин, которые тебе безразличны.

Я сидел у подъезда на вкопанной крыше, курил. Подошла Неважно, села на соседнюю крышу:

- Дай закурить?

- Перетопчешься.

Я докурил сигарету, раздавил бычок о крышу, закурив ещё одну.

- А у тебя нет семьи?

- Не ипёт!

- А зачем ты спросил, зачем тебе знать - кто это сделал? - наконец спросила она.

- Надо. Кто он? Ты ведь знаешь. Говори!

- Зачем тебе?

- Я любопытный. Ну?!

- Начальник отдела физлиц, - выдохнула она, закрыв лицо руками, а руки на колени, вся сжалась, будто бить её буду. Что за реакция шизанутая?

Она была в том же халате. А телефон-то она успела из коробки вынуть. Вот он, в кармане лежит. Современные телефоны она такие большие, широкие. Не как Нокии первые, но всё же. Я достал смартфон, запустил интернет, поисковик, нашел её организацию, структуру, персонализацию. Узнал фамилию. Поиск по фамилии вывел меня на одну из соцсетей. Вот и фото.

Неважно уже с интересом следила за моими манипуляциями.

- Он?

- Он, с...

- Ну-ну, некрасиво так на уважаемого человека, примерного семьянина.

- Да он!...

- Читай сама. Вишь, как красиво расписано. Ладно. Пора мне. Иди в дом, простынешь ещё.

Я ждал его. У его машины. Японец С класса. Ничё, так. А стоянка эта, кстати, не оборудована видеонаблюдением. Но, я всё равно, шлем не стал снимать. А рядом с его машиной так удачно стоял УАЗик.

Я ему проколол все 4 колеса, сигнализация не сработала. Пришлось монтировкой высадить лобовое стекло. Вот тогда она и взвыла. Я отошёл за УАЗ.

Летит, летит, причитает. Встретил его подсечкой, свалил и стал бить. Больно, методично. По мягким тканям, по суставам, по почкам-печенкам, не трогая лицо.

- За что? - разобрал я среди его криков.

Я наклонился к нему и прямо сквозь затемнённое стекло шлема спросил:

- Приятно?

- Нет, не надо!

- А женщин бить и насиловать приятно?

- Нет, вы ошиблись, я никого не насиловал.

Я отходил его ногами.

- Вспомнил?

- Она сама! - завизжал он, - сама! Ей так нравится!

Тут я засомневался - а мы вообще об одной и той же думаем?

- Кому нравится? Как её имя?

Он назвал. Нет, та самая. Теперь я бил этого борова с максимальной жестокостью, на которую был способен. Пока не вырубил. Потом сел на скутер и уехал. Скутер бросил, джинсовку и джинсы снял и положил в пакет, пошёл в шортах и майке к своему скутеру. Пакет выбросил в мусорный бак через пару кварталов.

И уехал на речку искупаться и успокоиться - после драки у меня всегда руки трясутся.

Пока обсыхал на берегу, думал - вот надо оно мне было? Ещё и прихватят за нанесение вреда здоровью. Но, уж больно он меня взбесил. Такой весь правильный, хороший, а бабу регулярно насилует. Ладно бы просто склонил к сожительству, но ему же надо, чтобы она сопротивлялась. Ему так больше нравится? Крутым себя ощущает? А с другой стороны, он что-то там блял, что она сама. Может и правда. Их, баб-то, не поймёшь. Они - всякими бывают. А, пох, уже свершилось.

Поехал на "работу". Жара спала, можно и по заборам с камерами ползать.

Когда я пришёл к ним в следующий раз, они опять смотрели на меня глазами испуганных коров.

- В командировку ездил, - сообщил я им, ставя на стол пакет с продуктами, - как вы тут?

Они переглянулись. За ужином раздавили бутылочку коньяку, малой тоже налили. Выпив, Хозяйка осмелела, задала прямой вопрос - я ли отправил в больницу её обидчика? Я, улыбнувшись, ответил, что не понимаю о чём речь. Мать очень строго зыркнула на дочь, та юркнула в норку и больше не показалась.

По утрам она уходила, меня не будила. Так должно было быть и в этот раз. Но, сквозь сон, я почувствовал нежные руки на своём теле, губы. Не просыпаясь, сгрёб женское тело под себя. Однако, даже сквозь сонливость, "наткнувшись" на "преграду", я почувствовал, что тела этого маловато. Должно быть мягче, мясистее. Отпрянул, открыл глаза.

- Давай же, что тебе стоит?! - взвизгнула Неважно.

Я сел на краю дивана, спиной к ней, накрыл её одеялом с головой. Она ревела, причитала. Потом кричала на меня, затем опять плакала, причитая, что она не красивая настолько, что даже я побрезговал. А подруги её и так считают её бракованной.

Я повернулся, сдёрнул одеяло. В этот раз она прикрылась, закрыв девичьи груди ладошками.

- Девственность - сокровище. Его беречь надо. И подарить её тому, кто достоин, кто оценит. Тому самому, единственному и неповторимому.

- Нет таких.

- Есть. Они есть. И твой где-то ходит, ждёт. И если ты пойдёшь на поводу своих падших подруг, то когда он встретит тебя - он пройдёт мимо. Зачем ему падшая?

- Это сказки для маленьких девочек. Жизнь - дерьмо.

- Дерьмовые люди, чтобы не чувствовать своей вони, стараются вымазать в дерьме всё, что ещё не вымазано. Когда все воняют - никто не воняет.

- Всё ты врешь! Ты просто побрезговал. Неужели тебе не хочется целки?

- Нет, не побрезговал. Без одежды ты симпатичнее. Но, не для меня. А целка... Уже было. Я тебе не сказку рассказал, а реальную историю. Мою и моей жены.

- А что ж ты тогда тут делаешь? - ехидно спросила она.

- Мою жену убили. Я - мщу. Больше ни о чём не спрашивай.

- Убили? Прости, я не знала.

- Не надо, ты не знала.

- А моя мать?

- Тебе честно или соврать? Правда - она ранит.

- Значит, с матерью - это на время?

- Да.

- А она - всерьёз.

- Мне жаль.

Я встал, не одеваясь, сходил на кухню, поставил на огонь чайник. Когда я вернулся, она лежала на боку, свернувшись калачиком, смотрела в спинку дивана. Услышав мои шаги, она посмотрела на меня, вернее, на мою готовность к "бою".

- Ты хочешь меня, - констатировала она, - Значит, я не страшная?

- Ты симпатична.

- Меж нами что-то могло бы быть?

- Могло, но не будет.

- А если я не буду целкой?

- Не будет. Тебе ещё жизнь строить, а я - уже пропащий. Не стоит.

- А я - хочу.

- Перехочешь.

Чайник закипел, засвистел.

- Кофе будешь? - спросил я, натягивая штаны.

- Буду.

Она пришла на кухню в чём мать родила. Вот ведь оторва! Измором меня решила взять?

- Решила, не мытьём, так катаньем? - спросил я её.

Она улыбнулась:

- А вдруг?

- Если ты продолжишь в подобном ключе - ты меня больше не увидишь.

Она уставилась на меня. О чём она там думала, я не знаю, но спросила:

- Мне одеться?

- Сиди уж. Мне приятно, в конце концов. Но, о "нас" - даже не думай. Пей, остынет.

Молча пили кофе.

- Гош, я, правда, не страшная?

- Правда.

- А почему...? - она замолчала, слова застряли в её горле, а слёзы выступили из глаз.

- Вопрос поставлен не так, потому и не можешь найти ответа. Вопрос - кто? И зачем им это нужно.

Она задумалась.

- Может, тебя гнобят не потому, что ты хуже, а потому что они - полный отстой? - убеждал я, - а если они отстой, стоит ли плакать? Тебе не всё равно, что о тебе подумает свинья? Или ты думала, что став шалавой, избежишь унижений? Нет, всё только усилиться. Они не будут с тобой дружить. На дружбу способны только люди, способные осознать правду. А бляди - они никогда правды не видят, никогда её не признают. Они живут в иллюзиях. И вне лжи - не могут. Жизнь вне лжи их разрушает.

- Я ничего не поняла.

- Представь подругу, что больше всего тебя гнобит. Вот если все кругом начнут к ней относиться так, как оно должно. У неё много парней?

- Да.

- Она - блядь. И, представь - все начнут ей это в глаза говорить. Она будет убеждать - она со всеми и с каждым только по любви. А все смеяться - это же смешно. По любви? К чему? К палкам? Если она окажется в подобной среде - где она всего лишь то, что она есть - половая тряпка - то она умрёт.

- Мне кажется, ты не прав.

Я пожал плечами.

- Девочка, тебе сколько лет? А мне? Я чуток больше тебя видел, чуток лучше разбираюсь в жизни и людях. Потому в моей жизни была настоящая любовь. Чего и тебе желаю.

- А какая она, настоящая?

- Это не объяснить. Это надо осознать, почувствовать. Любые слова, что я скажу - ничего тебе не скажут. Это - то же, что слепому с рождения описать радугу.

- Как я узнаю, что это она?

- Не переживай, поймёшь.

- А если я полюбила, а он - нет?

- Тут или ты ошиблась, или время не пришло.

- В чём ошиблась?

- Что любишь.

- Я не ошиблась. Я люблю тебя.

Она смотрела мне прямо в глаза, упрямо и, по-детски - непосредственно. М-да, убойное сочетание - голая девочка признаётся в любви. Мне.

- Нет. Ты не любишь меня. Это не любовь. Любопытство, желание - плотское, уважение, может быть. Даже отцовские чувства вот так выразились, но не любовь.

- Не решай за меня! Я люблю тебя, я хочу, чтобы ты стал первым! - она вскочила, встала передо мной, вся такая голая, тонкая, юная, страстная. Глаза горят, губы пылают, соски окаменели бордовым, трогательный девичий пупок, пушок на лобке, юношеская припухлость в бёдрах. Вся такая нежная, упругая, сладкая. А, проклятие! У меня аж скулы свело судорогой. Ага, скулы, хе-хе.

Я встал, взял её за подбородок, долго смотрел в её пылающие глаза, поцеловал в губы. По-взрослому, по-настоящему. Со стоном оторвался, метеором собрал свои вещи и сбежал.

Опять "котлета".

(1941г.)

А потом всё изменил голос:

- Старшина Кузьмин?

Я не ответил. Я перестал разговаривать, потому что моими собеседниками могли быть только особы, а они меня даже пытаться пытались, суки!

- Я привёз вам привет от Тимофея Парфирыча.

Я чуть не закричал от радости. Наконец-то! Дошли! Но тут же, подленький мой здравый смысл (или паранойя) осадил меня же.

- И?

- "Восток доехал".

Это ничего не значит. Хотя, многое может значить. Первое - всё идёт по плану и всё хорошо. Второе - провал. Кто-то перехватил Кадета с группой и "расколол их по самые помидоры".

- И?

- Парфирыч ознакомился с посылкой и улетел. Он приказал вызволить Вас. Врач говорит, Вы при смерти и не перенесёте дороги.

- Нах! Куда угодно, только не гнить здесь! Надо - вынесу! И подохну - всё лучше, чем так, опарышем съедаемым.

- Как же Вас довести?

- А ты кто?

- Старший уполномоченный по особо важным делам Лауза Михаил Ильич.

- Михаил Ильич, мои вещи надо забрать с собой. Там в нагрудном кармане трофейные сильнодейств... не выговорю. Таблетки там. Голубоватые. Если буду пить по одной каждые шесть часов - довезёшь.

Ага, нариком конченным стану, но довезёшь.

Следак метнулся, мне к губам были приставлена таблетка, потом металлическая кружка с ледяной водой. Во-о-от! Так-то лучше!

- Поехали, старшой. Видимо, долг мой не уплачен. Зачем-то понадобился кусок котлеты под званием старшины Кузьмина. Слушай, старшой, я сам не вижу - мне ничего не отрезали лишнего?

- Я не врач, но руки-ноги имеются.

- И то хлеб.

Рассказать про дорогу нечего. И не стоит. Что рассказывать живому мертвецу, по недоразумению задержавшемуся в этом мире? Ныть, что это было больно и тяжело? Это и так понятно. В общем, это было невыносимо.

Сколько времени прошло в тряске, боли, в обмороках я не знаю, но очнувшись в очередной раз, я услышал деловой голос, до боли знакомый.

- Натан! - захрипел я.

- А, узнал, старый ты кусок медвежатины! Я вот уже говорил Степановым, похоже, что вытаскивание тебя с того света превращается у меня в привычку, - сказал голос Натана и тут же сам заржал.

- Получиться?

- Куда ты теперь денешься! Ты в очередной раз умудрился поставить всех на уши. Все требуют твою душу и срочно. Заметь, не мясо, а душу.

Нужен ты опять нашим "большим и серьёзным" мальчикам. Опять игра затеялась. И как ты умудряешься быть в центре всего этого?

- Тяжело и больно.

- Я заметил. Да, а что это за таблетки с тобой в комплекте пришли?

- Там наркотики. Опиаты годны как обезболивающие, есть стимуляторы, есть галлюциногены. Вот последним применения не нашёл.

- М-да. Опять... Не ори! Я тебя к операции готовлю. Опять ты меня удивил. Где-то препараты такие раздобыл?

- Трофеи, Натан, трофеи. Американские.

- Так, Витя! Ты меня в дела ваши тайные не тащи! Мне нельзя, как агенту сионизма.

- Натан, не смейся, больно смеяться. Сам же спросил. Наркоз чем планируешь делать?

- Какой наркоз? Давно уже ничего нет. Только, если твоими. Не ори! Лучше, расскажи, что знаешь об этих опиатах. Говори, говори, мне надо, чтобы ты говорил.

Я рассказывал, что знал. Дозировки, способы применения, изменение воздействия от способа внесения в организм. И вот во время этого повествования, речь моя стала замедляться, мысли стали тягучими как кисель. И вот я не смог раскрыть рта - губы перестали меня слушаться, слово оборвалось на середине.

- Витя? Витя? Ты меня слышишь? Пальцами можешь пошевелить? Понятно. Ну, что же, коллеги, приступим!

Я хотел заорать: "Натан, ты охренел! Я же всё слышу, я всё чувствую!", но не смог. Я чувствовал, как отрываются бинты, как скальпель бежит по коже, как кровь, сбегая вниз, щекочет. Как тампоном её собирают, как мне составляли, с хрустом и скрежетом обломки костей. Я это всё чувствовал, но не чувствовал боли. Тошнило только. Блин! Хорошо-то как! Пусть ковыряются. Главное - болеть перестало. Хотя на время, но перестало. А потом тьма добралась до моего сознания.

Судьба Голума.

(наше время)

План по разговору с Отморозом "вытанцовывался" в моей голове. Я купил электрошокер. Нужны препараты определённого воздействия на организм. Вот только беда в том, что они числятся сильнодействующими наркотическими веществами, вызывающими мгновенное привыкание.

- Вот это список! - удивился Кум, - решил с синьки на колёса перескочить?

- Не, это не для меня.

А к кому мне ещё обратиться? У нас в городе подобными препаратами торгуют только те, кому наркоконтроль разрешил. Так зачем мне посредники?

- Довольно необычный подбор, - продолжал удивляться Кум, - половина этого у моего дядьки была в красной аптечке на Кавказе. Ты на войну собрался?

- Да какой из меня вояка? Ты же знаешь, плоскостопие, близорукость, общая заторможенность.

- Вот только не надо про "заторможенность". Я на чемпионате России в финале выступал, но такой скорости даже у моего соперника не видел. Как ты это делаешь?

Я пожал плечами. Тот бой в финале кум проиграл. Приехал с чемпионата к нам, с отбитой головой, с коньяком. Мы выпили, его "накрыло медным тазом". И я был пьян. В общем, пошли мы на улицу. За приключениями. А кто ищет, тот всегда найдёт. Махались мы вдвоём на восемь человек. Были биты, но остались на ногах. Драться я умел неплохо. На соревнованиях не выступал, оценить уровень было невозможно, но один на шестерых выстаивал - оставался на ногах. Был сильно побит, но вырубить себя не давал. И Кума бил в спаррингах. Всерьёз мы не махались.

- Ну, так что по этим, - я постучал ногтём по списку.

- Возможно, в принципе. Тяжело, но возможно.

- Когда?

- Экий ты приткий! Ты мне ещё не рассказал, как ты так делаешь в драке, что как угорелый скакать начинаешь.

- Да что я тебе расскажу?! Случайно это открылось. Время как замедляется. Потом прочёл - это состояние изменённого сознания. Организм поднимает обороты всех жизненных процессов настолько, что появляется подобный эффект. А вот как это сделать тебе - не знаю. Я даже не знаю, как у меня так получается. Может, выброс адреналина так действует?

- Вот ты жук, куманёк! Всё что-то мутишь, мутишь. И никак тебя не прихватишь.

- А хотелось? - рассмеялся я.

- Ха, ещё б!. За такими, как ты, правильными и мутными как раз награды и погоны стоят. Вы же ....

Он сплюнул. Что это он?

- Чё это с тобой?

- Представляешь, попадает мужик в больницу. Кто-то отходил его знатно. Кто - не можем установить. И пока я метался искал этого байкера,

мой ушлый сослуживец капнул этого избитого. А он - насильник! Установили уже две жертвы, есть заявления. И я - с носом, а он - в шоколаде!

- А на меня чего собак спустил?

- Так он такой же умный и правильный, хрен подумаешь.

- Ну, так, в чём дело? Капни и меня. Может, тоже звёздочку получишь? По-родственному так - меня в тюрьму, тебе - погоня.

- Да пошёл ты! Обиделся я на тебя.

- На обиженных воду возят. Так что по химии?

- Я позвоню. Пора мне, пока!

- Пока!

Уходя, я ещё подумал, что хорошо, что пешком пришёл. У них, оперов, мозги по-особенному устроены. Сложилось бы у него в котелке, что я - байкер. И скрутил бы меня. И всё - псу под хвост. На кой ляд я вообще связался с той бабой и её озабоченной дочкой?

Только подумал о ней, слышу:

- Дядя Гоша!

Это что ж у меня за племянница образовалась? Ха, Неважно, собственной персоной. Да, маленький у нас город, очень маленький.

- А я Вас искала, - потупившись и покраснев, сказала она. Бежала, запыхалась.

Я оглянулся. Главное, чтобы Кум не видел.

- Зачем искала?

Она опять выпучила глаза. Видно, что заготовленная речь вылетела из головы. Не знает, что сказать.

- Ладно, пойдём в кафешку, что ли. А то стоим, как два тополя на плющихе.

Пока ждали кофе и мороженное, разглядывал её.

- А ты похорошела.

- Спасибо. Вы знаете, я сначала очень обиделась на Вас...

- А что это за "Вас"? Давай на "ты". Аж слух режет.

- Давайте, ой, то есть давай, - она опять замолчала, мяла в руках телефон, то открывая, то закрывая чехол.

Принесли кофе и мороженное.

- Съешь мороженку. Как мать?

- Плохо. Плачет. В общем, - она вздохнула, будто собираясь прыгнуть в воду, - я сначала обижалась, а теперь нет. Я много думала о том, что случилось, что вы, ой, ты, говорил.

- Уже хорошо. Думать полезно. Больно, но полезно, - буркнул я,

отхлебнув кофе. Хм, а неплохой кофе. Надо к ним ещё зайти.

- Не сбивайте меня, я и сама собьюсь. Ну, вот, опять забыла.

- Не опять, а снова. А может, ну её, эти разговоры? Поговорили и поговорили. Главное, чтоб толк был. Расскажи лучше, как сама?

- Нормально. Я сильно изменилась. Не думала, что можно так быстро измениться.

- Это у ребят - долго. А у вас - за одну ночь.

Она рассмеялась:

- Я же не о том.

- Так и я не о том. Вижу уже, что тебе на пользу. Лучше выглядишь, за волосами ухаживаешь, красишься, платице красивое, тебе идёт, подчёркивает всё что нужно.

Она опять смутилась.

- Из ребёнка ты превратилась в юную и довольно симпатичную девушку, - продолжил я, - Это - хорошо. Чем мир красивее, тем лучше.

- Вот, вы опять меня сбили. А я извиниться хотела. Простите меня. Я действовала глупо.

- В следующий раз будешь действовать умнее?

Она прыснула, жеманно склонившись к столу, искоса смотря на меня:

- Следующий раз?

- Девочка, думаешь ты первая женщина на моём веку? У меня женой была Женщина с большой буквы. Я посмотрелся в Ней вас всех.

Она стала серьёзна, ещё немного погодя - задумчива.

- А в Вас я увидела настоящего Мужчину.

- Опять ты ошиблась, девочка моя. Во мне ты можешь увидеть только Деда. Твой настоящий Мужчина ещё где-то бродит. Тебя ищет. Его и познаешь, когда он станет твоим мужем.

- Я так хочу этому верить, но так боюсь, что это только сказка. О принце на белом коне.

- И будет тебе конь. Мысль - она материальна. Не жди принца, жди друга, парня, защитника, мужа. Именно в такой последовательности. Сначала - друг, только потом - любовь.

Кофе был выпит, мороженное съедено под лёгкий непринуждённый трёп.

- С вами хорошо, легко и приятно, - сказала она.

- С нами? - я специально оглянулся по сторонам, - с кем?

Она опять хихикнула:

- Извини, я опять забыла, с тобой, с тобой.

- Пойдём?

- Подожди, - попросила она. Я сел обратно, - а ты к нам с мамой вернёшься?

- Зачем?

- Она плачет.

- Ты же знаешь, что я ничего к твоей матери не испытываю. Рано или поздно, я уйду. Она всё одно будет плакать. Зачем преумножать печали?

- Но с тобой - она была счастлива. Даже когда мой отец жил с нами, я её не видела такой счастливой. Я же, сучка, позавидовала ей и всё разрушила. Вернись, пожалуйста. Хоть на время.

- Посмотрим. - ответил я. Некоторое время я сидел, думал. Она ждала, - Посмотрим.

Распрощавшись - она мило чмокнула меня в небритую щёку - расстались.

Вечером, с цветами и шампанским, я открыл дверь их квартиры своими ключами, сразу же был задушен в объятиях двух пар женских рук и залит двумя парами ручьёв слёз. Хорошо хоть спать не пришлось с обеими.

А ночью, глядя в потолок и слушая дыхание двух женщин (какая может быть звукоизоляция в хрущёвке), я думал - так ли хороша была идея с перевалочной базой? Мы ответственны за тех, кого приручили. Я, похоже, перестарался с желанием "произвести впечатление". Баба запала на меня. А малая (хваленная звукоизоляция хрущёвок) слушала, подглядывала, подтекала. И вместо перевалочной базы получил ещё двоих людей, которым не безразлична моя судьба. Ещё две верёвки, сковывающие меня. И скрыться не получилось - слишком уж мал наш город. На одном конце города чихнёшь - с другого конца - "Будь здоров!" - кричат. Но, сделано, исправить не получится, остаётся - расхлёбывать последствия.

Опять "котлета".

(1941г.)

Не успел я оклематься от одной операции - следующая. А потом ещё одна. И ещё. Натан даже восстановил мне лицо и пересадил кожу с правой ягодицы на грудь. Вот это ни хрена себе! В узловой больнице хирург, способный пересаживать кожу!

К новому, 42-му году, встреча которого была совсем не праздничной, я смог вставать, ходить по палате. Перво-наперво подошёл к зеркалу, поглядеть на своё новое лицо. Хорош! Вся морда в лиловых шрамах. Ну, хотя бы не перекосило, спасибо золотым рукам Натана. На левом ухе не было мочки. И хрен с ней. Не оглох - и это главное. А в дивизионном медсанбате врач меня похоронил. А я - вот он! Добьюсь ещё восстановления в армии!

Одно мне не давало покоя - левая рука. То, что болела, это понятно. Но она не полностью восстановилась. Я не мог её согнуть в локте. С помощью правой руки - пожалуйста, безболезненно, т.е. локтевой сустав был в порядке. Дело в мышцах, связках или нервах. Ощупывая левое предплечье сделал три открытия - ниже локтя левая рука потеряла чувствительность, нервные волокна всё-таки перебиты, второе - я не нашёл мышцы-сгибателя руки, бицепса, и третье - левая кисть, под бинтами, стала короче. На перевязке увидел, что пальцы на этой руке выровнены по длине мизинца. Оказалось - осколок мне их подровнял.

Своими соображениями по поводу оторвавшегося бицепса поделился с Натаном. Он долго щупал, хмурил лоб.

- Хрен его знает, Витя. Готовься к операции. Клизма, ну, как обычно. Раскрою, там разберёмся.

Разобрался. Что он мне там сделал, я так и не понял, тем более, что мне было параллельно, главное, я начал чувствовать бицепс, как он, повинаясь моим мысленным приказам, пытался сжиматься, тянуть руку на себя. Ясно, что всё это было больно, а Натан категорически запретил нагружать руку. Мне переделали гипс - он теперь фиксировал руку в согнутом состоянии, закрывая её, как панцирем, от кисти до плеча.

Я оживал. С каждым днём бинтов, швов на мне становилось меньше, я чувствовал себя лучше, есть немудреную больничную пайку стал с аппетитом. Я уже хромал не только по палате, но и по коридорам. Обещали скоро снять гипс с ноги.

И вот тут пожаловали гости. Из органов. Представились. А я им честно сказал, что знать их не знаю и разговаривать с ними не собираюсь ни о чём, кроме погоды.

- Вы понимаете, что сотрудничать с нами придётся?

- Не обязательно. Угрожать будите?

- Не хотелось бы. Желательно, чтобы вы сами пошли нам навстречу.

- С чего вдруг-то? Нет у меня таких побуждений.

- Мы можем и надавить, - сказал, потеряв терпение, второй.

- Каким образом? Нет, ребята, ничего у вас не выйдет. Имущества я не нажил, алчностью не страдаю, грешков за мной нет. Близких - у меня тоже нет - они делают нас уязвимыми.

- А как же ваши друзья?

- Друзья? У меня есть соратники, товарищи, что шли со мною к цели. Они поймут меня. Отсюда вам меня тоже не взять. До свидания, ребятки. Устал я. Зачем только я вам понадобится? А-а, по барабану! Отстаньте от меня.

Они ушли. Но, как настоящие Карлсоны, обещали вернуться. Следом пришёл встревоженный Натан. Ничего не спрашивал, просто сел напротив.

- Что, Аароныч?

- Зачем приходили, Иваныч?

- Нужен им я. Зачем - не знаю. Не уверен, что они сами знали. Поживём - увидим.

- Эх, не вовремя Степановы разъехались.

- Степановы? Ладно, с Парфирычем понятно, а Сашка?

- Лечил я его.

И Натан поведал мне о судьбе моего ротного после нашего расставания на полустанке. Отступая, Степанов собирал вокруг себя всех, до кого смогли дотянуться его загребущие ручонки. И хотя командовал он, не покидая бронетранспортёра - нога, собрал внушительное количество людей. Самое главное, он смог из растерянных, деморализованных людей и разрозненных подразделений сколотить единую боеспособную единицу и начал оказывать сопротивление врагу. Присоединил к себе несколько отступающих в беспорядке расчётов с орудиями самых разных систем, благодаря спасённым тылам нашего батальона и подобранным бесхозным машинам и тракторам (даже отремонтировали два брошенных танка), наладил снабжение продовольствием и боепитанием. Действовать стал по тактике Ё-комбата, творчески переведя её на другой уровень. Закреплялся на каком либо удобном рубеже, давал бой подошедшему противнику и тут же отходил на следующий рубеж, который для него готовила нестроевая часть его воинства, куда входили тыловики всех мастей и присоединившиеся гражданские лица.

Тактика оказалась очень удачной, скоро и в наших и во вражеских штабах появился термин "группа Степанова", а негласно - "дикая бригада". Александр Тимофеевич Степанов срочно получил звание майора (не гоже капитану командовать отрядом, по численности превышающий полк, а по ширине отведённого фронта - дивизию), представление на Героя Советского Союза.

Так отступали до Ельца, город не удержали, понесли большие потери, но потом подошла свежая родная стрелковая дивизия, сформированная из земляков под командованием уже знакомого генерала Синицына. Дивизия крепко встала, удержала врага на месте, даже пытались вернуть Елец, но не преуспели. В этом контрнаступлении Степанов был ранен ещё раз и попал в госпиталь, потом к Натану.

- Там рана была не сильная, быстро зажило - пуля по мягким тканям прошла. Гораздо серьезнее было с ногой. Лечение он забросил, там всё

серьёзно было. Хромать долго будет. Может быть и всегда.

- А сейчас он где?

- На курсы поехал учиться. При Академии Генштаба. Он же теперь перспективный старший командир. Представленный к Звезде Героя. В майорах долго не засидится. Если голову свою отчаянную не сложит. Эх, сколько же раз я его шил! То колено рассечёт, то бровь, то ножём порежут. В каждую дырку норовит голову засунуть.

А я был рад за Саньку. Он заслуженно поднимался вверх. Вон, оказывается, как он умеет командовать. Охренеть, если честно. Мой ротный через месяц фактически командовал бригадой. Настоящий полковник!

Стали вспоминать общих знакомых. Я спросил про Катерину. Натан помрачнел:

- Нет больше их. Ночью. Одной бомбой. Всех. Вместе с детишками. Ты же помнишь, дом её близко к станции был.

Больше разговаривать не хотелось. Натан попрощался и ушёл. Я провалялся несколько дней в чёрной тоске. Сколько же народу поубивало! А сколько ещё погибнет?! Не солдат, а вот таких баб и детишек, как Катерина с семьёй, как жители той деревни, непонятно за какой грех сожжённые в коровнике. Всё это ещё перекликалось с мрачными снами Голума, боль потерь терзала душу.

Потом пошли посетители. А я оказывается популярен! И девочки-комсомолки приходили, и даже с отчётом о проделанной работе по подсказанным мною направлениям; сослуживцы, волею судьбы оказавшиеся в городе; даже один парторг, из тех, что награждал меня именными портсигаром и флягой. Приходила Мария Фёдоровна, мама Миши, которого я окрестил разом и Перуновым, и Кадетом. Она похорошела за это время. И была мне очень благодарна за сына. Настя-Ангел теперь жила с ней. Куда делся Бородач, дед Насти, она не знала. А вот Миша-Кадет поехал учиться куда-то на Урал в артиллерийское училище. Офицером, т.е. командиром, будет. Мария Фёдоровна не уставала благодарить меня за Мишу. И что в живых сохранил, и что я (как оказалось) настоящего человека и офицера воспитал. Обещала, что благодарность её не будет знать границ.

- Мария Фёдоровна, не надо, ей Богу! Я тут совсем ни при чём. Это вы его таким родили и воспитали. Я лишь держал его подле себя и эксплуатировал в своих интересах. Я его даже не жалел. Он в атаки на танки ходил и лично сжёг один танк по моему приказу. И в штыковые атаки ходил со мной вместе. В одной атаке и ранен был.

Мария Фёдоровна побледнела:

- Он мне ничего не говорил.

- В следующий раз внимательно осмотрите его руку. Там след штыка. Всё уже зажило. А вот за девушкой приглядите. Приглянулась она Мише, как мне показалось.

Мария Фёдоровна кивнула:

- Он ей и мне обещал венчаться на ней. Как с учёбы вернётся. Как раз ему совершеннолетие наступит.

Именно венчаться, командиров называла только офицерами. Привычка? Старая закваска?

Мы ещё поболтали. Вообще-то, в госпитале было ужасно скучно. Я лежал один в маленечкой палате без окна, бывшей, наверное, когда-то подсобкой. Кормили не очень хорошо. Я поправлялся, аппетит рос, паёк - нет. Возмущаться было глупо - вся страна голодала. Мои гости подкармливали меня, кто чем мог. Надо было поправляться и возвращаться на фронт - там кормят лучше. И я стал заниматься. Йгой или как там назывался комплекс, которому я обучился в юности. Всё время быстрее пролетало. Да и надо было восстанавливать тело. А там и истерзанные сознание и душа подтянуться.

Всё шло нормально. Мне сняли гипс с ноги, стал растягивать одеревеневшие связки и мышцы ноги. А потом однажды пришли четверо здоровых мужиков в форме НКВД, с автоматами (почему-то не с привычными ППШ, а с ППД) и предписанием. Пришлось ехать с ними. Хорошо хоть они догадались мне одежду привезти. И обычную, и теплую. А что? С них станется, они и в пижаме на мороз потащат! Форма была общевойсковая, моего размера и роста, но бывшая в употреблении. Дырки от пуль и осколков были заштопаны, всё выстирано.

Против лома нет приёма. Оделся и поехал с ними.

Узник

(1942г.)

Ехали сначала на машине. Долго, нудно. Молча. Потом погрузились в самолёт. Там мне дали тулуп до пят и тёплую шапку. В такую же спецовку облачились и мои конвоиры. В самолёте я выбрал угол с мягкими брезентовыми мешками (почта, наверное) и лёг на них. Оглушительно взревели моторы, самолёт покатился. Затрясло нещадно. Пришлось сесть, чтобы не скатиться от тряски на пол. Полетели. В воздухе трясло тоже сильно. Иногда мешки из-под меня вместе с самолётом за мгновение ухали вниз, а я позже догонял их. Это было больно. От всего этого меня сильно растрясло и я потерял сознание. Когда очнулся, оказалось, что меня

пристегнули какими-то ремнями к каркасу самолёта. Я спокойно опять отрубился.

Судьба Голума.

(наше время)

Ничего лучше придумать не получалось. Поэтому стоял и ждал. По воскресеньям Отмороз, изрядно нагулявшись, уезжал почему-то в тот дом. По этой дороге. И если обычно с ним была полная машина приятелей и девок облегченного поведения, то в эту деревню он ездил исключительно в сопровождении одного охранника. Он же - водитель. Было очень интересно, что же это там за дом, куда он ездил, но там забор с колючкой, охрана, видеонаблюдение и полноценный периметр. Моя пятая точка прямо вопила, что к этому периметру лучше не подходить. Даже смотреть на него пристально не надо.

Вдали маякнули фары. Едут. Я проглотил две таблетки чудо-химии, запил, завёл мотор. Этот скутер я угнал давно. Он был большим и тяжёлым. Все провода к свету перерезал, чёрной краской закрасил желтые полосы (он был чёрно-жёлтый). У меня даже приборная панель не светила.

Сердце стало биться чаще, мир перед глазами вздрогнул, пальцы стало покалывать - таблетки стали действовать. Этот препарат используют в войсках. Уколотые подобной дрянью даже с выпущенными кишками рвутся в бой. И никакого болевого шока, никакой усталости пока действие химии не закончится. Зато под этой химией могу перевернуть автобус. Спину и позвоночник порву в лоскуты, но переверну.

Паркетник Отмороза приближался. Когда он пересёк нужную мысленную линию, я выдавил газ на полную. У этого мопеда не только вес больше, но и объем двигателя утроен. Фактически, это уже байк. Мотоцикл.

Байк нёсся наперерез паркетнику, резво сокращая расстояние между нами. Всё же я слегка ошибся в расчётах. Что расстраивало. Но, только слегка, что обнадеживало. Я чуть сбросил скорость и за долю секунды до столкновения свалился с байка, направив его под переднее колесо автомобиля.

Грохота аварии я не слышал - кубарем катился по асфальту. Хорошая вещь эта байкерская экипировка. Без неё я бы стёрся об асфальт, как сыр на тёрке. И таблетки подействовали - мне было совершенно не больно. Только бы шокер уцелел. Я поднялся на ноги и поковылял к джипу, вставшему поперёк дороги. Правая передняя сторона машины довольно сильно разбита, фара не горит.

Открылась водительская дверь. Оттуда выпал довольно крепкий

мужик. Пониже меня, но намного шире. Он тоже встал и, так же как и я, пьяной походкой, пошёл навстречу, вопя во всё горло положенные слова, о том что я попал, что меня заруют, что я не знаю на кого наехал и т.д и т.п.

Этот бодигард, видимо, был боксёром. Потому что его удара я даже не заметил, хотя и ждал. Надо же было мне подставиться! Но, хоть и боксёр, а дурак. Зачем в шлем-то бить? Ну, расколол ты шлем, сломал себе руку, а дальше? А дальше - электроудар! А вот и нет! Шокер не выжил. Пришлось бить этого медведеобразного по старинке - ручками-ножками. А шокер использовать как кастет. Управился, наконец. Завёл его руки за спину, стянул их пластиковой стяжкой для кабелей.

А где же наш Отморозочек? А вот и он, целится в меня из пистолета. Только ствол в его руке гуляет туда-сюда. А другой рукой он нос зажимает.

Ствол выплюнул дугу огня, ещё и ещё. Я пытался уйти с линии прицеливания как можно резче, но, со злостью, почувствовал удар в бок.

Время для меня замедлилось ещё тогда, когда я ствол увидел. А так бы все пули были бы мои - с 10 шагов-то. Четвёртый раз выстрелить я ему не дал - задрал ствол в небо и вlepил кулаком ещё раз в нос. И ещё раз. Потом покидал оба тела в авто, обшмонав их, выключив мобилы и рацию.

Паркетник завёлся. Вам бы ребята, тогда сразу завестись и свалить. Но, на что я и рассчитывал, решили покарать наглеца, что влетел в вас и побил вашу машину и драгоценные морды. А теперь мы поедem в одно тихое местечко.

Когда-то это был коровник. От него осталось немного. Шифер растащили, скот порезали, оборудование сдали в металлолом. Тут даже навозом пахнуть перестало. А самое ценное - до ближайшего жилого дома - 5 км. Хоть стреляй - никто не услышит.

Охранника я приторочил к толстой стальной скобе, что даже "заботливые" наши крестьяне не смогли выдернуть. На голове его был черный непрозрачный тряпочный мешок, на ушах - плеер с врубленным на всю дынц-дынц. Какой-то современный DJ. Именно этот DJ, потому что его дынц-дынц нон-стоп и бешенная. Быка этого убивать не хотелось, но и услышать он ничего не должен.

А вот Отмороз был распят в стойле и приготовлен для вдумчивой беседы. А пока он был в беспамятстве, я сделал себе перевязку. Мне повезло - пуля прошла ниже рёбер, раскроив кожу и мясо. Рана длинная, кровящи натекло много, но рана поверхностная. Вот ментам будет радости - крови моей будет кругом - море. А так - тест ДНК - и вот он, подозреваемый. Пролил рану перекисью - зашипело, кровотечение утихло. Соединяя края раны пальцами, заливал её суперклеем, пара секунд -

схватывался, можно дальше клеить. О дезинфекции, антисанитарии, заражении крови - я не думал.

Отмороз пришёл в себя, начал верещать, пугать. Обещал мне семь самых страшных казней. И другую подобную, вполне ожидаемую чушь. Я заткнул ему рот кляпом. Таким, специальным, в сексшопах продаётся.

- Ты забыл мне напомнить о правах человека и Гаагском трибунале. А теперь слушай сюда. Мне совершенно перпендикулярно - кто ты и что ты. Если ты мне расскажешь всё, что мне нужно, будешь жить, будешь молчать - будет больно.

И, чтобы слова не расходились с делом, откусил ему кусачками мизинец на ноге.

Не сильно помогло. Когда на его ногах осталось пять пальцев на две ноги, он наконец, заткнулся.

Я обработал ему раны. Так, слегка. Чтоб кровью не истёк. Вколол ему противостолбнячную сыворотку и противошоковое.

Когда он очнулся, вынул кляп.

- Поговорим?

- Ты кто? - спросил он.

Я запихал кляп на место:

- Вопрос не верный.

И пнул его по почкам. Когда он проорался, вынул кляп.

- Поговорим?

Он закивал.

- Что тебе нужно... от меня?

- Вот, это правильный вопрос. В этом городе убили и сожгли спортсменку. Мастера спорта по кикбоксингу. Твоих обезьян видели пасущими за ней. Зачем? Кто дал приказ? Кто убил её? Кто давал приказ?

Он ответил, что не понимает, о чём я.

Наш неплодотворный разговор продолжался 2,5 часа. Я даже притомился. Отморозок стал совсем инвалидом. За это время я узнал многое, но к своей цели почти не приблизился. Отмороз говорил, что увлёкся моей женой, но не получил взаимности. Он приставил двух своих шестёрок пасти за ней. Но эти двое пропали. Последнее, что они доложили - её остановили менты. Гаишники. Но, странные гаишники. В фуражках, форменных рубашках, желтухах, с палками, автоматами, но в крассовках. Один в красных, другой в белых.

И она пропала. Но, он догадывается, кто причастен. Есть, по его словам, такая международная мегаструктура. Чудовищно мощная, всесильная. Занимается трансплантацией внутренних органов. И этот

отмороз знал, а я не знал, что мою любимую похоронили без сердца и одной почки.

И Полкан спрашивал про медкомиссию.

Я зря искалечил этого парня? Получается, так.

Я выволок обоих из коровника, отволок подальше. В углу у меня стояли две канистры с бензином. Я залил коровник бензином, поджёг. Я не собирался облегчать жизнь нашим операм. Пусть ищут. Второй канистрой был подожжен джип.

Я вставил батарейку в телефон калеки, включил, в последних вызовах нашёл абонента "Батя", набрал.

- Ты можешь определить местоположение телефона? - спросил я, когда мне ответили.

- Да, - после некоторого молчания, ответил сильный, уверенный голос.

- Пospеши.

- Ты знаешь, что ты труп?

- Да. Я знаю.

Не сбрасывая вызова, я положил телефон на шлаковый кирпич.

Я не успел отъехать и километра, увидел огни фар со стороны города. Хорошо, я поехал в сторону областного центра.

Подъезжая к мосту через реку, съехал с дороги, выехал на берег. Побросал в воду все улики - бинты, одежду, славную байкерскую амуницию, даже ботинки. Переоделся и поехал дальше.

Я сегодня числился на работе. Туда и поехал. Принял душ, накрывнял, пришлось с хлоркой убирать.

И что теперь? Если это действительно теневой рынок трансплантатов, то дела мои кислее соляной кислоты. Бороться с ними даже более бесполезно, чем с государством. И что мне делать?

Ничего не придумав, решил, что утро вечера мудренее, завалился спать.

Узник

(1942г.)

Сколько летели, как приземлились, куда меня носили, сколько везли - не запомнил. В себя пришёл только на жёстком матрасе в небольшой комнате, едва освещённой тусклой лампочкой на низком потолке. Стены крашены серой краской, белёный потолок разводами. Окон нет, обитая серым железом дверь, тапчан, на котором я лежал, массивный, но простой, без наворотов, стол и два табурета. Туалет типа "очко" был в углу, ничем не огороженный. Камера. Тюрьма. Без суда и следствия. Надо было орать:

"Палачи! Душегубы! Кровавое ЧэКа! Диктатура! Пятьсотмилёновнивинноубиенных!", но я не стал. Я их прекрасно понимал, уже привык. Для этого времени - дело привычное. Сам поступил бы так же на их месте. На кону стоит и всё, и разом. Тут не до эфемерных прав человека или мнимых "свобод". Только эффективность. Ради свободы. Ради жизни.

Я несколько часов лежал неподвижно. То пялился в потолок, то дремал. Потом загремел замок, вошёл дюжий мордоворот без знаков различия, поставил на стол дымящийся котелок, кружку, накрытую куском чёрного хлеба, пачку папирос и пепельницу, так же молча вышел.

А жизнь-то налаживается! Картошка с мясом! Сладкий чай! Толстый кусок душистого хлеба! Я наелся! Хлебом дочиста выскоблил котелок, поставил всё на край стола и опять лёг. С сытости даже уснул. И даже не слышал, как забрали посуду.

Потом я опять не менее плотно поел. Спать уже не хотелось, но делать было решительно нечего. Сон и хорошая еда наполнили меня силой. Стал разминаться, потом тренировка. Я слышал, как иногда открывается глазок в двери. Пусть смотрят.

Узник

(1942г.)

Словесные танцы.

Потом пришёл майор Госбезопасности Кельш Николай Николаевич - так он представился.

- Мне бы хотелось с вами побеседовать, - сказал он, присаживаясь на табурет, положив руки на стол, сцепив пальцы в замок.

- Надо же! А что это вдруг? Чем я мог вас заинтересовать? За путешествие, конечно, спасибо. И кормят у вас неплохо, но зачем вы меня притащили сюда?

- Наши люди уже приходили в Вам, ушли ни с чем.

- А тут, думаете, вам полегчает?

- Надеюсь на это. Всё же вам лучше с нами сотрудничать. Не думаете же вы, что сможете один противостоять системе?

- Не думаю.

- Ну, вот. Я же говорил, что вы разумный человек. Побеседуем?

Кому он что говорил, в этот момент меня совсем не волновало. В конце концов...

- А чё бы нет? Давайте и побалакаем.

Я вытер пот со лба рукавом, отчего майор ГБ поморщился, крикнул за плечо:

- Тереньтьев! Почему полотенца и умывальных приборов нет? Исправить!

- Благодарствую, ваше высокоблагородие.

- Не юродствуйте, Виктор Иванович, вам это не идёт.

- Ладно. Давайте сразу договоримся, вы спрашиваете, я отвечу. Но, я оставляю за собой право решать, что говорить вам, а что нет. На какие вопросы отвечать, а на какие нет. Устраивает? Если нет, то прощайте. Можете пытаться, слова не скажу.

- Скажите, Виктор Иванович, скажите. Только я не последователь подобных методов, когда есть время. Предпочитаю беседу. Иные собеседники бывают довольно заняты. Я принимаю ваше условие. Время нас теперь не поджимает.

- Тогда спрашивайте.

- Расскажите о себе.

- О, как! И что же я о себе расскажу? Родился, учился, болел, воевал, помер? Вопрос не корректный.

- Тогда скажите мне, как туповатый атеист-старшина, не крещённый, никогда в церковь не заходивший и презиравший верующих, вдруг становится паладином Веры?

Я изобразил аплодисменты:

- У, какие вы слова знаете, Николай Николаевич!

Он склонил голову в шутилом поклоне:

- У меня были иногда о-очень интересные собеседники. Да-с!

Это он мне вернул подколку с "высокоблагородием". А мне он начинал нравиться. Блин, знать бы, он поможет мне и стране или он - враг? Как узнать?

- Так вы ответите на этот вопрос или воспользуетесь правом не отвечать?

- Да я бы ответил. Только как? Вы знаете, всё течёт, всё меняется. Иногда медленно, иногда вдруг. Я был убит, я говорил с кем-то..., пока был не особо живой. Сны эти странные. В таких случаях говорят: "Я прозрел". Меня как подменили, - я пожал плечами. Майор ГБ ещё некоторое время ещё подождал, потом поджал губы:

- Ладно, довольствуемся этим. Расскажите мне про ваши изобретения.

- Что за изобретения? - я, честно, удивился.

- "Доспех".

- А-а. Так, жить-то хочется. Не так, чтобы слепо, по-животному. А случайно погибнуть жалко. И ребят жалко. Поживут подольше, побольше

их после войны останется. Война-то рано или поздно закончится. Дальше жить надо будет. А кто останется? Старики и дети неразумные?

- Это так, тут вы правы. Мотивация ваша понятна и даже достойна, но как вы пришли к такому решению?

- Толстой. "Война и мир". Кирасиры. Они носили стальные нагрудники. Мне показалось это разумным.

- От этого отказались. И, видимо, не зря.

- Стесняет движение и вес большой. Но мой-то доспех, он подвижный. Вес, конечно, не малый, но движения не сильно стесняет. Не больше ватника.

- А спинная конструкция?

- А что с ней не так?

- Наши специалисты в шоке. Вы же на пустом месте создали гибкую защиту позвоночника.

Я рассмеялся:

- Не я создал, а ботаники с завода. Я попросил: чтобы двигалась, вперёд гнулась, назад - нет. И принцип не нов. Так строилась сегментная броня легионеров. Так устроена чешуя рыбы. Надо лишь правильно поставить задачу нужным людям и видеть в голове результат. Я знал, как должно быть, а как сделать - не представлял.

- Теперь понятно. Правильно заданный вопрос - половина ответа.

- Ну, вот. Вижу, вы и сами это знаете. А какие ещё изобретения?

- Тактика боя. Армейские специалисты удивлены не меньше.

- Удивлены они? Долбоёжи! Чем они, интересно, перед войной, тля, занимались? К парадам готовились? Форму отглаживали? Оклады выжимали? Я её придумал? Тактику штурмовых групп применили немцы ещё в Имперскую войну. И наши применяли в Финскую. Надо было не строевой подготовкой заниматься, а учить людей воевать!

Я расходился не на шутку. Прорвало, что называется. Майор украдкой улыбался.

- Я в отступлении капитана встретил. Кадровый. Предложил с нами идти, куда там! Как это он будет какому-то старшинке подчиняться? Через несколько часов людей поднял на пулемёты в полный рост за триста метров. Идиот! Ладно, ему его бестолковую башку прострелили, так он людей угробил! Кадровый, гля! К какой он войне готовился? К боям с сипаями? С наполеоновской армией? Он что, не знает, что появилось в этом мире автоматическое оружие? Мы через пару дней такой же мост проходили. Ни одного человека не потеряли, а немцев всех вырезали. А у меня такие же щеглы были, как и у него. Штаны им амбиции жмут, хоть и

шаровары носят! И мои "золотопогонники" бунт пытались поднять. Как в сказке, гля, "не хочу быть крестьянкой, хочу столбовою дворянкой"! А люди, дело, Родина? Да, похрен! Лишь бы звание повыше, участок поспокойнее, да снабжение посытнее. И немец чтобы не мешал командовать. Ах, как немец им всем помешал! И форму себе пошили красивую, от красноармейцев такую отличную. Всё блестит, переливается. А немецкие снайпера и не нарадуются! К какой они войне готовились? К парадной? Думали, немец их финтифлюшки увидит и в ужасе в подвал забьётся? Ща-а-ас! Наклепали десятки тысяч самоходных самоваров, а тягачей - кот наплакал. Ни одного топливозаправщика, ни одного бронетранспортёра! К какой войне эти теоретики готовились? Немец готовился к войне, а эти долбоёжи к парадом готовились, к бою на карте, в кабинете. Бойцы мои по лесу ходить не умели, а строем - умели. Им это до парада Победы хрен понадобится! А скорее всего - этим не понадобится. А дети, что вчера винтовку взяли, учиться будут не у отцов-командиров, а у противника. Научаться воевать, побеждать. А на параде Победы - как-нибудь!

За время этого моего монолога улыбка сползла с лица Кельша, лицо стало тревожно-сосредоточённое. Эк, тебя пробрало!

- Ну, на этом сегодня закончим, Виктор Иванович. Сейчас ужин принесут, газеты свежие. Должен выразить своё удовлетворение началом нашего сотрудничества.

- Посмотрим, - ответил я ему.

Он ушёл, потом был ужин. Почитал пропаганды газет. Тупой, неумелой, не зажигательной. Потренировался. Быстро устал. Это хорошо - уснул быстрее.

На следующий день, после завтрака, Кельш опять пришёл. Сел на табурет, опять сложил руки на столе. Никаких бумаг с ним не было, писать он ничего не собирался. Об этом я его и спросил. Он пожал плечами:

- Я не Цезарь, говорить, слушать и писать разом не умею. Предпочитаю разговор.

Разговор, так разговор. Я сел напротив.

- Тогда поговорим. С бутылочкой коньяка разговор бы лучше пошёл.

- Можно организовать.

- Но не нужно. Я решил больше не пить.

- Почему?

- Я уже потерял счёт полученным мною контузиям. Боюсь, что алкоголя мой мозг не выдержит. Как мычащее неразумное животное пользы я вообще не принесу. А мне танки с крестами жечь надо.

- Достойное решение. Надеетесь, что вернётесь на фронт?

- Надеюсь. Пусть и покалеченный, но я получше буду воевать, чем пороху не нюхавшие и под танком ни разу штаны не маравшие дети.

- Это так. За одного битого, двух не битых дают. Сколько танков вами уничтожено?

- Я их не считал. Зачем? Ясно же, что их ещё много осталось, на всех хватит. Вот когда таких как я охотников будет больше, чем танков, тогда начнём считать.

- Вы танк за добычу считаете?

- Да. Большой, опасный зверь с толстой шкурой.

- А многие лишь увидев танк - теряют мужество.

- Это болезнь танкобоязни. Она лечится. Я своих бульдозером обкатывал. Под трактором в штаны пускали, а от танков уже не бежали.

- Да, это интересный опыт. Вы дошли до него одним из первых. Теперь часто новобранцев танками обкатывают. Не всех, к сожалению. Фронт сжирает полки и дивизии быстрее, чем мы успеваем сформировать. Так недоученными и идут в бой. А как вы оцениваете те противотанковые средства, что были у вас на вооружении?

- Нормально оцениваю. Всё зависит от человека и выучки. У нас были "сорокопятки", пара трофейных 37-мм орудий, зенитки 37-мм, ружья противотанковые, гранаты, зажигательная смесь. Наш снабженец добыл где-то ампулы с огнесмесью. Шары такие стеклянные. Но стекло очень толстое. Не всегда даже о броню разбивалось. О землю вообще не билось.

- А зачем о землю?

- Я хотел огневую завесу сделать, чтобы от немцев оторваться, когда сменял позиции. Пришлось шары эти из автомата расстреливать. А огнесмесь хорошая. Вспыхивает сама, горит жарко и долго. С гранатами и так всё понятно - далеко не кинешь, тяжёлая. После взрыва самого же глушит. Оружие последнего довода. Когда танк тебя уже давит, хоть отомстить. Зенитки показали себя отлично. По всем целям. И по воздуху, и по земле. Очередь 37-мм гранат в пехотной цепи - сильный аргумент, сразу срывающий атаку. И по танкам. Бронебойное действие слабое, но высокая скорострельность и способность быстро переносить огонь на разные объекты намного перекрывают этот недостаток. По одному танку на моих глазах долбанули разом с двух зениток. Пробили броню или нет, а танк стал не боеспособным - они ему поотбивали всё на свете, только клочья летели - колёса, траки гусениц, ещё что-то. А другого в бок очередь с пробитием - башня отлетела. Немецкая пушка хороша. Снаряды хорошие. Броню прошивают на раз. Я сам из такой танк подбил. Сорокопятка имеет те же

характеристики - приземистая, лёгкая, меткая, мобильная. Легко маскировать и менять позицию. Снаряды только подкачали - раскалывались о броню.

- Кстати, о снарядах. Откуда вы узнали, что дело не в браке изготовителей, а в технологии закалки?

Вот я и попался. Этому не споёшь, что в термичке подсказали - он легко узнает, что завод ЛБ 34 не производит 45-мм бронебойные снаряды. Лишь корпуса гаубичных "поросят". А как сказать? Что прочёл это "разоблачение" в 90-е годы 20 века. Так оно ещё не скоро наступит. Интересно, этому матёрому волкодаву удастся зубы заговорить?

- Людей моих опрашивали?

- Конечно, - пожал плечами следователь.

- Что будет с ними?

- Всё хорошо с ними будет. Обе части вашего сильно разросшегося батальона отвели на переформирование. Обычно на фронте дивизии истончаются до рот, а у вас один батальон вырос сам собой до полка, несмотря на потери. Теперь обстрелянный состав вашего батальона составит костяк формируемой истребительной бригады. Сейчас они в Моршанском учебном артиллерийском центре.

- Не помню такого.

- Так они его и создают. А майор Степанов, поведавший мне о вашем конфликте с комбатом из-за бракованных снарядов, и возглавит бригаду. Как отучиться и поправиться. Кстати, вы были не правы.

- Я знаю. Нельзя было этого говорить тогда. Это потом я понял, что отобрал у людей веру в оружие, а Ё-комбат сразу просёк, потому и вспылал.

- Вы отвлеклись, Виктор Иванович. Так откуда познания технологии закалки?

Вот ведь волчара!

- Сорока принесла на хвосте. Слухи.

- Никто не слышал этих слухов, а вы слышали.

- Не слышали или не хотели слышать? Кто-то же за это головы потеряет! Столько лет производили бракованные снаряды, сколько успели сделать? А услышав, реагировали, как Владимир Васильевич - нельзя армию оставить без снарядов к основному оружию. Так ведь?

- Как сотрудники НКВД проявили себя в бою?

Похоже, удалось зубы заговорить. Запомним, на что ведётся. Или сделал вид, что его удалось заболтать. Не важно. Закрепим успех:

- О! Вот тут мне есть чем гордиться, хотя я попал в батальон

случайно. И вы можете гордиться своими сотрудниками. Когда будите писать отчет о наших беседах, прошу особо отметить, что я очень сильно прошу направить меня в формируемую бригаду. У вас, наверное, особый спецотбор в органы? Это элита. Цвет нации. За всё время, что я был с ними ни одного случая бегства перед лицом противника, ни одного труса или паникёра, ни одного самострела, даже случайного. Массовый героизм. поголовная сознательность, мужество, самопожертвование, отрицание страха перед долгом. Как мне было жалко терять таких ребят! Ведь они первыми гибнут, а трусы выживают. Цвет нации гибнет. Так и до вырождения не долго дойти, - я тяжело вздохнул, - выживут не лучшие, а наиподлейшие. И детей своих научат "правильно" жить. Без чести, но жить. И посмеиваться над нами будут: "Дураки, с гранатой под танк! А я вот бросил всё и сбёг. И вот я живу, а от них и костей не осталось!" Фанатиками нас выставят. И продадут всё, за что мы погибли за красивые фантики.

- Это вам ваш пленник из будущего рассказал? Как вы его звали? Голум? А почему Голум?

- На эту тему я с вами разговаривать не буду.

- Ваше право. Мы уговорились. Но, позвольте полюбопытствовать, почему?

- Я понял, что вы кое-что уже знаете о нашей лесной находке?

- Очень многое знаю. Более того, для этого я и здесь.

- Ну, вот. Карты и открыты. О нём я не буду с вами разговаривать.

- Почему?

- А я вас не знаю. Знания о будущем - великая сила. И от того, в чьих руках окажется, зависит это будущее.

- Как зависит будущее?

- Будущего нет. Оно изменчиво. Есть неодолимые предпосылки, есть случайность, которая эти предпосылки способна перевернуть наизнанку. И от каждого из нас, каждую секунду зависит, каким будет будущее.

- Получается, что добытые вами сведения бесполезны?

Я пожал плечами. Кельш постучал пальцами по столу, задумавшись.

- Со мной вы не будите разговаривать. А с кем будите?

- С тем, кому смогу верить. В ком уверен. И буду уверен, что человек этот не обратит полученные знания против моего народа. Там и так всё беспросветно. Но, всё можно изменить. Исправить уже не выйдет, а вот избежать ошибок - возможно.

- И нагородить новых. А в ком вы уверены?

- В Сталине, Берии.

Кельш рассмеялся:

- Да, от скромности ты не умрёшь. А кроме них?

- Я не буду больше с вами разговаривать. Время уходит. 29 января случится непоправимое и ничего уже будет не исправить. 30-го можете этими сведениями подтереться. Я всё сказал. До свидания.

Но следователь не уходил. Он в задумчивости крутил большими пальцами.

- 29-го. Покушение на Лаврентия Павловича. После - ничего не исправить. Почему такое значение для Вас именно Лаврентия Павловича?

- Так вы знакомы с записями? А зачем тогда спрашиваете? Чем война закончиться?

- И он может это изменить?

- У вас есть под руками другой управленец такого же уровня, способный справиться с подобными задачами? И не с одной, а с неподъёмным комплексом проблем? Если есть - никаких проблем, ваше дело. Я только не пойму зачем я вам? Отпустите меня воевать. Я умею молчать. Я там буду изменять будущее в свою пользу, насколько сил хватит. Пока не убьют. Или пристрелите сейчас, мне - до лампочки. Я не идиот, хоть и контуженный. Я знаю, что с системой бороться бесполезно.

Кельш ещё посидел, глядя сквозь меня, потом слегка хлопнул ладонями по столу, попрощался, ушёл.

Узник

(1942г.)

В пыточной.

Целый день меня никто не трогал. Всё было как обычно. Трёхразовое питание, пачка неплохих папирос, тренировки. Нога сгибалась только наполовину, но вес тела держала исправно. Левая рука также почти не работала, но правая стала возвращать себе былую скорость и ловкость.

А потом не принесли ни завтрака, ни курева. Козлы. За сутки никто ни разу не открыл двери.

На следующий день дверь открылась:

- На выход. Руки за спину. Лицом к стене.

- И как ты это себе представляешь? Не видишь - рука на привязи?

- Не разговаривать! Другую руку за спину.

Привели меня в маленькое помещение, которое я сразу окрестил "пыточной". Обстановка соответствовала. За массивным столом сидел плотный коротышка с заплывшими злобными глазами и набитыми костяшками пальцев. Видно, что из палачей вылез. По его позе было видно,

что он при ранге и должности, но гимнастёрка не имела знаков различия, "шифруется"? Рядом стояли двое мордоворотов.

Меня посадили на стул. Массивный такой, основательно-тяжёлый, без обивки. Конвоир вышел.

- Ну? - спросил меня "палач".

- Не запряг! Ты представился бы, для начала.

- Дерзкий? Это мы из тебя быстро выьем, - пообещал коротышка, прищурившись, как кот, увидевший мышь.

- Выбьешь? - я рассмеялся, - Напугать пытаешься? Слышь, ты, мурло! Ты танки немецкие вблизи видел? Под ними был? Под бомбёжкой лапотника был? Ты меня испугать пытаешься? А вот хер ты угадал!

Я орал на него. Он едва кивнул головой. Мордовороты пошли на меня. То, чего я и добивался.

Идиоты! Они меня даже не связали! А я уже достаточно разозлился, чтобы впасть в состояние изменённого сознания, которое я называл "яростью". Только в этот раз "ярость" сопровождалась сильной болью и сильным жжением в затылке.

Не вставая со стула, я пнул одного мордоворота, правого, ногой под коленную чашечку, скользнул со стула вправо, за него, согнувшегося, опустил локоть ему на затылок, отправляя в бессознательный полёт лицом на угол стула. Другой мордоворот очень удивился моей прыти, но пёр на меня. Когда он переступал через поверженного товарища, я скользнул к нему в упор, подныривая под удар, подтолкнул его руку, от чего его развернуло, ударом ноги в сгиб колена, осадил его, потом локтём, так же сверху, добавил. Только в лицо, т.к. падал он на спину.

Он ещё не упал, а я уже перешагивал через него, подошёл к столу, открытой ладонью ткнул "палача" в нос и отобрал наган из поднимающейся от кобуры руки. Наган я схватил за ствол, не размахиваясь опустил его рукоятью на кисть левой руки "палача", которой он упирался в стол. Хруст. Он не взвыл - уже был без сознания, от удара в нос, начал падать на стол. Я "помог" - положив ладонь на затылок, увеличил скорость встречи его медного лба и дубовой столешницы.

Всегда в "ярости" время для меня замедляется. Я знал, что это невозможно, что это мои реакции и активность мозга так возрастают, но выглядело это, будто в замедленном кино. В "ярости" нельзя находиться долго - сил и энергии не хватит. Можно "перегореть", как лампочка при перегрузке. Я стал успокаивать себя, сел на стул. Жжение в затылке ослабло.

- Конвой!

Дверь распахнулась, вбежали двое с наганами (я гляжу, любят в этой организации револьверы больше, чем пистолеты).

- Вы зачем меня привели? Смотреть на гладиаторские бои? Мне не интересно. Отведите меня обратно в мою камеру!

- Что тут произошло?

- Откуда я знаю? Они стали бить друг друга.

- Это почему это?

- Я тебе что, психиатр что ли? Откуда я знаю?

Меня вернули на место. Всё вернулось на круги своя. Принесли поест, папирасы, газету. От 27.01.42г. Эх-хе-хе! Мало оказалось довести Я-2, донести его записи до своих. Надо было как-то до Берии добраться. А это сложнее, чем по тылам немца пройти. И ранение это, чуть не добившее меня, не вовремя. Не будь я ранен, может и сумел бы всё сделать. А теперь сиди и уповай, что Парфирыч и этот "разговорчивый" Кельш окажутся сторонниками Берии, а не в "обойме" заговорщиков.

Ведь Берию никто не любил. Все его боялись. Он проворачивал грандиозные дела с наивысшей скоростью и эффективностью. С соответствующей и неизбежной жестокостью и бесчеловечностью. За что его любить? Он умел использовать не только сильные стороны людей, но и чувствительно прихватить за "слабости". Недругов у него хватало. А уж как они после смерти Сталина на нём "оторвались"! Мало, что сместили, оклеветали, уничтожили, имя его в такой грязи вывалили, что и не видно ничего настоящего. Даже в 21-м веке мало что известно о лучшем кризис-менеджере 20-го века.

Но, как говорить, дай нам Господи сил смириться с тем, что изменить мы не можем!

Узник

(1942г.)

Свидание со старым знакомым.

А на следующее утро дверь открылась и вместо завтрака пришёл Тимофей Парфирыч Степанов. Я вскочил, т.к. был рад его видеть, хотя тень сомнения в нём не покидала меня. Парфирыч раскинул руки, с зажатой в одной руке газетой, и мы обнялись. Крепко, как друзья после долгой разлуки.

- Как ты, Витя, рассказывай?!

- Да, что я! Я рад тебя видеть! Не ожидал такого, а рад! Что там, в мире?

- Сейчас расскажу. Пригласишь или так и будем на пороге стоять?

- Так я тут и не хозяин. Меня даже пытаться пытались, извини за

каламбур.

- А, наслышан. Ретивый, но недалёкий следователь решил проявить инициативу и ускорить получение твоего согласия на сотрудничество. Но, в последний момент он и его подручные сошли с ума и побили друг друга.

- Я там был, присутствовал. Все живы?

- Таких убьёшь! Им бы каждому по ПТР и в окоп. Их лбами можно танковую броню пробивать.

- А что они сказали?

- Что инвалид-подследственный превратился в призрака и избил их.

- Так это же невозможно!

- Это ты мне мозги засираешь? А то я тебя не знаю! Хорошо прокуроры тебя не знают и тоже посчитали это невозможным. Но, ведь тебя не это интересует? Тебя же подмывает про "Восток" спросить?

- Подмывает.

- На, смотри. Это "Правда" за 30 января.

На первой полосе шло сообщение о покушении на Берию. Нарком был ранен, но угрозы жизни нет. Заговорщики схвачены, организаторы выявлены, арестованы, ждут суда.

- Я не успел?

- Эх, Витя! Что бы мы без тебя делали? Всё-таки не подвела меня интуиция. Чутьё у меня, Витя. Хорошее чутьё. А с годами только усиливается. Я как о тебе узнал, сразу почуял в тебе что-то. Только вот что - не понял. Враг ты или соратник? Приглядывался. Ты вроде и весь на виду, но в то же время и какой-то чужой, непонятный.

- Загадочный? - усмехнулся я. Так меня жена называла. Пятнадцать лет прожили вместе, а она всё одно загадочным называла.

- Одно чуял точно - не врал ты, когда патриотические речи толкал. Рискнул, к сыну определил, чтобы он приглядел за тобой. А получилось, что ты его спас, многому научил. А теперь нас всех спас от ошибки.

- Ошибки?

Парфирыч вздохнул, расстегнул воротник, весь как-то осунулся, будто вынули из него центральный стержень. Он превратился из старшего майора ГБ в обычного старика, битого жизнью. Круто. Их учат этому фокусу перевоплощения или это природно-интуитивное, как его "чутьё"?

- Понимаешь, информация о мнении, что Берия сильно мешать стал, была даже у меня. Очень многие были им недовольны, что не удивительно. И тут этот мальчишка с Антипом с письмом от тебя. Я почитал записи этого Голума. А это его настоящее имя?

- Нет. Это прозвище.

- Он так себя и в записях называл. Странно.

Правда, странно. Хотя, что странного. Он - это я, каким мог бы стать в будущем. Или стал. А "загадочность" - это генетическое. Куда оно денется?

- Почитал я эти сочинения, - продолжил Парфирыч, - многое у меня в голове перевернулось. Я сначала не поверил. Чушью посчитал. Дезинформацией. Думал, и как же это Кузьмина так вокруг пальца обвели?

- А вещи? Я как их увидел - сразу понял, что этот жаворонок не спроста тут. Там такие предметы, обычные, обиходные, которых пока и создать невозможно. Мы ими тоже пользовались. И теперь не представляю, как без них? Зажигалка прозрачная со сжиженным газом, прозрачные плёнки, самоклеющиеся лента, самопишущие ручки, рации. И на всём этом даты производства. Для дезы - больно накладно. Из материалов, ещё не существующих, производство, технологии, каких нет. Для дезы?

- Да, это и меня убедило. Но дело не в этом. На многие события и на многих людей я взглянул по-другому. Того же Берию взять. Я и не знал о его руководстве атомным проектом. О разработке вооружений знал. Мы считали, что он и должен этим заниматься, а госбезопасностью должны заниматься мы. А, оказалось, что половина нашей... его разведки занималось, как это в голумовых записях называется, а, вот - промышленный шпионаж. Поэтому я и поехал к Меркулову. Мы с ним неплохо знакомы. А Меркулов уже и вышел на Берию. Он приказал тебя и всех причастных изолировать, фигурантов записей взять под наблюдение и... И всё.

- Почему?

- Твой Голум основывался на художественных произведениях и слухах с домыслами. Не самый надёжный источник, согласись. А затрагивались интересы совсем не маленьких людей. Ошибиться нельзя.

Парфирыч тяжело вздохнул:

- Не смотря на всю свою значимость, Лаврентий Павлович сам себя назначил на роль "живца". Кстати, твой "доспех" ему и спас жизнь. Он его под тонкое пальтишко одел, чтобы ватником выглядело. Простыл только сильно. И в руку ранен. И внутренние травмы. От удара пули броня твоя не спасает.

- Это точно, - я потёр грудь с левой стороны, куда впиалась тогда винтовочная пуля, пробив 8-мм пластину доспеха.

- Хорошо, в голову не попали. Близко и их не пустили, они издали стреляли. Про "доспех" они не знали.

- Ну, вот и хорошо. Теперь меня отпустят? Записи у вас, Голума я, к

сожалению, потерял. Больше ничем не могу помочь.

- Этот человек точно мёртв?

- Ему миной оторвало обе ноги, разворотило кишки. Нести его было некому, мы были под сильным обстрелом. И не донесли бы. Я ему полмагазина автомата в лицо выпустил. Чтобы наверняка. Немцу он не достанется.

- Точно?

- Парфирыч! На фига мне врать? Неужели ты думаешь я его немцам бы оставил? И Кадет видел.

- Перунов будет говорить то, что ты скажешь. Даже под пыткой.

- Надеюсь, его не пытали? Молодых, с не заостеневшей психикой, сломать легко. А он хороший парень.

- Нет, конечно. Даже не допрашивали. Мы, с Сашей, с ним поговорили, порасспрашивали, Саша его и забрал в училище, от греха подальше, спрятал. А что там за история с немцем? Вели-вели его, потом живым бросили.

- Перевоспитывали. Думаю, когда вернётся домой, а он должен вернуться и не пойти больше воевать, он не откажется сотрудничать. Привет от меня передадите, поможет. Только, он не будет делать ничего, что может повредить немцам. Он, все-таки, любит свою страну.

- И что от него толку?

- Парфирыч, ну ты что? Не разочаровывай меня. Я шпион или ты? Неужели я должен вам, матёрым волкодавам, подсказывать, как использовать агента влияния, как он может, своим не навредив, нам помочь? Беглых пленных укрыть, сообщение передать. Да, я не знаю вашей шпионской специфики.

- Да, Витя, ты прав. Наверное, я устал. Надо отдохнуть. И ты отдохни. Завтра поедем в гости.

Узник

(1942г.)

Суд инквизиции.

Ехали мы не долго. Всего полдня на машине. Мне завязали глаза, поэтому я ничего не видел. Приехали. Судя по звукам, за город. Меня вывели, вели, поддерживая, через двери, по лестницам. Вверх, вниз, опять вверх, опять вниз, ещё вниз. Они кружили меня. А я и не старался запоминать дороги. Оно мне надо? Пытаться перехитрить НКВД? Напрасные напряжения меня никогда не вдохновляли. Наконец, пришли. Комната. Большая. Есть окна. В помещении было несколько человек. Я сел на подставленный мне стул.

- Старшина, нам надо ждать от тебя неожиданностей? - спросил голос Парфирыча.

- Смотря, что планируется, - пожал я плечами.

- Разговор, - ответил голос Кельша.

- О! Николай Николаевич! Давненько не виделись! Поговорить я не против. Меня не будут трогать - буду послушным, как гимназистка.

Три пары сапог прошли к выходу. Начался разговор. Спрашивали Парфирыч, Кельш и два незнакомых голоса. Я чувствовал ещё двоих, но они молчали, только стулья скрипели. Они расспросили меня о моей службе, о боях, об увиденном, о моих впечатлениях и мыслях. Дошли до "машины времени" и Я-2.

- Почему вы сразу сделали однозначный вывод о пришельце из будущего?

М-да. Почему? Сказать им, что я сам "засланный казачёк"? А что? Реальный шанс попрогрессорствовать. Меня слушать будут. В рот заглядывать. И... запрет. Далеко и надолго. Во избежание. У крысы лабораторной - судьба скучная. Хотя и безопасная. Безопасная? Не стану ли я артефактом, за обладание которым начнётся война между своими с непредсказуемым результатом? Не лучше ли старшиной роты охотиться на танки? Опаснее? Ненамного. Зато, сам хозяин своей жизни!

- Кузьмин, ты не уснул?

- Вот, задумался. Говорить вам или нет. Скажу - закроете меня за решётками и мягкими стенами. Как психа. А не говорить - не отстанете. Так и будите думать-гадать, где я вас обманываю.

- Говори. Мы уже все убедились в твоей твёрдой разумности.

- Там, в последнем бою, я пошёл в атаку на танки.

- Да, нас тоже удивил этот поступок. Ты приказал своей роте отходить на запасную позицию, а сам пошёл в одиночную атаку на танковый батальон. Почему?

- Тогда мне это показалось хорошей идеей.

- А сейчас?

- А сейчас я понимаю - из моей атаки вернуться было нельзя. Это сейчас. А тогда - пелена усталости с глаз спала и я вдруг отчетливо увидел всё поле боя. Каждый танк, каждого человека. Говорят, это особое состояние психики, бывалые бойцы называют подобное "упоением боем". Я увидел, что враги сосредоточились на обстреле моих ребят. Их было так много, что я понял - никто не добежит, всех в спину положат. Нет смерти для мужчины позорнее, чем в спину, а ребята уже доказали, что они - герои. И ещё я вижу, что на меня никто внимания не обращает. И я рванул

обратно. Я зашёл им во фланг. Я убивал их раньше, чем они понимали, что я - не один из них. Я зачистил всю траншею. И танк увидел. Так себе танк, чешский. Надёжный, но устаревший. Броня тонкая, на клёпках, оружие слабое, силуэт высокий. Только внутри асы сидели. Они всю Европу уже проехали. Ну, думаю, дальше я вас не пущу! У меня противотанковая граната и огнесмесь. Не помню, в чём - бутылка или шар ампулы. Я подобрался к нему ближе, кинул и то и другое. Танк загорелся. Но я попал неудачно - он продолжал ехать. Он развернулся и на меня пошёл. Может, на гусле порванной его крутануло?

Я вздохнул.

- Так я под ним оказался. А он - взорвался. Кто-то, наверное, ему в корму добавил. И вот тогда я и разговаривал с Ангелом.

- С каким ангелом?

- Не воспитанным - он не представился. Он сказал, что долг мой не уплачен, что я должен встать и пойти. Я встал и пошёл. А он меня за руку вёл. Я видел другой мир. Там я видел очень много чудного и странного. Люди одеты по-другому, спешили все куда-то. Там все носятся, как угорелые. Меня никто не видел. Он сказал, что русские должны успеть сделать ядрён-батон не позже американцев. И отвечает за это - Берия. Баланс восстановится, человечество будет спасено. Потом я опять оказался под сгоревшим танком. Он сказал, что я видел будущее, которое ускользает, потому что их противникам, человеконенавистникам, удалось убрать из Игры Маршала Жукова. Там, для них, он был важен. Я должен идти, найти в лесу Голума и спасти Человечество. Всё. Он исчез. Я думал, что это меня так сильно контузило, что я бредил. А когда мои ребята показали мне эту прозрачную зажигалку, меня как током пробило - там, в бреде, прямо передо мною парень прикуривал от такой зажигалки. Это был Голум.

- Красивая сказка. Товарищи, вы ему верите? - спросил, насмешливо, голос.

- Как хотите. - ответил я, - Это ваше дело, верить мне или нет. Я только вот что попрошу: Лаврентий Павлович! Я вас знать не знаю, но многие мои друзья жизни положили, чтобы предупредить вас. Мы отринули усталость, трое суток без еды и сна бежали, не останавливаясь, по лесу и болоту. Каждый из нас был ранен. Но мы вырвались из мешка. И, если надо, положим жизни и остальные. За вас Ангел просил. От вас зависит судьба человечества. В минуты слабости или сомнения, вспомните, что мы не колебались, вспомните, что стоит на кону. Ангел просил передать - будущее не предрешиено. Каждый из нас, каждую секунду строит будущее.

За судьбу правнуков стоит бороться. Мы надеемся на вас, Лаврентий Павлович. Всё.

- Нет, не всё, - ответил мне голос с кавказским акцентом, - как ты узнал, что я здесь?

- А ради кого меня сюда везли? Ради Кельша и Степанова, при всём моём уважении к ним?

- Ладно. Отсюда ты можешь выйти только нашим сотрудником.

- Без проблем. Только на фронт.

- Нет. Ты отвоевался. У тебя будет другая работа.

- Тогда вынужден отказать. Моё дело - немца бить. Что вы мне предложите? Врагов народа искать? Осназ? Это когда они по несколько суток на брюхе, молча, ради одного пленного? И ни разу не стрельнуть? Это скучно! Надо чтобы рвалось всё! Чтобы тысячи раз умереть можно! Чтобы немцев и танков много!

- В одиночку штурмовать танковый батальон или зачищать три этажа школы?

- Ну, вот, вы понимаете! Я тогда только один этаж очистил. Лестницу наверх ученическими партами завалил и поджёг всё. Они со второго этажа прыгали, а мы их штыками и прикладами! Не смогу я вашу работу делать. Запорю всё!

- Но у тебя получалось! - это голос Парфирыча. Переживает старик.

- С перепугу человек может паровоз обогнать. Не факт, что на олимпийских играх он повторит это. Экспромт и профессионализм - несовместимы.

- Что же. Насильно мил не будешь. Жаль. Мы предложили помощь. Без нашего крылышка тебя ждёт военная прокуратура. Они нам уже все телефоны оборвали. И как ты умудрился столько напортачить? Да, экспромт. Что ему там они впаять хотят?

- Расстрел.

- Это уж через чур. Воевать некому. Пусть заменят на штрафную роту, как поправиться. Верховный как раз издал приказ "Ни шагу назад!". Там и немцев много, и тысячи раз умереть можно, как он и хотел. Прощай, старшина Кузьмин. Да, спасибо тебе от меня лично.

- До свидания, Лаврентий Павлович. И не за что. Не ради вас старался, а за народ свой.

- Дурак? Может его и в самом деле медикам показать? Он ведь и правда - не от мира сего.

- Штрафная рота покажет.

Вот так решилась моя судьба. И в штрафниках можно воевать.

В гостях у "Шурочки".

1942г.

Маршевая рота.

Март по календарю, а морозы трескучие. Правильно говорят: марток - одевай семь парток. Я одет тепло. Теплое бельё, шерстяная комсоставская гимнастёрка и галифе, валенки, меховые трёхпалые рукавицы, ватная фуфайка и штаны, а сверху ещё и полушубок овчинный. Это меня так друзья в штрафники собирали. Сидор за плечами полон сала. В кармане штанов - трофейный "Вальтер", хоть и не положено. А в валенке - штык-нож, пришит ножнами к штанине.

Я иду с строю сотни штрафников. Мы маршевая рота. Идем весь день навстречу зареву и грохоту войны. Это горит столица моей Родины. Там мы пополним штрафную роту 237 стрелковой дивизии.

Большая часть штрафников - зеки. Зачем они на фронт идут - непонятно. Но меж ними и проштрафившимися фронтовиками уже было несколько стычек. Даже я поучаствовал. Подвалил ко мне один такой хмырь, явная "шестёрка", "прощупать" меня решили, значит. Схватил меня пальцами за воротник, сиплым голосом прохрипел:

- Ничё так, шкурка. А народ мерзнет. Может, поделишься, краснопёрый?

Блин, меня даже не разозлило. Отпор в таких случаях надо давать очень жёстко, чтобы не повадно было. Одним резким движением рук стряхнул рукавицы - они упали к ногам. Я схватил его за пальцы, резко, аж захрустело, вывернул вверх, зек, соответственно, с воем, - вниз, упал на колени. Я сбил с него левой рукой шапку, схватил за ухо, крутанул. Зек, вопя, как сирена воздушного предупреждения, развернулся на коленях на 180 градусов, лицом к толпе и к тем, кто его послал меня "пробить". Правой рукой я уже достал из валенка финку:

- Кто прикоснется ко мне - потеряет какую-либо часть тела, - громко сказал я и тут же отсёк ухо этому зеку.

- Кому урок будет невдомёк - замочу!

- Кузьмин! Отставить!

О! Младший политрук нарисовался, затвором щелкает. Вообще-то, он нормальный пацан, только вынужден командовать маршевой ротой штрафников, а это тот ещё сброд.

- Что ты наделал, Кузьмин? Как он теперь стрелять-то будет? Зачем пальцы-то ломаешь?

О, как! А ухо - это нормально?

- И, правда! - всплеснул рукой с финкой я, - что ж его теперь в

госпиталь? Мы воевать пойдём, а он отлёживаться? Нет, так не пойдёт!

Завершая взмах рукой, финка вонзилась в основание шеи, у ключицы. Выдернув нож, толкнул тело вперёд. Струя крови брызнула на толпу штрафников. Я присел, стал вытирать лезвие о ватник зека, смотря прямо в глаза его "пахану" - Митьке Сивому.

- Кузьмин, встать! - голосом, сразу зазвеневшим сталью, приказал младший политрук, - ты арестован.

- Я в курсе, товарищ политрук. Более того, я осуждён за подобные неоднократные живодёрства к "шурочке". Арестовывай, отправляй в тыл, меня посудят-посудят и присудят штрафроту. А пару месяцев я в тепле посижу.

- Я тебя сейчас на месте шлёпну!

- И через месяц присоединишься к ним. Пройдёшь моей дорогой. До "шурочки". Выпиши себе билет в один конец.

- Можно подумать у тебя есть обратный билет.

- Есть, конечно. Я заговорённый, политрук. Меня нельзя убить.

- Посмотрим! Встать в строй!

Этим всё и закончилось. Теперь, правда, все сторонились меня, Сивый смотрел звериным взглядом, но мне было плевать. Меня больше волновала боль в колене от многочасовой пешей "прогулки".

Кого только не было в рядах штрафников! Настоящий зоопарк. Но, описывать не буду - скучно это.

Мы шли по пробитой в сплошном снежном насте дороге. Сугробы отвалов образовывали сплошные белые стены по сторонам метра в два высотой. Шли штрафники по четверо в ряд, плотно прижавшись друг к другу - так теплее. Только я шёл теперь один, последним - все сторонились меня, "психа". Младший политрук шёл впереди колонны, позади меня на трёх санях ехал заградотряд - дюжина бойцов КВ НКВД с тремя "Дегтерями". Кстати, нормальные ребята. За шмат сала согласились возить мои пожитки - брезентовый мешок с "доспехом", разгрузкой и ещё некоторыми вещами. Изредка мы с ними переговаривались, хотя, не положено.

Последним я шел не специально, а из-за больного колена. Ещё несколько дней назад оно не болело, но три дневных перехода растеребили рану. За последний час со мной сровнялся коренастый штрафник. Конвоиры прикрикнули на него, но он сослался на сломанные рёбра и от него отстали. Он шёл, закусив губу, с болью в глазах. Похоже, что не врал.

- Как это тебя угораздило?

- Сопrotивлялся.

- А-а, понятно. Потоптали. За что в штрафники угодил?

- За убийство.

- Во, как! И кто же лишним на земле был, по-твоему?

Боец бросил на меня злой взгляд:

- Он заслужил.

- Хорошо хоть так. Это лучше, чем по-пьяни, да случайно. Тебя как звать-то, коллега?

- Иван. А почему коллега?

- Я - Виктор, тоже душегуб.

- Я видел.

- Ты давящую повязку на грудь сделал?

- Зачем?

- Понятно. Не сделал. Вот и мучаешься. Я однажды тоже ломал ребро. Случайно. Ох, и мучился! А потом в больнице утянули - полегче стало. Даже на работу вышел. На вот, жевни.

Я достал из-за пазухи кусок отогретого сала, отхватил половину и дал Ивану. Он вцепился в сало, как неделю не евший. Того и гляди зарычит, как голодный пёс. М-да, нелегко ему пришлось.

- Откуда сам? - спросил я его.

Он опять посмотрел на меня злобно.

- Да мне по-барабану, если честно, можешь не отвечать. И чем я тебя так разозлил?

- А разве чекистам не положены отдельные штрафбаты?

Я рассмеялся:

- Какой же я чекист? Я - истребитель танков. Нас осенью в спешке сформировали, сгребли всех, кто был под рукой, одели и вооружили, чем смогли и под танки бросили. Милиционеров в нашем батальоне было большинство, вот и нашили петлицы войск НКВД. Да и паёк у них получше - тыловая сволочь не отворовывают, чекисты это чётко отслеживают. А в остальном - обычная пехота. У меня ротный был из чекистов, а комбат - армеец.

- А что ж тогда вертухаи хабар твой везут и лыбятся тебе.

- Так они тоже сало любят. Что не люди что-ли? И анекдот хороший.

- Всё-то у тебя легко получается, - буркнул Иван, пряча "обмылок" сала за пазуху.

- Держись меня и у тебя легко получаться будет.

Он посмотрел не меня внимательным "рентгеновским" взглядом. Ого, как ты можешь смотреть! Да ты не так прост, Ванёк! Ну, смотри, смотри.

До заката шлёпали молча. Иван так и шёл рядом.

- И откуда у тебя весь этот хабар? - наконец, не выдержал, спросил мой попутчик.

- Друзья собирали меня.

- Хорошие у тебя друзья.

- Ну, да, неплохие.

- И видимо большие шишки.

- Видимо.

- А что же не отмазали тебя?

- Так ведь я и правда виноват в том, за что меня осудили. Я, ведь, в самом деле занимался самоуправством и самосудом. И несколько человек лично осудил и лично расстрелял. Некоторые из них были сильно старше меня по званию.

Иван опять зыркнул на меня, отвернулся:

- Не настолько, значит, друзья твои важные. Не смогли?

- Да ведь и не в том дело! Я же тебе сказал - я на самом деле виноват. А виноват - надо расплатиться.

- Ты что, больной, что ли? Или издеваешься так? - зарычал Иван, отшатнувшись.

- Да как ты не поймёшь?! Под Богом же я хожу. Я согрешил - должен ответить.

- Да пошёл ты! Что ты тут лепишь? "Согрешил", "ответить"! У меня красные весь род вырезали - кто ответил? За рассказывание кто-нибудь ответил? Где твой Бог?

- Ответили. Или ответят.

- Да пошёл ты! - Иван уже кричал. Бойцы сопровождения соскочили с саней, взяли оружие наизготовку.

- Ответили они! Я лично видел как один всю мою семью из "маузера" расстрелял. И что? Ответил он? Я его нашёл - вся грудь в орденах, генеральские звёзды на воротнике. Где твой Бог?

- Это за него ты сюда угодил?

Иван сразу осёкся, быстро огляделся, насупился.

- Нет, - буркнул он.

- Он сейчас жив?

- Нет.

- Значит, ответил.

- Ага! - взвился Иван опять, но тут же осёкся, замолк.

- Пусть и твоими руками, но ответил. Бог как раз нашими руками и восстанавливает правду.

- А его руками кто?

- Бога или генерала?

- Генерала.

- Противник Бога и рода человеческого, человеконенавистник.

- Тьфу на тебя, болтун. Да, пошёл ты! Не хочу с тобой больше говорить. Я думал ты серьёзный человек, а ты - балаболка. Или дурачёк блаженный.

- Слышь, Иван, - позвал я его шёпотом, - А как ты сделал, что никто не догадался, что это ты?

- Он в реке утоп. Я-то тут при чём?

- Утоп, говоришь, - я усмехнулся, - а Бог тут не при чём? А ты молодец. А в штрафники как попал?

Тот зло зыркнул на меня и прибавил ходу, догнав последний ряд.

- По малолетке за поножовщину сел. Не успел откинуться - опять его повязали над телом. Прошлой весной. В лагере вскрыл двух политических. От расстрела в штрафники бежит. Ты поаккуратнее с ним - отчаянный душегуб.

Это сержант из конвоя догнал меня. Я поблагодарил его и спросил:

- Ты про всех знаешь?

- Нет, конечно. Только самых опасных. Должен же я знать - от кого чего ждать.

- Про меня тоже собрал сведения?

- Обязательно. Ты у нас считаешься самым непредсказуемым и опасным. И неуправляемым.

- Во как! А что же вы тогда якшаетесь со мной?

- Тут, во-первых, соображения безопасности - друга держи вблизи, врага ещё ближе. Да и ошибочно мнение о тебе. Ты очень предсказуем. Действуешь не по общеустановленным правилам, не по уставу, но вполне понятно, предсказуемо.

- В тебе психолог умер.

Сержант рассмеялся:

- Почему умер? Живёт, растёт и развивается. Это у меня - работа.

- Значит, я уже не в списке опасных?

- На первом месте. Только угрожаешь ты не нам, а всем, кто вокруг тебя. Ты уже убил одного потенциального бойца, они будут мстить. Опять кровь и потери. Может, грохнуть тебя сейчас? Больше людей до фронта доведу.

Предлагает убить меня с улыбочкой на лице. Изверг! Кровавая гэбня! Питьсот-миллионов-невинно-убиенных!

- А смысл? Для чего эти упыри в законе на фронт идут? Они воевать

будут? Не смеши мои валенки! Или ты довёл - а там и трава не расти?

Конвоир хмыкнул, развернулся, через плечо процедил:

- Ночью спи в полглаза. Эта порода очень подлая. А одно твоё присутствие им мешает больше, чем весь конвой. Одним фактом твоего существования. Или они тебя сегодня режут, или завтра будут резать за тебя.

Сержант ушёл. Вот это да! Сержант! Он просчитал всю подковёрную партию! Быстрее меня.

Ладно, будем поглядеть.

В гостях у "Шурочки".

1942г.

Особенности ночёвки штрафников.

Уже в сумерках снежный туннель дороги вывел нас к какой-то деревне. Политрук согнал нас с дороги на "обочину". Мы пропустили мимо себя крупнокалиберную батарею на механической тяге со всеми сопровождающими. Только после этого вошли в село, и политрук распределил нас по строениям, назначив старших. Я даже не удивился, оказавшись старшим над дюжиной штрафников.

Ввалились в ещё не остывшую избу. Хозяев не было, топили пушкари. Все попадали на застланный соломой земляной пол. Я подошёл к печи, открыл, заглянул. И стал пинками поднимать людей:

- Ты и ты - вычистить печь от золы! Вы трое - обеспечение дровами!

- Где мы их возьмём?

Я навис над спрашивающим. Совсем пацан. Не из сидельцев. Как попал сюда? Постучал ему пальцем в лоб:

- Что это у тебя такое? Там есть внутри чего или один сквозняк меж ушами? Напряги свою бестолковку. Приказ получил - исполняй! Найди, добудь, роди - мне пох! Пшёл! Остальные! Всю эту коллекцию блох на полу - на мороз. Натаскать свежей соломы - там стог недалеко стоит. Работаем! Я пойду пожрать пробью. К моему приходу не будет готово - жевать будет нечем!

Распределением сухпая занимался политрук, выдавал один из конвоиров. Замёрзший до состояния камня хлеб, махра и заварка - насыпью. Каждый получал за себя. За группу получал только я и шнырь от лагерной "аристократии". Шнырь зло буравил меня взглядом. Получил своё, прижал к сердцу "сокровище". Проходя мимо меня, прямо испепелял меня взглядом. Я не удержался от подобной провокации, резко дёрнулся в его сторону:

- Бу!

Он так резко отшатнулся в испуге, что сел задницей в снег, под всеобщее ржание. Политрук осуждающе покачал головой. Я тоже получил на свою избу, пошёл обратно. Чувствовал, как спину мне буравили злостные взгляды.

Избу было не узнать - пол переливался оттенками золота от душистой соломы в пляске огня в печи-голланке, пока таскали всё туда-сюда хату выморозили. Ничего, прочищенная печь быстро прогреет, а проветривание - оно только на пользу. Все замерли, не отрывая глаз от котомки.

- Есть сегодня будем хлеб с чаем. Хлеб морозовый, чай не заварен. Надо мухой найти тару под чай. Пока чаёк завариться - хлеб оттаяет.

Я разложил каменные буханки на печи. Поставили на огонь ведро с водой. Всё население избы расселось перед буханками, как перед телевизором, взгляд не отрывали. Я вздохнул:

- Мужики, я отлучусь ненадолго. Никого не впускать, никого не отпускать. Если кто хлеб хоть тронет - порежу на ремни.

Я сбегал к конвоирам за своим мешком. Сержант, наклонившись ко мне, спросил:

- Помочь? Подстраховать?

- Не мешать. Чем быстрее это нарыв прорвётся, тем лучше.

- Сегодня жди. Если сегодня не решаться - больше у них до самого фронта случая не будет. И Брасень это знает.

- Главарь их?

- Ага. В законе вор. Авторитетный.

- Зачем вызвался? Законным, вроде как, запаadlo служить.

- То-то и оно. Глаз и глаз за таким.

- А Сивый?

- Сивый - ширма. Главарь - Брасень.

Я поблагодарил и поволок свой тяжеленный тюк в хату. Ночь. Темно. Если бы не снег под ногами - вообще ничего бы не было видно. А так я ещё подходе заметил тень, достал ствол.

- Не стреляй, - сказал голос Ивана.

- Чего ты?

- К тебе пришёл. А они не пускают.

- Правильно делают. С чем пришёл?

- Тебя ночью убивать будут.

- Пытаться. Ключевое слово "пытаться", ты забыл. Я уже сам докумекал. Тебе-то что с этого?

- Я отказался участвовать. Меня пайки лишили и из избы выставили.

- А, обиженный и оскорблённый. Понятно.

- Ничего тебе не понятно, - Иван вдруг разозлился, но взял себя в руки, умолк.

- Ладно, казачёк. А, ты не засланный казачёк, а? Во сне меня ножичком... Я слышал ножи ты любишь.

- Да пошёл ты! - Иван развернулся и похрустел снегом от меня.

- Постой. Ладно, не психуй. И чего ты такой нервный? Спокойнее надо. От этого все твои беды. Надо учиться контролировать свои эмоции. Умел бы - не попался бы. Месть - блюдо, которое подают холодным. Пошли в дом. Не та погода, чтобы разговоры разговаривать.

Как только подошли к двери, она открылась - слушали, получается. Зашёл, скинул тюк, оглядел людей, печь с хлебом, только потом убрал "браунинг" в карман. В ведро засыпали заварки - пусть вариться - будет казаться, что чай крепче, нарезал хлеб на равные куски, на каждый кусок положил по тонкому слою сала, под общие вздохи и шлепки падающей на пол слюны, по жребии распределили. С отсутствующими глазами народ основательно пережёвывал ужин.

- Курить в хате запрещаю - сгорим, на хрен! Курить - на улице. И ещё. Сегодня упыри лагерные меня резать придут. Как начнётся карусель - всем щемиться в тот угол. А то попадёте под раздачу. Всё понятно?

Они начали дружно меня убеждать, что за меня любому глотку порвут, но я быстро осадил их:

- Вы мне только мешать будите. Сидите в углу и сопите в две дырочки. Я сам с этими пародиями на людей управляюсь.

Ага, мне бы эту напускную уверенность, да внутрь. Пальцы холодеют, сердце замирает. В темноте скинул полушубок - изба уже хорошо протопилась - и поверх ватника одел "доспех" - пусть пробуют прорезать. Вместо шапки одел связанный матерью Кадета из светлой шерсти "подшлемник" - привычную для людей моего поколения вязанную шапку. Моя только была как у омовцев - с маской и прорезями для глаз и рта, закрывала всю голову целиком.

- Чего ты, Вань? - спросил я подползшего по соломе Ивана.

- Это правда, что про вас рассказывают?

- Про кого, про нас?

- А как ваше имя?

- "И имя им - легион". Это ты меня, что ли, на "вы"? Вот уж зря. Ты не смотри, что рожа в шрамах и щетина седая. Это я пережил больше положенного. Я не старше тебя. А то, что там люди балакают - не верь.

- Ты танки взрывал?

- Взрывал. Там ничего сложного. Танк взорвать не сложно. Сложно

после этого живым остаться.

- А самолёты?

- Один. Случайно. Уж очень он наглый был. Прямо так и просил себе в брюхо пулемётный диск. Не удержался. Прописал ему лекарство от наглости.

- Помогло?

- Аллергия у него на свинец оказалась. Пациента спасти не удалось.

- Говорят, ты немцу лицо обглодал.

- Блин, да что же это такое? Спи, на хрен! Да, я немцев пачками на обед и ужин ел! Самолёты сбивал мощной струёй мочи, а танки жёг выхлопными газами после горохового супа. Мощным пердежом заодно удушил полк пехоты. Не было ничего. Спи!

Иван замолк, обиделся. Его проблемы.

Я думал от нервяка не усну. Как же! Срубился сразу.

Разбудил меня грохот пустого ведра, выставленного у двери, и мат.

- Вали его, суку!

Я сразу оказался на ногах, в затылке опять всё зажго - накатила волна адреналина и "ярости". Два шага разбега и я встетил первого "гостя" прямым ударом ноги в живот. Я совсем забыл - валенки ни разу не сапоги. И хотя "гостя" снесло из дверей, как пушкой, я тут же понял, что мой любимый бой ногами не выйдет. Справа встал Иван, слева ещё кто-то. В руке Ивана блеснул нож.

- Никого не мочить! - рявкнул я.

Иван "завис" ненадолго, но нож убрал.

Ночные визитёры, наконец, разобрались с препятствием в двери и полезли. Я заревел, как раненный в пах бык и кинулся на них. Одному в челюсть левым локтем, другому в нос кулаком, боднул лбом в лицо третьего и оказался на улице, закрыв своим телом дверь в избу. Я очень высоко оценил готовность ребят пострадать за меня, но у меня "ярость берсерка" и "доспех", а у них - ничего. В этой драке им делать нечего. А вот я - изрядно отвёл душу!

Через несколько минут на ногах стоял только я и Брасень с заточкой в руке и явным сомнением на лице. Все его подручные были вооружены ножами, шилами и другими колюще-режущими предметами. Это им не помогло. Я повырубал всех.

- Что, Брасень, ссышь, когда страшно?

Он зарычал и кинулся. Я увернулся, ударил, не попал, увернулся, опять не попал, заточка ударила меня в корпус справа, ага, в печень целил. А вот тебе сюрприз - Брасень на мгновение оцепенел от удивления, что

заточка не вошла в моё тело, а застряла и тут же схлопотал локтём в лицо.

Я присел рядом с ним, приставил его же заточку к правому веку.

- Что же делать мне с тобой, упырь?

Брасень молчал.

- В одном прайде не может быть двух альфа-самцов. Один из нас должен уйти. А из шрафроты уходят только вперёд ногами.

- Ну, так давай, чего ты ждёшь?!

- Скажи мне, вор, зачем ты на фронт пришёл? Поперёк закона пошёл. Тебя теперь раскоронуют. Станешь ты обычным мужиком. Не обидно?

- Не твоё дело, красножопый! Не поймёшь ты.

- А ты попробуй. Или ты к "цивилизованным" немцам решил переметнуться?

- Нет! Пусть я вор, но к немцам мне дороги нет.

- Слова, достойные мужчины. Но, это не снимает повестки дня. Ты или я.

- Тут уже и так понятно. Чего медлишь? Давай, красный!

- Не красный я, а русский. Про воровские замашки свои забудь, тогда сделаю тебя человеком. Ты теперь не вор в законе, а обычный боец переменного состава штрафной роты. Согласен с этим?

- Да!

- Живи. Пока.

Я встал, схватил тщедушного Брасеня за воротник, поставил на ноги, бросил ему под ноги заточку.

- Собирай бойцов, пока не простыли.

Я повернулся к нему спиной и пошёл. Вот главное испытание! Кинется - удавлю! Не кинулся.

Я зашёл в избу. Створка печи открыта, все стоят, в глазах блещет огонь печи.

- Пададь из избы убрать. Всем спать. И ещё: благодарю за поддержку!

Бессознательных подручных Брасеня вышвырнули за порог. Один боец подкинул дров в печку, все улеглись на солому.

- Товарищ Кузьмин, можно вопрос?

- Можно Машку за ляжку и козу на возу. Мы в армии, а в армии только "разрешите".

- Разрешите вопрос?

- Задавай.

- Почему вы их не убили?

- Это было бы безвозвратно, да и слишком просто. А слишком простые пути приводят всегда и однозначно в одно только место...

- Куда? - не дождавшись окончания предложения, спросил тот же голос. А, я его вспомнил - ему пальцем в лоб тыкал.

- В жопу. Или в могилу. И ты туда попадёшь, если не научишься своей бестолковой действовать так, как надо и продолжишь задавать дебилские вопросы. Спать всем! Самое ценное, что есть на войне - сон. Не упускайте возможности.

Утро было до тошноты жизнерадостным. Нас ещё засветло взашей вытолкали из хат очередные пушканы. Мы отбрехали и позавтракали в тепле.

Во дворе стояла накрытая белым полотном гаубица. Какая именно - непонятно, но не маленькая. Похоже, это тенденция. Командование отводит из Москвы тяжёлое вооружение, но гонит нас. Ага, значит, мы будем сковывать врага, а удар нанесут по флангам. Нормально. Порадовали меры маскировки и дезинформации. Что увидит воздушная разведка - к Москве идёт пехота, в сёлах стоит техника. Главное, чтобы они свою технику из московского капкана не вывели.

Опять идём, хрустя снегом. Мороз стоит, хотя солнышко начало пригревать. Нас иногда обгоняли полуторки. Настроение начало подниматься. Особенно порадовала морда сержанта КВ НКВД, когда он пересчитал конвоируемых, не нашёл убыли, а увидел разбитые лица зеков.

Под настроение попал ещё и политрук:

- Рота! Запе-е-вай!

Запевай, так запевай! Рота, рассвет, третьи сутки в пути:

Третьи сутки в пути

Ветер, камни, дожди,

Всё вперёд и вперёд

Рота прёт наша, прёт.

Третьи сутки в пути

Слышь, браток, не грусти!

Ведь приказ, есть приказ,

Знает каждый из нас

Напишите письмо

Нет его дорожке для бойцов,

Напишите пару слов

Вы, девчата, для своих пацанов.

И на закате вперёд

Уходит рота солдат,

Уходит, чтоб победить

И чтобы не умирать.

Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою,
Солдат, солдат, солдат.
Третьи сутки в пути,
Ветер, камни, дожди.
На рассвете нам в бой.
День начнётся стрельбой.
Третьи сутки в пути.
Кто бы знал, что нас ждёт
Третьи сутки в пути
И рассвет настанет.
Напишите письмо
Как живёт там наш родимый дом,
Из далёка - далека
Принесут его мне облака.
И на закате вперёд
Уходит рота солдат.
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать
Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою
Солдат, солдат, солдат.
Падала земля, с неба падала земля!
Разрывая крик в небе: "Падла ты война!"
Плавилась броня, захлебнулся автомат,
Заглянул в глаза ты смерти, гвардии сержант!
И на закате вперёд
Уходит рота солдат,
Уходит, чтоб победить
И чтобы не умирать.
Ты дай им там прикурить,
Товарищ старший сержант,
Я верю в душу твою
Солдат, солдат, солдат!

Народ проняло. Потребовали повтора. Второй раз пела уже вся колонна. В этот день я пел как никогда много. Достигнутый результат по психомоделированию надо было закрепить. Спел почти весь свой

репертуар извлечённых из вымученной памяти и адаптированных песен. Оказалось, помнил я много. И "Любэ", "Кино", песен из советских военных фильмов, песен времён этой войны, уже написанных и ещё нет. Люди не замечали, что пока они пели, они менялись. Это вам не про "Мурку" петь. Они изменяться. Из человекообразного материала людьми станут. Одними песнями, конечно, этого не достичь, но и без нужных песен тоже не обойтись. Пусть сержант ГБ офигевает.

Справа от меня шёл Иван - Казачёк, слева, так же как и ночью Кот. Сейчас, при свете дня, я его рассмотрел получше: невысокий смуглявый крепыш, резкий, как понос, подвижный, как капля ртути, плавный в движениях, с довольной, хитрой ухмылочкой на лице, цепкими внимательными глазами. Представился как Кот. Погоняло ему шло на все 100 пудов. Осталось понять, чего это эти двое, и близко не подлизы, ни грамма не подхалимы, не приспособленцы, притёрлись ко мне. Сильные характером ребята добровольно прыгнули в мою обойму. Подозрительно. А может, я просто параноик?

Так, с песнями, в приподнятом расположении духа, отмахали больше планируемого. К вечеру вышли к пригородам столицы. Многие впервые слышали канонаду. Да и я от неё отвык.

Находясь в боях, не замечал, в тылу не замечал, а сейчас почувствовал, как сущность моя сама переходит в какой-то другой режим работы от звуков войны. Затянулись все ослабленные винты, гайки, всё тело поднапряглось, подпружинилось. Я даже заметил, что смотреть кругом стал иначе, видеть всё стал иначе. Охереть! Если бы это произошло не так мгновенно, не увидел бы изменений, произошедших со мной.

Кстати, подобный режим включился очень вовремя:

- Ложись! - заорал я и рухнул, где стоял.

Люди недоумённо уставились на меня, но тут многие слышали этот шелест, попадали. Рвануло! Да, так, что снегом меня обсыпало. Я приподнялся, прислушался, встал. Народ в ужасе.

- Ни фиги себе перелёт! - громко "удивился" я, - что же это у них хороших наводчиков больше не осталось? Если они так метко и дальше будут стрелять - к следующей зиме к Одеру выйдем.

Мой "ура-позитив" подбодрил народ. Политрук построил всех обратно, погнал в город.

Руины Столицы.

1942г.

В роли жертвенного барашка.

Ротного видел только издалека, когда он толкал речь про

необходимость освобождения Столицы от врага. Речь была незажигательной, какой-то шаблонной, картонной. Видно, и самому ротному она была частью ритуала, обязательной, нудной частью программы. И - это мне не понравилось.

Потом нас вели руинами, подземными переходами, по темноте. Сержант со своими конвоирами остались там, пойдут за следующей партией "мяса". Конечно, покормить нас "забыли".

Взбесил меня старшина штрафной роты, наглый жирный тип, не скрывавший своего презрения к нам, выдал мне винтовку с расщеплённым прикладом и выгнутым стволом.

- Ты что делаешь, старшина? Как я из неё стрелять буду?

Он заржал, довольный:

- Как трое предыдущих "стрелков"! Сдохли раньше, чем выстрелили!

Я ему влепил смачную оплеуху, аж кровавые сопли из носа полетели. Хотел добавить с ноги - не дали, оттащили. Пригрозили расстрелом.

- Я тебя запомнил! - закричал старшина.

- Запомни, тварь! Хорошенько запомни! А забудешь - я напому!

Вот, урод! Как я буду воевать? Штыка нет, ствол кривой, приклад разбит, всего десять патронов, не жрамши со вчерашнего утра, без сна всю ночь. Суки! Это не атака, это не в бой нас бросят, а на убой!

Сам себя мысленно схватил за хомут, встряхнул. То же проделал с особо разоравшимися штрафниками. Они собрались вокруг, смотрят, ждут. Надо что-то сказать. А что? Как отец говорил: нечего сказать, говори правду.

- Я не понимаю, что происходит. Но, утром пойдём в атаку. Победим - хорошо, нет - что ж теперь? Сделать этот бой я вам не смогу. Сегодня всем вам нужно сделать одно - выжить. Дожить до вечера. Помните: сдадитесь врагу - это смерть. Медленная и мучительная. От голода будете пухнуть долго. Побежите назад - положит вас заградотряд. Смерть глупая и бесполезная. Как бы страшно не было - назад нельзя. А теперь мотайте на ус. Нам можно только вперёд. Но! Кто будет паровозом ломиться прямо, как по рельсам - сдохнет, не факт что быстро и не мучительно, но гарантированно. Бежать нужно быстро, пригнувшись, не прямо вперёд, а по диагонали. Бежать не более пяти секунд. Когда бежишь - смотришь. Надо видеть и позиции врага, и землю под собой. Пока бежишь, высматриваешь укрытие. Пробежал пять секунд, упал, перекатился, минимум три раза, желательно в укрытие - кочка, камень, канава, тело твоего предшественника. Отдышался, вскочил и трассером бежишь следующие пять секунд. Будите так наступать - выживите.

Я понимал, что они и половины не запомнят. А оставшаяся половина вылетит из головы, выбитая страхом, как только встанут навстречу трассерам пулемётов. Рты поразевают в беззвучном крике ужаса, выпучат стеклянные глаза и на деревянных, парализованных судорогой, ногах пойдут на огонь. Не побегут - пойдут.

Слова тут бесполезны. Это надо пережить, прочувствовать, перебороть. Именно поэтому командование ценит обстрелянных солдат.

Нас привели во двор, образованный разрушенными домами. Я пристроился к стене, попытался уснуть. Не хотел видеть трясущихся соратников. А поспать нужно. Таки уснул. Это хорошо. Единственный минус - замёрз. Проснулся очень тяжело, трясло как перед первым боем. Впрочем, как и остальных. Стал прыгать, приседать, чтобы согреться.

- Эх, кофейку бы горяченького!

- Иваныч, ну ты и зверь, - простучал зубами Иван, - меня всего выворачивает, как подумаю про утро сегодняшнее. А ты - спокойно дрыхнешь.

- Не ссы в компот, Ваня, там повар ноги моет. Чему быть, того не миновать. Если мне сегодня суждено оставить этот, далеко не лучший из миров, то хоть я в самую глубокую нору забьюсь, а до утра не дотяну. Не пуля, так паралич разобьёт. А если, один хрен, мой крайний день - так хоть покуражусь напоследок. Чего бояться? Страх, Ваня, он убивает душу. Он только мешает. Когда поборол страх - умрёшь один раз, не переборол - умираешь по несколько раз в день.

- Балабол, - пожал плечами Иван.

- Фаталист? - спросил меня Кот. Вот этому, казалось, всё по-барабану. По его хитрой кошачьей морде не поймёшь, что он испытывает. Это Ванино лицо - как открытая книга. Кот всё время хитро прищурен, ехидно ухмыляется, от чего становиться похожим не только на кота, но и на китайского болванчика.

- Не знаю, - ответил я ему.

- Сейчас выдвигаемся на рубеж атаки. По зелёной ракете дружно идём на штурм опорного пункта врага. Если навалимся все враз - одолеем! Кто откажется идти в атаку или побежит - расстрел на месте, - кричал невидимый мне отсюда ротный.

"Хороший" план. Главное, современный. Как раз в стиле Суворова и боёв с турками. Все враз и в штыки! Классика. Хотя, может, повезёт и получиться?

Выступили. Небольшими ручейками человеческий поток роты потёк на северо-запад. Шли недолго. Скопились за остатками стен и горами

битого кирпича. Это была передовая. Кое-где были продолблены окопы. Я обошёл всех людей, напялил опять свою шапку-маску из светлой шерсти вместо ушанки, подобрался к обвалившейся стене, выглянул.

Впереди было метров триста относительно открытого пространства, а за ним - квартал города. Видимо немцы так артиллерией раздолбили здесь, обеспечивая простреливаемость ничейной полосы. Хотя на нейтралке было достаточно укрытий - горы битого кирпича в местах, где были дома, воронки метров по шесть в диаметре, огрызки деревьев, кое-где уцелевшие надолбы. Точно посередине стоял зелёный здоровый танк, башня со звездой повернута на корму, на нас. И всё это густо усыпано небольшими холмиками габаритов человеческого тела. Какие из них зеленели ватниками, какие серели шинелями нашими и немецкими, какие были накрыты саваном снега.

- Что там, Иваныч?

- Кладбище не захороненного пушечного мяса, - я спустился вниз, стал расстёгивать полушубок, - слушайте меня и делайте так, как я сказал, если хотите жить. Нейтралка перед нами не бильярдный стол. Укрытий и ложбинок там море. Перекатами и перебежками от укрытия к укрытию вполне можно дойти до позиций врага. А там - "прикладом бей, штыком коли". Вполне реально. В полный рост не бегать. Открытое место пролетать безумным кроликом. И так же ямками и канавами укрываться. Пока танк не пройдем - стрелять бесполезно, только огонь на себя вызовите. Вот и вся хитрость. Ну, с Богом!

Я развязал свой мешок, достал оттуда костюм из белого парашютного шёлка, одел штаны, накидку, бронник, уже обшитый снаружи лоскутами белого парашютного шёлка, полушубок и ушанку свернул записал в мешок, шёлковый чехол на каску сунул в карман - каски мне не выдали. Мешок завязал, толстой крепкой верёвкой обвязал, другой конец верёвки привязал сзади к поясу.

Бойцы вокруг с интересом наблюдали за моим перевоплощением.

- Мешок с собой возьмешь? - спросил Иван.

- Конечно. Сюда я уже не вернусь. У нас, дорогой ты мой казак, опора и надежда Державы, только одна дорога - на позиции врага. Назад мы не ходим.

- Осилим?

- У нас есть выбор?

- Не по-людски с нами поступают, - просипел простуженный голос справа, - как скот, на убой гонят. Что, штрафники - значит не люди?

- Там, ребята, впереди, враг. У него пулемёты, миномёты. Но, там,

впереди - Столица! Мужики, это же Москва! Как вы не поймёте! Немец в Москве! Нас привели сюда, дали оружие, показали врага. Как его убить - уже нам изворачиваться. А вы как думали? Вам немцев голых и безоружных подведут? Нет, ребята. Так не бывает. Всегда так - он там, там пулемёты, пушки, танки, миномёты. А нам надо его одолеть. И не важно, штрафник ты, махра рядовая или мазута за скорлупой - всем идти через огонь. Всем и всегда - через огонь. По другому - не бывает.

Бойцы притихли. Я увидел ротного и политрука. Оба, с ППШ за плечами, шли, переговариваясь. Двое с большими термосами семенили следом. К ним потянулась очередь с кружками, котелками, крышками котелков. Спирт! Я пить не стал, свои сто грамм налил во фляжку, закрыл, повесил на пояс. А люди пили. И правильно - немного отпустит. Сворачиваемость крови не важна, когда от страха руки-ноги судорогой сводит.

Ротный заряжал ракетницу. Началось!

- И ещё, братья, если вдруг окажитесь на зелёной лужайке - не пугайтесь и идите на свет. Вы уже мертвы, вы уже в Раю. Мы все уже давно мертвы, осталось только несколько фрицев загнать на пару метров под асфальт. Смертники, вернём долг Отечеству!

Я встал, поправил обмундирование, чтобы ничего не тёрло, не мешало. Рот внезапно пересох, сердце бешено колотилось в горле. Краем глаза я смотрел на ротного. Когда он поднял руку с ракетницей и начал разевать рот, я побежал вперёд, зажав свой мешок левой рукой.

Пусть думают, что я безумец. Или отчаянный храбрец. Мной же руководил точный расчёт. Пока немецкие пулемётчики меня, всего белого, заметят, пока наведут стволы, пока "потупят", сколько я успею пробежать на "пятой скорости" в полный рост? А у немцев ещё есть такой подлый приём - они в первую волну наступающих не стреляют, заманивая. Долбят вторую волну, укладывают таким образом всех мордами в снег и добивают миномётами и на отходе. Воспользуемся их шаблонностью.

Над моей головой просвистели снаряды, разорвались на стороне немцев. Ого! У нас артподготовка даже есть! Правда следующая партия снарядов не разорвалась. И два последующие. Только чад поднимался. Дымовые! Зер гуд!

Я уже начал задыхаться, когда вокруг меня засвистели пули. Стреляли сзади! Вот, суки! Одна пуля ударила в бронник. Кубарем ушёл влево, мешок из рук выпустил, дальше бежал уже заячьими петлями и перекатами. Мешок хвостом волочился сзади на верёвке.

Ожил танк. Из башни и из-под днища засверкали вспышки

пулемётных очередей. Хорошо, не в меня. Вот почему башня была отвёрнута - там немцы засели. Ну, что ж, разумно. Мы тоже так делали.

Упав в очередной раз, перекатился в воронку, подобрал заиндепевшую каску. Сев на дно воронки, огляделся. Я пробежал метров сто, штрафники сильно отстали. Ломанной цепью баранов пёрли напролом. Лишь несколько человек, подобно мне, "зайчатили". Пулемёты собирали свой кровавый урожай.

Быстро постучав каской о кирпич, выбив сор, напялил белый чехол, затянул, надел на голову поверх подшлемника, затянул под подбородком. Вышвырнул мешок, выкатился следом сам, вскочил, побежал, волоча винтовку за ремень по земле. Всё одно она - балласт. Чемодан без ручки - и толку нет, и выбросить нельзя.

Я уже сровнялся с танком, пробежал 2/3 нейтралки, только танк был по правую руку. Мне казалось, что я уже полчаса бегу, но я знал, что это иллюзия. Лишь несколько минут. И тут ожили немецкие позиции. Загремели "сенокосилки" МГ-34, захлопали миномёты. И по мне тоже. Нырнул в небольшую воронку, вжался в самый низ. Пули рвали мёрзлую землю вокруг, пара близких разрывов швырнула на меня комья земли и битый кирпич.

Оглянулся. Рота залегла. А вот почему немец "заговорил" - первые метров восемьдесят рота наступала в низинке, видимая только из танка. Но, тут у них уже всё давно пристреляно. Рота подавлена быстро и надёжно. Всё - наступления не будет. Цепь пыталась подняться пару раз, но люди тут же скашивались пулемётами, как косой. Прямо в цепи рвались мины. Хреново!

Танк был совсем рядом со мной. Я даже слышал крики на немецком сквозь грохот пулемётов. Станный танк. Здоровый! Длинный, трёхбашенный. Верхняя большая башня с короткой пушкой-окурком развернута назад и поливает огнём залёгшую роту. Две маленьких пулемётных башни могли стрелять только вперёд, поэтому молчали. Хорошо хоть из пушки не долбит. Под танком и перед ним, точнее, за его кормой, вырыты окопы, мелькают побеленные малярной кистью каски немцев. Откинулся верхний люк, высунулась голова в фуражке и женском пуховом платке. Он оглядел залёгшую роту, поднёс к лицу трубку и начал кричать туда. Корректировщик!

У меня скулы свело судорогой от злости. Старшина, ... ! У меня такая позиция! Если бы была нормальная винтовка! Пистолетом тут не возьмёшь! Вернусь, порву! Из-за этого раздолбая сейчас народ из миномётов порвут!

Вокруг меня опять начали рассерженными шмелями пролетать пули, звонко вонзаясь в землю. Что это вдруг? Я же не "светился". Кот! Ящерицей, из ямы в яму, от кочки к кучке, пробирался сюда. Бросал на меня быстрые взгляды. Явно ко мне собрался. Э-э, дорогой, тут мы вдвоём не уместимся!

Неподалёку была отличная позиция - огромная, глубокая воронка, почти накрытая корнями вывороченного старого толстого тополя. Как я её сразу не увидел? Я вышвырнул мешок повыше в сторону танка, сам метнулся к воронке, кубарем прокатившись по открытому месту, нырнул в корни. Через несколько секунд рядом на пузе съехал Кот.

- Ты что припёрся?

- Я думал, ты к немцам сбёг! - он задыхался, но глаза сияли. Сияние глаз кота - зрелище необычное.

- Кот, тебя мама в детстве на бетонный пол головой не роняла?

Он отрицательно pokrutil головой, глубоко дыша, чуть перекатился глубже. Я подтянул за верёвку мешок. Обидно - мешок был несколько раз пробит пулями. Полушубок жалко.

- Постой-ка, а я-то всё думаю, приставят за мной надзирателя или нет? И кого? А вот и надзиратель!

Кот попытался откатиться, но я был быстрее. Ох, и ловкий парень! Из четырёх моих ударов только один прошёл, и то - вскользь. Я воспользовался своим преимуществом в весе и габаритах, зажал его, как медведь нашкодившего котёнка. Надломил, придушил, добивать не стал. Полузадушенный Кот смотрел на меня отчаянно-яростными глазами, но не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть.

- Так это ты мне в спину стрелял, кошка дранная! Что же вы дебилы такие! Не пойду я к немцу живым! Смотри!

Я отпустил его, поднял руку и показал потайной карман с Ф-1.

- Видишь, гранату эту не достать. Чеку сдёрнуть - немцам от меня только набор для холодца достанется. Не дамся я им живым, что вы не поймёте никак! Одна у меня Родина! Одна! И она не продаётся!

Кот, вцепившись в своё горло обеими руками, скрючившись, кашлял.

- Как вы достали, чекисты грёбанние! Чурбаны стоеросовые. Вроде нормальные мужики, но временами - кретины! Сиди здесь и носа не высовывай! Лёжку засветишь - мину за шиворот получишь.

Я забрал его винтовку, оттряхнул, открыл затвор, дунул, протёр, дослал патрон. Чуть высунулся в нашу сторону, выбрал кочку шагах в тридцати, прицелился, выстрелил, попал! Нормально!

- Сиди тише мыши! - ещё раз сказал я ему, выкатился из воронки на

свою прежнюю позицию. Отсюда было хорошо всё видно. Распластанные по земле цепи роты, терзаемые миномётами и пулемётами, не подавали признаков жизни. Люк на башне тоже был закрыт. Каски немцев уже не мелькали вокруг танка, а уже уверенно торчали над щебнем. Зубоскалят. Унял сильное желание стрелять в эти скалящиеся морды. Надо ждать этого, пидорга, в платке и фуражке.

Поелозив, устроился поудобнее. Приготовился ждать.

- У-у-а-а-а! - прокатилось по полю боя. Охренеть! Они опять в атаку собрались!

А вот и немец, выскочил из танка, как чёртик из табакерки. А я тебя уже жду! Пуля расколола трубку телефона, расплескала мозги, фуражка подлетела и упала за танк. Время для меня замерло. Четыре патрона в магазине. Меньше ста метров. Мосинка - очень точное оружие. Стендовая стрельба. Биатлон. Четыре патрона в магазине - четыре дырке в белённых известью касках. Всё! Перезарядить не успею! Бежать!

Когда я свалился на дно воронки под ствол тополя, Кот смотрел на меня огромными глазами.

- Что?

Он кивнул подбородком на меня. Я осмотрел себя - мама родная! На моей одежде места живого нет: масккостюм изорван, клочья ваты торчат из прорех, бронепластины чернеют через брезент, как ножём рассеченный. Сам не веря, ощупал себя - только царапины, выдохнул облегчённо.

- Тьфу на тебя, кошка дранная, напугал. Иди, дежурь! Посматривай, но не высовывайся! Они нас попробуют минами накрыть, а потом группу выслать.

- Откуда ты знаешь?

- Я бы так сделал. Ты хвост далеко не высовывай - оторвёт.

И правда - вокруг завывало, стали рваться мины. Страшно, мля! Мина - подлая штука - падает отвесно, осколков даёт море! Одним утешал себя - пока по мне долбят - по ребятам не могут.

Налёт был не долгим, но яростным. Мы остались живы лишь благодаря тополю - под ним укрылись. Выглянули оба - лунный пейзаж вокруг. В воронке, откуда я стрелял по танку - не менее трёх новых кратеров. Кот толкнул меня, что-то сказал, но уши как ватой забиты. Посмотрел, куда он указывал. Тополь был изжёван капитально. Похоже, одна из мин рванула прямо над нашими головами.

А это что за явление Христа народу? По нейтралке брёл, спотыкаясь, набывчившись, огромный красноармеец. Глаза его были зажмуренны, кулаки сжаты, губы закушены. Оружия нет, а прёт, упрямо, как бульдозер.

Пули у его ног выбивали комки льда, поднимали фонтанчики снега, а он шёл и шёл.

Мы оба, и я, и Кот, в оцепенении смотрели на этого контуженного. Вокруг него проносились сотни пуль, тысячи осколков - а на нём ни царапины!

- Кот! Достань его! Не надо на меня так смотреть - я тебе в спину не стрелял! Откупайся! Достань его! Вон в ту яму его вали!

Кот побледнел, зажмурился, задышал глубоко и часто, как перед прыжком в воду.

- Стоять! Я передумал! - я хлопнул его по плечу, осаживая его на дно воронки, а сам выкатился вверх, реактивной торпедой полетел на этого Быка, приёмом из американского футбола снёс его с ног и вместе с ним оказался как раз в той самой яме.

Как ни удивительно - я опять был жив и относительно цел. Даже фляжка уцелела. Бык не подавал признаков жизни - сильно я его приложил. Разжал ему рот, влил туда спирта. Ребёнок! Теперь стало видно, что этот здоровяк совсем юн - бритва ещё ни разу не скоблила этот детский пушок под носом. Парень закашлялся, задыхаясь.

- Что?

- Мне нельзя! - прокашлял он.

- Что нельзя?

- Пить нельзя спиртного!

- Не пей! Тебя как звать?

- Прохор я. Бугаёв.

В натуре, Бык. Бугай.

- Ты куда шёл-то, Прохор?

- Туда. Сказали идти - я и шёл.

- А оружие твоё где?

- Мне нельзя.

- Чего нельзя?

- Оружие в руки брать. Бог запретил.

- А помирать не запретил?

Парень смотрел на меня глазами праведника, встретившего блудницу.

- Нет, Прохор, ты не Бык. Ты - тюлень! Или олень! Придурок! Долбоёж! Кто тебя научил так Бога-то понимать? Секта самоубийцы пятого дня Иеговы?

Конечно, я не удостоился ответа.

- Ну, дошёл бы ты до немцев, что бы дальше делал? Убивать их стал бы?

Он отшатнулся, как от прокажённого. Мля, хоть плачь! Что за день-то такой! Долбоёж на долбоёже!

- Смотри! - я достал, показал ему свой крест, - мне Бог сказал, что я должен бороться с демонами и бесами в тех окопах. И жизнь мою он уже не раз здесь удерживал, от неминуемой смерти спасал...

Парень усмехнулся.

- Да кто же тебе так набекрень мозги поставил? Толстовцы? Буддисты? Какие ушлёпки это замутили? Непротивление злу? Клуб предателей-самоубийц, гля!

Я схватил его за голову, заглянул прямо в глаза, легко соскочил в "ярость", попытался повлиять на его волю. Парень не сопротивлялся, я весь "растворился" в его глазах, он "принял" меня, его сознание, молодое, податливое, не отторгло моего агрессивного сознания.

- Ты веришь мне? - спросил я его нужным голосом.

- Да, - спокойно ответил он.

- Они враги. Ты веришь мне? Их надо убивать!

Он оттолкнул меня. Контакт оборвался. Не вышло. Слишком крепко в нём сидела эта установка. Не сломать. В принципе, сломать можно, но я сломаю и этого парня. Я овладел лишь азами этого умения, не справится.

- Что же делать-то с тобой, телёнок? Ты откуда родом?

Он назвал, поняв, что мне это ничего не сказало, добавил, что это в Сибири.

- А, мамин сибиряк. И годов тебе сколько?

- Восемнадцать.

- А если честно?

- Шестнадцать.

- А совсем честно, как перед исповедником?

- Пятнадцать будет в мае.

- Охренеть! Чем же тебя, телёнка, кормили, что ты так вымахал? Почему в армии оказался? Призыву не подлежишь, добровольцами с такими моральными установками не идут.

- Брата старшего призвали. А у него семеро по лавкам. Отец занемог, слёг, мать старая уже. Отец мне и сказал: "Иди, мри!" Я оружие брать отказывался. Меня расстреляли, я не умер. Сюда прислали.

Гля, хоть плачь! Как побеждать-то с таким народом? Жукова упрекать будут за большие потери, а они на войну идут не для победы, не защищать, а умирать! На пулемёты даже не с кулаками, а вообще ни с чем! Как? Что бы он там с немцами делал? В дёсны целовал?

- Что умеешь?

- Читать, писать, считать, трактор водить и чинить, моторы разные, за скотиной ухаживать, лечить.

- Как лечить?

- Вот так, - он положил мне руки не предплечье, где пуля оставила царапину и... заживил.

Вот тут я конкретно выпал в осадок. Рот разинул, как дурачёк, и сел на задницу.

- Если я отниму хоть одну душу, Боженька заберёт мой дар.

Решение пришло мгновенно. Конечно, какое ещё может ещё решение - он же санинструктор! Зачем ему оружие? Мы все его беречь будем, как зеницу ока.

- А как же тебя расстреляли? Ты себя излечил?

- Нет, матушка заговорила. Не возьмёт меня ни холодный металл, ни огненный.

- Поэтому по тебе не попадали?

Он пожал плечами. И как мне быть? Что это - магия? Промысел божий? А моя "ярость"? Что это? Адреналиновый взрыв или Дар? Со стороны, тоже магией выглядит. И это, "внушение", которым я почти не владею, но оно же есть!

- Слушай, Прохор. Не надо тебе туда идти. Не нужны тебе немцы. Там, на поле, братья наши гибнут, кровью истекают. Раненым надо помочь, с поля боя вынести. Вот тебе что нужно делать, Прохор. Ты меня понимаешь?

- А ты и есть тот самый Медведь о котором все говорят?

- Не верь никому, Прохор. Я Кузьмин, Виктор Иванович. После боя я тебя найду. Иди, Божье Дитя, иди. Отнимать жизнь и стоять насмерть - мой удел, не твой.

Он положил мне одну руку на лоб, другую на затылок, задумался-прислушался, кивнул, встал. А голова моя болеть перестала.

- Спасибо тебе, Прохор.

- Вам спасибо, Виктор Иванович.

И он пошёл. Спокойно, как по парку, а не по перепаханной и пропитанной кровью нейтралке. Бессильные пули злобно проносились мимо него. Я ещё минуту сидел в прострации, пока взгляд мой не упал на клубок синих шлангов. Что за шланги? Откуда? Ё-ё-о! Это же кишки. Переход между чем-то возвышенным, чем веяло от Прохора, в самую помойку войны был так резок, что меня чуть не вырвало. Если бы не пустой со вчерашнего вечера желудок - вырвало бы.

Потом я увидел, что нижняя часть этого тела была вне воронки. И это

тело было обуто в подкованные сапоги с короткими голенищами (ага! это немец!), а за голенищем торчала "колотушка". Граната! Тут же горы трупов! У всех же, до перехода в состояние льда, было оружие, боеприпасы, хавчик! Нет! Хавчик - нет! Тихо-тихо, упокойся, требуха! Не буду я у них еду искать. А вот оружие найти надо!

Пока доставал гранату и шарил по обледеневшим карманам, чуть не пристрелили. Зато нашёл зажигалку и портсигар. Понюхал сигареты - табаком пахнут, не трупом. С удовольствием покурил, лёжа на спине в яме. Пока курил, пулемётчик нашёл более интересные мишени, и я перебрался к Коту, под тополь.

Кот как "завис", так и "тормозил". То есть, был в полной прострации. Глоток спирта и сигарета немного привели его в чувство.

- Ты чего такой потерянный, Кошара?

- Как вы это делаете?

- Что именно?

- Всё это... Вас должны были убить сто раз, а вы - вот...

Я пожал плечами, выглянул.

- Кот, ты смотри - по нашу душу охотники ползут. Вовремя я гранату нашёл.

- Может, мёртвыми притворимся?

- В ножи их хочешь взять? Это - врят ли. Они сначала гранату кидают, а потом спрашивают: "Есть кто живой?".

Кот промолчал.

- Слышь, Кошкодральник, ты хорошо стреляешь?

- Угу.

- Не "угу", а так точно. Отползаем туда. Я кидаю гранату, ты достреливаешь выживших. Потом ныряем опять под корень. Я думаю, мы их сильно разозлим. А когда они злятся - они мины раскидывают очень щедро. Я понятно объясняю?

- Так точно.

- Давай!

Граната легла точно меж двумя ползущими немцами. Один её схватил, хотел отбросить, но я-то кидал с задержкой. Граната взорвалась у него в руке. Тут же бухнул над ухом Кот. И ещё. Я уже змеёй полз в воронку, под корень. Следом вполз Кот. Оба постарались как можно компактнее разместить руки-ноги.

Продолбили нас в этот раз основательно. Долго, упорно и нудно. Страшно, аж кипятик к подкатывал к выходу. Держал руками, чтобы не опозориться.

- Кот, погляди - я живой? - сказал я, когда взрываться перестало, но сам себя не слышал. Кот смотрел в одну точку мёртвыми глазами. Убило? Нет, живой, дышит. Контужен.

Всё, лимит везения на сегодня исчерпан, сидим, не отвечаем. Меня и самого контузило не хило. Спасибо тополю, опять спас нас. А ведь терпеть не мог этого дерева, тополя, бесполезным считал.

Сколько времени мы так провалялись без движения? Кто его знает? У Кота часов не было, у меня тоже. Мне на часы не везёт - больше одного боя не живут. Наружу не выглядывали, по интенсивности стрельбы не догадаешься - оглохли напрочь. Кстати, а как это они нас так лихо молотили менее чем в сотне метров от своих? Не боялись зацепить позиции у захваченного у нас танка?

Правду говорят, любопытство погубит. Последний этот вопрос мучил меня, мучил, да и вылез я оглядеться. А снаружи уже темно. Я подумал, что это у меня в глазах потемнело, а потом увидел всполох осветительной ракеты и бегущие от неё в безумии изломанные тени. Ночь! Уже ночь! Мы с Котом или спали, или в отключке провалялись. А Кот хоть живой? Почти. Дал ему волшебной мёртвой воды - спирта. Чуть оклемался. И как заорёт! Я навалился на него, рот ему закрыл, показал прижатый к губам палец. Контузило парня. Сурдопереводом, т.е. жестами приказал ему сидеть здесь, сам пополз по лунному пейзажу в сторону танка. Мой вымазанный, изорванный маскхалат меня неплохо скрывал, тем более, что шёл лёгкий снежок.

Ага! Сволочи! Своих зацепили! Или это наши? Вокруг танка был такой же лунный вид. Немцев не видать. Ага! Есть! Верхний люк выгнут, закрыт не плотно, дым оттуда сочиться, а сквозь смотровые щели свет изнутри пробивается. В танке, получается, немцы есть. А вокруг? А вокруг - тишина. Или это только для меня тишина? Нет, снег и щебень под моими руками скрипят, значит, я слышу!

Видимо, нас с Котом враг принял за прорыв, за передовой отряд, вот и промолотили так основательно, накрыв даже танк. Хотя, что ему толстокожему мины сделают? Поцарапают? Гусянка у него и так по земле раскатана.

Пал снежок, морозило, немцы попрятались. Или нет? Говорят, у них с дисциплиной строго. Подобрал кусок стали - оперение мины, кинул в сторону танка. Железка негромко плюхнулась на землю. Часовой подал голос, что-то спросил. Правда, дисциплина. Он сидел в окопе под танком, что-то скрипнуло, произошёл короткий диалог. Блин, надо учить немецкий.

Я откинулся на спину, открыл рот. Снежинки падали на лицо.

Хорошо. Холода уже не чувствую. Наверное, это плохо. Что дальше делать? Назад, к своим отходить? А утром опять с самого начала сюда бежать? Уже не получится так ловко - сильно мне досталось сегодня. И танк этот, как волнорез, стоит посреди. Стальной ДОТ, гля! Не видел я у штрафников ни пушек, ни ПТРов, даже гранат не дали. Погибнут все прямо на этом пятачке! Не за медный грошик!

Я аж сел. Блин! Я-то уже здесь! И, похоже, враг обо мне пока не знает. А уж танки уничтожать - прямая моя профессия в этом мире. Граната! Нужна граната! Не с пистолетиком же штурмовать танк! Так, ту гранату я нашёл там. Оттуда и начнём поиск оружия. Я пополз, тыкаясь в каждый подходящий по габаритам бугорок.

- Стой! Кто идёт? - хриплый окрик подействовал на меня, как ведро кипятка. Чуть не вскочил, вопя.

- А ты кто? - спросил я в ответ.

- Ща гранату кину!

- Я те кину! Что, не слышишь, свои? Кузьмин я.

- Иваныч! - хриплый голос явно обрадовался, - Прохор, я же говорил - живой он!

- Ваня? Прохор? Вы как тут?

Я скатился в ту самую воронку, где мы беседовали с Прохором. Парень мне и рассказал, как нашёл Ивана с перебитыми ногами, потащил его в тыл, а он упирался, ко мне, Кузьмину, рвался.

- Прохор, ты и так можешь? - удивлённо спросил я, при изменчивом свете ракеты разглядывая измочаленные на бёдрах штанины Ивана. Парень лишь кивнул. Он был в полуобморочном состоянии, клевал носом. Я его уложил на бок, Прохор сразу уснул.

- Иваныч, ты не представляешь, ходит этот дедина по полю боя в полный рост, хватает раненных по двое - трое за раз и тащит в тыл. Ни одна пуля его не берёт. Я его умолял, как узнал, что он тебя видел. Я сразу за тобой бежал, отстал, потом мне пулемёт по ногам долбанул. Как ломом пробил. Кровищи! Перевязался, а она не перестаёт. Если бы не Прохор - помер бы давно. Ты бы знал, как я ему обязан! Как он меня залечил - просто чудо! Руки положил, горячо стало, как утюгом прижёт. Я сознание потерял, а как очнулся - глянул - только шрамы и остались. Прохор говорит, хорошо что пули навывлет прошли.

- Ваня, не тренди, башка и так болит. Где граната?

- Какая граната?

- Ты сказал, гранату кинешь.

- Так пугал я! Нет гранаты. И ружья нет. Нож только остался.

- Я слышал, ножевым боем владеешь?

- Дед научил. И другим ухваткам. Он пластуном был, пока ногу не отрезали.

- Судьба видать у вас такая, в ноги приходит. Гранаты нужны. Танк этот надо грохнуть, не даст он нам житья. Полезли искать.

- Где искать-то?

- Везде. Я вот тут, видишь ноги, одну нашёл.

Иван отшатнулся резко от трупа. Он его, оказывается, за кочку принял, голову прикладывал. Растолкали Прохора, но ничего вразумительного добиться от него не смогли - только бурбил что-то, не просыпаясь.

- А, на фиг, полезли!

Ползали очень долго, но самое обидное - безрезультатно. Нашли несколько десятков разнокалиберных патронов, два штыка от трёхлинеек, пару дырявых фляг.

Приползли к Коту. У него от ушей за шиворот пробежали две чёрные полосы. Слышал он плохо, приходилось громко шептать в самое ухо, даже сидя шатался, как пьяный. Говорить вообще не мог, мычал только. Да, контузия - это не бочёнок мёда, штука плохая. Я махнул на него рукой и отправил к Прохору, но он вцепился в мой изодранный рукав, достал другой рукой нож, виртуозно стал крутить его, смотря на меня умоляющими глазами, как пёс, выпрашивающий шоколадку.

- А, полтора всё лучше, чем один, - махнул я рукой. Кот расцвёл, сграбастал ещё и штык. Иван тоже взял штык. Я им тихим шёпотом, а для Кота ещё и сурдопереводом жестами обрисовал план нападения на танк. Гранат нет - будем брать в ножи. Поставим танк на перо!

Руины Столицы.

1942г.

Ставим танк на перо.

И почему я в школе учил английский, а не немецкий? Блин, найду Кадета, начну брать уроки. Что-то последние месяцы этот язык стал жизненно необходим. Особенно при моих авантюрных атаках. А авантюрные они от безвыходности. Вот и сейчас я шёл с открытой флягой спирта в левой руке, облившись им, и ножём в правой. Шёл по неглубокому ходу сообщения от позиций врага к танку, решив, что с этой стороны немецкий часовой будет ждать угрозы меньше. Тем более такой открытой и наглой угрозы. Тут бы что-нибудь по-немецки лопотать, но не "хенде-хох" же и не "Гитлер-купут"? И я запел "пьяным" голосом единственное, что ещё знал из немецкого:

Ду, ду хаст, ду хаст михшт,
Ду, ду хаст, ду хаст михшт, ду хаст михшт гефраг...

Жаль, что я не понимаю, о чем пела группа "Раммштайн". Может, не в тему?

- Хальт! Хатра-бурта! - окликнул меня часовой, нарисовавшись прямо передо мной, направив на меня винтовку со штыком.

Я же "пьяный"! Я ему "добро", можно сказать, "душевно" улыбнулся, сделав "удивлённое" лицо (в темноте хоть видны мои актёрские потуги?), пошатнулся, протягивая флягу, уронил её под ноги озверевающего от охерения часового.

- О, швайне! Майн шнапс! - захрипел я, дёргаясь за флягой, "естественно", "не удержав" равновесия, пролетел мимо штыка, "чтобы не упасть" схватился за винтовку, дёрнул. Часовой тоже дёрнулся, но поздно, парень метаться - лезвие ножа вошло ему под подбородок. Кровь хлынула потоком, я подхватил падающее тело, кашлянул громко три раза - это сигнал моим бойцам.

Меня затрясло и начало мутить. Ё-моё, будто первого завалил! Я аж зарычал от злости на самого себя - расклеился по госпиталям да по тылам, как барышня!

Юркнул под танк. Там мог быть ещё один дозорный, но обошлось. Если бы был - уже пристрелил бы меня, пока я "рефлексировал".

Под танком было темно. Я загрохотал по днищу рукоятью ножа:

- Ду хаст михшт гефраг...

Заскрипев, открылся нижний, аварийный люк, выбросив изнутри полоску света, вылезла голова в нелепой пилотке поверх серого пухового платка. Глаза немца были широко открыты, как у всякого, кто попадает со света во тьму. Он спросил что-то навроде:

- Ватыс лост?

- Сам ты лось, - буркнул я в ответ, сгробастал его за воротник и со всей силы и массы дёрнул вниз. Немец и так был, наверное, в неустойчивом положении, вывалился из танка, как пробка. Мало того, что я его уронил на голову, так ещё и рухнул ему на горло коленями, а потом, что бы уж наверняка, всадил нож в грудь. Это всё заняло долю секунды, потом я метнулся дальше по окопу, уходя из пятна света, что бы меня не пристрелили, сел на задницу.

Из танка слышались грохот, ругань, крики. Пока я подобрал ноги под себя, пока поднялся - валенки очень тёплая обувь, но вот переход из положения сидя на пятой точке в положение стоя в них производить - целая эквилибристика. В общем, пока я поднялся и опасно заглянул в танк,

оттуда уже нёсся вопль:

- Иваныч! Кота убили!

Я как тот Вини Пух, в лаз в днище танка смог просунуть только голову. В танке горела лишь одна лампа за решётчатым плафоном, но её света оказалось достаточно, чтобы увидеть, что внутри - филиал скотобойни - столько крови было вокруг. И только две пары глаз - отчаянные от бессилия глаза Ивана и застывшие от боли глаз Кота, голова которого лежала на коленях Ивана, а руки держали торчащий из груди тесак немецкого штык-ножа. Кровь хлестала из Кота ручьём.

- Прохор! - Заорал я. А, плевать теперь на маскировку и тишину. Мы под стальной громадиной танка, а Кот истекает кровью на моих глазах. А Прохор спал там, как убитый. - Прохор!

Казалось, своим истошным воплем я разбудил не только немцев, наших, но и сами Небеса: вокруг загрохотало, засвистело, зазвенело и зажжужало. Глянув в просвет меж бронёй и землёй, увидел пунктиры трассеров, протягивающиеся как с нашей стороны, так и со стороны немцев, свистели и рвались мины, на фоне этой свистопляски, бесшумно взлетали осветительные ракеты.

Прохор нырнул в танк через верхний люк рыбкой (не застрял, хотя выше меня на полголовы и обширнее раза в полтора, хотя, вру, в ватнике и "доспехе" я такой же объёмный). Сонными глазами осмотрел нас.

- Кот! - заревел я, - Спаси его! Сделай что-нибудь!

В броню как будто сыпанули горохом - то ли пули, то ли осколки. Прохор быстро скинул рукавицы, стянул через голову ватник, расстегнул и распахнул, насколько смог, одежду на груди Кота, вздохнул несколько раз, будто перед прыжком в прорубь. Резко выхватил тесак из груди Кота (блин, какой же он длинный!) и накрыл хлынувшую фонтаном крови рану ладонью, вторую подвел под спину Кота, зажмурился, зашептал что-то.

Мы с Иваном, замороженные смотрели на его лицо. Потом, после очередного перестука по броне, я опомнился.

- Блин, а если они в контратаку пойдут? - вслух подумал я, - Ваня, оставь Кота, Это Прохора дело. Ваня! К пулемётам!

Сам я, откинув сапог, вернее, ногу немца, потянул вниз пулемёт с толстым "блином" наверху, лежащий в танке. Видно, в суматохе его спихнули в угол. Вытащив пулемёт наружу, заглянул внутрь в поисках ещё нескольких таких толстых дисков.

Так вот ты какой, Дегтерёв-Танковый! Он был не легче своего пехотного собрата, но короче, рукоятка пистолетная, приклад складывается. Пулемёт мне сразу понравился. Ещё бы работал надёжно. Судя по

отсутствию здесь МГ, немцев надёжность трофейных ДТ устраивала. А если их, привередливых, устраивала, то меня и подавно.

Разложил сошки, передёрнул затвор, выпустил короткую очередь в сторону немцев. Хреново - пламегаситель отсутствовал, вспышка слепила меня и демаскировала мою позицию. Опустил пулемёт вниз, пытался вглядываться в мельтешение теней и вспышек перед собой. Потом решил, что пока немец долбит из миномётов, в атаку не пойдут. Сел на землю. О! Провод! К хренам! Перерезал его ножём, заглянул в танк. Прямо надо мной висели пропитанные кровью валенки Ивана - это он через перископ главной башни оглядывал окрестности, сидя в командирском кресле. Прохор, всё в такой же медитации что-то шептал одними губами, Кот был без сознания, бледен, даже чёрен, но кровь меж пальцев Прохора больше не бежала.

Только теперь заметил, что в танке теплее, чем снаружи и увидел маленькую железную печку, задвинутую теперь в самый нос танка, слева от сидения механика-водителя.

В танке тепло, но больно уж кроваво. Схватил за штанину одного из немцев, потащил его вниз, сгребая его телом, заодно, целый водопад густой крови. Облился. Твою-то дивизию!

- Иван! Давай, выталкивай этих недоносков сюда, пока не зачоченели!

Он выталкивал тела их танка, я оттаскивал, обыскивал, раздевал. Трофеи - в одну кучу, одежда - в другую, тела - наружу, в ход сообщения. Из тел построил баррикаду, их шмотками убрали кровь. Пока возились, стрельба попритихла, что не могло меня не насторожить. Прохор уже закончил с Котом, правда выглядел теперь не лучше Кота - почернел, лицо осунулось, глаза ввалились. Они оба теперь спали в танкистских креслах.

Глядя на них, и я понял, что устал смертельно. Ого, в танке были часы - 5-45. Уже утро. Сунуться немцы проверять нас или нет?

- Иваныч, залазь, вздремни тоже, - прошептал Иван.

- А ты?

- Так я поспал. Пока тебя не нашёл, поспал в той воронке. Это Прохор так сделал. Ты, говорит, много крови потерял. Ткнул меня пальцем в лоб - я и уснул мигом. Проснулся, как тебя услышал. Так что, я нормальный, выпался.

- Ладно, задраим все люки и хрен на них всех!

Я засунул в танк пулемёт, запасные диски, залез через главную башню, сел в кресло заряжающего, показавшееся мне очень-очень удобным, пробурчал:

- Жаль, что снарядов нет. Мы бы им навели шороха... Снаряды... Хоть

патроны есть... Четыре пулемёта...

Я уже не видел, что Иван насмешливо смотрел на меня. Потом он стал перебирать рычагами, вручную поворачивая башню на врага. У этого танка была пулемётная точка и в корме башни, но спереди обзор всё-таки лучше. Так же решили и немцы, кормовой пулемёт сняли, заменив заглушкой.

- Ух, немчура! - радостно прошептал Иван, - Вот удивитесь вы утром, когда мы вам из трёх пулемётов всыпем!

Развернув башню, он стал набивать патронами из брезентового ведра, любезно припасённого немцами, диски. Именно за этим занятием, снаряжением дисков, мы и застали их врасплох. Жаль только Кот так нелепо нарвался на штык. Иван озабоченно посмотрел на лицо Кота. Тот спокойно спал.

- Ничаво, глядишь, оклемается. Этот Прохор шаман, наверное. Он же сибиряк. Ага, они сибиряки все такие. Здоровые, что быки племенные, да странные. И шаманы в ихнем лесу живут. Тайга их лес называется.

Так он сам с собой и разговаривал, хотя раньше за ним подобного не замечалось. Верно говорят, что война, она как домна - в неё вошёл кусок чего-то, а вот что выйдет? Таким, каким было - не выйдет. Измениться форма, состав, плотность. Лишнее выгорит, ценное - останется. А если нет в человеке ничего ценного - ничего и не останется. Из ценной руды - слиток металла получится, из пустой породы - так шлак и пепел и будет. А пепел в трубу вылетит.

Руины Столицы.

1942г.

Атака.

Ротный вскинул ракетницу и выстрелил в небо. Зелёная комета унеслась к низким облакам, продолжавшие сыпать мелким снежком.

- Ура! За Родину! - Закричал младший политрук, вскидывая автомат над головой и побежал на запад.

- У-у-а-а! - подхватили десятки глоток, побежали следом.

Это был второй бой младшего политрука Назарова Сергея Николаевича, вчера ещё комсорга бригады промысловиков-лесозаготовителей. А вчера был первый. И был бы последним, не услышь он случайно напутственной речи этого странного бойца Кузьмина, изуродованного шрамами, с серыми, как оружейная сталь, глазами, вечно насмешливыми, но иногда с жёсткими и холодными, словно стволы расстрельной команды. Тогда он поразился, как слова эти сразу дошли до самой глубины сознания, подумал ещё: "Учись, политрук, как надо людей в

бой напутствовать!" Изуродованное тело Кузьмина и, особенно, слухи о его подвигах, дошедшие до Сергея от конвоиров, убеждали, что всё, сказанное Кузьминым не теоретические заумствования, а готовая "технология", опробованная и проверенная. Назаров последовал совету Кузьмина, наступал перебежками, пока его не отчитал ротный. Оказалось, что командирам зазорно валяться в снегу и гнуть спины пулям. Дурость. И он понимал, что это дурость. Но, ротный был его командиром. И политрук с тоской видел, как пулемёты и миномёты рвали людей на куски.

А потом рота залегла под плотным огнём.

- Политрук! Поднимай роту! - приказал ротный.

И Сергей встал в полный рост и повёл людей на огонь. Вокруг него бойцы падали замертво, а он остался невредим, хотя поднимал роту ещё два раза. На этом всё и закончилось. Отошли, оставив на поле десятки убитых, десятки раненных, пропавших без вести. Пропал и этот Кузьмин. Сергей был очень расстроен - такие потери без какого-либо результата. А вот ротный не унывал. Он составил рапорт о ходе боя, о потерях, нажрался спирта, стал "учить жизни" "желторотого" политрука.

- Ну и что, что не взяли? Завтра опять пойдём! Главное - мы не даём врагу снять части с этого направления, понимаешь? Мы держим их. А никто и не хочет, чтобы мы брали эти три дома. Если бы хотели - танки бы нам дали, поддержку арти... арти... пушек бы нам дали. А так - надо немцев держать, да этих ублюдков-предателей руками немцев в расход пустить.

Сергей был поражён до глубины души цинизмом ротного. Но, он был мягким, неконфликтным человеком, спорить не стал, ушёл из штабного подвала в роту, к штрафникам. С этого момента в душе Сергея поселился протест, неосознаваемый, потому терзающий.

И вот сегодня Сергей увидел, что уже не десяток человек наступает перебежками от кочке к яме, а большая часть роты. И правильно говорил Кузьмин - это единственный шанс выжить.

- И мне тоже, - сказал себе Сергей. Он был уверен, что у ротного отношение к нему, второму командиру в роте не менее циничное, чем к остальным штрафникам.

Изменение боя относительно вчерашнего дня штрафники отметили сразу. Танк Т-28, оставленный экипажем и попавшем в руки немцам ещё осенью, так до сих пор мешавший, как кость в горле, молчал. Даже башню отвернул от штрафников. Все уже знали, что в нём был корректировщик, именно он наводил убийственные залпы миномётной батареи из-за домов. Но в этот раз огонь миномётов был не прицельным, били по площадям.

Штрафники приободрились, увидели отблеск надежды. Первые сто

метров проскочили быстро, дружно и почти без потерь. Перевалили "гребень" и только тут попали под пулемёты. Сразу начались потери, темп наступления упал.

И только тут заметили, что танк молотит не в штрафников, а старательно "причёсывал" окна трёх полуразвалившихся многоэтажек. Над башне приоткрылся люк и чья-то рука привязала к обломку штыря антенны красный флажок, каким танкисты отдают в бою сигналы. Как будто неведомые танкисты, бросившие повреждённый танк осенью, устыдились и этой ночью вернулись в свою боевую машину. Стало понятна причина ночного переполоха и утренней бешеной перестрелки. Штрафники думали, что немец решил устроить ночную атаку, а это танкисты отбивали свой танк!

- Ура! - прокатилось по цепи штрафников. Поднажали.

Политрук добежал до танка, с непривычки, с трудом забрался на моторное отделение этого трёхбашенного монстра, забарабанил в броню прикладом.

- Эй! Танкисты! Покажись, дай обниму! - кричал он, радостно.

Люк откинулся, из танка высунулась голова целиком в спёкшейся крови. Сергей отшатнулся и чуть не упал с танка. "Танкист" поймал его за рукав, бурые губы расплзлись в усмешке:

- Ты чего шарахаешься, политрук, аль не признал? А так я разве симпатичнее?

Я скатал наверх маску, младший политрук просиял:

- Кузьмин! Нашёлся!

- Да я и не терялся. Вот, гляжу, танк бесхозный стоит, ржавеет. Уже хмыри около него трутся.

- Хмыри? Трутся?

- Да. Там, перед танком, в канавку сложил.

- Кузьмин, ты не представляешь, что ты для роты сделал! Ты... Ты...

- Почему же, представляю. Жизни людские я спас.

- Кузьмин, золотой ты человек, я на тебя представление напишу. На снятие судимости, к награде...

- Политрук, не спеши! Бой ещё не окончен. И ещё, не один я был. Со мной Бугаёв Прохор, санитар, бойцы Иван Казачёк, Ваня, как там твоя фамилия?

- Кречетов.

- Чё, в натуре? Круто! Кот, а тебя как?

- Матушкин Семён.

- Никогда бы не подумал. Запомнил, гражданин начальник? А меня не пиши. Из-за меня и им не обломиться. Всё политрук, иди, не мешай работать!

Штрафная рота с наскока налетела на позиции немцев, но после недолгой рукопашной были выбиты обратно подошедшими подкреплениями немцев. Залегли в поле. Ротный послал Сергея поднимать роту, политрук напрасно бегал перед штрафниками под пулями, пока не словил плечом пулю.

- Прохор, комиссар ранен. Вытащи его сюда. И помни, о чем я тебя предупреждал.

Прохор кивнул и ушёл. А разговор у нас утром, вот какой вышел. Увидев, сколько сил ушло у Прохора за день, я спросил его, сколько человек он вынес. Оказалось, больше двадцати. И всех он излечил.

- М-да, Прохор. Ты, и правда, ещё дитё! А разве мама с папой тебе не говорили, что дар твой от людей прятать надо?

Прохор кивнул, а вот у жующих трофейные галеты спасённых Прохором, морды вытягивались.

- Матушка говорила, что меня споймают, лапаторию посадят, опыты будут делать, голову разрежут и у живого ковыряться будут.

У меня, отъявленного живодёра, мурашки по спине пробежали.

- Матушка твоя права. Дар твой очень нужен людям. Очень нужно построить машину, которая бы умела то же, что и ты, но машины такой не будет никогда. Поэтому, такие как ты - всегда в опасности. Как только пройдёт слух о чудесных исцелениях - за тобой придут. А потом за родными твоими. Когда с тобой опыты закончат ставить.

- Мне больше не лечить людей?

- Почему же нет? Нужно лечить, но так, чтобы никто не узнал, что это твоих рук дело.

- Как же это сделать?

- Это Ваня тебя научит. Он умеет так убивать людей, что никто не знает, кто именно это сделал.

- Иваныч, хватит! Что ты опять?

- Второе, Прохор. То, что ты многих вылечил, им только во вред. Представь - ранение с них снимает судимость, они кровью искупили, полежат, полечатся, вернуться в обычную часть и будут воевать честными солдатами. Ты их вылечил, они опять идут в бой, погибают штрафниками - отступниками, родные остаются без пансиона. Кому хорошо? Я тебя, Прохор, научу обычной полевой медицине. Будешь ты обычный санитар. А в некоторых случаях - необычный. Только чудесное твоё вмешательство

должно быть скрытным. Ты нам всем нужен здесь, Прохор, а не в исследовательском институте. Я понимаю, что это звучит эгоистично и цинично, но это правда. Никто не должен догадаться, что большой, красивый и очень сильный парень ещё и лечит наложением рук. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

- Я понимаю, Виктор Иванович. Батя также говорил.

- А твой батя тоже умел как ты?

- Нет, он, как и вы, Виктор Иванович, защитник. Он жизнь отнимает, не может лечить.

- Эх, пообщаться бы с ним.

- Уже нет его. Я чувствую - ушёл он. Он так и не поправился. И матушка не помогла.

- А ты бы помог?

- Меня она и к людям-то и не подпускала с этим, - усмехнулся Прохор, - мал, говорит, людей править. На скотине учись.

Понятно, что мы рты поразявили - что же тогда его мать умела, если Прохор - неумеха?

Вот такой вот разговор состоялся. Должен признаться, что я - подлец. Всю эту правдоподобную ахиною я нес с одной целью - "привязать" Прохора к себе. Зачем? Глупый вопрос. Жить хочу. Нет, не так - не хочу живым трупом гнить, как этой осенью. Бог мне смерти не даёт, но от боли не избавляет. Ещё раз подобного не перенесу - застрелюсь. И так весь седой стал, налысо пришлось обстричься, чтобы людей не смущать, а щетина, всё одно, белая лезет на подбородке. То, что мне попался такой экстрасенс - уже чудо. За три десятка лет прошлой жизни я встретил только двух слабеньких экстрасенсов. Одна - гадалка, живущая в деревне, меня к ней возила мать, узнать излечима ли одна из моих врождённых болячек. Гадалка долго хмурила брови, но ничем мне помочь не смогла. А вот про болячки матери многое рассказала. Болячки, сглазы, порчи и подобное она видела и это правда, но вот сделать с ними ничего не могла. Другая - работала в поликлинике, к которой я был приписан. К ней отправляли больных её коллеги, когда попадали в затруднительное положение и не могли точно поставить диагноз. Точный диагноз - это уже наполовину излеченный пациент. Меня лечили от воспаления почек, эта смуглая врачиха поводила руками у моего живота и спины, не прикасаясь (её руки излучали тепло, как инфракрасный обогреватель) и установила воспаление нерва на фоне смещения позвонка. Лечить тоже не умела, только диагностика. А тут ЧУДО - Прохор! Не отдам! Такая корова нужна самому! А не отдать его можно только если никто ничего не пронюхает. Вот такой я

поганец-попаданец.

Прохор убежал. Я сунул за пазуху порядком обтрепанного всего за день маскостюма пару тяжелых дисков, сменил диск на пулемёте с сошками, тоже выскочил из танка. Эти двое тоже рванули на выход.

- Куда? Сидеть на месте! Обеспечить подавляющий противника огонь! Это приказ!

Глаза у обоих, как у побитых собак. Мальчишки! Обиделись, что не взял их на развлекуху. Это игрушка серьёзная, ребята. Война называется. А вы свой лимит удачи вчера ещё исчерпали. Вот и у политрука лимит вышел.

Я сорвал красный флажок с огрызка антенны (уже пробит), выдернул шомпол из валяющейся у танка немецкой винтовке, продел флажок, закрепил шомпол сзади меж ремней бронника. Чем я не самурай? Они ведь так флаги носили? За спиной?

Политрук скрипел зубами, пока Прохор его перевязывал. Кровотечение уже прекратилось (само или Прохор помог?). Я встал рядом на колено.

- Первое ранение?

Сергей кивнул.

- Это дело знаковое и очень волнительное, как первая брачная ночь. Потом уже становится обыденностью. Ты женат?

- Нет. Невеста ждет. Решили после войны жениться.

- Дурак, бабу мужа лишил. - Пожал я плечами, повторил ещё раз, - Дурак. Хотя одну ночь, но она бы была женой, любимой. Теперь зареют тебя в битом кирпиче, а она так и до старости вкуса любви не ощутит.

Сергей заскрипел зубами.

- Это хорошо, что ты злишься. Так быстрее заживает. И в отпуск отпросись. И обженись обязательно. А лучше - обвенчайся.

- Я - комсомолец!

- Богу всё едино, комсомолец ты, коммунист или анархист. Все мы его дети, в какой бы цвет не выкрасились.

Я встал, в полный рост прошёлся позади залегших штрафников.

- Что, ребята? Ссыте, когда страшно? Тогда долго лежать не советую - примёрзните концами к земле.

Перед моим лицом пролетела трассирующая пуля. Я махнул рукой, словно отмахивался от назойливой мухи.

- Долго лежать будем? Или опять я за вас всё делать один должен?

- Пошёл ты! - зло крикнул в ответ один из бойцов.

- Я-то пойду. Без проблем. А вы со мной пойдёте? Или так и будите

тут отморожение сосисок зарабатывать?

Молчат. Головы за кирпичи прячут. Страшно им. Так и мне страшно. Все внутренности в ледяной комок сжались. Но - НАДО! Федя - НАДО!

Вставай, страна огромная!

Вставай, на смертный бой!

С фашисткой силой тёмною,

С проклятую ордой!

Это я запел, когда переходил через осыпь кирпичей, что было когда-то зданием. Я так боялся, что не пел, а ревел раненым медведем. Казалось мне, все стволы всех немцев сейчас повернулись на меня, тысячи пуль летят только в меня, в меня одного!

Пусть ярость благородная

Вскипает как волна!

Идёт война народная,

Священная война!

Поднялись следом немногие: политрук, Прохор, ротный на правом конце цепи, Брасень - на левом. Прохор, кстати пел таким мощным голосом, что Паваротти, наверное, курит нервно в сторонке, а Баскова уже реанимация увезла. Не голос - паровозный гудок. Но, следом ещё десятки глоток завyli, захрипели, заорали, в песню выплеснув свой страх, свою злость.

Я шёл демонстративно парадно - флажék бьётся над головой, пулемёт на плече, спина прямая, плечи развёрнуты, ноги чеканят шаг, насколько это возможно в валенках.

Вот и все поднялись! Идут с перекошенными лицами. Больше нет нужды в этом дурацком спектакле "презрения смерти".

- Ура! - взревел я и перешёл на бег. Осталось полсотни метров до мелькающих касок врагов, рванул во все лодыжки!

Заметил подходящую цель, рухнул на колено, рубанул из пулемёта - аж каска немца подлетела. А меня отдачей опрокинуло - стрелять из пулемёта с рук ещё и научиться надо. Перекатился пару раз, вскочил, ещё пару раз прыгнул и вот я уже завис над их окопом, залил его свинцовым дождём из ДТ, на этот раз приняв отдачу в расчёт, наваливаясь на пулемёт всем телом. ДТ оказался прекрасным "окопным помелом" - окоп чист. В том смысле, что живых больше нет. Пора дальше!

Огромной силы молот лупанул меня в грудь, снося с ног. В глазах потемнело. Отхватил я опять пулю в бронник. Судя по удару и углу "прихода" по мне попал с верхнего этажа или снайпер, или пулемётчик. Я совсем натурально, совсем без усилий изображал покойника. Блин! Я даже

дышать не мог и ничего не видел. Зато слышал:

- Ура! Суки! Ма-а-а-м-а-а! А-ах-х! У-у-у-р-роды-ы!

И всё это пронеслось мимо меня.

- Живой? - спросил над моей головой голос. Я закивал головой, а голос Прохора ответил:

- Живой он! Помоги убрать его отсюда! Видишь - снайпер его сверху подстрелил.

Меня подняли, поволокли. От тряски и боли потерял сознание.

Судьба Голума.

(наше время)

Предательство.

Разбудил меня датчик движения. Я глянул на экран. Кум стоял у ворот, махал рукой камере. Я метнулся к холодильнику, накидал на стол закуси, початую бутылку, пошёл открывать ворота.

- И чего тебе не спиться?

- Как тут спать? Байкер мне покоя разве даст? Но, теперь-то он влип по-крупному!

- Опять?

- Да, "перехват". По его тело.

Именно "тело", не "душу". Интересная оговорка.

- Что он, байк мэра увёл?

- Не, он теперь душегубом заделался. Двоих человек завалил. Пытал, а потом сжёг.

- Да ты что! Вот изверг. А вроде, мелким пакостником был.

- Все они с мелочи начинают.

Когда выпили по первой, я спросил:

- Как ты меня нашёл?

- Ты не забыл, кто я? - спросил он меня, но сам же и ответил, - Я - опер. И я же тебя сюда устраивал. А на каком именно ты объекте чалишься - дело техники.

- Ну, да. А в честь чего пьём?

- Помянем душу неплохого, в принципе, парня.

- Ты про Байкера? А его уже завалили?

- Вот то-то и оно. Если я его до утра не закрою - его завалят.

- Кому же он так насолил?

- Вить, может, хватит ломать эту комедию?

- О чём ты? - удивился я.

- Я ж говорил, терпеть вас не могу, правильных. Запуты от вас самые мутные. И всё на ангельском глазу.

Он сам себе вылил остатки водки в стакан, махнул залпом, поморщился.

- Ты же кум мне! Ты сына моего крестил, - сказал я.

- И что? Ты можешь теперь людей мочить направо и налево? Хер ты угадал! - он хлопнул по столу рукой.

- Я их не убивал!

- А это уже не важно! Если тебя не закрыть за толстые стены - карачун тебе конкретный!

- А почему ты не спросишь - "за что я их?".

И тут вдруг до меня дошло.

- Ты знал! Ты с самого начала пас меня! Ах ты, сука! А ещё родственник! Ты ж ведь знаешь, кто убил мою жену, твою сестру?!

Он молчал. В глаза не смотрел.

- И знал, что этот пацан не при делах? Этого чмыря с запиской ты подослал? Пацан - при чём?

Он не отвечал. Рука у правого бока, кобура расстёгнута.

- Я-то - ладно, но она тебе - сестра! Наш сын - твой крестник! Почему?

- Ты знаешь, кто они? Ты знаешь, что это за люди?

- Пох! Понимаешь, пох!

- А мне нет, - закричал он, - и тебе воду баламутить не позволю!

- "Не позволишь" ты! За что ты меня ненавидишь? За что этого парня ненавидел?

- Я ж говорил, терпеть вас не могу, правильных. Чем вы лучше меня? Почему вы, а не я?

Блин, а я и забыл, что он когда-то пытался ухаживать за моей женой. Тогда, правда, она не была моей женой. Я её ещё и не знал на тот момент. Позже мы познакомились. На соревнованиях. Она - выступала, я - смотрел. Кстати, он и за моей сестрой ухаживал. Год они встречались. Потом расстались. Инициатором разрыва была сестра, кстати. И она его бросила. И женился он на откровенной проشمандовке. Бил её, бухал. Плохо жили, одним словом.

- Ну ты и мразь, куманёк. Мусор!

Тут опять пискнул датчик движения перед воротами. Люди в бронниках, шлемах-сферах, с автоматами. Группа захвата.

- Блин! - выругался Кум, начал движение.

Ага, ща-ас! Я - уже в дикой злобе! Рубанул его кулаком по шее, пустой бутылкой по черепу, побежал в шестой бокс. Там ещё при строительстве был устроен водоотвод широченный. Для воды -

широченный. Для человека - едва протиснуться. Туда я и нырнул. Там через метр узкого лаза - широкая отводная галерея, в которую должны стекаться ливневые потоки. эта ливневая канализация строилась ещё в сталинские времена - потому была циклопически основательной и крепкой. В этой галерее стоял мой байк, лежал рюкзак, в который я собрал всё, что было необходимо. Отсюда я собирался "линять". Место уж больно удобное - кто ещё знает, что при закладке фундамента банка разрушили часть ливнеотвода и можно в него не то что залезть, а заехать.

Мой горный байк уверенно преодолел все препятствия на стройплощадке будущего банка, проломился через кусты, вильнув, встал уверенно на асфальт.

А теперь ищи ветра в поле, товарищи милиционеры!

Судьба Голума.

(наше время)

Попытка бегства.

Этих двоих я увидел слишком поздно. Только начало рассветать, за рекламным щитом заправки их не было видно, пока я не вылетел к ним в упор. Я сразу врубился, что это не гаишники - в кроссовках-то? Я успел увидеть их холодно-безразличные глаза убийц, закладывая разворот, видел, как они синхронно и умело перекидывали укороченные калашы со спины в стойку для стрельбы с колена. Я уже развернулся и выжал газ, когда за спиной загрохотали одиночные, но частые выстрелы.

Они сразу и часто попали по мне. Удар в левое плечо, левое бедро, правую голень, не менее 4 попаданий в рюкзак за плечами (что там, интересно, смогло сдержать пули?). Потом байк подо мной взбрыкнул мустангом и выкинул меня в придорожные заросли травы.

Приложился я очень чувствительно, хотя и сгруппировался. В полуобморочном состоянии залез во внутренний карман ветровки, нащупал горсть таблеток синтетической нарко-химии, запихал в рот, жуя, встал на четвереньки и пополз от дороги.

Полегчало быстро. Сразу сообразил, что рюкзак надо скинуть. И куртку заодно. И ствол - я их не перестреляю. Стрелять я не умею - зрение слабовато, а они - умеют. Сбросив лишнее, вскочил, побежал.

Тут же мне ещё прилетело, сбив с ног. Куда-то в лопатку. И в бок. В другой, не в тот, что был уже ранен. Рука сразу повисла. Но, боли я не чувствовал, муть только тошнотворными волнами подкатывала к горлу. Я опять вскочил и побежал.

В глазах быстро темнело, в ушах стоял какой-то гул, похожий на рёв прибоя. Вдали мелькали какие-то огоньки. Я бежал к ним. Почему? Ни

почему. Без причины. Куда-то надо было бежать, а кроме этих огоньков я ничего больше и не видел.

Это позже я узнал, что это были проблесковые маячки машины ППС, что патрульные вели перестрелку с двумя фальшивыми гаишниками, что один мент из-за меня погиб, ещё один - ранен. От смерти нас всех спасла погоня, что неслась за мной от самого гаража, из которого я сбежал. Лже-гаишники скрылись, как сквозь землю провалились, а я попал в тюремную больничку.

Руины Столицы
(1942г.)

Оборона битого кирпича.

Я в подвале. Живой. В этот подвал продолжали сносить раненных. Я сел. Тут же подскочил Прохор, а из-за него торчали три головы - Кота, Вани и Сергея.

- Так! Что за собрание? - рявкнул я.

Все четыре морды расплылись в довольных улыбках:

- Лается, значит, оклемался.

- Я тебе сейчас, Кошара, подвес паховый узлом завяжу! Почему оставили пост?

- Так не в кого стрелять - выбили немца из всех трёх домов.

- Значит, сейчас в контратаку попрут. Снимайте пулемёты с танка, несите боеприпасы, готовьте огневые. Исполнять! Одна нога здесь, другой - не вижу!

Убежали. И Сергей ушёл, кивнув мне.

- Прохор, что там у меня? - спросил шёпотом, боясь поглядеть на свою голую, по холоду чую, грудь.

- Пуля пробила броню, - зашептал он громоподобно на ухо, - ватник, развернулась, проникла в тело и сломала ребро. Пулю я уже извлёк, всё заживил. Надо в повязке походить. А этот шрам откуда? Страшный.

- Так меня уже второй раз простреливают. Тот раз только тебя не было. Гнить начало. Ножнями отстригали. Много раненых?

- Много. Я сильно не залечиваю. Чтобы не умирали.

- Правильно. Принимай это направление на себя. Ночью отправим в тыл. Так! Тогда нечего тут прохлаждаться, ох, блин, жизнь моя жестянка! Ещё пяток боёв - и буду я одним сплошным шрамом.

Оделся, надел опять пробитый бронник, нашёл свой пулемёт - на входе стоял. И два барабана к нему рядом. Поднялся по лестнице. Политрук меня ждал наверху, баюкая руку на перевязи.

- Что ты, комиссар?

- Ротный КП в танке устроил. А я тут старший получается. А что к чему - ума не приложу... Второй бой... Учили нас по ускоренному курсу... И политрук я...

- Ладно, не дрейфь, Серёга, начистим мы гостям репу. Пойдём, огневые проверим. Взводные хоть есть?

- Утром были.

- Найди. Если выбыли - новых назначь.

- Кого? Я людей ещё не знаю.

- Да, похрен, пока! Потом переназначим. А командиры должны быть. Что за мародёрство?! - заорал я на бойца, шманавшего труп немца.

- Так ему всё едино, а мне пригодиться.

- Марш оборудовать огневую! Не то сам так же валяться будешь! Бегом, сын шакала! Стой! Ты из шайки Брасень? Ко мне его кликни, перетереть нам с ним надо. Живее шевели поршнями! Скажи, я звал!

- А ты кто будешь? - боец встал в позу. Сразу видно блатного. От души ему отвесил оплеуху, так что опрокинул.

- Понял, кто я, фраер картонный? Позы мне тут лепить будешь! Метнулся резким поносом, пока спотыкалки не повывёргивал. И запомни - Медведь я! Меня весь Вермахт боится!

Брасень явился довольно быстро. И с ним полвзвода вооружённых уголовников.

- Брасень! Живой, волчара ты лагерная! - "обрадовался" я ему, раскинул руки, как для объятий, но "увидел" бойцов, "удивился": - Ты что ж это, штурмом меня брать решил? Так ты ошибся - враг наш там. - Я кивнул в сторону немцев, - а как его порешить - надо ещё тыковки поломать - в одной мы лодке с тобой. И дорога у нас одна - на Берлин. Так что, отошли своих сявок, тема не по их бестолковкам.

Брасень нахмурился, обернулся, кивнул. Толпа отшатнулась назад.

- Чего звал?

- Слух ходит, что скороварка на твоих плечах довольно неплоха. Предлагаю место в своей упряжке. Рядом со мной и вот этим вот молодым человеком, что комиссаром нашим является.

Брасень сплюнул сквозь зубы:

- Не по пути мне с комиссарами и легавыми.

- Так выбора-то ни у кого нет, - пожал я плечами, - на нас напала самая сильная армия мира. Одолеть её можно, но только навалившись всем миром. Кто не с нами - тот против нас. И третьего нам не дано.

- Вот тут ты брешешь, начальник. Я против немца, но не с вами. И в красный цвет меня не перекрасить.

- Никто и не пытается. Я сам не красный. И легавым меня зря обозвал. Сейчас не тот момент, когда можно в сторонке отсидеться, тыря по-тихому, не отсвечивая. Знаешь, ночью нет других цветов, кроме чёрного и белого. Красный выглядит чёрным, кстати. Сейчас для Руси как раз наступила ночь. Не одолеем немца - через полвека не станет русских.

- Куда же они денутся? - усмехнулся Брасень.

Я ему вкратце рассказал о планах Гитлера по освоению славянских земель. Очень кратко. С естественным, для нацистов, очищением этих земель от других людей.

- Брешешь! Быть такого не может!

- Я разве не рассказывал о заживо сожжённых деревнях? Посмотри на этот дом. Тут люди жили. Где они? А уменьшившееся вдвое население Киева за полгода оккупации? Тоже я придумал? В Хохланде не осталось ни одного еврея.

- И хер на них. А где этот Хохланд?

- Это Украина. А кто следующий после евреев и цыган? Мы. Ты, я, комиссар, дети наши, наши семьи. Все, кто думает по-русски. Пока есть хоть один миллион русских - не будет им покоя. Вечно мы будем то Царствие Небесное строить, Рай на Земле, Коммунизм, что в принципе одно и то же, то добиваться справедливости.

- Всё что ты сейчас сказал - мне до фонаря.

- А справедливое перераспределение нечестно нажитого? Не за это ли ты сел? У немцев тоже планируешь "возмещать"? У них не выйдет. У них - поголовное стукачество. Тебя сдадут сразу же. А больше ты ничего не умеешь.

- Я воюю, но я сам по себе. Отвали от меня.

- Не выйдет. За тобой стоят люди. Я тебе тогда ещё сказал - ты или со мной, или - труп.

Защёлки затворы. Я улыбнулся, протянул руку с гранатой на раскрытой ладони. Надо отдать должное Брасеню - он побледнел, но даже не дёрнулся, хотя его подручные растворились в воздухе.

- Тебе снайпер совсем мозги отстрелил или у тебя колокольчик чугунный? - ухмыльнулся Брасень.

Я подошёл к нему, вложил гранату в его руку, сжал его руку с гранатой, шепнул ему на ухо:

- Притворяюсь психом отмороженным. Отличная легенда. Я же трижды контужен. Советую.

Брасень ухмыльнулся кровожадно, обернулся на звук - это возвращались его подручные:

- Пшли вон, шакальё сыкливое!

Потом мне:

- Зачем я тебе? Мне больше по душе роль простого смертника.

- Использовать тебя как смертника - непозволительная роскошь. Ты коронован? Общак держал?

- Ну?

- Не запряг! Ты в армии, а не на малине! Отвечать как положено, волчара лагерная!

- А ты на меня не рыкай, начальничек тоже мне нашёлся! Коронован, держал.

- Будешь у нас ротным старшиной.

- Да ты чё, Медведь, какой я, к херам, старшина? Да и есть старшина уже.

- Он не справляется со своими обязанностями - он, крыса, ворует у роты, люди до сих пор не кормлены, боепитание не налажено, трофеи не собраны и не распределены, раненные не эвакуированы, павшие не захоронены. Он скоро возьмёт самоотвод.

- А он об этом знает?

- Зачем расстраивать его раньше времени? Пусть ему сюрприз будет.

Ухмылка Брасенья трансформировалась в кровожадный оскал:

- Ха, мне начинает нравиться с тобой работать!

- Ага. Если забудешь, что для меня мои бойцы - дети родные, а сослуживцы - братья, то тоже быстро заболеешь крысиной болезнью.

- Чем?

- Острым отравлением внезапно увеличившимся содержанием свинца в организме.

Брасень сначала хлопал глазами, потом начал ржать. Не дав ему просмеяться, вытолкнул его к выходу:

- Срочно принимайся за наведение порядка. Трофеи собрать, распределить боеприпасы и продукты по-братски, эвакуировать раненных. Вперёд!

- Сколько людей у меня? Сколько дашь?

- У меня нет тыловой службы. И не будет тыловигов. Нет боя - хоть всех бери. В бою - и ты, и я - такие же смертники. Усёк?

- Усёк.

- Пойдём, комиссар. Чую, немец попрёт скоро, а у нас - огневые не понятно как расположены. Бойцы не кормлены, патроны на исходе. И где этот ротный, сука?

Первую атаку немцев отбили с трудом. Они воспользовались

прорехами в нашей системе обороны, через не простреливаемые участки прорвались. Отбивались штыками и прикладами. Отбились, потеряв ещё десяток человек убитыми и ранеными. Пришлось срочно перераспределять сектора обстрела и расположение имеющихся пулемётов и стрелков. Сплошной линии огня создать не удалось. Но вторая атака была намного слабее, отбились. Опять потери. Патронов осталось очень мало. Из Мосинок больше не стреляли - патроны отдали пулемётчикам, раздали трофейное оружие и боеприпасы.

Опять изменил структуру обороны. В домах оставил "гарнизоны", забаррикадировавшиеся в домах, и мобильный резерв в дюжину бойцов оставил у себя. "Гарнизоны" инструктировал так:

- Запомните: каждый из вас - красноармеец. Каждый из вас - Красная Армия. И если вдруг вы остались одни - не дрейфить! Вы - Красная Армия! Бейтесь! Отбивайтесь! Даже если враг со всех сторон - не покидать позиций! Мы придём и вызволим вас! Я обещаю! Если не видите никого своих, кругом одни враги - помните - мы там, сзади вас. Позади вас мы, дивизия, Красная Армия! Вы не окружены, вы - передовой отряд, врубившийся и рассёкший порядки врага! Бейте их в лоб, во фланг, в тыл, в спину, в задницу. Тут, твою мать, Москва, в конце концов! Хватит бояться! Пусть они бояться нас! В них будет стрелять каждое окно, каждая кочка, яма, дерево, каждый камень. Пусть бояться огня в спину, оборачиваются каждую секунду, гадят в штаны от каждого шороха! За Москву!

- За Москву!

В этот раз противник дал нам передохнуть часа полтора. Успели отправить часть раненных - миномётный обстрел продолжался, но был неприцельным, беспокоящим, проскочили. С ними ушёл и наш комиссар с заданием добыть боеприпасов и еды. Незаметно от всех ушёл и Иван с одним из доверенных людей Брасеня, неся в "сидорах" комплект трофейной формы.

Успели принести три ящика гранат и два - винтовочных патронов. По "гарнизонам" разносили уже под шквальным огнём начавших атаку немцев. Противник, видимо, опять подтянул резервы и имея восьмикратное превосходство, уверенно пошёл на штурм, при поддержке двух противотанковых орудий, выведенных на прямую наводку. Пушки не могли пробить стен, но этого и не требовалось - наводчики с такого расстояния уверенно попадали в окна, а разорвавшийся внутри снаряд по действию в замкнутом пространстве не уступал гранате.

Один за одним затыкались наши стрелки. Немцы накатывали всё ближе. Казалось - пипец нам, как тому котёнку!

Спас нас Брасень. Собрав трофеи, винтовку убитого снайпера он оставил себе. Теперь, забравшись на уцелевший кусок крыши, отстреливал расчёты орудий. При этом, расположился очень грамотно - не выставив ствола винтовки, не отблёскивая оптикой, что позволило ему сорвать "работу" орудийных расчётов, долго оставаясь не выявленным.

Погибших пулемётчиков заменили и ударили по немецкой цепи практически в упор, потом вдарили гранатами. Солдаты в мышинных шинелях заметались. Многие рванули к стенам наших "бастионов", многие побежали. Прижавшихся к стенам немцев забрасывали гранатами с верхних этажей.

Но, противник быстро оправился, продолжил нападение и даже возобновил огонь из одного орудия по нашим огневым точкам.

На зубах скрипела кирпично-штукатурная пыль, висевшая в воздухе, перемешанная с дымом и гарью. Ничего не было видно, дышать нечем. От дюжины человек моей маневровой группы на ногах остались пятеро. И это со мной. Мы уже не успевали метаться между тремя домами, пополнять боезапас, отбивая прорывы врага. Гранаты кончились, силы тоже.

Скорее бы стемнело! Этот вечер стал слишком томным, не желал заканчиваться.

Солдаты противника просочились в два крайних дома. Из центрального-то мы их выбили, а вот туда уже не могли сунуться - огонь противника был так плотен, что попытка высунуться из-за угла кирпичной стены была верным самоубийством. Бой во фланговых наших "бастионах" сместился уже на верхние этажи. Иногда ещё бухали в них гранаты - лучший сдерживающий аргумент. Кончатся гранаты - дома перестанут быть нашими.

И тут подошла подмога, которой никто не ждал - группа красноармейцев, человек десять, ударила на нашем правом фланге, отогнала огнём врага от правого "бастиона", ворвалась на первый этаж, заперев немцев между вторым и четвёртым этажами. Но не это главное. Основную подмогу оказали два лёгких танка с красными звёздами на башнях. Это были древние, устаревшие Т-26 с тонкой бронёй и малой скоростью, но немецкую пехоту они так впечатлили, что противник отошёл на исходные.

- Ура! - кричали все мои бойцы, отчаявшиеся было. И я кричал, радуясь, ибо тоже отчаялся.

- Куда он прёт! Куда! - заревел я и рванул наперерез танку. Башня грозно повернула в мою сторону, жало пулемёта готово было выплюнуть огонь. Я судорожно (пристрелят - одет я нестандартно, да и в прыгающую

амбразуру танка много ли разглядишь?) выхватил обтрёпанный красный флажёк, закрутил им в путейском сигнале "Стоп!"

Танк резко остановился, ещё не закончил раскачиваться, верхний люк откинулся, высунулась чёрная голова в танкошлеме, с не менее чёрным лицом, только белки глаз сверкнули в сумерках:

- Куда прёшь? - заорал танкист.

- Пушка там противотанковая! Разорвёт вас как тузик подушку! - заорал я в ответ.

Танкист крикнул что-то внутрь танка, сам стал вылезать. Вот он спрыгнул, подбежал:

- Где?

- Там. Меж домами не суйся - спалят!

Танкист жестами что-то показал высунувшему голову в люк механику, тот кивнул, танк взревел двигателем, выбросил облако чёрного дыма, пошёл вперёд под прикрытием дома, встал на углу.

- Показывай!

Мы вбежали в дом, перелезли через "баррикаду", поднялись на третий этаж - лестница дальше была обрушена. Подвёл его к окну:

- Вон оно, видишь? За тем мусором маскируется. А вон ещё одно. Но, оно уже час не стреляет. Толи мы расчёт выбили, толи повредили.

- И его тоже уничтожим! Спасибо тебе, пехота! Как звать тебя?

- Виктор.

- Я - Антон. Комбат. Только от батальона у меня видишь что осталось? Мы тут у тебя покуролесим до утра. Сейчас пушки разобьём, поедem немца пугать. Присоединяйся!

- С удовольствием! Только людей у меня мало осталось.

- Да, не слабо вы тут повоевали, - мы пошли обратно, вниз, - Комдив очень доволен - он на НП полка за боем следит. Представление на тебя написал, а тут твой политрук пришёл, говорит, ты от командования самоустранился, в отбитом танке отсиживаешься. А командует какой-то штрафник.

- Я и есть тот штрафник.

- А, вот в чём дело! Я думал, ты - ротный. Я слышал, как полковник по телефону барабанные перепонки рвал. Думал тебе.

- А я-то думаю, что за отделение так резво в атаку шло? А это ротный реабилитируется.

Танкист хмыкнул, пожал мне руку, полез в танк. Он чуть вывел танк из укрытия, повернул башню, ещё чуть прополз вперёд. Танковая пушка плюнула огнём, потом быстро ещё два раза. Проехал чуть вперёд - ещё два

выстрела, быстро сдал назад, спрятавшись за дом. Потом пополз на другую сторону - решил вторую пушку разбить из-за того угла.

Второй танк стоял перед левым нашим "бастионом", заливал огнём и свинцом окна дома на малейшую вспышку оттуда.

Я собрал людей, сколько смог, повёл из на штурм левофлангового дома. Управились быстро - немцев было только трое - не смогли сбежать.

А потом, верхом на танках, ходили в набег на немцев. Все шесть человек. Немца попугали, пушки до конца расплющили, захватили два пулемёта, автоматы (винтовки не брали), гранаты, боеприпасы, фляги и ранцы, портупеи с кобурами, планшетку и бинокль убитого артиллерийского офицера. Так же, верхом, вернулись. Танкисты поставили танки под стены центрального дома, оставили нам их выгружать, сами пошли помогать своим техникам-ремонтникам "оживлять", как они сказали, Т-28 (оказалось, так называется отбитый мною танк).

Я вздохнул глубоко. Устал безумно. Да, не мальчик уже - несколько суток почти без сна и еды бегать под пулями. Но, надо! Пора собирать камни. В смысле, людей. Ротного опять не видать и не слышать. Значит, опять мне. Девиз ежанутых - если не я, то кто? Я - явно ежанутый.

Прямо под ноги мне выкатился откуда-то Кот.

- Командир! Казачёк вернулся. Тебя ищет.

- Пустой?

- Не, с мешком.

- Кот, ты что жуёшь?

- Колбасу. Будешь?

- Ты ещё спрашиваешь? Ох, Кот, доберусь я до тебя, хвост-то тебе укорочу, - бухтел я. Отломил от того полукруга, что он мне дал, половину, вторую половину протянул обратно.

- Поражаешь ты меня, командир.

- Чем же?

- Что ты мне обратно суёшь? Думаешь, у меня больше нет? Ешь, ешь. А почему ты меня не пристрелил?

Переход с темы на тему был так неожидан, что я поперхнулся.

- В смысле?

- Я же тебя "пасти" приставлен, в спину тебе стрелял. Я думал - прибьёшь.

Я сосредоточённо жевал. Потом спросил:

- А сам не догадываешься?

- Нет.

- Ну и живи в счастливом неведении. Долго ещё?

- Пришли уже. Ваня?

- Тут он, командир, - раздался тихий шёпот как из-под земли. Они в яме сидели.

- Так, Ваня. Мне некогда с ним возиться. Дознание умеешь делать?

- На дознании был. Только "дознавали" меня.

- Вот и хорошо. А ты, Кот?

- Не, я боец. Не следователь.

- Осназ? Вас должны были учить полевому экспресс-допросу. Останешься тоже. Что мне от него нужно? Признание его не нужно - и так понял что он гнида. Нужно мне знать - он в одну харю хомячил или с указки покровителей сверху? Кто, что, когда, как? Схемы их мошеннических комбинаций, куда девали награбленное. Имена, фамилии. Вам всё понятно? Тогда работайте. Жизнь его мне не нужна - будет упрямиться - сделайте ему очень больно. Очень-очень. Больно. Он уже погиб сегодня в рукопашной, обороняя левофланговый дом.

- Всё ясно, командир.

А я вернулся к роте. И комиссар наш вернулся.

- Ты что тут делаешь? Почему не в госпитале? Тебе же плечо прострелили!

- Приказ принёс передать позиции третьей роте второго батальона. Пулемёты и тяжёлое оружие приказано оставить им. Нас отводят в тыл, на переформирование.

- Ну, и слава Богу! Надо, гражданин начальник, всё облазить, всё собрать. Могут раненные остаться. И Брасеня не вижу. Много работы, звездатый ты мой. Пошли.

Брасеня мы нашли. Почти целого. После очередного взрыва крыша под ним просела, он рухнул этажом ниже, каска соскочила, схлопотал чем-то твёрдым и тяжёлым по "куполу" и провалился финал боя в отключке. И винтовку разбил.

Собрали людей, имущество, своё и трофейное, раненных отправили в тыл на подводах. Встретили смену, поводит ротного Васю по нашей обороне, показал, рассказал. Потом собирали убитых, углубили воронку, схоронили, простились. И изувеченного старшину тоже тут закопали.

К этому времени танкисты, отчаявшись завести Т-28, зацепили его сразу обоими Т-26 и решили уволочь в тыл, для более детального, так сказать, изучения. Комбат-танкист Антон любезно предложил подбросить. Мы не стали "ломаться", нагрузили танки трофеями "выше крыши", так, что самим мест не хватило. Мы не сильно расстроились - хоть и пешком, зато налегке.

А ротного мы так и не нашли. Ни среди живых, ни среди мёртвых. Может, ранен?

Из боя я вывел 36 человек. Позавчера было почти две сотни. Антон-комбат сказал, что это очень скромные потери, учитывая что нам удалось сделать.

- И что же нам удалось?

- Ввести в заблуждение противника. Он теперь уверен, что именно здесь дивизия наносит главный удар. И что мы ввели в бой последние резервы - это мои танки. А на самом деле - это они теперь стянут сюда свои резервы, а комдив бьёт намного севернее. Всеми своими силами. Так что, отделались малой кровью. И даже танки мои целы. И на один больше стало. Двадцать восьмой - хорошая машина. Отремонтирую - вдвое сильнее стану. Как же удалось отбить его целым, не знаешь? Немец обычно взрывает всё, что забрать не успевает.

- Не успели. Ребята их вырезали раньше, чем они мяукнуть успели.

- Ох, и ловкие ребята. А не знаешь, кто это был?

- А тебе зачем?

- Проставиться хочу. Литр коньяка с меня. Трофейного, французского.

- Не жалко?

- Жалко. Берегу уже долго. Только, за танк - не жалко.

- Тогда - гони литр. Я это был. Вот с этими двумя охламонами.

- Да ну, брешешь! Коньяка захотел на халяву.

- Правду говорю. Ты не обратил внимания на наше оружие? Мы же как раз с танка и сняли. А Кот внутри своей кровью написал: "Кот".

- Зачем?

- А кто их, котов, поймёт? Гони коньяк! Коньяк я уважаю!

- Так у меня не с собой. В гости приходи.

- Ну вот, начинается. "Потом"! Нет у нас, Антоха, потом. Ты сгоришь, нас пулемётами порубают. Сейчас надо, сейчас!

Врал. Коньяк он с собой возил. Литр распили на шестерых - Антон, его ротный, он же командир второго танка, я, Кот, Ваня и Серёга-политрук. Прохор пить отказался. Я тоже зарекался, но... Это же французский коньяк! На халяву!

Как добрались до места - не помню. Помню, что командовал. Но, видно, неудачно, потому что меня спровадили довольно скоро и ловко. Уложили спать.

Руины Столицы

(1942г.)

Переформирование.

Утром меня разбудил вой воздушной тревоги. Оказалось, нас разместили там, где раньше стояла батарея тяжёлых гаубиц. Батарея ушла, вместо неё стояли деревянные макеты. А мы - вместо массовки. Роль свою исполнили блестяще - бегали от самолётов очень натурально. По Станиславскому. Немцы должны были поверить. Хорошо хоть никого не задело. Так сказать, обделались лёгким испугом - люди живы, пострадали лишь три макета из четырёх. Позже узнали, что ремонтировать макеты - тоже нам.

На этом плохие новости кончились. Начались хорошие - имелась натопленная баня, комплект сменного белья на каждого, продовольствия на роту, а нас - 37, и никто нас не трогал целые сутки. Рай!

Вымылись, прогрелись, отъелись, отоспались, привели в порядок форму, оружие, тело и душу.

А на следующее утро пожаловал комдив. Невысокий крепыш с суровым взглядом, поджатыми в нитку губами, резкий в движениях и словах, вылез из саней, резво подбежал к нам, вытянувшись в строю. Серёга доложил (он у нас единственный остался из постоянного состава, т.е. не штрафник).

- Младший политрук, вы ранены?

- Легко, товарищ полковник. Могу продолжить несение службы.

- В медсанбате узнаю, можете ли вы или нет, - резко ответил комдив, впившись жёстким взглядом в глаза Сергея. Политрук начал краснеть.

Полковник криво ухмыльнулся:

- Где ротный, знаете?

- Никак нет, товарищ полковник. Видели его идущим в контратаку, потом не смогли найти.

- Не ищите. В медсанбате он. После излечения в эту роту придёт, только в другом качестве. Так кто командовал ротой?

Тишина. Я молчал и просил меня не сдавать. Все потупились.

- Что, самоорганизация? - усмехнулся полковник, - в анархию на войне я не верю, младший политрук. Я за время службы убедился - там, где нет командира - там нет успеха. Вы же блестяще справились со своей задачей. Значит, командир есть. И кто у нас тут такой скромный?

Он прошёл вдоль всего нашего строя, заглянув в глаза каждого. Потом улыбнулся, отчего лицо его сразу перестало быть жестоким, а стало лицом обычного умудрённого жизнью мужика.

- Кузьмин, два шага вперёд!

Я вздрогнул, чётко отчеканил два шага, вскинул руку к ушанке, проорал:

- Боец переменного состава Кузьмин!

- Вольно.

Он встал напротив меня, долго меня разглядывал. Потом спросил:

- Сколько раз ранен?

- Сбился со счёта, товарищ полковник!

- Смерти совсем не боишься?

- Умирать страшно только первый раз, товарищ полковник! А теперь - пусть она меня боится!

- Орёл! Где воевать начал?

- На Юго-Западном, в октябре. Два боя, потом месяц из окружения выходили.

- Сколько танков на твоём счету?

А вот тут я удивился - откуда он знает? Я для него должен значить не больше, чем ворона вон на том столбе. Поэтому, не проорал, как до этого, а удивлённо ответил:

- Я и не помню.

- Ловко.

Он отвернулся, прошёл туда, сюда. Потом махнул мне, чтобы я встал в строй. Остановился перед строем, покачался на ногах с пятки на носок, скрипя сапогами, пожевал губы, сказал:

- Мы долго отступали. Теряя города, области, теряя друзей и близких. Мы смогли остановить врага и перемолоть лучшие его ударные части. Элитные части. Дивизии, покорившие всю Европу, усеяли своими костями леса и поля нашей Родины. Пришла пора гнать врага с нашей земли!

- Ура! - дружно закричал весь строй. Даже я, при всём моём цинизме человека 21-го века. Я действительно ощущал душевный подъём.

Полковник подождал, пока мы успокоимся, продолжил:

- Честь возглавить наступление выпала именно вам! Первыми начать освобождение столицы! И вы с доблестью оправдали оказанное вам доверие!

Опять ликование.

- Благодаря вам, дивизия успешно выполняет намеченные наступательные планы, но...

Мы притихли.

- Враг оправился от нашего удара, каждый последующий шаг даётся всё с большим усилием. Сегодня в бой я ввожу свой последний резерв. И останетесь у меня только вы. На вас только у меня и надежда.

Мы молча переглянулись. Последняя надежда - 36 штрафников и раненный политрук. Херовые дела.

- К исходу дня мы выйдем к реке. К завтрашнему вечеру очистим восточную сторону. Ваша задача - ночью, под покровом тьмы, по льду, перейти реку, захватить плацдарм и закрепиться. Вам направлено пополнение, вас обеспечат всем, что есть на наших складах, но вы должны зубами вцепиться в тот берег и продержаться хотя бы сутки! Я прекрасно понимаю, и вы должны понимать, что враг будет наседать, не жалея сил. Но вы должны удержаться!

Он замолчал, опустил голову. Мы, естественно, тоже молчали.

- Я надеюсь, что то, что позволило вам выманить на себя позавчера все оперативные резервы противника на нашем участке, или тот, кто руководил вами, поможет вам и в этот раз выполнить этот приказ. Если вы продержитесь сутки, я смогу перегруппировать силы и вызволить вас. Нет? Тогда нет. Напомню, что подпирать вас будет пулемётная рота заградотряда. Это для слабодушных. Среди вас таких нет. А вот пополнение к вам придёт всякое. Не подведите меня, сынки!

- Служу трудовому народу! - проорали мы.

Полковник уехал, мы разошлись молча. Разговаривать не хотелось. Вот так - сунул ложку мёда в рот и окунул по макушку в дерьмо. М-да! Профи!

Молчание первым нарушил Брасень:

- Опять нас в самое пекло суют. Смертники, в натуре!

- А бывает по-другому? - пожал плечами я.

Все смотрели на меня, ожидая продолжения. Ждёте - получите:

- Воевать я начал с разбомбленного эшелона. Меня чуть не убило. Я до фронта даже не доехал. Залатали немного, стал на фронт рваться. Как раз в городе, где меня собирали по кускам лепилы, из милиционеров и сотрудников НКВД сформировали истребительный батальон. Я в него напросился. Привезли нас на фронт, выгрузились, пошли к линии фронта. А её нет! Немцы так вломили нашим, что и линию обороны построить не из чего. А тут свежий батальон, да ещё и не салаги какие-нибудь или колхозники вчерашние, а НКВД! А наш батальон посильнее некоторых битых дивизий оказался. Немец как раз захватил очень для них удобный мост и плацдарм на нашей стороне. Мы их ночью, в дождь, обошли, вдарили так, что обратно никто не смог сбежать. Мост только не смогли взорвать. А вот дальше началось самое интересное - выходит на нас цельная танковая дивизия! А к вечеру - ещё одна. А нас - четыреста бойцов, правда дюжина пушек у нас была. В танковой дивизии немцев 15 тысяч человек, триста танков, столько же орудий. Правда, и они сильно пообтрепались, пока до нас дошли от границы. Мы, всё-таки, не французы,

маленько позлее воюем.

Я замолчал, заново переживая тот бой.

- Дальше то что?

- Не повезло мне. Ещё ночью один ретивый немец в упор меня чуть не застрелил. Бронник пробил. Так я с этой пробоиной потом и бегал. Влупил по нам немец так, что, аж в пятках затрещало. Два дня мы продержались. Больше сорока танков пожгли, несколько самолётов. Даже я самолёт сбил.

- Ты самолёт сбил?

- Ага. Пришлось. Такой наглец - летал так низко, что винтом траву стриг. Пришлось наказать. Из пулемёта долбанул, он штурвал с испугу дёрнул, землю крылом зацепил - низко же летел, и грохнулся. Дело не в этом. Скажи - мы тогда, когда нас в окопах враг утюжил, тоже штрафниками были? Нет, добровольцами. Почти весь батальон там лёг. Не бывает по-другому. В этой войне победит не тот, у кого лучше танки или самолёты, а тот - кто больше готов умереть ради жизни. Батальон наш лёг, но двое суток не пускал немца. Батальон танков мы сожгли, больше батальона пехоты угробили. Получается что? Враг вроде бы победил? Да, он прошёл дальше. Но, на одного убитого нашего пришлось по трое немцев. Этих солдат и танков им, может быть, и не хватило для охвата Москвы с юга. Получается, что мы победили? Не пожалели себя, не сбежали, а встали намертво и не ушли. Вот и там - встанем намертво и не уйдём. Я - точно так сделаю.

- А смысл в нашей смерти? Кому легче станет?

- В смерти вообще нет смысла. Смысл есть в жизни. Кем ты был, пока жил, как ты жил, что делал и как ушёл - вот в чём смысл. Я в каждый бой иду биться насмерть. И помогает.

- Чем же?

- Страх не мешает. Сразу сказал себе - всё, Медведь, ты точно труп! И уже не думаешь, как бы выжить, где бы спрятаться. Руки не трясутся, холодный липкий пот страха глаза не заливают, мысли от страха не путаются. Чувствую себя нормально, спокойно, как сейчас. Только одно беспокоит - как бы их всех перебить! Как бы ребят не дать перебить! А если суждено умереть именно в этот день - то хоть и забьёшься в самую глубокую нору, всё одно сдохнешь. Не от пули, так от трясушки. Лучше, по мне, - в бою, громя на куски врага!

- Контузия - не такая уж и плохая штука, оказывается, - сказал со смехом Брасень.

Начали группами приводить "пополнение" - штрафников. Коротко

беседовали с каждым и распределяли по "взводам" и "отделениям". Всё "обозвали" привычно, хотя всё это было условно.

Когда численность роты перевалила за сотню, начались проблемы. И опять из-за снабжения. Отдавать "откат" в пятую часть можно, когда нас 37 человек, а должны дать на 100. А вот наоборот - жалко. А иначе - не дают. Возьми хлеба на 80 человек, а распишись за 100? А харя у них не треснет? Оказалось - не треснет. Собрал опять свою "группу управления".

- Так, мужики, не пойдёт, - начал я.

- Есть вариант, - сразу же кивнул Брасень, - кража со взломом, угроза оружием и остальное прицепом. Завтра в бой - по-хрену.

- До боя шлёпнут. А, хотя... Делаем. Под немцев только сработаем. Формы у нас - завались, от склада пойдём на запад, там же и спрячем, а завтра заберём. Но, всё это не прокатит без фокуса. Брасень и Казачёк, останьтесь, остальные - готовиться.

- Ваня, возмёшь того же ушлого форточника и проведаетшь главного затейника-крысятника. Чую я, что угрызения совести его так мучают, что он малодушно помышляет о самоубийстве. Брасень, ты себе очкарика того, самострельщика, зачем взял?

Брасень смутился, вздохнул глубоко, буркнул:

- Сам же приказал учёт наладить.

- И? Бюрократия мне тут нафиг не нужна! Бухгалтеров ещё заведи!

- Тут это, Иваныч, как тебе сказать... Ты не сомневайся, он воевать будет, я сам присмотрю...

- Не понял я тебя, главснаб. Что ты титьки мнёшь? Говори прямо!

- Неграмотный я! Расписаться могу, а читаю и считаю - плохо!

- А, вон что! Да, это дело поправимое. Научишься. Ты, Брасень, никуда не идёшь. Как и я. Слишком мы заметные. Отбери надёжных и неболтливых людей. Психов тоже не надо - кровь не нужна. А чтобы незаметно было отсутствия людей - организуй опять баньку для вновь прибывших. И суеты, суеты побольше, побольше! Людей отправлять не группой, а по-одному. Маскарад - в мешках. Если запалитесь - всё на тебя, уголовника, свалю.

- Я так и понял! - усмехнулся Брасень, - Вы, красные, - хуже нас, воров. Делаете тоже самое, но чужими руками. А виноваты всегда не вы. Как и прошлый раз - обворовали всех крестьян до одного - подразвёрсткой назвали. А что народ мрёт с голода, так это они сами мрут, вы-то причём?

- Ты чё мне тут политинформацию развёл? Язык длинный? Укорочу! Или отменить всё? На хрен! Выкручивайся тогда, как хочешь! Но за сытость солдат, их вид и оснащение - с тебя спрошу! Солдат, что не

доедает, до конца боя не доживает!

- Чё ты? Чё ты? Раздухарился-то? Я так...

- "Так" - с женой своей будешь! "Так", он! Я тебе сколько раз говорить должен - нет больше у нас ни красных, ни чёрных! Зелёные мы все! Цвета хаки! Ещё раз услышу - в табло без базара прилетит. Усёк?

- Усёк.

- Пшёл вон, демагог! И ты иди, казак недоделанный. И хорошенько всё обмозгуй, а не как обычно, на мелочах сыпешься.

- Может, вместе покумекаем?

- А на хрена тогда тебе голова нужна, Ваня, если я всё за тебя придумывать буду? А грохнут меня - пропадёте? Или ты думаешь, я - вечный? Нет, я тоже сделан из мяса. И тоже устаю. Давай, я смотаюсь проведать крысу, а ты тут порули!

- Нет, командир. Я не справлюсь. Пойду и я тоже.

Остался Кот и Прохор. Я посмотрел в упор на Кота:

- Рапорт будешь писать?

Он пожал плечами. Потом спросил:

- Зачем так? Может, давай через наших? Это будет лучше и законнее.

- Законнее - может быть. Но не лучше. Что, "ваши" до сих пор не видели? Ни разу не поверю! Давай, смоделируем картину - я, через тебя, доложил, что из этой дивизии широким и стабильным потоком уходит народное добро. И возглавляет это главный снабженец дивизии, если не сам комдив с начштабом. Хотя, на комдива не похоже - не таков он. Но, допустим. Что будет? Интендантов и старшин - в штрафники, а руководство будет переведено куда-нибудь. А система останется. И здесь, и в других местах.

Я вскочил, начал ходить по хате:

- Понимаешь, это как болезнь. Живёт человек, воюет, старается, вдруг занемог, понос. И вот уже ему и не до боевой работы, думать может только о всё ухудшающемся самочувствии. От него подхватил следующий, ещё и ещё. Немного времени прошло - грозная армия еле-еле ползает. Так часто было в истории. В последний раз подобным образом был выбит Экспедиционный корпус французов в Крыму. То же и с воровством. Живёт человек, воюет, старается, вдруг видит - он жизни не жалеет, а жрачка всё хуже, патронов всё меньше, пушки стреляют через раз, танки и самолёты стоят без топлива. А тыловые крысы лопаются от жира и самодовольства. Наворованное используется для налаживания преступных связей, подкуп вышестоящих. И вот сложилась уже система - продукты, топливо уходит неизвестно куда, а воюем по старинке - кровью. А жить всем хочется. И

честный вояка сам заражается этой болезнью - на спирт покупает у своего же интенданта снаряды или справку о ранении, бронь или керосин для семьи. Кому война, а кому - мать родна. А расплачиваться за всё придётся опять мужику русскому. Есть только один способ борьбы с эпидемией...

- Изоляция.

- ... уничтожение переносчиков. Изолировать - не получится. Они откупятся. Ваша система тоже уже порядком заражена. Интендант 1-го ранга - точно отвертится. Привлечёт свои связи. Он - глава всего. Будет другой, нормальный - даже старшины на складах вспомнят об Уставе и Долге.

- Это не решение.

- Что я слышу? А не ваша ли организация подчистую обезглавила дворянство, казачество и крестьянство, фактически прекратив существование этих классов, как явления? Исходя из той же логики?

- Нет! Это было сделано раньше. И те, кто сделал это, уже ответили!

- И действие сие это было продиктовано той же логикой.

Кот долго молчал, потом тяжело поднял глаза на меня:

- Я обязан доложить. Тогда действовала система. Ты же сейчас пытаешься собой заменить систему, сразу поставив себя против всех систем одновременно. Ты разом становишься врагом всех. И, если я не доношу на тебя - становлюсь к расстрельной стенке рядом.

- Кот, скажи, как мужик, а не чекист, тебе не хочется удавить всех этих крыс?

- Хочется. Они хуже немцев. Немцы хоть и враги, но честно, грудью на тебя выходят. Они нас убивают - мы их. А эти... В спину... На ходу жилы подрезают. Ненавижу! Но, то, что ты предлагаешь - противозаконно.

- А говоришь - я один. Каждый честный вояка - в моей системе. Нас - миллионы. А рапорт - пиши! Я не остановлюсь! Уж я их насмотрелся, уродов! Ты их ненавидишь! Знал бы ты, что станет, когда они заполонят собой всё! Когда не только в твоей системе, а и в партии их станет большинство, что тогда они будут делать?! Цинично и уже совсем не скрываясь. Наоборот, чувствуя свою ущербность, они будут ею кичиться, убеждая тебя, что это ты ущербный деревенщина с устаревшей, допотопной моралью. А вот они-то! Они прогрессивные! Они продают всё! И продадут! А то, что не захотят купить - просто обгадят. Страну, память, народ, землю предков. Это страшная сила. Сила тлена, трупного яда, гниения. И страшна она своей неспешностью, как гангрена. Ты пытаешься лечить загнившую руку компрессом? Значит, сдохнешь целиком.

- Ты не должен распространяться об этом, - вдруг замкнулся Кот.

- А, так ты в курсе моих осенних походов? Прохор, прогуляйся! Нет, останься! Я больше не хочу говорить об этом. Это моя жизненная позиция! И я буду поступать так, как считаю правильным. И готов ответить за свои действия. Так что, говорить больше не о чем. Выбор за тобой, Кот.

- Ты откроешь ящик Пандоры.

- Кот, обычный штрафник не должен знать такого словосочетания. И рядовой боец осназа. Не пались!

Кот резко развернулся, ушёл.

Мы были на отдыхе и переформировании. Но, это не значит, что мы валялись кверху пузом. Дел было выше крыши. Особенно у меня. Заштопать и починить обмундирование, чистка и ремонт оружия, бесконечные получения и перетаскивания, погрузки-разгрузки всяческих мешков и ящиков. И чем больше становилось народу, тем больше грузооборот. А поиск дров для обогрева и приготовления пищи? Это вообще отдельная эпопея. Дома разбирать нельзя, а за полгода, что в этих краях крутится война, всё горючее уже собрано и сожжено. А найти надо.

Не, я, конечно не сам это всё делал. Но, попробуйте организовать сотню человек, деморализованных до пофигизма. Заставь их делать то, что нужно им же! Та ещё работка! И я всё это организовывал и контролировал. И если бойцы могли в сердцах воскликнуть: "Ротный, сука, задрал!", но делать, подчиняясь моей воле, то кто заставит меня? Я же. А самого себя заставлять сложнее на порядок. Кроме этой оперативной суеты, надо было принять каждого нового штрафника, побеседовать, постараться понять, что за человек, на что способен или не способен, придумать, как его применить с наибольшей пользой. Людей много, я один. А оглушенные наказанием штрафротой бойцы зажатые, слова не вытянешь.

Скорее бы в бой! Там проще. Думать не надо.

- Брасень! Белые костюмы достал?

- Двадцать семь штук! - гордо заявил Брасень.

- Ты издеваешься? Надо двести!

- Надо-то надо. Да где ж взять? На складе нет.

- Нет или говорят, что нет?

- Правда, нет. Всё облазил.

- Это не есть хорошо! Что же делать?

- Мука нужна. Мельник как выйдет - белее снега, - сказал Прохор.

- Мукой обсыпаться - кощунство, - воскликнул я, - лучше съесть! Но, направление мысли - верное. Что-то белое нужно. Известь - жжётся, цемент - стынет. Мел, тальк, побелка. Брасень, ищи!

- Ты мне ещё "фас" крикни! Ищи! Всё, всё! Молчу! Уже ушёл.

- Политрук! Иди к комдиву. Стучи на кладовщиков! Лыжи зажали. У них ещё двадцать пар есть!

- Стой, мать твою за ногу, об угол! Ты куда прёшь, дебилоид! Там ещё не разминировали! Таблички для кого стоят? Для меня?

И так до вечера. Может, я плохой командир, поэтому такой бардак? И ещё Серёгу комдив позже отправил в госпиталь. За наглость, наверное. Вообще, один остался. На двести штрафников. В роте ни одного не разжалованного. Поразительное однообразие. А по закону, ротный и взводные должны быть кадровыми.

Руины Столицы
(1942г.)

Юмор от Люфтваффе.

Утром никого не стали поднимать. Пусть поспят. Ночь будет тяжёлой. И не одна. Сам проснулся на рассвете - трясло. Нет ничего хуже, чем день перед штурмом. Всё одно, что за штурм - экзамен, драка с соседним кварталом, первое свидание, бой с немцами - всё одно - испытание. Трясёт, в голове заиклена только одна мысль - всё ли успел, всё ли правильно сделал, ничего не забыл?

Ворочался, ворочался, встал, оделся, вышел на улицу. Надо чем-нибудь занять руки - голова забьётся, иначе можно и "сорваться с резьбы".

Ясное небо. Сегодня будет солнечно и тепло. Сел на завалинку, стал чистить ДТ, потом набивать диски патронами из ящика. Мимо поплыл манящий запах - повар варит завтрак. Я начал успокаиваться. Подошёл осунувшийся, но довольный Иван.

- Что нового слышно? - спросил я его. Отложил диск, стал набивать трубку.

- Говорят, Интендант застрелился.

- Да ты что?! И как это?

- Говорят, кровью своей написал в партбилете: "Я - вор" и выпустил себе мозги из собственного пистолета.

- Стрелял один раз?

- Ну, да.

- А больше ран не было?

- Нет, вроде.

- Эх, Ваня, Ваня! Не быть тебе атаманом! Так и помрёшь Казачком! Мститель херов. Поэтому и сел, что сыпешься на мелочах. Ключевых мелочах.

- Чё это? Как это?

- Если бы ты головой умел думать, а не тем, на чём сидишь, то понял

бы, что брешут эти сплетники.

- Что это сразу - "брешут"?

- Ну, следи за моей мыслью. Если интендант выстрелил себе в башку, то он умер мгновенно. Так?

- Так.

- А как же он тогда в партбилете писал?

- Пальцем.

- Мёртвый?

- Наверно, живой ещё был. Написал, а потом стрельнул.

- А кровь тогда откуда? Больше же ран не было. Так?

Ваня насупился.

- Вот я и говорю: Учись, Ваня, головой работать. Думать учись. Это тяжело, но надо. Иди. Охламон!

Принялся опять набивать диск. Вот, придурок! Ну, никому ничего доверить нельзя. Мститель одноразовый! Твою мать! Особисты нагрянут. Хоть всё делай сам! Чем люди думают вместо головы?

Настроение было испорчено до конца. Психуя, добил диск, закинул пулемёт за плечо, зашагал по улице, поглядывая на небо. Оно было ярким и солнечным. Прилетят?

- Воздух!

Прилетели. Двое "лапотников". Прямыми попаданиями неразорвавшихся бомб развалили два макета, погоняли из пулемётов моих сонных штрафников, покачали на прощание крыльями и улетели. Легко отделались. Только одного убили. Раненных нет. Ушибленных много. Это хорошо, что бомбы не взорвались, а то жертв было бы больше. Почему же бомбы не взорвались?

А они и не могли взорваться - это были не бомбы, а брёвна. Так немцы сообщили нам, что разгадали наш замысел с фальшивой батареей. Деревянными бомбами по деревянным пушкам. Я оценил юмор.

- Политрук, в штаб дивизии сообщи, что немцы догадались про деревянную батарею. Так и сообщи, что подверглись бомбёжке деревянными бомбами.

Серёга убежал к заградотряду - звонить. Больше он не вернулся. Лечить отправили.

- Рота! Через час - построение. Готовность к маршу!

Суета стала лихорадочной.

Руины Столицы

(1942г.)

Уроки подлёдного плавания.

- Бойцы! Мужики! Началось освобождение нашей Родины! И началось оно с освобождения Столицы! И нам предоставлена честь принять в этом непосредственное участие. Сегодня ночью мы по льду форсируем реку и захватываем плацдарм на западном берегу. Все мы оказались здесь не по своей воле, но за свои грехи. Сегодня нам будет дана возможность смыть с себя пятно позора кровью. Своей кровью и кровью врага. Помните, то, что мы штрафники - это временно. А то, что мы русские - это навсегда! Да, кто-то сегодня падёт, кто-то будет ранен. Но, все мы сможем лицом к лицу сойтись с врагом и отомстить! Отомстить за тех, кто уже никогда не сможет, за тех, кто никогда и не мог. За убитых жен и детей! За матерей и отцов! За братьев и сестёр! За расстрелянных и повешенных, за задавленных танками и заживо сожжённых! Отомстим! За Родину! Бей выродков! Ура!

Вот такую речугу я толкнул перед строем. Похоже, прониклись. Самое время спеть что-нибудь патриотическое.

- Напра-во! Шаго-м ... Арш! Запе-вай!

Спели "Вставай страна огромная", потом я пел "Молитву", немногие подпевали:

Ночь. Над Русью ночь
И гладь небес. Млечный Путь так
Предвещает. Тьма
Во степи. Рыщут шакалы.
Ведь, Русь в ночи, как чаша туманом
Сон-травой, испита дурманом
И во лжи росой полита
Белый конь ступает копытом
По восходе солнца над Русью
Поднимайтесь, русские люди!
Разжигайте горны во кузнях!
Здесь жатва кровавая будет!
Степь Руси здесь
Слабый зов здесь
Бродит тень здесь
Сына кличет мать. Но,
Спят сынки. Лишь
Слышится стон слабый.
Здесь была кровавая битва
Пала рать изменой бита
Болью стонет мёртвое поле

Зверя вой врезается в поры.
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам
Выкинуть чужестранных уродов
Чёрный дым здесь
Казнь сынов здесь
Смерть мужей здесь
Портят белых дев здесь
Чёрный дым.
Над Русью вой слышен
Погибает русская раса
Празднуют враги в нашем доме
Собирайте новые рати
Бой врагу в подарок готовьте
Не погибнет русская раса
Не бывать врагу в нашем доме
Растерзайте вражие стяги
Пламя верните в родные чертоги
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам
Выкинуть чужестранных уродов
Подняв стяги, идут поколения
Отомстить за преданных смерти
И за жён, иссеченных плетью,
За детей, закованных в цепи.
Родина взывает по праву
И земля, испившая крови
Отомстить кровавым шакалам
Выкинуть чужестранных уродов
Погибает русская раса
Празднуют враги в нашем доме
Собирайте новые рати
Бой врагу в подарок готовьте
Не погибнет русская раса
Не бывать врагу в нашем доме
Собирайте новые рати
Растерзайте вражие стяги

Так дошли до штаба батальона, на участке которого нам и предстоит пересечь реку. Людей расположили по укрытиям - шальные снаряды частенько долетали сюда. Изрядно поредевший батальон вел бой, зачищая восточный берег. Комбат был удивлён:

- Ни хера себе рота! Сколько у вас? Две сотни! У меня в ротах и по полсотни не будет.

- Будет, будет. Всё у тебя, старлей, будет. Показывай - где мы будем наступать.

Вышли почти на берег. Лёд зиял чёрными проплешинами - пробоинами. После каждого удара снаряда об лёд, столб воды поднимался высоко в небо и потом падал, смывая снег.

- Немец ещё ночью отошёл. Тут остались немногие - это мы их не пустили. Вот они по льду и долбят, бояться, что мы на лёд полезем.

- Не полезешь?

Комбат отвёл глаза:

- У меня другая задача.

- И какая?

- Обеспечить вас связью. Протянем вам шнурок на тот берег и две рации с радистами получите.

- Запасные БП?

- Само собой. Связисты уже прибыли. Заряжаются.

Потом я около часа разглядывал в комбатовский бинокль противоположный берег. Немцы не особо там и суеились. Ясно, что уже заранее готовы. М-да, не легко нам придётся.

Уже два часа, как стемнело. Мороз крепчал. Немец подвешивал минимум по две ракеты над полоской реки, постреливал из пулемётов и покидывал мины. Тише не будет. Пора!

- Помните - как проваливаться начнёте - жердь ставить поперёк. В воде резких движений не делать! Ну, с Богом! Пошли, помаленьку!

Я спустил на лёд самодельные санки - лыжи с закреплённым на них ящиком с гранатами, ДТ и моими пожитками, взял в обе руки четырёхметровую жердь, вздохнул поглубже и побежал. Санки, привязанные к моему поясу, покатились следом. Я опять бежал первым, стараясь подальше оббежать пробоины во льду. Это опять был расчёт - глядишь и проскочу. Главное - не провалиться и темпа не потерять.

Я пробежал уже половину реки, когда немец открыл неистовый огонь. Я задышался, но поддал. Главное, до берега добежать. Я не морпех, воды не люблю.

Оглянулся. Мои штрафники бежали широкой белой лавой. Как

пикинёры - с шестами наперевес. Трассеры впивались в бегущих, опрокидывали людей на лёд. Водяные столбы, оседая, смывали людей в полыньи. Штрафники не стреляли. Зато наш берег свирепствовал - били из всего, что есть, по вспышкам на западном берегу.

- Быстрее! Быстрее! - шептал я сам себе.

Вот и набережная. Гранитная. Встал к ней спиной, быстро разобрал санки. Пару гранат наверх, после разрывов, туда же полегчавший ящик, потом сам.

Наконец! Бой! Тут я уже не как баран на скотобойне! Тут и я могу ответить!

ДТ, в упор - отличная вещь! Гранаты и ДТ - чистый результат! Набережная очищена. Наверх начали вылазить очумевшие штрафники. Пора из штурмовика превращаться в ротного.

- Ты, ты и ты! Вон ящик с гранатами! А вон пулемётная точка. Ты - в центре, ты - справа, ты -слева. Вперёд! Все! Подавляющий огонь!

Люди подбегали. Кто-то мокрый с головы до ног, окунулся или накрыло водяным столбом. Многие потеряли оружие, большинство - очумевшие. Каждого встряхнуть, дать спирта глотнуть, привести в чувство, подбодрить, направить. А это - много беготни и крика.

Говорят, ночной бой - очень сложный. Я пока не знаю ни одного простого боя. Но, вот то, что управлять им сложно - это точно. Где мои, где немец - не поймёшь. Через час наши порядки так перемешались, что кое-где пришлось отбиваться от врага, стоя лицом к реке. Как я управлял боем? Бегал и орал. Как ещё? Как только находил не сильно занятого бойца, направлял его туда, где жарче, придав ему боевой решимости волшебным пенделем.

Нас было две сотни. Сколько перешло на западный берег? Кто ж считал? Но! Мы смогли не только очистить набережную, но и захватить целый квартал. На этом наше наступление на запад остановилось. До утра наступали наверх и вниз. Воевали не по горизонтали, а по вертикали, отбивая этажи и подвалы.

Руины Столицы
(1942г.)

Батальоны просят огня.

Ничего бы у нас не вышло, если бы не старлей Федя - корректировщик. Он наводил огонь дивизионной артиллерии. Что нас сильно выручало. Оказалось, что следующие сутки все пушки дивизии работали только на нас.

К рассвету стал подводить итоги - захвачен плацдарм полкилометра в

ширину и двести метров в глубину. Три здания и руины ещё десятка. Несколько хороших подвалов. Уничтожено больше сотни солдат противника, захвачено много оружия, боеприпасов. Отдал приказ закрепиться. О чём и сообщил "Оке" - комдиву.

- Держись, Медведь, - прошипела трубка, - сейчас они тебя выдавливать будут.

Это понятно. А народу у меня осталось - кот наплакал. Кстати, где он?

Создать сплошной линии обороны не получится, создали очаги сопротивления - группа человек в 5-7 с пулемётом занимает удобную для обороны позицию. В пределах огневого контакта - следующее гнездо. Позади них - ещё одно.

В захваченных зданиях разместил "гарнизоны", тут же начавшие забаррикадироваться.

До рассвета, под обстрелом, отправили на тот берег раненных, подвезли боеприпасов и сухпая. Нам передали два ПТР с патронами. У меня нашлись и спецы, попавшие в "шурочку" из бронебойщиков.

Лихорадочно закреплялись. НП себе я оборудовал в самом близком к реке здании, с разрушенным бомбой правым крылом. Тут был мощный подвал. В подвале организовали склад, перевязочную и "последний рубеж обороны". Здесь же моя группа - промокший насквозь Кот, Иван, Брасень с двумя своими "братками", Прохор, связисты и наводчик-корректировщик. В резерве - десяток бойцов с двумя трофейными пулемётами. Это мой резерв - группа оперативного реагирования.

В правом здании, по версии корректировщика, "Путейский" - гарнизон в четырнадцать человек при четырёх пулемётах, под командованием сорокалетнего бывшего бригадира-железнодорожника. Как он удивился, когда я спросил, сколько лет он в пути.

- Откуда знаешь?

- Походка. Ты лет пятнадцать щебень и шпалы топтал.

- Двадцать пять. Бригадир пути. С началом войны призвался на восстановительный поезд, попал в окружение, в плен, бежал, вышел к своим - теперь здесь.

У меня он стал взводным. Теперь руководил обороной правого дома.

В левом - восемнадцать человек при пяти пулемётах - два Максима, два ДП и один - МГ. Во главе - бывший ротный старшина Школьник, за пьянку и рукоприкладство к собственному ездому угодивший ко мне. У меня он тоже взводный. Третий взвод, самый крупный - почти пятьдесят человек - раскидан по всему плацдарму. Командует бывший старший

сержант, командовавший пулемётной ротой после гибели ротного и давший роте приказ на отход. Людей спас, сам здесь. А не надо было пулемёты и миномёт бросать! Вывел бы - глазки бы и прикрыли, что без приказа - приказ просто не дошёл. А за потерю пулемётов спрашивают всегда строго. Где их брать-то новые? Тульский оружейный завод больше не выпускают оружие. Обустраивается где-нибудь в Ижевске. Когда он даст стране вал? К осени?

- В укрытие! - заорал я и сам сбежал в подвал. Мины стали рваться на нашем плацдарме, дивизионные пушки ударили по позициям миномётных батарей, по дивизионным - немецкие пушки, по ним - наша корпусная артиллерия, а к огневым корпусных пушек вылетели лапотники. Земля заходила ходуном от сотрясений мощных взрывов.

- Они нас с землёй перемешают! - закричал один из подручных Брасеня, но тут же от мощного удара в ухо отлетел к стене.

- Будь мужиком, сдохни достойно, - рявкнул ему бледный Брасень, растирая отбитый кулак.

Самое для меня противное на войне - обстрелы и бомбёжки. Сидишь, трясешься и гадаешь - твой - не твой. Хуже нет. И ничего сделать не можешь. Это надо пережить. А время при этом так медленно тянется!

Кажется, стихает. Побрёл к выходу.

- К бою!

Немцы полезли сразу со всех сторон. Нас поддерживали огнём с восточного берега, иначе бы не удержались - немцы, как тараканы, кишели в развалинах, упорно лезли на нас. Их поддерживали две самоходки. Эрзацы наверное, не "штуги" - силуэт высокий, пушка длинная, корпус открытый сверху и сзади. Самоходки вперёд не лезли, издалека долбили, но потом отошли - когда наши накрыли их по наводке старлея Федя. Взрывы легли рядом, я видел. Следующий залп одну бы точно сжёг, но самоходчики не стали рисковать - попятились и скрылись. Они ещё не раз обстреливали нас, но Федя был начеку и позже одну из самоходов уничтожили прямым попаданием. Вторая больше не показывалась.

Атаку отбили, нас опять обстреляли, фрицы опять полезли. Мы их опять положили, они нас опять обстреляли. И так несколько раз. С каждым разом они ближе и ближе, а нас всё меньше и меньше.

- Ну, что, командир, удержимся? - проорал мне в лицо Брасень, скалясь. Он бегал с опергруппой отгонять фрицев от "Школы" - левого дома. На лбу у Брасеня - белая полоса чистой кожи, всё остальное лицо в грязи от кирпично-цементной пыли.

- Если они ничего нового не придумают - удержимся!

А они придумали - нанесли мощный удар пехотой меж "школой" и "путейским", прямо на "берлогу" - на мой КП. Взвод сержанта-пулемётчика лёг почти полностью. Отбились гранатами, а потом в рукопашку. Немцев секли с флангов "гарнизоны", оставившие первые этажи. Враг усеял трупами весь плацдарм.

Но и это было ещё не всё. Они ударили вдоль набережной, несмотря на плотный огонь с восточного берега, отрезав нас от берега и друг от друга. Мы оказались изолированы в трёх зданиях, но и немцы залегли и попрятались. Пат. Ни мы не можем головы поднять, ни они.

- Только бы они штурмовики не прислали!

Немцы бегут? Сглазил!

- Все вниз! В подвал! Бегом! Воздух!

И этот противный вой сирен! Ненавижу! Бах! Бах-бах! Ба-бах! С потолка сыпется мусор, пыль, летят куски штукатурки. Неужели нас накрыло?! А если выход завалило?! Вот что такое паника!

- А-А-А!!!

Бах! Бу-бух!!!

И звенящая тишина.

- Рота! Встать! Перекличка!

Слышу, как будто в уши ваты напихал, но слышу. Пятнадцать, шестнадцать, восемнадцать! Отозвались даже раненные.

- За мной!

Протискиваюсь в выход - завалило до пояса. Нашего здания больше нет. Стоят клыки полуобвалившихся стен, всё тонет в пыли.

- Цепью! В атаку! Ура!

Бегу в сплошной пыли туда, где был "путейский". Натыкаюсь на бредущего бойца. Наш! Живой, оглушен!

- Прохор!

Дальше пошли оглушенные немцы. Стреляю, прислонив ствол пулемёта к серой груди немца. Кровь брызгает в лицо. Ребята лупят прикладами.

"Путейский" похож на "берлогу" - обломки стен. Левого крыла здания нет, но есть большая воронка. Уцелели перекрытия правой части здания. Там уже сверкает пулемёт. Ему-то видно, он выше пылевого облака.

Бежим к "школе". Её нет. Бомба легла точно. Пробила все перекрытия, взорвалась в подвале. Никто не выживет. Тут, на обломках, встречаем немцев. Вернее, обрушиваемся на них, как селевой поток. А они-то думали, что всё - позиция взята. В короткой, но яростной схватке почти уничтожаем их. Не многие смогли отойти.

Приказываю собрать трофеи и отходить. Тут не удержаться.

Пыль оседала. Увидел солнце. Уже клониться к закату. Нет, комдив, не удержусь я. Некем удерживать.

- Брасень!

- Тут!

- Путеец там держится. Подкинь ему хавчика, воды и боеприпасов.

- Есть!

Брасень стал чётко, по-военному. Без этих своих блатных закидонов.

- Выставить боевое охранение. Занять оборону!

Спустился в подвал. Прохор, похудевший, почерневший, повернулся ко мне. Я обратился к раненым:

- Если враг пойдёт в атаку - мы не удержимся. Некем удерживаться. Подумайте, что они с вами сделают. Кто сможет стрелять - предлагаю подороже продать свои жизни.

Все, кто был в сознании, подняли руки. Кто мог идти - сам шёл, не ходячих отнесли на позиции.

Вернулся Брасень.

- Что там?

- Пять человек. Все ранены. Три пулемёта. Все лежат на гранатах.

- Гвозди бы из таких людей делать! Брасень, раздай спирт, что остался. Это, ребята, и есть "наш последний и решительный бой"! Для меня честь узнать вас, воевать рядом с вами!

- Спасибо, командир!

- Федя, как там связь?

- Есть, пока.

Федя ранен в голову - осколок снял ему часть скальпа. Один связист убит, второй - контужен - из ушей кровь течёт. Берёг их, берёг, а не уберёг.

- Федь, а сколько времени?

Он поднял руку, потряс часы, потом снял их и выкинул. Красноречиво.

- И у меня так. Ни одни часы дольше одного боя не живут.

- У меня такой бой первый. Я с ноября воюю, но чтобы так!...

- А у меня других не бывает. Только такие.

- Как же ты выжил?

- Ты на рожу мою глянь. Я в баню вошёл, ребята мыться перестали.

- Что так?

- Это ты у них спроси.

- Я его как увидел... - это Ваня, - Мне в парилке холодно стало. Места живого нет. Шрам на шраме. Не дай Бог!...

- Что-то немец не идёт нас добивать?
- Так это же хорошо.
- Что хорошего? Затекает опять какую-нибудь каверзу. Путеец тоже не стреляет. Или я не слышу?

- Не стреляет. А! Обед же! У них же война по расписанию. Завтрак, обед, ужин, сон. Не война, а смена на заводе.

- А ты, Федя, из рабочих?

- Ага! Инженер-технолог. Война началась, лейтенанта технических войск присвоили и на фронт. А артиллеристом я уже тут, на Московском фронте стал. Как комбат погиб, так и командую. Может, и нам жевнуть?

- Может, - кивнул я. Есть совсем не хотелось. Отвернулся, лёг на живот, на склон тёплой воронки, задумался.

Обед только, а от роты рожки да ножки остались. А надо до утра продержаться. Что-то не похоже, чтобы на той стороне дивизия готовилась к переправе. А может, как в том фильме, не будет переправы? Или будет, но не здесь? Вполне может быть. Странно, совсем никаких эмоций. Герой фильма смертельно обиделся на комдива, что он послал батальон на убой. На что обижаться? Это война. Тут все идут на убой. Мы сегодня, они - завтра.

А почему именно сутки надо держаться? Х-м! А, эти сутки полковник будет перегруппировываться, даст дивизии отдохнуть, а завтра вломит фрицам. А мы тут гробимся, чтобы в штаб армии доложить: "Веду бой за удержание плацдарма!" Его наверняка давят из Ставки: "Не ослаблять давления!" Вот так он и "не ослабляет". Хитро. А что, правильно. Учись! Хороший командир, своих жалеет. А штрафники - чужие. Всем - чужие. На то они и штрафники, чтобы их на такие задания посылать. Ну, а что? С математическо-бухгалтерской точки зрения бой можно признать удачным - двести штрафников в убытке, а в прибыль - сотни три немцев убито, одна самоходка, неизвестно сколько подавленных батарей. Нас тут атакует пара батальонов. А может и полк потрепанный. Нормально. Ещё потрепанней будет. Сейчас они ещё и резервы введут, засветят их, дивизия их орудиями причешет. Завтра немцам будет нечем парировать удары дивизии. Молодец, полковник! Быть тебе маршалом!

- Командир, жевни! - Кот протягивал полукольцо копчённой колбасы.

- Где ты её берёшь-то?

- Трофеи.

- По запаху находит, - подколот Брасень, - он немцев потрошит редко, но всегда метко. Я вот ни разу не нашёл.

- Завидуешь - завидуй молча, - огрызнулся Кот.

- Да, я и так молчу, - пожал плечами Брасень, пригнувшись побежал к дырке входа в подвал.

- Что там? - спросил я Кота, кивая на флягу.

- Кампот. Малиновый. Или вино, малиновое.

- Пронесёт.

- Не успеет.

Я хмыкнул, и то верно. Запил колбасу. Вкусно. Люблю малину.

- Слушай, Кот, - спросил я с набитым ртом, - а ты какого звания?

- А какая разница? - пожал плечами Кот.

- Странно просто. Я - обычный старшина, штрафник. Пусть и узнал, случайно, кое-что лишнего. И ко мне вдруг приставляют за надзором очень умелого и образованного командира. Для обычного бойца осназа, Кот, ты слишком начитан и сообразителен. Так в каком ты звании?

- Капитан.

- ГБ?

- Просто капитан.

- Г-м, цельного капитана суют в штрафроту для присмотра за каким-то штрафником. Нерациональное распределение ресурсов. Расточительство.

- Ничуть. Ладно, раз пошёл такой разговор, Витя, а ты в каком звании?

- Старшина, Сёма, бывший старшина. Правда, не смотри на меня так.

- Кто ты, Вить? Нам не дожить до утра, хоть сейчас признайся!

Я схватил его за шею, прижал к себе и зашептал на ухо:

- Русский мужик, Сёма, в меру сил и возможностей, себя не жалея, старающийся помочь Родине и народу. Всё!

Я оттолкнул его. Увидев его лицо, улыбнулся:

- Всё, Семён, нет больше ничего. Не шпион я, не скрытый агент. Нет ничего. Я тот, кого ты видишь. Я - смертник, по недоразумению ещё живой. И приставлять ко мне кого-либо - приговорить ценного агента к смерти.

- Да, пошёл ты! - Кот вскочил и побежал.

- Вино оставь!

Руины Столицы

(1942г.)

Гибель штрафной роты.

Мы замёрзли раньше, чем немцы решились на атаку. Перебрались все обратно в подвал, расширив лаз. Оставили только двоих в качестве боевого охранения. И два раза успели их сменить, прежде чем дозорные влетели в лаз:

- Ложись!

Обстрел. Дивизия тут же ввязалась в контрбатарейную дуэль. А мы сидели и тряслись. Надо это переждать, переждать - твердил я себе.

- К бою!

Надо же - кричал не я. Но, я не против. Я вообще сторонник самоуправления и самоорганизации, до определённого предела. Не до анархии.

Выбежали, побежали на позиции. Пулемётчики - первые. Бойцы помогали раненым.

- Идут!

Ага, я тоже увидел. Сколько же их! А бронетранспортёры за каким хреном на поле боя вытащили?

- Всем замаскироваться! Будем подпускать ближе! Федя! Наводи огонь!

- Уже!

- Без команды не стрелять! Брасень! Раздать все гранаты!

Недолгая суэта на нашей позиции не осталась незамеченной. Пули зажужжали густо над головой, звонко били в кирпичи, глухо впивались в землю. Я достал зеркальце в кожаном футляре, наколол на штык-нож, выставил над собой, через него наблюдал за полем боя. Наша артиллерия была хорошо - метко, часто, хорошо прореживая цепи врага, сбивая его с темпа, замедляя.

"Путеец" уже захлёбывался. В зеркальце я видел только, как взрывы сотрясают дом, но кто бил его - не видел.

- Федя, ты видишь, кто убивает Путейца?

- Нет! Наверно, самоходка. А где она - не вижу!

Всё! Последний пулемёт замолчал. Я видел, как серые силуэты нырнули через баррикады в подъезд. Видел две вспышки и поднятую пыль. "Путеец" пал.

- Федя! "Путеец" пал! Закажи салют в их честь по их координатам!

- Понял!

Взрывы заплясали вокруг дома, в развалинах дома. Здесь противник залёг. Федя сразу же перенёс огонь в другое место. Правильно, сейчас не 45-й. Снаряды не эшелонами считают, и даже не боекомплектами, а поштучно.

Пятьдесят метров. 40. 30 метров.

- Приготовить гранаты! - негромко сказал я, команда моя побежала по короткой цепи.

- Давай!

Я метнул две гранаты, встал на колени и стал расстреливать фрицев из пулемёта. Два удара опрокинули меня на спину. Опять! Опять я бронником схватил пулю! Пулемёт исковеркан другой пулей. Я взвёл последние две гранаты, бросил их в немцев, достал пистолет.

- Отходим к подвалу!

Самое оно! Врага мы уложили мордами в грязь, есть шанс отойти. Побежал. Рядом была позиция Вани-Казачка. Он там и лежал, закатив глаза, пуская розовые пузыри. Схватил его за руку, дёрнул, вскинул его на плечи, побежал по неглубокому окопу. Справа тарахтел ППШ Кота.

- Кот, отходим!

Я не добежал метров десять. Меня будто кувалдой ударили в руку и в бок и бревном сзади по ногам. Я бросил, падая, Ваню так далеко, как смог. Лишь бы ближе к подвалу. Перевернулся, глянул на ноги - прострелены оба бедра. Отбегался. Дышать тяжело.

Надо мной склонилось лицо Кота.

- Ваню спаси! Приказ! - закричал я ему, плюя кровью в лицо, - в подвал! Феде! Огонь на себя! На себя!

Он схватил меня и попытался волоочь. Наивный! Во мне почти сто кило -сам я немаленький, и мокрая зимняя одежда, бронник.

- Ваню тащи. Феде скажи - на себя! Приказываю!

Он не реагирует. Тогда я всунул большой палец левой руки в кольцо Ф-1, закреплённой на броннике. Он всё понял, бросил меня.

Я лежал в неглубокой воронке в траншее, прорытой ещё немцами. Не мог даже головы поднять. Мир для меня потухал. Одно желание осталось - рвануть себя вместе с врагами. Но врагов я так и не увидел. Земля начала качаться, надо мной выросло за долю секунды чёрное дерево, тут же рухнуло. Это же разрыв! Федя! Умничка, ты успел!

Судьба Голума.

(наше время)

Судилище и милосердие.

Меня кое-как поставили на ноги, следствие продолжалось. Там следствия-то. Основной герой - мой Кум - всё раскрыл по горячим следам. Дело оказалось резонансным. Он - молодец, герой, ему светило награждение и повышение. Один косяк был за ним - в одиночку решил брать рецидивиста, на счету которого уже было 2 трупа. А его (т.е. мои, по версии следствия) сообщники ещё и убили одного и ранили другого пэпээсника, что пытались задержать меня. Кума моего сплывили в командировку на Кавказ. А как вернётся - будет ему и повышение в звании, и новая должность.

А вот мне - ничего хорошего не светило. Я ушёл в "отрицалово" - отказывался вообще разговаривать с кем бы то ни было, не то что сотрудничать со следствием. У них и так всё сложится, без моей помощи.

Единственный, кто пробил эту ледяную броню равнодушия - Полкан. Он вытащил меня на следственный эксперимент к тому самому коровнику. Я отказывался что-либо делать, изображал из себя статую Лермонтова. Он отослал всех прочь и когда остались одни, сказал:

- Рассказывай.

Я не пошевелился, никак не изменил положения тела, головы, бровью не повёл. Одними губами прошептал:

- Я не убивал.

- Я знаю. Рассказывай, что успел нарыть. И, отомри! Уже можно. Придётся, только, потом, на камеру всё рассказать и показать.

Я стал рассказывать. Всё, что знал. Про типа с запиской и номером машины, Отморозка, Кума, торговцев органами. Всё, что знал.

А потом заговорил Полкан.

- Ох, и влип ты, Витя! Ох, и влип! И мы все. Куманёк твой в командировке загнулся уже на второй день. Из гранника прямо в окно его кабинета саданули. Этот, с номером - его человек. Его тело уже нашли. Тела этих двоих, что за твоей женой присматривали, тоже нашли. Сын моего друга, которого ты покалечил, а потом его добились, приставил их к ней. Он был краем уха в теме. Как про её медкомиссию узнал, подстраховался. Не был он ни придурком, ни психом, так, придурился. Да, не смотри на меня так, не знаю, было меж ними или нет, я свечку не держал. С его стороны - был интерес, с её... Она же у нас видная была. Бог им судья. И тебе. И мне. Мы с его отцом, как два осла, дон Кихоты, блин, пытались этих мразей в город не пустить. Как видишь - ничего не вышло. Они её оперировали прямо в реанимационной горбольницы. Органы прямым рейсом ушли в Израиль. А тебя, как "торпеду" снарядили. Одноразовый убийца. Отвлекающий манёвр. И со своей задачей ты справился блестяще. Такой ил со дна поднял, что вся крупная рыба незаметно ушла. Но, зато привлёк к делу так много глаз, что тут работает аж две пары зачистки. Одну ты имел возможность рассмотреть. Лишние жертвы неизбежны.

- Я сожалею.

- Уже поздно. Всем нам. Они теперь зачищают следы. Прощай. Не удивляйся, если я зарежусь случайно безопасной бритвой.

- Я не знал.

- И я не знал. И что с этим делать - не знаю. Генералы мои из столицы

уже не на моей стороне. Я от них получил прямое указание из тебя рядить козла отпущения и концы зачищать. Я был нерасторопен, потому зачищают меня. Давай, рассказывай всё на камеру, заканчивай эту историю. Жене своей, там, привет передавай. Если я успею первым, так и быть - я передам.

Мы крепко пожали друг другу руки.

Через день он застрелил из табельного именного пистолета жену, младшего сына (старший учился в другом городе), собаку, поднялся на крышу своего 9-ти этажного дома, встав на край, спиной к улице, выстрелил себе в рот и упал под окна своей квартиры - жил он в ведомственной квартире на 1-м этаже.

Такова была официальная версия.

Это мне рассказал тот самый хозяин "холдинга", гаражи которого я охранял и сына которого я искалечил. Он сидел напротив меня в "допросной".

- Я не убивал вашего сына.

- Я знаю. Его убил его охранник. Зря ты его отвязал. Это не важно. Ты - всего лишь "торпеда".

- Я сожалею. Простите.

- Бог простит.

Мы помолчали. О чём говорить? Я всё сказал, спросить - зачем он здесь - не решался. Решил своими глазами меня увидеть?

- Когда я звонил Вам, вы мне обещали, что я труп. Ваше обещание в силе?

Он смотрел на меня выжидательно, потом ответил:

- Зачем?

- Они меня держали в палатах с туберкулёзниками. Открытая форма. Я сгнию заживо. Я им нужен для суда. Видно, фарс будет. Прошу о милосердии.

Он ещё некоторое время смотрел на меня в упор, потом встал, сказал:

- Посмотрим. Если не утону в собственном унитазе.

И ушёл.

Он пьяным уснул за рулём. Влетел в столб. Умер на руках врачей скорой.

Потом был суд. Судилище. А адвоката мне дали, что стал лепить из меня "народного героя", мстителя. По следствию - сын хозяина "холдинга" убил мою жену, я убил его - вот и всё. Отец парня с горя напился и разбился. Вскрылась его многолетняя дружба с полковником милиции, боясь позора, тот тоже покончил с собой, прихватив семью, чтоб не скучно

было.

Я отказался от этого адвоката - я не "герой". Я - дурак. Дурачина-простофиля. Дали другого - старого, опытного, но давно и безнадежно пропитого. А вот к нему нареканий нет - сработал четко и очень грамотно. Насколько это было возможно.

В зале суда я видел мать покалеченного мной парня, своих родных, мать, отца, сестру, тещу с тестем. И сына. Он не слушал суда. Не понимал, о чём говорили. Он не отрывал от меня взгляда и глаза его кричали:

- Ты обещал! Ты обещал вернуться! Ты обещал, что всё будет нормально!

Я не сдержал никаких обещаний. Я сделал настолько всё плохо, насколько было возможно. Я не мог смотреть сыну в глаза.

В зале суда были и ещё глаза, что искали моего взгляда. "Перевалочная база". Ну, вот, на хрена они-то припёрлись?

До зачитывания приговора суд доведён не был. Как известно - суд - дело долгое. Не одного дня дело. Бывает, не одного года. И хотя моё дело двигалось галопом, люди хозяина "холдинга" успели раньше.

Однажды вечером дверь камеры (меня, как опасного, стали держать в одиночном изоляторе, но только после установления заражения тубиком) скрипнула, открылась, впусив двоих синих от наколок личностей. Я сразу всё понял. Торпеды. Такие же, как и я.

И был благодарен их инициатору.

Я встал, сделал шаг им навстречу, остановился, заложив руки за спину. Мужчина должен принять смерть стоя, глядя прямо ей в глаза. Я кивнул своим убийцам, как хорошим знакомым, они сосредоточенно кивнули в ответ и нанесли удары заточками. Один - в печень, другой - в шею, вскрывая сонную артерию.

Последнее, что я видел - как лужа моей крови заливает бетонный пол. Время собирать камни.

(1942г.)

Темно. Больно. Опять. Я опять не умер. Опять! Где я?

- Где я?

- Не шуми, командир, - голос Кота. Капитана Матушкина. Семёна.

Я опять в прошлом. Я всё ещё на войне. Что за напасть! Кузьмин! Данилов! Вы категорически не желаете умирать!

- Где я?

- В подвале. Тихо. Тут немцы кругом.

- Кто ещё жив?

- Прохор, я, Ваня, Брасень и Федя. Больше никто.

- Раненные?

- Двое. Те, что тут лежали. Тяжелые. Было четверо. Прохор не смог всех...

- Тс-с...

- Да, ладно. Те, что здесь - никогда об этом слова не скажут. Если бы не Прохор... Он нас всех спас.

- Как он?

- Спит. Как мёртвый. Даже не дышит. Пульс едва прощупывается.

- Транс.

- Ага. Ты спи, командир. Прохор велел всем спать.

- А немцы?

- Не полезут, если шуметь не будем. Я вход гранатой завалил. Тихо будем сидеть - не станут копать.

Я жив благодаря чуду. И чудо это носит имя Прохор. Я поблагодарил Бога, что он пересёк наши пути. И уснул.

Проснулся от шума. Стал шарить в поисках оружия.

- Давай, браток, тяни! Чуть осталось!

Свои. А что они шумят? Страх потеряли?

- Командир, - надо мной склонилось лицо.

- Прохор?

- Как себя чувствуешь?

- Живой.

- Ты прости, Виктор Иванович, не хватило мне сил тебя полностью залечить. Я всем только пули и осколки извлёк и кровь остановил. Больше не смог.

- Перестань, Прохор. Мы и так тебе жизнью обязаны. Что там происходит?

- Там наши. Утром нашли нас. Откапывают.

- А фрицы?

- Фрицы? Немцы, что ли? Ушли. Сами ушли.

- Странно.

- Я тут за ночь силёнок накопил. Давай, Виктор Иванович, на ноги тебя поднимать буду.

- Может, лучше тяжёлым поможешь?

- Им уже не нужна моя помощь. Один без ноги, другой располосован, но восстановиться. В госпиталь они хотят. Кровью искупили. Ты тоже в госпиталь хочешь?

- Нет! Наваялся я по госпиталям! Давай! Только ты опять не истощайся.

- Хорошо. Сейчас перевязочку сделаем. Я полностью никому не залечивал. Всем кровью надо испустить. Одного меня пуля не берёт.

Где-то через час, я выполз наружу. Солнечный свет ослепил меня. Прохор отвёл меня, едва ковыляющего, с болтающейся правой рукой, к горе кирпичных обломков, где на расстеленном брезенте сидели все выжившие, отказавшиеся от медсанбата: Кот, Иван, Брасень, Федя. Двоих отправили в тыл.

- Шестеро, - прохрипел я. - Из двух сотен.

- Восемь, - поправил меня Кот.

- Если бы не Прохор - никого, - тихо прошептал Федя.

Все грозно посмотрели на него.

- Знаю, знаю! - махнул он рукой, охнул, схватился за бок, - Будет сын, Прохором назову.

- А дочь?

- Не знаю. Мне кажется, после войны будут одни пацаны рождаться.

- Федь, а у тебя жена есть?

- Нет. Даже невесты теперь нет. Мы вместе в кружок радиолюбителей ходили. Я тут, а её немцы повесили.

- Как так?

- Она к партизанам с парашюта прыгнула. С рацией. Не одна, конечно. Много их было. Только немцы их нашли раньше партизан.

- Ты не переживай, Федя. После войны мужиков будет столько, что бабы сами в штаны лезть будут. Найдёшь себе другую.

- Такой больше нет.

- Другая будет.

- Брасень, отстань от человека. Сам-то любил когда?

- Любил, - зло сказал он.

- И что?

- Она меня мусорам и сдала.

- Да, не повезло. Не ту полюбил.

- Больше я такой ошибки не совершу. Любить кого-то - опасно.

- Это точно. Только, вот, зарекалась коза в огород не ходить, - сказал с усмешкой Кот.

- А ты, краснопёрый, вообще заткнись!

- Браты, - прохрипел я, - оглянитесь.

Они стали озираться.

- В двух боях рота потеряла больше трёх сотен человек. Выжили только мы. В бою вы друг друга прикрывали, себя не жалея, а сейчас собачитесь. Не кажется вам, что всё, чем мы жили до этого - настолько

мелко и ничтожно, презренно, что не стоит возвращаться туда?

Молчат, потупив взор.

- Пламя боя выжигает из человека всё лишнее, наносное, всю грязь и гниль. Не чувствуете разве, что вы стали другими? Чище, возвышеннее. Зачем опять в дерьмо ныряете?

А теперь глаза повытараскивали.

- Я понимаю, говно, оно хоть и вонючее, но привычное и тёплое, а к вони привыкаешь и не чуешь. А вот на вершине горы - холодно, ветра дуют, неуютно. Хотя и чистота кристальная и воздух опьяняюще свежий.

- Ты всегда так? - буркнул Брасень.

- Как?

- Скажешь красиво и умно, а я ощущаю себя помоями облитым.

- Это свежий ветер с вершины сдул вонь и ты её обратно почувствовал. Не переживай, обратно принохаешься, - опять усмехнулся Кот.

- А тебе не кажется, что ты слишком умный для простого надсмотрщика?

Брасень поражал своей проницательностью и меня, и Кота.

Разговор надолго прервался. Молча смотрели на проходящие прямоугольники рот. Подъехала кухня, повар запричитал, что наготовил на целую роту, за что молча получил в ухо от Брасеня.

- За что? Я-то что?

- Сдашь всё под отчёт! Попробуй хоть грамм украсть - сам застрелишься!

- Да вы что, ребята, вы что?

- Почему тебя здесь с нами не было?

А вот тут повару ответить нечего. Прячет глаза.

- Ты что спрятался-то? Ладно, давай наваливай погуще, да пожирнее. И рассказывай новости. Что это немец драпать надумал? Раньше за ним такого не замечали.

- А вы не знаете? А, ну да, откуда? Ещё позавчера наши войска Тульского и Калининского фронтов перешли в наступление. Да так удачно, что немец может в окружении оказаться. Вот они и драпанули.

- Ура! - заорали все шестеро, но тут же заохали.

Так вот чего выжидал комдив, для чего суточный отдых дивизии устроил, перегруппировывался. Всё верно, лучше преследовать отходящего врага отдохнувшим, чем пытаться его выбить с укрепленных позиций. А моя рота изображала активность дивизии. Ай, молодец! Даже обидеться на него не могу.

Мимо нас проехали три грузовика и прицепленными 76-мм орудиями. Ф-22, если не ошибаюсь.

- Ф-22 УСВ, - подтвердил Федя, - отличное орудие.

- Если пушки пошли, значит, переправу наладили.

- Так давно уже, - кивнул повар, - меня первым и пропустили.

- Ха! А повар наш - тоже штрафник-смертник! Его тоже первым пустили в расход, надёжность переправы проверять, - рассмеялся Кот.

Только сейчас до повара дошло, какой он опасности себя подверг. Побледнел. Не поздновато ли ты обделаться решил?

- Смотри, это что за чудо?

От переправы к нам ехали две легковые "эмки" побеленные разводами известью.

- Рота, стройся! - скомандовал я, - начальство к нам пожаловало.

Мы выстроились в короткую шеренгу. Не по росту. Самым правым пристроился повар, я оказался самым левым. И справедливо. Я и так самый левый среди всех в этом времени. В любом времени. Да, так - точнее.

Из первой машины выбрался полковник. Комдив. Он стремительно подошёл к нам, молча обнял и расцеловал каждого, даже повара. Отошёл на пару шагов, хотел толкнуть речугу, но голос его сорвался, он смахнул с головы шапку и поклонился нам в пояс. У меня в глазах защипало. Ахереть! Ну, и как на него обижаться?

Полковник выпрямился. Глаза его покраснели и блеснули слёзы:

- Спасибо, братцы! От всей дивизии, спасибо!

Он махнул рукой, подбежал паренёк в полушубке с папкой и коробочками.

- Каждому из тех, кто покинул вчера, тот берег, я подписал рапорт о снятии взыскания. Все восстановлены в правах, в званиях, всем возвращены награды. Награды погибших отправят семьям. Вам, каждому...

Он подошёл и вручил каждому по коробочке, говоря:

- Всё, что могу...

Следом шёл этот паренёк и заполнял орденские книжки и выискивал приказы о награждении в стопке с уже заполненными наградными листами. Я назвалса и открыл коробочку. "За отвагу!" Самая ценимая медаль. Моя первая медаль.

- А погибшие?

- Фамилия?

- Кузьмин.

- Медведь? Так вот ты какой, Медведь! А пошлый раз всё в скромнягу рядился. Надеялся, что в нашей дивизии останешься, но за тобой уже

приехали. Да, по твоему вопросу. Всех наградить - не могу. Продукт фамилии наиболее отличившихся моему ординарцу.

Поражённый полковником, я не сводил с него глаз. И только теперь, после его слов, заметил двух командиров, скромно стоящих у второй "эмки". Кельш со знаками различия пехотного полковника и подполковник Степанов. Сашка!

Комдив встал перед нашим строем, дождался, когда я закончу диктовать фамилии, ещё раз поблагодарил нас за подвиг и сказал напоследок:

- Вы вольны вернуться в свои части. Но, пожелавших остаться - с радостью приму в наши ряды.

- Служить под вашим началом - честь! - ответил я за всех.

Полковник благодарно кивнул в ответ, бросил косой взгляд на Кельша и Степанова, поманил в машину Федю, сам сел. Федя, радостный, светящийся, наскоро обнял всех, заскочил в "эмку" и уехал с комдивом.

Мои "штрафники" удивлённо разглядывали подходящих старших командиров.

Кельш встал прямо передо мной, насмешливо разглядывая меня. Степанов мялся сзади. Кельш протянул мне руку и сказал:

- Наш герой, как всегда, порван в клочья, но жив. И я искренне рад этому. И как тебе это удаётся? Даже завидую.

Я пожал протянутую руку, поморщившись от боли в простреленной руке и боку:

- Через боль, товарищ майор госбезопасности. И с каждым разом всё большую. А завидовать не советую. Не дай вам Бог пережить такое.

- Да, тут ты прав. Ну, что ж! Не буду вам пока мешать, - он глазами дал команду Коту и отошёл к машине.

Степанов подошёл ближе, взял меня за плечи и внимательно разглядывал, как китайскую фарфоровую вазу. Наконец, улыбнулся широко и сжал меня в объятиях. И я его обнял. Как бы то ни было, а я успел привязаться к нему.

- Живой, Хозяин Тайги! Живой! Я тебя уже три раза схоронил, а ты живой! Как я рад!

- Я, вообще-то, тоже рад, Саня, но не тискай так сильно. Меня тут малость потрепало.

- О, прости, Витя!

- Я вижу, вы в званиях растёте, товарищ подполковник. А, здесь, какими судьбами?

- Курсы закончил, звание подкинули, еду за распределением в Резерв

Ставки. Вот, Узнал у Кельша, что ты тут, за тобой заехал. Приехал на НП дивизии, а там говорят, что рота твоя героически погибла.

- Как видишь, это правда. От роты осталось... Ничего не осталось. Это всё... - я обвёл рукой короткий строй, - а зачем за мной приехал? Не повидаться же?

- Конечно, нет. С собой тебя забрать хочу. Такого старшины больше не найти.

- С собой, говоришь? - задумчиво сказал я.

- Соглашайся, Вить!

Я посмотрел в тоскливые глаза притихших "штрафников". Кстати, повар, случайно огребя медаль, уже тихо скрылся с глаз. Но, на всякий случай, недалеко - вон валенки торчат меж копыт коня.

- Не один я, Саша. Это братья мои. Соратники.

- Так в чём беда?! Такие brave орлы никогда не помешают. И их берём, - вальяжно махнул рукой Степанов.

Я повернулся к "штрафникам". Кот торопливо пристроился к строю. Морда озабоченная, как у голодного кота, почуявшего рыбный запах.

- Ребят, это мой ротный. Отличный мужик, замечательный командир, хоть и сыщик. Вы слышали его предложение. Кто со мной?

Все четверо сделали шаг вперёд.

- Брасень, ты хорошо подумал? С краснопёрыми придётся служить.

- Сам говорил, пришло время отринуть прошлое. Ночью все одного цвета, - насупился Брасень.

- Давно бы так. Спасибо за доверие, мужики!

Потом повернулся к Степанову:

- Мы готовы. Когда выдвигаемся?

Санёк, совсем пацанским жестом сдвинул шапку на лоб, зачесал затылок. На помощь ему пришёл Кельш.

- Товарищ подполковник, примите, - крикнул он, доставая рюкзак из машины.

Степанов сходил, хромя, принёс рюкзак, тулуп. "Эмка", развернувшись, ушла, увозя Кельша.

- Пришлёт за нами машину. А чтобы нам не скучно было ждать... Ей, повар! Не накормишь внештатного едока?

Пока расстилали тулуп, я наткнулся глазами на красноречивые глаза Брасеня. Кивнул. Брасень тут же ушёл. Увидев его манёвр, за ним последовали и Кот с Иваном. Прохор пробубнил:

- Пойду "путейский" посмотрю, - тоже ушёл.

Мы с подполковником остались вдвоём.

- Что это они?
- Головы не забивай. Трофеи.
- А! Да, после спирта самый ценимый разменный предмет - немецкий пистолет. Как раз в тыл едем.

- Далеко?
- В Москву, - гоготнул Санёк, разливая коричневый ароматный напиток из бутылки без этикетки по маленьким мельхиоровым стопкам.

- Ставка в Москве? - удивился я, - Как же так? Почти вся Москва под немцем?

- Это верхняя Москва. А подземная - наша. Там, в катакомбах, Ставка.

- Охереть!
- Давай, Витя, за Сталина. Так и не покинул он Столицы. Исключительной мужественности наш вождь.

Я выпил. Тост Степанова ничуть меня не покоробил, не показался он мне ни подхалимством, ни пропагандой. Теперь я и сам, провоевав полгода, готов был за Сталина глотки рвать и жизнь отдать. Вот так-то! Сюда бы всех либерастов и дерьмократов! И-ех! Или его с его "командой" туда! Торговцев органами бы быстро извели под корень.

Второй тост выпили стоя. И молча. Третий - за Победу. Только после я начал есть.

- Отличный коньяк!
- Кельш подогнал. Сказал от твоего крестника. Говорит, ты поймёшь.
Я чуть не упал, как только допёр до "крестника" - кавказца. Коньяк-то армянский.

Степанов с любопытством смотрел на меня. Сыщик, что с него взять?! Уже унюхал, всё просчитал.

В это время мимо погнали колонну военнопленных. Мы очень долго провожали её взглядами.

- Надеюсь, привыкнем, - вздохнул Санёк, - почаще бы наблюдать подобное.

- Не скоро, - ответил я набитым ртом.
- В смысле?
- Сегодняшнее отступление - инициатива на местах. Генералы Вермахта в растерянности. Их же не часто бьют. Почти никогда. Они оклемаются, огрызаться начнут. Гитлер истерику им закатит - вообще отступать перестанут. А там весна, распутица, война подзавянет. А летом - они долбанут.

- Думаешь? Но, мы-то уже не те!

- И они тоже. Разом везде буром переть уже не смогут. Где-то в одном направлении, но мощно.

- В каком?

- На севере им ловить нечего. Ну, возьмут они Ленинград и отрежут Мурманск. Нам будет сложнее, но не смертельно. А им что это даст? Ничего. Центр? Они рвались к Москве, к сердцу. Вот, взяли Москву. Почти. Нам это создало множество проблем. Но, не убило же! И они извлекут из этого урок. Юг. А вот тут всё очень интересно. Самая сильная наша группировка была на юге, до Киева. Теперь всё здесь. Юг оголён. А там и хлеб, и уголь, и металл, и нефть, и люди, в конце концов. Если они отрежут нас от кавказской нефти, что будет с нашей армией? Без топлива?

- М-да! Вить, тебе в генштабе работать надо.

- Там уже мест нет. А что, я согласен! Тепло, светло, не стреляют, кормёжка отличная. Одна беда - волосатой руки у меня нет. Все мои друзья и знакомые - потенциальные герои-смертники. А блат, Саша, он главнее Совнаркома!

Степанов смеялся до слёз.

- Да твоим знакомствам только позавидовать! Сам же в самое пекло лезешь!

- Это, да! Каюсь, контужен, на всю голову.

- А теперь, контуженный ты мой, послушай как на самом деле будет. Мы окружим здесь, в Подмоскowie, лучшие подразделения врага. А как земля подсохнет, подспеют резервы второй волны и мы погоним этих мародёров с нашей земли по всем фронтам.

Я смотрел на яростного Степанова, не стал спорить. Пусть так думает. Не, не так - так и надо думать! Моё "пророчество", основанное на послезнании, сильно пахло поражением. А вот убеждённости Сашки вдохновляло. Поэтому я сказал лишь:

- Дай-то Бог, чтобы было по-твоему. Кому ж не хочется их выгнать с нашей земли?

Вернулся Прохор. Уставший, разочарованный. Покачал головой - никого живых не нашёл, полез в подвал. Что он там потерял? А, вон оно что - на улицу полетели вещмешки и телогрейки бойцов роты. Вот и мой мешок вылетел. Я подобрал его, вытряхнул полушубок, накинул на плечи.

- Станный он какой-то, - тихо сказал Степанов.

- Старовер. Сибиряк. Медбрат наш. Оружие в руки не берёт, мухи не обидит, но бесценный соратник. Если бы не он - вообще бы никто не выжил. Представляешь, его с голыми руками на пулемёты отправили. Хорошо успел перехватить. Вот раненных и таскает. Бывает, по двое за раз.

- А я его увидел, сразу представил с Дегтярём наперевес. Но, и раненных тоже кто-то должен спасать. Если бы не санитары - война бы уже кончилась. Один из госпиталя стоит троих домашних новобранцев, - рассказывал Степанов, задрав голову вверх. Там мелькали ласточками полдюжины самолётов. Тихо и красиво. Кто кого гоняет - непонятно. Вот один отвалил от общей схватки и потянув за собой дымный след, планировал, крутясь через крыло, к земле.

- Никогда не хотел быть лётчиком? - спросил он меня.

- Я - Медведь, - пожал я плечами, - Медведи не летают. Даже во сне.

Во сне они "косячат", теряют близких и знакомых и умирают.

Вернулась первая партия трофейщиков. Навалили в кучу немецких рюкзаков, портупей, сапог, даже пулемёт с лентой, два автомата с подсумками. Степанов рассмеялся, ткнул пальцем в Брасень:

- Коронован?

Брасень стиснул зубы, прошипел:

- Это было давно и неправда.

- Не надо отрекаться от заслуженных регалий. Кого попало - не коронуют. Но, вот то, что назад пути тебе точно не будет - правда. Как называть тебя?

- Брасень.

- Не слышал. Не важно. Честно будешь воевать - честь тебе и почёт. Только с оружием в тыл хода нет.

Мои трофейщики растерялись, с сожалением смотрели на оружие.

- Брасень, продолжай выполнение поставленной задачи. Что-нибудь придумаем, - велел я, - А, кстати, ты помнишь, чем отличается мародёр от бойца Красной Армии?

- Боец Красной Армии трофеи оформляет документально! - доложил Брасень, вытянувшись по-уставному.

- Не забудь об этом.

- Так точно.

Они ушли. Степанов проводил их глазами.

- Собрался с собой тащить?

- Саш, ты уверен, что нас в тылу обеспечат всем необходимым? Сколько заводов и запасов мы потеряли? А, перефразируя Ленина, снабжение красноармейца - дело рук самого красноармейца.

Степанов опять рассмеялся, разлил последнее. Подошёл Прохор, сел в сторонке, стал в блокноте вести перепись трофеев. Мы оба не сдержали улыбок.

- Вор безграмотен? - спросил Степанов.

- Зато расторопен. Старшина роты готовый, - ответил я.

Потом пришла полуторка. Меня, пьяного, погрузили в кузов, обложили трофеями, ребята расселись вдоль бортов, Степанов хлопнул дверью кабины. Поехали. Я, как тот старослужащий, мудрый, быстросасыпающий, сразу уснул под негромкие разговоры "штрафников".

Плюшки из Резерва Главного Командования.

Подземная Москва.

Ехали долго. Я перестал ориентироваться, так как всю дорогу провёл в полудрёме. Боясь уснуть крепко - вдруг будущее присниться - а там что-то совсем тоскливо.

Потом мы спешили, сгрузились, полуторка ушла. Оказались мы у настоящего железобетонного форта, недобро смотрящего на нас бойницами. Форт бдительно охранял вход в подземную часть Московского Метрополитена. Вышедший начкар, в форме пограничника, недолго пообщался с Саньком, мы прошли внутрь, но не через ж.д. пути, а через стальную калитку, в форт. Там сдали оружие, расписались в журнале, получили расписку. Санёк оставил нас в подземной казарме форта, сам ушёл звонить. Вернулся он нескоро. Мы успели искупаться, постирать одежду, поужинать. Начгар был предусмотрителен, но ненавязчив. Нам выдали не новое, но чистое исподнее, своё мы сдали взамен. Расположились на железных трёхъярусных койках, скрипящих пружинной сеткой. Расслабило, аж затащились! Один Прохор не расслаблялся - занялся нашим врачеванием. Лечил он больно. Жгло и корёжило. Зато потом - лафа!

- Рота, подъём! - заорал Степанов, заходя.

Я, вскакивая, приложился о железный уголок второго яруса головой, обложил его матюками. Сразу надулась шишка. А если бы не Прохор? Ходил бы, как с рогом? А Прохор просто подул, погладил - шишки как не бывало.

- Чё ты орёшь? Тебе дверью прищемило? - накинулся я на Степанова.

- С вещами, на выход!

- Что ты скалишься? Оставь свои шуточки. Толком объясни.

- Мы, с тобой, едем в управление. Ребята тут нас подождут. Надеюсь, в этой гостинице приемлемый уровень обслуживания?

- Юморист доморощенный. Пошли. Подожди, прямо так идти? У меня и форма не просохла. И штопать надо.

- Заскочим в военторг, новое купим.

- Тут военторг есть?

- Тут всё есть. Тут город целый. Говорю же тебе - Подземная Москва.

- В военторге деньги нужны. Трофейный пистолет они не возьмут.

- Ты когда последний раз денежное довольствие получал?
- Довольствие? Как в наш батальон в сентябре попал - ни разу.

- Вот и получишь. И бойцы твои получают. Может, тоже захотят отовариться. Тут и МетроГУМ есть. Но, если подождёте, то в части получите новую форму, а эту спишем.

Услышанное изрядно подняло всем настроение. Шумной толпой пошли подземными переходами и техническими, слабо освещёнными галереями. Шли долго, пропуская спешащих военных. Наконец, вышли на какую-то станцию. Я не москвич, в московском метро был всего два раза, оба раза был такой отупевший от усталости, что не запомнил вида станций. Эту тоже не узнал. Степанов сверился со схемой, нарисованной краской на стене, что-то подсчитал в уме, задумался.

Подошёл поезд. Сели. Вернее, втиснулись. Ехали, пересаживались. Наконец, приехали. Опять пошли по подземным кишкам. На меня опять навалилось отупение апатии, как всегда в Москве. Поэтому я и не любил этого города. Он вытягивал из меня все соки.

Пришли в какую-то контору. Или штаб. Все бегает с бумагами в руках. Мы тоже походили толпой баранов от двери к двери, вслед за Степановым. И так часа четыре. Он заходил за дверь, мы ждали. Он выходил злой, шли к следующей двери.

Потом мы зашли вместе. Какая-то страшненькая девушка спрашивала наши фамилии и выдавала нам комплект документов. Красноармейские книжки, аттестаты, ещё какие-то бумаги. Много расписывались. Потом потопали к кассе. Когда дошла моя очередь, я охерел. А когда вспомнил стоимость местных денег, охерел ещё больше. Я оказался богачём.

- А что это так много?

Мой вопрос изрядно повеселил всех. Особенно кассира, типичного очкастого еврея. Он хоть и был в форме, но на руках какие-то тряпочные нарукавники. Я такие только в кино видел, в котором показывали евреев-бухгалтеров.

- Давайте сюда, молодой человек, ваш аттестат.

- Зрелости?

- Шутник? Вот этот, - он выдернул из моей стопки аттестат. Стал читать: - Так, жалование старшины, боевые надбавки, премия за подбитые танки и самолёт. Что же вы удивляетесь? Вы - герой. А Родина хорошо оплачивает героизм. Вот ещё премия, за награду.

- Какую награду?

- Вам должно быть виднее.

- Он пока не знает, - вмешался Степанов, - тебя орденом Красной

Звезды наградили. За вывод из окружения сводного батальона. Но, придержали, за твою корявость. А штрафников лишают наград по определению. Где-то тебя ждёт твой орден. Поздравляю, кстати.

Ребята тоже были рады за меня. Я и сам был рад. Приятно быть орденоносцем. Приятно.

- А меня за оборону, за осенние бои... Вот.

Он распахнул полушубок. На груди горел орден Красного Знамени. Круто!

- Это не всё. За твои песенки тебе тоже деньги положены. Но, это не здесь.

Как оказалось позже, песни, что я пел в этом времени, многие запоминали, записывали, слали в Москву. Указывали автором старшину Кузьмина. А в СССР было авторское право. Было, хотите верьте, хотите - нет. И на моё имя набежал нехилый процент. Только, песни-то были не мои. И взять эти деньги я не мог. И не брал. Не честно это будет. Я их Родине отдал. Но, это было позже. Позже до этого и доберёмся.

А сейчас довольный, как сытый медведь, орденоносец Кузьмин, обладатель внушительной суммы денег, топал вслед за Степановым в Военторг. А оттуда вышел одетым с уголочки, но практически таким же безденежным, каким был и вчера. Зато затоварился! Оказывается, Главный Военторг, даже несмотря на полуосадное положение столицы - мечта хомячника. Описание моих приобретений было бы мне приятным, но приятным только мне, длинным и утомительным. Поэтому, закинул объёмный рюкзак за плечи и потопал вслед за Степановым.

Ребят, тоже прибарахлившихся, он хотел отправить назад, но оказалось, что никто, кроме него, не помнит обратной дороги. И, как объясняться с неизбежными патрулями? Это пока подполковник с нами они нас не тормозят. А без Степанова их быстро запрут "до выяснения". Так, толпой, и потопали, потом поехали, потом опять потопали в загадочное "управление".

Судя по свежеприобретённым часам, уже была глубокая ночь. Но, Подземная Москва не спала. Этим она была похожа на Москву моего времени. От усталости забывшись, стал напевать: "Москоу нева слип..."

- Что?

- Москва никогда не спит.

- Это по-немецки?

- По-ненецки. Откуда я знаю. Я не знаю немецкого.

- А что ты тогда говорил тому часовому у танка?

Мы ждали в том самом "управлении". Нам сказали "ждите". Стояли в

закутке у трёх дверей, под лампой, и ждали. Степанов с интересом прислушивался. Что, мент, след учуял? У меня тут персональный легавый соглядай кошачьей наружности имеется. Кельш даже не стал его забирать.

- Я ему не говорил, а пел.

Я спел всё, что знал из Рамштайна. Степанов рассмеялся:

- Это бессмыслица. Как он воспринял?

- Не смеялся. Но, очень удивился. Подпустил меня на расстояние рукопашного боя.

- Элемент неожиданности. Ты в своём стиле. И языка правда не знаешь. И тот, кто это написал, наверное, не знает. "Ты - меня. Ты меня спросил. А я не ответил". Бред.

- Это такой перевод? Бред. Как он меня не пристрелил? Блин, надо фрицевский учить. Что-то частенько приходится с ними общаться.

- А, это на каком ты пел? Ведь ты перевёл, - с невинной мордой спросил Кот.

- Это он по-английски. Ты не знал, что он Гризли?

- Кого грызли?

- Гризли - американский медведь.

- Так ты американец? - удивились мои "штрафники". Степанов ржёт.

- Ага. Афроамериканец. Негр, гля! Вы что, ежанились? Какой я, на хрен, американец? Так, слышал несколько слов. Некоторые даже знаю как по-нашему. Степанов, ты переведёшь?

Я спел, сколько помнил, Битлз, "Елоу субмарин"

- Очередной бред. Жёлтая подводная лодка? А на фи́га подлодку в жёлтый цвет красить?

- Тс-с-с! Это секретная американская разработка. Снижает заметность подлодки в арктических водах.

У них были такие сосредоточённые морды, что я не выдержал, заржал. За мной остальные. Открылись сразу две двери, на нас зашикали.

- Кузьмин, ты как матрёшка. Вот, казалось, знаю тебя, как облупленного, а ты опять что-то новенькое преподнесешь!

- Да, вот такой я загадочный! - ответил я. Стало сразу не весело. Так меня называла жена. Любимая. Тоска сжала сердце. Твою-то матам! Стало так грустно, что я запел "Естедей", Битлзов.

Слушали молча. Потом тихо затянул:

Здесь травы не растут,

Здесь птицы не поют

И только мы плечом к плечу

Врастаем в землю тут

Горит и кружится планета
Над нашей Родиной дым
И, значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!
Нас ждёт огонь смертельный
И всё ж, бессилен он
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Чекистский наш ударный батальон!
Едва огонь погас, звучит другой приказ
И почтальон сойдёт с ума, разыскивая нас
Взлетает красная ракета, бьёт пулемёт, неутомим
Так, значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим!
Когда-нибудь мы вспомним это
И не повериться самим,
Но, нынче нам нужна Победа
Одна на всех, мы за ценой не постоим!
Степанов прослезился, схватил меня, обнял:
- Это же про нас ты написал! Про нас!
- Конечно, про нас. Про всех нас.
Тут я увидел, что все три двери открыты, торчат головы.
- Ещё!
От героев былых времён
Не осталось порой имён
Те, кто приняли смертный бой
Стали просто землёй и травой
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним
Мы в груди храним!

Моя спина сама выпрямилась, грудь поднялась, будто этот
завещанный огонь распирает её, голос окреп, гудел эхом в подземелье:

Погляди на моих бойцов
Целый свет помнит их в лицо
Вот застыл батальон в строю
Снова старых друзей узнаю
Хоть им нет двадцати пяти
Трудный путь им пришлось пройти

Это те, кто в штыки, поднимался как один!
Кто возьмёт Берлин!

Бойцы тоже повытянулись, как на параде, глаза смотрят в никуда, блестя слезами:

Нет в России семьи такой
Где не памятен свой герой
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят
Этот взгляд, словно высший суд
Для ребят, что сейчас растут
И мальчишкам нельзя
Ни солгать, ни обмануть,
Ни с пути свернуть!

Эффект песни был подобен взрыву свето-шумовой гранаты - тишина, никто никого не видит, все смотрят в никуда.

Зато, ожидание закончилось. Мы стали желанны сразу во всех кабинетах. Ребята так и остались в коридоре, Степанов пошёл по одним инстанциям, я по другим.

Плюшки из Резерва Главного Командования.

Экзамен на профпригодность.

В одной из комнат, куда меня пригласили, стояли составлены два стола и стулья за ними. Напротив - один стул. Допросная. Оказывается, одинокий стул - для меня. Сел. Зашли "присяжные" Ё! Икать! Генерал, два полкана и майор госбезопасности Кельш. Я вскочил, вытянулся, вытаращив глаза, но не от усердия, а от удивления. По-моему это первый увиденный мною генерал. Синицин не в счёт - я его в генеральском облики не видел. А Кельш, вроде и не генерал, хотя генерал.

- Да вы присаживайтесь, - махнул мне рукой генерал.

Я аккуратно опустил зад на краешек стула. Они стали мне задавать вопросы по Уставу. А я этот суконный сухарь хоть и читал-грыз через силу, но мало что запомнил. Устав он запоминается со страницы плохо, он, тля, шкурой воспринимается хорошо. После каждого вопроса вскакивал, они меня сажали, опять вскакивал.

- Старшина, вы хотите, чтобы у меня от ваших прыжков голова разболелась? - спросил генерал.

- Никак нет!

- Тогда перестаньте вскакивать. Вас привязать?

- А можно я тогда постою?

- Ты что, в жопу ранен?

- Никак нет!
- Тогда сядь!
- Есть!

Сел. Но по Уставу всё одно плавал. Почувствовал себя опять студентом. На Госэкзамене. Но, тогда я не волновался, был уверен, что отбрешусь. Декан так и сказал:

- Язык - как помело. Мелет чушь, но в верном направлении.

И вот тут, ощутив себя не старшиной Кузьминым, в студентом, я успокоился, стал работать "помелом". Только товарищи старшие командиры ни разу не преподы - осадили влёт.

- М-да! - подытожил генерал и раскрыл тетрадь. Я чуть не подпрыгнул - это же "Журнал Боевых Действий" нашего батальона, который собственноручно заполнял начштаба, потом я, потом Кадет.

- И как он смог, если уставов он совсем не знает? Это точно он сделал или ему чужое приписали? - спросил генерал Кельша.

- Кроме него таких фокусов никто не делал в этом районе.

- Ладно, старшина, поясните мне, чем было обоснован именно такой план атаки деревни Н, где вы разгромили штаб немецкого пехотного полка? Была ли необходимость атаки? Оправдан риск?

Вот тут я почувствовал себя в своей стихии. Трещал без умолка. Генерал внимательно слушал.

- А как вы думаете, вот тут даже есть запись, предполагаю вашей рукой: "Почему в первый день добились большего, чем планировали, а во второй наоборот - разгром? Думать позже". В самом деле, почему? Надумали?

- Да. Комбат планировал...

- Он вас в свои планы посвящал?

- Нет, конечно. Я проигрывал в голове возможные варианты действий, выбирал, по-моему мнению, наилучший, делился со своим ротным капитаном Степановым, а вот он уже бывал в штабе. А комбат злился. Он считал, что если я разгадал его замысел, то и противник сможет. Вот и злился. А потом на меня батальон оставил. Приказал вывести.

- Понятно, вернёмся к разбору того боя.

- Да. Комбат хотел "втащить" танки врага на плацдарм, заманить, а потом в упор перестрелять. Для этого на западном склоне были оборудованы ложные позиции, где наша рота должна была обозначать присутствие крупных сил. Там же оборудовали огневые трёх захваченных пушек.

- Почему мост не взорвали? Не смогли?

Я вздохнул:

- Наверное, так и надо было сделать. Но, река - одно название. Только, что осенью разлилась. Не Днепр. Врагу её перемахнуть - сутки. А вокруг нас только изжёванные стрелковые подразделения. Наш батальон по боевой силе был, как бы, не мощнее дивизии, которую мы усилили. Вот и решили "подставиться" под танки, чтобы у фрицев не было соблазна наводить переправы в другом месте.

- Фрицев? - удивился один полковник, вскинув седую, лысеющую голову.

- Ну, немцев. Они нас Иванами называют. А у них самое частое имя - Фриц. Федя, по-нашему.

- Не отвлекайтесь.

- Есть! Мы подставились. Решили танки его выбивать и таким образом сдерживать. Но западный склон был врагу виден. А их владение огневыми средствами уже было известно. Решили лупить их на обратных склонах. А получилось иначе. На ложных позициях мы отлично вломили фрицам. Лучше, чем надеялись. А на следующий день - они нам. Нас растерзали часов за шесть. Хотя и мы им сильно долбанули. Около сорока танков за два дня - по-моему, отлично. Батальон на батальон. Это не считая пехоты. Их мы тоже хорошо причесали.

- В чём причина усиления боевых качеств противника на второй день? Подход резервов? Авиация?

- Я тоже думал, что дело в самолётах. А недавно понял - появился у них на второй день другой игрок, гроссмейстер. Он нас и "обыграл". Человеческий фактор. Из тех же компонентов - пехота, пушки, танки, он слепил что-то новое. Казалось, что все немцы подчинены единой воле, взаимодействие их подскочило на порядок. Это всё изменило. В этом они сразу сравнялись с нашим комбатом, но нас было в несколько раз меньше. Итог закономерен.

Командиры переглянулись.

- Интересные выводы. Для старшины, - сказал генерал, захлопывая "Журнал БД", передал его Пельшу, - это в музей. Читается, как Жуль Верн. Пришёл, увидел, победил. Старшина, если мы вам дадим роту, справитесь?

- А вчерашний мой бой в качестве ротного вы как оцениваете?

Кельш скривился, как от зубной боли. Но, трое остальных уже смотрели на него. Чекист стал зачитывать с бумажки:

- Усиленная пулемётами штрафная рота ночью, под огнём противника, по льду, форсировала реку О. и в рукопашной схватке очистила квартал Н. При поддержке огня всей артиллерии дивизии полковника Н,

рота отразила все атаки противника, неоднократно переходящие в рукопашные схватки. Противник вводил в бой до двух батальонов пехоты при поддержке артиллерии и бронетехники. После восьми отбитых атак, командир роты вызвал огонь на себя. В ходе боя уничтожено до 500 солдат противника, одна самоходка, три бронетранспортёра, подавлены две миномётные и одна артиллерийская батареи. Перешедшая в наступление дивизия завершила разгром противника.

- На себя? Ты вызвал огонь на себя? - спросил седой полковник.

- Мы укрылись в подвале. Рота задачу уже выполнила и погибла. Осталось только несколько раненных.

- Почему старшина командовал ротой? Где был ротный?

- Ротный был снят с должности по приказу комдива. А вчера я и старшиной не был. Просто боец переменного состава.

Кельш опять скривился. Зубы надо лечить, дядя!

- Это чёрте что! - хлопнул ладонью по столу генерал, - штрафники командуют сами собой! А где командиры постоянного состава?

- Были выбиты в предыдущем бою. Ротный отдан под трибунал за трусость, - вынужден был ответить Кельш.

- Это не значит, что штрафники должны командовать штрафниками! Тем более, что командиры отбывают наказание в штрафбатах, а не в штрафротах! Это они так и разбегутся.

- Уже не разбегутся. Некому бежать, - сказал я. О, обо мне вспомнили.

- Почему принял командование? Кто приказал?

- Никто. Не кто, а что. Долг приказал. Больше некому было. Девиз всех придурков - кто, если не я?

- За что в штрафниках оказался?

- За упрямство и длинный язык.

Кельш опять скривился, покачал головой. Генерал посмотрел на него, видимо что-то понял:

- Что ж, лейтенант Кузьмин! Надеюсь, война вас пощадит. Командуйте. Нам очень не хватает толковых командиров. Гроссмейстеров, как ты говоришь. Удачи!

Я вскочил, проорал, что служу трудовому народу. Генерал поморщился, встал, вышел. За ним - полковники. Кельш остался. Поманил меня пальцем. Я подошёл.

- Ты понимаешь, что всё это само не происходит?

Он положил перед собой на стол красную коробочку, открыл - Звезда. Красная. Под коробочку он подсунул документы на неё.

- Документы сами не восстанавливаются, аттестаты и ордена не

находятся, такие представительные комиссии лейтенантов в звание не утверждают.

- Конечно, понимаю. Спасибо. За мной долг. Я не забуду.

- За нами тоже. Такой, как Голум был не один. Мы ещё летом задержали одного. Не поверили. А тут ты с этими бумагами. Самое страшное, что, похоже, такие Гостинцы оказались у врага. Представляешь, что это значит?

Вот почему Жуков пропал! Твою дивизию!

- Ты нужен был нам не для того, чтобы не болтал, а чтобы разыскал этих Гостинцев.

- Как же я их найду? Их теперь охраняют лучше Гитлера.

- А как этого нашёл?

- Случайно.

- А этот сон про ангела - бредня?

- Почти.

- Ладно, живи как знаешь. Связи с тобой терять не будем. Наш человек будет постоянно с тобой. Связь через Кота. Ты не обижайся на него. Он слишком буквально понял приказ.

- Проехали. Обиделся бы - он был бы мёртв.

- Ладно. Будем ждать вестей от тебя.

- Почему думаете, что я их найду?

- К тебе всё странное и необычное так и липнет.

Вот это точно подмечено. Хотя бы Прохора взять. Но, сказал так:

- Поэтому я в дерьме по самую макушку?

Кельш гоготнул:

- Свинья грязь везде найдёт. Меня поражает, с каким радостным визгом ты вляпываешься в единственную яму с дерьмом на добрые сотни километров вокруг. И постоянно на дне этой ямы находишь золотой самородок.

- Икать! И в натуре! А я и не замечал.

- Иди, лейтенант. Твой командир и твои подчинённые тебя уже заждались. Невоспитанный Ангел даст наводку - сообщи. Удачи!

- И вам не хворать! - ответил я и запел:

Надежда, мой компас земной,

А удача - награда за смелость,

А песни довольно одной,

Что б только о доме в ней пелось!

- Паяц, - покачал головой Кельш, тут же опять погружаясь в раздумья, как только дверь за мной закрылась.

Опять пошли в воеторг. Менять "пилу" старшины на два кубика. Хорошо хоть Степанов надоумил меня купить всё командирское, старшине можно. Степанов?

- Степанов? Ты знал, сука?

- А что ты орёшь? Ну, догадывался. Зачем ещё тебя будут тащить со мной вместе? Не в жопу же тебя целовать за дурашные, и не очень, песенки?

- Ха! Завидоваешь? Завидовой молча!

- Ха! Чему завидовать, лейтенант?

- Извиняюсь, товарищ подполковник. Не подумал.

- В этом твоя и беда, лейтенант. Сначала ляпнешь, потом думаешь. Слушай, возьми нашивки. Чего ты стесняешься? Приказ читал? За ранения положены нашивки.

- Мои нашивки все на мне. Ребята в бане чуть не облевались.

- А ты возьми. Надо ещё найти, как обманки на ордена сделать. Служба у нас очень подвижная, обидно будет, если потеряются. А это ведь чистое серебро.

- Что, серьёзно?

- А ты думал? Девушка, ещё вот этого комплект. Да. Вот так, Витёк. Рассчитывал, что поеду родную бригаду принимать, противотанкистские нашивки купил, а едем мы принимать стрелковый полк. Гвардейский, но стрелковый. Гвардейская махра.

- А что так?

- А я знаю? Приказ. А приказ есть приказ, знает каждый из нас. Так в твоей песне?

Гвардейский махровый гарем.

(1942г.)

Про хомячьи натуры.

Сразу в полк, конечно, не поехали. Как хороший гость, Степанов решил сначала подзатариться. Не приходить же в полк с пустыми руками? Поэтому, вооружившись списком сладких для любого командира ништяков, мы отправились за этими самыми плюшками.

Ближе всего, в учебном центре радистов и складе при нём, были два десятка полевых радиостанций с обслуживающим персоналом, т.е. наскоро обученными радистами. Каково же было наше разочарование, когда радисты оказались радистками. Радистки, телефонистки, телеграфистки. Ё! Бабский батальон! Хоть плачь. Да ещё Брасень влез:

- О, как, воюют отцы-командиры! Мужиков не осталось.

А Прохору я запретил лечить ему разбитые губы (Степанов) и

отбитую грудину (я). До вечера не разрешал.

Следующая плюшка ждала нас в школе снайперов - бабский снайперский взвод. Потом ещё и бабская медсанрота, Две батареи зенитчиц вместе с зенитками, пополнение в юбках на должности писарей, поваров, женский банно-прачечный батальон, и ещё куча баб, кхм... девушек.

В общем, когда я озвучил напрашивающийся вывод:

- Гвардейский стрелковый гарем.

Был едва не побит Степановым. Хорошо, что он бегать не умеет - отстреленная пятка такой возможности ему не оставила. Кстати, он почти не хромал. Привык. Я его окрестил Тамерланом - обиделся. Знал, что Тамерлан не только великий полководец, но и Хромой Тигр, а ещё и Железный Хромец.

А вот Кот, Казачёк и Брасень были очень рады, что полк будет смешанного состава. Бабники. Кому война, а кому шпили-вили!

Женщины отношение комполка (равнодушное до презрения) уловили сразу и ответили дружным: "Фи!". Степанову было плевать, но это не помешало ему добыть для лучшей части полка несколько трофейный парашютов. Конечно, сами парашюты им как собаке пятая нога, а вот белый шёлк и тонкие прочные стропы...! Если бы могли, каждая расцеловала бы. Правда, оказалось, что в полк едет военврач Снегурочка - жена Степанова. А я с ней заигрывал! Санёк с этой недотрогой с детства в "люблю" играет. Кто ж знал-то?

Кстати, о "добыче". У Брасеня прямо нюх был на разные интересные находки. На одном из полустанков он за "язык" вытащил ящик. Ящик потеряли при эвакуации Тульского оружейного. В ящике - два карабина СВТ (я и не знал до этого, что СВТ бывают карабинами) с оптическими прицелами в исключительном качестве исполнения. Комендант разьезда ящик с дур-ума прихватил, спрятал, а теперь не знал, что с ним делать. Ясно, что эти карабины делались в качестве подарочных экземпляров. На службу с ними не пойдёшь, какой там! Настолько приметное оружие, что на людях с таким показываться нельзя - сразу в штрафбат загремишь за расхищение госимущества. Поэтому, обмен ящички на трофейный пистолет люгер с кобурой и портупеей прошёл быстро и к взаимному удовлетворению.

Классный карабин! Чуть длиннее ПППШ, но не в пример мощнее и точнее. И легче. Так у меня появилось личное оружие. Второй карабин Брасень доставать не стал, поэтому я сграбастал, в наглую, четыре запасных магазина, что были в ящике. Штык-нож СВТ, тоже отличного исполнения, и сам нож, и ножны, занял законное место на поясе.

В процессе "добычи" произошёл курьёз. Отчебучил опять я. Мы надолго застряли в одном тыловом городе. Из-за глубоких "щупалец" Вермахта ехать из Москвы в Рязань приходилось чуть не через полстраны. Было воскресенье, чем меня удивил Брасень. Сколько нахожусь в этом времени, за днями недели не наблюдал. А зачем? У войны не бывает ни суббот, ни воскресений, одни сплошные понедельники. Дни тяжёлые.

- И что?

- Базар. В смысле, толкучка, рынок. Пойдём?

Если Брасень зовёт - значит, что-то учуял. Пошли. И Кот с нами. Куда я без него?

Шел по рядам равнодушно - патефон у нас уже есть, пишущую машинку добыли, это тоже есть. И это. Брасень уже затерялся в толкучке, проворачивая очередную схему "шило на мыло". Клялся, что карманы вскрывать не будет. Пока поверил.

А вот это интересно! Берцы! Я подошёл, спросил равнодушно цену. Плюгавый мужичёк, при взгляде на которого возникает устойчивая ассоциация - ЧМО, человек морально опущенный, быстро залепетал, расписывая замечательность ботинок. А то я не знаю, что такое берцы! Не думал, что они уже существуют. И вдруг у меня как щёлкнуло. Кельш же говорил, что я не один такой.

- Где ты взял их?

- Сам я шью, - испуганно, ответил чмо.

- Кто научил? - чмо что-то почуял, отпустил ботинки и собрался "линять".

- Кот, фас!

Кот, без вопросов, подсёк мужика, быстро заломал ему руки.

- Тащи к нам!

И уже на своей территории стал его "колоть". Какое же было моё разочарование, когда чмо "раскололся". Зек он откинувшийся. Один живёт. Ботинки шьёт. А научил его отец.

- Облом, - констатировал я.

- А ты думал это от Гостинцев?

- Голум говорил, что все армии мира такие обуют. Берцы называются. Это когда он наши развалившиеся сапоги увидел, просветил нас.

- Иваныч, ты хоть бы у меня спросил. Это же обычные ботинки с высокой шнуровкой и защитой голеностопа. Вещь дорогая. А мужик молодец, что умеет такие делать.

- Жаль, мне маловаты.

- Ха! Щас решим.

Он вернулся к сапожнику, освободил его и заговорил с ним за жизнь. К чему это он песни поёт? А, вон оно что! В нашем полку прибыло - у нас теперь внештатный вольнонаёмный сапожник. На полном довольствии, но в атаки его никто гнать не будет. Кот, с победной рожей подошёл ко мне.

- Будут тебе берцы. И на будущее - я Кот, а не собака. Фас - это собачья команда.

И ушёл, держа хвост пистолетом.

Значит, пришло время чинить мои штаны с карманами. Блин, полный же поезд баб! В смысле, женщин. А у меня есть шоколад и сахар! Значит, будут штаны лучше, чем были новыми.

Гвардейский махровый гарем.

(1942г.)

Особенности укомплектования войск весны 42-го.

А полк, хоть и гвардейский, не впечатлил. И полтысячи человек не наберётся, хотя уже неделю стоят в резерве. В ротах - 30-35 человек. Бабский батальон, что мы привезли, чуть ли не вдвое увеличил численность полка.

Было торжественное построение, командарм представил Санька, как нового комполка. Энтузиазма это не вызвало. Как будто им сообщили, что сегодня вторник. Ну, вторник, ну и что? Так и это - ну, Степанов, ну и что? Так, надо работать над боевым духом. Хотя, понятно - такие потери, каким может быть боевой дух?

Официоз кончился, наконец-то.

- Разойдись!

Командарм повернулся к Степанову:

- У вас десять суток. Потом - в бой!

- Так точно! Разрешите выполнять?

- Действуйте!

Командарм уехал. Степанов пошёл к штабу, про нас забыв. Мои - сразу это заметили:

- Что делать будем, командир?

- А что мы до этого делали?

- Ничего.

- Ответ неверный. Служить будем. А в чём наша служба заключается?

Пункт 1: охрана подполковника, пункт 2: помощь ему в управлении его подразделением, пункт 3: учеба и подготовка, материально-техническое снабжение сюда тоже входит. Ну и пункт 4: сбор информации и предотвращение вредоносных поползновений. А то, что он про нас забыл, даже хорошо. Легче будет выполнять 4 пункт. Делаем вид, что мы сами по

себе. Работаем!

Кот, Казачёк и Брасень ленивыми походками направились в разные стороны. Остался Прохор и сапожник.

- А ты что?

- А куда мне? Вы меня наняли, я с вами.

- Что из поставленных задач тебе непонятно?

- А, понял.

Прохор стоял тополем, высокий, равнодушный.

- Пошли, дитятко, быт обустраивать. Надо на котловое довольствие этих охламонов поставить. И себя заодно. Поясницей чую, Брасень уже там.

Свои порядки Степанов наводил с присущей Железному Хромцу жестокостью. Штабы и тылы сразу превратились в женский монастырь. Недовольные были биты мною (вид моей шрамированной морды хорошо внушал уважение, Степанов это бессовестно использовал). Тыловые крысы, которых по штабам отирается немало, оказались в батальонах, а потом и в ротах, потому что батальонные тылы тоже наполнились юбками. Писари, ординарцы, телефонисты, картографы и другие дармоеды стали стрелками, пулемётчиками и миномётчиками. А как они хотели? Пусть другие гибнут? Ты сдохни сегодня, а я - завтра? Не прокатит!

Численность рот возросла до полусотни бойцов. Стали поступать пополнения маршевых рот. Санёк мне поручил сформировать роту автоматчиков из бывалых бойцов. Понятно - личный оперативный резерв. Опять будет совать меня в самое пекло. Видно - судьба.

С приходящими пополнениями сначала проводил "собеседование" я. Набрал сотню "стрелянных воробьёв". Два взвода автоматчиков и истребительный взвод. Взвод автоматчиков - взводный, замкомвзвода, посыльный, три отделения по 12 человек. В каждом отделении по ручному пулемёту. Истребительный взвод - четыре ПТР, 50-мм миномёт, один станковый пулемёт. Медсанотделение из Прохора и шести санитарок. И отделение управления - я, мой зам - Кот, политрук - нет пока, ординарец - Казачёк, старшина роты - Брасень, две очаровательные меткостью своей девчонки-снайпера, две радистки-телефонистки и двое молодых быстроногих и ушлых посыльных-казачат, умеющих ладить с лошадью. А в команде Брасеня - повариха внушительных габаритов и престарелый ездовой, за характерные усы прозванный Будённым. Вот такая у меня бюрократия развилась. Я бы взял ещё - на "удочку" ПТР не по 2 человека, а по 3, к расчётам миномёта и тяжеленного Максима по паре человек, но Степанов сунул мне под нос кукиш. Красноречиво.

Нам бы автотранспорт, но у нас в полку даже полковая артиллерия на конной тяге. Обе полковые пушки-окурки, добытые, наверное, в музее, в упряжках. Остальную артиллерию выбили в боях. Хотя, пушкари были. И миномётчики. Поэтому когда прислали четыре сорокопята и шесть полковых миномётов, расчёты сформировали быстро. Но, это меня заботило не сильно - там Санёк рулил.

А вот с воровством тыловой братии разбирался я. Не лично конечно. Интендант полка случайно застрелился из табельного оружия, когда пытался его чистить, многие старшины и интенданты стали очень невнимательны и часто падали, или натыкались на деревья. Через неделю бойцы полка с удивлением обнаружили, что и тыловая норма питания вполне питательна. Оказалось, что и баньку с санобработкой белья можно организовать, туалеты, вдруг, нужны, оказалось, пришлось сапёрам копать. Ремонт обуви, обмундирования и оружия организовался в полковых мастерских, и ротные, как с цепи сорвались, стали требовать соответствия формы и устава. И даже концерт был организован - приехал ансамбль артистов столичных, на поставленных борт к борту грузовиках, пели, плясали, читали стихи.

Это надо было видеть - у людей ожили глаза, в них засветилась жизнь, а не "тоннель смерти". А самый большой мой успех - все связывали эти изменения с именем комполка. А, я так - хожу тут мимо. Чего и добивался.

Кстати, хожу. Бегать надо! Проведём ротные учения с боевыми стрельбами, направленные на укрепление сплочённости роты. Так и написал в планах боевой учёбы. И провёл. С марш-броском на 10 км (в одну сторону), тренировкой по штурму укреплённой высоты, стрельбами, метанием гранат и бегом в обратном направлении. На следующий день - опять. В этот раз, правда, учились штурмовать населённый пункт и метать гранаты в оконные проёмы. Как же ругались жители посёлка, когда мы их напугали, а потом чуть не разобрали по брёвнышку пустующий дом!

В этот раз под моим руководством оказались уже воевавшие ребята. Им не надо было разжёвывать азбучные истины. Показал пару новинок - подумали, прониклись, повторили. Это обнадёжило. Ещё бы стойкость в бою, как у чекистов! А вот тут - посмотрим. Явного малодушия пока незаметно.

С каждым днём становилось теплее. Валенки были сданы Брасеню, полушубок следом. Хватало овчинной безрукавки и ватника. На ногах - берцы, сшитые точно на меня, и прямые штаны с накладками на коленях и заднице и накладными карманами. В ремонтной мастерской мне заварили и

поправили бронник, залатали брезентовый кожух, сшили "разгрузку". А потом проклинали меня - все волокля брезент и ремни требуя сшить "ременно-плечевую разгрузочную перевязь". Брасень, хитрец, собрал всё тёплое обмундирование, взял расписку со Степанова и отправил всё это объёмное, но до осени не нужное имущество в Моршанский учебный полк. Там Степанов-старший приглядывает. Авторитет бывшего вора сразу возрос в глазах комполка.

Под занавес полк получил роту трофейных французских грузовиков, перекрашенных в "наше" хаки, батарею из шести зенитных пулемётов ДШК, смонтированных в кузовах ГАЗовских полуторок и полевые кухни.

Вместе со всем этим богатством пришёл приказ о выдвижении. Погрузились на станции, поехали на запад, навстречу войне, хотя даже мне было понятно, что полк получился не гвардейский, а дистрофичный. Потом в штабном вагоне увидел штат формирования - у нас и половины полка не было. А едем наступать, в состав ударной группировки! Но, это головная боль Степанова, а не моя.

Гвардейский махровый гарем.

(1942г.)

Плетём сеть связей.

Мне комполка поручил наладить отношения с капитаном Елистратовым Василием Петровичем, замком и начальником разведки и двумя взводными - разведчиками. Пока едешь - делать нечего. Отоспались, пора и в гости. Брасень собрал нам в сидор - не с пустыми же руками идти. И вот мы, я и Кот, ввалились в вагон разведчиков. Елистратов был уже там - мы с ним в штабе договорились.

- Ну, что, лихое племя, получен приказ наладить взаимодействие, - сказал я, ставя на перевёрнутый ящик, накрытый газетой, две бутылки и закуску.

Разведчики сначала относились к нам настороженно - люди мы новые, непонятные, особистами и НКВД от нас несло за километр, одевались странно, командовали сверхштатным подразделением, были близко к комполка, да ещё и явные отношения имели к частым травмам хозяйственной части полка. Как, таких мутных, встречать?

Выпили, закусили, я рассказал о себе, не утаив и штрафного прошлого, они рассказали о своём боевом пути, отступлениях, окружениях, безнадёжных и отчаянных атаках.

- Думается мне, что Степанов будет использовать вас только по прямому назначению - как разведчиков. Глаза и уши. Но, требовать будет! Он как бульдог - вцепиться - зубы ломом не разожмёшь. Лучше сделать, что

требуется, не отстанет. А "пожарником" он меня сделал. И мою роту. Мной и будет дырки затыкать.

- О каком роде взаимодействия идёт речь? - спросил Елистратов. Он больше помалкивал, пил, но не пьянел.

- Боевое охранение на марше и рейды. Обходные, обманные, засады. Разведчики переглянулись.

- Даже в этом случае - ударная сила моя, вы - также, глаза и уши. Предупреждаю сразу - Степанов будет требовать максимальной информации от противника. Думается мне, что на вас, товарищ капитан, он повесит и контрразведочные функции.

- Это задача особистов.

- И они ею будут заниматься. Вы - радиоборьба и радиоигра, маскировка и обманки. В общем, взрослые игры, на которые слишком серьёзные дядьки из особого отдела неспособны.

И я им рассказал о наших опытах по обустройству ложных позиций, ложных огневых и о том случае, когда меня пробомбили деревянными бомбами. История повеселила разведчиков.

- Разгадал немец, не дурак.

- И этим тоже можно воспользоваться. На следующий день после деревянной бомбёжки там можно было поставить настоящие гаубицы - не один разведчик бы на них не глянул, пока они им на голову стальной град бы не обрушили.

- Ха! Хитро! - капитан оживлённо заёрзал.

Потом я опять травил байки, анекдоты, попели. Когда уже изрядно окосели все, кроме капитана, завязался, видимо, старый спор, что легче - наступать или отступать? Спросили моего мнения. Я уже был в таком состоянии, что серьёзно обсуждать ничего не хотел.

- Наступаешь - это когда воюешь фронтом на запад. А отступаешь - это когда воюешь фронтом на 360 градусов и с пустыми желудком и подсумками. И там и там - морда в крови, а жопа - в мыле.

И вот после этого зашёл разговор о дураках-командирах. Я хоть и выпил, понял - "пробивают". Поделился с ними теми же мыслями, что высказывал Кельшу. И в конце добавил:

- Вот что мужики я вам скажу. Ваши тела и руки принадлежат Армии, но мозги-то ваши никто не впряг в дышло. Задача поставлена - её выполнять надо. Выполнить можно по уму, можно по-дурости. И каждый из вас ответит перед Богом за свои решения. Если кто-то тупо выполнил тупой приказ и положил народ - особисты с него не спросят, а вот матери пацанов и Бог - спросят.

- А ты верующий? - удивились разведчики.
- Не боишься так о вере на каждом углу кричать?
- Капитан, я в таких... х-м, передрягах побывал, такое видел, что страх отмер во мне, как ненужный рудимент. А за Веру стою твердо, не считаю, что это надо скрывать.

- Будет тебе на орехи от комиссара, - усмехнулся грустно капитан и передразнил, подражая голосу и жестам комиссара полка, - "Религия - опиум для народа!"

- Так, то религия. А у меня - Вера. А тёмный разум комиссара будем просвещать.

Разведчики рты поразевали, Кот посмеивается:

- Или проветривать?

- А это как пойдёт. Нет, мужики, противоречия между коммунизмом и Верой.

- Лейтенант, прекратить! - приказал Елистратов. Я заткнулся. А потом стал рассказывать анекдоты про попов. Некоторые - опасные:

- Приходит партком к попу и говорит: "Дай хор - товарищей из обкома встретить", а тот - "Не дам. Вы их опять споите и баб всех перелапаете". "Ах, так! Тогда хрен тебе, а не машины на крестный ход!". "Ах, так! Тогда хрен тебе, а не стулья на банкет - опять все переломаете и заблюёте!". "А вот за подобные слова можно и партбилет выложить!".

Ржали, конечно, но капитан сделал строгое лицо и сказал:

- За то, что слушаю подобные анекдоты и я партбилет выложить могу!

- Не успеешь! - успокоил я его.

В общем развеял их одни опасения, но зародил другие.

Предгрозовой сумрак

(1942г.)

- Всё, ребята, конечная! Выгружаемся! - заорал я в распахивая дверь теплушки. Выпрыгивающим взводным, старшине ставил задачи, махая руками. А потом добавил:

- Живо! Пока стервятники не налетели!

Выгрузились, спешно отошли от полустанка, строились в походную колонну. Ваню и двух своих посыльных верхами отправил вперёд - квартирмейством заниматься. Мне, как ротному, полагался верховой конь. Ещё один - политруку, два - связным. Но, лошадь - даже не велосипед, что с ней делать - я не знал, политрука не было. Поэтому у меня образовалась микроконармия в составе четырёх конников, все из казачьих семей. А я уж лучше пешочком. Оно привычнее.

- Запевай! - приказал я. Шёл я впереди, задавал темп, ускоренный. А с песней ход веселее.

По приказу мы должны были дойти до той деревни. И я спешил этот путь преодолеть по утру, пока гансы просыпаются, кофей, суки, пьют. Я и сам бы кофейку бы попил.

Полк прибыл в тыл 7-й гвардейской дивизии и выдвигался к месту сосредоточения, отменному на картах, как деревня на развилке дорог. Но от деревни остались только печные трубы. Там нас ждали выделенные нам три маршевые роты, взвод 82-мм миномётов только из учебки и два 76-мм орудия времён Брусиловского прорыва с расчётами, два раза стрелявшими на полигоне. Авторота спешно сгрузила полковое имущество и колонной пошла на корпусный склад за боеприпасами. Санёк с начштаба умотали в штаб дивизии.

Замначштаба расквартировывал батальоны и роты. Нам определили лес около штаба. Перво-наперво заставил нарыть противовоздушных щелей на весь состав роты. Самые расторопные отрыли широкие траншеи и перекрыли их. Хотя и весна, но тепла - не дождешься. Потом погнал два взвода помочь окопаться девчёнкам-зенитчицам, расположившимся по соседству. Вопросов никто не задавал - понятно, что девушкам, какие бы они не были боевитые, ковырять ещё не оттаявшую землю тяжело, а зенитки рядом внушали чувство защищённости.

Комбаты распределяли пополнения. Я не ждал, что мне что-то перепадёт, даже на "биржу" не пошёл, а мне, с барского плеча, или случайно, перепало двое ушастых тощих солдатиков - остатки. Определил их подносчиками боеприпасов. Одного к миномёту, второго - к станкачу.

К обеду в небе затарахтел двухфюзеляжный самолёт. Это и была рама. Зенитчицы надели каски, заняли свои места вокруг своих пушечек, но не стреляли - 37-мм зенитка бы не дотянулась. Хождения и суета в расположении поневоле уменьшились. Но дымящие, из-за сырых дров, полевые кухни, нас сильно демаскировывали. Ждали налёта, но в этот день обошлось.

Приехал Степанов. Морда злая. Решил не показываться на глаза.

Мне прислали политрука, точнее, младшего политрука. В круглых, Власовских, очках, тонкая шея, шинель висит, как на вешалке, пустая кобура болтается. Приказал старшине выдать оружие. Выдал. Думал - убью. И где он достал наган 1907 года выпуска без самовзвода? Но, потом решили, что перетопчется. Это потому, что политрук сразу же собрал весь личный состав в кучу (и это на виду у "рамы") и начал на память зачитывать целыми абзацами газетные штампы. Разогнал, к херам, всех по

укрытиям.

- Ты, политрук, дурак или враг? Ты зачем их в кучу собрал на виду у вражеского корректировщика? Молчать! Что, нечего сказать? Молчать! Политинформацию проводить индивидуально и в безопасных местах! Твою бестолковую голову разобьют и хрен с ней, а людей моих под убой не подводи! С глаз моих! Молчать!

Так что, не сложилось у нас доверительных отношений. Но, приказать накормить не забыл. Ждал, что накатает на меня донос по замполитовско-комиссарской линии, но тишина. Не вызывают, не матерят. Что это они? От подобной безнаказанности я и распоясаться могу, на людей кидаться начну.

Вечером подходит, мнётся. Я сидел на снарядном ящике (зенитчики же рядом), пыжился, писал сводку.

- Что ты мнёшься? Не к декану, авось, пришёл. Не, не надо по уставу. Садись, политрук, поговорим. Ты в роте должен быть вторым человеком, после меня. И будешь им. На фронте не был?

Так и знал - ботан. Студент, комсорг. Добровольцем пошёл в военкомат, направили его в военно-политическое училище. Ускоренный выпуск, голодный тыл. Ничего, что ботан, сам им был. Жизнь и война дурь выбьют. Главное, что козлом не был - докладную не написал и обиды не затаил. Критику воспринял верно. А за форму критики и тон я тут же извинился.

- А теперь слушай меня, Ипполит, блин, ну и имячко. Тебе что больше нравится - Тополь или Пол?

- Пол - плохо. Как половина чего-то.

- Ты и есть пока половина. Тополь тоже плохо - дерево слабое и сердцевина гнилая. Будешь Полом. Откормим, война обомнёт, станешь полным. Сейчас я говорю, ты на ус мотаешь. Память у тебя хорошая, уже заметил - газеты прямо абзацами наизусть шпаришь. Руководство ротой и боем - моя задача. Близко даже не касайся. Две головы - это шизофрения. Твоя задача - боевой дух. Ты должен душу бойца почувствовать, помочь в трудный момент, поддержать. Да, этому надо учиться, а ты как думал? Самый верный способ оттолкнуть бойцов от себя - шпарить, как ты сегодня, правильными, идеологически выдержанными, но мёртвыми, штампами. Они их в газетах начитались. Говорить с людьми нужно на том языке, на котором он привык говорить, если хочешь, чтобы тебя слышали. С бывшими зекам - на фене, с кадровым - по-уставному, с крестьянином о земле, с конюхом - о конях. Тогда ты будешь для всех - свой. И тебя будут слушать. Присядь рядом с человеком, тактично спроси о настроении, о

семье, что его тревожит, может, помочь чем-то сможешь. Ты должен стать настолько своим всем, что тебе, как отцу-исповеднику, расскажут самое сокровенное. Так, узнав каждого, ты будешь знать, какие слова кому и когда сказать. Как укрепить слабое сердце, как разогнать тоску с глаз, как воодушевить или успокоить. От тебя очень многое зависит. Успех войска зависит от боевого духа даже больше, чем от провианта или боекомплекта. Если дух слаб, никакое оружие не поможет. А вот уровень боевого духа целиком твоя задача.

- Я знаю. Я это и пытался сделать.

- Ты говорил по-книжному, газетными штампами. Они пусты, в них нет жизни. Ты говоришь: "За Родину! За Коммунизм!" А ты знаешь, что для многих это пустой звук? Ну, родина, ну и что? А ты скажи бойцу, что он сражается не за абстрактную родину, не за госаппарат, вообще чуждый большинству, а сражается за свой город, свою улицу, за мать, за сестрёнку, речку за огородом - он сразу тебя услышит. Напомнить им, что немец делал в таких же городах, с другими матерями и девчонками сопливыми, как в таких же речках плыли трупы их соратников. Проняло? Вот и их должно так же зацепить. Понял? Но, одни и те же слова часто не говори - слух замыливается, слова насквозь пролетают, не задевая. Вот вы, комиссары, все говорите, что мы боремся за передовой общественный строй - коммунизм. Ты знаешь, что из этих четырёх слов, три слова большинство не знает, что значат? А раскулаченные и расказаченные мужики так и вовсе воспримут с обратным смыслом. Вот, если бы ты говорил им, что немец идёт господами на нашей, на земле этих мужиков и казаков, сесть, и возродить даже не крепостное право, а рабство - они бы подумали. Им надо напоминать, что в каждом селе есть теперь школа, что везде строятся больницы, где люди будут бесплатно лечиться, что партия пыталась облегчить жизнь народа, что колхозами управляют сами колхозники руками тех, кого они сами выбрали, а не господа. Расскажи им о том мире, который будет партией и народом выстроен после войны. Я понятно объясняю?

- Да, товарищ лейтенант, спасибо. Всё очень доходчиво.

- Вот и ты так же доходчив должен быть. Ведь нас не зря называют отцами-командирами. Мы и должны быть им отцами. Позаботиться, обогреть, накормить, надумать, отдёргнуть, если ошибается. И наказать, чтобы предотвратить. Не забывай об этом. Если народ побежит - рука твоя не должна дрогнуть, как не дрогнула рука Тараса Бульбы. Лучше одного собственноручно пристрелить, чем все лягут навсегда. Помни об этом. Иди политрук, погоняй сказанное по голове.

Стемнело. Палаток у меня в роте не было, землянки долбить не стали

- на птичьих правах здесь, костры разжигать запретили, а ударил морозец. Тут я и пожалел, что полушубок сдал. За ночь замёрз, как цуцик! Чтобы согреться, раза четыре ходил наряды проверять. Две спящие грудные клетки проверил на прочность. Спать на посту - больно. Должны прочуять. И спящий, и начкар.

Едва начало светать, западная, ещё тёмная сторона, загрохотала. Возобновилось наступление. Насколько я знал, наша дивизия была в резерве командарма. Встал, отошёл подальше, сделать утренние дела. Сильно осевший снег за ночь схватился коркой, но и под коркой он был крупными гранулами - таким не помоешься. Побрёл к штабу, где нашёл бредущегося практически "наощупь" Степанова. Он увидел меня, кивнул головой, подзывая. Я освежил лицо из его ведра - ледяной водой бреется, спартанец.

- На столе карта. Иди, глянь, - сказал он мне.

В штабной палатке остался свободным только маленький пяточок у стола. На столе горела керосиновая лампа. Стал изучать карту, запоминая возможный район военных действий.

- Ну, - раздалось снаружи нетерпеливое. Ага, там будем говорить.

Вышел, отошли в сторонку под подозрительным взглядом часового. Я закурил в кулак.

- Есть мысли?

- Как не быть? Конфигурация фронта напоминает прошлогодние осенние вяземские "мешки". Только тогда наши вырывались, а сейчас в окружение сами лезут. Осталось узкое горлышко бутылки.

- Точно. Противник контратаковал вдоль железных дорог свежими силами и занял два важных узла дорог. Наши части, изрядно потрёпанные наступлением, снабжаются самолётами и гужевым транспортом через насквозь простреливаемый коридор.

- Нас тоже в мешок гонят или город будем штурмовать?

- Второе. Мы, пока, в резерве.

- Ненадолго. Если вся "ударная" армия такая, как наш полк, то ничего они не навоюют. Мы пойдём на штурм.

- Точно. Поэтому, поступаешь под начало Елистратова, совместно с конной разведкой "щупаете" дорогу. Задача ясна?

- Так точно. Можно вопрос?

- Давай.

- А сапёры? Нам инженерная разведка нужна.

- Будет вам инженер.

- Разрешите идти?

- Выход - 9.00. Исполняй.

- Как знал, как знал, - такими словами я приветствовал Елистратова и двух лейтенантов, один - инженер.

- Куда комполка лошадей гонит? Ещё приказа не было, - ворчал Елистратов. Блин, кто разведчик - он или Степанов?

Ничего не ответил. Взял свою "конармию", повозку-двухконку, посадил в неё радистку с рацией, сам пристроился. Елистратов и трое сапёров тоже были конны, конная разведка - по-определению. А я - пассажир. За старшего оставил Кота.

Поехали. Состояние дорог - навеяло и я запел:

Эх, дороги, пыль да туман

Холода, тревоги, да ночной бурьян

Путешествие было тяжёлым, опасным и безрадостным. Нас два раза обстреливали "лапотники", совершенно равнодушные к остервенело бьющим по ним зениткам. Слон и лающая моська.

Капитан всю дорогу сверялся с картой, у меня карты не было, рисовал в блокноте кроги-схемы - решил этот навык развить. Одна беда - кончиться блокнот - кердык навыку. С бумагой в стране - туго. Как и со всем остальным.

Чем громче канонада, тем больше на обочинах разбитой техники и трупов лошадей. Хорошо, хоть людей убрали. Нас постоянно обгоняли грузовики, полные ящиков, обратно шли полные раненных.

- Мясорубка, - вздохнул я. Вот и увижу в действии знаменитые фронтальные атаки по типу Ржева. Нет желания видеть, а тем более на своей шкуре испытать, а куда денешься? Приказ есть приказ. Так, а что я там плёл под градусом разведчикам?

При очередном налёте, подошёл к капитану, попросил карту. Долго, до конца налёта изучал.

- Нам придётся идти по этой дороге. А это ответвление куда?

- Южнее.

И всё? Исчерпывающий ответ.

Дошли до тылов атакующих дивизий, Елистратов пообщался с начоперотдела, доложились по рации изоповским языком, получили команду возвращаться к развилке и там ждать полк.

Полковые колонны пришли только к темноте. Степанов развернул свою карту, мы доложились.

- Дивизия наша атакует южнее города, с целью прорвать оборону, окружить город и прервать сообщение по железной и параллельной автодороге. Наш полк, как самый слабый - левофланговый, мы

обеспечиваем связь с соседями и прикрытие тыла дивизии, после железки разворачивающейся фронтом на город. А вы разведали правую дорогу. А пойдём - по левой. И ночью.

- Откуда мы знали?

Шли всю ночь навстречу грохоту и всполохам. Вышли к передовой. И пары часов не прошло - появился комиссар второго ранга, стал требовать немедленного ввода в бой полка. Санёк ему объяснял, что подошли только два батальона, пушки и тылы ещё в дороге - бесполезно. А потом Санёк обложил его матюками и послал подальше из расположения. Это, конечно, неслыханная дерзость - и расстрельная статья. Поэтому комиссар схватился за кобуру, но услышал множественные щелчки затворов - я и мои смертники уже взяли комиссара и его охрану на прицел двух самозарядок, автомата и ДТ, с которым не расставался Иван.

- Подполковник! Вы за это пойдёте под трибунал!

- Может быть, - сказал я и катнул им под ноги РГД в рубашке, - но вам это не поможет. Молитесь своему еврейскому богу.

Немая сцена продолжалась секунд пять, пока я не заорал:

- Бум! - топнув ногой.

Подгоняльники ретировались. Я подобрал гранату, сунул в разгрузку, подошёл к Степанову:

- Теперь только победа нас спасёт, ибо - победителей не судят.

- Знаю! - зло огрызнулся Санёк, - шёл бы ты, псих недобитый. Я думал, ты боевую кинул.

- Конечно, боевую. Зачем таскать лишний груз. Не на боевом взводе, но боевую. Я же не совсем псих, а чуть-чуть нормальный. Иногда. Пошли мясокомбинат осмотрим.

Брасеню приказал накормить людей, наркомовские выдать усиленные, чтобы повырубались, прихватил немецкий, цейсовский, бинокль и побежал догонять командиров.

Деревня на бугорке. Так и называется - Малые Бугры. Опорный пункт врага. В радиусе трёх километров вокруг - ровное поле. На поле - шесть сгоревших танков, все наши, и сотни тел в тёмных на фоне осевшего снега, тел красноармейцев. Безрадостная картина. Деревню терзала наша артиллерия, но снаряды ложились негусто. И с такой артподготовкой в атаку? Комиссар лучше бы спросил, сколько мы стволов привезли. Ему они на хрен не нужны. Ему мясо для МГ подавай. Сука! И этот урод при полномочиях!

- Надо было документы у него стребовать, - бурчал Кот.

- Что это?

- Сдаётся мне, ряженного провокатора мы упустили.
- Иди, пиши докладную в особый отдел. Пусть разбираются.

Меж тем по полю прокатилось "ура" и плотные цепи побежали прямо на деревню. Малые Бугры ожили - вспышки пушечных залпов, "сварка" пулемётов. Комбайн смерти. Я уже столько смертей успел увидеть, но на это смотреть не смог. Всё кончилось быстро - наша пехота, оставив ещё несколько десятков тел, откатилась на исходные. А они - не штрафники. И в чём разница?

- Кто что увидел? - спросил Степанов.

- Две батареи миномётов калибра 80-мм, три орудия, до десятка пулемётов. Ориентировочно - батальон пехоты, усиленный артиллерией и миномётами, - поведал результат своих наблюдений капитан с "костями" в петлицах - наш начарт.

Степанов кивнул. Потом выслушал остальных, которые добавили детали.

- Ты что увидел, смертник? - это он мне.
- Это опорный пункт. Оборона не сплошная. Надо обходить.
- Наверняка минными полями обложились, - предположил инженер.
- Наверняка, - кивнул Степанов, - Кузьмин. Слушай приказ - силами своей роты и приданных взводов конной и пешей разведки постарайтесь нащупать обход вне пределов видимости Бугров. Если найдёте, вышлю вам батальон. Связь держать непрерывно. Ты - Псих, штаб - Палата.

- Номер шесть?
  - Может быть. Готовься. По готовности - доложить!
  - А сапёров?
  - Будут тебе сапёры.
  - Пора делать ход конём?
- Ход конём.

(1942г.)

Бой гремит справа, а мы в предбоевых порядках идём по переметённому мартовским снегом просёлку. Нормальные герои же всегда идут в обход. Через километр наткнулись на следы траков и пехоты.

- Сдаётся мне, не одни мы такие умные, - хмыкнул Кот.
- Меня больше волнует - почему их манёвр не удался? Глянь, обратно протопали. Не понравилось им там. Почему? Первый взвод - боевое построение!

Позже выяснилось, почему развернулся танк - овраг. Не широкий - в самом узком месте метра три, но глубокий. На карте не помечен, хотя тянется от села прямо на юг, как противотанковый ров.

Оказалось, что на той стороне был заслон противника. Пока я разглядывал карту, разведчики стали шестом прощупывать глубину оврага. Враг понял, что мы не уйдем и открыл огонь.

Одиночный выстрел хлестко ударил из рожицы на высоте, крик раненного заглушил отчаянный вопль:

- Снайпер!

Разведчики попрыгали в овраг, провалившись в снег с головой, мой бойцы бросились врассыпную. Но, что значит обстрелянные бойцы - после секундной суеты все лежали по укрытиям, паля в рощу, как в копеечку.

- Где мой миномёт? Станкач сюда! Снайпера! Да прекратите вы жечь боезапас! - орал я.

Изготовил свою винтовку к стрельбе, вставил магазин с пристрелочными патронами. Такие патроны - дефицит, но они не только дают трассер, но и небольшим разрывом отмечают место попадания. Мне они нужны для целеуказания.

Расчёты миномёта и Максима заняли позиции и изготовились к стрельбе.

- Кто видел, откуда бьёт?

Никто не видел. Тут роль приманки решил исполнить Прохор. Он лосиными прыжками проскакал к оврагу, схватил подстреленного разведчика и поскакал назад. Снайпер не удержался и стал палить в Прохора. И хотя юный таёжник - большая мишень, но то ли везёт ему, то ли матушкин заговор работает - из трёх выстрелов не попал ни один. А вот я его засёк. И не я один.

- Взял! - закричал я и стал высаживать в дерево со снайпером трассеры.

- Взял! - закричали хором наводчики. Миномёт плюнул первую мину, Максим протянул жгут очереди по дереву.

И тут роща ожила. Застучал оттуда по нам пулемёт, захлопали винтовки.

- Готов снайпер!

Тело немца рухнуло на землю. Бойцы перенесли огонь ниже, на вспышки. Перестрелка разгоралась, но была ли она эффективна? Лёжа под огнём, мы рано или поздно начнём нести потери, а попадаем ли мы?

- Это дзот!

- Бронебойщики! Заткнуть его! Лопырёв! Ты пореже сади-то! Видишь, нет толку от твоих мин? Просто не давай им покоя, беспокой.

- Есть!

Есть-то, оно есть. Но, надо на ту сторону перебираться. Немец, если

телефонизирован, вызовет артоподдержку и перемешают нас тут со снегом и землёй. Надо что-нибудь срочно придумать!

- Казачёк, ты сколько вешишь?

- Не знаю.

- Ладно, за мной!

Стал перекатами отходить назад. По пути забрал ещё четверых бойцов невысокого росточка. Нашёл залёгших сапёров.

- Что, инженеры? Прячетесь? А кто будет овраг форсировать? Пошли, работа есть.

Приказал найти и заготовить шестов, желательно ровных и прочных. Минимальной длиной - 6 м. Тут же, в "тылу", потренировались. И вот уже штурмовое отделение, под огнём, с шестом наперевес бежит к оврагу. Вся рота открыла шквальный подавляющий огонь. Впереди, на одном конце шеста, бежит Ваня Казачёк, на другом - я и ещё четверо крепких ребят.

- И-и, раз!

Мы, впятером, дёрнули шест вверх, Ваня прыгнул и перелетел через овраг на конце шеста. Там упал, перекатился в ложбинку. Мы с шестом побежали назад, а нам навстречу ещё четыре штурмовых "летучих" отряда. А сапёры уже валили деревья на брёвна, брёвна перекидывали через овраг, разведчики снизу, из оврага, мокрые по уши - под снегом тёк поток талых вод, вязали брёвна меж собой. Как только были связаны первые два бревна, я перебежал на ту сторону и возглавил атаку на позиции противника.

Нет, конечно, мы не бежали как в кино - цепями, в полный рост. Перекатами, перебежками, ползком, ломая колючий снежный наст, обтекая рошу, постреливая, медленно, но верно мы приближались к окопам врага. И вот уже в рошу полетели гранаты, потом:

- Ура! - решительный рывок и яростная рукопашная.

- Проконтролировать территорию, закрепиться, подготовиться к отражению контратаки противника! - кричал я в досаде. Всё кончилось раньше, чем я добежал.

Осмотрелся. Прямо за рощей местность шла на возвышение и там, наверху - Большие Бугры. Справа - Малые. Отсюда бой плохо виден. Зато прекрасно видна дорога между ними. Только если выполнить приказ и оседлать её - окажешься в низине под перекрёстным огнём с Бугров.

Так и доложил Степанову, когда протянули телефон. Комполка приказал закрепиться и дожидаться батальона, при этом провести разведку в направлении Больших Бугров. У нас есть разведчики, вот пусть и проводят. Отрабатывают "сугревоочные-наркомовские".

Пошёл посмотреть снайпера. Винтовка уцелела, отдал своим

снайперам. Накидка у снайпера была интересная - двусторонняя накидка-пончо, как у мексиканцев, с одной стороны белая, с другой - пятнистая. Накидка плотная, как плащ согдиться, ещё и утеплённым подбоем. Снайперши отказались. Обозвал их дурами, сказал, что себе оставлю. Приказал отчистить от крови и заштопать. Но, самое интересное оказалось под накидкой - железный крест на шее и сдвоенные молнии в петлицах. Эсэс? Они же должны быть в чёрном, я в кино видел. А эти в обычной форме. Все остальные убитые оказались тоже эсэсовцами. Приказал собрать документы с трупов и отправить в разведотдел.

- Командир, враги!

До сотни немцев ломанной цепью спускались от Больших Бугров. Без танков и БТР. Как-то непривычно.

- К бою! Занять позиции! Сейчас обстрел начнётся! Взводных, ко мне!

Когда прибежали взводные, поставил задачу:

- Подпускаем в упор, сидим тише мышей. Если кто не сдержится - пристрелю. Стрелять только после станкоча. После сигнала, огонь должен быть ошеломляющим. Долбим из всех стволов и тут же идём в контратаку. Если повезёт - на шее немца в село заскочим. Задача ясна? Тогда - по местам!

Взводные убежали. Вокруг фонтанчиками взлетал снег - рота окапывалась.

- Зарывайся глубже, пехота!

С противным свистом прилетела первая мина. Я нырнул в дзот, где уже прятались мои снайперы и неразлучная троица телохранителей - Кот, Ваня и Прохор. Рвануло. И тут же замолотило со всех сторон, аж земля под ногами закачалась. Сел на полураздетый труп немца.

- А где пулемёт? - спросил я.

- Первый взвод забрал, - с сожалением на лице проорал Ваня. Видно, сам хотел взять, но не успел. Да, у нас в роте, как в большой семье - хлебалом не щёлкай.

Огляделся. Вот же немцы народ основательный! Дзот выглядел номером люкс - печка, сейчас опрокинутая, лавки, разнесённые гранатой в щепу, стены и потолок фанерой обшиты, потому за шиворот от взрывов и не сыпет, как в наших землянках. А что нам мешает так жить?

- Ваня, передашь Брасеню мой приказ - чтобы всю эту фанеру ободрал и в обоз оприходовал.

- Есть, командир!

Наша же собственная лень и мешает. Когда появляется выбор:

попотеть ради комфорта или так потерпеть, выбор пропадает. Искключительно терпеливый наш народ.

Обстрел слабел, ещё пару раз рванули запоздалые снаряды и разнаслось:

- Идут!

Я выбежал в траншею, заорал:

- Доложить о потерях! Раненных - в тыл!

И только потом посмотрел на цепь немцев. Какие-то они робкие, несмелые. Где тот рывок, где то мельтешение, какое я видел прошедшей осенью? Или им без танков непривычно?

- Что, немец, зябко тебе без танков? Давай, смелее! Мы обогреем, приголубим! - заорал я. Не немцам, своим. Над страхом надо посмеяться - страх и уйдёт.

- Два с половиной, - пробормотал я. Работая на железной дороге, в пути, привыкаешь мерить расстояние пикетами. От одного пикетного столбика до другого как раз сто метров. Так я и определял дистанцию. Мысленно представлял ж.д. полотно от себя до цели и считал виртуальные столбики.

- Изготовиться к бою!

Кругом защёлкали затворы. Я сменил магазин на "крещённый". Головки пуль в этом магазине я надсекал ножём. Рассчитывал, что при попадании пуля "раскроется", что должно сильно повысить убойное действие. Получиться или нет - сегодня и узнаю.

- Огонь! - заорал я и стал "вылавливать" на мушку заматавшихся немцев.

Шквальный кинжальный огонь получился ошеломляющим. Много немцев попадали мёртвыми или ранеными, часть залегла, но многие - наоборот рванули на нас. Навстречу им полетели не только пули, но и гранаты.

- Атас! Атас! - прокатилось по нашей цепи, а потом серия взрывов - по фрицевской.

Противник дрогнул, замялся, заметался под нещадными очередями пулемётов и автоматов.

- Примкнуть штыки! - проорал я, опорожнил магазин, сменил на полный, снял прицел, нацепил штык.

- Рота! В атаку! УРА! - и первым выбежал из траншеи, не оборачиваясь, побежал со всей скоростью, которую смог развить, с СВТ наперевес. Нужна скорость, пока они не очухались.

- А-а-а! - накатывало на меня сзади, подгоняя.

Я бежал на группу немцев. Ближайший, побледнев, поднимал свой МП. Я выстрелил от пояса, не целясь. С пяти шагов-то? Попал прямо в центр фигуры. Немец рухнул на собственные ноги мешком. Два раза выстрелил в следующего. Одна пуля ему попала в лицо, он опрокинулся, как от удара битой. С разбега пронзил штыком ещё одного, поддел его плечом, сталкивая со своего пути, о что-то запнулся, полетел, сгруппировался, перекатился через плёчо, вскочил на ноги, готовый бить и отражать удары, но... Немцы кончились.

Передо мной лишь улепётывали несколько спин. Я рванул следом, вопя во всю глотку какое-то бесконечное:

- А-а-а-а!

Позади нарастал грохот. Я обернулся. Сотня моих бойцов с перекошенными криком и яростью рукопашной, бежали следом. А рвалось в роще - немец обрабатывал наш тыл, отрезая нас, подгоняя. Он гнал нас на себя, я и поддал.

Не знаю, какой сейчас олимпийский рекорд по бегу на километр, но я его, наверное, перекрыл.

До траншей гансов оставалось метров 150-200, когда я заметил там суету, потом в нас ударили пулемёты. Пули секли бегущих передо мной фашистов. Они что, совсем охренели, по своим долбить? Странные сегодня немцы, очень странные.

Когда огненные щупальца пулемёта стали стегать вокруг меня, я рухнул за снежный выступ, несколько секунд восстанавливал дыхание, подгоняя себя:

- Нельзя ждать, темп, темп! Опомнятся - кирдык нам всем!

Прилаживать оптику не стал - 100 м до пулемёта. Вот они - две каски измазанные известковыми полосами. Опорожнил в них магазин. Попал - пулемёт заткнулся. Я сразу же вскочил и побежал прямо на пулемётную точку. Если они живы - сейчас из меня будет сито. Магазин сменить не успеваю - карабин на спину, в правой руке ТТ, в левой - малая пехотная лопатка, заточенная до остроты тесака. В затылке привычно заломило.

Один немец всё же жив. Я вижу его расширенные в ужасе глаза, он суетливо возится с пулемётом. Стреляю из ТТ на бегу, даже не надеясь попасть. Пули высекают ледовые фонтанчики из залитого водой и смёрзшегося до крепости бетона льда. Немец прячет голову, чего мне и надо - ещё две секунды и я спрыгиваю на немца, бью лопаткой ниже каски, хватаю пулемёт. Вот чего он возился - патрон в ленте перекошило, обычное дело, но дрожащими, судорожными руками поправить сложно. Перезаряжаю, беру пулемёт наперевес, две ленты перекидываю по-

матросски через плечи и иду по траншеям, струями свинца под высоким давлением вымывая из них противников.

Залёгшая под огнём рота опять поднялась:

- Ура! - перекатывалось в поле.

Одни за другим прыгали в траншеи мои бойцы. Всё! Теперь нас отсюда не выбьют! Вот это прорыв! Сам охереваю!

Когда менял пулемётную ленту, подбежал взводный-2. Глаза лихорадочно горят, лицо забрызгано кровью.

- Ранен? - спросил я его.

- Что? А, нет, это не моя, - ответил он, утирая лицо колким снегом.

- Первая рукопашная?

- Вообще первый бой.

- Для первого боя - вообще молодец!

- Товарищ лейтенант, смотрите! - указал рукой подбежавший Кот, тяжело дыша.

Я посмотрел - дуга летящей мины. Куда это они долбят? По нашей старой позиции. Зачем? А, батальон подошёл. Отсекают их от нас. А откуда долбят? Вот это сейчас и выясним.

- Кот, собери десяток самых шустрых автоматчиков, гранат - побольше. Готовность - две минуты. Мухой!

Потом поставил задачу двум взводным и сержанту, заменившему раненного командира первого взвода. Пулемёты, максим и трофейные на станках, ставим на флангах, миномёт - в центре. Задачу поставил - удержать линию траншей до подхода основных сил, отражать атаки и прикрывать подход основных сил.

А сам, со штурмовым отделением, пошёл в атаку на источник миномётных дымовых трассеров. Ну, как атаку? Нашего раша, слава Богу, противник не заметил. Просочились. Перебежками от дома к дому, от забора к забору, не ввязываясь в перестрелки, добежали до миномётной огневой. Залегли за жердевым забором, в сугробе.

Наш прорыв сильно спутал карты противнику. Немцы бегали, как ошпаренные, орали, сталкивались. Пожар в дурдоме - самое точное определение происходящему. Только из-за этого мы и смогли незамеченными оказаться почти в центре села. Но, зная немцев, был уверен - скоро они наведут порядок и нам всем станет жарко. Ага! В общем хоре криков стали прорезаться властные крики командиров. Времени осталось мало.

На батарее тоже царил суеда, но более-менее деловая. Вон и их

командир стоит с биноклем на капоте грузовика, кричит команды. Я даже слышу его голос.

- Гранаты? - шёпотом спросил Кот.

Я помотал головой. Если уж пошла такая пруха, рискнём ещё раз. Сейчас сниму офицера, повышу уровень энтропии. Оставил пулемёт, взял карабин, вставил последний магазин. Был ещё пристрелочный, были патроны в заплочном мешке, полторы ленты в пулемёте, гранаты - не стоит голову забивать.

- Там штаб, - прошептал Ваня, кивая головой в центр села, - там сельсовет, легковые машины и автобус, флаг ихний болтается.

Логично. И соблазнительно. Правда, похоже на штаб. Только это путь без возврата. Церковь! Прямо через дорогу. Если до неё доберёмся - нас оттуда не выкуришь. Так и сделаем!

- План такой. Атакуем через огневую. Потом закидываем штаб гранатами через окна и отходим в церковь. Стены каменные, блокируем выходы и отобьёмся до подхода наших. Вопросы? Работаем!

Карабин опять на спину, взял пулемёт, перепрыгнул через забор и пошёл на миномёты. Меня заметили, когда я уже прошёл шагов десять. Удивлённо оборачивались, но за оружие не хватались, олухи. Амеры, на вашем месте уже бы разрядили бы в меня каждый по магазину, потом бы разбирались.

Короткая очередь моего пулемёта смахнула офицера с капота, длинная посшибала расчёты, как кегли. А потом на них обрушились мои бойцы, рубя их лопатками и громя прикладами. Я тут же развернулся и побежал огородами к штабу, благо - всего два двора и вот она - центральная площадь.

Противотанковая граната чем плоха? Большим весом. Но хороша она своей мощностью и детонатором ударного действия. Взрыв сразу двух таких гранат посреди площади произвёл эффект локального катаклизма - автомобили перевёрнуты, горят, взрываются топливные баки, кричат раненные люди и кони. Наша отвлекающая группа - два гранатомётчика, причесали площадь ещё и из ППШ, а потом спешно отступили. Немцы кинулись преследовать. Что нам и надо.

Я махнул рукой и мы молча побежали на здание сельсовета, рассредоточиваясь. У нас на всех была только одна бутылка с огнесмесью, иначе было бы легче сорвать работу штаба.

Когда нас заметили солдаты противника - было уже поздно. Этих, самых наблюдательных, перестреляли, в окна полетели гранаты. Мы обогнули сельсовет, из-за углов обстреляли всю территорию перед

сельсоветом, главный вход разворотили гранатой и подожгли коридор за дверью огнесмесью.

- В церковь! Выноси ворота противотанковой! - крикнул я.

Наперерез нам бежал бородатый мужик разбойного вида, громко крича и махая руками, совершенно игнорируя свистящие вокруг пули. Голова его была непокрыта, Грязно-седые космы спутались и вместе с не менее запущенной бородой придавали ему вид лешего. На нём были лапти (в 20 веке, зимой?), непонятной формы и цвета штаны и тулуп с огромными прожжёнными дырами. Одна пола тулупа была до земли, вторая обрывалась у пояса. Тулуп был не запахнут на груди, открывая взору дырявую грязную тельняшку.

- Люди там! Люди! Не выбивай ворота! - наконец расслышал я.

Вот, блин, косяк! И что теперь делать?

Боец, замахнувшийся гранатой, вопросительно смотрел на меня. Я покачал головой, потом покрутил рукой над каской. Бойцы попадали сапоги к сапогам - круговая оборона. Только позиция здесь... Пять минут продержимся, не более.

А "бомж" схватил бойца с противотанковой гранатой, как ближайшего, за рукав, и тянул за собой.

- Товарищ лейтенант, он говорит есть другой вход! - крикнул боец.

Я отправил его и ещё двоих с "бомжом", остальные тоже стали пятиться за угол церкви, отстреливаясь.

А время, как всегда, впрочем, было не за нас. Огонь противника усиливался, они уже оправились от внезапности нашего наскока, обкладывали грамотно и плотно. Я вспугнул очередью двух самых дерзких солдат, отпрянувших обратно в укрытие и, а, была, не была!, крикнул:

- Бегом!

"Бомж" открыл низенькую калитку в покосившемся деревянном сарайчике, юркнул туда. Бойцы, обречённо переглянувшись, - за ним. Сарайчик был очень маленьким и настолько ветхим, что чихни - развалиться. Но уже четверо пропали в его чреве, ещё двое, потом остальные, последним я. И провалился в яму колодца.

- Живее! - дыхнул мне в лицо тёплым паром "бомж" и с неожиданной силой рванул меня за воротник, разом - и подняв, и швырнув по лазу, - Ползи!

Я увидел, что он дергает за какую-то толстую верёвку, сверху посыпался мусор, колотые дрова, солома, песок. Я шустро "побежал" на четвереньках по лазу, пока не воткнулся каской в чью-то мягкую задницу. Так мы вместе с Котом и вывалились в склепоподобный подвал церкви,

слабо освещённый лучинами и полный людей.

- Ох...ть! - только и смог сказать я.

- Не богохульствуй в храме! - хлопнул меня по каске "бомж", - Ты командир?

- Лейтенант Кузьмин! - представился я.

- Отец Анатолий, - представился "бомж", - как дальше думаешь быть, лейтенант?

- Наверх есть выход?

- Есть. Только все двери храма заколочены наглухо. Как немец алтарь и иконостас разобрал - замуравал.

- Даже лучше. Веди нас наверх! Ребята, мы теперь монастырские затворники! Пойдём, проредим бесов!

Наверх поднялось больше бойцов, чем рухнуло в лаз. Под две дюжины почерневших, тощих красноармейцев, лихорадочно блестя глазами, тянулись к нам, прикасались. Половина из них была вооружена, но боеприпасов не имели. Быстро и по-ходу, распределили оружие и патроны, стали стаскивать к высоким узким окнам столы и лавки.

Какие-то гражданские, женщины, дети, старики, по прежнему стоя на коленях, молились. Лишь некоторые оглядывали нас. Отец Анатолий погнал их вниз, в катакомбы.

Ко мне подошли двое - один со старшинской "пилой", другой - в рванной кожанке с наглухо забинтованным лицом. Оба, оказалось, успели хорошо освоить немецкий пулемёт, обожженный - танкист, радист-пулемётчик; старшина - был, до плена, старшиной пулемётной роты. Отдал им МГ с боезапасом, они сразу полезли на колокольню вслед за отцом Анатолием, скинувшем тулуп и успевшим надеть свою чёрную "спецовку", ряса, по-моему, называется.

Я сел на ноги, развязал вещмешок, вытряхнул содержимое - пачки патронов, две гранаты, сухари, папиросы и флаг. Красный флаг. Ну, как флаг? Просто большой - 1,5х2 м кусок красной материи. Его мне сшили женщины нашего полкового тыла из парашютного шёлка, окрасив его.

Подозвав молоденького, шустрого бойца из первого взвода, вручил ему этот флаг и приказал укрепить на колокольне, чтобы полк видел. Глаза бойца вспыхнули. Пока он шёл, неся флаг на вытянутых руках, каждый постарался прикоснуться к нему, а "воинство отца Анатолия" старались и губами припасть, роняя слёзы. Вот для этого, для подобного эффекта, я и извёл столько драгоценного шёлка.

Над головой ударили колокола, протяжный гром их слился в мелодию. Благовест! Ох, отец Анатолий, что же ты делаешь! Даже у меня

слезу выбило! Машинально перекрестился.

Вторя колоколам, запел пулемёт, мои бойцы выбивали витражи, стреляли на улицу. Да, Кузьмин, бой в самом разгаре!

Как смог быстро, снарядил магазины СВТ патронами, остатки ссыпал в боковые карманы штанов, запихал магазины и гранаты по карманам разгрузки, закрепил на карабине оптический прицел и побежал наверх, на колокольню.

Пулемётчики, распластавшись по полу, перекатывались на стрелянных гильзах, ведя огонь сразу из трёх пулемётов. Ваня Казачёк, оскалившись, часто крутил стволом своего ДТ. Двое бойцов и два вторых номера спешно снаряжали пулемётные диски. Старшина-пулемётчик скупко добивал ленту МГ. Её снаряжать нечем.

Знаменосец лежал мёртвый. Кровь из простреленной головы текла на свешенный из окна флаг.

Отец Анатолий, презрев бьющие в бронзовую броню колоколов пули, бил набат самым массивным колоколом. Набат я слышал болью в голове, а вот остальное - немое кино.

Осторожно выглянул из глубины колокольни наружу. Тараканами бегали немцы. Это не мои мишени. А вот это - моя. Полмагазина - и пулемётный расчёт врага лежит, уткнувшись мордами в быстро краснеющий снег. Потом я выбил офицера, пару унтеров или фельдфебелей, ещё одного пулемётчика, попав прямо в разрез бронещитка Ганомага.

Интенсивность огня моих бойцов быстро падала - и патроны кончались, и люди здоровее не становились под плотным огнём противника. Казачёк - ранен, отрубился, старшина и танкист - убиты, как и ещё один пулемётчик. Ранены ещё двое.

Отец Анатолий оставил колокол в покое, подобрал винтовку раненного бойца, от боли потерявшего сознание и сосредоточенно стрелял вниз, в немцев. Лицо его было таким, будто он не людей убивал, а огород перекапывал - ноль эмоций!

Я расстрелял почти все патроны. Осталось полтора магазина и те, что в пистолете.

- Лейтенант, слышишь? - спросил священник, откинувшись к иссечённой пулями стене.

- Нет, - пожал плечами я, словил в прицел прицелившегося в нас немца, выставившего из-за хаты полкорпуса. Бам! Немец рухнул тряпичным мешком - этот не встанет. А другой - у пел сместиться прежде, чем в него попала пуля.

- Наши! - возликовал я, услышав я протяжное - "А-а-а!"

Коррозия стерiotипов.

(1942г.)

Вечером я сидел в штабной избе за столом с картой и пил горячий сладкий чай, обхватив жестяную кружку обеими ладонями. Докладывал начальник штаба полка. Конечно, не мне докладывал, а командованию дивизии, но мне было тоже очень интересно.

- Таким образом, Бугры враг превратил в опорные пункты. Благодаря обходному манёвру штурмовой роты, усиленной разведвзводами, удалось не только обойти и охватить Малые Бугры, но и дерзкой контратакой занять позиции противника на юго-восточной окраине Больших Бугров, пробив в его линиях обороны существенную брешь. Группа автоматчиков под командованием командира штурмовой роты лейтенанта Кузьмина...

Я вскочил, а так как был без головного убора, то просто вытянулся. Комдив махнул на меня рукой, я сел.

- ... дерзкой атакой вглубь боевых порядков противника уничтожила миномётную батарею, разгромила штаб батальона СС и забаррикадировалась в каменном здании храма, с колокольни ведя обстрел почти всей прилегающей территории. На данный момент, завершается очистка от солдат противника Бугров, батальоны закрепляются на окраинах села, переоборудуют позиции врага.

- У них тут была круговая оборона? - спросил комдив.

- Так точно. Как и в Малых Буграх.

- Как и везде, - вставил майор, сопровождающий комдива. То ли зам его, то ли начальник оперативного отдела.

Наш начштаба стал докладывать о потерях и состоянии полка. Комдив молча выслушал, потом сказал:

- Подкрепить вас постараюсь. Бойцов не жди - нет пополнений, снарядов подкину, рота танков утром подойдёт к вам. На вашем участке дивизия добилась наибольших результатов, основные усилия перенесём сюда. Перед вами только один опорный пункт остался. Возьмём его - оседлаем шоссе, подсецём врагу жилы. Это - главная задача.

Я глянул на карту - до шоссе, пересекающего деревню, которую нам предстоит брать - километров пять "пустого" пространства. Немцы решили обороняться опорными пунктами, а наши войска в виду отсутствия нормального снабжения вне дорог, вынуждены были эти опорные пункты штурмовать. На этих "пустых" пространствах сам Бог велел маневрировать, но чем? Пехотой? Даже пушки не пройдут, а подвижных соединений у Красной Армии пока очень мало. Да и им нужны пути снабжения. Были,

ещё зимой были, такие подвижные соединения, как кавалерийские корпуса. Вот их и ввели в прорывы. А теперь они в этих прорывах-нарывах сидят и коней доедают. Свежие дивизии Вермахта из Франции контрударами отсекали наши подвижные ударные группировки от стрелковых дивизий и армий. Вон он, в тридцати километрах от нас, край мешка, где были окружены две кавдивизии и одна дивизия ВДВ. Не сладко им теперь там - без тяжёлого вооружения-то.

Задумавшись, не услышал вопроса, обращённого ко мне:

- Простите, задумался, - извинился я.

- Кто принял решение контратаковать штрафную роту?

- Какую штрафную роту? - удивился я. При чём тут "шурочка"?

- Немецкую дисциплинарную роту, - нетерпеливо пояснил майор.

- Ах, вот в чём дело! А я-то думаю, что это они без танков в атаку идут? И - по своим бегущим из пулемётов долбят. Очень удивился. Непривычно видеть наступающих немцев без поддержки танков. А решение я сам принял. Спонтанно. Согласовать с комполка не успел. Надо было всё делать быстро. Тут, как в драке - если ошеломил противника, надо долбить пока не опомнился. Или, пока сам не упадёшь.

- Верно ты рассудил, лейтенант. Майор, - обратился он к нашему начштаба, - жду от вас наградной лист на этого ротного и наиболее отличившихся в сегодняшнем бою.

Я проорал, что служу трудовому народу. Мне было приятно. Это даже приятней, чем редкие премии в прошлой жизни.

- А танки будут, лейтенант. Партизаны донесли, что на нашем участке замечена выгрузка эшелона с танками. Я думаю, до подхода танков, мы перекроем шоссе, потом отбиваться будем. Должны успеть. Если они нас атакуют в поле - в блин раскатают.

- Эшелон. Это до батальона танков. Отобьёмся. Тяжело будет, но отобьёмся.

- Твоими устами да мёд бы пить, - вздохнул комдив, - но вот отбиваться почти нечем. Противотанковой артиллерии мало, ПТР слабо освоены. Да, и боится народ танков. Мало в дивизии осталось выживших после танковых атак осени-зимы 41-го. Пополнение танки вообще не видели, зато наслушались такого, что заранее штаны марают.

- Можно создать истребительные отряды. И бросать их против танков, - сказал я, - Есть уже такой опыт. Вот, наш комполка Степанов, как раз командовал истребительной ротой. Мы танки жгли за милую душу.

- Таки, за милую душу? И много вас таких, с той роты, в полку?

Я вздохнул:

- Двое. Я и Степанов. Я у него старшиной в роте был.

- Погоди, так ты и есть тот старшина, что истребительный батальон из окружения вывел? - спросил майор из оперотдела дивизии.

- Я. Так точно.

- Вот оно что! Он ротным из младшего комсостава стал, - пояснил свою мысль майор комдиву.

- Я понял уже. Не то, что эти ротные со школьной скамьи. Давно воюешь?

- Полгода.

- Через полгода и эти школьники такими будут, - сказал майор.

- Если выживут, - буркнул комдив.

В это время гроыхнул близкий взрыв тяжёлого снаряда.

- Это ещё что? - повернулся комдив к начштаба.

Тот, сам удивлённый, совсем не по уставному, пожал плечами. Гроыхнуло ещё раз.

- Подкинули крупные калибры, - вздохнул комдив, надевая папаху и беря в руку трость - он хромал, видно не долечил рану ноги. Потом повернулся к начштаба:

- Держись, майор. Противник успел перегруппироваться. Пока бьёт по площади, а вот утром, посветлу, станет бить прицельно. Нам подавить это нечем. Удачи!

Он уже в дверях обернулся, посмотрел на меня, начштаба, ухмыльнулся, сказал мне:

- Выживи, лейтенант!

- Постараюсь, товарищ генерал-майор!

Как только дверь за комдивом закрылась, начштаба крикнул ординарцу, чтобы сделал чаю, потом тяжело опустился за стол, схватился за голову руками. Ещё раз бабахнуло.

- Комдив прав. Сейчас они нам спать не дают. А утром, когда пойдём в атаку - с дерьмом смешают этими снарядами. Вместе с обещанными танками.

Принесли чай. Начштаба пил чай и молча медитировал, гипнотизируя карту. Влетел Степанов, крикнул:

- Чаю!

Отобрал мою кружку, допил мой чай, друг, блин! Кинул шапку и тулуп в угол, забежал по избе:

- Что, задумался? - это он своему начштаба, - что делать будем?

И тут они оба повернулись ко мне.

- Э, мужики, не надо на меня так смотреть! Я вам не волшебник! У

меня в роте 56 бойцов осталось. Измотаны сильно. Да и не знаю я, где эта батарея!

- А кому сейчас легко? Иди, готовь роту. Как только уточним расположение батареи - пойдёшь!

- Спасибо тебе, благодетель! Твою дивизию! Что я-то опять в самую печку-то? Больше некому?

- Больше некому! Орден обещаю.

- Себе пообещай! Знаю я, что за орден! С закруткой на спине! Командиры, блин! Как нарисуетя писец, так сразу Кузьмин! Я за всю Красную Армию один не навоюю! Вы совсем охренели? Батарея находится чёрте-где в тылу врага? Вы на что надеетесь? А, что толку!

Я махнул рукой и пошёл. Рота, все 56 человек, уже сидели на чемоданах. Тут и дураку ясно, что немец бьёт издали и по "карте", т.е. по отметке деревни на карте. Поэтому желательно в это время находиться на другой "отметке". И мы ушли в окопы и землянки той рощи, которую захватили утром.

Вернее, я роту отправил, а сам, с Котом, пошли в избу особого отдела, тем более, что немец, вроде, и перестал бомбить.

Особист полка, капитан, типичный "ботан" в очках, удивлённо откинулся на стуле, когда я стал его убеждать, что освобождённые мною "воинство отца Анатолия" ангелы во плоти, что геройски воевали рядом со мной, а поп, спасший всех этих окруженцев и бежавших с плена красноармейцев, вообще достоин прижизненного памятника.

Капитан снял очки, ещё некоторое время смотрел на меня близорукими глазами, закурил, встал, взял кружки. Довольно красивая, но какой-то строгой, северной красотой, девушка-писарь, вскочила налить чая, но он от неё отмахнулся:

- Сам. Засиделся уже. Голова, как ватой набитая. Вот, даже не пойму, зачем этот ротный меня учит Родину любить.

Я осёкся. Как зачем?

- Как зачем? Я за этих людей поручиться могу, выручить их... - увидев насмешливые взгляды, какими переглянулись капитан и его писарь.

- Выручить от чего? - спросил меня особист, протягивая кружку с чаем и ставя на стол деревянную плешку с белыми кубиками сахара.

- Что-то я не пойму, - озадаченно сказал я.

- Да вот и я тоже, - кивнул капитан, - ты, присаживайся, Кузьмин. Не удивляйся. Из-за тебя у нас очень много пустой работы. Язык у тебя - как помело. Кому и что говоришь - совсем не соображаешь. А нам потом доносы на тебя разбирать.

- Доносы? И кто же это меня вламывает? - насторожился я. Пришёл, называется, выручить. Так, глядишь, и самого захомутают.

- Да, разные. И все просят проверить тебя и принять меры. Кем только ты не чудишься людям: махновец, шпион иностранный, бывший белогвардеец, офицер старорежимный, антисоветчик.

- Как это так-то? Когда это я стал антисоветчиком?

- Анекдоты по наших вождей и генералов и маршалов рассказывал? То-то же. Веру свою не скрываешь, что само по себе религиозная пропаганда. И вообще ты - хам, нахал и хулиган!

- Это, точно!

- А что ты радуешься? Думаешь, охота нам кляузы на тебя разбирать? Нам больше заняться нечем? Ладно, боец пожалуется, пообещаем ему разобраться, он и успокоился, а командованию отчёт представь! Если бы ты не успел так себя ярко проявить в нашем правом деле, защищая Родину, давно бы грохнули тебя, чтоб не морочил головы ответственным товарищам. Ага! Проняло? За базаром следи, лейтенант!

- А что это вы по фене?

- Я-то, ладно. Ты где нахвтался? Вора в законе возле себя пригрел, рецидивиста - хулигана?

- Ранили Казачка. Сильно. В лазарете. Жаль, отменный боец, - грустно вздохнул я.

- Знаю. Знаю даже, что в список на орден его подполковник включил. Так откуда такие обширные связи?

Я усмехнулся:

- Меня такие большие шишкарки не раскололи, думаешь, у тебя получить?

- Но, я должен был попробовать, - тоже заулыбался капитан, - ну, вот, вроде прояснилась голова. Можно работать. Ты иди, лейтенант, не отвлекай. Всё нормально будет с этими людьми.

- Нормально? А похватили их зачем? Заперли. Допрашиваете. А дальше? Расстрел? Штрафбат?

- Ну, ты даёшь, лейтенант! Какой расстрел? Воевать некому. Вон, женщины наши на фронт пошли - мужиков не хватает, а ты - расстрел! И за что им штрафбат давать? Среди них только один командир, а бойцам - штрафная рота, "шурочка", как ты говоришь. Да, несколько человек, может быть, и придётся послать искупать вину. Но! Вот опросили шестерых - никого из них не за что в штрафники. Трое в плен сами сдались, да, но, они, гля, прости, Оля, столько перенесли в плену, что скорее застрелятся, чем руки поднимут.

- Я тоже так думаю. Так что же вы их мурыжите?

- Чудной ты человек! Опросить их обязательно надо. А разве не надо задокументировать, зафиксировать все зверства нацистов? Ты "Аллею Скорби" видел?

- Виселицы? Видел.

- А показания этих людей - готовые гвозди в крышки гробов многих нелюдей. А как они после войны выживут, в страны наших "союзников" переберутся? Как их прижать? То-то! Кроме этого, они обладают массой разведданных. Ты не думал об этом? Мы долго людей готовим, в тыл врага с такими трудностями отправляем - а они уже оттуда.

- Да, что они могут знать? По лагерям сидели, да в подполе.

- Расположение лагерей, система охраны, фамилии преступников, их сообщников из наших соотечественников. Да мало ли человек может увидеть и услышать. Надо лишь правильно спросить и уметь распорядиться сведениями. Ты же знаешь.

- В принципе, да. И что с ними дальше будет?

- Ну, пока наградим и отпустим. С его ранами он не призывной. Бойцов и командиров - в госпиталь. Поправятся, а там врачебная комиссия определит их судьбу - на фронт или коров пасты.

- Что, правда?

- А ты думал, мы тут живодёры?

- Честно говоря, да.

- Это мы сами о себе такой слух пускаем. Жуть нагоняем. Чтобы трепетал враг.

Капитан рассмеялся, замахал на меня руками, выгоняя:

- Иди, не мешай работать.

Так и ушёл. Верить? С виду - правильный пацан, честный. Да и зачем ему врать мне? Он меня прищучить может в любой момент, стал бы он так оправдываться. А тут вроде как посмеялся надо мной. Зафиксирую, говорит, зверства наци и отпущу людей.

Я уже засыпал, когда перед глазами поплыл ряд телеграфных столбов с ужасными гроздьями на них. Уже полгода воюю, не разу мёртвых во сне не видел. Читал, что убитые сняться. Я уже роту человек перевел из графы "живые" в графу "навоз", ни один не приснился. Погибшие товарищи сняться. Но тоже живые, разговаривают, смеются. В моей памяти они живут теперь.

А в этот раз перед сонным взором проплывал ряд повешенных, обледеневших. Старики, женщины, дети. За что их? Как они навредить могли? Ладно, избитые, окровавленные мужики - ещё как-то понятно. Хотя,

в красноармейской форме понятно, но в гражданском? Вот этот вот, перед глазами застыл - в лёгкой изорванной ветровочке, тренниках и одном кроссовке. Они его либо ещё осенью повесили, в кроссовках зимой не пофоришь. Так и весит.

Стоп! Я вскочил. Сна как не бывало.

- Кот! На выход! Бегом! Фонарь захвати!

Мухой одеваемся и бежим. Прибежали к Алее Скорби, нашёл тело этого мужика. Трупы, конечно, уже сняли, но сложили в рядок. Похоронить не успели.

- Свети!

- Что?

- Охренеть! Не повезло мужику.

- А кому из этих повезло?

- Ты не понял, Котофеич. Это наш клиент. Ты такие ботинки видел?

- На поршни похожи.

- Какие, на хрен, поршни! На коленвал, блин!

- Поршни - короткие кожаные сапоги без подошвы или на мягкой подошве. Типа кожаных носков.

- Это кроссовки, Кот. Их ещё не изобрели. Смотри - вот эта сопля - это лейбл фирмы "Найк". Американской фирмы.

- Что за "лейбл"?

- Торговая марка, значок. Как на Опелях молния, а на Мерседесах - трёхлучная звезда. А вот и надпись, свети.

- "Нисе".

- Найк. На штанах тоже, смотри. Надписи нет, сопля вышита. Не дошёл Гостинец. Перехватили. Смотри, его сначала застрелили. Насмерть - три дырки в таких местах - многовато для жизни. Только потом повесили. Видно, геройски парень постоял, сильно немца разозлил. Одной смерти им мало показалось. Вот так, Кот! Сообщай нашим кураторам - Невоспитанный Ангел прислал весточку. Интересно, с какого года он сюда провалился?

Идти обратно смысла не было, пошёл в штаб, там и прикорнул на печи. Поднял меня вестовой. После короткого совещания с Саньком, который ещё и не ложился, вышел из штаба. Моя рота была уже тут, политрук, узнав меня, построил роту.

- Нам поручена очень ответственная и очень сложная задача, - сказал я встав перед строем, - более того скажу - мы опять идём в тыл врага и скорее всего все там погибнем. Поэтому я не могу приказать вам следовать за мной. Мне нужны добровольцы. Только добровольцы. Даю минуту на

размышление. Кто пойдёт - два шага вперёд.

Первым шагнул Брасень, сразу же, без размышления. Вызвались младший политрук, все взводные и около тридцати человек. Не вызвавшихся я не винил - их черёд ещё не пришёл. Мы умрём сегодня, они - завтра. Но, силком тащить никого не буду. Младшего политрука Ипполита оставил, рывкнув, когда он возмутился, приказал уводить людей.

- Добровольцы! Сдать документы, награды, письма и личные вещи в штаб полка. Брасень! Выдать всем недельный запас сахара и сухарей. С собой берём только сухари, сахар и боеприпасы. Всё остальное - оставить! Полчаса на сборы. Время пошло!

Через полчаса короткий строй встал передо мной.

- Попрыгали!

Они удивлённо смотрели на меня. Я попрыгал на месте - ничего не звякнуло и не гроыхнуло. А тем у кого звякало, пришлось переэкипировываться.

Проводить нас вышел командир полка, подполковник Степанов.

- От вас зависит успех или неуспех завтрашнего боя, - сказал он моим бойцам, - и потери в завтрашнем бою. С вами идёт проводник из местных. Вы его уже знаете. Удачи, бойцы!

И мы потопали в ночь вслед за отцом Анатолием.

Выставил боевое охранение, возглавляемое одним из взводных, сам шёл в центре строя. Идти было скучно, задумался. Не об убитом "спортсмене" из будущего, а об особисте. Из-за этого попа и думал.

Действительно, я представлял себе особистов, и НКВД вообще, как некий аналог инквизиции, ордена живождёров и консерватизма. Находясь здесь уже полгода, ни разу не видел подтверждения этого. А уж сколько я с ними общаюсь! Обычные бойцы особистов или форму НКВД видят реже, чем Новый год, а они постоянно вокруг меня пасутся. И ни одного больного маньяка, какими чекисты показаны в кино и книгах. "Душителю свобод". Вон, даже за все мои "закидоны", с меня не спросили, посетовали только, что от работы отвлекаю и всё.

Хотя - дыма без огня не бывает. Если авторская, творческая братия видела гэбистов именно такими, причём с редкостным единодушием, значит, что-то в этом есть.

А может мне просто везёт на нормальных мужиков? Все встреченные мной чекисты - реальные, адекватные пацаны, каждый, конечно, с тараканами в башке, но кто, блин, без них? Кстати, чекистских тараканов ещё и поискать надо. Поднатужиться при этом. Да, определённо, мне везёт! Столько хороших людей встретить и узнать за столь короткий период

времени. Конечно, говнюки и полные мрази мне тоже встречались, но я, обычно, жить им не давал. Блин, и НКВД знает о моей причастности к их смертям, но - ничего. Хожу тут, преумножаю безобразия.

Так в чём же дело? Вокруг меня самые "правильные" гэбешники, в невероятной концентрации, а где-то за горизонтом сплошь нелюди и живодёры? Так бывает? Я что, Сталин, чтобы вокруг меня такие хороходы водить? Даже моё иновременное происхождение осталось для них тайной, вроде бы. А может, пока тайна. И Главный Чекист, Берия, растлитель тысяч невинных девственниц, заразивший каждую сифилисом, съедавший младенцев на завтрак живьём, до подписания многостраничных расстрельных списков. Еврей, к тому же. А, как известно, евреи ненавидят Россию. Не уснут, блин, пока не придумают, как бы русским нагадить за воротник? Как к нему относиться?

Чувак пашет, как проклятый, один волокёт работу нескольких министерств. Да, я предупредил его о готовящемся покушении. И что? Он должен был зацемиться в самый тёмный угол. Мрази, они же жуткие бздуны. Все эти "прогрессивные", гомосексуалисты, умственно и психически неполноценные, маньяки явные и потенциальные, они же трусы наипервейшие. Берия описывался как типичный "прогрессивный", т.е. ущербный. Должен жутко дорожить своей "особенной" шкурой. А он? Да, одел "доспех", но под выстрел подставился. А Сталин остался в Москве, уже практически захваченной врагом. Что думать о них?

В сентябре 2001 года, когда самолёты врезались в высотки в США, ихний президент неделю летал, не садясь нигде, на самолёте, так обделался. А глава Грузии, бегущий от тени с неба? Их поведение как раз и понятно - они главы государств, их жизни очень важны и ценны. А Сталин? Он не ценит свою жизнь? А если бы он погиб? Блин, представить жутко! Не "поплывёт" ли воля к борьбе народа? Не дай Бог проверить! Кто сможет его заменить? Кто осилит эту ношу? Я бы не рискнул даже пробовать.

Надо отдать должное ещё одному деятелю этой эпохи, нашему злейшему врагу - Гитлеру. Его тоже выставляют психом, а вот трусом он не является. Это достойно уважения, хоть он и ВРАГ.

Ё! А Иосиф Тито, югослав? Он же сейчас партизанит. Это позже он станет большим человеком. А француз де Голль? Один из национальных символов Франции. Боевой генерал-танкист. Реально воюет. А кубинец Кастро, вообще пример нестигаемости.

Это, что же получается, что сейчас эпоха Гигантов? А наступит эпоха карликов? Похоже на то. А почему? Куда денутся гиганты? Как так

получилось, что земля стала рожать только недочеловеков?

Нет, дело не в земле, не в небе, не в воде. В чём? А может, в этой творческой психически неполноценной бригаде "танталов" и "гениев"? Ведь это их мысли и идеи, больные, нежизненные, нам вбивали в головы в школе, с экранов кинотеатров и телевизоров. Почему эта всеобщая ложь маленьких ничтожеств стала доминировать, разрушать умы людей? Как эти ничтожества оказались при руле и рупоре? Как? Ненавижу!

Эмоции, это конечно, хорошо. Но, что они меняют? Нет, конечно, я и не смогу изменить что-либо. Вот только, я заметил, что даже один человек, узревший путь или придумавший решение способен указать этот путь. Или подсказать решение тем, кто способен путь одолеть, а принятое решение воплотить. Надо думать, надо. Как говорил Козьма Прутков: "Зри в корень!". Так в чём корень зла?

Тут меня догнал запыхавшийся Кот.

- Ты что тут делаешь? Я же приказал встретить куратора и всё объяснить.

- А как это, без меня? Я тоже иду! А капитан-особист встретит и мою докладную передаст. Сами разберутся. А Гостинец не сбежит и лишнего не сболтнёт.

- Это точно, - вздохнул я.

- А ты что это пригорюнился, Иваныч? Не замечено за тобой было предбоевой лихорадки.

- Не о том голова трещит...

И поделился я с Котом своими мыслями, замаскировав, естественно. Но, голова Кота не болела ни секунды:

- Время ставит задачи, а задачи сами подбирают людей, способных их решить. Тяжкое время призывает Великих Людей, век расслабленный обходится карликами.

- Что-то не то ты сказал. Красиво сказал, не спорю, но меня больше волнует вопрос, почему ничтожества у власти, как они туда попадают? И что сделать, чтобы их там не было?

- Я же тебе говорю - будет нужда, и погонят ничтожеств. А нет нужды - плевать. Великими люди не рождаются, а становятся, делая Великие Дела. А пока нет подобной задачи - они просто люди. Илья сидел на печи, Дмитрий Донской оброк собирал, Христос плотничал, а Магомет - пас скот.

- Сталин - стихи писал, - кивнул я.

- Вот об этом молчи. О ныне живущих - только хорошо или никак. Лучше - никак.

- Но, ведь есть в будущем задачи и угрозы глобальные. Там народ

русский гибнет, а никто этого не видит.

- Ага, никто не видит. Это точно. Гром не грянет - мужик не перекрестится. Не видят или не хотят видеть. Или глазки отведены. Так часто бывает. Если спящего резко ударить, он вскочит, и силы его удвоятся. От испуга и злости. А вот если нежно придушить - так и испустит дух, даже не дёрнувшись.

- Не видят угрозы, - задумчиво повторил я, - Великие не берутся за Дела, глазки отвели. Блин, точно! Россия, победившая Наполеона, в упор не видела угрозы, пока не огребла в Крымскую войну.

- Слабый пример, - сказал Кот, но я его не слушал, думал вслух:

- Русский народ до сих пор не видит угрозы с Запада. Они нам и Крестовые походы объявляли, половину наших земель сделали не нашими, а мы в упор не видим. Придушают нас тихонько. Иногда только лопаются их терпение и приходит очередной Наполеон. ОGREBAЮТ по шеям и опять травить начинают. В открытой схватке биться нелегко, но возможно, а вот рою ос не может противостоять и самый сильный боец.

- Травить?

- А если осы - люди?

- И что же делать с этим?

- Не знаю, командир. Может, ты придумаешь?

- Придумаешь... - я вздохнул, - придумаешь тут. Ладно, придумаем, коли живы будем.

Дистанция боя.

(1942г.)

- Товарищ лейтенант, есть батарея, - шёпотом доложил разведчик.

Я и сам уже вижу. Утром, ещё потемну, мы преодолели шоссе и услышали залпы орудий. Так на звук и пришли. Шесть пушек, похожих на наши 122-мм орудия, посылали снаряды на головы нашим соратникам.

- 105-мм лёгкие гаубицы. А там и там - зенитки, - доложил Кот, тоже ползавший в разведку, - шесть гаубиц, две батареи 20-мм зениток.

Я достал карту, прикинул расстояние. Может, и не придётся штурмовать? По карте, всё срасталось. Но, гладко было на бумаге, а кругом - овраги.

- Связь с полком!

Когда радистка передала мне трубку, доложил:

- Медведь.

- Берлога Тамерлана, - ответила искажённо трубка, но вполне различимо.

- Нашёл я духовой оркестр. Шесть труб. Сопровождают два квартета

шотландцев с волынками. Делянка 14-57, ракушка 6-8. Сможешь гороха отсыпать?

- Понял тебя, Медведь. 14-57, 6-8. Жди.

Ждать пришлось недолго. Вызвал меня уже не Степанов, а майор Кузнецов, позывной - Сверчёк, начарта дивизии. А дивизионные Ф-22 сюда должны достать.

- Лови свечку, Медведь!

Я покрутил рукой над головой. Бойцы рассыпались и заняли круговую оборону. Увидев куст разрыва снаряда закричал в трубку:

- Ты в путейской науке шаришь, Сверчёк?

- Попробую.

- Тогда лови: столб - запад, три пикета - север.

Это значит, что нужно на километр вперёд и на три сотни метров правее. Почти получилось. Так я стал корректировать огонь. Добились накрытия сначала одной зенитной огневой, потом расколотили гаубицу, так и сдвигал я разрывы снарядов слева направо.

Немцы быстро просекли, что кто-то направляет огонь наших батарей, полсотни солдат стали прочёсывать окружающие возвышенности. Надо было уходить с этого бугра, но снег вокруг так сильно вытоптан, что смысла не было. По следам нас и найдут. Приказал одному взводному завязать бой и увести солдат противника в сторону засады второго взвода.

Остались на бугре с редкими деревьями только я, Кот и радистка.

- Медведь, Тамерлан вызывает, - доложила радистка.

- Слышит тебя Медведь, Тамерлан, - сказал я в трубку.

- Медведь, бери шотландцев, а за оркестром придут. Нашлись на него любители джаза.

- Понял тебя, Тамерлан, беру волынщиков.

"Любителями джаза" оказались звено толстолобых, короткотелых, самолётов с двумя этажами крыльев и звено таких же лобастых и поджарых, но с нормальными крыльями.

- Чайки и ишачки, - просиял Кот.

- Это что?

- И-15 и И-16.

Интересно! Я их только по телеку видел. Говорили, что это были очень надёжные и манёвренные, но безнадежно устаревшие к началу войны истребители. Истребители. А что собрались делать эти истребители? С крыльев самолётов с воем и дымными трассерами сорвались и полетели к огневой ракеты. Ракеты? Блин, какой гибрид удава с носорогом - биплан и НУРС. А, ё-моё, это реактивные снаряды "Катюш", было такое, вспомнил!

Отстреляв НУРСы, самолёты стали штурмовать, расстреливая позиции противника из пушек и пулемётов. Молодцы, наши отцы-командиры. Как истребитель не гожа, будет ИЛ-2 для бедных! Был плохой истребитель, стал штурмовик. Из разряда "ну, хоть так".

- Тамерлан, "любители джаза" забирают оркестр, прошу разрешения на слив, меня тут зажали.

- Тикай, Медведь. Куда, к дому?

- Как пойдёт. Конец связи!

Я передал трубку радистке:

- Сворачивайся, Света, Кот и батюшка тебе помогут и рацию понесут. Место отката помните? Там и встретимся.

Я выпустил в небо красную ракету. Не знаю, как на неё среагируют лётчики, а моим бойцам это сигнал общего отхода. Моим бойцам не составило труда оторваться от противника, деморализованного обстрелом и налётом, да ещё и угодившего в огневой мешок засады, тем более, что это была не пехота, а обслуживающий персонал с этих же батарей. Итог перестрелки таков - у нас один погиб, один тяжело ранен, Прохор его унёс, четверо ранены, но мобильны, а вот немцы недосчитаются как минимум десятка убитых и полтора десятка повезут в госпиталь.

Месту сбора (отката) подошли все. Даже убитого принесли. Молодцы. Наскоро жевнули, набили магазины патронами, отдышались, коротко посоветовались и двинулись на север чащей вдоль шоссе. Так же, рейдовым порядком.

Настроение у всех было такое, что казалось взлетят сейчас без крыльев. И пофиг на усиливающийся ветер, переходящий в метель! Ещё бы! Шли на верную смерть, но отец Анатолий провёл нас без неприятных встреч, штурмовать огневые гаубично-зенитного дивизиона не пришлось. Потери минимальны, а задача выполнена. Метель поможет оторваться от преследования. Всегда бы так!

В связи с отличным настроением, пристал к священнику. Теперь, отмытый и переодетый он не походил на бомжа. Борода и волосы были подстрижены, расчесаны. Но, из-под фуфайки также торчала тельняшка.

- С какого флота, отец?

Отец Анатолий, посмеялся в бороду:

- Что значит, раз нательная рубаха в полоску, то моряк?

- Ну, да.

- Нательные рубашки, потому и "тельняшка", в полосу особой вязки, благо к телу липнет, тепло хранит и где нужно тянется свободно, движения не сковывает, первыми стали изготавливать и носить монахи монастырей

русских. Потому "душой" эту рубаху и называют. И выражение тоже "за душой - ничего", от монастырских служек пошло.

- А цвет какой был?

- Чёрно-белый. Моряки так и взяли. Оказалось, что полосатость хорошо издали видна, глаз цепляется. Корабли как раз уже настолько большими стали, что на них стали служить сотни и тысячи человек. Капитану, да и друг другу надо видеть своих людей.

- А ВДВ сделают тельник в голубую полоску.

- Ага. Этот так и сказал. И ещё говорил, что особые части пехоты тельники наденут в красную полоску.

Я вздрогнул, непроизвольно руки потащили карабин на грудь. Одного взгляда на Кота было достаточно. Мой персональный конвоир стал похожим на рысь, изготовившуюся к прыжку.

Отец Анатолий усмехнулся, как взрослый при виде рассерженного ребёнка:

- Видение мне было. Что придёт ко мне необычный гость и ему будет нужна моя помощь. Он и пришёл. Тоже про тельник спрашивал. Сказал, что сам в каком-то "вэдевэ" служил. Немцы у него на хвосте сидели, он оружие подобрал и устроил свою личную войну. Две недели он всю округу на ушах держал, машины на дорогах взрывал, немца из засад отстреливал. Я его раненного нашёл, видел, когда его перевязывал, наколку на плече - парашют, крылья и надпись: "ВДВ - 1976". Спрятать хотел, как и всех. В видении моём - он у меня остался, а за ним пришли медведь с большим котом. Но, он решил сам прорываться. Через день немцы его привезли убитого и всё одно повесили.

У меня загло в горле, запершило в глазах, я хрипло спросил:

- Когда это было?

- Осенью.

- Пошёл человек поперёк судьбы. Я - Медведь, это - Кот. Это наши радиопозывные. Мы с ним спецгруппа розыска таких, как этот десантник. Кот - капитан осназа НКВД, я у них, как гибрид катализатора и компаса, вывожу их на цель. Не дождался нас.

- Долго вы шли. Весна уже.

- Осенью, выводя ещё одного, я был тяжело ранен, Кот вообще ни о чём не знал.

- Вывел?

- Что?

- Того, кого вёл, вывел?

- Нет. Попали мы с ним под обстрел. Его - насмерть, меня - почти

насмерть. А документы и вещи необычные вынес.

- Так есть вещи! Я всё сберёг. Там некоторые такие интересные! Он мне на плоском маленьком кинопроекторе парад Победы сорок пятого...

- Тихо! Совсем ни к чему подобные знания оглашать. Кот! - я повернулся к моему спутнику и увидел на его глазах слёзы, - Ты чего?

- Мы! Мы, всё-таки победим! - оглушительно зашептал он.

Только тут я понял, что для меня 45 и Победа - синонимы, а Кот владел знаниями только Голума. А там - тоска! Победы нет, Россия разгромлена, расчленена, порабощена.

- Кот! Сопли - отставить! Приказ - доставить отца Анатолия до схрона с артефактами, предметы изъять по описи и передать Кельшу. И чтобы волос...

- Товарищ лейтенант! Танки! - громко зашептал подбежавший боец из дозора.

У меня внутри всё похолодело. Опять! Что за напасть! Как не вовремя!

- Кот, ты понял?

- Так точно!

- Исполнять! Ты, боец! Передай приказ взводным: занять круговую оборону. Где танки видел?

- Там. Там дозор наш. Мы шли, слышим рёв. Залегли, а там танки! Сержант меня и послал к вам.

- Ты получил задание - исполняй!

Сам я побежал к радистке:

- Светлана, связь срочно с Берлогой!

Боец, несший радиостанцию и флиртовавший с радисткой, тут же согнал улыбку с лица, метнулся к ближайшему дереву, поставил рацию и шустро полез с антенной и мотком провода на дерево. Я побежал к дороге.

По дороге шла колонна бронетехники, ревя, гремя и дымя сизым выхлопом. Трое бойцов вжались в сугроб, шустро вязали телефонным проводом гранаты. Сержант Шапира сжимал противотанковую болванку, злыми глазами провожал технику врага. Когда я подполз, он повернулся, показал гранату и кивнул на дорогу. Я отрицательно покачал головой - от кромки деревьев до дороги широкая заснеженная полоса - незаметно не подобрёшься, срежут сразу.

- Сколько?

- Танков одних восемь штук насчитали. А там и бронетранспортёры, и машины, и тягачи с пушками.

- Сидеть, наблюдать и считать. Не высовываться! Приказ понятен?

У Шапиры заходили жвалки, но он кивнул, опустив глаза:

- Ясен.

Я побежал обратно к рации.

- Есть Берлога, товарищ лейтенант, - доложила радистка, протягивая трубку.

Я сел на собственные ноги, развернул планшет, сказал в трубку:

- Медведь ищет Берлогу.

- Он нашёл Берлогу. Это Домовой.

Домовой - это сегодня начштаба.

- Я на делянке, - я назвал номер квадрата, - по верёвке идёт вереница жуков с прочими насекомыми. Уже прошло восемь хитиновых. Как принял меня, Домовой?

- Принял тебя. Про нашествие насекомых уже знаем. Возвращайся срочно, тебя ждут от Крестника.

Опа! НКВД пожаловало. Вовремя. Только они там, а мы - здесь.

- Крестникам - привет! У меня для них леденцы в кармане. Где Сверчёк, давай гороха подсыплем жукам?

- Сверчка и его подсыпателей оглушило эхом оркестра. Они бегут, куда потише.

- Блин!

- Медведь, выходи на делянку, - он назвал номер, - там тебя ждать будут.

- Не с руки мне в тот огород. Верёвку перешагнуть пока не могу. Отбой!

Я отдал трубку:

- Сворачивайся, Света.

Подожли взводные и Кот.

- Что? - спросили они чуть не хором.

- Огня дать не могут, пушкам нашим прилетело "эхо" на сдачу. Немец - мастер контрбатарейной борьбы. На колёсах они, позицию меняют. А про танки они знают.

- Нам-то что делать?

- Вперёд нам смысла идти нет - там сейчас будет очень людно. На юг идём, обратно. Надо шоссе переходить. Выдвигаемся в том же порядке, только хвостом вперёд. Попрыгали!

Взводные стали прыгать. Я махнул рукой:

- Сейчас это значит, просто потопали, пошли, то есть. Брасень, дай мне данные по наличию противотанковых средств.

Оказалось, что у нас 2 противотанковой гранаты, две бутылки и

стеклянная фляга с зажигательной смесью, десяток связок гранат. Я порадовался за запасливость своих бойцов - ПТГ тяжёлая, чаще всего их просто "теряют", но моим бойцам понравилась она как "универсальный ключ от всех дверей", за мощность и взрыватель мгновенного действия. А бутылки - "выкуриватель ДОТов". Так что, если нарвёмся, пободаемся даже с танками. Голыми руками нас не возьмёшь!

Шли медленно, осторожно. Метель скрывала нас, но и мы могли нарваться неожиданно в метели на неприятности, всё-таки близкий тыл врага. И хотя сплошной, да и просто плотной обороны у них не было, а встретить меняющих дислокацию или заблудившихся тыловиков в нашем положении - верный кирдык. Механизированная колонна уже прошла, но по шоссе в любой момент могла пойти ещё какая-нибудь техника, автомобили или просто пехота. И что я, дурень, раньше не догадался шоссе пересечь? Ругал себя, проклиная.

Вестовой доложил, что впереди, на шоссе, обнаружено ДТП - пара танков чиниться и машина. Пробежался и поползал. Так и есть. Грохочут кувалдами и матами (наверное, у нас без них не бывает, а они чем лучше?). Один танк, что к нам ближе, вроде бы как Pz. III. Стоял почти посреди дороги, все люки открыты, двигатель работает. Поломок не видно. Механик сидит на броне, командир, судя по фуражке, (как уши не отморозил?) танка на башне, свесив ноги в танк. За ним возились пяток человек в тёмных комбинезонах. А! Они трос цепляют!

За Pz. III стоял Pz. II, если не ошибаюсь. Гусеницы с него уже сняли, укладывали на танк. За ними обоими стоял большой и довольно уродливый трёхосный грузовик с жёстким тентом, типа наших вахтовых КАМАЗов. Это же полевая реммастерская! Любой комбриг - танкист за неё правую руку отдаст не задумываясь! Надо брать!

Послал гонца за моим "военным советом". Порешили, как будем "брать" танки и мастерскую.

- Работаем, мужики! И, живее, пока немец занят! - завершил я совещание.

Палец на спусковом крюке подрагивает, пот заливает глаза, хотя жары нет - дыхание с паром срывается с губ и уносит ветром. Снег напильником дерёт лицо. Отряд мой готов, ждёт только моего выстрела.

А как по шоссе пойдёт колонна с войсками? А если немцы успеют в танках закрыться? Страшно, аж спина мокрая и капли вдоль позвоночника бегут в штаны. Не за себя страшно, за людей своих. Сам уже давно смерти не боюсь, боюсь людей напрасно сгубить.

Надо брать себя в руки!

Я уже совсем собрал волю в кулак и начал придавливать курок, когда рядом зашипел Брасень. Я замер в недоумении и ярости на него, затылок опять заломило. Но, это хорошо, что я замер и не стал стрелять - я прослушал звук удара дерево об дерево - сигнал блок-группы о приближении противника. Замер не только я.

К ремонтируемым танкам подъехала колонна из трёх мотоциклов с пулемётами и двух тентованных грузовиков с солдатами. Второй мотоцикл от головы колонны остановился рядом с танком, стал перекрикиваться с танкистом на башне. В оптику я разглядел на шеях мотоциклистов металлические бляхи поверх прорезиненных плащей с поднятыми воротниками.

- Нас ловят. Фельджандармы, - прошептал я. Странно, думал, что их место в тылу, а тут фронт в досягаемости полковых пушек.

Меж тем танкисты и жандармы перебазарили, заулыбались друг другу, раскозырились и жандарм, привстав, махнул рукой. Колонна тронулась. Танкисты же, озадаченно совещались, собравшись в кучку. Удачнее не будет!

Я придавил курок, хлестнул мой карабин и голова мехвода Pz. III взорвалась, как перезрелая тыква от удара сапога. Пристрелочные пули - вещь! Опушка взорвалась дружным залпом, штурмовые группы побежали справа и слева, охватывая фланги. Я тоже вскочил и побежал.

Внезапность нападения - жуткая вещь! Немцев было почти столько же, сколько и нас, но в нашу сторону не прозвучало ни одного выстрела, при их подавляющем превосходстве в вооружении. Итог: у нас потерь нет, немцы перебиты, двое сдались (и что с ними теперь делать?), захвачены два танка и автомобиль.

- Брасень! Организуй изъятие комбезов немцев и сбор трофеев! Всё делаем быстро! Трупы - в негодный танк. Кто умеет водить танк? Машину? Понятно. Кот, переодевайся в немца, поведёшь пипелац, что глаза вытараскал? Исполнять! Ещё двое переодетых - в кабину. Я поведу танк. Сколько туда влезет? Кто хоть раз из пушки стрелял? Хорошо, наводчиком будешь. Отец Анатолий и рация с обслугой - в кунг.

- Куда?

- В рифму ответить или сам домыслишь? В фургон!

- В танке не безопасней? - спросил Кот, выпрямляясь. Он стаскивал с немца комбинезон.

- Нет, Кот. Ты поведёшь Гостинцы на базу, а я ещё повоюю. Света! Связь!

Когда радистка "достучалась" до штаба, сборы были почти

закончены. Я доложил начштаба:

- Взял займы самокат и двух жуков. Один жук -дохлый, один - нормальный. Сколько у тебя жуков и чем они заняты? Хочу пристроиться к насекомым в хвост.

- Есть два свободных жука. Тридцать четвёртых. Не думаю, что тебе удастся.

- Таких жуков у "серых" тоже много. Шли! Погуляем! Не выйдет, так хоть верёвку перегрызут.

- Ты знаешь, как жуки тут нужны? Как воздух!

- Решай сам. Есть вариант суке под хвост трёх жуков запустить!

- Надо подумать.

- Не могу я думать! Давай точку выхода, чтобы самокат прошёл. Я на огороде...

Начштаба назвал, я посмотрел по карте. Двигаться надо на север.

- По машинам!

А сам не смог с первого раза влезть в люк мехвода. Пуза у меня не было, но слой одежды и "доспех" сделали меня таким объёмным, что пришлось в люк вворачиваться болтом. Влез. Сел на кресле, постарался экстренно вспомнить, как Мельник меня учил осенью водить как раз подобный танк.

- Это второй такой танк, захваченный мной, - сообщил я в головной телефон, - проверка связи.

Трое бойцов ответили, что слышат, двое сидели в позе макаронных изделий "рожёк" и ответили голосом, вернее криком.

- Панцер Три - называется. Я даже на нём метров пятнадцать проехал. А в следующем бою из такого же, из пушки, танк подбил. Кусок брони того "панцера" до сих пор в бедре ношу. А, вот! Поехали!

Поехали. Почти.

- Что-то мы тяжело идём!

- Командир, мы второй танк с собой тащим!

- Твою дивизию! Вылезайте, отцепляйте, огнесьмесью подожгите! Что, я обо всём должен помнить?

Двое через верхние люки вылезли, но я продолжал ворчать:

- Отведи, приведи, всё придумай, пожрать найди, патрон найди, танк веди, огонь откорректируй! Я вам, блин, что, уникам? Надоели все!

В это время вернулись те двое, доложили:

- Отцепили и подожгли. Одну бутылку об двигатель разбили, одну - внутри.

- Надоели! Уйду я от вас! - продолжал я, но дал полный ход вперёд.

Танк взревел двигателем и пошёл. Мягко, легко. Пусть и не быстро. Но, это для меня не быстро, а взводный-раз, сидящий на месте командира танка и имеющий прекрасный обзор в круговые обзорные перископы, заорал от восторга. М-да.

- Командир, по курсу машина с антеннами.

- Ага, вижу. Это же нас ищут! Это радиопеленгация!

Я снизил скорость, понизил передачу.

- Наводчик, что заряжено?

- И пушка, и пулемёты.

- Балда! Какой снаряд? Бронебойный, граната?

- Я... Я не знаю.

- По фиг! Наводи на двигатель, по попадании - разберёмся. Заряжающий, замечай маркировку снаряда, она может не совпадать с нашей. Я дам короткую остановку - стреляем со всех точек. Ясно?

- Так точно!

Я тормознул, закричал:

- Огонь!

Жахнула пушка, застрекотали пулемёты. А снаряд оказался бронебойным, болванкой - прошил машину навывлет. Я отпустил сцепление, двинул танк на грузовик, ударил корпусом, переворачивая машину.

- Запеленговывайте! Младлей, хлебалом не щёлкай! Сколько нам до развилки?

Взводный полез в планшет.

Провал резидента

(1942г.)

Танк двигался со скоростью пешехода. Вернее трёх пешеходов. Метель ослабла, так, небольшие буруны смахивало с сугробов и несло через дорогу. Или того, что должно быть дорогой. На карте её нет, но отец Анатолий говорит, что танк пройдёт. Машину мы теперь тащили на тропе - она не могла пробиться через заносы. Танк тоже мог встать в любой момент. Не в снегу завязнув (это же не Т-34), так провалившись во что-нибудь, снегом занесённое. Для этого и шли впереди отец Анатолий, наш Сусанин, и два бойца.

Шли внимательно и осторожно, потому медленно. Мы - с их скоростью.

Грохот пуль по броне я слышал раньше, чем выстрелы.

- К бою! - закричал я, захлопывая люк и дав газу.

Это была одна из засад немцев, очаг их обороны, выставленная на дороге. Танком проутюжил их окопы, раздавил противотанковую пушку, не

дав её развернуть. И... провалился в блиндаж. Да так, что нос танка задрался в небо, а грузовик, так и последовавший за мной в атаку на привязи, врезался бампером в корму. Бойцы, посыпав из кузова, добились немцев.

Итог их засады на нас (или нашего налёта на них - мы вышли им в спину) - двенадцать тел в серых шинелях и серых женских платках, уничтоженное 37-мм орудие, захваченный пулемёт. Потери с нашей стороны - обездвиженный транспорт, и танк, и авто, двое убиты, трое, в том числе отец Анатолий - ранены. Прохор тут же ими занялся.

- Занимаем круговую оборону! Померенцева! Связь!

Доложил Берлоге о своём местоположении и происшествии. Конечно, изоповым языком. Обещали прислать помощь.

Пока ждали, помародёрствовали, но немцы и сами были как церковные крысы - без еды. Пожевали сухарей и снега. Замёрзли ещё больше.

Раздавленная землянка начала дымить. Видимо, в ней мы раздавили не только немцев и их припасы, но и печку. Обидно будет если танк сгорит. С ним мы ничего сделать не смогли, а вот грузовик завёлся и всей толпой его толкнули назад метра на два. Но дальше ехать не рискнули - по этой дороге он не пройдёт.

Через два с половиной часа (кстати, только сейчас обратил внимание, что это уже 4 или 5 бой, а часы ещё ходят, что порадовало) прибежал дозорный с востока, только что смененный:

- Гул двигателей с востока, наши!

- Не факт. Рота! К бою!

На нас вылетел широкогрудый танк с трапециевидной башней, ходко подминавший снег широченными гусеницами. Т-34. Вот ты какой!

Я развернул полотно изрядно простреленного полотна флага с коричневым пятном крови. Пятно не будет отстирано никогда! Это честь для нашего знамени, а для нас честь - такое знамя!

Танк встал, как вкопанный, но из-за него вылетел второй. Оба повернули на нас башенные орудия. Я их довольно невежливо и не литературно спросил об этом их занятии и их психическом самочувствии.

Из-за танков выбежали с десятков автоматчиков в белых полушубках, люки танков, наконец открылись, показалась знакомая рожа - Кельш, собственной персоной. Я, в том же стиле, спросил его, что старший майор ГБ тут, в тылу врага, делает, показав на раздавленное орудие, спросил о его психическом самочувствии и умственном развитии. Я также выразил сожаление, что столь высокоценный потенциальный "язык" не прибыл

сюда на три часа раньше и выразил соболезнование нашей армии, которая осталась бы без Кельша.

- Кузьмин, прекрати паясничать. Поехали, - махнул рукой Кельш.

"Шеф, шеф, всё пропало!". Вот и за мной явился "чёрный воронок". Теперь понятна причина явки лично Кельша, боевое построение танков, нервное поведение чекистов. Брать меня приехали. Ясно, что если окажу сопротивление - брать будут жёстко.

Я был в ярости, от того, что маленько струхнул. Ясно, что "явки и пароли провалены", я раскрыт. Но, где я "накосячил"? В чём ошибся? Паника овладевала мной, что злило меня. Мысли метались по голове бешеной белкой, не находя выхода из ситуации. Это он здесь, под пулемётами моих людей, так мягко стеллит. А там - запеленают, захомутают. А что делать? Если я махну рукой, мои пацаны их всех заставят снег перекрашивать в бордовый. А потом? Это измена. Что потом нам делать? К немцам идти? Самостоятельно воевать? На запад идти и партизанить? Зимой-то? Самое оно. Самому линять? Куда?

Гонор мой спал. Нет у меня иного пути. Только отдаться в руки чекистов. Смериться с судьбой. И будь, что будет.

- Я арестован? - спросил я, тут же услышав щелчки предохранителей и затворов за спиной, торопливо крикнул: - Отставить!

- Зачем? Ты удивился, зачем я приехал? Нам приказано доставить тебя немедленно. Если это был бы не я, а простой особист, то что, братоубийство? Им бы ты поверил?

- Мне и вам пока нечему верить.

- Это не арест, Витя. Даже не задержание. Это приказ. Твои гусарские забеги, это, конечно, хорошо, но ты срочно нужен для другого.

- Для чего другого? Я - командир штурмовой роты на выполнении задания. Не может быть другого!

- Это секретная информация! А ваше задание закончено! Вот приказ командира полка подполковника Степанова!

Кельш спрыгнул с танка, вслед за ним - танкист, зыркнувший на меня, но побежавший к немецкому танку. Кельш достал из планшета бумажку, я прочёл. Так и есть. Приказ вернуться в расположение штаба полка.

- Я планировал рейд своей роты на трёх танках по коммуникациям врага!

- Рейд будет, но без тебя.

- Без меня у них не получится!

- Не считай себя самым незаменимым.

- А что, разве это не так? Последние два дня. Сколько было у моей роты безнадежных атак, обернувшихся невероятным успехом? Какое другое подразделение дивизии может похвастаться подобным? Нет таких? Без меня - не получится! Я придумал - я и проведу! А после и поеду с вами, куда скажете.

- А голову твою бесшабашную продырявят, что со мной сделают, знаешь? Вот потому я и приехал, как ты сказал, в "туев тыл к долбаным фрицам". Поехали, Медведь, есть более важные дела.

- Кто роту возглавит?

- Младший политрук, как там его?

- Нет. Он политрук, а не командир. Не готов пока. Терентьев! - крикнул я.

Подбежал командир первого взвода.

- Принимай роту. Кто командует операцией?

- Капитан Головня, командир танковой роты.

- Терентьев, поступаешь в распоряжение капитана Головни. Как я понял, это тот, что в Панцере Третьем лазит? Тебе всё понятно, ротный?

- Никак нет! - упрямо вытянулся взводный.

- Исполнять! - рявкнул я, тише добавил: - Потом поймёшь.

- Кот! Прохор! С вещами и отцом Анатолием - ко мне! Всех раненных - сюда!

Кот и Прохор принесли на самодельных носилках тяжело раненного священника. Жив он был только благодаря Прохору. Две пулемётные пули с такого расстояния здоровья не прибавляют.

- На чём мы обратно? - спросил я Кельша.

- Там, сзади, машина с взводом бойцов НКВД. Они придаются твоей роте на время рейда. На их машине и поедem.

Трофейный танк тридцатьчетвёркой вытащили из ямы, посадили в него экипаж из состава безлошадных танкистов танковой роты, мои бойцы расселись на броню, и колонна из трёх танков и двух ЗиС-5 ушла по нашим следам назад, к немцам. Мои бойцы не спускали с меня глаз.

Мы, не на машине НКВД, а на трофейной реммастерской (которая, кстати, совсем не заинтересовала танкистов) по колее двинулись обратно. Через несколько часов бледный отец Анатолий показывал нам схрон, откуда мы извлекли паспорт гражданина РФ Смирнова Николая Сергеевича (Родина должна знать своих героев!), кварцевые часы, сотовый телефон Samsung, GPS-навигатор и ключи от авто "Рено" с брелком-сигнализацией. Во всех гаджетах аккумуляторы были разряжены. Ещё имелась в целлофановом пакете тонкая школьная тетрадь на 18 листов, исписанная

мелким почерком и эскизами АК-47, танков и самолётов.

Всё это Кельш аккуратно упаковал, мы пожелали выздоровления отцу Анатолию, я простился с ним, Степановым, командирами штаба, Снегурочкой-Степановой, Прохором.

С тяжёлым сердцем я покидал фронт. Что ждало меня там, в застенках Лубянки? И хотя меня не связывали, конвой не приставили (кроме Кота), я остался в "доспехе", с карабином, двумя пистолетами и тремя гранатами, считал себя лишённым свободы. Я попал в гигантские шестерни госмашины, стал из относительного хозяина своей жизни в винтик этого аппарата. Какая тут свобода?

Так, где я "накосячил"? В чём ошибся? Как они меня вычислили?

Покер по-чекистски.

(1942г.)

Ехали мы долго и нудно. Машиной, потом поездом. Кельш из обычного говорливого мужичка превратился в мрачную статую Будды, слова не вытянешь. Кот, как бывалый вояка, почти всю дорогу спал. Измученный неопределённостью своего будущего, устав переживать и мусолить одни и те же мысли по тридцатому кругу, я последовал его примеру. Но, ехали мы очень долго. Уже и отоспались, оружие доведено до кристальной чистоты, форма и амуниция починены, а мы всё никак не прибудем. Куда мы едем так долго? По времени, Урал должны проехать!

Нет, ехали мы всего лишь в Нижний, здесь называемый Горьким. Просто, мы больше стояли или тащились с черепашьей скоростью, чем ехали.

И вот мы приехали. Но не в город, не на вокзал. На полустанке мы сошли и пересели в служебный ГАЗ - 63. Это такой Уазик этого времени. Здесь считается революционной машиной, копией не менее революционного Вилиса, первого джипа. "Попрыгали" (вот почему его "козликом" называли) до какого-то посёлка, целиком окружённого забором из колючей проволоки и состоящего из типовых длинных зданий барачного типа. Зона.

Когда машина остановилась около одного из барачных, меня высадили в "объятия" сержанта ГБ, приказали отдыхать. Сержант провёл меня в одну из маленьких комнат этого барака, оставил, пообещав, что скоро ужин.

В комнатке стояла печка-буржуйка, рядом с ней бутылка с жидкостью, заткнутая газетной пробкой, поленница дров, двухъярусная кровать, сколоченная из довольно толстых не струганных брусков и досок. Оба яруса были застелены бельём и коричневыми шерстяными одеялами. У окна (без решёток, кстати) стояли не менее грубые, но основательные, стол

и два табурета. Было светло и, в принципе, тепло. Я разделся, затопил буржуйку. Жидкость в бутылке оказалась солярой для розжига.

Сержант принёс мыло, полотенце и комплект свежего белья, сказал, что удобства в конце коридора, но там холодно. Плевать. Блин, правда, холодно! Да ещё и вода только холодная. Такой вот бодрящий душ. Это во мне человек 21-го века заговорил. Тут иначе не бывает. Холодная есть - уже хорошо. А могло быть и вовсе - из ведра мойся. Ага, в колодец сходи, принеси и т.д. Пока оттер свою шкуру до удовлетворившей меня чистоты, зуб на зуб не попадал. А печка ещё не разогрелась, как следует. Поэтому, горячий ужин с горячим чаем пришлось очень кстати.

Когда согрелся, навалилась дремота. Лёг в постель. Сколько же я не спал вот так, в чистом, да на чистом!

Разбудил меня тот же сержант, хлопающий дверью и ставивший что-то на стол. Сел на постели, уставился на Кельша, снимающего свой китель около накрытого стола. Увидев мой взгляд, он усмехнулся, проводил взглядом сержанта из комнаты, бросил китель на верхний ярус койки.

- Надраться хочется, Витя, но с младшим по званию, сам понимаешь. Давай, без чинов!

Я пожал плечами:

- От этого я генералом не стану.

- Да, ладно. Те, кто с тобой мимоходом сталкивались, вообще уверены, что ты - полковник.

- Ха! Крутовато! Ого! Коньячок я уважаю!

- Знаю. Я тоже. Хотя... И фронтовые не разведённые за милую душу идут.

- А я в боях не пью. Боюсь. Выпьешь - приятно. Но, башка уже не так шарит, упустишь что - людей потеряю.

- Поэтому они за тебя и горой. Себя не бережешь, сам норовишь каждую дырку собой заткнуть. А их бережешь. Они это видят.

- Не вижу в этом особой заслуги. Каждый так должен.

- Должен, но не каждый так делает. Разливай, чего, уснул?

- А что за повод?

- Обмоем мой провал, Витя.

Я не понял, но разлил, выпили. Спрашивать не стал - и так ясно, что сам расскажет. Надо ему душу излить. Лучше меня "жилетки" не нашёл? В принципе, логично. Я ни в одной "обойме" не состою, сам по себе, человек соображающий, но маленький, ничем не угрожающий и в падении Кельша не заинтересованный. Но, не за этим же ты меня с фронта вытащил? Надраться?

- Знаешь, Виктор, - выпив вторую, начал Кельш, - когда ты пришёл и принёс сведения о будущем, у нас закружилась голова от открывшихся перспектив. Была создана рабочая группа по работе с иновременными явлениями. Мы занимались розыском и изучением уже найденного. Поначалу, эта работа обещала грандиозные достижения. И вот прошло полгода. И знаешь что?

- Что?

Кельш выпустил воздух губами.

- Не может быть! - удивился я, - должны быть результаты! Я вам принёс записи, предметы, рации, маленькие, мощные... Я нашёл ещё одного Гостя из Будущего, правда, опять не говорящего. Как же так?

- Более того - мы разыскали двух живых. Одного в дурдоме. Из 22-го века, но полный дегенерат. Задницу подтереть не может самостоятельно. Говорит на таком суржике, что понять невозможно. И ничего, ничегошеньки не знает. Полезность - ноль! Ещё один - из 7 тысяч какого-то года. А, да, "от сотворения Мира в Звёздном Храме". Лысый, с чубом из макушки, с мечом и кнутом. Пока брали - троих осназовцев порубил, четверых покалечил.

- Чуб этот оселенец называется. Волосы из родничка не стригутся с рождения до смерти. Не вздумайте его подстригать. Если воину обрезать оселенец - сам себя убьёт. Это - потеря чести.

- Это у самураев.

- Это у предков наших. Воинов Святослава. Этот вой из нашего прошлого. Предок наш. И летоисчисление их таким было. И совпадает. Плюс-минус. Но, ловок. Семерых смог обезвредить.

- Бойцы, бравшие его, говорят, что его меча почти не видели - так он быстро им махал. И к боли нечувствителен. Был. Теперь обычный.

- Так вам вообще достался дружинник. Высшая воинская каста. Это был боевой транс.

- Что?

- Состояние изменённого сознания. Когда скорость реакции и все внутренние процессы настолько сконцентрированы и ускоренны, что даже с пробитым сердцем такие могут до нескольких минут биться с огромной силой и ловкостью.

- Слушай, откуда ты это знаешь?

- Николай Николаевич, как вы этого не знаете? Это же наша история, прошлое этой земли и нашего народа? Скандинавы таких берсерками называли.

- Ладно. Ну и что? Что толку? Фехтованию у него учиться?

- Навыкам боевого искусства. Оружие, которое всегда с тобой - ты сам. Если умеешь владеть своим телом, а такие гридни умели, как никто - автомат только увеличит твою мощь. Вот этому он бы ваш осназ и научил.

- Этому можно научиться? - удивился Кельш.

- Наверное. Я-то научился.

- Ты? Ты тоже так можешь? - Кельш вообще охерел.

- А как я, по-вашему, на пулемёты в атаку хожу? Один здания зачищаю? Тут одно "но" - если вовремя из этого не выйти, то энергетический коллапс, разрыв сердца, сосудов мозга.

- Ах ты, шельмец! И давно это с тобой?

- С детства. В бане перепарился, время замедлилось. Так оно каждый раз кажется. И в момент сильного стресса. Испуг, например, или злость. Я называю это Яростью. Когда я разозлюсь, это легко происходит. Как рукопашкой стал заниматься, так это и стало развиваться.

- Когда это ты рукопашным боем занимался? - насторожился Кельш.

- А-а! - я погрозил ему пальцем, разлил ещё. Решил сменить тему: - А предметы "оттуда"? Армии очень нужны подобные Моторолам рации. Лёгкие и компактные.

- Компактные? А-а, англогизм.

- Маленькие. Вы на мои слова и вообще на личность мою сильно не отвлекайтесь, пока.

- Я понял уже. С рациями ещё более-менее, а с остальным - сложно. И с рациями. Произвести их невозможно. Наша промышленность на это пока не способна. Нужны огромные средства, чтобы появились нужные мощности. А их, сам понимаешь, нет. Учёные почесали затылки и дружно pokrutilи головами.

- Так я и думал. Как говорил один пакостник - объективные предпосылки. Но, чем больше я об этом думаю, тем чаще мне в голову приходят слова ещё одного моего знакомого - тупики только в головах. А вот как пробивать тупики в головах я знаю только один способ.

- Выпускать проветриваться мозги? Наслышан. Незаконно, но быстро. Не лечит причин, только на время снимает последствия большой ценой.

- Я знаю, - кивнул я, разливая ещё по одной, - но мне и нужен был временный эффект. Цель определяет средства.

Мы выпили, Кельш, шумно занюхав, продолжил:

- Так что, положительных результатов мы добились весьма ограниченных, а вот цена этого...

Он тяжело, горестно вздохнул, сам разлил остатки из бутылки,

поставил её под стол (а я думал, что эта традиция из моего времени), сказал:

- На волне эйфории мы привлекли ТАКИЕ ресурсы! А, как оказалось, просто отвлекли. Огромнейший аппарат сработал почти вхолостую. Благодаря тебе, я вознёсся из рядовых, в общем-то, сотрудников, в главу группы особого назначения. А теперь...

Он махнул рукой.

- А я-то вам зачем?

Он каким-то фокусным приёмом извлёк на свет ещё одну бутылку, сам распечатал, сам разлил, сказал, когда коньяк оказался в желудках:

- Когда первоначальный ажиотаж и бардак утрясся, пошла целенаправленная работа. Чуть не сказал "плодотворная". Так вот, был составлен перечень признаков Гостинца для рассылки аппарату на местах. И знаешь что?

- Что?

- Кто оказался в лидерах отчётов?

- Я?

- Точно. Ты попадал по всем статьям. Почему?

- Почему?

- Нет, это я у тебя спрашиваю!

- А вы вопросник не с меня писали?

Кельш заржал довольный, разлил опять, продолжил:

- Вообще, Гостинцев больше. Но, они прячутся, усиленно маскируются. Многие пытаются покинуть страну. Живыми не сдаются. И не один сам не пришёл.

- А что его ждёт? Участь экспериментальной крысы? Начинки банковского сейфа? Кольца Всевластия, владеть которым тяжело, но врагу, а тем более, другу, отдать ещё боязней? И вы удивляетесь, что дураков нет?

- Почему сразу так?

- А как? Если вы словите Гостинца, какая судьба его ждёт? Нет, Николай Николаевич, себе, только честно, самому себе ответьте, что его ждёт? Кем он станет? Останется ли он свободным человеком, да и человеком вообще? У себя спросите: владей старший майор госбезопасности Кельш информацией о пути развития оружейных технологий на ближайшие 20 лет, а в комплекте: биографиями своих непосредственных начальников, их начальников, а также их будущих гонителей и хулителей, включая детали, которые станут известны только после смерти этих деятелей, а сейчас, естественно, жутко секретных, какая судьба ждёт старшего майора госбезопасности? А когда всем значимым

фигурам на доске станет ясно, что "смерть Кащея" уже не в игле, яйце, утке, зайце, щуке, сундуке за семью замками в тёмном-тёмном лесу, а в голове одного конкретного человека?

Кельш, невидящим взглядом смотрящий в стену, передёрнул плечами.

- М-да!

- А они за подобной судьбой в очередь выстроятся? Кто поумнее - прячется от вашего всевидящего ока.

- Но, как они не понимают, как важны их знания для страны?

- Так ли важны? У вас в руках множество знаний и предметов их, иного, времени. И все они - образцы иных технологий. И что? Кому это надо? Ученые, говоришь, головами покрутили? Суки! Правильно их гэбня в шарашках гноила, интели поганые. Блин, нам враг не нужен, нас наша же "элита" постоянно и гробит, мрази! Была аристократия - вырезали, стали партфункционеры, огромный госаппарат, командование армии элитой, но тоже, блин, гниль и гной. Мразь вырезали, мразь новая пришла!

- Но-но!

- Ули, но-но! Ты не делай вид, что я не прав! Ты и сам так считаешь! Для проформы мне "но-но!", должность обязывает? А когда говном этим захлебнёмся? Опять Сталин будет виноват?

- А Сталин-то причём?

- А ты у Гостинцев спроси! Мой был уверен, что Сталин - во всём виноват. Один! Это он в тридцать седьмом лично питьсотмультёнов-невинно-убиенных лично расстрелял. И немец в Москве оказался, потому что Сталин лично таких "гениальных" полководцев расстрелял, как Тухачевский, Якир, и других засранцев, фамилий не помню. Это тот Тухачевский, что тамбовских мужиков газами травил? Тот, что запретил танки радиофицировать? Тот, что разработал теорию пехотного тарана? Тот, что требовал сотню тысяч самоходных самоваров без радио, без топливо-маслозаправщиков? Без мобильных мехмастерских? Без транспортно-заряжающих машин? Без бронированных командных машин? Без бронетранспортёров для мотопехоты? Этот гений кабинетный? И чего стоили эти сотни тысяч танков с противопульной бронёй без материально-технического обеспечения, без поддержки артиллерии и авиации, без пехоты? Первая же неделя войны показала - ничего они не смогли. Боевая стоимость - ноль, а для страны они дорого стоили. Очень дорого. Сколько автомобилей, грузовиков можно было сделать из этого же металла за эти же человеко-часы?

Я сплюнул, вскочил, расхаживая вдоль нар, декламировал:

- Это эти учённые качали головами? Или те, что строили

сверхтяжёлые самолёты со скоростью полёта раненого петуха? Без радио, без герметизации, без защитного вооружения, без... Без всего? Им, да и вам, товарищи чекисты, дали образцы радиосвязи, уже выпускающиеся нашими заклетыми друзьями за океаном. Связь и взаимодействие родов войск - основа боевых действий сейчас. И что? У янкесов есть технические возможности, а у наших - умственное бесплодие? Опять пехотными колоннами воевать будем? А бабы новых нарожают? Не нарожают. Баба теперь хитрой станет. За подобное отношение к её детям вам широкую и глубокую узду покажет, но рожать - на убой - не станет. И этим учёным всё равно, красные, коричневые? Главное - пайка посытнее, да звание погромче? Ах да, и признание заклятых западных друзей! Как же я забыл? Признание народа? На фига? Народ - быдло! Вот на Западе - народ! А тут - скот!

Кельш с интересом меня разглядывал. Когда я выдохся, спросил тихо:

- А что делать надо?

- И это вы у меня спрашиваете, товарищ генерал? У меня? Старшины, лейтенанта, ротного командира? Серьёзно рассчитываете, что я вам помогу?

Он по-прежнему смотрел с интересом и немного насмешливо. Я сдулся:

- Я не знаю, Николай Николаевич. Не знаю. Много думал над этим, но ответа не нашёл. Эти уроды - сорняки рода человеческого...

- И решил действовать привычно.

- А давай я тебе сказку расскажу: живут соседями два мужика. Один - агроном, другой - просто крестьянин, мужик. Мужик огород с картохой руками полет из года в год, а агроном посмеивается. Привёз пакетик с названием из шестнадцати букв, мужик и прочесть не смог. Агроном развёл в воде и огород опрыскал. Сор весь и повял. И расти перестал. Мужик сорняки дёргает, а агроном посмеивается. На следующий год - опять тоже самое. На третий год сор от химии не завял, а ещё пуще разросся, а вот картоха уже третий год на вкус - как трава. А мужик почесал затылок, жевнул варённой картохи, да обратно траву стал дёргать.

- Сказочник.

- Сказка - ложь, да в ней - намёк. Полоть огород надо. Ручками, индивидуально, товарищ старший майор госбезопасности. Если этого не делать - культурные растения будут задавлены сорняками, более живучими, благодаря своей бесполезности.

- И ты решил - полоть.

- Если структура, созданная для этой цели, не делает этого?

- А что делает?

- Хрен его знает. Но, бойцы на фронте и в тылу - голодают. На огневых - нет снарядов, а склады, битком забитые снарядами - врагу оставляем, чуть ли не под роспись. Я что на это смотреть буду? Крыса тыловая харю отъедать будет и амуницией фарцевать, а мои бойцы на дрожащих от голода ногах в атаку с одной обоймой ходить? Заводы месяцами гнали бракованные бронебойные снаряды - это тоже нормально? С этим кто должен был разбираться? Партия? Военные? Так, руководство цехов и заводов, конструктора и технологи - они беспартийные или белые? Может враги? Агенты сионизма? Нет - просто раздолбаи. А военная приёмка смотрела на снаряды или на ящик с магарычом? Где ваш аппарат? Или это не имеет отношения к госбезопасности, ко внутренним делам? А сотни пацанов, сопли и слёзы от страха размазывая по прыщавым мордам под танки с гранатами ложились, крича: "Мама! Я жить хочу!". Они жить хотели, а пропустить немца не могли! А батарея позади них бессильно лупила липовыми снарядами по крупновской броне. Пацаны эти - герои! Они - чудо-богатыри. Они все в землю лягут, но добудут победу для "гениев кабинетных" и крыс тыловых. А дальше? Чьи дети будут расти после войны? Чью кровь они несут в себе, героев или крыс? Кто воспитывать их будет? Чьи песни они будут слышать? О героях былых времён, о безнадежных, но победных атаках, о таранах и подрыве себя и врагов последней гранатой, или писк крысиный? Кто станет им образцом для подражания? Какой мир мы так создадим?

Кельш молчал. Молча налил, молча выпили. Стоя. За ребят. Больше говорить я не хотел. Кельш тоже. С какой-то мрачной решимостью он накачивался коньяком. Я притормозил - был уже изрядно пьян. Мир покачивался и мерцал, но мысли я контролировал, хоть и с трудом и медленно, но думал.

И всё же, зачем я ему? Не просто же надраться в моей компании ты меня сюда привёз? Блин, я что это вслух сказал?

Кельш, качаясь на стуле с довольно сильной амплитудой, погрозил пальцем койке, мне, двери, опять мне.

- Кто ты, Кузьмин? Вот не пойму я тебя, - сильно заплетающимся языком, спросил Кельш, - ты, вроде, свой. Воюешь даже не геройски, а вообще непостижимо удачливо, врага бьёшь так, что Медведя знают немцы больше, чем командиров наших армий. А с другой стороны посмотреть на тебя - насквозь ты чужой. Совсем чужой. И так рассуждать о людях, стране, госбезопасности и партии может только чужой. Не чужой, нет, не правильно сказал. Человек со стороны, отрешённый, так вернее. Свои так

не говорят. Кто ты, Кузьмин?

Вот и довёл меня язык до эшафота! Лучше бы мне его осколком отрезало!

Кельш вскочил, перегнулся через стол, опрокидывая снедь, схватил меня за грудки, рванул так, что свежее, но сильно застиранное бельё затрещало. Глаза его в ярости налились кровью, выпучились. Заорал мне в лицо так, что стёкла задрожали:

- Кто ты? КТО ТЫ?

Я даже не успел осмыслить свои следующие действия. Рефлекс сработал. Ненавижу, когда на меня орут, тем более, хватают за грудки, брызжут слюной. Одним движением освободился от захвата и толкнул Кельша. Неожиданно, он отлетел к стене и существенно приложился к ней затылком. Да так, что сполз по стене без признаков разумности.

Бить вышестоящего по званию - трибунал. Бить старшего майора ГБ, равного по званию армейскому генерал-майору - возможен расстрел на месте, до трибунала. Да и просто глупо вышло - Кельш нормальный мужик, хоть и чекист. Поэтому я поднял его на руки и положил на свою койку. Он как раз открыл глаза, осуждающе уставился на меня.

- Кто ты?

Я глубоко вздохнул. Вот, упертый.

- Я - Данилов Виктор Иванович, 1978 года рождения.

По широко открывшимся глазам Кельша, я понял, что я - ложанулся. Такого ответа он не ждал. Он резко сел, потёр лицо руками, пощупал затылок, скривившись, опять глянул на меня, как на полтергейста - удивлённо-неверяще, убежал.

Внутренний мир лабораторной крысы.
(1942г.)

Размышлизмы патриота
(либерастам - не читать)

Я сразу же пожалел, что раскрылся. По-уму, надо было ещё "Ваньку повалить", но... Так надоело! Нет, я не испугался нисколько и ничего. Нет, он не купил меня этим пьяным спектаклем. Просто - обрыдло! Устал я от роли чужого среди своих. А они мне своими были. Или стали своими. Надоело шифроваться каждую секунду, даже во сне, постоянно, даже выпив, фильтровать базар. Изобретать легенды одну невероятней другой. Родине моей тяжело, я могу помочь. И помогу, постараюсь помочь, чего бы мне это не стоило.

Думаете, я "квасной патриот"? А я вот не знаю. Я люблю Россию. Просто люблю. Не потому что это моя родина, мой дом, земля моих

предков. Вернее, не только поэтому. И даже не потому, что это - лучшая страна на свете (тем более, что это не правда - не лучшая). Русь не является ни самой богатой, ни самой красивой, ни самой комфортной. И я точно знаю, что не будет. Ни одно из "самых-самых" ей не светит, потому что не идёт ей. Россия и звание "самая-самая" также совместимы, как корова и седло. В принципе, можно. Но - не естественно.

Конечно, взглядов своих я редко скрывал, особенно свой патриотизм. Надо мной смеялись дураки, задавали вопросы умнеющие, пожимали плечами умные. Патриотизм так же естественен для разумного человека, как честь, достоинство, благоразумие. Более того, друг без друга эти моральные качества не бывают. Но, вопросы задавались, а заданный вопрос требует ответа, хотя бы самому себе. Поэтому я много думал над вопросом - почему я люблю Россию? Ответ, на первый взгляд, очевиден, но не найден до сих пор.

Это как с любимой женщиной. Ты любишь её, хотя она наматывает твои нервы на свой кулачок. Ты прекрасно видишь и знаешь (ибо не дай Бог задеть!) все её изъязны и слабости, но любишь. Терпишь профилактические истерики и любишь! Не имеет значения, что себя она не считает красивой, умной, послушной. Явно, не идеальная женщина. Но, тебе-то похрен! Есть только ОНА и бледные существа женского рода, скучные и неинтересные. С ней жить - тяжело, терпеть её сложный характер (свойственный всем высокоорганизованным личностям, но перемноженный на женскую психику в степень возведённых типично женских "тараканов" в мозгах) - трудно, но без неё жизнь скучна и пресна. Без неё - не жизнь. И биться за неё ты готов до последней капли крови. Своей или противника. Моя любимая где-то далеко, за десятками лет, возможно, потеряна навсегда, но она - в сердце моём. Не получится у меня здесь... Что ж, во снах-кошмарах я очень живо всё видел, чем всё закончилось.

Так же и Россия. Жить в ней - судьба тяжёлая. Жить для неё - подвиг. Жить без неё... Это жить без души. Это не жизнь. Пустоту внутри наши эмигранты заполняют деньгами, сексом, яркими, но мимолётными впечатлениями, работой. Но, рано или поздно, бездна расширяется и проглатывает человека. С точки зрения западного человека все выходцы из России или психи неуравновешенные, совершенно не чтящие законов, не ценящие жизнь, ни свою, не других, или мрачные депрессивные философы (вторая станция того же явления). И всю голову сломали - с чего вдруг? Они не понимают, почему нельзя жить и просто наслаждаться жизнью. Не понимают, что этого мало. Что жизнь ради тела превращает русского в

скота, что русскому жить надо ради чего-то большего, а вот чего - ни один русский не может объяснить. Нет, они много и пространно рассуждают о "пустых" (по мнению западного обывателя) вещах: душе, чести, достоинстве, доблести, любви. В общем о пустых, абстрактных понятиях, совершенно бесполезных, и даже вредных для бизнеса.

Понимать нас начинают только иностранцы, прожившие в России, среди русских несколько лет. Если выдержат. Наша страна их сначала доводит до самых глубин самых отрицательных эмоций, а лишь затем, если не сбежали, открывает для них новый мир. И потом они так же искренне не понимают, как можно жить без этого?! Они становятся русскими. Я общался с такими. По душам общался. Они сравнивали это, как переход с обычного телевидения на цифровое, с пересадкой с вазовской "шестёрки" на "беховскую" (такие убогие у них сравнения получились, с них спрос). Пока двигаешься к лучшему, да, прикольно, душа твоя недолго порадовалась, привыкла. А вот обратно - как против шерсти! Никак неприемлемо. С БМВ в ВАЗовскую классику? Вот и эти "русские немцы", уехав в Дойчланд с ужасом побитыми собаками переезжали в Россию. Плакали, проклиная её. Жить русскому в России тяжело, вне её - невозможно.

Но, самая большая беда не в этом. А в том, что жители остального мира знают об этом подспудно и ненавидят русских, как ненавидят калеки с рождения всех нормальных. Они и есть душевные калеки. Но, пока рядом нет русских - им кажется, что они нормальные. Но, даже не это страшно, а то, что любой из этих "калек" может стать нормальным. Только, это тяжело. Обрести тяжело, жить с этим ещё сложнее.

И мир сделал вывод, пойдя не по пути усложнения сущностей, это тяжело, а по пути наименьшего сопротивления - сделаем калеками всех, тогда никто не будет калек. Так началась война на истребление Руси и русичей. Война Света (Русь - в переводе с русского на русский "свет", "освещённое место") и Тьмы. Война Порядка и Хаоса. Сложности и Простоты. Развития и Энтропии, Жизни и её противоположности.

И тысячи лет война

Война без особых причин

В процессе этой войны Русью потеряны многие территории, сотни самобытных народов, целые культурные пласты. Всё старательно вымарывается, выпрямляется, подгоняется под единый стандарт. Потомки Рода Ворона из земли своего имени (Воронция) в 1812 году пришли на Русь. Жизнь в тот раз была сильнее. Потомки славных воителей с Бранного Поля (Брандербург), предки которых основали рыбацкий городок, назвав

его, в честь инструмента ловля рыбы, бредня, (современное название - Берлин - Линия (улица) Ловящих Бреднем). Они упростились, жить стало легче, опять пришли. Плохо им сейчас. Россия рвёт им их сознание, русские - их тела.

Италия, заселённая этрусками (эти - русаки), Франция Воронцов, Германия, Австрия, ещё сто лет назад на скрывавшая своего славянского происхождения, а сейчас онемеченная, Польша, заселённая полянами, они же половцы, Украина, она же Окраина, теперь не хочет напрягаться и жить. Они все захотели существовать. Не жить, просто существовать. Бездумно, в сласть желудка и половых органов.

Русы каждый раз пожимали плечами - ваше дело, живи так, как хочешь! Но, они до сих пор не понимают, что существовать, как они хотят, пока есть "эти" русские, они не смогут. Они чувствуют себя неполноценными. И отвечают с позиций Хаоса - силой. Они не могут иначе. Не может более простая структура подчинить более сложную. Только разрушить.

И пусть все эти размышления выглядят пафосными, но я действительно так считаю и это моя сущность. И никто об этом не знает, кроме тех, кто не поленился и прочёл эти строчки. И если говорю об этом, то только в виде баек и сказок, которые пафосно не воспринимаются.

Внутренний мир лабораторной крысы.

(1942г.)

Когда карты открыты.

Так вот, возвращаясь к повествованию, должен сообщить, что я действительный патриот. А мой "прокол" стал результатом, хотя и непреднамеренно-спонтанным, но вызревшим после долгих раздумий. Я сделал вывод, может быть и ошибочный, что сами по себе знания без носителя (оператора) знаний - человека - мало полезны. (Такие же выводы были сделаны и НКВД, поэтому я был изъят с фронта). Да, все эти технологии интересуют когда-то кого-то, но мне надо сейчас. Мне надо, чтобы это помогло нам в нашей борьбе. А так как НКВД не смогло привлечь живых "попаданцев", придётся делать всё опять самому.

- Если не я - то кто? - вздохнул я, смотря в закрывшуюся за Кельшем дверь, - лозунг ежанутых! Какой же я ежанутый! Чё опять я-то? Почему вечно все успели поспрятаться, а я опять "доброволец"? Судьба-злодейка!

И я запел "Чёрный ворон". По настроению.

Утром явился потерянный Кельш, не похожий сам на себя.

- Николай Николаевич, как вы себя чувствуете? - спросил я вскочив. Как не говорю, а устав стал въедаться в меня.

Кельш зло посмотрел на меня, сграбастал собственный мундир, забытый им на верхней полке, одел, сел на койку, взмахом руки приглашая меня сесть рядом.

- Мы проверили тебя сотню раз. От рождения до этого момента ты не остался без внимания не на секунду. Чутьё моё и Кремня прямо кричало, что ты чужой, но подтвердить не могли.

- Кремень - это Степанов-старший?

- Он. Как так получилось?

- Не важно. Что теперь думаете делать со мной? Препарировать?

Кельш долго молчал, ероша короткие волосы на голове:

- Смысл? Ах, как Кремня не хватает!

- Так вызовите.

- Я не умею призывать мёртвых.

- Как? Когда?

- Два месяца назад. Погиб. Авианалёт.

- Как жаль-то! А что ж Санёк молчал?

- У него и спросишь. Что ж делать с тобой?

- Я готов работать! Только вот содержимым сейфа становиться не хочу.

- Я тебя понимаю. Ты, знаешь, что-нибудь, пока, можно придумать. Пока никто, кроме меня, не знает. Надеюсь, ты бежать не собираешься?

- Нет. Нам дан реальный шанс помочь стране, используя послезнания.

- Что?

- Знания прошлого из будущего. Этим шансом надо воспользоваться. Я вижу, у вас не очень получается.

- Не совсем так. Я вчера слегка сгустил краски, надеюсь, ты понимаешь для чего.

Я усмехнулся. Развёл меня чекист. Сыграл не на моих слабостях, а на моих "сильностях", на патриотизме.

- Понимаю. Только для чего? Результат же вас сильно удивил. На другой рассчитывали?

- Действовал по наитию. И не на что не рассчитывал. Чувствовал, что есть, что в тебе раскрыть, чуял как.

- И как?

Кельш хмыкнул:

- Ты мне симпатичен. И как человек, и как товарищ, как соратник. Своими действиями ты подтвердил, что достоин доверия. Это была последняя проверка. Слабостей твоих не нашли, решил действовать на

особенностях.

- Патриотизм?

- Обострённый. Даже болезненный. И общая эмоциональная невыдержанность.

- О-па! Что-то новенькое!

- Да, а ты как думал? Чекист из тебя не выйдет. Слишком прямолинеен. Хотя, в качестве армейского командира - цены тебе нет.

- Вот и отпустите меня на фронт. Польза будет.

- А здесь? Здесь разве не будет больше пользы?

- Где "здесь"? Там враг, его бить надо, а не разговоры разговаривать.

- Я руковожу отдельной, особой аналитической группой. Мы систематизируем всю информацию о технологиях будущего и ищем пути их наискорейшего применения.

- И как, получается? - ехидно поинтересовался я.

- Не заметно?

- Нет, - пожал я плечами.

- А радиостанция, с которой ты на днях в рейде бегал? Корпус старый, а начинка - другая. С довоенной - ты бы и двух часов на связи не остался. А в метель - за пять километров - только ключом.

Я хмыкнул. Да! Великое достижение.

- Витя, критиковать может каждый. Помочь можешь?

- Не вопрос. Что надо делать?

- Я рад, Виктор, что не ошибся в тебе. Ну, для начала, мне нужно понять, с чем я имею дело, вернее, с кем. Расскажи о себе. О том, другом себе, которого я не знаю.

- А там я такой же. Родился на Урале, учился в маленьком райцентре, в том самом, где Степанов впряг меня в вашу систему. Там же закончил местный экономический факультет сельхозуниверситета. Работал экономистом, грузчиком, плавильщиком в литейном цехе того завода, где мне сделали "доспех", в этом же цехе был мастером, начальником производства, потом завод развалился и я стал путейцем. Железную дорогу ремонтировал. Ах, да, в армии не служил.

- Как не служил?

- Вот так. Ни дня. Зрение у меня плохим было. В военное артучилище не взяли, я их и послал.

- Как послал? Нет всеобщей воинской повинности?

- Есть. Но, откосить, откупиться - можно. Колян Коляныч, ты не представляешь что там за жизнь! Вот ты говоришь - болезненный патриотизм. А если тебе, дитю неразумному, в 7-8 классе школы на каждом

уроке учитель твердит, что русский народ - пьяное, ленивое быдло, что вся история России - история нелепости и варварства, деспотии и кровавости. Всё хорошее в истории произошло только за пределами моей страны, а мы способны только в грязи пьяными валяться и грязью святых иностранцев обрызгивать. Я ещё ребёнком был, сидел и недоумевал. Как? Как быдло смогло освоить пол земного шара? Как мы побеждали всех имеющихся Наполеонов, такие безрукие? Мне она говорила, что Гитлера мы трупами завалили, что чекисты людей в атаки под пулемётами гнали. И Победа наша - недоразумение. Не может убогодочное, ленивое быдло победить самую цивилизованную нацию мира. Это оба моих деда - быдло? Одного я так и не увидел - умер от ран. А вот другого застал. Он был тоже искалечен. И даже на пенсии вставал раньше всех и искал, именно искал себе работу. По дому, во дворе, по хозяйству. Это он - быдло? А я - его внук, во мне его кровь, он во мне. Я тоже - быдло? Никчёмный? Ошибка природы, сбой генетического кода? Я возмущен был до глубины души.

- Этот человек в школе преподавал? - удивился Кельш.

- Ага. Более того, так было написано в учебнике. А его утвердили в министерстве, в Москве. И это была позиция нашего правительства. Подобное дерьмо лилось со страниц газет, с радио, телевизора, отовсюду. Твоя позиция какая была бы?

- А куда смотрели органы?

- Какие? Внутренние? Печень-почки? Не смейся. С них всё и началось. Они первыми переродились. Наверное, все настоящие чекисты до конца войны в земле оказались.

- Понятно. Об этом мы подробнее поговорим. Тогда мне не понятно, как ты смог так грамотно воевать, если даже в армии не был?

- Не знаю. Делал то, что считал необходимым. То, что считал наиболее разумным и правильным. Ха, знал бы ты, что там у нас была за армия! Армия превратилась в один большой агрегат для производства жизненных благ для комсостава. За два года ребята, что вернулись, не были ни на одних учениях, по два раза за два года стреляли из стрелкового оружия, зато научились великолепно переносить побои. Дратся не умели, а вот сносить побои - умели. Мозги им за два года отшибали напрочь. Тогда я думал, что в этой армии делать нечего.

- А сейчас?

- Сейчас... Сейчас я здесь. И здесь другая страна, другое государство, но народ всё одно мой. И большевики в меня вселяют надежду, за это стоит бороться. Я знаю, многим здесь большевики отдавали причиндалы, многие обижены. Они альтернативы не видели. Не знают хищного оскала

капитализма.

- Об этом мы поговорим позднее и подробнее. О себе расскажи.

- Что? Женат. Был. Я же там погиб нелепо. Очнулся - я Кузьмин. Сын у меня там остался один с мамкой. Десять лет. Люблю их очень. Скучаю.

- Какие они?

- На, смотри.

- Это они? Это же фотография семьи Голума.

- Это они. Голум - это я. Я, каким мог бы стать, но не стал.

- Голум - это ты? Ты сам себя пристрелил?

Я не ответил. Отобрал у него фотографию, спрятал, лёг, накрылся с головой.

- До завтра, товарищ Шаман. Это теперь твой псевдоним. Теперь ты ведущий специалист нашей аналитической группы. По-легенде, ты смог переселить своё сознание в человека 2000-го года и узнал много секретных сведений.

- Угу, - ответил я.

Кельш ушёл.

Мозговой штурм

(1942г.)

А на следующее утро - началось!

Две машинистки с резиново-непроницаемыми лицами, Кельш или лейтенант ГБ - спец по дознанию внимательно слушали и печатали с пулёмтным перестуком клавиш всё, что я говорил. Работа на этом этапе строилась так: Кельш называл тему, например, "автомобильное производство", а я говорил всё, что приходило в голову. Когда выдыхался, следовал перерыв с приёмом пищи, прогулка, перекур с дремотой, потом следующая тема, например, войсковые операции сторон в 42 году.

Кельш был доволен. Во-первых, в моем мире, всё-таки, была Победа! Да и мой мир был технически гораздо более развит, опять же благодаря Сталину, его наркомам и его плеяде технарей. Ведь всё, чем гордился любой технически грамотный человек (даже ЭВМ) было изобретено в СССР в 40-60 гг.

Следующий этап, я его назвал "Уточнение", вел как раз тот "гений дознания". Нет, конечно, никакого давления или негативного воздействия на меня не применялось. Не было необходимости. Он работал на ассоциациях, задавал наводящие вопросы, уточнял, переспрашивал. Я отвечал.

Оказалось, что я знаю просто до хрена! А я себя неучем считал. Не знаю, точно ли дело в этом "мозгокопателе" или в той дряни, что я глотал,

какой меня кололи и пичкали, но память моя услужливо "подгоняла" мне даже счастливо забытые детали.

В качестве примера. Лёжа в госпитале летом 41-го, я жутко переживал, что не могу помочь стране в выпуске более совершенного оружия. Потому что танки, самолёты и авто строятся вокруг двигателей. А я в них не разбираюсь. В автодвижках не шарю, а на самолётах вообще самые передовые всегда ставят. А оказалось - я нарисовал устройство реактивного двигателя, какие в моё время стоят на пассажирских лайнерах. Откуда я вспомнил? А я по телевизору видел разрез этого движка несколько минут. Перед этим двигателем стоял чел в пиджаке, в цене превосходящий стоимость моей квартиры, и нёс пургу, которую я не запомнил, а вот движок - вспомнил. Следом вспомнил цикл фильмов студии "Крылья России", что смотрел вечерами за ужином. Конечно, фильмы были обзорные, без подробностей, коих миллион, и каждая - ключевая, но и то - хлеб.

А лопатки в турбинах - титановые, сопла из жаропрочных сплавов, пришлось вспоминать современные мне технологии добычи этих материалов и сплавов.

Тут им сильно подфартило. Я - экономист. У нас два семестра был такой предмет - экономическая география. Преподы были очень алчные, а я - крестьянский сын. Чтобы получать стипендию, нужна отличная оценка. А чтобы её получить - дать денег, которых нет, или чтобы знания от зубов отскакивали. Мне принесли большую контурную карту и я им накидал залежи и бассейны тех ископаемых, что смог вспомнить.

- Это - золотая карта, - сказал, не скрывая гордости, Кельш.

- Это всё ещё найти надо.

- Мы знаем, где искать и что. Это уже сберегло целое достояние и миллионы человеко-дней.

- Толи ещё будет!

И понеслось - электролиз алюминия, синтез искусственных материалов, технологии получения пластмасс, полиэтиленов, новых сплавов с новыми свойствами и т.д., и т.п.

Кельш принёс опечатанные коробки с теми артефактами, что им удалось добыть. Учил их пользоваться ими. Зарядить батареи удалось относительно несложно. В навигаторе, кроме контурных карт, оказались загруженными несколько видеофайлов. Парад Победы в цвете, и фильмы "9 рота", "Брестская крепость" Угольников. Молодой паренёк в форме сержанта ГБ под конспект учился управлять гаджетами.

Я старался изо всех сил, но уже через пару дней стал чувствовать

себя выжатым лимоном, ещё через день - загнанной лошастью. А вы попробуйте вспомнить максимально подробно историю ВКПб второй половины XX века, полный курс макро- и микроэкономики, материаловедение (который я постигал только практически, без теоретической базы), историю нашей страны XX - XXI вв. Всё это разом, и желательно, не только вспомнить, но и максимально доходчиво донести. А надо - не только это, а органическую и неорганическую, промышленную химию, двигателестроение, развитие вооружений, машиностроения, радиотехники, электроники, локации, энергетики.

А я же обычный обыватель! Не академик РАН.

Головная боль стала постоянным спутником, усиливаясь настолько, что её не могли заглушить обезболивающие. Я работал со своей памятью самоотверженно, но всё же пришёл день, когда я заявил "мозгогрызу":

- Всё, башка пустая, как волейбольный мяч.

Чекист понимающе кивнул, оставил меня. Несколько часов я тупо, без единого шевеления в голове, созерцал потолок. Потом пришёл Кельш.

- Поехали, - заявил он, - Вот в это одевайся. Читай.

Он протянул мне листок, но я так посмотрел на него, что он прочёл сам. Слова пролетели мимо, не зацепив ничего в моей голове.

- Ты понимаешь?

- Нет, - искренне признался я.

- Твои успехи в качестве ротного оценены очень высоко. Тебе присвоено звание старшего лейтенанта и ты награждён орденом Красной Звезды. Твои атаки будут разбираться для обучения курсантов.

- Служу трудовому народу, - без энтузиазма ответил я.

- Устал, - вздохнул Кельш, - ничего, съездим на награждение - развеешься.

Банкет в Кремле.

(1942г.)

Он был прав. Дороги туда я не запомнил. Помню большой зал, много людей, красный бархат кругом (рукам приятно). Называют мою фамилию, я выхожу на сцену. Дедок в очках, с козлиной бородкой, вручает мне красную коробочку, бумажки, жмёт руку, что-то говорит, улыбается. Вспышки, я дёргаюсь, всё порчу - это меня фотографировали, громко докладываю, что служу народу, сажусь на место.

Маленько очнулся я на банкете. Полно военных всех родов войск. Я беседую с танкистом, часто посматривающим на свою грудь, вернее, на золотую звёздочку на ней. Так, о чём он?

- Приём танковых засад ограниченно применим. Только при

возможности манёвра и превосходстве в разведке.

- И чистом небе, - согласился я, - в смысле, от самолётов противника. Думаю, отвратная погода надолго станет любимой пехотой и танкистами с обеих сторон фронта.

- Хорошо сказал! - танкист хлопнул меня по плечу, - Хотя, мой комиссар бы мне за такие слова все мозги бы прополоскал.

- Смотреть правде в глаза - тяжело. Обманывать себя и людей - преступно.

- Это факт! А ты мне нравишься. Я - Катуков.

- Катуков? - я усмехнулся, он обиделся, - вы, товарищ полковник, уже легенда. Быть вам маршалом.

- Если не сгорю. Или болванку в лоб не словлю. Хотя, танки сейчас не чета тем, с чем я начинал! Еду дивизию формировать.

- Тебе предложат сделать дивизию смешанного состава, - наклонившись к его уху, сказал я, - ты брыкайся, как можешь. Требуй тридцатьчетвёрок, тебя Сам поддержит.

Катуков отстранился от меня, как от ядовитой змеи.

- А ты так не считаешь? - спросил я его.

- Именно так. Но, откуда ты знаешь?

- Ты об этом кричишь на каждом углу. КВ тебе слишком тяжелы, лёгкие танки считаешь бесполезными. Не говорил?

Катуков малость струхнул, хотя старался держать себя в руках. Я опять наклонился к нему:

- Немец скоро выпустит на фронт ПТО калибра 50 и 75 мм. Им броня КВ, не то что Т-34 - фольга. К лету твои танки перестанут быть неуязвимыми, нахрапом не возьмёшь. На четвёртые Панцеры они поставили длинноствольную 75-мм пушку, на ПэЗэ-три - 50 мм. Преимущества в огне у тебя тоже не станет. Воюй умением. У тебя преимущество в манёвре до конца войны сохранится. Они так и не смогут делать танки настолько же подвижными, как наши.

Катуков прищурился, глядя на меня. Я сказал ему:

- Ты меня никогда не видел, я тебе этих данных разведки не говорил, понял?

- Но, ведь сказал. А сдам тебя?

- Кому? НКВД? Своим? Ну, впаяют выговор, - я усмехнулся.

- А зачем ты мне это говоришь?

- Чтобы ты жив остался. Кто командовать будет Первой Гвардейской танковой армией?

Так что я изрядно смутил Легенду Танковой Истории.

Мне представился случай побеседовать с ещё одной легендой. Василий Гаврилович Грабин. Создатель ЗиС-3. Большой, высокий мужик крепкого телосложения. Лицо волевое, лобастое, взгляд умный, твёрдый, даже жёсткий. Я подошёл, представился, выразил восхищение орудием ЗиС-3, спросил, не собирается ли он поработать над адаптацией ствола 85-мм зенитки в танковое орудие для среднего танка. Ага, щас он перед подозрительным пехотным старлеем все свои планы и раскроет!

- Тут в чём дело, - сказал я, - противник заканчивает испытания нескольких типов сверхтяжёлых машин с лобовой бронёй от 100 мм до 200. ЗиС-3 с такой бронёй не справиться. ЗиС-2 для танков не подходит - фугасное воздействие снаряда слишком мало. 97 и 107-мм орудия, на которые вы потратили столько сил...

Грабин свёл свои брови, смотря на меня. Что, никто не должен знать о твоих работах? О тебе трендят все документальные фильмы про пушки. Я не нравлюсь? Ваши проблемы, уважаемая легенда.

- ... попросту окажутся не нужны из-за отсутствия боеприпасов, вернее мощностей под их производство. ЗиС-2 уже страдает от этого. Армия эти орудия поэтому и брать не хочет. А 85-мм для Т-34 - идеальный вариант. Тяжелее орудие не поставить. И есть мнение, что сделать из отличного ствола отличную танковую орудийную систему сможете только вы. Пока вы один учитываете эргономику при конструировании оружия. Ваши орудия в войсках полюбят не только за надёжность, но и за удобство. Извините Василий Гаврилович, вынужден прервать нашу беседу, хотя мне жаль. Всю жизнь мечтал узнать Вас. Надеюсь, увидимся.

Я просто увидел Кельша. Точнее, его недовольную морду.

- Ты понимаешь, что ты - государственный секрет? Если ты и дальше так же будешь действовать - на тебя начнётся охота. Ты этого хочешь?

Вот я и стал Кольцом Всевластия.

Врачебная ошибка.

(1942г.)

По возвращении на "Базу" меня ждала новая партия "мозгогрызов". В этот раз - в белых халатах. Они стали испытывать на мне хорошо отработанные в моё время, а сейчас, здесь, революционные, новаторские, способы воздействия на сознание.

Помогло. Удалось многое вспомнить.

А потом случилась беда.

Она пришла в виде обычного гипнотизёра и со словами:

- Ваши веки тяжелеют, когда я досчитаю до...

Судьба Голума.

(наше время)

Перезапуск с точки автосохранения.

Я стоял и "тупил". Смотрел на огонь. Заворожено. Горела большая машина. Джип. Я смутно помнил, что это я его поджёг. Что я тут делаю? Какое-то состояние у меня странное. Под "химией"? А, да, что-то такое. Какое-то сильнейшее чувство "дежа вю". Всё это уже было. Там должны лежать двое. Парень и его телохранитель. Парень оказался жертвой. Неслучайной, но - жертвой. А я - палач. Торпеда. Я. А охранник его добьёт.

Рука нащупала пистолет за поясным ремнём. Так, а как это работает? Но, руки почему-то сами уверено произвели все манипуляции. Станный сон.

Охранник что-то почуял, замычал, пополз на спине от меня. А с отбитыми руками ты сможешь добить парня? Пистолет непривычно громко бухал. Пуля вошла в правое плечо охранника. Вторая - в левое. Потом я перевернул его и одним выстрелом перебил ему обе связанные кисти. Живи, если сможешь.

А мне пора. "Дежа вю" подсказывало мне - скоро сюда заявятся.

Я подъехал к реке. Вспомнил, что в прошлый раз утопление вещей мне никак не помогло. Следаки точно знали, где водолазам надо нырять. Как они отследили? В байке "жук"? Как они могли знать, что я возьму именно этот байк? Я его только вчера "увёл". Маловероятно. В одежде? Подобному оборудованию нужен источник питания. А это - определённые габариты. Телефон. Но, он же левый. Блин! Если у нас в городе наркотой торгуют только те, кому менты "разрешили", то почему с краденными телефонами должно быть иначе? Блин! Почему я раньше об этом не подумал?

Телефон полетел в реку, а я поехал на "работу".

Довольно ярко и живо всплыло воспоминание о приходе Кума, СОБР, и эти... Я так чётко и ярко "вспомнил" ледяные глаза "гаишников"-ликвидаторов, что так сильно дёрнулся, что чуть не улетел с дороги. Я их боялся. Таких хладнокровных убийц мне не приходилось видеть. Для них убийство - работа. Убить человека, как сложить из спичек цифру 8. Обычное, скучное дело.

Не стал даже заезжать на "работу". Сразу нырнул в "катакомбы", поменял байк, взял рюкзак, поехал. Главные магистрали для меня закрыты. Ну, не Сибирь, у нас, в Центральной России, дорог, дорожек, просёлков, грунтовок - тысячи. Не перекроешь все. Можно выбраться. Кружно, медленно, но верно. Прочь из города! И области.

Счастливо оставаться, менты, воры в законе, "торпедоносцы",

ликвидаторы!

У меня есть два паспорта на чужие фамилии и три карточки прав на 3 другие фамилии. Сделаны довольно качественно и пока нигде не были засвечены. Есть деньги на первое время. Не пропаду.

Куда ехать? В столицу? Город большой, там затеряться проще. Но, именно так все и думают. Там меня и будут искать. Или на юге. Там и народу много, и "мути". Но, тоже тривиально.

На запад! К границе! Нет, за кордон мне смысла нет. Но, в приграничных областях - самое оно.

О свершении мести больше и мыслей не было. Бежать!

Я спасовал. Сбежал. Трус.

Судьба Голума.

(наше время)

Скольжение по наклонной.

Что можно рассказать о жизни человека, не имеющего цели в жизни? Ничего. Случайные заработки, временные пристанища, скорые перекусы, случайные связи. Вечный страх. Паранойя и мания преследования. Тоска и беспросветность. Плотно сел на наркотики. Наглухо увяз в преступном мире.

Воровал всё, что плохо лежало, крал мотоциклы, скутера, автомобили. Пользовался людской невнимательностью. Кто-то забудет ключи вынуть, выйдя из авто "на минуточку", кто-то небрежно оставит связку ключей от машины на виду. Ключи - стянуть, машину - угнать. Пригнать их в "распил", сдать, получить свои тридцать серебряников.

Работать я устраивался в экспедиционные конторы. Там людей всегда не хватало настолько, что зарплату начисляли довольно неплохую, к личности соискателя пристально не приглядывались, вопросов лишних не задавали. Характер работы - собачий - мотаться по всей стране. Мало кто удерживался. А меня - устраивает. Свободное время меня только тяготит.

Иногда накатывало на меня. Начинал терзаться мыслями - как же так получилось? Как я стал таким? Ведь раньше чужая собственность для меня была священна. Попробуй своим горбом заработай на автомобиль - будешь с уважением относиться к чужому авто, жилью, к чужим деньгам. Сейчас же я радовался, что удалось "обуть лоха". А может этот "лох" теперь с инфарктом в реанимации лежит? Мне - плевать.

И ещё - одинокими вечерами, если не получалось "замутить" с какой-нибудь шмарой, я жалел, что не "чпокнул" ту "целочку". Права, жалел. И шмары эти, примитивные, тупые, непромытые, вонючие - не вызывали теперь во мне отвращения. Это стало нормой.

Только иногда на меня накатывало, что это не нормально. Я начинал осознавать глубину деградации своего "я". Начинал жалеть, что сбежал, что не остался, что живу, как побитая собака, а не принял смерть стоя, как мужик. Накатывала такая тоска, что только доза в вену помогала. Я - конченный нарик. Конченный человек.

***

Но, так получилось, что через полгода колёса моей машины прикатали к ограде кладбища. Не случайно, наверное. Я ведь тогда сбежал, не простившись. Перепрыгнул забор и пошёл меж оградок к нужному месту. Осторожно крался - упасть на кладбище - плохая примета, а упасть тут не сложно - темно, всё заросло.

Вот и нужная оградка. Вот - памятник деда, крест бабки, мраморная плита моей любимой. А это что? Ноги мои затряслись, сердце остановилось. Трясущимися руками вцепился в ограду - ноги не держали. Ещё три могилы, три креста. Перебирая руками, зашёл за ограду.

Пустота внутри меня громко лопнула, я рухнул на землю - это были могилы моего сына, тестя и тёщи.

***

Прошёл ещё год. Я сам себя не узнавал в зеркале. Тому мне, "реальному пацану", рубаке и балагуру, тяжело было поверить, что это тощее, чёрное, скукоженное чмо с бегающими глазками битой собаки, параноик с манией преследования - это я.

О прошлой жизни старался не вспоминать. Не вспоминал ни жену, ни сына. Воспоминания мне причиняли боль. Боль снималась только "улётом". А "улёт" требовал всё больших доз. Все средства уходили на наркоту. Денег постоянно не хватало.

Деградация затронула не только душу и сознание. Я сильно отупел. Я стал чаще "сыпаться" на мелочах. Уже не мог просчитать всех вариантов, воровать стало сложнее. А на "авось" полагаться - я ещё не настолько отупел.

Я всегда любил почитать. И чтоб книга была посложнее, позаковыристее, чтоб ещё месяц после прочтения ходить и гонять её по голове. Привычка читать осталась, но авторы, хорошо знакомые мне раньше, стали, как иностранцы - непонятны. Стал читать книжки в мягких обложках про ментов и воров в законе. Написанные просто, примитивно. Чем проще, тем - лучше. Чтоб идей - ноль, но через страницу - секс, ещё через одну - драка. Вот это - то!

Работу стало сложнее найти. Собеседования стало сложнее проходить. Если год назад пара фраз - я принят, то сейчас чаще мне

отвечали, что позвонят. И я ведь верил, что позвонят. Отупел.

Я в очередной раз сменил город. Уже не помню, который раз по счёту. Мания преследования гнала меня с места. В этот раз с работой было совсем кисло. И с "халтурой" - тоже. Ну, перестали мне попадаться "лохи". Пытался стянуть брелок с ключами у мужика "от сохи", но тот почуял, накинулся, стал избивать. Еле сбежал. Вот ведь ирония - меня избил простой мужик. Я, выстаивавший один на шестерых, был бит обычным пахарем.

В очередном офисе мне пообещали позвонить. Но, в этот раз, правда, позвонили. Назначили встречу.

Складской комплекс в пригороде у железнодорожного разъезда. Межрайбаза. Менеджер, что со мной разговаривал, всё "ходил" вокруг да около, всё разговоры разговаривал, вопросы спрашивал. Я уже думал, до дела и не доберётся. Добрался. Предложил мне быть наркокурьером. За неплохие деньги и постоянное снабжение наркотой. Только не "ширевом", а "синтетикой". Естественно, если меня "прихватывают" - всё это - моё. Конечно, я согласился.

Работа моя заключалась в следующем - мне выдавали машину, попроще, неброскую, но способную доехать без поломок. Я, с накладными и товаром, ехал в нужное место, где загонял авто в нужный гараж, ночевал в предоставленной комнате, пользовался предоставленными "услугами", разнящимися от заказчика к заказчику, и выезжал на этой же машине на "базу". В машине был загружен какой-нибудь груз, по мелочи, на него у меня на руках были бумаги, а в тайниках лежал другой "груз", бумаг на который у меня, естественно, не было.

Жил я тут же, на межрайбазе, в каморке, где был старый диван, старый же телевизор и не менее старый холодильник, который громко ревел и прыгал по полу. Собачья конура. Но, мне было всё параллельно. Я жил в миру грёз синтетических наркотиков. В этих грёзах иногда приходил мираж нормальной жизни, где я пахал на работе, сын учился, жена радовала своей красотой и вкусной стряпнёй. А иногда приходили другие наркотические грёзы, где я насмерть бился с врагами, грыз их зубами, умирал за Родину. Выживал, снова бился насмерть, вёл за собой людей. Был героем. А потом наркотические сны рассеивались и возвращалась реальность.

Тоска. Бездна. Тьма разума. Сплин. "Скоро рассвет, а выхода нет".

Судьба Голума.

(наше время)

Неотвратимость и Высшее Вмешательство.

В рейс я выезжал, когда действие препарата сходило, а ломка ещё не должна была наступить. Обычно, успевал обернуться до ломки.

Так я выехал и в этот раз. Выдали мне произведение международного автопрома, на которое ни один мент даже не взглянет. Но, параноя моя стала меня терзать сразу по выезду с "базы". Поэтому я был предельно собран и аккуратен. Ехать было далеко - на Украину. Границу пересёк легко, до места добрался тоже без происшествий. Пока машину "подготавливали", поспал в "полузвёздочном" отеле. Гостеприимные хозяева даже выделили мне "компанию" в виде толстой обрюзгшей хохлушки с пропитой мордой. От неё несло перегаром, гнилыми зубами, прокисшим потом, немытыми ногами и тухлой рыбой от промежути. Но, я же не привереда. Беру то, что дают. Нахалю и уксус - сладкий.

Будильник поднял меня ещё затемно. Я выбрался из-под вонючего чудовища, что храпело рядом. Чудовище даже бровью не повело, раскидав губы по серой подушке. Как на "это" может встать? Но встал же. Налил желтоватой воды в грязный электрический чайник, густо заросший накипью. Нажал кнопку. Всполоснул кружку, высыпал в неё содержимое сразу двух пакетиков "3 в 1". Заглотил полпачки обезболивающих. Чайник забурлил, отстрелил кнопку. Буквально - отстрелил - она отлетела под диван. Пох. Не лезу. Подождал, пока муть в чайнике хоть немного отстоится. Залил смесь химических порошков, имеющих отдалённых привкус кофе с молоком. Пока пил, просыпался под действием синтетического кофеина. Вместе со мной просыпалась и параноя.

С плохим предчувствием, проверил машину, выехал.

Государственную границу тоже пересёк благополучно. Сонные таможенники вскользь посмотрели накладные, "мазнули" взглядами по мне, пожелали счастливого пути.

Вот я и в России.

Солнце только начало окрашивать восток в красно-жёлтое. Дорога была пуста. Утренняя свежесть бодрила. Всё было нормально. Пока.

По объездной дороге "обошёл" областной центр, ещё пилил три часа к границе области. Там, в соседней области, дорога станет похуже. Переход из этой области в следующую хорошо различим - пропадает асфальт. Почти совсем. Дорога становится бетонкой с зубовывивающей тряской на стыке бетонных плит. Я снизил скорость.

А на границе области стояли гаишники. Серая машина с синей полосой, один стоял перед капотом авто на обочине, лениво помахивая полосатой палкой. На спине - автомат. Второй - в машине.

Параноя моя взвыла собакой, прищемившей хвост - гаишник был в

кроссовках. В этот раз - в красных. И стальной взгляд. Не глаза посмотрели - два ствола. Равнодушные и смертоносные. "Гаишник" взмахнул палкой. На дороге была только одна машина - моя. Они нашли меня!

Отворачивать поздно. А стреляют они - метко.

Выдавил педаль газа в пол, пригнувшись к самому рулю. Двигатель взревел, машина подпрыгнула, как мустанг, полетела мимо лжегаишников. Выстрелов я не слышал, но услышал, как что-то забарабанило по корпусу. Стекло пошло паутинками от дырок пробоев. Я пригнулся ещё ниже, переключился на пятую, опять выдавил газ. Я уже не видел дороги, мчал наугад.

- Господи! Спаси! - завопил я, когда огненный ветер "вздул" волосы на моём затылке и лобовое стекло осыпалось в салон.

Стрельба и удары пуль по машине сразу прекратились, машина стала прыгать вверх-вниз, как по пашне, почему-то стали мелькать какие-то тени. И тут же последовал сильнейший удар спереди.

***

Когда я очнулся, стал ощупывать себя. Грудина отбита об руль, лицо разбито, колено сильно болит - ударилось о приборную панель. Залез в потайной карман, выбрал из таблеток нужную, проглотил. Боль ушла, стало сразу легче и красочнее. Искусственная эйфория бурлила кровь.

Я вспомнил, что лжегаишники могут меня преследовать, но уже не с ужасом, а с усмешкой - химия работала.

Двигатель не хотел запускаться - капот обнимал толстенное дерево. Из-под смятого капота бил гейзер пара из радиатора. Приехал. Откуда тут деревья? Я вообще в лесу оказался. Кругом одни деревья.

Дверь тоже не хотела открываться. Заклинило намертво. Вылез через разбитое ветровое окно.

Правая нога уже сильно опухла, в колене не гнулась. Похромал назад. Багажник был изрешечён дырками, как дуршлаг. Но, вот ведь меткие бестии! Все дырки - с водительской стороны. Как же я уцелел? А, вот в чём дело! Несколько коробок с бумагой для офисной техники, разлохмаченные в труху, спасли меня. Даже не они - спасли меня неведомые ребята, решившие поставить бумагу именно здесь.

Тут взвыла моя параноя. Таинственные убийцы уже, может быть, наводят на меня стволы своих автоматов! Пригнувшись, похромал к заклинившей двери, смог достать сумку, но не смог дотянуться до упрятого дробовика. А, дрын на него, всё одно - помповик против автоматов - не катит.

Похромал прочь от машины. Через некоторое время продирая

через абсолютно дикие заросли, вывалился на опушку. Растительность здесь была пореже. А, болото!

Блин, это где же я оказался? Сколько тут ездил, не знал, что тут есть настолько дикие места.

В кармане завибрировало. Блин! Телефон! Они же меня по нему найдут! Достал мобилу - разрядилась батарея. Немного успокоился - мобильник не находил сети. Пока искал - разрядился. Мобильник не видит сети - сеть не видит меня, "лжегаишники" не могут установить моё местоположение. Ну, и хорошо. И сотовый полетел в болото. От греха. Густая чёрная вода неохотно проглотила коробочку телефона, толстый слой ряски сомкнулся над ним, затянув чёрное пятно. Как и не было ничего.

Я пошёл вдоль болота, ковыляя на негнущейся ноге. Куда я шёл? Не знаю. Никуда. Как там в песне: "У меня есть ноги и поэтому иду". Как-то так. Не сидеть же на месте? Так можно и этих, в кроссовках, дожждаться.

Так и ковылял, куда глаза глядят. Закончилось действие таблетки, ввинтилась в мозг боль, нога взвыла бордовой вспышкой в глазах. Заглотил ещё одну. Почапал дальше.

Какой дикий лес! Деревья - толстенные, заросли орешника и малинника - дикие, не вытоптанные, грибы растут вольготно. Пней не видно. Упавшие деревья есть, но пней нет. Ни одной дороги, ни одной тропки. Где я есть? Куда это меня занесло? Почему так тихо? Тут же рядом трасса, но никаких урбанистических звуков. И в небе ни одной полосы от самолётов. А тут же недалеко лётный центр. Постоянно в небе карабкается чёрная точка, оставляя за собой белый пышный хвост. А сейчас нет ничего. Лишь вдали где-то приглушенно шумит толи гроза, толи прибой. Откуда прибой в центральной России? И гроза при ясном небе? Это наверное у меня в ушах шумит. Глючит меня, в общем.

Придя к такому выводу, я даже не удивился, услышав голос:

- Откель ты, мил человек?

Я обернулся. Чудной глюк - бородатый мужик в каком-то древнем сюртуке, широкие штаны заправлены в сапоги. В руках двухстволка. Смотрит на меня из-под косм давно не стриженных волос. На голове какая-то шапка-кепка-фуражка.

- Какой необычный глюк, - сказал я ему, - очень интересно!

- Ты, что, больной?

- Есть немного. Нормальным глюки не приходят, - ответил я ему, - хм, странно, раньше от двух доз глюки не приходили.

- Вот ведь шельма плутает, - сокрушился глюк, - только слабого на голову мне не хватало! Эй, ты руки то на виду держи - а то шамальну!

- Да пошёл ты! Тебя вообще не существует. С глюками разговаривать - вообще-то глупо.

- А придётся, - угрожающе сказал глюк, - ты кто и откуда?

- Я? Я - никто. Раньше был человеком, а сейчас - никто. Чё смотришь? Думаешь не бывает так? Ещё как бывает! Был человек, а потом - раз - и растёрло в порошок. И идёшь по жизни бледной тенью самого себя. Вот так-то, глюк!

- Не глюк я. Что за слово мерзостное-то. Александр Родионович я. Лесник местный.

- Бородач? "Понять и простить"? Понятно, откуда корни глюка растут.

- Что? Совсем тебе паршиво, я гляжу. Ты хоть русский?

- А? А, да, русский. А кого ты ожидал тут в России увидеть, японца?

- Немцев не видел?

- Видел.

Бородач сразу подобрался, стал озиаться:

- Где? Давно?

- Пару лет назад. Нормальные такие немцы. Туристы. Нажрались, как свиньи.

- Тьфу, ты, чёрт! Напугал! Тут немцев не видел?

- Ты первый, кого я в этом странном лесу встретил.

- А наших не видел?

- Кого "ваших"?

- Так, значит? "Наших", не твоих?

- Слушай, глюк-Бородач, а не пошёл бы ты лесом! Загадки он мне загадывает. Наши-ваши. Пошёл ты! Сейчас сюда эти с автоматами припрутся - обоих нас в капусту покрошат!

- Кто? Где?

- Там, на дороге. В ментов ряженные. Покрошили мою машину в хлам. Еле сбежал.

"Бородач" поглядел в ту сторону, куда я указал, потом, подозрительно так, на меня. Тут я решил покурить. Он огромными глазами смотрел на мои манипуляции с пачкой-зажигалкой. Станный всё-таки глюк. Наконец, он что-то решил для себя:

- Пойдём. Что с ногой?

- В дерево я влетел на полном ходу. От этих убийц уходил. Машина - гармошкой.

- Пойдём.

Судьба Голума.

В гостях у сказки.

И я пошёл за глюком. Какой странный глюк! Такой реальный. Может, это не галлюцинация? Реальность? Просто этот дед с чудинкой? А что, вполне возможно. Народ наш богат на таких вот чудиков. А лес этот чародейский? Не знаю.

Нет, точно я в бреду нахожусь. А может, меня уже убили и мне всё это мерещится? Я слышал о таком. Будто, некоторые, находясь при смерти, успевают в подобном бреду прожить целую жизнь. Этакая Матрица. Вот и я сейчас, может быть, истекаю кровью в кювете, а всё это - зачарованный лес, дед-бородач - всё это - Матрица. Ложки не существует.

И к дому он меня вывел нереальному. Да, дом, конечно, нехилый - высокий, большой, из толстенных брёвен, рядом - обстоятельные пристройки, но крыша покрыта какой-то корой, окошки маленькие, но главное - к дому не тянутся провода. Я понимаю, газовую трубу к отдельно стоящему дому тянуть не будут, но свет-то! Электрификация у нас была у всей страны! У всех был доступ к розетке. У всех.

Анрил продолжился - из ворот (прикинь, настоящих ворот, как в сказке о богатырях) выбежала девушка и побежала навстречу, с криком:

- Деда!

Так вот, девушка эта была в каком-то сарафане, коса до... до копчика, в общем. Полное совпадение с "Алёнушками" из сказок. И внешность вся такая ангельская. Не бывает так! Не бывает и всё! Никто уже не одевается так. Даже в самых глухих деревнях. Все ходят в китайских резиновых тапках и в китайской пластиковой одежде. В той, что делают из переработанных полторашек. Все. Никто не шьёт подобных сарафанов. Никто не носит таких богатых кос. Даже у хохлятской политической проститутки, то что таскает на башке - подделка. А тут! Не, это точно Матрица! Она ещё и босая! А ведь не май месяц!

Решив для себя, что всё это сон, успокоился, уже как должное воспринимал керосиновые лампы, свечи. Еду в чугушках из русской печи, хлеб-каравай. И полное отсутствие каких-либо электроприборов. Вообще. Ни проводов, ни розеток, ни патронов под лампочки. То есть, про дизель-генератор можно не спрашивать.

И разговаривают они чудно. Анадысь, авось, околица, сенцы, вечерять, потчевать - все эти слова я, конечно, знаю, но кто их использует? Бабушки в глухих деревнях? А тут - девчушка молодая.

Хотя, было вкусно. Искренне поблагодарил. Девка смотрела на меня искоса. Заигрывает? А что? Живёт тут в глуши с дедом каким-то. Чешется, небось. Бабы - они такие!

А может и не Матрица? Может, они просто этикие сектанты. Как-то

слышал о таких. Селятся тоже на отшибе и живут в аутентичных условиях. Средневековые или ещё что более дикое. И эти двое такие же.

За ужином попробовал их пораспрашивать. Не колются. Типа, полное погружение в роль. На провокации делали круглые глаза. Ну, типа, слов "интернет", "телевизор" и т.п. они никогда и не слышали. Ну и флаг им в руки.

А потом деда "понесло". Типа, война идёт. С немцами. Ага, 41-й год. Так я и поверил! Всё дед пытается меня, за кого я - за наших, аль за немцев. Дурак что ли? Какие, на хрен, немцы! Что нам с ними делить? В Великой Отечественной уже всё выяснили. Дурачишь меня? Ну, тогда и я тебя подурачу. Ща, таблеточку для улёта заглочу - тебе такой "поток либерального сознания" выдам! Самого меня и стошнит.

Но, поток сознания отложился. Оказалось, девушка, Настей зовут, но, дело не в том, а в том, что она баню стопила. И дед повел меня туда.

Вообще, баню я люблю. Но, такого ещё не было. Так меня ещё никто не парил. А потом он меня "ломал". Оказалось, дед - костоправ и шаман. Вправил мне колено, что-то втирал, что-то шептал.

Только вот оказалось, что таблетку я заглотил не вовремя - от жара бани мне совсем сорвало чердак. И что я там ему "нёс" - ничего не запомнил.

Зато ломку после этого запомнил. Ох, и плохо же мне было!

Настя говорит - сутки я был овощем, двое суток я метался в бреду. Пришёл в себя только на четвёртый день. Слабый, как паралитик. Ещё и ломка. А Настя всё это время ухаживала за мной. Приятно. А почему? Понравился я ей? Чем?

Она обрадовалась, что я очнулся. Напоила меня каким-то бульоном. Стали разговоры разговаривать. Вот ведь упёртая девка! Вот уверенна, что сейчас 1941-й и хоть кол на голове ошкурять! А когда я ей начинал приводить логичные доводы, что ну никак не может быть сейчас 41-й, что уже давно идёт 21-й век, что цивилизация обошла стороной только их дом, а в мире она прошла Всемирным Потопом, смотрела на меня, как на неразумного ребёнка, который приводит "логичные" доводы, что Солнце вполне досягаемо - одень рукавицы, чтоб не обжечься, ставь лестницу повыше и бери его в руки.

Вот так и поговорили. Она осталась на своём, я - на своём. Потом решили, что пусть оно так и будет. Да и притомился я. Она положила мне руку на лоб, сказала:

- Спи!

И я уснул!

Когда я просыпался, тешил себя надеждой, что бред кончится, но нет. Не судьба. Опять это средневековое жилище, бахает лаем собака во дворе, мычат коровы, кукарекает петух. Вообще-то звуков было много, но мне казалось - вселенская пустота звенит вокруг. Оказывается, тяжело без привычного урбанистического шума. Нет телевизора, радио, гудков машин и шума их моторов. Тишина. Только сейчас я понял, что не жил без сопровождения телевизора или радиоволны. Как это называется? Блин, мозги со скрипом пробуксовывали, никак не хотели зацепиться за словосочетание "сенсорный голод". Блин, вот же! Сенсорный голод!

Меж тем, самочувствие моё улучшилось. Я смог встать, опухоль на ноге сильно спала, но наступать было ещё больно. Прошелся по избе, ещё раз всё разглядывая. Всё очень простенько. Основательно, капитально, но простенько, без изысков и украшательств. М-да. Сектанты, что с них взять?

Вот угораздило же меня! От убийц убежал, попал к сектантам. "Свидетелям явления 1941-го года". Надеюсь, они не людоеды. Хотя, я уже тут несколько дней. Давно бы уже съели, будь они людоедами. Вспомнил песню КиШ, запел, ту, про такого же лесника и голодных волков:

Будь как дома, путник
Я ни в чём не откажу
Множество историй,
Коль желаешь, расскажу

А дальше что? Свидетели Иеговы? Вурдалаки? Зомби? Или зомби-эсэсовцы, как в том фильме, где они бункер вскрыли? А, как же забыл, про ГПУ, чекистов "с чистыми мозгами, холодными руками и горящими пуканами". Кто там ещё меня навестит в этой галлюцинации, такой сильной и крепкой? Тень отца Гамлета?

Тут в избу вошли дед с внучкой. Чисто сказка - дед, внучка, собака. Кто там с ними в комплекте должны быть? Спящая царевна или 33 богатыря? Что-то я запамятовал.

- Здрав будь, хозяин, - приветствовал я бородача, с поклоном, - благодарю тебя за лечение.

Дед озадаченно смотрел на моё кривляние. Как вы поняли, я троллил деда. Но, его не проняло.

- Настя, собери на стол, вечерять будем.

Вот, опять "вечерять". Не ужинать, а именно "вечерять". Сектанты.

Но, вкусно. И обильно. За ужином дед рассказал, что видел самолёты с крестами. И далёкий прибой он назвал "канонадой". Жаль не Канадой.

- Какая к чертям, канонада в центре России? Если и будет война, то мы её не увидим. Обменяемся с янкесами и чанизами ядрён-батонами и

туши свет - ядерная зима! Только нам это будет до барабана. Если живьем не сгорим, так от излучения сгниём.

Они посмотрели на меня, как на дурачка деревенского, переглянулись, дед как ни в чём не бывало, продолжил:

- Надо скотину от германца прятать. Германец, он по лесам не любит лазить, но бережённого Бог бережёт.

- Блин, вот вы упёртые. Какой германец? Война уже давно кончилась! Очнитесь же!

- Дак ведь сызнова началась! Опять немец лезет. В тот раз отбились, а сейчас уж и не знаю.

Я насытился, достал "чудо-таблеточку", отправил в рот, запил густым душистым молоком. Похоже, натуральное. Да и корова мычала, я слышал. Достал сигареты, но закурить в доме стремался. Неудобно как-то. Дед смотрел как я кручу в руках зажигалку.

- Где же достать такое можно? - спросил он про зажигалку. Я и сам усталился на неё. И что? Обычная китайская дешёвка.

- Да, в каждом комке. Это дешёвка. Чина, чё с них взять?

Встал, вышел во двор. Дед тоже вышел. Вывел скотину из хлева и повёл в темноту.

Блин, сглазил - зажигалка упорно отказывалась дать огня. Кремень высекал искры, газ шипел, но не горела и всё тут! В сердцах сплюнул и бросил зажигалку за спину. Разразился длинной матёрной тирадой. Кто-то ахнул.

- Кто тут? - спросил я. Получилось, как в анекдоте про мужика и театр.

- Я, - ответил тонкий голосок, показался трепещущий свет и Настя, прикрывающая огонь свечи ладонью.

- О, ты вовремя! Извини за мат, я не знал, что ты услышишь.

Я прикурил, глубоко затянулся, сел на, как же это называется? "Завалинка", что ли? Всё у этих сектантов не как у людей. Вытянул больную ногу. Настя плотнее запахнулась в что-то среднее между сермяком и пальто, кинула на завалинку соломенную циновку, тоже присела.

- А вы и правда из будущего?

Я чуть не упал. Вот же дед вывернулся! Как же он замусорил мозги девчонке! Шедеврально! Я из будущего! Ага, как же! Щас прямо тоже поверю в вашу ахинею и пойду искать Сталина и Берию. Приду, заявлю: "Слышь, вы двое, вы кругом не правы, я один знаю как надо!" Я так живо представил себе эту картину, что заржал.

- Нет, конечно, нет. Это невозможно. Путешествия во времени - удел

фантастов.

Настя расстроилась.

- Я бы хотела хоть одним глазком взглянуть, как там, в будущем.

- Зачем?

- Интересно. Как люди одеваются, как города выглядят, научатся люди летать или нет.

- Летать - нет. Города выглядят грязными, а люди одеваются по-разному. Кому на что денег хватает.

- Денег? Говорили, в будущем от денег откажутся.

Я опять рассмеялся.

- Это кто же от денег откажется?

- Как же? Когда победит коммунизм, надобность в деньгах отпадёт.

- Ну, так-то, да, но надо чтобы коммунизм победил.

- Коммунистический строй - самый прогрессивный и его победа неизбежна!

- Это верно. И что самый прогрессивный, и что - неизбежно. Жаль, "в пору ту прекрасную не придётся пожить ни тебе, ни мне".

- Почему же? Я - точно поживу.

- Может быть. А я вот не верю, что людскую природу удастся изменить. Алчность, жадность, похоть - а...!

Я махнул рукой.

И вдруг почувствовал себя слабоумным. Сажу в лесу на завалинке и веду беседы с живой и симпатичной девушкой "о коммунизме". Как политрук. Разве за этим она пришла? Конечно, нет. Живет деваха в лесу, с дедом, древним, как мамонт, у которого и не стоит-то ничего, кроме сектантских психо-установок. А у меня-то стоит. И давно. А она - вот она. Рядышком. Сама пришла. Чешется, небось. А разговоры - это так, повод.

Я обнял её, поцеловал. Она заверещала, стала сопротивляться.

- Чё ты ломаешься, как целка? А то я вас не знаю!

Ага, та вон не ломалась. Сама в койку прыгнула. А я, дурень, какого-то морализатора включил, стал её уму-разуму учить. Имбицил. Всем бабам только одного и надо. Не, не одного, много их надо, но только их. Одного им всегда мало. А всё остальное - это всё шелуха, которую они выдумали, чтобы парить нам мозги. Чтоб мы о них думали не то, чем они являются. Ведь, если они не будут "украшать" обманом нашу реальность, то в табло им прилетать будет регулярно. Все же знают, что все бабы гулящи, но позволяют обманывать себя. "Моя-то - не такая!". Все они - такие!

- И не ломайся тут! Меня не обманешь!

Когда всё кончилось, она заревела так, будто кто-то умер. А мне

некстати пришла в голову мысль, что завалил её я на завалинке.

- Дедушка убьёт тебя!

А вот это - вполне вероятно.

- Сука! - ответил я ей, натянул джинсы и пошёл. Туда, где, по-моему мнению, была моя машина. Там помповик. Да, тяжело на деревне без пулемёта. Особенно, если у соседа - обрез.

Судьба Голума.

Как сказка оборачивается кошмаром.

Вот ведь лярское племя это, бабы! Пришла, сама пришла, получила, что хотела, а теперь: "Дедушка убьёт тебя!" Как у тех пауков. Черная вдова, что называются.

Потом пришла мысль, что я ей был дефлоратором. А в эту роль, обычно по-жизни, бабы выбирают самых мерзких. Самых немужественных. Слюнтяев, маменькиных сынков, полусладких и прочих подонков. Типичный пример - Ромео. Это тот, что распечатал Джульетту. Маменькин сынок, слюнтяй, полуголубок, да ещё и поддонок - друзей предал, брата Джульетты убил. Парень, то есть, совсем с логикой не дружил. Жил эмоциями. К чему привела эта жизнь - весь мир знает.

А я?

С тяжелым сердцем вынужден был констатировать, что и я - не лучше. Такой же поддонок. Мразь и сволочь. Так же простился с мозгом, позволил себя обмануть, вот и результат - я конченный. Поэтому и стал для этой лесной Насти её первым. Хуже меня - не нашла.

Конечно, осознавать себя мерзостью - неприятно. И даже - очень неприятно. Надо бы это изменить. Но... Ничего уже не вернуть, не исправить. Это не компьютерная игрушка - тут не засейвишься. И не загрузишься. Тут косяк - он - навсегда. "Скоро рассвет, а выхода - нет!"

Но, было средство, не, не выход. Был давно проторенных способ - самообман. Волшебная таблеточка - и адъёс - тоска. Химическое настроение попёрло в гору. Чёрный ночной лес расцвёл красками, фантастическими цветами, звуками.

Было в этом одно "но" - я заблудился. Под "химией" я всегда терял ориентацию. Всегда терялся. Вот и теперь - куда я иду? А, пох! "У меня есть ноги и поэтому - иду! Иду навстречу цветным витринам, мимо пролетают дорогие лимузины".

А потом приятные галлюцинации сменились кошмаром. Такое тоже бывает. Это называется - "подсесть на измену".

В этот раз на меня налетели зелёные лешие и орки, сбили с ног, избили, скрутили, связали, куда-то потащили. Вот это меня торкнуло!

Притащили меня к своей орочьей повозке. Такая была в сорокатысячном Вархамере. Ага, а около Боевого Драндулета стоял Некромант. Ага, реально - Некрос. Весь такой чёрнющий, вместо глаз - чёрные провалы, а из глубины - пламя Хаоса. Чёрные зубы за полопавшимися губами. Вместо слов - сиплый свист. Блин, у меня от страха все отнялось.

Но, Некромант ничего не сказал, сипло выдохнул, взмахнул своим чёрным рукавом и исчез прямо в воздухе. Часть гоблинов кинулась его искать, остальные накинулись на меня, стали избивать, вязать. После очередного удара кованным сапогом я провалился в беспамятство.

Нет, они не были орками, гоблинами, некромантами. Это всё был результат воздействия тяжёлой психоделической химии. Но, они были не ангелами. Из того же дурдома, что и дед с внучкой. Реконструкторы, блин. Причем, очень ответственные. Насколько мне хватает моих исторических познаний - не допущено ни одного прокола - ни одной вещи, не соответствующей временам ВОВ. Они даже прикуривали от огнива. Психи! Какой нормальный человек будет так мучиться, когда есть дешёвые китайские зажигалки? Эти психи настолько вжились в роль, что многие из них очень натурально изображают раненных. А командир их, Некромант - самый шизанутый. Изображает из себя ходячего мертвяка. Он даже воняет гниющим мясом. А этот лихорадочный блеск глаз из чёрных провалов, что у него образовались вокруг глаз? Какой косметикой это можно сделать? А как так натурально изображать травму головы. У него явное сотрясение мозга в тяжелой форме, уж я-то знаю. Или он очень хороший актер. Нет, конечно, блеск глаз не красный, как мне приглючилось, но явно не нормальный. А когда он смотрел на меня, его глаза превращались в два ствола, смотрящих прямо вглубь черепа из глубоких черно-фиолетовых колодцев. Взгляд, как у тех убийц на дороге. Видно, их раньше в одной палате содержали. Зачем выпустили?

Допрашивали они меня, ха! Зачем я к немцам побежал? К каким немцам? Ладно, вы в роли, но я-то - нет. Это в ваших воспалённых мозгах живёт реконструкция, у меня-то нет! И любые мои попытки что-то объяснить жестоко пресекались побоями. С чувством так били, в удовольствие, садисты. Теперь я понимаю, зачем состоятельные люди идут в этих реконструкторов играть. Садисты. Психи больные!

Хотя, не были они похожи на "состоятельных людей". Тощие, облезлые, заросшие, грязнищие, все оборванные. Или они настолько в роль вжились?

Ещё как вжились! Так натурально играли удивление найденным в

моей машине канцтоварам и Моторолам, Станиславский нервно курит. Один Некромант переигрывает - объясняет своим гоблинам назначение скотча и степлера. Это такой прикол? А в чем он? Не вижу смысла.

Потом я был объявлен официально "Гостем из Будущего" и провозглашена новая миссия - доставка меня "кому следует". Я понимаю, им игра, но меня пинать-то зачем? На все мои попытки их потроллить реакция была неадекватно жестокой. А Некромант меня ещё и заставил сдавать экзамен по истории ВОВ письменно. Курить не давали, на мою ломку - плевали.

Ломились, как лоси, по лесам напропалую. Мою разбитую машину подцепили к Ганомагу (и где его только откопали, такую редкость?)

Прямо, всё по правилам. Играют ребята по-серьёзному. С полным погружением в роли. Некромант меня зачем-то агитирует "Родину любить". Нет, парень, уже поздно. Родина и представители её властей меня предали, продали, с грязью перемешали и выбросили. Не, не выбросили, сам сбежал. А то бы схарчили, не поморщившись. Так что от Родины у меня определённый осадочек, так что не быть мне членом вашего патриотическо-реконструкторского клуба. Звиняй!

Потом у них случился казус - один из реконструкторов не выдержал, сбежал. Объявили шухер, поймать его не смогли, объявили его предателем и перебежчиком и погнали ещё пуще. По напряженным лицам реконструкторов понял, игра близится к развязке. Теперь финальная пейнтбольная перестрелка - и по домам.

Обыгрывалось преодоление полосы ж.д. пути. Реконструкторы из другой команды тоже подошли к своим ролям серьёзно и даже основательно. Я слышал грохот пулемётов, взрывы гранат, свист и хлопки взрывов мин. Блин, и не жалко им тратить бабло на это? Это же чертовски дорого - изготовление всего этого реконструированного хлама.

Оказалось, игра не окончена. Погнали дальше. Гнали так, будто убегали от чумы. Или от Судьбы. Совсем ребята двинулись на этом своём хобби.

Судьба Голума.

Очевидное - невероятное.

А потом была очередная переправа через очередную водную преграду, где мы попали в "засаду". Я думал, что это всё игра, пока вокруг не начали свистеть пули и осколки. Пластиковые шары так не свистят. И вокруг замертво падали люди. Осколки рвали тела прямо у меня на глазах.

Это не игра! Люди вполне натурально погибали! Так не играют. Это уже убийство!

А когда и мне прилетело в бок, я окончательно убедился, что и эти ребята, и те, что в серой форме, вполне всерьёз убивают друг друга.

То есть, получается, что это не реконструкторство, а что? Что дед, Настя и Некромант - правы? И я нахожусь в 1941-м?

- Чё за хрень тут происходит?! - заорал я.

- Война, ублюдок, ты ещё не понял? - просипел Некромант, схватил меня за воротник и потащил на берег.

41-й! Вот это попадалово!

- За что мне всё это?! Господи, за что?!

- А вот теперь сиди и думай - за что? Да, не высовывайся. Мне ещё одна дырка в твоей башке - без надобности.

Да, и мне - без надобности. Прижался к стылой земле, как к милке.

Вокруг шёл жестокий бой. Яростные крики, стоны раненных, крик раненных коней, трескотня очередей, хлопки гранат и мин. Не реконструкция. А что? Реальность? Да ну на! Не может такого быть, потому что не может быть никогда! Не бывает так. Это только в книжках про "попаданцев". А в реале - не бывает. Время - неизменно. Путешествия во времени - невозможны. По определению.

Я - точно лежу где-то при смерти, а всё это - видения моего умирающего мозга. Тут в кучу, как во сне, собрались все недосказанности, недоделанности из моей жизни. Недоделанность с Неважно - история с этой лесной Настей, увлечённость фэнтази-фильмами и компьютерными играми - эти некроманто-зомби-гоблины-орки. Увлечённость историей ВОВ - этой "реконструкцией". Да, именно так. Там я умираю, здесь - тело моё тоже отмирает. И не наркотическая ломка меня корёжит, не повреждённое колено, не дырка в боку от пули "немцев", а сигналы умирающего тела так проецируются мозгом в эти видения.

А кто же тогда этот Некромант? Его роль не ясна. Уж больно он необычен. Его поведение выбивалось из линии "реконструкторов", но и линии "реально - 41-й" не соответствует. Он же на самом деле понимает значение всех моих "иновременных" вещей. И он проводил сравнение личностей и событий 1941-го года с Толкиеновской нетленкой. Хотя, не то что фильм, книги ещё нет. В 1941-м. Ага, он ответил, что сам автору рассказал эту историю, как же, "верю"! Меня Голумом обозвал. А ведь - и правда. За эти годы мытарств я стал, как и Голум, бледным, тощим, пришибленным. С такими же проблемами в голове. Сам с собой разговариваю, шиза прогрессирует. А уж параноя - вообще прописалась в моей душе хозяйкой. М-да! Попадание в десятку. Но, откуда он может знать такого персонажа. Не может. Если это 1941 год - не может. Значит что?

Или, первое - это не 41-й, или, второе - это всё происходит чисто внутри моей головы.

Меня куда-то потащили, перевязали, опять побежали.

А немец этот пленный, русскоговорящий, он с какого бока в моих видениях? Роль - довольно необычная, не статист, но какие ассоциации могут проецироваться немцем? Что-то я вообще ничего не понимаю.

Несколько дней сидели на болоте. Люди умирали. А Некромант байки травит. Блин, я же все их знаю! Сам подобные любил толкнуть в "свободные уши". Некромант - проекция моего Я? Моя героическая несостоявшаяся часть? Ага, как в фильме "Близнецы" - всё лучшее - Арни и Некроманту, худшее - де Вито и мне. Только Арни в фильме - большой и здоровый, а Некромант - как из "Обители зла". Живой мертвец. Он хоть понимает, что у него уже пошло разложение тканей? Оказалось - понимает. Как он жив до сих пор? Продукты распада должны давно попасть в кровь. Говорит - с Божьей помощью. Ну, вот, а ещё НКВД! Брехло!

Плавали по болотам, бегали чащобами лесными, всё это с боями, с потерями. Вышли в какую-то деревню, где были свои. Да, они мне "свои". А кто? Не немцы же. Пусть уж будет 1941-й год. Неприятно думать, что другой вариант. Ну, что я умираю, а мне "мерещится". 41-й - хоть надежда. В общем, опять самообман.

Видно, красные командиры решили прорываться к фронту. Опять марш-бросок. Бои.

Судьба Голума.

Размышлизмы больного мозга.

Смотрел я на этих людей и восторгался ими. Да, таких не сломать, не победить! На смерть идут, как на пятничную пьянку - с мрачной решимостью. С затаённым предвкушением. С полным самотрешением. Ага, "гвозди делать из таких людей".

На их фоне я выглядел ещё мерзостнее. Моя самооценка упала до небывалых глубин. И я начал ненавидеть их. Их всех. Данко херовы! Жертвенники! И что от ваших 25 миллионов жертв? Кому лучше стало? Амерам? Жидам? Им - да! А нам? Русским? Ну, забили Гитлера, а его покровители и создатели тут же стали душить "победителей". На органы нас. Не негров, не азиатов. Нас. Сейчас не модно так говорить, но Ариев. В основном - славян. Почему? Оказывается - от неариев - не годятся органы. Это как в автомобилестроении - есть немецкие запчасти и китайские. Китайские - годятся, но со всем известным качеством. А есть сертифицированные немецкие. И все знают, что они дороже, но - лучше. Так и тут. Именно славяне стали рынком запчастей для людей.

Сертифицированных запчастей. Не "богоизбранный" иудейский народ. А внуки Сварога. Славяне. Арии. Вот так вот черный рынок и подтвердил осмеянную идею чистоты рас. Вот такой вот вывод из поисков сверхчеловека. Заодно и нашли прародину человека разумного. Место, где зародилась мысле-жизнь. Наиболее генетически близки к идеалу, "ГОСТу", считай Богу, именно славяне. Наименьшее количество генных примесей, считай - брака.

Вот мне и стала понятна такая жгучая ненависть "Запада" к русским. Они же без разбора всех славян называют русскими. Да, и правы они. И я ненавижу этих парней, с одухотворёнными лицами готовящихся к штурму. Ненавижу! Ненавижу, потому что не стал ими. Не стал такими, как они. Не стою в их рядах. И никогда не буду стоять. Так и "Запад" и все, кого мы привыкли "крестить" этим словом, ненавидят русских. Что не смогут жить, как мы. Не могут стать нами. Что бесконечно далеки они от Совершенства, от Бога. Бесконечно. Безнадёжно далеки. Это славяне - "под Богом ходят". Не они, такие все цивилизованные, а варвары-славяне под Богом. Что, какой бы строй нам не навязали, каких бы "царей" не посадили, как бы ни унижали, уничтожали, мы строим и строим Царствие Небесное. Этикетки у Царствия Небесного меняются, а суть - нет. Сейчас Внуки Сварога строят "коммунизм". Этого допустить нельзя! Когда проект будет на завершающих этапах - "ундермиши", недочеловеки, все эти нелюди с чудовищными генетическими, а, соответственно, и психологическими проблемами начнут умирать. Умирать просто и без причины. Или массовыми волнами суицидов. Я не знаю, что тут за взаимосвязь, но она - есть.

На себе чую. Пусть с генетикой у меня нет проблем, но вот с головой и душой - полный швах. Я вижу, чую сейчас вокруг меня зарождение надличностного сознания. Как там? Эгрегор, что-ли? Эти ребята, отринув в себе всё тёмное, звериное, сейчас создают незримую сущность - Боевое Братство. Они уже возвысились сами над собой. Они сейчас, готовясь с священному таинству, ритуалу - бою на смерть, идя на смерть в Великой Священной Войне, стали в данный момент, может, не навсегда, но в данный момент, теми, кем были их предки - Потомками Богов, Богоподобными. Богами. А я - не стану. Убил я в себе всё светлое и чистое. Затухло пламя души, как пламя свечи. И я чувствовал свою ущербность невыносимо сильно. И чем больше крепчала надличностная сущность бойцов, тем меньше мне хотелось жить. И тем сильнее были позывы к суициду.

С каждым боем, с каждой жертвой, эгрегор крепчал. Ведь, погибшие не покидали его, души их целиком переходили в Сущность. Давление на меня усиливалось. А значит, не только на меня, но и на немцев. Это будет

мешать им думать, парализует их волю, исказит оценку реальности. И поможет нашему маленькому отряду победить. Я уже вижу, что коллективный разум Братства, Товарищества нашёл оптимальное решение. И им удастся прорыв. И ничего немец не сможет сделать. Он будет постоянно отставать. На шаг, на тик. Но, отставать. Не сможет эгрегор немцев бороться с нашим.

И вдруг я понял - мне не перейти фронта. Сущность находится на пике могущества. Когда отряд окажется у "наших", Товарищество распадётся. Бойцов распределяют по разным подразделениям, они войдут в состав иных Сущностей, жертвенные души погибших освободятся и вознесутся, а я - просто умру. Я - внутри Сущности, но вне её. Как и этот немец Вилли. И хотя генетически мы оба арии (иначе умерли бы уже давно, при наборе эгрегором определённой мощи), но не хватает нам комплектности. У него - разум европейца, не способный принять эгрегора подобного типа, у меня - порвана и изгажена душа. Эгрегора я вижу и чую, но не способен в него влиться. А, значит, он - отринет меня.

Сегодня. Сегодня всё кончиться. И вдруг я почувствовал огромное облегчение. Прямо, камень с души свалился.

- Сегодня всё кончится, - сказал я вслух, неожиданно для себя.

- Сплюнь, мерзость, - прорычал Некромант, вяло пихая меня ногой в ошмётке сапога, раз тридцать перевязанного скотчем, - мне тебя надо дотащить до товарищей с "пылающими руками и чистым сердцем". Или наоборот. Не помню. Они тебя посадят под стеклянный колпак и начнут препарировать. Как белую крысу. Вот житуха у тебя начнётся!

Всё это он бубнил, не открывая глаз, в полудрёме.

- Лучше ты сплунь, что самому под стеклом не оказаться, - ответил я.

Некромант оскалился. Его сухие обожженные губы тут же полопались, выступили скупые капли чёрной крови. Но, ничего не сказал.

Судьба Голума.

Жертва.

А когда пришло время, бойцы пошли в атаку. Как я и предвидел - у них всё получилось. Отряд шёл с боем сквозь немцев, как раскалённый нож сквозь масло. Немец ничего не смог им противопоставить. Всё, что они могли - стрелять вслед.

А когда мы прошли, случилась вторая часть предсказания. Первым выбыл немец Вилли. А потом и мне прилетело.

Я был готов к этому. Был морально готов к смерти. Поэтому не удивился, не испугался. Сидел и смотрел на огрызки своих ног, пытался пальцами удержать убегающие из живота кишки. Только бы Некромант не

вернулся! Ему - нельзя. Но, он - пришёл. Я хотел его остановить, крикнуть, прогнать, но ком встал в горле - я не хотел сдохнуть, как собака - в одиночестве. Он подошёл, встал на колени рядом. Впервые взгляд его стал человеческим, не стволами пистолетов.

- Простите меня, - сказал я ему, - Я завидовал вам. У вас есть Родина, которую не стыдно любить. За неё умереть... Я хотел вам помочь... Я старался, писал, вспоминал... Прости... Помоги... Мне так... БОЛЬНО!

И тут боль накрыла меня. Я хотел ему сказать, чтобы он бежал сейчас же, пока не поздно, но получился лишь дикий крик.

- Я тоже из будущего. Я - это ты. А ты - это я.

Зачем ты сделал это? Зачем ты убил себя? Зачем ты отринул Сущность Братства, его иммунитет, признался ему, что ты - чужой? Зачем признал наше единство? Я же - падаль, а теперь и ты ошкварился. Всё это время ты противопоставлял себя мне, это давало тебе силы и стремление расти, совершенствоваться. А теперь - ты - это я. И ты тоже - проклят.

Жертва? Ты это сделал специально? Интуитивно? Спасая мою душу? Давая надежду? Жертвуя собой? Ты хоть осознаёшь цену этому?

Я хотел поблагодарить его, но не смог. Не смог произнести ни слова. Мне было так больно!

Он встал, направил на меня автомат, кивнул мне. Он хотел меня добить, чтобы я не мучился. Он убивал меня. Хотя, я уже был мёртв. Поэтому его глаза сейчас не были глазами убийцы. В его глазах я увидел взгляд моего сына.

Огонь проглотил меня.

Перезагрузка

(1942г.)

Языки пламени лизали уже почерневшие поленья. Душистое мясо на шомполах. Костёр, шашлыки.

Я огляделся. Сидел я на берегу широченной реки, у костра на чурбаке. За кустами слышались голоса нескольких человек. Но, первый вопрос, который у меня возник - "Где я?", а потом - "Почему трава такая высокая? С какого перепуга кусты полностью зелёные, снег же только пошёл?"

На поляну вывалились Брасень, Прохор и Кот с охапками хвороста. Увидев эту троицу, я вспомнил, что это мир Кузьмина, что было чекистское мозгокопание, а всё остальное - мне причудилось. Может меня опять контузило и всё это мне привиделось? Все трое были в форме. Я тоже пощупал петлицы. Я - старший лейтенант. Но, Брасень - тоже старшина. А Прохор - сержант. Кот лишь был без знаков различия.

Они подошли, стали мне рассказывать что-то. Я не слушал. Курить хотелось, но в карманах не было ни привычных папирос, ни кисета с табаком, ни трубки, даже зажигалки и то не было.

- А где курево?

Этот невинный вопрос сильно их напряг. Все трое застыли, выпрямились, уставились на меня.

- Кузьмин? - спросил Кот.

- Нет, блин, Пушкин! Где моя трубка? Хоть папиросы?

Кот прыгнул к сваленным в кучу вещмешкам, выхватил Моторолу, крикнул в неё:

- Улей, Овода срочно вызывает Кот.

- Овод, - через несколько минут прохрипела рация.

- Объект требует курить, - косясь на меня, сказал Кот.

Я лапнул бок - кобуры нет. Оружия никакого. Гля, что происходит?

- Он в порядке? - спросила рация.

- Оружие ищет, - ответил Кот.

- Буду. Глаз не спускать! - рявкнула рация, щёлкнула.

- Кот, что это за шпионское кино? - спросил я его.

Они молча смотрели на меня.

- С кем связывался? И откуда ты Моторолу взял?

- Медведь, ты?

- Нет. А кто должен быть? Вيني Пух?

- Ребята, похоже, Медведь вернулся!

- Я, честно говоря, что-то ничего не понимаю. Что я тут делаю? Что вы тут делаете? И почему трава уже так отросла?

- Медведь! Он!

Они подлетели ко мне, облепили, затискали, со слезами на глазах и дебильными улыбками на лицах. Что-то хором говорили. Что рады, что я пришёл в себя. Вот тут я испугался. Что со мной эти мозгоёжи сделали? Для меня "пропали"... А сколько же времени я "отсутствовал", что трава успела отрасти?

Заскрипели тормоза где-то неподалёку, послышался топот множества ног, на поляну вылетели Кельш с пистолетом и два бойца НКВД с автоматами. Бойцы мгновенно взяли всех нас под контроль своих глаз и стволов, а Кельш настороженно подошёл ко мне.

- Отойти всем!

Троица мгновенно отскочила. Кельш подошёл вплотную, наклонился, внимательно всматриваясь в мои глаза.

- Да, в чём дело, Колян Коляныч? Эксперимент не удался?

- Данилов?

- Упаси Господи! С чего вы взяли? Кузьмин я, Колян Коляныч. Забыли? Ведущий, как там вы обозвали, эксперт, что ли? Шаман, он же Медведь, он же Пух, он же...

- Когда война закончится? - так же настороженно спросил он.

- И когда же она, проклятая, закончится! А вас какая версия интересует? Наша с вами? Это от нас зависит. У Голума она не кончится.

Он отбросил пистолет, грабастал меня в объятия.

- Как же ты нас всех напугал, Медведище!

- Это чем же?

Когда все успокоились, расселись вокруг костра и бойцы осназа утопали восвояси, Кельш поведал мне печальную историю неудачного гипноза. Оказалось, что гипноз вырубил меня. А сознание старшины Кузьмина, считавшего себя умершем, заняло пустующим разум. Никто ничего не заметил. Эксперимент с гипнозом был признан неудачным - Кузьмин впал в буйство. Посчитали, что мне нужен отдых. Отвели в мою комнату. Кузьмин сутки молчал, а потом попытался застрелиться. Он же не знал, я, кстати, тоже, что патроны и в ТТ и в СВТ были заменены на беспороховые пустышки. Оружие отобрали, но Кузьмин отказался общаться с кем бы то ни было. Он пытался ещё и повеситься на собственной, вернее моей, гимнастёрке. Вот тогда наши доблестные чекисты и всполошились. Собранный консилиум, конечно, не смог догадаться, что в одном теле жили два сознания, они видели типичное раздвоение личности. Решили, что это от чрезмерных умственных нагрузок (нельзя не согласиться). Постановили, что это тело надо вернуть в привычную среду. А тут как раз полковник Степанов приехал в Горький с большой группой своих подчинённых получать новые орудия для своей мотострелковой бригады. Степанов, побыв, отчалил разруливать дела бригады. Так эта троица оказалась здесь.

- Да, Николай Николаевич, подобного я не ожидал. Оказывается, я - шизофреник.

- Никто и не сомневался с самого начала, - буркнул Брасень набитым ртом, за что тут же получил хворостиной в лоб. Сухая ветка сломалась на три части, Брасень лишь лоб почесал.

- Они в курсе? - спросил я Кельша.

- Не слишком и удивились. А Прохор и нашёл способ твоего возвращения.

- Спасибо, Прохор!

Прохор, изрядно возмужавший, просто кивнул, скромно улыбнулся.

Дальше разговор потёк легко и непринуждённо. О работе и проблемах не было сказано ни слова. Травили байки, анекдоты, пели. Я им пересказывал фильмы будущего, которые могут и не быть сняты здесь, пел песни, которые могут быть и ненаписанными.

Просидели до утра. Душевно посидели. Степанова только не хватало. Но, он занятой человек, семейный. Настоящий полковник. Не то что мы, шантропа! А Кельш стал комиссаром ГБ 3-го уровня, тьфу ты, ранга.

Я - инквизитор.

Руководитель особой аналитической группы при НКВД, где теперь состояли мы вчетвером, комиссар ГБ 3-го ранга Кельш изменил нам правила игры. Он решил больше не рисковать столь ценным, но хрупким, каналом получения информации, как моё сознание и категорически запретил мне напрягаться. Я уже являлся ведущим специалистом-аналитиком, а стал руководителем подгруппы. В эту подгруппу, пока, входили только Прохор (медобслуживание), Брасень (хозчасть) и Кот (безопасность).

Потом прибавился медведеподобный сержант-осназовец. Ростом ниже меня на полголовы, но способный сломать любого голыми руками за секунду - богатырской силой он прямо лучился. Голова выбрита на лысо, высокий лоб, под надбровными дугами спрятались не только серые глаза, но и брови. Чтобы увидеть его брови, сержанта надо было сильно удивить, но сделать этого было практически невозможно. Он казался уродливым, хотя лицо было сложено пропорционально, лишь нижняя челюсть чуть массивней, чем надо. Рот обычный, но зубы крупные, клыки заостренные, от чего улыбка его, в сочетании с убийственно-холодными глазами, казалась угрожающим звериным оскалом.

Как только мне его представили, у меня возникла стойкая ассоциация:

- Ну, здравствуй, Громозека! - приветствовал я его. И вот тут мы увидели его брови.

В моей памяти Громозека ассоциировался с огромной, но доброй силой. От сержанта создавалось какое угодно впечатление, но только не добрячка. А таким он, в душе, и оказался. У него было имя, фамилия, осназовское прозвище, но с этого дня его никто иначе, как Громозекой, не называл.

Кстати, есть стойкое предубеждение, что подобные Громозеке спецназовцы, способные сломать разом две подковы и головой пробить стену, очень тупые. Громозека тоже производил такое впечатление - молчаливый, мог за целый день рта не раскрыть, неспешный и скупой в

движениях, явный держиморда. Но, глаза его этой телячьей тупостью только завешены, как шторой, он чётко, как промышленный компьютер, просчитывал всё вокруг, если никто не видел и дел у него не было, доставал книгу, начинал читать. Когда я это впервые заметил, поинтересовался жанровым пристрастием. Его не оказалось. Читал любую распечатанную строчку. После томика стихов в руках его оказался справочник сопромата, который он изучал с не меньшим интересом. А когда мне удалось растормозить его и разговорить, он поразил меня точностью психологических портретов окружающих и глубокими философскими суждениями о происходящем. Такой вот меднолобый.

Сержант отвечал за мою личную безопасность.

К работе меня не привлекали и я, воспользовавшись статусом вольноопределяющегося, наведаль Степанова. Посидели, вместе позавтракали, потом поехали на ГАЗ. Степанову нужно было получать автотехнику и роту лёгких танков. На Горьковском автозаводе-гиганте как раз произвели модернизацию лёгкого танка Т-60 превращая его в то, что назовут Т-70.

Подумав, я приказал вернуться на Базу, где я, Кот и Громозека переоделись в парадное, нацепили награды (Громозека имел орден Красной Звезды и медаль "За отвагу"). Кот одел форму капитана войск НКВД. В таком виде мы и вступили на территорию завода-города, настолько он был огромен.

Санёк ушёл общаться с руководством завода, а я решил "прогуляться" по цехам. Наши документы обеспечивали нам "вездеход". Перед экскурсией проинструктировал своих охранников по технике безопасности, привычка обрётённая на производстве - в цех без инструктажа не вступай:

- Не лезте туда, куда собака хвост не совала. По возвращении пишем сочинение на тему: "Что я увидел необычного". Ясно? Тогда - попрыгали.

Впечатлений было масса. Положительных мало, а так - масса!

С полковником Степановым встретились в танковом цехе. Стоял брёх. Полковник требовал танки, мужик в форме технических войск вежливо посылал его по неинтересному аморальному маршруту. Ему башни не привезли и всё тут! С новыми литыми башнями у завода-подрядчика никак не заладиться. Я не вмешивался, походил, пощупал "танки", поглазел вокруг, только потом встрял:

- Товарищ полковник, разрешите обратиться.

- Что, Витя?

- Саш, на хрена тебе это говно!

Мужик аж подпрыгнул.

- Не понял, - угрожающе уставился на меня Санёк.

- Ну, сам посуди - какой от них толк? Броня - противопульная, башня маленькая, там умещается только пушка-сорокопятка и один человек. Танк слепой, глухой, беззащитный и беззубый. Что такое сорокопятка тебе надо объяснять? Против танков - не годиться, против пехоты - тоже. Какое назначение этого танка? Чтобы было? Против кого на нём воевать? Против зулусов? Как у немцев пехота насыщена противотанковыми орудиями - ты знаешь. Этот танк нужен был лет 10 назад. А теперь - только против турок или японцев. Это стальной гроб для двух пацанов. Этот танк делали не для войны, а для... Интересно, для чего? Для отчетов?

А вокруг нас собрался рабочий люд. Какой-то ботан в очках "кипел чайником", но НКВД за моими плечами надёжно затыкало ему "свисток".

- Блин, как сотрудник госбезопасности, я тут вижу явное и умышленное вредительство.

"Чайник" побледнел. А я развивал тему:

- Это что ж получается - ресурсы потрачены, люди заняты, товарищу Сталину доложили, что армия наша располагает "энным" количеством танковых полков, а на самом деле? А на самом деле боевая эффективность танка стремиться к нулю. Он даже для разведки и боевого охранения не подходит. Какая, на хрен, разведка, когда заряжающий, наводчик, командир танка и ротный - это разом один и тот же человек? И рации нет. Какая разведка? Как управлять этим барахлом? "Делай как я?" Так башнёру куда смотреть - на ротного или на противника? Товарищ полковник, если вы возьмёте эти подделки под танки, то и задачу не сможете выполнить, и пацаны сгорят без толку. А, в принципе, они до поля боя и не доедут.

- Что это - "не доедут"? - "чайник" вскипел.

- Два бензиновых автомобильных двигателя по бортам, работающие на один вал вне дороги создадут такой резонансный эффект, что без обрыва вала или заклинивания одного из движков никак не обойдётся. Они его по пашне не гоняли? А осенними размытыми дорогами? В армию поставляют! И, как вас, товарищ?

- Астров, главный конструктор, - гордо вскинул голову "чайник".

Ого, историческая личность! Ах, как я мечтал покрыть матом человека, о котором будет упоминать учебник истории:

- Я обязательно напишу отчет обо всём, что увидел. Я только полчаса вижу этот "танк", а вы его создали. Вы его с какой целью создавали? До свидания, товарищ Астров!

Пока мы шли обратно, Санёк был очень задумчив.

- Что это было? - спросил он, наконец.

- Провокация. Я не думаю, что он умышленный враг. Так, неотработанная, сырая конструкция, устаревшая до рождения.

- Он, конструктор, этого не увидел, а ты - увидел.

- Да что там видеть-то? Очень спешная модернизация. У Т-60 был один автомобильный движок, тут видимо решили поставить два. Если один выйдет из строя. Систему сопряжения двигателей ещё не успели продумать. Рано или поздно пришли бы к продольному последовательному соединению. Да, и прежде, чем что-то делать, нужно иметь представление - на хрена? Им поставили задачу - танк весом до 10 т, они взяли готовые элементы и слепили то, что просили. Только, лёгкие танки изжили своё. Им просто нет места на поле боя.

- А что вместо?

- БМП. Боевая машина пехоты.

- Нет такого.

- Будет.

Степанов вздохнул, отвернулся. Он, что, боится меня? Да ну, на!

Но, чёрная кошка меж нами пробежала.

На следующий день по моей докладной мне была устроено "промывание мозгов". Я многое о себе узнал нового, но не интересного. Даже обидного. А когда я взялся отстаивать свою точку зрения, доказывать, что я не "критикан дешёвый", то разверзся ад просто. Тогда я развернулся и ушёл, хотя Кельш меня не отпускал.

А не хрен исторических личностей троллить! Вот тебе и обратка от Мадам Маховик. Так и слышу громоподобный глас её, Истории: "Ты кто такой? Давай, до свиданья!" Ага, щас! Лыжи смажу. Я тоже упёртый. Стал.

Я пришёл через полчаса с докладной на имя Сталина, где перечислил все мои мысли о лёгких танках этого типа и просил дать возможность выработать концепцию нового танка непосредственной поддержки пехоты.

Кельш прочёл, сказал:

- Написано по-идиотски. Переписывай!

- Не буду! Так отправляйте! - упёрся я. Пора Истории познакомиться с матерью Кузьмы. Той, что "кузькина мать".

Письмо моё до Сталина дошло. И очень быстро. А на следующий день на завод явилась группа командиров и военных инженеров. Тут были представители всех заинтересованных сторон - от армии - автобронетанковое управление, главное артуправление, наркомат обороны, наркомат танковой промышленности, генштаб, ещё какие-то структуры. Это была рабочая комиссия. Начался "разбор полётов" с конструкторами машины, командованием армии и промышленниками. Ну, а для начала,

пытались "проехаться" по моей личности. Неожиданно для меня, Кельш оказался на моей стороне. Обломись, ребята! Мы - аналитическая группа! Оказалось, что мы - Инквизиция! При Берии. Это ему Кельш напрямую доложил мои соображения. А БМП они видели в "9 роте". Отсюда такая скорость всех действий.

Разбор быстро перешёл в стадию бесполезной брехни. Армии нужно много танков, промышленность их дать не может, а конструктора слепили из того, что было, то, что есть.

А потом прилетел Берия. И я был удостоен личной аудиенции.

- Здравия желаю, товарищ народный комиссар госбезопасности!

Берия, невысокий крепыш с внешностью типичного кавказского еврея, в знаменитых очках, и с красными глазами за ними. Поморщился, я наверно, громко кричу, сказал, показав на стул:

- Здравствуй, крестник. Проходи, садись. Мне уже докладывали, что ты, как та свинья, везде найдёшь приключение. Как говорил товарищ Кремень - упадёт в самую вонючую лужу и достанет самородок. Надеюсь, в этот раз ты неспроста взбаламутил это вонючее болото.

Акцент не сильный. А он не похож на те попытки его изобразить, что я видел.

- Так точно, товарищ народный комиссар госбезопасности!

- Не ори, товарищ Шаман, не ори! И ко мне обращайся - товарищ Берия.

- Есть, товарищ Берия.

- Да, хватит формализма, сядь, наконец. Давай просто поговорим. Расскажи мне, что ты там придумал.

- Я считаю подобные Т-60 и Т-70 машины полностью бесполезными, а учитывая наше положение - ещё и вредными, отвлекающими ресурсы и людей без пользы. Самообман к победе не приведёт.

- Американцы продолжают строить подобные танки.

- А немцы прекратили. Они срочно переделывают оставшиеся лёгкие танки в разведывательные машины поддержки танковых батальонов, ещё лучше станет обзорность и связь. И в противотанковые самоходки.

- Да, мы тоже получили такие сведения.

- А янки? Их вообще рано считать танкостроительной нацией. Ну, они богатые - нехай побалуется. Против японцев и Т-60 был бы отличной машиной. Но, мы воюем с Гитлером и Вермахтом, с лучшей военной машиной мира. И эксперименты нам обойдутся вдесятеро дороже.

- Это понятно, что ты предлагаешь? Что-то из своих "видений"?

- Можно и так сказать. Используя имеющиеся мощности и части

танка Т-70 можно создать более эффективную машину. А вернее - комплекс машин.

- Так-так. А не вылетим ли мы в трубу с твоим комплексом?

- У всех машин будет одна база, одно шасси, но разные надстройки. Машину надо сразу проектировать модульную. То есть, по необходимости, на едином шасси надстраивается или лёгкая самоходная артустановка, я предполагаю с орудием ЗиС-3, как потенциально массовым. Подобного орудия достаточно. САУ будет "работать" позади пехоты, вместе с ней, огнём расчищая пехоте путь. При необходимости, САУ может исполнить роль кочующего орудия или отразить контратаку танков. Но, это машина пехоты. Для борьбы с танками надо создавать более защищённые САУ на базе Т-34 или КВ, но с более мощным орудием, чем у сопровождаемых танков. Вторая машина - зенитная самоходка с 37-мм орудием, американскими или трофейными 20-мм автоматами или спаркой ДШК, способная открыть огонь немедленно по неожиданно возникшей угрозы с неба. Их задача - сопровождение на марше колонн и "зонтик" над ними. Третья машина - боевая дозорно-разведывательная машина высокой проходимости для разведподразделений механизированных частей. Глаза и уши разведки будут прикрыты от неожиданностей.

- Бронеавтомобили используются для этого.

- Я видел разгромленную колонну. БА-10 не смог пройти через придорожный кювет. А разведка в бездорожье?

- Есть ещё?

- Боевая машина пехоты. Перевозка до отделения мотострелков, прикрытие их бронёй и крупнокалиберным пулемётом. Для комплектования мотострелковых батальонов будущих танковых армий.

- Перспективы ты разрисовал радужные. А удастся?

- Дорогу осилит идущий, Лаврентий Павлович.

Берия замолчал, долго думал, потом, наконец, спросил, хотя видно было - вопрос был результатом долгой внутренней борьбы:

- Что ты знаешь обо мне из Будущего?

Я вздохнул. Я тоже боялся этого вопроса. Я рассказал ему, что он палач, душегуб, растлитель тысяч девственниц. Ему очень понравилась фраза про "питьсотмиллионов-невинно-убиенных".

- Это юмор. Похоже на реакцию отторжения навязываемой лжи, - задумчиво сказал он.

- На ваше имя вылиты столько помоев, всё так основательно перемешано с грязью, что уже и не разобрать.

Я ему рассказал об его руководстве ядерным проектом, о его отставке

и казни.

- А дети? - этот вопрос дался ему ещё тяжелее.

- Я не интересовался вашими семейными делами, Лаврентий Павлович. Скандалов с именем ваших детей на слуху не было. Я даже не знаю, сколько их у вас. Помню только, да и то не точно, что вроде как один из ваших сыновей плотно работал над атомным оружием. И с ним всё было нормально. Известный в кругах физиков-ядерщиков учёный. Только, я ошибиться могу, Лаврентий Павлович, вы уж простите меня.

- Не за что мне тебя прощать. Как я понял, раньше, осенью, ты принёс другие сведения.

- Будущее не предрешено. Каждую секунду, каждое наше действие меняют будущее.

Берия долго смотрел в мои глаза, потом мы распрощались.

Когда я вышел от него, облегчённо выдохнул. Гимнастёрка на спине потемнела от пота, будто я кросс пробежал. Видя моё состояние, Кельш отпустил меня спать.

Я - конструктор.

Или немного прогрессорства.

При Наркомате танковой промышленности было создано особое конструкторское бюро, типа НИИ более позднего периода. Как оно на самом деле числилось - мне было недосуг запоминать. Специалисты этого НИИ присоединились к рабочей группе конструкторского бюро завода, фактически подчинив их себе. Я стал ведущим советником. А так как сам Берия рекомендовал им прислушаться к моим советам, то приступили к работе.

Читая приказ о моём назначении, сначала не поверил - речь в приказе шла о капитане Кузьмине. Кельш, улыбаясь, вручил мне новые петлицы со шпалой. Так, теперь я оказался в ранге старшего комсостава.

Старшим в особом бюро боевых машин поддержки (прижилось моё название) был еврей с фамилией Гинзбург, которую я долго не мог запомнить. Вот мы собрались вокруг Т-70 без башни. Слово предоставили мне. Я начал так:

- Главное в боевом оружии - это его эффективность. Каким бы технически совершенным не был образец конкретного изделия, если он не помогает достичь цели - он плохой! Поэтому, разработку новой боевой платформы надо начать с тех задач, в процессе решения которых и появиться наша боевая машина. Кто-нибудь записывает? Ага, хорошо!

- Итак, первое - вес. Будем ориентироваться на вес 10-15 т. Сам вес не столь важен, важна проходимость. Пункт 2 - проходимость. Машина

должна обладать достаточной мощностью для поддержания маршевой скорости по шоссе до 60 км/ч, вне дорог - 40 км/ч и должна суметь пройти там, где может пройти пехота, т.е. на слабых грунтах. Защищенность. Это третье. Лобовая проекция должна держать бронебойные пули, снаряды мелкокалиберной артиллерии до 37-мм включительно, бока и корма - бронебойные пули противотанковых ружей. Вооружение. Тут зависит от типа машины. Давайте займёмся базой.

- Основой пойдет вот это уёжище, простите, если кого-то обидел. Что мне не нравится? Узкая база. Кто вас ограничил в ширине корпуса? Что же вы все такие узкоформатные? И вездеход ГАЗ - 64 сделали зауженным, все бронеавтомобили из-за этого неустойчивы. Вы для чего машины делаете? Для войны? Так война редко на дорогах происходит. И не на шахматной доске ведётся. Машина должна быть устойчивой и просторной внутри. А высоту повышать - нельзя. Это влияет на живучесть. Надо делать шире.

- Производственная база вводит эти ограничения.

- Да, согласен, и из этого тупика два пути. Заказать или построить нужное оборудование. Это большая головная боль конкретно для вас. Или "ляпнуть" как есть и пусть голова болит у армии. Так? А если я вам сейчас, суки ленивые, свинцовую примочку от головных болей и геморроя разом выпишу? Вы о пацанах, что на ваших уёжищах переворачиваются в боевой обстановке, думали? А если за них сейчас я спрошу? Хорошо устроились, импотенты духовные!

- Ширину военные заказали именно такой, чтобы в самолёт влезал, - возразил Астров.

Я подождал, пока успокоюсь, продолжил:

- Для подобных узкоформатных военных останется линейка узкоформатных машин. Назовём "узкую" серию - Аэро. Думаю, они будут в пролёте, но формально их требование вы выполнили. А для всей остальной армии - за ширину новой машины берём ширину ж.д. платформы. Я сейчас не помню, схожу, померяю. Это единственное ограничение ширины. Если нехватка оборудования - мне подать список. Мы, с Лаврентием Палычем, разберём ваши заявки. Что-то закажем, что-то сами сделаете.

Я обошёл машину, встал около кормы.

- Длина явно недостаточна. Самоходное орудие должно быть устойчиво для точности и скорострельности. В широкую и длинную машину пехоты должно вестись отделение стрелков. Это десять человек. Ещё водитель, пулемётчик и командир машины. 13-14 человек. На глаз, тут надо добавить три - четыре катка, с соответствующим удлинением базы.

- Откройте, будьте добры, моторно-трансмиссионное отделение. Ага. Я не спрашиваю о профпригодности и грамотности человека, кто эту систему сопряжения придумал. Мне не интересно. Все мы учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Но, даже мне, пехотному командиру ясно, что взаимные колебания перемножаться и просто разрушат двигатель. Уже увеличивали толщину вала? Ещё хуже будет. Что не пошли проторенной дорогой авиадвигателестроителей? Кораблестроителей? Они ещё на заре века ставили несколько моторов в ряд, с работой на общий вал, удваивая или утраивая таким образом количество поршней. Два двигателя становятся одним. Мы сделаем то же самое. И гибкая муфта меж ними, чтобы наверняка.

- Так, я думаю этого на сегодня достаточно. До утра всё обсчитать!

Конструкторов распустил, пошёл по заводу. Первый пункт - инструментальное производство. Надо выяснить его возможности. Потом литейные цеха и участки, сварочные, кузнечные, прессово-штамповочные, термообработки, только потом - сборочные.

Облазив и "достав" всех мастеровых инструментального участка, был разочарован. Пошёл в литейку. И только там до меня дошло, что я не оттуда начал.

Мощность начинается с энергии. А энергия - это ТЭЦ. Там тоже оказалось всё тоскливо. Нет резерва расширения. Расширяться некуда, надо совершенствоваться. Побеседовал с главным механиком завода и главным энергетиком. Резерв "изыскали". И Кельш обещал что-нибудь поискать.

Расчёты закончены, решили строить модель в натуральную величину. Причем, меня удивил подход этого завода - модель строили не из дерева, а из алюминиевых листов. На стенде запустили последовательную спарку. Работает. Стенд - не поле, конечно. Но и это радует.

Пришёл ответ по списку, что я передал Кельшу. Будет поставка оборудования, станков и электродвигателей из США. Когда я пришёл с этой вестью к руководству завода, былой лёд меж нами треснул до "дна". В моём лице они увидели не только проблемы, но и решения. Не охамевшего меднолобого держиморду, инквизитора, а коллегу.

Надолго, на несколько дней, застрял в металлургии. С главным металлургом вообще чуть не побратались. Ещё бы - шесть лет в литейке я не груши околачивал. Их очень заинтересовали многие решения, привычные для меня, которые для этого времени хоть и были известны, но считались рискованными, новаторскими. Спроектировали, заложили, а потом и запустили несколько новых литейных машин и участков. Сам,

лично, проводил плавки и заливки до тех пор, пока мастеровые не освоили кокильное литьё, центробежное литьё.

Были разработаны и отправлены заказы на изготовление пневматических формовочных машин, машин литья под давлением. Очень заинтересовало моих коллег литьё по выплавляемым моделям. В моё время для этого использовался пенопласт, здесь решили использовать парафин.

Жаль, но плавки в вакуумных печах и порошковая металлургия для этого времени - неосуществимая мечта. Но, доклады на эту тематику настроил.

Энергетики запитали установки электрошлакового литья. Кокиля уже готовы. Противопригарные краски изготовили сами. В моём прошлом, нас часто "кидали" снабженцы и мы, узнав состав смесей, флюсов, присадок, часто смеси делали сами. Смеси получались не очень, но, лучше, чем ничего. Опыт мне пригодился здесь. Шнурового асбеста я не дождался. Пришлось выкручиваться. Первые три плавки и заливки провёл сам. Ещё на трёх - присутствовал. Получается. И, слава Богу!

Пока я душу отводил вознёй в литейке, корпус из обычной, не броневой стали, был собран. Пора ехать за орудием. Первой нашей машиной будет Единорог - который я знал как СУ-76М.

Если Грабин и удивился при виде меня, то вида не показал. Я объяснил ему, что мне нужна версия ЗиС-3 для самохода. Грабин собрался мигом, взял с собой несколько лобастых подчинённых и мы приехали на наш завод. Благо, завод, на котором трудился этот гениальный инженер, расположен так же в Нижнем, тьфу, Горьком. Тут Грабин, Астров, Гинзбург, я и ещё куча инженеров бурно обсуждали вид САУ, место установки орудия, способ. Я отмёл тезис, обозвав его "ненужным консерватизмом", что орудие не должно выступать за габариты машины.

- Лет через двадцать Василий Гаврилович будет ставить на средние танки шестиметровые 125-мм автоматические орудия. Как им не выступить за габариты?

- Молодой человек, это невозможно. Танк не выдержит, - возразил Грабин.

- Это сейчас. А когда будет изобретено нечто новаторское в подвеске? А если на танке 750-сильный дизель? А 1000 сильный? А вес орудия снизится. Оно будет гладкоствольным.

- Какой в нём смысл?

- Стрельба оперёнными подкалиберными снарядами по хорошо защищённым целям. А гранатой и так - нормально, без нарезов. Танк всё одно, не гаубица, дальше, чем видит, не стреляет.

Грабин надолго задумался, выпал из обсуждения. Но, в процессе дальнейших согласований завод стал поставлять нам переработанную оружейную систему, уже готовую к установке. Орудие ЗиС-ЗШ (штурмовое) было оптимально заточено под наше САУ. Противооткатные устройства были забронированы кожухами, специально разработанный станок и щит вместе с орудием просто вгонялся в пазы и крепился болтами. При необходимости и наличии крана орудие заменялось очень быстро.

Орудие торчало вперёд машины, машину я настоял сделать минимальной высоты, но максимально просторной. Высота получилась даже меньше 2 м. Между моторным, трансмиссионным отделениями, отделением управления и боевым отделением пока перегородок не было. Бак с горючим тоже не отделён.

Боевое отделение я видел так - наводчик орудия позади механика-водителя, сидящего в носу машины, в отделении управления, соответственно, слева от орудия. Командир машины и расчёта - справа от орудия, заряжающий - позади командира, а сзади - снарядный, он же пулемётчик. На этой машине будет зенитный ДШК. Боевое отделение будет открытым сверху и наполовину сзади. Хотя, я думаю, что задний борт надо будет сделать складывающимся, чтобы разложенным он удлинял пол.

На рычагах - испытатель завода. За наводчика - Асторов, я за командира, Гинзбург за заряжающего, Громозека - пулемётчик.

Поехали! Машина пошла! Обрато мы возвращались пешком, оставив сломавшуюся машину дожидаться тягача, но в отличном настроении - МАШИНА ОЖИЛА!

Посыпались, как из рога изобилия, производственно-снабженческие проблемы. Пока я мотался, их решая, пришёл приказ о создании на базе испытательного центра ГАЗ учебного центра ЛЬ 7. И штат, как у полноценного училища с одним курсом. Не понял я, директору завода - плевать. Объяснил по приезду Кельш:

- Кто будет воевать на твоих машинах?

- Их ещё на вооружение не приняли, - пожал я плечами.

Теперь удивился Кельш:

- Зачем заварил эту кашу, если в успехе не уверен?

Жестоко, но справедливо. И вселяет надежду. Только, все организаторские заморочки с УЦ стали моей головной болью. Пришлось изыскивать время. От строительства машины, совершенствования технологий производства отрывать нельзя. Отменил личное время и утренние кроссы с Громозекой. На сон осталось 4-5 часов.

Совсем зашил бы, вырубил опять Кельш, прислав майора-

инвалида, списанного вчистую - куда он с одним глазом, на протезе ступни и культёй руки? Все организаторские вопросы по центру майор быстро перехватил у меня, чему я был только рад. Майор пахал, как изголодавшийся, и у него получалось даже ловчее, чем у меня. Ещё бы - он до ранения погранучастком командовал.

Художник завода нашёл мне древнерусскую гравюру мифического единорога. Перепробовав несколько эскизов, выбрал один. Вырезали трафарет из листа алюминия и нанесли белой краской на борту изображение единорога.

- Почему единорог? - спросил Кельш.

- Чисто наше, мифическое создание. Кроме того, у нас уже была в истории пушка-гаубица Единорог. На ней, на казне, как раз этот единорог и был. Преемственность.

- Понятно. Я не против.

- Кроме того, мне больше нравится, когда всё имеет имя собственное. Ну, что это: Т-26, И-16, Ил-2, Т-34? А вот Катюша - другое дело. Янки вон, молодцы. У них и номера есть, для заводов, а для народа и солдат - Стюард, Гранд, Шерман, Паттон, Адская кошка, Росомаха. У немцев - Тигр, Пантера, Фердинанд, Пума, Леопард. Вещь с номером любить нельзя. А с именем - можно. А когда любишь своё оружие, то и побеждать легче.

- Эх, ты завернул. А на вооружение как принимать будем?

- А, как хотите. В историю войдёт, как Единорог. У той Кутузовской пушки тоже индекс был, а все называли - единорог.

Когда был собран третий Единорог, прибыли курсанты и инструктора в УЦ. И какова же была моя радость, когда среди них я увидел младших лейтенантов Кадета и Мельника. Кадет с пехотными петлицами, Мельник - танковыми. Обнялись, вечером обмыли встречу. Когда Кельш залетал, поблагодарил его от души.

Из отпуска по ранению пришел Казачёк. Да не один, а с группой усатых казаков. Мы с ними побеседовали. Потом приехал Кельш, тоже беседовали с ним. Кельш уехал, казаки тоже, а Казачёк включился в работу.

Платформа БМП встала на мелкосерийной производство установочной партии. Заказ - 50 платформ. Людей сразу стало не хватать. Требовать людей - глупо. Хорошо, что хоть этих на фронт не забрали. Наступление на Юго-Западе и в Крыму требовало всё новых дивизий, тысяч и тысяч людей. С заводскими технологами засели за технологические карты, дробя техпроцессы на части, для упрощения. Так я вводил конвейерный метод в производстве БМП.

Учебный год заканчивался и мы, надев форму и награды, пошли по школам и училищам. Рассказывали о боях, о фронте, о враге, а потом спрашивали - не хотят ли ребята поучаствовать в производстве танков? Цеха заполнились маленькими сосредоточенными работниками. Они взяли на себя самую простую и нетяжёлую работу. Это потом они заменят отцов и братьев у сварочных автоматов (которые мы позже построим), у станков, печей. Очень широко стали привлекаться к работе женщины. Вот такая вынужденная эмансипация.

Тут подошёл неизбежный момент. Конструкторы обратились ко мне, как автору идеи, каким я вижу вооружение машин. Вопрос на самом деле серьёзный. Если спроектировать машину под установку одного оружия, а потом поменять образец - это перекраивать очень многие технологические цепочки. С Единорогом ещё более-менее понятно - лучше ЗиС-3Ш для подобной машины придумать сложно, а вот с остальными? ДШК оказался очень дефицитной машинкой, ДТ меня не устраивал мощностью, вернее маломощностью, сложностью конструкции и малой эффективностью боевого применения. Орудия 45-мм, на мой взгляд, - вещь бесполезная. Уже в процессе обсуждения возник вопрос (у меня, как пехотинца) о личном оружии расчётов и мотострелков. А что я мог им сказать? Те образцы оружейных систем, что просились в установочные гнёзда, ещё не созданы.

Обратился к Кельшу, обрисовав ему проблему.

- А какие системы ты бы хотел видеть на машинах? - спросил он меня, откладывая в железный ящик бумаги, с которыми работал, взяв чистый лист и карандаш.

- Нужен пулемёт. Калибр 7,62, как основной в нашей армии. Но, ДП и ДТ - не годятся. Максим - тем более. Вообще, идеальным стал бы МГ-34 или МГ-42. Или пулемёт Калашникова. Хотя, до него ещё лет семь. Подожди, в это время, примерно, должен быть объявлен конкурс на единый пулемёт, как МГ, но под наш патрон. Как же он назывался? А, СГ-43! Станковый Горюнова 43-го года. Кто такой Горюнов?

Кельш пожал плечами, быстро записывая на бумагу. Помахал мне рукой, продолжай, типа.

- Кроме этого, ДШК изготавливается что-то очень туго, хотя мощность патрона самая подходящая для вооружения летучих сил, джипов, например.

- Джипов?

- Ну, Виллис, наш ГАЗовский козлик. На верхней дуге ставить ДШК или аналог - вот тебе и очень подвижная огневая точка.

- Никто не пытался их вооружать. Смысл?

- Увидишь.

- А орудия?

- Орудия? Какие? Сорокопятка? Какой от неё толк? Бронепробиваемость - никакая, осколочное воздействие гранаты - никакое, скорострельность... В варианте ПТО - отлично, но в танковом варианте - не годиться. Пока наводчик, он же командир, он же заряжающий засечёт место попадания, зарядиться, откорректирует прицел - его сожгут. А двоих не посадить - слишком большое орудие. А у нас есть что-то аналогичное автоматической пушки немецкого Т-2?

- Авиационные орудия. Крупнокалиберные пулемёты с самолётов.

- Кто ж нам даст? Да и требуют они высокой квалификации и вдумчивого обслуживания. На аэродроме служит элита, а в мотострелках?

- А в тех машинах, прообраз которых ты строишь, что стояло?

- На БТР - КПВТ и ПК, БМП - орудие и ПК.

- Всё-таки, орудие?

- 73-мм. Создано на основе станкового гранатомёта. Есть гранатомёт?

- Только начали создавать КБ под эту задачу. Ты бы сел, накидал бы на бумажку, что вспомнишь.

Мне стало стыдно. Совсем я забросил это дело. Надо наверстать.

- А остальное? - напомнил Кельш.

- ПК - единый пулемёт 7,62 на 54. Стандартный, спаренный. КПВТ. Крупнокалиберный пулемёт Владимиров танковый. Кто такой Владимиров? Есть среди оружейников?

- Поищем.

- Отличная машина. Тут недавно был принят на вооружение отличный боеприпас 14,5мм. Сейчас он в противотанковых ружьях применяется. А это пулемёт с этим боеприпасом. Для поддержки пехоты - ты не представляешь! Орудия, пулемётные точки, дзоты, лёгкую технику - всё разнесёт. А уж про скопления пехоты и говорить нечего. Представь.

- Представил. Этим стоит заняться.

- Пусковые установки противотанковых ракет и реактивных гранат. Нет, это не фантастика. У американцев уже есть действующий образец. Базука называется. У англичан есть. Неудачный, но есть. У немцев будут. Несколько образцов. Одноразовый панцерфауст, многоразовый панцершрек, зенитный. Его названия не помню.

- Этим уже занимаемся. Всё?

- Нет. Стрелковое оружие. Экипажей машин и мотострелков. Обычные карабины и ПППШ не подходят. А где МП-40 набрать такую прорву? Нужны складывающиеся приклады, минимальные вес и габариты. Судаева нашли?

- Что его искать? Вывезли вместе с его последователями. Осваивается в Ижевске. Там неплохой механический завод.

- Да, в прошлом моего мира основная масса стрелкового оружия как раз там и будет делаться.

- А Тула? Ковров?

- А Тула будет делать скорострельные авиапушки, ракетные установки и многое другое. В общем, что посложнее и позакрывестее. Представь, на штурмовике будет стоять 30-мм авиапушка со скорострельностью 1800 выстрелов в минуту.

Кельш зажмурился.

- Это возможно?

- Я в Тульском музее её своими руками щупал. В век реактивной сверхзвуковой авиации цель будет находиться в прицеле долю секунды. За это время она должна схлопотать несколько снарядов.

- Разумно. Садись, пиши. Всё, что вспомнишь по этой теме.

- Это - запросто. Так что мне Гинзбургу говорить?

- Подождёт недельку. А там мы определимся, что сможем выделить на твои машины. Огнемёты возьмёшь?

- Возьму. Для машин инженерной разведки в самый раз.

- Чуть не забыл. Смотри.

Кельш достал из сейфа горсть патронов, высыпал на стол.

- Промежуточные? Уже? Блин, молодцы! А много? Когда стволы под них?

- Экий, ты быстрый! Только конкурс на штурмовой патрон закончился.

- А почему штурмовой?

- Товарищ Сталин прочёл нашу аналитическую записку. И решил, что если патрон для штурмовых винтовок, то и называться он должен штурмовым, а не безликим промежуточным. Новый, только запущенный завод полностью ориентирован на производство только этого патрона. Сейчас отработываем производство гильзы из мягкой стали с защитным покрытием. Ведём испытание образцов с заменой свинца на стальной сердечник. Если удастся снизить расход цветных металлов - производство этих патронов будет достаточным. Да, конкурс на штурмовой карабин в самом разгаре. Лидирует Симонов.

- СКС? Может, хоть в вашем мире эта замечательная винтовка займёт более достойное место.

- Посмотрим. Ты пиши, пиши.

- Под Харьковом случилась катастрофа. Да, именно так. Противник

подтянул свежие силы и ударом под основание отсёк наши так удачно прорвавшие немецкий фронт армии. В боевых порядках Юго-Западного фронта образовалась широченная брешь. И если бы в Харьковском котле не продолжали мужественно сражаться сотни тысяч бойцов и командиров, намертво вцепившись в немцев, случилась бы катастрофа ещё более сокрушительная. А так, ценой своей гибели, эти люди не дали немецкому командованию быстро освободить подвижные соединения и развить успех. Когда же "панцеры" стали наступать не на запад, а на восток, на их пути уже стоял жидкий, хлипкий, но заборчик из спешно переброшенных сюда частей. Конечно, они не могут совсем остановить машину Вермахта, но оглушительный блицкриг не особо состоялся.

Вот такую я проводил политинформацию перед заводчанами. Я твёрдо решил не врать людям. Я им сказал всю правду. Она их не испугала - наш народ мужественный. Лица угрюмые, но глаза блестят.

- Ещё никогда и никто не проводил операций по окружению на таких просторах. Никогда и не было подобного уровня координации. Фактически, противник умудрился объединить в единое командование более двух миллионов человек, фактически несколько фронтов. Этого не было. Контрудара ждали, но не на таком отдалении, не такой глубины и не такого размаха. Масштаб этой операции превосходит все операции Вермахта прошлым летом. Мы потеряли много людей, много техники. Но, знаете, что я заметил? Операция нашим противником проведена рекордная, а вот целей она достигла намного более скромных, чем в прошлом году. Да-да! Удар силён, мы потеряли тысячи танков и стволов артиллерии, но люди ещё выйдут из окружений, навык у многих уже есть. Этот удар потряс нас, но не убил. Прошлогодние удары были намного более тяжёлыми, по последствиям. Но! Мы выстояли! У нас есть опыт стойкости. Прошлым летом враг ломился всюду. В этом году - только на юге. На севере и в центре он и вздохнуть широко не может. Получается, не та силёнка у врага? А? В прошлом году наломали ему рогов, неужто в этом хребет не сломим?

Во-от! Глазки загорелись! Спины повыпрямлялись.

- Теперь у нас не одна бутылка огнесмеси на двоих! Промышленность выпускает сотни пушек и танков ежемесячно. Вы, дорогие мои заводчане, вы выпускаете так необходимые фронту машины. Без них солдат гол, голоден и безоружен. Без вас не будет Победы! Помните об этом!

Я отпил воды. Подумал немного.

- В прошлом году я встретил немецкие танки с гранатами. За несколько дней я сжёг и захватил четыре танка. В этом году я отправился

на фронт пешком, но тоже сумел захватить танк и даже пригнал его к нашим. А сейчас я поеду на фронт на грозной боевой машине - Единороге! И, боюсь, что осенью я буду по всему фронту ездить с фонариком, чтобы отыскать немецкие "панциры". Ох, дюже я до них охочий! А с такими Единорогами у нас - танки у немцев быстро кончатся! Ребята, дадите армии Единорогов?

- Дадим! - хором ответил зал.

- Сколько?

- Много! - опять ответил зал.

- Мы, все, кто штаны марал под танками, кто зубы крошил от злости и бессилия, глядя на их кресты, очень ждём от вас Единорогов!

Зал стоя ревел. А как вы хотели? Это в этом времени пиар-технологиями владеют слабо, лишь партагитаторы - получше, а в наше время уже в институтах преподавали технологию мотивации коллективов на результат. И вот - результат.

На поперечных балках, держащих крышу, повисли красные полотнища с большими белыми буквами: "Всё для фронта, всё для Победы!", "Наше дело правое, Победа будет за нами!" и подобные.

Люди работали, не щадя себя.

И в это время начались бомбёжки города и завода. На заводе и в городе задрали стволы в небо зенитки, истерически паля в ночь. Результат был минимальным, расход боеприпасов - максимальным. Но - альтернативы не было. Ночных истребителей было мало, а подвергавшихся бомбёжке городов - много.

А люди работали, не щадя себя. Даже при объявлении тревоги не выключились станки и не гасли печи, продолжала сверкать сварка.

На 4 готовых шасси Единорогов, вместо ЗиС-3Ш поставили 37-мм зенитные орудия. Получившаяся батарея была тут же укомплектована расчётами училищем МЗА, что было в городе. К каждой ЗАУ был прикреплён техник, что временно исполнял обязанности мехвода, вёл бортовой журнал машины, куда самым подробным образом записывались все данные. Такое вот полевое испытание. Считая это недостаточным, техников сделал пассажирами-инструкторами, выделив на каждую машину по мехводу, присланным из военкоматов.

Долго над названием машины не думал. Феникс. Рисунок мифической птицы украшал борт каждой самоходной зенитки.

Испытания Единорогов и шасси продолжались. Четыре САУ с бортовыми номерами 001 - 004 круглые сутки наматывали круги по окрестностям города. Ещё дюжина собиралась в цехе. Заодно, личный

состав УЦ в четыре смены осваивал машины. В ходе выявлялась масса недоработок. И это только по механике. Нам не поставили ни радиостанций, ни оружия для БМП, ни средств разведки и наблюдения. Фактически, если бы ЗиС-ЗШ не поставлялись с прицелами, то оптики у нас вообще бы не было. А как себя поведут радиостанции, оптика? Тут с одними фильтрами пришлось научно-техническую революцию проводить. И со сваркой, потом с резиновыми изделиями и обрезиниванием.

С сырой резиной возникли большие сложности. Её просто не стало. А я хотел изнутри вулканизировать траки гусениц, мы как раз внедряли новые траки, более широкие, изменив форму катков, самих траков, направляющих шипов. А вот кончилась резина в стране и всё тут!

Сколько не мучил память, технологии производства сырой резины вспомнить не мог. Не знал. Вспомнил подробно технологию получения полиэтиленовых гранул, подробно расписав не только её, что уже делал раньше, а больше налегая на области применения полиэтиленовых плёнок. А вот тут горизонт бесконечен был. Кельш, внимательно почитав, как всегда, хмыкнул, спрятал доклад в портфель, надолго уставился в стену.

- Это очень нужная вещь, согласен, но ты оценивал, сколько стоит промышленность производства этих гранул и плёнки?

- А сколько она сбережёт металлов, резины, продуктов и времени? Одни консервы возмём. Чего проще - любой продукт положи в термоусадочный пакет, обдай горячим паром и он герметично опечатан. Не промокнет, не испачкается, а хранится будет в разы дольше. Колбаса из Монголии до Ленинграда доедет без морозилки даже летом. И почему встал вопрос стоимости? Пластики уже есть. Я видел. Те же пластигласовые фонари самолётов. Кстати, насчёт самолётов, Николай Николаевич, нам надо знать, как и чем авиастроители протектировали баки самолёта, что при пробитии топливо не вытекает?

- А они это сделали?

- Вроде, да.

- Если так, узнаю.

Я - меценат.

О деньгах и экономических формациях.

На заводе стало меньше здоровых мужчин. Соответственно, стало больше женщин, детей, стариков, инвалидов, списанных по ранениям. Единственное, что удалось сделать, это задержать часть заводчан в УЦ, завершив его укомплектование. Более того, учебный центр переродился в Горьковский учебный механизированный полк.

Проектные работы над единым корпусом БМП были завершены.

Специальность машины определялась, по сути, лишь надстройкой и оснащением. Стали строить эти остовы для испытания хотя бы механики.

В учебном полку жизнь не замирала не на секунду. Учёба, полигон, работа на заводе и отдых - в таком четырёхсменном режиме жил полк. Брасень, неожиданно для всех, особенно для себя самого, получивший повышение, один "кубик" и перешедший в категорию интендантов, полностью укомплектовал полковые мастерские. Из них потоком пошли разгрузки, брезентовые комбинезоны "единорог", представляющие собой а-ля джинсовый костюм, только из брезента, наколенники и налокотники из сшитых в несколько слоёв брезента и сыромятной кожи и брезентовыми ремешками-подвязками. Теперь бойцов Горьковского полка можно было узнать издалека.

И Прохор получил повышение. Старший сержант медицинской службы стал младлеем медслужбы. Он каждый день проводил с бойцами учебного полка занятия, преподавал курс оказания первой медпомощи. С каждым классом по два часа, но классов столько, что получалось по 12-16 часов в день.

И тут приходит тот самый серый пушистый полярный лис в виде приказа о прекращении финансирования всех проектов БМП и срочном возобновлении производства Т-70. И не только воспроизводства, а резком увеличении выпуска. Что, в принципе, возможно, учитывая наши инновационные наработки в технологиях и оборудовании в процессе работ над БМП. Все эти заделы с узлами и агрегатами были срочно внесены в конструкцию Т-70, и обновлённый Т-70М стал сходить со ступеней танкового цеха.

Конструкторское бюро занималось лишь Т-70М, забыв об БМП, которым теперь кроме меня и мобилизованных в учебный полк заводчанами никто не хотел заниматься. Мне же было запрещено производить работы даже в опытном цеху. Конечно, это меня взбесило, но директор завода лишь пожал плечами:

- Кто будет оплачивать работы? Ты?

Блин, а говорят, тут социализм, коммунизм! Нет, хищный оскал капитализма! Утром деньги, вечером - стулья.

И с завода ЛБЗ4 ответили так же: "Образец "доспех" снят с производства в пользу более технологичного изделия". А это "более технологичное изделие" - нагрудник из той же стали, что и каска, той же толщины, шёл на вооружение отдельных инженерных бригад. И им не хватало. Но, такой он и не нужен - движения сковывает, а защита недостаточна. Тоже облом!

Нужны деньги? Где брать?

Приехавший Кельш выглядел паршиво - осунувшийся, почерневший. Выслушал меня невнимательно, всё уже знал, ничего не сказал. Хреново!

- Николай Николаевич, мне перепадает что-то из тех "изобретений", что я тут понаворочал? Типа, патенты, в нашей стране существуют?

- К чему ты этот разговор завёл? Раньше за тобой меркантильности не было замечено. К деньгам относился с завидным равнодушием, - он широко зевнул, откинувшись на стуле. Видно, что разговор ему был в тягость.

- Тратить некуда было. Теперь есть.

Кельш резко подёргал головой, разгоняя усталость, встал, подошёл ко мне:

- Ты серьёзно? Свои личные средства пустишь на Единорогов?

- Ну, да. Так многие делают. Многие приносят своё кровное в Фонд Обороны. А я не на безличный счёт хочу положить, а сразу в дело.

- У меня сложилось впечатление, что вы, там, в будущем, все рвачи. Да и ты, такой же. К деньгам равнодушен, а из-за вещей идёшь по не совсем законным дорожкам.

- Да, ладно! Я же не для себя, для дела. А много ли мне надо? Семьи нет и не предвидется в ближайшие лет 60. Куда мне их? Солить? Там ещё и за песни набегают ручеёк. Если я пластинки видел, где написано, что автор - Кузьмин.

- Ладно, меценат ты наш, иди, посчитаем мы полноту твоих карманов. Завтра, нет сейчас, собирайся, езжай за своими рациями. С ребятами из КБ радиозавода пообщайся. Им будет интересно, нам - полезно.

Ха, мне собираться - только подпоясаться. Вчетвером, я, Кот, Прохор, Громозека, ехали на полуторке до самолёта, потом летели, опять ехали и вот мы на новом радиотехническом заводе, пущенном только-только. В КБ сплошь молодеешь. Глаза горят. От меня запчасти Моторолы спрятали, я рассмеялся, сообщил, что это я её им притащил. И тут же, доказывая, перечислил её характеристики, а так же парочку слабых мест. Дальше общались на равных. Аж, язык болел.

Мысль про модульную компоновку их очень заинтересовала.

- Смотрите, в боевой обстановке трудно сохранить рацию. А так - заменил повреждённый или глючащий блок...

- Глючащий?

- Неисправный или работающий нештатно, - пояснил я, потом продолжил, - рация работает, а ремонтом можно заняться в более

спокойной обстановке.

А вот многоярусность систем связи новой идеей для них не была. Только микрорации их заинтересовали. Я им обрисовал спецназ из фильмов моего времени.

- Это для малых отрядов подразделений особого назначения. Рация на поясе, дальнобойность - до километра, наушник прямо в ухе, микрофон на горле резинкой прикреплён. Бойцы отряда голосом смогут координировать свои действия на довольно обширной территории. Ну, вот, смотрите, тут на Мотороле разъём как раз для подключения этой гарнитуры.

Потом рассказал им всё, что знал о полупроводниках и микросхемах.

- Какое у вас учёное звание? - спросил меня один.

- Капитан, - рассмеялся я. Конечно, я понял его. Что ему сказать?

- Мы вас оформим соавтором, - пообещал мне начальник КБ.

Сначала я хотел отказаться, но вспомнил, что деньги нужны всегда, согласился.

Обещали разработать аппаратуру РЭБ. Глушилку. Чтобы выдавать на нужных частотах сильный "белый шум".

- Так эта "глушилка" и остальные частоты зацепит. И наши не смогут воспользоваться радиоэфиром.

- Не очень они и пользуются. Всё больше проводами и вестовыми. А вот немцу тяжело придётся - он привык к радиосвязи.

Обещали сделать быстро. Там из новаций только блок усиления и ретранслятор.

В Горький полетели радиостанции и комплекты ЗИП к ним. На полсотни машин. И ещё десяток носимых раций. Носимых на спине, не на поясе. И одна "глушилка".

А сами мы поехали в Тулу, получать оружие. Завод, хотя и был сильно разрушен при обороне города, потерял большую и самую лучшую часть мощностей при эвакуации, не на минуту не прекращал работы. Сейчас его усиленно восстанавливали.

Получили, расписались, отбили телеграммы, отправили, пообщались в КБ с легендарными личностями к обоюдному удовольствию, потом - тоже самое в Коврове, Ижевске.

И только потом - в Горький.

Кельша на "базе" опять не было. А весь персонал "посёлка" был на каком-то нервном взводе. Ну, их, психов! Поехали сразу на завод.

Дивизион из трёх батарей по шесть Единорогов был полностью оснащён и рассредоточен по "полигону" учебного полка. Велась

интенсивная боевая учёба. Ознакомившись с планом учёбы и прокатившись немного по полигону, я был доволен. Майор-пограничник воспринял мои мелкие замечания дельно, без истерик (я младше его по званию, мог на хер послать).

На заводе шло укомплектование шасси разными надстройками. Астров признался, что ему интереснее заниматься этими машинами, чем Т-70. Гинзбург присоединился. Оказалось, мои машины полностью соответствовали их мыслям и предложениям, что они уже неоднократно высказывали, но остались не услышанными. Ещё бы - эти машины и были их детищами. Если не их, так их учеников. Ведь именно в этом КБ в будущем будут придуманы и САУ-76М, и БТР, и БМП, и БРДМ. Так что я украл у них идею и заставил их же её воплощать.

Боевая машина поддержки пехоты "Кирасир" имела открытый верх, вооружалась ДШК в турели на носу машины, имела неплохое бронирование - лобовая проекция - до 35 мм брони под рациональными углами. Способна перевезти до 12 человек пехоты со всем их вооружением и боекомплект. Экипаж - мехвод и командир машины (не являющийся командиром десанта), он же пулемётчик. Оснащается радиостанцией. Десантирование осуществляется как через верх бортов, так и через две задние бронестворки, фактически, задний борт из этих створок и состоял.

Боевая разведовательно-дозорная машина "Егерь" имела общую с остальными базу, но более "дальнобойную" радиостанцию, башню от Т-60 с ДШК и ДТ, "продвинутую" оптику. Экипаж - 3 человека - мехвод, командир, пулемётчик, в десантном отделении разместиться разведотделение. К тесноте нашим людям не привыкать. Командир машины является и командиром разведчиков. Точнее - командир разведотделения командует машиной. На башне разместили шесть винтовочных гранатомётов, по три с каждой стороны, со снаряжёнными дымовыми гранатами. Эти гранатомёты, разработки ещё царских времён, были в достатке на складах, оказавшиеся не нужными пехоте по прямому назначению. Очень уж неудобный образец. А нам, после небольшой переделки - самое оно!

Боевая машина инженерной разведки "Сталкер" - то же, что "Егерь", но вместо ДТ в башне - огнемёт. Сзади - лебёдка, на носу - бульдозерный нож. В поднятом состоянии - дополнительная броня. Экипаж - 3 человека, специальности такие же, как и в "Егере", но десант - сапёры с полным набором своих "игрушек".

Бронированный заправщик. Это "Кирасир" с баком во всё десантное отделение. Экипаж - мехвод и командир-пулемётчик. Самым сложным

оказалось не обеспечить защиту бака (авиаторы подсказали), а найти насосы. Это было так непросто, что сейчас двое ребят в КБ "изобретали" насос, что будет производиться на ГАЗе. Заправщик решили никак не называть, пусть будет БТЗ-42, но бойцы уже "окрестили" машину "коровой". По сути, верно.

Бронированная зарядная машина - "Кирасир"-грузовик на гусеницах со снарядами укупорками.

И, самая важная машина - БРЭМ, бронированная ремонтно-эвакуационная машина. Вот с ней пришлось сильно попотеть. Это "Сталкер", с лебёдкой и бульдозерным ножём на носу, на месте башни которого - кран. А достать кран - это такая эпопея! А серийное производство? Из-э-х! Экипаж - ремонтная бригада. Со сваркой, автогеном, инструментами. Крыши десантного отделения нет, а снаружи на бортах - сплошь инструментальные ящики. Заводчане сильно полюбили БРЭМ, так его и называя - "Брем". Они знали, что всех мастеровых завода я считал разумным использовать только в качестве экипажей подобных машин. И с работами по Брему их подгонять не надо было - для себя строили. А когда узнали, кто профинансировал продолжение работ по БМП, тоже отписали зарплаты на строительство БРЭМов.

Итак, у нас уже имелось выпущенными 20 Единорогов, 4 Феникса, 5 БРЭМ, 1 Сталкер, 1 БЗМ, 2 Коровы (что было очень мало), 3 Егеря и 14 Кирасиров. На этом шасси закончились, новых пока, не предвиделось - завод шлёпал укороченных Егерей (без десантного отделения, без радиостанций и "упрощённой", до полного отсутствия, оптикой) с башней от Т-70, называя это лёгким танком Т-70М.

Испытание стали.

Марш-бросок.

Мы получили приказ на испытательный марш своим ходом до Подмосковья. В путь смогли выйти только 46 машин - 4 Единорога ЛЬ001-004 стояли в цехе на полной переборке - они были "убиты" полностью в процессе учёбы. А Единорог с ЛЬ0000 встал на бетонную площадку в алее перед цехом на вечную консервацию, как первый. Тем более, что его ресурс был также "убит", а с корпусом из обычной стали на фронте делать нечего.

Провожать нас вывалила многотысячная толпа народа. С развёрнутыми красными флагами на каждой машине, под музыку заводского оркестра, мы парадным порядком прошли мимо провожающих, и колона пошла по тракту на Москву.

Кроме БМП с нами шли 12 Т-70М и автоколонна автобусов и грузовиков с запчастями, маслами, топливом, автореммастерские,

"козлики".

Каждые 50 км делали часовую остановку для отдыха, оправиться и проведения регламентных работ с техникой.

Я исполнял обязанности командира дивизиона артсамоходов, Мельник - Кирасиров, Кадет - Егерей, Брасень - тылами, а именно Коровой, БЗМ и грузовиками. Прохор спал в автобусе с красным крестом на боках. Кот на днях куда-то запропастился по заданию Кельша. Майор-пограничник остался в расположении, пробегом руководил Гинзбург.

Первый день пробег протекал гладко, что не могло не радовать. Всё-таки ставка на освоенные в производстве автомобилей комплектующие и технологии оказалась верной. Поэтому у меня оказалось не так уж много забот. Успел пообщаться с Мельником и Кадетом, что меня сильно порадовало, познакомился с теми экипажами Единорогов, кого ещё не знал.

С Кадетом разговор получился непростым. Он оповестил меня, что его жена, Ангел Настя, готовилась стать матерью. Именно так, не он готовился стать отцом, а она - матерью. Посчитал в уме. Это что ж получается, мой двойник успел ей насильно ребёнка сделать? Бывает же так! С одного раза.

Достал фотографию моих жены и сына, положил перед Кадетом, накрыв ладонью изображение моей любимой:

- Посмотри. Таким будет твой сын. Да, именно твой сын. Потому что, отец не тот, кто зачал, а кто вырастил. И они не виноваты. Ни она, ни ребёнок. А злодей уже расплатился за грех свой.

- Это его семья? Зачем ты хранишь эту фотографию?

Пришлось рассказать. Думал, это займёт много времени, оказалось - нет. Оказалось, рассказывать-то особо нечего. Но, Миша был в шоке.

- Как видишь, даже один и тот же человек в разных жизненных обстоятельствах бывает разным. А ребёнок тут вообще не причём. Пересмотри своё отношение к этой проблеме. Настя твоя - замечательный человек. Ты хочешь, чтобы она возненавидела собственного ребёнка? Это отравит вашу жизнь. Зло - как яд. Во что превратиться Ангел Настя с подобным ядом в крови? Тебе мало примера этого сломанного человека? А как Настя сломается? Подумай.

Кадет ушёл задумчивый. А позже подошёл ко мне, показал треугольник письма:

- Написал ей, что люблю её и чтобы НАШЕГО сына назвала Виктором. И фамилия его будет Перунов.

- Вот это правильно. Благородно. Рад за тебя. Поздравляю с отцовством.

И себя "поздравляю" с отцовством. Он-то ушёл, а меня накрыла "рефлексия". Что это было? Сны о Голуме. Так слишком многое не совпадало. То, что я слышал от Голума, то, что он написал и теперь тщательно изучается специалистами и то, что я говорил, находясь в его шкуре, что писал - сильно отличается. Его мир и мир снов Голума - разные. Он не знал, что такое компьютеры, интернет, навигаторы, про космос - вообще тишина. А в моих сновидениях мир был привычным мне, не вызывал отторжения.

Я не мог ничего понять. И посоветоваться не с кем. Кому расскажешь? Кому можно рассказать. Только Кельшу. Но, мне стыдно. Как он потом будет смотреть на меня. Ведь Голум - это я. Я разом и теперешний такой весь крутой, круче только горы, от собственной крутизны и улётности у самого голова кружиться, и то мерзкое существо - тоже я. Я хорошо помнил весь путь мой в пропасть. Не хочу помнить, но помню. Помню, как грабил людей, помню, как пытал невинного парня, помню, как изнасиловал Настю. Даже помню, что думал тогда. Ага, "все бабы - клад". Премудрости. А девчёнкой руководило простое детское любопытство. Как она может быть гулящей, у которой "чешется", если до той ночи о взаимоотношениях полов она даже не думала. Для неё это было далёким будущим. Послесвадебным. И никак иначе.

Как же может деградировать человек! Конечно, каждый по себе судит, но я - капитан, командир Красной Армии, сужу так, а я - мерзость Голум - сужу иначе. Что это? Шизофрения? Ведь там был и правда я. Вообще голова кругом идёт.

И вообще, почему я оказывался "там" в моменты, когда меня "тут" "не было"? Сны ли это были? Или я возвращался в будущее, терял там любимых и близких, умирал, возвращался, исправлял, чтобы стало ещё хуже, и уже Я попал в 41-й. а Некромант - не я, а Я-2. Этакое зеркало. Параллельное. С переносом сознания сквозь время?

Что это, Боже, что это было? И что это есть? Что я делаю тут? В чем твой Урок мне? Зачем я здесь? Где искать мне ответ, с кем посоветоваться?

Но, душевные муки, это конечно, важно, а долг - важнее. К делу! За работой лишнее в голову не лезет и не мешает. Все-таки тут я - командир Красной Армии, вся страна на меня смотрит, я могу собой гордиться. И не могу её, Родину, подвести. И их, людей. Поэтому - Впердэ! На Берлин!

В целом, пробег у меня оставил приятные впечатления. Я научился водить самоходку, поработал заряжающим, наводчиком, внимательно вникал в советы бывалых пушкарей, что попали в полк из батарей противотанковой артиллерии из госпиталей. Старался максимально

загрузить голову, ни секунды "рефлексии не оставить.

Моя командирская машина имела номер 013. А мне - начхать. Брасень принёс краски, я привёл заводского художника и после очередного привала на боку самохода поверх Ъ013 появилась оскаленная морда медведя с когтями. Этот рисунок в моём времени часто можно увидеть на нашем триколоре в компании с надписью: "Россия, вперёд!".

На следующем привале регламентные работы были сорваны, так как каждый посчитал необходимым своими глазами увидеть медвежью морду и встать в очередь к художнику. Но художник был занят. На бортах САУ уже были оттрафареченны Единороги, на ЗСУ - Фениксы, на БРЭМах теперь он рисовал шлем русского витязя, на Сталкере - знак радиационной опасности, на заправщиках - бурёнок, на БЗМ - обойму с патронами мосинки.

На третий день стали включать в марш элементы боевой учёбы.

Для расчётов САУ - зарядка и разрядка орудия, определение дистанции до цели и максимально быстрое наведение орудия на цель, для всех машин и их экипажей - посадка и высадка. Вернее, скоростное "влетание" в машину с приведением её в боевое положение и экстренное покидание машины. Сигнал к покиданию машины придумал Кадет. Вернее, не придумал, а использовал уже имеющийся. Теперь при истошном крике: "Атас!" люди горохом высыпали из машин. На ходу. На полной маршевой скорости. А потом бегом догоняли и запрыгивали в машину.

Города и населённые пункты мы старались обходить. Во-первых, машины новые, секретные, а во-вторых - учения максимально приближены к фронтовым условиям. И хотя нас не обстреливали, шли мы просёлками, лесами, ночевали в машинах или под открытым небом на брезенте, что служил на всех наших БМП крышами. И хотя продукты нам подвозили прямо на маршрут, еда готовилась в походных кухнях и автохлебзаводах (тоже ГАЗовского производства и тоже проходящих испытания).

Вот на одном из таких "пунктов питания" нас ждали ещё три дополнительных грузовика. Гинзбург вызвал меня по рации. Идти было влом, подъехал на Единороге. Бойцы конвойных войск НКВД, что сопровождали груз зелёных ящиков на ЗиС-5, с интересом рассматривали меня, мою форму, "обвес", и Единорог с белыми трафаретами на боках.

- Что?

- Капитан Кузьмин? - спросил старлей НКВД.

- Я - капитан Кузьмин.

- Распишитесь в получении.

- Сначала груз примем. Громозека, будь паинькой, погляди одним глазком, что там в ящиках.

Громозека прямо с Единорога перепрыгнул в кузов грузовика, руками открыл забитый гвоздями ящик.

- Тут полуфабрикаты автоматов, товарищ капитан, - сказал он, поднимая над головой узкий автомат.

- ППС! - радостно закричал я, перелетая следом за ним на грузовик, - ты не понимаешь, Громозека! Смотри, автомат лёгкий, приклад - складной, магазин отъёмный. Для экипажей наших машин - самое то! Вот, спасибо вам ребята! А магазины где? Ага, вижу!

- Да, нам-то за что? - пожал плечами старлей. Только сейчас я разглядел его медальку "За отвагу" и нашивку за тяжёлое ранение.

Автоматы быстро распределили. Грузовики с пустыми ящиками увезли и сопровождающих. Получили мы 100 ППС, чего, конечно, было недостаточно даже для вооружения экипажей боевых машин, не говоря уже о мотострелках. Но, я понял так, что это первая партия и она тоже сейчас будет проходить испытание. Я испытал на первом же привале. Быстро соорудили "тир" и за час расстреляли ящик патронов.

Я остался доволен. Бой достаточно точный, задержек не было, оружие лёгкое и ухватистое, магазин меняется легко, быстро. Автомат легко разбирался для чистки и ухода. Это оружие - гений технической мысли - деталей так мало и они такие простые, что ломаться тут просто нечему. Ещё патрон бы помощнее. Но, "Калаш" ещё должен вызреть. И так - замечательно!

Хотя, бойцы восприняли новое оружие скептически. Вид - неказист, груб до примитивности, а малый размер и вес не внушали доверия. Поэтому мотострелки и не расстроились, что им не досталось ППС. А экипажи машин восприняли его с радостью - основное оружие пушкарей - их боевые машины. А личное оружие чем легче и меньше - тем лучше. Карабины и ПППШ переехали из боевых отделений в десантные. А мехводы вообще не понимали зачем им автоматы. Пистолет на боку и то лишний - мешает.

Я свою СВТ оставил при себе. За спиной, по-биатлонному, в чехле-рюкзаке или в этом же чехле на держалке над командирским креслом в Единороге. А ППС теперь болтался под правой рукой.

Как в сказках сказывается, долго ли коротко ли, но мы добрались до полигона. Тут уже крутились новые танки. Мы с любопытством разглядывали их, танкисты - нас.

Гинзбург укатил к командованию, нам определили место расположения. Был уже вечер, но ещё светло, поэтому сразу же занялись регламентом машин. Я тоже возился вместе с экипажем, хотя они и

отнекивались упорно.

- Ребята, мы - экипаж. У нас всё поровну. Тяготы, радости, победы и смерть. Я вам не часто смогу так помогать, так что - не ерепеньтесь.

Астров провёл переключку машин по рации, чтобы не бегать ногами. Позывной моей машины не отличался оригинальностью - Пух-13. А мой личный позывной - Медведь. Я доложил Астрову, что в помощи квалифицированных ремонтников не нуждаемся.

После техобслуживания машины загнали под деревья и замаскировали. Это было обязательным условием всех учебных программ нашего учебного полка. Мое условие. Самая большая угроза бронетехники не пушки и не танки, а самолёты и вертолёт. Здесь - только самолёты. А лучшая броня - маскировочная сеть.

Только после этого я с Громошкой (куда я без него), Мельник и Кадет поехали на газике к танкистам смотреть новые танки. Мне было очень любопытно - за всё мое пребывание в этом мире я с танками противника встречался чаще, чем с нашими.

Я об этих танках много слышал, но одно дело по телеку их видеть в чёрно-белой хронике, а другое - своими руками познать. Средние танки были представлены Т-34 с новой башней, новой коробкой передач и множеством мелких нововведений, не изменивших облика машины, но повышающих её технологичность в разы. Хорошая машина. Боевая. Труженик войны, вытянувший на себе её всю.

Тяжёлые танки представлял новый КВ. С ним также хорошо поработали. Новая, более удачная башня (плохо, что с тем же орудием), изменены формы, обводы корпуса, и, как нам поведали гордые танкисты, множество внутренних изменений, опять коробка, фрикционы, фильтра. Так что удельная мощность, скорость, проходимость и надёжность существенно возросли. Поэтому танк теперь назывался КВ-1С. Скоростной, значит. У танкистов в машине тоже был ППС вместо ППС, на эту тему побеседовали порядком.

А вот самоходок не было вообще. А ведь я писал докладные не раз. И очень подробные. Жаль.

Вернулся в расположение Гинзбург, вызвал меня. Я собрал своих "экскурсантов" и припылил в нашу рощу. Гинзбург был сильно подавлен. Сказалось сильное предубеждение "танкового лобби", сразу ополчившегося на нас. Понятно его состояние - против нас ТАКИЕ чиновники в генеральских мундирах! Чтобы отвлечь его стал расспрашивать на сопутствующие, но не главные темы.

Оказалось, что мы участвуем в Большом Смотре ГАУ с

приглашёнными представителями ГКО и Ставки. Руководил Смотров как раз генерал-лейтенант из ГАУ. Он же определил и порядок показов образцов вооружений.

- А нас на самый конец очереди отодвинули! - огорчённо закончил он.

- Не время отчаиваться, дорогой друг! Это же хорошо, что мы крайние. Последнее впечатление оно даже сильнее первого. И у нас будет время подготовиться.

- К чему? - Гинзбург удивился.

- А как проходят обычные показы?

- Стрельбы, прогон и представитель КБ разработчика показывает машины.

- Ага! Стрельбы будут! Уже хорошо.

- Но, танки! Они же выставили наши машины, как гробителей лёгких танков, - но глаза его тут прищурились, - Ты что-то затеял?

- Ага. Ты слышал такой термин "презентация"? Слышал. Вот и проведём презентацию. Покажем машины с наилучшей стороны. Так, я тут идейку погоняю по голове, а ты отдохни. Вся тяжесть согласований с организаторами ляжет на тебя.

Испытание стали.

Военно-полевой театр.

На танковый показ мы припёрлись чуть не всем составом учебного полка. Танки резво гоняли по полигону, переваливались через окопы, взбирались на возвышенности, сносили деревья. На стрельбы я не пошёл.

Меня больше заинтересовали образцы стрелкового вооружения и пулемётов.

- Наш, советский, единый пулемёт! - этим криком я заставил обернуться всех ко мне. Но, я их не видел. Я увидел лишь пулемёт на станке с заправленной лентой. Я подлетел к нему, "нечаянно", но мягко, оттеснив командира в генеральском мундире.

- Наконец-то! - сказал я схватившись за рукояти. Покрутил станком, оставил, схватил точно такой же, но одно тело, без станка, поднял, потряс в руках, закинул на плечо, взял наперевес, как винтовку, прошёлся, будто "поливая" от пуза: - Оно! То, что надо! Как же долго наш пехотный Ваня ждёт этот пулемёт! А танковый вариант готов? Мне очень нужен! Не МГ же мне в технику ставить!

Генерал, которого я так нагло "оттёр", с улыбкой наблюдал за мной. Я спохватился, с неохотой положил пулемёт, отдал честь, извинился.

- Ничего страшного, капитан. Столь яркой радостью вы сильно помогли продвинуть этот пулемёт к принятию на вооружение.

Познакомьтесь с его конструктором.

Я был раз знакомству, поговорили о пулемёте, Горюнов посетовал, что его "детище" не хотят принимать на вооружение - все мощности были заняты производством пулемётов Максима и Дектерёва. Я его свёл с представителями ГАЗа. Совместно они быстрее пробьют бюрократическую стену. Одни будут требовать поставить пулемёт на конвейер, другие - срочных поставок. А конструкторам пожелал не почивать на лаврах, а работать над надёжностью и технологичностью пулемёта.

Очень хотел познакомиться с создателем ППС - Судаевым, не срослось. А вот с легендарным Симоновым, не тем, что писатель, а тем, что оружейник - познакомился.

А получилось так. Здесь, на этом смотре я впервые пощупал СКС, два десятка которых были разложены на сколоченных из свежего пиломатериала (ещё душистых) стеллажах, ещё столько же, нет, больше, ходили по рукам. Я тоже взял. Повертел. Карабин мне очень понравился. Но, я не смог отнять магазин и очень громко вслух высказал мысль, что это недопустимо. Вот тут и произошло моё знакомство с этим легендарным человеком. Я его только сначала не узнал.

- Извините, капитан, почему вы это считаете недопустимым? - спросил меня военинженер.

- В таком виде карабин подойдёт в качестве личного оружия тех, чьим оружием является что-то другое, артиллеристов например. Но, этот карабин разработан под штурмовой патрон, поэтому я ожидал, что он поступит на вооружение штурмовых рот и батальонов. А зарядка через открытый затвор обоймой, по типу трёхлинейки и американских Гарантов и М1 - это анахронизм! Нужен отъёмный магазин. Для штурмового варианта - на 20, а лучше - на 30 патронов.

- Почему же анахронизм? Отъёмный магазин существенно повышает сложность конструкции, соответственно, стоимость и производительность. А на боевой эффективности никак не отражается.

- Что? Никак не отражается? Вы ни разу не видели, как клинит оружие из-за песка на патронах?

- С оружием нужно обращаться аккуратнее.

- Вы себе условия реального боя представляете? Нет. Показать? Громозека, не поможешь? Прошу пройти к тому песчаному пляжу. Для чистоты эксперимента, сравним будем СКС, ППС и СВТ. ППС и СВТ магазинного боепитания. Вот, магазины в патронных карманах. Я вот выложу половину боезапаса, а на его место в эти же под сумки ложу обоймы. Ещё в карманы.

Когда мы прошли на песчаный берег ручья, уже изрядно перерытый траками танков, я продолжил, обратившись к зрителям, которых собралась уже толпа.

- Мы, с моим боевым товарищем вам покажем довольно типичный случай - форсирование ручья и окапывание под огнём противника в песчаном месте. Кто-нибудь в курсе, тут можно стрелять в воздух?

- Можно! - хором ответили несколько голосов из толпы.

- А то осназ сначала головой в песок зарывает, бьёт, чтоб не дёргался, а только потом, через пару дней, разбираются, - пробурчал я.

Скинул рюкзак-биатлонку, достал свою "светку", в другую руку взял СКС. Мы с Громозекой сбегали на ту сторону ручья, обратный путь преодолели накунавшись по уши, плюхнулись на живот на песке.

- С возвышенности нас начал обстреливать пулемёт противника. Мы атакуем перекатами.

Мы с Громозекой и в самом деле стали ползать и кувыркаться по песку.

- Замри! - приказал я Громозеке. Подошёл и стал его закапывать, пояснив зрителям, с интересом наблюдавшими наш "цирк": - После взрыва мины его засыпало песком. Поехали дальше!

Громозека вскочил, как пустынный демон, весь облепленный песком. Вот мы добрались до края травы.

- Мы вышли на огневой рубеж. Громозека, давай! Только не прострели никого.

Громозека, оскалившись в довольствии, долбанул по ППС так, что из него не только песок вылетел, но и затвор сам передёрнулся, выпустил в небо рожёк, достал из разгрузки ещё один, перевернув, постучал им о корпус автомата, выпустил и его без задержек. (Повезло?) То же самое проделал и я с СВТ. Потом взял СКС, также оттряхнул, отстрелял все десять патронов, достал новую обойму, но прежде чем заряжать её, показал зрителям. На промасленных патронах, ещё и побывавших в воде, налип песок. Я встряхнул обойму, постучал о приклад, снарядил, на третьем выстреле карабин заклинило - не повезло.

- И что мне теперь под огнём патроны перетирать? Какая тут боевая эффективность? После подобного, если боец останется жив, он этот замечательный, без шуток, карабин "потеряет" в подобном ручье и подберёт дубовую, неубиваемую трёхлинейку менее удачливого бойца и заявит громогласно, что СКС - гамно! А это не правда! Просто, для пехоты оружие надо делать исходя из иных условий. Штурмовым ротам оно не для парадов и караулов, а для вываливания в грязи, песке, для яростного боя.

Огневого и рукопашного. И не менее важна практическая скорострельность. Отъёмный магазин "вслепую" перезаряжается намного быстрее, а от скорости перезарядки и объёма магазина очень часто зависит исход штурмового огневого боя накоротке. И жизнь бойца. У кого есть патрон в стволе - тот и выживет.

Я поднялся, поклонился, шутя, толпе:

- Благодарю за то, что посетили наш военно-полевой театр. Представление окончено, актёрам пора приводить себя в соответствие с уставом.

И стал оттряхивать песок. Как всегда молчаливый, Громозека, вытрясал из сапог песок и воду. Народ разошёлся остались лишь несколько человек. Один представился и оказался тем самым Симоновым. Я вскочил, суетливо обтёр руки о штаны, отдал честь при "пустой" голове, пожал протянутую руку.

- Сказалась спешность в разработке оружия. Я использовал наработки моих предыдущих систем. А от отъёмного магазина отказались по экономическим соображениям.

- А пусть остаётся так как есть! СКС будет таким. Только я считаю, что новый штурмовой патрон обладает огромным потенциалом. А на основе СКС вы создадите штурмовой автоматический карабин. Нужна пистолетная рукоять, магазин на 30 патронов и улавливающим магазиноприёмником, чтобы красноармеец мог сменить магазин не глядя, не спуская глаз с врага, обязательно отъёмный штык-нож, как у вашего АВС или СВТ, только покороче. Не тесак, а нож. Солдату он не только в бою нужен. Вот это - автомат на все времена будет. Моя мечта. Пистолеты-пулемёты обладают огромным недостатком - они бесполезны на дистанциях от 100 метров. Новый патрон сможет "достать" все цели стрелка. А меньший импульс отдачи делает его пригодным для проектирования автоматического лёгкого стрелкового оружия. Так?

- Вы сами занимаетесь разработкой оружия?

Я рассмеялся:

- Да, но мы с вами не конкуренты. Приглашаю в гости, покажем вам наши разработки. Они у нас от 10 тонн и выше. И калибр на порядок толще.

- У вас петлицы стрелковые.

- А у нас всяких хватает. Каждой твари по паре. Мы - делегация КБ Горьковского автозавода. Приходите, покажем вам моих питомцев.

Так что вечером у нас был банкет с оружейниками. Мог ли я раньше, в прошлой жизни, хотя бы представить, что буду бухать с людьми, о

которых будут слагать легенды и снимать документальные фильмы?

Испытание стали.

Презентация Единорогов.

Кстати, "спектакль" нашего "военно-полевого театра" стал очень известен, а я популярен. Я не мог не использовать это к своей выгоде. И это помогло нам "продавить" презентацию в том виде, в каком я её задумал.

Вот поэтому представлял наши БМП я не с "капитанского мостика" Единорога, а стоя в длинной крытой землянке - галерее. Вокруг стоял, переговариваясь, весь "высший свет" советского государства. Был тут и Сталин. Я когда увидел седого старичка в военном френче без знаков различия с трубкой в руках, со знаменитыми усами, и когда поверил сам себе ("Неужели ОН?") у меня ноги разом ослабели, сердце бешено заколотилось. Я сразу и весь вспотел. Берия, увидев моё состояние, нахмурился. Он был рядом с НИМ. Ох, ё-моё! Я захотел сбежать подальше. И сбежал бы, если бы не Громозека.

- В самый ответственный момент ты собрался подвести нас? - пробасил он.

Моё удивление было таким сильным (скала заговорила!), что я оклемался. Потряхивало, конечно, как перед госэкзаменом.

Генерал-лейтенант артиллерии, что на этом мероприятии был за главного, взял слово и объявил:

- Сейчас нам будет представлен комплекс боевых машин совместной разработки 2-го ОКБ НКТП и танкового КБ Горьковского автозавода. Слово предоставляется одному из конструкторов - капитану Кузьмину.

- Здравия желаю товарищи! Как уже было сказано, сегодня вы увидите подготовленную инсценировку захвата с ходу укреплённого пункта противника колонной боевых машин поддержки пехоты. Для начала, на задней стене, на стендах, вывешены ознакомительные листы, где указаны тактико-технические характеристики машин репродукции их внешнего вида. Машины проектировались с широким применением хорошо освоенных промышленностью, проверенных работой автомобильных и тракторных узлов и агрегатов, благодаря чему колонна машин своим ходом дошла до этого полигона с Горьковского автозавода без потерь. Ни одна машина не встала из-за технических проблем.

В горле у меня пересохло, поэтому я извинился и отхлебнул из фляги родниковой воды, продолжил:

- Задачей комплекса наших боевых машин мы видим в качественном повышении боевых и маневренных возможностей стрелковых частей и подразделений. И так, с вашего разрешения, мы начнём.

Я поднял трубку рации, позвал "Соломона" - Гинзбурга. И сказал ему: "Начали!". Потом продолжил "презентацию":

- Перед нами и чуть правее - высота, где условно окопался противник, усиленный противотанковыми средствами и танками. По легенде инсценировки, механизированная колонна наших войск производит прифронтовую передислокацию и ещё не знает, что дорога перекрыта врагом, как это не раз бывало. Но, вот, слева вы можете увидеть боевое охранение нашей колонны в составе разведвзвода на двух боевых разведовательно-дозорных машинах "Егерь", вооружённых крупнокалиберными пулемётами, спаренными с ними линейными пулемётами, бронированных, обладающих повышенной проходимостью, снабжённых отличными средствами связи и наблюдения. Ещё один Егерь обеспечивает охрану колонны с тыла.

Два Егеря Кадета вылетели на поворот дороги, накатанной танками, и перед одним из них был подорван взрывпакет. Я комментировал:

- Противник атаковал авангард, разведывательные машины открыли ответный огонь на подавление с бортового оружия и личного оружия разведвзвода, произвели отстрел дымовой завесы, под прикрытием дыма произведена высадка десанта разведчиков. Разведчики рассредоточились по укрытиям и открыли ответный огонь. Боевые машины также заняли оборонительные позиции. Одна, прошу прощения. Одна подбита. Командир разведки уже сообщил по радиосвязи об огневом контакте с врагом, запросил поддержки артсамоходов, и будет корректировать их огонь.

Загрохотали залпы, взрывы заплясали по высотке, вверх полетели земля, доски и куски деревьев - всё, что наши сапёры строили почти 30 часов.

- Противник подавлен, теперь на штурм выдвигаются боевые машины пехоты "Кирасир" с десантом на борту и часть артсамоходов, поддерживать атаку огнём прямой наводкой и гусеницами. Кирасир - это бронетранспортёр повышенной защищённости и проходимости, вы видите эти машины перед собой. Позади боевых порядков можете увидеть артсамоходы Единорог, вооружённых 76-мм пушкой ЗиС-3Ш. От атак с воздуха подразделение прикрывает батарея зенитных самоходов Феникс, два из них сейчас ведут подавляющий огонь из своих 37-мм автоматов по высоте. А вот эта машина, что подцепила повреждённый Егерь - это бронированная ремонтно-эвакуационная машина БРЭМ. Она оттащит повреждённый Егерь из-под огня, где восстановит его боеспособность. Для этого экипаж укомплектован инженерами-ремонтниками ГАЗа, имеется

кран, сварка, все необходимые инструменты и комплект ЗИП. Как вы видите, Кирасиры высадили десант и начался штурм позиций врага. Боевая машина инженерной разведки "Сталкер", используя бульдозерный нож, как дополнительную броню, а также штатный огнемёт, подавила укрытую огневую точку противника. Противник уничтожен! Подразделение занимает оборону для отражения возможной контратаки противника. Сапёры и разведка на своих боевых машинах выдвигаются вперёд и производят минирование танкоопасных мест. Остальные боевые машины занимают укрытия, готовя их к обороне, маскируются. Все машины радиофицированы, это помогает командиру подразделения управлять боем и направить его в нужное ему русло. Бронированный заправщик и бронированный подвозчик снарядов пополняют укладки и баки машин. Разведка обнаружила выдвижение противника, минёры отходят под прикрытие пушек Единорогов, оттягивается и разведка. Роль танков противника сегодня исполняют деревянные макеты, что тащат на тросах Егеря. Как вы видите, Единороги даже не дали нам возможности оценить художественный дар плотников полигона. Я даже не понял, похожи ли макеты на Панцер-Три, как было заявлено. А по тому набору дров, что остался, уже не увижу. Подразделение заканчивает разгром оставшихся без танков условных солдат противника и развивает успех "верхом" на своих боевых машинах. Благодарю за внимание, мы надеемся, что вам понравятся наши машины так же, как они нравятся нам.

Потом взял рацию, включил, оттуда донёсся многоголосый хриплый говор.

- Говорит Медведь. Отбой! Кина не будет, все на базу!

Все наши машины замерли, потом стали собирать десанты, выстраиваться в походную колонну.

Генерал-лейтенант подошёл ко мне, улыбаясь:

- Как это "кина не будет"? Пусть колонна идёт сюда. Смотреть будем ваши машины.

- Это Медведь! - сказал я в рацию, - всем построиться "парадом" перед "галёркой".

- Какие у вас странные команды, - сказал генерал.

- Отрабатываем образность мышления, товарищ генерал! Используем образные выражения эзопова языка и глубину русского. Противник может, и обязательно, будет перехватывать наши переговоры. Вот и пусть их мозги кипят.

Я заметил, что многие от моих слов заулыбались, некоторые нахмурились. По-хрен, главного мы добились - машинами

заинтересовались. Командиры, генералы и ответственные товарищи уже начали выходить под "небо", когда прозвучал вопрос:

- Так вы говорите, ваши боевые машины заменят танки?

Движение застопорилось, все повернулись ко мне. Что ж, я ждал подобного. Сделав невинное лицо, пожал плечами:

- Ни в коем разе. Это машины пехоты. В спектакле, что вы сейчас видели не хватает несколько актёров главных ролей. Там были только актёры второго плана. Из первых ролей - только пехота. Не хватает тяжелых танков для пролома обороны, средних танков для развития прорыва и противотанковых артсамоходов с мощным оружием и хорошей защитой. А наши машины - это машины поддержки. Поддержки огнём и гусеницами пехоты, танков. Они дополняют и поддерживают, но не способны заменить, ни танков, ни пехоты. А вот с нашими машинами в составе танковых подразделений, возможности танков существенно возрастут и расширятся.

Сталин стоял от меня в нескольких шагах и внимательно изучал меня взглядом. Мля, я готов сквозь землю провалиться. Что он на меня так смотрит? Аж до печёнок пробирает!

- Как ваша фамилия, капитан? - спросил он меня.

- Кузьмин, товарищ Сталин, - я вытянулся, как положено при докладе и приболтно ударился о брёвна наката. Аж в глазах потемнело. И фуражка слетела.

- Ну, что же вы так неосторожны, капитан Кузьмин. Пойдёмте к вашим машинам, надеюсь, там вы не обо что не бьётесь?

Это надо так опростоволоситься! Я был так раздосадован и зол на себя!

- У них крыш нет, - буркнул я.

Сталин неожиданно рассмеялся:

- Кажется, я догадываюсь, почему.

Кругом грянул дружный смех. Так, улыбаясь, толпа высшего командования прошла к замершим горьковчанам, тянущимся вверх изо всех сил и пожирающих Сталина глазами. Сталин поздоровался:

- Здравствуйте, товарищи.

Сотня глоток рывкнула в ответ, аж уши заложило.

- Орлы, орлы, - кивнул, поморщившись, Сталин, - Ну, показывайте свои машины. Кузьмин, где вы прячетесь?

Не удалось! Хотел "затеряться". Думал, пусть Гинзбург отдувается, ему привычнее. Тем более, вот он, в первом ряду.

- Никак нет, товарищ Сталин!

- А что это на вас? Это самодельное? Я вижу, многие бойцы в таком же

- Почти, товарищ Сталин. Это ременно-плечевая разгрузочная перевязь, товарищ Сталин. Производится полковыми мастерскими. Помогает более рационально разместить вес и взять больший боезапас.

- Покажите.

Я снял разгрузку, неуверенно протянул. Какой-то здоровущий лысый генерал передал мою разгрузку Сталину.

- Не тяжёлая.

- Она пустая. Не пустили сюда с оружием. А когда загрузишься - тяжёлая. А на плечах - легче. А в бою - сколько боезапаса не возьми, всегда не хватает.

- А это что?

- Средство индивидуальной защиты "доспех" производства завода ЛЬЗ4. Состоял на вооружении отдельного истребительного батальона НКВД, в составе которого я встретил войну.

- Так это ваш боец, Лаврентий Павлович?

- Нет, товарищ Сталин. Батальон формировался в спешке осенью прошлого года. Из госпиталей в районе формирования брали выздоравливающих красноармейцев других частей, - ответил Берия. Меня его ответ удивил. Тревожно, после обдумая.

- Защитил вас доспех?

- Дважды. Если бы не он, я бы тут не стоял, - ответил я и стал снимать.

- А сейчас почему в нём?

- Тяжёлый, товарищ Сталин, носить не буду постоянно - отвыкну. А в бою он должен быть так же привычен, как гимнастёрка.

Я снял, тот же генерал взял, удивлённо крутанул подбородком. А Сталин смотрел на мои ордена и нашивки за ранения.

- Ладно, Кузьмин, показывайте машины. А, вот и товарищи Гинзбург и Астров. Так, всё-таки, кто из вас автор?

А эти два гурья дружно и скромно указали на меня. Я почувствовал, что у меня уши горят огнём. Особенно усечённое. Сталин посмотрел на меня каким-то хитрым, насмешливым, тигриным взглядом. Пришлось рассказывать. Голос мой от волнения срывался, я потел, ноги ватные. Но, потом втянулся. И уже с увлечением рассказывал о наших машинах и наших планах.

- Отделения машин, боевое, управления, трансмиссионное и топливный бак отделим друг бронеперегородками. Когда в серию пойдут

крупнокалиберные пулемёты под патрон калибра 14 с половиной, перевооружим машины с ДШК на эти пулемёты.

Сталин удивился, повернулся к своей свите:

- У нас начаты работы над подобным оружием?

- Да, недавно.

- Так, а в Горьком об этом уже знают, машины под него планируют. Что ещё вы знаете, чего не знаю я?

И что ему ответить? Я решил продолжить тему БМП:

- А когда появятся станковые реактивные гранатомёты, то наши Кирасиры и Егеря уже и с танками пободаются.

- Реактивные гранатомёты?

- Я подумал, что реактивные снаряды используются в авиации, в гвардейских миномётах "Катюша", рано или поздно кто-нибудь сделает модификацию эрэса под одиночный запуск из трубы. Вот, ждём.

Сталин насмешливо смотрел на меня, потом сказал:

- Ждите. Думаю, на этом закончим.

На этом ознакомление с нашими машинами было закончено. Сталин сел в подогнанную для него машину и уехал. Товарищи из его свиты пытались что-то от меня добиться, но я извинился, сказал что дико перенервничал и что жечь танки врага проще, чем такие экскурсии, сплавил всех к Гинзбургу и отвалил в Пух-13. Там я сел на лежащий на полу "доспех", напялил на голову шлемофон и отрубился.

Покер по-сталински.

Растолкал меня Громозека. Я возмутился, но увидев его выразительные глаза, протёр лицо ладонями, встал, нашёл ведро с водой, умылся.

Уже вечерело. Солнце уже село за деревья, но было достаточно светло, чтобы увидеть, что личный состав учебного полка праздновал удачный показ техники. Среди своих людей я увидел достаточно много и чужих, большая часть из них была в серых комбезах танкистов, много воентехов. Тут же "слонялись" бойцы войск НКВД, но все уже к ним привыкли, как к родным. Во время инсценировки боя за высоту в каждой машине сидели по одному такому же сосредоточенному парню с нашивками НКВД и взведёнными ППД. Возмущаться пытались, но я объяснил, что народу вокруг много, в руках у нас грозное оружие, а Сталин на всех один. Поняли, прониклись.

Вот и нас с Громозекой они сейчас незаметно, но эффектно "оттёрли" от желающих непременно лично мне выразить глубину разных чувств и совместного распития разносортных спиртных напитков, кто какие смог

добыть. Исключение составил лишь Катуков. Теперь генерал-майор. И рука на перевязи. Он пригласил меня в гости. Громозека кивнул одними глазами. Решили ехать на нашем газике. Громозека сам сел за руль.

Пока ехали, Катуков, категорически отвергнув моё к нему обращение по имени-отчеству, просто Миша, всё выпрашивал меня о машинах.

- Мехкорпус будешь формировать?

- Уже знаешь? А, догадался. Я заметил, что ты догадливый. Я тебя здесь ещё в первый день приметил, присматривался. Я уже написал докладную, что непременно желаю иметь весь набор твоих машин в своей механизированной дивизии. А они мне лёгкие танки суют. Ну, какой в них прок? А как тягачи какие машины лучше использовать?

- Мы принципиально всю линейку боевых машин поддержки оснащаем задним крюком. Так что любые. И пушку отволочь, и грузовик из грязи вытянуть. И друг друга дёрнуть. Война она же непредсказуемая. Сегодня ты волочешь, завтра - тебя. А Кирасир может стать тягачом орудия до 4 т весом. Расчёт разместится в бронированном отделении.

Так и проговорили с полчаса. Даже когда приехали на место. Но, Громозека стал красноречиво покашливать, Михаил всё понял, на прощание попросил не пропадать и выразил надежду, что я доберусь до его танков и придумаю что-нибудь и для его любимых детищ. Я ответил, что я тоже на это надеюсь, но мы люди военные, куда пошлют, в том и копаемся. Его мой ответ позабавил.

Мы отъехали метров на сто, Громозека притормозил и в машину заскочили две тени, оказавшиеся бойцами в маскхалатах.

- Свои, - буркнул Громозека.

- Я так и понял, - ответил я. Я, и правда, даже не дёрнулся. Не успел среагировать.

Я уже понял, куда меня везут и, честно говоря, нервничал. Ехали мы долго уже в темноте, разгоняемой лишь слабым светом фары (одной - война, всего не хватает), да ещё и со светофильтром. Потом немного прошлись. Нас остановили такие же молчаливые тени, быстро обыскали, проводили сначала через невидимое оцепление, потом через видимое, к чёрному большому автомобилю. Я немного начал разбираться в авто этого мира. Так вот этот, к которому я подошёл - аналог представительского класса этого времени.

Дверь передо мной открыли, я сел, увидел ЕГО, вздохнул. Всё же он решил со мной пообщаться лично.

- И снова, здравствуйте, товарищ Сталин.

- Здравствуй, товарищ Данилов, - сказал он, сверля меня рентгеном,

- я вижу вы не очень рады видеть товарища Сталина.

- Дело не в том, товарищ Сталин. Вы, бесспорно легенда, увидеть вас я мечтал всегда, Но, опыт двух жизней напоминает мне народную мудрость: "Бойся государственной любви больше ярости".

Сталин усмехнулся, достал трубку, стал её набивать.

- Как вы думаете, зачем вы здесь?

- В этой машине или вообще?

- Для начала, вообще.

Я тяжело вздохнул.

- Я честно скажу, Иосиф Виссарионович, я не знаю. Я там прожил довольно бесполовую жизнь, оказался здесь случайно. Но, в стороне быть не могу. Это мой народ, это моя земля.

- Читая ваши доклады, я так и не определился с вашей позицией к нашему строю и партии.

- Потому что не было никакой позиции. Я никогда не был коммунистом. И я верующий. Дело в том, что если бы видели, во что превратилась компартия в моём мире, вы, товарищ Сталин, тоже не стали бы коммунистом. Это здесь коммунисты, и большевики особенно, внушают уважение. Тут они настоящие. А там... Хотя, мой отец партбилет сохранил. А в телевизор плевал, когда генсеков видел. Насчёт коммунистической идеи тоже не могу ничего сказать. Она так глубока и многогранна, что ею вертят как хотят. Это как учение первого коммуниста на Земле - Христа. Он учил одному, а христианств - сотни.

- Вы назвали Христа коммунистом? - Сталин с прищурью смотрел на меня.

- А разве его Царствие Небесное не Коммунизм? Совпадение в сути полное. Обёртки только разные.

Сталин долго молчал, курил. Табак его пах приятно.

- А в этой машине вы зачем?

- Тут только одно может быть, - вздохнул я, - для чего Вам потребовалась наша личная беседа без свидетелей. Всё остальное вам ваши подчинённые доложат. И про мои моральные установки тоже. А вот знания о себе и своих детях вы доверить не можете никому. И я вас понимаю. Это уязвимое место.

- Это так. Никому верить нельзя.

- На самой вершине мира место всегда только для одного, - опять вздохнул я, - поэтому мудрые и не идут во власть, не хотят впрягаться в самое тяжёлое на свете ярмо. Я расскажу вам, Иосиф Виссарионович, но напомню, что это ещё не свершилось и всё можно изменить. В 41-м моего

мира немец не смог дойти до Москвы, маршал Жуков принимал Парад Победы в 45-м, а в мире моего двойника США ядерной дубиной весь мир поставили на колени. Мои знания не более ценны, чем данные разведки, ничего не предрешено.

- Мой сын в плену. И это уже случилось.

Я рассказал ему всем известную по фильмам историю про несостоявшийся размен, потому что Сталин маршалов на лейтенантов не меняет.

- Генерал Власов уже перешёл к немцам? В очках такой, убожачьего вида? В 43-м он зачастил в лагерь, где содержался пленный комсостав и ваш сын в том числе. Яков после этих бесед приходил пьяненький и сытый. Вы объявили всех, кто попал в плен - врагами народа. Но, эти "враги народа" решили, что не могут допустить такого оскорбления Вас, товарищ Сталин, как возможность перехода вашего сына в ряды РОА. Яков погибнет в плену. Наши командиры устранят эту вашу уязвимость. Никто из них не доживёт до освобождения. В ярости гитлеровцы сожгут всех.

Он долго молчал, потом спросил про Василия.

- Василий вырос мажором, избалованным. Вседозволенность погубит его. Сопьётся, оскотинится. Простите, товарищ Сталин. Вам надо знать правду.

Я отпил из фляги. Сталин с интересом проводил её глазами, я протянул флягу:

- Родниковая вода. Я не пью. Нельзя. Много контузий. Из-за моих знаний мой мозг мне не принадлежит. Рисковать им не могу. Вернее, так глупо не могу. И боюсь. Как оно в очередной раз переклинит?

Сталин взял флягу, задумчиво вертел её в руках.

- Светлана?

- После вашей смерти урод по фамилии Хрущёв и кучка выдвинувших его реакционером так охают вас, что имя ваше станет ругательством. Берию казнят, как вашего помощника. Светлана, боясь гонений, подтвердит все чудовищные сплетни о вас, уедет за границу. Чтобы не умереть с голода, напишет книгу о вас в семье. Но, издательствам была интересна только грязь в ворохе постельного белья, а не ваша личность. Книга будет об этом. От книги Светланы останется только её имя на обложке.

Он надолго замолчал. Лицо его окаменело, он вдруг из исполина прямо у меня на глазах превратился в простого старика. Тихо он спросил:

- А Артём?

- Какой Артём? Я не знаю, что за Артём.

- Понятно.

Ещё помолчали, он приходил в себя. Спросил меня:

- И что бы вы мне посоветовали?

- Я? Товарищ Сталин, извините, как я вам что-то посоветую? Я простой русский мужик. Что я могу советовать? В своей жизни разобраться не мог, такого наворочал, что сказать стыдно, как я вам что-то буду советовать? Любая из устранённых ошибок порождает сотни новых. Вас Судьба выбрала спасителем Руси. Народ имя ваше никогда не забудет. А спасителей всегда сначала распинают, а потом славят.

- Значит, отказываешься помочь?

- С чего вдруг такой вывод? Я готов служить не за страх, а на совесть, - я протянул на вид свою укороченную левую ладонь, - делал всё, что мог. И буду делать столько, сколько смогу. Но, давать вам советы? Я младенец перед вами, товарищ Сталин. Что вам я посоветую? Я готов делать то, что нужно, служить там, где нужно. Мне больше незачем жить. Всё, что было мне дорого - там, куда мне не вернуться. А здесь - только Родина. А вы - наш Вождь, Престолюбиститель, простите.

- Ты монархист? - скривился Сталин.

- Лучшей формой организации людей, особенно русских людей, является наследственная монархия. Доказано тысячелетиями. Высшая власть должна находиться в одних руках. И к этому человек должен готовиться с рождения. Готовиться и знать, что он хозяин на этой земле. И от того, как он справится с этой работой - зависит, как будут жить его потомки.

- Монархия изжила себя. Это уже всем ясно.

- Отсутствие монархии уже толкнуло человечество в две величайшие войны. А возможно, положит конец человечеству, как разумной организации. На начало 21 века из 10 стран с самым высоким уровнем жизни - 7 - монархии. При этом все они социалистические страны - Швеция, Норвегия, Испания, Англия, Арабские Эмираты. Ну не может временщик, избираемый деньгами на 4 года ради денег не делать денег. И они будут делать деньги. Они разменяют будущее детей на деньги.

- В твоё время вами правит царь?

- Нет, к сожалению. Мы не заслужили царя. Народ царя должен выстрадать, как в 1612 году. Царя нельзя найти или выбрать. Он сам приходит.

Я замолчал, отвернулся, глядя в чёрное окно. Потом сказал:

- Я был честен с вами, товарищ Сталин. Я открыл вам всё. Нет во мне больше ничего. Решайте, что со мной делать. Я готов к любому исходу.

- А ты что думаешь?

- Мне всё едино. Умирать страшно первый раз. Страшно не довести дело до конца. Ну, тут уж, как получится. Я делал, что должен. Старался быть полезным. А сейчас я - ваше уязвимое место. Вы об этом знаете, ваши заклятые друзья знают. Боялся я стать Кольцом Всевластия и, таки, стал.

- Кольцом Всевластия?

- Это мифический предмет. Все думают, что оно даёт безграничную силу, делает Всевластным, за его обладание правители готовы положить на алтарь всё. Льются моря крови. И только овладев кольцом, его хозяин понимает, что это - проклятие. Не даёт кольцо ничего. Только отбирает. Друзей нет, союзников нет, семья и та - лишь источник хлопот и угроз. А все вокруг разом стали врагами. Проклятие. Об этом узнает следующий владелец, следующий. И так, пока не кончатся люди.

- Да уж, ёмкий образ. И главное - точный. Да, ты уже стал этим кольцом.

Станин открыл дверь, выглянул, ничего не сказал, закрыл. Тут же открылась передняя пассажирская дверь, сел человек, повернулся, я увидел звёзды комиссара госбезопасности 2-го ранга.

- Знакомьтесь, это ваш новый куратор. Вам фамилия Меркулов ничего не говорит?

- Говорит. Руководитель СМЕРША. Из-за него Гитлер распустил свою военную разведку. Всё одно - что она есть, что нет. Фактически, к концу 43-го она и так не существовала. На Восточном фронте - точно. А та, что была, гнала такую пургу дезинформации, что Гитлер взбесился.

- Лестный отзыв, - сказал Сталин, - Почему СМЕРШ?

- Так вы сами придумали - смерть шпионам.

- Я придумал? Возможно. Товарищ Меркулов, введите товарища Кольцова в курс операции "Шаман". Ви, товарищ Кузьмин-Данилов, теперь будите Кольцовым.

Потом помолчав, задумчиво повторил:

- Всевластия. Да. Емко.

Меркулов стал скуп, но чётко докладывать. Оказалось, что просочились слухи о Шамане, что предсказывает будущее. Довольно быстро заинтересовавшиеся вышли на группу Кельша. Когда появилась активность вокруг базы аналитической группы, меня спланировали на этот смотр. Пока мы были в пути, на базу было совершенно ночное нападение под прикрытием сильной бомбардировки Горького. Многие защитники базы погибли, Кельш и один из подопытных пропали.

- Который? Мечник или...

- Или. Мечник прорубился до леса, а там и казаки подоспели. А второй пропал.

- А, и хер с ним! Извините! Абсолютно бесполезная инфантильная личность. А Кельш, Кот? Он же тоже там остался?

- Капитан Матушкин ранен. Кельш также пропал.

- А что за казаки?

- Некто "Казачёк" привёл своих родных и знакомых. Все они не подлежали призыву ввиду неблагонадёжности и возраста. Но, у них была личная договорённость с Кельшем и разрешение наркома Берии. Явились в полной боевой выкладке, конно, в старой казачьей форме с царскими орденами. Неожиданной атакой они шашками перебили большую часть нападавших. К сожалению, Кельша и Объекта 22 среди убитых не оказалось. План сработал. Объект 22 был выдан за шамана.

- Аналитическая группа переходит из ведения Берии к Меркулову, - добавил Сталин.

- А меня спрятали на самом видном месте, - кивнул я, - а дальше что?

- Операция "Шаман" продолжается. Уже выявлены организаторы. Возьмём всю сеть заговорщиков, - сказал Меркулов.

- Я рад, но мне по барабану - это ваша заморочка. Со мной - что делать думаете?

Меркулов посмотрел на Сталина, тот кивнул:

- Как вы верно заметили, вас спрятали на самом видном месте. Теперь многие увидели капитана Кузьмина, подивились столь неординарной личности, увидели, откуда "растут ноги" его изобретений, в чём, признаюсь, вы нам немало поспособствовали этими "спектаклями военно-полевого театра". Связать воедино Шамана и Кузьмина теперь сложно. Но, товарищ Сталин, я продолжаю настаивать на изоляции Кузьмина.

- Я возражаю, - ответил я, но они оба лишь усмехнулись.

- Шамана больше нет, будет Кольцов. И Кольцов-Кузьмин прав, прятать лучше на самом видном месте. Но, возвращать его в Горький пока нельзя. Может его в отпуск на море?

- На море Лаптевых? - спросил я, - вы извините, товарищи, но какое море? Гитлер себя назначил главой сухопутных войск?

Меркулов кивнул.

- Значит, теперь генералами будет двигать не жажда славы и громких побед, а экономика. Под Харьковом они нас нокаутировали, сейчас они перегруппируются и постараются отсечь от нас кавказскую нефть, южные порты, хлеб и промышленность юга. Паулюс пойдёт на Волгу, Гот - на

Воронеж, потом догонит, Манштейн завершит захват Крыма. Кто их поведёт на Ростов и Кавказ - не помню. Абреки их очень ждут. Уже формируют дикие сотни, свастики вышивают. Какое море?

Я им полтора часа пересказывал перипетии грандиозной боёв в излучине Дона, Сталинградской битвы. И в конце добавил:

- В моём мире какой-то раздолбай не взорвал мосты через Дон и немцы с хода вошли в Воронеж. На полтора года. Хотя, может быть, это был Бранденбург 800, а не раздолбайство. Прошусь на фронт! Моим машинам нужно войсковое испытание. Под Воронежем одна дивизия будет держать 80 км фронта. Против 2-й танковой армии врага. У меня 16 Единорогов, 12 Т-70М, другие боевые машины. Я этих "панцирей" нащелкаю!

- Или они тебя, - сказал Сталин, - сам же говорил, что твоя голова теперь тебе не принадлежит, а опять её суёшь в пекло.

- Зато точно никто не подумает, что вы сможете так просто отпустить Кольцо Всевластия почти в руки врага. И будут искать Кольцо в тылу.

- Как вы думаете, товарищ Меркулов?

- Что-то в этом есть. Но, если он к немцам попадёт?

- Я в тылах немцев бываю чаще, чем в своих. И со мной ваши "наседки". И убить меня очень сложно, - я им показал нашивки за ранения.

- Пусть будет так, - решил Сталин, небрежно махнул рукой и приказал Меркулову - организуйте всё естественным образом.

На юга!

Мы с Громоzekой вернулись в нашу рощу. Последние метров сто прошли пешком, машину отгонял один из бойцов охраны. Для меня поставили палатку на отшибе, куда мы тихо пробрались и завалились спать, типа, всю ночь тут и проспали, подальше от общей гулянки.

Утром начались сборы. Получили приказ следовать на ближайшую станцию для погрузки на ж.д. транспорт. На станции нас настигли несколько телеграмм. Одной из них Астрову и инженерам его КБ начальник ГАЗа приказывал срочно возвращаться. Гинзбург связался с НКТП, согласовал, что остаётся с нами. Тем более, согласно полученного приказа, учебный полк отправляется в состав действующей армии на Брянский фронт для войсковых испытаний БМП (они именно так стали именоваться и в официальных документах!). Вся техника и личный состав, что был в нашей колонне вошёл в штат 1-го отдельного самоходного полка РГК (это мы). Командир полка - майор Кузьмин. Я, что ли?

Налетели ребята, стали меня качать и подбрасывать в воздух вместе с "доспехом". Им-то радость, а мне - огромная головная боль. Я ротным был

5 минут, батальоном не командовал, а тут - комполка. Справлюсь?

Помогли справиться. Прибыла большая группа командиров во главе с майором Сидоровым Иваном Анатольевичем. Это - мой начштаба. До этого назначения был начальником штаба отдельного мотострелкового батальона НКВД, а войну начал на границе. Пограничник. Ещё один. Оказалось, что они с командиром Горьковского учебного полка сослуживцы и именно Сидоров вынес своего раненого командира. Поговорили немного. Внешность обычная, строгий, сразу чувствовался кадровый командир. Не то, что я, гражданский, случайно военизированный.

- Иван Анатольевич, я комполка минут пять только, опыта командования у меня мало, надеюсь, вы меня подстрахуете, - сразу предупредил я.

- О! Давайте без ложной скромности. Про вас, Виктор Иванович, я слышал много лестных отзывов как о талантливом командире, а опыт - дело наживное. А с организацией штаба полка можете на меня положиться.

Опять повезло мне на хорошего человека. А вот с комиссаром полка не повезло. Типичный партаппаратчик. В голове - неотформатированный хлам из партийных речей и статей, мёртвых лозунгов. Отношения не заладились сразу. И это не политруки Ипполит и Серёга, этому промывание мозгов делать поздно. Ох, намучаюсь я с ним! Потому ничего о нем рассказывать не буду. Пусть бумага хранит память только о достойных людях, а не об этом куске ... партаппарата.

Из-за этого переформирования погрузка была отложена на несколько дней. Укомплектовывали роты и батареи полка, довооружались оружием, амуницией и получали тыловое имущество. Получили ещё партию радиостанций - самое ценное и самое нужное войсковое имущество.

Работы было много.

По железной дороге приехала казачья сотня и сам Казачёк. Казаки были или моложе 18 лет, или усачи давно старше 40. Форму они, конечно, носили красноармейскую (причём, с иронией, им выдали со складов старую форму Первой Конной Армии, хотя некоторые из усачей против красных успели повоевать), звания перевели в привычную систему, но им разрешили носить Георгиевские кресты, шашки, бурки, папахи, ещё эти классные куртки с характерными карманами - патронташами. Причём, многие безусые юнцы носили ордена отцов и дедов. Они говорили, что это такая казачья традиция - награждается не только сам казак, но и весь род его, за то, что вырастил и воспитал такого героя. Поэтому награды - семейные реликвии и потомки носят их, говоря - я тоже герой. И стараются соответствовать. Хорошая традиция. Понятно, почему наше руководство

пошло навстречу казакам. Это наша рота конной разведки. Правда, сами они себя называли Донской добровольческой сотней. Это - пусть. Лишь бы польза была.

И вот долгожданный момент - вручение знамени полка. Торжественное построение, митинг, клятва и парадное прохождение техники и личного состава. Принимал парад генерал-лейтенант Рокоссовский, всё ещё опирающийся на трость.

Вечером подали под погрузку первый эшелон. Полк уже прошёл стадию первичной разбивки по подразделениям, штаб уже разработал график переброски полка. Сегодня грузилось командование полка (я, командный Единорог и комендантский взвод), одна батарея Единорогов, конная разведрота, первая разведрота на "Егерях", взвод из 2 Фениксов, 1 БРЭМ, 1 Сталкер, 1 "Корова", 1 БЗМ и две роты мотопехоты. Влезли все только потому, что экипажи боевых машин, что вмещались по две на платформу, так и остались в машинах. Авось, лето.

Машины укрыли брезентом, обрамили зелёными ветками так, что, казалось, едет не бронемашина, а гигантский берёзовый веник. Поехали, перестукивая колёсами, под гудки паровоза, на юг. Было уже очень жарко, на ходу ещё ветерок как-то обдувал, но вот когда нас притормаживали на каком-нибудь запасном пути, было жарковато. Да и к скоростям я привык несколько другим. Правда, ночами было холодно, хоть и июнь заканчивался.

Южнее Рязани всюду были следы бомбёжек железной дороги. Нам тоже перепало один раз. Паровоз стал сигналить непрерывно, прибавив ходу.

- К бою! - закричал я, расчехляя ДШК.

Два узких силуэта заходили со стороны солнца. Фениксы открыли огонь, как учили, с упреждением, чтобы трассеры перед мордой пилота проносились. Не способствует хладнокровию, знаете ли, ручки начинают подрагивать, появляется стойкое желание не приближаться, отвернуть. Когда они подлетели ближе, мы начали стрелять в них из пулемётов. Они сбросили на нас в общей сложности 4 бомбы, ни разу не попали, потом они нас обстреляли с двух заходов, мы их обстреливали всё время. Они улетели не повреждёнными, но, и ни с чем, у нас - двое ранены, один пропал. Выпал на полном ходу с платформы на насыпь. Из роты Кадета. Его сослуживцы видели, что парень покатился по насыпи вниз, там встал, помахал рукой - живой, мол, и похромал вдоль путей. На ближайшем полустанке сообщил о своём отставшем бойце коменданту. Обещал посадить его на следующий поезд. Раненных сгрузили для отправки на

лечение (Прохор провёл первичную обработку).

Земля Воронцов.

До Воронежа даже не доехали. Воронеж и окрестности бомбили и днём и ночью. Поэтому разгружались на разъезде. Бригада машинистов осаживала состав на платформу у элеватора, мы сгоняли технику, которая сразу уходила под кроны деревьев ближайших рощ. Мерам маскировки мы придавали большое значение, бойцы тоже прониклись страхом во время налёта, прятались очень усердно. Даже следы гусениц замечали привязанными сзади боевых машин "вениками".

Сразу я связался по станционному телефону со штабом обороны города, доложив лишь, что:

- Кузьмин прибыл с первой партией полуторок. Куда следовать для погрузки?

Мне ответили, чтобы прислал человека за схемой проезда. То есть, делегата связи. Такой вот шифр. Уроки 41-го не прошли даром. Пока мои люди маскировались, я на газике с охраной и рацией полетел в Воронеж.

Воронеж этого времени очень сильно отличался от знакомого мне. Это был другой город. Интересно, сколько раз за свою многотысячелетнюю историю этот город Воронцов выстраивался заново? Что ж - город стратегический, контролировал две судоходные реки и плодородную равнину. Поэтому нападали недруги на него часто, наверное. А зная наших людей и их привычку уйти, чтобы накопить сил и с разбега долбануть, но перед этим сжечь всё, чтоб врагу не досталось, то уничтожался он тоже часто. Только место уж больно хорошее - плодородные земли, перекрёсток многих путей - отстаивали заново.

Вот и сейчас - город горел. Много разрушений. Много суеты, паника. Много военных. Потерянных военных. Дезертиры. Охваченные страхом люди пытаются убежать от опасности. Давка на мостах, улицах. Да, тягостное впечатление.

В комендатуре Воронежа такая же истеричная атмосфера. Ещё бы, они-то прекрасно знают что 2-я танковая армия это не пацаны от сохи. Ветераны, покорители Европ. Танки прорвались, а противопоставить им нечего. Заистерить тут.

Нашёл главного, доложился. Он обрадовался, даже обнял меня. А когда узнал, что полк мой не пехота на грузовиках, а самоходки - расцеловал. Хорошо в этом мире призрак гомосексуальности не бродит по Европам.

На карте показал расположение частей на утро. Всё очень неточно.

Будем сами искать. Одно ясно - город голый. Те номера полков, что отмечены на карте - просто номера. Они ещё под Харьковом огребали, теперь здесь. А по противнику - вообще ничего не знают. Сколько, где?

Одна радость - мне придали батальон НКВД из воронежских милиционеров. Они уже, правда, успели огрести от немцев. Да так, что в Воронеж отвели. Пришёл и командир батальона, капитан Попов. Доложил, что в батальоне 147 человек. Рота.

- Капитан, мне вы не как стрелки нужны. На мостах происходит чёрте что! Навести порядок. Отступающих военнослужащих задерживать, кормить и заставлять копать окопы. Готовить предмостные укрепления. Задача ясна?

Капитан приуныл. Бегущие с поля боя это всё одно, что буйнопомешанные, только с оружием.

- Не горюй, я казачков подошлю. Иди, распорядись о выдвижении батальона. Я на машине, подкину. Да и сам погляжу.

В штабе согласовал вопросы взаимосвязи и снабжения, поехали к основному мосту через Дон.

Батальон НКВД оказался хоть и немногочисленным, но на полуторках. Поэтому они уже вовсю преумножали безобразия на мосту. Я достал свой личный флаг, где на красном поле в углу была звезда, а в центре тот же трафарет, что и на Единороге Ъ013. То есть, медвежья морда. С помощью складных трубок собрал древко, и с флагом заехал на мост.

- Есть среди вас русские люди или трусы одни остались? - заорал я так громко, как смог.

Подождал, пока поутихнет многоголосый гвалт, повторил вопрос.

- И чё? - был мне ответ.

- Куда бежим, братцы? В Сибирь? Добровольно? Тут уже центр русской земли. Её тоже врагу отдадим? Так я ещё раз спрашиваю, есть среди вас русские люди? Кто со мной встретит врага оружием? Кто проломит им череп?

- Ты чем череп ему проламывать будешь? Этой палкой с тряпкой? - крикнул один заросший щетиной солдат в распахнутой прожжённой шинели, несмотря на жару, и обмотках.

Я достал ТТ и выстрелил ему в грудь.

- Это не тряпка, а символ нашего государства. Если вы забыли, то я напомню, что все вы давали присягу. И от присяги вас никто не освобождал. И я не палкой буду проламывать черепа. У меня танковый полк, но не хватает пехоты. И я призываю вас к долгу и совести. Я здесь,

обещаю вам кормёжку, оружие, патроны и честь. А там - вас ждут батальоны НКВД, штрафные роты и бесчестие. Подумайте, братцы. Это Воронеж. За ним - Урал. Сибирь. Куда вы бежите? Кому вы полстраны отдали? Кому детей и жен со стариками оставили?

Я не скажу, что моя речь сильно подействовала. Скорее подошедшая конная сотня, размахивающая сверкавшими на солнце шашками. Но, движение по мосту удалось ввести хоть в какие-то рамки. Бойцы кучковались перед мостом, где записывались в сводные роты. Наладили подвоз питания, оружия, боеприпасов. Началось строительство предмостного укрепления.

Отправил на разведку Кадета с его Егерями и Сталкера сапёров.

Дотемна мотался по западному берегу с казаками и милиционерами, наводя порядок в этом паническом бедламе. Как стемнело, комбат батареи Единорогов доложил по рации, что колонна приведена в походное положение и запросил маршрут. Я ему объяснил путь выдвижения и точку выхода. К мосту. Сам отправился туда же. Там собралось уже достаточно отбившихся от своих частей красноармейцев. Милиционеры даже задержали батарею сорокопятки в составе трёх орудий на конной тяге без снарядов. Командовал остатками батарейцев пожилой старшина батареи. Из командиров больше никто не уцелел. Хотел взять орудия с собой, но вид пушкарей был очень уж жалок, да и пока подвезут снаряды... Пушки заняли огневые позиции позади окопов сводных рот. Я обратился к бойцам:

- Сейчас сюда идёт колонна моих боевых машин. В них достаточно места, чтобы взять с собой десант. Я выдвигаюсь в сторону Старого Оскола, чтобы встретить зарвавшихся немцев и настучать им в дёсны. Кто со мной?

Желающих было немного. Сначала. А вот когда подошли Единороги, добровольцев стало сильно больше. Погрузили десант, взяли на борт дополнительный боекомплект, долили топлива, отправили интендантскую службу на опустевших транспортах добывать нам боепитание, и выдвинулись вдоль дороги на запад. По самой дороге нескончаемым потоком шли беженцы. С наступлением темноты стервятники перестали бомбить дороги. Лишь в вышине продолжали гудеть бомбовозы. Эти и ночью будут бомбить. По площадям.

Кадет доложил своё местоположение. Далеко он убежал! Врага, пока, не встретил.

Мы двигались вдоль дороги. Мои ремонтники осматривали с пристрастием каждый остов разбитой машины. Что-то откручивали, отрезали автогеном. А битой техники в кюветах было много. Мои боевые

возможности возросли на два дивизионных Ф-22, без снарядов, брошенных расчётами после потери от авиации врага тягачей. Снаряды - не проблема, у ЗиС-3 - те же снаряды. На одном орудии не было замка и прицела, их нашли в ближайших кустах, а второе было полностью боеготовым. Когда мы уже подцепили пушки к Кирасирам, подбежала группа бойцов. Это были их орудия. Они прятались в посадке. Орудия отдавать я отказался, часть пушкарей поехала с нами. Ещё нашли корпусное орудие. Трактор, что его тянул, также был разбит, но расчёт лежал рядом с орудием в рядок, накрытые шинелями. Два бойца углубляли воронку от бомбы. Ну, такое орудие мне по чину не положено. Оставил один Кирасир с людьми помочь с захоронением и приказом оттащить орудие за Дон. Там найдутся на него хозяева. Кто-то из ребят уже нанёс на ствол орудия трафарет единорога, рассчитывая, что орудие наше. Да, и пусть красуется!

Кадет доложил, что вступил в огневой контакт с передовыми подразделениями противника. Результат боя: "поплясали, попели, разошлись". У Кадета - без потерь, "мои все трезвые". Уничтожено несколько грузовиков, мотоциклов, захвачены в плен два немца ("два гостя решили остаться") и много оружия. Поле боя осталось за Кадетом ("стол мой"). Приказал отойти и ждать "гостей". Ночью они не сунуться, а вот утром - пожалуют. С бронетехникой и самолётами.

Добрались до Кадета. Место неудачное. Посёлок или деревня, кои в изобилии были здесь, оседлал дорогу. Многие беженцы остановились в нём, но в село вошла разведка фашистов на мотоциклах, бронетранспортёрах и грузовиках. Занялись грабежом и насилием. За этим занятием и были застигнуты разведчиками и казаками Кадета. Порубили всех в хлам. Ушли только два БТРа немцев, в силу неуязвимости для стрелкового оружия. Остальных пожгли на отходе. Гражданским приказал уходить на восток, бойцам - окапываться на западной окраине посёлка. А когда доложил в штаб обстановку, такой же и приказ получил. Ох, поспешил я с докладом!

Место мне не нравилось. Восточнее посёлка, оказавшегося на возвышенности, местность изгибалась чашей вниз и была вся распахана полями. Так же, в принципе, и западнее. То есть, бой дать можно, а вот отходить придётся по открытому месту, под огневым и авиационным воздействием противника. Хотя, посёлок большой, весь покрыт садами. Справа и слева к садам примыкала "зелёнка" леса. Обойти нас будет сложно. Если бы был день, не секунды бы не сомневался - дал бой прущему в лоб врагу и потемну бы отошёл. Но, до темноты нас с грязью успеют перемешать.

Сталкер с Егерями выдвинулись вперёд, минируя полосы вдоль дороги. Саму дорогу не минировали. Пехота окапывалась. Орудия Ф-22 поставили на прямую наводку с сектором стрельбы вдоль дороги и замаскировали. БРЭМ, а потом и Сталкер, с их бульдозерами откопали каждому Единорогу по несколько огневых в садах, на флангах посёлка. Только потом зарыли БМП, замаскировав их под пиломатериалом и соломой.

Когда взошло солнце, заканчивали маскировку. Выдвинул вперёд конный дозор, сам на газике выехал на запад - оценить меры маскировки. И нашёл их приемлемыми. Сверху бы глянуть. Но, я не птица.

Разрешил закончившим обустройство позиций вздремнуть.

Кадет доложил по пленным. Когда он сказал, что это какая-то дивизия сорок какого-то корпуса 4-й танковой армии, мне поплохело. Я даже присел на завалинку. А я Сталину говорил, что 2-я таковая тут наступать будет. А оказалась 4-я. И кто я теперь в глазах Верховного? "Источник сомнительной надёжности", а по-русски - "балабол"? И ведь он это понял сразу же, как я ляпнул по 2-ю ТА. Он-то прекрасно знает, какая ТА где стоит. Такую махину не спрячешь. Теперь мне ясно, почему к моим докладным такой слабый интерес - они малодостоверны. Блин, "шеф, шеф, всё пропало!"

- Что с тобой, Виктор Иванович? - встревожился Кадет.

- Поплохело что-то. Не обращай внимания, - ответил я, вытирая рукавом холодный пот со лба.

- Что с пленными делать?

- Они мне не нужны. Тебе нужны? Расстреляй. Или отправляй в тыл. Мне - едино. Нет, на нашей машине. Свои же обстреляют, как увидят на трофейной. И документы этих мародёров тоже отправь.

- Оружие?

- Что нам не нужно - туда. И амуницию. Там в сводных ротах сплошь голодранцы.

Кадет ушёл. Связисты доложили, что протянули нитку до штаба. Доложился. Получил "ценные" указания. Обещали подвести питание и боеприпасов. Ага, щас! Потемну не соизволили, а теперь по дорогам мессеры пройти не дадут. Тут, под яблонями, на брезенте и уснул.

Испытание людей.

Презентация БМП врагу.

Растолкал меня Громозека, поставил передо мной ведро с ледяной колодезной водой. На западе слышался далёкая перестрелка и взрывы гранат.

- Казачки немца привечают, - буркнул Громозека.

На позициях отряда прокатилось шевеление - бойцы разбегались по огневому.

- Без меня не фулюгинить, - передал я по рации, потом, то же продублировал голосом.

Казачки неслись по дороге, низко склонившись к холкам своих коней, поднимая хвост пыли. Им вслед стреляли. Согласно задуманному, дозор промчался по дороге почти через всё село, лишь там, на восточной окраине, скрылись во дворах.

На дорогу выехали два мотоцикла с колясками, обстреливая посёлок из пулемётов. Никто не отвечал. Мотоциклистов догнал танк. Я приник к окулярам бинокля. Pz-III старой модификации, с короткой пушкой. Командирский люк открылся, вылез танкист в наушниках прямо поверх фуражки, стал разглядывать посёлок в бинокль. Сзади его нагнали Pz-II и несколько грубообразных БТР. Судя по продолжавшей подниматься пыли, техника продолжала подходить. На танк поднялся ещё один немец, только этот в каске и с МП в руках. Не выпуская автомата из рук, он стал что-то рассказывать танкисту, тыкая руками в сторону посёлка.

- Сыграна пионерская зорька, - передал я в рацию, и добавил - Без меня безобразия не нарушать!

Танкист скрылся в танке, из-за него выехали несколько грузовиков, тяжело перевалились через придорожные канавы. Эти 3-хосые грузовики тащили орудия, развезли их. Расчёты споро развернули орудия. Идиоты? На открытых позициях выставили орудия.

- Кадет, видишь? Эти оглобли - тебе.

- Понял, Медведь. А там, сзади, самовары ставят.

Миномёты - это плохо. Вся моя техника уязвима сверху. И взять их нечем. Придётся Единорогам бить не по танкам, а через гребень перекидывать фугаски по миномётам. А чем нас штаб порадует?

Запросил огневой поддержки Воронеж. Они ничем помочь не могли, но сообщили, что вторая партия полка прибыла и батарея Единорогов уже недалеко от меня. Связался по дальнобойной рации. Колонной верховодил Комбат-2, позывной Веник. У него 4 Единорога. С ними все 12 Т-70М ("обрубков") и тылы. Поглядел на карте их координаты и приказал Единорогам и тылам закрепиться в этой точке и приготовить огневые для стрельбы с закрытых позиций. Продиктовал даже, куда им надо навестись. А Т-70 "пригласил в гости".

В это время немцы пришли в движение. Два танка пошли по дороге на посёлок, за ними - Ганомаги. Никто не стрелял. Первыми должны были

начать Ф-22, но Веник уже доложил, что готов, поэтому он и начал. Стрелял он почти на пределе дальности, поэтому его залпов не было слышно на фоне привычной канонады.

- Кадет, свети Венику, - приказал я.

Первый куст разрыва поднялся за гребнем. Танки прибавили хода, полетели на посёлок. Ганوماги стали ёлочкой разъезжаться, перестраиваясь в боевой порядок. Открыли огонь миномёты и орудия противника.

- Поехали! - крикнул я в рацию. С восточной окраины посёлка взлетела красная ракета. Дальше приказывать было не надо - последовательность действий оговорили заранее.

Орудия у дороги ударили в Pz-III, Единороги добавили в борта. Танк взорвался, разорванный сразу несколькими попаданиями. Та же участь постигла и пятящийся Pz-II. Потом занялись отстрелом Ганомогов. Кадет в это время "гасил" противотанковую батарею, так легкомысленно выставленную на виду. Для его авиационных пушек щиты орудий - не преграда. Расчёты разлетались, как кегли. А наша пехота в это время отстреливала пехоту немцев, что успела высадиться из БТРов.

- Единорогам - заткнуться. Менять лёжку через зад! Кирасирам - гнать их в шею!

ПТО - подавлены, миномёты вроде тоже заткнулись. Кирасиры вылетели на поле, поливая бегущих немцев из пулемётов. За ними увязался и БРЭМ. Эти решили ганوماги обследовать. Дал команду Венику прекратить огонь и сменить огневую.

В это время Кирасиры споро покатались назад, сопровождаемые взрывами:

- Медведь, сундуки!

- Откат, Кирасирам! БРЭМ! Уходи! В Сталкерские плюхи не вляпайтесь!

Техники всё же подцепили один БТР немцев и теперь волокли его назад. Ганомог внешних повреждений не имел. Почему бросили? Как я позже узнал, мехвод БТРа наступал с открытым люком и словил обычную винтовочную пулю зубами. А пулемётчик, на нервах, не смог заново завести машину. Но люк тоже не захлопнул. Схлопотал пулю от того же стрелка. Я этого якута (а может, эвенка или таджика, я в этих ребятах не сильно разбираюсь) потом к "Отваге" представил и свою СВТ подарил. Ну, куда я с ней? У меня теперь ствол в десять раз вырос в диаметре.

На гребне выросли разом десятков силуэтов. Немецкая пехота откатилась под их защиту. Вот это уже серьёзно. Они стали лупить по посёлку, больше вслепую, так как все их цели уже скрылись за заборами,

палисадниками и стенами хат. Они били по редким вспышкам выстрелов нашей чересчур расхрабившейся пехоты.

- Ваня, - тронул я за плечо наводчика, - этих сначала осадить надо, потом бить. Поэтому сначала гранатой в гусянку бей.

- Помню, товарищ майор, тыщу раз обговаривали.

- А ты ещё раз слушай. Два-три раза стреляешь - отползай назад. Понял?

- Понял, - кивнул наводчик.

- Я к пэтэошникам сбегаяю.

Громозека схватил ящик заплечной рации, побежал следом. Расчёты дивизионных орудий прятались по узким окопам. Орудия они уже успели столкнуть вперёд, в углубление. Нашёл командира взвода, молоденького лейтенанта. Это его первый бой. Он пришёл прямо из училища в батарею накануне. Всё, что он успел увидеть - это налёт при передислокации его огневого взвода, когда разом погибли и командир батареей и половина личного состава. Но, держался парень молодцом, только бледность и растерянная улыбочка выдавали, что ему сейчас не просто.

- Лейтенант, ты у нас будешь принимающим. Вытянешь танки на себя. Мои самоходы побьют их в борта. Запомни - бей в основание башни или в гусеницу фугасным. Фугасным, слышишь? Этим разрушишь не только траки, но и ленивцы. Танк при этом резко разворачивает и можно бить его в борт или корму. Понял? Команды на открытие огня не жди. Стреляй, когда посчитаешь нужным. Я в таких случаях стреляю по танкам, как начну клёпки видеть без бинокля. Понял?

Лейтенант кивнул с той же растерянной улыбкой, прижимая каску рукой.

Рядом рвануло, мы обернулись. Дом справа от нас складывался сам в себя. Брёвна сруба разлетелись по двору. Обстрел усиливался. Причём долбили не только танки, но и что-то существенное через их голову. Танковый снаряд так хату не раскатает.

Пригнувшись, падая после каждого близкого разрыва, мы с Громозекой пробежались вдоль линии обороны. Да, опасно. Да, выглядит глупо. Но, надо видеть глаза бойцов, когда вокруг ад разверзся, а тут появляется командир и спрашивает: "Ты как? Штаны сухие? Держись, сейчас ползут!" Поднимаю таким вот способом мораль и дух бойцов.

- Кадет! - схватил меня за рукав Громозека и сунул трубку.

- Тараканы полезли. Сотни четыре. Дюжина больших "жуков", пять мелких и десяток "коробков". Могу Венику подсветить "оркестр".

Как он смог увидеть огневые позиции гаубиц? Я не понимал. Но,

оказалось, что Кадет оставил в тылу немцев отделение своих разведчиков с рацией. Они вышли на батарею, давали результаты стрельбы Кадету, а он по более мощной рации - на вторую батарею.

- Действуй! - приказал я и тут же стал вызывать Фениксы. Когда Феникс-7 откликнулся, я велел ему: - Синева! Слышишь, синева!

Две наши зенитные самоходки покинули свои капониры, вылетели на дорогу и рванули на восток. Немцы по ним стреляли, но для танков - далековато, для гаубиц - слишком быстро. Утыканные ветками, укрытые маскировочными сетями зенитки больше походили на самодвижущиеся кусты. А самое главное - походили на танки утыканные ветками, чего я и хотел. На что был похож их отход? На бегство двух танков. Я надеялся, что немцы посчитают, что танковое подразделение было ими разбито, два оставшихся танка бежали, бросив пехоту. Надо чтобы противник ударил разом и всей техникой. Такой удар нам выдержать будет очень сложно, но возможно. А вот если они оставят половину танков прикрывать штурмовую группу - у нас вообще не будет шансов - перещёлкают, как куропаток. Есть! Ключули! Две дюжины бронемашин покатились на наши позиции, прокладывая параллельные борозды в полях. Серые угловатые танки иногда останавливались на мгновение, их пушки плевались огнём, и танки шли дальше. Шли прямо, как на параде.

Восемьсот метров. Шестьсот. Вот один танкер подорвался на mine. Не загорелся, хотя катки поотрывало.

- Братья! - обратился я в рацию, - Удачной охоты!

Семь трёхдюймовых стволов Грабина - это вам не кот наклепал! Три танка были подбиты сразу же. Благодаря высокой скорострельности и скрытности позиций наших орудий мы сразу завоевали себе огневое превосходство. Немцы заматались по полю, лупя по посёлку наугад.

Воспользовавшись образовавшейся у противника сумятицей, выбили половину их машин. Только потом их командование смогло совладать с ситуацией. Танки полезли на посёлок, ведя частый огонь с коротких остановок. Усилился миномётно-пушечный обстрел. Подтянулась к танкам немецкая пехота.

- Единорогам - отход вбок через зад! - приказал я.

Самоходки разошлись, как ворота, на фланги, открывая дорогу танкам противника. Немцы сразу почувствовали, что наш огонь ослаб, рванули прямо по дороге, потеряв на mine ещё один танк. Через минуту танки прошли по позиции ПТО, и ходом пошли дальше. Пехота ворвалась на окраину села. Закипели перестрелки с кинжальным огнём в упор с нашей пехотой, яростно отбивавшейся гранатами и штыками.

Первый танк проскочил деревню и выскочил на дорогу.

- Давай! - пнул я наводчика. Орудие моего Единорога выстрелило, звякнула гильза.

- Готово! - прокричал заряжающий.

- Выстрел! - проорал наводчик, орудие опять гроыхнуло, раскачивая всю машину. Потом ещё раз. И ещё.

Первый танк горел, развернувшись поперёк дороги. Рядом взорвался следующий, высоко подкинув башню. Единороги отстреливали мелькавшие меж деревьев и горящих домов машины врага.

- Коля, лево-назад! - приказал я мехводу, а наводчику, - Танк за забором.

- Вижу! Взял! Выстрел! - проорал наводчик.

Орудие гроыхнуло, уши опять "забило ватой" и я едва слышал:

- Атас!

Я подумал: "Какого...?", но тело сработало на автомате, я рухнул на пол, тут же по броне самоходки ударили несколько молотов. Надо было покидать машину при этом сигнале, а я, как истинный пехотинец, припал к полу. Поняв это, дёрнул спуск дымомётов и выкатился из Пуха. Тут же мощная длань Громозёки схватила меня за воротник и отшвырнула в сторону. Я скатился в яму, бывшую когда-то лужей. Тут, на растрескавшейся корке грязи уже сжался наш заряжающий. Я быстро выглянул. Громозека, укывшись дымом, тащил из чрева машины наводчика, а в 70-80 м на нас шёл Pz-II. Угрозы от нас он уже не видел - башня его отвёрнута вбок, но приближается. Видимо, решил использовать корпус нашей самоходки для прикрытия.

Я вскочил, подлетел к Громозеке, вместе выдернули раненного наводчика. Ему практически оторвало ступню. А самоход не горел. Едкий дым дымовых зарядов щипал глаза и дыхательные пути.

- Неси и вернись, - велел я Громозеке, сам полез обратно в машину.

Двигатель продолжал работать, орудие цело и даже заряжено, а вот мехвод был убит. Их обоих с наводчиком зацепило одним и тем же снарядом.

А немец уже в паре десятков метров. Рядом тяжело приземлился Громозека.

- Поверни машину на этого немца, а я его убью! - прокричал я ему в ухо. Громозека сразу потянулся в отделение управление, прямо через разорванное тело мехвода.

Хорошо, что перегородки межотсековые не успели поставить. Хотя, может наводчик был бы тогда цел?

В прицел ничего не было видно из-за дыма, я высунул голову поверх брони - авось, с такого расстояния не промажу и так. Единорог довернул, ствол практически упёрся в Pz-II. Танкисты начали понимать, что что-то не так, но я не дал им шанса - выстрел в упор практически развалил лёгкий танк противника.

- Атас! - проорал я, вываливаясь из Единорога, рядом упал Громозека. Мы вместе скатились в яму, слишком маленькую для троих. Троих? А где зарядный? Бежит, сука!

- Жгут наложи, - ткнул я Громозеку, указав на наводчика, так и лежавшего без сознания, а сам побежал за трусом. Догнал его быстро, подсечкой сбил с ног, рухнул сверху, перевернул и несколько раз со злости вмазал в лицо, разбивая ему в лепёшку губы, нос, брови. Потом плюнул, встал, пнул ещё раз и приказал:

- За мной! - и не оборачиваясь, побежал, пригнувшись, к "Пуху".

Дым развеялся и я смог оценить "поле" боя. Фактически, бой был проигран. Я не видел никого из наших. Только серость врага. Дым и огонь. Выстрелы и взрывы. Неужели, всё? Мы разбиты?

- А вот и хер вам! Мы ещё живы! - заорал я. Кому? Самому себе.

- И "Пух" исправен, - прогудел рядом Громозека.

Мы встретились с ним глазами. Он подхватил наводчика, мы побежали к машине. Громозека дёрнул сидение мехвода, разом отогнув все трубки, из которых оно и было сварено, вытащил тело. Мехвода и наводчика положили в командное отделение, Громозека сел в окровавленное отделение управления, я за орудие, сзади щёлкнул затвор, заряжающий ткнул меня в плечо:

- Готово!

- Назад! - приказал я Громозеке.

Он опять завел двигатель, дал задний ход. Я вставил разъём шлемофона в гнездо. Сразу же услышал, что меня вызывает множество голосов.

- Тут Медведь. Я в теме. Назовись.

Отозвались три Единорога, Кадет и Феникс-7. Феникс доложил, что "куцые" T-70 вышли на него и рвутся в бой. Да куда им против немцев? Их даже Pz-II расхерачит, не говоря уже о более тяжёлых машинах. Хотя... Тут сейчас такая свалка!

- Феникс, даю добро "куцым". Пусть на всех парах летят и бьют в упор и только в борт или под хвост. Как понял меня?

- Принял, Медведь!

А Единорогам приказал отходить на фланги, ведя огонь, оттягивая

бронетехнику на себя, чтобы они подставляли борта или нам, или Куцым.

Громозека пятился назад, заряжающий был его "глазами на затылке", я ловил в прицел мельтешение серых силуэтов, ведя быстрый, но не слишком эффективный, неприцельный огонь. Брошенная мною на чашу весов гиря дюжины Т-70 окончательно перевесила весы победы на нашу сторону. Противник в спешке отступил, бросив повреждённую технику и раненных. Т-70, а за ними и Кирасиры увязались в преследование и гнали их огнём и колёсами по полю. Пока не был подбит ещё один Т-70. Он загорелся. Выскочить успел только мехвод. Я приказал прекратить погоню и вернуться в посёлок. Объявил по радиации сбор комсостава, а сам побежал на огневую ПТО.

Обе пушки были раздавлены. На одной из них застыл Pz-III, перед огневой горел ещё один. Тела батарейцев лежали там же, где им предписывало боевое расписание. Никто не побежал, никто не спасся. Я подбежал к орудию, перевернул тело лейтенанта, которому танк переехал ноги. Он был жив ещё. Искусанные в кровь губы расплылись в растерянной улыбке:

- Командир, я танк подбил! - прохрипел он и испустил дух. Это его первый бой. И последний.

Я не смог сдержать себя в руках. И плохо запомнил, что было следующие несколько минут. А ребята, когда я их спрашивал, отводили глаза. Очнулся я связанным в Единороге. А садист Громозека лил мне на голову ледяную воду из брезентового ведра.

- Оклемался? - спросил он меня.

Я его искренне послал.

- А, - многозначно протянул он, - лаешься. Там командиры собрались. Что им говорить?

- Развяжи, сам скажу!

Когда он меня развязал, то оказалось, что мои кулаки разбиты и сильно болели. Я вылез из Единорога, исподлобья оглядел собравшихся, прервал доклад о состоянии подразделений, посмотрев на часы. Эх, не вовремя я выпал из реальности!

- Времени мало, мужики. Чую я, что летят уже сюда стервятники по наши души. Поэтому в темпе собираемся и валим отсель. В первую очередь - раненных. А трофеи - в последнюю. Поджигайте всё. Дым нас укроет. И быстро! Каждая секунда - против нас. Бегом!

- Кадет, погоди! Где этот наш спец по радиоглушилке? Живой?

- Живой. И бандура его цела.

- Как увидите самолёты, пусть сразу врубает. Хоть чуть им помешаем,

всё нам шанс. Понял?

- Так точно!

Сапёры бросили минирование, занялись поджогом битой техники врага. Чтобы уж наверняка не восстановили. Только в переплавку.

По одной, по две, в связке, машины уходили на восток. К исправным боевым машинам цепляли битые или трофейные. Последними уходили Единороги, Егеря и казаки. Уходили под завывание пикировщиков и под бомбами. Фениксы усердно старались отогнать самолёты от нас, но не слишком успешно. Потеряли ещё один Единорог, третий. Один, правда, БРЭМ утащил. Может и восстановим. А вот два разбиты полностью. Последний сначала прошили из авиапушки, а потом и бомбой накрыли. Из расчёта спаслись наводчик, пулемётчик и мехвод. Я их подобрал на ходу прямо перед попаданием бомбы. Громозека вел машину виртуозно, постоянно меняя направление, змейкой. Он нас и спас.

Влетели в "зелёнку". "Лапотники" "повыли" ещё над нами, да отстали. Полетели "добивать" посёлок. Из него по ним хотя бы никто не стрелял. "Героически" разбомбив посёлок, они убрались восвояси. А мы стали окапываться. И приводить себя в порядок.

Испытание людей.

Перекур.

- Сильно нас немец потрепал, - поделился я с приехавшим с последней батареей Единорогов начштабом.

Он удивлённо глянул на меня:

- Вы, фактически, одной батареей и одной усиленной ротой смогли разгромить передовой отряд противника. А там не меньше сводного механизированного батальона было и до двадцати танков. Это же отличный результат! Докладывать буду в штаб армии, не поверят. Скажут - приписками занимаемся.

- Погоди, там всё крутился паренёк с "лейкой". Всё фотографировал, - вспомнил я, - надо его на шпионство тряхануть. И фото-доказательствами разживёмся. И ещё. Пусть всю нашу битую технику снимет. Надо мелом написать, чем бито, и зафоткать. И на завод отправить. В КБ, Астрову. Пусть статистику собирают. Этого, как его, Гинзбурга, привлеки. Мы же не только боевой полк, но и испытательный. Представляешь - в техзадании записано чётко - лобовая броня Единорога должна выдерживать снаряд 37-мм Пака. А меня сегодня "двойка" прошила в трёх местах из 20-мм автомата. Из семи попаданий - три пробоины. Мехвода и наводчика потерял. И сам жив остался лишь благодаря глазастому Громозеке. Одна пробоина прямо против моей груди. Не упал бы на дно за секунду до удара

- каюк!

Начштаба кивал, глядя на запад. Я понял, что он меня не слушает.

- Чувствую себя Маугли. Сейчас мудрый Каа придумает, как одолеть рыжих собак.

- Да, - вздохнул начштаба, - и как их одолеть? По носу дали, они здесь встали, а в других местах так и прут. И дорог здесь масса, все не перекроешь. "Они текут подобно реке".

А, слушал, оказывается! И Киплинга, похоже, читал.

Я ткнул пальцем в карту:

- Сюда идти надо. Здесь мы их притормозили. Сами тормознём - окружат, жилы подрежут.

- А почему сюда?

- Железка. Дорога вдоль неё. Могут пройти крупные колонны. Если и там их тормознём, то наши успеют по Дону закрепиться. В остальных местах - мелочь.

- Встречный бой?

- Есть выбор? Любую стационарную оборону они просто блокируют и обойдут. Надо бить на опережение. Отходим сюда и по этой дороге движемся к железной дороге.

- Днём? На виду?

- Ты же пришёл сюда днём с колонной? Всё, я решил! Готовь полк к рейду. Да, в вышестоящие штабы не докладывай. Толку от них нет, помощи нет, только и могут ярмо на шею накинуть. Лучше бы боепитания подкинули.

Я пошёл к "Пуху". Новый мехвод, с разбомбленного Единорога, отмывал от крови своё рабочее место, остальные перегружали снаряды из полуторки в боеукладку, а обратно кидали стрелянные гильзы. Тут меня и нашёл Кадет. Чумазий, как бомж.

- В грязи морда, в заду ветка - то пришла моя разведка, - приветствовал я его.

Кадет не растерялся:

- Гром гремит, земля трясётся - то Медведь на штурм несётся.

Я рассмеялся, обнял его.

- Рад, что ты жив. Кого это ты привёл?

- Этот парень через смотровые люки немцев отстреливает. Ночью прибил к нам, воюет геройски. К себе хочу забрать.

- Да ты что? Серьёзно? Через люки?

- Моя белка в глаз бил. Немца в глаз бил. Немца глаз блестит, моя - бить, - сказал маленький азиат.

- Чукча, что ли? А, не важно! Молодец! Кадет, начштаба скажешь, чтобы зачислил к тебе в роту и представление подготовил к "отваге". Да, Белка, мало-мало тебе подарка дарить буду, однако. Держи. У меня теперь другая игрушка.

Я ему отдал чехол со своим СВТ.

- Знаешь, как ухаживать за ней?

- Бригадира такая был. Я стрелял. Тюленя ходил.

- Вот и хорошо. Ты немца теперь в глаз бей. С оптикой знаком? Удачи, однако!

И тут же прогнал обоих - чукча стал очень уж яро благодарить меня. Ещё на колени упадёт. С них, азиатов, станется. Для них начальник - бог. Спинай только не поворачивайся. И чукча пошёл, сияя плоским лицом, бережно укладывая "светку" в чехол. А я залез на передок "Пуха", задумчиво засунул палец в пробоину на лобовой броне, прикрывавшей командный отсек. М-да. Не упал бы на пол - в груди была бы такая же. Если броня Единорога не сдержала, "доспех" тем более. Судя по оплавленным краям и выжженному ореолу краски, били снарядом из твердого сплава. Вольфрам или что-то подобное.

Решил сходить к ремонтникам. Гинзбург озадаченно кивнул мне, я подождал, пока он закончит раздавать указания своим подчинённым, выложил ему свои мысли о наборе статистических данных и привлечении прибывшегося фотокорреспондента армейской редакции. Гинзбург со всем согласился, обещал заняться сразу, как закончат восстановление.

- Хотя бы то, что можно быстро отремонтировать. Остальное в тыл пока оттащим и там вдумчиво этим займёмся.

- Вот сам этим и займись. Не по чину тебе на передке шнырять. Организуй базу для рембата. Туда тебе и будут БРЭМы объекты подтаскивать. Это не совет, а приказ. Хоть ты и старше меня по званию, но являешься моим подчинённым, как командир рембата моего полка. Выбери местечко удобное на том берегу Дона и разворачивай полевой ремзавод. Это нужнее нам, чем твоё присутствие здесь.

Гинзбург всё это время смотрел на свои сапоги, вытирая руки ветошью. Не поднимая головы, спросил:

- Когда отходить?

- Вчера. Определись со структурой и выдвигайся. Я думаю, что надо организовать несколько маневренных эвакогрупп и полевой ремзавод. Детали сам додумаешь. И не думай, что я тебя отсылаю. Там, за Доном, не безопаснее. Так же обстреливают и бомбят. Так же танки и мотопехота может прорваться. Но, всё же более подходящие условия для ремонта. Мне

не только твоя жизнь нужна, но и высокая боеспособность техники. Понял? Исполняйте, товарищ комбат.

Блин, а приятно приказывать генералу! Гинзбург хоть и военинженер, но его звание равно генеральскому, только он ходит в простом сером танковом комбесе с множеством нашитых полковой мастерской карманов, но без знаков различия. Прихотью судьбы оказался прикомандирован к полку на время боевых испытаний БМП, своей инициативой возглавил рембат, который фактически и создал своими силами по своему разумению. Штат подогнали под фактическое состояние.

Надо было бы вообще его не тащить сюда, но "русский мужик задним умом крепок". Как только пробомбили меня, так я сразу и испугался за генерала. Потеряю такую голову и с меня её, голову, снимут.

Пошёл обратно к штабному Кирасиру. Меня беспокоило затишье. Что-то немцы затихорились, а это неспроста. Но, по пути был перехвачен Брасенем и почти насильно сопровождён до кухни, где был накормлен мясным гуляшем. Это должна была быть каша, но вокруг дорог было столько свежего мяса набито, что каша была не пшённой, а мясной.

- Людей не потравишь падалью?

- Какой падалью? Только то, что дышало к нашему приходу в котлы идёт.

- Слушай, я тут карабин свой снайперу отдал. Как будет возможность, пусть мастерская перешьёт мне разгрузку только под ППС. А то, видишь, половина подсумков опустела.

- Был бы карман, а что в него положить - найдётся. А насчёт разгрузки, головы не забивай. Готовую подгоним под твои тела. Это быстро.

- Какие тела? Сказал так, будто я жиртрест какой! Тут пупок к спине прилип.

- Это точно. И на кухню силком гонишь тебя. Смотри, командир.

Брасень показал мне шоколадку.

- Панцершоколад, - прочёл я, - Брасень, все такие батончики собрать! И ещё у немецких танкистов должны быть таблетки в отдельных пачках. Их тоже надо собирать. Это наркотики.

- Наркотики? Как опий?

- Нет, не морфиты. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы по болотам бежали на подобных таблетках?

- А, чтобы не уставать. Помню.

- От них человек сгорает, как спичка. Просто так их есть нельзя. Так что налаживай их сбор и контроль расходования. Понял?

- Понял. А мы эти шоколадки так едим.

- Это всё одно, что микроскопом гвозди заколачивать. Можно, но на хрена? Один подобный батончик может человека сутки в силах продержать. Замечательный НЗ. Весит мало. Это на случай голода или окружения. НЗ. Каждый батончик год жизни заберёт. Есть только тогда, когда встанет выбор - год или вся жизнь. Понял?

- Понял, командир, сделаем.

- А этот давай сюда. Как раз подсумки пустые.

- А я и говорю - были бы карманы.

Человеческий организм - система открытая. Если в него что-то вошло, оно должно что-то из него вытолкнуть. Вот и я побежал до кустиков. Хотя и нет времени, но и терпежу нет. Только пристроился, крик:

- Воздух!

Я разразился матами, проклиная Гитлера, Геринга и всё Люфтваффе. Одно хорошо - оправился чрезвычайно быстро. Боюсь я бомбёжки. Держа танковый комбез руками (не успевал застегнуться), бежал к машинам, когда со всех сторон понеслись радостные крики:

- Наши! Наши!

Над головой пролетели три странных самолёта с подвешенными на внешней подвеске бомбами и снарядами "Катюш". Для истребителей - великоваты, для бомберов - маловаты. На Ил-2 не похожи. Ил он весь такой тяжёло-основательный. А эти как разжиревшие Як-9 или ЛаГГи, те же обводы, истребительные, один мотор, но со сдвойной кабиной. Тем не менее, не разгаданные мною краснозвёздные самолёты, отбомбились и штурманули посёлок и противника около него. Возвращаясь, покачали над нашими головами крыльями. Чем вызвали бурю восторга и салют в небо касок и пилотов.

А вот я расстроился. Сколько времени потерял, обучая личный состав маскировке, а всё напрасно. Они нас увидели, значит и немец увидит.

- Сворачиваемся быстро! - проорал я, врываясь в "штаб". То есть, на полянку со штабной бронемашинкой. А тут полный комплект всех командиров моего полка. Начштаба собрал совещание.

- Докладывал навверх, - сказал он мне, ткнув пальцем в небо. Всё же устав ему главнее комполка.

- И?

- Не поверили. Воздушную разведку послали. Звено штурмовиков.

- А я-то думаю, что за самолёты? И что? Убедились?

- Да. Летуны подтвердили результаты боя. Но, теперь штаб ставит ещё более сложную задачу: перекрыть вот эту спарку железки и грунтовок.

- Ага, от скромности они не умрут. Там как раз парочка панцердивизий прёт.

- Мы же сами туда планировали. И нам обещана поддержка...

- Моральная? Типа, Родина вас не забудет?

- В тупике стоит бронепоезд. Морские орудия. Экипаж тоже моряки. Они даже состав свой называют иначе. Транспортёр или элеватор. Как-то так. Их связист уже едет к нам.

- Какой калибр?

- Большой. Морские орудия. Сняты с крейсеров. Или с береговых батарей.

- Воздух! Немцы!

- Замаскироваться всем! Огонь только по команде! - проорал я.

Верно я предположил - пара хищно-тощих силуэтов стремительно прорезала высоту на восток - штурмовики догоняли. С земли им видно подсказали, что наши штурмовики работали без прикрытия. На нас они не отвлекались, я тоже решил их внимания не привлекать. Фениксы могли достать, но на пределе высоты, т.е. эффективность почти ноль, а вот "худые" наведут на нас батареи немцев.

Проводили глазами самолёты с крестами, споро стали сворачиваться.

Только соединившись, полк опять распадался. Боевую часть полка я повёл на север, тылы Гинзбург повёл на восток.

До намеченного места добрались почти без происшествий, так - вспугнули две разведгруппы врага. Уничтожить не получилось - очень резво они ретируются, боя не принимают.

Вышли на намеченные позиции раньше противника, чего я, честно говоря, опасался. Не успеть, в смысле. Закрепившегося немца наскоком не возьмешь. Как и нас. И отходить нам было бы уже больно.

По обеим дорогам сплошной рекой текла людская масса, обтекая огромные бомбовые воронки, остовы техники и трупы людей и животных.

- Комиссар! Вот и для тебя нашлась работа! Не всё же штаны марать в тылах! Всех дезертиров остановить, организовать из них пополнение нашей мотопехоты! А это твоя работа! "Как?" Раком, тля!

Наметили позиции, батареи и пехота стали зарываться в землю. Разведчики разлетелись во все стороны - враг не обязательно подойдет с запада.

Испытание людей.

В состоянии аффекта.

Когда намечал сектора обстрелов в линии огня полка, вернулся Кадет. Летел на своём Кирасире, как на самолёте.

- Немцы? - запросил по радио.
- Нет, пока, но кое-что занятное.

Занятым оказался белобрысый мальчуган с подбитым глазом и облупившимся носом.

- Здесь, в селе, стоят сухими до десятка танков, - докладывал Кадет, показывая на карте.

- Вот почему развилка оказалась свободна, - кивнул я, и обратился к мальчугану, - Точно без топлива?

Тот закивал:

- Они последнее сливали, чтобы в несколько танков залить.
- И где эти танки, заправленные?
- Обратно ушли.

Ушли ли? Боевое охранение, засада? Видно, Кадет о том же подумал:

- Такой шанс!

- А чем немец занят?

- Пьют! Девоч наших насильничают. И мамку-у-у... - парень вдруг разревелся, - Убили-и-и...

Я услышал скрип своих зубов, нет, не только своих.

- Кадет!

- Я!

- Шанс небывалый. А не попадём ли мы впросак? Выяснить! Чтоб ясно было, как в полдень!

- Так точно!

- Мельник! Собирай ударную группу! Сам возглавлю. Батарея Единорогов, Куцые, Егеря, Кирасиры, Сталкер. Огнесмеси побольше. Сжечь! Быстро! На сборы пять минут! Выдвигаемся с переезда.

Спустя пять минут ударный мобильный отряд стартовал с переезда на северо-запад по пыльной грунтовке, уже опустевшей от беженцев. О том, что поток был, свидетельствовали трупы и тысячи следов.

Немцы были в семи километрах. Это если по карте. В реале дольше, конечно. Летели на всех газах. Куцые и Егеря сразу вырвались вперёд, Забитые, как автобусы в час пик, пехотой, Единороги и Кирасиры, отстали, глотая пыль.

- Есть контакт! - доложил Кадет, - Вижу собаку с метлой и косой. Меня не унюхала.

- Понял тебя, погляди, что за огородами.

- Сделаю.

- Медведь - Куцым, Егерям, нахрапом ломим! Не останавливаться! Блох скидывать на ходу! Крутись, как уж, но не останавливайся!

Врываемся и жжём! Я прикрою!

Немцев врасплох застать не удалось. Ещё бы - такой столб пыли и рев десятков движков. А для танкистов источник рёва - это не секрет и не загадка. Поэтому первый же Т-70, взлетевший на гребень высоты, споткнулся и развернулся на сбитой гусенице. Экипаж не покинул машину - стали разворачивать башню.

- Сорок седьмой - покинуть машину! - заорал я в радио. Поздно - танк запылал. Уже не вылезут.

Остальные танки перевалили за гребень и скрылись от меня, с Егерей посыпались разведчики, бегом сопровождая свои машины.

Вот и мои Единороги добрались до верха и я, наконец, увидел развернувшийся бой.

Т-70 и Егеря уже мелькали меж домов, наша пехота в рукопашной дралась с немцами. Две пушки и пулемётные точки уже были раздавлены, но горели ещё два танка.

- Батарея, огонь по готовности!

И мы с холма накрыли немцев частым и метким огнём. Немцы сразу побежали на север.

- Отставить преследование! Зачистить поляну! Жечь! Всем жукам - приготовиться к встрече гостей.

Пехота занялась зачистками, сапёры подрывали брошенную технику противника. А наши танки и БМП выкатывались на окраины села, давя и расстреливая всё на своём пути.

- Командир, восток! Я под огнём! А-а-а!

Это взорвался один из Егерей. Тут же ещё и Т-70 с Кирасиром.

- Укрыться за хатами! - крикнул я в шлемофон и тут же своему мехводу - Вперёд! Обойдём их.

- Единорогам! Подавить противника!

Три Единорога стали частыми залпами рвать заросли на восточной окраине села, а я на Пухе летел зайти им во фланг. Сколько их? Ну, 1-2. Порву.

- Командир! Запад! - доложил Кадет. - Крупная группа. Долго не удержу!

Твою дивизию! Попали! Раздавят!

- Единорогам! Встретить врага!

А потом подумал и приказал:

- Всем откат! Повторяю - Откат! Белый Шум!

Связь пропала. По это команде наш штатный глухарь врубает свою бандуру и помехи забивают эфир.

Эх, не вовремя я решился на ход конём! Громозека пнул меня, подбородком показывая на заросли орешника слева. Всего в полутора сотен метров от нас.

- Осколочный! Два снаряда! Лево, пятьдесят! Огонь!

Взрывы разметали кусты, обнажив самоходку Штуг со сбитой гусеницей.

- Бронебойный, в корму! Пли! Есть пробитие! Пли! Горит! Ещё! Громозека!

Пулемёт Громозеки коротко три раза рявкнул.

- Право, осколочный! В ходовую! Давай!

За горевшим Штугом показался ещё один. Он сдавал назад, чтобы развернуться на нас, но взрыв снаряда разорвал ему гусеницу и разбил траки. Штуг пытался довернуть на одной, но мой наводчик всадил ему один бронебойный в щель мехвода, сразу прекратив поползновения, второй снаряд, правда, срикошетил в небо от маски орудия, но третий, попавший прямо в уже пробитую дыру первого (не думал, что так бывает!) довершил начатое - самоход запылал. Громозека ждал немцев, но люки не открылись.

Что-то почувствовав, я оглянулся направо. Затылок нестерпимо загло, уши запылали - куст орешника метрах в 70 смялся и я увидел чёрный зрачок смерти - направленный прямо на меня ствол 75-мм пушки Штуга. Третьего.

- Атас! - заорал я.

Если я вижу вместо ствола лишь дырку - ствол уже наведён. И жизнь наша зависит только от расторопности немцев.

А мой экипаж даже среагировать не успел - только головы начали поворачивать! Ну, конечно, это же для меня время замерло, а для них-то - нет.

Оттолкнувшись от корпуса самоходки обоими руками, я выпихнул спиной заряжающего за борт, этим оттолкнулся от него, схватил за шиворот наводчика и метнул его в Громозеку, пихнув обоих за борт. Их пихнул - меня качнуло в самоход. И тут я понял - всё, не успеваю. Ни мехвода спасти, ни самому выпрыгнуть. Успел я только поднять ногу и упереться в откатник пушки, когда снаряд ударил в Единорога. Но, я толкнул своё тело назад, выпрыгивая из машины спиной вперёд.

Ну, как выпрыгивая, выплывая. Как в замедленном кино, я видел, как вспухает броня, рассыпая раскаленные искры, как летит во все стороны бензин, загораясь на лету. Я видел как пламя, солнечной волной, накатывало на меня, окатило, ударило, выбивая меня из жизни.

Воюю вслепую.

Думы о Мадам Маховик.

Но и на этом моя история не закончилась. Я выжил. Уж и не знаю - хорошо это или не очень. А вот что больно - это точно. Мне так везёт. Я выживаю в безнадёжных ситуациях, расплачиваясь жуткой болью. Хорошо ли это? Мой путь не пройден, так сказал Голос. Поэтому я и могу продолжить рассказ. Честно скажу - я не особо рад. Война такая штука - я бы желал, чтобы это всё прекратилось бы, наконец. Погиб героем, да и хрен с ним. Но, "путь не пройден". Искать смерти бесполезно - мне она не даётся. А вот боли - сколько угодно! Чрезмерно щедро.

Видимо, я, и правда, очень удачлив - я единственный из "попаданцев", что был жерновами истории перемолот, но не уничтожен. Пока. Кто-то сказал, что История - жутко инертная штука. Как какой-нибудь гигантский маховик. Крутится себе и крутится. Вроде бы и неспешно, так, с ленцой. Но, всякого, кто пытается жить не в ритме этого Маховика, а тем более изменить этот ритм - ускорить или замедлить - рвёт в клочья. Такая вот инерционная сила сокрыта в этом лениво-неторопливом качении. Я вспоминал всех иновременных гостей, что оказались в этом мире. Я - первый. Не успев попасть в тело Кузьмина - получил бомбой по башке. Такой вот "приветик" от Маховика. Но, выжил. Голум - нет. Объект 22 - сошёл с ума. Голум - погиб, десантник, забыл фамилию, - погиб. А сколько их ещё было? Сколько их лежит по лесам, оврагам, дурдомам?

Маховик истории так безжалостен не только к гостям из иных времён. Даже к собственным "гражданам" не менее безжалостен. Сколько гениальных изобретателей, учёных, гениев, придумавших что-то, для чего ещё "не пришло время", жаловались на несправедливость бытия. Неудачи их просто преследовали. За примерами далеко ходить и не надо. Титаник. Он опередил время ненамного - а айсберг его уже ждал. Конкорд. Всего лишь реактивный лайнер - однако, неудачи, стечения обстоятельств.

А Никола Тесла - вот этот Великий Гений опередил время настолько, что и сто лет спустя мы многое из уже обдуманного им постигнуть не можем. Всю его недолгую, но яркую жизнь его "плющило", а потом и вовсе он пропал. А не попаданец ли он? А?

Или другой пример - Пётр I. Он сумел раскрутить Маховик Истории. Великий. Но, с рождения - то его убить пытаются, прямо в люльке, то войны за войнами, бунты за бунтами. Помер от банальной простуды. Отчаявшись, История сработала грубо. А...

Ё-моё, мысль пришедшая мне в голову пробила как током. Товарищ Сталин! Феномен. Гений. Логика его, людям этого времени - непостижима, методы - таинственны, результаты - потрясающе. Вы из какого века сюда

"провалились"? Я из 21-го, мыслю и действую привычными для человека моего времени шаблонами. Местные их находят новаторскими, но понятными. А ваши "шаблоны", "методы", "заготовки"? Они непостижимы. Через сколько веков люди освоят подобное?

А может - всё это бред закоротивших, в очередной раз, от очередного удара по голове, извилин в моей голове? Эти люди - просто Гении, Соль Земли? Создавшие всё это упорным трудом и яростной борьбой с самим собой, со своей ленью? Наверно, правильнее будет не списывать всё на "провалы во времени". Так будет правильнее, а Подвиг подобных Людей - ещё величественнее. Не было никакого "читерства" - всё по-честному, ручками-ручками. Их достижения - ещё величественнее.

Я вот, один, выбиваюсь. С козырем в рукаве. Шулер-читер. Ну, умею я "замедлять время". Моя ли это заслуга? Само далось. Никакой моей заслуги. Сильно мне помогло? Ну, я жив. А Подвиг? Лео да Винчи и через 1000 лет будут знать. И Сталина. А Кузьмина? Нет. Почему? Я не продвинул человечество ни на шаг вперёд. А они - на ступеньку выше посадили. Я тут уже год - что сделал? Так, возня тараканья. Моих заслуг - 0. Всё, что мне приписывается - наработки наших предков, мною лишь стыренные и присвоенные. Ничего. Ноль. А Маховик, всё одно, время от времени, меня - в порошок.

Вот, убили бы меня сегодня. И что? А ничего. Горьковское КБ само разработает те боевые машины, которое оно же и разработало. Немец пройдёт столько, сколько пройдёт. А мы в Берлин - тогда, когда нужно. И от моего присутствия или отсутствия - ни горячо, ни холодно.

Как и в том мире. И в мире Голума. И в мире тех страшных снов. Кто Я? Зачем я послан в эти миры? В чём оно, Испытание?

Воюю вслепую.

Самобичевание.

Вот о чём я думал, очнувшись от боли. Знаете, а боль сожжённого тела неопишима. Дай то Бог вам и не узнать. А вот я познал. Испил этой горькой чаши. Громозека, бывший рядом, пояснил, что это ещё нормально, Прохор мне помог. Да так, что сам "выпал в осадок". Самое "сладкое" я "пропустил", пока был в беспомощности.

Тело моё обгорело не слишком - всё-таки брезентовая роба защитила, голову, даже волосы, спас шлемофон, а вот лицо выжгло основательно. И самое грустное - глаза. Тут даже Прохор не смог исправить.

- Я ослеп? - прохрипел я.

- Парень обещает, что есть надежда, но после. Сейчас надо чтобы сердце выдержало. Боль, ожог, интоксикация.

Блин, какие слова знает смурной осназовец!

- Спас нас всех заряжающий. Я-то на голову приземлился, в беспамятстве, как и ты, и наводчик. А заряжающий стал нас оттаскивать от самохода. Трус, трус, а тут прям как и не он. Немцы рядом, боекомплект вот-вот рванёт, а он не убежал. Нас таскал. Успел до взрыва БК. А там и казачки подтянулись, немцев порубали, их самоходы бутылками пожгли. Так что, атаку мы отбили. Моряки хорошо огнём помогли. Долбили так, что земля из под ног уходила. До утра немец ничего не успеет. А за ночь командование пехоты подкинет. Уже начали роты подходить и окапываются. Но, там роты такие, что - слёзы.

- Хоть что-то.

- Это точно. Ты, командир, поспи. Завтра будет жарко. Мы тут пленных допросили. Немец на нас вышел серьёзный. Тоже уже потрёпан, но всё же сила его не в пример нам.

- Кто командовал в моё отсутствие?

- Здесь, на переезде, Сугроб (Начштаба), а бой за посёлок вёл Мельник.

- И как?

- Хорошо. Самое главное - уверенно. Не спасовал.

- Растёт.

- В отличии от тебя. Мы зачем на кукан полезли? Ладно - я, но ты-то - комполка. Обезглавил подразделение. А Мельник мог и не сообразить, растеряться, струхнуть, да и просто сложиться.

- Так, это что ещё такое? Яйца курицу не учат! Отставить!

- Ну-ну...

- Пшёл вон!

Протопали шаги грузного тела Громозеки. А я остался один на один с болью. И мыслями. И рефлексией. О самобичевании. Громозека прав. Не следовало мне лезть в пекло. Это ещё хорошо, что всё обошлось. Разве мало мы видели, что случается с подразделениями разом потерявшими командование? Разгром. И дело тут не в тактике, а в морали. Убили командира - "шеф, шеф, всё пропало!", паника, сумятица, разгром, сбор пленных. Эх, рано мне ещё на полк! Рота - вот мой уровень.

Тут как раз припёрся "начальник нашей СБ", он же командир комендантского взвода. Тоже перец непростой. Чувствовалась в нем та же закваска, что и в Громозеке, а судя по отношению этого Громозеки к командиру взвода, весьма почтенное, до "дрожи" - под видом старлея мне впихнули тёртого волчару-чекиста. Но, по-факту, он мой подчинённый, поэтому был усажен и под мою диктовку им был написан мой рапорт, где я

изложил все свои косяки и просил отстранить меня от командования полком.

- Отправь вышестоящему командованию.

- Глупо. Честно, но глупо. Было бы кого поставить - уже поставили бы. Если выживешь - дивизию примешь. Сейчас в генералах ходят даже не ротные, взводные.

- А у меня рембатом командует генерал, комендантским взводом командует высший командир. Ты полковник, генерал?

- Секретно. И не важно. Сохранение твоей целостности и секретности только часть моей работы.

- Что-то интересное нарисовалось, раз ты так откровенен?

- Изменились некоторые обстоятельства. Да и твоё ребячество сильно осложняет работу.

- Про ребячество уже Громозека проработал меня. А что за обстоятельства?

- Появился интерес к тебе от людей, у которых интереса к тебе не должно быть. Действуют грубо, нагло. Не исключаем попытки силового захвата.

- Те, что Кельша на гоп-стоп взяли?

- Не исключено. Или под них работают. Тебя ставим в известность, чтобы ты опять дров не наломал. Их надо брать и колоть, а не закалывать и стрелять. Понимаешь? Нам не они нужны, и даже не их организаторы, нам нужны идейные вдохновители.

- Я понимаю, - я вздохнул, застонал - больно.

Мне в голову пришла мысль, решил озвучить:

- Вы и на фронт меня пустили, как наживку. Ловля на живца.

- Ты - против?

- Как не странно самому себе признаться, но - нет. Не против. Что надо делать?

- Ничего особенного. Единственное - всеми путями попытаться на покинуть расположение полка. Ни в госпиталь, ни в штабы, ни в тылы. Ни под каким предлогом. Даже если аргументы будут о-очень вескими. Не понял? Нам их проявить надо. Нужный нам интерес отличить от обычного любопытства. У нас будет только одна попытка, а потом о-очень мало времени.

- Тогда я не понимаю, почему мне разрешили на фронт, а не заперли.

- Как раз тут, в бардаке фронта, и создаётся у них иллюзия возможности изъятия тебя. В тылу бы они не проявились. А нам их надо быстро увидеть и понять, что это, кто они, чего хотят и зачем.

- Мне и самому любопытно - кто же это. Наши, немцы, заклятые союзники или ещё кто. Масоны какие-нибудь. Миф о единстве и сплочённости народа и партии оказался мифом.

- Я думал, ты уже достаточно взрослый, чтобы понять, что такое миф и для чего он создаётся. А что есть жизнь.

- Несовершенство человеческой природы - вот что такое жизнь. Эгоизм, жадность и трусость. Жаль, что такие мрази в верхи пролезли.

- Так, других-то - мало. Исчезающе мало. А с войной всё усложнилось. Работаем с тем материалом, что есть. Давай оставим этот разговор до лучших времён.

- Они, лучшие времена, могут и не наступить. То, что я увидел других, даже не знаю как их, вас, других, назвать, уже великое чудо. Жил я как в гнилом болоте - они мрази вокруг. Гноем всё отравлено. Смердит и так сильно, но постоянно, что перестаёшь эту вонь и различать. Отравляешься этой вонью, гнилью разложения, сам смердишь, гниёшь, а считаешь - это нормально. Все же так живут.

Тут я понял, что разговариваю сам с собой. Мой собеседник-чекист давно покинул меня. А с собой я не любитель болтать. Не считаю себя ни умным, ни интересным. Ноль.

Сколько продолжалось моё самобичевание - не знаю. Глаза завязаны, тишина. Лишь изредка бухают взрывы и трещат пулемёты - не считается.

Воюю вслепую.

Мираж.

Потом пришёл Громозека, сказал, что нам (мне) прислали нового полкового врача. Тут она представилась, а меня словно током пробило - у неё был голос моей жены. Горячо любимой и потерянной. Мой некрепкий рассудок не выдержал и "крыша" моя опять "потекла":

- Как? Ты что тут делаешь? Как ты тут оказалась? Неужели?

Я, видимо, привел их в сильное замешательство. Но, Громозека, на то и осназовец, чтобы быстро соображать:

- Он контуженный. Часто бывает не в себе, - пояснил он.

- Бывает, - ответил любимый голос.

Нежные, аккуратные руки стали гулять по моему лицу. А потом "нежность" - кончилась. Когда отрывали бинты, я потерял сознание.

- Ну и учудил ты, командир, - заявил мне Громозека, когда я его стоном оповестил, что очнулся, - Заставил даму краснеть.

Что ему сказать? Что его командир - временно избежавший психушки шизик? Так он и сам знает. Как сказал мне СБ: "Работаем с тем материалом, что есть". Вот и со мной работают. С тем, какой есть.

- Кто такая хоть? Узнал?

- Угу, - буркнул он полным ртом.

- Хорош хомячить, харя треснет, докладывай!

- Я как просёк твой "повышенный" интерес к дамочке, сразу доложил старшему. Он и пробил. Не мог ты с ней пересекаться. Никак.

- Это-то ясно. Обознался я. Ты про неё - докладывай!

- Родом из Москвы. Там же училась в школе, потом на врача выучилась. За нашего замуж вышла. Пограничник. С ним уехала на заставу. Он успел до командира погранотряда дорасти, она, соответственно, до врача отряда. Было двое детей. В первый же день войны схоронила всех троих. С окруженцами пробивалась на восток, потом примкнула к партизанам. Этой зимой была тяжело ранена и вывезена самолётом на Большую Землю. Вот. После излечения, была приглашена к нам, согласилась. Она теперь наша.

- "Наша" - это НКВД?

- Ну, да. Я и говорю. Вот. Опыт у неё огромный. То есть, врач хороший. Надо тебя на ноги поставить.

- Сам хочу, веришь?

- Угу. Всё.

- Как всё? Красивая хоть?

- Сам увидишь. Одним глазом, но сам. Вот, сейчас Прохор отоспится, обещал тебе левый глаз поправить.

- Почему - левый? Надо - правый!

- Вот, уж не знаю! Я тебе что, врач? У них и спросишь. Дай пожрать, командир, поспи лучше.

Вот и поговори с этими чекистами. "Питьсотмилёнов" невинных и убиенных! Ничего в них человеческого! Только бы пожрать, да поспать. А вдруг - это ОНА? Или её двойник? Был же мой двойник? Может врачаха - её двойник?

- Сколько времени?

- Три - тридцать четыре, - ответил Громозека набитым ртом, - Скоро начнётся. Чую, немец сегодня решит утренний кофе пропустить. Надо пожрать успеть - когда ещё придётся? И Прохора будить.

Прохор сунул мне в рот какую-то деревяшку.

- Надо! - сказал он.

Он стал "лечить" мне глаз. Боль была такой, будто он мне в глазницу налил расплавленного свинца. Так жгло. Если бы не палка во рту, я бы и немцев перепугал. А так - только наших.

- Всё! - сказал Прохор и я услышал возню. Оказалось, он потерял

сознание, Громозека его подхватил, тащил на топчан. Потом пришла Она, развязала мне бинты - опять больно отрывая. Но, я её, наконец, увидел.

Тёмноволосая, чернобровая, с длинными тёмными ресницами, карие огромные глаза, высокий лоб, алые губы сжаты стрункой - разглядывает.

- Привет, красавица!

Ох, как мы умеем строго хмуриться!

- У тебя в роду не было Шамаханских Цариц?

Брови остались нахмуренными, но глаза блеснули:

- Что-то цыганское было в роду. Раз различили мою родословную, значит, вы меня видите.

- Я тут один перед тобой. Не надо на "вы".

- А мы на брудершафт ещё не пили.

"Ещё" не пили. Обнадёживает.

- Какие наши годы?

- Военные наши годы, военные, товарищ майор. Война идёт.

- Война - войной. А я вас приглашаю на свидание.

Она ничего не ответила. Долго-долго смотрела на меня строгим и внимательным взглядом, потом кивнула Громозеке. И ушла. Я разочарованно вздохнул. Громозека заржал. Впервые слышу его смех.

- Командир, ты, никак, влюбился?

- Очень похоже на то, - ответил я.

Поднёс в глазам руку, посмотрел на неё. Так и есть. Небольшая расфокусированность, как после хорошего сотрясения мозга, но я видел. Нормально. Сойдёт. Можно воевать.

- Эх, Прохор, что бы я без тебя делал?

- Вот и я о том же, - поддакнул Громозека.

- Увянь. Ты, полено с ушами, ты чё это разговорился? То неделями слова не вытянешь, то раздухарился - не заткнёшь.

- Знаешь что, командир? А не пошёл бы ты в баню!

- Знаешь что, боец? А с удовольствием бы. Только ожоги сойдут - так сразу - в баню. Зови всех, не скалься - тебе не идёт. Роль пенёка с ушами тебе больше подходит.

- Я знаю. Потому его, пенёк, и изображаю. Вот!

Видел-то я нормально, но вот когда подкрутили лампу и стало ярче - всплыл минус - боль от яркого света. А ведь свет керосинки совсем не ярок. Летнее полуденное воронежское солнце всяко ярче будет. И что мне делать? В этом мире существуют солнцезащитные очки?

Громозека обещал что-нибудь придумать.

Собрали военный совет и совещались до рассвета. Я был рад, что с

моим "отсутствием" не случилось катастрофы. Это приятно. Значит, у меня хорошая и надёжная команда. Можно и дальше изображать лихого казака. Вынес благодарность Мельнику, утвердил его как командира маневровой группы резерва. Тут же заменив название.

- У немцев есть понятие Кампфгрупп. Боевая группа. От роты до группы армий. Вот и пусть будет наш подвижной резерв боевой группой Мельника.

Всё было обговорено, проработали несколько схем действий в предстоящем бою. На том и разошлись.

И тут немец начал.

Воюю вслепую.

Первая атака.

На разогреве у них была авиация. С противным воем по небу носились лапотники, прошлись пушками и пулемётами, бросили бомбы. После сброса бомб включились наши зенитки. Минут 15 продолжались в небе танцы самолётов и трассеров. Нам удалось ссадить с неба одного лапотника и подвесить чёрный дымовой хвост ещё одному. Самолёты ушли на запад. Зенитки сразу же двинулись на запасные позиции.

В дело вступила артиллерия врага. Молотили долго, основательно и довольно точно. Блин, эти стреляют лучше, чем немцы в Москве этой зимой! Ну, есть объективная причина - мы на этой позиции вторые сутки, пристрелялся немец. Появились первые убитые и раненные. Одно радовало - не долго долбили.

А потом показались танки. Сразу и много. Без разведки. Опять же - мы тут вторые сутки, что разведывать-то?

Ребята из рембата (пряма, в рифму) принесли мне трофейные мотоочки. С затемнёнными стёклами. Нормально. Хотя видеть смогу. Ещё и солнце не взошло, а я уже и глаз раскрыть не могу - слепит. Одел. Прикололся сам над собой - я - Риддик. Смешно же. Жаль, никто не оценит. Ну, не знают они актёра Вин Дизеля и его персонажа.

Я прильнул к стереотрубе, считать танки. Ничего не вышло - в очках фокус сбивался, без них - засвечивало. Приказал Громоозеке пересчитать немцев. Потом поймал себя на мысли, что мне-то из "спортивного интереса", а многие реально сейчас колечко руками держат. Чтоб позора не допустить.

- Связь мне. Общая волна, чтоб все слышали. Весь полк.

Подали трубку.

- Всем внимание! Говорит Медведь! И так, братья, настал момент истины! Перед собой вы видите врага, что стёр в пыль все государства

Европы. Да, они поставили раком народы Европы. Но, мы не Европа! Мы - русские, мы - скифы! И сегодня весь мир, и вы сами, поймёте - кто мы: Люди с большой буквы "Л" или грязь под немецким сапогом. Тот, кто не струсит сегодня, не побежит - тот победит! Помните главное - этих зверей мы уже били. Вчера били, зимой били, и сегодня - побьем! Каждому пехотинцу, что сегодня сожжет танк - медаль, за три танка - орден. Пушкарям - за 3 танка - медали всему расчёту, за 5 - ордена. Ребят, не щёлкайте хлебалами, их всего 28 штук, на всех не хватит! Удачной охоты!

А потом обратился к начштабу:

- Всё пучком?

Тот долго смотрел на меня, потом вздохнул, кивнул. Вполне его понимаю - вид у меня ещё тот - голова в жёлто-зелёных бинтах стрептоцидовых, очки эти нелепые. Я подошёл к нему и вполголоса сказал:

- А я, вот, - Громозека, блин, прицепилось твоё "вот", - больше боюсь не танков, а самолётов. Смотри, как эти "коробки" идут. Они нас втягивают в перестрелку, наши огневые обозначаются, прилетают лапотники и перемешивают наши Единороги с землёй.

- Да, так они всегда и делают. Но, Единорог не просто пушка. Будем маневрировать. Ложных огневых заготовили, запасных. И морячки нам помогут. От их снарядов такая муть поднимается - дымовая завеса не нужна. Смотри сам.

Над головой прогудело что-то совсем несуразное. И ка-ак жახнет квартетом, аж земля под ногами подпрыгнула.

- Ни фиги себе! - я радовался как ребёнок, - Вот это - да!

Перед нами встали дыбом 4 огромных куста земли. Пылевая пурга заметалась меж немецкими машинами. Спустя минуту - ещё 4 разрыва.

- Блин, чувствую себя, как у Христа за пазухой!

Справа в трубку кричал корректировщик, кроя неведомых командоров трехэтажными витиеватыми, но без матов, выражениями. Всё как и положено на флоте.

- Не спеши так радоваться, - ответил начштаба, - все танки целы.

- Это даже хорошо - нам больше достанется. Главное - пехота заменжует, заляжет, отстанет. Без пехотного прикрытия танк уязвим.

Я не мог с КП разглядеть сквозь муть стёкол этих очков поля боя. Знал, по докладам, что там стоят сожжённые во вчерашнем бою танки и бронемашины, к сожалению, и наши тоже. Полк мой с приданными нам подразделениями оседлал спарку дороги и железнодорожной ветки, стояли крепко, в три эшелона, позади готовилась ещё одна линия обороны, но фланги наши были совершенно открыты. Обойти немцу нас будет

неудобно - прокапываясь через балки и овраги, но вполне возможно. Именно для парирования этой угрозы была выделена в резерв кампфгруппа Мельника. В составе батареи Единорогов, оставшихся 6 исправных Куцых и роты мотопехоты на Кирасирах. Слезы. Парировать они смогут до батальона немцев. А больше? Сомнут. Ладно, будем посмотреть.

К мощнейшим залпам ж.д. морячков присоединились и наши орудия, выделенные для огня с закрытых позиций. Конечно, их огонь был малоэффективен против бронетехники - даже прямое попадание осколочного снаряда не гарантировало уничтожение танка, а попробуй, попади!

Но, темп продвижения пехоты врага нам удалось снизить, поэтому до линии окопов нашего пехотного прикрытия танки с крестами добрались одни. И стали утюжить окопы. Вот, дураки! Да, мало приятного, когда пехота швыряется в тебя гранатами и бутылками с огнесмесью, а броневой снаряд в борт? Ведь, закапывая пехотинца в окопе, танк поворачивается своими нежными филейными частями к нашей неподавленной артиллерии. А её-то у нас - богато!

Кроме моих Единорогов, под нашим командованием оказалась 6-ти орудейная ПТО-батарея сорокопятки, два 76-мм зенитных орудия и одна трофейная 50-мм противотанковая пушка с 26 снарядами.

- Полк, огонь! - скомандовал начштаба в трубку.

Я перехватил у него трубку, сказал в неё:

- Внимание, говорит Медведь! Товарищи, помните, чему вас учили и тогда все останетесь живы! Главное - чаще меняйте позиции, не дайте пристреляться по вам! А сейчас - внимание: "Белый Шум"!

По этой команде врубается глушилка. Пропадает любая радиосвязь. Остаётся только свои глаза и телефонный провод.

Я своими глазами увидел росчерки десятков трассеров. Сразу несколько танков вспыхнули. Остальные сразу "забыли" про пехоту, резво развернулись на новую угрозу, поперли на пушки, стреляя и из пушек, и из пулемётов. Что, немец, привык, что после лапотников русские пушки молчат? А здесь вам не тут! Мы тоже кое-чему научились за этот год! Меня особенно радовало, что не напрасно я столько внимания уделял мерам маскировки в период обучения бойцов полка. Всё же, хоть есть от меня польза! Хоть так!

Один за другим немецкие "квадратиш, практиш, гуд" спотыкались, останавливались, чадили. Один взорвался, высоко "катапультировав" башню. Серые утюги стали пятиться назад. Ага, а там - недодавленная пехота с бутылками. Довольно нагло подбирались к слепым кормовым

частям танков и устраивали им костры на моторных отсеках.

Отойти смогла едва половина из Панцеров. Так-то! Сколько? Шестнадцать! Шестнадцать чадящих костров! Здесь вам не тут!

Отступающие под нашим огнём танки докатились до немецкой пехоты, дальше они отползали вместе.

Я дал команду на отключение глушилки. И приказал тут же всем менять позиции. Тут такой дым и чад стоял, что это было вполне безопасно. Относительно, конечно, война ведь.

- Отводи пехоту с первой линии, - приказал я начштаба, - совсем отводи. Они повоевали героически, пусть топают в тыл, готовят запасную линию обороны.

Он опять смотрит на меня.

- Как ты думаешь, что будет делать немец дальше? - спросил я его.

- Авиацию вызовет и будет нас "прорабатывать".

- Точно. И пошлёт группы в обход. С ходу и нахрапом не получилось - попробует "ход конём". Тут мы им по носу щёлкнули, щелканём ещё разок, а потом надо откатываться, пока капкан не захлопнулся.

- Я знаю, но рассчитывал, что фриц попробует ещё раз. Сил побольше, с "проработочкой".

- Это - да. И мы их огнём и встретим. А время терять не будем. Отдавай приказ. И свяжись с Кадетом - он не должен прозевать флангового охвата.

Вся наша разведка и конница были отправлены на фланги. В качестве "датчиков движения". Не более.

Начштаба раздал нужные распоряжения, повернулся ко мне, дождался, пока я поверну на него "очки", улыбнулся:

- А всё таки, хорошо мы им всыпали!

- Это точно! Дали прикурить! Пусть знают - это не Франция. Тут народ позлее малёк. Здесь вам - не тут!

Воюю вслепую.

Армированная оборона.

Кадет доложил об обнаружении группы противника идущей параллельно железке в 3 км. Явно то, что мы и ждали. И ещё пожаловался, что кроют его минами на каждый сеанс радиосвязи.

- Мельник, твой звёздный час настал! - я крепко обнял этого бывшего мента, ставшего мне другом, соратником и неплохим командиром, - Постарайся их держать на дистанции. Не рискуй. Каждая потеря для нас - неприемлема.

- Постараюсь, - ответил Мельник, напялил каску, покрутил пальцем

над головой: - По машинам!

Мы с начштаба потопали обратно к КП, глотая пыль, поднятую гусеницами отряда Мельника.

- Что думаешь по поводу Кадета и мин? Пеленгуют? - спросил я начштаба.

- Похоже на то.

- А нас оставили на десерт? У нас и передатчик мощнее, и трещим мы чаще.

- Пора переносить КП.

- Засветившийся передатчик грузи на что-нибудь. И я с ним. Будем маневрировать.

Мимо нас протопала группа бойцов в тыл. Я в полный голос поблагодарил их за мужество - это же их утюжили Панцеры. Они констатировали, что служат трудовому народу.

На КП выслушал доклад о потерях. Два Единорога сгорели. Ещё у одного разбит двигатель, но успели потушить, поволокли в тыл, ещё у одного - разбито орудие. Вот его и приказал выделить мне под КП. Итого - минус 4 Единорога. Кроме того - 2 ПТО орудия уничтожены, расчёты побиты, одна зенитка разбита, вторая цела, но расчёт ополовинен. Зенитки показали себя отличным противотанковым средством, но недолговечным - высокий силуэт, как не закапывай, щита вовсе нет. Уцелевших зенитчиков приказал собрать вместе и с уцелевшим орудием отправлять в тыл, к Воронежу, пусть по самолётам стреляют. Тут они и так на награды настреляли - минимум 7 танков - их трофеи.

Сели с Громозекой, морячком и врачихой (вот почему моряк безматерно крыл - докторша всё время рядом была) в Единорога с простреленным стволом. Экипаж машины был отправлен в запас, за рычаги сел сам Громозека. Натянули на крышу корпуса ещё одну маскеть и перебазировались на 300 метров вправо. Громозека ловко загнал Единорога в подготовленный капонир.

И только тут я понял, что накосячил - кто мне будет в стереотрубу смотреть?

Докторша предложила свои глаза (жаль, что только глаза) к моим услугам. Блин, что со мной? Что в ней такое вызывает во мне такой резонанс? Год я уже тут, на баб не тянуло, не до них как-то было, а тут вдруг... Аж волосы на руках дыбом стоят. Шучу - сгорели они.

Доложился Мельник. Занял удобную позицию. Засаду огневую будет делать. Благословил.

- Воздух, - крикнул Громозека.

- Мимо идут, - сказала докторша, - Восемь штук.
- Морячок, слышь, это твоих пошли шатать.
- За... к-хе... заколебаются! - раздался смачный плевок за борт.
- Ну, ты всё одно, братков предупреди.
- Будь спок, командир, всё будет в полном штиле.
- Ну-ну.

Запад загремел, загрохотал. Воздух наполнился свистом, рёвом.

- Началось! - закричала докторша, кинувшись на меня, вжимая меня в угол между казёнником орудия и сидением командира самохода.

Земля вздрогнула, пошла вибрацией, загрохотали разрывы вокруг.

Но... Её лицо оказалось рядом. Я глубоко вздохнул воздух, надеясь уловить её запах, но в носу была лишь вонь сторевавшего человеческого мяса. Её ушко и прядь каштановых волос были прямо передо мной. Я поцеловал её пониже ушка. Она вдавила мне кулачёк в живот. Я ещё поцеловал. Ещё кулачёк. Её карие глаза, пылая огнём, впились в мой левый глаз. Она оглушительно зашептала:

- Товарищ майор, как вам не стыдно! Сейчас же прекратите! Как вы можете думать об этом сейчас?! На вас ответственность за тысячи жизней, судьба Воронежа! Не отвлекайтесь!

- Я не могу. Ты свела меня с ума!

- Я сейчас же застрелюсь!

- Ты чё?

- Если вы не возьмёте себя в руки, я сама избавлю вас от помехи!

- Не надо, прошу! Я... я... чёрт возьми! Как не вовремя! Будь проклята эта война! Да слезь же с меня, строптивая вредная девчёнка! Совсем затоптала бедного больного недобитого шизофреника!

Гогот двух мужичьих глоток был ответом. Докторша фыркнула, обиделась.

- Чё ржёте, мерины стоеросовые? Доклад!

- КП расхерачили в щепу! Долбят основательно. Мы, пока, целы, что на передке - не видно. - Проорал Громозека, высунув голову из отсека управления к нам в рубку.

И тут же, как в ответ на его слова, рядом бухнуло, горстью гороха прохрустело по броне Единорога. Каким-то неосознанным действием я схватил женщину, сжал, запихал куда-то под себя, закрывая от угрозы собой. Громыхнуло ещё три раза, ещё 3 раза било картечью осколков по броне, но, хвала уральским сталеварам! - броня выдержала.

- Отпусти, медведище, совсем сломал! - простонала докторша.

- Извини, - я тут же ослабил хватку, стал её ощущивать (ох, и

фигурочка!), - Цела?

Ответом была пощёчина по сгоревшей морде. Я взревел от боли, она взвизгнула, стала суесться, дуть на бинты, махать ладошками, даже поцеловала стрептоцидные бинты на моей щеке.

- Командир! Немцы!

- Отставить, товарищ доктор! Музыкальная пауза закончилась. Будьте добры, пересчитайте мне, пожалуйста, немецкие танки. Это такие здоровые квадратные тракторы.

Она фыркнула, с грацией кошки (гимнастка?) извернувшись и прильнула к окулярам стереотрубы, стала крутить регуляторы. Со знанием дела, меж прочим.

Морячёрк встал на одно колено, каской приподнял масксеть, приложил к глазам здоровый, морской, наверное, бинокль и стал диктовать цифры в трубку.

Резко откинулся полог масксети с кормы, я рефлекторно извернулся на полу, поворачиваясь к корме, хапая забинтованной рукой за пустую кобуру. Но это был командир комендантского взвода.

- Живы? Все целы?

- Все. Напугал, морда чекистская! Почему я безоружен?

- О, очухался! Как ты стрелять собрался?

- Тебя не икает! Оружие мне!

Он протянул мне свой ППС.

- У вас гусеница порвана. - сообщил он.

- Громозека, слышь?!

- Уже иду! - донеслось глухо из недр Единорога.

- О, боженьки! - вскрикнула докторша.

- Что?

- Их так много! Что же нам делать!

- Конкретно - сколько, чего?!

- Под сотню, - ответил вместо неё Чекист, - одних танков полсотни.

- Так, залазь, давай! Радистом будешь!

- Я привел радиста. Иващенко, ходь сюда! Совсем плох, командир?

- А ты попробуй!

Чекист сморщился:

- Не хотелось бы.

- Мне хотелось?

Он пожал плечами, потом кивнул мне глазами и побежал дальше.

С появлением радиста, посыпались доклады. Чувствовалась нервность командиров. Сто боевых машин на 1 км фронта - это сила!

Пусть танки только половина - всё одно - не сдержать! Дивизия! Её, в хвост и гриву!

Воюю вслепую.

Про истощение ресурса.

Надо успокоить людей, что-то придумать. А мне что-то совсем херово стало. В глазах бордовые всполохи, боль накатывает тошнотворными волнами, в ушах набат колокольный. Как всё неудачно складывается! Прохор! Где этот подросток-экстрасенс?!

Как по волшебству он и появился. Как горный, свежий и холодный, воздух сдул всю эту муть, в глазах (глазе, левом) прояснилось.

- Сделай что-нибудь, брат! Подними меня на ноги! Хоть на день! Отобьем немца, а там и помереть можно, - прохрипел я.

Надо мной склонились четыре головы. Холодные стволы глаз Чекиста, огромные от ужаса глаза докторши, красно-чёрное ухо Громозеки, две дорожки слёз из-под крепко зажмуренных глаз Прохора. Я чувствовал горячие утюги его ладоней на своей груди. С каждой секундой мне становилось легче.

Стволы глаз Чекиста сместились с моего лица на лицо докторши.

- Сердце не выдержало, - прочёл я по губам.

Тут Прохор дёрнулся всем телом, вытянулся, рухнул на меня. Его быстро сняли.

- Как он? - спросил я.

- Как ты? - спросил Чекист, проигнорировав мой вопрос.

- Лучше, помогите подняться. И Прохору помогите. Блин, как бы я был без него?

Меня подняли. Оказалось, я терял сознание. Я не помнил, как меня вытаскивала из Единорога.

- Связь на общей волне! - Приказал я, хватая Чекиста за руку и выворачивая её, чтобы взглянуть на часы. Мои-то в очередной раз накрылись вчера.

- Слушаем все Медведя! - сказал я в трубку, - Вот и пришёл час нашего последнего и решительного боя. Я верю в вас, Братья! Верю, что руки ваши тверды, сердца крепки. Мы не сдадимся! Мы не побежим! Бейте фашиста крепко и смело! Стоять на смерть не нужно. Как почувете, что надо отходить - отползите. На запасную позицию, правее, левее. Не стойте на месте! Маневрируйте! Будьте везде и нигде! Пусть у немца земля под ногами загорится. Не лезьте в лоб. Бейте в борт. Ещё раз повторю: огонь и манёвр! Удачной охоты, братья!

И вдруг на общей волне вклинился незнакомый звонкий девичий

голос:

- Товарищи! Не бойтесь! Сражайтесь! Сталин с нами!

Голос был настолько силен, а слова так точно попали в цель, что дрожь побежала по спине.

- Что это было?

- Кто это? Как? На нашей волне? - сыпались вопросы со всех сторон.

- Не важно! - закричал я, - Работаем! По машинам!

Радист протянул мне трубку. Это был мой начштаба. Оказалось, пробомбили мой ремзавод, Гинзбург ранен.

- Шошь так херово-то всё! - взвыл я. Если потеряю полк - по голове не погладят, а за генерала-конструктора - просто голову открутят, как перегоревшую лампочку. Да не в этом дело! Человек-то неплохой. И нужный. Что делать?

- Что случилось? - спросил меня голос жены. Меня аж затрясло. Зачем ты говоришь её голосом?

- Ты! Точно - ты! В тыл! Спаси его, слышишь! Бери Прохора и спаси его! - я схватил её за плечи, затряс так, что голова её стала болтаться, пилотка упала.

- Кого?

- Генерала! Еврея! Конструктора! Это тот, что придумал наши самоходки. Спаси его!

- Я за твою жизнь отвечаю.

- Пох, слышь, пох на мою жизнь! Генерала спаси! Нам нужна его голова! Нам нужны его изобретения!

- Нет, у меня другой приказ!

- Нет, у тебя теперь этот приказ! Я - твой командир! Садись в Единорога!

- Нет!

- Гля! Я щас застрелюсь, нах! И не станет твоего приказа, сука! Делай, что сказал, пока в табло не дал!

Она в ужасе отшатнулась, заревела.

Чекист осуждающе смотрел на меня.

- Что вылупился? Сопроводишь! Я вас, сук! Бери этот самоход, Прохора, врачиху и дуй на ремзавод! Она до Прохора отработает. А сам потом паникёров наших разворачивай.

Взгляд Чекиста изменился.

- Думаешь, побегут?

- Ты чё время тянешь? Каждая секунда дорога! Да, сам! Этот щегол сможет остановить панику? Нет? Не её же мне посылать?

Единорог резво развернулся и умчался в тыл. Радисты погрузили на свои хребты ящики радиостанций и мы перебежками, кланяясь каждому разрыву, побежали в другой капонир - это место уже было засвечено. Того и гляди накроют.

На новом месте развернули рации, морячѐк стал диктовать целеуказания, я - ценные указания по управлению боем. Только, бой становился неуправляемым. Поле боя скрыл дым и пыль, огонь, взрывы. Экипажи машин маневрировали в этом сплошном море смерти, стреляли по немцам, только на каждый наш выстрел в ответку прилетало 6 - 10.

Спасало одно - Единороги - довольно низенькие машины, а воронежская земля хотя и считается степной, но сильно пересеченна - изобилует небольшими перепадами, обильно растѐт трава, кусты и деревья, особенно клѐн - этот канадский сорняк. Потому пока удавалось сдерживать противника, наносить ему существенный урон. Как ни говори, ЗиС-3 - довольно мощное орудие, простое в использовании, с высокой скорострельностью и приемлемой кучностью. Мощности орудия хватало для поражения почти всех целей на поле боя. Попадания 76-мм бронебойного снаряда выдерживали только последние модификации Pz-III и Pz-IV, да Штуги - штурмовые орудия врага, да и то - только лобовой проекцией. Остальная бронетехника врага была лакомой печенькой. А мощи осколочно-фугасного снаряда хватало для подавления пехоты и небронированных целей (в т.ч. пулемѐтных и артпозиций). Опять же повторяюсь - скорострельность и кучность была такая, что выбрав цель, экипаж добивался её уничтожения за полминуты, т.е. за 3-6 выстрелов.

Поэтому поле боя ещё было за нами, несмотря на превосходство врага по всем пунктам. Горели, чадили танки, бронемашины, залегла пехота врага.

Но, Единорог всё-таки не танк - в открытом и продолжительном противостоянии обречѐн: слабое бронирование, открытая рубка, бензиновый двигатель, баки и боеукладка не имели допзащиты. И мы несли потери. Довольно существенные. Ребята увлекались, забывали про необходимость частой смены позиций, попав под сосредоточенный огонь - самоходы редко выживали. Но, как не увлечься, когда видишь сладкий борт или корму танка? Как не всадить туда пару снарядов? Я их понимал. Начинали отход только после попадания под огонь. А Единорог от миномѐтов совершенно беззащитен.

Одна за другой машины, отстрелив последние дымовые шашки, отходили в тыл. Расстреляли весь боезапас. Приказал им не возвращаться, а, пополнившись, готовиться встречать врага восточнее.

Вот это и было - главное испытание. Можно стоять насмерть на месте, можно - маневрируя, но, выйдя из боя, двигаясь лицом на восток, смогут ли остановиться, развернуться лицом к смерти, на запад, и опять биться не на жизнь, а на смерть?

- Командир, ты смотри что происходит? - крикнул Громозека, лёжа на спине, показывая в небо.

- Что? Я - не вижу!

- Илы таранят немцев!

А произошло следующее - немцы, отчаявшись бодаться с нами, вызвали авиационную поддержку. И на помощь им пришли бомбардировщики. Тут данные расходятся (сам-то я не видел) - толи 24, толи 36 бомберов под прикрытием 12 или 15 истребителей прилетели нас перепахивать. А наше командование прислало нам в помощь 12 Ил-2 и 9 ястребков. И встретились они у нас над головой.

Оценив ситуацию, командир авиаполка Герой Советского Союза полковник Березов Владимир Ильич скомандовал:

- Лобовая!

Всё он верно рассудил - бомбардировщики немцев Ю-88 имел довольно посредственное курсовое вооружение, а вот Ил-2 - феноменальное - пушки, пулемёты, ракеты.

Илы "разгрузились" куда придётся - прямо в скопление сцепившихся насмерть пехоты и бронетехники. От их бомб равно пострадали и немцы, и мы. Но, разом polegчавшие Илы пошли п атаку на строй Юнкерсов. Истребители немцев было пытались их перехватить, но были связаны боем нашими ястребками.

Как жаль, что я не видел этого! Говорят, немцы лопались, как лампочки! Множество взрывов самолетов от подрыва бомб в бомболюках. Большое-большое море огня на месте строя Юнкерсов. Уцелевшие стервятники торопливо сбрасывали свой смертоносный груз - прямо по тылам наступающих немцев.

Видя такое безобразие, истребители немцев бросили оставшихся наших истребителей и кинулись на спасение остатков своих бомберов, но - не тут-то было! Илы успели развернуться и встретили врага строем и в лоб. А спереди от Ила лучше не летать! Истребители немцев прыснули кто куда, преследуемые нашими истребителями.

К великому сожалению, комполка Герой Березов погиб первым. Он шёл в строе первым, успел своими ракетами, пушками и крупнокалиберными пулемётами развалить 3 самолёта врага, но вот от третьего его и настигла смерть - рванули бомбы в бомболюках. Самолёт

Березова и ещё 4 немецких бомбера разнесло на запчасти. Планер комполка лишился хвоста и одного крыла и в неуправляемом падении столкнулся с землёй прямо перед позициями наших противотанкистов-сорокопятачников и загорелся. Наши бойцы тут же поднялись в атаку и захватили горящие обломки самолёта, но пилот был мертв.

Когда мне доложили, я спросил про бортстрелка, и не угадал - в это время Илы были ещё одноместными. Или конкретно этот Ил-2 был одноместным.

Воюю вслепую.

Контратака и подсчёт потерь.

Действия наших летчиков в небе резко изменили ситуацию на земле. Особенно, моральное состояние сторон. Противник был подавлен, наши же бойцы чувствовали необыкновенный душевный подъём. А что это значит? А вот что:

- Ура! В атаку! За Родину! За Сталина! Бей нечисть! Ур-ра!

Я вскочил и с ППС побежал вперёд. За мной топал Громозека, на ходу свинчивая трубки держателя моего личного стяга, того, красного, с белым трафаретом медвежьей морды.

- А-а-а! - ревели сотни глоток вокруг меня.

Умом-то я понимал, что толку от меня в этой атаке - ноль, но поясницей чувствовал, что именно мне и надо их вести в атаку. Спинной мозг своей интуицией всё мне верно подсказал - душевный подъём моих бойцов, подавленность врага, командир в атаке, тем более - весь в бинтах. Как им усидеть в норе? Ура! Впердэ!

Пехота в штыки сошлась с немецкими панцергренадерами, закидывали танки врага гранатами и бутылками КС, Единороги через наши головы лупили по танкам, горящим, замершим на разбитых гусеницах, развернувшимся к пехоте, подставив под снаряд тыльные проекции. В бой шли Кирасиры, разрывая немцев крупнокалиберными пулемётами, шел в бой и Сталкер, щедро распыляя огнесмесь из огнемёта.

А в тылах противника, пробомблённых немецкими же бомбами, царила сумятица, они не смогли поддержать штурмовые формации немцев огнём, оставив их один на один с нашими озверевшими бойцами.

Вот так вот и выбили врага на исходные позиции.

И тогда я отдал приказ на отход. Отходили на восток на запасные позиции в полном порядке. Без спешки и суеты. Под музыкальное сопровождение "морского духового оркестра". Волокли в тыл свою битую технику, орудия, раненных и погибших.

Противник не решился на преследование. Так-то! Тут вам не

Франция!

Эйфория атаки спала, стал "считать камни". И занятие сие даже уж печальное. Вот, слушая или читая фронтовиков, раньше, в той жизни, я удивлялся, что степень тяжести боя они измеряли не трупами врагов, а погибшими товарищами. Мне, тогда ещё мальчику, казалось - "ну что ж вы такие некреативные, надо битые танки врага считать, а не потери", а теперь я их понял. И Ё-комбата остро понял. Мне было плевать, сколько серых трупов там осталось, сколько битых Панцеров, а вот каждый из погибших моих бойцов - боль на сердце. Их уже не вернуть. Никогда.

Немцев ещё много осталось, а вот от моего полка - рожки да ножки. Единорогов - только половина в строю, Т-70 - считай, что и нет. Кирасиры также изрядно выбиты. Группа Мельника разгромила обходной отряд врага, но Мельник не смог удержать себя и людей от контратаки, нарвался, потерял половину отряда. Да, с бухгалтерской точки зрения его бой - победа. Он уничтожил втрое больше немцев, чем потерял сам, но, повторяюсь - немцев и их приспешников - полная Европа, а у нас больше нет людей. Ещё один такой бой - и полк кончиться, иссякнет.

Мой начштаба, почему-то с вымазанной сажей и грязью мордой, был суров и сосредоточен.

- Чем воевать будем?

Он махнул рукой, расстелил карту. Стал диктовать расклад сил. А не так всё и плохо! Командование нам подкинуло пехоты, ещё 7 ПТО орудий с расчётами. "Прощай Родина!" - 45-мм. Противотанковую роту - 12 пт-ружей. Пулемётную роту с Максимами. И батарею Катюш с одним боекомплектом. И сапёров с тремя сотнями противотанковых мин. Повоюем!

И самое главное изменение - мы теперь воевали на Воронежском фронте. Из предыдущего моего повествования могло показаться, что я действовал, как махновец-анархист. Это лишь частично правда. Командование у нас было. Но, оно было таким..., давало такие "ценные" указания, что я их игнорировал на свой страх и риск. А вот сейчас всё изменилось. Командующим фронтом Сталин назначил какого-то Ватутина, и видно, что он знал, что делал. Твёрдую руку я почувствовал сразу же. Был вызван к аппарату спецсвязи и "пропесочен". Но, в конце разговора, мне было высказано пожелание успеха и стойкости. Я ответил, что служу трудовому народу. Ну, и славненько. Если он нас "достал", значит, сумеет наладить управление войсками, взаимосвязанность. Мне показалось, что это сильный командующий. А почему я о нём ничего не помню?

Нам выдалось несколько часов передышки. Если не обращать внимания на обстрелы и налёты авиации. Но, мы пополнили боеукладки, заправили баки, пригнали из ремонта несколько машин.

Кстати, про ремонт. Гинзбурга спасли. Инвалидом останется - Прохор не умеет приживлять оторванные по бедро ноги, но будет жить. И, если не сопьётся, будет творить дальше.

Так вот, про ремонт - закончился запас двигателей и орудий. Поэтому, на одного Единорога вместо ЗиС-3Ш поставили 120-мм миномёт. Ну и пусть долбит с закрытых позиций. Мощнейшее это средство - 120-мм миномёт. И дальность, и мощь заряда (равноценный 122-мм снаряду), а особенно скорострельность были выше всяких похвал. Нам этот один мобильный миномёт заменил батарею 82-мм миномётов. Но, закончился запас двигателей и орудий. И держать рембат рядом стало бессмысленно. Оправил их ещё глубже в тыл. Туда же отправили всю технику, которую нечем было ремонтировать. Пусть грузят на платформы и отправляют в Горький. И трофейную технику - тоже. Может, отремонтируют, может переделают во что-нибудь.

Воюю вслепую.

Новая тактика.

Собрались на "планёрку". Осмотрел оставшихся в строю командиров. Справятся ли с той задачей, что я им задумал дать? А-а, как пойдёт! А вот и Мельник.

- Ну-ка, подь сюда! - сказал я ему. Опустил голову, подошёл.

- Я тебе наказывал - не ввязываться в бой? Говорил: "обстрелять и отойти"? Так какого ты в атаку повёл людей?

- Мне больше не брать с тебя пример? - глухо спросил он.

Я аж задохнулся от его наглости. Ах, говнюк! Мне же моими ошибками в лицо тычет!

- Грудную клетку к осмотру!

Мельник выпятил грудь, я в неё ударил со всей силы, но Мельник только крикнул. Да, совсем я ослаб! Даже "фанеру" не пробил.

- Встать в строй! Вот, гад ты, Мельник! Немцев ты побил, это, конечно, неплохо. Но, боевой группы фактически не стало. А вот это - очень плохо! Немцев ещё много - нас всё меньше. Эхе-хе! Ещё и в глаза мне тычет. "Пример с меня"! Вот, гад! Мои ошибки перенимает. Не, не хорошее берёт к учёту, а ошибки! Блин, в следующий раз - расстреляю. Да, Кадет?

Миша кивнул забинтованной головой. Осколок мины чиркнул по уху, рассёк его надвое. Зашили, будет теперь ходить как борец - с

изуродованным ухом.

- Ладно, лирическое отступление кончилось, слушаем мои замутки.

А задумал я положить конец штатному составу полка. Вся техника и все люди разбиваются на боевые группы, по типу группы Мельника.

- Действовать вам придётся самостоятельно, исходя из своих возможностей и обстановки. Меня может и не стать, штаб накрыть огнём, а вы должны продолжить выполнять свою задачу. Учитесь, братва, воевать самостоятельно. Действовать самим, во взаимосвязи с соседями и тылом, но сами - без оглядки на вышестоящих. Численному превосходству врага мы можем противопоставить только оперативную гибкость. Знаю, непросто, но - иначе - сотрут в пыль.

Осмотрел командиров. Некоторые озадаченны, Кадет и Мельник - спокойны.

- Кадет, ты тоже будешь командиром группы. Теперь не будет привычного разделения - разведка, линия обороны, тыл, обоз, штаб - этого не будет. Каждый из вас будет сам себе и разведка, и штаб, и артподдержка, и основная ударная сила. И тыл. И обоз. За штабом остаётся функция вашей координации, за тылами - доставка снабжения на рубеж обороны.

Начштаба тоже озадачен.

- А воевать вам надо так: крупные силы врага обходить, бить только скоординировав действия через штаб полка с другими группами. Громить мелкие отряды врага, не увязая в бою - удар - отход, снова - удар! Маневрировать, крутиться. Жалить, жалить, пока кровью не истечёт. У вас есть Единороги - из засады, неожиданным открытием огня он может дел натворить! Если освоите, наладите взаимодействие, научитесь - вы будете неуязвимы, неуловимы и непобедимы. Вот и всё, что я хотел сказать. С Богом, мужики!

Потом была текучка - распределение техники и людей по отрядам.

А потом на нас вышел враг - устроить испытание боем моей замутке со штурмовыми группами. А немец - он довольно требовательный ревизор и суровый экзаменатор.

Опять - взрывы, опять - снаряды. Опять гибель товарищей, крики раненных. Мат в трубку. Скрип песка на зубах от ярости. Вой реактивных снарядов Катюш. Огонь, пыль, кровь. И так до вечера.

Но, немцу мы так и не дали пройти. Остановили. На минных полях, на изломанной линии окопов, в садах и огородах горели Панцеры и мои БМП. Поле боя было густо усеяно трупами. И наших бойцов тоже. Мы уже не могли вынести всех. Раненных бы собрать, не оставить врагу.

Сам бой не описываю - я его почти не видел. Всяк желающий найдёт

множество его описаний в иных источниках - благодаря тому самому военкору "Красной Звезды" что всё время был в нашем полку, отщёлкал десяток плёнок, а потом и подробненько, и даже художественно всё это описал, пока лечился в госпитале. У него получилось всё очень красочно и величественно. Прямо, как про былинных богатырей. "И с ними дядька Черномор". То есть, я. У него я и взял описание боя Илов с немецкими бомберами.

К вечеру наступательный порыв противника иссяк. Он отошел немного и стал укрепляться на достигнутых рубежах. А мы стали "собирать манатки". В 21-00 меня на связь вызвал командующий фронтом. В другой обстановке мне было бы приятно - сам комфронт лично! Какого-то майора, комполка! Но, я понимал, что у комфронта этот самый фронт состоял из таких ошмётков, что ошмётки моего полка были значимой фигурой на его шахматной доске.

Взял трубку, доложил о состоянии дел, запросил разрешения на отход.

- Совсем плохо? Ты, майор, не похож на паникёра.

- Я и не паникую. Прикажете остаться - будем сидеть на месте до утра. Только - полка моего больше нет. И обороняться мне больше нечем. Если сейчас немец поведет в бой хоть десяток танков и батальон пехоты - они прорвутся.

- Понял тебя, майор. Отводи людей к мосту. Постараюсь за ночь усилить тебя. Ты только выживи, Кузьмин.

- Я постараюсь.

Я отдал трубку связисту и сполз на дно окопа. Связист кинулся ко мне, но я помотал головой и он начал сворачивать свою аппаратуру. Белея свежим бинтом на плече и подвязанной руке, подошёл начштаба.

- Отход, - бросил я ему. Он кивнул, качнулся, схватился за бруствер, выровнялся, пошёл. Мой начштаба сегодня ходил в рукопашную, когда немец прорвался до штаба, сжёг танк и получал зазубренный штык в плечо.

Я не ходил в атаку. От этого у меня случился жуткий депресняк, но меня не пустили в бой. Моя роль свелась к функции флага - он есть, он нужен и важен, потерять его категорически неприемлемо, но он ничего не делает. Просто есть, просто существует. Моральный фактор. Пока есть я и флаг - есть полк. Вот такой расклад мне выдал начштаба и повёл штаб в штыки. А я сидел и держал противотанковую гранату в руках. Чтоб от меня нелюдям даже тела не досталось. Отбились мы. С Божьей помощью.

А моя (ну, как моя - совсем не моя) тактика действий штурмовых групп - сработала. Мы сдержали превосходящие силы врага, нанесли ему

существенный урон. Как и там, в той истории, что была только в моей голове. Эта тактика сложилась в Сталинграде, применялась при штурме Кёнигсберга и Берлина. Это у нас. А немцы подобную тактику использовали всю войну. Особенно ярко это проявилось в боях немцев с янкесами. На нас, русских, она тоже срабатывала, но кривовато. Но, до Сталинграда далеко, а мне надо было здесь и сейчас. Тут вопрос весь в исполнителях. И мои ребята не подкачали. Молодцы! Орлы! Всех наградим. Только - основную массу - посмертно. Кадет ранен - искалечена нога, Мельник - ранен - подбит был в Единороге, обгорел, в тыл отправлен, так и не придя в сознание.

Воюю вслепую.

Долгожданные гости.

Я сидел на земле, привалившись спиной к ещё теплой броне сожжённого Панцера прямо па спине мёртвого немецкого танкиста. Отдыхал, ждал эвакуации. Что-то сил на пеший марш у меня не осталось. Вот и долгожданный рёв двигателя, лязг гуслей.

- Кто майор Кузьмин? - раздался зычный голос.

Опа! А что это за явление Христа народу? Кто это такой бодрый после ТАКОГО боя? Стал вставать, но был прижат к земле мощной дланью Громозеки.

- Я - майор Кузьмин, - донёсся голос с другой стороны сгоревшего танка, - Вы кто такие? Что делаете в расположении полка?

Опа-па! А это что за самозванец? И голос похож. Я стал трепыхаться, чтобы встать.

- Только не дури! - прошептал громовым шёпотом Громозека.

- Угу! Да пусти ты, пенёк ушастый!

Наконец, мне удалось встать, и я увидел американский колесно-гусеничный бронетранспортёр, с грубо покрашенной белой звездой. И десяток человек в форме НКВД около него, похожих на оловянных солдатиков - таких ладненьких, чистеньких против нас, обшмыганных боем.

А вот и самозванец - забинтованный, по самое не балуйся, человек моей комплекции, но в комсоставской форме с майорскими знаками различия и в моей кожанке, шёл, ковыляя, к НКВД. А меня, после поджога, как одели в безликую форму без знаков различия, так и отвоевал сегодня. Авось, проблем не возникло. Все и так слушались.

- А вот и гости, - прошептал Громозека, - долгожданные!

Ух-ты! Надо же! И где же наш Чекист? Прозевает так "главное задание". Я достал из кармана гранату Ф-1, сжал в кулаке.

Самозванец подошёл к старшему "чекисту", вскинул руку к танкошлему, назвал ещё раз. "Гость" тоже представился:

- Лейтенант Госбезопасности Савельев. Вам придётся проследовать с нами!

- Чё это вдруг? - удивился самозванец. Ого, он даже словечки мои использует! Полная аутентичность!

- Приказ! - ответил Савельев, протягивая бумагу.

А вот и Чекист нарисовался - "прогуливался" мимо. Типа, прогуливался.

Самозванец взял бумагу, долго смотрел в неё забинтованным стрептоцидно-грязным лицом.

- Слышь, боец, сюда ходи! В темпе вальса, я сказал! Ты чё как на пляже? Ты в армии или как? Почему такой вид?

Это самозванец нашего Чекиста распекает. И словесные обороты настолько знакомые, что Громозека хмыкнул.

- Ну-ка! Читай! - самозванец сунул под нос Чекисту бумагу.

Гости занервничали. А вокруг стали собираться бойцы полка, якобы привлечённые шумом.

- Слышь, Пенёк, а ведь главный не Савельев, - пихнул я Громозеку, прошептал.

- Да?

- Смотри на того лысого бычару. Видишь? Он - главный.

Словно услышав нас, лысая башка здоровяка повернулась на нас.

- ФАС!!! - заорал я.

Громозека стартанул, как болид F1, на этого лысого, а тот стал поднимать на нас ППД. А я уже в Ярости! Метаю в него гранату, да так удачно! Точно в лоб угодил. А потом и Громозека подоспел, сбил его с ног, добавил в нос своим медным лбом.

Что там было дальше - не видел. Тем же приёмом, каким Громозека сбил Лысого, меня снесла с ног наша докторша.

- Тихо, товарищ майор, а то зацепят! - выдохнула она мне в лицо.

- Девочка моя, а ты не с ними? - спросил я её.

- Нет, Виктор Иванович, я с вами. Ваша жизнь - моя работа.

- И кто же твой начальник?

- Вы. И Меркулов. И Сталин.

- Ну-ну, - ответил я ей.

-Эй, голубки! - донёсся до нас голос Чекиста, - вставайте, ехать пора!

Ну, ни стыда у людей, ни совести!

Голос был довольный и весёлый, значит, всё прошло гладко.

- Ща я кому-то зубы-то посчитаю! - выкрикнул я, - Гэбня кровавая! Питьсотмильонов!

Встал, подал руку доктору, поднял, обнял, крепко прижав к себе.

- Собой закрывала? - спросил я её.

- Руки, товарищ майор! Вы ещё за прилюдное оскорбление меня не извинились.

- Ща! Ага! Шнурки поглажу - тогда - сразу! Обиделась? Да, на здоровье! На обиженных воду возят! Тьфу!

Я отпустил её, сплюнул, пошёл. Подошёл к БТРу, погладил броню капота.

- Это - я забираю. Будет моей лебединой колесницей.

- Тогда уж лодкой Аякса, - кивнул Чекист.

Блин, уел меня. Я не знаю, что это значит. Увидев моё затруднение, докторша пояснила:

- На ней души умерших перевозят в царство мертвых.

- А, нехай так и будет! - махнул я рукой.

Повернулся к Чекисту:

- А давай их по быстренькому допросим? Что-то давненько я не едал человеческого мяска!

Чекист заржал в голос, махнул рукой:

- Да нам и самим там маловато будет. Голодными останемся.

Хороший он мужик, этот Чекист. На лету всё схватывает. Мне опять повезло на него? Или эти "везения" мне устраивает чья-то заботливая рука?

Ладно, всё это лирика, а она - терпит. Позже. А вот война - не терпит. Пора и ехать. Вот и остатки моего комендантского взвода погрузили пленных в пробитого в двух местах Кирасира и отчалили. И нам пора оставить эту истерзанную высотку, покинуть измочаленные сады и руины посёлка.

- Громозека, ко мне!

- А что не "к ноге!""? - спросил Громозека, открывая дверь ленд-лизовского БТРа.

- Ну? Разберёшься?

- Да как два пальца обо... об асфальт! - и обратно нырнул в недра БТРа.

- Мадам! - я протянул руку, чтобы помочь залезть доктору. Но, она, фыркнув, сама вошла в бронекоробку.

- И он сказал: "Поехали!", и махнул рукой, - возвестил я, усаживаясь на обтянутое кожзаменителем сидение.

- Это откуда? - спросил Громозека, запуская двигатель.

- От верблюда, товарищ Пеньков, от верблюда. Разбуди меня, как приедем, лады?

- Угум! Но-о, пошла, родимая!

Приплыли!

Паника на переправа через Стикс.

На переправе через реку мы застали панику. Народ ломился через мост, давя друг друга. Довольно неплохие укрепления предмостного плацдарма были брошены. Крики, стрельба, вой снарядов и взрывы. Эх-хе-хе! Опять то же самое. Ну почему люди не хотят жить головой, почему их судьбу решают их задницы?

- Стреляй! - приказал я докторше. А кому ещё? Громозека за управлением этой заокеанской колымаги, в бронерубке только мы вдвоём.

- Куда? - не поняла она сначала, а потом дошло:

- Нет! Не заставляй меня!

- По паникёрам и предателям - огонь!

Крупнокалиберный американский пулемёт протянул струю огня от нашего БТРа к давке на мосту, сметая тела людей в реку, разрывая их на части.

- Я вас, блядей! - орал я так, как ещё никогда не приходилось, - Всех тут положу! Паникёры сыкливые! Предатели позорный! Изменники подлые!

Я залез на крышу отделения управления, встал в полный рост. А стрелок пулемёта в голос ревела, потом бросила пулемёт, метнулась куда-то в угол, забилась там мышкой. Тяжело тебе? А мне, думаешь, легко? Это я, а не ты, я их расстрелял. Я. И от этого в груди стал расти вакуум. Но! Иначе - никак! Империческим путём установлено - иначе не работает. Этих, обезумевших от ужаса, превратившихся в скот, по-другому - не остановить. Не вернуть им способность мыслить. Только расстрел части паникёров прочищает им мозги, возвращает им возможность думать. Не я это придумал. И не хочу этого делать, но как иначе?

А у них была возможность избежать подобной судьбы и избавить меня от этого бремени - сохранить рассудок и честь - встретить врага лицом, а не спиной.

- Стоять! Назад, сукины дети! В окопы, мрази! Зачинщиков ко мне! Быстро! - продолжал орать я.

Толпа отхлынула от моста. Твою дивизию, опять сработало! Ну, почему их надо стрелять, чтобы они стали людьми, а не скотом безмозглым?

В толпе началось какое-то броуновское движение, из топы стали

выталкивать ко мне совсем уж мерзостных субъектов.

- Арестовать! - орал я, - К обрыву их! Сформировать расстрельную команду!

Толпа их била, волокла к берегу, ставили в ряд напротив толпы. Грянул залп. Поставили ещё ряд, ещё раз грохнули.

- А теперь - в окопы! Вы понимаете, что вы натворили? Это же измена Родине? Понимаете? Измена! Родине! Я надеюсь, сегодняшнего урока вам хватит? И в следующий раз вы сами разберётесь с паникёрами и падлами-изменниками? Давай, мужики, занимайте окопы! Немец бит нами сегодня, но не добит! По местам!

Толпа стала таять в темноте. Я сполз по броне на горячий капот БТРа. Руки Громозеки подхватили меня. Как ребёнка, он отнёс меня в броненутро ленд-лизовского аппарата.

- Поспи, командир, - буркнул он.

Я лежал на свёрнутом брезенте. Докторша сидела в другом углу, сжавшись в комок, уставившись невидящим, немигающим взглядом в одну точку. Эх-хе-хе!

Будь проклята война! И все её зачинщики! Разве она должна была заниматься массовыми казнями? А я? Разве я должен был? Она должна лечить людей, я - чинить дорогу. А вот крошим с ней из пулемёта своих соотечественников, вся вина которых заключалась в нестойкости их психики.

А ведь завтра они снова побегут. Они бежали от немца до этого моста, сегодня пытались сбежать от моста. Как увидят живую танки с крестами - опять побегут. От немца или к немцу, сдаваться.

Нет, я всё правильно сделал! Как я ненавидел в той жизни подобных. Их там тоже было море! Только они так контрастно не проявлялись. И здесь их полно. Они никогда не будут сражаться. Ни за Родину, ни за свои никчёмные жизни. Они будут только ныть и ныть. И гадить. И требовать. Требовать защиты, заботы, высокого уровня жизни, теплых просторных домов, шикарных машин, ровных дорог, но никогда они палец об палец не стукнут чтобы эти дома построить, дороги проложить, машины изобрести. Они будут лишь требовать. У них есть "право". И это право им принадлежит по "праву рождения". Просто так. За то, что они такие все "исключительные и замечательные", "тонкие, ранимые" натуры. Они "созданы для творчества". Хотя, даже творчеством не занимаются. Они ни на что не способны. Паразиты. Крысы!

И хрен бы на них! Но, этих паразитов слишком много. И все они чьи-то дети, братья, сёстры. Так что дустом их не потравишь. Но, и прокормить

такую жрущую и гадящую ораву - нереально. Должны были появиться, и появились, парни в кожаных плащах с "чистыми руками, пламенным сердцем и холодным разумом" и своей несгибаемой волей заставляли этих крыс работать и вычистить всё, что они загадили.

Появились и заставили. Представляете - как они их ненавидели! Как они сейчас ненавидят меня, за то, что я их заставил защищать свои жизни. Как они ненавидели всю эту эпоху, Сталинскую эпоху, за то, что тут их называли тем, кем они и были - паразитами, их заставили работать, защищать страну, не дали им "властвовать" и "самовыражаться". От одного упоминания имени дедушки Ёси их начинало трясти. Так сильно, что трясло и их детей, и их внуков.

Под такие вот размышлизмы я и уснул. И не почувствовал, как Громозека дождался своей очереди и перегнал БТР через мост на восточный берег.

Разбудил меня рёв пикировщиков и взрывы бомб. Утро опять началось стрельбой.

- Бегут, суки, опять бегут! - орал снаружи Громозека.

Я выскочил наружу и побежал к мосту. Громозека стартанул следом, пытаюсь перехватить меня.

Как я и опасался - эти крысы опять побежали. Их крошили немецкие лапотники из пулемётов, их рвало на части бомбами и минами, но они бежали. Так бы они в атаки бегали, твари!

Я пробежал мимо усатого сапёра, увернувшись от его неуклюжих попыток остановить меня, его крик пролетел мимо моего сознания, в голове было только одно - остановить этих трусливых тварей, загнать их в окопы, организовать оборону, остановить немца.

А ведь зря я не стал слушать сапёра. Потому что он кричал:

- Мост сейчас взорвётся!

Толпа обезумевших лиц, разинутых в немых криках ужаса ртов, встретила меня на середине моста, сбила с ног, протащила, бросила на настил моста, протоптала, пропинала. Десятки рук подхватили меня, били в лицо, по голове, потащили меня и выбросили с моста.

Я летел в реку с моста. Некстати, подумал - "Какой высокий мост". Увидел на быках моста развешенные гроздья винограда тюки. Тут только дошли до моего сознания слова сапёра. И дымок огнепроводного шнура уже подбегающего к тюкам со взрывчаткой.

Вот и конец моего пути. Избавление. Извернувшись в воздухе, повернулся "на спину", лицом к небу, к солнцу, и прошептал:

- Боже, прими душу сына своего!

Взрыв ударил меня силой скоростного локомотива, с ускорением пушечного ядра вгоняя меня в реку. Темные воды Стикса сомкнулись над моим сознанием.

Продолжение - в третьей части.

Храмов В.И.

Сегодня - позавчера_3

Аннотация: Метеоритный дождь роялей продолжается.

Храмов В.И.

Сегодня - позавчера 3.

Предупреждение.

Атеншин!

В наличии: русский попаданец, мегакрутой как всегда, песни, промежуточный патрон, командирская башенка, советы Сталину "Как нам обустроить мир", псевдофилософия, мистика, пафос и превозмогание, метеоритные осадки по кустам в виде роялей, а также многое другое. Ахтунг! Множество ошибок, неточностей и нелогичностей. Эксперты одобряют. Шутки в стиле Петросняна, сопли, и самокопание и квасной (клюквенный) патриотизм также присутствует. Личностям со слабой психикой, дерьмократам, либерастам, шовинистам и прочим особям с нетрадиционной моральной, этической и психологической ориентацией категорически не рекомендуется.

Сегодня.

Тук-тудук - тудудух! Прогремел полувагон по соседнему пути, пересчитав колпарами все стыки стрелочного перевода. Вот, блин, жара! Солнце нещадно палило. Прокалённый воздух маревом колыхался на месте. Ни дуновения ветерка. А тенёчка тут, на "горке", и не было никогда. Вода в канистре была тёплой и нисколько не помогала. Тут же всё выпитое выступило потом, заливало глаза, разъедая их. Одежда, горячая, пахнущая глажкой утюгом, стала жёсткой от впитанной соли пота. И снять нельзя.

Так и жарься в рабочих ботинках, плотных синих рабочих штанах, в оранжевом сигнальном жилете.

Выпил третью кружку, четвертую вылил в кепку, поболтал - прокалённый хэбэ выцветшей бейсболки не хотел впитывать воду. Да так с водой и напаялил на голову.

- Ух, гля, хорошо!

- Да, на пять сек. Потом хуже будет. Ну чё, за водой сходим? - Максим жадно затягивался сигаретой.

- Ну её! С кем другим сходи. Ты же знаешь - я тяговая животи́на, не беговая.

- Ну, как хочешь. Я один пойду. А то опять Князь в истерику впадёт, заплюёт, если с собой кого возьму. Тады - засыпай.

Я пожал плечами. Укладка стрелочного перевода завершалась. Князев, руководитель работ, заканчивал выгрузку щебня - балласта на уложенную стрелку. Бригада, обречённо понурившись, старательно делали вид, что не понимают, что надо дальше делать, как-то по-тараканьи, прятались от глаз Князева, по-детски наивно надеясь, что пронесёт. Устали. Очень устали. Ещё сильнее давило осознание того факта, что твоя зарплата никоим образом не зависит от нагрузки. По техпроцессу эту работу должны выполнять 16 человек, нас 9. И думаете зарплата 16 разделят на нас, девятых? А вот хер ты угадал! И если прошлындаешь где-нибудь целый день - зарплата опять та же. Откуда возьмётся усердие?

На меня вдруг напало чувство, что всё это уже было. Дежавю. Или как-то так. Я по-французски не очень. Чувство столь яркое и явственное, что я забеспокоился - с чего бы это? Может, я перегрелся, "отлетаю"? Да, стопудово, так и есть. Просто перегрелся, вот меня и "плющит".

Я взял свою лопату, облокотился на неё, закурил.

- Заполняем шпальные ящики! - раздался надтреснутый голос. О, вот и мастер нарисовался. Голосок-то сел.

Блин! Всё это уже было! Сейчас он с Морячком сцепиться до душевных "посылов". А потом с Гусёнком. Гусёнка менты загребут.

Я бросил лопату, пошёл в закуток башмарей.

- Князь идёт! - громко зашептал я в окно. Вот и Гуси вылетели, испуганно озираясь.

- Всё шутишь? - мрачно спросил Игорь.

- Нет. Жара. Развезёт вас, проблем наживёте. А вас уже ищут. Пойдём.

Обречённо поплелись за мной. Я за ними было пошёл, но мне вдруг резко поплохело. Я сел на корточки, голова закружилась, в ней крутились

образы будущего, прошлого. Лица живых, убитых. Я ВСПОМНИЛ ВСЁ!

- Мастак, ты чё? - это Игорь. Увидел переживает. Я уже не мастер в этой бригаде, но Игорь продолжал звать меня Мастаком.

- Жара, Игорь, поплохело что-то. Щас пройдёт, - ответил я ему. А у самого перед глазами стоял стол в подвале морга, накрытый зелёной клеёнкой.

- Мне надо идти! - я резко поднялся.

Игорь даже отшатнулся.

- Куда?

- Не знаю пока, - ответил я ему, - Князю скажи, что я уволился.

- Охренел?

- Нет, не охренел.

- Перегрелся? Чёкнулся? - он схватил меня за желтуху.

Я резко повернулся к нему.

- Ради чего ты живёшь, Игорь?

- Ты чё, Витёк? Ты серьёзно?

- Как никогда, Игорь! Для чего? У тебя есть что-либо, за что ты готов, не раздумывая, жизнь отдать? В полный рост пойти на пулемёт?

- Вот это тебя торкнуло! - усмехнулся он, пытаясь перевести всё в шутку, но глаза остались серьёзными, даже какими-то протрезвевшими.

- А у меня есть ради чего жить, - на полном серьёзе ответил я, - И я больше не буду жить просто так! Гля, надо было оказаться ТАМ, чтобы понять, как дешёво я прожигал жизнь!

- Где - там? - тихо спросил Игорь.

- Там. Слушай, мне больше некогда. Прощай, Игорь!

- Я бы тоже хотел быть "Там", - вдруг сказал он, - чтобы было за что умирать. Чтобы жить захотелось.

Он отвернулся, сел на трубу пневмопочты, закурил, горестно уронив голову с копной соломенных волос.

М-да!

Но! Я уже опаздываю!

Подошёл к своей сумке, с ненавистью сорвал желтуху с себя, бросил под ноги, плюнул, растоптал. Давно мечтал. Водрузил сумку на плечо, продемонстрировал, с недоумением смотрящим на меня, мастеру и Князю средний палец руки и пошёл через пути.

Достал телефон, зажёг экран, чтобы увидеть время. Так, у меня 6 часов. Что делать?

Вариант 1: забрать своих домой. Вариант самый простой. А как показывает жизнь - самый простой не значит, что самый лучший.

Прорабатывали ЕЁ и меня основательно, а значит и долго. Это не экспромт. А проработанная операция. Тут сразу же опять встал вопрос - почему именно мы? Чем мы другие, ради чего столько усилий? Если ради почек-селезёнок - то есть варианты и попроще, чем я и моя жена. Тот же результат при меньших усилиях. Они же развернули многоступенчатую комбинацию с прикрытием и отсечением хвостов, будто я не путеец, а офицер ФСБ не мелкого калибра.

Так, это важно, конечно, но не сейчас. Сейчас - что делать-то?

Так, если я их заберу, то их планы это не отменит. Не могу же я быть с ними ежесекундно? Да и остановит ли их моё присутствие? Да, мой боевой опыт, недавно приобретённый, может их неприятно удивить, но, они-то про него не знают? Нет, не знают. Что им стоит в форме ментов вломиться прямо к нам домой? Сами же и откроем двери.

Ха! А что ж они не сделали именно так? Самый простой вариант. Не надо было бы пасти её по городу. Адрес известен. Чё-то они перемудрили. Ну, ладно!

Что-то мысли мои носятся по кругу, а толку не стало.

Вариант 2: сдать их Полкану. Пусть он и разбирается. Хм-м! Точно!

Достал телефон, нашёл запись в памяти его симки, нажал вызов. Трубку взяли сразу же. Я поздоровался, извинился, что отвлекаю, запросил встречи по важному и очень срочному делу.

Полкан молчал.

- Она уже прошла комиссию и группа зачистки уже в городе, - сказал я.

- Ты где сейчас? - ответил телефон.

- На станции. В парке. По путям иду.

- Подходи к магазину. За тобой приедут.

Подойдя к магазину, я поставил сумку, достал, затем надел майку, налил себе кофейку из термоса. Извращение, конечно, в такую жару пить кофе, но очень уж хотелось. Я же там, у Сталина, год пробыл, почти без кофе. С наслаждением затянулся "Винстоном", да под кофеёк!

Подкатила убитая тёмно-зелёная четвёрка, с Кумом за рулём. Я сел, поручкались, так же ни слова не говоря, поехали. Он ничего не спрашивал, а у меня с ним общаться вообще не было желания. Это тут он меня ещё не предал, но я-то помню!

Свернули к лесополосе, остановились, Кум кивнул на деревья. Я прошёл посадку насквозь и встретил Полкана в выцветшем камуфляже с лукошком в руках.

- Что случилось? - буркнул он, не подав руки. А мне и не пристало

первому руку тянуть. Устав всё же проник в меня.

- То, что я скажу, будет казаться бредом, но прошу выслушать до конца. Сегодня вечером запланирована операция по изъятию внутренних органов у моей жены...

Мы шли вдоль тополёвой посадки, я рассказывал, Полкан без интереса слушал. Единственное, что он спросил:

- Откуда ты всё это узнал?

- Во сне видел. Вы можете мне не поверить. К Вам я обратился только потому, что Вы тоже вовлечены в это. Если вы мне не поможете, то я сам...

- Что ты сам? - усмехнулся он, - Ты хоть представляешь, кто это?

- У меня есть выбор? Я вообще не пойму - почему я?!

- И что же ты собрался делать?

- Мне нужен ствол, - ответил я. Я уже понял, что без толку к нему обратился.

- И что же ты с ним делать будешь? Ты ж в руках даже не держал.

- Уж как-нибудь. Память предков поможет.

- Нью-нью. Что ж! Так и быть. Езжай, подбери что хочешь, а там посмотрим. Тебе помогут.

На той же четвёрке, с тем же водилой ехали в город, петляли по улицам и улочкам. Я с жадностью смотрел на знакомо-незнакомый город, так сильно изменившийся за 70 лет.

Наконец приехали в гаражный комплекс. Кум, повозившись с замком, отпер давно не крашенные ворота, включил свет, прошёл внутрь. Я следом. Он поднял сидение старого грязного дивана. Охренеть! Автоматы, пистолеты, патроны, даже гранаты. Две трубы одноразовых гранатомётов.

- К войне готовимся?

Кум хмыкнул. Достал автомат, покрутил в руках. Я же достал ВСС "Винторез" - тут был даже он. Хотя ствол и был мне знаком только по "Сталкеру".

Кум опять хмыкнул. Но, когда я, повозившись, частично разобрал винтовку, собрал обратно, снарядил магазин патронами, вставил, поставил на предохранитель, посмотрел сквозь прицел, лицо Кума вытянулось. Да, ВСС я никогда в руках не держал, но СВТ освоил в совершенстве. А принцип всех стволов - одинаков.

Кум взял пистолет с интегрированным глушителем, бинокль, опустил седушку дивана. Винтовку положили в коробку из-под ЖК-телевизора, погрузили в машину, поехали.

- Где научился? - спросил он.

- В "Сталкере".
- Это что такое?
- Игра такая. Компьютерная.

Кум опять хмыкнул. А что? Почти, правда. Если не рассказывать про 41-й.

Мы сидели у окна второго этажа недостроенного дома. Через дорогу стояла машина псевдо-гаишников. Тех самых, в кроссовках. С глазами Хитмана. Закатное солнце их пока хорошо освещало, символически окрашивая в красное. Я когда их разглядел в прицел, аж мурашами лошадиными покрылся. Холодно-равнодушные взгляды убийц. Вот, теперь и сидим. Ждём. Непонятно чего. Кум по-прежнему, а вернее, непривычно, не разговорчив, молчал. Я тоже не большой любитель трепаться без отдачи.

Посмотрел на время. Осталось полчаса. Плюс-минус.

У Кума завибрировал телефон. Он поднёс трубку к уху, сказал туда: "Понял!", сбросил, поднялся, оставаясь в тени окна. Я тоже встал, так же не отсвечивая в проём окна.

- Сработает?
- Да.
- Уверен?
- Да.
- Может, я?
- Нет.
- Как знаешь.

Слева появилась машина моей жены. "Гаишник" лениво пошёл навстречу, поднимая жезл. Моя жена остановилась, некоторое время препиралась, но вышла из машины, пошла за "гаишником". Я смотрел на всё это краем глаза. Кум вообще не смотрел в их сторону. Волчары такие, что уже несколько раз бросали взгляды на наш дом, почуяв наши взгляды.

Моя жена шла впереди "гаишника", видимо споря или возмущаясь, размахивала руками. "Гаишник" быстро осмотрелся направо-налево вдоль дороги и занёс полосатый жезл для удара.

Винтовка толкнула меня в плечо, на желтухе "гаишника" появилась дырочка, а с другой стороны выплеснулся фонтан красных брызг. Он споткнулся, стал падать, я перенёс прицел на того, что сидел в машине, но тот уже нырнул вниз, машина тронулась задним ходом. Я лупил и лупил туда, где он должен был быть. После пятого выстрела, машина взревела, рванула задним ходом, снесла столб, встала, бетонный столб рухнул на неё сверху, сразу смяв крышу. Искорёженная дверь распахнулась, оттуда вывалилось окровавленное тело. Я влупил по нему ещё раз, так, что мозги

выплеснуло на асфальт. Потом добил, так же, в голову, первого.

Чувство острой опасности сдёрнуло меня с места. Вправо. Но, поздно. Пуля ударила меня в левое плечо, разворачивая. Второй его выстрел выбил кирпичное крошево из стены, а третий его выстрел совпал с моим первым. Пуля ударила меня в грудь, отшвыривая на стену, напротив, как в зеркале, отлетел Кум. В полёте я выстрелил ещё раз. Вторая пуля попала ему в горло.

- Зачем, брат? Зачем?

Но, он уже не мог мне ответить - у него началась агония. Как же всё глупо вышло!

Я поднялся, выглянул. Моя жена стояла, оцепенев, около труп "гаишника". Я достал телефон, вызвал её.

- Витя! Витя! Тут такое!

- Я знаю. Подними голову. Недостроенный дом.

- Вижу!

- Аптечка нужна срочно. Срочно!

Винторез я положил у тела Кума, его пистолет забрал, пошёл ей навстречу.

- Надо срочно уезжать! - сказал я жене.

- Что это всё...?

- Потом! Поехали! Поедем через город.

И что дальше? Ничего дальше не будет и быть не может. Приплыли. Я убил двух неизвестных и офицера милиции. Они меня даже живым брать не будут. Если до захвата кровью не истеку.

Она везла меня домой. И слышать ничего не желала. Дома я ей рассказал всё. Она ничего не говорила, только плакала.

- Иди. Тогда тебя не тронут. Останешься - соучастником станешь. Они будут штурмовать дом. Живым я не дамся.

Она говорила. Плакала и говорила. Она не верила. Да, жизнь не могла быть такой жестокой, но она такой и была.

- Я никуда не пойду. Если они меня приговорили, то не отстанут. Это - первое. А второе - я тебя не оставлю. Я не смогу без тебя. Помнишь - и в горе, и в радости? Пока не разлучит.

- Есть шанс. В связи с последними событиями к тебе будет повышенное внимание, им станет неудобно тебя брать. Иди, у нас сын.

- А ты думал о нём, когда Чечню тут устраивал?

- О нём и думал.

И вдруг с улицы донёсся знакомый голос, усиленный и искажённый мегафоном:

- Сдавайся и отпусти заложника!

- Это же...

- Он самый.

- Какого заложника?

- Тебя. Ты им нужна.

- И ему?

Я пожал плечами. Мир сошёл с ума.

- Почему я?

- Не знаю. Может, он знает?

Она встала.

- Не вставай, они должны были уже снайперов расставить.

- Всё равно, - ответила она. А потом выглянула в окно и крикнула Полкана на переговоры.

Он подошёл к окну, в бронежилете на майку-алкашку и без оружия.

- Отпусти её! - крикнул он.

- Почему именно мы? - крикнул я ему в ответ из-за дивана. Надеюсь, толстый слой диванной набивки удержит пули. - Облегчи душу!

- Ты думаешь, я сейчас всё так вот и расскажу? Это только в кино вот так вот всё рассказывают. Это чтобы зритель понял замысел сценариста. А это не кино, Витя. Это жизнь, а ты - явно заигрался.

Зубы мне заговаривает. Что они там готовят? Газ?

- Живым я не дамся. А не расскажешь, и её - шлёпну.

- Врать ты так и не научился, Витя.

- Не будь падлой, ответь - почему мы?

- Так совпало. Так вышло, что...

С грохотом осыпались стёкла в соседних комнатах, по полу покатались, дымя, газовые заряды.

Это конец! Вот так вот глупо и бесполезно! Застрелиться? Нельзя. Я же верующий. В группу захвата стрелять? А они-то при чём? Мужики просто работают. Работа у них такая. Нужная работа. Важная.

А вот ты - предатель!

Пистолет в моей руке не сильно лягнулся, во лбу Полкана появилась дырка и он пропал.

Грохота выстрелов я уже не слышал. Я смотрел только на НЕЁ. Как она рвется в руках СОБРовца, на её лицо, застывшее в крике. А моё тело рвали автоматные пули. Тук-тудук - тудудух.

И снова, здравствуй, Великое Позавчера!

Часть 1. В гостях у сказки.

День открытий.

Тук-тудук - тудудух.

Это колпары стучат на стыках. И характерно покачивает. Я в поезде. Я опять жив.

- Ожил? - услышал я голос. Знакомый голос. Громозека.

Поворачиваю голову. Один глаз не видит совсем, да и другой подвирает. Точно - Громозека. Лежит на нарах под шерстяным одеялом.

- Ты, ежлан, на кой, ты, на мост побежал?!

Громозека в ярости. Оказалось, он бежал за мной, взрывом его смахнуло с моста, и при падении он повредил спину - ноги отнялись. Беда.

- Остановить хотел, - проблеял я в ответ.

- Нах! Из пулемёта надо было этих уродов.

- Надо было. Не смог.

- Ночью же мог!

- Мог. В горячке боя - мог. А утром - не смог. Это же наши люди. Русские.

- Они не русские. И не люди! Люди - в окопах остались. А это - выродки! Пададь! И ты...! - Громозека резко перевернулся на другой бок, лицом к стене, ко мне, соответственно - спиной.

Итак, я опять в прошлом. В "учебном" 1942-м. учувствовал в обороне Воронежа. Во главе экспериментального полка, вооруженного экспериментальными самоходными артиллерийскими установками ГАЗ-71. Теми самыми СУ-76. Их сделали на том же Горьковском автогиганте, на базе тех же Т-70, те же конструкторы Астров и Гинзбург. Только на год раньше. Как там говорил конструктор пушки моей самоходки - "повозки для орудия". Это были именно повозки для орудия.

Задумана была система комплекса бронемашин боевых машин пехоты, но, учитывая положение - маловероятно, что будут делать что-то кроме СУ-76.

А мы теперь, скорее всего, в санитарном поезде. Громозека, вон, обиделся. И есть за что. Человеколюбие у меня проснулось не вовремя. Подвёл человека. И сам лежу обгорелым поленом. Руки-ноги не владают.

На меня опять накатывала чернота безнадёги. Тоска смертная. Мне был дан шанс исправить всё. А я не смог. Ни там, в моём времени, ни здесь. Как бы хуже не стало. В истории моей реальности немец в Москву всё же не входил. А тут я сам участвовал в боях на улицах столицы. Хотя, я-то к этому - каким боком?

Я читал книги про попаданцев. Там герой сразу и резко меняет ход войны. Враг разбит малой кровью. И весь мир стоит на коленях перед красным знаменем. Прогрессорство их виртуозно и величественно. А я?

Толку - ноль. Вроде, все сделал так же. Своё происхождение раскрыл, о чём сильно жалею, всё, что знал - рассказал под запись. А перелома в войне как не было, так и нет. Ленинград - блокирован, Воронеж - в осаде, враг рвётся на Кавказ и к Сталинграду. Москва - в руинах.

Ну почему я? Почему? За что мне это? За какой грех мне такая мука? Сдохнуть хочу! Нет у меня больше сил!

Но, смерти мне Создатель не даёт. А за попытки "уволиться по собственному желанию" карает жесточайшей болью.

Глубоко вздохнув, стал рассказывать Громозеке, его спине, мои злоключения в моём времени, там, в будущем. Которое уже не наступит. С приходом немца в Москву наши реальности окончательно разошлись.

- Вот так вот, брат. Опять у меня ничего не вышло.

Громозека повернулся ко мне, смотрел прямо на меня.

- Я бы сошёл с ума от подобных вывертов судьбы.

- Я и сошёл, брат. Давно уже. Ложки не существует. И тебя нет. И вагона этого нет. А я лежу где-то, умираю, а мозг мой проектирует в сознание эти картинки. Или лежу в психушке и живу в выдуманном мире. И никто его не видит, кроме меня.

- Вздор! Я - точно существую!

- Реально то, что осознаёшь. И не реальное, если его осознаёшь - реальнее реального. В том мире, настоящем, я - Никто и звать меня - Никак. А тут я, как во сне - конструктор, полководец, успешен, любим, знаменит. Так не бывает.

- Так есть.

- Да с чего вдруг-то? Что изменилось? Я - тот же. Мир вокруг не стал сказочнее, люди те же скоты. Что изменилось?

- НКВД.

- А они-то с какого бока? Ну, постоянно вы рядом и что?

- То-то и оно, что мы постоянно рядом. С операционного стола. Там врач какой-то тебя "срисовал", вот с той поры ты под крылышком и ходишь. Нос тебе подтираем.

Ага! Натан! Дружбан! Всё-таки, друзей он имеет. И "Степанов" званием и опытом своим "крутоват" для горотдела ГБ. Блин! Вот же я долбоёж! Только сейчас допетрил! Меня ведут "за ручку" с первого дня в этом мире. Этим объясняется "дружелюбность" окружения. Такая концентрация "настоящих" людей! И моя "смазанность маслом". Поэтому всё мне так легко даётся? Что за спиной стоит тень НКВД? Да, это многое проясняет. Но не главный вопрос:

- А почему я?

- Так совпало, - ответил Громозека, совсем, как Полкан, - как я понял, сначала думали, что ты шпион, потом, что из эмигрантов, а потом всё как-то закрутилось. И ты занял в структуре нишу. Стал прок от тебя ощутимый. Так вот как-то.

Совпало. Занял нишу. М-да. Интересный подход к людям. "Кадры решают всё". Вот уж, ни убавить, ни прибавить. Спасибо тебе, товарищ Кремень!

- Что ж за организация у вас такая - НКВД? Даже мне нашли применение.

- Да вот такая. Только, тут я тебе не помощник. В особенностях нашей организации тебе помогут другие товарищи. Как только смогут.

- Заняты сильно?

- Не без этого. Сам должен понимать.

- Понимаю. Слушай, а тебе ничего не будет за то, что ты мне рассказал.

- Не-е, не будет. Думали, сам додумаешься, а ты всё никак и никак. А сейчас - совсем приуныл. А на мост ты зря побежал.

- Зря.

Я помолчал, а потом стал изливать ему душу. Точнее, выплёскивать черноту своей тоски. Про то, что не вижу прока от моего присутствия тут, про своё желание умереть.

Тут в вагон ввалились остальные наши попутчики - военврач Шахрезада, Прохор, Брасень, принесли Кадета - это они его выгуливать носили. Шумно радовались, что я пришёл в себя, огорчились, что из всех действий мне было доступно только балабольство. Врач и Прохор разводили руками. Тут и выяснилась цель нашего путешествия. Прохор твердил, что с таким случаем, как у меня, справиться только его мать, сам он не может, вот и было принято решение о моей отправке. И судя по открывшейся недавно информации, я уж и боюсь подумать, кто принимает "по мне" решения. Ну, и в нагрузку со мной, для компании, погрузили врача, Прохора, как единственного проводника к загадочной целительнице, Кадета и Громозеку на излечение, ну и Брасеня на хозяйство. Жаль не успели перехватить Мельника - его уже отправили с другим поездом. Ах, да, на платформе под брезентом стоял "трофейный" заокеанский броневик.

Слава Богу, в этот раз я развалился на запчасти без боли. Просто я не чувствовал ничего ниже шеи и всё.

Утомившись от открывшихся обстоятельств и от всего пережитого, забылся, наконец, сном.

Области Тьмы.

По пробуждении, я застал скучающего лейтенанта ГБ с блокнотом и карандашом за ухом.

- Готов дать показания, - прокашлявшись, сказал я. Лейтенант улыбнулся.

- Это - как вы пожелаете. Меня прислали записать всё, что скажите, а потом отправить записи.

- А тебе допуск дали?

- Да, я прошёл специнструктаж. Вот бумаги.

- Тогда пиши.

Лейтенант несколько часов конспектировал все "потoki моего сознания". Собрав остатки воли в кулак, вспоминал, говорил. Чувствовал, что бесполезно это, но говорил. Делай, что должен... Делаю.

Пересказал свои соображения по поводу моего "детища" - Единорога и комплекса остальных машин. Сильные, слабые стороны, как надо применять, как не надо. Ессено, вид с моей колокольни. Тут же изложил опыт предков по организации самоходных полков из СУ-76, потом наши с начштаба соображения по иной организации подразделений. Используя наш собственный опыт, опыт немцев с их кампфгруппами, опыт обороны Сталинграда, штурмовых групп образца времён взятия Кёнигсберга и Берлина. Особо отметил, что эффективность подобных подразделений напрямую будет зависеть от опыта и личных качеств бойцов и командиров. Поэтому комплектовать их надо из ветеранов, битых, стрелянных, обтертых и обкатанных танками и бомбёжками. Способных на стойкость и инициативность действий в отрыве от своих товарищей. К действиям вне линии фронта, без флангов и тыла, в окружении, в отрыве от командования. К манёврному бою. И назвать их надо как-то иначе, чтобы отличить от линейных частей новобранцев. Так как гвардия уже есть, то предложил их назвать как-нибудь из той же екатерининской эпохи, откуда откопали и гвардию: гренадёры, драгуны, кирасиры, егеря. Не суть как, главное, иначе, чем простые стрелки.

Говорил, говорил, а в голове одна мысль: "Ты кто такой? Что ты тут развыпендривался? Всё это бесполезняк!" Как я там, давно, в прошлой жизни, год назад, я планировал? Авторитет, команда, фокус? Фокус - не удался. Команда? Вроде есть. Вот они, рядом. Но, из первоначальных - лишь Кадет. И то, благодаря НКВД. Кто ещё, кроме этой всеильной и вездесущей организации, мог распределить Кадета и Мельника после ускоренных курсов комсостава именно ко мне? Тут армия - посылают туда, куда надо, а не туда, куда хочешь. Громозека и пропавший Кот - осназ, опять чекисты, Прохор и Брасень со мной опять же волей Кельша, генерала

ГБ, хотя генералами они пока не числятся. Комиссарами от ГБ имеется.

Получается, что чекисты для выполнения моего плана сделали больше, чем я сам.

Авторитет. Тут неоднозначно. Вроде бы все и круто. Я - старший комсостав, конструктор, с самим Сталиным знаком, с Берией перебрёхиваюсь, к моему мнению и моим записям вроде бы прислушиваются, но...

Где зримые изменения? Ничего же я не смог изменить. Ничего похожего на те книги про попаданцев, что попадали в мои руки. Всё вроде по канону - командирская башня, промежуточный патрон, инфа про генералов и Хруща. Только ничего не произошло. Как бы хуже не было. Эхе-хе! Наверно - я не правильный попаданец. Хруща не грохнули - продолжает служить. Наоборот, я явился яблоком раздора меж блоков элит советского эстеблешмента. Результат раскола - нападение на базу особой аналитической группы НКВД, в результате пропали Кельш, Кот и один из пришельцев. Потом - попытка захвата меня, после осознания, что я могу тупо погибнуть в бою, обороняя Воронеж. Они что подумали - что Сталин "попользовал" меня и "выкинул", а они решили "подобрать"? А я, в благодарность за избавление от фронта, стану служить? Они же не знали, что фронт для меня - как терновый куст для Братца Кролика.

А что такое раскол элиты во время тотальной войны? Это - полный песец!

И на кой хрен я раскрылся? Воевал бы простым пехотным Ваней, гнул бы историю своими руками, пока не убили. Нет, попрогрессорствовать захотелось, сука! А просрём войну? Не немцам, так всем остальным? Сталин этот разброд и раскол выжжет с корнем, с него станется. А, побежит кто из этих отщепенцев к Наглам плакаться? И трепанёт им, что Сталин владеет послезнаниями? Наглы и так едва не напали на нас в 40-м, чуть не откусили Кавказ, в Персии экспедиционный корпус держали на предбоевом взводе. Порешат, что Советская, Сталинская Россия - большая угроза, чем выращенный ими же нацизм - обрушаться всем миром.

От немцев отбились полным истощением сил, а от всех разом? Не отбиться. А там - что немец, что нагл, что пиндос - все они нацисты. Всегда проводят геноцид. Им - что инков, что ирокезов, что негров, что славян изводить - без разницы. Конец русскому народу, людям Рода!

И всё из-за меня!

Из глаз моих побежали слёзы. Это не осталось незамеченным. Всполошились. Но, и докторша, и Прохор развели руками. А я проваливался во Тьму. Лучше бы меня тогда бомбой убило. Или вагоном?

Или немец тот дострелил бы меня. Сгореть должен был в танке! А на мосту то я вообще не должен был выжить! Меня должно было порвать взрывом, прибить элементами конструкций моста, разбить о воду! Должно было! Почему я не умираю-то, твою дивизию?! Иммортал, тварь! Кащей Бессмертный!

Укола я не почувствовал, но введенный препарат погрузил меня в сон.

Когда я проснулся, осознал себя опять в прошлом, в парализованном теле Кузьмина, даже глаза открывать не стал. Жить мне не хотелось, а сдохнуть - не получалось. Полнейшая апатия овладела мной. Часть моего сознания пыталась призвать к Долгу, "если не мы, то кто?", "делай, что должен!", но призывы эти не могли меня вытащить из Тьмы. "На хрена козе баян?" Без моих трепыханий предки лучше справились. Лучше бы меня не было. И Тебя не было, с Твоим Испытанием!

Откуда-то издалека, как сквозь ватный матрац, доносились голоса моих спутников. Мое сознание, та его часть, что взывала к Долгу, зацепилось за эти голоса, сосредоточилось на них. Я стал разбирать слова.

Вслух зачитывали газету. А чем ещё может быть такая форма изложения текста? Читали про героев-лётчиков, что спасли нас тогда, под Воронежем. А потом стали читать про полк чудо-богатырей под командованием героического майора Медведя. Я долго-долго слушал, думая, что афтар - молодец. Язык - корявый, пропагандистский, суконный, но дело он делает правильное. Примеры героизма одних служат примером для подражания другими. Так и надо. А нет героев - их надо выдумать. Как сделал Жуков, приукрасив историю с разездом Дубосеково, создав мем "28 панфиловцев".

И только потом до меня дошло, что майор Медведь - это я, а чудо-богатыри - мои бойцы. Прямо аж гордо стало за своих людей.

Я вспомнил того репортёра, которого взял в оборот ещё после первого же боя на земле Воронцов. Оказался он корреспондентом "Красной Звезды", а подборку его очерков сейчас и зачитывал дикторским голосом лейтенант ГБ.

Вот она - Слава! Я попал на первые страницы таблоидов. Я - Звезда! Как Зверев. "Звезда в шоке". Звезда в "Красной Звезде". В красной ....зде! Гля!

Я хотел выругаться вслух, но губы мои опять склеились, как у Нео в Матрице, смог только промычать. Что-то холодное и мокрое прошлось по губам, раскрывая мне рот, наконец. Тут же мою голову приподняли, к губам приставили горлышко фляги. Я напился.

- И чего так раструбили? - заявил я, - Воевали мы - так себе. Полк -

разбит, немец - не остановлен.

Лейтенант ГБ кашлянул от неожиданности:

- Вы, Виктор Иванович, максималист, оказывается. Но, командование довольно высоко оценило ваши действия.

- Вот это-то и херово! Это значит, что моё командирование - посредственное довольно, если честно, на уровне ротного. А у остальных командиров - вообще нулевое! Вот что хреново! И как мы будем немца одолевать?

- Поправляться вам надо быстрее, товарищ майор, и немца одолевать.

- Нет у меня больше сил! - в сердцах закричал я, чувствуя, как опять по вискам пролегли мокрые дорожки. Баба, разревелся!

- Что бы я не делал - только хуже получается. Тут, как бы наши отступники к Наглам не побежали. Порешит Черчилль, что Сталин хуже, чем Гитлер, что будем делать?

Все притихли. Лейтенант ГБ опять прочистил горло, попросил освободить вагон, благо мы стояли на запасном пути, а потом доложил:

- Мне велено довести до вашего сведения, что ваш недавний командир успешно провёл свою часть операции внедрения. Раскола больше нет. Партия вновь едина. Правда, пришлось ликвидировать часть агентурной сети наших союзников. И довольно много наших предателей. Союзники будут очень недовольны. Но, ваши опасения, надеюсь, будут необоснованны.

Больше он ничего сказать не мог. Потому что ничего больше не знал.

Аж от сердца отлегло. Ну, Кельш, ну, молодец! Такой нарыв был купирован! Интересно, чего ему это стоило? Зная наших волчар, уверен - дорого.

Дорожные байки

А жизнь-то налаживается! Часть моего сознания, та, что "долговая", возобладала, в эйфории, моим мозгом, затоптав депрессивную часть, и я смог вздохнуть свободнее. Смог, наконец, решить, что "всё в руках Его".

Надиктовал лейтенанту ГБ свои соображения про установку 160-мм миномёта на шасси Единорога.

- Не знал, что есть такие, - пожал плечами лейтенант, но прилежно всё законспектировал.

- Сейчас должны проходить испытания, или уже прошли, не суть. Так о чем я? А, вот! Два образца. Один не примут - тяжелый лафет. А второй будет очень удачен. А если ставить на Единорог, без лафета, то оба - годятся. И очень мощная штукавина получится. Лёгкая самоходка, недорогая, с мощностью и дальностью тяжёлой шестидюймовки. Батарей

таких миномётов существенно, а главное, качественно, усилит тот же полк самоходов. Или танковую бригаду. Это из того, что есть. А ведь можно сделать и 240-мм миномет. Вес миномёта просто несравним с весом гаубицы, а фугасное воздействие - сопоставимо с орудием такого же калибра. Ну, плюс-минус. Такая машина и с долговременной обороной справиться. И бронетехника будет ей по зубам. А стоимость - несравнима. Ты уже написал про наш опыт с 120-мм минометом?

- Да. Ещё прошлый раз.

- А, и ещё. Такой крупный калибр позволит эффективно использовать не только осколочно-фуганные гранаты, но и качественный дым поставить. А если зажигательные заряды какие примастырить? Или вакуумные.

- Вакуумные? Это как?

Я вздохнул глубоко. Блин, как же я забыл? Какой я, на хрен, прогрессор?!

- Вообще-то, называть их вакуумными - неграмотно. Но, дежа будет - умора. Этот тип боеприпаса называется термобарический и использует принцип объёмного взрыва. Не слышал про взрыв рудного газа? Или, как мучная пыль взрывается? Любая горючая взвесь в виде аэрозоля?

- Слышал.

- Вот и пиши. Но, сначала, особо пометь, что технология очень проста для копирования и применять её надо массово с надлежащим информационным прикрытием. Поехали!...

Я "растекался мыслью по древу", лейтенант конспектировал.

А связка наших вагонов тем временем неспешно продвигалась в тыл. Больше, конечно, стояли, чем ехали. Нас цепляли то к одному составу, то к другому. По ночам всё время стояли, пропуская составы к фронту. Т.е. ночью железная дорога гнала составы на запад, днём - на восток.

Понятно, что народ основательно выспался сначала, а потом-то стал страдать от скуки. И если сначала ГБ выгонял всех на платформу во время "интервью", то потом пошёл на должностное преступление и махнул рукой, напрасно на "слово" поверив, что "ни в жисть!". Потому мои спутники, развесив уши, жадно слушали мои "потoki сознания". Но, напрасно мы волновались. Это только поначалу они слушали, а потом им надоело и они стали нам мешать - бубнили, травя байки друг другу, играя в карты, ржали, как лошади.

- Виктор Иванович, расскажи про Голума, - попросил Миша Кадет.

Я насторожился:

- Ты охренел? Это сверхсекретная информация!

Брасень заржал:

- Да я уже столько секретов узнал, что сам себе язык хочу отхерачить, во избежание, так сказать!

Поржали, лошади.

- Да я про Голума и Кольцо. Там ещё Всевидящий Глаз.

- Око. Всевидящее Око Саурана. А что? Лейтенант, ты не против?

- Нет. Тем более, что мы по второму кругу обмусоливаем одно и то же.

И я им стал рассказывать сказки. Про Братство Кольца, эльфов и орков, благо, не только смотрел фильмы, но и книги про Властелина Колец читал. Потом была очередь вселенной Звездных Войн.

К моему удивлению, лейтенант конспектировал сказки на бланках. На таких же, на которых писал мои "показания". Чудно. Что, Берия тоже сказки любит?

Какими бы объемными не казались эпосы этих величайших мифов, но и они закончились. Тогда я стал им бессистемно пересказывать запомнившиеся сюжеты из других книг или фильмов. Тут только была одна заминка. Намного больше и дольше приходилось им объяснять непонятные им явления, для меня априори - само собой разумеющиеся, а им не понятные. То же с вещами и предметами, ещё не существующими, не осмысленными. То же и с сюжетными линиями. Действия героев моим друзьям не всегда были ясны и понятны. Они просили объяснить. И оказалось, что это не всегда просто. Иногда, и я признавал, что авторы "накосячили". Не мог чего-то объяснить. Так это превратилось в этакую интеллектуальную игру - я рассказываю, потом дружно ищем "косяки" и пытаемся все вместе их "расшить".

Ну, как скажите, объяснить бывалым фронтовикам возможность существования подполья во вселенной Терминатора? Того подполья, что в будущем. Бойцы ВОВ быстро поняли и прониклись возможностями роботов будущего, с моих слов, ессено, но тут выплыл "косяк" - подполье если и могло существовать в том будущем, то явно не в том виде, как оно показано в Терминаторе.

Честно говоря, Властелин Колец их не шибко заинтересовал, а вот высокотехнологичная фантастика - очень и очень. Я сначала подзавис, а потом вспомнил, что там, на острове в болоте ничего, кроме саги о Кольце и не рассказывал. Так что, Братство Кольца стремительно отступило в тень на фоне разбора технических характеристик ещё не существующих гаджетов.

Кто бы мог подумать, что гэбисты, врач, боец, экстрасенс и вор будут так увлечены разбором устройства ионного двигателя, лазерного и

плазматического оружия. Причём, лейтенант ГБ, забыв о своей сверхважности, как мальчишка спорил, убеждая, что световой меч джедая - невозможен. Что нельзя ни ограничить, ни зациклить световой поток. "Фотон существует, пока движется". Когда я впервые услышал от него подобное, подзавис - ни фиги себе, какие познания! Так, что моё "родное и горячолюбимое" НКВД подсунуло мне очередного уникама. Вот тебе и "кровавая гебня". Питтьсотмультёнов невинноубиенны!

Жажда технического прогресса была очень сильна в этом поколении людей. Это в наше время жажда эта отмерла. И научно-технический прогресс умер. Устали от прогресса или что-то ещё? А может НТП убили? За время моей жизни не появилось ни одного изобретения, переворачивающего мир. Только доводили до предела уже изобретённое дедами и отцами. А может просто прогресс достиг критической массы? И количество должно было перейти в качество? А какое качество должно было родиться? Знать бы! А если пойти от обратного? За какое качество было убито познавательное, оставив лишь видимость науки?

Чего могли бояться "властелины планеты"? Утери власти! Чего им ещё бояться? Остальное они купят. А как НТП мог отобрать у них власть? НТП не мог. А вот люди могли перестать быть стадом зомбированных баранов. Могли? И становились людьми. Массово. И эти массы в данный момент как раз режутся руками немцев. И поэтому пошла волна наркоты, охватывающая как раз университетские камбузы в первую очередь. Ведь в наркоте самое страшное не смерть от передоза, не зависимость, а изменения в сознании - утеря реальности. Потеря критического взгляда, логического мышления, взвешенности.

Нарики = зомби. Только зомби можно убедить, что гомосексуализм - это достижение человечества, а освоение космоса - пустая трата денег. Только зомби могут поверить, что женщина и мужчина - равны. Только почему-то в спорте они разделены. Только зомби могут поверить, что чернокожая обезьяна-педик может быть главой крупнейшей страны мира. И что посадив за штурвал самолёта обезьяну они долетят куда-то, кроме ближайшей скалы.

Где победила сексуальная революция? Там, где легализовали наркоту. И что стало с этими народами? Они вымирают. Их ждёт судьба филистимлян, финикийцев, латинов, эллинов. Только историки знают, что они были. С их уникальной культурой, языком, мироустройством. А потом - появляются проповедники "свободы", "равенства", "свободной любви". И всё - мир свободен от этих народов. Их земли заселили другие народы. Более приверженные традиционным ценностям. До аскетизма

приверженные.

Разве современные греки похожи на кудрявистых блондинов - Геркулеса, Ахилесса, Александра Македонского? Хоть на кого-нибудь из Гомеровского эпоса? Ни внешне, ни морально. Разве современные итальянцы похожи на блондина Цезаря, Помпея? Хоть на кого-то с их же итальянских барельефов? Кто из арабов, населяющих Египет похож на Рамзеса? А у нас очень многие похожи и на Святослава, и на Илью Муромца, и на Чингизхана. Тоже, кстати, русоволосый и голубоглазый. Ариец. Как Штирлиц. Много современных француженок похожи на деву Жанну?

Вот тебе и "свобода". Свобода от идентичности, от наследственности, свобода от права голоса и права выбора. Свобода от Родины и потомства. Свобода от любви. Вместо любви - половое сношение. И свобода от выбора - с кем сношаться. Свобода от прошлого. И, значит, от будущего. Свобода от чувств, лишь эмоции. Свобода от Совести и Бога. Свобода от осознания пути обретения совершенства. И от самого Пути. Свобода от Жизни.

Нет осознания своего божественного происхождения - нет жажды совершенствования. Нет интереса к науке. Нет НТП. В наличии лишь потребительство и комформизм. Так и свиньям он свойственен, комформизм. А вот жажду познания испытывает лишь Человек. Человек, утративший жажду самосовершенствования - не Человек. И он не опасен. Он управляет. Познавая мир вокруг себя, познаешь Бога. Познание порождает НТП. НТП ускоряет зарождение Мыслителей. Мыслители не управляемы ложью. Критическая масса мыслителей может оставить Сауранов без власти. Потому - нет науке, нет мышлению, а наркотикам, извращению, лжи, порокам, пропаганде - да, да, да!

И нет на этих Сауранов, теневых властителей управы. Нету. И сие меня изрядно вгоняло в тоску. Хоть вой. Хоть плач. А лучше - петь. Потому - пел. Чаще пели хором, т.к. мои друзья уже хорошо знали мой репертуар. А иногда - новое, что всплыло из памяти ввиду последних обстоятельств и навеяло душевными терзаниями:

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

"Жизнь - игра, у тебя нет масти,

Смерть к тебе не питает страсти!

Жизнь тебя проиграла стуже и смерти ты не нужен!"

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

"Будешь жить не кидая тени,

Обладая горячим телом

Обжигая холодным взглядом - станешь ядом!"

Я так не могу жить, тени дарить.

Понять не успеваю.

Я - жизнь, я - смерть.

Там так все уже знают.

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

"Так и будешь идти по краю

Между адом земным и раем,

Между теми, кто жил, кто снится, путать лица..."

Однажды я спросил гэбиста

- Тебе не влетит, что ты сказки пишешь на гербовой бумаге?

- Да вы что? В этих "сказках" миллионы человеко-часов размышлений и готовые теоретические выкладки. Развитие радиотехники, электроники, машиностроения, социальные эксперименты... Миллионы человеко-часов!

В этот момент я подвис опять.

- Слушай, а кто у тебя папа?

- Профессор, - усмехнулся лейтенант, - и мама - профессор. Отец - физик, мама - филолог.

- А ты - гэбэ?

- Ну, да, - удивился лейтенант, - а что такого? А, понял, меня инструктировали об отношении потомков к нам. Так, для меня и моей семьи - честь, что меня пригласили в госбезопасность. Отец - коммунист с девятьсот первого года.

- Не "зачистили"?

Парень попритух:

- Был донос. Отца арестовывали. Тяжело было. Но, отец велел нам не верить. И разобрались ведь. Оправдали. Правда, на старое место службы он не вернулся. Тут как раз и его отпустили, и война началась. Он ночь дома переночевал, а утром убыл к новому месту службы. Засекреченное. Ни приветов, ни ответов. Так что, может быть, мои записи прямо в его руки и попадут. Это его бы заинтересовало.

Он помолчал, потом усмехнулся:

- Вы, Виктор Иванович, не обижайтесь, но мама бы заставила вас покраснеть с этими вашими "переводами с русского на русский".

- Верю, лейтенант, верю. Я же не утверждаю, что это - истина в последней инстанции. Но, видел бы ты, глаза бойцов, когда им рассказываю подобные "байки". Знаешь, осознание, что ты часть очень-очень древнего народа, ведущего своё начало от самого Рода, что ты не должен посрамить своих предков, что ты не можешь отступить, когда

тысячи поколений не отступали - это основательно поворачивает мозги. А уж осознание, что ты не обезьяна, а потомок Бога - так основательно подстёгивает мораль! Ведь, то, что можно скотине, потомку Рода - не пристало. Что можно быку, того нельзя Юпитеру.

- Да, верно, - задумчиво ответил лейтенант, - с подобной точки зрения я никогда не смотрел на это.

- А должен был. У тебя не только академическое образование, но и капитанское звание. А это значит, что ты в любой момент можешь получить роту или батальон и должен их поднять на пулемёты. Должен! А как - думал?

Лейтенант промолчал.

- Кому многое дано - с того многое спросится, лейтенант. Тебе дано многое. Будь готов к отдаче.

А немного погодя, я добавил:

- Я не знаю, как там было в прошлом. Да мне и насрать. Но, образ прошлого - сильнейший рычаг влияния на настоящее. И ещё сильнее этот рычаг влияет на будущее. Помнишь - народ не помнящий своего прошлого не имеет будущего. И иногда, если нет прошлого - его выдумывают. Так сделали наглы, немцы, итальянцы, так сделают пендосы и китаёзы. Последние вообще убедят весь мир, что они - древнейшие. Всё-всё придумали они. И бумагу, и порох, и архитектуру, и военное искусство, всё-всё. И как спросят со всего мира авторские!

И сам же заржал.

- А нам и придумывать ничего не надо. Только акценты и ударения расставить - и вуля - готово!

- Вы очень интересный человек, Виктор Иванович, - сказал лейтенант.

- А вот и нет, - мне сразу стало грустно, из возвышенности эйфории я резко ухнул в пучину отчаяния, - я тебе расскажу, какой я человек. Пиши. На гербовой пиши, пусть Палыч почитает. Может, хоть он разберётся, что за ХЕРНЯ СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ!

Окончание фразы я проорал во всю громкость, на которую было способно моё истерзанное бессмертием тело.

- Пиши: "Вот, блин, жара!..."

Домик в деревне.

Какой бы дальней не была дорога, но любая, рано или поздно, она заканчивается. Так и наше путешествие по железной дороге закончилось.

Меня вынесли из вагона-теплушки и повесили в чреве БТРа рядом с Громозекой. Он тоже был парализован, но ниже пояса, этим активно

пользовался, озираясь вокруг и комментируя всё происходящее по моей просьбе, утоляя мой сенсорный голод.

За управление БТРом сел водитель, знакомый с подобной техникой, двое суток уже ждавший нас на этом разъезде. Ждал он не один, а в компании группы бойцов осназа, которые глотали пыль в тентованном ЗиСе позади нас.

Больше комментировать было нечего. Эх, дороги, пыль да туман! Правда, тумана не было. Небо было бездонно-голубым. Было жарко. И трясло немилосердно. Хорошо, что боли не было. Но, тошнило очень сильно. Терпеть можно, но зачем? Попросил - волшебный укольчик - и нет скучной, пыльной, жаркой дороги, душного чрева БТРа, а есть здоровый медикаментозный сон.

Проснулся я сразу и вдруг. Всё то же - духота, жара, раскалённая броня, но нет рёва мотора, лязга гусениц и тряски. Зато, много гомона.

- Отставить бардак! - скомандовал я. - Доложить!

- Товарищ майор, двигатель заглох, машина сопровождения пропала. И из нашей машины пропали два человека, - доложил лейтенант ГБ, как самый старший после меня (дохтор не считается).

- Это как - пропали? Вы что, спали что ли все?

- Нет, я не спал. Пропали сразу и вдруг. Водила был вот он - и вдруг - нет его. Полностью.

- Полностью? Сразу и вдруг? А второй кто?

- Брасеня нет, - ответил Кадет, - флягу он держал, колпачок закручивал. Я попил, ему отдал - раз - и нет его, как и не было.

Чертовщина какая-то. Как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Так, подожди, со мной же есть ещё один, кроме меня, персонаж из разряда "не может этого быть, потому что не может быть никогда". Я - путешественник по времени, Прохор - экстрасенс-целитель, едим мы к нему на родину, к матери - сильнейшему магу, если верить словам Прохора.

- Прохор?

- Тут я, командир.

- Чё происходит? Это же твоя земля?

- Чур мы проехали. Тут бывает так. Обратно поедem, подберём.

- Чё? - искренне не понял я.

Но, Прохор не ответил, а воскликнул:

- А вот и матушка! Встречать вышла.

- Ну, так поехали, чего ждать!

С этим вышла заминка. Все, кто мог управлять этим пипелацем, были недееспособны. А дееспособные - не смогли. Лейтенант тыркался,

мыкался, наконец, завел заокеанский бронесарай, который потом дёргался, глох.

Только через час мы неспешно покатали на одной передаче. Лейтенант ругался витеевато, но не матерно - "твою пробирку в автоклав на третий режим выжимки!" - и не желал даже пытаться переключить на повышение. Я не выдержал и добавил каноническое:

- Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Но, это мне - смешно. А остальным - просто фраза, не несущая привычного мне шлейфа смысловой нагрузки.

Матушка Прохора, Дарья Алексеевна, оказалась очень отчаянной и ловкой амазонкой - не побоялась и смогла на ходу забраться в наш пипелац, сразу молча стала всех осматривать и ощупывать. А я осматривал её, жалея, что не могу ощупать. А что? Откуда мне было знать, что мама у Прохора такая сказочная красавица? Как в русских сказках принято - правильные черты загорелого лица, пронзительно-чистые глаза-изумруды, толстенный канат русой косы свесился через плечо, выцветшая на солнце прядь на лбу, выпавшая из-под платка. Чёрные, не выгоревшие, брови и ресницы, длинные, как опахала. Круть невероятнейшая! И, о да, два высоких кургана, поднимающие сарафан на груди! Блин! Да что со мной?

- Что с тобой? - спросила она меня, накрывая мне лоб ладонью. Совсем не сказочной, крестьянской, сухой и крепкой.

- Давненько я не ощущал подобной красоты!

Она улыбнулась мне. И как она может быть матерью такого лося, как Прохор? Она же совсем молода!

- Всё, воин, отдыхай! Всё худшее уже позади. - сказала она мне.

Я хотел ей возразить, хотел ещё попялиться, совсем по-ребячьи, на неё, но глаза мои сами закрылись, а сознание стало тонуть в облаке сна.

- Проснись, воин, проснись!

Опять этот мелодичный, ласковый голос. Нет! Какой - проснись? Я во сне такую красавицу видел! Как из сказки. Дарья-Искусница. А почему - Искусница? В каком смысле? Она мастерица в ремесле или вызывать искушение?

Снова этот мелодичный смех. Вот бы его на рингтон телефона поставить или на будильник.

- И в том, и в том мастерица, - меж тем ответил ласковый голос.

Я открыл глаза. А сон - не кончился. Обернулся кошмаром - хуже не придумаешь. И красота неопишуемая передо мной вырезом сарафана наклонилась, а я от шеи парализован - ПРИКИНЬ?! Как там говорил Кузя: "Потеря потерь?" Вот уж точно! Видит око, да зуб не ймёт.

- Раз душа трепещет - значит жива. А душа жива - тело оживёт! - заявила мне Дарья, и поцеловала меня в лоб. В лоб! Как ребёнка!

Она опять рассмеялась.

- Просыпайся. Сил наберись. Буду тебя править. Это больно. И весьма. Но, ты мне нужен в ясной памяти.

Я вздохнул:

- И снова в бой? Покой нам только снится. Вся моя жизнь - боль. Потерплю. Твоя красота даёт мне силу. Что ж Прохор молчал, что у него мамой такая прелестница?

- Ты не спрашивал, - пробасил голос Прохора сбоку, а потом обратился к матери: - Готово.

- Бери его, сынок, неси в жар.

Прохор поднял меня на руки, как ребёнка, будто и не было во мне 180 см, с лишком, роста и веса, близкого к центнеру. Так же легко понёс. А я напрасно старался глазами поймать силуэт его матери.

Прохор вынес меня на улицу, точнее во двор, заполненный полузабытыми звуками и запахами деревни. Я глубоко втянул носом воздух.

- Хорошо-то как! Как в детстве.

- Так ты тоже деревенский, командир? - удивился Прохор.

- Деревенский, Прохор, деревенский. Давно это было. Несколько жизней назад.

Он меня занёс в помещение предбанника, положил на лавку, стал раздевать.

- Понятно. Чистота - залог здоровья. - Ляпнул я. - В здоровом теле - здоровый дух.

- Да, дух. Душа у тебя болит, командир. А душу я не умею лечить.

- Никто не умеет, - ответил я ему, - Спасение утопающих - дело рук самих утопающих.

Прохор внёс меня в парилку, положил на полку, облил водой, стал мыть. Жара парилки я почти не чувствовал - он часто поливал мне голову холодной водой, а остальное тело было онемевшим.

- Всё, Виктор Иванович, я своё закончил, сейчас силы тебе поддам, остальное - не мой удел.

Он завис надо мной, я видел, что он положил руки мне на грудь, зажмурился, но я не ощутил изменений. Прохор тяжело выдохнул, как человек, закончивший тяжёлую работу, и вышел.

Я лежал и ждал. Скрипнула дверь.

- Как ты? - спросила меня Дарья Алексеевна.

- Как в сказке - чем дальше, тем страшнее.
  - Ничего не бойся - сказала она, и её рука накрыла мне лоб и глаза.
  - Давно уже ничего не боюсь, - ответил я.
  - Как интересно!
  - Да, как-то перегорело.
  - Ты же не отсюда? Ты же пришлый?
- Я аж задохнулся.
- В смысле?
  - Ты из другого мира. Надо батюшке сказать.
  - У тебя отец жив? Прохора дед?

Но, Дарья Алексеевна не ответила. Вместо этого она сунула мне в рот какую-то деревяшку и начала меня "ломать". Это я ещё мало что чувствовал - парализовано же тело. И то, от боли тошнило. Боль была такая, будто она руками прорывала мою плоть, копалась руками прямо в теле, ломала кости, переставляла их.

Не долго я вытерпел. Орать начал как резанный. Я и так мало что видел сожженными глазами, а тут их окончательно залили слёзы и багровый туман боли.

- Потерпи, родненький, потерпи! - шептала Дарья Алексеевна.

А куда мне деваться? Судьба, видно, такая. Судьба терпицы. А потом ещё и стыдно стало - от боли остыдобился. Не почувствовал это, по запаху догадался. Блин, с младенчества не было такого. Сквозь землю провалиться!

Сколько продолжалась моя пытка - я не знаю. Учитывая изменчивость восприятия времени в таком состоянии, в каком пребывал я. И минута такой пытки казалась вечностью.

Но, ведь не только хорошее заканчивается, а и плохое. Моя мучительница захрипела, как загнанная лошадь, рухнула на меня. Тут же скрипнула дверь, свет от окошка перекрыла большая тень, руки Прохора подхватили обессилившую "мучительницу", унесли. Через минуту он вернулся, спросил:

- Живой?

- Не дождёшься! - зло прохрипел я. Да, я был зол. На него, на его мать. За эту боль, за свой стыд, за судьбу терпицы. Я был несправедлив, это ясно. Но, не в тот момент.

К чести юноши, он не обратил внимания на тот поток грязной ругани, что обрушился на него из моих уст. Он, молча, как бесчувственный робот, обмыл меня, завернул в штопанную и застиранную, но чистую простынь, понёс на воздух, обняв меня, как ребёнка. И как ребёнок, я разревелся на

его груди.

Стыдоба! И это называется "боевой командир". И не просто взводный какой, а комполка! Позор на мою седую голову! И как мне смотреть теперь в глаза моим подчинённым?

Понимаете что произошло? Часть меня ревела на груди у подростка-великана, а часть - холодно, совершенно без эмоций, смотрела на это со стороны, упрекая. Это называется - расслоение личности, шизофрения. Мой двойник, Голум - болел именно этим. А теперь - и я тоже. Скоро начнут мне видаться орки, эльфы, ангелы и демоны, эгрегоры и Ктулху.

Проход не донёс меня до дома (хотя там всего три метра), а я уже спал. Холодная, расчётливо-калькуляторная часть меня, с лёгким удивлением констатировала это, потом с не меньшим удивлением констатировала собственное "выключение". Последней мыслью было - "а они связаны остались".

Разговоры по душам.

Какая душа, такие и разговоры.

Разбудили меня петухи. Я был им рад. С детства не просыпался "по петухам". Ностальгия - приятное чувство. Ещё меня радовало отсутствие "калькулятора" в моей башке. Но, печаливало отсутствие зрительного способа получения информации по причине повязки на глазах.

- Так надо, - услышал я голос докторши, - Дарья Алексеевна не велела повязку снимать.

Ну, "не велела", так "не велела".

- Как вы себя чувствуете? - спросила меня докторша.

- Никак, - прохрипел я. Вчера, в крике, я сорвал голос. - Ничего не чувствую. Совсем. Как нет меня. А, вот, это чувствую. У тебя очень нежные руки.

Её рука погладила меня по щеке, вытерев дорожку слезы. Опять я в слезах!

Так, майор Кузмин! Отставить сопли!

Потом она кормила меня, пыталась меня расшевелить беседой, но я был "не в духе". Хотя, её болтовня была мне нужна. Как бальзам на душу. Её разговор напоминал мне, что я ещё жив. Она мне рассказывала свою жизнь. Буквально, изливала душу. Зачем? Не понятно. Понятно, что хочется выговориться, но мы же не случайные попутчики, которым и принято "изливаться". Ладно, хочешь "поплакаться в жилетку", буду я твоей жилеткой.

Так я узнал о её детстве и отрочестве. Об учёбе, историю их отношений с её мужем. Выслушал из первоисточника о событиях 22 июня

на погранзаставе. Когда она рассказывала, как руками раскапывала воронку, когда искала останки своих детей, я плакал вместе с ней. Она схоронила останки детей и мужа в одной воронке. Хотела застрелиться, но пистолет мужа был разбит, а свой она потеряла при налёте. А потом жажда мести застила её.

Выслушал об их бесславном отступлении с остатками заставы. Почему бесславном? Потому, что выжившие пограничники были настолько деморализованы, что шарахались от любой тени, не то что оказывать организованное сопротивление. Что просто выбешивало Шахеризаду. А я их понимал. На тот момент это было обычным явлением. В плен не сдались - и то молодцы.

Потом она рассказывала, как наталкивались на других окруженцев. На всяких разных. О некоторых и вспоминать не хочется. И это понятно. Сам о скольких таких стараюсь забыть? О скольких не буду даже в мемуарах вспоминать, чтоб бумагу не портить.

И вот однажды их "мобилизовал" комиссар одного из разбитых полков. Он организовал партизанский отряд (к радости моей собеседницы). В меру сил своих и разумения командовал. Получилось не очень. Всё же опыта партизанской войны у них не было. На своих ошибках и учились. А ошибки оборачивались кровью. И потерями. Но, им удалось установить канал устойчивой связи с "Большой Землёй". И немного погодя после этого их отряд немцы и накрыли. Прямо при приёме самолёта. Моя собеседница была ранена в этом бою осколком мины в живот и её тут же запихнули в улетающий самолёт.

Так она оказалась в госпитале на грани жизни и смерти, длительное лечение и приговор - никогда и никаких детей.

Потом долгие и отчаянные попытки восстановиться в армии. Триумф - её вернули в строй! И новое назначение - ко мне. Специнструктаж и строго-строго приказ - мою жизнь беречь, как зеницу ока. Причём приказ от таких командиров, которым не отказывают. Помнится, она что-то прошлый раз про Меркулова говорила. Хотя, в армии ни от каких приказов не откажешься.

Вот такая её исповедь.

- Ты выполнила приказ - я жив. Пока жив.

- Не в приказе дело, - вздохнула она. - А почему ты тогда так странно реагировал на меня?

- Как - странно?

- Как будто давно меня знаешь, но никак не ожидал меня там увидеть.

- Так и есть, - ответил я. Она ждала продолжения, но что я ей скажу?

Что она - точная копия моей жены? Так, по личному делу я - холост. Легенда, ёпти! Сказать правду - глупо, врать не хотелось:

- Ты была моей возлюбленной, моей женой в прошлой жизни.

- Ты помнишь свою прошлую жизнь?

- Хотел бы забыть.

- А, я поняла - опять врешь.

Ну вот - сказал правду - не поверила. Лучше бы соврал. А, пошло оно всё!

- Думай, что хочешь. Я тебе сказал, а там уж - как тебе захочется.

- А я, дура, ему тут душу изливаю!

- Я тебя не просил? - ответил я. Жестоко? Жестоко. И ещё добил: - Мне в своих запутках не разобраться, да ещё ты.

- Да пошёл ты!.. - воскликнула она, я услышал лёгкий топот её ног по доскам пола, хлопнула дверь.

- Семейная сора? - спросил через минуту голос Дарьи.

- Чё? Не, мы не семья, - ответил я, не понимая, как она оказалась рядом так бесшумно.

Слегка стукнули друг о друга ставни, ладонь Дарьи легла мне на лоб. Ага, так я у окна лежал!?

- Сам сказал - она жена тебе.

- Так это там. И там - другая. А эта - только внешне похожа.

- Ну, тебе виднее. Но, я видела - судьбы ваши связаны. Это называется браком. Она тебя любит. Или полюбит.

- А я? - усмехнулся я.

- Ты? От тебя и зависит. Не тяни только.

- Почему?

- Тяжкие испытания тебе предстоят.

- Кто б сомневался?! Судьба! Так и буду ходить по краю меж адом земным и раем, - усмехнулся я.

- Все тебя похоронят.

- И это было. Но, я выживаю. Иммортал, гля! Жизнь - игра, у меня нет масти, смерть ко мне не питает страсти. Жизнь меня проиграла стуже и смерти я не нужен.

- А каково ей будет, думал?

- Нет. С чего вдруг? Нет! Не хочу больше! Все кто был близок - мертвы! Я - причина и источник опасности для близких! Тогда, зачем мне близкие? Лучше не сближаться, но и не терять! Обжигая холодным взглядом - стал я ядом.

- Сам себя не обманешь!

- Ты чё пристала, ведьма? А? Ты что, психоаналитик мне? Чё тебе надо? Можешь вылечить - лечи! Нет - отвали! Застрелюсь, на хрен! Как же мне всё это надоело! "Судьба", гля! На хер! Всех! Всё! Всё и всех! Вся жизнь - говно и Солнце - долбаный фонарь! Провались всё пропадом!

Но, провалился я. Дарья легонько хлопнула меня по лбу, как нашкодившего ребёнка, и я провалился в сон.

Народная медицина.

Разбудили меня вечером. Прохор молча взял меня на руки, молча потащил в баню, молча раздевал-мыл-парил. Обиделись? Пох! Мне и самому не хотелось разговаривать. Не о чем.

Потом опять пришла Дарья. Только в этот раз она меня не "ломала". Она пела довольно мелодичные песни на незнакомом языке, похожем разом и на хохляцкий и староцерковный. Может, не песни, а молитвы? Может. Вполне. Она мазала меня чем-то душисто-вонючим, растирала, втирала. Мяла меня. Массаж. И всё это под эти напевы. Пусть. Даже приятно. Не ломает. Особенно приятно, что не ломает.

Единственное - спать не давала. А от кайфа, да под эти напевы дремота наваливалась, хоть и только разбудили. Как только засыпал, она тот час же говорила:

- Не спи.

Да так говорила, что сон пропадал. Не надолго только.

Потом она завернула меня во что-то, предположительно в те же простыни, и Прохор отнёс меня в дом. Где меня опять усыпили.

Разбудили меня петухи. Я был им рад. С детства не просыпался "по петухам". Ностальгия - приятное чувство. Ещё меня радовало отсутствие "калькулятора" в моей башке. Но, печаливало отсутствие зрительного канала по причине повязки на глазах.

В этот раз рядом со мной никого не было. Пусть! Мне и так хорошо. Лежал, слушал деревенскую жизнь. Она всегда полна звуков. Кто говорит, что в деревне тихо - не умеет слушать. Я на звук определил и пересчитал поголовье крупного и мелкого рогатого скота, птицы. Не только в этом подворье, но и соседей - стадо на пастбище как раз гнали. Не большое, кстати стадо. Из чего я сделал вывод, что и деревня не большая. Скорее, хутор. Дворов 5-7. До десятка, в общем.

Ветер, дунув в открытое окно, донёс до меня запах свежескошенного сена, среди других сельских запахов. Мне даже послышался звенящий свист косы, срезающей травостой. И так мне захотелось самому взять в руки косу и пройти с ней по лугу, укладывая траву в валок, что плечи заломило.

Плечи заломило?! Я вздрогнул всем телом. Всем! Телом! Хотя и был я парализован всего ничего, но осознание безнадеги и необратимости поражения спинного мозга так прочно засели в башке, что казалось, что это - навсегда. Я ехал к мифической знахарке Дарье Алексеевне, но так и не верил, что ей удастся поставить меня на ноги.

Ноги! Я их чувствовал. Слабо, так, будто они обе - отсижены, но чувствовал. Пальцы на ногах со скрежетом скребли по простыне (ногти-то подстригать пора!).

Я заорал от восторга! Орал и орал. Не слыша за своим визгом, как с грохотом, ко мне из разных концов подворья ломились все, кто мог ходить.

- Я чувствую ноги! - заорал я, когда они с тревогой поинтересовались причиной тревожной побудки.

- Тоже мне новость! - пробасил Громозека и протопал, протопал?!, к выходу.

- Всё нормально, командир, поправляйся, - сказал голос Кадета и тоже протопал к дверям.

- Спи, воин, ты ещё слаб, душа еле прижилась обратно. Спи! - сказал голос Дарьи и опять хлопнул меня по лбу.

Опять баня, опять полоки, Прохор.

- Прохор, а что это было? - спросил я его.

- Мне это непостижимо, Виктор Иванович. Да, и не каждая Берегиня сможет "Живород" провести правильно. Мама очень сильна. К нам даже с Соляных Копей приходят. Приходили.

Ответил, называется! Берегиня? Соляные Копья? Это кто? Это где? Но, спросить уже ничего не успел - Прохор ушёл.

Пришла Дарья.

- Ты - Берегиня?

- Да.

- А кто это - Берегиня?

- Я.

Ответила, блин!

- Не спрашивай больше того, что тебе нужно, - меж тем ответила она, подливая кипятка на камни. Когда прошипело (тело моё обожгло жаром), она продолжила: - Не спрашивай того, на что знаешь ответ. Или сам узнаешь.

Что, блин, это значит? Если следовать этому совету, то вообще ничего ни никогда не придётся спрашивать. Есть ещё один такой совет - "не верь, не бойся, не проси". Ну, и ладно, не буду спрашивать.

Или тут её обида говорит?

- Даша, прости меня за слова мои.
- Какие? - спросила она, булькая веником в какой-то ёмкости.
- Я тебя ведьмой назвал и ещё много чего плохого наговорил.
- Я и есть ведьма. Ведающая Мать. Ведьма. Ведаю травы, слова, силу. И мать я. Пять раз уже мать.
- Да? А, ну да. Сам же так говорил.
- И сам не верил?
- Не особо и верил.

И тут она опять запела. "Ведает слова"? Да, слова песен-молитв и знакомы и не знакомы разом. Какое-то наречие. Или, если она ведает слова, ведает исконный язык, то наречие как раз таки у меня.

Она меня парила веником, гладила руками, как-то всё это было по-особенному. Как ритуал какой. Да! Молитва, странные обряды. Ведьма. Ритуал. Мистика.

А меж тем, вновь начавшим чувствовать телом, я почувствовал, что она гладит и прикасается не только к груди, животу, рукам и ногам, но и к тому, что отличало меня от доброй половины человечества. Только сейчас, когда естество вдруг зафункционировало по предназначению, я понял, что я был обнажен (ну, мы же в бане?) И что я и в предыдущих процедурах не был одет. Стыд и грех.

- Не надо стесняться. Расслабься, - прошептала Дарья мне прямо в ухо.

Да я и не напрягаюсь. Вернее, это не я напрягаюсь. Это вопрос меня напрягает - это часть ритуала или у тебя давно мужика не было? Тогда, почему я? Приятно, конечно себе льстить, что выбор пал на меня, но самого себя обманывать - глупость. А глупцом быть не хочу. И так дурачком которую жизнь живу.

Меж тем приятное действие продолжалось. Я пошевелил руками. Тяжело, руки слабые, безвольные, но смог дотянуться до головы и стянуть повязку.

Баня, окошко, тёмное уже, пляшущие отблески углей из печи и прелестная обнажённая нимфа в их неверном свете. С веником в руке.

- Как же ты красива, Даша! - восхитился я.
- Зря ты снял повязку. Глаза теперь будут неверными.

Что это значит? Плевать! А вот такую красоту я не могу упустить! За время вынужденной темноты глаза мои так освоились с ней, темнотой, что неверного света через створку печи мне хватало. Я видел всё и в мельчайших деталях. Очень красиво!

Она пристукнула меня по рукам:

- Не мешай!

Не буду. Почти. Всё же, когда она меня оседлала, руки мои сами потянулись вверх, грудь ослепительной красоты уютно легла в ладони. И это мать пяти детей? Фигура у Даши была как у 25-летней не рожавшей молодки. Хотя, нет, кости того, что так логично устроилось на том месте, где мои ноги соединяются в живот, было явно изменено родами, но так - даже слаще. Истинно, ведающая мать!

Когда мы разом застонали от сладкой муки, она рухнула мне на грудь, я гладил её спину, распущенные волосы.

Её пальцы легли мне на рот.

- Молчи!

Ладно, я - молча. Я попытался продолжить действие, но был твёрдо остановлен. Сама, так сама. Я - не против. Феминизм сейчас победил. Или я капитулировал.

Когда она второй раз рухнула мне на грудь, я подтянул её голову к себе и поцеловал. Впервые. Она замотала головой.

- Ты не понял?

- Что я должен был понять?

- Ничего не делай. Сейчас я отдышусь и продолжу. Нельзя оставлять всё не оконченным.

Она отдохнула на моей груди, к моему великому сожалению, спустилась на пол, стала опять меня поглаживать, прикасаться особым образом к определённым местам.

- Всё, - сказала она, без сил опускаясь на лавку у стены. Распущенные волосы накрыли её, как плащом.

Я тоже сполз с полки. Ноги дрожали от слабости, но я стоял!

Не долго, правда. Я опустился перед ней на колени, аккуратно убрал волосы с лица, взял её за подбородок, заглянул в глаза. Потухшие, от полного истощения.

- Это был ритуал?

Она кивнула одними глазами.

- Спасибо тебе.

Она опять кивнула ресницами.

- Можно?

Опять кивнула.

Я поцеловал её.

- Ты прекрасна! Давно не ощущал подобной прелести и красоты. Позволь теперь мне поухаживать за тобой.

Она опустила голову.

- Не надо. То, что было - было нужно. То, что сейчас будет - не нужно. Похоть.

- Не может быть похотью подобная прелесть, - уверенно заявил я, аккуратно собирая её волосы и сплетая их в косу.

Потом я подлил на камни кипятка из деревянной бадьи, где запаривался веник. Камни уже порядком простыли и не дали того жара, что я хотел. Но, повинуясь мне, Даша залезла на полати, я её, не спеша (быстро уставал), парил, гладил. Потом мыл её простым хозяйственным мылом (другого не было), мыл не мочалом, руками. И это было превосходно! Я не ожидал, что Даша, сначала равнодушно-податливая, стала ластиться к моим рукам, как кошка. Мне просто было приятно её мыть. А вернее - щупать. Гладить каждую складочку, каждую выпуклость. Помыть ступни, с подошвой, жёсткой, как подошва солдатского сапога - видно, что часто босая ходит. Я - извращенец? С таким кайфом мыть чужие ноги? А как кайфово было мыть-гладить остальное!

Закончилось всё тем, что мы сцепились снова, сплетаясь в единое целое.

И пусть весь мир подождёт!

Она лежала у меня на груди, поглаживая шрам на сердце, ставший, почему-то, едва заметным.

- Он был контрастнее. Ты постаралась?

- Да.

- Как называется то, что ты сделала?

- "Живород".

- Так и называется?

- Да.

- Мы сможем повторить? Не ритуал, а то, что было после?

- Нет.

- Почему?

- Другая ждёт своей очереди.

- Докторша?

- Да.

- Подождёт.

- Ты жесток.

- Да. Я не был таким. Раньше.

- И станешь ещё жестче. Если выживешь.

- Вот именно. Ты видишь будущее?

- Нет. Мой муж видел. Он мне сказал, что ты придёшь.

- Прямо так и сказал?

- Он сказал, что придёт странник меж мирами. Воин. Такой же, как и он. Так я тебя узнала.

- Не понял.

- Какой ты глупенький, - прыснула она, - все люди дышат разной силой. Твоя сила - как и его.

Она мне рассказывала о том, каким ощущают мир экстрасенсы, как видят мир они. Единственное, что я понял - что ничего не понял. Как объяснить монохромному с рождения псу цвет радуги? Так и я. Не увидев - не поймёшь.

- Ты видишь. Иногда. Боишься только видеть. Не бойся. Ты же воин. Бери всё, что нужно для победы и рази врага.

- Почему он умер, если такой великий воин, а ты такой великий целитель?

- Его время истекло. Он должен был уйти.

- Прости, я не должен был. Я знаю, как терять родных и любимых. И чтобы ты не делал, ничего не изменить.

- Давай не будем, - она встала, потянулась ко мне. Я думал, чтобы обнять, но она отстранилась всем телом, расстегнула цепочку с крестом, унесла в предбанник, вошла с ворохом простыней и полотенец. Положив ворох мне в руки, она опять охватила мою шею. Когда она убрала руки - на моей груди лежал белый маленький крестик на чёрном кожаном ремешке. А узелка я не нашёл. Ремешок образовывал замкнутый круг без разрыва.

- Как его снять?

- Никак. Пока ты жив - он не разорвётся. Ровно за сутки до твоего ухода он сам распадётся. У тебя будет время завершить дела и проститься.

- У него был такой же?

- Это его.

- Я понесу его крест?

- Я же понесла твоё дитя.

- Что?

- Я ведунья, я сразу почувствовала. Жизнь. Живород. Я - тебе вернула жизнь, ты - мне.

Я сгрёб её в объятия:

- Будь моей всегда! Будь моей женой!

Она пылко ответила на объятия и поцелуи. Но, когда мы опять обессилили, опять поглаживая шрам, она ответила:

- Наши пути расходятся и больше не сходятся. Я не смогу быть твоей. Прости.

- Жаль! Как жаль!

- Я буду твоей ещё семь ночей, а потом ты должен вернуться. Там твой Путь. Твой бой - там. И там наш враг. А девочку - не обижай. И как ты всех в себя влюбляешь? - она укусила меня. Не скажу куда.

Пастораль.

Утром я с наслаждением сидел на лавке у порога, подставив лицо и голый торс восходящему солнцу. Мир просыпался. И я оживал. Душой.

Мои спутники выползали на солнышко. Ехидное лицо Громозеки, ошарашенное лицо лейтенанта - он так и не вышел из состояния обалдения, радостное лицо Кадета, обиженно насупленная докторша, любопытное лицо великорукого ребёнка Прохора и его уменьшенные копии - братья и сёстры, как любопытные зверьки разглядывающие меня.

Кстати, тут и выяснилось, что значит - неверные глаза. Яркий свет был мне неприятен. А на Солнце было больно смотреть. Это было похоже на то, как просидев в тёмном погребе, в полдень выходишь на яркий солнечный свет. Глаза привыкают? А мои - нет, отказываются адаптироваться к повышенной освещённости. Не верные. Но, зато в темноте я видел - как кошка. Ну что ж, сам виноват - нарушил процедуру. Может быть, я и пожалею об этом, но не сейчас, когда причина нарушения регламента крутится перед глазами.

- Громозека, ходишь, боец? - спросил я своего телохранителя.

Громозека отчебучил несколько па гопака:

- Лучше, чем был, командир! Дарья Алексеевна - чудо! Но, я вижу, ты - за всех отблагодарил!

- Пошлак, - крикнула Даша, кинув в него картофелиной.

Громозека ловко увернулся, раскланявшись, как мушкетёр Дюма.

- Два наряда по кухне! - вынес я вердикт.

Теперь Громозека раскланивался мне.

- Паяц, - резюмировал я.

- Кадет? - спросил я.

- Готов к труду и обороне, - Кадет вытянулся по стойке "смирно", попытался щёлкнуть каблуками. Ясно, ноги - в порядке.

Оказалось, что причина обалдения лейтенанта - залеченный позвоночник. Он мечтал стать лётчиком, но неудачное приземление при прыжке с парашютом при посещении курсов тогдашнего ДОСААФА - длительное лечение лучшими врачами Союза (профессорская семейка). На ноги его подняли. Но, остались дикие боли в сломанной спине, время от времени. С мечтой о небе пришлось расстаться. И вот - он сотрудник органов.

Следующая - докторша. Но, на мой вопросительный взгляд она

сделала обиженную рожу и ушла. Не понял, ей не досталось плюшек? Или это личная обида на меня?

- Я же тебе говорила, - сказала Даша, появляясь рядом, а потом крикнула, похлопав в ладоши, - К столу!

Ревность. Вот, напасть! Ещё и передерутся. Я, вдруг, стал очень популярным у женщин. Не обоснованно и не заслуженно. И у каких женщин!

Столы накрыли во дворе. Простая сельская еда была для меня в радость.

- Иваныч, что думаешь делать? - спросил Громозека.

- Хозяйка дала нам ещё неделю отпуска в этом санатории. А сколько даст нам командование? - этот вопрос я адресовал лейтенанту.

Он закашлялся, быстрее пережёвывая полным ртом, оттого смутился:

- Я городской - с роду не ел вкуснее, - пояснил он, а потом по вопросу: - Ну, я думаю, неделя у нас есть, коль Дарья Алексеевна была столь любезна.

Он отвесил поклон Даше. Громозека опять заухмылялся, за что звонко получил деревянной ложкой в лоб от меня.

- Кто сможет подумать, что неизлечимые травмы будут все устранены за три дня? - продолжил лейтенант.

- Ну, коли так, то возьму на себя ответственность, - сказал я, - остаёмся. Думаю, мы заслужили отпуск. Воевали мы хорошо, а будем - ещё лучше. Принимаю на себя повышенные обязательства.

- Иваныч, ты, блин, всё испортил, - скривился Громозека, - всю сказочную атмосферу убил. Я прям себя на партсобрании ощутил.

- Не знал, что ты партийный.

- Я тоже не знал, что ты... - начал Громозека, но мой кулак, приставленный к его носу, заткнул ему рот с его очередной пошлостью.

- Итак! - я стал подводить итог импровизированного собрания, - Дарья Алексеевна, если вас не затруднит эта куча шалопаев, то можем помочь по-хозяйству.

- Иваныч, мы уже, - радостно воскликнул Кадет, - сенокос же!

- Так, чего ждём? - я встал, - давненько я не махал косой!

- Ты и косой умеешь? - опять ехидничал Громозека.

- Слушай, если есть что предъявить, я готов выслушать и даже принять вызов, - грозно обернулся я к нему, но Громозека, со смехом, сграбастал меня в свои медвежьи объятия и стал тискать:

- Я просто рад, что ты вернулся, Медведище! И что ты не монах-кастрат, как про тебя думали!

- Ах, ты, сучёк!

Пять мужиков, полных сил и интуиизма, способны свернуть горы, если их вовремя подкармливать и охлаждать, окуная в воду. Благо речушка имелась в наличии.

Сено было накошено, дрова навалены, БТром перевезены, и даже нарублены, покосившиеся строения и заборы - поправлены, крыша подлатана - благо, не успели они совсем испортиться - хозяин тут жил крепкий.

И всё это - всего за 3 дня.

Мне было в удовольствие эта мирная работа. И людям моим - так же. С каким удовольствием я ощущал усталость в теле, как было здорово лежать в реке, смотря на проплывающие облака, зная, что не будет в небе ни самолётов, ни налёта.

А ночами - Даша. Но, я и так поступил не по-джентельменски, растрепал интимного. Но, для связанности истории - надо было. А теперь - промолчу.

Охота на собрата.

С шутками и прибаутками возвращаемся с вилами наперевес - ходили переворачивать валки сена. Подходим к посёлку, а там - шухер. Женщины, дети бегают, кричат. Мы - бегом.

Внимательно смотрел на своих людей, ветераны - из расслабленного состояния сразу перешли на боевой взвод. Как сжатые пружины стали. За собой давно заметил, теперь увидел, зримо - в других.

Подбегаем, вилы, как винтовки с примкнутыми штыками. Нас шарахаются. Навстречу бежит Даша и дети.

- Витя, беда!

- Разберёмся!

- Медведь тут шалит один. Третьего дня корову задрал, а сейчас детишек перепугал. Рекой и спаслись.

- Медведь в реку не полез? Они же умеют.

- Вот и благо, что не полез. А в другой раз?

- Это всё? - удивился я.

- Мало?

- Я думал... - протянул я.

- Немцы? - спросил Громозека и заржал.

Видя, что народ обижается на наш смех, Громозека поднял руки и закричал:

- Люди, успокойтесь! Завалим мы косолапого. Красная Армия уже тут. Тем более, не бывать в одной берлоге двум медведям!

Это он про меня? Я пнул его по седалищу. Пошли вооружаться.

Тут удивил Прохор. Выносит два копья. Рогатиной их назвал. Копья справные. Наконечники - странные. Тут в чём дело - я ведь работал в литейке. И вот на шестом году работы открылся у меня дар - не дар, ну, в общем, брал я в руку что-либо металлическое и щупая, "ощущал" состав сплава. С точностью до процента. Погрешность великовата для производства, где десятая процента меняет эксплуатационные свойства, но вот так как-то. Неоднократно проверял себя. Пользы не много, но на шихтовый двор меня звали постоянно. Металлолом сортировать. Сталь "три" от стали "сорок пять" отличаю - уже большое дело было. Серый чугун от фосфорного чугуна, цинковую бронзу от свинцовистой. Особенно хорошо с бронзой получалось, её я как раз до десятых определял. Образцы, перед химлабораторией, ко мне носили. Не станешь же сверлить каждый кусок металла? А так - приблизительно накидали - уже подспорье. Так что я тоже чуть-чуть экстрасенс.

Так вот, наконечники. Я не смог понять, что за сплав. Понятно, что бронза. Медь - основа, олово, цинк, сурьма чуть-чуть, свинец, куда без него, сорного, железо, никель и процентов 10 неизвестного мне металла. Сплав был серо-желтоватым, легким, прочным, хорошо держал заточку и не ржавел.

- Что за металл? - спросил я Прохора.

А тот лишь пожал плечами:

- Отец на охоту лишь с этим ходит.

- На медведя? - я охренел.

- И на медведя.

- Ладно, - я сомневался, - бери. Но, и оружие возьмём.

- Не честно это.

- Что не честно?

- Стрелять в зверя.

- Ты чё, тронулся?

- Отец так говорил.

И смотрит на меня. На слабо берёшь? А вот и не угадал ты! Дураков ищи в другом месте. Ага, может ещё и на танк с этой побрякушкой?

В общем, взяли мы два копья, но и огнестрелы взяли. Боевое, табельное. Оно хоть и на других зверей рассчитано, но, думаю, скорострельность будет заменой малому останавливающему действию. Громозека из этих же соображений хотел пулемёт снять с БТРа. У него с останавливающим действием как раз всё в порядке, но это уж чересчур. Не на войну идём, на охоту. А пулемётик-то станковый. С соответствующим

весом. Верю, что Громозека его допрёт, а вот как стрелять будет? С колена? От живота? Даже не смешно.

Только дойдя до того места, где косолапый напугал детей, я озадачился вопросом - а как мы его искать будем? Покричим ему? На сотовый дозвонимся?

Выручил Прохор:

- Вот его след. Пошли.

Так и пошли. Прохор - первый. Со своим копьём. Потом я с копьём, ТТ и трофейным штык-ножём, потом остальные. Они-то как раз вооружены карабинами и автоматами. Потому и открестились от копья. Пришлось мне тащить. И зачем я его вообще взял?

Так и шли за нашим следопытом. Честно говоря, было скучно. Я уже и пожалел, что ввязался в эту авантюру. Стал думать о другом. Пытался своим скудным умишком прованговать, как одолеть Сауроновых слуг, что захомутили человечество, запихивая его в новое средневековье.

Замечтался, одним словом. Как оказалось, не один я механически переставлял ноги, летая мыслями в облаках. Из матёрых вояк мы обратно превратились в расслабленных курортников.

И очень зря! Медведь он не зря именуется хозяином тайги. Это был сильный, умный и хитрый хищник. А наш ещё и матёрым. Он на нас устроил засаду. Прикинь?

Когда мы вошли в узилище - пошли по узкой тропе меж сплошных стен орешника - нам отлилась наша беспечность.

С диким рёвом громадный грязно-бурый зверь обрушился на вытянувшийся цепочкой отряд, прошёлся сквозь нас, как бульдозер. Прохор тряпичной куклой был отброшен в заросли, я стормозил и схлопотал когтистой лапой в грудь. Но, стормозил всё же не фатально - сумел хоть как-то отстраниться, потому боль обжигающей лавой разлилась от шеи до пояса, но жизнь осталась во мне. Если бы вообще не среагировал - выпустил бы зверь мой кишечник проветриваться.

А зверь летел по тропе дальше, раскидывая людей, как шар боулинга раскидывает кегли.

Я выхватил свой пистолет, принял положение для стрельбы с колена и, преодолевая боль располованного живота, всаживал пулю за пулей в бурый холм мышц и жира, что калечил моих друзей.

Не, я не думал даже, что это сможет его убить. Я хотел отвлечь зверюгу от моих спутников, заагрить на себя. И мне это удалось. Как раз, когда кончились патроны и затвор остался открытым.

С оглушающем рёвом страшная медвежья морда повернулась ко мне.

ЁПТЬ! Страшно-то как! Я чуть на обделался.

И тут включился "калькулятор" в моей башке - моё холодное и расчётливое альтер-эго.

- Отставить рефлексия! - приказал он мне, - он только морду повернул. А нам он нужен весь! Ори!

И я заорал. От боли, от страха, ужаса, от злости на себя, испугавшегося всего лишь дикого зверя. От обиды и досады, что расслабился не вовремя и прохлопал засаду. От жалости к своим спутникам.

Наверное, у меня хорошо получилось реветь - зверь развернулся весь, встал на задние лапы, воздел передние и заревел ещё пуще. Гля, какие же у него зубы! Не зубы - шпалоподбойки!

Но, я тоже встал на ноги, воздел руки, с невесть как оказавшимся в правой руке копьём, и тоже заревел. Без слов, просто рёв.

И он кинулся. Блин, кто бы мог подумать, что такая туша может обладать такой скоростью и сноровкой!

Я едва успел рухнуть на колено, выставив копьё на нависающего медведя, уперев заострённый тыльник копья в землю. Почему я так сделал? Не знаю. Я позже много думал об этом, узнал, что это обычный, в средневековье, способ обороны копьеносцев от конницы, но это позже, а в этот момент сработало что-то глубинное и подкорковое.

Зверь наравался на наконечник копья, который легко пронзил его толстенную шкуру и насадил себя собственным весом и ускорением на копьё, как на шомпол.

Думаете это конец? И я так подумал, видя, как наконечник копья исчезает в теле зверя. А вот хер я угадал! Древко копья стало изгибаться в моих руках, я рванул в сторону, на миллиметры уходя от ужасных когтей и клыков, когда с громким и сухим треском древко лопнуло, перекрыв звуком лопающегося дерева даже рёв раненного зверя. И если бы не моя способность при выбросе адреналина резко взвинчивать жизненные процессы - каюк мне!

И тут я увидел безжизненное тело Прохора. В крови лежал, сломанной куклой.

- Моего сына! - взревел я, разворачиваясь к медведю.

"Чё? Сына?" - промелькнуло удивление "калькулятора".

"Не отвлекай! Помогай!" - велел я ему.

Зверь готовился к атаке, я - тоже. Штык-нож в руке, ярость взвинтила обороты моего сознания, замедляя время вокруг меня, кровь кипит адреналином.

Надо было поднять зверя на дыбы. Я вскинул руки и опять взревел. Ну, вот, хороший мишка, тоже встал на дыбы, пугает рёвом.

Только, миша, "курортник" - как-то исьсяк. Перед тобой - майор Кузьмин, что под танками горел! Да в режиме слоу-мо!

Прямым ударом ноги, обутой в добротный берц, я забил обломок копья ещё глубже - для этого и поднимал медведя на две кости. Поднырнул под удары лап, не совсем чисто - когти зверя прожгли болью - и с размаха всадил штык-нож в горло зверя. Снизу вверх, под основание нижней челюсти. Попытался увернуться, но медведь опять неприятно поразил своей расторопностью - его лапы сомкнулись вокруг меня, как гидравлические домкраты.

От шума крови в ушах, от багровой занавесы на глазах, не видел и не слышал как мои спутники с визгами, писками, криками, кто что смог издать из стиснутого болью и ужасом горла, накиннулись на зверя со всех сторон и начали кромсать бурюю шкуру топтыгина ножами и штыками, опасаясь стрелять, боясь попасть в меня.

Так, коллективными усилиями зверя и завалили.

Меня вытащили, растормошили - я был в полубморочном состоянии. Я оглядел своё воинство - стоят, уперев руки в колени, дышат, как загнанные лошади, в крови и грязи с ног до головы.

- Да, пошли по шерсть, а самих остригли - прохрипел я.

И тут меня в груди обожгло:

- Прохор, сын!

Блин, что это? Какой он мне сын? Почему я второй раз его так называю?

Прохор лежал изломанный, смертельно бледный, мелко и часто дышал, но был жив.

- Жив! Слава Богам! - вскричал я, оборачиваясь к своим спутникам - кто из них мобилен?

- Кадет, ты американским тарантасом справишься?

Кадет кивнул. Он тоже был бледен, в крови, но цел - он шёл в цепи замыкающим, потому ему досталось меньше остальных - он успел выставить перед собой карабин. Оружие - в хлам, но Кадет отлетел в куст и обделался испугом. А кровь - это медведя.

- Срочно беги за Дашей! Привезёшь её на бэтере. И мухой! Одна нога - другой - не вижу! Цигель!

Кадет побежал, а я без сил сел на подрагивающую тушу зверя. Громозека передо мной упал на колени, закатил глаза и завалился на спину. Понятно, шоковое состояние отходит. Досталось осназовцу. Надо было ему

помочь, но я сам - едва в сознании. А лейтенант - баюкает руку, зажав ею располосованный бок, закусив губу, бледный, как крахмальная скатерть, в глазах - стекло боли.

- Ничего, Даша - спасёт. Осталось самое сложное - ждать, - прохрипел я.

Надо говорить, иначе отрублюсь от боли. Жаль, нет противошокового. Кстати, надо навспоминать лейтенанту что-нибудь про боевые аптечки. Говорить! Говорить, чтобы жить! Или петь:

- Что мне за роль выдала боль? С головой!

Нет мне мечты - встать у черты Роковой.

И никогда я не просил - я так жил

Болью своей, ролью своей - я не дорожил

По раскрошенной душе моей

На обратной стороне написал: "Поверь!"

Время разведало в дым следы

Что осталось мне теперь?

Собирать свои дары.

По временам выпало нам

По рукам!

Быть красотой, стать высотой

Дуракам!

Так и терпел, жизнью кипел

Истину имел

Долго не ждал, сил не терял

Что же нужно нам?

Вот так и сидел, пытаюсь петь, но на самом деле просто выл, раскачиваясь, с закрытыми глазами.

Полевая медицина по-уральски.

Её я почувствовал. Открыл глаза. Она бежала по тропе, сверкая изумрудными молниями из глаз, отмахивая рукой. Коса причальным канатом билась сзади, косынка сползла, полы платья заткнуты за пояс.

Подбежала, на долю секунды обняла, чмокнула, и упорхнула, прежде, чем я начал отстраняться. Им помощь была нужнее - я не помру, я же, блин, долбаный горец! Дункан, мать его, МакКлауд! Но, она и сама это знала. Упорхнула мне за спину, к Прохору.

- Жив? - спросил я, так как сил повернуться не было.

- Выживет.

- Поправишь?

- Да. Живород сделаю.

- Как? Он же твой сын!

- Дурашка! Тем более, что сын! Его поток жизни я знала всю его жизнь, он же - сын мой!

- То, что было тогда - это установление соединения? - дошло вдруг до меня, - это мы так синхронизировались?

- Милый, не мешай!

- Нокия, конектинг, гля, пипл! - выругался я. Всего лишь синхронизация исходящих частот биоритмов. Вот и всё. Никакой магии.

Передо мной встал какой-то дедок векового внешнего вида.

- Что? - спросил я.

Дед обошёл меня с фланга, долго присматривался подслеповатыми глазами к морде поверженного зверя, потом рухнул перед медведем на колени и сказал:

- Прости, хозяин!

Чёкнутый какой-то. От старости мозги совсем набекрень пошли. Хотя, меня такая же судьба ждёт. Если у меня сейчас - шифер крыши лопнул и расслоился, то что будет в его возрасте?

Дед меж тем рукой закрыл глаза медведю. Медведю. Я сам так делал. Людям. А это - зверюга. Большая, свирепая, умная, но зверюга. Что он там бормочет?

- Совсем озверел хозяин. Люди тебе совсем места не оставили. Лезут везде, воняют. Лес изводят. А как нехристь пришёл - так лес валят круглые сутки. Так, дети - при чём, Миша? А эти вои - достойные. Смерть твоя была достойна, упокойся. Честно они тебя взяли, копьём и ножём. Грязно только. И всю шкуру испортили.

И тут дед достал из голенища нож.

- Вой, освободи место.

Зачем вой? Это он мне? Кто воет? Я - вой? А, ну да. Вой, он же - воин. Потому и "война".

Я сполз с туши зверя, а дед принялся споро его освеживать. "Хозяина".

Чекануться! На колени перед трупом медведя падает, хозяином величает и тут же ошкурывает! Вот это дед! К такому спиной не поворачивайся!

Я лег на бок рядом с Громозекой. Но, дед не дал мне спокойно поваляться - стал тормошить меня.

- Что? - я никак не мог понять, что ему от меня надо. Бубнит что-то, печению мне в лицо тыкает.

- Откуда я знаю, может, он бухал, вот и разнесло печень, - хотел я отмахнуться от деда, но он неожиданно твёрдо схватил меня за подбородок и уставился прямо в глаза.

Сознание моё прояснилось, я сел, стал концентрироваться на словах деда. Но, там концентрироваться было не на чем, он только твердил:

- Ешь!

- Да не хочу я, чё пристал?

- Трофей победителя, - сказал дед, - возьми силу хозяина.

Я усмехнулся. Дикость какая!

- Ешь! - приказал дед неожиданно таким тоном, что я вцепился зубами в сырую медвежью печень.

Блин, надо запомнить, как он это сделал. Я же командир, мне надо научиться так же приказывать! Нейролингвистическое программирование, гля! На коленке. Или это большой опыт? Кто ты, дед, что умеешь так приказывать?

- Почувствовал?

- Что?

- Экий ты нетопырь! Силу зверя, что ещё?

- Нет, не почувствовал, дед.

- Отец, он и так зверь, - сказал лейтенант, - Медведем кличут и так. И с этим боролся как медведь. И одолел. Лучше мне дай. И этому вот, что лежит. А то умрёт.

- Дарья Алексеевна здесь, не умрёт, - ответил дед, протягивая печень лейтенанту, пристально глядя на меня. Я усмехнулся и отмахнулся от него.

Подошла Даша. Вся посеревшая, потухшая, будто её в придорожной пыли вывалили. Изумрудные глаза стали цвета листвы позднего лета, когда они пылью покрыты, лицо посерело, постарело, пролегли глубокие морщины. Губы тоже бетонного цвета. Даша отобрала печень у лейтенанта и вцепилась в неё. Чуть ли не с кошачьим урчанием.

- Жив? - спросил я.

Она кивнула, не отрываясь от печени зверя.

Станный тут народ живёт.

Дед опять удивил - протянул Даше пить, но не флягу, к которым я уже привык, а какой-то кожаный бурдюк, заткнутый деревянной пробкой. Я такие только в кино рыцарских видел.

Даша напилась, посветлела. Дед дал мне бурдюк, приставив горлышко прямо ко рту.

- Пей, болящий, живую водичку.

Ага, как в сказке. Но, лучше бы мертвой водички - спирта, грамм

триста принять.

Вода была вкусной. Чистой, прохладной. Родниковой.

Даша тут позвала деда. Она водила над Громозекой руками. "Сканировала"? Теперь я понимаю, почему у нашей медицины вековое отставание от остальных. Зачем вкладывать средства, строить производство медоборудования и лекарств, развивать меднауку, а всё это очень дорого, а отдача несущественна. Или вовсе отсутствует. Зачем? Если всё это само народилось. Тут за раз и магнитный резонатор, и узи, и вообще академия меднаук в одном миловидном лице. Целый поликлинический комплекс с именем Даша, одна заменяющая сотни врачей и десятки этажей оборудования. Реально, проще к ней приехать и отдать пусть и много, но несравнимо меньше, чем десяток процентов ВВП. И вероятность выздоровления - выше. А разве мало таких? Я, за две жизни, троих уже встретил. Именно лечащих. Не говоря о иных спецах.

Пока я лениво предавался размышлизмам, дед, повинувшись жесту Даши, разрезал гимнастёрку на груди Громозеки и облил его грудь и живот из другого бурдюка. "Мёртвая вода"?

- Разрыв внутренних органов от удара, внутреннее кровотечение, - пробормотала Даша, моя руки "мёртвой водой", что лил ей дед.

Икать! Даже в наше время - труп. Не факт, что довезёшь, что успеешь, что окажется достаточно квалифицированный хирург, и что он вообще будет, хирург этот.

И тут Даша приставила ладони к животу Громозеки, надавила, будто хотела проткнуть пальцами ему пресс. Икать тому менту три раза! Брызнула кровь, пальцы Даши стали погружаться в живот Громозеки, как в тесто. Меня затошнило, лейтенант - рыгал. Я отвернулся.

Блин, всё уже было! И мозги на лице, и кровь чужая заливала, и кишки наружу, оторванные руки-ноги-головы. Люди, взрывами превращённые в суповой набор, мои бойцы, зажаренные в самоходах и танках до углей, всё видел, а вот такого - не приходилось. И было неприятно. Понимаю - она знает, что делает, она так лечит, но, блин! Хотя, хирург, пилой-ножовкой без наркоза отпиливающий ногу - ещё хуже. И такое я видел. И зомби видел. Боец шёл тогда на меня, нёс левую руку в правой. Глаза - стекляшки. Он прошёл, я оглянулся - а у него нет затылка. Начисто снесена макушка. Он прошёл ещё шагов десять, упал, забился в конвульсиях. Война, будь она проклята!

- Всё! - прохрипела Даша.

Громозека хрипло вздохнул и заплакал в голос. Забился в истерике, в конвульсиях.

- Чуть душа не отошла, - прокомментировал дед.

Даша подошла ко мне.

- Я - крайний! - сказал я ей, показав подбородком на лейтенанта, что с надеждой смотрел на Дашу. Она кивнула и отошла.

Я лёг на спину и смотрел на уральское небо. Как на небо Аустерлица. И думал о тщетности жизни.

Когда очередь дошла до меня, я уже был в полубреду - в небе надо мной в ворота рая маршировали ровными походными колоннами красноармейцы в новенькой парадной форме. И каждая колонна, проходя надо мной, синхронно поворачивали головы ко мне и пристально смотрели мне в глаза.

- Русские солдаты не умирают - они отступают в рай на перегруппировку, - прохрипело моё горло, когда Даша составляла сломанные рёбра.

Я видел, как она вздрогнула и замерла, пристально глядя мне в глаза. Потом её глаза проскользили мне на грудь, туда где белел костью мамонта резной крестик без распятия. Из глаз её хлынули слёзы, она упала мне на грудь и расплакалась.

- Люба, спаси его, - хрипело моё горло, - Его путь не пройден.

А я при этом лишь присутствовал. Знаете на что похоже - что я стал одержимым другой сущностью и наблюдаю со стороны, как эта сущность разговаривает со своей женой. Она же, эта сущность, и кричала моим ртом - "Моего сына!"

Меня надо срочно сдавать крепким санитарам с рубашкой оригинального дизайна для бессрочного размещения в гостинице полного пансиона с мягкими стенами, для душевного общения с внимательными и вежливыми дядьками в белых халатах. А самое хреновое, что я полностью осознаю, что я - психически нездоров.

Моё тело в это время жгло болью - Даша сращивала сломанные кости и порванные ткани. И я уже знал, опять же благодаря "сущности", она же "калькулятор", что голову мою она, Даша, вылечить не способна.

Дорога в Храм.

Наверное, я вырубился, а парни меня перетащили к реке. А сами пошли перетаскивать мясо медведя. Я проснулся на берегу. Один. Сел. Осмотрел себя. И переодели. Ну, верно. Моя форма была испорчена, а кроме этого домотканого льняного одеяния ничего и не нашли.

Тихо журчала вода, шелестел ветер травами, пели птицы где-то рядом. Я пересел к воде, опустив босые ноги в воду. И сидел так, кайфуя. Спешить мне было некуда, да и незачем. И пусть весь мир подождёт. Такого

блаженства я с детства не помню.

Я услышал шаги. Конские шаги. Кто-то верховой. Обернулся. Конь, но один. Станный конь - белый-белый, с длиннющими, возможно, ни разу не стриженными гривой и хвостом, с умнейшими большими глазами цвета миндаля, и самое странное - белым витым прямым рогом во лбу. Единорог. И я даже не удивился. После всего, что творила Даша, почему бы единорогам тут не ходить?

Единорог подошёл ко мне и встал, внимательно рассматривая меня. Я хотел его потрогать, но вспомнил какие-то отголоски сказок, что если притронуться к единорогу, он взбеленится и проткнёт. А справиться с ним может только девственница. А так как я ни разу девственницей не являюсь, то оставил свои руки при себе.

Но, единорог продолжал смотреть на меня и чего-то ждал. Может, он пить хочет? Типа, на водопой пришёл? А я сижу на его любимом месте? Я встал и отошёл на два шага. Так и есть - он подошёл к воде и стал пить, я, в восторге, смотрел. Никто не может похвастаться, что видел этого целомудренного зверя, а я его вижу с расстояния вытянутой руки, ощущаю его запах (ни на что не похожий), ощущаю даже тепло его тела. И он не белый. Тонкая короткая его шёрстка была цвета серебра, грива и хвост - белого золота, а кожа такого же цвета, как и у меня. Телесного. И это был самец.

Единорог перестал пить, оглянулся куда-то за моё плечо, я, непроизвольно, тоже и тут же отпрыгнул подальше - на меня шёл огромный бурый медведь, наискось ставя огромные лапы с когтями длиной со штык-нож.

Видя мои упражнения в акробатике, медведь удивлённо сел на задницу, с любопытством, и, самое важное, без агрессии, разглядывая меня. Блин, точно такого же я убил сегодня. Хотя, у убитого мной шерсть была свалена комками и грязно-бурая, а у этого - как шёлковая. А на груди - серебряные полосы.

Хотя медведь и не был агрессивным, но я продолжал пятиться с его пути, не отводя взгляда от его морды. Ещё бы - я его опасался - только из схватки с таким же едва вышел.

Медведь, проводив меня взглядом, поднялся, прошёл мимо, вызвав моё восхищение своей грацией, мощью и царственностью какой-то. Но, при этом, он, совсем не по-царски, зашёл в воду и сел прямо в воде в метре от берега, плескаясь, как щенок.

Я тихо ох... , хм, как это говорить, а, впадал в состояние лёгкой прострации от удивления, с лёгким дезориентированием. Не, матом проще.

Короче и более ёмко. Но, говорят, это от бескультурья. Э-э, о чём я думаю?

А о чём ещё думать? А зачем вообще думать? Нах!

И я тоже, в наглую, прошёл к берегу и сел так же, как до прихода зверей, болтал ножками в водичке, распугивая мальков, с полнейшей нирваной в котелке. Ну, гигантский медведь, ну, мифический единорог, ну и?

Ну и тигр! Тигр!

Огромная кошка, георгиевской расцветки, с истинно кошачьей грацией, несмотря на тонный вес, шёл прямо на меня. усы на его морде ходили ходуном, глаза.., блин, глаза! Где я их видел? На полигоне! Сталин! У него такие же глаза! Тигриные!

А, будь, что будет! Не побегу! Глупо это. Всё одно не убежишь! Только устанешь.

Тигр шёл мягкой походкой прямо на меня. Я встал ему навстречу. Тигр смотрел, не отрываясь, прямо мне в глаза. Два метра, метр, ничего. Тигр обнюхивал моё лицо. Я замер, боясь дыхнуть. И вдруг твёрдый лоб гигантского кота, покрытый тонким шёлком, ткнулся мне в лицо. А потом ещё и потёрся об мою голову, совсем как кот, что жил у меня в той, прошлой жизни. Непроизвольно, я протянул руку и почесал тигру подбородок. Тарахтенье кота такого размера, которое должно быть урчанием, было по громкости сопоставимо с работой дизельного двигателя танка.

Как я уже говорил, состояние лёгкой прострации от удивления, с лёгким дезориентированием плавно переходило в состояние полного опи... В общем, в близкое к шоковому.

Тигр лёг, я, опять же произвольно, уткнулся в шею этого тарахтящего полосатого ковра.

Гля! Хорошо-то как! Нирвана в Шангри-Ла!

Я лёг на полосатый диван, урчащий подо мной, и запел небу:

Под небом голубым есть город золотой

С прозрачными воротами и яркою звездой

А в городе том сад, все травы, да цветы

Гуляют там животные невиданной красы

Одно - георгиевский огнегривый тигр

Другое - вол, исполненный очей

С ними золотой медведь небесный

Их светлы взоры забываемые

- Хорошо поёшь, - услышал я вдруг.

Я сел. Новый гость. Тоже интересный. Старик в серой рясе, что

когда-то была, видимо, черной, но - выцвела полностью. Седая богатая борода, седые волосы убраны каким-то серебристым обручем. Серебро, сталь, полированный алюминий? Не, не важно. Лицо в морщинах, кустистые брови, а вот под ними - лукавые глаза чистой воды, голубые, как небо над моей головой. Хм, не такой уж он и старик, просто седой и зарос сильно. Это если и я года два стричься и бриться не буду - так же буду выглядеть. Я уже полностью поседел.

- Благодарю, мил человек, - ответил я ему, кивнув.

- Тебя не напугали мои питомцы?

- Твои? Питомцы? Не хило! Не, не напугали. Очень красивые и довольно милые, хм-м, зверушки.

Гость, хотя, может это я - его гость, а вот он-то как раз здесь хозяин, сел рядом и так же опустил босые ноги в воду. Да, имея такие подошвы ступней - сапоги не нужны.

- Дочь моя шепнула мне, что тебе надо поговорить со мной?

Я хмыкнул. Но, тут на днях мне посоветовали не быть капитаном Очевидностью. Дочь его - Даша, больше некому, учитывая всю эту мистику. А он - тот самый батюшка, которому надо было обо мне рассказать. Мне надо с ним поговорить? Так она решила? Ну, что ж. языком молоть - не мешки таскать. Я опять завалился на тёплый и мягкий бок амурской кошки, закинул руки за голову и стал рассказывать ему свою историю. А что? Если Даша тут заменяет собой чуть ли не весь Минздрав, то её батюшка может исполнять обязанности психоаналитика? Может - не может, а будет врио. Мы в армии или как? Не может - научим, не хочет - заставим.

Я рассказывал. И всё больше увлекался, разнервничался, стал материться, вскочил, стал ходить кругами. Милые сказочные, но от этого не менее огромные, зверушки, с любопытством сопровождали меня умными глазами. Казалось, они тоже слушают мой рассказ, взвешивают. Присяжные. Или трибунал. А батюшка - судья. А приговором мне будет - расстрел, замененный на съедение живьём. И пусть! Я не боялся. И не врал. Рассказывал так, как было, не пытаюсь оправдать себя, выгородить, соврать. Пусть они решают, а мне уже надоело носить это в себе. Хотел выговориться.

А батюшка слушал молча и бесстрастно. Глаза его были внимательны, хотя и были холодны, и так же равнодушны.

- И вот, я здесь. Всё, - закончил я.

- И чего ты хочешь?

- И что же нужно нам? - машинально ответил я словами песни, - да

просто свет в оконце. И чтобы кончилась война. Не, не слушай меня, это слова песни. Я прекрасно понимаю, что "свет в оконце" - это запросто, но пока идёт война - это измена. А войны сами не кончаются. А если серьёзно, святой отец, то я не знаю. Я совсем запутался, потерялся.

- Так ли это?

- Не так? - удивился я, глядя в эти внимательные, мудрые глаза. А потом прислушался к себе. Со скрипом, скрежетом, ворота моей души открылись, я заглянул в самого себя. Не так!

- Прости! - сказал я, и с тяжёлой совестью продолжил:

- Ты прав. Я просто устал. И поступил недостойно мужчины. Раскапризничался, как ребёнок. От долга меня никто не освобождал. И от ответственности за них всех.

Я махнул рукой за головой, там мне казалось были они, те, кто пошёл за мной в этом мире, те, кто были мне дороги в обоих мирах. И я их подвёл. Этим своим самоубийственным поведением там, дома, в будущем, и здесь, на воронежской земле я сильно подвёл всех. Мне было стыдно.

- С тобой легко, - усмехнулся батюшка, - считай, всё сам сделал.

- Многое становится виднее, если на время отвлечься. Это ваше попадание в "сказку", чем бы оно не было на самом деле, помогло отвлечься и взглянуть на себя со стороны.

- И что ты увидел?

- То, за что мне теперь стыдно.

- Расскажи.

- Не мучай меня! - взмолился я, но под его взглядом увял.

Глубоко вздохнул и заговорил:

- Эгоиста. Эгоиста я увидел. Живу для себя. Себя, свои мысли и чувства поставил выше других. И это моё самоубийственное поведение - попытка сбежать.

- А что получилось, ты понял?

- Понял. Когда я тут умирал, то я оказывался в своём мире. Но, вышло-то ещё хуже! Первый раз когда я сюда попал, я был уверен, что родные мои живы. А потом я хоронил их своими руками. И ничего я не мог сделать.

- Так и было. Когда ты перенесён был сюда первый раз - их судьба не была такой трагичной. Но, ты попытался изменить предначертанное. Сработали защитные демпферы, отдача их - страшна, бесчеловечна. И с каждой попыткой тебя, а с тобой и всех, кто зависит от тебя, коверкало всё сильнее.

- Я это заметил. Судьба?

Но, мой собеседник не ответил. А, риторический вопрос, как же, помню.

- Одно не пойму - почему я? Почему именно я?

Мой собеседник поднялся, отряхнул одежду, пошёл, поманив меня за собой. И мы пошли куда-то. Звери шли сзади эскортом.

- Вот, ты не веришь в судьбу.

- Не верю.

- Почему?

- Судьба - для дураков. Большая часть людей совсем не хотят жить головой, многие вообще с ней не дружат. Дурачком же легче. Но, если же пустить всё на самотёк - это же приведёт к хаосу. К тому самому полному финалу. Поэтому, я думаю, для таких и существует судьба.

- Продолжай.

- Я много наблюдал за неразумными. Людьми и животными. Особенно через зверей и насекомых хорошо видно это. Например, оса или муравьи. Они же живут по одному, раз и навсегда написанному скрипту.

- Скрипту?

- Ну, программа. Это из компьютеров.

- А-а.

Чё, а? Ты знаешь, что такое комп? "А-а"! Ладно, не будем задавать вопросы, ответы на которые мне не нужны. Может и знает. Продолжим размышлизмы:

- Особенно хорошо видно, если программу нарушить. Если аккуратно удалить нижнюю часть муравейника, не затронув вершины, то муравьи не замечают потери, продолжая строить верхушку.

- Муравьи замечают. Ты про термитник говорил?

- А, ну да, попутал. Не суть. Главное - общественные насекомые, псевдоразумные, живут по прописанной программе с её глюками, багами и прочими ошибками. А если обстоятельства выпадают из программы - они подвисают и погибают. Так и большая часть людей. А судьба - программа для них. Жизнь большинства людей не отличается по сложности от жизни тех же ос, хотя эти полосатые мухи - неразумны.

- А разумные люди? Для них нет судьбы? - спросил батяшка. И зря я не учёл лукавых искорок в лазури его глаз.

- Если человек разумен до осознания ответственности и последствий своих поступков - он сам себе определяет судьбу. Ноу фатум!

- А ты не думал, что для одних - простая судьба, для других - посложнее. Кому-то тетрис всю жизнь, а кто-то Цивилизацию юзает?

Сказать, что я выпал в осадок - ничего не сказать. Я просто оху... в

шок попал, в общем.

- В общем, - продолжил мой собеседник, - ты и прав, и не прав разом. Действительно, для всех прописана разная судьба. Но, для всех. И есть защитный механизм, защищающий сущее в этом мире. Должен понимать, что без защиты "от дурака" ни одна система долго не просуществует. Так, кстати, и было. И не раз. Всё приходилось начинать заново. И с каждым разом демпферы всё мощнее. Их, кстати, можно преодолеть. Причём, разными способами.

- А как же без этого - исключения, подтверждающее правило. Как в Матрице, Избранные и Пифия?

- И снова ты прав. Ведь все люди созданы, ты должен помнить, "по образу и подобию". Это значит, что каждый желающих может стать богом. Или подобным богу.

- Прометей?

- Прометей был богом. А вот его избавитель от кары богов - Геракл - был человеком, а стал богом.

- Демпферы не сработали?

- Срабатывали. И не раз, поверь. Ему доставалось! Никто же не обещал, что путь в боги - лёгок.

- И одолеют его только достойные?

- Или хитрые. Читеры были, есть и будут. Но, система совершенствуется с каждым разом. Читерство, как надеюсь понятно, - наказуемо. Но, мы отвлеклись. Так о чём мы?

- Судьба. Для дерзких - её нет?

- Есть. Для всех есть. Даже у самих богов есть судьба. Наверное. Но, если тебе в рамках твоей судьбы стало тесно - ты можешь доказать, что достоин большего и преодолеть сопротивление демпфера и тебе будет прописана новая судьба - более сложная, но и с большей степенью свободы, а главное - более интересная.

- И зачем такие сложности?

- А ты вспомни - кем были созданы люди?

- По образу и подобию.

- Вот-вот. Душа нам даётся не для того, чтобы её погасить в зверином образе. А чтобы она обогатилась и обогатила того, кто её дал.

- А кто её дал? - спросил я, но получил такой взгляд, будто вдруг превратился в осла. А не задавай очевидных вопросов! Всё верно.

- Ладно, вернёмся к нашему барану, а конкретно - ко мне. Я-то тут при чём?

- Ну, ты же осмелился отринуть судьбу. Отринуть смерть. И тебе был

дан шанс. Это и есть твоя новая судьба. Но, ты её не принял. Всё время пытаешься её переписать. За что и получаешь.

- Не лезь туда, куда собака не совала...

- Элементарная техника безопасности. Сунул палец в розетку - получил удар током.

- Сунул провод - получил свет. Спасибо тебе, отче. Но, ты так и не ответил, почему погибли мои родные.

- Когда ты погиб под вагоном - жене твоей было не до развлечений, она ни на минуту не оставалась одна и операция людоедов пошла по запасному варианту, погибла другая девушка. Ты выбрал другую судьбу, но не дорос до неё, всё завалил. Море крови. Ты попытался ещё и ещё. Последний раз почти получилось. Судьба. Ты не захотел успокоиться - погибло много народа.

Я усмехнулся:

- Это можно исправить. Прямо сейчас.

- Поздно. Твой "крипт" переписан. Жить вчерашним днём - нарваться на демпфер.

- И что же мне делать? - в отчаянии закричал я.

- Мы почти пришли.

С вершины пригорка открылся вид на небольшую церквушку. Маленькую, но всю такую чистенькую, яркую, как игрушечную. Каменные стены были оштукатурены и побелены, окна забраны цветной мозаикой, купол луковкой - золочён. Ворота храма были открыты. Для меня что ли?

Мы зашли в храм. И пока я хлопал глазами, разглядывая фрески, батюшка переоделся в ритуальную спецовку. Потом он проводил со мной разные причитающиеся обряды. Я хоть и верующий, но в ритуалах - не силен.

И когда всё закончилось, он обнял меня, как родного, благословил меня и сказал:

- Иди, Витя, с Богом! Теперь ты поймёшь, что надо делать. Проснись, Витя! Проснись!

Прощальный ужин.

Это был сон. Просто сон. Галлюцинация, вызванная болевым шоком и кровопотерей. Не было никакого батюшки, не было единорога, не было храма. И беседы не было. Это я сам с собой общался в бреду. Я понял это, когда сел и осмотрелся. И очень расстроился. А потом подумал, что глупо сожалеть о том, чего и не было. Глупее - только о том, чего не будет.

- Статус! - приказал я.

Все с удивлением смотрели на меня. Да, хорошо воинство -

изодранное, в крови, грязнящее! И у всех, как у вампиров - рот в засохшей крови.

- При команде "статус" - доложить обстановку! - снова приказал я.

- Это не по уставу! - буркнул Громозека.

- Поговори мне ещё! Встать! Смирно! Статус!

Он стал докладывать, но я не слушал. Не для того строил. Я и своими глазами всё вижу. Я их построил и этим направил моральное состояние в нужное мне место, вынудив его оттуда, где оно было.

- Слушай сюда, - приказал я, когда Громозека закончил, - разделяем тушу зверя, грузим всё в бэтер и возвращаемся. Сегодня у нас пир! Прощальный. Заотдыхались мы.

Потом подошёл к Прохору, покрутил его:

- Хорошо починен, - сказал я, - Дарья Алексеевна, выношу вам благодарность от лица командования за возвращение в строй личного состава.

- Фу, какой ты скучный, - скривился Громозека.

Я рассмеялся:

- А на самом деле, я очень рад, что всё обошлось! Ребята, как же мы лоханулись!

- Ну, вот, а то - старшину включил! - Громозека подскочил и обнял. Следом налетели и остальные.

Пришлось наводить порядок:

- Так! Почему не выполняется моя команда? Кому вынести выговор в личное тело с печатью в грудную клетку?

Люди занялись делом - перетаскиванием разделанной туши медведя в БТР. Только тогда я осмотрел себя. М-да, красавчик! Хотя раны и были сращены выше всяких похвал, но синюшные тройные полосы пролегли от ключицы до поясного ремня. То же и на спине - от лопатки к плечу. Такой вот автограф мне оставил хозяин тайги. Вопрос был по шнурку, что держал крестик на моей шее. Шрам пролегал прямо под ним, но шнурок был цел. Может, отклонился?

- Шнурок этот невозможно повредить. Он не материальный. Одна видимость. Он сам распадётся... - сказала, подходя, Даша.

- Я помню, за сутки, - я обнял её, спрятав лицо у неё на груди.

- Что случилось? - встревожилась она.

- Я не знаю, может, это просто сон, а может я единорога видел.

- Единорога? А с ним не было медведя, тигра и старика?

- Он не старик.

- Так ты его видел! - подпрыгнула она.

- Это был сон.
- Он всегда приходит во сне.
- Может быть, - пожал я плечами.

- В разных обликах он является. Всем по-разному. Кому в виде великана, кому - стариком со свечёй и филином, кому - подростком...

- Подожди, великан и старик со свечёй - это же сказочный Святогор.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на ребёнка что вслух удивляется очевидным вещам.

- Он помог тебе?

- Чё-то я и не понял, - опять пожал я плечами, - помог он или ещё больше запутал.

Я отпустил Дашу, поднялся, сорвал остатки гимнастёрки со своих плеч, посмотрел на эту окровавленную тряпку и бросил её в чёрное пятно, оставшееся от разделанного медведя.

- Пошли, Ведьма!
- Пошли, Странник.

Ох и радости было! Мясо - оно всегда ценно, дармовая дичь - особенно, а медвежье мясо и жир - вообще считались лечебными. Собрался весь посёлок, Даша распределяла тушу. Я обратил внимание, что из мужского пола только мальчишки и два деда древних, одного из которых я уже знал - он медведю молился. На мой вопрос, Даша сделала удивлённое лицо:

- Война же. Кто воюет, кто лес заготавливает. Проша вот воюет, а старший - бригадир на лесозаготовке. Он же механик. Там он один с тракторами может управиться. Потому и бронь дали.

- Прохор говорил, что он за брата пошёл.

- Так ему и сказали. Завет отца - непререкаем. Он знал, что пути ваши пересекаются. А у старшего дар - железку оживлять. Не людей.

- А где его семья?

- Так вот они! Это - жена, а дети - вон, с моими перепутались.

- Немудрено перепутать.

- Родня же.

Захотелось шашлыка. Никогда не едал шашлыков из медвежатины, но с удивлением понял, что шашлык, для меня - неременный атрибут любого застолья под открытым небом, для них - невидаль. Сам и занялся. Дед-медведепоклонник мне отсёк самого нежного мяса, сам нашёл ёмкость для маринования, перец, соль, уксус, лук и остальная зелень - проблемой не были. Захотелось замариновать в майонезе. А майонеза нет. Не беда! Опять же, уксус, перец, соль - есть, подсолнечное масло и яйца - тоже в достатке.

Сложности возникли с лимоном. Но, небольшие сложности. Нашли. Как? Сие мне не ведомо. Посадил пару шустрых девочек взбивать яйца, руководил ими до получения майонеза. Боялся, что без миксера не получится. Получилось.

Посёлок наполнился дурманящими запахами. В каждом дворе что-то готовилось - этакая кооперация и разделение обязанностей. А к вечеру стали на лугу составлять столы, накрывать их скатертями домоткаными и блюдами с праздничными яствами.

Сам мариновал, сам же и готовил шашлык, окруженный плотной группой мальчишек, весьма любопытных и не умолкавших ни на минуту. Их интересовало всё, они меня просто одолели вопросами. И про жизнь в России (именно так они и выражались, как будто тут не Россия), про войну. Особенно про войну. Но, и помогать не отказывались. Делали всё споро и ловко. Молодцы. Хорошая смена растёт. Когда шашлык был готов, в угли закопали картошку.

Прежде чем сесть за стол, сходили на реку ополоснуться. Я - в эскорте гомонящих пацанов. После помывки одел данную Дашей рубашку-косоворотку. Расшитую узорами. Парадно-выходную. В плечах пришлось впору, а вот в поясе был приличный запас. Вот так вот и сел за стол по правую руку от Даши. В таком вот виде - косоворотка, камуфляжные штаны и берцы, пережившие все мои злоключения. Справа от меня расселись мои спутники, напротив - местные. Дети - к краям.

Первый тост произнёс самый старший из присутствующих - дед-медведепоклонник. Ессно, за победу. Пили, стоя, прозрачную, как слеза, самогонку. Этот уральский виски был крепок, как спирт. Первач! Ах, да - это в фильмах самогон - мутный. Я такого мутного не пил никогда.

Ну, как говорить, меж первой и второй - муха не пролетела. Встал я. Поблагодарил Дарью Алексеевну за "ремонт" личного состава доблестной Красной Армии и тост поднял именно за неё:

- Если нас с боя не будут ждать такие уголки Родины, как у вас тут, не ждут такие красавицы и такие прелестные дети - воевать не за что!

Третий - молча и стоя.

А теперь можно и жевнуть!

Только вот беда - что-то запьянел я. Да ни как-нибудь, а стал песни горланить. И про грохочущие на поле танки, про девушку, что не узнает геометрии конца танкиста, про чёрного ворона, про кающегося и плачущего демона, спрашивая, станет ли ближе его нам кто-нибудь?

Про демона песня убила всех. Мне посоветовали закусывать и запели сами. А потом опять пел я. Про коня, с которым пойдем по полю, потому

что любим Россию. Вот эту песню Матвиенко приняли. Ну, тогда продолжим из репертуара Любэ, благо Кадет и Громозека уже знали их и пели хором.

В общем, хорошо посидели. Поели вкусно, напились допьяна, песен нагорланились, потом ещё и в пляски вдарились. Одно плохо - я уже давно не курил и не тянуло, а как выпил, так потянуло. Дед меня угостил знатным самосадом, душистым, но крепким!

Тихо в лесу, только не спит...

Ночью, выбравшись из объятий Даши, я вышел во двор, сел на полено, закурил, глядя в черное небо. На запад. Мне казалось, что я вижу всполохи взрывов, слышу далёкую канонаду. Понимал умом, что это невозможно, что это мне чудиться, но казалось, что запад полыхал.

- Гроза там, - сказал, подошедший из темноты бесшумной походкой спецназовца, Громозека.

- Ещё какая! - ответил я.

- Возвращаемся?

Я опять затаился, помолчал. Потом выпустил дым, сказал:

- Я хотел бы навсегда остаться здесь.

Он сел рядом, я протянул ему кисет, он покачал головой.

- Если не мы, то кто? - сказал он.

- Я знаю. Брат, всё, что ты скажешь - я знаю. И про долг, и что война придёт сюда, если мы её там не остановим, потому - не надо. Просто помолчи. Такая ночь! Пока не познаешь других ночей, бессонных ночей войны, не научишься ценить таких.

Он кивнул, стал сворачивать самокрутку. Я, затаившись, сказал:

- Знаешь, у меня была хорошая жизнь. Семья, дом, работа, хобби. Но, мне казалось это таким скучным! Так меня всё это... Я, в тайне мечтал оказаться на месте деда и стрелять по танкам. А сейчас...

- Настрелялся, - кивнул Громозека.

- Повзрослел, - кивнул я.

- Вернулся бы в старую жизнь?

- Вернулся бы, - кивнул я.

Помолчал несколько минут, продолжил:

- Невозможно это. Не войти в одну реку второй раз. Я - другой, река - другая. Теперь моя жизнь - тут. А тут - война. Самая страшная из тех, что помнит человечество. И, может быть, не зря мы оказались тут, в это время и в этом месте. Чтобы стать героями. И может статься так, что если не справимся мы, то не сможет никто.

- Да, вот, не сказал бы, что ты от скромности умрёшь.

- Ты видел этих... других? Одни - не побеждать идут в бой, а умирать. Другие - готовы самое дорогое предать и продать, лишь бы не воевать. Мать готовы расстрелять, за немцев воевать, лишь бы не за правое дело. Да... А Сталин окажется виноват.

- А Сталин-то при чём? - подпрыгнул Громозека.

- Доживёшь, увидишь. Из него прямо демона сделают.

Громозека вскочил, окурок полетел в темноту, стоит, пыхтит, кулаки сжимает.

- Кто? - выдохнул он утробно. Как будто прямо сейчас пойдёт свинцовые примочки ставить.

- Много кто пожелает лягнуть мёртвого льва. Защищать только не найдётся желающих.

Я стал перечислять фамилии, Громозека притих и сел обратно, и схватился за голову. Громозека только с виду был тупым бойцом - это у него маскировка такая, на самом деле это был интеллект. Образованный, начитанный, с широким кругозором, прекрасно разбирающийся в окружающем мире. Другого ко мне бы не приставили. Кот был проще, но там я был в ином статусе, ставки были меньше. Тогда я был просто до фига знающим старшиной, а сейчас я - Кольцо Всевластия.

- Ладно, гнилая проституточная интеллигенция, но маршалы?

- Ты видел, как генералы просрали Красную Армию в 41-м? И не расстреливают их только потому, что других нет. И как народу объяснить, куда делось пятикратное превосходство над немцами в танках? Пятикратное - в самолётах? Десятикратное - в артиллерии? Куда делись миллионы тонн боезапаса, миллионы винтовок, сотни тысяч автоматов и пулемётов? Миллионы комплектов обмундирования? Миллионы мужиков, погубленных по-дурости? Почему уже в сентябре нечем было вооружать дивизии? Ещё в мае 41-го был двойной запас стволов всех калибров только на складах, не считая того, что уже было в войсках, через полгода - вообще ничего не осталось. Танки встречали бутылками с бензином, а опечатанные склады с орудиями оставались немцу. И не только с орудиями. Что это? Измена? Раздолбайство? А потом эти же люди, что "потеряли" оружие, экипировку, боезапас, горючку и целые армии - станут маршалами. Как им объяснить трудовому народу, почему он до войны трудился не разгибаясь, а потом он же с голыми руками встретил танки? И подлая интеллигенция подскажет им ответ - Сталин "прозевал". Это ведь он не дал им миллион танков, двести миллионов пехоты и миллиард эшелонов снарядов. Он не поднял по тревоге войска в утро 22-го.

- Это не его обязанность была. Это, вот, он позже стал Верховным

Главкомандующим.

- Пох, понимаешь, что никого это не колышет?

- Расплата будет жестокой за такую несправедливость.

- И снова ты прав. Такого издевательства над истиной не стерпит не только мироздание, оно довольно инертно, но вот союзники наши все сразу отвернуться. Если мы предали своего Вождя, то что нам будет стоять предать Китай, Югославию, Болгарию? И они сразу после попраения Сталина станут играть в свою игру, больше не надеясь на нашу страну, сразу переставшую быть "Старшим Братом". А страна - рухнет. Компартия будет вне закона. А народное достояние широким потоком потечёт к нашим недругам.

- Ты доложил? Всё! Это! Вот!

- Конечно.

- И что?

- Не знаю. Мне забыли доложить, - усмехнулся я.

- Вот, зараза! И что делать?

- Исправлять мир к лучшему. Своими руками и по своему разумению.

- Ты точно доложил?

- Ты видел, как лейтенант пишет? На проштампованной бумаге, пронумерованной. Так и они писали. Кто читал - мне не ведомо. Я сделал, что должен был, а там - будет то, что должно быть. А у меня ещё есть дела поважнее, чем думать о ещё не случившемся.

- И что же?

- Там ещё сотни танков с крестами ездют. А должны они в наших полях кострами гореть.

- Вот! Точно! Тогда, вот, пошли спать.

Мы уже почти разошлись по своим углам, когда Громозека дернул меня за рукав:

- Мне было строго наказано не спрашивать тебя ни о чём. Вот. Ты сам рассказал. Так, вот, скажи уж - когда Победа?

- Праздновали 9 мая. Каждый год. Главный праздник. В 1945-м победим. За 27 миллионов убитых.

Громозека зажмурился, потом тряхнул головой, развернулся и понуро пошёл.

Даша не спала. Сидела у окна и плакала. Подслушивала?

Я обнял её.

- Я уезжаю. Завтра.

- Знаю.

- Можно мне будет вернуться?

- Нет. Наши пути больше не пересекутся.
- Я не хочу тебя терять.
- Это не в твоих силах.
- Я приеду после Победы.
- Ты не найдёшь тут никого. Но, сегодня я - твоя.

Исход из рая.

Провожать нас вывалили все. Несли подарки. Кто заготовил мясо медведя, кто - медвежий жир разлил по крынкам, несли пироги, сало, яблоки, курники, хлеб, варенья. Дед каким-то образом умудрился выделывать медвежью шкуру, хотя я зуб даю, что невозможно за ночь это сделать. А ещё мешочек (точнее баул такой) с листьями самосада.

Очень трогательно.

Долго махали нам, когда мы уезжали, мальчишки некоторое время бежали за БТРом, глотая пыль, потом отстали. Я до последнего смотрел назад, хотя Даша и сказала, что не выйдет меня провожать. Простились в доме. Ну, а вдруг передумает?

Когда посёлок скрылся за пригорком, развернулся по ходу. Рядом трясся Громозека, оккупировавший полубашню с пулемётом. За руль усадили Кадета - пусть оттачивает вождение.

Отряд НКВД появился сразу и вдруг. Тот же ЗиС стоял на обочине, бойцы кого-то трамбовали на другой обочине.

- К бою! - закричал я. Если НКВД кого-то трамбует - было нападение, значит.

Защёлкали затворы.

Бойцы осназа при нашем появлении (если они появились вдруг, значит и мы для них так же вдруг) разлетелись в стороны, залегли, готовые встретить нас огнём.

- Стоп! - закричал лейтенант, вставая в полный рост в чреве БТРа, благо - крыши-то нет, поднимая руки над головой в знаке "стоп", - Свои!

А Громозека смотрел на бойцов в форме НКВД поверх тупорылого ствола крупнокалиберного пулемёта, готовый покрошить всех в фарш. Но, из пыли поднялся избитый Брасень со связанными за спиной руками. И я всё понял.

- Не стрелять! - закричал я, - Я - майор Кузьмин. А это - мои люди. Кто старший? Доложить!

А получилось вот что. Мы, верхом на БТРе, растворились в воздухе, а эти двое, водила и Брасень - очутились в дорожной пыли. Вот эти двое и были повязаны, во избежание, так сказать, и допрошены. Во время допроса БТР и появился тем же макаром - появился, будто лампочку включили. А

внутри - загорелые мужики в косоворотках. Что им думать? Напала банда местных и захватила бронетехнику?

Так что это только для нас прошло несколько дней. А для них - несколько минут.

Выслушав капитана, командира эскорт-группы осназа, я повернулся к своим:

- Ни слова. Для них прошло всего несколько минут. В дурдом нас всех заперт. И не дадут подвиг совершить. Я понятно объясняю?

- Понятно, командир.

- Капитан, грузись в грузовик, этого - ко мне, водилу себе бери. Выдвигаемся обратно. Задание выполнено.

- А как...?

- Каком кверху! Не твоё дело, - взревел я, - Выполнять!

- Ты мне не указ! - ответил капитан, - у меня свои инструкции.

Ух, ты, дерзкий! Ну-ну!

- И какие? Довести нас? Проследить? Довёз. Проследил. Люди - вылечены, задание выполнено. Мы возвращаемся на фронт, а ты - как хочешь. Можешь тут сидеть, пока не высидишь. Моего человека отпусти. Пока - прошу, не требую.

Брасеню разрезали путы, он вскочил, стал оттряхиваться, но увидев, что его ждать не собираются, кинулся к бронемашине. Кадет провёл БТР между грузовиком и озадаченными бойцами и поддал газу.

- Лейтенант, где ближайший пункт связи?

- Там.

- Вот туда и едем. Слышь, Кадет?

- Угу.

- И ещё раз повторю, чтоб наверняка дошло - в то, что было - я сам не верю. Кто поверит? Потому, рекомендую придерживать язык за зубами. Лейтенант, ты обязан доложить, а вот что и кому - думай сам, если не хочешь получить свинцовую пулю в лоб от избыточности внутричерепного давления или провести остаток жизни в комнате с мягкими стенами с стильной рубаше с рукавами завязанными на спине.

Потом повернулся к грязному и избитому Брасеню, пожирившему нас глазами.

- Я даже не спрашиваю, - выставил он руки, - уже и так понял, что остался без сладкого. И даже догадываюсь, за что в рай не пускают.

Всё-таки, он - умница. Хоть и вор.

Везёт мне на уникумов. Правда, их в поисках постоянно в дерьмо приходится окуна́ться. Наверное, в других местах уже всё "зачистили",

всех нашли. Или это только я их смог разглядеть? А остальные - не увидели под толстым слоем "шоколада" начинки? Ведь что было бы с Брасенем и Прохором, не притяни я их к себе? Сгинули бы бойцами переменного состава штрафной роты. И так никто бы и не узнал, что у Брасеня не голова, а промышленный логистический компьютер, а Прохор - экстрасенс, лечащий наложением рук.

Грузовик с осназом догнал нас только у полустанка, когда лейтенант ходил телеграфом докладывать о результатах нашей поездки. Видя, что осназ толпой попёрлись в узел связи, я снял косоворотку и, кивнув Громозеке, пошёл туда же. Не скажу, что мой голый шрамированный торс остановил ГБ, но он произвёл впечатление. А мне этого и надо. От лейтенанта они отвалили, так что крови не пролилось. И даже по мордям никто не схлопотал. Скучно!

- Ждём ответа, - сказал мне лейтенант. Ну, подождём.

И перекусить пора. Отъехали в сторонку, сильно в сторонку, разложились. ГБ звать не пришлось - сами нарисовали свои любопытные носы. Крикнул, пригласил к столу. Я был уверен - не откажут. Понятно, что не принято есть с руки поднадзорного, но это же реальный шанс сбора оперативной информации. Откажется - значит, просто вышибатель дверей. Не, не отказался. Опер.

Видно было, что капитан удивлён, но на вопросы я отвечать отказался - "Не твоего ума дело! Делай, что должен!" А пока меня не было, шустрый Брасень так расстелил шкуру медведя, что я сидел теперь внутри неё, а надо мной - крышкой - висела его голова, в которой дед оставил часть черепа.

Капитан, видимо сопоставил дважды два - шкура и отметки на моей груди.

- Знатный трофей!

Я хмыкнул.

- Когда успели только?

Я опять хмыкнул:

- Ты, капитан, ешь. Не забивай головы вопросами, которые тебе не нужны. Доложишь всё, как было. А я доложу, как было, тому, кому надо. Тебе ничего не будет, я уверен. И нас - не опасайся. Мы не падлы. Не враги. Свои мы. У меня тут три гэбиста на шестерых, да и сам я начинал войну в батальоне НКВД.

- Ну, прошу, скажи, как такое возможно? - взмолился капитан.

- Даст Бог, поймёшь. Вот, Брасеню - не дал. Вишь, сидит, дуется.

А Брасень в это время лыбился, как на личное дело

фотографировался. Совсем не по легенде.

Капитан ничего не понял, набрал воздуха, хотел что-то сказать, но выдохнул и стал молча жевать курник, запивая утешным молоком из глиняной крынки.

- Ешь, ешь, капитан. Курник - вещь! Пока не вскроешь - не испортиться. А раз вскрыли - надо доесть.

Лейтенант красноречиво посмотрел на часы.

- Капитан, - обратился я к командиру группы осназа, - что-то мы так хорошо сидим, а надо на узел съездить. Может, на трёхтонке?

Капитан сидел с остановившимся, задумчивым взглядом, молча жевал. Так же молча взмахнул рукой, потом кивнул подскочившему бойцу. И всё это даже не поворачивая головы и не изменяя направления взгляда. Прожевав, он в той же задумчивости достал из кармана штанов не первой свежести платок, вытер рот, убрал, кивнул:

- Благодарю за угощение. Майор, а это тебя Медведем кличут?

- Меня не кличут. Я не собака. За глаза, и правда, Медведем называют. Ребята ещё прошлым летом окрестили. Так и прижилось.

- А это не про тебя в Красной Звезде? - капитан достал из нагрудного кармана сложенный многократно вырез газетного листка.

Вырезки была не из одной газеты. И не только про меня. Но, несколько статей точно про мой полк. Вот она - слава! Кто, из живущих, не хочет хвалебной заметки о себе в центральной прессе? И я хотел. А теперь читал про себя, как про героев-панфиловцев, но кроме любопытства - ничего не ощущал. А когда дочитал - наступило разочарование. Нет, не статьями военкора - он всё сделал верно. Преувеличил, конечно, безбожно, но - так надо. Разочарование наступило от опустошённости. Ещё одна тайная мечта сбылась, а на душе - пусто. Нет удовлетворения.

- Да, капитан, это про меня.

- Что-то ты не рад.

- Верно ты подметил. Знаешь, наверное, каждый мечтает, может быть тайно, увидеть очерк о себе в московских газетах. И я где-то в глубине души хотел этого. И вот я увидел. И знаешь что?

- Не знаю. Что?

- Ничего. Пусто. Нет удовлетворения от сбывшейся мечты. Значит, пустая была мечта. Напрасная.

- Просто ты изменился. Повзрослел. Вот и стала мечта пустой. Другое для тебя стало важным.

Это сказала моя докторша, которая уже несколько дней вела себя как тень отца Гамлета, старалась быть незаметной. Я с удивлением повернулся

к ней. Потом улыбнулся и манерно поклонился, правда, одной головой:

- Благодарю. Твоя наблюдательность многое объяснила, красавица. То же и с наградами. Как я хотел орден! Чтоб, как у деда! А как дали - он мне - в напярк. Не потерять бы - драгмет, всё-таки! А потом ещё и ещё награды. А смотришь на них - побрякушки. А это - не правильно. Награды - признание Отечеством заслуг перед народом, это надо ценить, а у меня как-то не получается. И со званием так же. Я хотел быть командиром. А стал комполка и за голову схватился.

Дружно ржали.

- А теперь чего ты хочешь? Что тебя порадует? - спросил капитан, когда успокоились.

Я задумался на миг:

- Трупы врага. Много трупов. Костры из танков. Флаг красный над Берлином. Вот чего хочу! А радует - что они - живы!

Я обвёл рукой своих спутников.

- Мой первый комбат. Комбат-батяня, Ё-комбат, фундаментальный мужик, сказал однажды, что он не считает убитых врагов, но точно, до человека, ведёт учет всех своих убитых пацанов. И сказал, что все они ему приходят ночами. И идут мимо него строем. Теперь я его понимаю. На днях мимо меня промаршировали парадной коробкой в рай и мои.

Все переглянулись. Взгляды их изменились. Повисла тягостная тишина. Я встал, вылез из БТРа, натянул рубаху на тело, хоть и было жарко.

- Красавица, пойдём, пройдемся, ноги разомнём.

Докторша была удивлена, но вышла, сходя с брони, опёрлась на мою руку, стала оправляться. Я с улыбкой смотрел на её прихорашивания.

- Отвернись,- попросила она.

Я развернулся и пошёл. Она меня нагнала и пошли рядом. Молча. Я иногда отклонялся от прямого маршрута, срывая скромные по своей красоте летние полевые цветы. Она искоса поглядывала на меня. Её воронёные волосы отливали на солнце. Набрав небольшой букет, я преградил ей путь, встал на одно колено и склонил голову:

- Прости мне мою грубость, слова мои были тебе обидны и тобой не заслуженны. Они были поспешными и сказанными в сердцах, были лживы. Я сожалею, что уязвил тебя.

Она взяла букет, моргнула разом помутневшими глазами, спрятала лицо в букете. Зря. Не пахнут придорожные цветы ничем, кроме запаха пыли. Она вдруг встала на колени передо мной, подняла ладонями моё лицо, чтобы увидеть глаза:

- Я не осерчала на тебя. Даша мне сказала, что ты хотел оттолкнуть меня, чтобы защитить. Ты считаешь, что лучше не сближаться, чтобы не терять?

- Уже нет. Думал.

- Твой тост?

- Да. Если нет дорогих сердцу людей - зачем жить?

- Вставай. Увидят.

Мы поднялись и дальше пошли. Я ей подал свой локоть, она взяла меня под руку.

- А Даша?

- Я её больше не увижу. Даже если буду искать.

- Жаль. Мы подружились.

Станный они народ - бабы. Только что я ей сказал, что мне была не безразлична другая, тем более, она не глухая и не слепая - была там, всё видела и слышала - Даша та ещё крикунья. А они - "подружились"! И где ревность? Соперничество? А обида, что обратил на неё внимание только после того, как не стало возврата к другой? Что это - мудрость, хитрость или глупость? Равнодушие? Расчёт? Блин, что за племя это, бабы, никогда не просекаешь их мотивации!

Ходили, прогуливались, вели непринужденный разговор ни о чём - "о погоде и молодёжной моде". Пока не запыхал ЗиС.

- Вести, - выдохнул я.

Двоякое чувство возникло - не хотелось его видеть, не хотелось получать цзу от командования, хотелось, "чтобы лето не кончалось". И в это же время я ждал ЗиСа. Не столько "туда" хотелось, сколько давила невозможность "тут" оставаться. Как ни притворяйся, моё место - там. Потому дальнейшее нахождение вне боя несло негативный окрас. Кроме чувства неопределённости и "зависания вне координат", ещё и слегка погрызвала совесть. Чувство такое же, как у ребёнка отобрал конфету и ешь у него на глазах. Это и есть - Зов Долга?

Когда мы вернулись, кемпинг уже свернули. Нам предписывалось выдвигаться на аэродром, расположенный в полусотне километров, там нас подберут самолёты. На них мы и вылетим в "распоряжение управления кадрами". Если не ошибаюсь - это в Москве. Интересно, её восстанавливают или до Победы отложат? Вот и узнаем.

Небесная гавань.

Аэродром - это слишком громкое название. Выровненная земляная полоса на поле - вот и весь аэродром. Построек - никаких. Несколько палаток и землянок. Стоящие под открытым небом обслуживающие

грузовики, бочки в два яруса. И ни одного самолёта. Навес около полевой кухни. Две деревянные каланчи с болтающимися на них полосатыми конусами для определения ветра. ВВП подскока, не более. Да, так оно и оказалось. ВВП использовался как пит-стоп перегоняемым с Дальнего Востока ленд-лизомским бомбардировщикам. На них нам и придётся лететь. Надеюсь, не в бомболоке? Вместо бортстрелков? Ого, с комфортом! Самолёты шли только с перегоняющими их пилотами, места были.

Это всё мне рассказал однорукий летун - комполка. Без руки - он точно отлетался, но его организаторский опыт пригодился. Но, видимо, без неба ему - край. Солнце ещё высоко, а от него уже перегаром несёт.

А самолёты ждут только завтра. Потому нам предложили "чувствовать себя как дома" и пригласили в "столовую" на ужин.

За ужином, под стопочку, рассказал ту самую каноническую байку про корову в бомболоке - "Жить захочешь - не так раскорячишься!", спел не менее канонические - "На честном слове и на одном крыле", "Опустела без тебя Земля" и ещё несколько песен, имеющих отношение к людям-птицам.

Надо ли говорить, что мы стали "свои в доску"? Или как у них, небожителей: "в плоскость", "в стабилизатор"? Со склада тут же нам были выданы американские кители и фуражки, вместо "неуставных" гражданских одежд, мне перепала кожаная куртка-пилот. Ленд-лизовская. Максимального размера, чтоб на "доспех" налезла. И ленд-лизовские же солнцезащитные очки. Бомберы были американскими, шли в комплекте с экипировкой, которая, частенько, до фронтовых полков просто не "долетала", оседая в таких вот складах таких вот "аэродромов подскока". Та же история и с НЗ. Мне раздухарившийся комполка предлагал ещё и кольт в новенькой кобуре, но я взял только португую, а от колты отказался. ТТ меня вполне устраивал. И с боезапасом попроще. А вот Брасень устроил тут "фондовую биржу" меняя "шило на мыло" - целебную медвежатину на ленд-лизовский импорт. А потом будет кольтами добывать что-либо нужное мне. Потому - пусть. Хотя это и называется тут спекуляцией и осуждается.

Я выпил стопочку для приличия и стал выкручиваться, чтобы и не пить и хозяина стола не обидеть. И в самый разгар застолья пришлось сваливать, летун стал чрезмерно настойчив до: "ты меня уважаешь?". Удостоил осуждающего взгляда Кадета, сливавшего в себя стопку за стопкой, прошёл до стоянки нашего транспорта, взял медвежью шкуру и пошёл к ближайшему пригорку с редкими кустами какими-то на нём.

Расстелил шкуру, завалился на неё, положив голову медведя под

свою. И стал любоваться закатом через солнцезащитные очки. Очки, кстати, были очень похожи на те, в которых Сталлоне снимался в фильме "Кобра". Сам фильм я не помнил, но у меня плакат этот год висел в комнате.

- Виктор Иванович! - услышал я голос докторши.

Я откликнулся. Она подошла, присела на медвежью шкуру по моему приглашению, скромно поправляя юбку, потупив взор.

Сама пришла. Решила взять инициативу в свои руки?

Сидит, молчит. Я так же молча лежу. А что говорить? Мы взрослые люди. И так понятно, что произойдет. Зачем слова? Преумножать ложь?

Я протянул руку и погладил такое родное лицо. Как же она похожа на мою жену! Докторша, как котёнок, потерлась щекой о мою руку. И кинулась на меня, целуя.

Она лежала у меня на груди, пальчиками поглаживая шрамы. Я, лёжа, курил.

- Как порядочный человек, я теперь обязан тебе предложить стать моей женой, - сказал я, выпустив дым в куст.

Она укусила меня:

- Ночью вы все готовы жениться, а утром - знать - не знаю?

- Я не все. Я - серьёзно.

- Не надо, Витя. Меня всё устроит. И военно-полевой женой. И вообще никем.

- Экая ты покладистая! Миленький мой

Возьми меня с собой

Буду в краю далёком

Я для тебя чужой

- Обижусь.

- На обиженных воду возят. Ты мне лучше скажи, почему к Даше не ревновала?

- Ревновала. И ещё как! И сейчас ревную. Её ты - полюбил. А я - так, чтобы опустевшее место заполнить. Думаешь, я не вижу? Вижу! И - согласна. А Даша мне сразу сказала, что ты и она - временно. И я - ждала.

Она села. Красивая, стройная. Не худосочная вобла, как принято в моё время, а в "мясе", спортивная, как я люблю. Я тоже сел, переложил копну тёмных волос с груди за спину. Незачем прятать красоту.

- Витя, я вся перед тобой. У ног твоих. Не спеши слова и предложения бросать. Детей у меня никогда не будет, даже Даша не смогла ничего сделать. Вырезанное - не вылечишь.

Я убрал её руки с её паха. С недавних пор я очень хорошо видел в

темноте, света звёзд и луны хватало, чтобы разглядеть шрам у неё на животе. Она заплакала, я поднял её лицо, губами снял слёзы с её лица.

- После войны миллионы детей останутся без матерей и отцов. Сколько детей ты сможешь обогреть и приласкать? На скольких хватит тепла твоего сердца?

Я её повалил, стал целовать.

- Ты сможешь воспитывать чужих детей?

Я не ответил. Ответил, но не словами. И ей тоже стало не до слов.

Разбудил нас Громозека.

- Не замёрзли, голубки?

- Медвежья шкура оказалась очень тёплой. Хотя, ещё пахнет зверем. Отвернись, бесстыдник! И не смей пялиться на мою жену.

Ухмылка сползла с лица с лица осназовца, он посмотрел на удивлённую докторшу.

- Вот даже как!

- Именно так!

- Тогда, поздравляю!

- Благодарю. Свали!

Когда Громозека скрылся за кустом, докторша опустила край медвежьей шкуры, которым прикрывалась.

- Так ты - серьёзно?

- Более чем. Как только представиться возможность - оформим документально. А, пока, фактически.

Я её притянул к себе. Вспомнилась Даша. Без боли вспомнилась. Верно говорят - дыру в сердце надо заполнить другой. Дыркой.

Самолёты заходили на посадку, тормозили, заруливали на стоянки.

Большие. Для нашего фронта это были большие самолёты. Это у амеров эти двухмоторные бомберы считаются средними, а у нас - это стратеги дальней авиации. Ну, нет у нас задач для "летающих крепостей". Нет в русском менталитете тяги к ковровым бомбёжкам. А до изготовления ядерен-батона эти гиганты могут только уничтожать города обычными бомбами, что они и сделают в Германии.

У нас принято города освобождать и восстанавливать, а не уничтожать. И эти бомберы будут разрушать мосты, склады, станции и заводы. То есть, точечные удары в ближний тыл фронта и в интересах фронта. Мы хотели выжить и победить в войне, нагло-янки - растоптать немцев, убрать их с конкурентного поля навсегда. Забомбить до состояния каменного века. Они и дальше так же будут действовать - Вьетнам, Ирак, Сербия, Ливия и т.д.

Так у них принято. Защищать поле действий. А мы осваиваем это поле, потому и живы сотни и тысячи малых народов и народностей на нашей земле. И весь огромный советский народ, состоящий из тысяч малых народностей, только обогащается от смешения культур. Синергия - процесс дающий большую отдачу, чем простое ограбление, но и более сложный - до синергии надо дорасти. Умом и душой дорасти.

Ограбить народ или страну - проще. Только это путь в Никуда. И народы старые, долго живущие на Земле, это знают, потому даже мысль о тупом ограблении каких-нибудь бурятов, да и тех же немцев в 45-м, вызывает душевный протест. Ну, что с них взять? А вот если им построить дороги, города, школы и научить работать - вот это будет отдача! Ну, да, нескоро, да и сначала надо вложиться хорошенько, прежде всего нервов вложить, ума, терпения и воли. А к тому времени, когда пошла отдача - это уже не земля бурятов, а Россия. И буряты эти сами себя русскими называют. Как, например, поволжские татары. Ходили в набеги на Русь. Но, прошли века. И при распаде Союза, Татарстан не пожелал покидать Родины. В отличие от хохлов. Почему малороссы оказались более чужими, чем татары? Амеры подсустились? Наглы? Или свои долбоёжи?

Что-то я замечтался. Меж тем, техники, девчёлки, смешные в слишком больших комбезах, тут же начинали вскрывать капоты двигателей, маслотопливозаправщицы тянули шланги. Пилоты выбирались из самолётов, улыбались, разминали ноги, шли под навес к накрытому столу. Через два часа мы полетим. А сейчас - можно и подкрепиться.

Громозека не вытерпел и растрепал, сучёк! Завтрак разом перетёк в свадебный пир. С гармошкой и плясками молоденьких лейтенантов с поварами и техниками. Прилетевшие лётчики с удовольствием кричали: "Горько!" и пили, сменные пилоты с кислыми, постными лицами - завидовали. Им пить нельзя - лететь.

Моя невеста смущалась, краснела, но цвела. И сияла глазами. Будто первый раз замуж выходит.

А я поражаюсь своему равнодушию. Непокоримости. Было ощущение сюрреалистичности. Казалось, всё это - просто сон. И я вот-вот проснусь. И только сейчас я понял, что живу в этом ощущении уже год. Поэтому так смело посылал вышестоящих командиров, стрелял в своих, лез на танки. Для меня это было не страшно. Не ощущал земли под ногами. Как в игре компьютерной. Не страшно. Убьют - релоуднусь и снова пойду преумножать безобразия. Так оно и было. Только боль - настоящая.

Да и сейчас - лёгкая ирония меня не покидала. Спел несколько песен в тему: "Эта свадьба пела и плясала", "Невесту" Лагутенко-Мумия-Тролля

и другую "Невесту" - Глюкозы.

А потом пришло время вылета.

Распределили нас по местам бортстрелков, закрепили. Мою жену - на место отсутствующего штурмана. Всё же в кабине лучше - они на этих бомберах обогреваемые. Мы все могли уместиться в одном самолёте, американские конструкторы предусматривали больший экипаж, чем был в наличии. Но, распределили нас по разным самолётам. Жаль, БТР пришлось оставить. Будем ждать, пока по ж.д. нас догонит.

Коротко нас проинструктировали, что ничего трогать нельзя. Когда ждали нашей очереди на выруливание на взлётку, я рассказал пилотам по внутренней связи (не послушался, подключил гарнитуру) анекдот в тему:

- Отправляют в первый испытательный полёт на новом сверхвысотном самолёте двух пилотов - собаку и чукчу. Центр управления полётами приказывает: "Стрелка, нажми красную кнопку", собака: "Гав!", "Стрелка, нажми правый тумблер!" - "Гав!". Потом ЦУП говорит: "Чукча!" - "Гав!". "Чукча, ты человек, тебе не надо гавкать. Покорми собаку и ничего не трогай!"

Баян, конечно, но пилоты моего самолёта ржали. И вот мы выруливаем на взлётку, разгоняемся, сильно прыгая на якобы ровной ВВП, отрываемся. Начинается набор высоты.

- Ну, взлетели, - выдохнул один пилот. Сразу видно "высокую" квалификацию - даже взлёт на этих послушных бортах для них - экзамен.

- Теперь главное, чтобы нам не встретились неправильные пчёлы! - сказал я, приводя пулемёт в моей турели в боевой взвод.

- Неправильные пчёлы? - переспросил тот же пилот.

- Ты про Винни Пуха не слышал? - спросил он.

- А кто это? Иностранец?

- О, это очень интересный персонаж. Дорога у нас неблизкая, времени много, как не скоротать путь интересной беседой?

Я, стараясь подражать манере выговора легендарного Леонова, стал им пересказывать мультфильмы Союзмультфильма про Винни Пуха и всех-всех-всех. При этом находясь в каком-то уютном состоянии души. Мне казалось, что я не ползу по небу в металлической бочке на хер знает какой высоте, а сижу перед телевизором в собственной гостиной, на экране идёт этот мультфильм, я его вижу покадрово, пересказываю. И ощущаю, с забытым теплом на сердце, будто за спиной моей на диване сидит моя любимая и мой сын. Так мы и проводили многие вечера. Сын смотрел мульты по DVD, и мы с женой смотрели до выучивания наизусть. Но, не переключали, не разбегались. Было уютно и приятно побыть всем вместе.

И сейчас я ощущал это тепло и уют, умом понимая, что его нет и в помине. И не будет. Будет лишь ложное подобие. Как с докторшей.

По щекам моим опять текли слёзы.

Под хохот десятков мальчишеских глоток. Мальчишек, которых прогнали через ускоренные курсы взлёт-посадка. И этим ещё повезло, что они челночат от ВПП до ВПП, а не прорываются через трассеры ПВО. Почему десятков? Мальчишки же. Они вывели меня с внутренней связи на общую, меня слышали и в других машинах. И хотя они носили офицерские геометрические фигуры в петлицах, сказки ещё любили. Особенно такую, сплошь состоящую из вирусных песенок и фраз. Ах да, сейчас их не вирусными мемами называют, а летучими фразами. Кто не помнит - "входит и выходит, замечательно выходит", "ты чё, застыл?", "я тучка, тучка, я вовсе не медведь"?

Часть 2. Взлёт и падение егерей.

Переформатирование.

Путешествие наше, как скучное и не влияющее на события, опущу.

В результате полётов с пересадками мы, наконец, оказались в искомом пункте назначения. Где я был пожалован в новое звание - подполковника, получил на грудь ещё орден, в руки - приказы о назначении.

Вот и всё. Можно возвращаться в полк. Хотя, согласно новому приказу остатки моего полка разворачивались в первую экспериментальную егерскую бригаду. При Наркомате Внутренних Дел. Со мной во главе. Вот так вот командование среагировало на мои размышлизмы, записанные лейтенантом. Как в Руси принято: сам предложил - сам и сделай. Инициатива имеет инициатора.

А Палыч молодец! Создал в своей структуре гвардию. Егеря. Творчески подошёл к моим размышлизмам. По шапке бы не получил от Хозяина за перетягивание одеяла на себя. Хотя, без Сталина он бы не стал принимать решений по мне. Я же не просто майор, каких тысячи. Я с секретом. Как та шкатулка.

Дальнейший путь наш проходил через Нижний, он же Горький. Тут и формировалась бригада.

Дальнейшее повествование должно порадовать заклёпкометристов, но мне откровенно скучно. Но, надо.

И так, бригада моя организационно копирует структуру мотострелков более поздней советской армии, только с Единорогами вместо танков и БМП. Потому отличается и от современных, новых для 1942-го, полков

самоходов наличием пехоты, и от стрелковых бригад наличием бронетехники. У меня много Единорогов, много пехоты, много всего, что мне нужно, кроме одного - времени.

По прибытии на место знакомился со штабом. Большая часть штабных работников была та же, во главе с тем же начштабом. И это хорошо. Для меня. а для него - не очень. Он не стал лечить рану в плече. Альтруист, гля. Новые лица в штабе - молодые лейтенанты, присланные самим Василевским, главным начштабом страны из своего Генштаба. Сказали - перспективные. Погляжу на них. В перспективе.

Знакомился с людьми, потом поехал знакомиться с техникой.

ВДНХ

(выставка достижений народного хозяйства).

Советские конструкторы в конструкторских бюро быстро сообразили, что такое моя экспериментальная часть. СУ-76 была разработана, испытана и принята на вооружение ураганными темпами. Но, учитывая опыт применения, СУ-76 был укорочен, чем облегчен. И стал СУ-76М. Наверное, от слова "малый". А Единорог - не укорачивался, теперь проходил как СУ-76Е - Единорог. Потому что в Единороге, кроме экипажа, транспортировался и десант, в бою спешивающийся и действующих как пехотное прикрытие самохода, а вне боя - как охрана и помощники экипажа. Так вот, из СУ-76М составлялись самоходные артполки, а Единороги - прямо в НКВД. Но, дело не в том. А в скорости и качестве самих войсковых испытаний, что мы обеспечили, а так же массиве информации войсковых испытаний, чего конструкторы не могли добиться от других армейцев.

Поэтому на полигоне завода ЛЬ92 "Новое Сормово" было очень звёздно и представительно. И большое количество экспериментальных образцов.

С чего начать?

Начнём с легендарного Грабина. Он выкатил несколько самоходов на основе Единорога, но с другими орудиями.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Авияция противника не прекращала попыток срыва работы головного артиллерийского завода страны, завода ЛЬ92. И вот, после очередного налёта, сборочный цех самоходов остался без ЗиС-ЗШ. Тут-то ребята Грабина и подсустились - план-то никто не отменял. Так вот теперь передо мной стояли 4 самоходки с 85-мм орудиями, 4 - с 107-мм, и 3 - с 122-мм.

Ближе всего были 122-мм.

- Как же решились поставить орудия конкурента? - удивился я, видя

Петровские орудия на Единорогах.

Грабин усмехнулся:

- Это и моё орудие тоже. Мы его с Федором Федоровичем вместе доводили до ума. А про конкуренцию - это вы зря. У нас - сотрудничество. И выпускает эти орудия наш завод.

Свежо предание, но вериться с трудом. Это я про отсутствие конкуренции. Вообще, оказавшись здесь и поварившись в местном бульоне, очень на многое стал смотреть другими глазами. Вот и пример тех же конструкторов. В частности, а в целом - всё авторское право с СССР. Там, в моём времени, я думал, что коммунизм - это когда всё общее, денег нет, никакой материальной стимуляции и заинтересованности не было. Так было на излёте СССР. Так было с моими старшими товарищами с завода. Они работали чисто за оклад. Изобретаешь ты чего или нет - зарплата меняется не более чем на процент премии. Не более оклада.

А тут - совсем иначе. Вот, Грабин, например. За каждое орудие ему, как автору, как и его коллективу, идёт процент. Небольшой, но с каждого ствола. И инженерные кадры кровно заинтересованы чтобы именно ЗиС выпускалось, а не Л, например. В том числе и поэтому они не отходят от кулманов, вместе с рабочими отливают стволы, стоят у обдирающих станков, упрощая, совершенствуя своё детище и технологии его производства. Они материально заинтересованы.

Как и я. Мне теперь тоже капает по копейке за каждый Единорог, за каждую песенку, записанную под моим именем, за каждое изобретение, под которым мои кураторы зачем-то поставили мою фамилию.

Нет, конечно, не только шкурный интерес двигает людьми. Иначе бы не было этих полков танков и самоходов, эскадрилий самолётов, что построены на деньги, переведённые коллективами в Фонд Обороны. Деньги люди отдали Родине, но, такова уж природа человека, что материальное стимулирование его возбуждает на подвиг. Это как выбивание и сбор лута в каком-нибудь Дьябло. Ты же этот лут не станешь жрать на завтрак? А ведь затягивает!

Так же и с деньгами за сбитые самолёты, подбитые танки. Все, повторяю - все!, после боя заполняют бланки за сбитые и подбитые. До хрипоты брешут, кто именно "убил" танк. А потом дружно отписывают всё в Фонд Обороны.

И я тоже не миллионер до сих пор. Единороги же и строятся на мои авторские. Вон, на одном БРЕМе даже надпись есть, что построен "на средства м-ра Кузьмина В.И."

Но, вернёмся к достижениям отечественного ВПК.

Залез на машину, СУ-122А именуемую, осмотрел всё. Почему "А"? Так Харьковский паровозостроительный уже успел это же орудие запихать в рубку Т-34. До эвакуации завода успели несколько штук построить и даже в бою применить, в обороне того же Харькова. Так они решали проблему отсутствия танковых башен. Тот самоход и окрестили СУ-122, успев раньше нас застолбить название. Самоход СУ-76, являвшийся базой для СУ-122А, подвергся значительной переделке. Но, в целом, отлично.

- Машина нужная. Особенно подвижным соединениям. И если будет удачной - будет массовой.

Делать самоходы на базе Т-34 конечно, лучше. Но, ещё лучше - сами Т-34. Без необходимости нелёгкого выбора - кому отдавать двигатель и коробку - Т-34 или самоходу на его базе. А тут - полностью независимый проект, не отбирающий дефицитные танковые комплектующие у танкостроителей. Двигатели у нас - автомобильные. Все остальные узлы и агрегаты - свои собственные. Мы стул из-под танкостроителей не отбираем.

Следующая самоходка - со 107-мм орудием. Когда Грабин рассказывал об этом орудии, горел весь. Расхваливал его мощь, сетовал, что танкисты так и не взяли эту его пушку.

- Блин, а как её брать? - удивился я, - с такой задницей? В какую башню этот монстр влезет? В КВ-2 только. Но, КВ-2 - мертворождённое дитя, для маневровой войны не подходящий. Тут надо габариты срезать. Иначе никак!

Грабин разозлился.

- Дульный тормоз нужен, Василий Гаврилович.

- А демаскировка установки?

- Я вас умоляю! ЗиС-3 с дульным тормозом - не демаскирует? А у этого монстра, что с дульным тормозом, что без - я представляю, какой факел вспыхи будет! А снаряды - унитарные? Ха! Для самохода - не важно, но как в тесной башне танка заряжать таким бревном орудие?

То же нарекание у меня вызвали и 85-мм установки. Даже у зенитки 85-мм, являющейся донором этого ствола, был тормоз, а тут без тормоза. Да как так-то? Грабин окончательно психанул на меня и свалил по-наглomu, не прощаясь. Жаль.

- Вот так вот, обидел легенду, - вздохнул я.

- Вы наступили на любимую мозоль. ЗиС-6 - любимое детище. Сколько сил и времени потрачено! И прекрасно осознаем, что надо облегчать орудие. Но, дульный тормоз - мало просто прикрутить. Это полная переработка баллистики орудия, полный пересчёт всех параметров работы орудия. А времени уже нет. Другие задачи стоят. Как нужны были

тяжелые танки - мы занимались. Оказалось, что и трёхдюймовки хватает. Как потребуются - дадут задание, получим предписание. А вы думали у нас самодеятельность? Нет, мы работаем по графикам. И за срыв графиков с нас спросят, - это мне ответил один из помощников легенды, некто Савин Анатолий Иванович - ни разу не слышимая мною фамилия.

С ним мы и работали дальше.

- Я уже сейчас вижу необходимость дульных тормозов и облегчения казённых.

- Вот по результатам войсковых испытаний нам в план и поставят доработку этих орудий. Орудия-то хорошие, но, боюсь, время их уйдёт, не начавшись. Нас сейчас нацеливают на баллистику 85-мм зенитки. И что-то поговаривают про 100 мм. Ни 107 мм, ни 97, ни 57 - больше не упоминаются.

- И это верно. Сколько времени уйдёт на доведение орудия до фронта? Год, два? А Единорог уже не всегда справляется с бронёй немцев. А они не стоят на месте, продолжают наращивать защищённость своих танков. А 57-мм - путь тупиковый. Каморный боеприпас у него - ни о чём.

- Опыта у нас стало больше, сейчас НИОКР проводится намного быстрее. Мы и это поставили на поток.

- Год? Полтора?

- Уже же. Вот, - он хлопнул по казённику 85-мм ствола.

- И это в Т-34 не встанет с такими откатниками и казёнником. Даже если поставить новую башню и увеличить погон.

- А для испытания принципа - пойдёт?

- Значит, испытаем.

По грабинским орудиям закончили.

Следующими были миномётчики. У меня их стало целый дивизион. И 4 машины из них были оборудованы 160-мм миномётами. По 2 ствола каждого вида. И оба генеральных конструктора - отцов миномётов тут же, горят нетерпением. Познакомился, пообщался, пообещал, что максимально пристально отнесусь к испытаниям миномётов. Мин бы хватило. 4 ствола могут и вагон мин за час расстрелять. А массовый выпуск 160-мм мин ещё не налажен. Хорошо хоть остальные машины не будут испытывать недостатка 120-мм мин.

Дальше - Фениксы. Две машины обзавелись поворачиваемыми платформами-башнями. Вот и всё по зениткам. А жаль. Спарка двух 23-мм авиационных пушек в поворачивающейся башне была бы современной заменой Шилки. Ну, тут сам и виноват - только сейчас об этом и вспомнил.

А дальше стояли танки. Танки! Мне дали экспериментальные танки! Прямо чую, как мой скилл "авторитет" пробил потолок уровня!

Новые детища Горьковского автозавода - Т-70 с новой башней. Более вместительной, на 2 человек, с новыми приборами наблюдения и связи. Да и ходовка танка была существенно доработана. Тут сказывалась обратная отдача от родственного Единорога. И, тем не менее, я не считал Куцега танком. Танкозаменитель. Не от хорошей жизни.

С этим - понятно. Мои восторги были связаны с другими машинами, поэтому Горьковские танки я просмотрел мельком, чем изрядно обидел Астрова. Ничего, посидим вечером, за рюмочкой чая, потрепемся, оттаёт.

Моё нетерпение вызвали стоящие поодаль 4 совершенно оригинальных танка. Они разом и были похожи на Т-34, и сильно отличались. Это были опытные образцы, попытка модернизации Т-34, который, напому, на 40-41 годы ещё не был той легендарной надёжной машиной. В 41-м многие танкисты вообще отказывались от Т-34 из-за его ненадёжности. Вот передо мной и стоял результат поиска выхода. Как я помню, до 44-го года Т-34 не изменяли, значит, просто устранили "детские" болезни. Может быть, благодаря таким вот опытным работам.

И что же мы имеем? Рациональные углы наклона брони, 76-мм орудие, Грабинское, кстати, Ф-34, тот же двигатель, те же гусеницы. Из общего - всё. Дальше пошли отличия. Во-первых - подвеска. Не свечная, а как у КВ - торсионы. Поэтому корпус нового танка был ниже, более узкий. Более лёгкий. А погон башни - 1600. И башня 3-х местная. И комбашенка - большое место всех попаданцев. И при этом броня башни толстая, как у КВ. а у двух Т-34М ещё и с наваренными дополнительными бронеплитами.

Весь танк облазил, подошёл к группе инженеров, что представляли танк, переминавшихся от нетерпения. Чего же им про меня нарасказывали, что они ждут моих слов, будто я нарком вооружений? Не хорошо людей заставлять ждать. И что им сказать? Танк, в целом, не оправдал моих радостных, оттого завышенных, ожиданий. Как это им сказать, чтобы руки не отбить? А, была, не была! Как говорил отец: "Не знаешь, что сказать, скажи правду". Сами виноваты, рты разинули.

- Ну, товарищи, поставили вы меня в сложное положение. Танк, в целом, мне понравился. В холодном виде. Покатаемся ещё, попробуем стрельбу, но мне уже сейчас нравится. Вы учили многие ямы, на которых споткнулось производство и применение Т-34. Только... Не вижу я перспективы этой машины - вот что меня убивает. Да, защищённость танка выше, подвижность выше, но орудие - то же. Боевая эффективность, соответственно - такая же. Ладно, ладно, выше, согласен. И обзор лучше, и

условия работы экипажа. Но - не в разы же выше эффективность? А вот сложности принятия на вооружение я уже вижу. Погон увеличен. Много станков способных его точить? Хотя, рано или поздно все перейдут на этот погон. Если не на больший. Торсионы. Да, торсион лучше, чем свеча. Свечи же проще в производстве? Нет? А, не так требовательны к высоколегированным сталям! Хотя, для КВ же находят. А почему у вас боковые бронеплиты так изогнуты? Чем будут гнуть при массовом производстве? Машина - хорошая, но не освоенная в производстве, более сложная. А линейная тридцатьчетвёрка вашей машине не сильно уступит. Не сильно. А зачем расстраивать и так только-только, едва-едва налаживаемое производство танка, пусть и чуть худшего, но уже хорошо знакомого в производстве?

Расстроились разработчики.

- Вот если бы вы представили танк следующего поколения - тогда другой вопрос. А сейчас - это ещё один Т-34.

- Следующего поколения?

- Да. С защищённостью и вооружением тяжелого танка, но с подвижностью среднего.

- Это... не возможно.

- Ой ли? А если подумать? Один шаг вы уже сделали - избавились от свечей. Корпус заузили зря. И изогнули так. Надо было делать прямым, может быть с установкой под углом вниз.

Мне дали блокнот и карандаш. Стал рисовать.

- Ширина корпуса позволит поставить двигатель не вдоль, а поперёк корпуса.

Разработчики переглянулись. Один из них выхватил свой карандаш и продолжил чертить мои заготовки, бормоча:

- Башня сдвигается в центр.

- Это улучшает условия развесовки и стабилизации. Проще будет стрелять. Меньше раскачивание машины - быстрее поражение цели. Как у немцев, - продолжаю я.

- Снижается нагрузка на перегруженные передние катки, - продолжил разраб.

- Можно увеличить толщину лобовой плиты. Сто миллиметров - каково? Не тяжелого танка броня?

- Сто? Возможно и сто.

- Возможно и 120. Сколько сейчас катает наша промышленность?

- На 120 выходим.

- Дальше: радиста - нахрен, мехвод сдвигается в центр, люк его

переходит на крышу корпуса, монолитная плита в 100мм под углом в 45 градусов выдержит и Ахт-ахт!

- Возможно. Как видишь башню?

- Вот так, - я нарисовал. Да-да, рисовал я примелькавшийся Т-54/55 - самый массовый танк истории. Танк того же поколения, что и Т-34. От 64-го пошли уже ОБТ. Если я опять не ошибаюсь. На ОБТ - не моноброня, стабилизаторы, автоматы заряжания, эжекторы, баллистические калькуляторы и т.д.

- Литая?

- А как иначе? Сможете проварить такую толщину и изогнуть бронеплиты в такую конфигурацию? Без трещин?

- А почему именно такой формы?

- Природа подсказала. Наиболее оптимальная форма по прочности и весу - яйцо. Или возьми свой собственный череп. Он толстый? Нет. А выдерживает довольно серьёзные удары.

- Сейчас промышленность не способна изготовить такую башню.

- Вот и есть куда стремиться.

- А оружие?

- От 100 мм. 100, 115, 120, 125.

- Такого ещё нет.

- Как мне сегодня сказал один весьма неглупый конструктор - никто им не ставит задачу по проектированию данных систем. А самодеятельность - она чревата.

Конструктор закатил глаза на секунду:

- Один танк заменит и тяжелые, и средние. Это Морозова должно заинтересовать. Он, как-то, то же самое говорил, а Котин его высмеял.

- Именно! Основной боевой танк. А если на него ещё и разработать стабилизатор орудия и механизм заряжания...

Инженеры переглянулись, потеряли интерес к собственному детищу, танку, заспешили к поджидавшему их автобусу. Я тоже закатил глаза. Вот, закатил арбуз в головы танкоразработов, как он там усвоиться? А уже имея опыт работы с разрабами, я представил как моя инициатива с пошлыми намерениями уже выдвигается в мою сторону.

Блин! Но, должен же я был! Я же - попаданец? Значит - должен прогрессорствовать. И терпеть отдачу от своих же инициатив. А то - не по канону! Я опять поморщился - ну, зачем я раскрылся! Кельш, пусть тебе там масла в огонь подольют, иезуит доморощенный.

Живот недовольно заурчал. Ага, обедать пора. Не, не так - пора с делами заканчивать. Утром - деньги, вечером - ну, вы поняли... Одним

словом - вернёмся к нашим баранам. Кто там ещё желает прогрессорского тела?

Остались только экипажи испытателей танков. Надо же - выделили заводских испытателей! Значит, опыт эксплуатации этих машин у них есть. Спросил про боевой опыт - не оказалось боевого. Ничего, это дело - наживное.

На танкистах я и закончил смотр достижений ВПК. И отправился к ближайшей походной кухне, что распространила по полигону одурманивающий запах свежее испечённого хлеба.

Тяжесть учения.

И на следующий же день бригада, ну пока ещё не бригада, заготовка на бригаду, мною была выгнана в марш-бросок. Будем знакомиться.

Немногие остались со мной из первого состава. Кто погиб, кто - по госпиталям. Не всем повезло попасть на курорт к Дарье Алексеевне. Да ещё и многих выживших работников ГАЗа вернули обратно на завод. Наградили почти всех, но вернули многих. И это верно. Пусть моя бригада потеряла опытных бойцов, зато завод вернул себе высококвалифицированных работников, а это - важнее. Тем более, что бригада не совсем потеряла их боевой опыт. Многие из заводчан-ветеранов испытательного полка стали инструкторами Горьковской школы механизации (да, такое вот, вполне мирное название у училища для самоходчиков), подготавливая для страны экипажи СУ-76.

Много новых людей стало в бригаде, а познавать людей лучше в деле. Для начала - просто переброска батарей с пункта "А" до пункта "Б". И уже повылазили несостыковки и шероховатости. Уяснил для себя, что все мои комбаты видят реальность так же как и я, в том же цвете и ракурсе, накрутил их, для повышения оборотов, и оставил учиться окапываться.

А сам - в штаб. Надо было с начштабом обмозговать несколько идей. А с похотливой отдачей разберёмся позже.

В моём распоряжении был ГАЗик-козлик с пулемётной рамой и личный водила. В этот раз решил не брать себе командирский Единорог или танк. Настрелялся. Нагорелся я в танке.

А в штабе все - по стойке смирно. У нас высокий гость - сам нарком Берия. Не, не лично. По телефону высокочастотной спецсвязи. Я его поприветствовал, жестом приказал чаю. Сел за стол, развалившись. Особо контрастно выглядело на фоне тянущихся в стойке "смирно" моих штабников.

- Как тебе наши подарки, Шаман? - спросил он меня.

- Весьма благодарен. Вижу, что мои размышлизмы были услышаны.

- Услышаны. И принято решение попробовать всё это в деле. Ты просил обстрелянных бойцов - будут тебе воевавшие. Всей страной тебе собираем бригаду. Одного тебе дать не можем - времени. Пятнадцать суток у тебя начались вчера. Хотел сам заглянуть, но Хозяин всё больше меня нагружает хозяйственными вопросами. А тут дошли слухи, что мой крестник сначала чуть не погиб, потом совсем отчаялся и тут же вдруг воскресает из небытия живее всех живых.

- Было такое, товарищ Берия. Приуныл, виноват. Исправлюсь.

Принесли чай. Я отпил чаю, а потом как начал Палыч меня драть! Блин! Я сам не свой вскочил, стою перед телефоном в струнку вытянутый, бледнею, краснею, потею, а он меня виртуозно отчитывает! Не, не отчитывает, а дерёт как сидорову козу! Мастерски! Раз,,ебон 80 лвла! В основном за мое самоубийственное поведение. И немного за словесное недержание. Когда профилактический продерон закончился, он поздравил меня с бракосочетанием. Переход от пропесочивания к поздравлению был так резок, что я поперхнулся и, задыхаясь, не смог поблагодарить за поздравления. Он простился, положил трубку. Я тоже положил трубку на аппарат, опустил на лавку, вытер пот.

Штабные смотрели на меня выжидающе. Надо им преподнести всё в нужно свете. Я - руководитель, в конце концов. И моя обязанность - моральный климат в коллективе, формирование этого самого коллектива, направление его целеустремлений и стимулирование.

Во, как я стал погибать! Выкачка скилла "лидерство" так меня корёжит?

Ха-ха, а всё таки я - сумасшедший! Мыслю уже игровыми категориями. Всё же психике проще не до конца верить в реальность происходящего.

Чувство сюрреализма меня не оставляло с самого момента, как я обернулся и увидел наезжающий на меня вагон. А потом - госпиталь, 1941-й. Как поверить, как принять реальность? А так, получилось, сюр. И я как во сне. Отсюда - смелость, бесшабашность, расторможенность, полное отсутствие закомплексованности. И вот я стою перед этими, безусловно, достойными людьми, после разговора с одним из пантеона исторических Личностей.

А кем бы я был, если бы не это чувство нереальности? Закомплексованным инвалидом, полностью оторванным от реальности в силу иновременности, абсолютно не врывающегося в окружающую среду. Да, я бы заинтересовал врача-агента Натана (или как там его на самом деле имя?), но как бы заинтересовал? Когда со мной НКВД стало возиться?

После моих пробалтываний? Нет. После "хулиганства" на разбомблённой станции.

Смог бы я стать тем, кем стал, если бы не чувствовал себя оторванным от реала, если бы не лёгкое ощущение, что это всё сон, PC-games? Если бы не казалось, что вижу всё и своими глазами, и как бы сверху чуть, со стороны. Тот самый "калькулятор", холодный, безэмоциональный, расчётливый.

Смог бы я заставить себя взять на себя ответственность руководства людьми? Нет. В реале от организаторских функций всячески прятался. Смог бы я так лихо мордовать ментов, простреливая им конечности? Нет. От ментов - окольной дорогой. А тут - я сразу стал для них "Акелой", вожаком, суровым, беспощадным, справедливым. И не для щеглов-новобранцев, а уже тёртых жизнью волчар.

Смог бы поверить, что "хрен вам, я - не сдохну!" и с ранами, с гангреной, вести людей по болотам? Нет. Ныл бы от жалости к себе, хныкал бы в яме и подход бы как собака!

Вот и сейчас, соберись, размазня! Тебе только что сам Берия звонил! Поздравлял со свадьбой! Ему не пох на такое незначительное событие в жизни такого незначительного человека. Он - волнуется за успех дела. Он доверил мне свою первую особую, гвардейскую, чекистскую часть. Мне! Вчера ещё менеджеру, литейщику, путейцу! Могу я подвести ТАКОГО Человека? Могу я подвести его ХОЗЯИНА?

Это категорически недопустимо. А потому - Витя Данилов, погуляй, попереживай эти эмоции где-нибудь в стороночке. Подполковник Кузьмин! К бою! Покой нам только снится! Будетниться, когда сны будут. Когда спать будем больше 3 часов в сутки.

Секунду обдумывал свой спич, выдал:

- Нам оказана большая честь. Не имеем права посрамить такого высокого доверия, - сказал я командирам моего штаба, - Поэтому уже сейчас переходим в боевой режим работы. У нас всего 15 суток на формирование подразделения абсолютно нового типа. И от того, как мы проведём эти 2 недели, зависит, как себя покажет бригада на фронте. Работаем!

И пошла работа. Штаб уже проработал в черновом варианте план боевой учёбы. Стали его прорабатывать, дорабатывать, уплотнять.

В это время в штаб зашёл майор, представился Гавриилом Арвеловым, командиром отдельного комсомольского батальона. Раньше они были воздушно-десантной бригадой, после Демьянской Высадки стали стрелковым батальоном. Должны были высадиться в тыл врага, но

приземлились прямо на позиции немцев, да ещё и раскидало их изрядно. Кровью умылись. Но, с честью и доблестью собрались в одно подразделение и отбились от окруживших их превосходящих сил немцев. Вот это, и правда, гвардия. Десант!

Я ухмыльнулся. В голову мне пришла аналогия, не уместная, конечно, но... игровая реальность рулит:

- А вот и космодесант пожаловал. Кровавые Вороны. Во главе с самим командором Габриэлем Ангелосом. Мне бы ещё роту морпехов - были бы свои Ультрамарины. А Демиан Тул у нас уже есть - Громозека.

Никто не вкурил, пожали плечами, отнеся это к уже привычным для многих моим чудачествам. Но, Арвелова с этого момента за глаза называли только Командором Архангелом Гавриилом, благо что двухметровый голубоглазый блондин - косая сажень в плечах на архангела вполне тянет. А его комсомольцев-парашютистов звали космодесантом. Уже через два дня Арвелов сам подошёл ко мне с требованием объясниться. Пришлось ему провести короткий экскурс в историю Кровавых Воронов и мира Вархамера. Потом вызвал нашего художника, того же, что рисовал единорогов на самоходы, он выжил, и накидать ему набросок эмблемы Кровавых Воронов. В общем, когда Арвелов уяснил, что имя Кровавых Воронов - не оскорбление, инцидент был исчерпан.

Кстати, в моё время бытовало мнение, что тут была рабская покорность нижестоящих к вышестоящим. И, якобы, это было отличительным признаком Совка. А меня, подполковника, тут чуть ли не бить собрался майор, мой же подчиненный. Несмотря на мою полулегендарную известность. То ли он отчаянно храбр, то ли безумен. Как там, а, - "безрассудство и отвага"? Но, если он и с немцем будет так же безрассуден и отважен - срабатается.

И подобное отсутствие чинопоклонения тут - норма. Субординация - субординацией, но если вышестоящий превысил полномочия - тут же обратка прилетит. Кто посмелее - сразу в табло, кто похилее - докладную в особый отдел - иди, объясняйся - кто тут верблюды.

Но, вернусь к батальону комсомольцев. Тридцать три богатыря и дядька Черномор. Отборные ребята. Физкультурники, парашютисты, комсомольцы. Богатыри. Пять сотен богатырей. Три стрелковые роты, пулемётно-миномётная рота, батарея сорокопятак на мехтяге полуторок, взвод управления, взвод связи, сапёрное отделение. Свои кухни. Полноценное подразделение, способное самостоятельно решать задачи. Ах, ну да, они же бригадой были.

- Придётся, Командор, немного переучиваться, - сказал я ему.

- Это вы про ведение боя боевыми группами, как Перунов сейчас учит? Так нам - не в новинку. Немец ещё весной научил. Кто не усвоил науку - не дождались прихода наших. Не выжили.

- Вообще замечательно, от слова "мечта".

Да, про Кадета. Он оказался единственным оставшимся в строю из моих учеников. Вот ему я и поручил преподавать навыки пополнению. Сейчас он учит бою рассыпным строем сводный взвод, целиком состоящий из командиров взводно-ротного звена. А уж они будут учить своих бойцов. Потом следующий этап - боевые группы. Опять же - лучше всех воевать боевыми группами получалось у Мельника и Кадета. Но, Мельник - в госпитале и ещё даже не ясно - восстановиться или нет.

Хотел я Кадета поставить опять "главным разведчиком" бригады, но разведроту тоже надо формировать заново, и учить, а Кадет занят круглые сутки. Ладно, оставил того, кого прислали из резерва. Не пожалел. Капитан Цветиков, светящийся жаждой жизни подвижный кудрявый блондинчик, похожий на профиль со значка октябрят - такие ассоциации из моего детства он вызвал. Радиопозывной "Светляк". Свое дело разведчик знал хорошо. Он ко мне и прибыл с командования разведротой.

И понеслось - ни минуты продыху! Там надо согласовать, там проконтролировать, там развести сцепившихся амбициями командиров, там надо что-либо продать или достать. И кадровый вопрос. Основной! Всех людей надо познать, ну, хотя бы командиров. Кто на что способен, на что - не способен. Где кого лучше применить. И если бы не грозная тень НКВД за моими плечами - ничего бы у меня не вышло и за год, не то что за две недели.

В эти 2 недели я спал максимум по 3 часа в сутки. Но, отдавая приказ на погрузку бригады в эшелоны, мог быть уверен, что моё подразделение - боеспособно. Ничего, конечно, не было доведено до оптимума, но по минимуму - всё успел. Ну, или, я надеялся, ничтожесумящий, что успел.

И вот боевые группы грузятся в составы. Все в новой форме егерей - камуфляж, берцы, разгрузки, кепи, на петлицах - в венке из еловых веток - щит. На щите - меч острием вверх. Ни одной трёхлинейки - у всех карабины СКС. А у штурмовых подразделений - штурмовые винтовки АКС-42. Это новое оружие родителя СКС, конструктора Симонова. Отличий от довольно удачного СКС - минимум - отъёмный магазин на 20 патронов и возможность автоматического ведения огня. Чую, что хлебнём мы горя с новым оружием, но, кто-то же должен проводить войсковые испытания. А ведь это именно я, лично, просил Симонова разработать

такое оружие. И поэтому не имел морального права отказаться от его войсковых испытаний на себе. Инициатива продолжает иметь инициатора. И дело совсем не в стволе и не в конструкторе. Будь конструктор хоть трижды гениален, а ствол - хоть легендарным по надёжности Калашёв, но пока не изведёшь неизбежные "детские болячки" - будет сбоить. А вот потом! Дожить бы до потом. И нет у нас времени на неспешные испытания и доводку.

Новые ручные пулемёты. Пулемёт Горюнова плохо пошёл в производстве и к его доработке привлекли легендарного Дектярёва с его командой. В результате появился ДГП-42. Тот же ДП, но с ленточным питанием и сошками, вынесенными дальше вперёд, чуть не к пламегасителю. В варианте ручного пулемёта - коробчатый магазин на ленту в 100 патронов. Ещё один шаг к ПК сделан. Одна сложность - пулемёт не переваривает матерчатых лент. Только металл. И смена ствола довольно сложна, не так как у ПК. Ну, не всё - сразу.

Новые радиостанции как возимые, так и носимые. Нет, не моторолы, конечно, заплечные ящики, но опять улучшенные. Увеличена "дальнобойность", добавлен селектор нескольких заранее настроенных радиоволн, снижены вес и потребление энергии. До появления следующего поколения батарей - это единственный способ увеличить время автономности.

А как посыплются "детские болезни"? Холодная волна пробежала по спине - останемся безоружными перед лицом врага. А, на хрен! Бог не выдаст - немец не съест! Трофеями воевать будем, не впервой!

У меня в руках оказалась внушительная сила - полтора десятка танков, полк самоходов, две тысячи пехоты, сотня грузовиков снабжения! Блин, Ё-комбату бы такую силищу год назад! Вот бы вломили немцу!

И мне бы не лажануть на фоне Ё-комбата. Память его не предать.

Кстати, небольшая, но очень важная группа бойцов прибыла из Горьковской стрелковой училища. Снайпера. Знаете, кто у них был преподавателем? Один из "леших"! Осенью 41-го, при выходе моего сводного отряда из окружения, он был очень тяжело ранен, лишился глаза, одного лёгкого, руки по локоть, ступни, к строевой службе был признан не пригодным, теперь учит других премудростям работы снайпера в штурмовом подразделении. Повидались с ним, жаль только несколько минут удалось выделить на это. Было приятно, что он не только помнит меня, но и очень рад за мои успехи.

Провожать эшелоны явились множество знакомых и ещё больше незнакомых людей, да и просто причастных. Только вот,

любопытствующих "вежливые" бойцы в форме НКВД не пустили.

Запомнилась фраза молодого тогда ещё Устинова, что лично примчал из Москвы своими глазами увидеть егерей, на формирование которых он, по должности своей, приложил столько усилий:

- Лекарство от блицкрига.

Я его помнил старым. Министром обороны. И видел только по черно-белому телевизору в детстве. А сейчас он был молодым, энергичным и очень смышленным Наркомом вооружений. За то время, что нам пришлось совместно поработать, а он лично курировал формирование моей бригады, у меня о нём осталось самое благостное впечатление. Умный, грамотный, обязательный, кристально честный, волевой. Боец. Настоящий коммунист. Именно таких, как он - я и считаю коммунистами. А Зюганов, например, - ну, какой он коммунист? Он партфункционер. Как и Горбачёв с Ельциным. Одна обёртка красная. А за ней - коричневая начинка. Не шоколадная.

В общем, торжественные проводы. Не обос... не завалить бы всё. Вот, будет стыдно! Такое доверие таких людей!

Блин, столько Людей с большой буквы я ещё не видел - разом и в одном месте! Сплошные генеральские звания. Генеральные конструктора, наркомы, генералы (по сути) ГБ, директора заводов, тоже генералы, но технической службы, генералы армейские. И все из учебника истории. Легенды. Тут только Туполева с Яковлевым не хватает. Но, рождённый ползать гусеницей, летающим - не интересен.

В лесу прифронтовом.

Направлялись мы на юг, в Волго-Донскую излучину, Паулюса бить. К этому и готовились. Учения проводили по легенде сдерживания механизированных подразделений противника и перемалывания их из засад и в подвижной обороне. Но, приехали опять под Воронеж!

А я так хотел лично поучаствовать в Сталинградской битве!

Встречать нас примчал Ватутин лично. Несмотря на ночь. Он был рад меня видеть. Но ещё больше он был рад видеть десятки стволов моей техники. Обнял меня, как родного, хотя я его впервые и видел.

- Так вот ты какой, майор Медведь! - кричал он.

Кричал. А мне его характеризовали как уравновешенного и интеллигентного генерала. Генштабиста.

- А мне докладывали, что погиб ты тогда.

- Слухи о моей гибели оказались, мягко говоря, преувеличенными.

- Ха! И это просто здорово! Знал бы ты, как мы тебе обязаны! В тот момент мне город было просто нечем оборонять! Кроме твоих орлов никто и не воевал.

- И это не есть хорошо, - буркнул я.

- Точно! - кивнул Николай Федорович.

- А сейчас есть чем оборонять?

- Грех жаловаться, врага держим. Но, на твою часть у меня большие планы. Потому и выпросил твоих егерей у Ставки.

- Даже так? Мы специализировались на противодействие танкам противника, парированию прорывов. Так у вас, вроде, немец больше не прорывается.

- Вырывается. Поехали в штаб, покажу.

Поехал с генерал-лейтенантом в одной машине. Ну, никакой субординации!

Мягко стелет. Жёстко спать будет. Если это учитывать, и мою общую "везучесть" - в самое пекло буду сунут. Как там про меня Палыч сказал: "Влезет в самую глубокую и самую вонючую лужу и найдёт на дне самородок"? Будет ли самородок? Будет - не будет самородка, а лужа - моя.

Что же задумал бывший зам. нач. Генштаба? А вот что: немец собрался вывести с этого участка фронта подвижные соединения и, после пополнения и отдыха, перебросить их на Сталинградское направление. А это, понятно, "категорически" не допустимо. Надо "убедить" противника оставить танки тут. А "убедить" их можно только создав угрозу прорыва фронта. И вывода в прорыв подвижных соединений. Только вот беда - у Ватутина есть чем прорвать оборону, но нечего в прорыв вводить. У него ещё числятся несколько танковых корпусов, но за время оборонительных операций и контратак корпуса сточились до утери возможности вести самостоятельные операции. Можно, конечно, свести остатки танков в одну часть и ею действовать, но тогда у Ватутина совсем не остаётся танков для оперативного реагирования на трепыхания противника. Да и боевая слаженность такого соединения будет аховой.

Вот так вот! Честно сказал, в глаза: прорыв - билет в один конец.

- Коридор тебе обеспечим. Ты должен совершить рейд по тылам противника и вынудить его разгрузить танки обратно. Вся авиация фронта будет работать только на тебя.

- Да, для боя без линии фронта мы и созданы. Надеюсь вы, Николай Федорович, понимаете сколько у меня в бригаде экспериментальной техники? И чем может обернуться вам её попадание в руки врага?

- А тебе?

- С меня спрос маленький - шлёпнут или штрафбат. А вот потеря комфронта - невосполнима.

- Да. Ладно, езжай, обустрой бригаду вот тут, видишь? Я пришлю

связистов.

Понятно, согласовывать будет со Ставкой. А кто это, Ставка? Ставка - это Сталин. Так и надо читать мемуары и документы той эпохи. Там, где есть слово Ставка, можно смело ставить Сталин, не ошибешься. Так даже правильнее, понятнее будет. Вот и пусть решает Отец народов - отпускать меня в яму с дерьмом или не стоит.

Занялся проблемами бригады. Размещением и довольствием. Там всё непросто. Как всегда.

Разместились в лесном массиве. Ещё затемно успели. Не хотелось светить немцам наше прибытие до времени. Автобат разгрузился и я его отправил с моими завхозами на склады. Всё, что было подвижным - сразу и отправил. Не дело начинать операцию с одной заправкой и полуторным боекомплектom.

Транспорты разъехались, расчёты закончили "закапывание" техники, маскировку позиций.

К 10 часам утра лес замер - народ отсыпался. Я вышел из штабной палатки, подставил лицо и заокеанские солнцезащитные очки летнему солнцу и запел песню "В лесу прифронтовом":

С берёз неслышим, невесом
Слетает желтый лист
Старинный вальс "Осенний сон"
Играет гармонист
И словно в забыты
Сидят и слушают бойцы
Товарищи мои
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг
Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет
Под этот вальс грустили мы
Когда подруги нет.
И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом
И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну
И каждый знал - дорога к ней
Ведёт через войну

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час
А коль придётся в землю лечь -
Так это ж только раз.
Но пусть и смерть в огне, в дыму
Бойца не устршит,
И что положено кому
Пусть каждый совершит.
Так что ж, друзья, коль наш черёд
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора,
Идём, друзья, идём!
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждёт!

Шахерезада стояла в трёх шагах, слушала, как я пою. Я её не видел, пока пел. Но, увидел военкора "Красной Звезды", что её сфотографировал, пока она его не видела. Ха, "я обернулся посмотреть, не обернулась ли она, чтоб посмотреть - не обернулся ли я".

С военкорами получилось вот что - редакция газеты "Красная Звезда", учитывая "успех" предыдущего военкора, хотя он оказался в наших рядах случайно, решило "успех" - повторить. И обратились ко мне. В процессе переговоров пришли к взаимовыгодному варианту - военкоры теперь находятся при моём штабе, оперативно получают эксклюзивный материал для печати, охрану из бойцов моего комендантского взвода, что по двое закреплены за каждым корреспондентом, а со стороны редакции "Красной Звезды" - военкоры обязаны фоткать всё, на что мы ткнём пальцем.

Я собрался на плёнку документировать всю статистику попаданий снарядов немцев по моей технике и, соответственно, моих снарядов по технике немцев. Должен же я как-то иначе, кроме пальцев, убедить в необходимости дифференцированного бронирования?

Вот КВ-1. Круговая броня - 75 мм. Это, конечно, хорошо. Но, вес! А, фактически, с таким же весом можно было бы сделать лобовую до 100 мм, снизив толщину боковой и кормовой брони. Да и самому интересно - а прав ли я? Вроде, все танкостроители пришли к дифференцированному бронированию, а насколько это оправдано?

Да и для потомков нащёлкать битой техники нациков. А то в

Интернете - тысячи снимков нашей битой техники с ползающими по ним немцами, а вот наоборот - не густо.

Вот так и появилась при штабе группа столичных денди с фотоаппаратами на шее, фоткающие всё подряд. Один из них решил, видимо, что привалившиеся к берёзе моя жена достаточно фотогенична, что стоит истраченного кадра дефицитной плёнки. Я ему погрозил кулаком, он улыбнулся мне и подмигнул. Я сорвал ближайшие цветы, поднёс жене.

- Он решил, что ты очень красива, - сказал я. Военкор ещё раз щёлкнул "лейкой", снимая меня с женой.

- У тебя плёнки вагон? - рявкнул я на него, - тогда заставлю заснять весь состав бригады на фото для личных дел!

Военкор смущённо улыбнулся, развёл руками и ушёл.

- Есть хочешь? - спросила меня жена, - Нам отдельную палатку поставили.

- Пойдём.

Пошёл за ней. У меня было такое же чувство, как с Дашей в последний день. Когда я чуял, что вижу её в последний раз. Как Даша сказала - меня ждут тяжкие испытания. Так что жену я в прорыв не потащу. И ещё неизвестно, вернусь ли сам. "Настал черёд, пришла пора...!", идём.

У меня было только 4 часа. Не выспишься.

- Да, покой нам только снится, - пробурчал я, наматывая портянки и шнуруя берцы.

Ватутин вызывал. Видно, Ставка решила мою судьбу.

- После войны выспимся, - сказала жена, одевая гимнастёрку.

- Или в могиле.

- Тьфу на тебя! Сглазишь!

- Нет. Слушай сюда внимательно! Я иду в тыл немцев. Ты - не идёшь.

- Иду! С тобой! Пока смерть не разлучит нас!

- Нет!

- Да! Я уже потеряла одного мужа! Тогда лучше вместе!

- Я, блин, долбанный Дункан МакКлауд! Я - бессмертный! Меня не убьют! А тебя - запросто! Я уже тебя терял, и тоже - больше не хочу. Поэтому ты останешься и будешь меня ждать, как и пристало жене. Жди меня и я вернусь.

- Я не верю тебе!

Я усмехнулся, она отшатнулась. Вот такие у меня усмешки. Аж - глаза испуганные у неё.

- Если не будешь делать, что я скажу, я тебе ноги прострелю и в госпиталь отправлю. Сейчас веришь?

Она судорожно сглотнула и кивнула. То-то же! Будет мне тут бабий бунт устраивать. Сидеть, сказал! Прежде чем уйти, долго-долго смотрел на неё, запоминая. И вышел. А в спину - рёв, будто я уже умер. А теперь - бежать, пока не опомнилась. Бабий бунт терпеть - ну нахер! Авианалёт - не так страшен.

Я бы и остальных своих друзей тут оставил, но Громозека - телохранитель и приказы его руководства моими не перебиваются, Прохору и так ничего не станется, Брасень - выкрутится, он, вор, ловкий, а Кадет... Охо-хо! Парень - самый толковый мой комбат, как я без него? Как мне не хватает доверенных людей! Где Шило, Леший, Мельник?

Тяжело вести детей на смерть.

Машина меня уже ждала. Громозека скучал за пулемётом. Я запрыгнул в ГАЗик, молча махнул рукой, запел:

Так что ж, друзья, коль наш черёд
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука.
Настал черед, пришла пора,
Идём, друзья, идём!

Громозека окинул меня удивленным взглядом, задумался. Думай, башка, думай, шапку куплю!

Ставка дала добро военсовету Воронежского фронта на использование моей бригады в рейде по тылам противника. Вечер провели за согласованием и детальным освоением мною и моим начштабом плана операции. План был неплох. Даже хорош. Детально проработан. Чувствовалось, что Ватутин из Генштаба. И талант полководца присутствовал. Я тихо завидовал.

План был такой - с плацдарма 60 армия с остатками 2 и 11 танковых корпусов прорывают оборону, танковые корпуса входят в прорыв и расширяющимися клиньями теснят фланги противника, а потом прохожу я, такой весь на белом коне с развевающимися знамёнами. И двигаюсь по тылам противника, вынуждая его бросать на меня свои оперативные резервы. Надо выдержать этот удар и вынудить немцев вернуть их панцердивизионы к нашему берегу Дона.

А хорош план был своей проработкой. Детальной. Кто, куда, когда, какой дорогой, откуда снабжаться будет то или иное подразделение. Думаете это - само собой разумеющееся? А вот и не угадали! Тут такие полководцы!

Я, конечно, понимаю - откуда взять сразу столько грамотных и умных

штабных работников, чуть не сказал "офицеров"? Сколько сейчас у нас в Красной Армии штабов? Десятки тысяч? Сотни? А сколько было хотя бы десять лет назад? В 10 раз меньше? В 100? Или в 1000? А сколько подготовленных, кадровых штабистов стинуло в пламени войны? Столько же, сколько было до войны? Больше раза в 2-3? Так, что, понимаю - кадровый голод, но, блин! Да и из кого готовить таких штабистов, когда после хаоса 10-30-х просто умеющих читать - нехватка. Окончивших полную среднюю школу пацанов никто, повторяю - никто!, в стой сразу не кидает. Всех - на курсы младшего комсостава. Читать умеешь? Карту разумеешь? Пересказать произвольно только что прочитанную страницу можешь? Через 3 месяца будешь младлеем! Взводным, командиром расчёта, командиром танка. А там - как кривая выведет.

Так что этот, стандартный, план - прямо гениален.

Начштаба отбыл в бригаду готовить её к переправе на плацдарм. Переброска будет осуществляться этой ночью. А утром - наступление.

- А почему с этого плацдарма? - спросил я, - а не с этого?

Всё оказалось просто - там была переправа. Противник не мог её разбить слепым огнём и авианалётами. А на другом плацдарме переправу уже третий раз разбивают. Там на господствующей высоте каменная церковь, старая, с толстенными стенами, с колокольни которой их наблюдатель корректирует огонь артиллерии, разнося всё в хлам раз за разом. И колокольню эту никак не удаётся разбить. С закрытых позиций бить по ней бесполезно, а на прямой наводке немцы разбивают наши орудия быстрее, чем они успевают пристреляться к колокольне.

Поехал на плацдарм. Переправлялись по наплавному битому-перебитому мосту на ту сторону в сумерках, вместе с марширующими ротами 60 армии.

ГАЗик мост выдержал. А танки выдержит? Но, на западной стороне я увидел закопанный по башню танк KB-1с. Если его выдержал, то и мои Т-34М выдержит. А Единороги - тем более.

KB-1с был с его характерной скруглённой литой башней. Могут же отливать башни целиком! Могут!

Полазил по плацдарму, насквозь простреливаемому немцами. Снаряды падали редко и наобум. Беспокоящий огонь называется.

Плацдарм не маленький, но и не большой. Для ударной группировки хватит. А вот что хреново - что немец очень крепко сидел. Переоборудовал немец наши же оставленные позиции, понавтыкал везде бетонных коробок ДОТов. Бетонная стена, а не линия обороны. Блин, и где они умудряются столько бетона брать? У них что, в каждой дивизии по цементному

заводику?

- Блин, замучаешься ковырять его!

- А у нас как раз есть бетонобойные снаряды к стоседьмым, - хмыкнул Громозека.

- Точно! Не думаю, что немцы рассчитывали толщину бетона на такую мощь. Скорее всего - на три дюйма.

- А может - с запасом?

- Не думаю. Немец очень рационален. Так, дружище, давай связь с Берлогой.

Когда смогли достучаться до штаба, приказал начштабу взвод 107-х переправлять сразу. С наблюдателями от конструкторов. И подразделениями обеспечения.

Чтобы бетон бить, нужны дюбеля. Или победитовый бур. Не изобрели ещё? Ничего, мы уже тут!

Наступила тьма, но плацдарм бурлил, накачиваемый войсками.

- Обратно поедem? - спросил Громозека.

- Незачем. Ищи ночлег. Вздремнём, пока наши доберутся.

О внутреннем мире дюбеля.

Боевая группа из 2 самоходов с ЗиС-6, БРЭМа и взвода боевого охранения прибыли только к 3 утра. Уже светало. Три грузовика привезли боекомплект самоходов, т.к. самоходы переправлялись пустые, перестраховочка. Лучше перебздеть, чем недобдеть! Дружненько, все вместе, быстренько их разгрузили и грузовики отправили обратно. Моя бригада окапывалась на восточном берегу, маскируясь.

В 4.30 арtpолки Воронежского фронта начали арtpодготовку. Лупили прилично, линия укреплений противника потонула в пыли и дыму. Там земля стремилась взлететь в облака. В 5.00 артиллерия перенесла огонь вглубь позиций противника. Бесшумно пошли в атаку танки 2 танкового корпуса, в немом крике разевали рты цепи пехоты.

От грохота орудий я оглох и довольно продолжительное время уши были как ватой забитые. Отвык я от грохота войны.

Проблемы начались сразу же. Бетонные коробки ДОТов оказались целы. Танки попали под обстрел неподавленных противотанковых орудий. Немецкая пехота текла ручейками блестящих касок из глубины обороны в полуосыпавшиеся окопы.

- Давай, ребят, разбейте эти бетонные коробки. Иначе мы тут застрянем, - махнул я командирам расчётов.

Самоходные орудия поползли вперёд. Всё же тяжеловато орудие ЗиС-6 для СУ-76. На твердом грунте - нормально, а на перепаханном

плацдарме самоходы ползли, переваливаясь, как беременные бегемоты. Про беременных бегемотов я ляпнул вслух. Так и прилипло.

И хотя подвижность была никакой, огневая мощь оказалась выше всяких похвал. Всё же пудовый снаряд с очень высокой начальной скоростью - это вам не кот наклац. ДОТы затыкались один за другим. Сила ударов была такой, что при попадании снаряда появлялась вспышка, как от электродуги сварочного аппарата, ДОТы окутывались пылью, поднятой с земли выплеском кинетической энергии, куски бетона летели метеоритным дождём.

Немец быстро просёк, кто колет их ДОТы, как орехи. И начал вылавливать Бегемотов, фокусируя на них огонь всех средств огневого воздействия. И, если сначала самоходы меняли позиции только после уничтожения ДОТа, то теперь пришлось отползать после пары выстрелов. Вот тут и сказалась низкая подвижность. Пришлось оттягивать их глубже, что сразу же сказалось на эффективности огня. Но и противнику было уже сложнее засечь их огневые. Ничего, так десяток боекомплектов отстреляют, научатся. Так сказать, скилл "меткость" прокачают.

А потом пришли Горбатые. Илы. И разверзли огненную преисподнюю на головы немцев. Сначала они отработали РСами, потом засеяли окопы врага ампулами с огнесмесью, затем стали крутить карусель в трассерах зениток немцев над окопами противника, отрабатывая боезапас пушек и пулемётов. Им это не осталось безнаказанным - один ИЛ развалился прямо в воздухе, несколько ушли на восток, просвечивая небом сквозь плоскости.

После работы Илов немца удалось выбить из первой линии. Остатки нациков отошли на 300 метров, на 2 линию обороны. И всё началось по новой.

Наша пехота заняла окопы, мои тоже пошныряли там. Притащили, со смехом, блестящую горшок-каска немца. Стало понятно, почему блестящие каски текли по ходам сообщения. Немец, хоть и немец, а понт дешёвый тоже уважает. Оказалось - маслом каски натирают, тупицы. Сразу видно - только-только из тыла. Бывалые окопники себе такого не позволяют.

Кстати, повод задуматься. И позвонить Ватутину. Тыловики - это от безысходности или противник, как римляне, неопытных бойцов выставил на передок, а ветеранов держит в 3-ей линии?

Самоходы тоже вернулись в тыл, то есть к моему НП, на перезарядку и дозаправку. У расчётов глаза горят боевым задором. Двое забинтованы, ранены - командир одного из расчётов потерял кусок скальпа, сорванного осколком мины, заряжающий другого - схлопотал осколок в руку.

Заряжающего заменили, а скальпилеванный отказался. Пока боевой азарт его жжёт адреналиновым огнём - он боли не чувствует. Махнул рукой - пусть постреляет. К вечеру ляжет в госпиталь.

- Наши отработали, их черёд, - сказал Громозека, приставив ладонь ко лбу козырьком, осматривая западное небо.

Связался с Берлогой, но начштаба успокоил, что все ПВО на огневых и ждут "работу". Кроме того сообщил, что над ними на большой высоте барражируют истребители прикрытия переправы. Я обернулся, пригляделся - правда - в облаках купаются черные росчерки самолётов.

- Наши встряли, - сообщил я щёлкающему и шипящему эфиру, - давай отработаем с закрытых?

- Да-да, - прокричал начштаба, - польскими!

Польские - это 76-мм снаряды для наших Единорогов. Почему так, хоть и неофициально, назывались, я не знал. Может, польского производства? Что-то с ними было не так - Брасень нашёл целый склад таких снарядов, американский кольт не только раскрыл ворота склада, но и развязал язык завскладу. Он и предупредил, что дивизионные начарты Ватутина отказываются от этих снарядов. Сказал, что латунь гильз - бракованная. Правда или солдатская байка - не понятно. Но, мой новый начальник артиллерии бригады с забавной фамилией Незовибатько и радиопозывным Кактус оказался очень опытным пушкарём. Кактус приказал Брасеню - брать! И пояснил мне с начштабом, что снаряды эти взяты трофеями в польской компании в больших количествах, но гильзы из слишком мягкой латуни раздувает при выстреле прямо в камере орудия и выбить его можно только со стороны ствола, а это - потеря времени, а в бою прямой наводкой - ещё и потери расчётов. Но, Грабинские ребята испытывали орудие как раз на этих трофеях и сделали в ЗиС-3 специальный выталкиватель, решающий эту проблему автоматически, при откате ствола. Осталась единственная проблема - не все снаряды будут взрываться на позициях врага. Да и ладно, ещё накидаем, на том складе их тонны. Вот и решил начарт их брать для такого вот огня с закрытых позиций. Так что мне опять повезло с замом. А там и посмотрим - прав он или не очень.

Да, фактически часть у меня самоходно-артиллерийская, разбавленная пехотой. Потому начарт в иерархии бригады идёт сразу за мной и начштаба. Вот командование и подошло так серьёзно к личности третьего человека в первой, особой, егерской.

- Высылай окулистов с охраной ко мне.

Окулисты - арткорректировщики. Скоро приплыла на лодках группа

командиров моей бригады с начартом, куча связистов с мобильниками - ящиками носимых радиостанций, и взвод "космодесанта" в качестве охраны.

И военкоры с лейками, куда без них? Жилетки что ли им одеть с надписью "PRESS", чтобы были похожи на репортёров моего времени? Не, не надо. Вдруг немецким снайперам понравится? А вдруг ООН какое-нибудь ещё не приняли постановление о неприкосновенности репортёров "без границ и без башен"?

И есть ли оно, ООН?

А нужен ли он, ООН? В моём времени - понтов от него - не особо. Пендосы крутили мир на шесте, как хотели - а ООН? Спокойно на это посматривали. Может, это только выглядело так - мой, так сказать, имхо. А на самом деле - всё иначе? Может, просто я чего-то не знаю?

Кактус притащил всех командиров батарей на плацдарм:

- Пусть учатся наводить огонь с закрытых позиций. Этому тоже навык нужен. Теория с практикой часто не совпадают, а иногда и противоречат, - пояснил он мне на моё недоумение.

И стал распределять людей по группам без оглядки на меня. Я - не против. Я - за самостоятельность и инициативность подчинённых. До определенной степени анархии. А то ведь меня и убить могут. И что тогда? "Шеф, шеф, всё пропало!?" Пусть лучше будет самостоятельность. Так сложнее, но, так - лучше! Тем более, что командирствую я без году - неделя. Так, видимость активную создаю. Щёки надуваю. Для солидности. Ха-ха!

Я лишь напутствовал их словами:

- В свалку не лезьте. Ваша забота - со второй линии засекать огневые противника и давить их огнём своих батарей. А в рукопашную - тут есть, кому ходить.

Группы стали перебежками разбегаться в разные стороны, догоняя уходящую пехоту 60-й армии. Кактус остался со мной. Дождались ещё группу егерей с Архангелом Гавриилом во главе и саперов. И вот с ними выдвинулись западнее - искать место под мой новый НП, чтобы видеть бой, откатившийся западнее.

БРЭМ послал осмотреть подбитые танки бригад 2-го танкового корпуса и помочь в ремонте. Если получится, эвакуировать в тыл. Т-60 и Т-70 БРЭМ утащит без проблем, может быть с Т-34 справиться, но вот кэвешки ему не сдвинуть. Сколько в КВ? 40 тонн? 45? КВ-1с - не легче. "С" он - потому что - скоростной. Не болид Формулы 1, конечно, но против обычного КВ, реально - живчик. Подвижность ему подняли не столько

снижением веса, сколько модернизацией ходовой и трансмиссии. Так что это по прежнему - тяжелый танк.

Организовали НП. Отсюда было хорошо видно идущий бой. Наступление наших войск застряло. Противник ввёл в бой резервы (каска этих не блестили, наоборот - матерчатые чехлы с вставленными в прорехи веточками, клоками соломы), контратаковал и кое-где уже успел потеснить наши части. Через бинокль я видел танковый бой. Чадающими кострами горели танки 2тк. Ярким бензиновым пламенем горели пантеры. Сначала немцы горят ярко, потом тоже начинают чадить. Это горящий бензин разжигает масла, смазки, резину, которых хватает в любой технике. Так что, чадят и наши и немцы одинаково.

Бегемоты возвращались на перезарядку. Связался с ними по радиии. Потери. Они тоже поучаствовали в отстреле немцев - два костра - их. Но потом попали под огонь - 1 убитый, 3 ранены, 6 пробоин в броне, отбит один каток, два раза перетягивали сбитые гусеницы. Подробности мне рассказал воентехник, наблюдатель от заводчан. И вот что выяснилось - мощь орудия, как уже говорилось, выше всяких похвал, каждое попадание - пробитие. Но низкая скорострельность, низкая скорость манёвра огнём сводили на нет его эффективность. Потому после уничтожения 2 танков немцев, остальные пантеры разом, по команде, укрылись в складках местности и обстреляли Бегемотов. Едва ноги унесли.

Вот тебе и преимущество немцев в управляемости наглядно. Один засёк Бегемотов, все сразу сфокусировали огонь именно на них. Танковое подразделение действует как единое целое. Мы к такому же стремимся, а вот наблюдаемые мною танки 2 тк - очень далеки от подобного. Каждый танк - сам по себе. Объективно, понятно, что и радиии не в каждом танке (ими ещё и уметь надо работать), что опыта мало, что координации и взаимодействию боевых машин тоже надо учиться, но когда вот так, зримо видишь отличие в классе мастерства наших ребят и противника - зубы скрипят сами собой.

Да, наши Бегемоты не подкачали - сумели выжить, сумели вызвать Кактуса и отгородиться от противника "дружественным огнём", но и только.

Была бы башня! Она бы решила проблему манёвренности огнём. Но, опять же, орудие настолько велико, что ни в Т-34, ни в КВ-1, ни в КВ-1с не лезло. Только в сараеобразную башню КВ-2. Но, опять же, штатное 152-мм орудие всё же в КВ-2 будет поуместнее 107-мм. Снаряд 152-мм, как я слышал, не пробивал броню, а разрушал сразу весь танк - такая мощь удара.

- Как танковое орудие - не годиться, противотанковое - не годиться. Как полевое - тем более. И куда его? ДОТы ковырять? Так МЛ-20 с ними лучше справиться. Надо снижать вес орудия, полуавтоматику внедрять. Эксплуатационные характеристики повышать. В общем, новое орудие делать, - размышлял я вслух.

Представитель Горьковского, Грабинского КБ поник. Но, спорить не стал.

Бой разгорался, к полудню достигнув предельного накала и ожесточения. Контратаки немцев отбили, но и сами откатились на первую линию обороны немцев, стали окапываться. Моё НП оказалось на одной линии с пехотой 60 армии. Рядом с нашим НП окапывался расчёт 45-мм орудия, справа - пулеметное гнездо оборудовали. Громозека тоже занял оборону, с пулемётом, в одном окопе с "космодесантом". Я тоже проверил свой автоматический карабин, натянул доспех и каску. Вот сейчас и проверим новый ствол.

- Не удался прорыв, - сказал Арвелов, с горестью оглядывая поле боя, заваленное трупами и громоздящимися сгоревшими танками, набивая опустевшие магазины автомата патронами.

- Не всё коту творог, иногда и мордой об порог. Ждал нас немец. Укрепился, эшелонировал оборону, резервы держал в оперативной доступности, артиллерию тут держит. Потому и авиацию не привлекает к уничтожению переправы - на полигон нас заманивает.

Арвелов бросил на меня короткий взгляд. Сел рядом на другой снарядный ящик.

- Давно воюешь, командир?

- А то ты не знаешь! Думаешь, мне не стуканули, как ты меня пробивал? Меня люди уважают, сразу на тебя донесли.

- Обиделся я на тебя тогда.

- На обиженных воду возят, Гавр. Глупое это занятие, бесполезное.

- Знаю. Потому и обратился тогда лично.

- Да, помню, пришёл с предьявами. Всё уяснил?

- Всё.

- Мир?

- Мир.

- Вот и ладушки.

- Командир, ты так спокоен сейчас, а мы ведь прямо на передке. Может лучше перенести НП?

- Незачем. Немец нас отсюда не выбьет. Зачем бегать туда-сюда? Уж что-что, а обороняться мы научились. Наступать бы - научиться. Сейчас

немец ещё разок попытается сунуться, огребёт. Вот тут бы на его плечах и атаковать. А спокоен почему? Так умирать страшно только в первый раз. Кроме того, мы сидим среди своих, справа, слева, сзади - свои. А придётся воевать вообще в окружении. Сейчас - курорт.

Архангел кивал головой, оттопырив губы. Чудной.

В воздухе гуще засвистели снаряды. Загрохотали взрывы на наших позициях, земля затряслась. От близкого взрыва на меня кинуло кучу земли. Я втянул голову в плечи, прижался спиной к обшитой жердинами стенке траншеи.

Сейчас бы выслать в тыл немцам лазутчиков найти эти батареи, да подавить. Но, прямо тут лазутчики не пройдут, их надо было рассылать раньше и переправлять в других местах. Поставим заметку в память.

Когда закончился артобстрел, наступила звенящая тишина. Громозeka беззвучно разевал рот, что-то кричал. Я потряс головой. Хотя я и открывал рот во время налёта, всё одно оглушило. Только песок теперь на зубах скрипит.

Поставил стереотрубу, снял очки глянул в окуляры. Коробки серых танков и пятнистых Штугов. Цепи серой пехоты. Ганوماги тоже идут в атаку. БТРы в первой линии гонят! Совсем ополоумели нацики! Или наше ПТО в грош не ценят?

Звук стал возвращаться. Но, тут начали долбить наши батареи, кусты разрывов выросли в рядах немцев. Солдаты противника стали передвигаться перебежками, бронетехника пошла зигзагами.

Кактус кричал в трубку радиации целеуказания. Остальные - в бойницы наблюдали за немцами. Полкилометра - далеко. 400 метров. Захлопала противотанковая пушка слева и застрочили пулемёты.

Я поморщился - рано. Ну что сделает сорокопятка Штугу с такой дистанции? Только позицию засветит. А им, нацикам клятым, этого и надо. Насколько я помню, противник не кидает Штуги, как танки, в таранные атаки. Не кидал, по крайней мере - сейчас же они в одной линии с танками? Как бы там ни было, но раньше противник Штуги берёт. Использовал их по назначению - как машины арт-поддержки. То есть, со второй линии. Потому потери самоходчики несли меньше, чем танкисты. И опыт боёв, поэтому, имеют огромный. Возможно, те немцы, что сейчас зигзагами ползут к нам в приземистых коробках Штугов, ещё французов с их союзниками заморскими били. И от Бреста до Воронежа дошли. Что им засечь наскоро оборудованную позицию ПТО? А уж стрелять они умеют! В этом и я сам убедиться успел.

- Ложись! - заорал я, опуская стереотрубу. Рядом присели мои

соратники.

Быстрая серия разрывов рядом с моим НП и орудие ПТО заткнулось.

- Метко стреляют, гады, - выругался я, выглядывая. Поднятая взрывами пыль на огневой позиции "прощай родины" оседала, показывая перевёрнутое орудие без колеса и тела расчёта.

Я толкнул Гавра, кивнув подбородком на огневую:

- Пошли бойцов проверить - есть ли живые?

Он решил - сам, с двумя егерями, перебежками метнулись на позицию пушкарей. Вижу - есть живые. Бойцы стали возиться - перевязывают, волокут в тыл. А сам Гавр перевернул пушку, осмотрел её. И этим привлёк к себе внимание врага. Пули стали высекать искры из бронещита орудия. Гавр рухнул под орудие, откатился в сторону. Потом пополз ко мне. Ну, ползи-ползи, рождённый летать под белым куполом.

Немецкие танки и САУ подошли на 100-200 метров и ближе не пошли, стали вести огонь с места, изредка передвигаясь. Пехота немцев под прикрытием их огня, подтянулись к ним, залегли.

- Приготовиться! Приготовить гранаты! - закричал я, щёлкая затвором.

- Ориентир..., поправка..., осколочным, залпом... - кричал в трубку Кактус.

Со стороны немцев истерично завизжали свистки. Чудно - свистки!

Немцы поднялись и цепями побежали на нас.

- Огонь! - закричал Кактус.

- Ложись! - закричал я.

Жахнуло, так жахнуло! У меня аж в глазах зарябило.

- Чем ты? - проорал я на ухо Кактуса, опять сплёвывая попавший в рот песок.

- Стошестидесятые! - проорал он мне в ухо.

Я покрутил пальцем у его виска, он довольно оскалил грязное лицо. Торжество в глазах.

Охренел совсем! Миномет, а тем более такого калибра - оружие подавления, площадного воздействия. Очень неточное. Особенно на такой дистанции - из-за реки. А до немцев от нас было метров 100. Одна из мин вполне могла лечь прямо в наш НП. Нас бы всех собрали в одну лопату.

Я выглянул - двор скотобойни!

- Огонь! - заорал я, сам выставил автомат на бруствер, стал отлавливать в прицел уцелевших немцев, стреляя короткими очередями по 2-3 патрона.

Расстреляв патроны, рухнул на дно окопа, извлёк пустой магазин,

сунул его в карман разгрузки, достал другой, перевернул его, постучал им по своей каске, выбивая песок, если он там был, вставил магазин в магазиноприёмник, передёрнул затвор. Всё это время смотрел, как Гавр, матерясь, перевязывал колено прямо поверх штанов. Он не был ранен - распорол ногу, когда на коленях бежал по дну окопа, наступил коленом на острый осколок, что неудачно оказался у него под ногой.

- Чё там? - спросил я его.

- Прицел цел, оружие - в порядке. Колесо только оторвало.

- У тебя?

- Ерунда! Обидно только!

- Громозека! За мной! - я вскочил, Гавр и Громозека - тоже. Рванули по окопу к огневой ПТО.

И тут я почувствовал что-то. Что-то было не так. Что-то нехорошее почувствовал. Сходное чувство у меня было тогда, прошлой осенью, когда немец уже целиться мне в сердце, а я, раскоряченный после того, как спрыгнул с танка, с пустыми руками. Чувство острой опасности. Смертельной. И такое же чувство у меня было, когда Кум, ментяра, собирался застрелить меня в спину.

- Атас! - заорал я, развернулся, кинулся на своих спутников сбивая их обоих с ног.

Так в кучу и рухнули. Взорвалось прямо в голове. Наверное, я вырубился на время. Очнулся от того, что кто-то меня толкает в пах. Да больно-то как! Попытался встать, не получается. Будто на меня сверху навалили чего-то. Поднатужился, будто силовую тягу выполняю, пошло дело! Потом легче, легче, а потом кто-то меня схватил за спиной ремень разгрузки и выдернул, отбросил, перевернул, на лицо полилась вода. Я смог открыть глаза.

Блин, нас взрывом засыпало! Бойцы-комсомольцы теперь тащили из земли и деревянной щепы Громозеку и своего командира. Я достал флягу, но она оказалась подозрительно лёгкой. Потому что была дырявая, смятая и пустая. А на корме у меня? Точно, вода! - с облегчением понял я. Быть раненым в корму - позор-то! А я-то думал, что ранен недостойно - мокро на филейной части, решил, что - кровь, а боли - пока не чувствую. Бывает так - о том, что ранен узнаёшь не от боли, а от мокрости крови на коже.

Оба погребённых заживо были живы и даже целы. Только, так же как и я - оглушены.

- Целы? - спросил я.

Они закивали головами с ошалевшими глазами.

- Пошли дальше!

А вот и причина нашего погребения - огромная воронка. И, если бы я не остановил себя и моих соратников - прямо нам на голову бы и упал снаряд. А что самое обидное - наш это был снаряд. Выпущенный красноармейцами из советской корпусной пушки. Такой вот "дружественный" огонь. Недолёт, называется.

Ладно, не до рефлексии. Добрались до огневой. Двое бойцов, что нас откапывали, помогли установить потерявшее колёса орудие на пустые снарядные ящики, выровняли пушку, грубо навели на Штуг, стоящий перед нами вполоборота, и лупящий куда-то левее нас.

Так, у нас неплохие шансы пострелять - позиция считается подавленной, нас просто не выслеживают. Нет к нам такого пристального внимания, как в начале боя. Тут кругом всё сверкает, клубы дыма, пыль стоит. Есть возможность пострелять не привлекая пристального внимания. Вот и расчёту "Прощай, Родина!" надо было дожидаться такого же момента.

Я протёр платочком оптику, принял к прицелу, стал наводить на Штуга. Лязгнул затвор, Громозека хлопнул меня по каске, вызывая вспышку боли в голове, я лягнул его ногой, не оборачиваясь. Попал во что-то мягкое. И дёрнул за спуск.

Не попал. Так-так-так! Сорокопятка - очень точная пушка. На такой дистанции можно мух отстреливать. Но, я - не попал. Значит, что? Прицел - сбит. Не у меня же! У пушки, конечно. Я же - мегаснайпер-ас 80 уровня. Это пушка виновата, мамой клянусь!

- Трассер! - закричал я.

Лязгнул затвор. Громозека в этот раз хлопнул меня ладонью по каблуку ботинка. Навёл на передний каток. Выстрел. Мимо! Но, в этот раз я увидел - куда ушёл снаряд. Внёс поправку. Трассер ударил в броню Штуга, высекая вспышку и искры, как электросварка, и свечкой ушёл вбок.

Я, не отрываясь от прицела, выставил назад растопыренную ладонь и, голосом продублировал:

- Осколочный!

Лязгнул затвор, хлопок по ноге, выстрел. Попадание. Небольшой бездымный и почти беспламенный взрыв. И такой же бесполезный. Подкрутил. Лязг, хлопок, выстрел. Лязг, хлопок, выстрел. Наконец-то! Лениво, нехотя, змея гусеницы сползла с переднего ленивца. Всё! Этот обезврежен! Пусть попробует уехать! А башни у него - нет. Потерял гуслю - мишень. Но, к сожалению, не для меня. Слишком долго придётся этой пушечкой ковырять Штуга, стоящего вполоборота, без точной наводки. Если бы не сбитый прицел! У него, уязвимых мест хватает, но - попробуй, попади!

Выглянул из-за щитка орудия. Оглядел поле боя в поисках целей. Квадратные танки, приземистые самоходы. Ганомаги! Печеньки! Развернули орудие, стал выцеливать елозившего за сгоревшим КВ гроб немецкого БТРа. Наконец, удалось подловить его осколочно-фугасным в ходовую. Он замер в полуобороте. Вогнал ему 2 бронебойных в моторное отделение. Увидел, как из него сбежали 2 немца. Думал, загорится. Нет, не горит.

Потом пострелял по Пазику. Четвёртому. Прострелил ему два экрана. Но, снаряды бессильно сверкали об его броню, светлячками улетаая в сторону. Ну его! Там вон - ещё БТР уползти пытается.

- Иваныч, не жги его! Трофеи же горят!

- До трофеев тут ещё... как до Китая на карачиках! Хотя... Давай гранатой!

Первый выстрел - мимо! Второй - выше крыши. Третий снаряд разорвался прямо на морде БТРа, меж двух смотровых щелей. Ганомаг дернулся, замер, ещё дёрнулся, стал ещё быстрее отползать задним ходом. Выстрел - снаряд пролетел в нескольких сантиметрах от правого борта. А вот следующий опять взорвался на броне. БТР с крестом на борту резко дёрнулся, замер и встал. Вижу - немец выскочил. Я по нему - из пушки. Не попал. И - ладно! И глупо это было - чисто ребячество - из пушки в одиночного солдата стрелять.

- Вот тебе твой трофей! - закричал я, оборачиваясь к любителю трофеев, и увидел широкогрудый корпус Т-34, уже накатывающий на нас.

- Атас!

И мы, как тараканы, - кто - куда! Танк прогрохотал по огневой, навоняв выхлопом не прогоревшего дизтоплива с чёрной копотью от попавшего в топливную систему масла, наехал одной гусеницей на сошник сорокопятики, пушка подлетела, перевернулась. Танк уехал дальше. Я осторожно выглянул туда, откуда он пришёл, вдруг там ещё один такой же бестолковый? Нет никого, только запыхавшаяся пехота бежит нестройными кучками.

- Слепой что ли? - возмущался боец-космодесантник.

- Та, не. Просто - не опытный экипаж. Куда едут - не видят, а значит, и врага - не видят. От пехоты оторвались, - сказал я, - Смертники.

Выглянул - ага, уже. Танк, что добавил нашу пушку и чуть не раздавил нас, стоял около горящего Штуга, которого мы и стреножили, повернув башню на бок, туда, на немцев, и лениво разгорался. Орудие его продолжало бухать, посылая снаряды во врага, пулемёты захлёбывались очередями. Вспышка, взрыв - и вот башня тридцатьчетвёрки подлетает на

чёрно-алом фонтане огня, переворачивается, падает обратно на танк. Всё. Никто не успел спастись.

- А ля гер, ком а ля гер, - осталось только вздохнуть.

Вернулись, подавленные, на НП - всё одно пушка было окончательно разбита. Как раз чтобы выгнать оттуда пехоту, что уже облюбовали наш НП под огневую 82-мм миномёта. Без рукоприкладства не обошлось. Пинками выгоняли их в атаку.

Сел, попил из фляги Громозеки. Призадумался. О перспективах идущего боя. Точнее, об его бесперспективности. Думаете - наглец? Себя считаю умнее генералов? Нет, не считаю. Но, учиться надо не только на своих ошибках. А учиться - надо. Учитывая, с какой скоростью прирастает геометрия моих воротников. Потому, быть простым болванчиком, тупо кивающим и исполняющим только то, что приказали - не мой путь. Мне предстоит выстрадать совсем другим путём. И чтобы снизить боль неизбежных ошибок, ну хоть на сколько-нибудь, надо "мосх" понапрягать заранее. Я ведь прекрасно помню, как запаниковал тогда, там, чуть западнее, когда немцы смешались с моими людьми. Думал - всё! Все мои - погибли. И бой - проигран. А оказалось всё совсем не так. И даже - совсем не так. Потому - учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал Великий...

- Есть раненные? - спросил тонкий девичий голос.

Настолько не соответствовал голосок происходящему вокруг, и мыслям в моей голове, что все, я - в первую очередь, замерли, обернувшись на источник звука - маленькую, едва полтора метра, девочку с огромной, для неё, санитарной сумкой. Конопушки на носу-кнопке, русые, почти рыжие жиденькие косички.

- Чё молчим? - рявкнул я, - Нет раненных? Нет, так нет!

А потом обратился к санитарке:

- Все целы, дочка.

- Тоже мне папашка нашёлся! - фыркнула она.

Я отвернул воротник кожанки, чтобы она увидела геометрию петлиц. Санитарка пискнула мышкой и так же, мышкой, хотела улизнуть, но я её окликнул:

- Ты нашего медбрата не видела? Большой такой, в такой же форме, как у нас?

- Там, раненных таскает. - Ответила она, махнув рукой на берег, потом смерила нас взглядом, - Так он ваш? Понятно! Вас, лосей, только такому племенному бычку и утащить!

- Ух, я тебя! - закричал я, и она, взвизгнув, скрылась.

Ржач на НП на несколько минут. Это напряженность боя отпускает. Сбор камней.

- Так, бойцы, срочно найти нашего Бога Войны! У него ещё радиопозывной колючий. И наших радистов. Не НП, а черт знает что! Развоевались! Впереди ищите, теперь за наступающими цепями погнались.

Почему я сам не пошёл вперёд? Не вижу перспективы. Прорыв не удался. И не известно, удастся ли? По моему мнению, немцы уже нагнали сюда оперативные резервы, попробовали нас спихнуть в реку, не вышло. Теперь будут перемалывать наши роты и танки на своей эшелонированной обороне, планомерно отходя на заранее подготовленные позиции. Это не прорыв. Это отпихивание врага.

А нас собирались в прорыв запускать, по мягким и нежным тылам гулять. Можно, конечно, мою бригаду использовать и как перфоратор. Мы вполне себе проломим несколько линий обороны нациков. И иссякнем. Но, заставит ли это противника отменить отправку на юг механизированных дивизий? Ради них ведь всё затевалось. Не удастся вернуть немецкие танки сюда - все жертвы сегодняшнего наступления будут напрасными. Из стратегического масштаба бой перейдёт в разряд боёв местного значения. По улучшению позиций. Но, потери - несопоставимы.

Хотя, если верить тому, что трепали про Ржев - там, как раз, так и получалось. И в очень крупном масштабе. По миллиону бойцов противостоящие стороны оставили в Ржевских болотах.

Ну, видимо, не только я учусь "носить геометрию". Но и более крупные командующие. Не зря же они называли 1942 год - "учебным". А по-другому и не научишься. Это раньше, на диване с книжкой, я думал - "чем они там в своих военных училищах и академиях занимались?" А теперь я знаю - воевать умеет только тот, кто воюет. Невозможно научиться этому "заочно".

Вернулась группа бойцов с радистом. Радист передал мне трубку. Вызывал меня Сугроб - начштаба. Передал приказ Психолога срочно прибыть в Берлогу. Значит, Ватутин у меня в штабе. Именно молодые генштабисты, что теперь служат при моём штабе, мне так много рассказали про этого выдающегося полководца. В том числе и его прозвище - Психолог. И тогда я вспомнил его. Ватутин будет Киев братъ. А потом погибнет от рук украинских нацистов-бандеровцев. Но, сейчас он жив, полон сил и голова его варит, как автоклав. Посмотрим, что он там надумал.

Но, сначала собрал своих, что разбежались по плацдарму, как тараканы, надавал всем заданий: военкорам - запечатлеть на плёнку

результаты "противостояния" брони и снаряда, Кактусу - велел прекратить вести огонь всеми видами боеприпасов, кроме "польских", и отводить батареи на запасные позиции, рембату - провести ревизию подбитой и брошенной техники на предмет поиска трофеев, космодесанту - не лезть в бой, обеспечить выполнение службами бригады их заданий и вернуть всех к ночи в распоряжение, то есть, на восточный берег.

- Мы не будем наступать?

- Будем. Но, не сейчас. И, возможно, не здесь. Всем всё ясно? Выполнять!

Пошли к берегу. Я, Громозека, Кактус, радисты и бойцы охраны. Не кучкуясь, рассыпью, от укрытия к укрытию - немец долбил по плацдарму. Вслепую, но постоянно.

- Командир - Бегемот!

Сгоревший самоход стоял в ложбине, скрывавшей его по срез ствола. И даже это его не спасло от вражеского снаряда. Хорошо видна была обгоревшая пробоина. Длинная, снаряд вошёл чуть наискось, не срикошетив. Видимо, сразу полыхнул бензин развороченных баков. Сейчас Бегемот уже не горел, чадил. Рядом валялись два красных огнетушителя. Тел не было - я заглянул в нутро раскалённой машине. Но, увидев цилиндры снарядов в боеукладке, быстро дал задний ход, махнув рукой, чтоб остальные тоже прятались. Так можно и по ветру развеяться! Как они не рванули?

С безопасного расстояния обернулся, снял каску, склонил голову, перекрестился. Минус один.

Второй самоход нашли на берегу. Тоже битый, но боеспособный, на ходу. И пустой. Экипажи обеих машин были тут. Половина - завёрнута в брезент. А погиб тот экипаж, где командир был с испорченным скальпом.

Не слёг он в госпиталь. Не дожил. Они отбивали танковую контратаку врага. Самоход вспыхнул, как спичка. Горящие люди вываливались из него и бежали живыми факелами. Голоса ребят, что видели это, постоянно срывались.

У меня и самого ком в горле мешал говорить. Горящие люди - это личное, особо проникающее. Зелёная клеёнка, холодный мертвый свет, родные ступни! А-а-а-а!

Но, надо! Надо взять себя в руки. Я - не Витя Данилов, я - комбриг Медведь! У меня - ответственность, дело! Надо, Витя, надо! Надо, что-то надо сказать. Я же - командир, твою-то дивизию!

- Егеря не погибают! Они отступают в ад на перегруппировку!

Глупость. Пафосная, ненужная, неуместная глупость, но именно это я

и сказал.

Отвернул брезент, посмотрел на обуглившихся ребят. Опять перед глазами вспыхнула картинка: морг, зелёная клеёнку, босые, родные, холодные ноги. Хорошо, я в тёмных очках, что скрывают глаза!

Провал. Следующее, что помню, да и то, как-то фрагментарно - стою по колено в реке, жду лодку. Ни на кого не могу смотреть. Наверное, понимали, не беспокоили.

Первые. А сколько их ещё сегодня будет? А завтра? Как мне их завтра посылать в бой, если я их вижу такими чёрными, с полопавшейся кожей, оскаленных, с пустыми глазницами? Как найти в себе силы? И не очерстветь душой и сердцем при этом? Как? Не думать о них, как о людях? Считать их штуками, как патроны? Так советовал один персонаж-мудак в "Горячем снеге"?

Причалила лодка. Именно за нами. Сел на носу, всю переправу смотрел невидящим взглядом в воду. Громозека пытался что-то сказать, был грубо послан.

Знаю! Всё знаю! И что скажешь, и что подумаешь, но, - не надо! Не надо слов! Мало всё это знать! Надо что-то сделать со своим сердцем, душой, головой и совестью! Надо найти в себе силы жить дальше, воевать, делать то, что должен. И не стать тем чурбаном, что людей штуками считает. Остаться человеком. С живой душой.

Лодка ткнулась в камыши, выпрыгнул первым. По пояс в воду. Пох! Попёр буром, грудью раздвигая камыш.

Берег весь был перепахан воронками. Оказалось, мои миномётные самоходы выходили прямо к воде, отстреливались, отползали, а враг ещё долго лупил по этому месту. Побежали, а то - ещё залп кинет? Глупо сложиться не хотелось.

Калькулятор в моей голове вякнуть пытался - а как немец вычислил мои миномёты, ведь накрыл же их позиции? Но, тоже - матёрно был послан по аморальному маршруту, чтоб не закатывал арбузы шире головы.

Переправа гудела и бурлила в километре севернее. На любой мало-мальски возвышенной кочке стояли зенитки, жадно тянущие свои хоботы в облака, где мошками купались несколько силуэтиков стальных птиц. Всё было вдоль и поперёк изрыто узкими окопами - укрытия от обстрелов и бомбёжек. Кое-где валялись обёртки от индпакетов и обрывки бинтов - не всем повезло укрыться безнаказанно.

Вышли к оврагу, который был весь вытоптан людьми. И сейчас он был полон. Тут накапливались роты до переправы. Обошли овраг.

Вышли на дорогу, пошли по пыльной обочине, глотая густо поднятый

техникой и тысячами ног чернозём, перемолотый в пыль. Тут нас и нашёл водела моего ГАЗика. Он нас быстро примчал до штаба.

Едва попав в расположение, пришёл в дикую ярость - успели накатать и натоптать множество дорог и тропинок, люди и транспорт в совершеннейшем беспорядке размещены, как придётся. Раздраконили на свежие дрожжи! Разорался, как паровоз перед переездом. Как не на фронте, а в тылу! Тут ещё и Брасень попал под горячую руку - сунулся ко мне, чтобы я куда-то позвонил, а то ему опять чего-то не дали, но - получил по шее, ещё и пинка под зад. Забегали с охапками веток, стали натягивать масксети. А самим догадаться не судьба? Тут весь извёлся, как их потерять не может, а им самим собственная жизнь - не дорога. Значит, я - заставляю её, жизнь, поберечь! Кулаками желание поберечься вобью! И мой рассудок сберечь, заодно.

Подойдя к штабной палатке, вообще пришёл в неопиcуемый "восторг"! Палатка! В зоне досягаемости батареей противника! Гля! И чему я их учил!

- Сугроб! Гля! Иди сюда, пёсий потрох! Ко мне, гля!

- Иваныч, ты чё? Комфронта же!

- Ты ещё и генералов угробить решил? - взревел я.

И ударил его, со всей своей возможной дурью и злостью, в грудь. И, ещё не известно, чем бы это закончилось для моего же начштаба, да и для меня потом, но удар мой успел сбить Громозека, начштаба получил только по касательной. Зато, я накинулся на Громозеку. Несколько минут мы, молча, пыхтя только, вели схватку. Я наносил удары, Громозека их, молча и очень эффективно, парировал или уклонялся.

- Генерал ждёт, - напомнил он мне. Как будто мы не дрались, а в подкидного играли.

Я перестал пытаться пробить его оборону, тяжело вздохнул, выдохнул.

- Полегчало? - спросил Громозека.

Я кивнул. И верно, мир перестал "мерцать" сумраком.

- Обращайся.

Я ухмыльнулся, два раза хлопнул по своим бокам, выбивая из одежды пыль, и шагнул за полог палатки.

Война - путь обмана.

Встав перед генералами, представился, извинился.

- Пришёл в себя? - с недовольной усмешкой спросил Николай Федорович. Он был зол. Но, старался этого не показать.

- Да, спасибо.

- Постарайся впредь воспитывать своих подчинённых не в присутствии вышестоящих командиров. Это некультурно.

- Виноват, исправлюсь.

- Надеюсь.

И как начал меня распекать! За то, что я не сидел здесь, в лесу, пеньком, а переправился на ту сторону. Да ещё и в бою лично учувствовал! Я слушал, слушал, а потом не выдержал, глухо, как-то рокочуще, от всё ещё не отпустившего меня гнева, задавленного, но не исчезнувшего, начал говорить:

- При всём уважении, товарищ генерал, вынужден напомнить вам, что я вам придан только на время проведения операции. И подчиняюсь вам только локально. Приказы ваши выполнять - обязан, но прорабатывать меня, а тем более перевоспитывать - не позволю!

Генералы штаба фронта опешили, Ватутин побагровел, карандаш в его руках хрустнул, разлетаясь на части. Он вскочил, но - я смотрел ему прямо в глаза. Мы некоторое время пободались взглядами, потом генерал махнул рукой, сел обратно:

- Ладно, проехали. Рассказывай, как там идёт наступление?

Я молча, сжимая кулаки, смотрел в переносицу генерала. Ну, скажите, это - нормально? То, как я себя сейчас повёл - нормально? Это - адекватное поведение? Меня пора в психушку и лечить, лечить, лечить! Или отдать "тройке" трибунала - те быстро "вылечивают". Проснувшаяся "холодная", расчётливая часть моего сознания - "калькулятор" уже издевалась надо мной, мстя за проложенный мною для него в прошлый раз аморальный маршрут.

Смотрел на генерала и не мог понять: чего он хочет? Что он хочет услышать? Что ему сказать? А-а, была - не была! Хуже уже не будет:

- Плохо.

- Даже так? А мне докладывают об успехе. Враг разбит и повсеместно отступает.

- Организованно. На заранее подготовленные позиции. Подкрепления ему подходят, батареи развернуты, площади пристреляны. Резервы не "засвечены". И авиацию он ещё не применял.

Я глубоко вздохнул. Я, "калькулятором", понимал, как это выглядело с их стороны. Особенно на фоне моей истерики по дороге сюда и выпендрёжа только что. А выглядело это трусостью, паникёрством и пораженчеством. Лечить! Лечить! А воевать кому, пока я буду "отдыхать"?

Но, раз уж начал "паникёрствовать", то продолжил:

- Танковым экипажам не хватает выучки - едут в бой, как паровозы на

рельсах - только прямо! Не используют рельеф. Не видят ничего ни впереди, ни вокруг. Ни своих, ни врагов. Стреляют до последнего - не маневрируют. Взаимодействия танков и пехоты - тоже не увидел. И пехота - в бой бежит стадом баранов. В обороне - огонь по противнику из стрелкового оружия не ведут, ждут, когда пушки и пулемёты всю работу сделают. Стойкости нет - бегут на противника, потом от противника, потом опять на противника. Как танки кончатся, так и наступление закончиться. Не вышло прорваться. Может, мне бригаду ввести в бой?

Генералы переглянулись. Ватутин спросил:

- Думаешь, у тебя лучше получится?

- Надеюсь.

Он постучал новым карандашом, что взял взамен сломанного, по карте, потом им же поднял козырёк фуражки.

- Так ты думаешь, не выйдет прорваться?

- Нас ждали. Именно тут ждали. Потому и авиацию не применяют. Заманивают. Пока, всё идёт по их плану - мы втянулись в узилище, где у нас нет свободы манёвра, мы как на ладони, нас начинают перемалывать. Им надо перемножить на ноль наши наступательные возможности, они это и делают. Тогда этот участок фронта стабилизируется, и противник сможет отсюда снять часть войск.

- Молодец, просчитал немца. Как, по-твоему, он поверил, что мы тут нанесли основной удар?

Я прищурился, глядя прямо в глаза генерала. Нае... Обманул он, получается?

- Где? Там же нет переправы?

- Есть. Мы её притопленной сделали. Ночами строили. Сам увидишь.

Я ринулся к карте. Только сейчас я обратил внимание на красные стрелки с другого плацдарма.

- Сможешь сбить колокольню?

Впечатлён! Вот это игрок!

- Для меня честь быть под вашим началом, мастер! Блин! Круто-то как! Война - путь обмана? Сунь Ци?

Ватутин усмехнулся, типа: "А то, могём!", а потом спросил:

- Так сможешь колокольню сбить? Нам она при свете дня жить не даст.

- Будем посмотреть. То есть, надо на месте сориентироваться.

- Поехали.

- Да, прошу извинения за своё поведение.

- Принимается. Мне тебя таким буйным и описывали. Не удивлён.

Но, впредь постарайся без подобных заходов обойтись.

- Я - стараюсь. Очень стараюсь.

Ватутин только головой покачал. Лечить! Лечить! И прививки от бешенства.

Берег, западный, был высок и обрывист, потом местность полого поднималась на холм, на вершине которого стоял храм. С той самой колокольной. И пепелищами на месте деревни. Об избах напоминали только разбитые остатки печек, что рядами торчали вдоль того, что было дорогой, намекая, что тут когда-то были улицы. Склоны холма были густо изрыты окопами, воронками, деревянными козлами с натянутыми меж ними нитками колючей проволоки.

Плацдарм, где удалось закрепиться нашим войскам, был справа от холма, от подножья холма и начинаясь. И переправа, соответственно - тоже справа. Отсюда её даже не видно. Зато с колокольни видно - отлично. Да и берег, восточный, был полог как стол - всё видать далеко-далеко с колокольни.

- Небось, и заминировано всё?

- К чему ты? - спросил Ватутин, наряженный в такой же как и я масккостюм "леший".

- Уж больно хорош объект, чтобы уничтожать его. Жалко. Сколько труда на постройку. Его бы в ножи взять.

- Не помешало бы. Так фашист его у нас и взял. Вечером неожиданно атаковал большим количеством пехоты. А там у нас - рота, а в ней было меньше 20 человек. Но, ты прав, там всё заминировано, оборону ты сам видишь. И танки туда не подведёшь. Да и есть у них, чем танки встретить. К тому же - каждый метр пристрелян.

- И всё же, я считаю, надо попробовать. А у вас нет под рукой дисциплинарных частей?

- Штрафных? Как нет? Есть. Народ-то у нас в ангелов не спешит перевоспитываться.

- Пойдёмте, Николай Федорович, я увидел всё, что нужно. Поможете план составить?

Ватутин улыбался.

- Что? - спросил я его, чуя, что не проста он так лыбиться.

- Только выживи, комбриг.

- Да и вам бы поберечься. Особенно засад укро-нацистов. Вам бы охрану усилить.

Он озадаченно нахмурился. А, вот, нечего на меня орать! Ага, поломай теперь голову, наведи справочки, получи по шапке. Я не

злопамятный. Я просто злой медведь с хорошей памятью. Громозека, блин, твоё "вот" и мне, вот, прилипло, вот!

Над головой опять прошелестел снаряд, упал на холме. И не взорвался.

- Примерно, каждый десятый, - вздохнул Кактус.

- Нормально. Девять же - взорвались. А так бы и пролежали на складе. Без пользы.

Это мы вели выбраковку "польских" снарядов. Встав широким фронтом, Единороги из глубокого тыла били по колокольне. Выстрел - 2-3 минуты тишины - выстрел. Каждый раз стреляло другое орудие. По очереди. А выглядело так, будто танк ездит вдоль реки, постреливая в колокольню.

Нет, мы и не надеялись сбить колокольню. Да и 76-мм снаряда на это маловероятно, что хватит. Снаряды ложились вокруг храма, перепахивая позиции врага. Это и была главная цель. Порванная проволока, разрушенные окопы, дорожки воронок в минных полях - вот наша цель. Не частая стрельба выглядит беспокоящей, но у каждого орудия - свой прицел. Воронки разрывов, и, правда, прокладывают пунктиры по позициям противника. А под таким пусть и не интенсивным, но постоянном обстреле решаться сапёры немцев чинить линии проволоки или заново закладывать мины взамен сдетонировавших?

Этот обстрел идёт уже больше 10 часов. Через час обстрела немцы занервничали, постреляли в ответ. Больше наобум. У нас - без потерь. Потом они прислали самолёт. Его прогнала пара истребителей, что шла на смену дежурившим над переправой. Это комфронта им приказал именно этим маршрутом следовать к переправе. Крюк, конечно, они делали, дефицитное топливо жгли, но искать нас с воздуха одиночному самолёту стало невозможно. И прилетевшая группа Штукас - пикировщиков, ничего не нашла - мы при их приближении ведение огня прекратили, замаскировались.

Моя истерика у штаба через час стала достоянием даже не бригады, а всех окружающих полков. Солдатский телеграф работает в таких случаях со скоростью ИТАР-ТАССа. Так что к маскировке народ относился очень тщательно. Не каждый обладает ловкостью Громозеки, потому никто не хотел испытать свою грудь на ударную прочность. Я решил не доверять солдатскому телеграфу и на общебригадной волне продублировал: сообщил, что у тех, кого с воздуха обстреляют, буду проводить, как раз, испытания грудных клеток. А так как мне мой предыдущий опыт с испытанием прочности грудины человека удару медвежьей лапы был

сорван, то я нахожусь просто в неопишуемой ярости. Так и сказал. Должны поверить.

Так вот, немецкие стервятники покружились под трассерами наших Фениксов, ничего не нашли, атаковали СЗУ, но на 2 заходе были сами атакованы нашими ястребками. У нас в штабе сидел "делегат связи" от смешанной авиадивизии. Смешанная она не потому что состоит из юмористов, а потому что у неё на вооружении и истребители, и бомбардировщики. Так вот, того времени, что Лапотники искали "бродячий танк", группе авиаприкрытия хватило, чтобы взлететь и добраться до нас. С истребителями боя Лапотники не приняли и смылись восвояси. Итог - ничья. Немцев не сбили, но и мы без потерь.

Долбёжка Храмовой Горы продолжилась.

А сейчас уже ночь. Сводный штрафбат уже перешёл на ту сторону. Его командир, майор Рудаков - сидел рядом с нами. Согласовывали план атаки. С майором Коншиным - командиром штурмового батальона. Они будут ночью атаковать позиции врага. Штрафбат с плацдарма, штурмовики - с берега. Я обеспечиваю им огневое прикрытие. Только лишь.

Комфронта категорически запретил мне участвовать. Вот гад! Это же моя специальность - ночью брать в ножи немецкие позиции! Блин, опять вслух сказал! Заговариваюсь!

Комбаты заулыбались:

- Товарищ подполковник, не переживайте, сделаем всё честь по чести. По вашей же методике учились.

- Моей методике?

- Нарочно взял, как узнал, что нас Кузьмин Виктор Иванович будет инструктировать.

И протягивает мне брошюрку.

- Да ты чё?

Подсветил себе фонариком под плащ. "Штурм позиций противника. Тактика штурмового подразделения". И авторы - капитан Кузьмин В.И. и два соавтора. Только - я не писал никаких методичек.

Что это было? Кто-то меня пиарит. А зачем? Блин! Зачем? Это надо серьёзно обмозговать.

- Я заберу? На память.

- Конечно.

Комбаты ушли.

Пристали мои "орлы". Тоже в бой просятся. А вот шиш вам поперёк всего хлебала! Меня не пустили - и вы - обломайтесь! Фамилия такая, прибалтийская, не слышали?

Из моих - идут только малые разведовательно-диверсионные группы с рациями. Они тоже хулиганить не будут. Даже наоборот. Их задача - под шумок, тихо-тихо, просочиться в тыл противника и там искать "печеньки". Это я реализую идею по поискам арtpозиций врага. Поглядим, получится ли?

А теперь - спать! Есть у нас ещё парочка часов.

Добрался до "дома" - своей землянки. Жена спала поверх одеяла, в сапогах, в одежде, поперёк. Видно, что как зашла, так и рухнула. Сколько же ты на ногах сегодня провела? Сколько операций? Раненных было много. Разул, раздел, уложил под одеяло. Сам разделся, лег. Сразу прижалась ко мне, как котёнок, уткнувшись носом в бок. Спи. А мне подумать надо.

Чё за прикол с методичкой? Дело, конечно, нужное. И для этих времён - передовое, необычное. Методичка. Но, зачем ставить меня в авторы? Я этого не писал - раз, я, как бы, секретный, - два. Есть и три, и четыре. Ну вот, на кой ляд меня так пиарить? Я же в президенты не планирую баллотироваться. Тем более, нет их тут.

Ничего не смог я придумать по причине погружения в тяжёлый от усталости сон.

- Утро красит нежным светом... - вполголоса пел снаружи голос Громозеки.

Ни хрена оно не красит! Особенно таким голосом. Не, певец из Громозеки ещё хуже, чем телохранитель.

Встал, обулся. Громозека стоял у землянки с мыльно-рыльными в руках, ведро с водой - у ног.

- Статус?
- Всё по плану.
- Подробнее...
- В штабе расскажут.
- Козёл...
- На себя посмотри. Бороду козлиную отрастил. А ещё комбриг!
- Наглая ложь! Всего три дня не брился!
- Твоя седина сильно заметна.
- Уговорил, лей. И рассказывай.

- Всё пучком, командир! - сал докладывать Громозека, нанося мыло на мой подбородок, в наглую вставляя в речь мои обороты, - Подошли штрафники на расстояние броска незамеченными. Первую линию окопов взяли легко, местами и во вторую прорвались. Враг контратаковал, выбил их. Но тут ударили штурмовые роты и немцу кисло стало. На данный момент вся высота занята, выкуривают недобитков из дотов. Кактус

расстроился - ему пострелять почти не пришлось. А с восходом танки с плацдарма пойдут в атаку.

- Танки?

- Ага, только с марша, сразу на плацдарм и в бой. Чудные.

- Кто ж с марша в бой бросает? Они даже оглядеться не успели, ТО технике после марша провести надо.

- Это - да. Я - про другое. Танки чудные. Страшненькие, пушечка тоненькая. И имя женское - Матильда.

- Матильда? Есть у британцев такое чудо сумрачного саксонского гения. Броня была неплохая. А вот проходимость - вообще пипец. И манёвренность не очень. Ладно, будем поглядеть, так ли правы интернет-тролли. Да скоро ты? Чё копаешься? Мне в бой, а не на подиум!

- В бой - не думаю. Нас завтра только планируют.

- Во, блин! Чё ты молчал-то! А не мы ли были главной фигурой?

- Хм, наверно, теперь нет. Тут какие-то ударные будут сегодня выступать. Мы теперь не ферзи - точно. Может, ладья - теперь? Ну, вот и всё.

- Наконец-то! Копуша! Поехали в штаб. Ничего у тебя не поймёшь! Женские танки, какие-то ударенные. Ферзь-ладья. Ты, немтырь, когда по-русски балать-то научишься?

В штабе познакомился с особенностями военного словообразования. Я, вот, блин, Громозека, опять твоё "вот!" Так вот, блин!, я думал, что главная ударная сила - танки. И ударные части - это танковые армии. А вот и нет! Подразделения, в составе которых основное вооружение - танки - называются танковыми или механизированными. Зависит от концентрации этих танков. И ещё - подвижными. А ударные части - это пехота. И от обычных стрелковых частей, ударные соединения отличаются только запредельной концентрацией пушек. В данном случае - на три стрелковых полка (со своей штатной артиллерией и штатным арtpолком) приходилось шесть арtpолков. Из них 2 - крупного калибра РГК. Резерва ГлавноКомандующего. Я так это читаю.

Так что это пушечные соединения.

Не удержался на месте, поехал на плацдарм. Любопытствовать.

На НП было представительно - сам комфронта со свитскими. Поздоровался, забился в угол, чтобы не отсвечивать. Солдатская мудрость - подальше от начальства, поближе к кухне. Да, пожрать бы. Где тут походный военно-полевой пит-стоп?

В 7.00 - разверзся ад. Хорошо, не на наши головы, а на немцев. Да, арtpолки РГК - это вам не кот наклац. Порадовался, восхитился. Выкинул

кашу - песка туда насыпало с перекрытия блиндажа пока я рот разевал. Накрыть забыл.

Посмотрел как британские ушастые бронечерепахи ползут к сплошной стене разрывов.

Да, тут нам, и правда - нечего делать. Решил вернуться в расположение. Там ещё съестного перехватить. Что-то меня на жрачку стало пробивать. Беременный? Тьфу на тебя, дурень. Нервное это. От стрессов. Вами, деревянными, командовать - сплошной стресс. Особенно от твоих тупых приколов, бодигард. Чё, не понял? Учи языки, деревня!

Ставка решила тут по серьёзному немца пощипать. Такую концентрацию сил организовали. Надеюсь, Сталин знает что делает. Да, что надеюсь! Точно - знает. Выиграл же он войну прошлый раз и без подсказок из будущего. А уж общий расклад войны, без деталей, конечно, всё же я не историк ВОВ, я ему дал.

Да, мне кажется, что моя бригада, как и эта ударная артмощь, молотящая сейчас немцев, все эти танковые бригады, сгоревшие на плацдарме - были бы уместнее в излучине Дона, у Сталинграда. Но, может быть, поэтому я и комбриг с натяжкой, а ОН - Генералиссимус. Исключительно с Большой буквы.

Будем поглядеть. И поучиться.

А откуда мне было знать, что подобные Воронежской, контрнаступательные операции сейчас разворачиваются на самом юге - у Ростова, на самом севере - в направлении блокированного Ленинграда, на юго-западе - у Воронежа, опять же, и в центре - у Ржева, многострадального? А Сталинградское направление чуть ли не искусственно (а может и не "чуть") остаётся на голодном пайке. Заманивает дед Ёся бесноватого Адю в ловушку?

Война - путь обмана.

В бригаде провели ещё одно совещание комсостава, ещё раз обмусолили тактику действий, потом провели общебригадное построение - благо мы к полудню уже оказались в тылу, ближнем, но тылу. На построении, с постаменты, роль которого исполнял Т-34М, под флагом бригады - я толкнул речь. О том, как Родина и Сталин нам доверяют, если решили обобщать опытными ветеранами многие подразделения, что мы должны не посрамить, как нам не может уронить высокое звание... и т.д., и т.п. Потом двинул речугу комиссар, без пыльного шлема, но тоже насквозь патристичную, сознательную и зажигательную.

И уже в сумерках боевые группы стали сниматься с места и выдвигаться к переправе.

Утром - в прорыв! В бой!

Ход ладьёй.

"Аналитики" из генштаба, так я прозвал этих двоих, наконец-то, сварганили что-то удобоваримое. А именно - некий деревянно-картонный аналог интерактивной карты. Да-да. Я от них не отстал, пока не получил то, что хотел. Подчинённое мне подразделение у меня очень большое стало, а ещё и Гроссмейстер мне "одолжил" две роты Т-34. А я чё? Я - сам охренел. От такого подгона. Почему именно нам? Потому, как они - маршевые, не боевые подразделения, не "своёванные", а танковые бригады, которые они и должны были пополнить, кончились ещё до того, как они прибыли на их пополнение. Бывает.

К чему я? К тому, что боевых групп стало больше, в голове может и не поместиться вся эта, так быстро меняющаяся обстановка. А не отследить её, вовремя не среагировать - можно сразу деревянный макинтош примерять. Вот и будет такая вот "визуализация". "Миникарта". Топорно, конечно, но за неимением графинь, ну, вы поняли. Пользуют княгинь.

Ватутин хмыкал, смотря, как "аналитики" передвигают фишки боевых групп по "миникарте", сдвигают линию фронта, переставляя фишки обнаруженных частей противника. Но, ничего не говорил. Ни ругал, ни хвалил. Ерундовиной посчитал? Или сумасбродством? Почему не "пресёк на корню?"

Пожелал удачи, отбыл.

Бригада уже 4 часа наступает. Нас ввели в прорыв, образованный ударной дивизией. То есть - полностью расчистили от немца широкую полосу сквозь их построения. Лунным пейзажем расчистили. И пошли мои боегруппы "хулиганить" по тылам противника. Половина из разведгрупп смогла просочиться на достаточную глубину, давали нам разведданные, наводили на "печеньки". Остальных разведчиков мы уже подобрали. Тех, кто выжил. К сожалению, не всех.

Потери. Потери. Война, будь она проклята!

Наступали расходящимся веером - свободным строем. Каждая боегруппа - сама по себе. В центре, у основания "веера" - группа управления, т.е. я, мой штаб, батареи экспериментальных машин - 85, 107, 122-мм самоходов, Т-34М, подразделения обеспечения. И резерв - сводный батальон Т-34 и Т-70М с танкодесантом Кровавых Воронов - бывших ВДВ-шников.

Пока шло гладко - боегруппы били тылы немцев, давили батареи и склады, рвали связь, снабжение, наводили панику и бардак. А с кем с ходу не могли справиться - тех раздавливал паровой молот группы управления,

имея преимущество в калибре. Тем более, что танки я пока держал в резерве, то есть, около своей... хм, "кормы", так культурнее.

Командиры групп всё делали, как учили - не задерживаясь на месте больше часа, не давая себя поймать, не давая по себе навестись ни артогнём, ни авиацией. Встречая ожесточённый отпор, не лезли напролом - оставляли блок-заслон, меняли направление атаки, сообщали штабу об этом узле обороны. А мы уж тут решали, как его, "узел", рубить. У нас в доступе, по звонку - была "помощь друга" - смешанная авиадивизия, артополки РГК. Они могли отработать по нашей заявке, да и сами мы могли дать прикурить - мощные пушки, мощные миномёты, танки, элитная пехота. Всё это мобильное, подвижное, злое.

Во всём этом был один существенный минус - снабжение. Они же - коммуникации. Маневренная война требует хорошего снабжения. И пока нам удавалось не "прохудиться". Пока. Пока мы не ушли далеко, пока группы не "разбежались", пока удаётся "зачистить" поле деятельности от недобитков в фельграу. Пока мы не оторвались от стрелковых рот ударной дивизии, как раз и обеспечивающие "зачистку" и закрепление на занятой территории.

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. А то "решалка" совсем лопнет, как перезрелая тыква.

А сейчас надо устроить врагу образцово-показательную порку. Возвернуть ему июль 41-го. Вот и предпосылки образовались - Ватутин подсказал, что давление противника на северный плацдарм сильно ослабло. И летчики видели колонну боевой техники,двигающуюся в нашем направлении. Летунам даже удалось их обстрелять. Не знаю - был ли толк от обстрела колонны истребителями? Тем более, что высланные "по колонну" бомберы её уже не нашли и отработали по запасной цели.

- Ну, штаб, чё думаете? - спросил я.

- А что тут думать - для немцев проходимы только две дороги - тут и тут. А вот какую они выберут? Та, что короче и быстрее или та, что длиннее, но безопаснее.

- Немец нас ещё не считает опасностью. И бои на плацдарме его должны были в этом убедить. Они совсем по-суворовски нас имеют - малым числом. Так что, будем их ловить на короткой дороге. На дальнюю вышли разведку, на всякий пожарный.

- Угу.

- Так, тут, по карте, место неплохое. В натюрморте поедem смотреть. Вот эти вот группы притормози, пусть в сторонке маскируются. И вот эта группа подтягивается сюда. С тыла ударит. А мы их паровым молотом

приголубим. Засаду делать будем. Устроим им июль 41-го. Покажем им, как они нас научили воевать.

Выбрали место для засады. Вообще, меня опять настигло чувство лёгкой потери реальности. Мы же в тылу врага? В тылу. Но, ездим - где хотим, располагаемся - как хотим. А немца - нет. Как так получилось у них, что это дефиле - как они это уязвимое место оставили без присмотра? Дорогу, которую прерывает автомобильный деревянный мост через ручей, так себе ручей, но низинка, через которую он бежал - вязкая, для техники труднопроходимая. Ни охраны, ни пригляда. Где знаменитый немецкий порядок и рационализм?

Вызвал сапёров, объяснил им одну идею. Поняли, полетели к мосту закладывать тол.

"Паровой молот" разместился на этом берегу "водного препятствия". Сто метров - разве это дистанция для них? Высокие заросли травы, кустарника, кленовые побеги надёжно укрыли самоходы от наблюдателей с моста, а вот для них мост - как на ладони. От низинки с ручьём местность начинала забирать к небу, образуя лекционный зал, как в универе. Или амфитеатр, как в цирке.

Три боевых группы маскировались на том "берегу".

Бух-х! Небольшое облако дыма, пыли и водяной взвеси поднялось над мостом. Поехал поглядеть своими глазами. Получилось почти идеально.

Оставил сапёров минировать обочину дороги, вернулся на КП, взял трубку в руки, стал "контролировать" ход боя бригады. Фишки по "миникарте" двигать. Начпотыл принёс справку по остаткам. М-да, топливо и снаряды просто тают. Особенно бензин и ОФ-снаряды. Просто бронетехника моим Единорогам ещё не попадалась, а по пехоте осколочный работает всяко лучше бронебойного.

Наблюдатели сообщили об обнаружении противника.

Дал команду "К бою!" Я командир или где? Хотя всякое шевеление и так давно прекратилось.

Вот они, родимые! Стайка бешенных байкеров, в стальных ночных горшках на головах, с ходу перемахнули мост, только брёвна подпрыгивали. А вот идущий следом Пз-2 встал перед мостом. Встали и два Ганомага за ним. Немцы посыпались с брони, залегая в камышах на обочине. Хорошо не стали минировать обочину на том "берегу"! Потом мелкими группами по 2-3 человека стали перебегать на этот берег, залегая.

- Ты там чего закапывал? - спросил я своего зама по сапёрным делам.

- Противотанковые, - пожал он плечами.

- А-а, тады - ой! В смысле - умница!

Меж тем вражины "взяли под контроль" территорию, из башни танка выбрался типчик в чёрном комбезе со сломанной фуражкой на голове. До сих пор не понимаю - чего немцы шлемофоны не применяют? Вон как он головными телефонами себе фуражку поломал. Да и безопаснее шлемофон-то. Шишку себе не ямке-кочке не набьёшь.

Типчик осмотрел пробоину в настиле моста, даже на колени встал, голову под мост сунул. Мы же специально просто дыру пробивали. Несущие конструкции не зацепило. Выглядеть должно случайным и удачным попаданием снаряда или небольшой авиабомбы. Мост проходим. Аккуратно, но проходим. Аккуратно - значит медленно. Медленно - значит - столпотворение, пробка у моста. А взорви мост - развернуться и ищи их снова! И убивай по одному.

Ну, вот! Немец выпрямился, махнул рукой, танк взревел двигателем, мехвод высунулся из люка. Танк покатился на мост. Пехота тоже повставала, побежала занимать места в броне согласно купленным билетам.

Удалось! Немец пришёл к тем выводам, какие нам и нужны были.

Во, ловок! Немец прямо на ходу запрыгнул на броню своего танка, бегом поднялся на башню, сел задницей на крышу башни, стал напяливать на голову наушники. Докладывать будет. Стучи, родной, стучи. Нам мало твоей двоечки. Нам они все нужны. Все, что есть у вас на этом отрезке нашего чернозёма. Именно здесь. И в разбито-сожженном виде, а не боеспособными на заранее подготовленных позициях.

Кстати, про танки. Я их называл "Пазикими", потому что они - Панцеркампваген с номером. Или как-то похоже - не силён я в языках. Бронированная боевая машина, по-нашему. Сокращённо - Пз. И в их документах так же проходит - Pz-Ль. Этот - Pz-II. Но, в наших документах их обзывают на наш манер - с литерой "Т" и соответствующим номером. Этот будем писать - как уничтоженный Т-2. К чему я это? А, во! Так я их звал "пазиками", а мои люди, совместив нашу "Т" и моё их прозвище стали называть панцеры - "тазиками". Что не верно по сути своей - всё же техника у немца довольно прочная и кусачая, но очень верно в морально-психологической точки зрения - посмейся над своим страхом, вот - он уже и не страшен.

Меж тем, оставив один байк и трёх байкеров у моста, для мужественности дав им пулемёт, разведка немцев попылила дальше.

А с севера встал столб пыли. Вот они, долгожданные. У меня аж поясница зачесалась. И ладони. И мимические мышцы лица стали

стягивать кожу в такую "улыбку", что начштаба и "аналитики" отшатнулись. Я потёр ладони друг об друга.

- За приграничные мехкорпуса, - глухо буркнул я. Они переглянулись, улыбнулись, также потёрли ладони.

Год назад вот так пылили танковые батальоны бэтэшек. И вот так же их ждали в засадах. И горели пацаны. А потом, спустя 40-50 лет предатели с голубых экранов кричали, что бездарно были сожжены за 1 летний месяц 20 000 танков, 30 000, 40 000, 50 000. Так бездарно, что знаменитые, до того момента, непобедимые, панцерваффе, танковые группы "гениальных" Гудерианов, Манштейнов, фон Боков - месяц топтались на месте. Ремонтируясь, пополняясь, да и просто восстанавливая психику после отчаянных атак наших неопытных танкистов, управляющих "быстроходными самоварами".

КВ и Т-34 было презрительно мало. И техника была новая, не освоенная, с невылеченными "детскими" болезнями. Как мне Катукоев рассказывал, у него люди отказывались идти в бой на "легендарных" Т-34. Тупо - они были настолько ненадёжны, что они шли в бой на "проверенной" БТ-хе. Которая была хорошо знакома. Куда вдарить кувалдочкой, что пнуть, что придавить ломиком, чтобы он ехал, все знали.

Бездарно. Вот, сегодня мы посмотрим, как бездарно будут гореть "одарённые" "победители".

Блин, грамотно идут - головной дозор, башенные орудия "ёлочкой". В полукилометре за ними - основная колонна. Как эту машину лётчики найти не смогли?

Головной дозор лихо подкатил к мосту, стали осторожно проводить третьи пазики через мост. Блин, что-то всё мне не нравится. Эти головняки могут нас обнаружить слишком рано, часть колонны может выскочить из ловушки.

Подшли ещё танки, начала образовываться пробка. Что нам и нужно! У них там "планёрка" начинается.

И мне надо.

- Щерба, я - Берлога, как слышишь? - вызвал я командира самой северной от меня группы, она и будет затыкать пробку с тыла.

- Принимаю тебя, Берлога.

- Как конец верёвки увидишь, маякни мне.

- Понял.

Блин, я начинал всё больше нервничать. Уже весь головной дозор врага на нашем берегу, выстраиваются, продолжили движение, А Щербаков всё молчит.

- Успокойся, командир. Пропустим этих. Не найдут они нас. А там их Малыши с Куцыми приголубят.

Да, в тылу у меня стоит танковый резерв - Т-34М и Т-70М. Это Т-34М стал Малышом. Т-34М, "ЭМ", мини, малыш. Он меньше Т-34. Хотя, Т-70М рядом с Малышом был вообще Крохой.

- А найдут?

- Значит, найдут. На то они и планы, чтобы не выполнялись. Твои же слова.

- Берлога, это Щерба.

Наконец-то!

- Наблюдаю хвост собаки!

- Принял тебя. Выдвигай по-тихому ансамбль на арену.

- Есть, командир, потанцуем! - ответил радостный голос в эфире.

- Давай, начштаба, труби боевую тревогу. Сигнал к открытию огня - три зелёные ракеты. В остальном - всё по плану.

Связисты стали соединять начштаба с командирами групп, закрутились притаившиеся шестерёнки боевой машины под названием егерская бригада. Я - лично, Громозека и начальник инженерно-технической службы бригады собственноручно отстрелили в зенит три зелёных кометы. Врубили глушилку - в эфире "белый шум".

Огненный град обрушился на скопившихся на дороге немцев. 85-ти, 107-ми, 122-х мм снаряды, 120-ти и 160-ти мм мины подняли землю на пяточке перед мостом разом в воздух, вместе со всем, что на дороге было. Взрывались танки, бронемашины, грузовики, фигурки людей тряпичными куклами взлетали к кронам плакучих ив. Огненным шаром сдетонировал грузовик, растворяя в огненном смерче не только брезент тента, бочки, в которых этот бензин и был залит, но и всё, что было вокруг него.

Зрелище было поразительное. Завораживающее своей ужасностью, смертоносностью. Я вдруг осознал, что прыгаю на месте, нанося удары в воздух, в сторону немцев и непрерывно матерюсь. Не солидно. Комбриг, всё-таки. Но, всем было - наср... чхать. Все на КП вели себя по-разному, но одинаково неадекватно, в зависимости от породы населяющих голову тараканов. Кто-то плакал с дебильной улыбкой на лице, кто-то с бледным видом и горящим взором фиксировал каждое мгновение на серое вещество головного жесткого диска. Кто-то орал белугой. Громозека тискал рябь гранаты, судорожно пытаюсь выдавить из Ф-1 лимонад.

И глаза у всех...! Такого торжества в глазах людей я ещё не видел.

- В атаку! - крикнул я, взводя свой автомат.

- Ура-а-а-а! - прокатилось волной от КП во все стороны.

Блин, а я хотел трофеи набрать. Люблю, знаете ли, на снабжении у Гитлера побыть. Какие трофеи! Порвут всё на лоскутки, как Тузик ту подушку. Да, и хер бы с ним! Сам рвать буду! На тебе, сука! На! На! Я тебя на наш Чернозём не звал!

Где мы - там победа!

После разгрома подвижного резерва противника сопротивление немцев резко ослабло на всех участках. Враг стал шустро откатываться назад, бросая всё. Группы продвигались вообще не встречая сопротивления. Не успевали немца догнать. Почти бегство. Надолго ли?

- До вечера - точно! - уверил меня Ватутин.

Командующий лично приехал полюбоваться побоищем. Лично пинал обгоревшие, раскуроченные бронекорпуса. С мстительной радостью на лице. С этим выражением лица он попал под объектив фотографов и окажется на первой странице Красной Звезды. Реванш. А журналюг налетело, как сорок на бисер. Столько битой техники врага на квадратный метр мы ещё не видели.

- Немец как в сопатку пинка получит - теряется. Не надолго, но теряется, - продолжил Ватутин, - любое непонятное явление, ломающее их план - вводит их в ступор.

- И когда они очухаются? - спросил я.

- К утру. Надо успеть до утра откусить побольше.

- Не зарваться бы. Откусим, да поперёк горла встанет.

Ватутин вздохнул. Потом схватил мою руку, сжал крепко, подумав секунду, крепко обнял, похлопав по спине:

- Спасибо тебе. Порадовал.

И уехал пинать отстающие части, что никак не могли сравниться в прыти с немцами и недостаточно быстро "насыщали плацдарм необходимой концентрацией соединений". Во, я запомнил!

Это - мысль. Пойду и я попинаю своих. Нет, не боегруппы и так резвые до невозможности - на плечах немцев катятся. Но, уже начало складываться угрожающее положение по топливу и осколочным снарядам. Снабжение перестало успевать. Дороги забиты, да и разбиты, "плёчо обслуживания" всё длиннее. Начались стычки водил с отставшими, отбившимися от своих, немцами. Есть потери. Придётся конвои организовывать. Вот и нашлась работа для Т-70-х. Для боя они - "ниочень". А в сопровождении - самое то. Заодно и "эвакуаторами" поработают. Застревают перегруженные машины регулярно, хоть и дождей давно не было. Кстати, в сопровождении краснозвёздных танков, можно и

трофейную технику пустить. В колонне, в попеременно с нашей - всё больше шанс, что не обстреляют свои же.

К транспортным конвоям можно подключить и самоходы. У двух Единорогов орудия выбиты, 160-мм мин осталось столько, что один миномёт оставить в строю, остальные - в транспорты. Да, есть у меня и не боевые потери.

Да и 85-мм орудия не оправдали моих надежд. А я так на них надеялся! Так холил и лелеял! Это же тот же ствол, что стоит на 85-мм зенитке, тот же, что будет стоять на победительнице - Т-34-85. Ан, нет. Пока расчёты стреляли осколочно-фугасными - всё было нормально. Но, когда в контратаку на нас попёрли хорошо защищённые последние модификации Штугов в количестве 3 штук и две Четверки с длинными стволами и усиленным лобовым бронированием, экранированные, расчёты 85-ти и 107-мм самоходов стали с ними работать индивидуально, бронебойными их потчуя. Подбить-то всех подбили, а потом появилась течь по откатникам-накатникам у 85-мм орудий. Толи ствольная энергия выстрела бронебойным выше, чем осколочным, толи общий разогрев орудия сказался. А может ресурс сальников такой низкий, но потекли оба ствола. Не накатываясь после отката, откат был почти не смягчённым гидравликой, как у кутузовских единорогов. А я им говорил, что нужен дульный тормоз! И что теперь с ними делать? В строю оставить? Смысл? И так один заряжающий получил травму откатом ствола, не замедленного откатником. На завод отправлять? Стволы - обязательно. С гневной, матёрной рекламацией. А вот самоходы с пустыми орудийными амбразурами пусть поработают бронетранспортерами.

М-да, а расчёты, кроме мехводов, на пополнение боегрупп. Только им мехводы-то как раз больше всего нужны. Мехводы погибают чаще. Им - не выпрыгнуть за борт, как остальным. А может их на трофейные пушки поставить расчётами? У меня тут уже образовывается арсенал брошенных немецких орудий.

А ты чё-йто на меня так подозрительно смотришь, а, начшаб?

- Не пора пообедать? - спросил он меня.

- Хряпнул, чтоль?

- За победу!

- Ещё победить надо! - я ему сунул кулак под нос. А он и занюхал моим кулаком.

- Гля, крепкий какой! - выдохнул он. Наглец! Совсем меня не бояться!

- Спирт?

- Коньяк! Трофейный! Написано - французский!

- На заборе - тоже написано. А там - дрова! Наливай, чё!

Вот так и появляются байки на фронте. О том, как пьяные в хлам полковники с трофейным МГ-42 наперевес регулируют движение на фронтовых дорогах. И нагло отбирая в своё хозяйство совсем чужой бензин, снаряды, мины и тушёнку. Ещё более нагло и совсем беспардонно загружая идущий в тыл порожняк ранеными, это понятно, но стрелянными гильзами, пустыми ящиками и бочками, трофеями, да ладно бы ценными, а то - винтовки немецкие, куски битых танков, немецким обмундированием, кальсонами всякими - кому они нужны?

И куда смотрел комиссар этой части? Как, один из разбойников и был комиссар? Тогда вообще чёрт знает что! Махновщину развели! Штрафбат по ним уже плачет. А трибунал вообще рыдает в безутешной тоске.

А утро - ни хрена не красит. Рама эта висит постоянно над головой, сука! Сбить не могут!

И так голова болит, так ещё и немец что-то до тошноты резвый стал. Атакует, щели в обороне, тварь, ищет. Танки применяет. Обстреливает. Довольно метко. И бомбит. Подло. Когда наши ястребки на пересменке, гады. Немцы - гады, не наши лётчики. Да и наши - хороши! Что, дополнительные подвесные баки сложно взять? Как нету? Не порядок! Покрутились полчаса, и домой? А раму сбивать? Какая высота? Да вот же она - я её вижу. Поднимается? А вам - домкрат нужен? А у вас что, кислорода на борту нет?

Блин, за что не схватись - ничего у нас нет! Теперь ещё и артполков РГК нет. Этот дивизион катюш, что выделили взамен - не Грады, не заменяют. Они разок отстреляют - и в тыл. Им ракеты сутки возить на один дивизионный залп. Согласен, залп был шикарный, а теперь и их нет. Блин, не война, а как у нас на заводе в транспортном отделе - тонно-километры.

И любые мои гениальные тактические постпoxмельные схемы жестко привязываются к дорогам и этим тонно-штуко-километрам. Никакого полёта фантазии, то есть, мысли!

Не, ребята, война - это не стратегия, и даже не тактика. Война - это логистика! И успех зависит не от того, умнее ты врага, или нет, не от конфигурации линии фронта, состава войск и насыщенности танками и пушками, а смог ты подать в нужную точку на местности энное количество танков, стволов, человек, тонн топлива, снарядов и жрачки - или не смог. Не смог - все твои танки и пушки - чермет, люди - голодные трусы. Будущие мертвяки или узники концлагерей, а ещё не известно, что хуже.

А вот с транспортом у немцев теперь получше стало чем у нас. Они к своим транспортным артериям вышли, присосались. Потому они и драпали

именно сюда. А у нас - неизбежное растягивание линии снабжения. Под непрерывным воздействием авиации противника. Сука! Бьёт в самое больное - в грузовики!

В общем - засели мы в оборону. Не в глухую, конечно, это глупо подставляться. Но, и не сильно порезвишься.

Ночью стратеги крылатые летали станцию бомбить. Не особо и горело. К чему я это, а - увидел группу наших бомберов, идущих на станцию, в сопровождении "маленьких". Теперь понятно, почему они "маленькие". Даже на фоне Илов. Контрольный заход? Днём - плохая идея. Но, инфа будет - ушли танковые корпуса на юг или тут удалось их притормозить. И почему у нас нет такого специализированного разведчика, как вот это "рама"?

Да, за что не схватись - нет у нас ничего!

Бедные мы, несчастные! Только и успели, после разрухи гражданской войны, основное сделать - производство пушек, танков и самолётов наладить, заводы-гиганты построить (всего-то! особо на фоне разрухи неокapитализма 90-х контрастно!). А вот второстепенное, но важное военное оборудование - не успели. То, что не воевало, но обеспечивало бой - оставили на потом. А потом - не настало. Потому что - немец припёрся, никак не выгоним. Какие самолёты-разведчики? Тут истребители, штурмовики и бомбардировщики кончились! Какие бронетранспортёры? Какие БРЭМ? Танки командующие фронтами распределяют не бригадами - поштучно. Командиры армий командиров танков - сержантов всего лишь - в лицо знают и по имени-отчеству. Автомобильная промышленность не успела как следует на ноги встать, наладить поток выпуска автомобилей, выдрючить квалификацию рабочих - война! Рабочие с винтовками и бутылками бензина защищают корпуса своих заводов, тракторные заводы резко стали танковыми, даже Горьковский автозавод танки делает. Какие тракторы, какие автомобили? А чем пахать? А зерно молотить? А с поля вывезти? Даже лошадей - и то в арtpолки забрали. Я под Москвой гужевого верблюда (!) в снегу видел. Всё выгребли. Всё для фронта, всё для Победы! М-да.

А поpaдaнец думает, щас он притащит планшет с надгрызанным яблоком на крышке - и всё, враг повержен малой кровью на чужой территории. Нет. Война - это тонно-километры. Никакой поpaдaнец не сможет изменить баланс этого пространственного грузооборота. Блин, оказалось, что самые ценные сведения, что я принёс из будущего - не дата Победы, не ход развития войны, тем более, что он, ход войны, изменился уже самим "пробоем пространственно-временного континуума", так

кажется говорил док Браун? Самое ценное - отметки месторождений на контурной карте. Но, и тут всё сложно - это всё надо найти, тупо ножками, палку в землю воткнуть, пробы выбурить, проложить туда дороги, завести оборудование для добычи, построить обогатительные предприятия, завести оборудование, вывести руду, переработать её. Опять тонно-километры. Всё это выстрелит, конечно. Но когда?

Чёй-то я рассопливился? Так, надо горячего поесть и идти бить немца. А то что-то мы ему тут отдых дали! В бой! Берлин - далеко ещё!

Как разбили? Глушилку разбили, суки! Одну из двух имеющихся. Что за день-то такой! Запеленговали и закидали снарядами. И оператор "глушилки" погиб. Твою-то мать! За ногу! Об угол!

Так! Ты, бывший ворюга, как тебя с похмелья и не помню, а, Брасень, займись этой проблемой! Глушилка должна работать тогда, когда нам это надо! И оставаться целой! Цигель! Одна нога - здесь, другой... а, знаешь уже? Я повторяюсь? Стал предсказуемым? Плохо.

А кормить сегодня будут? Нам, медведям, диеты - не в прок! Пох, главное - горячее и много!

Да хватит уже долбить! Пожрать спокойно не дадут! Одно слово - немцы! Ненавижу!

Противник контратаковал. Зажал одну из боегрупп в освобождённом вчера селе. Сначала хотели пробить коридор для вывода группы, но тут пришло сообщение, что мои люди обнаружили немецкий топливный склад на освобождённой вчера территории. Ха! У нас есть бензин, значит - есть свобода манёвра! Тогда планы меняются! Перегруппировка! Держитесь, ребята!

Ну, а мы за вас отомстим!

В атаке участвовал лично. Никого не убил. Меня окружила такая толпа дрожащих за брненное тело меня, безобидного, что перебили всех немцев прежде, чем я смог хоть кого-то подстрелить. Не говоря уже о гранатном бое, а уж тем более - рукопашной! Просто я не успел добраться до живых немцев. Убивали их быстрее, чем я умею бегать.

Ие-ех! Не дали развлечься. Опять - администрирование! Матерился полчаса. Обругал всех подряд, всех, кого увидел. И за дело, и так. Ха! Был бы человек, а до чего докапаться - найдётся. А нечего под злого меня попадать! Пострелять не дали! У-у! Гэбня кровавая!

Комрембата всё-таки достал меня. И я провёл небольшую ротацию экипажей. Пока только тех, что не на острие атаки. Плохо это, конечно, разбивать сработавшийся коллектив, но ремонтники мне нужны, как воздух. А заводчане, что ещё были в экипажах, мало, но были - чем не

слесаря-ремонтники? Да и "безлошадных" - всех в его распоряжение предоставил. Дело он важное затеял - восстановление отбитой у немцев и брошенной ими техники. Танков, конечно, мы не получим - больно уж злые расчёты моих самоходов и танков на них - разбивают до состояния металлолома. Но, есть ещё различного вида бронетехника, автотранспорт. Да и брошенные пушки ставятся в строй - мы взяли 3 небольших склада снарядов немецких калибров.

Кстати, Брасень с комрембата решили вопрос по "глушилке" вот как: пазик 3-й серии потерявший башню от удара бетонобойного снаряда 107-мм бегемота, но оставшийся на ходу, теперь и был повозкой для глушилки. И экипаж глушилки теперь играл в салочки с немецкими корректировщиками и пилотами люфтваффе. Попробуй поймать безбашенный танк, если при приближении к району поиска пропадала связь с "землёй" и между самолётами, так что данные пеленгации у немцев были слегка несвежие. Поэтому немец кидался на всё подряд, прорываясь сквозь трассеры наших Фениксов и зенитных пулемётов.

Попросил рембатовцев у Ватутина, был вежливо и почти не матёрно послан (интеллигент!) - бывшие плацдармы забиты нашими танками. Их надо чинить или вывозить. Кто это будет делать? Пушкин? Александр Сергеевич? Битый танк восстановить на заводе всё проще, чем из руды его выстраивать.

Кстати, все Матильды так там и остались, где я их видел. Им дважды не повезло. Сначала их атакующих строй в борта обстреляла неподдавленная зенитная батарея, когда они развернулись к зениткам лбом, то были обстреляны в другие борта ожившими противотанковыми батареями немцев. Пока подавляли всё это стреляющее хозяйство, Матильды спасались от уничтожения в заболоченной низине, из которой их теперь и тягали по-одному. Завязли. А у Матильд есть такие боковые экраны, защищающие борта и ходовую. Вот только грязь, забившаяся между экранами и ходовой высохла, застыла, как гипсовая штукатурка, намертво заклинив движители. Вот тебе и чудо сумрачного саксонского гения. Это вам не в сухих песках Африки Роммеля гонять! Тут знаменитый русский чернозём! Что на хлеб можно мазать, как масло.

Вновь освобождённое село заполнил автотранспорт - бывшие немецкие грузовики разгружали ящики снарядов, скатывали бочки с топливом, растаскивали на будущие огневые бывшие немецкие же 50-мм орудия, выгружали "подброшенных" стрелков ударной дивизии, что меняют нас, грузили раненных и трофеи.

Доложили о потерях. Группа прекратила своё существование, как

боевая единица. Техника выбита, народ побит, командир скрипит зубами на носилках - три осколочных ранения в конечности - 2 - правой ноге, 1 - в левую руку. Я подошёл, опустился к нему, пожал руку, поблагодарил, повесил на грудь награду. Мало, конечно, но более крупными и значимыми награждают более крупные и значимые командиры. Я, естественно, напишу на него и его егерей наградные, но как оно будет? Не затеряется ли награда в тыловых канцеляриях? Первый раз, что ли. А так - вот она, на груди!

- Командир, что с моей группой?

- Нет больше группы. Уцелевших - распределяю по другим группам. А ты - поправляйся. И запомни - егерей не имеют права никуда распределять. Мы, егеря - в личном распоряжении наркома Берии. И направить тебя могут только к егерям.

- Я хочу в нашу бригаду!

- Хоти! - рассмеялся я, - будем тебя ждать! Ты, главное, быстрее поправляйся.

Повоевали они хорошо. И броню побили, и пехоту. А мы их, сирых и убогих, немцев то есть, ещё и окружили, вообще зачистили.

Раненных увезли.

Окружность фронта.

В вишнёвом саду на окраине села устроил я КП. Сюда и прибыл Ватутин. Вот неугомонный! На передовую ко мне примчал, под бдительным оком "рамы"!

- Совсем себя не бережёте, товарищ генерал-лейтенант! От нас рама не отстаёт, а вы катаетесь по передку, - высказал я ему.

- Отставить! - оборвал он меня, - Что там? Какая часть?

Мой начальник разведки выложил на стол документы убитых фрицев. Ватутин полистал, хмыкнул.

- Ну, комбриг, нам удалось схватить тигра за хвост. Это те самые немцы, что должны были погрузиться на станции. Не дали мы им уйти.

- Останавливать наступление? Пока тигр к нам мордой не обернулся.

- Нет. Немец нас сам остановит. Пока готовим опорные пункты. Сутки. Сутки ты должен продолжать активные действия. Надо дать им завязнуть. Я буду окапываться, потом отведём тебя в тыл. В оперативный резерв. Сутки.

Я вздохнул. Просто от мысли "панцердивизион" у меня холодело в животе. А от мысли "панцердивизионЫ" - вообще в туалет позывы появлялись.

Но, для этого мы и созданы! В смысле - противодействия танкам. А не желудочным расстройствам.

- Appetit приходит во время еды?

- Точно! Задача теперь стоит не задержать танки, а перемолоть их тут! И не отдать завоёванное. Ни пяди земли врагу!

- Чё, круто! - грустно согласился я.

- Отставить! - одёрнул меня генерал, - Ты так лихо бил немца, что это нос повесил?

- Количество немцев иногда изменяет качество. А командир этого корпуса - тот ещё затейник.

- Молодец! - генерал хлопнул меня по плечу, - Стратегически мыслишь. Ничего, не таких хитрож...ых накалывали. Выкрутимся.

- В лоб он бить не будет, - продолжал я гнуть своё, - попытается нас отрезать от реки и удушить тут.

- Я тоже так думаю. И ему это удастся, - он подмигнул мне, - и это и будет его ошибкой. Я гоню к тебе весь запас твоих калибров, топливо, ЗиП, подкрепления. По замыкании кольца, командование передам тебе.

- А в чём прикол? - невесело осведомился я. Ага, а минуту назад заливал мне, что сменят, в тыл отведут.

- В твоём друге Катукове. Он выгружается у меня в тылу. Сердце у меня подпрыгнуло. Катукоев же мехкорпус формировал!

- Растянем ему коммуникации, вытащим танки на поле, подгребём его резервы, потом введём свой козырь.

Ватуин хмыкнул. И я хмыкнул. Только грустно.

Их мехкорпус не ровня нашему. Когда ещё наши танкисты станут по боевитости превосходить немцев? Не сегодня, явно. И даже не завтра. Как там было на Прохоровке? Танковый корпус противника, уже успевший повоевать, соответственно, потрепаться, столкнулся с нашей танковой армией, новенькой, с резерва. Никто из них не ожидал друг друга встретить. Но, судьба! Встречный бой. Корпус против армии. По итогу - немец не смог продвинуться, отошел, а у нашей танковой армии не осталось танков. Такие вот бывают дорогие победы.

На ничьей сойдёмся - и то хорошо. Но, потом тут настанет тишь и благодать - у сторон нет резервов, значит - нет и активных действий.

Но, Ватуин считает иначе:

- А там и общее наступление начнём. До морозов к Харьков и Донецкому бассейну выйдем!

Я вздрогнул. Да, товарищ генерал, вашими устами, да мёд бы пить! Очередная попытка наступления на Харьков. Без Огненной Дуги Курска. Не плохо бы. На год раньше, чем в известной мне истории. Жаль в эпоху эту светлую не придётся жить ни мне, ни моим егерям.

- Сапёрами помоги, товарищ командующий. Копать придётся много. От ярости люфтваффе только в землю родную и можно спрятаться.

- Помогу, родной, помогу. Опорные пункты тебе приготовлю.

- И предупреди о начале их удара - тылы вывести. Мне тут тысячи шоферюг и ездовых - без надобности. Объедят только.

- Предупрежу. Ты не унывай! Не бросим вас.

Уже бросили. Подставили, как приманку. Вздохнуть, выдохнуть. И так ндцать раз. Отставить рефлексию, комбриг! Такова наша доля - умирать за Родину. Постоим же за Землю Русскую! Во имя Рода! За Родину!

Командующий уехал. Надо пересматривать всю схему боя. И я стал перераспределять потоки согласно новым вводным. Как дирижёр, махая руками, приводил в движение солистов-маэстро моей бригады и приданных подразделений, рождая тихую торжественную музыку Победы. Той, что по бедам. Той, что у нас, внуков Сварога, всегда вопреки. Вопреки всем обстоятельствам. Потому что иначе - не получается. Нельзя иначе. В смысле - нельзя не побеждать. Потому что без победы - холод небытия. Ничто.

Совсем иначе стали вести бой. Определились с местом нашего будущего окружения, туда стали свозить наши хомячьи тоннажи, там организовывали периметр. Потом внешний круг, потом - дальний. Три кольца обороны опорных пунктов заложили. В наиболее удобных для обороны, для прострела, местах. Нет, конечно, никакой сплошной линии фронта с изломанной линией траншей и рядами колючей проволоки. Зачем? Опорные пункты, перекрывающие друг друга огнём. Достаточно.

А боевые группы продолжали преумножать энтропию в рядах противника. Малые подвижные группы избегали крупных соединений врага, ускользали от них, постоянно перемножали на ноль малые скопления врага, нарушали связи и сообщение, ломали столбы, рвали провода, взрывали колодцы, мосты, минировали дороги, пересечения. Грабили, жгли и убивали. Одним словом - разбойники. Ах, да - егеря пленных не брали. Раненных не добивали, целых и неповреждённых немцев калечили и бросали. Пусть свои их лечат, комиссуют, кормят. Без правых кистей и с изувеченными коленями - они не вояки. Вот такие мы - садисты. Не удивлюсь, что к элитной категории комиссаров, коммунистов и евреев, которых немцы никогда в плен не берут, прибавятся пятнистые егеря.

Гляжу, "аналитики" мои чёй-то зашебуршились, ботаны яйцеголовые, пока начштаба отдыхать изволил. Не, не издеваюсь. Реально устал человек. Мы с ним - посменно спим. Сейчас - моя вахта. Потом опять моя. А глубоко ночью и до раннего рассвета - его, волчья, смена.

- Чё задумали, выкладываете?

Они расступились, указали на одну из серых фишек, что у нас числится за отрядом немцев до 2 рот пехоты при 4-6 пушках, миномётах - пока не поняли сколько у них миномётов, при пяти танках и бронемашин и десятка БТР. Настоящая кампфгрупп. Я кинул взгляд на доску с меловыми расчётами.

- Почему именно эта? Оптимальные маршруты вырисовываются ещё как минимум для двух кампфгрупп.

Они переглянулись.

- Мы думаем, что там - командование. Что это штабная группа.

- Да? Больно они пассивные.

- Наш "паровой молот" тоже не самый резвый.

- Согласен. И?

- По их вызовам наиболее часто отрабатывали немецкие стервятники. Мы уже рекомендовали командирам боегрупп на глаза этим не попадаться. Сразу по "засвету" - налёт.

И эти тоже "моими" словечками оперируют. Палево! Палево! Ну, никакой конспирации у меня, меня легко можно вычислить по косвенным признакам. Плохой я шпиён!

- Ага, так это - любимец белокурых бестий Геббельса? Согласен. Сам бог велел этих любвеобильных садомистов наказывать. Давайте, крутите! Всё надо сделать быстро и надёжно. Ну, как обычно. Только одной группой их надо с тыла подпереть. Чтоб наверняка.

Аналитики опять переглянулись:

- Тогда - Кадет. Он тише всех "ходит". Ни одного налёта на него. Даже после атак - его с воздуха не находят.

- Кадета немцы ещё год назад учили по своим тылам ходить. Так, давайте, в темпе крутите план. Сколько надо времени?

Они опять переглянулись. Да что вы как двойнёвые близнецы, всё переглядываетесь?

- Через час начнём ориентировать группы. За час до рассвета - атака.

- Только бы они не слиняли оттуда, - сказал другой.

Как привычно стало слышать от людей этого времени анахронизмы. А Громозека посмеивается:

- Чё?

- Геринг. Шеф летчиков - Геринг. А Геббельс - главный пропагандист.

- Да? Да их хер разберёшь! Как у эльфов - все на "Г". Они все с одного клана?

- А кто такие эльфы? - спросил один аналитик под наше с Громозекой

ржание.

- Есть такие, что помогают жителям Гондора, гондонам, - ответил Громозека, что ещё больше развеселило нас. Какие эльфы, какие гондорцы? Как это было далеко, как это было смешно!

План был хорош. И уже стал типовым. Так сказать, подчёрк появился у моего штаба. Свой стиль. Мой стиль.

План такой - одна группа со средней дистанции открывает шквальный огонь из всего, что есть по месторасположения цели, две группы, под прикрытием огня, с флангов сближаются на расстояние броска и по сигналу - а сигнал - прекращение обстрела 1 группы, меняющей позиции - бросаются в атаку. И ещё одна группа сидит в засаде. Как раз с той стороны, откуда мы не атакуем. Предыдущие 3 раза немцы ломились как раз в западню, на залпы Единорогов и трассеры пулемётов.

Щелчёк в эфире. Одна группа на месте. Я в составе ещё одной. О, ещё щелчёк. Ждём 4-ю группу.

А у немцев - тихо. Почти. Кто-то долбит кувалдой по стальной болванке - в ночи грохот далеко разносится. Сверкает электросварка, рычит лишённый глушака электрогенератор, едва слышно шипит, бросая неровные вспышки, автоген. Рембат. Может, мы ошиблись, может это не кампфгруппа, а просто - рембат? А благосклонность люфтваффе? Командир ремонтников имеет приятеля в штабе авиагруппы?

К чёрту! Всё одно их убивать!

А вот и щелчёк! Огонь!

Ряд вспышек, грохот выстрелов орудий, почти мгновенно - взрывы. Вспышки, вой сирены, ещё взрывы - залпов орудий теперь не слышно. Теперь можно и по рации потрепаться:

- Малыш, вызывает Пух.

- Слышу тебя, Пух.

- Как отстреляешься, всю малышню води в лобовую.

- Понял, Пух, в лобовую.

Все свои танки я привёл. Рисковал, конечно. Т-34, да и Т-34М ревут даже громче Единорогов. Сильно громче. И сверкают пламенем выхлопа из "глушителей", которые не слишком и глушат. Они сейчас в километре стоят, ведут огонь навесом через головы 1-й группы. Всего - 10 танков. Силища! Это только Т-34-ки. Куцых я и танками не считаю. Пусть машинами сопровождения работают.

Эфир зашипел помехами включившейся в работу глушилки. Рисуем аппаратом, конечно, но надо получить временную фору.

Красная ракета. Обстрел закончился, как отрезали. Блин, как же они

ревут! Немцы засуетились.

- В атаку! - заорал я и побежал.

Рядом - Громозека и бойцы комендантского взвода, довольные, как обожравшиеся бегемоты, улыбки от уха до уха - наконец-то их пусти в бой. А то всё бочки таскай, да ящики катай.

- Атас!

Я рухнул на землю. Взрывы гранат, мат. По-нашему и не по-нашему. Крики, беспорядочная стрельба. Я опять опаздываю! Опять всех немцев без меня перебьют!

Стадом изрыгающих огонь носорогов по селу прокатились наши тридцатьчетвёрки, давя, сминая, отбрасывая, круша. За ними - сплошной мат-перемат. Это Кровавые Вороны сыплются с брони. Решили километр прокатиться? Теперь прыгайте! Вы же десант! Там прыгать надо было, за околицей. Лентяи!

На меня вылетели два немца. Ура! Я - с мясом! Блин! Я только начал наносить удар штыком, а они оба взорвались кровавыми фонтанами и улетели, как кегли при страйке в кегельбане.

- Громозека! Ну кто же из пулемёта в упор стреляет? Это же не эстетично! Я весь в крови этих ублюдков!

- Штыком - эстетичнее?

- Ты в следующий раз их из пушки приголубь!

- Обязательно! Гранатомёты скорее бы сделали, что ли! - ответил мне этот мечтатель. Всё ждёт, когда ему предоставят гранатомёты, в которые он заранее влюбился, зная гранатомёты только по моим рассказам. Хотя я и сам гранатомёты эти видел только по телеку.

Повоевать мне всё же удалось. Я с разбега рыбкой нырнул в маленькое окошко хаты, кувырок, сбил с ног подсечкой одного немца в панталонах, выхватил ТТ, два сдвоенных выстрела - в немца в углу и в этого, у моих ног. Оба только в белье. А не надо спать во время боя, ослы! Или взрывы вам не намёк на побудку и выдвижение на место несения службы?

- Чисто! - крикнул Громозека из сеней.

- Чисто! - ответил я, шаря пистолетом по углам, - Чердак проверь!

- Атас! - закричал Громозека, кидая гранату в духовое окошко.

- Не стреляйте! - оттуда крик. Мальчик. Твою!

- Прыгай, граната!

Серый росчерк падающего тела, мы прыгаем, чтоб поймать, ловит Громозека, падаем. Глухой взрыв гранаты. Стон.

- Ты ранен?

- Вы тяжелые.

- Громозека, у тебя в голове мозги или творог?

- Откуда мне знать, что он там?

- Радиус сплошного поражения Ф-1 - 300 метров, баран! Эта изба для неё - бумага. Ты нас мог убить!

- Всегда так делали, чёй-то никого не прибило! А за барана - я тебе припомню. Утром же!

- Ты чё там, наверху, делал? - это уже мальчишке.

- Прятался. От немцев. Они мамку как стали бить, так я и сбёг.

- И где она?

- Они её в подпол заперли.

- Гро...

- Уже!

- И как давно?

- Три дня. Дяденька, а у вас есть поесть? Или хоть попить?

Конечно есть. У меня всегда заправка с собой. Отдал ему пачку трофейных галет. Он взял одну печенюшку, пачку вернул.

- Всю бери. Только зараз не ешь, жуй тщательней, по чуть-чуть, а то желудок свернётся.

И тут Громозека вынес мать этого мальчика.

- Мама! - взвизгнул мальчишка, крошки галет полетели из рта, пачка упала на вытопанную землю двора, он побежал к матери.

Я окаменел - по лицу Громозеки и виду женщины всё понял.

Так, вздохнуть, выдохнуть, ещё, ещё.

- Тёплая ещё, - буркнул Громозека.

Вот почему эти ублюдки были ещё в неглиже, вот почему они были в доме, а не на огневых! Если бы мог, убил бы ещё раз! Но я прекрасно помню, как вылетали чёрные фонтаны из их гнилых голов.

- Связь мне, быстро! - взревел я паровозом.

Всё верно, бойцы моей охраны, они же комендантский взвод, были рядом. Они учли, как отрицательно сказалось на моём моральном состоянии отсутствие фрагов в прошлом бою, "выделили" мне на зачистку этот дом, безобидный, с виду.

Во и связь бежит, спотыкаясь в темноте под тяжестью "мобильника". Кивает на мой вопрос - глушилка освободила эфир и теперь стремительно "теряется" в наших порядках.

- Внимание, всем! Это Медведь! Сегодня берём пленных! Сегодня берём пленных! Всех, повторяю - всех - на лобное место!

Повернулся к "комендантам":

- Это не может быть единичным случаем. Обычно - или все, или - никто! Найти все жертвы, найти выживших гражданских, всех - на лобное!

- А налёт?

Я указал на едва покрасневшее восточное небо:

- У нас есть время. Если пошевеливаться будем.

Неровная шеренга жалко выглядящих немцев перед большой ямой - углубленной воронкой. По эту сторону воронки - растерзанные женские и детские тела. Будто собаки их рвали. Девочки же совсем. Дети. Нет, вы не звери. Вы - хуже зверей. Как же я их ненавижу! Не только за то, что сделали они с жителями этого села, а за то, что они сделали со мной. За то, что я сейчас должен сделать.

Среди пленных стоял с презрительной ухмылкой командир этого отряда - белокурая бестия. Молодой - 30 ещё нет, уже майор. "Истинный ариец", такой, какими их себе эти твари представляли. Он с презрением смотрел на нас, на растерзанные тела, на жалких выживших гражданских. Понятно, он всех нас скопом за людей-то не считает.

Вообще-то я должен его сдать Ватутину. Майор-"ариец" - комбат как раз интересующего нас "панцердивизион".

Отдать? А там его кормить будут, охранять, лечить. Мы ж - гуманисты, гля! Толстовцы! "Непротивление злу"! Тебе вье...ли по правой щеке - подставь задницу! Щаазз! И году в 65-м эта бестия вернётся домой, в Германию, станет писать мемуары, как он, рыцарь без страха и упрёка, нёс цивилизацию тёмным варварам (нам), а его подло и гнусно пленили, не честно напав из-за угла, ночью, вшестером, причём оба в валенках, а он в это время обморожение получал в ужасном северном Воронежском климате лета 42-го. Как он наши танки жёг пачками, как у него палец уставал косить волны нечувствительных к потерям недочеловеков, что могут жрать траву и спать голыми на снегу. Но, нигде не упомянет, что вытащили его в ниглиже из-под пружин панцирной кровати с хромированными шарами в изголовье, что он сам руки поднял, как по его панталонам расплывалось пятно страха. А наши заклятые союзники будут печатать эти мемуары миллионными тиражами, продавая их заведомо в убыток, но окрашивая наше прошлое в нужные им оттенки серого. Читывал подобное, знаю. У немцев вообще, что не военный мемуарист, то барон Мюнхгаузен, тянущий сам себя за волосы из болота.

Отдать? Щазз-з-з!

- Сталкера сюда подгоните, - приказал я. Громозека сразу просёк, с ужасом посмотрел на меня, - И военкоров давайте. Пусть фиксируют акт возмездия.

- И моего грехопадения, - уже под нос буркнул я.

Презрительная ухмылка слетела с лица бестии, когда в тыл им вышел инженерный самоход с язычком пламени на огнемёте. А когда переводчик стал им доводить слова моего обвинительного приговора, что я изрекал, стоя в Сталкере, держась за гашетки огнемёта, то бестии совсем взгустнулось.

- Убийством гражданский людей, неспровоцированным насилием, садизмом и разбойничьей жестокостью эти ублюдки вычеркнули себя из рядов солдат воюющих стран. Да что там! Они людьми перестали быть. Это бесы! Твари преисподней! Хуже зверей! Гниль давно съела их мозги, сердца и души. А гниль - надо выжигать!!!

Ревущее пламя сорвалось с наконечника огнемёта, залило немцев, до последнего надевших, что обойдётся, что мы попугаем их огнемётом, да в плен уведём. Щааз-з! Немцы - бежать живыми факелами, я заливать их огнём. Тут и наши тоже побежали кто - куда. А я всё лил и лил струи огня в мираж презрительной улыбки "белокурой бестии". В зелёную клеёнку. В ледяные глаза ментов в кроссовках.

Лицо моё при этом запечатлел один из военкоров. Даже в плохом качестве монохромного оттиска жёлтого листка фронтовой газеты оно было уродливым, страшным и ужасным. До мурашек на спине. Таким планета впервые увидела морду Медведя. Почему планета? Потому что материалы этого действия были перепечатаны множеством таблоидов. Кто-то это назвал варварством дикаря, самосудом и военным преступлением, а кто-то - справедливостью.

Не было это справедливостью. Это была казнь с показательной жестокостью. С показательной отморозенностью. Запредельность. Это нужно было сделать. Нужно! Хочешь ты этого или нет! Нужно! А хочешь или не хочешь - дело десятое.

И будь проклято Провидение за то, что именно я стал Рукой Возмездия! А кто? Вынес приговор - имей мужество взять грех на себя. Или отойди в сторонку. Не бери на себя того, что не вынесешь! В этом деле я не мог приказать никому из своих подчинённых. Я - это сделал! Я! Я вынес приговор - я и исполнил. На мне и грех. На мне одном! И я за это буду гореть в чистилище лишних ндцать эпох! Заставить кого-то - погубить не только свою душу (я ведь вынес приговор), но и исполнителя, насильно ставшего палачом. Зачем погибать двоим, если хватит одного?

Зверски растерзанных жителей села погребли. Дали салют. Выживших - забрали с собой, потом отправили в Воронеж. А барбекю тел немцев оставили так, как получилось. Там, куда они успели добежать.

С этим и отбыли в темпе бегства, спасаясь от толпы карателей, что мчались выручать Бестию. Да, мы ещё и авиацию нашей смешанной авиадивизии на них, преследователей-карателей наших, навели.

Прыгая на броне, смотрели за яростной каруселью воздушного побоища, развернувшегося над нашими головами. Откуда нам было знать, что позавчера на наш участок прибыли две элитных авиаэскадрильи птенцов Геринга? Откуда нам было знать, что разворачивающаяся сейчас над нашими головами воздушная схватка элитных, жёлтокапотных асов и орлят курсов взлёт-посадка, получит имя "битвы за Воронеж", что обернётся для нас огромными потерями в самолётах и пилотах, но покончит с безраздельным господством немцев в русском небе? Откуда нам было знать, что так и не захваченный немцами Воронеж уже не только восстановил свою авиапромышленность, но и резко, по-фронтовому, нарастил выпуск? Откуда нам было знать, что отдавать 7 самолётов и 6 лётчиков за 1 немецкого аса - это победа? Откуда нам было знать, что при такой страшной войне курсы взлёт-посадка - кровавая, но верная стратегия? Откуда нам было знать, что асов Геринга, зарытых в чернозём, заменят такие же желторотые птенцы и уровень мастерства пилотов ВВС сторон - сравняются, но набравшая обороты наша авиапромышленность не оставит немцам в небе места? Откуда?

Мы пребольно отбивали об броню все части тела - потому что сбегали по почти непроходимым для танков местам, выкручиваясь от клещей захвата кампфгрупп. Мы летали по боевым отделениям наших боевых машин, как шарики в погремушках, от борта к борту. Не до неба нам как-то стало. Под землёй бы не оказаться.

Как немец осерчал на показательную казнь! Как моча им в голову ударила! Как скипидаром под хвостом намазали - маневрировали колонны немцев.

Но, мне было слегка не до этого. Я был "чуть-чуть" не в адеквате, слегка совсем психовал. И даже неглубоко истерил. Одним словом - был в прострации. Огонь напалма был у меня в глазах, вонь горящего мяса - в носу, визги сжигаемых в адском пламени - в ушах. А в черепе - гул реактивной турбины. В общем, не легко это - людей жечь. Не, жечь - не сложно. Человеком остаться после этого - сложно.

Одним словом: анархия - мать порядка! Оставил я оперативную группу фронтового подчинения Медведя обезглавленной. Что кто хочешь - то и делай! Можешь в атаку идти, можешь идти спать, можешь кричать: "Шеф, шеф, всё пропало!" и бежать в тыл - не кому: остановить, проконтролировать, успокоить, расстрелять, тьфу, опять мысль не туда

свернула! Так и маньяком Чикотилом стать можно. Или этим, как его, что молчал ягнят, а, Наггибал Лестер! Или Ганнибал Лобстер? Или он мочил ягнят? В сортире. Вот зверь! Бараны-то тут при чём?

Вернулись в "окружение" почти без потерь. На время моего "отсутствия" маршем рулил Кадет, по старой, "в тылу врага", привычке перехватив бразды правления. Поэтому и проскочили в игольчатое ушко. Орден Суворова ему за это. Представление на орден. Тут как раз в Красной Звезде печатали о введении командирских наград.

А преследователей встретили залпы замаскированных батарей с заранее подготовленных позиций. Немцы утёрли слюни и кровавую юшку, отошли, стали закрепляться. Оставив чадить остова разбитых танков перед нашими позициями.

Мое несознательное тело было сдано на руки жене, как супруге и медику, для приведения в боеспособное состояние. Процесс "приведения" затянулся до утра. Это моё сознание было заиклено внутри себя, а физиология вполне адекватно работала. Даже лучше, чем с самим мной в моей голове. Чем супруга и не преминула воспользоваться. Моим телом воспользоваться. На время моего отсутствия взять от меня всё, что я не додал за этот медовый месяц. Мы же молодожёны, ёпти, у нас идёт медовый месяц, а прямыми последствиями супружества почти и не занимались! Война, будь она неладна!

Ни хрена оно не красит! Как ты достал, Громозека, каждое утро мычать этот мотив!

- Пару раундов? - спросил он, приглашая меня на нашу привычную утреннюю тренировку, - За тобой должок. Ты мне за козла ответишь!

- Отстань! И я тебя бараном назвал, а не козлом. У меня и так ощущение, что меня целый день били, а потом ещё и всю ночь имели.

- Так и было, - пожал плечами мой охранник, - это с тебя пенни за супружеский долг брали. Да, проценты в этой кассе - ого-го! Ближе 30 метров к палатке подойти было нельзя - столбняк нападал.

- Пошёл ты! Пошляк! И вообще - никого не касается!

- Да я чё? Я - ничё! Я завидую просто. И Дашу отымел, и докторш...

Удар в челюсть опрокинул его на землю, он перекатился ещё назад, встал на ноги и кинулся на меня. махались молча, в полный контакт, без выкрутасов, но с полной отдачей, с чувством, толком, расстановкой.

И всё же надолго меня не хватило. Я - первый сдулся:

- Стоп! - и поднял руки.

И молниеносно получил в корпус. Так, что свет погас. Громозека помог мне подняться:

- Лучше?

- Да, отпустило. Я, наверное, полный псих - чтобы прийти в себя, надо хорошенько подраться.

- Не, это обычное дело, - пожал плечами Громозека, снимая с дерева полотенце и поднимая ведро с водой.

- Ты должен меня охранять, а не бить, - заявил я ему, намыливая лицо.

- Да кто тебе сказал? Охранять тебя! Нужен ты! Я - вообще тут случайно, мимо шёл, слышу звуки интересные, подслушал, а этот ревнивец - драться. Ну, никакого воспитания!

Ржали вместе.

- Давно она ушла?

- Затемно ещё. Морда - как у кота, что кило сметаны съел!

- Это у тебя морда. А у неё - мордашка. Довольно симпатичная.

- Та я не спору!

- Вот и молчи!

- Вот и молчу. Кто звонил - говорить?

- Кто?

- Так я ж молчу?

- Да говори уже, чё ломаешься, как целка!

- Фу, какие манеры, а ещё командир оперативной группы фронтового подчинения.

- Чё?

- Через плечо. Меж прочим - генеральская должность.

- Ага, Гитлер Паулюсу тоже фельдмаршала присвоит, чтоб он в плен не сдавался, а он - сдался.

Громозека аж вперёд весь подался:

- Когда? - с вожделенным придыханием спросил он, будто ему элитная проститутка обещала бесплатно дать.

- Зимой этой. В Сталинграде три сотни тысяч немцев окружили. Шестая армия и часть четвёртой танковой. И не выпустили.

Вдруг из глаз этого сурового боевика выступила влага и кадык заходил ходуном над воротником.

- Спасибо, командир. Иной раз уж и не вериться, что одолеем. Так и думается, что так и будем - ударил, убежал, ударил - убежал.

- Не, с весны 44-го бить будем без продыху. Как зерноуборочный комбайн. Перемолачивая немца в труху.

- Сорок четвёртый, - вздохнул он, - как долго.

- В 41-м ещё дольше было. И тогда мы только огрызаться могли. А

сейчас уже ведём наступления. Пусть и тактические, но наступления. И самое важное - удачные!

И тут меня поразила мысль - ведь он всё это давно знает. Играет тут Лёньку ди Каприо!?

- Сука! Психолог, чёрттов! Ах, ловок! Блин, меня же заставил самого себя из депресняка вытащить! Вот пройдоха!

- Ну вот, а то - охранник, охранник! Я твой ангел-хранитель!

- Да пошел ты!

- Сам пошёл!

- Чё, так, обнявшись, и пойдём вместе на х...?

Рассмеялись, обнялись, и пошли. Не обнявшись. И даже не за ручки. Мы же не те, которые..., тьфу, мерзость!

- Там меня трибунал не ждёт? - спросил я своего ангела-хранителя.

- Нет. Член военсовета фронта приезжал, хотел тебя увидеть, послушал ахи-трахи, уехал.

- Блин!

- Да, тут от комфронта фельдъегерь сидит, бумаги тебе привёз. Серьёзный такой. Гранату взведённую под портфелем прячет.

- Во, блин! Так идём быстрее, а то уснёт, подорвётся.

Спецпочта доставила карту со свежей обстановкой. Не, у меня была свежее, но только тех мест, где побывали мои люди. А тут - всего фронта. Общий расклад. И записка от Ватутина. Там он меня крыл последними словами за аморалку, за самосуд, жестокость, военные преступления, поведение недостойное коммуниста, ничего не забыл? А, во-во, дикость, варварство и морально-психологическую невыдержанность. Интеллигент! Вот! А дальше - описывает, что наше "утро стрелецкой казни" полностью взбило мозги немецким воеводам в гоголь-моголь и они изменили маршруты выдвижения танковых колонн. Теперь они не собирались подрезать наш прорыв, как шляпку гриба, а хотели раздавить нас таранным ударом. Ха! Напугали козла капустой! Мы же - противотанкисты! Нас танками пугать - воздух сотрясать кишечными газами. Тем более, что Ватутин обещал прислать Н-ский ИПТАП. По буквам - истребительно-противотанковый. Полк. Больше 20 стволов. Об такой ИПТАП может немец и лоб разбить. Выгружается, говорит. Так, это - послезавтра. До нас доберётся. А нас когда будут убивать? Сегодня. Ну, как обычно. Как в той песне - всё будет, но завтра. Нет, нет, мы хотим сегодня, мы хотим сейчас. Бывает! Вот вам губозакаточный карандаш, пользуйтесь! Не стесняйтесь!

Так, а вы чё приуныли, ботаны анал... аналитические, во!? Подглядывали? Я смял карту.

- Танки - наша работа! За работу, парни! Если не мы их - то кто? - стал я сыпать афоризмы. Надо было не из ведра умыться, а полностью. И чистое надеть.

- Да, кстати, отводите тылы - нечего им под ногами мешаться! Совсем приуныли.

- Не дрейф, ребята! Мы ещё живы! - я усмехнулся, - это просто вы ещё ни разу не умирали! Умирать только в первый раз страшно! А потом - привыкаешь!

Сонный начштаба ввалился в КП.

- Если Медведь афоризмами заговорил, то нарисовалась жопа. И в чём именно она выразилась? - спросил он, зевнув.

- Ну, вот - показал я на начштаба "аналитикам", - привык. На, тут весёлые картинки прислали.

Начштаба отхлебнул чая, зажмурив один глаз, чтоб ложкой в него не попасть, одним взглядом окинул карту и расплылся в довольной улыбке:

- Печеньки!

Я не удержался, заржал. Психические расстройства - это заразно.

Котёл гуляша из медвежатины.

Задачу мы выполнили. Какая цель была операции "Капкан"? С какой задачей мы пошли в прорыв? Похулиганить и выманить на себя подвижные соединения противника. Выполнено! Вон они, в поле горят! Квест исполнен, ставим зелёную галочку. Более того, тем, что они горят - план перевыполнен. Мы их не просто заставили выгрузиться, мы основательно их обескровили, выбили матчасть. Уже. А мы ещё живы. Значит - ещё побьем. И они нас.

А потом появились на поле боя, феерично появились, надо сказать, "боевые электрики" - эсэсовцы. "Мёртвая голова". Из резерва, из Европы. Свежие, полнокровные, на новой технике, последних модификаций. С высоким, хм, про эсэсовцев язык не поворачивается сказать "высокий дух". Скажем так: с высокой агрессивностью и боевитостью. В общем, в бой они лезли, как обкуренные, положить их в пыль мордой было сложно - надо было их основательно прорядить. Вот так вот, ехали себе отборные эсэсовцы к Сталинграду, а тут какой-то оборзевший русский живьём начал жечь немцев. И вот они уже глотают воронежский чернозём обоими ноздрями.

План многократно перевыполнен.

Только - мы уже потеряли внешний контур обороны. Ещё бы - в первый день своего появления Мёртвая голова 18 раз ходила в атаку! А необстрелянными новичками они не были. На следующий день - 16 атак.

Прибыл ИПТАП. Разочаровал. Во-первых - 5 батарей по 4 орудия 45-мм. На конной тяге. 20 пушек "Прощай, Родина!". А у СС - новые Панцеры. Ну, было ещё у ИПТАП 3 роты ПТ-ружей. 80 ПТРС. Нет, об это немец лоб не расшибёт.

И Катуков сдулся. Надо было ему нарваться на таких же как мы, истребителей танков? У немцев истребителей танков называли ягдпанцерами. На вооружении у них была машина под названием Мародёр. Я - не помню такую. Штуги, помню. Были ягдпанцеры на базе Пантер и Тигров. А вот Мародёры? Хотя, у них был какой-то Хетцер, охотник, по-нашему. Но, это в 44-м. уже при боях в Европе. Погоди, что-то припоминаю! Так, зимой в Москве мой артнаводчик вёл дуэль с самоходами на базе лёгких чешских танков с нашими Ф-22 на вооружении. Может это и есть Мародёры? А, что, вполне. Чешские Т-35 и Т-38 уже совсем "не огонь". А вот как самоходное шасси, надёжное, проверенное, освоенное производством - очень даже! Вполне в духе немцев. Эрзац-танк. Хотя, к такому решению пришли, рано или поздно, в зависимости от зажиточности, все воюющие стороны. Как только стало нужно танков много-много, а ресурсов стало мало-мало, так все стали шлёпать эрзац-танки, эрзац-самолёты, эрзац-оружие и другие заменители.

Кстати, наши сейчас уже говорят, что немцы применили "егерскую тактику". То есть, мою. Хотя - я её у них же так же скопирал. Ха! Представил себе, как в этом мире появился интернет и многочисленные ветераны диванных войск повели ожесточённые битвы - кто у кого перенял тактику противотанковых самоходов. Будут говорить, что засада - древнейший способ ведения войны нашим народом. Ещё славянским или скифским способом ведения войны называют. В духе Кутузова - заманить, перебить.

Но, это не важно. А важно то, что Катуков потерял половину танков, одного из комполков, что по старой памяти рассчитывал на неуязвимость своего именного КВ, возглавил лобовую атаку, но был уже не 41-й год на дворе. Сгорел, как факел. Не добившись особых успехов, Катукова отвели в тыл. Пшик! Зачем так рано ввели, спрашивается? Где знаменитая выдержка Ватутина? Планировали же - как нас начнут убивать. А мы ещё 2 линию держим. Пока. Держим.

А горлышко бутылки, в которой мы сидели, всё уже и уже затягивалось. Теперь проскочить необстрелянными не мог ни один транспортный конвой.

Так что - вот оно как всё повернулось.

Перед самым "схлопыванием" канала снабжения, силой заставил

покинуть "Медвежий мешок" все свои тылы. Отправил начальника штаба и аналитиков - они выживут - восстановят штаб бригады, будет штаб - будет бригада. Не пропадут наработки тактики боя.

Отправил всех военкоров, всех военинженеров - представителей КБ, уцелеют данные анализа боевого применения экспериментальных машин. Выгнал всех сапёров и химиков, кладовщиков, расшифровщиков, бригадные мастерские, банно-прачечных "бойцов", автобат, водил и ездовых, рембат с матчастью, госпиталь и медперсонал.

А сейчас стоял и смотрел вслед СУ-85Б без орудия (почему "Б"?, потому что, глядь такая, подвела! пидманула, пидвела!), который увозил из окружения мою жену. Одной из последних. Во-первых - отправить её было непросто - не хотела, тупо. Со мной решила помирать. И не верит, что помирать-то я не собираюсь. Поломает меня смерть, пережует, да и выплюнет в госпиталь, мучиться. А во-вторых, я - командир. Я - на виду тысяч глаз. Я буду в первых рядах спасать жен, перины, столовое серебро и баяны с коврами, как некоторые именитые генералы? Нет, не буду. Моя жена - офицер. И она до последней минуты спасала жизни моих бойцов. Рисковала жизнью наравне со всеми. У нас в мешке не было больше не простреливаемых мест. Всё простреливалось немцем. В любом месте снаряд мог на голову рухнуть.

- Жди меня - и я вернусь! - сказал я ей.

- Вернись, пожалуйста! Я не смогу без тебя!

Вот такой у нас медовый месяц. Гуд бай, май лав, гуд бай!

- Так, а это чё за явление?

На нас летел американский бронетранспортёр. С белой медвежьей мордой. Ха! Мой трофей добрался до меня!

Да. А в нём - гости. И вести. Многое прояснившие вести. Гости - мой двойник, бывший мой же командир комендантского взвода, тот, что - волчара, и группа его бойцов-волкодавов. Так, опять игры с "Кольцом Всевластия"? Таки - да!

Мы коротко пообщались. Хм-м. Так, изложу последовательность событий в свете вновь открывшихся обстоятельств:

1. При обороне Воронежа "засветился" некий майор Медведь с новой, нестандартной техникой и тактикой.

2. На этот участок фронта пребывает группа офицеров из Берлина и очень плотно начинает копать по теме "майора Медведя", но тут объект погибает. Глава рабочей группы немцев не верит, продолжает работать.

3. Наше командование получает от своих агентов инфу на главу группы - а он - знакомец! Вильгельм фон Грейштейн. Тот самый немчик,

которого я пожалел, не добил. Блин! Дурак! Вот он - локоть, а не укусишь!

4. Наше командование покрутило расклад и вот моя егерская бригада со Сталинградского направления перенаправляется в Воронеж. И становится приманкой.

5. Во время засады на колонну бронетехники прошла идентификация по радиоперехвату. Хорошо понимающий русский язык, Вилли сразу сопоставил "Берлогу", "Пууха" и "Медведя", удовлетворив, наконец, нетерпеливое любопытство командования армейского корпуса Вермахта относительно личности командира непонятного формирования русских.

6. Командира немцев заставляют принять план "Медвежий капкан".

7. Егеря втягиваются в организованный "капкан".

8. Медведя немцы берут в плен.

С последним пунктом - не согласен.

9. Двойник остаётся, Кузьмин - покидает мешок.

Хм-м. А придётся. Но, не сейчас.

- А когда? Захлопнется колечко! - нервничал волкодав.

- Ты колечко то не зажимай, прорвёмся! Мы ещё вторую линию не сдали! Мы ещё - повоюем! Да и - рассвело. Сегодня мы с трудом будем выбиты со 2-й линии, завтра - обороняем последний рубеж, а уж потом - прорываемся.

- Ничего у тебя не выйдет, - качает он головой.

- Пох! Я - никуда не поеду! Ещё не все танкеры кончились! Свалили с глаз моих, пока налёт не получили! Не кучковаться! Работаем, негры, солнце - уже высоко!

Будет п.10 - Двойник изображает командование в опустевшем штабе, в моих очках, фуражке, кожанке и доспехе, а я, переодетый в обычного егеря, воюю. Ха! Теперь мы не сильно похожи - мочка уха у меня отросла, а у него - нет. И глаза у меня теперь светло-светло серые, почти белые, а у него, как и у меня раньше - сине-зелёные. Громозёка меня ещё и подстриг машинкой "под ноль".

В мою честь немцы даже отменили свой привычный распорядок дня. В 5.30 - началось!

Засвеченные вчера позиции моих бойцов основательно перемешали снарядами с землёй. Бейте, бейте. Если там кто и остался - накажите их за тупость. Вчера же ясно приказал - сменить позиции! Были же заготовлены резервные огневые.

Потом прилетели "юнкеры", стали бомбами засыпать. А за ними - "лапотники", эти "землю носом рыли", всё норовили под маскировку заглянуть. А зениток у нас мало осталось. И наша авиация носа не кажет -

всю повыбили. Бубновые!

Мы - ждём. Жрём, скрепя песком на зубах. Что теперь делать, если от постоянных обстрелов и бомбёжек песок этот - везде! Жалею, что в тот раз выкинул кашу. Там и песка было чуть-чуть.

Интересно, что немец сегодня придумает? Позавчера он применил давление по всем направлениям сразу. Тупая тактика. Всё их численное превосходство размазалось по окружности - воевали 1 на 1.

Вчера - массово применял авиацию. Зачищая наши опорные пункты один за другим, добивая танками. Итог - десяток танков сожжено, сбито 12 самолётов. Зениток у нас почти не осталось. И потери большие.

- Тринадцатый, это Восьмой. Выстраиваются напротив меня, свиньёй! - протрещал эфир.

- Принял! Держись! Действуй вариант два. Вариант два!

Понятно. Решили танковым клином бить. Ну-ну. Это же не времена рыцарей в сверкающих доспехах! Тут вам Чудское озеро не прокатит. Да? И там не прокатило? Тем более! Так, устанавливаю связь с артподдержкой, потом ориентирую два своих танковых клина. А что? Раз они собрали танки в кулак, значит - оголили остальные участки. Вот и вдарим им в борта.

Запрыгнул на броню Т-34М с схематичным парусником на башне, постучал, почти вежливо, прикладом, в люк, двигатель взревел, покатали!

Как и предусматривал план, а именно его 2 вариант, капитан Сапрунов, сегодня он - Восьмой, обстрелял идущих в атаку немцев, заставил их развернуть боевые порядки, высадить пехоту. Как только панцергренадеры немцев стали высыпать из броневинов, Восьмой отвёл Единорогов и танки на запасные позиции.

Плохо, что это не осталось незамеченным этими новыми немецкими штурмовиками. Говорят, это и есть - Фоккеры. Пулемётно-пушечное вооружение, бомбы 25 и 50 кг под крыльями, толстый лоб. Они и гонялись сегодня за нашей бронетехникой, подавляли огонь вскрытых позиций наших пушек и пулемётов. Видно, хорошо мы прорядили их "лапотников", что сегодня они почти не показываются. Утром Юнкеры отбомбились по площадям, лапотники покрутились, потеряли ещё один самолёт, больше не показываются, теперь вот Фоккеры шныряют.

План. Родили мы несколько вариантов развития событий. Но, пришлось жрать "панцершоколад", заедая таблетками из спецаптечек сбитых немцев. Да-да, и там, и там была наркота. Нейростимуляторы. Ужасно "грязные". Но, за время боёв накопившаяся усталость давила, тупило. Каждая таблетка, каждый батончик шоколада убивает нас, но... Нет,

определённо, немец справиться быстрее. "Колёс" было мало, выделял лично и только тем, кто участвовал в "мозговом штурме". Честно предупредив о том, какую гадость мы сейчас глотаем.

И сейчас я под "дурью". Руки и ноги подрагивают от напряжения, сердце работает на износ. Мозг закипает, но, надо, Витя, надо!

Вот они, немцы. А вот вам и привет из Резерва Главного Командования! Нравиться? А мне как нравится, что полки вернулись! В полках РГК - калибры не детские. Взрывы опрокидывают танки, как обувные картонные коробки! От разрывов с танков слетают гусеницы, детонирует топливо. Кучно положили! Молодцы! А Кактус - вообще - герой! Так и запишем в представлении на награждение - если бы не его мастерство артнаводчика - пи... писец бы нам!

А пока танковый клин врага "наслаждается" поркой особо крупными дрынами, нам надо обеспечить себе пространство для "игры".

Белый шум отрубил эфир. Это вступила в последний свой бой глушилка. У неё сегодня свой бой, свой план. Глушилка заведёт самолёты врага в ловушку. Маневрирующий безбашенный пазик с глушилкой заставил немцев прекратить напрасный расход снарядов и начать охоту за этим постановщиком помех с воздуха. Зениток у нас осталось мало, прикрыть весь наш плацдарм уже не получается, а надо. Вот мы и решили собрать ПВО в кучу и создать приличную плотность огня в отдельно взятом месте. Надо было в это место заманить самолёты противника. Собьём самолёты - нечем будет немцу бомбить боевые порядки. Вот и пошла в расход глушилка, как приманка.

В бой!

Мои танки летят по полю боя параллельно клину панцеров, огибают выгиб земли, что разделила нас и танцерный клин. На этой высоте были позиции Восьмого, теперь нашпигованные взрывающимися сюрпризами и оставленные.

По нам открыли огонь. Ба-бах! Ни-хе-ра-се! Я спрятался за башню. Перед моим носом снаряд свечкой ушёл в небо, отбитый маской орудия. Идущий следом Малыш вздрогнул, крутнулся на месте, но мехвод успел понять, что они гуслию потеряли, не развернул машину кормой к врагу. Десант посыпал на землю. Т-34М довернул башню, стал бегло стрелять из башенного орудия и спаренного пулемёта.

Я смотрел на это одним глазом. Другим я смотрел в ухо Архангелу Гавриилу. Так плотно мы жались к танку, прячась за башню. Гавр толкнул меня, крутнулся ужом и полетел с брони. Я, вздохнув, как перед прыжком в колодец, - следом. Как меня учили, ноги, руки, карабин - сложил. И всё

одно - отбил себе всё и сразу. Покатился, полностью потерявшись, дезориентировавшись. Несколько секунд вынужденно провёл в роли мишени - пока понял, где земля, где небо, где свои, где не свои.

Малыш Кораблёва, который мы только что покинули, скрежетал, раздавливая оружие. Десант в рукопашку рубился с обслугой и пехотой прикрытия. Оскаленные в ярости и ужасе лица, разинутые в криках рты, занесённые над головами приклады, лопатки, штыки.

Мгновение - и время снова пошло. Не так быстро, как обычно, но пошло. Я - сориентировался. Я - "в ярости"! И пусть весь мир подождёт! А стрелять в таком состоянии - сложно, но нужно. Я с колена отстрелял магазин, поменял, отстрелял, побежал догонять Кровавых Воронов. Шаг, два - мир "моргнул" и вернулось нормальное течение времени, с нормальной цветовой гаммой и звуками. Я аж споткнулся, сердце болезненно ухнуло.

Гавр оказался рядом, тут же вырос, как из-под земли пенёк Громозеки, протянул мне флягу.

- Ну, ты! Командир! Как из пулемёта дал! И каждый выстрел - в цель! Я такого ещё не видел!

- Даст Бог - увидишь! - прохрипел я, осматриваясь: - Так, давай ракету на отход! Зарвёмся! Дали в пятак - пора и валить! Нас ещё "свинья" ждёт!

На ходу "грузились" на танки, подсаживая, затягивая друг друга. К сожалению - не все. Чадящими факелами горели два танка - один из Малышей и обычная Т-34 с гранённой башней-гайкой Нижегородского соседа автогиганта, инкубатора наших Единорогов, с завода Красное Сормово. Лежали, пятнистыми кочками, наши павшие. Не могли мы их собрать. Раненных бы не оставить врагу.

А нам - ещё в бой!

Этим лихим гусарским набегом мы обезопасили себе тыл, подавив противотанковую поддержку панцеров и развеев их пехотное прикрытие. А вот теперь - пора и за них взяться, за танки с крестами!

Встречный танковый бой! Приголубленный батареями РГК, панцердивизион вдруг осознал, что с тыла и флангов на них заходят не серые волки-собратья. А танки в выцветшем хаки, стреляя с коротких остановок.

И закрутились немцы, как карась на сковороде, не зная, от кого прятать корму - от танков или от Единорогов с сорокопятками остатка полка ИПТАП. А командование немцев не может пробиться сквозь "белый шум", не может скоординировать танковые экипажи. Не привыкли немцы к

самоуправлению, к отсутствию связи. Да, к хорошему привыкаешь быстро.

А тут ещё и рассерженными шмелями залетали бронебойные пули повылазивших из своих нор бронебойщиков. Расчёты ПТР сидели в своих замаскированных ямах, выжидая удобного момента. И вот он настал - на них никто не обращает внимания. Можно почти в упор расстреливать уязвимые места танков - лючки, смотровые щели, ведущие колёса, траки гусениц.

Танки сходились лоб в лоб, со страшным грохотом таранных ударов, мощнейшие взрывы боеукладок взметали башни танков к облакам, пехота рубилась штыками и прикладами, гранаты рвали и своих, и чужих. Бронебойные пули и снаряды разрывали людей на куски, кровавые брызги висели в густом от дыма и пыли воздухе.

Яростное безумие. Никто не искал спасения, ни егеря, ни эсэсовцы. Рубились, пока не падали замертво.

Я, опять "упав" в "ярость", расстрелял все патроны, перекидал все гранаты. А когда пришла пора штыка - меня "выкинуло" в обычное течение времени. Выкинуло силком. Вернулся звук, грохотом вернулся, удар в спину, небо и земля поменялись местами, сердце бухнуло и замерло, свет погас.

- Прохор! - откуда-то издали донёсся отчаянный крик Громозеки.

Прорыв нарыва.

Ритмичное раскачивание. Это меня волокут.

- Очухался!

Меня поставили на ноги. Трое - Прохор, Гавр и Громозека.

- Чё там? - прохрипел я, закашлявшись.

- Порвали мы друг друга на кровавые ошмётки и расползлись на исходные, - образно доложил Громозека.

Я попытался кивнуть и тут же застонал от боли в голове. Вот это отходняк!

- Расползлись?!

- Расползлись. Немец давит теперь, но не сильно. В атаки не идёт. Огневая дуэль. Позиции сильно разбиты. Большие потери. Отходить надо.

- При свете дня отходить - погубить вообще всех. До вечера держаться! Зубами держаться! Ой, пацаны, опять батарейка садится!

Пришёл я в себя уже ночью. Остатки бригады отходили на последний, внутренний периметр обороны. Я думал, у меня отходняк от гиперактивности нервной системы, оказалось, что только частично. А в основном - контузия от взрыва боекомплекта Малыша - Т-34М Кораблёва.

Подсчитал потери, ужаснулся. Да, набили мы много немцев, но их

там - полная Европа, а у меня - каждый пацан - невосполним!

Фактически, за вчерашний день оперативная группа прекратила своё существование. У меня осталось в строю меньше тысячи человек, 3 Т-34, все коцанные, пробитые, 7 Единорогов и 4 Т-70М. Да, ещё 2 сорокопята ИПТАПа и мой "паровой молот", который, экономя боезапас, почти не стрелял, потому остался "невскрытым". Основные потери в танках мы понесли во встречном бою с эсэсовцами, там же Вороны десанта стали на самом деле Кровавыми, а вот орудия и самоходы ПВО мне выбили Фоккеры, падлы!

Связался с Ватутиным. Спецсвязь ещё работала, как ни странно, хотя нас уже полностью и очень плотно окружили. Доложился.

- Ты держись та...

Сглазил. Высокочастотку нашли немцы. Теперь - только радио. Пока батареи не сдохнут. Все генераторы заранее вывели из кольца окружения. Очень уж они дефицитные, понимаешь. У нас на всю бригаду был один. Ещё два у немцев отбили. Отбили бы больше, но мои бойцы - что дети малые, не понимают, какая ценность - генератор, дырявят их, как решето. Рассказывают потом мне сказки, что бой был, немцы, понимаешь. Не понимаю! Немца - убей, а зачем генератор-то дырывать.

Стал прикидывать палец к носу, то есть, обдумывать дальнейшие наши телодвижения, но был остановлен Волчарой:

- Ты отстранён от командования.

Я попытался рассмеяться, простонал:

- С хера ли? И кем?

Он предъявился. Бумажки мне суёт. Да, с таким званием по окопам в тылу врага шариться?!

- Ну, и дальше что?

- Формируем ударную группу. На рассвете - пробиваться будем.

- Место прорыва по радио согласовывал?

Он выжидательно смотрел на меня.

- Ты же сам сказал, что слушают нас. Даже немудрённые наши шифры понимают. Нельзя радио пользоваться.

- Поучи отца...

- И баста! - подсказал я ему, - дело твоё, командир. Ты только ребяташек моих не угробь!

Мой двойник с блиндажа пустого штаба изображал интенсивный радиообмен. Бойцы провели перегруппировку, окружение погрузилось в сон.

- Громозека, ни хера оно не красит!

- Будешь? - сказал он, коверкая речь набитым ртом, протянул мне батончик шоколада. Того самого, с начинкой.

Конечно, буду. И колёса буду глотать. Отстранил он меня! Ха!

- Где Прохор?

- Ща будет, вот. Не стал его будить. А, вот, и он. Сам явился. Вот!

Прохор, как же ты изменился за это время! Нашел я и подобрал я младенца в большом теле, сейчас на меня шел умудрённый жизнью на войне, загруженный заботами мужик. Он стал похож на заведующего хирургическим отделением нашей городской больницы. Той, что из моего времени, из будущего. Из моего прошлого. Парадокс. Ну, ладно, что теперь? Бывает.

Я лег, Прохор поколдовал надо мной. Всё? Да, Прохор, мастерство экстрасенсорное ты внушительно прирастил. Скилл "лечение" прокачал. Блин, не игра это! Не игра! Тут парни мои гибнут очень даже реально! На полном серьёзе. Без возможности релоуднуться и отреспиться. Навсегда!

- Чем тебя песня не устроила? Хорошая, вот, песня. О доме напоминает, - ляпнул Громозека. О чём ты? А, эта, что "красит стены"?

- Ты под стенами древнего Кремля жил?

- Да. Каждое утро в окно любовался, вот.

- Бывает. Песня - неплохая. Но, не каждое же утро!

Тут подошёл Волчара, командир силовой группы, что обеспечивал мою эвакуацию.

- Как самочувствие? - спросил он.

Я встал. Получше мне. Решил ответить обоим, и Громозеке, и Чекисту, запел. Песню из фильма "В бой идут одни "старики". Наваяло, знаете ли.

Как-то утром, на рассвете

Заглянул в соседний сад...

А на припеве, там где про раскудрявые, резные клёны, пошёл в присядку. Вот тебе моё самочувствие! Потому, как надо! Потому как скилл "Сила Воли" за год войны я выкачал на 116%! До 93 левела! Это там, дома, я мог похандрить от простуды, от болящей спины. Там - я был другим человеком. А здесь - я стал тем, кем являюсь. Под чутким управлением "кровавой гэбни". Настолько чутким и ненавязчивым было их вмешательство, что я только недавно узнал, что ни секунды в этом мире я не оставался вне их поля зрения. Как из обычного коекакера делают героя - я вам описал, рассказал. Ессено, вид с моей "колокольни". Как это выглядело с их, чекистского, "холодного и пронизательного", взгляда - опишет кто-то другой.

Вот и сейчас - у меня болит сразу и всё. Близкий взрыв боезапаса танка - это вам не новогодняя петарда! Не погиб - по уже известной всем причине - потому как я бессмертный "горец"! А компрессионный удар - никуда он не делся. И контузия - никуда не делась! Меня тошнит, мир плывёт перед глазами, идёт искажение цвета, соразмерности предметов, ощущение пространства - врёт. Близкое кажется далёким, но большим, далёкое - близким, но маленьким. Но, НАДО! Надо, Федя, надо!

Именно так становятся героями. Через "немогу". За пределами возможного. Именно тогда ты переступаешь через рамки и выходишь на следующий уровень, левел ап! И открываются новые скиллы. И вот через несколько таких запредельных ситуаций ты не узнаёшь себя, не веришь, что когда-то был хлюпиком, потенциальным Голумом, бесхребетным существом. И вдруг понимаешь, что ведёшь бой фронтового масштаба, что состязаешься в бою с полководцами из учебника истории, что обескровил и выбил из боеспособности не только механизированный корпус врага, но и "легендарных" эсэсовцев "Мертвой головы". Ты, а не кто-то великий из "кино про немцев". Не Рокоссовский, не Жуков, не Конев, не Малиновский, не Катуков, а ты! Ты - Кузьмин! И ещё не веришь, что твою морду со звериным оскалом печатают мировые таблоиды. Тот же "Таймс". Не веришь, что твоё имя уже вписано в учебник истории. Не на уровне "Битвы за Москву" и "Сталинградской битвы", конечно, но где-то на уровне "Демьянского котла" мой "Медвежий мешок" - прописался.

Моя это заслуга? Безусловно. Мною это выстрадано. Но, именно эти вот "гэбэшники" - именно они провели меня за шкуру по всему "запредельному". Протащили. Они из меня воспитали Кузьмина, они меня слепили из того что было, а теперь что стало - полюбили наши и особо "полюбили" немцы. Ха! Из-за меня одного они угробили не по назначению танковую дивизию нового образца! Они слепили из моего пластилина ту фигуру, что была им нужна, а теперь её разыграли в "воронежском" гамбите.

Обидно мне? Ничуть! Надеюсь, понятно - почему? Не понятно? Лечитесь! Штрафная рота вам в помощь! Там, в шурочке - идеальные лечебно-профилактические условия для прочищения "мосха". Как ни странно звучит, но именно сейчас, сквозь боль и тошноту, я чувствую себя восхитительно! Я - нужен! Я - важен! Я чувствую ответственность за всех окружающих людей, даже за этих "чекистов", что пришли меня "спасать". И чувствую, что я - могу! То, что я вижу мир чуть иначе - уже не раз приносило свои плоды. Противник научился хорошо "просчитывать" наших полководцев. А я их ставлю в тупик. Пока.

Светаёт. Пора! Немец заскучал.

- Повеселимся?! И-ие-е-ей! Медведя запереть в угол?!

Разведка выдвинулась. Пошли доклады, затрещали первые перестрелки. Осназовцы Волчары передвигают фишки по изрядно ужавшейся "миникарте".

Восток тоже загрохотал - нам навстречу пробивается Катуков. Попытка Ъ Уно. У него ещё осталось половина танков. Как все угробят, поедут на заводы за новыми. И моих танкистов прихватят. Правильно Сталин издал приказ: "танки мы делаем десятками каждый день, а танкиста - 18 лет воспитывать надо". Никто больше не заставляет сидеть до последнего в подбитых и горящих машинах. Сами сидят. Стреляют до последнего, стремясь ещё разочек, ещё одного немца, но - забрать! Теперь их переучивать надо. Заставлять ценить собственные жизни. Поменять приоритеты. Не "умри, но сделай!", а - "заставь врага умирать!".

Выдвинулись. Километр прошли относительно спокойно. Ну, по сравнению со встречным боем с озверевшими эсэсовцами.

И вот - затык! Подбиты сразу 4 танка. Нарвались на батарею Штугов. Блин, как же я ненавижу эти танки врага! Низкие, малозаметные, толстолобые, с мощными пушками, да ещё и меткие! Сколько горя мы уже хлебнули от них! Ещё и личная неприязнь у меня. В прошлый раз они меня - сожгли!

Пока обнаружили их огневые, пока пристрелялся мой "паровой молот"! 4 моих танка! За раз! Полное выбытие. И уничтожение 3 из 4 Штугов - не радует. Последний смог смыться. Сколько их там таких ещё стоят в засадах? Там где-то ещё Мародёры притаились.

Как же не хватает глушилки! Но, она свою задачу выполнила - немца мы ссадили с неба. Разменяли Фениксов на Фоккеров на своих условиях!

И ведь, гады эти Штуги, как позицию выбрали! Пехота наша прошла - даже не заметила!

Стал подгонять. Солнце уже встаёт. Облачность - умеренная. Скоро стервятники налетят - нам совсем тоскливо станет. Самолёты у немцев никак не кончатся. У наших - уже кончились - нет их в небе, а немцы всё летают.

Разведка наткнулась на узел обороны врага в большаке. Обходить? Там неудобняки кругом - техника не пройдёт. Штурмовать? Время. Тем более, что связь немцу подавить уже нечем. Что ж придумать, что ж придумать?! Блин, голова совсем не варит!

Так, а если "допинг" принять? И кофейком тёплым и сладким запить? Допинг-контроля тут нет.

Пехота уже начала обтекать опорный пункт врага. Под огнём. Плохо. Потери. Хорошо - видим огневые средства. "Паровой молот"! На позиции! И попробуйте промазать! Снарядов взять - неоткуда! Штурм!

Нет, заслон оставлять не будем. И мародёрствовать - не будем. Цигель, цигель! Ай, лю-лю!

А вот это - уже серьёзно. Нам на перехват вышли танки с самоходами поддержки. У эсэсовцев всё механизировано. И пехота на моторах, и артиллерия.

Накапливаются для атаки, откинув наши передовые дозоры.

Что там с РГК? Не могут? Что так? На колёсах? Ах, вот где проявились недобитые лапотники - РГК гоняют. А что есть? Катюши - тоже неплохо. А достанут? Самым краем? Разброс будет! Всем дивизионом? А потом? Суп с котом? А не отработают всеми направляющими - потом может и не быть. Разворачивайте свои ракетомёты! Вот вам боец по радиопозывному Кактус. Он - умеет стрелять чужими пушками. Давай, брат, спасай! Эти эсэсовцы теперь - совсем злые. Я их, теперь, совсем боюсь. Шутка.

Адским метеоритным дождём пролилось ни позиции немцев (и даже немного на нас) восточное небо. Адским, но очень уж редким. Не спору - круто. Но, тотального накрытия не произошло. Эсэсовцев потрепало, но они остались слишком боеспособны. Это мы выяснили на собственных шкурах, когда СС пошли в атаку.

Опять встречный бой. Ожесточение с обеих сторон достигло невиданного накала. Никакой тактики, никакой стратегии! Увидели противника - кидаются на него как голодные псы на свежее мясо. Танки не стояли на месте, крутились прямо среди дерущихся в рукопашной солдат, давя всех подряд - и своих, и чужих. Забрызганные чёрной кровью по башни, наматывая сизые верёвки кишок на гусеницы.

Своими глазами видел, как человек в пятнистой форме подбежал к серому танку с крестом и черепом на башне, с сильным замахом разбил о решётку моторного отсека вещмешок, как взметнулось пламя, охватив спину самого егеря. Горя живым факелом, он достал из-за пояса болванку гранаты, побежал к следующему танку, но не достиг своей цели - был скошен автоматной очередью панцергренадера, который, панцергренадёр, тут же рухнул от удара прикладом в лицо. А ударивший его боец с трехлинейкой в обычном х/б цвета хаки тут же сам сполз на землю по стволу сломанной берёзы, размазывая по зебре бересты кровь.

И так повсеместно.

Я сумел вызвать в себе "ярость", стреляя из ДШК в замедлении,

сильно сокращал поголовье немцев. Когда кончилась лента, стал менять, но почуял неладное.

Безусловно, я почувствовал, что в СУ-122А, с пулемёта которой я и "причёсывал" немцев, запрыгнул Волчара-Чекист. Но, не придав этому нужного внимания. Он же охранять меня должен! А зря я не ждал подлости с его стороны. Очень зря! Это всё от накопившейся усталости. Надо было погонять по процессору серого вещества мозга их появление, посчитать их. Но, не гонял, не считал. Немца обсчитывал. Априори принял, что волчара - свой. Оказалось - зря! Никому верить нельзя! Никому! Даже себе!

Даже ускоренная реакция не спасла меня от удара в болевую точку.

Мир свернулся в воронку и погас.

- Тихо! - прошипел мне осназовец, склонившись надо мной.

Так! Что нас тут имеет? Я - связан. Вообще - ништяк! Они меня похитили! Как кавказскую пленницу! Тупо! Как же тупо! Я, прям, начал разочаровываться в чекистах. Зачем похитили? Зачем говорить "тихо", если рот заткнут кляпом? Э! Зачем ты меня колешь? Что ты колешь? А шприц-то хоть у вас стерильный? Ты мне гепатит не занесёшь? Что ты ввёл мне?

Ага, я лежу на носилках, которые подняли и ритмично стали качать. Я вижу только небо и ветви деревьев.

Мысли совершили панический круг по голове, выхода я не нашёл, решил - поглядим! А пока несут - надо поспать. Слишком редко и слишком мало я спал последнее время. Слишком. Ещё и "допинг". К тому же и "ярость" сосёт силы как многокиловаттный насос! Может, покемарю - выход проклюнется. Как в индийском кино - порву верёвки и раскидаю осназ голыми руками. Потом перебею всех эсэсовцев и выйду к своим. А за моей спиной будет расти ядерный гриб. А я, как истинный герой, даже не обернусь. Или от ядерного взрыва положено в холодильнике прятаться? Блин, этот прикол с холодильником - откуда? Что за бред?

Я сплю. Вот что они мне вкололи. Тупые. Я же - под "допингом"! Разве можно транквилизатор накладывать на нейростимулятор? Поэтому мне такие бредовые мысли в голову лезут. Исходя из пережитого в последнее время и из общего истощения психики, мне должны сейчас сниться или очень-очень бредовые сны, или кошмары. Первое и второе может совместиться - бредовые кошмары.

Ну, вот, началось - рёв. Танковые двигатели. Мир закачался. Не, даже просыпаться не буду. Надоела эта война. И во сне, и - наяву. Надо хоть чуть поспать. Сны посмотреть.

Бегите, бегите! Пешком они решили пробиваться! Как мыши, проскочить!

А вот и "Хайль!". А вот и "Алярм!". А вот и автоматически-пулемётная трескотня. И вот мои носилки, со мной, соответственно, летят куда-то. Почему вверх? А, я - на каруселях в горсаду! Почему так тихо? Где оркестр? Где шум толпы?

Ага, кто-то освободил мои ноги, руки, перевернул меня. Громозека! Сука! Ты! С ними! Заодно! Порешу!

Вдруг глаза Громозеки удивлённо увеличиваются, нас с ним бьёт огромный тугой резиновый мяч, сорвавшийся с рук гигантского клоуна-жонглера Роланда МакДональда, Громозека плюёт мне в лицо горячим, солёным кетчупом, пахнущим железом, наваливается на меня, а потом на нас высыпает несколько кубометров земли какой-то самосвал из своего оранжевого кузова.

Боли я не чувствую, но и пошевелиться не могу. Становиться холодно. Глаза больше не открываются.

Плохой сон! Очень плохой сон! Надо проснуться.

Не, ну её! Лучше плохой сон - чем никакого.

- Прости, командир! - горячий шёпот голосом Громозеки, - Прости Витя! Это я виноват. Прости! Я - завидовал тебе. Мне Даша понравилась, а она - выбрала тебя. И Докторша тебя выбрала. А мне - по лицу. Я не понимал - почему? Только сейчас я вижу - почему они выбрали тебя. Прости! Я - не должен был тебя предавать! Свой долг - не выполнил! Не будет мне прощения! Навсегда! Проклинаю себя! Навсегда!

Странные зигзаги моего сознания. Голос моего охранника умолк. Громозека, как ты меня достал! И во сне от тебя нет спасения!

Часть 3. На обратной стороне.

Возвращение Блудулая

Лучше плохой сон - чем отвратительная реальность. Как же я замёрз! Блин, эти тряпки немецкие совсем не греют. Громозека, причём тут то, что они с трупа? Несколько дней впроголодь, без горячего, без возможности даже костёр развести, общая истощённость - вот причина. А ты - с трупа! Ты бы лучше метнулся на разведку. Тебе, призраку, сущности бестелесной, это должно быть не сложно. Иногда тебе завидую. Ходишь рядом со мной весь в летней парадной форме - и не мёрзнешь. А тут за ночь ресницы смёрзлись. И жрать тебе не хочется. Что ты делал, пока я спал? Почему в разведку не слетал? И не надо опять заводить старую шарманку! Ты - призрак, а не мой глюк! Иди, лети, вынюхивай! Тьфу! Вот ты упёртый! Да тебе это только кажется, что ты не можешь покинуть пределы моего зрения. Ты - призрак! Вон как ты ловко прошёл прямо сквозь древесный ствол!

Призрак, значит - вполне самостоятельный. С чего ты решил, что ты глюк, что ты плод моего больного разума? Я - не псих. Наверное.

Кого это ты нашел? Наш? Да понял я уже, что мы проскочили в тыл нашим, понял, не тарахти! Спит на посту? Ну, сам напросился! Ща разбудим этого недотёпу, узнаем, насколько мы промахнулись с этим болотом. Стоит он, дерево подпирает. Винтовку обнял. Давай-ка мы сделаем вот так! Ха! Затвор выскользнул и упал на землю. Не порядок! Спящий караульный даже ухом не повёл.

За полупрозрачными зарослями зачихал и завелся двигатель. Явно - авиационный. Так ты из БАО! Аэродром! Вот это я махнул! Вышел в глубокие тылы.

Караульный проснулся и посмотрел на меня удивлёнными мутными глазами. Я улыбнулся ему, отобрал его винтовку и от души пропечатал в солнечное сплетение. Охранник хукнул и потух. Я не сдержался, пнул его в печень.

Не спи на посту! А если бы не я, а охотничья команда немцев? Прошли бы и вырезали спящих пилотов. Это тебя, бездаря, не жалко. А лётчики - элитный, штучный продукт. Не каждый сможет им стать - тут физиологические способности должны быть. Кроме того - большие затраты в подготовке, большая продолжительность "изготовления". И "доводки".

Давай, давай, убогий, поднимайся. Что ты так удивлён? Ну, посмотри в ствол немецкого карабина. Интересно?

- Вставай! - голос мой был хриплым. Сколько же времени я рта не раскрывал? А зачем? Громозeka меня и телепатически слышит.

Не понимает. Вот! Волшебный пендель опять сработал!

- Веди меня к начкару.

- Ты наш?

- Посмотрим. Давай, топай.

- Винтарь верни!

- А шнурки тебе не погладить? - опять пнул я его, - Спать он на посту вздумал!

Повёл он меня под моим конвоем. Миновали посадку. Просыпающийся народ на аэродроме, суевающийся вокруг накрытых маскировочными сетями самолётов, удивлённо смотрел на нас. А что тут удивительного? Ну, подумаешь - грязный, обросший чувачёк в гражданских штанах и немецких сапогах с их коротким голенищем, в немецкой же шинели со споротыми знаками различия, в свалывшемся, дырявом треухе ведет под прицелом немецкого карабина недотёпу из БАО.

Так вот вы какие, "горбатые"! ИЛ-2, легенда.

Нас окружили. Щёлкают затворы.

- С кем имею честь? - спросил я.

Ага, ты, значит, старший из присутствующих. А зачем ты требуешь сложить оружие? Да, пожалуйста! Патронов к карабину уже давно нет. Все расстрелял. Доложил, что этот раздолбай спал на посту.

- И кто ж это тут такой наглый? - спросил ещё один тип. Ого! Целый полковник ВВС!

Я представился, доложил, что сбежал из плена и выходил к своим.

Арестовали меня. Что ж, вполне ожидаемо. Хорошо, бить не стали. Кто такие военнопленные? Враги народа. Я - враг народа!

Враг народа

Я - враг народа! Я - изменник! Как так? Как так получилось? Это же пипец полный! И ничего не изменить! Ничего не исправить!

Эти мысли у меня с рёвом носились по контуженной в очередной раз голове, как болиды Формулы 1 по кругу стадиона. По кругу. Замкнутому кругу. Из которого нет выхода. Ничего не изменить! Ничего не исправить!

И ничего больше в голову не лезло, кроме этих: "Ничего не изменить! Ничего не исправить!"

Я был в таком состоянии, что ничего не видел вокруг. Это позже я вспомнил, как я очнулся под телом Громозеки, как разгребал левой рукой землю - правая была перебита. Как я кровью не истёк?

Вспомнил позже, как обнаружил отсутствие оружия, снаряжения, ремня, берца. Рядом валялись разбитые в хлам керзовые ботинки, как я разрывал гимнастёрку на полосы, как бинтовал грязными лоскутами руку, как обувал эти лоханки - босиком всё одно хуже.

Потом я вспомнил, как прибил к группе из четырёх бойцов ИПТАП, как на нас налетели немцы, как получил прикладом в лицо. Как слышал хруст ломаемого носа, падая в темноту обморока.

Это было потом. А сначала - только беспросветное отчаяние. Ничего не изменить! Ничего не исправить!

Нас, как стадо баранов, гнали в тыл немцев. Больше пяти десятков пленных гнали только трое немцев. С карабинами. И мы, как бараны, шли. Настолько сильно меня пришибло самим фактом моего пленения, что я этого даже не видел. Вот когда надо было бежать! Что, я не смог бы подбить на побег эту группу бойцов? Смог бы. Легко. Но, не сделал.

Я понимаю, это выглядит оправданием, но я был не в себе. А потом - стало поздно.

Потом нас перехватили "боевые электрики". Как я понял, у СС были не только элитные боевые танковые части, но и вот такие охранные,

конвойные подразделения. В общем, конвоиров стало сильно больше. На мотоциклах, с пулемётами, с собаками. Злые. И собаки, и немцы злые, как собаки. Стреляли за малейший проступок. Один споткнулся, не смог подняться - очередь пулемёта. Другой решил, что дурачком быть легче, стал истерически ржать, визжать, что он "не хочет". Чего он не хочет - пояснить он не успел - очередь пулемёта, валятся в пыль и этот "Не хочет", и трое, шедших рядом. Потом, за спиной - скупые добивающие выстрелы.

Нет, я не сгущаю краски. Не нужно мне это. Я не оправдываюсь. Я - враг народа. И готов искупить полностью. Готов. Испить чашу сею, какой бы полноты она не была.

Допрашивал меня особист и командир авиаполка. Потом приехал особист авиационной армии. Первых двух интересовали не мои похождения, а больше - что я видел, пока "гулял" по тылам немцев. Что, где, сколько, какие ориентиры, "а на карте сможешь показать"?

Только потом приехал какой-то хмырь в кожанке без знаков различия с землянисто-серым лицом. Особист авиаармии. А вот этот уже и шил мне "измену Родине" в полный рост. Я не оправдывался. Я - враг народа. И готов искупить полностью. Готов. Испить чашу сею, какой бы полноты она не была. Не оправдывался. Не врал.

Не говорил всего. Не нужно оно им. Нет у них таких допусков. Эти тайны - не для них. Пусть секретики эти уйдут вместе со мной.

Допрашивал меня хмырь с красной рожей. Из перебежчиков. Сука! Немцам служить стал.

- Имя?
- Иван.
- Фамилия?
- Кеноби.

Ну, так получилось. Не говорить же им правды? А что соврать? К сожалению, всплыло только имя джедая Оби Ван Кеноби. Ну, плющит меня. Столько контузий на одну голову!

- Что за фамилия?
- Ты у мамы моей спроси. Она тут недалеко похоронена.

Хмырь посмотрел мне за плечо. Меня стали бить. Умело, с огоньком. Больно.

- Год рождения, место рождения, где жил, где призвался, номер части, какая воинская специальность, звание?

- Пулемётчик, сержант.

Номер части я назвал - номер одного из полков Ударной армии. А местом рождения и жительства назвал название одного из райцентров в

Удмуртии. Велика наша страна!

- Национальность?

- Джедай.

- Это что такое?

- Ты у матери моей...

Опять меня бьют. Больно. Я извернулся и подставился под сапог одного из предателей. Темнота. Спасительная.

Отстойник для военнопленных. Пустырь обнесённый стенами из колючей проволоки. Вышки, пулёмёты, прожекторы, собаки. Толпа деморализованных красноармейцев. Что странно - комсостав не отделили. У меня прокатило - я числюсь сержантом. Не попал в разряд комсостава.

Как кормили? Трёхразовое питание было в этом санатории. Три раза в неделю кидали в толпу что-то из подгнившего, протухшего, подпорченного мышами. Днём не позволяли лежать, ночью - ходить. Чуть что - очередь с вышки - и пишете письма мелким почерком.

Но, и красноармейцы тоже хороши. Тут же начались типичные для зоны признаки оскотинивания - кучкование, паханы, опущенные, пайки, общак, ссучившиеся. Быстро человек теряет человеческий облик.

- Или не имел его. Только маску носил, - вставил Громозека.

Маски носили, прикрывая скотскую харю. А тут решили - не надо уже масок. Маски сброшены, господа!

Да, там, в этом отстойнике он и появился. Громозека. После того удара сапогом в висок. Весь такой чистенький, в новенькой парадной форме, отглаженной, с погонами (!) и наградами. Сапоги блестели на солнце. Если спиной не будет поворачиваться. Потому что там - развороченная взрывом рана во всю спину - от плеча до плеча, от шеи до поясного ремня. Сквозь кровоточащее мясо торчат осколки рёбер, осколки позвонков. Вот такой он - живее всех живых.

Сказать, что я оху.... похудел от его появления - ничего не сказать. Никто кроме меня Громозеку не видел, зато он видел. Он мог рассказать мне, что происходит за моей спиной. Никто же его не слышит. Кстати, глюки так не умеют. Глюки не могут заглянуть в закрытый ящик или в закрытую дверь и сообщить мне о том, что там, взаперти, происходит. Вот с тех пор он и таскается со мной всюду, неуспокоенная душа.

Так вот, при поступлении порции свежего "мяса" и первичной обработки хивиками, этими изменниками рода человеческого, наступала и моя очередь "правил" от этого броунского столпотворения. Пришлось слегка подраться. Много, конечно, одной левой не навоюешь, но удалось отмахаться - от меня отстали со всех группировок. Изображал дикаря -

сразу в пятак, даже не выслушивая. Был четырежды пропинчен толпой. Но, отстали.

Зато мне обработали руку. Тут же в лагере был лазарет, где такие же пленные медики скальпелем, пилой, бинтами, Божьей помощью и матерными молитвами пытались бороться за жизни и здоровье военнопленных. Мне составили кость, заштопали руку - всё это без малейшего намёка на анестезию (хорошо зафиксированный пациент не нуждается), наложили какой-то серо-жёлтый гипс и отправили обратно в огороженный периметр, осчастливив напутствием, что нервы на руке перебиты и чувствительность к правой кисти не вернётся. Так что, я стал одноруким. Если гнить рана не начнёт. Тогда - по локоть отхерачат столярной ножовкой.

- Ты совсем заврался, - осадил меня хмырь.

Я закатал рукав, показав ему почти симпатичный шрам.

- На мне всё заживает, как на собаке.

Ну, зачем это было трепать раньше времени?

- Так, хватит на сегодня. Не могу больше терпеть эту вонь. Сводите его в баню, выдайте бельё, завтра продолжим.

- А в этой санатории какой режим питания? - спросил я.

- Трёхразовый, - улыбнулся хмырь. Грустные у него улыбки.

Баня! Ещё тёплая! Вода горячая! Мыло! Бритва! Рай, гля! Ох, как хорошо! Камни ещё шипят! Пар! Веника нет, хоть так отогреться после ледяной воды этого проклятого болота!

Вертухай, что должен был меня снаружи охранять, занёс деревянную бадейку со вчерашним веником. Искренне благодарил его.

Когда я выскочил из бани, он внимательно осмотрел меня, покачал головой:

- Досталось тебе,

- Есть такое дело, гражданин начальник. Ещё раз - спасибо! Я настолько привык к отмороженному состоянию, что забыл, как это - когда тепло у сердца.

Он ещё раз покачал головой, внимательно сканируя взглядом сетку шрамов на моём теле.

- Давненько ты не мылся?

- Давненько, - ответил я и юркнул в тепло бани.

Я изначально не хотел выходить из уютного жара на холод, но нужно было показать себя этим глазам. Это же часть моей проверки. Часть "засланных казачков" так вот и "заваливаются" - из "плена" чистые приходят. А на мне - толстый слой застарелой грязи. Теперь и всё тряпье в

котором я пришёл - перетряхнут, ощупают. Пусть ещё на вкус попробуют. Да, немецкое, нет - не трофеи. Оно до сих пор мертвячиной воняет. Трофеи мои утопи в болоте. Чуть меня не утащили на дно те сапоги, шинель и пулемёт.

После бани - ужин. Роскошный. В тушёной картошке - волокна мяса. Душистый хлеб, который я целую вечность нюхал, зажмурившись. Компот из сухофруктов. У меня даже слёзы потекли по щекам.

- Ты что? - спросил вертухай.

- Я - вернулся. Я - дошёл! К своим! А теперь - хоть расстреливайте!

- Что это сразу - расстрел?

- Так, вспомнилось.

Расстрел

Не то что гипс снять, мне перевязку сделать не успели. Толпу военнопленных опять рассортировали, часть согнали в колонну, в эту часть попал и я, - и погнали по дороге. В этот раз нас охраняли не в пример серьёзнее.

Прошёл дождь ночью, мы все промокшие, продрогшие за ночь под дождём, месили грязь, в которую превратилась дорога. Через два часа проглянуло солнышко, но согреться не получалось - голодный, меня бил озноб. Может жар от раны?

К закату пригнали нас к полустанку, где нашу колонну влили в толпу пленных. И не только пленных. Очень много было мужиков в гражданской одежде. Начались пересуды меж пленными, прислушался. А-а, немцы хватают всех без разбора, у кого в штанах что-то болтается и оно не выбелено сединой.

Подогнали паровоз и состав товарных вагонов. Не удержался, хмыкнул - сразу видно - не уместиться такая толпа в эти теплушки. Где она, хваленная немецкая расчётливость?

Паровоз подавал вагоны к пандусу, "утрамбовщики" из хиви-предателей заталкивали людей в вагоны плотно, как шпроты в банку в Риге.

Последний вагон, я всё ещё стою на земле. Наша колонна пришла последней. Мы - не влезает. Ну, вот. Полна коробочка.

Меж немцами начался срач. Лай на их собачьем языке.

- Нас обратно погонят? - спросил кто-то.

- Нет, - ответил я.

- Тут оставят?

- Нет.

- А как?

- Сейчас и решают. Кто будет расстреливать, - оскалился я.

- Как так-то?

- Чё вы его слушаете. Паникёр!

Ну-ну.

Стали нас строить шеренгой.

- Ты пророк? - спросил один пленный с выцветшими следами от треугольников на отвороте.

- Держать нас тут негде - нет огороженного периметра. До темна нас на место перегнать не успеют. Вывозить нас нечем. Вот геморрой им создался. Нет человека - нет проблемы!

- Ты так спокоен?

- А толку от волнений? Умирать страшно только первый раз.

Несколько отчаянных взглядов на меня, потом по сторонам. Я смотрел на направленные на нас стволы пулемётов.

- Бежать надо!

- Да, поздно уже. Их больше, чем нас!

- Бежим, облегчим им задачу! - опять оскалился я.

- А чему ты радуешься?

- Что война для меня кончиться! Что рожи ваши мерзкие больше не увижу!

Они стали меня бить. Толпой. Ну, что. Правильно. Бить меня легче и безопаснее, чем немцев. Грохот пулемётных выстрелов, падающие на меня тела, кровь, крики, стоны, отчаянный вой.

Вдруг грохот прекратился. Мат-перемат на песьем лающем немецком, мат-перемат на русском.

Попытался прикинуться умирающим лебедем. Не вышло. Подняли, сунули в толпу. Блин, почти получилось! Какой был план - меня пока бьют - я ниже прицела пулемёта, заваленный телами дожидаюсь ночи, линяю. Не вышло. Бывает. Плохой план.

Опять на меня направлена чёрная дырка пулемётного ствола. Веснушчатый мордастый немец с закатанными рукавами кителя неторопливо меняет змею ленты. Взгляд его спокоен, собран. Как будто он не отнял сейчас десяток жизней и не собирается отнять ещё несколько десятков, а перебирает требования-накладные.

- Ну, вот и закончился твой путь, Витя. Прощай, Родина! Прощай, небо! Прощай, земля! Любимая, я иду к тебе! Наконец-то! - шептал я, смотря на неторопливые облака.

Загрохотал пулемёт. Я стиснул зубы, ожидая, когда пули ударят в грудь. Подался вперёд, чтобы очередью меня не "сдуло".

Но, ничего не произошло. Пулемёт смолк. Растерянный мордастый немец открыл затвор пулемёта. Заклинило? Бывает. Даже у таких надёжных машинок, как МГ-34.

На скорости лихо подлетел хромированный легковой автомобиль. Я уже начал чуть-чуть разбираться в местной автомобильной моде. Так вот - это было довольно крутое авто для этих лет. Старший из немцев на полусогнутых побежал к открывшейся дверце, оббитой изнутри красным бархатом. Или красной кожей? Выслушал, кивал, козырнул, махнул рукой, что-то проорал. Авто газанул, вспылil, умчал. Нас стали сгонять на дорогу. Тех, кого не дорасстреляли.

Так вот какой ты - рояль в кустах! Я, блин, долбанный горец. Опять мне не удалось умереть. Пулемёт заклинило, какая-то шишка нашла для нас применение. Иди, Витя, твой путь не окончен. Квест не закрыт.

- Бывает же! - хмыкнул вертухай.

- Самому не вериться. Да и ты не верь, оно проще будет, - ответил я ему.

- А потом что?

- Почти ничего. Пригнали нас в другой лагерь. Там нас гоняли железную дорогу чинить и вагоны разгружать. Кормили уже лучше. Правда, только тех, кто на работу ходить мог.

- А тебя? У тебя же рука была?

- А жрать-то охота! Ходил тоже на ремонт дороги. Шпалы и рельсы веревкой таскал. Как бурлак. Как ты думаешь - это является сотрудничеством с врагом?

- Хм-м. Даже не знаю.

- Вот. Видишь, я ещё и на немца пахал.

- Да, нет. Вот если бы ты к ним на службу перешёл. Предлагали?

- Заставляли.

- А ты?

- Смешной ты! Как ты думаешь, если бы я согласился, признался бы тебе?

- Бывает. Признаются. Они к немцам переходят, потом к нам перебегают.

- Нет. Там высокий входной порог.

- Что высокий?

- Чтобы немцам служить, надо своего грохнуть на фотокамеру.

- Да ты что? Вот суки!

- А ты?

- А меня так отметили, что я кровью ходил. И нос опять сломали.

- Как же ты так?
- Чтоб сразу отстали от меня и не лезли ко мне с гнилью, я нахамил.
- Как?
- Спросил, что они будут делать, когда наши вернуться?
- И всё?
- Это тебе - всё. А им - больно стало. Потому - они сделали больно мне.

Начало игры. Расстановка фигур.

Было там ещё кое-что, дознаватель ты доморощенный, но нет у тебя такого допуска. Там был Вилли. В той машине хромированной был Вилли. Он тут давеча сильно обломился - ему привезли труп Медведя. А он - не поверил. Видно, знает, что Медведь из гордого скотландского клана МакКлаудов, бессмертных горцев. Он давно просил всех пленных с этого участка фронта к нему направлять для сбора данных. Но, видимо легендарный немецкий порядок всё же является больше легендой, чем порядком. Потому он лично мотался по отстойникам, допрашивая пленных с "Медвежьего Котла".

Так он и расстрел наш остановил. Из пяти десятков, взятых немцами вместе со мной до собеседования с Вилли дожили лишь семеро. Так получилось, что прежде чем заклинить, пулемёт прошил именно эту группу пленных.

Нас отсортировали от остальных, отогнали отдельно, заперли в сарае и по одному тягали на допрос. Обратно не возвращали. Я был предпоследним.

Дознаватель был в немецкой форме, но по-русски говорил без акцента. Опять то же - ФИО, Л части, и т.д. и т.п. Только потом дошли до самого интересного, когда вошёл заматеревший Вилли - что я знаю о егерях и их командире Медведе.

Вилли, ты изменился. И не в лучшую сторону. Хромает - колено не работает, на руке - чёрная перчатка, вид бледный, нездоровый, безумный блеск в глазах. Если этот кокаинщик меня узнает - писец ежику.

Так, я - Ваня Кэноби. Играем по Станиславскому.

- Видел егерей. Хорошо воюют. Оснащены они хорошо. Ремни всякие. Карабины автоматические. Танки разные. Мы у них позиции постоянно принимали. Командира их видел. Большой такой. Как медведь. Куртка кожаная такая, укороченная. Слепой он.

- Слепой?

- Ну, очки у него такие, как у слепых - непрозрачные, чёрные. И морда вся обгорелая. В кепи ходил, а не в фуражке. Злой, как чёрт! Чуть не

по его - сразу дерётся! И пулемёт постоянно таскает. В его руках пулемёт, как игрушка.

- Насколько близко ты его видел?

- Не, не близко. Эти пятнистые вокруг него постоянно крутятся, никого близко не подпускают.

- У тебя тоже пятнистые штаны.

- Хорошие. Были. У егерей выменял. Дорого. Шмат сала отдал, кисет самосада и одиннадцать банок американской тушёнки.

- Одиннадцать? Почему одиннадцать?

- Всё что было. Хорошие штаны. С карманами. Удобные. Жаль, ботинки не на что было менять. Ботинки - ещё лучше. А мои совсем истрепались. А старшина, сука, новые жилил, гад. Небось, пропилил, гнида.

- Что ещё можешь рассказать?

- Я не знаю больше ничего.

- Твоя жизнь зависит от того, нужен ты нам или нет.

- Я скажу. Всё скажу. Что нужно - скажу!

Они спрашивали, я дуриком прикидывался. Водил вокруг, да около. А сам всё соображал лихорадочно - узнал, не узнал? Как он меня может узнать? Тогда я был седым? Вроде, нет. Глаза у меня тогда другого цвета были. Пальцы все были на руках. Да, и обе руки работали. Был я тогда тоньше, стройнее на болотной диете. Это за этот год я мяса нарастил на медвежьем сале. Опять же, рожа у меня - разбита, нос сломан несколько раз, набок стоит. Или узнает? Почему молчит всё время? Даже не смотрит на меня. Как и я на него стараюсь не смотреть. Вот, если узнает - вот ему пруха начнётся!

Подожди, а что он обо мне знает? Ну, был недобитый красный командир, что подобрал в болотах пришельца из будущего. А, он же даже не знает, что Голума мы не довели. Я не довёл. Или смог опознать его тело?

Зачем он Медведя ищет? Уверен, что я тоже попаданец? С хера ли? Надеется через Медведя выйти на источник послезнаний? Тогда слишком грубо, топорно действует. Исходя из их действий, масштаба войсковой операции - Медведь и есть цель. Конечная цель. Получается, что Вилли точно уверен, что ему нужен не Голум, а именно Медведь.

- Ты спишь, собака?

- А? Что? - встрепенулся я.

- Стёпа, объясни этому, что спать тут нельзя.

Меня опять стали бить. Вилли что-то буркнул по-немецки и вышел. А следом отошёл и я. А тело моё осталось.

Хмырь сегодня чуть просветлел лицом, был менее раздражителен и

более дотошен. Детально допрашивал меня. Его интересовало буквально всё: месторасположение лагерей военнопленных, увиденных мною объектов, система охраны, периодичность смен, кормёжка, нормы выработки на 1 пленного, даже детали одежды электриков. Особенно живо его интересовало поведение военнопленных.

Язык у меня работал как помело. А что? Правду говорить легко и приятно, как говорил персонаж Безрукова. Единственное, надо следить, чтоб лишнего не сболтнуть. И эта чекистская привычка спрашивать об одном и том же, но по-разному, через некоторые промежутки времени. Чтобы я запутался в "показаниях".

Пишите, пишите. Мне не жалко. Тут у вас тепло, светло, мошки не кусают, кормят регулярно. Что не поболтать?

В этот день мы мусолили то же, что я уже рассказал вчера. То есть, про сам факт попадания в плен и первый день в полуобмороке в плену.

На ночь меня запирали в чулане. Пусть, темно, но на полу толстый слой соломы, старый ватник и старая прожженная шинель, тепло от печи в избе - рай, а не КПЗ.

- Были в среде военнопленных провокаторы и предатели?

- Были, как не быть? Разные были. И падлы, и сволочи, и гниды. И нормальные. Были даже герои. Недолго, но были. А были особые, хамелеоны. Провокаторы. Суки! Один, так вообще был хитрец. Побег организовал.

После допроса меня и пленных из "Медвежьего котла", на машине (!) отвезли на станцию, погрузили в вагон и повезли на запад. Везли очень долго, я даже выспаться успел. Потом пригнали нас в лагерь. Тоже сортировочный, но совсем маленький - какой-то сарай. Человек на тридцать, не больше. Под сто нас было. И было так забито, что лечь ночью было негде. Стоя спали, как лошади. Подпирая друг друга. Правда, только одну ночь.

Утром нас всех выгнали, выстроили. Подводили ещё небольшие группки пленных. На Блище подвезли группу раненных пленных. Один был даже неходячий. Я не придавал этому значения, а зря.

Согнали нас "пастухи" в стадо и погнали на запад по просёлочным дорогам. Чуть ли не звериными тропами.

Это сейчас я понимаю, для чего это было сделано, но в тот момент голова у меня совсем не соображала. Вернее, соображала, но не о том, о чём нужно. Я не думал, а мрачно рефлексировал по поводу судьбы злодейки, плена и статуса врага народа. В общем, ушёл в себя, не обещал вернуться. Шеф, шеф, всё пропало! Ничего не исправить! Скоро рассвет,

выхода нет!

Моё бессознательное тело передвигало ногами, шло туда, куда шли спины в выцветших гимнастёрках. Меня толкали, я уступал место, мне на плечи водрузили жерди носилок, я пёр их, как ломовая лошадь, даже не замечая, что с другой стороны люди меняются, а я пру и пру.

Только когда ноги мои почему-то стали ватными, я поднял голову, взгляд мой из мрачных раздумий обратился к внешнему миру, я увидел перед собой голые ноги. Грязные, но, сразу царапнуло - ни натоптышей, ни сухих мозолей. Такими ноги были у моего сына лет до 3-х. Этот болящий, что путешествовал в СВ, он что, по земле никогда не ходил? Не носил кирзочей? Или туфли ему никогда не набивали ноги? Так не бывает!

Я споткнулся и чуть не упал в дорожную пыль вместе с носилками. Меня, наконец, сменили.

Выбитый этими пятками младенца из замкнутого круга отчаяния, я шёл рядом, растерянный, опустошённый. От голода и усталости меня мутило, мысли разбегались, как тараканы, прятались от меня в той мути, что наполняла моё сознание. Я попытался сосредоточиться. Это было непросто. Любое умственное поползновение вызывало взрыв головной боли и волну тошноты. Но, я всё дольше оставался в "реале", а не в "себе".

Взгляд мой зацепился за носилки. Мои "спутники", увидев, что я качнулся в сторону носилок, быстро переложили на меня этот груз ответственности, то есть впрягли в дышло. Ничего у них не вышло - ноги мои сразу подкосились. И я упал бы, уронив носилки, но жердь носилок перехватили, меня чья-то твёрдая рука поддержала:

- Держись, боец!

Я посмотрел на пришедшего мне на помощь - невысокий коренастый усач, похожий на сибиряка - те такие же крепкомордые, с твердыми, уверенными взглядами.

- Тагил? - прохрипел я. Почему "Тагил?". Вот меня коротит!

- Барнаул, - улыбнулся в усы крепыш, - Земляк?

- Бугуруслан.

- Земляк, - удовлетворенно сказал усач, крепче сжав меня.

Ни хера - земляк! Так меж этими населёнными пунктами как отсюда до Берлина. Такой логикой и немцы нам - земляки.

- Как звать? Я - Пётр.

- Иван. Кэноби. Оби Ван Кэноби.

Пётр хмыкнул в усы, покачал головой.

- Эк тебя угораздило. Хотя, у вас там, у татар, таких кровей намешано!

- Как и везде.

- Та - да!

Он помолчал немного, потом пробормотал:

- А встретились тут.

- Угу.

Пётр склонил голову ближе ко мне:

- Бежать надо, - прошептал он.

- Не смогу я. Сам иди.

Пётр недовольно запыхтел. Молчал долго. Но, меня исправно тащил. И то - спасибо.

- Смотри где идём! Глушь! - оглушительно шипел он, - щас не рванём - пожалеет.

- Не смогу я. Брось меня. Я - обуза. - покачал головой я.

Больно странным мне показался ты, Пётр.

И ассоциации ты вызвал тревожные - Первоапостола тоже звали Пётр. С греческого - камень. А первосвященника звали Каифа. Тоже с их на наш - камень. А может это - один человек? Приговорил учителя, основал новую структуру - Церковь, где и стал первосвященником. И изложил свою версию событий в нужном свете в своей версии Книги. Не, не любитель осин Иуда был падлой, а вот такие умники и красавцы.

- Вот тебя коротит! - обрадовал меня Громозека.

- Помог бы лучше, - мысленно огрызнулся я.

- Я же плод твоего больного разума. Чем я тебе помогу? - удивился Громозека.

- Пощупай этого болящего на носилках.

- А что с ним не так? - заинтересовался Громозека.

- Пятки его.

- Пятки? - призрак умеет играть голосом удивление? Какие продвинутые у меня глюки!

- А ты присмотришь.

Призрак Громозеки зазевался и прошёл прямо сквозь одного из немцев. Немец споткнулся, удивлённо осмотрелся. Громозека скривился, как лимона в рот засунул. Фыркнул.

- Да, ладно! Духи - не материальны. Глюки - тем более. Чё вы тут мне ваньку валяете! - не поверил я.

Громозека презрительно отвернулся. Протиснулся сквозь пленных, неохотно уступающих ему дорогу.

- Ага, - крикнул он.

Я вздрогнул. Казалось, что на крик среагируют "электрики", но нет,

они равнодушно "пасли" наше стадо.

Громозека исчез и появился за моим правым плечом.

- Уважаю, Командир. Я думал, что тебе совсем мозги в гоголь-моголь взбило. Неужели только пятки?

- Ну, не только. Ты же мой глюк, значит должен помнить как немцы поступали с теми, кто не хотел или не мог идти.

- Есть такое. Решали быстро и просто. По-немецки, рационально - в расход.

- А этот - особенный? А почему?

- Точно! А ещё этот мутный "Тагил" нарисовался.

- Должны быть ещё. Тут, по-ходу, опять театрализованная постановка намечается со мной в главной роли. Будем посмотреть.

- Ахереть! Командир, как ты допетрил до этого?

- У меня хорошие учителя были. Привет им передай.

- Кому? - не понял, или сделал вид, что не понял, Громозека,

- Кремню, Кельшу.

- Кельшу не получится. Жив он.

- И то - радость! Какую постанову они разыграли со мной. Блин, одного не пойму - зачем было организовывать такой Голливуд ради какого-то контуженного?

- А разве Кремень ошибся? Он никогда не ошибался.

- Никогда. А его гибель?

- А ты разве не знаешь - смерть это не конец.

- Знаю, - вздохнул я.

- Просто, иногда наиболее отличившихся отзывают на повышение досрочно. Так что и ему я не могу привета передать. Он - далеко.

Громозека вздохнул, отвернулся, просипел:

- А я застрял здесь!

- Сам виноват!

Зная, как больно ударят мои слова, всё же сказал их. Потому, что зол был на него. Смертельно обижен. Убил бы. Громозека повернулся ко мне спиной, показывая развороченные раны, демонстрируя этим, что убить его не получится - уже не получится.

- Пошёл ты! - рыкнул Громозека.

- Сам пошёл, глюк позорный!

Громозека и правда растворился в воздухе, как дым от сигареты. Гля! Как же хочется курить!

На мои допросы собиралось уже прилично зрителей. Громозека считает, что я - хороший рассказчик. А местные не избалованны соцсетями

и прочими интернетами. Информационный голод. Хотя вот командир авиаподразделения называет их "байками Мюнхаузена". Но, проводит всё свободное время тут. И глаза горят. Народ просит зрелищ? Будем удовлетворять запросы потребителей! Будут вам "истории, основанные на реальных событиях".

Теперь у меня уже трое "опекунов". К Петру-Тагилу присоединился крысopodobный мерзкий типчик, про которых у нас говорили - чмо. И молодой вихрастый улыбчивый парень. Он сразу сообщил, что он тут проездом, что плен - не надолго. Он многое о себе успел растрепать. Потому что трещал без умолку. За что и стал называться Авторадио.

Якобы, он из казаков, в армии не был. Загребли немцы его "заодно". "Случайно". Как призывного по возрасту. Но, цитирую: "немцы - цивилизованный народ - разберутся". Тут я ухмыльнулся. Да и Пётр - тоже.

У парня, правда, был ещё один выход - я слышал, что немцы из изменников-казаков формировали целые дивизии. И использовали их по прямому назначению - как мясо. Но, я не собирался ему помогать скользить по этой наклонной.

А Крыс - молчал. Просто тёрся рядом. Шестерил. И всё - молча. Блин, но морда у него - так и хочется пнуть!

За время пути было две попытки побега. Одна - совсем неудачная - всех поделили на ноль прямо у нас на виду. Вторая - с неизвестной концовкой. Десяток тел остывали у дороги, десятка полтора убегали зарослями от ловчей команды с двумя собаками.

Футушок

Лагерь был прямо санаторием! У каждого отряда - отдельный блок. На двух человек - одна шконка. Лазарет, где мясниками работали пленный медперсонал. "Отдыхающих" лечили профилактическим трудом на станции и путях-дорогах, как железных, так и обычных. Отсюда такая забота о пленных. Кто ходил на "работы" там, на месте, получали дополнительное питание.

Моей рукой занялись. Оказалось - всё плохо. И "лепила" не понимал, почему я ещё жив - началась гангрена. Бывает! Я тогда, год назад, тоже с гниющей раной на груди геройствовал. Почему-то кровь моя не заражалась. А должна была. Меня только тошнило, лихорадило и глючило. А должно было убить.

Так, как тяжелого больного, меня поместили в этот лазарет.

Лазарет - такой же барак, но белёный извёсткой. Чтобы наши не бомбили - на крыше был нарисован большой крест.

И не бомбили. Станцию - бомбили, а лагерь - нет. Все думают, что из-

за креста. Щааз-з! Какой смысл тратить на вас и так невеликий запас бомб? Сами передохнем. А станция - другое дело. Там антрацит грузился круглосуточно. А антрацит - какая штука, без которой воевать тяжело. Не выплавить железа без коксующегося угля. Вот и работали тысячи бесплатных рабочих на обслуживании этого процесса. Грузить, ремонтировать путь, разгребать завалы. Много где нужны руки, готовые за скудную пайку горы свернуть.

Насколько я помню, где-то в этих краях хулиганили подростки Молодой Гвардии. Если это не выдумка пропагандистов. Потому на них - никакой надежды. И партизанить тут - сложно. Нет тут бескрайних и глухих лесов. Негде тут затеряться, отсидеться, переждать ярость немцев. А городское сопротивление подпольщиков... Это как воспетое легендами французское Сопротивление - оно есть, о нём все знают, но особого дискомфорта от него немцы не испытывали. Не больше, чем от блох, что терроризировали всех на этой войне. Профилактические зачистки на время снимали противный зуд.

Так что я не рассчитывал на помощь со стороны. И сам мало что мог. Хотелось бы позеленеть, стать Халком и разнести всё вдребезги и пополам, но...

Случайно, ага, верю-верю, случайно, меня определили в лазарет рядом с этим полупаралитиком с пятками младенца.

- Да-да, - дознаватель весь активизировался, - поподробнее, пожалуйста!

"Пожалуйста!" - о, как!

Да, пожалуйста! Версия для печати вас устроит? Конечно, устроит! О режиссерской версии вы же не знаете. Вы и так всей толпой уши развесили. Стивена Кинга на вас нет! И Спилберга.

- Так вот. Обратил я внимание на эти ноги. Прямо, как у младенца. Опять же, немцы с ним таскались, как дурачёк с писаной торбой. А это - явно не спроста. Стало любопытно - что же это всё значит? Приложив немного усилий, я смог оказаться рядом.

- И почему вы занялись этим? Зачем прилагать усилия? - не унимался особист.

- Ну, как зачем? Явно же - не простой человек. Так? Так! Обувь носил подогнанную под ногу, сотни вёрст пёхом не ходил - ездил. И не верхом. Большая шишка, значит. На вид ему - не больше тридцатника. Кем может быть такой человек? Только из партии!

Зрители переглянулись. Мои выводы им не понравились.

- Генералом он быть не мог - был бы в отдельном лагере, для

комсостава. Да и генералы не могут иметь таких пяток. Потому что наши командиры как ковбои и их лошади - метко стреляют и быстро бегают. В сапогах. Выданных на складе. То есть, это - гражданский. С хорошим достатком. А хороший достаток в нашем рабоче-крестьянском обществе может быть только у людей полезных этому рабоче-крестьянскому обществу. Сильно полезных. А такие и партии нужны. Кому сброд интересен? Так вот, этот - был полезный гражданин, если о его пятках правительство заботилось. А полезный - значит много знающий. А так как он оказался нужен немцам, то знания его были интересны и им тоже. Кто, учёный? Не то. не похоже. Молод слишком, чтобы набраться столь ценных знаний. Инженер? То же не попадает. По тем же причинам. Да и инженер один - не стоит этих плясок с бубном. Инженеры - они толпами сильны. Когда их в одну комнату посадят, "бюро" обзовут, тогда - да. А один? Один не только в поле не воин, но и за кафедрой. А вот управленец, что мог организовать подполье - самое то. Тайные склады, базы, лидеры подполья - вот что им нужно!

Импульсивный лётчик вскочил, рубанул ладонью воздух, но под строгим взглядом особиста стал мышью под тапком.

Я ухмыльнулся - что, проболтался я? Не знают рядовые Ваньки таких слов, не умеют строить логические цепочки? Думайте. А я - продолжил:

- А как немец выйдет на всё, что их интересует? Допрашивать члена партии? Ха-ха-ха! Так он и выдал явки, да пароли! Тем более, что он говорить не мог - парализовало у него половину тела и пол лица. Немец сам нам организует побег! Чтобы беглецы их привели прямо туда, куда им надо. А это оказалось мне на руку. Зачем мне что-то изобретать с побегом? Сяду на поезд и доеду с попуткой.

- Поподробнее, пожалуйста!

Да, пожалуйста!

А вот "режиссерская" версия. Не резанная цензурой.

И чем так заинтересовал этот типчик немцев? А особенно Вилли и его новых друзей из этой спецслужбы, что занималась всяким оккультизмом? Кто он, ангел? Демон?

На лицо - типичный русак. Ну, черты лица правильнее, чем положено. Аристократичнее, что ли? Можно сказать, что симпатичный. Волосы - светлые, прямые, глаза - голубые. Шрамов - нет. Только на шее - повязка. Вот как его парализовало! Как не умер? Работает только правая рука и правая нога. Сидеть не может. Как и говорить. Одет так же как и мы все - кое во что.

Врач качает головой на призывный взгляд немцев в чёрной форме.

Замечаю неосторожный взгляд на меня, тут же отводит глаза. Ага, я в их раскладе! Осталось понять - что за расклад и почему я в нём? Хотя, почему - ясно. Вилли. Он меня всё же узнал, сука! Но, в каком качестве узнал? Как того недобитого, что тащил попаданца по болотам? Как Медведя? Или как попаданца? А что? Я "за базаром не слежу". Часто пробалтываюсь. Умный сложит два и два.

- А может его интересует именно твоё умение сопровождать ценные грузы? - сказал Громозека.

Вот он! Появился, глюк настёрный! Сидит рядом, в носу ковыряет, ножками в блестящих хромовых сапогах покачивает.

- Ты на что намекаешь?

- Ну, он же видел, что ты вёл необычного человека. Может, хочет, чтобы ты и этого куда отвёл.

Я ухмыльнулся.

- Ты помнишь, как я его довёл? Не слышал - я никого не довёл. Никого!

- Не о том думаешь.

- Ты мой глюк! Ты мне ещё поуказывай, о чём думать! Брысь под лавку! Глюк позорный!

- Перебьёшься! Посмотри на его левую руку. Ту, что бревном лежит.

Посмотрел. Татуировка. Котёнок или какое-то другое кошачье существо с лицом сфинкса лежит свернувшись клубком. Очень качественная и чёткая татушка. И что?

- И что? Блин, командир, ты когда головой работать начнёшь? Я - твой глюк, я, по определению, не должен думать за тебя!

Громозека наконец выковырнул что-то из носа, вытер об штаны, спрыгнул со своего насеста, но до пола не долетел - растаял в воздухе.

Ага, опять слинял! А я, значить, тут больную голову напрягай! Бедная, бедная моя голова! Как же ей досталось за этот год в этом мире!

Так, погоди! В этом мире! Вот - ключ!

В этом мире татуировки - не особо приняты среди, так скажем, европейцев. А прямо говоря - среди бледнолицых. Тату тут презренно именуются наколками и носят сугубо описательный характер. По тату ты можешь узнать имя владельца, место его службы или отсидки, принадлежность к особым кастам, типа наколок электриков в подмышечной впадине, срок отсидки и его положение в воровской иерархии. То есть, наколки - как паспорт - сугубо информативный документ. А котик? Украшательство! Не вписывается.

Ну и что? Из всякого правила должны быть исключения. Может этот

Пяткин - тоже сильно оригинальный человек? Ну, вот, захотелось ему! И что? Тату и тату. С кем не бывает? Был на юге с дамочкой, зашли в тату-салон, она его уломала, чтобы он потом уломал её. Вот и ходит теперь с легкомысленным котёнком в полруки. Законом не запрещено.

Голова разболелась невыносимо. А мясник местный только рассмеялся в лицо. Обезболивающее? Забудь! Тут только наркоз вносится молотком по темечку. Даже спирта нет. Можешь покурить полупревшую солому - в том смысле, что курить так же нечего. Да, и спички - детям и пленным - не игрушки.

Вышел на воздух. Перемещаться внутри периметра лагеря не запрещалось. Не приветствовалось, но и не препятствовалось. Немцы вообще не лезли в периметр. Тут для этого шавок хватало. Хивики, предатели, ссучившиеся и другая мразь тут устроили порядок похлеще гулаговского. Так что мне, болящему, никто ничего не говорил. Ходи себе. В столовку не лезь до обеда, да к периметру не подходи. И вообще - не отсвечивай. Прикинься ветошью. Так я и сделал.

Но, порция кислорода мне не принесла облегчения. Наоборот. К разламывающейся от боли головы прибавилась боль от света в глазах, боль в руке, в разбитом лице, в отбитых почках, в посечённых ногах.

Я взвыл, проковылял обратно десять шагов до своей шконки и рухнул на неё грызть прошлогоднюю солому. От боли, от голода, от отчаяния. Не помогает солома. Может не того сорта? Ячменная была бы лучше? Ну её, от неё ещё больше бы всё чесалось.

К темноте припёрлись эти трое - Пётр-Апостол, Крыс и Авторадио. Пожрать принесли. Они ходили на работы, весь день какие-то доски перегружали с вагонов в машины. Там их покормили, вот они и прихватили мне. Заботливые какие! Палитесь, ребята. Хотя, если бы не чекистское натаскивание меня на измену - принял бы за чистую монету. За доброту душевную.

- Благодарствую, конечно, но - чем обязан? - удивился я.

Вот так вот - подсадили меня кровавая гэбня на параною!

А сам внимательно смотрю непрямым взглядом за лицами. Крыс растерялся, Авторадио удивился, Апостол огорчился. Потом он наклонился ко мне и шепнул:

- Набирайся сил. Бежать будем.

Я не смог сдержать усмешки:

- Это без меня. Спасибо, за хавчик, но я явно не беглец. Отбегал своё.

И зачем я вам?

Обиделся, посмотрел осуждающе, отвернулся.

- Ладно, командир, ты питайся. Мы завтра ещё заскочим, - с радостной улыбкой сообщил Авторадио.

Вот даже как! Я - командир? Чёй-то вдруг?

Тут мой взгляд попал на Пяткина. Уж не в тебе ли дело, розовопяточный ты наш? Наколка эта... не понял! Чё за...? Он же клубком был свернут! Почему котёнок с мордой сфинкса теперь сидит и пялиться на меня?! Тату меняет форму?!

И тут я выпал в осадок. До утра.

Боль, терзавшая моё тело, свербила теперь где-то на периферии сознания. А моя тяжелая тугосоображающая голова лопалась от разворота мыслей в обратную сторону.

Незаметно для себя за ночь я перешёл из состояния прострации в боевой режим. Потому что надо Федя, надо! Потому что я опять нашёл что-то на дне выгребной ямы. И это что-то сейчас обладало технологиями недоступными не только середине 20-го века, но и началу 21-го.

Меняющие конфигурацию татухи - это из какого "прекрасного далёка"?

- Вот так я и решил воспользоваться планом немцев для собственного побега. Только мне надо было срочно поправляться и совсем не обессилеть на их лечебной диете. Был только один способ улучшить свою пайку - идти работать.

- В таком состоянии, как ты описывал?

- Другого состояния у меня под рукой не оказалось.

Особист горестно хмыкнул, что-то пометил в блокноте. Как так у него всё горестно и пессимистично получается?

- Как отнеслись к вашей готовности к работам немцы?

- Немцы? Никак. Им совершенно прохладно кто именно будет работать. А вот наши, ну, бывшие наши соотечественники, решили, что я у них хлеб отбираю. С тем и наехали на меня. пришлось одного отправить отдохнуть, чтобы остальных охладить.

- Одной левой?

- Ну, больше правой ногой. Я его пнул в колено, а когда он пополам сложился, пробил как пенальти в голову.

- Сразу поняли?

- Тут мои, хм-м, как их назвать-то, ладно - спутники, подросли.

- Апостол, Крыс и Авторадио? - спросил особист, сверившись с блокнотом.

- Они самые. Ага, я стал как тот Д*Артаньян с тремя мушкетёрами.

- И как работали?

- Нормально. Не хуже других. Мы в этот раз попали на ремонт пути. Так что я не был лишним. Рельсы таскали за километр на верёвках. Перекидывал через шею и тащил.

Ага, больше руководил процессом. Так даже выше оказалась выработка. Потому что не на горбу их надо нести, а тащить верёвками прямо по рельсам пути. Предателю, что был нам за прораба так понравилось, что он нас "застолбил" за этим видом работ.

Я вздохнул:

- Вот так я на немцев и работал. За паёк. И ждал момента.

- Вань, тут мне по секрету шепнули, что побег будет. Давай с ними! - возбуждённо шептал Апостол. Глаза Авторадио тоже горели. А вот Крыс был испуган.

- Куда?

- К своим!

- Это понятно. Куда рванут, когда столб свалят? В какую сторону?

Апостол аж отшатнулся:

- Ты знаешь?

- Догадался. Это самый очевидный план. Подгнивший столб, пропущена одна вышка - не просматриваемый участок, там овраг за ним. А за оврагом что? Ты знаешь?

- Нет.

- А то, что холодом с той стороны тянет - тебя не насторожило?

- Холодом? Не тянет оттуда.

- Нет, Петя. Я не участвую. И тебе не советую. А план тебе предложил не этот гнусный тип с оторванным карманом?

- Он, откуда...?

- Падла он. За версту птичьим помётом от него несёт. Провокатор он. Думаю, что он сам в рывке не будет участвовать. Я всё сказал. А там - как хотите. Всё, поездок прошёл, вон, вертухай уже кипятком писает. Давай, закидывай конец на путь. И-и-раз! Ещё раз! Погнали! Арбайтен! Веселее, негры, Солнце ещё высоко! На том свете отдохнём!

Слышь, Князь, а ты был прав - эсэсовцы с собаками реально повышают производительность труда!

Ночью поднялись крики, пальба, зарычали пулемёты, взрывы, вой мин. Ну-ну. Удачи, ребята! Удачи! Может вам повезёт уцелеть в этой операции руководства лагеря по выявлению и уничтожению лиц, склонных к побегу? Такой вот вариант усмирения. Завтра же в лагере будет тишь и благодать. Интересно, как провокатор сумеет избежать смерти? Какой уловкой?

Особист удивлён. У него даже удивление какое-то скорбное. Ничего не спросил. Ну, хозяин - барин.

А пока шухер, надо попытаться законектиться.

- Привет! Ты из какого года тут оказался? Ты русский? Какая страна?

Молчит, смотрит на меня. Пожал плечами. Ну, хоть жест знакомый. Ладно, поиграем в папуасов.

- Я - Ван. А ты?

Молчит. Может - так?

- Хелло! Хау а ю?

Всё одно молчит. Берёт своей правой рукой левую, кладёт на живот, задирает рукав. Татуха сфинкса стоит на задних лапах и со вскинутой в приветствии рукой. Ага! Есть контакт!

- Ты меня понимаешь? Ю андестенд ми?

Сфинкс медленно-медленно отрицательно качает головой, потом медленно-медленно достаёт из-за спины рамку, в рамке появляются какие-то символы, возможно буквы.

Я вздохнул. Блин, не бельмеса по-нашему не сечёт. И что с тобой делать? Языку учить? Если жесты отрицания и непонимания совпали, то шанс есть. Сколько времени это займёт? А с каждым днём я не крепчаю. Я уже едва способен на "рывок".

Будем думать.

- Ладно, давай. Пообщаемся.

Сфинкс мне махнул лапкой, Пяткин моргнул.

Ага, да и он не крепчает. Помрёт так, не дав выхода нам на своё высокотехнологичное наследие.

Так, надо поспать. Завтра - опять: "арбайтен!".

Так и стали общаться. Я сидел на шконке Пяткина, молол языком на отвлечённые темы, о том, что Солнце - желтый карлик, а Земля лежит на трех китах - Глупости, Алчности, Порочности, а сфинкс мне заторможено сигналил.

И ждал часа "Хэ".

Запуск игры

Видимо, конектин пипл не прошло незамеченным со стороны кураторов проекта.

Вот в одно холодное голодное утро нас, мушкетёров и ещё троих крепких мужиков, вытолкали из толпы гасторбайтеров. Всех остальных погнали на работы, а нас повели обратно в столовую. Налили пайку, которую мы мигом порубали (чё там есть? Жижу, что супом обзывается чаем посчитать западло и хлеб спечённый из муки, перемешанной с

соломенной крошкой и опилками?) После этого нас погнали в лазарет, где мы грузили неходячих в машины. Мясник-врач командовал кого - в какую машину.

Случайно, (ага, верю, верю!) я и три моих мушкетёра, оказались в одном кузове с Пяткиным. Так вот, совпало. Бывает! И совершенно случайно, на нас хватило только одного предателя. С винтовкой. В тентованном кузове.

Поехали. Недалеко, правда, доехали. У того самого оврага, через который совершали побег наши буйные, колонна встала. Мы разгрузили две машины раненных, сложив их рядом на краю оврага. Некоторые заверещали, умолять стали.

- Прими судьбу достойно, - сказал я тому, который вцепился мне в остатки рукава, оторвав его. Блин!

А внизу - буйные. Воронки от мин, потроха. Овраг - заминирован. С той стороны были пулемёты, с лагеря крыли миномёты. Захлопнувшаяся мышеловка. Задумчивый взгляд Апостола на меня.

Предатели-конвоиры прошли вдоль ряда раненных, стреляя им прямо в лица. Как-то отстранённо слышал скрежет своих же зубов.

Смотри, Витя, запоминай! Смотри и помни! Это даже не немцы. Это свои. Свои! Русские! Смотри и помни!

- Потом мы столкнули тела в овраг, на поругание птицам и собакам, - вздохнул я.

Даже теперь мне тяжело рассказывать об этом. Мои слушатели тоже не поднимают глаз от пола.

- Продолжай! - поперхнувшись, потребовал особист.

- Две освободившиеся машины пошли назад, к нам посадили двух пленных и ещё одного предателя. За нашим я считал - он выстрелил четыре раза, не перезарядил винтовку. У него была обычная мосинка. И только один патрон. Второго не успел отследить. А у меня в гипсе - гвоздь. Ржавый, кривой, но 150-ка!

- Гвоздь? - покачал головой особист.

- Ага. Так вот у них была поставлена служба. Нашёл гвоздь на работах, спрятал, и ни одна падла не удосужилась меня обыскать. Мир погубят раздолбаи. Вот. Потому я проволынил при посадке в кузов, оказался напротив этого тупого предателя.

- Почему тупого? - спросил летун.

- Умные Родину не предают. И оружие держат исправным и заряженным.

- Продолжай, - поморщился особист.

- Так, вот, сидел я напротив него, а меж мной и свободой - ещё один. Минут через пять езды стал изображать, что мне стало плохо. Глаза закатил, стонать стал, валиться из стороны в сторону.

Напротив меня - предатель. Сытая морда типичного деревенского дурачка. Тупые, свинячьи глазки, рыжие ресницы. Сальная кожа. Он добивал наших с явным удовольствием.

И сапоги. Комсоставские. Почти новые.

- И как служиться немцам? - спросил я его. Апостол пихнул меня в бок. Знаю, что рано, но - ненавижу!

- Нормально! Не хуже, чем красным!

- Чё-то по тебе незаметно. Ходишь в своём.

- Ха! Скоро переведусь отсюда! Поеду краснопузых давить! - довольная морда предателя казалось сейчас лопнет от полноты чувств, его переполняющих.

- Заткнись, дурень! - оборвал его второй конвоир, отодвинув винтовку ещё дальше от меня, - Ты с какой целью интересуешься?

Да, этот не дурачёк.

- Да, вот, интересуюсь.

- К нам хочешь?

- Может быть. Одно только меня тревожит - что вы будите делать, когда наши вернутся?

И тут же удар локтём в лицо справа. От этого, что умный. Я ждал этого. Подставил лоб. В голове взорвалась граната. Блин, опять я забыл, что в черепке у меня гоголь-моголь. И трогать его не желательно.

В общем, поплыл я. Окружающая реальность стала медленно крутиться, как в иллюзионе. Тело Пяткина на носилках, взволнованные глаза Апостола, его усы, тент кузова, свинячья морда предателя плыли у меня перед глазами, меняясь местами, перемешиваясь с тёмными пятнами приближающегося обморока. Звуки стали гулкими, как в пустой бочке.

Нет! Нельзя уплывать! Нельзя прозевать минуту "Хэ"! Так, соберись джедай! Тебе же знаком способ. Сосредоточиться на одной точке, одной из картинок калейдоскопа. Да, вот это в самый раз! Сфинкс, что замер в позе готовности к прыжку. Татуха встала в центр калейдоскопа, остальное - закрутилось вокруг наколки ещё быстрее.

Вспомнил вчерашний наш "разговор" с Пяткиным.

- Ты понимаешь меня?

Моргнул. Да, значит.

- Ты немцам очень интересен.

Моргнул.

- Почему не делаешь то, что нужно им?

Водит глазами из стороны в сторону.

- Это значит - нет?

Моргнул. Ха, общаемся!

- У тебя есть что-то, что им нужно?

Моргнул.

- Я так думаю - тебе устроят побег. И мне.

Моргнул.

- Чтобы ты с моей помощью вывел их на то, что им нужно.

Моргнул.

- Так! Ты догадался?

Мельтешит глазами. Нет.

- А, это не первая попытка?

Моргнул.

- Всё чудесатее и чудесатее. И почему не получилось?

Никаких действий. А, у нас же двоичная система. Да-нет.

- А ты их собираешься вообще-то вывести на то, что их интересует.

Моргает. Прикольно.

- Да? Уже интересно. А что же это? Если не секрет.

Он скосил глаза на право. А, сфинкс. С наколкой тоже "нашли взаимопонимание". Он мне больше не демонстрировал анимацию. Сразу изображал черно-белый диафильм. Да-да, такой вот я древний - помню такой медиаформат. Сфинкс мне показал какую-то семечку подсолнечника.

- Не понял, - признался я.

Картинка изменилась - из "семечки" вылез хвостик ростка, потом появился круг, рядом с ним поменьше, они оба пропорционально уменьшались в размерах слайд от слайда, потом появился ещё круг. Волосатый какой-то. А потом появился круг, опоясанный кольцом. И я, наконец, понял.

- У тебя корабль. Ты оттуда? - я ткнул в потолок.

Моргнул.

Так, это всё осложняет.

- Я не могу допустить, чтобы немцам достался твой корабль, - размышлял я вслух, - может, удавить тебя? Как говорить: "так не достанься же ты никому".

Торжество в глазах.

- Чё? Проверка была?

Никаких сигналов.

- У тебя есть вариант?

Никаких сигналов. Попробуем иначе.

- Что будет, когда ты приведёшь немцев к своему кораблю?

Сфинкс мне опять показал то же слайд-шоу.

- Ты свалишь? Улетишь?

Моргнул.

- Ты сможешь сделать так, что они тебе не помешают?

Моргнул.

- Ты уверен?

Моргнул.

- А почему не сложилось прошлый раз?

Сфинкс мне показал диафильм, где люди стреляют друг в друга, потом бегут. А тело на носилках лежит. Понятно - исполнители подкачали. Разбежались.

- Всё же - я в сомнении. Категорически недопустимо попадание твоих технологий в руки этих вырожденков. Ты хоть понимаешь, что такое этот германский нацизм? Давай-ка я тебе чуть-чуть расскажу об этих людоедах.

Так, машина встала. Соберись, боец, час "Ху" настал!

- Вылазьте, не хер! - заревел голос.

Ага, предателей ещё двое. Водила и тот, что был в кабине. Вылезли. Стоим. Апостол меня держит.

- Что у вас? - закричал хивик, подлетев к машине. Этот - настоящий хивик. В форме. Его форма отличается от той, что носят немцы, но сшита по немецким лекалам.

Водила пинал переднее колесо:

- Шину проколол! Менять надо.

Хивик стал материться, водила получил по шее. Когда поток матерных слов иссяк, он осмотрел нас, кучку пленных, наших конвоиров.

- Так! Этих двоих я забираю - его палец указал на двоих пленных, что не были моими "мушкетёрами", - с этими справитесь. Меняйте колесо, догоняйте. Меня за опоздание... А этот что?

Это он про меня.

- Болтал много, - буркнул тот конвоир, что и "приголубил" меня.

- Так пристрелите его - и вся недолга! Что с ним нянчится!

Я оттолкнулся от Апостола. Сам стоял. Шатался, но стоял.

- Контуженный я. Очухаюсь.

- Ладно, сами решайте. Если что - валите их, нах! И время, время! Шнелер! Всё понятно?

Последний вопрос был тому, что сидел дорогой в кабине, а сейчас стоял рядом с хивиком.

Хорошо играют. Натурально. Значит, меня - пристрелить, а лежащего в кузове - не заметили. Нью-нью!

Хивик ушёл.

- Что стоим? - рявкнул "старший", - я, что ли, колесо менять буду? Быстро, свиньи! Да, ты-то куда, контуженный? Стой, не хер! Толку от тебя. Мешаться под ногами.

Он плюнул в мою сторону. Мушкетёры занялись шиномонтажом, конвоиры стоят, их контролируют.

Меня никто не пасёт. Сейчас? Вот и Апостол смотрит на меня выжидающе. Я покачал головой, сел на траву. Нет. Их - четверо. Нас - четверо. Все настороже. Да, меня никто не пасёт, я смогу одного завалить гвоздём. Может быть. Если не промажу - "прицел"-то сбит. А дальше? соотношение 50/50 меня не устраивает. Нам ещё Пяткина нести.

Колесо сменено. Взгляд Апостола - презрительный. Рассаживаемся в прежнем порядке. Опять напротив меня - рыжий дурачёк в моих сапогах. Да-да. Я уже их застолбил. Рядом - тот, что меня бил.

Когда машина тронулась, я завалился на Апостола и шепнул ему:

- Мой - рыжий.

Апостол оттолкнул меня брезгливо, только потом до него дошёл смысл моего шёпота, глаза его увеличились от удивления. Он кивнул.

Кивок этот не остался незамеченным.

- Что? - строго спросил бывший меня.

- Курнуть бы, - прохрипел я.

Апостол опять кивнул.

Рыжий дурачёк заржал:

- А бабу тебе не подогнать, краснозадый?

Едва сдержался, чтобы не ответить желаемое. Ещё раз локтем в голову может совсем поставить крест на побеге.

Сижу, болею, шатаюсь. Дорога неровная, всех шатает из стороны в сторону, а меня - вообще штормит. Гвоздь уже извлечён из гипса, зажат в кулаке. На цель даже не смотрю. Только на его ноги. И на приклады их винтовок, что упёрты в пол меж коленей.

На очередной яме-кочке меня кинуло на Апостола, я сгруппировался, шепнул:

- Поехали!

И с силой качнулся обратно на того конвоира, что мне бил локтём в лицо. Плечом толкая его на выход. Тут же прыгаю на рыжего, выкидывая вперёд руку с зажатым в кулаке гвоздём. По моим ногам пробежал Апостол, схватился с конвоиром.

Рыжий визжал, закрыв лицо руками. Кровь бежала меж пальцев из выбитого глаза. Апостол боролся с другим конвоиром за винтовку, по нему полз Авторадио, вцепился в горло предателя. Краем глаза отметил местоположение Крыса, что в ужасе забился в угол. Не мешает - и то хлеб.

Нанёс быстро ещё два удара в шею рыжему. Первый - крик захлебнулся, от второго меня обдало тугой струёй горячей крови. Попал в артерию! Про этого можно забыть.

Повернулся к свалке. Конвоир выпучил глаза, тянул винтовку, Апостол и Авторадио со звериными глазами давили его. У них прям пат. Воткнул гвоздь в глаз конвоиру. Это сразу изменило расклад. И вот уже предатель дёргается в агонии.

По ощущениям, прошло минут пять, но я уже тёртый калач - уложились в несколько секунд. Грузовик только начал скрипеть тормозами.

- Петя! - хриплю я, толкая Апостола и указывая на кабину.

Винтовка конвоира меняет руки хозяина, выстрел.

- Ещё! - кричу я.

Машина резко встаёт, мы кучей падаем на Пяткина. Мат - перемат. Хлопают двери кабины. Две двери! Оба живы!

- Живо! Живо! - ору.

Апостол и Авторадио выкатываются из машины. Крики, хрипы, сдвоенный выстрел.

- Стреляй! Уйдёт! - полный боли голос Апостола.

Выстрел. Ещё.

Я, наконец, выбираюсь из кузова. И то, с помощью Крыса.

Картина маслом - Апостол зажимает пятно крови посреди груди, Авторадио с колена выцеливает деревья. Один конвоир лежит, сучит ногами - агония.

- Догнать! - кричу.

Авторадио оборачивается, кивает, начинает бег с низкого старта. Я наклоняюсь к Петру.

- Что ж ты так, Петя?

Он грустно и беспомощно улыбается:

- Командир! - горлом у него идёт кровь, - я тебя не выдал, командир! Медведь. Я тебя узнал, как только увидел. Не выдал. Под Воронежем летом ты нас на мосту строил, в окопы рассадил, позор искупить заставлял. А я всё одно сдался. Теперь - искупил. Спасибо, командир!

- Тебе спасибо Петя.

Глаза его потухали, он забился в агонии. Я прижал его голову к себе, крепко, насколько смог. Держал, пока не перестало тело биться. Положил

голову на землю, закрыл глаза. Ему. Потом свои глаза закрыл окровавленной рукой.

Когда открыл глаза передо мной стояли Громозека, Авторадио и Крыс.

- Догнал?

Он кивнул, тяжело дыша.

- Добил?

Опять кивнул.

- Слушай мою команду: всех убитых раздеть, собрать все оружие, боезапас, съестное, амуницию. Исполнять!

Подчинились.

- А с этим что делать? - спросил Авторадио из кузова, - добить?

- Я тебя сам щас добыю, сука! Он - тут главный! Беречь, как зеницу ока! Я понятно объясняю?

- Хорошо играют, - сказал Громозека, присаживаясь на корточки перед предателем и заглядывая мертвому в глаза.

- Считаешь? - мысленно спросил я его.

- Считаю.

- Кто?

- Думаю - все. Прошлый раз разбежались, хорошо груз не добили. Должны были сделать выводы.

- Логично.

Громозека хмыкнул, провёл рукой по лицу предателя, закрывая глаза убитому. Глаза закрылись! Какой же ты тогда глюк! Глюки так не умеют!

- А кто? - спросил Громозека, переходя к следующему предателю, вынутому Авторадио из кузова машины.

- Разберёмся, - вслух сказал я.

- Что? - обернулся Крыс.

- Сапоги этого рыжего - мои.

Крыс пожал плечами, стянул сапоги, поставил передо мной. Я сел, разулся, стал одной рукой заматывать портянку. Крыс метнулся ко мне, чтобы подшестерить, но я пнул его:

- Делом займись. Времени у нас мало.

- На машине поехали? - спросил летун.

- Петя-Апостол двигло прострелил. Из трёх пуль только одна попала в конвоира, а две - в двигатель. Как специально. Как можно из кузова радиатор и топливную систему пробить и разбить трамблёр?

- Трамблёр?

- Наверное. Я не сильно разбираюсь в движках. Я - пехота. Одним

словом - машина была негодной. Из ремней соорудили перевязи, чтоб тащить носилки с товарищем не на руках, а на перевязях через плечи. И пошли.

- Какое направление выбрали?
- На восток. Шли до темна.
- А надо было куда?
- На юго-запад.
- Откуда знаешь?
- Товарищ Пяткин подсказал.
- Он научился говорить?
- Нет. Одна рука у него работала, а пальцем ткнуть в нужную сторону ему было не трудно.

- Тогда почему восток?
- Простые и прямые дороги приводят только в задницу. Не упрощать же жизнь нашим кураторам?

- Ты уверен, что они были?
- Думаете - параноя? И я так думал. А теперь точно знаю, что был прав.

- Они вас преследовали?
- Ну что вы? Нет, конечно. Так, пасли издали.
- Почему?
- А зачем им светиться? Оба моих спутника регулярно "сlediли". Оставляли метки.

- Ты это видел и ничего не сделал, не пресёк?
- А потом тащить Пяткина одному? Одной левой?
- Так ты и привёл их туда, куда им было нужно?
- Пяткин просил побыстрее. Он меня заверил, что на месте разберёмся с любыми преследователями.

- И ты ему поверил?
- А что мне оставалось? Или поверить ему, или прибить на месте. Иначе вместо меня его доведёт другой. А надо было решить вопрос окончательно.

- И как решить это "окончательно"?
- Ну, слушайте.

Сфинкс уверенно показывал мне на запад. Идём мы, идём! Успокойся, афрокотёнок.

- Куда идём мы с Пятачком? Большой, большой секрет, - бубнил я, перебирая ногами почти на автопилоте.

- Жрать охота, - вздохнул Авторадио. Категорически не умеет молчать

человек.

- Не ной, - ответил я ему.

Зря я прищельца Пяткиным окрестил. Надо было Пятачком. Большой плюшевый, деревянный на всю голову, Медведь есть, должен быть Пятачек.

- Командир, может я сбегая, поищу чего пожрать?

А вот и Кролик. А вот топает ослик Иа, только он уже имеет статус Крыса.

- И засветишь нас всех?

- Засвечу?

- Выдашь наше местоположение.

- Не, не выдам. Смотри, командир, коровья лепёшка. Хоть и старая, но всё же. Значит где-то тут жильё, люди.

- И нелюди. Полицаи, изменники, немцы.

- Так, я одним глазком.

- Как с тем водилой?

Там получилось вот что - не добил Авторадио шофера. Хорошо, что я повёл отряд именно в ту сторону, куда бежал водила-предатель. Собственно, потому и пошли в ту сторону, хотя сфинкс показывал в противоположную.

- И где тело?

- Тут был.

- Раздолбай! Найти, добить! Нет, сюда тащи. Никакого к тебе доверия, дерьмо собаки!

А в разведку надо бы кого заслать. Мне самому? Я и так еле-еле. На силе воле пру. Авторадио - раздолбай. Крыс - ссыкло. Может, Пяткина-Пятачка? Смешно.

Громозека! Ну-ка, иди сюда! Чё ты ломаешься, как лярва после операции по восстановлению плервы? Бегом! Или как там у вас, призраков, называется повышенная передача?

- Привал, гля, - застонал я, сползая по дереву на стылый ковёр палых листьев.

Посидел с закрытыми глазами, потом ухмыльнулся:

- Авторадио, так ты говоришь из казаков?

- Ага.

- За веру, царя и Отечество?

Авторадио засопел, чуя подколку.

- Что ж ты Отечество не пошёл защищать?

- Отечество? - удивился он, - Красных?

- А красное - не Отечество?

Авторадио опять засопел. Потом пробурчал:

- Они казаков репрессировали.

- Ох, какие мы слова запомнили! И кто тебе это слово подсказал? Репрессировали. Только казаков? А ты мне не подскажешь, Будённый, Чапаев - не из казаков? Нет? А-а, они из других казаков, понял. У нас же их несколько видов. Красные, черные - да? Опора престола, гля!

- Так нет же престола!

- Это куда это он делся?

Авторадио даже растерялся.

- Если царя нет, это вовсе не значит, что Родину теперь можно предать, с врагом якшаться, - усмехнулся я, - А как ты думаешь, после того, как станет известно, что немцы сформировали из казаков целые конные корпуса, что будут пацанята-казачата писать в графе "национальность"? Казак? Нет. Им запаadlo будет. Русскими станут. Не красные провели расказачивание, а сами казаки, когда затеяли мародёрство, под шумок свержения царя, на своей же родине.

- Не было такого!

- Ах, да! Совсем забыл! Русского мужика казаки давно перестали считать своими. Зазнались. И в гражданскую вели себя в России так же, как на вражеской земле. Так кто ж виноват, что мужик перестал видеть в казаке опору Отечества, а увидел лишь разбойника? Татя. А с ними разговор у мужика - только один. На языке дубины и топора. А теперь, когда казаки одели мышиную форму фашистов, под знаменем со свастикой своих стали убивать - вообще звездац! Последний гвоздь в гроб казачества, как явления, загнали. А жаль. Но, вполне справедливо. Часть организма, что перестаёт функционировать штатно - отмирает и должна быть удалена из организма. То же самое произошло и с аристократией. Ни царя, ни князей, ни дворян. Они не захотели выполнять свою работу, единственной их функцией стало - паразитирование. Теперь их работу выполняют другие. Вы их красными наркоманами называете. Как зазвездятся, станут паразитами - их тоже скинут. Народ у нас терпимый, но и на расправу ярый.

- Чудно вы говорите, товарищ командир, - вдруг подал голос Крыс.

- Уж как есть.

- Вроде и не агитируете, а всё одно - агитируете.

А ты не так прост, крыса.

- А ведь теперь и вы - враг народа. И вам тоже нет возврата. Под трибунал потащат.

- Бывает, - согласился я, - потащат. Так ведь и сам виноват.

- Это в чём же? - вскочил Авторадио, - ты - сдался?

- Нет. Хотя... Я дал себя застать врасплох, дал себя ранить, дал себя пленить.

Оба моих собеседника пристально смотрели на меня. Не понимают? Или, как обычно, ненормальным посчитали? Охеревшим типом с завышенными требованиями к самому себе?

А что, не так разве? Только требования эти не завышены. Виноват. Позволил случиться тому, что случилось. И что, что Волкодав энкеведешный выше званием? Пох на его геометрию! Не должен был самоустраняться, не должен был пускать всё на самотёк. Звание - ничто. Там - я был командир! Я был старшим, по-факту. И вся полнота ответственности - на мне. За плен, за обезглавливание подразделения в ответственный момент, за неизвестный мне исход прорыва. За жизни моих бойцов. За смерти, которых можно было избежать.

В том числе за жизнь этого призрака, что топает сквозь всё ещё зелёные кусты. Ветки с уже редкими листьями исчезают в нём, как в голограмме. Дико видеть было происходящее. Сознание противиться неестественности процесса - ветки должны изгибаться, отталкиваемые телом идущего, а не растворяться в нём.

Я так явно смотрел на Громозеку, что двое моих спутников тоже посмотрели в ту же сторону, ничего не увидели, этого павшего, но восставшего, бойца видел только я. Ничего не увидели, переглянулись. Пох на них! Пусть думают что хотят!

- Статус?

- Населенный пункт. Пять подворий, пристройки, сараи. Населения нет. Тел тоже. Живности - никакой.

- Точно?

- Я бы живых учуял.

- Тогда, привал окончен! - приказал я уже вслух, поднимаясь, помогая себе рукой, цепляясь за дерево, - Пятачёк, а не пора ли нам подкрепиться? Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро. Стаканчик здесь, стаканчик там - на то оно и утро!

Напевал я себе под нос. И уже мысленно:

- Громозека, а ты пожарить не найдёшь? Может у тебя и на жарчку нух прорежиться?

- Попробую.

- Попробуй. Тебе-то хорошо - ты уже никакой нужды не испытываешь. А я вот - мёрзну, болею, голодаю, недосыпаю. И вообще - работа военнопленного - сплошной стресс! И молока за вредность не

выдают.

И мы рассмеялись. А когда увидели лица моих спутников - ржали ещё хлеще! Хотя, их понять можно - человек, который в наглую узурпировал власть в отряде, смотрит в никуда, разговаривает сам с собой, ржёт без причины. Явно - тронулся по фазе! Прямо - за будущее страшно.

- В голове моей опилки - не беда! Да, да, да! Но кричалки и вопилки сочиняю я неплохо, иногда. Да!

Прямо и настроение от этой песенки из детства стало повышаться:

- Хорошо живет на свете Винни Пух! Оттого поёт он эти песни вслух. И не важно - чем он занят, если он худеть не станет. А ведь он хуеть не станет! Никогда! Да!

- Посёлок был покинут в спешке. Население оставляло на местах всё. Вообще всё.

- Странно.

- То-то и оно. Немцы всех выгоняли с нашего пути? Так я подумал, но, блин, на кой ляд такие сложности?

- Вообще всех? Вообще никого не видели?

- То-то и оно. Страшно даже было. Печи - тёплые, постели - расправлены, в умывальниках - вода. Припасы - в ангарах и погребах. Не велики, конечно, но были! И ни одной живой души! Как все разом испарились в мире, только мы одни и остались. От одной мысли такой - озноб колотил. Чертовщина прямо мерещиться начала.

Особист покачал головой, вздохнул, потёр глаза, с горестью посмотрел на пустую кружку, чай в которой иссяк уже час назад и встал:

- Караул! Отведите арестованного на гауптвахту. Завтра - продолжим выслушивать похождения brave солдата Швейка.

Не верит. Это я тебе ещё не всё рассказываю. На самом деле было ещё сложнее всё.

- Сколько нам ещё идти? - спросил я Пяткина.

Сфинкс показывает мне ряд символов. Они мне ничего не говорят. Правильно - нашей системы счисления он не знает, да и цифр-букв - то же. А я не знаю - его.

Пришелец, кули! С самого Сатурна. Или Марса. И не зелёный. Такой же человек, как и все. Уж если бы была разница в физиологии - в лагерьном лазарете бы заметили. Не совсем же они тормоза? Пусть и не сильно квалифицированный медперсонал был, но всё же заметили бы отличия, если бы они были. Два сердца, например. Или кровь - синяя, как у медуз. А так - тишина. Значит - хомо, тот, что сапиенс. Что от обезьяны с Божьей помощью. Ха-ха! У них, на Сатурне - тоже были обезьяны, тоже друг друга

палками по головам колотили, чтобы поумнеть и резко изменить генетический код.

А может - не пришелец, а попаданец? И не из космоса, а из будущего? Или очень старательно забытого прошлого. Тоже можно допустить. И не космолёт там, а Дэлориан. Тот, что - машина времени. А этот - Марти МакФлай. Тот тоже угодил к ковбоям и индейцам, как колбаса в рукомойник. И оделся в соответствующий эпохе костюм, а случился форс мажор - и вот он беспомощный лежит перед бежавшими военнопленными в лесу в окружении врагов. Бывает!

Довожу его до машины времени и он меня подбрасывает до 2010 года. Или хоть до 2000-го. Иех-х-ха! Мечты, мечты, где ваша сладость? Ладно, будет надеждой Ъ раз.

Символы в рамке, удерживаемой сфинксом меняются, но мне они - филькина грамота. Из каких ты времён, если ни кириллицы, ни латиницы, ни арабских цифр ты не знаешь?

- Ладно, давай иначе. Ты же понимаешь, о чём я говорю? Понимаешь. Прикинь, сколько нам дней ещё идти, если будем двигаться с той же неспешностью? Один, два, больше?

При этом я оттопыривал пальцы.

Сфинкс показал мне палец, потом палец раздвоился. Я подождал ещё немного. Нет, больше пальцы не почковались. Понятно - 2 дня. Уже - хлеб. А то у меня рука чернеть начала. А вонять - и того раньше.

Шорох.

- Что там, Громозека?

- Крыса.

- Человекоподобная?

- Угум!

- Ясно. Проследи, как он сообщения хозяевам передаёт.

- Угум.

А потом посмотрел в глаза Пяткину:

- А твой аппарат им не достанется?

Угол рта, что ещё слушался его воли, пополз в усмешке. Страшная гримаса. Блин, лучше смерть, чем вот так, поленом! А сфинкс показал мне, как семечка превращается в гриб.

- Это основной вариант?

Глазами право-лево.

- Резервный?

Молчит.

- Запасной? Последний?

Моргает. Не всё он понимает, что я говорю.

Понятно, есть у аппарата режим самоликвидации. И судя по рисунку гриба - он схож по мощности с ядерным взрывом.

Испугался ли я? С чего вдруг? Страшный конец всяко лучше бесконечного страха. Так что, пусть Крыс стучит. Немцев прихватим с собой в Царство Вечной Охоты. И чем больше, тем лучше. Пусть кучкуются. Накроет побольше.

Покер по-эсэсовски.

Ночью меня разбудил Громозека.

- Ты чё, душара?

- Слышишь? Узнаёшь?

Стук. Дерево о дерево. Мелодия складывается. И даже знакомая. Хорошо живет на свете Вини Пух? Плохо. Потому и не поёт он вслух. Вилли. Только он может знать этот мотив. Остальные - или наши, или эти двое "агентов".

- Зовёт.

- Сам уже понял. Нахера?

- Пришло время договариваться? Они получили письма твоих пятконосцев.

- Да это понятно и ежу. Идти?

- Решай сам.

- В лом мне тащиться. Пригрелся. И любопытно. Пойду. Терять мне всё одно - нечего.

- Ну, здравствуй, Вилли? Как твоё драгоценное здоровье?

- Вашими молитвами, Виктор Иванович.

- По-русски ты стал шпрехать лучше. И акцент стал мягче.

- Интенсивная практика.

- Понятно. Работа. Ты меня не послушал и остался на службе. Даже в карьере продвинулся. С "Аненербэ" связался, да не ночью оно будет помянуто.

- У меня не было выбора.

- Выбор есть всегда.

- Не всегда он приемлем. Я - один, Виктор Иванович, выходите.

- Я знаю, что ты один. Ближайший из твоих солдат - в семидесяти метрах. Делает вид, что не спит. И пистолетик-то отбрось в сторонку. А за тушёнку - благодарствую.

Говоря, я шёл к нему навстречу. Вилли улыбнулся, поставил сидор на землю, пистолет достал из-за пояса сзади, уронил. А я чё? Я - ничё! Это Громозека у меня - глазастый.

- Не перестаёте вы меня удивлять, Виктор Иванович.
- Тем и жив. Пока. Зачем звал, немец?
- Вот за этим и звал. Требование у меня...
- Требование? - рассмеялся я, - засунь себе его, знаешь куда?
- Знаю. Хорошо, просьба. Выполните условие, и вам я гарантирую выполнение любых ваших условий, в разумных пределах, конечно.

Ага, испугались, что пристрелю Пяткина как Голума? Договариваться решили?

- Вывод Вермахта на территорию Германии?
- В разумных пределах. Это я не могу гарантировать.
- А что ты можешь, немец?
- Жизнь. Лечение. Вывоз в любое место мира, деньги, легенду.
- И измену. Нет, Вилли. Ты же знал, что меня это не заинтересует.
Зачем пришёл?

- Знал, - немец снял перчатки, отступил на пару шагов, сел на ствол поваленного дерева.

- Вы поверите мне, если я скажу, что хотел с вами поговорить?
- О чём?
- Не знаю, - вздохнул Вилли, - не знаю. О чём угодно. Хотел опять вас увидеть, ощутить то своё состояние, в которое меня вводят ваши слова.
- Какое?

- Другой, хм-м, язык русский очень сложен, столько слов, чтобы сказать одно и то же. И одно слово - чтобы сказать совсем разное.

- Есть такое дело. Так какое состояние?
- Как в детстве - всё просто и ясно. И чисто вижу, что делать.
- А без меня?
- Всё очень сложно. И ничего не могу решить. И всё - не то. Всё - не так. Всё - обман.

- Ладно, Вилли, всё это - лирика. Ты чего хотел-то?
Немец усмехнулся.
- Вот, опять. Пришёл сюда я с одним, а теперь хочу другого.
- Бывает. И не у всех проходит. Ты - выкладывай, не стесняйся. А там - будем поглядеть.

Немец немного "подвис". Опять усмехнулся:
- Очень сложный язык. "Выкладывай" - рассказывай и ложи.
- Есть такое. А ты не говори на русском - не будет проблем. Лайся на своём пёсьем языке. Ори "Хайль Гитлер" и головы не ломай.
- На нём говорили Ницше и Бах!
- Да хоть трабидох! Бах! Мне - пох! Не отвлекайся. Вилли, ты не

поверишь, но мне не совсем хорошо сейчас. И зубоскалить - совсем нет желания. Так чего ты хотел?

- Хотел? Хотел попросить вас не убивать этого инвалида и позволить нам забрать то, что нас интересует.

- Однозначно - нет. Этого ты хотел?

- Хотел. Прошное время. А настоящее - хочу. Хочу в плен вам сдаться. Не удержался, рассмеялся.

- Не очень хорошая идея, немец. Совсем плохая. Сдаться в плен беглому военнопленному на вашей же территории - ни есть гуд! Совсем не гуд.

- Я знаю.

Вилли повесил голову. Глухо продолжил.

- У меня не было выбора. Я заинтересовался теми темами, что вы пропагандировали мне и своим подручным. И стал находить подтверждения. Этим я и заинтересовал этих... У меня не осталось выбора - или я служу им - или исчезаю. И становлюсь объектом их исследований. Не хотелось быть замороженным заживо. И я продолжил службу. Я видел сам всё то сатанинство, о чём вы говорили. Я вижу теперь, что за монстр родился на германской земле. Я многое видел. И я увидел, что мой народ сейчас как никогда близок к гибели. Я видел Ваш фотографию в газете. И я понимаю, почему все газеты мира перепечатали его. Понимаю. И я - устал. Не хочу больше.

- Твои проблемы.

- Знаю! - вскочил Вилли, - знаю, что мои проблемы! Но, выхода - не вижу!

- А ты - беги! Прямо сейчас - беги! Быстро беги, куда глаза глядят. Тогда жив останешься.

Вилли отшатнулся.

- Да, если нашим будешь сдаваться, переоденься. Наши - электриков в плен не берут.

- Электриков?

- Эсэс. Молнии. Зиг-зиг.

- Теперь понял.

- Почему не берут - объяснить?

- Не надо. Сам видел.

- Тогда - прощай, Вилли! Надеюсь, больше не увидимся.

- А я надеюсь - увидимся.

- Для тебя будет лучше, чтобы мы - не увиделись. В следующий раз - я тебя убью. Да, кстати, кто из моих спутников ваш агент?

Вилли вздрогнул:

- Два, - поморщился, - оба, все.
- Предатель - казачёк? А другой - агент?

Вилли кивнул.

- А тот, с усами?
- И он.
- Понятно. Пистолетик я - забираю.

И я повернулся спиной к немцу и пошёл восвояси, напевая песню Рамштайна "Ду хаст". Общение с немцем навеяло как-то. Это была ещё одна проверка Вилли. Этот вот беззаботный отход с подставлением спины врагу. А до этого была проверка на искренность. Сдаст или нет агентов. Как я и догадывался - все казачки засланные.

- Это я догадывался, - вставил Громозека.
- Если ты - мой глюк, то ты - плод моей больной головы, результат коротящих извилин. И все твои догадки - мои. Логично?
- Странно слышать о логике от глючащего типчика.
- Сам ты - типчик.
- Какой-то странный у вас разговор получился.
- Не без этого.
- И что теперь?
- А что изменилось? Ничего. Пистолетиком вот обзавелись. Как ты думаешь, липовый?
- Нет, вполне себе боевой. Я уже проверил. Без подвоха.
- А жратва?
- Тут - не знаю. Хлеб, галеты, консервы. Я не могу определить - отравлено или нет.

- Значит - проверим на мышах.

И мы тихо посмеялись.

Пункт назначения

День "Пи". Или - или. Ну, хоть пистолет есть. Одной рукой с винтовкой управляться - сложновато.

Идём. Мышки нервничают, но живы. Значит, жратва - нормальная.

Опа, что это значит?

- Привал!

Мышки облегчённо поставили носилки.

- Давайте, костерок соорудите. Жрать хочу - сил нет больше терпеть. А холодное больше не лезет. Так, ты, Авторадио, бегунок ты наш беспонтовый, топливо сообрази. Ты - яму под костёр копай. Вон там. И копать меньше там. Низинка.

А сам склонился над Пяткиным. Сфинкис изменил слайд на стрелку вниз.

- Пришли? Это - то место? - прошептал я.

Моргнул.

Мы на месте. А где космолёт? Лес и лес. Вполне типичный для этих мест.

- И что теперь?

Котёнок лёг в позу сфинкса.

- Ждать?

Моргнул.

Ждать. Блин. А что остаётся? Да, ладно, подождём "твою маму, твою мать!" Ведь - "до пятницы я - совершенно свободен".

А эти теперь - сигналият хозяевам.

Запахло дымом. Желудок сразу запротестовал. Ладно, пойдём у тебя, утроба бестолковая, на поводу.

Говорят, после голодухи нельзя много есть. Пох. Совершенно пох. Как же хорошо! Сытно! Тепло стало. Что там мне грозит, заворот кишок? А ядреный гриб самоликвидации НЛО? Так что - заворот не страшен.

Авторадио увлечённо облизывал ложку. Крыс задумчиво смотрел в небо. Я - тоже сытно жмурился. Потянулся, рука наткнулась на пистолет Вилли. Я его достал и стал с любопытством разглядывать изделие сумрачного тевтонского гения.

Авторадио вытараскал zenки свои, Крыс напрягся, руки его поползли за спину. Поздно, ребятаки!

Два выстрела прогремели в стылом лесу. С карканьем поднялось воронье в воздух. Эти - падаль задолго чуют. Два контрольных.

- Не надо Родину предавать, ребята. Не надо. Плохая это примета.

У меня ещё есть патроны. Хватит и на себя, и на Пяткина, и на сфинкса, и на Громозеку. А ещё и пистолет Крыса полностью заряжен. Подождём.

Потом подволок Пяткина к костру и сел рядом, задумался, засмотревшись на огонь.

- Какое вознаграждение ты желаешь за твою помощь? - прогремел над головой мощный голос.

Я крутнулся, уходя с линии возможного огня, вскинул пистолет.

Никого!

Чё за?!

- Это я говорю. Посмотри на меня. Ты доставил меня сюда, в зону доступа внутренней связи.

- Ты? Это ты? Внутренняя связь? Твой корабль? Где?

- Прямо над нами.

Я поднял голову - ничего. Такое же серое небо.

НебоЖители

Всё изменилось мгновенно. Какая-то матовая поверхность прямо перед носом. Я лежу в какой-то жидкости. За матовой поверхностью переливаются огоньки разноцветные.

- Прошу прощения, я взял на себя смелость забрать Вас, мой спаситель, на борт моего корабля без вашего ведома.

- А ты кто?

- Вы называли меня Пяткиным. И Пятачком. Я извиняюсь, но провёл сканирование вашей памяти, чтобы понять аналогии этих имён. И научиться коммуникации.

- А-а! Всё получилось?

- Так точно. Я принял решение о вашем изъятии в виду приближения недружественно настроенных вооружённых индивидуумов, что сопровождали нас всё наше путешествие.

- Ничего страшного. А где они теперь?

- Там же. Нас ждут.

- А мы где?

- Там же. На борту моего судна, в биореакторах. Вам тоже нужно было срочное медицинское вмешательство. Запущенные ранения, пищевое отравление.

- Всё же он отравил меня!

- Да, это так.

- Он тоже здесь? Тот, что дал нас отравленной еды?

- Нет, в радиусе действия моих сенсоров его нет и его местоположение не известно.

- Как ты разговариваешь странно.

- Странность имеющаяся объясняется опциями лингвистического подблока вычислителя. Он переводит мою речь Вам.

- А как я тебя слышу? Я не вижу динамиков.

- Сигнал индуцируется прямо на слуховой нерв.

- Индуцируется. Понятно. На нерв. А ты не можешь индуцировать мне на нерв изображение? Уж больно скучно.

Появилась картинка. Прямо перед носом висящие в пространстве. Ещё картинки. Ту, на которую я смотрел, увеличивало, остальные - отодвигало. Круто. Смарт ТВ.

Кстати, о птичках. Немцы в пятнистых камуфляжных накидках

довольно расслабленно бродили по поляне. Тел "мышек" уже не было.

- Что-то они больно расслабленные. Сколько времени прошло?

- Два оборота планеты.

- Двое суток?

- Для них. Для нас - 62 суток.

- Опа! А как такое возможно?

- Компрессия времени.

- О, как! Вы и так умеете? Молодцы, чё ещё сказать! А долго мне ещё тут валяться?

- Вовсе нет. Процесс вашего исцеления завершён давно. Вынужден заранее извиниться, если моя инициатива не в ваших интересах, но я взял на себя смелость внести в ваш организм некоторые модификации, что сильно упрощают жизнь разумным нашей профессии. Должен пояснить свою мотивацию - я испытываю к вам чувство благодарности.

- Благодарствую, конечно. Нашей профессии - это какой?

- Нет, определённо, это лингвистический подблок туп. Сэкономили снабженцы. Сейчас поработаю настройками.

- Уж будьте так любезны. Эти высокопарные обороты прямо ухо режут.

- Вот, надо попробовать. Повторю: людям нашего призвания. Опять не то. Чувакам с понятиями. Как лучше?

- Про призвание понравилось. И какое призвание?

- Воин.

- Достойное призвание. А какие модификации?

- Укрепление скелета нейтринной сеткой, форсирование мышечной массы и связок, вживление нейросети, дублирующей нервную систему, ну и так, по мелочи. Вроде очищение организма и доведение тонуса к оптимуму.

- Всего-то? Юмор, если ты не понял.

- Я - понял.

- Спасибо, конечно, ещё раз. Здоровье ещё никому лишним не было. Но, теперь-то что?

- Вынужден попросить вас пояснить...?

- А говоришь - настроил. Я имею в виду - какие планы? Не будем же мы сидеть тут в блокаде?

- В блокаде?

- Я про немцев.

- Этих представителей противостоящей вашей общественной формации - можете не учитывать.

- Ну, вот, а говорил, что настройки поправил.
- О немцах можешь забыть. Они - ничто.
- Вот теперь - понятно. То есть - не понятно. Как забыть? Вот же они.
- Ничего они сделать нам не смогут.
- А чего тогда ждём?
- Дело в том, что попал я на вашу планету не совсем по своему желанию и несколько для себя неожиданно.
- Бывает. А что случилось?
- Аварийное схлопывание тоннеля выбросило меня не в той точке пространства, где я планировал оказаться.
- Настройки?
- Проще не получится. Я оказался уже в атмосфере этой планеты и пришлось применять экстренное торможение. Бортовой вычислитель принял решение отстрела аварийной капсулы со мной. Корабль садился в аварийных режимах, несовместимых с жизнедеятельностью экипажа, то есть - меня.
- А капсула?
- Капсула легче. Но, тоже спалила двигатели. Вот и получилось, что я оказался на незнакомой планете голым и безоружным.
- А почему голым?
- Как-то не принято прыгать через искривлённое пространство вне криосна и в одежде. Иначе можно эту одежду получить сросшейся с тканями тела. А если не заморозиться - рассудка точно лишишься. Или чего похуже. Как-то не хочется примкнуть к этим...
- Корабль смог сесть. Отдельно от тебя. Уже понял. А ты попал к немцам.
- Да, мой корабль смог сесть, но полностью уничтожены стартовые и маневровые двигатели.
- Ты не сможешь взлететь.
- Смогу. На маршевых.
- А-а, вон как! Но, есть подвох? Всегда же так, по законам жанра. Его ещё законом подлости называют. Есть какое-то "но"? Перебит топливопровод?
- Нет. Не перебит. Дело в принципе действия маршевых двигателей. Они используют физику искривлённого пространства. Применять их в условиях тяготения звёздных систем не рекомендуется. А в условиях тяготения планетоидов имеющих биосферу - вообще запрещено.
- Опа! Вот это поворот! А маневровые двигатели возможно починить?

- Нет. У вас это называется - только в заводских условиях.
- Одним словом - ты застрял.
- Застрял.
- А почему нельзя маршевые? Что произойдёт?
- Образуется область физики измененных пространств. Меняются фазовые состояния вакуума.
- Что это значит? Верх становится низом?
- Вес становится длиной, а скорость - временем.
- Охудеть! Представить даже не могу.
- Материя со временем восстановит своё привычное состояние, но для любых жизненных форм - это коллапс.

Голос Пяткина, переводимый глючащим блоком переводчика, вздохнул:

- Так я и оказался здесь.
- Что произошло?
- Мы должны были захватить научное судно сепаратистов. Они проводили запрещённые исследования. Их надо было арестовать или ликвидировать. Когда эти сошедшие с ума фанатики поняли, что их наёмная охрана не справится с нашим крылом, они запустили свою установку. Я был на самой окраине системы, обеспечивал блокировку зон перехода. Поэтому у меня была доля секунды для принятия решения.

- А компрессия времени?
- Мгновенный фазовый коллапс звездной системы. Ты представляешь, что это такое?

- Нет.
- И я не представлял. Огромный кусок пространства, больше вашей Солнечной системы размером, просто сдетонировал. Бортовой интеллект запустил компрессию времени, запихнул меня в статис, сформировал область перехода и запустил прыжок прежде, чем цепная волна фазовых изменений вакуума докатилась до нас.

- Круто. Хорошие мозги у твоего бортового компьютера.
- Но, тоннель оказался тоже подвержен удару. Иначе и быть не могло. Тоннель должен быть из точки "А" до точки "Б". а точка "А" - перестала существовать. И вообще неизвестно - где я мог вывалиться из тоннеля. Мог прямо в центре звезды.

- Так тебе ещё повезло! А мог и не вывалиться. Остаться в этом тоннеле навсегда. Закольцевало бы его или просто повис бы в нигде.

Время открытий

- Вы очень легко приняли мой рассказ. Оперируете понятиями,

опережающими технический прогресс вашей планеты на несколько порядков. Что-то не так с вашей планетой. Даю задание поискать данные на систему Солнца в базах.

- Солнце в базах - это, конечно, хорошо. Но, давай вернёмся к нашим баранам. Мы - здесь. Там - немцы. Там - война. Война на уничтожение моего народа. Что ты планируешь делать?

- Ничего. Вы, Ваш народ и ваши противники, принадлежите одному виду разумных. Уничтожение одной части одного вида другой частью является необходимым условием конкурентной борьбы. Никто не имеет права вмешиваться во внутренние дела единого вида разумных. Более того, ввиду вашей отсталости, я обязан обеспечить собственное сокровище. И недопущение попадания образцов и технологий расам, не достигшим соответствующего уровня развития. Иначе вы себя уничтожите.

- Отсталости?

- Вы даже не достигли межзвёздного пространства. У вас в памяти есть воспоминания об освоении околопланетного пространства, но на данном этапе я этого не наблюдаю. Вы даже не создали единого управления - у вас продолжается внутривидовая конкуренция. Ваша раса, человечество Земли, ещё не едино, не изжиты артефакты присущие неразумным формам жизни, религия, например. Вас и разумными называть можно с натяжкой. И то, благодаря прозрениям отдельных представителей. Основная масса населения Земли продолжает оставаться в стадии неразумной жизни. Станный вы вид.

- Вот, так, вот, ты понял это, пока я тебя тащил!

- Нет, не я. Пока я отсутствовал, бортовой интеллект собирал данные об окружающей его среде.

- Лучше бы он ремонтировал движки, чтобы ваше высокоразвитое тельце покинуло наш отсталый вторник. Среду он изучал! Надо с понедельника начинать, а он - среду. Отсталые! Вы - тоже люди! А люди - везде одинаковы. И не важно, на чём они ездят - на кобыле или на фазовом переходе.

- Я тоже согласен с Вами. Эти протонные мозги всё всегда пытаются загнать в простые числа. И как всегда не правы. Именно поэтому - мы хозяева им, а не наоборот. А вот и результат поиска. Я удивлён! Есть упоминание. В засекреченном секторе! Ваша система - заповедна! Удивлён! Охраняется! Охранялась.

- И чем обязаны?

- А у вас тут произошла война!

- Она и сейчас идёт.

- Нет, нет! Так вот откуда начался Раскол! Вот это находка!

- Так ты можешь как-то что-то пояснить?

- Эта система была обитаема. Высокоразвитое общество. Разумные. Люди. И другие разумные. Планет было больше. Вот! То, что сейчас является астероидным поясом - было материнской планетой одного из Домов. А то, что вы называете Луной - это боевой корабль. Был. Класс "Звёздный пожиратель". Их давно не производят. Так. Планеты эти тоже были обитаемы. Вы их называете Венерой и Марсом. И на Земле были столкновения. Земле повезло. Только легкие орбитальные обстрелы. Видимо, обезвреживание Пожирателя и сохранило Землю. А вот то, что вы называете Марсом - был выжжен. Венеру погубил разгон в заштатные режимы климатических установок терраформирования. Умелая диверсия превратила их в климатическое оружие. Его же запретили! Ха-ха! Как раз после этого и запретили. Так почему же ваша система засекречена? Её нет в навигационных картах.

- Где же ты её нашел?

- В разделе "Сказания и легенды древности". Сказка. Координаты - отсутствуют. Только художественное описание трагедии Раскола.

- А кто раскалывался?

- Тоже нет упоминания. Просто "трагедия Раскола" и всё. Может тогда и начался разлад Домов?

- А когда? Давным-давно, в далёкой-предалёкой галактике?

- А ты откуда знаешь?

- Догадался. У нас эта "трагедия Раскола" известна, как Война Богов. Ты же сканировал мою память.

Пяткин замолчал.

Вот так значит! Засекречены. И кто-то охраняет. Раскол, говоришь? Хе!

- Урок истории закончен?

- А, что? Извини, увлёкся. Появилось много вопросов.

- Рад за тебя. Но, мне как-то ближе та война, что сейчас идёт за бортом, а не та, где Титаны бились с Олимпийцами. И те, и другие, в конце концов, исчезли.

- Какие подробности! Ещё!

- Дела давно минувших лет, предания старины глубокой. Интересно, конечно. Может быть, я займусь этим. Когда-нибудь. Когда близкие мне люди не будут погибать! Когда народ мой перестанут жечь в печах и амбарах! Когда дети не будут умирать от голода! Понимаешь, ты! Высокоразвитый! Если ты не собираешься мне помогать - проваливай на

все четыре стороны, а меня отпусти! И обеспечить, очень прошу, недопущение попадания себя и твоих "высокоразвитых", "фазовых", "вакуумных" ёжанутых технологий в руки этих нелюдей в фельграу. Обеспечь, иначе я тебя лично фазово аннигилирую. Как внук Сварога тебе обещаю!

- Сварога! - голос Пяткина аж взвизгнул.

Я не ожидал такой реакции. Ну, привык я, что русы - народ, отец-покровитель которых - Род. Потому мы - Родичи. Потому - родственники. Потому люди - рождаются. Потому и умираем - за Родину! Сварожичи мы.

- Так что ты надумал?

- Мне надо срочно покинуть эту планету!

- Согласен с тобой полностью. А как же двигатели?

- Поднимусь на антиграве на максимально возможную высоту. Так ущерб фазовых изменений будет минимализирован.

- Всё же - выход есть! Правильно говорят - двигатель прогресса - жаренный петух.

- Это тоже не выход. Я стану преступником. До конца жизни скрываться придётся.

- Почистишь память компьютера - и гуляй, Вася!

- Это мне не по силам. Бортовой интеллект не допустит меня в свои базы.

- Хакеров наших на тебя нет! Так вы, "высокоразвитые"! Жесткий диск хакнуть не можешь!

- Только вместе с самим бортовым интеллектом.

- И хер на него.

- Без него не долечу.

- Как знаешь. Выпусти меня обратно. У меня, знаешь ли, война!

- Вот и я об этом же. Вас я отпустить не могу. Предлагаю лететь со мной.

- Соблазнительно, конечно. Свет далёкой звезды нас манит по ночам. - пропел я строку из песни Дискотеки Авирия, - Другие миры, межзвёздные перелёты, "Звёздные войны", Дарт Вайдер и император Палпатин. Но - нет. Нам дым отечества не сладок, и не приятен. Потому что горит, горит Отечество! Вот, война кончится, тогда прилетай, полетаем. До окружающей среды. Или четверга.

- Нет. Вы или летите со мной...

- Или ты меня ликвидируешь? Зачем?

- Я обязан не допустить огласки сведений, что вы получили.

- Ты хвалился, что сканировал мою память. Видно, что ты тот ещё

хакер. Я сам - секрет высочайшего уровня. Перед прочтением - сжечь. Такой уровень допуска к моей тайне. А что ты мне рассказал? Что там, за облаками, живут люди? Так это - не секрет. Поройся у меня в памяти - там полно воспоминаний о фильмах по это. Те же "Звездные войны". Всех, кто их посмотрел - тоже надо с собой увести? Нет. Тогда - почему меня? Что ты мне ещё сообщил? Фазовые переходы? А я смогу теперь как-то применить эти знания? Сам видишь - никак. Не рассказал ты мне ничего, чего я не знал, или не догадывался. Лети, родной, один. Некогда мне с тобой кататься. Мне - к своим надо. Враг в доме хозяйничает.

- Не могу.

- Да ладно тебе! Какие секреты я узнал? Что я успел увидеть? Крышку твоего медблока? Эка невидаль! Посмотри в моей памяти эпизод с дивом по имени Даша. Вот где - невидаль! Весь твой сверхнавороченный биореактор - ничто против неё! Технологии! Отсталые!

- Ищу. Пустите же меня. Вы сами не даёте.

Я вспомнил Дашу. Жар ещё рук, жар бани, жар её тела. Волну Жизни, что шла от неё в меня.

- Ого! - воскликнул Пяткин, - это же...

- Что?

- Ничего.

Помолчали. Я уже даже из этого опостылевшего реактора не просился. Ещё увижу чего не того. Ну её. Мне лучше - в осенний лес. К немцам.

- Кому так загадочно молчим? - спросил я.

- Я всё одно собираюсь применять маршевые двигатели в гравитационном колодце жилой планеты. Какая разница, узнал один туземец что или нет? Всё одно - тут такое начнётся!

- Так бы и сразу! А что начнётся?

- Надеюсь - ничего.

Потом голос Пяткина повеселел:

- Я не отблагодарил вас за своё спасение. У нас принято дарить подарки. У вас, я увидел - тоже. Какой бы вы подарок хотели?

А я знаю чего у тебя попросить? Световой клинок джедая? Себе же ноги отрежу. Бластер? Не даст. К дикарям попадёт образец технологий?

- Подарок заказанный и не подарок. Но, я хочу оружие, чтобы разить врага. Понимаю, что оружие - нельзя. Попадут не в те руки, всё такое. Так что, давай какую-нибудь безделушку. Что не жалко и секретом не является. Всё одно - отберут. Как к своим выйду.

- Отберут? Враг народа? Это же варварство!

- В памяти моей опять шарисься? Ну, тогда тебе не надо объяснять, кем я буду, когда к своим выйду.

- И Вы тем не менее решили идти? Заранее зная исход?

- Тем не менее, заранее зная. Решил.

- Но, у Вас есть возможность лично обратиться напрямую к руководителю вашей фракции. Почему не воспользоваться.

- Устал я, Пятачек. Устал. Простым бойцом хочу быть. Сражаться и погибнуть. Ничего больше не хочу. Устал. Бывает так, что человек морально выгорает? Бывает. А я - уже выжжен дотла.

- Это ошибка. Нерациональное использование своих возможностей.

- Может быть. А может и не быть. Вот в чём вопрос. Это моя ошибка! Я устал быть марионеткой большого, грозного и справедливого дяди Ёси, при всём уважении к нему. Харош!

- Тогда, прощай, боец. Внук Сварога. Я усыплю тебя. Когда проснёшься - жди дальнейших инструкций.

Особист был сегодня ещё более мрачен, чем обычно.

- Продолжим, - сказал он хрипло, - так вы застрелили обоих ваших спутников?

- Я посчитал их предателями. Да. Убил.

- Основываясь только на собственных подозрениях и показаниях пленного немца. Вы не допускали, что немец мог вам умышленно солгать?

- Допускал. Я не собирался выживать. Более того, я не собирался никого оставлять в живых. Откуда мне было знать, что надо сдвинуть пенёк, что под ним будет рычаг, открывающий лаз? И пока я не убил этих двоих товарищ "Пяткин" мне ничего не говорил.

- Лаз куда?

- Сеть каких-то бункеров. Я нёс товарища туда, куда он показывал. Делал то, что он велел. Я принёс его в какую-то щитовую, где было полно рубильников. Под его управлением, я соединял рубильники. Когда появился свет, он показал мне, где лежит блокнот и карандаши. Он мне написал, что тут всё подготовлено к подрыву и написал план моих действий. Я всё выполнил.

- Что именно?

- Я положил его у рычага подрыва, сам на электровагонетке уехал по тоннелю в другой бункер, где соединил цепь. Потом на этой же вагонетке я вылетел в озеро. На резервном пульте я и подобрал нож. Чёрный такой. Там был ящик. Было два ножа в ящике. Я взял один. Вагонетка вылетела из тоннеля прямо в воду. Как не утоп? Я не ожидал подобного. Потом ещё и

рвануло. Хорошо так рвануло. Пришёл в себя я в камышах. Как не утоп?

- Что было потом?

- Потом? А потом я пошёл на восток. К своим.

Падение с небес.

Открываю глаза. Та же матовая поверхность прямо перед носом. Нае...ал он меня! Так и лежу в этом опостылевшем "реакторе"! Как может мед-агрегат называться "реактором"? "Высокие" технологии! А нормального переводчика - нет. Балабол.

В ушах у меня тренькнуло, перед глазами в воздухе повисли какие-то пиктограммы. Что это?

- Подгружается база "Нейросети" 1 ранга, - прозвучало в ушах, - ошибка: нет соединения. Ошибка: нет данных.

- Эй, заткнись! - оборвал я голос.

Заткнулся.

- Ты кто? - спросил я. Тишина.

- Кто сейчас тут блеял про ошибки?

- Тактико-баллистический аналитический самообучающийся вычислитель.

- Вычислитель?

- Ответ положительный.

- О, как? А просто "да" - можно сказать?

- Да.

- Вот, уже лучше. А ты где?

- В 0,789 метрах от Вашей головы.

- Ага. А я где?

- В спасательном модуле класса ААА.

- Ага! Всё-таки он меня выкинул. А где корабль, из которого и выплюнули этот ААА?

- Ошибка: соединение не установлено.

- Абонент не абонент? Бывает. Нот конебибал нау. Смылся?

- Ошибка: нет данных.

- Какой же ты тупой, Вычислитель баллистический, аналитический, самообучающийся. ВБАС. Я буду звать тебя Бася.

- Принято.

- Бася, как мне выбраться из этой ловушки?

- Ошибка, ошибка. "Ловушка"?

- Этот ААА?

Одна из пиктограмм заморгала. Мысленно потянулся к ней, мысленно надавил. Шипение, матовая поверхность перед носом исчезла, на

меня хлынула вода. Твою-то дивизию! Поплыли!

- А нельзя было сделать что-то типа режима "всплытие"? - спросил я, когда выплыл на поверхность водоёма.

- Это ты о чём? - спросил меня Громозека, стоящий в начищенных сапогах прямо на воде у моего носа, аки Иисус Христос.

- И ты здесь?

- А где мне быть? В ту штуку прозрачную я попасть не смог. Дико любопытно - что там.

- Сам ничего не видел. Всё время пролежал взаперти.

- Я вижу - тебя подлатали. Везучий же ты. Как у кошки - девять жизней.

- Это - да. А где немцы?

- Кто его знает? Тут когда ты исчез с этим паралитиком, немцев набежало! Даже танки пригнали. Ничего! А через три дня - как жахнуло!

Я вышел на берег. Так и знал - голый. Только трусы из какого-то эластичного шелковистого материала. Трусы, кстати, почти мгновенно высохли. С интересом осмотрел свои руки-ноги. Остались только шрамы. Рука работала, как новая. На левой - все пальцы целые. Потрогал ухо - полное. В смысле - комплект. Прямо, как после капремонта.

- Эй, Бася! - крикнул я.

- Это кто? - спросил Громозека.

- Ещё один глюк в моей башке. Сейчас молчит. Слушай, душара, а ты только по воде ходить умеешь, как поплавок, или и занырнуть можешь?

- Могу. И занырнуть.

- Ну, так иди. Погляди, откуда это я выплыл? И что там ценного можно экспроприировать?

Громозека пошёл, шаг за шагом погружаясь в воду. Вода, кстати, никак на него не реагировала. Не было Громозеки. Ложки - не существует.

- А ты меня слышишь? - спросил я. Мысленно.

- Ага.

- Круто. Ну, рассказывай тогда, как жахнуло?

- Я пройти к тебе не мог, но чувствовал, где ты. Ждал. А потом ты стал удаляться вверх. Потом ты стал удаляться вбок. Я - за тобой. А там потом какое-то светопредставление началось. В небо как будто кто-то кляксу чёрную посадил. Она росла, потом полыхнула красным, потом фиолетовым. Взрыв был просто чудовищный. Весь лес лёг. Немцев по земле всех размазало. Даже меня в землю забило. Казалось, горел воздух. А деревья - не горели. Я видел, как чёрная молния прорезала небо и опять шарахнуло. Ещё сильнее.

- Тебя же в землю забило?
- Что мне выбраться? Не отвлекай. А рыбы меня бояться. Странно.
- Ты сам не отвлекайся.
- Вот после чёрной молнии посыпался метеоритный дождь. Вот тогда стало страшно. Ад разверзся.

Я подпрыгнул.

- Обломки посыпались? Сколько, каких размеров? На какой площади?
- Откуда ж я знаю? Одно знаю - плохие это обломки. Нельзя к ним приближаться. Плохие они.

- Что значит - плохие? Радиация?

- Не знаю. Это как мины. Я тебе говорил, что умел мины чувствовать? Знал, куда нельзя наступать, что нельзя трогать. Чувствовал. Так вот и это. Даже мне сейчас - нельзя. Плохие они. И каждый - разный. Около одних воздух жгутами крутится, другие к себе всё тянут, а потом то, что подтащили - исчезает. Большая часть заражённых мест так и делает - в них всё исчезает.

- Аномалии. Вот тебе и Зона. Вот тебе и Сталкер. Артефакты, кровососы. Ежаны! Немцы чё?

- На них и смотрел. Каких в кровавую пыль развеивало, какие исчезали, какие в воздухе растворялись. Какие успевали поорать, какие - не успевали. Вот он. Яйцо размером с Эмку. Большой люк открыт. Там - ложе, повторяет форму тела. Лампочки маленькие горят ярко. О, багажник. Отсек пустотный. Тоже открыт. В нём - ящик необычный. И нож. Чёрный. Остальное забито оборудованием непонятным. Ничего взять не могу, сам понимаешь.

- Всплывай вертикально вверх. На тебя сориентируюсь.

Громозека, как баллистическая ракета с подводного пуска, взлетел над водой и встал на глади озера, как на паркете. М-да. Ему-то хорошо. А мне - опять в холодную воду лезть! Иэ-ее-х! Стиснуть зубы, напрячь фаберже, впередэ!

Только нырнул, появился перед глазами прямо в воде слегка подсвеченный тоннель. Ага, понятно, у Баси зона доступа маленькая. Вот и капсула. Правда - яйцо. Вот и люк отсутствующий. А где багажник? Ага, Бася услужливо подсветил контур.

Ящик-контейнер. Пиктограммы прямо в воде. Вот эта, что пульсирует? Нажимаем. Освобождаются захваты. Ага, нож. Просто штык-нож. Берём. А то у меня даже пистолетика теперь нет. Буду, как Конан, с колюще-режущим геройствовать. Ящик на вид - тяжёлый. Но, ящик как-то сам отрастил жесткие лямки, превращаясь в рюкзак. Закинул на спину. Всё

одно - не всплыть. В воде рюкзак тяжелый, а из воды когда достану?

Ё! Это же аппарат! Он должен уметь двигаться. Ну-ка! Всплывай, грёбаное корыто! Не хочет. Почему? Бася?

- У Вас нет права руководства капсулой.

- А у тебя?

- Есть.

Ха-ха. Какие же вы железки тупые.

- Бася! Прикажи этой капсуле нас доставить на берег.

- Противоречит команде более высокого приоритета.

- И в чём заключается команда более высокого приоритета?

- Обеспечить сохранение жизни и высадку пассажира, консервация.

- Я - задыхаюсь. Если этот аппарат меня не доставит на берег - я утону!

В глазах стало темнеть - в лёгких кончился кислород. Я вплыл обратно в капсулу, намертво уцепился в рюкзак и нож. Давай, железяка, соображай быстрее.

Вот так-то! Я стоял по колено в воде у берега, нож в руке, рюкзак за спиной. Матовое чёрное яйцо полностью заделало все отверстия, сползло обратно в воду.

- Бася, а ты на каких платах обитаешь? В капсуле?

- Да.

- Ты теперь нас покинешь?

- Нет. Мои вычислительные мощности сократились.

- Ты в рюкзаке?

- Да.

- Значит, пришло время вскрывать подарки.

Дары "богов"

Комплекс для работы в среде с агрессивностью "А". Именно так этот аварийно-спасательный боевой скафандр и называется. "А" - значит отсутствие агрессивности. Второго поколения скафандр. С чистым, девственным искусственным интеллектом. ИИ - это Бася. Самообучающийся. Комплекс - это костюм Железного Человека. Не, не агрессивная среда - шлем, жёсткий нагрудник, наручни, поножи, экзоскелет, встроенный ИИ, огнемёт, гаусс-пушка, плазменная пушка. Это не для агрессивной среды. А для агрессивной среды тогда какие?

Вот это подарок, так подарок!

Но, Пяткин подстраховался - в энергоконтуре только 4,67% запаса ёмкости, огнемёт - полон, но к электромагнитному ускорителю только 50 шариков, а плазмобой прямо зависит от энергоёмкости. А там - 4,67%. Так

что, побаловаться - хватит, а мир завоевать - обломись! Спички детям - не игрушка.

Кстати, на любом другом существе, кроме меня комплекс не больше чем груда чешуек непонятного материала. Всё управляется через тактико-баллистический вычислитель, а Бася - через нейросеть, которая вживлена только у меня. Кроме того, после "запечатления", т.е. синхронизации Баси и меня, Бася больше не будет работать ни с кем, кроме меня. до полной замены ИИ. Который интегрирован. Такая вот противоугонка.

Перестраховался Пятачок, но не учёл, что мы обязательно разберём все его подарки на запчасти и будем изучать. Одним этим мы двинем науку на следующую ступень. Или немцы это сделают, если им попадут образцы. Одним словом - не дружит Пятачок с логикой. А также с последовательностью и целесообразностью. А рядом отдыхают дисциплина и принципиальность. И почему люди думают, что пришельцы будут прямо сверхразвитые безупречные существа, как живые боги? Такие же они несовершенные и не постоянные, как и люди на Земле. Сначала - "самого не отпускаю", а потом такой подгон делает. Прямо "дары богов"!

Костюм очень интересный. При отсутствии угрозы он похож на костюм для подводного плавания - мягкий, эластичный, облегающий. Тёплый. Из несоответствующего водолазке - наручни с интегрированным оружием - левая рука - огнемёт, правая - ускоритель. Типа - пулемёт. Нагрудник на первый взгляд похожий на облегающую короткую жилетку из толстой жёсткой кожи. Мнётся довольно легко. Не в боевом режиме. Шлем выползает на голову из обруча на шее. И рюкзак за плечами. Плазмобой, кстати, выскакивает из рюкзака, сидит на правом плече турелью.

Если комплекс перевести в режим "0", то есть - "нуль", то поверх него можно нацепить обычную одежду. Рюкзак только не спрячешь. Но, можно и без него. Там только плазмобой. И емкости хранения. Сейчас - пустые.

А есть ещё режим мимики. Это когда ты становишься как Хищник из одноимённого фильма.

В боевом режиме комплекс значительно наращивает свою толщину и жёсткость, "шлем" не снимается, "забрало" не убирается, весь комплекс покрывается чешуйками различного размера и толщины.

Про экзоскелет. Я думал, что это должен быть набор трубок допскелета и искусственных мышц, гидравлических насосов или ещё как-то. Оказалось - экзоскелет комплекса - это набор внешних искусственных усилителей. Внешних, значит не моих, а самого костюма. Незаметный и неоощуцаемый. Одно название, словом. Ну как можно уместить и броню, усилители в 5-8 мм материала? Ладно, 10 мм. Не может быть.

Одел всё, покрутился, переводя комплекс в разные режимы, "поигрался" с функционалом.

Да, нож. С виду - просто штык-нож необычного чёрного цвета фиолетово-бардовыми оттенками. Но, при мысленной моей команде нож включал режим "Вибро". Не тот, что на мобиле. Нет. Нож становился виброклинком. Вибрация была такой частоты, что не ощущалась. Но, нож резал стволы деревьев, как меч джедаев. Нож проходил сквозь ствол дуба, как сквозь столб дыма. Сам себе ноги отрежешь, не почувешь. Чем не световой клинок? Теперь - я точно джедай!

- Наигрался? - спросил Громозека.

- Ну?

- Домой пойдём?

- Пойдём. А где он, дом?

Красив осенний лес. Да-да, иду лесами да зарослями. Оврагами да перелесками. В Комплексе идти одно удовольствие - тепло, сухо, Бася и Громозека пасут окрестности. Хотя, Громозека больше языком трепет, если это выражение применимо к призракам. А Бася не умеет волынить и сачковать - железака, пусть пашет.

Бася сканировал округу самыми разными видами локации. Обычное видеонаблюдение, как моими глазами, так и камерами шлема, что я надел ввиду удобства, инфракрасное, рентгеновское, которое Бася называет изотропным, ультразвуковым, каким-то пульсирующим. Интересно было смотреть на мир всеми этими видами зрения. И каждым отдельно, а особо - всеми разом, когда на обычное моё зрение накладывался рентгеновский снимок, тепловые отметки и волна пульсара, как у летучих мышей. Кстати, Бася Громозеку в упор не видел и не слышал. А я - видел. И в шлеме - тоже. Особо гротескно смотрелся цветной Громозека при включенном изотропном видении. Как наложенное в фотожабе цветное изображение на чёрно-белое старое фото.

Мы шли, беседовали. Бася в беседе не участвовал - тут я ему, самообучающемуся, арбуз закатил - он думал как сделать так, чтобы и со снятым шлемом я видел так же, как в шлеме, теми же видами зрения. В качестве отправной точки оттолкнулся на слова Пяткина "индуцирую прямо на нерв". Вот и пусть думает. И сканирует радиоэфир. С него станет. Мощностей арифмометра хватит.

- Хорошо идти по белу свету, с карамелькой за щекою. И ещё одну для друга... - пропел я детскую песенку Фунтика.

- Что это?

- Наваяло. Из детства. Продолжим?

- Ну почему ты не хочешь тут остаться? С таким оборудованием мы тут славно бы попартизанили!

- Согласен с вами, коллега. Но, войны партизаны не выигрывают.

- Ну, во-первых, тебе войн не выигрывать, а во-вторых, сам же знаешь, чего стоит один человек с пулемётом в нужное время в нужном месте, вот!

- Знаю. Но, неправильно это как-то.

- Что неправильно?

- Тут отсиживаться. К своим идти надо.

- Ты броню сдавать будешь?

- Нет, конечно!

- Без неё будешь выходить?

- Ну, да.

- Прятать? А немцы найдут?

Я пожал плечами.

- Не вариант, - подвёл итог призрак.

- Согласен.

- Вот вышел ты, а дальше? Представишься каким именем? Может ты теперь Тонни Старк? Или как там на наш манер - Антон Стариков? Или просто и незатейливо - Дарт Вейдер! А?

- Слушай, а откуда ты про Старка знаешь? Ладно, Вейдера я вам описал прошлый раз, но Старк?

- Чудной ты! Я же твой глюк. Всё, что знаешь ты, знаю я.

- Кто был первым президентом СССР?

- Он же последний. Меченный.

- М-да. А может, тебя и правда - нет. Ложки не существует. И Бася тебя не видит. Я сам с собой хожу тут, общаюсь, как дурак.

- А кто ж ты есть? - рассмеялся Громозека, - ты ведь собрался под имеющейся легендой выходить? Под трибунал остро захотелось?

- Нет, душара, не захотелось. Но, понимаешь, чувствую я, что надо сделать именно так. Иррациональное, но очень сильное чутьё.

- И расстреляют тебя. А давай так и выйдем - в броне, с плазмоганом, сразу всем - по сопаткам, я, мол, Медведь, стоять - бояться!

Я рассмеялся. Очень живо всё это представил.

- А потом что?

- Найдём способ подзарядки батареек и будем крошить немцев миксером в мелкую взвесь.

- А ты не думал, что будет дальше. Ты не помнишь, что началось, когда Старк объявил, что он - Железный Человек?

- И что же необычного началось?

- Не помнишь. Ладно, давай смоделируем ситуёвину. Имеется некая держава, где в результате "господских" "игр престолов" власть случайно захватили какие-то гопники, полубандитского прошлого. Эти гопники сумели поставить под свой контроль и удержать за собой огромные территории, огромные ресурсы и расположить к себе законопослушное, ну, плюс-минус, трудолюбивое, боевитое население. И стали эти гопники декларировать лозунги, от которых тяговые рабы цивилизованных господ возбуждаются и начинают волноваться. Так, глядишь, господам придётся самим работать, а не властвовать. Надо раздавить этих гопников, пока не стало поздно! И, прикинь, - не получилось! Тупое быдло так прониклось лозунгами гопников, что перемножили на ноль все экспедиционные корпуса господ.

- И тут такое началось! Весь мир бурлит, клоочет. Господа закрутились, как караси на сковороде. Им пришлось сильно постараться, предотвращая повторения сценария в своих удельных вотчинах. На что только они не пошли! Всё было пущено в ход - ложь, убийства, закрепощение народов, замена общественного строя на полицейское государство, огромные расходы на установление полного контроля над средствами массовой информации, вынужденное объединение господ меж собой перед лицом общей угрозы. Даже на введение видимости народовластия они пошли. Они смирились с невозможностью заниматься управлением публично, ввели институт марионеточных правителей. Представляешь, какие движухи им пришлось заворачивать? Представляешь, каково им пришлось? Как это было сложно, долго и дорого?

- Представил - жуть!

- И вот у них родился план. Долгосрочный, тайный и жутко затратный. Но, план должен был раз и навсегда покончить со всяким вольнодумством. Загнать тяговых рабов в стойла, надеть им на глаза шоры, и получать блага - больше не напрягаясь.

- И как такое возможно?

- План обширный, подробный и поэтапный. Один из ключевых фрагментов - уничтожение государства гопников, истощение их непокорного своенравного народа, опровержение, опорочивание и уничтожение идей и лозунгов гопников, раз и навсегда должно быть доказано, что лозунги их - нежизнеспособная блаж. Которая обязана быть предана забвению. Им надо доказать, что социальное государство - невозможно. А коммунизм - вообще - запрещённое слово и понятие!

Стоящее на одной полке с фашизмом и нацизмом. Подожди вякать, дослушай!

- Как подобное можно сделать? Клин клином вышибают. Выбор пал на исторических антагонистов народа гопников. Был создан лидер, было создано общественное явление - полное зеркальное отражение общественного устройства гопников. Те же флаги, те же лозунги - противоположные цели. Естественно, противоположности обязаны были схлестнуться. Они не смогли не схлестнуться - цивилизационный спор этих народов, каждый из которых потенциально мог стать ведущим на континенте, не пришёл ещё к развязке. Не выковалось в пламени споров и битв единое понимание цивилизационного пути для этих народов. Общего пути.

- Общего? Думаешь, будет общим будущее?

- Считаю - это историческая неизбежность. Мы слишком одинаковые. Как братья. С тех пор, как они отпочковались от народа, славящего Рода, онемели к его, Рода, заветам, они пытаются доказать, что именно их путь - верный. И славящие частенько соглашаются. Но, чаще бьются в кровь, пытаюсь образумить онемевших.

- Но, в спор влезли "господа" со своим шкурным интересом. В вековой конфликт было подкинута ресурсов, пламя полыхнуло. Господам остаётся только ждать взаимного ослабления сторон. Им не нужна победа никого из них. Им нужно взаимное истребление этих народов и забвение темы их спора. А именно - никакой исход противостояния их не устраивает. У дерущихся - своя видимость устройства мира, противоположная видению "господ". Потому они вливают деньги в онемевших и тут же поставляют оружие славящим.

- Согласен. Теперь вернёмся к нам. Ты накидал фон, переходи к главной композиции картины.

- И тут появляется у кого-то из спорящих что-то, что принципиально может завершить спор сторон, после чего обе стороны спросят с "господ" за вековое сталкивание их лбами.

- И что же это может быть?

- Возможность победить "господ".

- Говори прямо, хватит тут сказки сказывать.

- Амеры и англы до 44-го года решали только свои узкие шкурные интересы - установление контроля над Средиземьем, контроль проливов, транспортных и информационных коммуникаций. Но, онемевшие вдруг оказались на пороге открытия способа деления ядра. И господа обрушили всё, что у них было, на онемевших. Уже на полном серьёзе. Потом должна

была наступить очередь гопников и их славящего народа.

- Опять ты кружева плетёшь. Мы-то при чём?

- А если появляется вдруг Железный Человек, способный в одиночку перемалывать танковые дивизии и останавливать воздушные армады?

- А, кажется, понимаю.

- Если через месяц Гитлеру, а не нам, начнут поставки сотен танков в месяц, если у немцев станет вдоволь ресурсов, если амеры, новозеландцы и австралийцы высадутся не в Нормандии, а во Владивостоке? А Роммель совместно с Монтгомери перестанут крошить друг друга, а перевалятся через Кавказ и лишат нас Баку и нефти? Если летающие крепости не немецкий промышленный потенциал будут перемалывать, а наш?

Я пнул попавшуюся на пути гнилую корягу.

- Это самый страшный мой кошмар. Если бы Кельшу не удалось предотвратить раскол наших лидеров, не удалось бы предотвратить утечку данных, это стало бы реальностью. Они могли пойти на временный союз с Гитлером из страха перед информацией из будущего, технологий будущего, перед призраком могущества Союза. На что они пойдут когда увидят это явно? Когда козыри в их руках превратятся в битые шестёрки? Когда игра пойдёт не по их правилам, а непредсказуемо для них? С непредсказуемым результатом? Когда вместо такого желанного результата реализации их плана вдруг замаячит "Светлое Будущее" Родичей, в котором паразитам просто не предусмотрено места? Как властвовать, если воздаётся всем только по делам его? Как рулить, когда обмануть никого не удаётся? На что они пойдут ради собственного выживания?

- На всё.

- Точно. И во что превратиться этот, и без того не самый прекрасный мир, в результате? Ты видел мир Голума? Ты видел то людоедство? Это были цветочки. А на что пойдут наши столоначальники, когда встанет вопрос о моей выдаче? На что должен буду пойти я, чтобы не допустить попадания к "господам" себя, моих знаний, этого костюма?

- Хм-м... Тоже - на всё?

- А оно мне надо? Я не уверен, что смогу сделать всё оптимально верно. Я - не Сталин.

- И что делать?

- Не знаю. В том то и беда - не знаю. Одно знаю - мне больше нельзя "светиться". Нет больше Медведя. Нет больше сундука Кощея. И футуристических раздражителей. Будет рядовой пехотный Ваня. И будет он преумножать энтропию собственными ручками.

- Как ты думаешь, в этом твоё предназначение? Для этого тебя сюда

послал Голос?

- Ну и тварь же ты! - в ярости заорал я, активируя огнемёт, заливая напалмом Громозеку. Конечно, бесполезно! Что делает огонь нематериальной сущности? Но, этот глюк упоротый задел самое болезненное, с размаха пнув в самое уязвимое место моих размышлизмов.

Рус партизанен

Поток пламени резко оборвался, прерываемый Басей. Костюм мой перешёл в боевой режим, активируя мимикрию. Пигменты чешуек поменяли окрас, проецируя изображение которое моё тело блокировало. То есть, если я стоял спиной к дереву, то на груди моей рисовалось дерево. И, соответственно, наоборот - на спине и рюкзаке была изображена палитра вида впереди.

- В чём дело? - не понял я.

Изображение в моих глазах поплыло. Зум. Вот это зум! Соответственно, поплыл и звук. Ага! Дорога! И конвой серых грузовиков немцев. И что? А-а! Бася мне стал обводить жёлтыми контурами фигурки людей, что залегли в траве, кустах, засели на ветвях осыпающихся деревьев.

- Слышь, Громозека, партизаны. Да, Бася, ты верно обвел их жёлтым. Ты поразительно сообразительная железяка. А вот те, в серой форме - однозначно - красные. И будут в нас стрелять при любом раскладе. Да-да, так лучше. А что, тепловизор на таком расстоянии не работает? Жаль. Ну, пойдём поближе. А то что-то мне подсказывает, что у ребят проблемы с арифметикой. Очень зря они решились на бой с таким соотношением сил.

- Они не знают о том, что в одном из грузовиков не ящики, а солдаты, - сказал Громозека.

- Сгинь, тварь! Видеть тебя не желаю!

Интересно смотреть на бой со стороны. Я не вмешивался, просто смотрел, Бася - учился. Правда, интересно. Бася мне подсвечивал цели - врагов, потенциальных союзников, я видел их скелеты, видел тепловые отпечатки их тел, видел траектории полётов их пуль, по этой траектории, по звуковому "пульсару" определял местоположение стрелков. Не война, а компьютерная навороченная стрелялка.

Я поднял руку с метателем. Ага, вот и прицел пополз прямо по лесу. А вот это - прицел плазмогана? Он самонаводящийся, оказывается. А скорострельность? Зависит от мощности импульса. На мощности, "чтобы танк сжечь" - 6 выстрелов в минуту. Чтобы человека убить без брони - 15 выстрелов в минуту. Вот так вот. Я представил, какой будет футушок у всех, когда по лесу полетят раскаленные до состояния плазмы боевые

частицы.

Меж тем, дела партизан совсем скисли. Им удалось наглухо остудить только четверых хивиков, стреляя очень экономно и редко. Ну, что это за боец, который жмёт патроны? У партизан был и дектябрь, но он стучал вообще скудно, редко, очередями по 3-4 патрона.

А вот предатели и немцы патронов не жалели. Немцы закончили высадку из грузовика, развернули пулемёт.

Вот и первые потери партизан - бородатый боец в гражданском черном пальто уронил голову на руки. Ручеёк тепла вытекал из него на землю. Осталось трое.

А немцы разделились. Пока пулемёт гансов не давал партизанам головы поднять, два отряда, в каждом по отделению, пошли в обход партизан. Всё, пипец котёнку!

Неужели я спокойно буду на это смотреть? Невмешательство? Я?

Ща-а-аз-з-з!

Виброклинок перерубает поясницу пулемётчика. Пулемёт затыкается. Нож вонзается прямо меж удивлённых глаз второго номера. Голова лопаётся, как арбуз перезревший. Зацепив пулемёт и ленту, мощным прыжком, усиленным экзоскелетом, ухожу за орешник. И прямо в группу серомышинных немцев. Один из фланговых отрядов, что должен произвести охват партизан. Бася помогает мне быть метким и быстрым. Очень быстрым. Без единого выстрела расчлененные тела немцев падают на землю. Пара секунд - и нет отделения немцев. А есть - двор скотобойни. Кровь на комплексе, кстати, не держится, скатывается, как с гуся вода. Подбираю пулемёт, прыгаю дальше.

4,63%. Не, лучше больше не прыгать. Батарейка сядет, что буду делать?

Замешательство среди моих противников. Да-да! Вот такая вундервафля тут вас навестила! Пушистый северный зверёк ей созвучен.

Бася мне даёт подсказки - красные силуэты немцев чуть опережают изображение тел немцев. Ага! Надо целиться на опережение? Да, ладно, Бася! Это же не истребители. Не успеют от пули убежать - умрут уставшими. Стреляю из МГ-34 с коленного упора. По два патрона на цель. Все - попадания. Не бой, а игрушка.

Пульсар показывает отсутствие сердцебиения у всех целей. К сожалению, и у двоих партизан - тоже.

И обильное кровотечение ещё у одного. Да, немцы тут гранаты применяли. Один - с осколочными ранениями накрыл телом тщедушного бойца. Переворачиваю раненого, деактивирую шлем и перчатки, они

стекают в образующиеся утолщения на запястьях и шее.

Я уже успел прошмонать пару тел немцев в поисках перевязочных средств, когда увидел в тепловизоре горящие жаром крови раны. Стал бинтовать.

- Дядя, а вы наш? - испугано спросил мальчишка. Тщедушный боец оказался не бойцом, а мальчиком 10-14 лет.

- Нет, я свой собственный, - ответил я.

- А вы за нас или за немцев? - опять спросил он, судорожно тиская гранату.

- Ты колотушку-то отложи, подорвёшься ненароком. Как ты думаешь, если бы я был за немцев, стал бы я их убивать, а вам помогать?

- Я не знаю, - ответил мальчишка и вдруг разревелся. Вот так вот! Отпустило парня и сразу потёк. Да, пусть проорётся.

- Ты как? - спросил я у очнувшегося раненного, что тщетно притворялся бессознательным.

Мой пульсар - не обманешь. А Бася нашёл, как показывать мне боевые режимы видения без шлема. Говорит, наноботы в моей крови закончили постройку каких-то необходимых интерфейсов. Вот так вот - оказывается у меня в крови ещё и наноботы живут. Заодно узнал, что форсирование скелетно-мышечных тканей находится на 78%. Это ещё что такое? Ладно, потом объяснишь. У меня и так от твоих запредельнотехнологичных фенечек голова кругом идёт. Футушок меня не отпускает.

- Идти ты не сможешь, пацан тебя тоже не дотащит. А скоро тут может к немцам подкрепление подойти. Как будешь выкручиваться? Героически помирать? У тебя в диске сколько? Патронов 17 осталось?

- Я не сдамся! - прохрипел партизан.

- Это похвально. Только, умереть каждый умеет. Надо заставить умирать врага - вот что ценно. Ладно, ты лежи, отдохни, я пойду по трофеям прошвырнусь. Боезапас и жрачка лишними не бывают.

- А ты кто? - спросил он меня в спину. Комплекс после деактивации шлема обрел цвет хаки принятого РККА оттенка.

- Осназ ГРУ. Слышал? - ответил я. Когда несешь пургу - неси её уверенно.

- Слышал, - ответил партизан.

Ну - вот. Прокатило.

- Здравия желаю, товарищ командир партизанского отряда. Вот, бойцов ваших подобрал. Попали они, как кур в оцип.

Музей восковых фигур. Ну и что, что я притащил сюда грузовик? Он

же завёлся? И что, что в кузове - трофеи? Бывает. А вот лагерь вы организовали - грамотно. На мой непрофессиональный взгляд юзера. И довольно толково тепловые отметки расположились на огневых вокруг меня. Не простофили в этом отряде, что не может не радовать.

- Я тут наследил, так что - разгружайте машину и в путь! Это место по колее выследят. Ваш человек ранен сильно, спешил.

Командир прокашлялся, стуча себя в грудь кулаком, спросил осипшим голосом:

- А ты кто?

- Осназ. Звание - засекречено, состав группы - засекречено, принадлежность - засекречено, задание - ну, ты догадался, - засекречено. Уровень секретности - "перед прочтением - сжечь!" Так, что - пока! Удачи!

- Подожди! Что так сразу?

- Ну, так время - оно не за нас. Оно всегда - за немцев. И вам настоятельно советую поспешить. Думаю, что потеря трёх десятков солдат должна немцев сильно разозлить.

- Да подожди ты! Давай с нами, поговорим хоть!

- Извини, командир. Я и так с этими твоими недотёпами из графика выбился, бывай!

Я крепко сжал ему руку. Так крепко, что он поморщился. Бася так посоветовал. Так командир не заметил укола, которым ему в тело была введена изотопная метка.

- Я найду тебя, если что, - пообещал я командиру и побежал по колее обратно с пулемётом наперевес. Если есть погоня - я её желаю встретить.

Уж очень мне понравилось стрелять с помощью Баси. Прямо, кайф!

- Почему не остались в партизанском отряде? - спросил горестный особист.

- К своим хотел.

- К каким "своим"?

- Ну, к вам, например.

- А партизаны - не свои?

- Свои. Но, мне надо было к регулярным частям. Имя своё обелять. Я же в плену был. Я - враг народа. Должен искупить. Да и родные теперь получили "пропал без вести". И паёк им не положен. Какой паёк родителям и родным врага народа? А так - убьют, но реабилитированного бойца Красной Армии, а не безвестного бородача в болоте. И родным паёк будет положен, как сиротам.

Особист и лётчик переглянулись.

- Есть резон, - сказал летун.

- После этого вышли на нас? Без приключений?
- Нет. Встретил ещё группу бойцов, что из окружения пробивались.
- Из окружения? В тех местах? Это как их туда занесло?
- Не могу знать.
- Может, это тоже ловушка немцев была?

- Я тоже так подумал сначала. Всякий люд там собрался. Но, основной костяк - наши люди! Решил им помочь.

Особист и летун опять переглянулись. Особист так же скорбно, летун усмехнулся моей самонадеянности. Ну-ну.

Уже вечер, спать пора. Из всех почитателей моего таланта в разговорном жанре остались только эти двое. Особист уже давно ничего не пишет, просто слушает. Летун оглушительно зевает. Может, "ждите ответа в следующей серии"? Нет? Ну, кто при должности, тот и заказывает музыку. Слушайте подправленную цензурой версию. А я вспомню и вздрогну - как на самом деле было. Я ж ведь как Цезарь теперь, салат, тьфу, говорю одно - думаю другое. Делаю - третье. И всех вас имею. В виду.

Патруль времени

Бася опять засёк интенсивный радиообмен. Я заранее обхожу такие места. Кто может трепаться тут в эфир? Только немцы. А раз есть радиообмен - немцев много. Оно мне надо? Всех не перебеешь в одно лицо. Оно треснет. Лицо. Один в поле не воин.

И так еле-еле оторвался от них. И даже не знаю, удалось мне отвести погоню от партизан? Перебьют их, как курят. Что-то не слышал, чтобы в 42-м партизаны были крутыми. В 44-м - да. Особенно отличился старичёк один в колпаке. Фамилия у него такая - Колпак? Или радиопозывной? Вот, не помню. Но крут! Сделал рейд почёта по Украине и пошёл в набег на Карпаты. Как Гендальф, прямо, провёл своё братство по кольцу.

А я проредил "делегацию возмездия" немцев, отвлёл их на себя, утащил в сторону. 57 - столько сейчас числится за мной остывших немцев на счётчике в кремниевой (или какая там у него?) памяти Баси. А когда решил, что достаточно увёл их, достаточно времени в салочки с ними поиграл, достаточно для сворачивания лагеря партизан, просто убежал. В этом комплексе я бегаю так, что самый резвый гепард похудеет, если увидит.

Бася прослушивает переговоры. Но, он немецкого ещё не выучил, я - и не знал. Но, в этот раз эфир нёс не пёсий лай немцев, а русский мат.

Наши! Как? Хивики? Кто ж им радио даст-то? Может, это осназ тут свои делишки проворачивает? А что так громко? Как говоришь? Плавающие шифрованные частоты? Опа-па! Технология эта в данный

момент - недоступна!

Пойду-ка я одним глазком посмотрю, каким оттенком кричневого это дерьмо воняет.

Вот же я везучий! Как не попаду к немцам в тыл - так попаданцы толпами бродят. И все на наш редут!

Бася, ты тут хвалился, что умеешь работать потоками. Ну-ка, загрузи-ка один из потоков такой задачей: какое имеет отношение Пяткин к этой прорве попаданцев? Не он ли, а точнее, его межзвёздный пипелац, и является причиной такого кавардака в пространственно-временном континууме?

Кто-то крыл матом какого-то Сугроба. Вообще-то было время, когда этот позывной был намертво приклеен к начальникам штабов. Или будет это время. Или не будет. Ох уж эти петли времени!

Так, ответ Сугроба подтверждает, что он - наш человек. Если перевести с армейского на обычный, то Сугроб сам глубоко удивлён происходящим, не понимает что происходит, но уверен, что виноваты девушки облегчённого поведения из штабов, существа неправильной половой ориентации из столицы и какие-то в жестокой форме изнасилованные ватные телогрейки и колорадский паразит, поедатель картошки. Фух! А на армейском - короче получается. Да, уж, армейский командный - намного информативнее и доходчивее. Понятно, что бардак, одно не понял - фуфайки при чём? По жуку полосатому - вопросов нет - та ещё зараза.

Бася подобрал отмычки к плавающим частотам - теперь я и их слышал. Эти во всём винили обдолбившихся наркоты нациков и пендосов. Наши! Так же горячо любят граждан самого угнетённого демократией союза американских государств. И панически искали на разных частотах разные радиопозывные.

Связь пропала, ребята? Начальство - не абонент? Бывает!

Так Бася, поднапрягись - как там наши горячо любимые любители шнапса отреагировали на пробой времени? Не заметили? Да ты чё? Во, блин! А где знаменитый немецкий, как там они "ордунг"? Устал уже удивляться стойкости этого мифа.

Ах, они все на ушах стоят от новой Чернобыльской Зоны? Ещё не догадались, что она - Зона Отчуждения? Продолжают эксперименты? Ну-ну! Как там говорил Пяткин: "Вес становится длиной, а скорость - временем". Было в тебе 80кг, стало - 80 км/ч. Ха! А артефакты будут? А то без артефактов Зона - бесполезна. Вот кончится война - в сталкеры подамся, пусть меня научат.

Ух, ни хе-хе! Да у них с собой бронетехника! Блин, это - хохлы! Ну, правильно. Тут с 91-го - незалежная. Всё никак не знает, под кого залечь. Их жёлто-блатные шильдики. Или жёпно-блакитные? Не помню. Ладно, у местных спрошу. Сугроб, ты тоже хохол?

Два БМД и один БТР с жёлто-голубыми отметками на борту, 27 человек пехоты блокировали в развалинах здания котельной группу из 12 человек. Именно блокированные запрашивали помощь по плавающим шифрованным частотам. А что они не поделили меж собой?

Я запрыгнул на остатки крыши котельной - плевать на батарею. Тут анадьсь Бася меня обрадовал, когда вытянул из аккумуляторов немецких грузовиков заряд. Бесконтактным способом. Правда, заряда этого было! Счётчик не пошатнулся. Надо просто найти какую-нибудь АЭС (ха-ха!), подключиться к ней на пару лет и подзарядиться на пару десятков процентов. Всего-то делов! После долгих уговоров, Бася согласился на ДнепроГЭС. И то - радость. Правда, её еще отбить надо у немцев и восстановить. Но - это же мелочи, недостойные внимания.

Ой, какие мы интересные! Два тела в натовской форме - связаны. Один в пиксельной - погибает от полостного ранения в живот. А самая беда - этот с животом и есть командир группы. И у него - триколор на рукаве. Это значит он - РФ. А у остальных какая-то солянка сборная - и эмблемы ВДВ, морпехов, у большинства тот же триколор, но вместо белой полосы - чёрная. Русские анархисты?

Чё происходит? Что-то я вообще ничего не понимаю. Хохлы блокировали каких-то странных русских, все вооружены до бровей, видно, что не салаги - больно уж экипировка у всех индивидуально подобранная. Это откуда же вы свалились на мою больную голову? Из каких таких параллелей? Это когда русские и хохлы стрелять друг в друга начали? Чё за бред! Опять Гражданская? И батяня Махно тут мимо не скачет на тачанках?

А мужик-то - помирает. Они что, на прорыв собрались? А те - встречать? И они будут убивать друг друга! Брат - брата? Нах!

- Нах! Стоять, нах! Всем оставаться на местах! - заревел я разом на всех частотах, что хакнул Бася, да ещё и динамиками комплекса (ага, есть, оказывается, такие), - всем опустить оружие! Неповиновение - уничтожение!

Замерли. Но, больше от удивления.

- А ты чьих будешь, прыткий такой? - спросил Сугроб. Не в эфир. Так проорал. Глоткой лужёной.

- Осназ НКВД! Командир группы особого назначения подполковник Кузьмин. Радиопозывной - Медведь. Всем прекратить страдать хернёй! Вы

чѐ, не поняли ещё, дятлы обдолбанные? Это 1942 год! Вы находитесь на территории, занятой войсками Вермахта! Вы чего тут фестиваль устроили? Всем перейти на радиомолчание! Всем подобрать всё имущество! Я не допущу попадания в руки врага образцов оружия и технологий иного времени! Я понятно объясняю? Непонятливых - буду судить по законам военного времени! Немедленно и на месте!

Я встал на край крыши и деактивировал шлем, с сопутствующим снятием режима мимикрии.

- Патруль времени, кули! - улыбнулся я ошарашенным лицам внизу.

Завершающее отступление.

Совещание высшего руководства страны, ведущей войну на выживание, подходило к завершению. Все устали, потихоньку расслаблялись, складывали подготовленные справки в папки.

- Что там по полковнику Кузьмину? - спросил вдруг хозяин кабинета, загроужая в трубку новый табак.

Складывание бумажек прекратилось. Заинтересованные взгляды обратились на Наркома. Но, встал не он, а его помощник. Стал докладывать. Про ставшего очень популярным, растиражированного газетами полковника слышали многие, но не многие знали, что дело командира первой механизированной бригады нового образца находится на таком уровне контроля. И были удивлены, что для захвата места гибели этого, пусть и проявившего себя, но всё же - полковника, были привлечены такие ресурсы. Тем более, что звание Кузьмину было присвоено только за сутки до гибели и новоиспечённый полковник его просто не мог увидеть, да и узнать о нём не мог - он был в полном окружении, при прорыве которого и погиб геройски. Не геройски? Ого, какие подробности! Отряд осназа фактически выкрал полковника, а нарвавшись на противника произвёл ликвидацию усыпленного Кузьмина. Некрасиво. Некрасиво.

Кому-то придётся ответить за такую грубую ошибку.

Встал всесильный нарком. По сильному кавказскому акценту, появившемуся в речи наркома, присутствующие догадались, что он сильно взволнован. Ещё бы - глаза Хозяина метали рыжие молнии. Нарком взял всю вину на себя! Что-то невероятное происходит сейчас в этом кабинете.

Хозяин долго, молча, ходил вдоль стола, мимо вытянувшего в струнку наркома. Все присутствующие уже хорошо успели изучить Хозяина, видели, что он находится в бешенстве. Пытается справиться со своим южным темпераментом.

- Всё же ви, товарищ Бэрия, слишком устали. Пожалуй, вас стоит освободить от части нагрузок. Подготовите приказ о назначении нового

наркома Внутренних Дел.

Тихий вздох удивления прошелестел по рядам Ставки.

- Приказ готов, - Нарком достал листочек, положил на стол.

Хозяин кивнул.

- На сегодняя, думаю, всё!

В состоянии лёгкой прострации ответственные товарищи покидали кабинет, спеша поделиться новостью с доверенными и проверенными товарищами. Ещё бы - слетел всесильный Берия! Что твориться в стране! Из-за какого-то полковника снимают Берию! Это что же за полковник был? Надо разобраться!

Почти никто не заметил, что в кабинете остались и сам Берия, и новый нарком НКВД.

- Докладывай, - от акцентов не осталось и следа.

- Он вышел на связь, - доложил вновь назначенный нарком.

- Каким образом?

- Резервный канал. Координаты знал только приставленный нами к нему боец.

Хозяин кабинета открыл красную папку:

- Лунёв?

- Так точно, товарищ Сталин. Лунёв до конца выполнил свой долг. По характеру повреждений на его теле можно судить, что он собой прикрыл кого-то. Смерть Лунёва не была мгновенной, он успел сообщить Кузьмину частоты связи.

- Что Кузьмин сообщил?

- Он представился Дартом Вейдером и сообщил, что у него гости с гостинцами.

- Дарт Вейдер? Это из тех сказок, которыми он развлекал своих попутчиков?

- Так точно, товарищ Сталин.

- Что за "гости"? Какие "гостинцы"?

- Вот текст сообщения. 39 человек, 3 - с "насморком", 3 ящика. Предполагаем - "насморк" - раненные, ящики - бронетехника. Свои танки Кузьмин часто называл "коробочками".

- Всё же он нашёл!

- Я же тебе говорил! - включился в разговор Берия.

Хозяин задумчиво подошёл к карте. Накрыв ладонью место, откуда вышел на связь этот странный монархист. Ладонь накрыла и область испытания противником нового сверхмощного боеприпаса. Не Данилова ли это след? Да уж, Данилов в тылу врага ведёт себя, как слон в посудной

лавке - издали видно и слышно, как и где он прошёл. Что это был за взрыв? Где он добыл новый "доспех"? Командир партизанского отряда - проверенный товарищ, он не стал бы докладывать в Центр пьяный бред. А кто это ещё может быть? Прийти на помощь людям, наврать целую библиотеку сказок, красоваться в необычной форме и увести за собой погоню как раз в район выхода на связь. Что в этот раз он нашёл там? Какими трудными решениями обернутся его "гостинцы"? На что опять должен будет пойти товарищ Сталин, чтобы не случилось непоправимого.

Хозяин этого кабинета уже давно называл самого себя от 3-го лица.

Но, пауза затянулась. Время. Время. Какие же ещё пакости ты готовишь нам?

- Оставьте документы. Завтра мне представите план мероприятий по эвакуации техники и людей с территории, занятой врагом. Надеюсь, про режимы соблюдения тайны и дезинформации вам не надо напоминать? Ви - нэ Бэрия, ви - отставкой не отделаетесь! Можете быть свободны, - разрешил Хозяин новому наркому.

Когда два южанина остались вдвоём, они оба устало опустились в кресла.

- У него получилось, Коба.

- Это только начало. Только начало. Надо очень сильно постараться, чтобы Великая Отечественная не стала Мировой.

- И всё же - обидно. Ты меня прилюдно унизил.

- Потерпишь. Ты знаешь - так надо. Ты свою судьбу забыл? Расстрела хочешь сразу же, как меня не станет? Всё! Обиды свои засунь знаешь куда? Подсказать?

- Не надо.

- Соберись, работа только начинается! Немцу мы уже не дались. Считай, одолели. Осталось мир после Победы не просрать! Холодная война должна стать Ледяной. Мы не должны дать нашим и чужим паразитам ни единого шанса на развал Союза. Не должны! Данилов нам подсказал путь, сам того не зная. Начинается работа над ошибками. Работаем! Время. Оно - не ждёт! И всегда играет не за нас.

Конец 3-й книги. Окончание следует...

Ноябрь 2015г.